THE YEAR'S BEST

ЛУЧШЕЕ ЗА ГОД 2006

НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА
КОСМИЧЕСКИЙ БОЕВИК
КИБЕРПАНК

Джон ГАРРИСОН,
Стивен БАКСТЕР, Кейдж БЕЙКЕР,
Вернор ВИНДЖ, Питер ГАМИЛЬТОН
и многие другие

Под редакцией Гарднера Дозуа

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Новая антология мировой научной фантастики под редакцией Гарднера Дозуа представляет лучшие образцы жанра. Впервые на русском языке!

Для тех, кто готов покорять бескрайние просторы Вселенной и не боится заблудиться в закоулках виртуальной реальности, Питер Ф. Гамильтон и Вернор Виндж, М. Джон Гаррисон и Кейдж Бейкер, Стивен Бакстер и Пол Ди Филиппо, а также многие другие предлагают свои творения, завоевавшие славу по всему миру. Двадцать восемь блистательных произведений, которые не оставят равнодушными истинных ценителей — «Science Fiction».

- Лучшее за год 2006: Научная фантастика, космический боевик, киберпанк
  - Пэт Мерфи
  - Бенджамин Розенбаум
  -
  - Дэвид Моулз
  - Кристофер Роуи
  - Нэнси Кресс
    -
    - 1. Корабль
    - 2. Зонд
    - 3. Корабль
    - 4. Зонд
    - 5. Корабль
    - 6. Зонд
    - 7. Корабль
    - 8. Зонд
    - 9. Корабль
    - 10. Зонд
    - 11. Корабль
    - 12. Зонд
    - 13. Корабль
    - 14. Зонд
    - 15. Корабль
    - 16. Зонд
  - Паоло Бачигалупи
  - Майкл Ф. Флинн
  - М. Джон Гаррисон
  - Терри Биссон
  - Джеймс Патрик Келли

-
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8

- Кейдж Бейкер
-
- Вернор Виндж
- Мэри Розенблюм
- Вандана Сингх
- Альберт Э. Коудрей
  -
  - ПУНКТ (1)
  - ПУНКТ (2)
  - ПУНКТ (3)
  - ПУНКТ (4)
  - ПУНКТ (5)
  - ПУНКТ (6)
  - ПУНКТ (7)
  - ПУНКТ (8)
  - ПУНКТ (9)
  - ПУНКТ (10)
  - ПУНКТ (11)
  - ПУНКТ (12)
  - ПУНКТ (13)
  - ПУНКТ (14)
  - ПУНКТ (15)
  - ПУНКТ (16)
  - ПУНКТ (17)
  - ПУНКТ (18)
  - ПУНКТ (19)
  - ПУНКТ (20)
  - ПУНКТ (21)
  - ПУНКТ (22)
  - ПУНКТ (23)
  - ПУНКТ (24)
  - ПУНКТ (25)
  - ПУНКТ (26)
  - ПУНКТ (27)
  - ПУНКТ (28)

        - ПУНКТ (29)
        - ПУНКТ (30)
        - ЗАКЛЮЧЕНИЕ И СУДЕБНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ
    - Уильям Сандерс
    - Дэниэл Абрахам
    - Колин П. Дэйвис
    - Стивен Бакстер
    - Кэйтлин Р. Кирнан
    - Брендан Дюбуа
    - Роберт Рид
    - Джеймс Л. Камбиас
    - Элеанор Арнасон
    - Питер Ф. Гамильтон
    - Пол Ди Филиппо
    - Пол Мелко
    - Уолтер Йон Уильямс
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27

- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71

○ 72

Лучшее за год 2006: Научная фантастика, космический боевик, киберпанк

Пэт Мерфи
Неадекватное поведение

Нижеследующий рассказ подтверждает, что фраза из старого фильма «Вся беда в том, что мы не умеем общаться»[1] и в будущем останется актуальной, несмотря на высокие технологии и развитие систем связи, а может, именно из-за этого.

Пэт Мерфи живет в Сан-Франциско, где работает в музее «Эксплораториум»[2] и издает одноименный ежеквартальный журнал. Ее высокохудожественные, увлекательные рассказы начали появляться в 80-е годы и до сих пор печатаются в «Asimov's Science Fiction», «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», «Sci fiction», «Elsewhere», «Amazing», «Universe», «Shadows», «Lethal Kisses», «Event Horizon», «Full Spectrum» и прочих. Рассказ «Влюбленная Рейчел» («Rachel in Love»), самый известный из написанных в 80-е годы, был награжден премией «Небьюла», премией имени Теодора Старджона и премией журнала «Asimov's» в 1988 г.; роман «Падающая женщина» («The Falling Woman») принес Пэт Мерфи вторую премию «Небьюла» (тоже в 1988 г.). Позднее за повесть «Кости» («Bones») она получила Всемирную премию фэнтези, а за сборник «Точки отсчета» («Points of Departure») — премию Филипа К. Дика. Рассказы Пэт Мерфи печатались в ежегодных сборниках «The Year's Best Science Fiction». Кроме того, из-под ее пера вышли следующие книги: «Охотник за тенями» («The Shadow Hunter»), «Город немного времени спустя» («The City, Not Long After»), «Надя: Хроники Волка» («Nadya: The Wolf Chronicles»), «Туда и снова обратно. Автор Макс Мерривелл» («There and Back Again: by Max Merriwell»). Недавно появился новый роман «Дикий ангел. Автор Мэри Максвелл» («Wild Angel, by Mary Maxwell»). Вместе с Полом Догерти она пишет научные статьи в «The Magazine of Fantasy & Science Fiction».

Робот

На песке спал человек.

Он не должен был тут находиться. Остров принадлежал мне. Я как раз вернулась к своему роботу, и мне пора было приниматься за работу. Человека здесь быть не должно.

Я внимательно разглядывала человека глазами своего робота. Отличная оптика. Прекрасная видимость под водой даже на глубине полутора тысяч метров. Я настроила резкость на расстояние от двух дюймов до пяти футов. Дальше мир превращался в одно расплывчатое пятно тропического солнца и ярких красок. Так мне нравилось.

Накануне ночью бушевал шторм. Ветром повалило кокосовую пальму, берег был покрыт огромными листьями, кокосами, обломками древесины.

Человек выглядел очень плохо. На одной щеке у него была глубокая кровавая царапина, похожие царапины виднелись на руках и ногах, короткие каштановые волосы выпачканы в крови. На правой ноге красовались багровые и зеленоватые синяки. Одет человек был в оранжевый спасательный жилет, футболку, шорты и парусиновые кеды.

Вот он пошевелился во сне и слегка вздохнул. Потрясенная, я направила робота назад и остановилась в нескольких футах от лежащего на песке мужчины.

Робот был оснащен динамиком. Я попробовала звук, он был немного неестественный. Интересно, что мне сказать?

Мужчина снова пошевелился, поднял руку и потер глаза, потом медленно перевернулся.

— Бонжур, — выдавила я через динамик.

Возможно, этот человек с одного из островов Французской Полинезии.

Человек

Его разбудил звук — механический и пронзительный.

Эван Коллинз чувствовал на лице горячее тропическое солнце, под руками — теплый песок. Голова болела, во рту пересохло, в правой ноге пульсировала тупая боль.

Эван поднял руку и потер глаза, дотронулся до покрытой песком царапины на щеке и поморщился. Потом перевернулся на спину, и боль в ноге пронзила его словно кинжалом.

Он смахнул слезы с глаз, поднял голову и уставился на ногу. Лодыжка была разодрана в кровь о коралловые рифы и покрыта фиолетово-зелеными синяками, что говорило о наличии скрытых повреждений. Он еще раз попытался пошевелить ногой и чуть не задохнулся от боли.

И снова услышал тот самый звук: механический, дребезжащий, словно шум радио. Он повернулся на звук; солнце слепило глаза, голова раскалывалась. Его внимательно рассматривал огромный таракан с фасеточными глазами.

Существо было как минимум три фута длиной, с отвратительными мандибулами. Спинной щиток блестел на солнце, сам таракан, не двигаясь, смотрел на человека.

Потом снова издал механический, дребезжащий звук. На этот раз вслед за звуком раздался скрипучий голос:

— Бонжур.

Мужчина два года изучал: французский в старших классах, но абсолютно ничего не мог вспомнить. Наверное, все это ему снится, решил он и закрыл глаза.

— Вы говорите по-английски? — вновь зазвучал скрипучий голос.

Мужчина открыл глаза. Таракан стоял на прежнем месте.

— Да, — еле выдавил сквозь пересохшие губы мужчина.

— Вам не следует здесь находиться, — продолжал скрипучий голос. — Что вы тут делаете?

Мужчина осмотрелся, пытаясь понять, что же происходит. Песок на пляже был ослепительно белым, такого цвета бывают только измельченные кораллы. С одной стороны находились заросли мангровых деревьев. Дальше от воды росли пальмы. Вода в лагуне была лазурного оттенка, как и полагается в тропиках; немного бледнее в том месте, где коралловые рифы поднимались почти до поверхности воды, и темнее на глубине. Примерно в ста ярдах от берега мужчина разглядел торчащий из воды парус лодки. Его лодки.

Он вспомнил: он направлялся на острова Кука, но по дороге его застал шторм. Пытаясь обогнать ветер, он направил лодку к небольшому острову — безымянной точке на морской карте. Ему удалось обойти рифы и завести лодку в лагуну, но тут огромная волна нагнала его и разбила лодку об одну из скал. От удара его выбросило за борт на риф. Как сломал ногу и, невзирая на отлив, все же выбрался на берег, он уже не помнил.

— Пить, — выдавил он снова сквозь спекшиеся, сухие губы. — Пить, пить. Пожалуйста, помогите мне.

Он закрыл глаза от нещадного солнца и услышал металлический звук — таракан уходил прочь. Мужчина подумал, что чудище оставляет его на верную смерть.

Но спустя несколько минут он снова услышал тот же звук — таракан возвращался. Мужчина открыл глаза. Рядом стоял таракан, крепко сжимая в своих мандибулах кокосовый орех. Мужчина продолжал наблюдать за ним, а тот напрягся и

проткнул скорлупу ореха острыми мандибулами. Два аккуратных отверстия.

Держа орех, таракан приблизился к мужчине, и только тогда раскрыл мандибулы и выронил кокос на землю. На песок вылилась тонкая струйка молока.

— Можешь пить, — сказал таракан.

Мужчина взял кокос, прижал губы к одному из отверстий и запрокинул голову. Молоко было теплым, сладким. Мужчина, жадно пил.

Когда он закончил, таракан уже принес еще один кокос. Так же проделал отверстия и опустил на песок.

Таракан принес еще два кокоса, аккуратно продырявил и их и уложил на песок рядом с Званом. Потом он внимательно смотрел, как Эван пьет.

— По-моему, у меня сломана нога, — пробормотал Эван.

Таракан молчал.

Мужчина закрыл глаза. Давным-давно, будучи еще студентом, он изучал психологию, в том числе психологические аспекты чрезвычайных ситуаций и катастроф. Лекции читал приезжий лектор, который сам работал в спасательных командах; он рассказывал студентам, что люди чудом умудряются оставаться в живых даже в самых критических ситуациях. При этом очень важное значение имеет внутренний настрой самих людей, их отношение к происходящему. Самое главное, чтобы люди не сдавались, а делали все, что в их силах. «Понемногу, — говорил тогда лектор. — Только такое отношение поможет в трудном положении. Не пытаться сразу найти ответы на все вопросы. Не пытаться двигаться вперед семимильными скачками, идти тихонько, дюйм за дюймом — вот в чем секрет».

Эван представил, что же он может такого сделать, чтобы помочь самому себе.

— Мне нельзя оставаться на солнце, — пробормотал он. — Еще мне нужна еда, вода, медикаменты.

Сделать надо было очень многое. Надо придумать, как наложить на ногу шину, из чего ее сделать, как подать сигнал бедствия. Обязательно нужна вода. И многое другое.

Он заснул.

Робот

На глубине было так спокойно. Сверху, сквозь толщу воды пробивался тусклый голубоватый свет. Меня окружал мир всех оттенков голубого — от темного до самого светлого. Мне очень

нравилось находиться на дне океана.

Человека я оставила лежащим на песке. Но сначала я помогла, чем могла. Я всегда стараюсь всем помогать.

Он сказал, что его нельзя оставлять на солнце. Я собрала на берегу большие пальмовые листья и воткнула их в песок, чтобы устроить ему тень. Еще он сказал, что ему нужна пища, вода и медикаменты. Я добралась до его лодки, нашла какие-то консервные банки с едой, открывашку для банок, бутыли с водой и аптечку первой помощи. Все это я отнесла человеку и оставила на песке рядом с ним.

Только потом я отправилась на глубину. Мне нужно работать.

При ходьбе я высоко поднимала ноги и двигалась медленно, чтобы не взбаламутить донный ил. Температурные сенсоры проверяли подводные течения; там, где вода выходила из вулканических трещин, она была теплая. Химические сенсоры брали пробы воды; она отдавала сульфидами — привычный запах плесени.

По илу я аккуратно направлялась к своему любимому месту. Здесь ила уже не было, тут на поверхность вышла каменистая поверхность океанского дна. В том месте, где по гидротермальной шахте из недр земли поднималась теплая вода, торчала высокая труба. За многие столетия горячая вода выносила наверх отложения сульфидов меди, цинка, свинца, золота, серебра и других металлов, они и сформировали естественную трубу.

Неподалеку от этого места горнодобывающая компания искала золото. Они шли по богатой жиле руды, пока та не закончилась, и только тогда сдались. Я обследовала отвалы, но потом нашла намного более многообещающее место у трубы. Последние несколько раз я внимательно изучала трубу, отламывала от нее большие куски. Теперь можно заняться моим любимым делом — изучить эти обломки. Я проверила каждый кусок с помощью химических сенсоров, нашла те, в которых было максимальное содержание золота и серебра, и сложила эти куски отдельно.

Работа мне нравилась. И я прекрасно с ней справлялась. Дома я тоже всегда любила сортировать вещи, например, раскладывала книги по цвету обложек: красные на одну полку, голубые и синие на другую, черные на третью.

Я работала до тех пор, пока свет совсем не потускнел. Это означало, что солнце почти село. Тогда я выбрала лучший обломок, захватила его мандибулами и направилась назад к острову.

Поднялась по длинному пологому склону и оказалась на мелководье, где громоздились коралловые рифы. Тут под ногами

лежало песчаное дно, поэтому можно было идти быстрее. Надо мной проплывали стайки разноцветных рыб. Заметив меня, они метнулись в стороны. «Как быстро они плавают», — подумала я. Мне самой больше нравилось на глубине. Я прошла мимо лодки мужчины, которую, как тисками, зажало между двумя коралловыми рифами.

Я вышла из воды в том месте, где росли мангровые деревья. При моем появлении крабы бегом ринулись к своим песчаным норкам.

Я положила обломок у одной из нор. В первый же свой день на острове я успела заметить, что все крабы стремились занять нору, которую один из них вырыл неподалеку от лежавшего на берегу камня. И после этого стала приносить с глубины камни для крабов.

Я уже успела принести тридцать два камня. Ровно столько дней я живу на этом острове и каждый день приношу крабам по камню. Я стараюсь помогать им. Мне казалось, что принося камни, я делаю им доброе дело.

Если бы на острове не появился человек, я осталась бы на берегу и дождалась, пока крабы снова не вылезут из своих нор. Мне нравилось наблюдать за крабами. Но теперь мне хотелось посмотреть, что делает человек, и я не стала задерживаться.

Я пошла по берегу к тому месту, где оставила его. Но там его не оказалось. Я видела оставленный им след на песке — он полз, волоча поврежденную ногу.

Я направилась по следу. Мужчина спал в тени пальмового дерева. В качестве подушки он подложил под голову спасательный жилет. Бутыли с водой, консервные банки и аптечку он завернул в футболку и притащил все с собой.

Он беспокойно пошевелился во сне. А потом открыл глаза и уставился на меня. Дикий, странный взгляд.

Человек

Эван Коллинз проснулся и обнаружил рядом с собой на песке пластиковые бутыли с водой, шесть консервных банок тунца, консервный нож и аптечку со своей лодки. Он наложил на поврежденную ногу шину на липучке, которую нашел в аптечке, съел одну банку консервов и выпил квартовую бутылку воды, потом отполз в тень пальмового дерева и принял две обезболивающие таблетки. Боль прошла, но зато теперь он чувствовал себя словно пьяным.

В тени пальмы он заснул. А когда проснулся, то рядом снова

стоял огромный таракан.

Эван глотнул воды из бутыли и, прищурившись, посмотрел на чудовище. Теперь он ясно видел, что перед ним робот, машина. Щиток сделан из блестящей стали. Он легко мог разглядеть механические суставы ног. На стальном щитке имелась трафаретная надпись: «„Атлантис“: бурение скважин и подъем затонувших судов».

Конечно. Теперь все понятно. Перед ним робот, который предназначен для подводных работ. Человек управляет механическим тараканом дистанционно. Он видел описания подобных систем на ежегодной выставке инженерного факультета.

— Ты работаешь на горнодобывающую компанию «Атлантис», — проговорил он. — И доложил им, что нашел меня на острове.

Таракан молчал. Эван представил себе человека, управляющего роботом, — эдакий мрачный, очень серьезный работяга, вроде тех парней, что работают на нефтяных вышках. Лишенный фантазии и прозаичный.

— Когда прибудут спасатели? — спросил Эван.

— Не знаю, — ответил таракан. — Хочешь кокос?

Эван уставился на робота.

— Кокос? Да, но…

Таракан повернулся к нему спиной и направился к кокосовым пальмам. Там он подобрал один кокос, вернулся к Эвану, проделал отверстия в скорлупе и кинул орех на песок.

— Спасибо. — Эван с удовольствием выпил кокосовое молоко.

— Всегда пожалуйста, — ответил таракан.

Эван внимательно осмотрел робота. Ему очень хотелось увидеть лицо человека, управляющего этим механизмом. Этот человек теперь единственное, что связывает его с внешним миром. Он еще ничего не сообщил о компании «Атлантис» и об их реакции на появление Эвана.

— Что сказали твои начальники, когда узнали, что я тут? — снова спросил Эван.

— У меня нет начальников, — ответил таракан.

— О'кей, — медленно проговорил Эван. Его знобило и немного кружилась голова, разговор с чудищем зашел в тупик. — Но ты ведь кому-то сообщил, что нашел меня здесь?

— Нет, — ответил таракан, помолчал и добавил: — Я собираюсь выйти на связь с доктором Родесом. Хочешь, чтобы он знал?

По ровному, механическому голосу нельзя было судить о том,

что чувствует человек, который это говорит. Эван, с трудом сдерживаясь, чтобы не крикнуть, ответил:

— Да. Когда связь?

— Сегодня вечером.

— Отлично, — проговорил Эван. — Ты скажешь ему, что у меня сломана нога и что мне нужна медицинская помощь?

Он оглядел бутыли с водой и консервы — оставалось полторы бутыли воды и пять банок тунца. Надолго этого не хватит.

— Да. Хочешь еще кокос? — спросил таракан.

Эван смотрел на бесстрастную металлическую личину чудовища, на его ограненные глаза. Эван Коллинз был антропологом, сейчас он находился в годичном научном отпуске изучал приветственные речи туземцев Океании, различия между разными островными группами и прочее. Отличный предлог, чтобы целый год провести в южной части Тихого океана. Как антрополог, он гордился своей способностью угадывать сокровенные черты характера людей. Но сейчас даже это ему не поможет. Еще кокос?

Нет, ему нужен не кокос, а спасательная команда. Нужно выудить из этого человека побольше информации.

— Знаешь, — медленно произнес Эван, — ведь я не представился. Меня зовут Эван. Эван Коллинз. А тебя?

— Анни, — ответил таракан.

Вот так-так. Совсем не то, что он себе представлял. Не какой-то там работяга, а женщина.

— Анни, — сказал Эван. — Красивое имя. Как давно ты работаешь на «Атлантис», Анни?

— Тридцать два дня, — ответил таракан.

Опять все не так, как представлял вначале Эван Коллинз. Новый работник, женщина — вряд ли она обладает большим влиянием.

— Тогда скажи мне, — продолжал он, — кто такой доктор Родес?

Таракан отступил на шаг назад и сказал:

— Я не хочу отвечать на вопросы.

— Тогда я не буду их задавать, — быстро проговорил Эван. Анни его единственная связь с миром. Он не хотел ее отпугивать. — Если хочешь, можешь задавать вопросы мне.

— Я не хочу задавать вопросы, — объявил таракан. — Я хочу, чтобы ты рассказал мне сказку.

Робот

У Эвана Коллинза так много вопросов. Он все спрашивает и спрашивает.

Мама всегда рассказывала мне сказку перед сном. Когда мама начинала задавать мне слишком много вопросов или о чем-нибудь меня бесконечно просила, я уговаривала ее рассказать мне сказку. Я собираю сказки, как камни.

— Какую сказку? — спросил Эван Коллинз.

Я вспомнила, что рассказывала мне мама, и ответила:

— Про Золушку.

— Ты хочешь, чтобы я рассказал тебе про Золушку?

— Да.

Он помедлил, и я уже подумала, что, возможно, он не знает эту сказку. Но вот он начал:

— Давным-давно…

«Давным-давно…», да, именно так начинаются все сказки. Давным-давно у Золушки умерла мать, а отец женился заново. У Золушки появились злая мачеха и две сводные сестры.

Мысленно я представила себе диаграмму, в которой поочередно возникают все герои сказки. Отец, мать и Золушка находились в вершинах некоего треугольника, между ними пролегали жирные линии. В вершинах второго треугольника стояли мачеха и две ее дочери. Еще одна жирная линия пролегла между отцом Золушки и ее мачехой. Такие мысленные картинки помогали мне уяснить взаимоотношения между людьми, которые иначе казались совершенно запутанными.

Мачеха и сводные сестры Золушки заставляли ее делать всю работу по дому, а ночью она спала на жесткой лавке в кухне. Мужчина сказал, что Золушка сильно грустила.

Я представила Золушку и эту лавку в кухне. Не уверена, что он прав. Днем в доме шумно и много народу, все смеются, разговаривают. Ночью в кухне должно быть темно и спокойно — просто прелесть. Если для того, чтобы тебя оставили в покое, нужно называться Золушкой, я согласна.

Но вот принц решил устроить бал и пригласить на него всех благородных женщин и девушек королевства. В сказках всегда устраивают балы. Они все нейротипичны, это уж точно. Все время должны быть окружены людьми, собираются вместе, беседуют, постоянно только и думают о том, что устанавливают социальную иерархию и потом защищают ее.

То же самое, что в начальной школе. Я не сразу это поняла, но все эти игры на площадке имели одну цель — определить, кто станет главным.

Меня не волновало, кто будет главным, и я не хотела принимать участие в их играх. Поэтому сидела сама по себе и

разглядывала камни, из которых была сложена стена, окружавшая площадку. Стена была старой, сложенной из интересных, необычных камней самой разнообразной расцветки. В некоторых видны были прожилки слюды. У меня уже была к тому времени коллекция камней, и я представляла, как будут смотреться в ней камни из этой стены.

Поэтому и я считала, что Золушке тоже не хотелось на бал, но мужчина настаивал, что она хотела туда поехать. Однако она не могла этого сделать, потому что ей нечего было надеть.

Я не понимала, почему отсутствие соответствующей одежды могло помешать ей поехать на бал. Еще одно правило этих невротиков, которое я отказывалась понимать. Они хотели, чтобы все люди выглядели одинаково и вели себя тоже одинаково.

В школе учительница все время пыталась заставить меня играть с другими детьми, даже когда я объяснила ей, что вместо этого хочу изучать камни. Она настаивала, что я должна вести себя так же, как другие дети, и принимать участие в их играх. Нейротипичные люди все время считают, что все остальные должны вести себя одинаково, должны соответствовать каким-то ими же придуманным стандартам.

Я очень обрадовалась, когда врач в конце концов установил, что я не отношусь к нейротипичным людям. Но разные специалисты по-разному называли мое состояние. Высокофункциональный аутизм, говорил один. Синдром Аспергера, настаивал другой. Общее расстройство развития, убеждал всех третий. Первый доктор сказал, что мое состояние это не диагноз, скорее, некий ярлык.

Но в любом случае все сходились во мнении, что со мной не все в порядке, я не была нейротипичным ребенком. Они объяснили моим родителям, что мой мозг отличается от мозга большинства остальных людей, а мое поведение — это результат не умственных нарушений, а неврологических отличий.

Одним из результатов такого моего состояния и явилось умение фокусироваться на одном определенном предмете, как, например, моя коллекция камней. Врачи говорили, что это называется персеверация — человек пытается сосредоточиться на чем-то одном, исключая при этом все остальное.

Нейротипичные люди считают, что если кто-то слишком много внимания уделяет камням, значит, он находится в состоянии персеверации. Но если уделять пристальное внимание другим людям, как это делают они сами, то все нормально. Я этого никак не могла понять. Не понимала, чем нехорош мой повышенный интерес к камням. Но была рада, что доктора поняли и признали то, что я сама уже давно знала. Я была не

такой, как все. Мама плакала, когда врачи сказали ей об этом. Почему — не знаю.

Так вот, мачеха и сводные сестры Золушки отправились на бал, а ее оставили дома. Но тут появилась крестная Золушки, которая была феей. Я и ее представила на своей мысленной диаграмме и провела жирную линию между нею и Золушкой.

Фея-крестная была, конечно, нейротипична. Она взмахнула волшебной палочкой, и Золушка получила золотое платье и хрустальные туфельки. Фея хотела, чтобы Золушку на балу приняли за свою и в то же время чтобы она оказалась лучше всех. Ее волновало положение Золушки в социальной иерархии, а это характерно для всех нейротипичных людей.

Фея сказала Золушке, что та должна уйти с бала до того, как часы пробьют полночь, — все просто. Гораздо проще всех остальных правил, которым следуют нейротипичные люди. Хорошо, что фея сразу сказала об этом Золушке. Обычно нейротипичные люди не говорили о правилах своей игры. Просто делали что-то свое, а потом, если я поступала иначе, они указывали мне, что я не права.

И Золушка отправилась на бал, а в полночь убежала оттуда и по дороге потеряла одну хрустальную туфельку. А потом принц разыскал Золушку, примерил ей туфельку, она пришлась впору, и принц сказал, что возьмет Золушку в жены. Мужчина утверждал, что Золушка очень обрадовалась. Я помню, что мама говорила то же самое, когда рассказывала мне эту сказку. Но я представляла тихую кухню, скамью, на которой Золушку никто не тревожил, и была уверена, что Эван Коллинз и тут ошибается.

— Почему она рада и счастлива? — спросила я.

— Потому что ее полюбил принц. И потому что она теперь станет принцессой.

Так может ответить только нейротипичный человек. Золушка счастлива из-за своих отношений с другим человеком и из-за нового положения в социальной иерархии. Если бы Золушка была нейротипична, она, конечно, была бы счастлива. Но я считаю, что она не нейротипична. А раз так, то и радоваться ей нечего. Принц захочет, чтобы она все время присутствовала на балах и наряжалась в красивые наряды. А ей больше нравится тихая, спокойная кухня. Так думала я.

— Мне кажется, она не рада, — промолвила я и отвернулась.

Мне нужно идти на встречу с доктором Родесом.

Я спешила в сторону домика подзарядки — невысокой металлической конструкции, в которой только-только мог поместиться мой робот. На крыше были установлены солнечные панели, они преобразовывали солнечный свет в электрическую

энергию, которая потом хранилась в аккумуляторах внутри домика. По ночам я возвращалась в свое физическое тело, а робота оставляла на подзарядку.

Я аккуратно завела робота в домик задним ходом так, чтобы вилки зарядного устройства попали в гнезда на корпусе робота. После этого я неохотно вернулась в свое физическое тело, спавшее в резервуаре сенсорной депривации, лишенное всякой чувствительности.

Мне не нравилось мое физическое тело. Когда я находилась внутри робота, то могла регулировать многие ощущения. Если окружающий свет был слишком ярким, я могла снизить чувствительность моих зрительных рецепторов и тем самым уменьшить интенсивность света. Если звук казался мне слишком громким, я могла временно отключить слуховые рецепторы.

Возможности физического тела были намного более ограниченными. Я впустила сознание в физическое тело и начала слышать ритмичное жужжание насоса, который подавал жидкость в мой резервуар. Доктор Родес говорил мне, что это самый тихий насос из всех доступных, но, на мой взгляд, он был достаточно шумным, я ощущала его вибрации костным мозгом.

Сейчас я плаваю в маленьком море. Вода, поддерживающая мое тело, насыщена сульфатом магния и в пять раз выше по плотности, чем морская вода. По температуре она точно соответствовала температуре моего тела. Через внутривенную капельницу в мое тело поступали все питательные вещества, моча выводилась посредством катетера.

Я спала тут каждую ночь, а робот тем временем заряжался. Я могла при желании вылезти из сенсорного резервуара и сходить в гимнастический зал или в кафетерий, но обычно я никуда не ходила.

Я думала о человеке на берегу. Вспомнила, что Эван Коллинз просил меня рассказать о нем доктору Родесу. Иногда я быстро забываю разные вещи. Доктор Родес говорит, что у меня плохо развита кратковременная память. Но сейчас я вспомнила, что должна рассказать доктору Родесу об Эване Коллинзе и его сломанной ноге.

Я протянула руку, чтобы нажать на кнопку вызова сиделки. Пришлось преодолевать сопротивление воды, ощущение не из приятных. Потом я услышала дребезжание и лязг открываемого люка, который находился в одной из боковых стенок резервуара. Внутрь ворвался свет. Я сощурилась, а сиделка сняла с моей головы электроды.

Это была женщина с круглым лицом и темными волосами. Она что-то говорила мне.

— Ты меня помнишь, Анни? Меня зовут Кири. — Она улыбнулась, я кивнула в ответ, но улыбаться не стала. С меня и так уже было довольно, слишком много общения.

Сиделка помогла мне выбраться из резервуара, протянула полотенце и халат, но я продолжала молчать. Я знала, что она ждет, чтобы я завернулась в халат, но мне так этого не хотелось. Меня раздражало прикосновение к телу любого материала. С большой неохотой я все же надела халат. Босые ноги чувствовали прохладу бетонного пола.

Всегда, чтобы пообщаться с доктором Родесом, я возвращалась в свое физическое тело и всегда чувствовала себя при этом очень странно. Тело было тяжелым и неуклюжим, руки меня не слушались, так что даже надеть халат было довольно трудно. Кири дала мне стакан воды. Когда я выходила из резервуара, мне всегда хотелось пить.

На острове я была сильной. Мой робот мог мандибулами расщеплять кокосовые орехи, мог ходить по дну океана.

В физическом теле я была маленькой девочкой, худенькой двенадцатилётней девочкой. Моя мама была библиотекарем, папа — программистом. Он звал меня Маленький профессор. Я была частью программы, которую доктор Родес называл «терапевтическим вмешательством».

Мне больше нравилось находиться в роботе.

Из коридора донеслись голоса, люди смеялись и разговаривали друг с другом, кто-то шел по холлу. Обутые в кроссовки люди направлялись в кафетерий, в гимнастический зал, в спальные комнаты. Там они спят в настоящих кроватях. Все эти люди работают на горнодобывающую компанию «Атлантис». Они не являются частью экспериментальной программы. Все они обычные нейротипичные люди.

Кири провела меня по холлу.

— Мы идем не в ту сторону, — сказала я, когда мы свернули по коридору налево.

Кабинет доктора Родеса был направо.

— Сегодня мы идем в другой кабинет, — ответила она.

В этом другом кабинете на потолке жужжали лампы дневного света. Я видела, как они мигают. Когда-то папа говорил мне, что лампы дневного света мигают шестьдесят раз в секунду, потому что электрический ток шестьдесят раз в секунду меняет свое направление. Еще он сказал мне тогда, что большинство людей этого не замечает. Сам он замечал, но его это не раздражало.

А меня раздражало.

Я закрыла глаза, чтобы не видеть, как мигают лампы, но от шума никуда не деться. Лампы жужжат словно пчелы, словно

надо мной проплывает стайка ярких рыбок, как тогда, когда я поднималась со дна океана.

Я слышала, как повернулась дверная ручка, а когда открыла глаза, передо мной стоял доктор Родес. Он был высоким мужчиной с коричневыми волосами, всегда в белом халате.

— Привет, Анни, — сказал он. — Рад тебя видеть.

— Я тоже, доктор Родес, — ответила я.

Доктор Родес научил меня, что на приветствие людей полагается отвечать так же. Он улыбнулся.

Я закрыла глаза и сказала ему с закрытыми глазами:

— Мне нужно вам кое-что сообщить. На берегу…

— Погоди, Анни, — прервал он. — Почему ты закрыла глаза?

— Мне не нравятся эти лампы, — ответила я. — Они мигают и жужжат.

— А если не закрывать глаза, как еще ты могла бы забыть про них? — спросил он.

Я начала раскачиваться, меня это всегда успокаивало и отвлекало от внешних раздражителей. Правой рукой я обхватила левый локоть и сжимала его в ритм раскачиваниям. Это тоже очень помогало.

— Хочешь, я выключу свет, Анни? — спросил он, и неожиданно ужасное жужжание прекратилось. В комнате стало совсем тихо, если не считать слабого шума кондиционера. Словно кто-то скребет малюсенькими коготками по камню.

— Открой глаза, Анни, — попросил доктор Родес.

Я открыла глаза. Свет в комнату проникал через открытую дверь из холла и еще через окно. Лампы в холле тоже мигали, но они были далеко и не так раздражали меня.

— Молодчина, — сказал доктор Родес. — Так что ты хотела мне рассказать?

Шум кондиционера усилился. Коготков стало больше, и все они скребли по камню. Это напоминало мне те ощущения, которые я испытывала от соприкосновения кожи с махровым халатом. Все кругом скребется, скребется, скребется. На секунду я забыла, что должна была сказать ему, я вся сосредоточилась на халате и своей коже, на шуме кондиционера.

Но забывать было нельзя. Я продолжала раскачиваться, а тем временем припоминала все подробности, которые могла рассказать доктору Родесу. Так трудно выбрать, что нужно говорить, что нет; все казалось мне важным, а шум кондиционера мешал сосредоточиться. Я вспомнила лодку мужчины, пробоину в ее корпусе, вспомнила самого мужчину, он лежал на песке и рассказывал мне о Золушке.

— Вы знаете сказку о Золушке? — спросила я у доктора

Родеса. Я смотрела на руки и пыталась сосредоточиться.

— Да, Анни, знаю.

— Ну так вот, на моем острове…

— Ты можешь смотреть на меня, когда говоришь, Анни? — спросил доктор Родес. Говорил он тихо, из-за кондиционера я едва-едва слышала его.

— Я хотела сказать вам, что на моем острове… — сказала я громким голосом, чтобы он меня услышал наверняка, но не смотрела на него. Я вся сосредоточилась на том, что мне нужно сказать.

— Смотри на меня, Анни. Помни, ты должна вести себя адекватно.

Я посмотрела на него.

— Хорошо, — промолвил он. — Когда люди смотрят друг другу в глаза, это считается адекватным поведением.

Я смотрела на доктора Родеса, губы у него шевелились, и это настолько отвлекало меня, что я уже забыла о том, что должна сказать. Я снова перевела взгляд на свои руки, тут же вспомнила, что должна смотреть в глаза тому, с кем говорю, и поспешно взглянула на доктора Родеса.

— Ты умница, Анни, — похвалил он меня.

Хотя сам он не все время смотрел мне в глаза, постоянно переводил взгляд с одного предмета на другой — то смотрел на меня, то вверх или вниз, потом снова на меня. Брови у него тоже при этом двигались, мне трудно было смотреть на все это, но я знала, что он хочет, чтобы я смотрела на него. И хотя я не могла одновременно смотреть на него и думать, я все же делала так, как он требовал. Мне так хотелось снова оказаться в своем роботе, чтобы просто отключить визуальные рецепторы. Я даже пыталась расфокусировать взгляд, но все равно передо мной стояли его движущиеся брови.

Именно так нейротипичные люди разговаривают друг с другом. Они смотрят друг на друга, потом переводят взгляд на что-то другое. Если я буду неотрывно смотреть на доктора Родеса, он скажет мне, что это неприлично. Нейротипичные люди не пялятся друг на друга, они смотрят. Все это так сложно, словно танцуешь какой-то запутанный танец. Посмотри наверх, в сторону, улыбнись, моргни — все это для них очень существенно.

Но я этот танец не понимала. Я спрашивала маму, зачем люди смотрят друг на друга, но она не сумела мне этого объяснить. Она не смогла научить меня сложному танцу взглядов, которым пользовались нейротипичные люди. А доктор Родес хочет, чтобы я смотрела ему в глаза.

— Что ты хотела рассказать мне, Анни? — спросил доктор

Родес.

Я забыла, я следила за тем, как шевелились его губы, как двигались глаза.

— В последний раз ты рассказывала мне о крабах на берегу, — сказал он. — На берегу еще есть крабы?

— Да. — Я продолжала раскачиваться и думала о том, чтобы смотреть доктору в глаза.

— Можешь рассказать мне о крабах и смотреть при этом прямо на меня? — спросил доктор Родес.

Я попыталась. Мне удалось рассказать ему, что у некоторых крабов была одна большая красная клешня, которой они беспрестанно размахивали.

Доктор Родес пояснил мне, что это крабы-скрипачи, что у самцов крабов имеется большая красная клешня, с помощью которой они подзывают самок и отпугивают других самцов. Еще он рассказал, что изучал в университете биологию и много занимался именно крабами, а уж только потом стал детским неврологом.

Он расспрашивал меня о крабах, а я старалась на все ответить, хотя мне очень мешал шум кондиционера и то, что приходилось смотреть на подвижное лицо доктора.

Наконец он сказал, что мне пора идти в гимнастический зал, наша встреча закончена. В течение сорока пяти минут я занималась на тренажере, потом сорок пять минут плавала в бассейне, а затем вернулась в свой резервуар и проспала там всю ночь.

Доктор Родес

Ее отвлекали лампы на потолке. Он совсем позабыл о них. Обычно он встречался с Анни в своем кабинете, там секретарь заменил потолочные лампы дневного света на напольные лампы накаливания. Они давали более теплый, уютный свет. Но сегодня в его кабинете чинили кондиционер, и ему пришлось перенести встречу с Анни в один из конференц-залов компании «Атлантис».

И все же он считал, что его оплошность помогла ему в данном случае кое-чему научить Анни. Он дал ей возможность ясно высказать то, что она чувствовала.

Ему казалось, что проект идет успешно. В течение последующего месяца он проведет оценку того, как время, проведенное Анни в одиночестве в теле робота, сказалось на ее способности взаимодействовать с людьми, находясь в собственном физическом теле. Он был доволен тем, что Эрик

Вестерман, президент компании «Атлантис», предоставил ему возможность изучить терапевтический потенциал телеприсутствия.

Жаль, что шторм уничтожил камеры, с помощью которых он обычно наблюдал за всеми действиями Анни на острове. Он уже подал две заявки на ремонт камер ответственному за оборудование на острове, но пока не получил никакого ответа. Но даже такой пробел данных не помешает дальнейшему ходу эксперимента. Гораздо важнее учет изменений в поведении Анни во время их терапевтических встреч. Сегодняшняя встреча была, несомненно, успешной.

Робот

Я снова в своем роботе и поэтому очень счастлива. Я открыла глаза с первыми лучами тропического солнца и вышла из домика подзарядки. Только увидев на берегу Эвана Коллинза, я поняла, что забыла рассказать о нем доктору Родесу. Я честно пыталась, но у меня ничего не получилось.

Мужчина спал, положив голову на свой оранжевый спасательный жилет. Выглядел он неважно. Пораненная щека раздулась и покраснела. Все тело было покрыто красными пятнами, это его покусали песочные блошки. Он расчесал укусы до крови. Во сне он обхватил себя руками, словно пытался согреться, но все равно дрожал от холода.

Бутыли с водой, которые я принесла ему из лодки, лежали пустые на песке. Я принесла ему кокос, проделала отверстия в скорлупе своими мандибулами. Так ему хоть будет что попить.

А потом отправилась работать, сортировать свои камни. Но я не переставала думать о мужчине. Мысли о нем настолько поглотили меня, что на обратном пути на остров я даже забыла взять камень для крабов.

Когда я вернулась, он глазами сидел в тени под пальмой. Глаза его были открыты и под ними залегли темные круги.

— Анни, — сказал он хриплым голосом. — Я очень хочу пить. Мне нужна вода.

Я взглянула на пустые бутыли на песке и ответила:

— С лодки я принесла все.

— А на острове есть пресная вода? — задыхаясь, спросил он.

— Нет. — Роботу пресная вода не нужна. — Хочешь кокос?

— Ладно. Давай кокос.

Я не сразу нашла кокос, пришлось поискать. Все, что лежали поблизости, он уже выпил. Но я все же нашла кокос, принесла его

мужчине и проделала отверстия в скорлупе. Он жадно выпил содержимое.

— Что сказал доктор Родес? — спросил он, закончив пить.

— Он сказал, что при разговоре полагается смотреть в глаза человеку, с которым разговариваешь. Это считается адекватным поведением.

— А насчет меня он что-нибудь говорил?

— Нет, — ответила я. Доктор Родес учил меня распознавать выражения лиц. Сейчас уголки рта у Эвана Коллинза опустились вниз, глаза были полузакрыты. Выглядел он совсем несчастным. И я спросила: — Хочешь еще кокос?

Человек

Эван Коллинз смотрел, как огромный таракан идет за кокосом по направлению к пальмам. Он с огромным трудом удержался, чтобы не наорать на таракана.

После обезболивающих таблеток он чувствовал себя как с похмелья. Его тошнило и очень хотелось пить, просто ужас как хотелось пить. Он знал, что ему нужна вода, много воды. Он еще ни разу не мочился с тех пор, как открыл глаза на этом острове, а это означало, что организм сильно обезвожен. Дегидратация — это верная смерть.

Но всего понемногу. Чтобы выжить, ему надо пить, еще нужно, чтобы его увезли отсюда. А для этого в первую очередь необходимо понять таракана Анни и доктора Родеса.

Таракан бросил на песок рядом с ним кокос с аккуратными дырочками в скорлупе.

— Спасибо, — осторожно поблагодарил Эван. Кокосовое молоко помогало немного утолить жажду, но его было недостаточно. — Спасибо, что носишь мне кокосы.

— Мама говорит, что надо помогать людям, — ответил таракан.

— Мне очень хочется пить, — сказал Эван. — Если я не напьюсь вдоволь воды, то умру. И еще нужно, чтобы врач осмотрел мою ногу, иначе я тоже умру.

Таракан молча смотрел на него своими блестящими глазами.

— Хотел бы я увидеть, какая ты на самом деле, — промолвил Эван.

Если бы только он мог видеть ее лицо, то сумел бы догадаться, о чем она думает.

Таракан отступил на шаг назад. Своеобразный язык движений и жестов, который Эван сразу понял.

— Ясно, ты не хочешь встречаться со мной в физическом теле. Ладно, я понимаю. Это вполне нормально.

— Я не такая, как все, не нормальная, — сказал таракан.

Говорил таракан, как обычно, механическим, бесстрастным голосом. И Эван поэтому не мог определить, как сама Анни относится к тому, что ее считают ненормальной. Придется идти вперед наугад. Он решил рискнуть и спросил:

— Что значит «не такая, как все»?

Таракан молчал.

— Думаю, ты умнее многих других. — Комплимент никогда не помешает.

— Папа зовет меня Маленьким профессором.

— Хорошо быть умной, — заметил Эван.

— Быть умной постоянно считается неадекватным поведением, — ответил таракан.

Чуть раньше она говорила, что смотреть в глаза человеку, с которым разговариваешь, считается адекватным поведением. Слишком уж Анни волнует, что считается адекватным, что нет. Возможно, и спасатели не считаются адекватными.

— Откуда ты знаешь, что быть умной неадекватно? — спросил он.

— Так говорил мне доктор Родес, — ответил таракан. — Неадекватно.

Эван почувствовал, что у него опять начала кружиться голова и поднялась температура. Он осторожно спросил:

— А быть неадекватным нехорошо?

— Да, — ответил таракан.

— Всегда нехорошо?

— Расскажи мне сказку, — попросил таракан.

«Слишком много вопросов», — понял Эван. Он увлекся. Она ведь не любит, когда ей задают вопросы.

— Хорошо, — ответил он. — Но сначала можно еще один кокос?

Таракан отправился по песку за кокосом. Вернулся он нескоро. Эван с удовольствием тянул кокосовое молоко, но все пить сразу не стал — нужно кое-что оставить на потом.

— Ты сказала доктору Родесу, что у меня сломана нога? — спросил он у таракана.

Таракан отступил на шаг назад.

— Расскажи мне сказку.

Эван на секунду прикрыл глаза. Все, больше вопросов задавать нельзя. Надо рассказывать сказку.

— Давным-давно жил-был мальчик по имени Джек. Жил он с матерью, отец у них умер. Были они так бедны, что мать Джека

отправила его на базар, чтобы он обменял корову, которая давала им молоко, на еду.

Робот

Он начал рассказывать сказку — хорошо. Я теперь могу спокойно слушать его рассказ и забыть обо всех его вопросах.

— Давным-давно…

Настоящая сказка. Мальчик по имени Джек выменял корову на пригоршню бобов, мать очень рассердилась, хотя старик, который отдал бобы Джеку, и сказал, что они волшебные. Мать Джека не послушала мальчика и выбросила бобы в окно.

Мать Джека была обыкновенной нейротипичной женщиной. Так мне кажется. А вот Джек — нет. Наверное, у нейротипичных людей должно было быть какое-то правило (о существовании которого Джек не догадывался), запрещающее обменивать корову на пригоршню бобов. Я постаралась это запомнить: если у меня когда-нибудь появится корова, будет неадекватно менять ее на бобы.

На следующий день из волшебных бобов выросло огромное растение. Джек тут же забрался по нему на самый верх, не спросив разрешения у матери. Так делать нельзя. Доктор Родес говорит, что я всегда должна спрашивать разрешение у мамы.

Джек нашел замок, в котором жил великан. Когда тот вернулся домой, старуха, жившая в замке, спрятала Джека в печи.

Я не понимала, почему она это сделала, но я многого не понимаю в сказках нейротипичных людей. Может, старуха просто хотела помочь. Так или иначе, великан спокойно зашел в замок и достал огромный мешок золота. Потом он заснул, а Джек украл золото. Такое поведение не может считаться адекватным. Доктор Родес говорит, что нужно делиться с другими людьми, но даже когда тебе что-то предлагают, нехорошо сразу брать все. А великан ничего Джеку не предлагал.

Джек спустился вниз по своему бобу и вернулся домой. А потом снова забрался наверх и украл у великана гусыню, которая откладывала золотые яйца. И в третий раз он забрался наверх и украл арфу великана.

Я была уверена, что Джек не нейротипичный мальчик. Он все время делал то, что считалось неадекватным, постоянно возвращался в замок великана, то есть можно было говорить о персеверации его действий.

Когда Джек пытался улизнуть с арфой, та издала громкий звук. Великан пустился в погоню за Джеком, вниз по бобовому

стеблю, но Джек перерубил стебель, великан упал и разбился насмерть. Не знаю, можно ли считать это адекватным поведением или нет. Великан хотел убить Джека, и все равно я не уверена, правильно ли поступил сам Джек, когда перерубил стебель.

Но вот и сказке конец. Мужчина сказал, что хочет пить, и я пошла за новым кокосом. Потребовалось много времени, чтобы найти его, но в конце концов я принесла ему кокос. И сказала:

— Джек вел себя неадекватно. Ему не следовало делать то, что он делал. — Я знала, что доктор Родес ни за что не одобрил бы поведение Джека.

— А мне нравится Джек, — ответил мужчина. — Он сумел защитить и себя и свою мать.

Я обдумала его слова. Эта сказка мне понравилась больше, чем сказка о Золушке. Золушка была очень хорошей, всем помогала, но фея-крестная сделала так, что она поехала на бал, а потом ей пришлось выйти замуж за принца, хотя уж лучше бы она осталась в спокойной, тихой кухне. Она была наказана за то, что стала играть по правилам нейротипичных людей. Ну конечно, если она сама была нейротипичной, это нельзя считать наказанием, но я уверена, что она была такой же, как и я.

Джек нарушал многие правила нейротипичных людей. Сначала он обменял корову на бобы; потом без разрешения матери взобрался на бобовый стебель; потом украл у великана разные вещи. Но ему не нужно было ехать на бал и жениться на ком бы то ни было, он в конце возвращается в маленькую комнатку своего небольшого дома.

Я продолжала думать, но отвернулась. Пора поговорить с доктором Родесом.

— Анни, — сказал мужчина. — Скажи обо мне доктору Родесу. Скажи ему, что мне нужна помощь.

Доктор Родес

— На моем острове человек, — сказала Анни.

— Человек, — повторил доктор Родес. — Великолепно. — Он улыбнулся. Он уже отправил три электронных письма специалисту, возглавлявшему подводные буровые разработки на островах Кука. Он просил его починить камеры на острове Анни. Но ответа так и не получил, а раз Анни говорит о появлении на острове человека, значит, кого-то наконец прислали. — Он приведет в порядок камеры, — пояснил доктор Родес.

Он видел, что новый человек сильно подействовал на Анни, и не в лучшую сторону. На ее острове появился незнакомец, ее это,

естественно, взволновало и напугало. Надо ее успокоить, и доктор Родес сказал:

— Он недолго пробудет на острове.

— Ему нужна помощь, — продолжала Анни. — Я пыталась сделать, что могла.

— Хорошо, — уверенно продолжал доктор Родес. — Он починит камеры и уплывет. Ты не должна помогать ему.

— Он говорит, что ему нужна помощь, — настаивала Анни. — Зовут его Эван Коллинз. Ему нужна помощь. — Она все время моргала. Так сильно ее расстроило появление на острове рабочего.

Доктор Родес очень рассердился, что этот рабочий вообще заговорил с Анни, сказал ей, что ему требуется помощь. Доктор Родес попробовал представить себе этого человека — эдакий средней руки работяга, не может даже камеру без проблем починить. Наверняка еще и ленивый.

— Не беспокойся за него, — твердо сказал он. — Это не твоя забота.

— Ему нужна помощь, — громким голосом настаивала девочка. — Он говорит, что ему нужна помощь.

— Я же сказал, не волнуйся за него.

— Но он…

— Анни, — так же твердо прервал ее доктор Родес, — ты ведь знаешь, что кричать во время разговора нельзя.

Анни нечего было ответить.

Помнишь, когда мы подписывали контракт на проект, о чем мы договорились? Ты обещала слушаться меня и делать все, что я скажу. Если ты не сможешь следовать моим указаниям, нам придется приостановить проект. Это ты помнишь?

— Помню, — тихо ответила она.

— Этот человек не твоя забота. Он починит камеры и уедет. У нас своя работа. Сегодня попробуем узнавать мысли людей по выражению их лиц.

Робот

Я вернулась в свой резервуар. Проспала ночь и вот на рассвете снова очутилась на своем острове, в своем роботе. Я вышла на берег, на котором спал человек по имени Эван Коллинз.

Этот человек не моя забота. Так сказал доктор Родес.

Бутыли были пусты. Кокосов тоже больше не было, я это знала. Накануне мне целый час пришлось искать последний кокос.

Мужчина дышал поверхностно, неровно. Вокруг глаз были темные круги, все тело у него было покрыто укусами песчаных блошек. Некоторые укусы покраснели и гноились. Глубокую рану на ноге покрывали черные струпья, они растрескались и привлекали во множестве мух, которые с удовольствием сосали жидкость, выделяющуюся из трещин.

— Эван Коллинз, — позвала я.

Он не открыл глаза.

— Доктор Родес говорит, что вы должны починить камеры, — продолжала я. — А потом уедете.

Эван Коллинз не шевелился.

Он не моя забота. Я пошла в сторону океана. У меня много работы.

Но у кромки воды я остановилась. А потом повернула назад к Эвану Коллинзу.

— Расскажи мне сказку, — попросила я его.

Он не двигался.

Я вернулась к домику подзарядки, вошла внутрь, отключила робота и открыла глаза уже в своем резервуаре; нажала на кнопку вызова сиделки и принялась ждать. Раздались шум и лязг открываемого люка, и я сощурила глаза от яркого света.

Когда люк открылся, я села и уставилась на Кири.

— Что-то случилось? — спросила она. — С тобой все в порядке, Анни?

— Нет. — Я говорила громко, чтобы шум насосов не заглушил мой голос. — На берегу мужчина. Это неправильно. Лицо у него покраснело, а местами почернело, его кусают песчаные блошки. Это неправильно. Он лежит на моем берегу, и у него сломана нога. Ему нужен доктор. Это неправильно.

— Мужчина на берегу, — повторила Кири и нахмурилась.

По карточкам выражений лиц, которые демонстрировал мне доктор Родес, я догадалась, что она расстроена. Так и должно быть. Я тоже расстроена.

— Мужчина на моем острове, — снова повторила я. — Это неправильно. Я старалась помогать ему. Я помогаю крабам. Но кокосов больше нет. Мужчина говорит, что ему нужна помощь. Медицинская помощь. И еще вода. — Я закрыла глаза от яркого света и принялась раскачиваться.

Думала я о мужчине. Представила мысленную диаграмму, на которой были нарисованы все, кто так или иначе участвовал в этой истории. Вот Эван Коллинз, вот доктор Родес и я. Между нами прочерчены линии, получается треугольник. Потом я добавила на диаграмму имя Кири и начертила еще несколько линий. Кири, мужчина и я составили еще один треугольник.

Доктор Родес оказался в стороне.

— Как мужчина попал на твой остров? — спросила Кири.

— У него есть лодка, но она затонула, — ответила я. — Мимо нее плавают рыбы. — Я хорошо помню лодку, зажатую между коралловыми рифами. — У лодки пробоина. Она вышла из строя.

— Я позову доктора Родеса, — сказала Кири.

— Нет, — ответила я. — Доктор Родес не… — Я замолчала, не зная, что сказать. — Надо сообщить кому-то другому, — прибавила я слишком громким голосом.

Но какая разница. Мне двенадцать лет, а я могу мандибулами открывать кокосы, могу ползать по дну океана и находить золотые прожилки в камнях.

Доктор Родес сказал бы сейчас, что кричать нельзя, это считается неадекватным. Но мне это кажется вполне адекватным. На моем острове лежит мужчина по имени Эван Коллинз, вполне уместно кричать по этому поводу.

— На острове мужчина, — прокричала я. — Его зовут Эван Коллинз. Он на моем острове. У меня больше нет кокосов для Эвана Коллинза. Ему нужна вода. Ему нужна помощь.

— Эван Коллинз, — повторила Кири. — Понимаю.

— Он рассказал мне сказку о Золушке и еще о Джеке и бобовом зернышке. Зовут его Эван Коллинз, а на левой щеке у него шестнадцать укусов песчаных блох. У него сломана нога. Лодка его затонула.

Я почувствовала, как Кири положила руку мне на плечо.

— Я расскажу все своему дяде, — сказала она. — Дяде Марсу.

Мне не понравилось прикосновение руки Кири. Мне не нравился яркий свет ламп. Я снова легла в свой резервуар.

— Скажешь дяде Марсу, — согласилась я, — А я вернусь в своего робота.

Когда я вернулась на остров, солнце стояло высоко в небе. Я вышла из домика подзарядки и пошла по берегу. Единственным тактильным ощущением было давление почвы под ногами робота. Не сильное, но достаточное, чтобы я поняла, что стою на земле. Достаточное, чтобы чувствовать себя уверенной, не больше.

Эван Коллинз все так же лежал не песке и спал. Он еще дышал.

Теперь Кири расскажет дяде Марсу об Эване Коллинзе. Я вспомнила свою диаграмму взаимоотношений, там был треугольник, в вершинах которого стояли Кири, Эван Коллинз и я. Теперь я добавила на диаграмму имя дяди Марса и провела линии между ним, Кири и Эваном Коллинзом. Получился еще один треугольник. Вместе первый и второй треугольники образовали шестиугольник. Получился красивый узор.

Шестиугольник напоминал камень, а камни я люблю.

Я оставила Эвана Коллинза на берегу и пошла на глубину. Когда вода сомкнулась у меня над головой, я с облегчением вздохнула. Весь день я собирала камни около гидротермальной трубы.

Матарека Варади

Полное имя дяди Кири было Матарека Варади, но все звали его Марсом. Он был начальником дальней буровой станции на островах Кука, являвшейся подразделением компании «Атлантис». Он был влиятельным и уважаемым человеком, большой человек — большая личность. Он знал всех, и все знали его.

Это он устроил Кири на работу в калифорнийский штаб компании «Атлантис». Кири была хорошей девушкой. Она усердно училась, чтобы стать медсестрой и очень хотела на время поехать пожить в Соединенные Штаты. Примерно тогда же, когда Кири заикнулась об этом Марсу, ему было дано поручение из калифорнийского офиса забросить одного из роботов на отработанную буровую — там собирались проводить какой-то эксперимент. Наблюдать за роботом должен был простой, неквалифицированный оператор. Они, наверное, с ума спятили — Марс поспрашивал у людей и выяснил, что идея проекта принадлежит Эрику Вестерману, президенту компании. Отец Вестермана был основателем компании «Атлантис»; те, кто давно работал в компании, были не слишком высокого мнения о нем.

Если Эрик Вестерман захотел рисковать дорогостоящим роботом в каком-то сумасшедшем эксперименте, Марс никак не мог его остановить. Но через двоюродного брата, работавшего в отделе персонала компании, Марсу удалось узнать, что на проект нужна и медсестра-сиделка, которая будет присматривать за неквалифицированным оператором.

И Марс решился. Он предложил отделу персонала взять на работу сиделкой Кири, тогда он не будет чинить препятствий относительно использования в эксперименте дорогостоящего робота. Конечно, Марс уточнил, что он не берет на себя ответственность за возможные убытки компании со стороны неопытного оператора — будь то поломки самого робота или какого-либо другого оборудования. И все шло отлично до тех пор, пока Марс не получил электронное письмо от Кири.

Марс знал, что Кири благоразумная и умная девушка. Поэтому когда от нее пришло срочное сообщение, он сразу

обратил на него должное внимание. Кири писала, что неквалифицированный оператор, задействованный в проекте (звали ее Анни), рассказала Кири о присутствии на отдаленном острове человека по имени Эван Коллинз. Мужчина нуждался в медицинской помощи, и Кири сильно волновалась.

Стоял прекрасный день, на небе ни облачка. Марсу надо было проверить ход работ на безымянном атолле недалеко от островка, на котором работал оператор Кири. Кроме того, на острове необходимо было починить камеры наблюдения, он уже получил три электронные заявки из штаба. Руководил экспериментальным проектом человек по имени доктор Родес; это он писал заявки, в которых жаловался, что без камер не может наблюдать за тем, что происходит на острове. Марс принципиально игнорировал заявки. Он не знал этого доктора Родеса. Кири как-то упомянула, что он человек неприветливый, и Марс решил, что ради какого-то там доктора Родеса он не будет из кожи вон лезть.

Но сейчас Кири была встревожена. И день для полета выдался что надо. Лететь предстояло на поплавковом гидросамолете. Марс считал большим преимуществом работы в компании «Атлантис» именно то, что мог сам управлять гидросамолетом.

Марс вызвал своих помощников и сообщил им, что они полетят на остров, где нужно будет починить камеры наблюдения, а заодно проверят, как там идут дела у неквалифицированного оператора.

Пролетая над островом, Марс заметил в воде затонувшую лодку. Он выругался про себя и повел гидросамолет на посадку. Помощники надули резиновую шлюпку. Эвана Коллинза они нашли в тени пальм, вокруг валялись пустые бутыли из-под воды и расколотые кокосовые орехи. Мужчина бредил от жажды, но когда его хорошенько встряхнули, пришел в сознание и смог пить самостоятельно. Судя по внешнему виду, он пробыл на острове несколько дней.

Они обернули ему голову и запястья влажными тряпками, высыпали упаковку порошка-электролита в бутыль с водой и поддерживали его в сидячем положении, пока он пил. Заодно проверили шину на сломанной ноге. Пульс у мужчины был слабым и учащенным, он постоянно терял сознание.

Помощники Марса понесли мужчину к шлюпке, и в это время из воды появился робот. В мандибулах он сжимал камень. Робот подошел к Марсу, но смотрел не отрываясь на Эвана Коллинза.

— Почему сразу не сообщили об этом человеке? — спросил Марс. — Он здесь уже несколько дней.

Робот выронил камень к ногам Марса.

— Я говорила доктору Родесу. А он сказал, что человек

приехал, чтобы чинить камеры.

— Доктор Родес набитый идиот, — ответил Марс. — Некомпетентный дурак.

— Потом я сказала Кири, — продолжал робот. — А она передала дяде Марсу.

— Дядя Марс это я. Марс Варади, — Марс внимательно осмотрел робота. Интересно, как выглядит оператор?

Робот

Эван Коллинз лежал на дне резиновой шлюпки. Сейчас его увезут, и я снова смогу наблюдать за крабами.

Двое других мужчин толкали шлюпку в воду, а дядя Марс внимательно разглядывал меня. Он наклонился и поднял камень, который я выронила на песок.

— Что это? — спросил он. — Человек умирает от жажды, а ты несешь ему камень?

— Камень для крабов, — ответила я. — Я приносила Эвану Коллинзу кокосы, но они кончились. Еще я принесла ему с лодки все бутыли с водой. Я старалась, как могла.

Дядя Марс пристально изучил камень, потом спросил:

— Где ты его взяла?

— У трубы, — ответила я.

Мужчины криками звали Марса в лодку. Он еще раз взглянул на меня, потом на камень и сказал:

— Я еще вернусь, и мы поговорим об этом. — И направился в шлюпку.

Я смотрела, как поднимался в воздух гидросамолет. Прибрала берег под пальмами, где лежал мужчина, аккуратно сложила скорлупу от кокосовых орехов в одну кучку, все бутыли из-под воды в другую. Теперь все выглядело опрятно. И мне было приятно.

Матарека Варади

Марс посадил гидросамолет с подветренной стороны острова Анни и вытащил резиновую шлюпку. Утром он получил электронное письмо от Кири, в котором говорилось, что экспериментальный проект доктора Родеса сворачивается. Эван Коллинз выжил, но доктору пришлось давать объяснения, почему он так и не сообщил куда следует о том, что на острове появился человек. Высшее начальство просмотрело видеозаписи встреч

доктора Родеса с Анни, когда она пыталась сказать доктору о мужчине и о том, что ему нужна помощь.

«Мне жаль Анни, — писала Кири. — Она странная девочка, но у нее доброе сердце. Сегодня доктор Родес сообщит ей об окончании проекта, к концу недели они должны освободить остров. Мне кажется, что для Анни это будет настоящим ударом».

Марс вытащил шлюпку на берег, подальше от океанских волн. Робота он заметил рядом с рощей мангровых деревьев. По пути Марс увидел камни, которые лежали на песке рядом с крабовыми норками. Такие же, как тот, что он взял с собой, когда увозил отсюда Эвана Коллинза.

— Привет, Анни, — сказал он.

— Привет, дядя Марс, — бесстрастным голосом ответил робот.

Марс сел на песок рядом с роботом.

— Знаешь, я проверил тот камень, который ты вынесла с глубины, — продолжал он. — В нем очень высокое содержание золотой руды.

— Да, — согласился робот.

— Ты, кажется, немало их принесла, — кивнул в сторону крабовых нор Марс.

— Да, — ответил робот. — Я носила их специально для крабов. Я стараюсь, как могу.

— Можешь показать мне точное место, где ты берешь эти камни? — спросил Марс.

— Да, — ответил робот.

— Мы считали, что жилы вокруг острова исчерпаны, — заметил Марс. — Мои лучшие операторы разработали тут лучшую золотую жилу, потом обследовали все океанское дно вокруг в поисках новых жил, но ничего не нашли. А тебе, кажется, это удалось. Как так?

— Мне нравятся камни, — ответил робот.

— Не сомневаюсь, — кивнул Марс. — Согласишься работать У меня?

— А я смогу заниматься камнями? — спросил робот.

— Именно в этом и будет заключаться твоя работа, — ответил Марс.

— И робот останется моим? — спросил робот.

— Конечно.

— Это мне нравится, — ответил робот.

Естественно, нужно было кое-что уладить. Кири поговорила с родителями Анни, более или менее объяснила им все, что произошло, рассказала, почему Марс предложил Анни остаться. Потом Кири пришлось подыскать подходящего психотерапевта,

который готов был через день встречаться с Анни. Марс взял на себя всю официальную сторону — детские организации, комиссии по контролю за использованием детского труда, начальство компании. Но Марс был неординарным человеком, и у него было много друзей, в том числе и двоюродный брат в отделе персонала компании «Атлантис» и племянница, которой Анни доверяла так, как, пожалуй, еще не доверяла никому в своей обычной жизни. И в результате все удалось уладить.

Робот

Начинался прилив. Я неподвижно стояла на берегу и наблюдала за крабами.

Вот из норы выбрался большой краб и уставился на меня. У него были блестящие черные лапки и ярко-красный щиток, маленькая черная клешня и огромная красная; ее он поднял прямо перед собой и помахал мне. Я не шевелилась, тогда краб повернулся к морю.

Теперь из норок вылезали и другие крабы. Каждый сначала смотрел на меня, потом на других крабов и размахивал большой красной клешней в сторону остальных самцов. Один краб подошел к норе другого, они долго размахивали друг перед другом своими огромными клешнями, пока наконец первый не ретировался.

Затем появилась первая самка, и самцы активизировались. Все размахивали клешнями, а самка наблюдала за ними. Она уставилась на одного самца, тот подбежал к ней, потом вернулся к своей норке, не переставая при этим размахивать клешней.

Самка последовала за ним, секунду помедлила у входа в нору и вошла внутрь. Самец опрометью бросился вслед за ней. Я смотрела, как он выталкивает изнутри мокрый песок — еще секунда, и вход в нору закрыт. Самец больше никого не хотел пускать.

Остальные самцы призывали других самок. Все они следовали каким-то таинственным правилам поведения, которые были известны только им.

Мне нравилось наблюдать за крабами. Я не понимала их, но была рада помогать, например, приносить камни.

Я подумала о дяде Марсе и о Кири, о маме и папе, о докторе Родесе. Кири всегда объясняла мне, что происходит вокруг, а я при этом рисовала в уме мысленные диаграммы. Кири поговорила с моими родителями (треугольник с Кири, мамой и папой в вершинах, я в стороне, но между мной и Кири жирная

линия). Дядя Марс поговорил со мной, а потом с Кири. Еще один треугольник. Доктор Родес остался сам по себе, никаких линий, соединяющих его с кем бы то ни было. Крабы соединены со мной. И Эван Коллинз тоже.

Я вспомнила сказку про Золушку. Наверное, я похожа на фею. Отправила Эвана Коллинза на бал вместе с другими нейротипичными людьми, и теперь он заживет счастливо.

Мне нравились сказки. Мне нравились камни. Я буду собирать камни для горнодобывающей компании «Атлантис» и для дяди Марса. Буду приносить камни крабам, а они будут продолжать общаться друг с другом при помощи жестов, которых я не понимаю. И я тоже заживу счастливо, одна-одинешенька на своем острове.

Бенджамин Розенбаум
Заведи часы

Известно, что американцы внимательно следят за часами, но, судя по замечательному рассказу, который предлагается вашему вниманию, мы могли что-то и пропустить.

Бенджамин Розенбаум печатался в «The Magazine of Fantasy & Science Fictions», «Asimov's Science Fiction», «Argosy», «The Infinite Matrix», «Strange Horizons», «Harper's», «McSweeney's», «Lady Churchill's Rosebud Wristlet» и прочих. Недавно вернулся из Швейцарии, где жил в последнее время, и теперь обосновался вместе с семьей в Фоллз-Черч, штат Виргиния.

Посвящается Джеффу и Терри

Агент по недвижимости Страны Пиратов была старухой. Противной старухой. У Старичья трудно определить возраст, но ей было далеко за Тридцать. Кожа у Старичья не такая упругая, как у нас, но если правильно пользоваться различными маслами и пудрами, то все же можно избежать морщин. Эта женщина, по всей видимости, не утруждала себя заботой о коже. Вокруг глаз и над бровями у нее пролегли глубокие морщины.

Эдакая Мамочка — голубое платьице, фартук с оборочками, белые перчатки. Если разъезжать по нашей части Монтаны с такими огромными трясущимися грудями и бедрами, то что еще остается носить.

Она что-то сказала тому, кто сидел на заднем сиденье фургона, а потом поспешила по дорожке к нам.

— Какое прекрасное место, — заворковала она. — И вокруг так красиво.

— Смотри, Сьюз, это твоя мать, — прошептал мне на ухо Том.

От его дыхания мне стало щекотно, и я оттолкнула его.

Конечно, тут прекрасно, здесь она абсолютно права. Мы стояли под пятидесятифутовым носом галеона, который приехали посмотреть. Нас окружала целая флотилия военных кораблей: шлюпы, фрегаты и катера; они красовались на прилизанных лужайках, вдоль серо-стальных улиц. Большинство кораблей были на замке, лужайки вокруг них казались абсолютно девственными. И только у нескольких был жилой вид — на

лужайках виднелись разные машины и механизмы, кое-где даже начали копать землю маленькими бульдозерами, но потом все бросили. На главных мачтах были подняты флаги: Семейные. Групповые или еще другие. Прохожих обдавали водой из водяных пушек.

Я сунула руки в карманы брюк и спросила:

— Значит, почти все тут Девятилетки?

Тридцатилетняя Дама нахмурилась:

— Мэм, боюсь, что по Акту две тысячи тридцать пятого года…

— Ага, расы, пол, этиологический возраст, хронологический возраст, побудительные предпочтения или национальная идентичность — я знаю законы. Но скажите, кто еще захочет жить в Стране Пиратов?

Тридцатилетняя Дама открыла рот, но ничего не ответила.

— Или кто еще сможет себе это позволить, — бросила Шири.

Она не задумываясь полезла вверх по веревочной лестнице и была уже где-то наверху. Ее вишневые кроссовки нащупывали боковой планшир. Тридцатилетняя Дама беспомощно пыталась что-то схватить руками. Эти Старикашки вечно так пугаются, когда мы лезем наверх.

— У вас мало денег? — спросил Томми. — Поэтому вы так одеваетесь?

— Перестань приставать к Даме, — проворчал Макс.

Макс у нас Восьмилетка, он серьезнее остальных относится к вопросу этиологической дискриминации. К тому же он просто лучше всех нас. Еще он накачан, как воздушный шар; ведь в нем росту всего-то четыре фута, вот он и обзавелся мышцами на биоинженерной основе и стал похож на огромный грейпфрут. Чтобы поддерживать себя в форме, ему нужно съедать каждый день целый фунт или два специальных соевых бифштексов.

Тридцатилетняя Дама поднесла руку к глазам и заморгала, словно собиралась заплакать. Вот это да! Они ведь практически никогда не плачут. И мы не так уж плохо себя с ней вели. Мне даже стало ее жаль. Я подошла к ней и взяла за руку. Она вздрогнула и быстро отдернула руку. Никакого межэтиологического понимания и прощения.

— Давайте осмотрим дом, — предложила я, засовывая руки в карманы.

— Галеон, — сухо поправила она.

— Галеон — так галеон.

Она сделала замысловатый жест пальцами руки — эдакую мудру-ключ, и с палубы галеона опустился входной трап. Неплохо.

Если честно, мы все предвкушали нечто необычное. Наша Группа испытывала крайнюю необходимость в смене места жительства, во всяком случае, четверо из нас были в этом уверены. Мы уже слишком устали от жизни в гетто — жили мы в трех таунхаузах образца XX века в Биллингсе, области «смешанных возрастов», и потому нас окружали мародеры Тринадцати, Четырнадцати и Пятнадцати лет — бедняги пострадали от коммуникативного синдрома задержки развития. Это случилось, когда бушевал вирус, он воздействовал на гипофиз, и, как следствие, у них полностью блокировалась щитовидная железа. И дело было не только в последующем гигантизме и проблемах со здоровьем, вызванными тридцатилетними передозировками гормонов роста, тестостерона, эстрогена и андрогена. Больше всего они страдали от проблем социальных: криминогенной обстановки, насилия, оргий, ревности и вечной жалости к самим себе.

Ну ладно, Максу они нравились. Многие из нашей Группы считали, что жить в гетто весело. На дни рождений мы всегда шокировали другие Группы своими поздравлениями. Но это было, когда все восемь членов нашей Группы держались вместе, а потом случилось так, что Катрина и Огбу отправились на юг. Когда нас было восемь человек, мы представляли собой настоящую Группу — сильную и неуязвимую, могли спокойно посмеяться над кем угодно.

Вместе с остальными я прошла в холл галеона. На стенах консоли для видеоигр, под сдвигающимся, прозрачным, суперкерамическим полом — бассейн. Потолок, а в сущности, наверное, верхняя палуба, — на высоте тридцати футов; забраться туда можно по веревочным лестницам и канатам. На насесте попугай, выглядит настоящим, хотя, скорее всего, имитация. Я прошла несколько переборок. Много уютных укромных уголков, где можно пристроиться на ночлег; шкафчики, полки; рабочие станции — и с плоскими экранами, и проекционные прямо на сетчатку глаза. Я попробовала включить одну из них, зарегистрировалась как гость. Огромная пропускная способность. Мне это нравится. Могу одеться как биржевой маклер XX века, да еще и мужского пола, — двубортный пиджак, подтяжки, хотя на самом деле я редактирую документальные фильмы. (Мало кто из Девятилеток занимается творческой работой: из-за навязчивой тяги к решению неразрешимых задач и стремления во всем быть первыми из нас получаются прекрасные биржевые дельцы, спекулянты, игроки, программисты и биотехнологи. Именно таким образом мы заработали состояние и репутацию. Не у многих хватает терпения и интереса, чтобы заниматься

искусством.)

Я вышла из игры. Макс уже успел раздеться и нырнул в бассейн, а может, это просто огромная ванна. Томми и Ширн прыгали на батуте, отпуская при этом остроумные шутки. Агент по недвижимости уже не пыталась привлечь наше внимание к тому, что хотела рассказать. Она сидела в бесформенном желеобразном кресле и массировала руками стопу. Я прошла на кухню. Огромный стол, много стульев и пуфов, массивный пищевой центр с программным управлением.

Я вернулась к Даме.

— На кухне нет плиты.

— Плиты? — удивленно переспросила она.

Я провела рукой вниз по подтяжке и пояснила:

— Я готовлю сама.

— Сама?

Я почувствовала напряжение, это так утомительно, когда все подряд напоминают мне, будто Девятилетки не должны готовить сами. Но тут я заметила ее глаза. Они сияли от радости и удовольствия. Снисходительного удовольствия. Я тут же вспомнила свою собственную мать, которая охала и ахала, когда однажды зимним утром в трущобах Мэриленда я испекла для нее печенье, которое невозможно было даже раскусить. Тогда мой этиологический возраст еще был привязан к Природным часам. Вспомнила маму, державшую в руках свадебное платье, в котором она мечтала выдать меня замуж. Кружева, украшавшие пояс платья, щекотали мой подбородок. Как-то вечером, когда я училась в колледже, посреди фразы я подняла глаза и взглянула на нее через стол (я рассказывала ей о своем тогдашнем документальном фильме «Кошка в шляпе», горячей полемике об Эмансипации Пятилеток, о том, как кибернетика освободит Ползунков, и они смогут жить, ни от кого не завися), и по ее глазам я заметила, что она давным-давно перестала меня слушать. Я поняла, что для нее я не Девятилетка, а простая девятилетняя девочка; поняла, что она смотрит не на меня, а сквозь меня, куда-то очень далеко, в какое-то другое время, на совсем другую меня — на Женщину с огромными грудями, высокую, как дверь, думающую о мужчинах и достигшую возраста, когда можно выходить замуж. Эта другая я была неким сексуализированным чудовищем, похожим на мою мать; эдаким ходячим чревом, протоматерью. Моя мать мечтала о такой Сьюзан, Женщине-Сьюзан, которой не суждено было реализоваться.

— Я готовлю сама, — повторила я и посмотрела прямо в глаза Даме. Потом сунула руки в карманы брюк.

Я бы не отказалась, чтобы меня крепко обняли, но Макс был под водой, а Томми и Шири пытались столкнуть друг друга с батута. Я вышла на открытую палубу.

— Мы можем здесь все устроить! — крикнула мне вслед Дама.

По лужайке прыгал голубь. Шелудивый, нервный — значит, настоящий. Я постояла какое-то время, глядя на него, но тут зазвонила моя серьга. Я сделала пальцами жест-мудру Приема.

— Сьюз? — раздался голос Трэвиса.

— Почему ты спрашиваешь, Трэвис? На ком еще может быть моя серьга?

— Сьюз, Эбби пропала.

— Что ты хочешь этим сказать — пропала?

— Она не отвечает на вызов. Локатор у нее выключен. Я нигде не могу ее найти. — Когда Трэвис нервничал, в его голосе появлялись пискливые нотки. Сейчас он вообще был похож на пойманную в мышеловку мышь.

Я взглянула на татуировку на левой ладони, это было активное считывающее устройство. Трэвис был дома. Я сделала мудру вызова Эбби. На ладони не появилось никакого изображения.

— Оставайся на месте, Трэвис. Мы скоро будем.

Я подбежала к трапу. Макс уже оделся и вытирал свои бесчисленные косички полотенцем, которое взял на вешалке рядом с бассейном. Томми и Шири сидели за столом с Дамой, агентом по недвижимости, и рассматривали какие-то документы на экране, вмонтированном в поверхность стола.

— Нам надо ехать. По срочным личным делам, — сказала я.

Макс тут же подскочил ко мне.

— Послушай, мы хотим тут жить, — заявила Шири.

— Шири, мы обсудим это все вместе, — ответила я.

— Обсудим — что? — воскликнул Томми. — Здесь просто прелестно.

— Это первое место, которое мы посмотрели, — возразила я.

— Ну и что?

Агент по недвижимости осторожно наблюдала за нами. Я не хотела говорить, что пропала Эбби. По крайней мере, при ней. Ее отношение к нам можно было выразить словами: «Разве можно поверить, что вы в состоянии жить самостоятельно без взрослых?» — и это читалось у нее на лице. Я вынула руки из карманов и сжала их в кулаки.

— Вы совсем с ума сошли, что ли? — спросила я.

— А что такого срочного произошло? — спокойно, вопросом на вопрос ответил Макс.

— Я знаю, что скажут Трэвис и Эбби, — сказал Томми. — Они будут в восторге от этого места. Давайте сразу совершим сделку, и остаток дня будет свободен.

— И мы сможем заняться виндглайдингом, — предложила Шири.

— Трэвис и Эбби еще не давали своего согласия на покупку дома вообще, не говоря уже об этом, — парировала я.

Макс положил руку мне на плечо.

— Только потому, что они его еще не видели, — ответил Томми.

— Что случилось? — настаивал Макс.

— Наверное, где-то поезд сошел с рельсов, и Сьюз хочет самой первой добраться до своего экрана, — предположила Шири.

— Черт бы тебя побрал, — бросила я ей и вышла на улицу.

Меня прямо трясло от выброса адреналина. Я залезла в наш клоунский автомобиль и включила двигатель. Макс выскочил на улицу вслед за мной. Я передвинулась на пассажирское место, а он сел за руль.

— Заберем их позже, — сказал он. — И вообще, они могут взять такси. Что случилось?

Я сложила пальцы в мудру вызова Эбби и показала ему свою ладонь:

— Эбби пропала. Трэвис ее потерял, а на вызов она не отвечает.

Макс выехал на улицу.

— Она ушла из дому сегодня рано утром, взяв с собой тот старый фотоаппарат, который ты ей достал. Собиралась что-то снимать.

Быстрым движением я включила плоский экран на приборной панели пассажирского места.

— Все равно ей незачем было отключать локатор. Надеюсь, она ушла подальше от дому. Если Девятилетка будет спокойно разгуливать по гетто и фотографировать — представляешь, что там будет?

Мы на полной скорости покинули Страну Пиратов и въехали на автостраду 1–90.

— Эбби не настолько глупа, — ответил Макс, но голос у него звучал неуверенно. Эбби импульсивна, а в последнее время она вообще ударилась в меланхолию. Через минуту Макс спросил: — Полиция?

Я резко взглянула на него. Полицейские — Старичье. Существуют правила, по которым в полицию не принимаются люди ниже определенного роста, поэтому обычно туда попадают

не раньше Двенадцати лет, но и Тинейджеры считаются слишком малообразованными и неуправляемыми для службы в полиции. Я понятия не имела, как вести себя с полицейскими, Макс тоже. Поэтому я сказала:

— Подождем, пока не узнаем больше. А теперь заткнись и не мешай мне работать. Поезжай к дому.

Большинство людей считают, что видеоматериалы являются общедоступными, легко досягаемыми архивами, и по ним можно определить все, что происходит на этом свете, причем они думают, что увидят все ракурсы, все детали. И одной из задач моих коллег как раз и является поддержание этой иллюзии. На самом деле, сети не дают полной информации. Конечно, в любом большом городе вы найдете миллионы небольших камер внешнего наблюдения, но и процент сбоев из-за поломок или каких-либо вирусов крайне велик, а получаемый материал недостаточно высокого качества — снимки зернистые, часто неясные; и только большими усилиями, приложив алгоритмическое воображение, их можно привести в надлежащий вид. Есть множество камер большего размера, соединенных прямо с сетью, но здесь возникает лабиринт бюрократических проблем — нужно получать соответствующие разрешения на использование отснятого материала. А еще есть миллиарды двигательных сенсоров, звуке передающих устройств, локаторных ярлычков и мониторов движения транспорта, однако все они работают разрозненно. За несколько часов воскресного утра данные, полученные с квадратной мили центрального района Биллингса, занимают такой объем памяти, что им можно было бы заполнить все компьютеры XX столетия плюс все обычные библиотеки предыдущих веков. Так что попробуй тут что-нибудь найди.

Хорошо, что в моем файле оказалось достаточно материала с Эбби, это помогло мне сконструировать отличную ищейку, после чего я ее размножила, создала целую дюжину и отправила их во всех направлениях на поиски. Вскоре я начала получать от них информацию. В 9:06 Эбби пересекла улицу, на которой стоит наш дом, и отключила свой локатор (насколько я понимаю, специально, так как никаких сбоев в работе отмечено не было). В 9:22 остановилась перекусить в магазинчике на авеню Си, до 9:56 фотографировала в парке. Там она беседовала с несколькими Пятнадцатилетками и что-то взяла у них. Я не смогла разглядеть что именно, снимки были очень неважного качества, но от дурного предчувствия у меня по спине побежали мурашки.

После 10:03 я ее потеряла: она поднялась на эскалаторе в банк и пропала. В этой части Биллингса есть целая сеть частных

улочек и воздушные трамваи, там практически отсутствуют камеры внешнего наблюдения. В животе у меня все свело от страху; мне самой было жутко.

Я проверила все входы на эти частные улицы и трамвайные остановки, даже купила дополнительный талон на быструю обработку данных, но нигде так ничего и не нашла.

Макс въехал на территорию Биллингса. Родные шпили и аллеи. Конструкции из испещренного металла и прозрачного пластика и керамики нависали прямо над нашей машиной. Я рассматривала людей, снующих по коридорам, — разного возраста, большие и маленькие, всех цветов кожи. Вот медленно по тротуару над нами идет старая женщина, наверное, этиологически ей лет Девяносто, то есть на самом деле не меньше ста двадцати. Она медленно переставляет ноги, но зато без всякой помощи. Такое не часто увидишь.

Я прокрутила материал назад, старый день рождения, но тут хорошо видна идущая Эбби. Я сконструировала ее эргодинамический профиль и отправила изображение своим ищейкам.

Бинго. В 10:42 замаскированная Эбби вышла из воздушного трамвая. Туфли на платформе, длинный плащ, искусственные накладки на грудь, бедра и плечи — пытается сойти за Четырнадцатилетку или около того. Смешно, как будто переоделась на Хэллоуин. Вот она вынула из кармана листок бумаги и посмотрела на него.

В 10:54 она вошла в плохой район.

— Поезжай на угол Тридцатой и Локаст, — велела я Максу.

— Черт подери, — выругался он, — Полицию вызывать не будем?

— Пока что у меня нет никаких оснований. Я не заметила, чтобы ее кто-то принуждал силой.

— Но помощь нам все равно нужна, — мрачно заметил Макс.

— Ага. — Я подняла на него взгляд. — У тебя есть кто-нибудь на примете?

— Кажется, да, — ответил он. Одной рукой он сделал мудры вызова и тут же заговорил: — Привет, Дейв, как дела? Послушай…

Я не стала слушать.

Последний снимок Эбби, который мне удалось разыскать, был сделан в 11:06. Гигантский Пятнадцатилетка силой затаскивал ее в какую-то дверь. Рукой он держал Эбби за локоть. Биодинамические датчики нескольких больничных видеокамер, которые иногда устанавливают на улицах, показывали, что ее пульс учащен. Нужно ли мне вызвать полицию? Достаточно ли

доказательств, что Эбби похитили? Но зачем она так вырядилась, зачем пошла в этот район? Решила поглядеть на трущобы? А если вызову полицию, не попадет ли она из-за меня в еще большую беду?

Может, Эбби покупает наркотики?

— Пересечение Паркхилл и Тридцать Второй улицы, — бросила я Максу.

Пальцы у меня свело, я не могла оторваться от последнего изображения на экране — верзила тащит Эбби в темноту.

— Можете подъехать на угол Паркхилл и Тридцать Второй? Мы будем ждать вас там, — сказал Макс кому-то. — Черт побери, знаю, приятель, — поэтому вы нам и нужны.

Когда мы доехали до места, нас уже дожидались пятеро из шестерых друзей Макса. Четверо, совершенно явно, вместе с ним занимаются бодибилдингом. Двое похожи на Девятилеток или Десятилеток (один смуглый, другой рыжий и с веснушками), они даже мощнее Макса. Головы на их мускулистых телах смотрелись как крепко посаженные грецкие орехи. Двое других — Качки-Тинейджеры, возможно, Пятнадцати-или Шестнадцатилетки. Лица у них были славянского типа, волосы светлые, оба похожи на огромные диваны или фабричные рефрижераторы; у обоих пальцы величиной с мою руку, бедра почти как мое туловище. Интересно, как они пройдут в дверь?

Но еще был и пятый — Модифицированная Трехлетка. Стояла она чуть в стороне от других, опустив крошечные руки вдоль туловища. Видно было, что все ее боятся. У нее была ангельская улыбка, один глаз, живой и карий, оглядывал все кругом, второй — лазерный имплантант — светился как алмаз. На ее голове виднелись и другие соединители и порты.

Макс остановил машину.

— Кто эта Трехлетка? — спросила я.

Макс повернулся ко мне. Он явно нервничал, будто боялся, что я подниму его на смех.

— Моя сестра Карла.

— Круто, — быстро проговорила я.

Пока я не сказала чего-нибудь еще более глупого («Как хорошо, что вы остались друзьями», например), он быстро вылез из машины.

Я открыла свою дверцу и замерла на месте — к нам со всех ног бежала Карла.

— Макс! — весело кричала она, потом раскинула в стороны руки, обняла его за пояс и уткнулась лицом в живот.

— Привет, конфетка, — ответил Макс, похлопывая ее по спине.

Я взглянула на экран на ладони. Он был темным. И плоский экран на панели управления машины тоже выключился. Понятно, рядом с Карлой все приборы отключаются. Иногда можно по отснятому материалу догадаться, были ли рядом Модифицированные Трех-или Двухлетки, потому что на экране вдруг появлялись пустые кадры, которые потом также быстро исчезали. Однажды я провела эксперимент — попыталась отснять материал о Модификации детей до Пятилетнего возраста; в принципе, «Кошку в шляпе» можно считать продолжением того, первого фильма.

— Понеси меня на руках! — закричала Карла, и Макс послушно посадил маленькую девочку себе на плечи.

— Карла, это Сьюз, — сказал он.

— Мне она не нравится, — заявила Карла.

Лицо Макса перекосилось от страха, а у меня сердце ушло в пятки. Я так сильно сжала дверцу машины, что ногти врезались в обшивку.

Карла захихикала, а потом начала икать.

— Это шутка! — еле выдавила она. — Вы такие глупенькие!

Я попробовала улыбнуться. Макс медленно повернулся к двери. Солидная, стальная, страшная; со специальной системой охраны, войти можно только при помощи биодинамической панели допуска. Считается, что эти штуки не связаны с сетью и никакой кибернетический хакер не может вскрыть их. Карла только рукой махнула, и дверь отворилась. Четверо Качков тут же бросились внутрь, им не терпелось найти Эбби и сбежать подальше от Карлы. Мы втроем замыкали процессию, причем Карла так и продолжала восседать верхом на Максе.

Лестница была темной и вонючей, типичный запах Тинейджеров — пот и прочие выделения. Стенные панели освещения практически не работали, только сверху мигала зелено-красным светом одна испорченная лампа. Так что Качки поднимались по лестнице в стробоскопическом стаккато.

Первым к двери на верхней площадке подобрался рыжий. Он потянулся к ручке, и мы услышали долгий стон, а потом кто-то заворчал. Или зарычал. Но вот раздалось хныканье — высокий, женский голос, как будто ее мучают, а она хнычет в отчаянии.

Карла заплакала.

— Мне тут не нравится!

— Что такое, конфетка? — испуганным голосом спросил Макс. — Что там, за дверью?

— Не спрашивай ее! — заорала я. — Отвлеки ее чем-нибудь, идиот!

— Макс, сделай так, чтобы все кончилось, — захныкала

Карла. — Сделай так, чтобы они прекратили.

— Нет! — в один голос прокричали мы с Максом.

— Макс. — Я старалась говорить спокойно. — Почему бы вам с Карлой не посидеть в машине? Поиграйте во что-нибудь.

— Но может, мне лучше… — Макс взглянул на меня, по обе стороны головы у него торчали тоненькие коленки Карлы. Они дрожали.

— Иди! — снова выпалила я и ринулась наверх.

Из-за двери раздавалось тяжелое дыхание и стоны. Качки нервно смотрели на меня. Я слышала, как Макс спустился по лестнице, он напевал песенку про паучка.

— Вперед! — прошипела я и показала на дверь.

Двое накачанных Девятилеток с разбегу ударили дверь плечами. Дверь прогнулась, заскрипела, но выдержала. Изнутри донесся приглушенный вопль. Двое наших Тинейджеров уперлись в стену и друг в друга, согнули колени и подперли собой Девятилеток.

— Приготовились — давай! — крикнул самый большой, и они вчетвером налегли на дверь.

Дверь распахнулась, и они ввалились в помещение. Я промчалась вперед, перепрыгнув через Качков.

На тигровой шкуре, посреди разбросанного мусора лежали двое обнаженных Пятнадцатилеток. Парень был весь в прыщах, кожа жирная, волосы реденькие и грязные, но длинные, до плеч. Девушка лежала под ним, огромные груди болтались по обе стороны от тоненького тела, коленями она обхватила бедра парня. Волосы на лобках у них соприкасались, и между ними, словно жирный багровый мост, пролег член парня.

— Ух! — выкрикнула я, а они быстро скатились со шкуры и забрались под нее. — Где Эбби?

— Привет, Сьюз, — сухо проговорила Эбби.

Она сидела на стуле слева от меня. На ней был белый спортивный костюм, в руках она держала блокнот и ручку.

— Что ты тут делаешь, черт побери?! — заорала я.

— Я и тебя могу спросить то же самое. — Она кивнула в сторону Качков, которые только теперь поднялись на ноги. Вид у них был крайне растерянный.

— Эбби! Ты пропала! — Я размахивала руками, как огромная кукла, — Локатор… дурной район… эти переодевания… ужас… ух!

— А ты что, собираешься каждый раз, когда я отключаю свой локатор, разыскивать меня с армией мускулистых ребят?

— Да!

Она вздохнула и отложила в сторону блокнот и ручку.

— Извините, — сказала она Пятнадцатилеткам. — У меня все равно время уже почти истекло. Не возражаете, если мы тут немного побеседуем?

— Нет! — проворковала девица.

— Эбби, ты что? — сказала я. — Они же не могут так вот остановиться на время. Им надо закончить… кое-что. Иначе они и соображать-то толком не смогут.

— О'кей, — согласилась Эбби. — Ладно… и спасибо.

На лестнице я спросила:

— Неужели нельзя было просто посмотреть порноканал?

— Это совсем другое, — ответила она. — Там все не по-настоящему, все поставлено на коммерческую основу. Мне хотелось взять у них интервью до и после. Мне нужно знать — каково это.

— Зачем?

Она остановилась прямо на лестнице, я тоже встала. Качки, что-то бормоча себе под нос, вышли на улицу, и мы остались с ней вдвоем в зелено-красном свете испорченной мигающей лампы.

— Сьюз, я собираюсь завести часы.

У меня было ощущение, что она вылила на меня ушат ледяной воды.

— Что?

— Собираюсь принять соответствующие лекарства, — говорила она быстро, будто боялась, что я не дам ей договорить. — За последние несколько лет в этой области многое изменилось в лучшую сторону, лекарства стали надежнее, почти никаких побочных явлений. Помогают даже младенцам. Через пять лет, похоже, у малышей вообще не будет никаких задержек в развитии, и тогда…

У меня на глаза навернулись слезы, и я заорала:

— О чем это ты говоришь?! Зачем ты говоришь, как они? Почему? Неужели нас надо лечить? — Я со всего размаху ударила кулаком по стене и почувствовала ужасную боль. Потом села на ступеньку и заплакала.

— Сьюз, — начала Эбби. Она села рядом со мной и положила руку мне на плечо. — Мне нравится быть такой, какая я есть. Как мы все. Но… но я хочу…

— Этого? — закричала я и показала наверх. Там из-за двери снова послышались ворчание и стоны. — Ты этого хочешь? Это лучше, чем та жизнь, которой живем мы?

— Я хочу всего, Сьюз. Хочу прожить жизнь от начала до конца…

— Со всеми ее глупостями, как предусмотрел глупый Бог. Это

ведь он наградил людей смертью, раком и…

Она схватила меня за плечи.

— Сьюз, послушай. Я хочу знать, что они чувствуют, хочу сама это почувствовать. Может, мне и не понравится, тогда я просто не буду больше этого делать. Но, Сьюз, я хочу рожать детей.

— Детей? Эбби, твоим яйцеклеткам сорок лет…

— Именно! Именно, моим яйцеклеткам всего лишь сорок лет, большинство из них все еще готовы к воспроизводству потомства. А кто, ты думаешь, будет рожать детей, Сьюз? Старичье? Мир начинается заново, Сьюз, и я…

— Мир и до этого был прекрасен! — Я отодвинулась в сторону. — Прекрасен! — Я ревела вовсю, из глаз текли соленые слезы, из носа липкие сопли. Я отерла лицо рукавом двубортного пиджака, и на рукаве остался липкий след, как после слизняка. — Нам было хорошо…

— Дело не в нас…

— О, вздор! — Я вскочила на ноги и, чтобы не упасть, схватилась за перила. — Будто ты собираешься жить с нами на галеоне, палить из водяных пушек и ходить на дни рождений! Нет, Эбби, не обманывай себя! Ты станешь такой же, как они! — И я ткнула пальцем наверх. — Сексуальная ревность, экономика сексуального партнерства, обман, взаимная эксплуатация и посягательство на независимость, серийные моногамность и разводы и вся подобная мутотень…

— Сьюз… — тихо промолвила она.

— Не надо! — остановила ее я. — Не надо! Если хочешь этого, делай, но тогда оставь нас в покое. О'кей? Ты нам не нужна. — Я повернулась и пошла вниз по лестнице. — Убирайся к чертовой матери.

Внизу стоял Макс. Мне не понравилось, как он посмотрел на меня. Я не останавливаясь прошла мимо.

Мальчишки-Качки уже сидели в машине, они с огромным аппетитом поедали длиннющие бутерброды, похожие на подводные лодки. Карла сидела на крылечке и беседовала со своей тряпичной куклой. Она подняла голову, и красный лазерный глаз блеснул на свету — словно в полдень, когда смотришь прямо на солнце. Но она тут же отвела взгляд и уставилась в небо.

— Чего ты боишься? — спросила она.

Я оперлась о косяк и ничего не ответила. Подул ветер, и по улице прошелестели мятые клочки бумаги.

— Я боюсь коров, — начала Карла. — А Милли… — она подняла в воздух тряпичную куклу, — боится… хм-хм, знаешь,

она боится, когда люди тратят все, что у них есть, а потом смотрят друг на друга, как в тот день, а потом из-за этого меняется погода, и тогда можно распевать вместе с кошками и все такое прочее. Вот этого она боится.

Я отерла глаза рукавом.

— Ты можешь видеть будущее, Карла?

Она захихикала, но тут же посерьезнела.

— Вы все всё на свете путаете. Просто придумали себе такую игру. Никакого будущего нет.

— Тебе нравится быть Модифицированной? — спросила я.

— Мне да, а Милли нет. Милли чего-то боится, но она просто глупышка. Милли хочет, чтобы мы были больше похожи на людей, а деревья оставались бы деревьями и чтобы нам не нужно было все время все исправлять. Но тогда мы не сможем играть в такие интересные игры.

— О'кей, — сказала я.

— Макс с Эбби выйдут через четыре тысячи пятьсот шестьдесят две миллисекунды после того, как я закончу говорить, и хорошо, если вы сейчас не подеретесь, потому что проекция группового насилия увеличивается на тридцать пять процентов, так что давай ты поезжай на клоунской машине, а я подвезу их, вообще-то я бы хотела жить вместе с вами, но понимаю, что рядом со мной другим страшновато, но можно мне хотя бы прийти к вам на день рождения Макса?

— Конечно, — ответила я. — И на мой тоже.

— Правда? Правда можно? — Она запрыгала и обняла меня за талию, прижавшись щекой к моей груди. — Ой, даже не ожидала от тебя такого! — Она оторвалась от меня, лицо у нее просто сияло, и тут же показала на машину. — Ладно, а теперь давай быстро! Уезжайте! Пока!

Я залезла в машину и завела мотор. Карла помахала мне, потом взяла за руку Милли и помахала ее рукой тоже. За ее спиной открылась дверь, я заметила ботинок Макса и тут же нажала на газ.

Когда мы отъехали от Карлы на четверть мили, плоский экран замигал и включился, а серьга начала беспрестанно звенеть. Я разрешила принять вызов Трэвиса.

— С Эбби все в порядке, — сказала я. — Она с Максом. Они вместе приедут домой.

— Круто, — ответил Трэвис. — Ну и отлично!

— Ага.

— А Томми с Ширн прислали мне видеоролик о доме. Выглядит клево. Тебе тоже нравится?

— Да, нравится.

Я уже ехала по 1–90. За шпилями и воздушными трамваями Биллингса были видны причудливые пригороды — мельницы, замки, корабли, купола, заколдованные леса.

— Круто, я так понял, что они там подписали какие-то бумаги.

— Что? Трэвис, но как же без нашего согласия? — И тут до меня вдруг дошло, что единственной, кто не видел дома, была Эбби. Я крепче сжала руль и заревела.

— Что? Что такое? — спросил Трэвис.

— Трэвис! — провыла я. — Эбби хочет завести часы!

— Я знаю, — пробормотал он.

— Что? Ты знаешь?

— Она сказала мне об этом сегодня утром.

— Почему же ты молчал?

— Она взяла с меня обещание, что я никому не скажу.

— Трэвис!

— Я надеялся, что ты ее отговоришь.

Я выехала на дорогу, ведущую в Страну Пиратов, пролетела сквозь оранжевый пластмассовый тоннель, украшенный подвижными изображениями скелетов, выбирающихся из морской пучины.

— Ее невозможно отговорить.

— Но как же, Сьюз, мы должны это сделать. Послушай, не можем же мы вот так просто прекратить свое существование. Сначала Катрина и Огбу… — Он снова начал нервно пищать, подобно крысе, а мне вдруг все так надоело.

— Заткнись и прекрати пищать и ныть, Трэвис! — прокричала я. — Она или передумает, или нет, но по-моему, нет, так что привыкай понемногу.

Трэвис ничего не ответил. Я отдала приказ прекратить связь и блокировать все вызовы.

Я подъехала к галеону и остановилась. Нашла в «бардачке» носовой платок и тщательно вытерла лицо. Костюм у меня был дорогой, и на нем уже не было заметно никаких слез и соплей, наоборот, ткани хорошего качества только лучше становятся от протеина. Я взглянула на себя в зеркало, мне не хотелось, чтобы Дама агент по недвижимости заметила, что я плакала. Только после этого я вылезла из машины и постояла, оглядывая дом.

Насколько я знаю Томми и Шири, они все еще должны быть тут, наверное, нашли каток для катания на роликах или комнату для родео.

Рядом с домом был припаркован старинный фургон Дамы агента — настоящая классика, небось еще на бензине ездит. Я подошла к фургону. Боковая дверь была открыта. Я заглянула

внутрь.

Там сидела Девятилетка и читала книгу. Она была одета, как настоящий Ребенок — волосы завязаны в два хвоста, футболка с лошадкой, носочки с какими-то яркими подвесками. Вполне сочетается с Мамочкиным стилем, в котором одета Дама. Лично мне все эти переодевания-маскарады не нравятся, но о вкусах не спорят.

— Привет, — поздоровалась я.

Она подняла глаза.

— Ага, привет.

— Ты тут живешь?

Она наморщила нос.

— Моя мама не хочет, чтобы я рассказывала незнакомым людям, где я живу.

Я закатила глаза.

— Слушай, оставь эту ерунду, зачем разыгрывать спектакль? Я задала простой вопрос.

Она уставилась на меня, потом сказала:

— Нельзя все заранее знать о людях, — и закрыла лицо книгой.

На дорожке послышался стук каблуков Дамы. У меня мурашки побежали по коже. Что-то тут не совсем в порядке.

— Привет, — весело заговорила Дама, хотя видно было, что она в замешательстве. — Вижу, вы познакомились с моей дочерью.

— Это действительно ваша дочь, или вы вдвоем просто вошли в роль?

Дама сложила руки на груди и пристально посмотрела на меня своими зелеными глазами.

— Коринта подхватила коммуникативный синдром задержки развития, когда ей было два года. Семь лет тому назад ее начали лечить.

Я почувствовала, что у меня рот открылся сам по себе.

— Значит, ее часы были заведены, когда она была Двухлеткой? И она провела двадцать пять лет в неизменном возрасте двух лет?

Дама заглянула мимо меня в фургон:

— С тобой все в порядке, дорогая?

— Да, — не отрываясь от книги, ответила Коринта. — Если не считать, что ходят тут всякие бездари и задают глупые вопросы.

— Коринта, пожалуйста, будь вежливой, — упрекнула ее Дама.

— Извини, — ответила она.

Дама повернулась ко мне. Думаю, у меня глаза чуть не

вылезли из орбит. Она рассмеялась.

— Я видела ваши документальные фильмы.

— Правда?

— Да. — Она оперлась спиной о фургон. — С технической точки зрения они безупречны, и мне кажутся убедительными и некоторые ваши мысли. Например, когда вы показываете пробелы в отснятом материале, которые появляются, если рядом оказываются Модифицированные дети. Я вдруг почувствовала, каково же живется этим несчастным, подключенным к Интернету.

Как странно она все излагает, но я не стала ничего говорить, лишь выдавила:

— Хм… спасибо.

— Но мне сдается, что вы несправедливы к тем из нас, кто решил не Модифицировать своих детей. Глядя на ваши работы, можно решить, что родители, не давшие согласия на Модификацию, поголовно страдают от Усталости Родителей и отсылают своих малышей на государственные фермы-ясли и навещают детей только на Рождество. Или что родители ведут варварский, жестокий, развратный образ жизни. — Она посмотрела на свою дочь. — Коринта доставляет мне только радость…

— Мама! — фыркнула из-за книги Коринта.

— …но мне никогда не хотелось мешать ей расти и развиваться. Просто мне казалось, что Модификация — это не решение вопроса. Не для нее.

— И вы считали, что имеете право принимать решение, — заметила я.

— Да. — Она быстро закивала. — Я считала, что обязана принять решение.

Все, кто знал меня, не сомневались бы, что я резко отвечу на такое. Но я молчала. Я смотрела на Коринту, которая потихоньку подглядывала за нами из-за книги.

Молчание затянулось. Коринта снова уткнулась в книгу.

— Мои друзья все еще в доме? — спросила я.

— Да, — ответила Дама. — Они хотят тут поселиться. Думаю, что для шестерых тут как раз хватит места и…

— Пятерых. — Я внезапно осипла. — Думаю, нас будет пятеро.

— А-а-а. — Вид у Дамы был озадаченный. — Мне… жаль.

Коринта отложила книгу в сторону.

— Почему?

Мы с Дамой посмотрели на нее.

— А, я задала грубый вопрос? — спросила Коринта.

— Немного, дорогая, — ответила Дама.

— А-а-а… — протянула я, потом взглянула на Коринту. — Одна из нас хочет… завести часы. То есть запустить обычный биологический механизм старения.

— И? — спросила Коринта.

— Дорогая, — вмешалась Дама. — Иногда, если люди меняются, им становится тяжело продолжать жить вместе.

— Но это же глупо, — ответила Коринта. — Вы даже не ссорились, ничего. Просто одна из вас хочет стать взрослой. Я бы никогда из-за этого не порвала с друзьями.

— Коринта!

— Дайте ей сказать! Я пытаюсь с уважением относиться к вашим архаичным взглядам относительно взаимоотношений родителей и детей, Дама, но с вами так сложно.

Дама откашлялась и сказала:

— Извините.

Я посмотрела на главную мачту, на пушки нашего галеона. Ровная лужайка. Здесь есть абсолютно все, что нужно. Батуты и бассейн, канаты и игры. Представляю, какие дни рождений мы сможем устраивать тут с пением и тортом, подарками и развлечениями, как будем обливать всех из водяных пушек, брызгаться пеной из огнетушителей и гоняться за невиданными зверями. Мы сможем нанимать клоунов и акробатов, сказочников и волшебников. По ночам будем спать в гамаках на палубе или на одеялах на лужайке прямо под звездами, а может, и все вместе в том большом спальном отсеке в носу корабля.

Но представить тут Эбби я не могла. По крайней мере, не взрослеющую Эбби, которая постепенно будет расти, обретать женские формы, будет совокупляться с огромными гориллоподобными мужчинами, женщинами или и с теми и с другими. Со временем она захочет уединяться, захочет приводить в гости таких же, как и она, друзей, которые запустили свои биологические часы, чтобы шептаться и смеяться с ними о менструациях и ухаживаниях. Я не могу представить Эбби с партнером или с детьми.

— У Римрок-роуд есть одно место, — медленно сказала Дама. — Старинный особняк, у него длинная история. Конечно, не такой роскошный… не такой тематический, как этот галеон. Но главное здание там было приспособлено для проживания Группы, любящей развлечения и игры. Кроме главного, есть два здания поменьше, удобно, когда хочешь уединиться, или когда люди живут разными интересами.

Я встала, отряхнула брюки и сунула руки в карманы.

— Давайте съездим посмотрим, — предложила я.

Дэвид Моулз
Третья сторона

Дэвид Моулз печатался в сборниках «Asimov's Science Fiction», «Polyphony 2», «Strange Horizons» и прочих. В приведенном ниже рассказе читатель оказывается втянутым в интриги, шпионские игры, культурный конфликт на далекой планете, живущей по своим, хоть и странным, законам. В такой ситуации очень важно знать, что представляют собой действующие лица.

* * *

Когда Цицерон отодвинул плотную гардину, занавешивающую вход в бар, время уже шло к рассвету. В помещение ворвался ветер с дождем. Ветер был теплым, как кровь, дождь отдавал затхлой зеленью заросшего пруда. Перед деревянной стойкой стояло три высоких стула, занят был лишь средний. Цицерон тяжело опустился на тот, что слева.

— Где ты был? — спросил человек, сидящий посредине. Говорил он на языке, на котором во всем этом мире разговаривали не более пятидесяти человек.

Цицерон не обратил на вопрос никакого внимания. Бармен поставил перед ним деревянную кружку и налил в нее немного мутного зелья. Тут же рядом с кружкой появилась миска супа. Цицерон запустил руку под плащ, перепачканный водорослями, и бросил на стойку горсть цинковых монет. Второй мужчина вздохнул.

Цицерон протянул руку мимо мужчины, взял бутылку с острым соусом и обильно сдобрил им суп.

— Прием на факультете, — ответил наконец он. — Никак не мог уйти раньше. — Длинной ложкой он размешал суп. — А тебе обязательно надо было выбрать первую ночь сезона бурь, да? На улице просто жуть что творится. — Он шумно втянул в рот ложку супа и запил зельем из кружки.

— Черт побери, Цицерон…

— Шучу, — сказал Цицерон. Он подцепил длинной ложкой рыбный шарик, критически осмотрел его и запустил в рот. — За мной следили, — продолжал он с полным ртом. — Пришлось уходить, а это быстро не делается.

Второй мужчина напрягся.

— Дельцы?

— Что? — Цицерон проглотил то, что было во рту, и отложил ложку в сторону. — Конечно нет! Неужели ты думаешь, им нужны люди? Они используют трутней или кого-нибудь еще.

— Верно, — успокоился второй мужчина.

— Мариус, — начал Цицерон, — что с тобой? За мной следили Спецы или Тайная Империя, но в любом случае я от них ушел еще в Округе.

Мариус вздохнул и, постучав по стойке, подозвал бармена. Настала очередь Цицерона с нетерпением ожидать, пока бармен принесет еще одну миску с супом и наполнит им обоим кружки крепким зельем.

Наконец Цицерон пожал плечами и снова уткнулся в свою миску.

— Был прием, — начал он с полным ртом рыбы. — У ректора университета. В честь нового профессора неприкладной оптики. Неплохо поболтали с ним о люминесцентном эфире.

— Замечательно, Цицерон. Ты ведь преподаешь политическую экономию, а не физику.

— Я преподаю то, что мне нравится, черт возьми, — спокойно заметил Цицерон.

Он замолчал и занялся содержимым кружки. Через какое-то время поднял голову и сказал:

— Кстати, о дельцах. Сегодня они были в университете. Двое. Крутились вокруг библиотеки.

— Что им было нужно? — спросил Мариус.

— Понятия не имею, — ответил Цицерон. — Но мне они не понравились. Даже одежда у них была не местного покроя. Не знаю, за кого их приняли библиотекари.

— Послушай, Цицерон, — начал Мариус. — Гален подумывает о том, чтобы отправиться домой.

— А Саломею оставим дельцам? — вскинулся Цицерон.

— Я серьезно, — продолжал Мариус. — Все сошлись во мнении, что так будет безопаснее.

Цицерон поставил кружку на стойку.

— Черт бы их побрал.

Он ждал, что Мариус что-нибудь скажет, но тот молчал, и тогда Цицерон сам задал вопрос:

— Что собираешься делать ты?

Мариус вздохнул.

— Не знаю. Наверное, подожду, пока не примут окончательного решения.

Цицерон опустил взгляд и, не переставая, крутил кружку. На время замолчали оба. Наконец Цицерон сказал:

— Мариус, если мы вернемся… ты не будешь жалеть, что оставил здесь кого-то?

— Буду, буду жалеть о многих, — ответил Мариус. — Например, обо всех членах рабочего движения. — Он взглянул на Цицерона и только тут заметил выражение его лица. — Ого, — выдавил он и покачал головой. — Слушай, так нельзя.

Цицерон вздохнул.

— Тебе очень тяжело, да? — спросил его Мариус.

— Наверное, да, — ответил Цицерон.

* * *

Он успел на первый поезд, направлявшийся на восток, в сторону Университетского Округа. В поезде почти никого не было; в вагоне с Цицероном сидела лишь парочка коматозных городских клерков, отработавших вторую смену, пропивших недельный заработок и спешащих теперь к своим семьям в пригород.

Вдруг он почувствовал себя страшно одиноким. Он не должен был быть один. Где-то там наверху курсируют два корабля Космической службы, «Равенство» и «Солидарность»; на борту кораблей много аналитиков и компьютеров, которые с помощью QT-сети связаны с офисами Космослужбы на Уризене и Зоа, а через них и со всем Сообществом до самых дальних границ. И даже сейчас небольшая, но вполне заметная часть Сообщества наверняка прикована к событиям этого мира, этого континента и этого конкретного города, а возможно, их интересует то, что происходит с ним, Цицероном.

Поезд промчался мимо трущоб, окружавших доки, мимо покрытых ржавчиной скелетов портовых кранов и выехал на длинный, взметнувшийся высоко над водой пролет Старореспубликанского моста. На секунду в небе показался просвет — слева стал виден огромный серо-зеленый залив (вдали от берега вода становилась более темной), справа Басия, яркая, грязная, красивая, вся в тропической зелени, странная смесь деревянных домов бедняков и позолоченных, стальных шпилей Города.

В Басии насчитывается миллион жителей. Еще сто миллионов живут во всей Саломее. Работают. Спят. Молятся. Воруют. Убивают друг друга ножами и пулями. Еще тут умирают от грязи, дурных санитарных условий, неправильной фискальной политики. Но они и любят друг друга.

— Черт побери! — громко выругался Цицерон; один из

спящих клерков всхрапнул и открыл глаза.

Интересно, многие ли из исследователей, экспертов или самозваных начальников действительно понимают то, что делают. Наверное нет. Все ничего, пока они обсуждают роль истории, сложность происходящего и долгосрочные последствия, постепенные неизбежные перемены, но им никогда не приходилось лицом к лицу сталкиваться с людьми, чьи жизни они переворачивают вверх дном; они никогда не смотрели этим людям в глаза.

Как им легко и просто решить, что Сообщество должно оставить Саломею дельцам.

Разве может он оставить Талию?

Поезд проехал мост и начал долгий подъем на скалы, поросшие зеленой растительностью, на другой стороне залива. Тут снова небо затянули тучи и пошел дождь.

Цицерон быстро, глубоко вдохнул, потом медленно выпустил воздух.

— Черт побери, — повторил он. — Я остаюсь.

* * *

Он ждал в тени запертых ворот Палмер-колледжа, а в это время надзиратель университета шел по аллее. Каждые несколько ярдов он останавливался и своим длинным посохом раздвигал стебли ползучего бамбука, который уже полностью обвил стены Грейсиз-колледжа. С давних времен оба колледжа были соперниками. Древние эти стены пережили и огонь, и мятежи, и войны, но с тех пор уже много поколений царит мир, и на стены забираются теперь разве что студенты Палмера. А с тех пор как Грейсиз стал женским колледжем, прекратились и стычки между студентами; учащиеся Палмера оскорбляли учащихся Грейсиз только из-за личных обид.

Как только надзиратель удалился, Цицерон внимательно оглядел аллею, связал за спиной капюшон и длинные рукава и вцепился в мокрые побеги бамбука. Студенты, сбегавшие с занятий, давно уже обнаружили, что бамбук достаточно крепок, чтобы выдержать карабкающегося вверх человека, а листья дают необходимое укрытие. Надзиратели тоже прекрасно знали об этом.

Пять лет, проведенные в низком гравитационном поле Саломеи, не способствовали поддержанию хорошей физической формы, но Цицерон все же взобрался на стену, пробежал по черепичной крыше Лабриола-Хауза и спрыгнул на балкон

третьего этажа. Тут он снял свой ранец, секунду помедлил, чтобы привести себя в порядок и стряхнуть мокрые листья бамбука, и только потом постучался в первую дверь.

Вскоре дверь открыла сонная служанка.

— Доброе утро, Лея, — поздоровался Цицерон. — Мисс Турей принимает гостей?

Служанка присела в приветственном книксене и ответила:

— Вас она, конечно же, примет. Она всю ночь провела за книгами. С вашей стороны будет поистине добрым делом, если вы убедите ее, сэр, хоть немного поспать перед посещением часовни.

— Я постараюсь, — сказал Цицерон.

Лучшая студентка Грейсиз действительно сидела за книгами. Талия Ксанте Турей-Лорион склонилась над столом, заваленным стопками книг и кипами бумаг. Когда Цицерон вошел в комнату, она отодвинула стул от стола и откинула волосы с глаз.

— Цицерон! Который час?

— Уже четверг, — ответил он и поцеловал ее. — Шестьдесят восьмой четверг лета, хотя, похоже, в этом году сезон бурь начался раньше обычного. — Он открыл ранец и вытащил оттуда небольшой сверток, завернутый в бумагу. — Это для тебя. — И он положил сверток на стол. — Были, к сожалению, только с фруктовой начинкой. Докеры бастуют, шоколад стал дефицитом.

Она строго посмотрела на него, и он тут же прибавил:

— Шесть часов.

— Шесть часов! — Она в ужасе оглядела книги и бумаги на столе. — Мне нужно к окну. — Она встала и потянулась. — Ой, Цицерон, — вдруг обернулась она к нему, — а ты знаешь, что реальные числа не поддаются счету?

Цицерон нахмурил лоб.

— Не знаю, — ответил он, потом разыскал кофеварку и вытряхнул фильтр в мусорное ведро. — Это над этим ты сидела всю ночь?

— Да! — ответила Талия. — Это так! И у меня есть доказательства!

Цицерон налил в кофеварку воды из кувшина, стоявшего у постели, и поставил ее на плитку.

— А как насчет статистических расчетов для Болте? — Он пытался зажечь газ.

— Ах это, — отмахнулась Талия. Она порылась в книгах и бумагах, выудила толстую тетрадь канареечно-желтого цвета. — Вот. Готово. Еще вчера днем закончила. — Потом взяла пирожное. — Боже, я умираю от голода.

Вспыхнул газ. Цицерон повернулся и взял в руки

канареечную тетрадь. «Подробные расчеты воздействия субъективных эффектов на предшествующие распределения: альтернативный метод максимально приближенной оценки». Почерк у Талии был аккуратный и четкий, сразу видно, что она долго занималась каллиграфией; к тому же девушка отличается усидчивостью.

— Замечательно, — промолвил он, пролистав тетрадь. — Для Болте, правда, слишком заумно.

«И не только для Болте», — подумал он про себя. У себя дома, на Атании, он проходил нечто подобное по истории математики, иначе и для него многое было бы непонятным. Сейчас он быстро взглянул на выводы.

— Конечно, реальные числа не поддаются счету, — рассеянно заметил он, хотя то, над чем ночью работала Талия, не имело никакого отношения к написанному в тетради. — Для любой их последовательности, которую можно сосчитать, нужно построить серию гнезд-интервалов, сходящихся к числу, которого нет в последовательности.

Он пролистал еще несколько страниц и, подняв глаза, обнаружил, что Талия не отрываясь смотрит на него.

— Цицерон, — сказала она. — Я выводила доказательства всю ночь. Насколько мне известно, этого еще не делал никто. Ты профессор экономики. Откуда тебе это известно?

Цицерон пожал плечами и ответил:

— Не знаю. Наверное, где-то читал. Ешь пирожное, иначе оно засохнет.

Он взял второе пирожное себе.

— Я серьезно, Цицерон, — продолжала Талия. — Ты очень умный, и я тебя люблю, но ты ведь не гений.

— Все в порядке, — ответил он. — Зато гений ты. — И он снова ее поцеловал, — А тебе известно, что новый профессор утверждает, будто скорость света в вакууме является величиной постоянной независимо от относительной скорости источника и наблюдателя?

— Да, — сказала она. — Я читала статью. Хотела написать ему сама; расстояние и время должны меняться при передвижении наблюдателя. Не пытайся увести меня от вопроса.

Цицерон вздохнул. Это не Талию он пытается отвлечь, а самого себя.

Он отступил назад, огляделся, куда бы присесть, и наконец пристроился на краю постели. Матрас на кровати был по-военному жестким, так спали все представители высшего класса Травалля и Тиатиры — тонкий слой хлопка поверх деревянных досок, — но сейчас ему все казалось чудесным.

Ему хотелось схватить Талию в объятия, притянуть к себе, крепко прижать и закрыться одеялами с головой от всего мира, заснуть навеки, подобно заколдованным любовникам из какой-нибудь сказки, не думая ни о профессорах или колледжах, ни о революционерах или торговцах-авантюристах, ни о звездных кораблях, снующих на орбите высоко в небе, хоть и невидимых, но грозных.

Вместо этого он сказал:

— Талия, если бы мне нужно было уехать… ты поехала бы со мной?

Она посмотрела на него и спросила:

— Куда? На острова? В Порт-Сент-Пол?

Порт-Сент-Пол был столицей одной из островных колоний Травалля; считалось, что Цицерон родом оттуда. Острова отделяли от Басии шестьсот километров бурного океана; вряд ли кто-нибудь в университете стал бы проверять его поддельные документы или придуманную историю.

Специальные медицинские нанниты переконструировали весь его организм на уровне начиная от ДНК, и он стал подлинным уроженцем островов Рока вплоть до группы крови, цвета кожи, высоких скул и текстуры волос; после этого все три года пути от Зоа его беспрестанно трясло, но постепенно организм привык. Когда он увидел себя в зеркале, оказалось, что в основном он даже остался похож на самого себя, а теперь он привык и к небольшим изменениям — нос стал чуть шире, волосы более курчавые, кожа не синевато-черная, а, скорее, коричневая (теперь даже стало заметно, когда он краснеет или бледнеет). Зато для жителей Травалля он уже не выглядел чужаком. Правда, островитяне в Басии тоже редкость, так что на Цицерона все равно обращали внимание, иногда даже насмехались, но его это не раздражало.

Раздражало его лишь то, как восприняли здесь его роман с Талией. Многие считали его не просто скандальным, а оскорбительным.

Цицерон покачал головой и ответил:

— Неважно.

На секунду его решимость поколебалась. Но выбор уже сделан, причем давно. Если когда-нибудь он снова и окажется в мире, в котором родился, то это все равно уже будет не тот мир, который он оставил позади. Его семья, друзья детства (за исключением нескольких человек, отправившихся в аналогичные путешествия) давно состарились и умерли, пока он находился в космосе. Да и товарищей по путешествиям он вряд ли сможет увидеть. И этот выбор он тоже сделал сам. Ради Талии и ее

народа, хотя он их еще и не знал тогда. И он не может просить ее сделать то же самое ради него.

Талия подошла к нему и присела рядом.

— Как только я закончу колледж, — сказала она, — отвезу тебя в Тиатиру. Папа устроит нам обоим кафедры в университете Сетис Империал.

Цицерон улыбнулся.

— А что скажет твоя мать?

— Будет вне себя, — ответила Талия. — Но это ее обычное состояние. А папе ты понравишься.

Тут он взял ее за руку и притянул к себе.

— Мы изменим весь мир, — прошептала она. — Вот увидишь.

Когда Талия ушла в часовню, Цицерон покинул Грейсиз-колледж тем же путем, что и пришел. В своем колледже, Палмере, он тоже пошел в часовню. Потом отправился на службу, но со студентами был либо слишком мягким, либо слишком суровым, а то и таким и другим одновременно. Он написал едкое письмо редактору ведущей финансовой газеты Города и чуть более спокойное в один из основных экономических журналов Тиатиры.

Он даже сходил в главную библиотеку и какое-то время слонялся по Круглому читальному залу, прислушиваясь, как барабанит дождь по освинцованной крыше, как лязгают заводные механизмы лифтов и шипят пневматические трубы. Он обдумывал встречу с дельцами, но они так и не появились — то ли закончили свои дела в университете, то ли были заняты чем-то другим.

Цицерон ушел разочарованный, но не без облегчения. Он понятия не имел, что сказал бы им. Он вернулся в свою комнату и какое-то время сидел, глядя, как дождевая вода затекает в трещины в подоконнике.

«Что же мне делать?» — думал он.

* * *

Корабль Цицерона, «Равенство», был вторым кораблем Сообщества, достигшим Саломеи. Первым был «Солидарность», именно он заложил фундамент будущей миссии. Было собрано и записано огромное количество разного материала, который затем посредством QT-сети передали домой, чтобы там уже правильно спланировали, каким образом вернуть потерянную колонию цивилизации. Через двадцать лет по следам «Солидарности» вылетел корабль «Равенство», именно он привез истинных миссионеров, специалистов, таких как Цицерон, способных и

обученных жить и работать среди людей Саломеи.

«Равенство» находился в системе Джоканаана неполных два года, когда телескопы впервые заметили корабль дельцов, он был тогда на расстоянии половины светового года и направлялся к планете. Из документов Золотого Века и смутных старых записей радиопередач, Сообществу было известно, что человечество когда-то занимало гораздо большие пространства, чем то, что им было известно теперь. Как любая далекая миссия, экспедиция на Саломею была готова к встрече с пришельцами из неизвестности. Но кто же знал, что именно так и произойдет. Да и думали-то они, что если и столкнутся, то с цивилизацией, похожей на Сообщество.

Истина оказалась далекой от их догадок, и они не сразу все поняли. Пока Цицерон погружался в новую для него культуру и ни на секунду не задумывался о приближающемся корабле, лингвисты миссии Содружества пытались найти общий язык с обитателями корабля. Они перебирали известные им мертвые языки и старались понять значение странных выражений типа «интеллектуальная собственность» и «право на эксплуатацию». Корабль пришельцев назывался тоже странно — «Эластичный спрос», представлял он какую-то организацию под названием «Марджинал Лимитед». Свою цивилизацию пришельцы называли «ассоциацией», вроде бы похоже на «сообщество», но настораживали некоторые необычные нюансы.

Даже когда из-за странного пристрастия пришельцев к коммерции их прозвали дельцами, а кое-кто из коллег Цицерона (специалистов по экономике развития), оставшихся дома, в Сообществе, начали высказывать обеспокоенность, никто из сотрудников Космической службы или даже из миссии на Саломее не воспринял это всерьез. Просто им казалось, что невозможно применить принципы, работающие на этой несчастной, бедной планете, где еще существовали акционерные общества и колониальные империи, к межзвездной цивилизации.

Но потом пришельцы появились в Басии, столице самой крупной из этих империй, и заявили о своем присутствии государству Травалль.

И только тогда Космическая служба и миссия на Саломее были вынуждены всерьез задуматься о вновь прибывших.

* * *

Цицерон считал само собой разумеющимся, что, так как Космическая служба ставит своей целью спасти людей Саломеи от

самих себя, то она же спасет их и от дельцов. Он и помыслить не мог о том, что они решат оставить планету, чтобы ее поглотила другая цивилизация, причем настолько коррумпированная и дисфункциональная, что может пронести через межзвездное пространство свои идеалы собственности и коммерции.

Цицерону даже в голову не приходило, что Космическая служба откажется от поставленной задачи.

«Если проблема настолько сложна, — думал он, — что тогда будет со мной? Что я могу сделать в одиночку?»

Он снова взял тетрадку Талии и медленно пролистал ее, он не столько читал, сколько просто смотрел на буквы и цифры.

Если миссия Космической службы улетит, и Талия и остальной народ Саломеи останутся абсолютно беспомощными. Цицерону необходимо что-то придумать, больше некому.

Его мысли были прерваны стуком в дверь. Стук повторился, Цицерон не двигался, и тогда кто-то начал открывать дверь ключом.

Цицерон открыл дверь сам. Перед ним стоял привратник колледжа с ключом от комнаты в руке. С ним был старый профессор Элиер, ректор Палмера, а рядом с профессором стояли грузный мужчина средних лет в круглой шляпе и черном плаще (такие носили как минимум лет десять назад) и двое городских полицейских.

— Профессор Элиер, — вежливо поздоровался Цицерон, когда ректор и мужчина в круглой шляпе прошли в комнату. — Чем обязан?

— Дело крайне неприятное, Цицерон, — ответил Элиер. — Руководство колледжа полностью доверяло вам, но вы выбрали странный способ отблагодарить нас. — Он повернулся к господину в круглой шляпе, — Вы обещаете, что нигде не будете упоминать наш колледж, не правда ли?

Мысли Цицерона спутались. Не может быть, чтобы в колледже стало известно о его романе с Талией; в любом случае, это уже вопрос внутриуниверситетской дисциплины, в самом худшем случае к делу были бы привлечены замаскированные «рыцари» Тайной Империи, но никак не официальные полицейские. Бесспорно, некоторые его лекции можно считать провокационными, но даже враги на факультете экономики не считают это достаточным поводом для ареста. Работа Мариуса, конечно, намного более опасна для общества, и если властям стало известно о его связи с Цицероном, тогда, понятно, им захочется с ним встретиться. Но вряд ли им что-либо удалось узнать.

Нет, тут не обошлось без дельцов, только они действуют

руками представителей государства Травалль. Это единственное убедительное объяснение происходящего.

Цицерон редко выходил на связь с «Равенством», «Солидарностью» или другими представителями миссии Космической службы. На случай необходимости у него имелся обыкновенный голосовой телефон, вживленный за правым ухом. Надо надеяться, что он еще работает; ведь Цицерон не пользовался им с тех пор, как закончилась подготовка к высадке.

Чтобы активировать телефон, он подвигал челюстями и сразу почувствовал ответную вибрацию.

— Беда, — субвокализировал Цицерон.

Господин в круглой шляпе говорил с выраженным акцентом городского среднего класса.

— Мы приложим все усилия, сэр, — ответил он Элиеру, потом прибавил: — Могу сообщить вам, что в большинстве подобных случаев мы стараемся избегать судебных процессов. Это так неудобно.

— Судебных процессов? — переспросил Цицерон. — О чем, черт побери, вы говорите? — Он повернулся к ректору: — Профессор, кто эти люди?

— Не прикидывайтесь, Цицерон, — ответил Элиер. — Эти люди… господин?.. — Он вопросительно посмотрел на человека в круглой шляпе, но тот ничего не ответил, тогда профессор откашлялся и продолжал: — Этот господин сотрудник Специального отдела полиции. Они уверены, что вы сможете ответить на их вопросы.

— Дело в том, — весело начал сотрудник Специального отдела, — что мы считаем вас виновным в шпионаже, подрывной деятельности, подстрекательстве к мятежу… — Он наклонился к Цицерону и продолжал тихим, доверительным голосом: — И кое в чем еще. Мы надеемся, что проясним ситуацию уже сегодня.

Цицерона отвлек шепот, раздавшийся в ухе:

— Дельцы?

Он думал, что услышит кого-нибудь из связистов, но голос принадлежал Ливии, капитану «Равенства» и второму по значению человеку в командовании миссии.

— Скорее всего, — ответил он ей. — Хотя пока что фигурируют только местные полицейские. — Чтобы скрыть разговор от окружающих, он сделал вид, что закашлялся.

— Слушай, — продолжала Ливия, — у нас здесь тоже много проблем.

— Произошла какая-то ошибка, — громко заявил Цицерон, а потом тихо сказал Ливии: — Меня собираются арестовать.

— Следуй за ними и постарайся держать с нами связь, —

ответила Ливия. — Когда мы узнаем, куда тебя поместят, то придумаем, что делать.

«Хорошо, — подумал Цицерон. — Следовать за ними. А что, если связь держать не удастся?»

Сотрудник Спецотдела покачал головой и ответил:

— Боюсь, мы таких ошибок не допускаем, сэр. — Он кивнул одному из полицейских в форме, тот достал наручники, а господин в круглой шляпе, повернувшись к Цицерону, сказал: — Если не возражаете, я возьму вот это.

Цицерон заметил, что все еще держит в руках «Подробные расчеты».

— Возражаю я, — донеслось с балкона.

Цицерон поднял глаза и увидел поднимающуюся по лестнице Талию. У него замерло сердце.

Она зашла в комнату и обратилась к Элиеру:

— Это моя работа для профессора Болте, сэр. Я просила доктора Цицерона дать мне несколько советов.

Ректор учащенно заморгал.

— Мисс… Турей, не так ли? — Цицерон наблюдал, как на лице профессора отражалось все, что он чувствовал: раздражение, смущение, очевидный испуг — ведь он мог легко раздразнить самую богатую и приближенную к высоким кругам студентку. Элиер повернулся к господину из Специального отдела: — Конечно же, не обязательно забирать с собой работу мисс Турей.

— Пожалуйста. — Цицерон протянул тетрадку Талии. На секунду их взгляды встретились, а пальцы соприкоснулись. Лицо Цицерона дрогнуло. Пальцы его задрожали, и он с трудом выпустил из рук тетрадь. Потом откашлялся и сказал, кивнув в сторону полицейских: — Все вскоре прояснится. Увидимся в пятницу в обычное время.

— Именно, — подтвердил ректор. — А теперь беги, дитя.

Талия кивнула, оглянулась на Цицерона и готова была уйти.

— Одну секундочку, пожалуйста… мисс Турей, — преградил ей путь господин из Спецотдела. — Вы случайно не… — Он выудил из кармана листок бумаги и посмотрел на него: — Мисс Талия Ксанте Турей, Турей-Лорион, не так ли? — Тиатирское имя в его устах звучало гораздо лучше, чем можно было ожидать.

Талия безмолвно кивнула.

Мужчина улыбнулся и объявил:

— Тогда можно считать, что нам повезло. Одним ударом поймали двух пташек, можно сказать так. — Он протянул лист бумаги ректору и опять повернулся к Талии: — У меня есть ордер и на ваш арест тоже.

«Черт побери», — выругался про себя Цицерон.

Он повернулся к полицейскому, державшему наручники, и с силой ударил его в переносицу так, что голова у того откинулась назад с характерным хрустом.

Второй полицейский выругался и бросился вперед, оттолкнув в сторону ректора. Цицерон ударил полицейского в живот, и тот отлетел прямо на руки привратника.

— Беги… — успел сказать он, поворачиваясь к Талии.

Но тут что-то сильно ударило его по затылку.

* * *

Талия видела, как Цицерон медленно осел на пол. Господин в круглой шляпе, как ей казалось, даже не пошевелился. Сейчас он стоял над Цицероном и сквозь сжатые губы выдыхал тонкой струйкой воздух.

— Чуть не сбежал, — буркнул он и потер костяшки пальцев.

Оставшийся в живых полицейский согнулся в дверях — его тошнило.

— Констебль, — резко бросил ему господин в шляпе, — если вы пришли в себя, то обяжете меня, взяв на себя молодую леди. Препроводите ее куда следует. — Мужчина повернулся к ректору, тот вжался в стену и вытаращил глаза. — А вам, сэр, не помешает чашка крепкого чаю. Все закончено.

— Да, — неуверенно ответил Элиер, — Да, только… — Он переводил взгляд с Цицерона, который хоть и лежал на полу, но дышал, на тело мертвого полицейского.

Второй полицейский подобрал оброненные наручники и подошел с ними к Талии, а господин в круглой шляпе тем временем взял Элиера за локоть и аккуратно повел его к двери.

— А впрочем, немного виски вам тоже пойдет на пользу, — говорил он при этом, потом кивнул привратнику и прибавил: — Проследите за этим.

— Будет исполнено, сэр, — ответил привратник.

Господин в шляпе проводил взглядом привратника и ректора.

Когда звук их шагов замер на лестнице, он встал на колени между двумя лежащими на полу телами и пощупал за ухом у Цицерона, словно пытаясь найти пульс. Со стороны можно было подумать, что нащупать пульс ему не удалось, потому что он перевернул Цицерона и пощупал за другим ухом. Талия наблюдала за ним с возрастающим чувством ужаса, а он достал из внутреннего кармана пальто складной нож.

— Что вы делаете?! — воскликнула она, когда господин проткнул острием ножа кожу за ухом Цицерона и из ранки

закапала темно-красная кровь.

Талия пыталась вырваться из рук державшего ее полицейского, а господин в круглой шляпе пронзил ее тяжелым взглядом.

— Успокойтесь, мисс, — сказал он. — Пока что вы просто свидетельница. Вы же не хотите стать подозреваемой. — Он продолжал начатое, словно что-то искал в ране, и вскоре вытащил небольшой золотой шарик, не больше ногтя на мизинце Талии. — Ну вот, — сказал он и, достав носовой платок из кармана Цицерона, вытер нож, сложил его и убрал назад в карман, а платком зажал рану. — Вот и все.

Потом он поднялся и поднес золотой шарик к свету.

— Что… — начала было Талия.

— Замолчите, — поднял руку господин.

Талия услышала негромкое жужжание, словно где-то вдалеке заработало радио. Казалось, что радио сердится.

— Многие бы отдали королевство за то, чтобы рассмотреть эту штучку под микроскопом, — сказал мужчина Талии и выронил шарик на пол. — Но для других гораздо ценнее то, что там говорится.

И он ногой раздавил золотой шарик.

* * *

— Нападение на офицера, сопротивление аресту, преднамеренное убийство, — заявил, входя в комнату, офицер Спецотдела. — Я знал, что нам удастся подольше задержать вас, профессор, но не надеялся, что вы сами придете нам на помощь.

— Я не профессор, — ответил Цицерон.

Из-под бинта за правым ухом сочилась струйка крови и щекотала ему шею.

Убийство. Он снова переживал те ощущения — вот треснули кости, и всю его руку словно пронзило насквозь. Преднамеренное убийство.

Они находились в старом крыле тюрьмы Аликата. Так ему показалось. Каменные стены и пол, стальная дверь и окно из толстого ударопрочного стекла (караульный снаружи мог видеть все происходящее в камере и в случае необходимости, если Цицерон стал бы неуправляемым, принять меры). Но такое вряд ли случится. Запястья у него скованы тяжелыми цепями, которые пропущены через специальные отверстия в полу, а далее вокруг его ног и под массивным деревянным стулом, на котором он сидит. Он мог лишь слегка ерзать на стуле — не более того.

— Ну, шпионом вас, конечно, не назовешь, не правда ли? — обратился к нему сотрудник Спецотдела. Он стоял и выглядывал через малюсенькое окошко в холл. — К тому же я крайне сомневаюсь, что Александр Цицерон ваше настоящее имя.

— Конечно, я не шпион, — ответил Цицерон. — Я преподаватель экономики.

Мужчина повернулся лицом к нему.

— Нам еще предстоит выяснить, кто вы такой, профессор. — Он наклонился вперед и уперся кулаками в стол. — Не пытайтесь убедить нас, будто невиновны. Вы окончательно выдали себя, убив констебля.

— Тогда расстреляйте меня за это, — предложил Цицерон. — Зачем мне вам еще что-нибудь рассказывать?

Мужчина улыбнулся и распрямился.

— О нет, расстреливать мы вас не будем. Вы слишком ценны, чтобы так с вами поступать. Нет, мы оставим вас в живых. — Он обошел Цицерона, встал у него за спиной и наклонился над его здоровым ухом: — Может, вам удастся протянуть несколько недель. Имейте в виду, у нас есть прекрасные специалисты.

Цицерон пытался повернуть голову и наконец уголком глаза сумел разглядеть мужчину.

— Почему вы не скажете напрямик, что вам нужно? — поинтересовался он.

— Что мне нужно? — переспросил мужчина. Он снова обошел стол, теперь с другой стороны, и склонился над ним, глядя прямо на Цицерона. — Раз уж вы так добры, профессор, и спрашиваете, что мне нужно, — мне нужно, чтобы вы и подобные вам убрались туда, откуда пришли.

— То есть в Порт-Сент-Пол? — уточнил Цицерон. — Но ведь…

Он даже не заметил, как мужчина его ударил. Удар пришелся под раненое ухо, он был таким сильным, что голова резко дернулась в сторону. Боль была страшной, и сквозь эту боль он услышат голос мужчины, склонившегося совсем близко к нему:

— Послушайте, профессор, пока что на мне была маска. Я работал с Тайной Империей. Я видел, как одного островитянина повесили лишь за то, что он отпустил комплимент жене торговца рыбой по поводу ее красивого платья. Учтите, что веревку держал именно я. — Он схватил Цицерона за волосы и оттянул голову назад; из тумана перед Цицероном постепенно появилось искаженное злобой лицо. — Но прежде чем я позволю таким, как ты, завладеть нашей страной, я предпочитаю отдать свою собственную дочь в руки этих похотливых обезьян с гомосексуальными наклонностями. — Мужчина выпустил волосы

Цицерона. — Они, по крайней мере, люди.

От удара Цицерон прикусил язык. Он повернул голову в сторону и сплюнул кровь.

— Я такой же человек, как и вы, — ответил он и в ту же секунду пожалел, что сказал это.

Мужчина резко, невесело рассмеялся.

— Имитация отличная, надо отдать вам должное. — Он придвинул второй стул и уселся рядом с Цицероном. — Похоже, вы даже не обиделись на мои слова.

Цицерон закрыл глаза. Да, он вел себя глупо. Лучше бы он молчал.

«И все же, — подумал он, — лучше государственная полиция, чем дельцы». А теперь назад пути нет, только вперед. Он глубоко вдохнул, открыл глаза и сказал:

— Мы люди. И прибыли мы сюда, чтобы помочь вам.

Мужчина фыркнул:

— Правда? И ваши друзья тоже? — Он взял в руки папку, открыл ее и начал читать: — Филипп Мариус. Профессия — механик. Обвиняется в проведении незаконных собраний, подстрекательстве рабочих, саботаже. — Мужчина перевернул страницу. — Дэвид Солон. Профессия — журналист. Обвиняется в предательстве, участии в заговоре, подстрекательстве и клевете. Жанна Мегара, медсестра. Шпионаж, безнравственное поведение, язвительность, обольщение мужчин, преднамеренное убийство. Сайрус Мус…

Мужчина назвал еще не менее полудюжины имен. Можно подумать, что государству удалось выявить всех миссионеров Космической службы в Травалле и колониях. Наверняка их выдали Дельцы. Цицерону лишь оставалось надеяться, что кому-то удалось избежать ареста.

— А теперь еще и вы, профессор, — заключил сотрудник Специального отдела. — Я не собираюсь делать вид, будто понимаю, в чем именно вас обвиняет Совет экономических советников. Но уже за один сегодняшний день вы два или три раза подписали себе смертный приговор, так что вопрос решен, — Он закрыл папку и добавил: — Странное у вас понятие о помощи, профессор.

— Я не говорил, что мы собирались помочь таким, как вы, — возразил Цицерон.

Мужчина с интересом взглянул на него.

— Ну что ж, понятно. Тогда кому? Островитянам? Криминальным группам?

— Вашим внукам, — ответил Цицерон. — И внукам ваших внуков.

Мужчина хмыкнул.

— И все, конечно, только лишь из самых добрых побуждений.

— Если хотите, можно сказать и так, — согласился Цицерон.

— Как благородно с вашей стороны, — заметил мужчина. — Но мои внуки не просили вас о помощи, профессор. Она им не нужна.

— Им придется выбирать между нами и дельцами, — сказал Цицерон.

— Дельцами?

— «Марджинал», — пояснил Цицерон. — Вы знаете, кого я имею в виду.

— Ах да, — ответил мужчина. — Прославленная корпорация «Марджинал Лимитед». Ваши конкуренты. Теперь, с их появлением, вы предлагаете нам сотрудничать с вами. Так?

Цицерон открыл было рот, но мужчина не дал ему сказать ни слова и с выраженным акцентом портовых трущоб сказал:

— «Дайте мне, сэр, последний шанс. Клянусь, я исправлюсь». — Мужчина покачал головой и продолжал своим обычным голосом: — Знаете, как часто мы, полицейские, слышим такое, профессор? Приятно, что вы одумались, но слишком поздно. — Он встал и постучал по стеклу. Караульный заглянул в окошко и открыл дверь. — Дайте мне мои пальто и шляпу, — велел сотрудник Спецотдела.

— Да, сэр.

Караульный принес вещи. Цицерон спросил:

— Вы думаете, корпорация «Марджинал» будет вести честную игру? Да они съедят вас живьем!

Мужчина взял из рук караульного пальто и шляпу, перебросил пальто через руку, повернулся к Цицерону и сказал:

— Странно, профессор, но они то же самое говорят про вас!

Дверь закрылась, и Цицерон обмяк на стуле. Во рту был привкус крови. Провал.

Слава богу, что на его месте не сидит Талия. С ней они так обойтись не посмеют. Сейчас она, должно быть, уже направляется домой.

* * *

— Я гражданка Тиатиры! — выпалила она, пока мужчина не успел даже сесть. — Я требую, чтобы вы вызвали верховного комиссара!

Сотрудник Специального отдела спокойно поднял руку и ударил ее по лицу. Талия замерла на месте, она была так

потрясена, что даже не поднесла руку к щеке.

Мужчина снял шляпу.

— Чтобы я больше этого не слышал, мисс, — прошипел он. — Нам прекрасно известно, кто вы такая; нам известно также, что верховный комиссар ваш двоюродный брат. Со временем он все узнает. — Мужчина наклонился к ней. — Интересно, мисс, что еще ему предстоит узнать?

Мужчина поднял одну бровь и ждал, что она ответит. Талия молчала, тогда он слегка улыбнулся и сел на стул. Достал папку и какое-то время молча листал бумаги.

— Может, то… например… что вы стали шлюхой островитянина? — И он метнул в ее сторону быстрый взгляд.

Талия ничем себя не выдала. Они не смогут шантажировать ее тем, что расскажут обо всем ее родственникам. Двоюродный брат Милош уже все знает, через дипломатические разведслужбы. Больше всего проблем будет с матерью, но она давно уже подготовилась к подобного рода конфронтации.

Сотрудник Специального отдела понял, что на сей раз просчитался, и сказал:

— Ну, конечно, скандал можно замять. Несколько развязных языков… а если просочится в газеты, можно будет поднять вопрос о женском образовании и эмансипации, как двадцать лет назад… — Он с мрачным выражением лица покачал головой. — Вы с вашим любовником-профессором непременно ухватитесь за это, но ведь если дочка аристократа заводит тайный роман, это еще не конец света, не так ли?

Талия ничего не отвечала.

— А что, если бы это был конец света? — продолжал мужчина.

Он ждал ответа и не моргая смотрел на нее.

— Что вы имеете в виду? — наконец промолвила она.

Он улыбнулся и ответил:

— Мисс, я человек читающий, хотя, наверное, с виду не скажешь, особенно если занимать такое положение, какое занимаете вы. В основном, я читаю журналы. Дешевые и ужасные. Вы, конечно, до таких не опускаетесь. Но я узнал, что вас интересует наука, так что, возможно, вы поймете, что я вам сейчас скажу. О межпланетных кораблях. О радиопередатчиках. Потрясающие истории.

Талия читала о межпланетных кораблях с тех пор, когда ей было лет одиннадцать. Один из шоферов покупал дешевые журналы в городе и, прочитав сам, потихоньку передавал их Талии.

— В прошлом году в журнале «Ошеломляюще» был напечатан

целый сериал, — продолжал мужчина. — Не знаю, читали ли вы его. Назывался он «Люди в масках из Наамана».

— Чудовища с других планет, которые способны менять свое обличье, — вспомнила Талия. — Сенсационная галиматья.

Мужчина мрачно улыбнулся ей и сказал:

— А как вы думаете, откуда родом ваш профессор?

Талия внимательно посмотрела на него:

— Почему вы спрашиваете?

— Ну мне, конечно, известно то, что говорит он сам, мисс, — произнес мужчина, потом заглянул в папку и прочел: — «Порт-Сент-Пол, Восточный Чатранг, архипелаг Рока». Я надеялся, что с вами он был более откровенен.

Талия не смогла сдержать смех.

— Вы хотите, чтобы я сообщила вам, что он «человек в маске с Наамана»? Значит, вы в жизни даже глупее, чем выглядите!

— Я не такой умный, как вы, мисс, — ответил он, — но, однако, и не глупей. Я знаю, что он не с Наамана. Его родная планета находится гораздо дальше.

Талия снова рассмеялась, но, взглянув на выражение лица мужчины, замерла.

— Вы не шутите?! — воскликнула она.

Мужчина раскрыл папку, вытащил плохого качества, зернистую фотографию и пододвинул ее по столу к Талии.

— Надеюсь, вы узнаете доктора Росмера и сенатора Орадура-Монатта, — сказал он. — Но вот этих двоих вы когда-либо ранее видели?

На фотографии она узнала лестницу, ведущую к Круглому читальному залу университетской библиотеки. На ступеньках стояли четверо мужчин; в одном она узнала главного библиотекаря, второй был известным политиком Травалля. Двое других…

Черты лиц у них были довольно странные, не местные. Оба невысокого роста, коренастые, даже более, чем Цицерон. У обоих на удивление светлые волосы, хотя по фотографии трудно точно судить о цвете, но Талия решила, что волосы не седые. Спустя короткое время Талия поняла, что один из незнакомцев женщина; она не сразу догадалась, потому что одеты оба незнакомца были совершенно одинаково — в темные обтягивающие брюки и наглухо застегивающиеся у самого подбородка куртки, она никогда раньше не видела подобных костюмов. Головных уборов V них не было, а волосы у женщины были даже короче, чем у мужчины.

Талия безмолвно покачала головой.

— Нет? — переспросил мужчина. — Ну, это уже лучше. Тот,

что слева… — он нагнулся и постучал пальцем по фотографии, — …называет себя Алленом Маклином. Женщину зовут Бернадетт Паркер. — Он осторожно выговаривал странные имена.

— Кто они такие? — спросила Талия.

Мужчина откинулся на спинку стула.

— Дело не в том, кто они такие, мисс, дело в том, как далеко они залетели. С последней высадки… двадцать световых лет назад.

Талия была явно раздражена.

— Световой год это… — начал было мужчина.

— Я знаю, что такое световой год, — оборвала его Талия. — Какой-то абсурд.

Мужчина пожал плечами и сказал:

— Я не знаю, как им это удалось, мисс, но они здесь.

— Зачем? — спросила Талия. — Что им нужно?

— Трудно сказать, — ответил мужчина. — Они утверждают, что хотят развивать торговлю с нами. Они собираются торговать не золотом, тканями или соленой рыбой. Вы и сами понимаете, что подобная торговля не будет прибыльной. Они собираются торговать знаниями, искусством, музыкой, наукой, литературой.

— Но и это не будет прибыльным, — возразила Талия.

— Все верно, мисс, — закивал мужчина. — Мистер Маклин и мисс Паркер, а также их друзья… они называют себя корпорацией «Марджинал Лимитед», так вот они предлагают установить нечто вроде межзвездного семафора или радиотелефона, который соединит Саломею со… со звездами, по крайней мере с известными им звездами. — Мужчина улыбнулся. — Мы будем посылать им разрозненные записи Филармонического оркестра Воссоединения, а они нам чертежи, по которым мы сами сможем строить космические корабли.

— Мне такая сделка не представляется честной, — заметила Талия.

Мужчина постучал себе по носу и спросил:

— Вам известно, мисс, как зарабатывает свои деньги компания «Архипелаг»? Раньше они закупали шерсть, железо и лес на островах и продавали их здесь, в Басии, потом закупали здесь материю, инструменты и другие товары и продавали их на островах. Они и до сих пор немного промышляют этим. Но около пятидесяти лет назад один предприимчивый сотрудник компании понял, что гораздо дешевле будет построить фабрики и заводы прямо на островах. Теперь компания торгует на островах товарами, которые производятся в основном там же, на фабриках и заводах, принадлежащих самой компании, шерстяные изделия делаются из шерсти овец, принадлежащих компании, железо

добывается на рудниках, принадлежащих компании, а в Басию они в основном привозят деньги.

— Значит, нам предлагают продавать не просто чертежи космических кораблей, — ответила Талия. — Ведь мы в них ничего не поймем — так же как житель Восточной пустыни никогда сам не разберется в чертежах паровоза. Чтобы разобраться в их чертежах, нам понадобятся новые научные и инженерные разработки. И только они могут нас этому научить…

— Но не бесплатно, мисс, — заметил мужчина. Можно было подумать, что он считает, будто Талия не совсем поняла его. — И неизвестно, сможем ли мы заплатить по счетам.

— Понятно, — кивнула Талия. — Не забывайте, что я изучала экономику.

— Ни в коем случае, мисс, — сказал мужчина. — Но вы сами видите, что тогда получается. Они будут единственным источником подобных знаний и потому получат возможность диктовать нам любые цены. Не пройдет и века, как эти люди смогут завладеть половиной мира, как компания владеет половиной архипелага.

— Спустя сто лет эти люди, возможно, перепродадут свою долю и уберутся восвояси, — заметила Талия. — Но я понимаю вашу тревогу.

Через какое-то время она тряхнула головой и сказала:

— Но это безумие. Даже если все так, вы же не думаете, что доктор Цицерон один из них.

Хотя многое сразу встало бы на свои места — такая необъяснимая чуждость Цицерона ко всему местному, его полное безразличие к условностям, то, как в нем необычно сочеталось понимание многих эзотерических вопросов и непонимание самых простых, тривиальных вещей. Но если Талия легко могла себе представить, что Цицерон родом с другой планеты, то уж никак не могла видеть в нем жадного колониального спекулянта. Это было просто смешно.

Мужчина поднялся. Сначала он молча ходил по комнате, потом выглянул в коридор.

— Экспедиция «Марджинал» прибыла к нам три года тому назад, — начал он. — Они сразу направились в Сенат и заявили о своем прибытии; объяснили, откуда они прибыли и что могут нам предложить. Естественно, Сенат потребовал доказательств. Они продемонстрировали массу механизмов и приспособлений, но Сенат… а именно сенатор Орадур-Монатт, тот самый человек, что изображен на фотографии, требовал более существенных доказательств. Он хотел, чтобы они показали, какой уровень знаний могут продать нам. «Расскажите мне что-нибудь, — сказал

он им. — Что-нибудь такое, что не известно мне». И знаете, что они ему ответили? — Мужчина сделал паузу и взглянул на Талию. — Они сказали ему, мисс, что на нашей планете уже высадилась другая экспедиция. С другой планеты, из другого созвездия, в общем… совсем другие космические существа.

Талия долго смотрела прямо ему в глаза, потом медленно кивнула и спросила:

— И вы считаете, что Цицерон один из них?

— Мисс, — ответил мужчина, — я в этом абсолютно уверен. Та штука, которую я вырезал из-за его уха, доказывает, что он не из нашего мира, хотя и без этого у меня предостаточно доказательств. — Он снова подвинул к себе стул и сел. — Не тратьте зря мое время, делая вид, что вы мне не верите.

Талия покачала головой. «Цицерон и сам бы мне все рассказал», — подумала она. Ведь даже утром, когда он говорил об отъезде, он чуть было не рассказал ей все. Наверное, решил, что она ему не поверит.

А разве поверила бы?

— И что им нужно? — спросила она.

Вместо ответа мужчина достал другую фотографию. Талия не знала, где и когда был сделан этот снимок. На нем был Цицерон в одежде портового рабочего. Он разговаривал с другим мужчиной, одетым точно так же. Мужчина вполне мог сойти за брата Цицерона, хотя черты его лица были немного тяжелее, а волосы более курчавые. Но совершенно очевидно, он был родом оттуда же, откуда и Цицерон.

— Вы видели раньше этого человека? — спросил мужчина.

— Никогда, — ответила Талия.

— Он называет себя Филиппом Мариусом, — продолжал мужчина. — И занимается мерзкими делишками. В том числе, саботажем и призывом к анархии. В газеты попадают главные ораторы рабочего движения, люди типа Масперо и Коузера, но вершит дела именно наш Мариус. Вы уверены, что не встречали его прежде?

— Уверена, — заявила Талия.

Мужчина вздохнул и сказал:

— Что ж, мисс, возможно, господа из «Марджинал» и подумывают о том, чтобы поработить всех нас, но они деловые люди.

По меркам деловых людей они ведут себя вполне дружелюбно: пошли на прямые переговоры с Сенатом, предоставили государству полезную информацию. — Он постучал пальцем по фотографиям Цицерона и анархиста Мариуса. — Но люди вашего профессора… вели себя совсем не так вежливо. Они

наблюдали за нами на протяжении десяти, а то и более лет и даже не потрудились представиться; в течение пяти лет тайно жили среди нас, подстрекали граждан к бунту, разлагали бедные слои и молодежь, проникали на фабрики, в больницы, церкви… и университеты.

— Обучение детей высших классов политической экономии вряд ли можно расценивать как разложение молодежи, — заметила Талия. — А если так, тогда можно обвинить и всех остальных преподавателей университета.

Сотрудник Специального отдела уныло улыбнулся.

— Пока что не будем брать во внимание личную жизнь профессора… и вашу тоже. Не спал я по ночам не из-за этого, и вот что мне хотелось бы узнать у вас — я все время думал, не сотрудничали ли ваш профессор, его друг Мариус и все остальные их люди с мистером Маклином и его людьми. Не обрушатся ли на нас сразу обе стороны?

— Это может случиться? — спросила Талия.

— Хотел бы я знать, мисс, — покачал головой мужчина. — Хотя думаю, что нет. И я верю вам относительно характера доктора Цицерона. Он может быть лжецом, убийцей… — он специально медленно выговорил это слово, а Талия вся сжалась, как от удара, — … сочувствующим анархистам, шпионом с другой планеты, но он не капиталист. А кроме того…

В дверь торопливо постучали.

— Войдите, — резко ответил мужчина.

В комнату вошел тюремный караульный в форме.

— Фургон готов, сэр, — сообщил он.

— Отлично, — кивнул мужчина. — Сейчас буду.

— Да, сэр.

Дверь закрылась.

Мужчина собрал фотографии и аккуратно убрал их назад в папку, а папку в сумку. Только после этого он поднялся.

— А кроме того?.. — напомнила ему Талия.

— Что? — переспросил он.

— Кроме того — что? — повторила Талия. — Почему еще вы думаете, что друзья Цицерона не сотрудничают с корпорацией «Марджинал»?

— Ах это. — Мужчина постучал в дверь, и караульный тут же открыл ее. — Ну, мисс, мы арестовали вашего молодого человека и кое-кого из его друзей, которые пытались поднять бунт у стен контор «Марджинал» в Городе… Если они нас не разыгрывают специально, то похоже, что обе стороны крайне недолюбливают друг друга. — И он приподнял шляпу на прощание. — Да, мисс, — Все, что она услышала, а потом щелкнул замок двери.

* * *

Караульные провели Цицерона по узким коридорам и вниз по лестнице; идти из-за наручников и ножных оков было не так-то просто. Цицерон пытался сосчитать лестничные пролеты и запомнить, сколько этажей в тюрьме Аликата, но цифры в голове не удерживались. Перед глазами все время вставал Трилиссер-Хауз, и он считал ступеньки наверх в свою комнату. Из раны за ухом снова начала сочиться кровь, а так как руки были скованы, он ничего не мог поделать.

В конце концов они вышли в крытый проулок, такой длинный и темный, будто находился он под землей. С обоих краев крыши стеной стекала дождевая вода, еле пробивавшийся дневной свет был серо-зеленоватым и безрадостным.

Их ждал фургон — без окон, без опознавательных знаков. Сотрудник Специального отдела занял место спереди, рядом с водителем. Караульные впихнули Цицерона в салон и сели вместе с ним. Цицерон ни капли не удивился, обнаружив, что скамья напротив уже занята: между двумя массивными караульными сидел обмякший Мариус. Он был совсем плох. В отличие от Цицерона, до сих пор остающегося в университетском плаще, в котором его застал арест, Мариус был в зеленом тюремном комбинезоне, грязном и залатанном, причем некоторые пятна казались совсем свежими. Правый глаз и правое ухо скрывали окровавленные бинты; в крови была и вся правая сторона лица, а грудь заляпана кровью и рвотой. Цицерон не мог определить даже, был ли Мариус в сознании или нет.

Заурчал мотор, и фургон тронулся с места. Какое-то время по крыше фургона барабанил дождь, но вот фургон снова остановился, двери открылись, и Цицерон успел заметить широкий тюремный двор, окруженный высокими стенами, над которыми вздымались высокие башни. Но тут же в двери появился сотрудник Спецотдела с двумя караульными в непромокаемых плащах и с карабинами в руках. Один караульный держал блокнот и ручку.

— Заключенный номер девяносто одна тысяча двести шестьдесят четыре, он же Филипп Мариус, — выкрикнул караульный. Офицер показал в сторону Мариуса, и караульный сделал какую-то пометку в блокноте. — Заключенный номер девяносто одна тысяча сто восемьдесят шесть, он же Александр Цицерон. — Караульный справа от Цицерона взял того за руки в наручниках и поднял их вверх. Караульный, державший блокнот, сделал еще одну пометку.

— Оба препровождаются из тюрьмы Аликата в тюрьму

Имаз, — отдал распоряжение офицер.

— Тут так и написано, — ответил караульный с блокнотом, вырвал один листок и протянул его офицеру. — Вот.

— Да, — ответил офицер.

Снова двери фургона закрылись, и они поехали дальше. Буря разыгралась не на шутку. Цицерон слышал, как снаружи бушует ветер, как бросает на стены фургона потоки дождя, словно это были пригоршни гальки. Дорога была ухабистой, ветер крепчал, их сильно трясло, а водитель все время жаловался на плохую видимость, и Цицерон готовился к тому, что фургон может в любую минуту опрокинуться. Внутри было тесно и душно, и он с трудом дышал.

Имаз. Аликата была обычной тюрьмой для обычных преступников. В Имазе содержали наиболее опасных заключенных, тех, кто пытался бежать сам, а также политических заключенных, чьи товарищи могли попробовать устроить им побег. Он, видимо, попадает во все три категории.

Как вообще им удается переправлять заключенных в Имаз? Он знал, что тюрьма находится на острове, в старом морском форте. В сезон бурь волны в узком внутреннем море, окаймленном по берегам высокими скалистыми берегами, достигали пятидесяти футов. В лодке по такому морю не проплыть, а летать в ненадежных, непрочных дирижаблях Саломеи мог решиться только дурак; к тому же вряд ли в распоряжении полиции, тем более Специального отдела, найдется хоть один дирижабль.

Ему показалось, что фургон, вместо того чтобы ехать в порт, поднимается вверх, в горы. Может, сейчас их и не повезут сразу в Имаз.

Вот фургон остановился. Цицерон слышал приглушенный разговор, доносившийся из кабины. Потом раздался лязг открываемых ворот, фургон опять дернулся, но вскоре замер. Ветер стих, даже дождь больше не барабанил по крыше, потому что они въехали в какой-то тоннель или гараж. Куда их привезли?

Дверь фургона отворилась, вокруг было темно, пахло машинами и бурей. Караульные вытащили Мариуса, потом один из них крикнул Цицерону:

— Вылезай!

Фургон стоял под широким стальным навесом, державшимся на стальных же балках и перекладинах. Навес находился на вершине километровой скалы, одной из тех, что возвышались вдоль всего южного берега внутреннего моря. Вокруг бушевала буря. Далеко в море, за серо-зелеными волнами с белыми барашками, высились острые скалы острова Имаз, окруженные

темными тучами. Остров напоминал нос корабля, который штормовой ветер кидает по волнам.

Цицерон заметил четыре тонюсеньких троса, два сверху, два внизу. Они исчезали в тумане дождя, но когда Цицерон посмотрел на ближний конец троса, то понял, что на самом деле он очень толстый, толщиной с мужскую руку, и сделан из стали. Под навесом рядом с фургоном стояли различные механизмы, колеса с человеческий рост и шкивы, старый паровой двигатель (причем Цицерон заметил, что он соединен с верхней и нижней парами тросов — тянет верхние и травит нижние). Он снова посмотрел вдаль и увидел, что к ним по подвесной дороге движется кабина. У него вдруг закружилась голова.

Офицер заметил выражение его лица и улыбнулся:

— Мы не боимся высоты, профессор?

Цицерон ничего не ответил.

Кабина была размером с железнодорожный вагон, сделана грубо, хотя ей и пытались придать обтекаемую форму (углы были сглажены, боковые стенки закруглены). Металл со временем покрылся полосами ржавчины. Кабину угрожающе раскачивало из стороны в сторону. Цицерон слышал, как бьются о стенки кабины порывы бешеного ветра. Когда кабина оказалась под навесом, шум стих; в конце концов она остановилась. Внизу открылся люк-дверца, показались ступеньки, и наружу вылезли двое караульных, оба в непромокаемых плащах и с тяжелыми автоматами в руках.

Офицер подал им бумаги, они быстро все просмотрели и почтительно отступили в сторону.

— Только после вас, профессор, — сказал ему офицер.

Караульные из Аликаты толкнули Цицерона вверх по ступенькам внутрь кабины. На потолке тускло светились обычные лампочки накаливания, зарешеченные металлической сеткой. На скамьях сидели еще четверо караульных. Окна кабины были зарешечены.

Мариуса внесли внутрь на носилках и положили в дальний угол кабины. Цицерона передали караульным Имаза. Его усадили на одну из стальных скамей, а караульные тем временем прикрепили его наручники и ножные оковы к кольцам на стене и в полу кабины.

В кабину поднялся офицер, за ним двое караульных Имаза. Они закрыли дверцу, кабина качнулась и двинулась. Вскоре ветер завыл с новой силой.

— Когда-то, — начал офицер, усевшись напротив Цицерона, — Имаз был отрезан от материка в течение десяти недель в году. Старые короли укрывались там во время тяжелых

войн; Сенату понадобилось четыре года, чтобы во время Воссоединения вытащить их оттуда. А это… — он постучал по скамье, — построили тридцать лет назад, после того как взбунтовавшиеся заключенные умудрились поджечь зерновые бараки во время сезона бурь. Тогда большинству караульных удалось запереться в цитадели, где всегда есть свои запасы пищи, но из двадцати заключенных к концу зимы в живых не осталось ни одного. — Он мрачно взглянул на Цицерона и улыбнулся. — И тел тоже почти не осталось.

Цицерон отвернулся и прикрыл глаза. Кабина летела вниз по плохо натянутым тросам, под ударами штормового ветра ее качало из стороны в сторону. В животе Цицерона тоже начиналась настоящая буря; он вдруг понял, почему скамьи в кабине сделаны из металла — легче мыть. Он снова открыл глаза и, к своему раздражению, заметил, что офицер сидит как ни в чем не бывало. Точно так же он сидел бы и в придорожном кафе под лучами весеннего солнца.

Караульные, однако, выглядели гораздо хуже. Цицерон попытался представить, сможет ли разоружить одного из них и напасть на остальных. Если бы не было наручников и ножных оков, то один шанс из трех у него был бы, но сейчас он крепко-накрепко прикован к кабине.

Офицер встретился с ним взглядом, и у Цицерона осталось неприятное ощущение, что тот прочел все его мысли.

Но вот кабину резко дернуло, офицер и все шестеро караульных упали на пол, заключенных удержали на месте только их цепи. Свет погас, а ветер с еще большим остервенением обрушился на кабину.

— Черт подери, — заворчал офицер, поднимаясь на ноги. — И часто такое случается?

— Нет, сэр, — ответил один из караульных Имаза.

— Мы остановились, — заметил второй, выглянув в окно.

Они и правда остановились, причем кабина не только не двигалась в сторону острова, но и перестала раскачиваться из стороны в сторону.

— Достаньте аварийную лампу! — приказал офицер. — Пошлите сигнал тревоги на станцию и выясните, что там такое произошло, черт бы их побрал.

Один из караульных открыл ящик под скамьей и вынул оттуда сигнальную лампу, работавшую на батарейках. Он прошел к концу кабины, посмотрел в сторону скал и начал мигать лампой.

— Сэр, туман слишком густой, — с сомнением заметил он и повернулся. — Не знаю…

Окно за его спиной с шумом распахнулось, караульный упал ничком на пол, лампа при этом разбилась вдребезги, а осколки разлетелись по всей кабине. В тот же миг что-то ударило по стенкам кабины сразу в нескольких местах, и дверь сорвало с петель.

Офицер что-то выкрикнул, но в страшном реве ветра и воды понять его было невозможно. В кабине вспыхнула белая вспышка — это офицер выстрелил из пистолета поверх головы упавшего караульного. Пуля ударилась обо что-то, что Цицерон не мог разглядеть, отлетела в сторону и разбила второе окно.

— ВНИЗ! — раздался женский голос через усилитель, родной голос, голос Сообщества.

Цицерон изо всех сил попытался пригнуться, несмотря на наручники и оковы. Он слышал разрывы электростатических станнеров, а потом начал стрелять из автомата один из караульных Имаза. В свете вспышек Цицерон разглядел миссионера Космической службы в стеклянистом оптическом камуфляже. Потом сквозь дверное отверстие и выбитые окна появились другие. Не прошло и нескольких минут, как все караульные валялись на полу, а миссионеры — четверо мужчин и женщин, выключали камуфляж. Их костюмы постепенно снова обрели цвет.

Тот миссионер, который первым залез в кабину и чей костюм теперь стал нежно-зеленого цвета, подошел к Цицерону и опустился на колени. Он достал какой-то инструмент, и через секунду оковы, которыми Цицерон был прикован к кабине, уже дымились.

Миссионер снял маску, из-под которой показалось темное, окаймленное бородой лицо.

— Люций, — проговорил Цицерон.

— С тобой все в порядке? — спросил он, не дожидаясь ответа, вытащил медицинский сканер и быстро пробежал им по всему телу Цицерона.

— Я в порядке, — ответил Цицерон. — Займись Мариусом.

Люций улыбнулся.

— Ну, не совсем в порядке, но скоро будешь. — И он прошел к Мариусу.

Под ярко-желтым костюмом скрывалась Ливия, и вид у нее был крайне несчастный.

— Ну и погоняли вы нас, — вздохнула она.

— Вынужденные обстоятельства, — ответил Цицерон. — Как остальные?

— С Тиатиры и Архипелага спастись удалось всем, — принялась рассказывать Ливия. — Мегару мы забрали с крыши

больницы, а Кассию прямо из гавани. Но Солон мертв, его убили при попытке оказать сопротивление при аресте. И я ничего не знаю о Мусе и всех, кто был с ним на юго-востоке; за ними должен был отправиться один человек из другой группы.

Цицерон попытался вспомнить лицо Солона и не смог, несмотря на то что все высадившиеся на планету миссионеры в течение пяти лет проходили совместную подготовку. Солон был невысокого роста, с обостренным чувством справедливости, что помогло ему разыгрывать из себя неплохого журналиста, стремящегося к публичным разоблачениям. Но больше Цицерон ничего вспомнить не мог.

Ливия опустила взгляд и взглянула на монитор, закрепленный на запястье.

— Пошли, — сказала она. — За нами прилетит «Равенство», в нашем распоряжении двадцать минут — не больше. — Она отвернулась и сказала кому-то другому: — Опускайте страховочные тросы.

«Я не могу позволить им увезти себя», — подумал Цицерон.

Ему очень хотелось расслабиться и забыть обо всем; хотелось, чтобы кто-то другой перенес его на борт корабля, как несут на руках уставшего после гостей ребенка. Но он не мог себе этого позволить. Он вдруг осознал, что как ни странно, но чувствовал он себя лучше, когда знал, что его везут на допрос в тюрьму Имаз. Оттуда у него был бы шанс, хоть и мизерный, вернуться в Травалль, помочь Саломее противостоять дельцам; шанс снова увидеть Талию.

Он быстро поднялся и сказал:

— Ливия, мне нужно вернуться в город.

Ливия обернулась:

— Ты с ума сошел. Цицерон, «Солидарность» взорвали. Мы упустили из виду корабль дельцов; они направили против нас пятьсот автопилотируемых солдат. В данный момент «Равенство» пытается уйти от них так, чтобы еще и нас подобрать. Мы улетаем из их системы, Цицерон; Космическая служба сворачивает свою миссию. — Она снова взглянула на монитор. — Осталось восемнадцать минут. Ну что, его можно перенести? — повысив голос, спросила Люция.

Мариус сам ей ответил:

— Я могу идти. Только бы побыстрее унести отсюда ноги.

— Именно.

Ливия подошла к дверному люку и выглянула наружу. Дождь не прекращался.

— Ливия, — позвал ее Цицерон.

— Спорить будем на борту лэндера, — ответила она. Сверху

опустился трос, Ливия поймала свободный конец и прикрепила его к своему костюму. Следом показалась и платформа. Ливия закрепила ее у поручней. — Давай. — И отошла в сторону.

Цицерон слышал шум винтов лэндера, он с трудом держался в воздухе под бешеным напором ветра. Цицерон осторожно подошел к люку, в лицо ударили ветер и дождь. Перед ним и чуть сверху была гладкая серая обтекаемая обшивка лэндера. Входной люк открыт, по краям светятся аварийные огни, но внутри так спокойно и уютно.

Он посмотрел вниз. Там, вдалеке, бушевало темно-серое море, еще более темное, чем обшивка лэндера. На верхушках волн образовывалась зеленоватая пена. По одну сторону из воды вздымались скалы Имаза; Цицерон думал, что до острова гораздо дальше. По другую сторону скалы сливались в одну бесконечную линию-тень. Цицерон попытался разглядеть на дальнем конце огромного залива город, но дождь и ветер застлали все вокруг пеленой тумана.

— Мариус, — вдруг выдавил он, — Давай, ты первый.

Мариус, прихрамывая, подошел к люку и спросил:

— Ты уверен?

Цицерон кивнул в сторону спасательной платформы и сказал:

— Давай. Я… — Он хотел сказать «остаюсь», но не смог.

Мариус положил руку ему на плечо. Цицерон понял, что тот догадался.

— Удачи, — проговорил Мариус.

— Давай, — повторил Цицерон.

Мариус улыбнулся. Он уже занес ногу над платформой, но оглянулся и вдруг окаменел.

— Ложись! — выкрикнул он и толкнул Цицерона на пол.

Цицерон зашатался и упал. Раздался оглушительный выстрел, намного громче предыдущих. Когда Цицерон поднял голову, то увидел стоящего на одном колене офицера Специального отдела: тот крепко, двумя руками, сжимал пистолет. Офицер встретился взглядом с Цицероном, дуло пистолета повернулось, и Цицерон увидел в маленьком черном отверстии свою смерть.

Он замер.

Вдруг с трех сторон ударили станнеры, и офицер выронил пистолет и замертво упал на дно кабины.

Цицерон не сразу поднялся на ноги, мышцы отказывались повиноваться.

Он повернулся, чтобы поблагодарить Мариуса, но никого не увидел. А когда выглянул в люк, то и там никого не было.

Только сигнальные огни лэндера, буря и дождь.

* * *

Талия не знала, сколько ей пришлось ждать. Стул был жестким и неудобным, но все же лучше, чем бетонный пол. Она положила голову на стол.

В какой-то момент лампочки замигали, из коридора послышались крики, но что именно там кричали, она не разобрала. Потом караульный в зеленой форме принес ей на подносе еду — миску жирного рыбного супа и чашку отвратительного чаю. Караульный не отвечал на ее вопросы, он старался даже не смотреть в ее сторону.

Когда дверь в камеру открылась, Талия думала, что увидит офицера Специального отдела. Но вместо него на пороге в сопровождении двух вооруженных солдат стоял совсем другой человек. Пожилой, невысокого роста, сутулый. Седина еще не совсем скрыла странный желтоватый, словно жухлая трава, цвет его волос. Одет он был в матово-серую куртку (Талия никогда раньше ничего подобного не встречала), а вид имел крайне усталый.

Она не сразу узнала в нем человека, которого видела на одной из фотографий.

Караульные вышли, заперев за собою дверь.

— Извините за все, — сказал мужчина. Говорил он чисто, но со странным акцентом (такого она тоже ранее не слышала). — Меня зовут Аллен Маклин. Я сотрудник корпорации «Марджинал Лимитед». — И он сделал странный жест правой рукой — вытянул ее вперед ладонью вниз, перпендикулярно полу, пальцы вместе.

— Да, — кивнула Талия. — Я знаю. Значит ли это, что вы победили?

Лицо Маклина побагровело, он опустил руку и покачал головой. Потом спросил:

— Не возражаете, если я сяду?

Талия без слов указала на стул, и мужчина сел.

— Благодарю. — Какое-то время он сидел, опустив голову, и водил пальцами по столу. — Насколько мне известно, вашего друга Цицерона спасли его товарищи. — Тут мужчина взглянул на нее. — Я думал, вам интересно будет узнать. Они напали на транспорт, который перевозил узников в Имаз.

У Талии екнуло сердце.

— То есть… — начала она.

— То есть победили они? — закончил за нее Маклин. — Не совсем. Нам удалось уничтожить один из их кораблей; второй уцелел. Сейчас они уже миновали орбиту Иродиады и все еще

набирают ускорение. Наш корабль, наш единственный корабль, сильно пострадал; может, его даже не удастся починить. Так что мы застряли на вашей планете. Без корабля нам никак не связаться со своими, к тому же из-за огромного расстояния помощи от них ждать нет смысла. На орбите у нас остались механизмы, которые не поддаются контролю. Все, кто был на борту, погибли. В том числе и мой родной брат.

— Мне очень жаль, — сказала Талия, но она плохо слушала, она думала о межзвездном пространстве, о расстояниях между планетами, о новом университетском профессоре и его теории света и времени.

«Ах, Цицерон, — всхлипнула она про себя. — О любовь моя».

Можно считать, что он погиб, ведь все равно он уже не вернется.

Но тут она опешила. «Нет, вовсе нет. Самое главное, что он жив, он где-то там, среди звезд. Если их корабль летит дальше, то он будет жив и тогда, когда состарюсь я, когда уже с трудом буду вспоминать его черты. А он останется таким же молодым, ведь время в космосе идет медленнее и люди словно погружаются в янтарь и обгоняют неумолимое время».

Уже за одно это можно благодарить судьбу. Из-за одного этого можно продолжать жить.

Она почувствовала, как по щекам бегут слезы.

«Надо взять себя в руки, — подумала она. — Этот человек, пожалуй, еще решит, что я плачу потому, что мне жаль его брата».

Но потом она заглянула в морщинистое лицо Аллена Маклина и поняла, что он не настолько глуп.

— Проиграли и они и мы, — спокойно сказал он. — Победили вы, понимаете? Победил народ Саломеи.

— Что вы хотите этим сказать? — спросила Талия.

— Мы прилетели сюда и считали, что вы просто горстка варваров, — ответил Маклин. — Примитивные люди. Уверен, что Космическая служба — сограждане вашего друга Цицерона — думали точно так же. Мы не воспринимали вас всерьез. А когда вы, то есть правительство Травалля, начали действовать против нас, мы решили, что за всем этим стоит Космическая служба, а они в свою очередь считали, что мы выдали их правительству. — Маклин улыбнулся. — Мы так внимательно следили друг за другом, что забыли о третьей стороне, забыли о вас. А вы столкнули нас лбами, причем сделали это безупречно — никто ничего так до конца и не заподозрил.

— Мистер Маклин, — начала Талия. — Я в вашу игру не играю. Я даже не пешка, я всего-навсего зритель. И потому с трудом вас понимаю.

— Простите, — ответил Маклин. — Я не имел в виду конкретно вас. Но вашим соотечественникам удалось поставить нас на место. Нас осталось не больше двадцати. И для того чтобы выжить, нам нужна помощь.

— Вряд ли вы можете рассчитывать на мой народ, мистер Маклин. — Талия подняла руки в наручниках. — Сенат Травалля не занимается благотворительностью.

— Знаю, — ответил Маклин. — Они за все потребуют сполна. История, космическая география, науки, технологии. Особенно военные и космические, чтобы в следующий раз встретить пришельцев во всеоружии. — Он покачал головой. — Они даже не понимают, что затеяли.

— Но я не являюсь вашим сторонником, мистер Маклин, — заявила Талия, — Хотя я и не гражданка Травалля. Если Цицерон был против вас, то я тоже против вас. Так что — что вам от меня нужно?

— Говорят, вы неплохой математик, — заметил Маклин.

— Я отличный математик, — отрезала Талия.

Маклин улыбнулся:

— Хотите работу?

* * *

Им пришлось усыпить Цицерона, чтобы поднять его на борт. Ливия вконец расстроилась, так как понимала, что ее ждет, когда он проснется. Но что еще оставалось делать. Цицерон бредил — требовал, чтобы его оставили в покореженной кабине, даже после того как офицер охраны застрелил Мариуса.

Ливия взглянула на экраны. Остальные лэндеры везут на борт корабля всех, кого удалось эвакуировать. После схватки автосолдат дельцов и арьергарда Космической службы они оставили за собой на планете пожарища от взрывов водородных бомб и бомб с антивеществом, но и огонь постепенно затухал.

Трудно сказать, кого можно назвать победителем, если вообще в этой битве был победитель. Да это и неважно. Ни Ливия, ни Гален больше не станут рисковать.

Люций снова осмотрел Цицерона. Корабль набирал скорость, так что передвигался он осторожно.

— С ним все будет в порядке, — заметила Ливия.

Люций покачал головой.

— А когда проснется?

Ливия ничего не ответила, но про себя подумала: «Черт побери, я ни за что не оставила бы их тут».

На центральном экране погасла сиреневая лампочка основного двигателя — «Равенство» убрал защитное поле и временно остановился, чтобы принять на борт остальные лэндеры. В одну секунду они влетели в чрево корабля, какое-то мгновение продолжали еще лететь по инерции вперед, но вот автопилот отключил машины, раздался металлический лязг — они приземлились на свое место.

Теперь корабль снова запустил двигатель, и они полетели в безопасные дали космоса.

Кристофер Роуи
Штат добровольцев [3]

Жутковатая увлекательная история, представленная ниже, дает нам возможность увидеть общество, которое поглотила и трансформировала странная и могущественная Сущность. Мы узнаем, что ждет тех немногих, кто осмеливается ставить палки в колеса этой Сущности…

Кристофер Роуи родился в Кентукки и по сей день живет там. Совместно с Гвендой Бонд он издает журнал «Say». Его рассказы появлялись в «Sci fiction», «Realms of Fantasy», «Electric Velocipede», «Ideomancer», «Swan Sister», «Trampoline», «The Infinite Matrix», «The Journal of Pulse-Pounding Narratives» и прочих. Недавно вышел сборник его рассказов «Горько-сладкий ручей» («Bittersweet Creek»).

* * *

Сома припарковал машину на верхнем подъезде к Губернаторскому пляжу. Безопасное место, обычно здесь работает Дорожный Патруль штата Теннесси, а с трех сторон известняковые скалы спускаются к самому Мексиканскому заливу. Но сегодня, когда Сома с трудом поднялся на подъезд со стороны пляжа, он сразу увидел, что на машину напали. Стекло водительского окна было проломлено.

Сома выронил рюкзак и побежал к машине. Та дернулась в сторону, до предела натянула привязь и, только узнав хозяина, повернулась и издала низкий жалобный стон.

— Ах, машина моя, — промолвил Сома, поглаживая ее по крыше и открывая пассажирскую дверцу. — Ах, милая, как же тебе досталось.

Сома порылся в аптечке, раскидывая бинты и повязки, и вот наконец добрался до лечебной мази. Он аккуратно нанес ее на поврежденное стекло, стряхнул осколки на землю, потом спрыснул всю дверь обезболивающим спреем и только тогда закрыл глаза и опустил щиты. Потом открыл голову и вызвал полицию.

Прошло всего несколько минут, и с той стороны, где ярко сияло солнце, показались бело-голубые велосипеды, прозрачные

крылья бешено бились в воздухе. В ожидании полиции Сома смотрел вдоль берега в сторону Нэшвилла.[4] Скоро краны, которые Губернаторша заказала для прочистки гавани, остановят свою работу на зиму; уже сейчас их огромные листья подернулись оранжевым и желтым.

— Сома-С-Красками-Живущий-В-Аллее-Печатников, — раздались голоса сверху. Сома поднял голову, чтобы посмотреть, как приземляются полицейские. Говорили они одновременно, одинаковыми певучими голосами стражей порядка. — Вашей машине будет оказана помощь за счет фонда налогоплательщиков. — И обычные в подобной ситуации слова: — А виновные предстанут перед судом.

* * *

Позже, как и обещали, пошел дождь. Зато восторжествовали закон и порядок. Появился один из ста сорока четырех Сыщиков. У Сомы и полицейских вид был такой, словно они нутром головы ощущали значимость доверенного лица Губернаторши. Сыщик расчистил голову одного из дорожных патрульных и приехал на нем. Надо сказать, что он очень умело управлял человеком. Далее он заснял все показания Сомы.

— Я приехал, чтобы зарисовать детей во время прилива, — пояснил Сома.

Он открыл рюкзак, достал оттуда угольные и простые карандаши, альбом для эскизов с бумагой в металлических рамах, которые он сам нашел на свалке у реки Камберленд.

— Покажите, покажите, — пропел Сыщик.

Сома пролистнул несколько страниц с черно-серыми рисунками. Он зарисовывал плавающие приманки, которых в этом году было так много на мелководье. В основном — крошечные голенькие малыши, но были среди них и маленькие девочки в закрытых купальниках; попался даже один толстый мальчишка-подросток, он отчаянно хватался за проколотый надувной мяч и с ужасом и мольбой смотрел на берег.

— Тсс, тсс, — пропел Сыщик. — Эти рисунки можно продолжить, Сома-Художник. Дорисуйте линии у их ног.

Соме очень хотелось показать Сыщику лицензии художника, нежно-розовые татуировки на запястьях; хотелось напомнить ему, кто за что отвечает в этой жизни, но он прикусил язык, поскольку боялся, что его обвинят в нарушении общественного спокойствия. Словно во всем Теннесси найдется хоть один человек, который не знает, что плещущиеся в водах прилива дети не что иное, как

приманки, облекаемые в зримую форму мечты ютящихся на песчаном дне аллигаторов.

Сыщик подвел итог:

— Вы прибыли сюда для работы, законно припарковали машину, заплатив соответствующую сумму, вы ничего и никого не видели, а когда заметили нарушение, вовремя сообщили обо всем властям. Сома-С-Красками-Живущий-В-Аллее-Печатников, Дорожный Патруль Теннесси приветствует вас, вы вели себя, как подобает примерному гражданину.

Полицейские разошлись по стоянке, они пытались найти разгадку и заглядывали в прошлое. Но, услышав слова Сыщика, все разом остановились и громко приветствовали Сому. Он милостиво принял их льстивые знаки внимания.

Затем Сыщик схватил прозрачный фотоаппарат и на лету поймал пленку. Потом заглотнул пленку, задумчиво пожевал ее и слез с полицейского, на котором приехал. Полицейский задрожал и упал рядом с Сомой. Поэтому Сома не сразу услышал, что принялись распевать все остальные. Только увидев, что они делают, он понял значение слов: они нашли что-то на колючках большого чертополоха, который рос у края стоянки.

— Воронье перо, — пели полицейские. — Воронье перо, Воронье перо, Воронье перо.

И даже Сома, имевший лицензию на художественную деятельность, а не на охрану порядка, прекрасно понимал, что означает эта маленькая черная находка. На его машину напали жители Кентукки.

* * *

Сома никогда не рисовал автопортретов, по крайней мере, он ничего подобного не помнил. Им овладела меланхолия, и по пути назад в Нашвилл он мысленно делал кое-какие наброски; он, может, попробовал бы изобразить все и на бумаге, но из-за дождя это было невозможно.

«Сома между морем и городом» — так можно было бы назвать картину. А если бы он выбрал тот короткий миг, когда солнце вырвалось из свинцовых туч, можно было бы назвать ее «Сома в миг короткого затишья».

В любом случае на картине был бы изображен высокий молодой человек в широкополой шляпе, черных брюках до середины икры и желтом трикотажном свитере, открытом на тщедушной груди. Молодой человек, причем явно не привыкший к длительным переходам. И никакой помощи ему ждать не

приходилось; машина как минимум на три дня останется на подъезде к пляжу.

Когда полицейские собирались улетать, прибыла механик. Она прискакала по гравийной дороге верхом на белой кобыле с красными крестами. Девушка соскочила на землю и сразу же проворковала что-то успокаивающее машине, а потом уже поздоровалась с Сомой. Ей удалось быстро установить дружеские отношения и с машиной, и с ее владельцем.

Девушка потерла корпус машины у самой антенны (ведь все машины любят, чтобы их гладили по этому месту) и представилась:

— Меня зовут Дженни-Грязные-Ногти, — Ее, казалось, совсем не волновало такое имя.

Она, не смущаясь, провела свободной рукой по коротким светлым волосам. Такие стрижки давно вышли из моды.

Потом свистнула лошади и принялась разгружать седельные сумки.

— Для вашей машины, Сома-Художник, придется построить гараж больше обычного, потому что в нем должно найтись место и для меня, и для моей лошади. Но не волнуйтесь, с лицензией у меня все в порядке. Я работаю и на город, и на штат. Все будет оплачено из фонда налогоплательщиков.

* * *

Для Сомы это явилось большим облегчением, ведь он был беден. А его друзья и подавно, ни у одного из них не было даже машины, так что из Аллеи помощи ждать было нечего. А сейчас ему нужно добраться до города. Путь долгий, да еще и дождь идет.

Нельзя сказать, что Сома с друзьями жили плохо. У всех над студиями были сухие комнаты, в которых они спали; там было тепло или прохладно в зависимости от времени года; иногда даже чисто — это уже зависело от привычек самого художника. Сома, например, любил чистоту. Чистая теплая или прохладная сухая комната. Прекрасное рабочее место и безграничные возможности продавать картины — все провинциалы, приезжая в Нашвилл, обязательно заглядывали в Аллею, иногда до посещения Оперы, иногда после.

Все это, а еще и машина, дающая такую свободу передвижения. Хотя, конечно, абсолютной свободой это не назовешь, ведь машина не совсем его, это подарок родственников, она выращена на их ранчо. Получалось, что они оба: и сам Сома и

машина — выращены и воспитаны на ранчо; Сома изо всех сил пытался забыть ту жизнь.

Если бы он был ближе по времени к тому, выросшему на ранчо, парню, ноги у него сейчас так не болели бы. И вряд ли ему с таким трудом давался бы путь к городу по мокрой дороге, покрытой гравием; он мог бы даже сквозь густой туман разглядеть город и наверняка услышал бы тихое уханье и карканье — так перекликались враги перед тем, как напасть на него со всех сторон. Они налетели и сверху, с веток деревьев, и снизу, из канав, — отовсюду.

Настоящий боевой отряд кроу.[5] Сома стоял как вкопанный и думал: «Такое можно увидеть только по телевизору».

Пещеры и холмы, населенные этими жителями Кентукки, лежали в ста милях к северо-востоку, далеко за границей штатов. Кентуккийцы не могли оказаться здесь, вдали от Форт-Кларксвилля и Баррен-Грина.

Но ведь вот же они — прыгают, кричат, скребут гальку когтями на сапогах, смахивают капли дождя, которые затекают под маски.

Один из кроу дважды щелкнул языком, и вокруг Сомы все закрутилось-завертелось. Грязные руки насильно открыли ему рот и обмазали все вокруг рта и носа какой-то липкой пастой, от которой сначала стало больно, как от укуса насекомого, а потом лицо онемело. Руки ему связали спереди грубой конопляной веревкой. Сома был страшно напуган, но все равно не мог сдержать удивления:

— Табачная веревка!

Предводитель отряда презрительно ухмыльнулся, он не верил, что Сома не знает таких элементарных вещей.

— Веревки и табак вырабатывают из абсолютно разных растений,[6] — говорил он почти без акцента. — Какие же глупцы живут в этом Штате Добровольцев!

* * *

Дальше Сому потащили в заросли. Разные братья-кроу то толкали, то несли, то тащили его за собой. Бежали они быстро, а если учесть, что им приходилось практически нести Сому, можно представить, с какой скоростью они бежали бы без него. Наконец отряд остановился. Сома упал на землю.

К нему подошел предводитель отряда. Он снял маску и отер лицо. От висков по скулам к курносому носу пролегли две глубокие красные линии. Если бы Сома встретил его в Аллее в

обычной одежде (футболке и шортах), то дал бы ему лет сорок.

Несмотря на страшную усталость, он пожалел сейчас, что не может достать альбом и угольный карандаш (рюкзак все еще был при нем). Ему очень хотелось запечатлеть окружавших его дикарей.

Предводитель молча смотрел на Сому. Молчание прервал сам Сома. Он поднял связанные руки и провел по линиям, пересекающим лицо предводителя.

— Эти шрамы… обрядовые, они что-то значат? Звание? Ранг?

Кентуккийцы, стоявшие рядом и слышавшие вопрос, прыснули от смеха. Предводитель размашистыми жестами выразил свое презрение: сначала раскинул руки в стороны, словно призывал в свидетели всех святых, потом снял с головы маску с клювом, перевернул ее и показал Соме. Изнутри крест-накрест шли кожаные ремни, они поддерживали верхние украшения маски, а с другой стороны, защищали нос того, кто надевал маску. Сома снова перевел взгляд на предводителя и заметил, как тот массирует натертые места. Краснота понемногу проходила.

— Простите, — промолвил художник.

— Да ладно, — ответил кроу. — Никогда неженкам-горожанам не понять благородных дикарей.

Сома какое-то время изучал предводителя, потом сказал:

— Скорее всего, вы смотрите те же телепрограммы, что и я.

Предводитель огляделся, подсчитал своих бойцов, снова надел маску и поднял на ноги Сому.

— Возможно. А теперь снова в путь.

* * *

Звали предводителя Джафет Сапп. По крайней мере, так называли его остальные братья-кроу, бежавшие впереди и позади. Они то рассыпались по лесу, то забирались на ветви деревьев.

Сома погрузился в состояние полузабытья, иногда он пытался петь про себя и вслух, но в последнем случае его резко обрывал Джафет. В один из моментов просветления Сома понял, что паста, которой кентуккийцы обмазали его лицо, видимо, оказывала парализующее действие на волю жертвы. Он знал, что не в состоянии открыть голову и призвать кого-либо на помощь; ему даже не хотелось этого делать. Но Афина всегда твердила: «Я позабочусь о тебе». Он помнил об этом, а сейчас ему очень хотелось верить, что, несмотря ни на что, скоро его спасут полицейские. «Я позабочусь о тебе». Ведь это один из основных

девизов Губернаторши, во время Выборной Кампании плакаты с ним заполняли все небо над Нашвиллом.

Мысли об этом успокаивали. Приятно думать о разумных людях и забыть о том, что тебя выкрали враги, индейцы, разбойники, нанятые конкурирующей семьей торговцев из Вероны.

Но тут военный вождь отряда толкнул Сому в овраг, потом громко свистнул и жестами приказал своим собратьям сделать то же самое, а для маскировки укрыться плащами.

— В чем дело? — спросил голубоглазый юноша, которого Сома заметил раньше.

Юноша сидел на корточках в грязи рядом с Сомой и больно упирался ему в бок локтем.

Джафет Сапп ничего не ответил, а один из братьев-кроу прошипел:

— Дорожный Патруль Теннесси поднял в воздух целого медведя!

«Интересно, — подумал Сома, — может ли медведь спасти меня?» Нельзя сказать, что все было так уж плохо; кое-что ему даже нравилось. Он ни капли не беспокоился о своем здоровье, даже когда Джафет сбил его с ног легким ударом под колени. Сделал он это потому, что Сома поднялся и, убрав плащи из перьев, уставился в небо.

Действительно, по небу летел бело-голубой медведь.

— Я хочу посмотреть на медведя, Джафет, — сказал молодой кроу.

Джафет покачал головой и ответил:

— Лоуэлл, когда вернемся домой, я отведу тебя в Уиллоу-Ридж, посмотришь на настоящих черных медведей, что живут в горах над Грин-Ривер. Тот медведь в небе — обыкновенный робот, он состоит из множества надувных камер, а еще он слуга дьявола, и не стоит на него даже смотреть, если, конечно, нет возможности подкрасться ближе и сломать.

Все воины уставились либо на небо, либо на своего предводителя, и Сома уже подумывал, не попытаться ли открыть голову. Но едва эта мысль пронеслась у него в мозгу, как Джафет Сапп повернулся в его сторону и буквально пронзил немигающим взглядом.

Потом, не сводя с него глаз, обратился к воинам:

— Обмажьте-ка его еще разок. Только осторожно. Нам надо переправить этого добровольца через реку Камберленд, хотя для этого еще придется дать взятку мусорным жукам.

Какое-то эндоморфное существо, покрытое совиными перьями, тут же принялось намазывать пасту на нижнюю часть

его лица. Сома с трудом выдавил из себя:

— Мусорные жуки обслуживают город, они неподкупны. Если вы рассчитываете на помощь со стороны подданных Губернаторши, ваши планы обречены на провал.

Снова заухала сова, потом послышалось шиканье, а Джафет сказал:

— Если бы у мусорных жуков были родители, они и их продали бы за полфляги кентуккийского бурбона.[7] А у нас с собой достаточно этого добра.

Сома знал, что Джафет лжет, обычная тактика агитатора-неоанархиста. И он сказал это вслух.

— Замолчи, Сома-Художник. Ты — вот такой ты — мне даже нравишься, но все мы читали циркуляры Губернаторши. Мы слишком развиты для привычных вам моделей поведения. — Джафет подал знак, и воины поднялись на ноги. Разведчики побежали вперед, остальные принялись разминать затекшие ноги. — К тому же я не агитатор-неоанархист. Все что угодно, только не это.

— Певец! — выкрикнул пробегавший мимо юноша-кроу.

— Он хочет сказать, что иногда по выходным я даю концерты, но никаких контрактов на записи у меня нет. — И Джафет подтолкнул Сому вперед.

— Сварщик! — выкрикнул другой воин.

— Да, и лицензия от Союза имеется, — подтвердил Джафет. — Я работаю на границе.

Сома прекрасно понимал, что и это тоже ложь.

— Можно подумать, что Окружную стену построили кентуккийцы.

Воины опять крайне развеселились.

— Не одни кентуккийцы, доброволец, но и многие другие. Мы называем это политикой сдерживания.

— Агитатор, певец, сварщик, — повторил Художник.

На сей раз паста подействовала сильнее, он чувствовал, как немеет, даже думать он стал теперь намного медленнее.

— Убийца, — проухал Сова.

До этого момента Сома не слышал, чтобы он что-нибудь говорил.

Джафет лез на крутой берег впереди Сомы. Услышав сказанное Совой, он остановился, обернулся, нога при этом глубоко ушла в землю, покрытую ковром опавших листьев, и вокруг сразу запахло гнилью. Джафет взглянул на Сову, потом пристально на Сому — он читал его мысли.

— Теперь ты хорошо заторможен, Сома-Художник. Сам голову открыть не сможешь, за тебя это сделаем мы. И вот теперь

слушай правду. Мы здесь не затем, чтобы воровать то, что принадлежит ей. Мы пришли, чтобы пробраться в ее владения. Мы пришли, чтобы убить Афину Парфенонскую,[8] королеву логики и Губернаторшу Штата Добровольцев Теннесси.

* * *

Дженни-Грязные-Ногти расстелила листья папоротника прямо на стоянке, но прежде чем устроить себе постель, она хорошо их высушила. Лошадь внимательно наблюдала за ней из-за закрывающейся лишь наполовину двери гаража. Большую его часть занимала машина Сомы, она тоже спала после небольшой дозы анестетика.

— Вполне уютная постель, лошадка, — заметила Дженни. — После такого тяжелого дня мы все крепко уснем.

И тут она заметила, как что-то подрагивает на одном из побегов папоротника — кусочек пера попал между листиками, причем перо было черно как вороново крыло, даже отдавало синевой. Сразу повеяло северным ветром. Дженни вздохнула, ведь она была не такой безупречной гражданкой, как Сома, и ее часто доставали полицейские.

С ветки тюльпанного тополя,[9] стоящего у дороги на Нашвилл, вылетел телефон. Он со скрипом упал на землю прямо перед Дженни и уставился на нее глазами-бусинками.

— Звони, — предложил телефон.

— Привет, — сказала Дженни.

Голос у Оператора Дженни был почти такой же, как у самой Дженни. Это ее всегда очень волновало. У операторов других людей голоса были похожи на голоса телезвезд или известных Законодателей, иногда на счастливых персонажей мультфильмов, но Дженни в этом вопросе принадлежала к меньшинству — все ее Операторы и Учителя походили на нее саму. «Мой голос — твой голос».

— Дорожный Патруль Теннесси уже нашел одно перо, Дженни Хилер. — Голос выливался из телефонной трубки, подобно густому холодному сиропу, и медленно втекал ей в уши. — Но и это нам понадобится. Береги его, Дженни, и немного шире раскрой голову.

* * *

А вот секрет этих самых перьев. Того, что передала полиции

Дженни, и того, что уже нашли раньше. По всей дороге от самой Окружной стены красовались, словно флаги-отметины, эти перья; из стены торчали совиные перья. Перья казались прямо-таки насквозь пропитанными интригой. Они были обработаны очень мощным математическим составом — автономным программным обеспечением, которое было разработано Совами Голуботравья. [10]

Перья были рассчитаны на удар исподтишка, на то, чтобы запутать и сбить с толку. Отмечали они ложный путь, кентуккийцы же ушли совсем другой дорогой.

Специальный состав проник в голову Дженни и просочился сквозь не очень серьезные блоки защиты телефона, а потом и сквозь более серьезные укрепления из колючей проволоки, охранявшие Оператора Дженни. Состав искал Сыщика, а может, даже Законодателя, но для достижения цели врагам нужно было захватить их в одиночку, а это представлялось маловероятным.

Состав старательно избегал Командоров Великой Соляной Скалы, которая окружала Парфенон. Состав был очень хитро устроен. Задачи перед ним стояли вполне реальные. Он помечал ложный путь.

* * *

Кроу заставляли Сому нести груз. Один из них сказал:

— Ты сильнее, чем думаешь, — и водрузил ему на спину полный бочонок из белого дуба.

Такие же бочонки несли многие воины-кроу, а у других были мокрые, грязные джутовые мешки. Из мешкав местами торчали корешки, а пахло от них так же, как пахнет из погребов бедняков.

Джафет Сапп нес лишь какой-то лист бумаги. Иногда вместе с Совой и голубоглазым юношей он склонялся над этим листом, тогда остальные располагались неподалеку и наслаждались кратковременным отдыхом.

Сома понятия не имел, где именно они находятся, хотя смутно припоминал, что воины говорили об арке у северных предместий. Судя по разговорам, они, как ни странно, направлялись к столице. Голова у Сомы была как в тумане, мозги и мысли размякли — никаких особо неприятных ощущений, но ориентированию на местности такое состояние не способствовало.

Зато он знал точное время. Зеленоватый свет, пробивающийся в овраг, где они остановились на приват, стал розовым. Несмотря на туман в голове, Сома узнал перемену освещения и улыбнулся.

Тучи издали резкий клич, и вдруг все вокруг ожило. Впервые за весь день изумленные происходящим кроу забыли о Соме, и он спокойно мог исполнить гимн, потому что кроу были заняты своими делами и не обращали на него никакого внимания.

Когда с небес послышался звон колокола, Джафет бросил маску на землю, пристально посмотрел на поджарого рыжего воина и заорал:

— Где же наш хранитель времени? Ты обязан был нас предупредить!

Ответить воин не успел, он, как и остальные, рылся в рюкзаке и вскоре достал странные зубчатые наушники для защиты ушей и нацепил их на голову.

Заиграла музыка, и Сома запел:

— Сегодня мы перестроим Теннесси, каждую ночь мы обновляем Теннесси…

Ему казалось крайне странным, что кентуккийцы не подхватывают гимн, не встают в хоровод, ведь теннессийцы обычно поступали именно так.

Хотя если бы они запели, это было бы еще более странно.

— Сегодня мы перестроим Теннесси, каждую ночь мы обновляем Теннесси…

Заиграли цветы-трубы, росшие в тени ив на другом берегу пересохшего ручья. Сома не привык к такому громкому духовому оркестру. Наверное, до города все-таки далеко. Обычно страстные поклонники тех или иных музыкальных инструментов и партий специально находили места, подобные этому, и спешили туда во время исполнения гимна.

— Сегодня мы перестроим Теннесси, каждую ночь мы обновляем Теннесси…

Сома мирно танцевал, но при этом поглядывал на толстого енота,[11] который кивал в такт музыке и переворачивал камни на дне ручья, и вдруг Сома заметил, что молодой кроу, чуть раньше так мечтавший посмотреть на медведя, тоже начал отбивать такт своим украшенным птичьими когтями сапогом. Первым из воинов это заметил Сова.

— Сегодня мы перестроим Теннесси, каждую ночь мы обновляем Теннесси…

При звуках гимна Сома сегодня не чувствовал такой общности с согражданами, как обычно, не ощущал подъема веры и сил, но считал, что во всем виновата паста, которой вымазали его кентуккийцы. Интересно, они и молодому кроу вкатят те же препараты? Юноша слабо сопротивлялся под напором Совы, который прижал его к земле. Остальные воины держали ему руки и ноги, а Джафет достал шприц с молочно-коричневатой смесью,

похожей на мед, и ввел юноше полную дозу. Сома подумал, что знает имя танцующего юноши-кроу. Джафет Сапп называл его Лоуэллом.

— Сегодня мы перестроим Теннесси, каждую ночь мы обновляем Теннесси…

Розовый свет погас. Енот исчез в лесу. Цветки-трубы смолкли. Остановился и Сома.

Перед Джафетом с жалким и подавленным видом стоял рыжеволосый мужчина. Он смотрел в сторону, туда, где над юношей-кроу возвышался Сова.

— Джафет, я потерял дорогу, — сообщил мужчина. — Здесь так легко заблудиться.

Лицо Джафета выражало гнев и разочарование, но в то же время и нечто, напоминающее милосердие и прощение.

— Да, верно. Здесь легко заблудиться. Со всяким случается. И нам, кажется, вовремя удалось ввести ему притупляющие препараты.

Тут в разговор вмешался Сова:

— Вторая смена, Джафет. Чтобы поймать нашего жука, надо дождаться второго сбора мусора.

Джафет поморщился, но кивнул.

— Идти вперед мы все равно не можем, по крайней мере, пока не поймем, что будет дальше с Лоуэллом. — Он бросил взгляд на лежащего без сознания юношу. — Уберите виски и еду назад в тайник и прикройте все сеткой. Мы остаемся тут на ночь.

Джафет размеренно подошел к Соме. Кулаки у него были крепко сжаты, аж костяшки побелели.

— Тебе все становится понятным, Сома-Художник, хотя, может, ты так и не думаешь. Наши намерения и мотивы помогут раскрыть кое-что и в тебе самом.

Левой рукой он взял Сому за подбородок и запрокинул ему голову; потом махнул рукой в сторону Лоуэлла.

— Вон лежит мой человек. Это один из мотивов.

Медленно Джафет растопырил пальцы руки.

— Я сражаюсь против нее, Сома, в надежде, что ей больше не удастся захватить ни одно разумное существо. И чтобы те умы, которые оказались в ее власти, вновь стали свободными.

К утру танцующий юноша-кроу умер.

* * *

Дженни проснулась в сумерках. Было холодно и сыро, она свернулась калачиком на гравии автостоянки. Заржала ее лошадь.

Дженни уже какое-то время слышала голос лошади, та, видимо, была чем-то обеспокоена. Именно эти звуки и разбудили Дженни.

Она перевернулась на спину и поднялась. Во рту был неприятный металлический привкус Оператора, и ей пришлось несколько раз сплюнуть, чтобы отделаться от него. В ноздрях и над верхней губой засохла кровавая пена; то же самое — она чувствовала — творится и в ушах. Она посмотрела в сторону гаража и увидела, что проснулась не она одна.

— Возвращайся в постель, — сказала она машине.

Машина Сомы приподнялась на задних колесах и выглядывала в открытое окно. Опиралась она о стену гаража, выращенную специальными силовыми методами, да так, что стена еле выдерживала ее вес.

Дженни прищелкнула языком, чтобы хоть как-то успокоить лошадь, и подошла к машине. Ее тронуло, что машина проявляет такую заботу и тревогу.

Дженни дотронулась до антенны и сказала:

— Тебе надо еще поспать, и не волнуйся за меня. Операторы понимают, когда человек отказывается сотрудничать, даже если он сам об этом не догадывается. И тогда им приходится предпринимать серьезные шаги, чтобы найти необходимые ответы.

Дженни уговорила машину отодвинуться от окна и вздрогнула от боли, пронзившей уши и голову.

— Не рассказывай своему хозяину, но меня допрашивают не впервой. А теперь иди спать.

Вид у машины был очень неуверенный, но она послушно улеглась на специальную ремонтную постель, которая росла прямо из пола гаража. Машина устроилась поудобнее, немного поворчала и только тогда выключила передние фары.

Дженни обошла гараж снаружи и вошла в дверь. К ее облегчению, мешки с водой были полными, вода холодной, и она с удовольствием прильнула к одному из них. Вода слегка отдавала солью. Она глотнула еще, потом намочила тряпку, чтобы отереть кровь с лица. После этого она принялась за работу.

* * *

Мусорные жуки выползли из города, перебрались через Мост Достойной Оппозиции. Сверху за ними наблюдали парящие в небе медведи. За мостом жуки повернули направо, вдоль насыпи, в ту сторону, куда всегда вывозили мусор. Сома вместе с кентуккийцами прятался в зарослях вокруг свалки, они ждали

жуков.

Сова положил руку на плечо Джафету и показал на заползающих на свалку жуков, потом приподнялся и стал осторожно пробираться среди кустов и обломков каких-то машин и механизмов.

— Сома-Художник, — шепотом сказал Джафет, — сейчас мне придется сломать тебе челюсть и вырезать щупальца, насколько это будет возможно, но когда мы переправимся на тот берег, мы аккуратно тебя зашьем.

Сома был под сильным действием пасты и потому не мог сосредоточиться сразу на двух таких серьезных вещах. Сломанная челюсть. Кроу в столице. Он выбрал вторую.

— Медведи поднимут вас в воздух, а потом сбросят на Соляную Скалу, — предупредил он. — Во время Кампаний туда будут забираться дети, чтобы топтать вас, а Законодатели с ваших плеч будут произносить свои бесконечные речи.

— Медведи нас не увидят, Сома.

— Медведи следят за рекой и мостами и…

— …и никогда не смыкают глаз, — закончил Джафет.

— Да, мы видели рекламу.

Сзади появился огромный мусорный жук — длиной он был метров сорок. Он осторожно подполз ближе, поднялся на задних лапах, а потом опустился прямо на них, как раз когда Сома успел сказать:

— Наша реклама очень хорошая.

* * *

База данных Афины отражала ее физическое окружение. Взаимно-однозначные конструкции имитировали здания и граждан, демонстрировали, кто ведомый, кто ведущий.

И кентуккийский математический состав нашел лазейку именно в этом пространстве цифр. Вверху небо прорезал резкий свет медведей. Любой из них представлял собой статистически достоверную часть самой Губернаторши; с точки зрения самого состава, оба медведя, парящих над Мостом Достойной Оппозиции, были похожи на два миниатюрных солнца — они освещали ползущих мусорных жуков, плывущие по реке Камберленд баржи, даже проникали в толщу самой воды и выхватывали из ее тьмы числовые аналоги тех опасных существ, что жили на илистом дне.

Мусорные жуки выползли из города, животы у них были надуты — столько они собрали мусора. Состав заметил, что

проползающий сейчас по мосту жук обслуживал, видимо, рестораны. Лучи медвежьих прожекторов просвечивали его серовато-коричневый панцирь, и выхватывали то остатки недоеденных блюд, то скомканные бумажные чашки, то засаленные салфетки.

С другой стороны уже шли другие жуки, они успели выкинуть собранный мусор и были готовы вновь приняться за работу. Их медведи проверяли с еще большей тщательностью. Лучи прожекторов проникали во все уголки и закоулки под панцирем.

Но состав знал, что точность и скрупулезность не одно и то же.

* * *

— Смерть Лоуэлла сильно помешала нам, — Джафет говорил это четверым кроу, Сове и еще — так показалось Соме — мусорному жуку, внутри которого они сейчас находились.

Джафет отправил остальных воинов с телом погибшего юноши на север, так что свободного места под панцирем жука было предостаточно.

Жук внутри был примерно на два фактора больше квартиры, в которой жил Сома, и пахло тут цветами, а не разбавителем красок. Но зато квартира Сомы не была алкоголичкой.

— Какая прелесть, какая прелесть. — Голос жука звучал со всех сторон. — Теперь можно и отдохнуть. Вы опоздали к предыдущей смене, а теперь можем отдохнуть все вместе и хлебнуть виски. Прелесть, прелесть.

Но никто из кентуккийцев и не думал прикладываться к флягам, они лишь каждые полчаса заливали около галлона виски в борозды, которые испещряли жука изнутри. Мусорные жуки были сконструированы не для пищеварения, а для вывоза мусора, поэтому бурбон приходилось заливать в систему кровообращения, только так он мог попасть в мозг.

Сома окунул палец в одну из фляг и поднес его ко рту.

— Обжигает! — Он тут же вытащил палец изо рта.

— Обжигает-обжигает! — подтвердил жук. — Какая прелесть!

— Мы знали, что не сможем все попасть в город, у нас даже не хватило бы на всех костюмов, но шести человек вполне достаточно. К тому же мы и так задержались, поэтому придется дожидаться вечернего гимна в квартире нашего гостеприимного друга.

— Аллея Печатников находится в двух милях от Парфенона, — кивнул в сторону Сомы Сова.

Джафет хмыкнул.

— Знаю, и еще знаю, что эти две мили могут оказаться самыми длинными на свете. Но мы готовили себя к испытаниям. — Он локтем ударил по изогнутой серой стене, о которую опирался. — Эй! Мусорщик! Когда у тебя начинается следующая смена?

Внутренности жука потряс тяжкий вздох разочарования.

— Осталось два часа, поставщик бурбона.

— Доставай снаряжение, браток, — сказал Джафет Сове, а сам встал, потянулся и призвал других кроу последовать его примеру, потом повернулся к Соме: — Остальные будут держать его.

* * *

Часов в десять, когда с вершин утесов рассеивались последние шапки тумана, Дженни отправилась на поиски органического вещества, которым она кормила гараж. У нее и так почти ничего не осталось про запас, потому что она почти все время работала и больше ни на что времени не хватало.

Как она и подозревала по солоноватому привкусу в воде, фильтры между основанием кранов и разводкой водопроводных коммуникаций гаража были забиты илом. Она продула трубы воздухом под давлением (зачем что-то менять, когда можно обойтись меньшими затратами) и один за другим поставила на прежнее место. Но пока она этим занималась, воздушный компрессор начал издавать какой-то необычный завывающий звук. Дженни пошла посмотреть, в чем дело, и оказалось, что компрессор задыхается от напряжения. При этом он свесил язык на рабочую скамью, на которой примостился сам.

Одно за другим, она принялась чинить все подряд, ведь беда не приходит одна. Когда она чистила щетки мотора компрессора, тот заходился крокодиловыми слезами, и Дженни аккуратно отирала их тряпкой. Потом она заменила в самом гараже плавкую вставку.

— Вставки так легко плавятся, — пошутила она, натирая лошадь сладковато пахнущими листьями папоротника, которые приготовила для собственной постели.

Ну и конечно, все это время она не спускала глаз с маленькой машины, постоянно снимала температурные показатели основных точек, пыталась уговорить разбитые окна восстановиться самым что ни на есть лучшим образом. Однажды машина проснулась посреди ночи и принялась издавать странные звуки. Дженни

пришлось поднять капот, и оказалось, что нужно зачистить все контакты. Они были покрыты вязким осадком спрея-анальгетика, которого не пожалел владелец машины.

Дженни вздохнула. На баллончике спрея было четко написано, что его ни в коем случае нельзя направлять в сторону мотора. Но и винить Сому-Художника тоже нельзя, он делал все от души. Работа, в общем, небольшая, она в любом случае собиралась с утра проверить все контакты.

Утром, когда она проснулась под шум волн, гараж тут же начал светиться янтарными огнями и издавал при этом урчащие звуки. Усиленные колонками, эти звуки очень беспокоили лошадь Дженни. Вот поэтому Дженни и отправилась на поиски еды для изголодавшегося гаража.

Вернулась она с вязанкой сухих дров и с наполовину полным ведром старых грецких орехов. Кто-то оставил ведро под уступом и забыл о нем; судя по содержимому, с тех пор прошло года два — не меньше. Машина исчезла.

Дженни поспешила к выезду со стоянки, посмотрела на дорогу. Видимость была плохая. В это время года утренний туман почти сразу сменяется дневной дымкой. Она видела город вдали. Кое — где, между деревьями и береговой линией, проглядывала дорога, но машины и след простыл.

Гараж присвистнул, и она быстро сунула завтрак в ближайшее приемное устройство. Девушка не стала открывать голову, чтобы вызвать полицию, — она еще не отошла от вчерашнего допроса. Она даже сомневалась, стоит ли открывать голову на малую толику, чтобы выйти на службу безопасности собственного гаража. Но она сама построила этот гараж и потому решила рискнуть.

Она встала на рабочую скамью, потерла виски — в дымке показались неясные отражения Дженни и машины. Вот Дженни надевает рюкзак, рассеянно гладит машину по крыше и выходит из гаража. Она не стреножит машину, не запирает дверь.

— Как глупо, — огорчилась Дженни.

Как только Дженни скрылась из виду, маленькая машина подъехала к большим открытым окнам. Она подняла свои смешные передние колесики и оперлась о подоконник, совсем как вчера, когда наблюдала, как выходит из правительственного сна Дженни.

На секунду одна из передних фар задержалась в окне, потом машина опустилась на пол и даже подпрыгнула (ведь первым делом, еще до постройки гаража, Дженни хорошо накачала колеса).

Восторженно взревел мотор. Машина слегка толкнула дверь и

выбралась на стоянку. Она приблизилась к ступенькам, ведущим на пляж, наклонилась и посмотрела вниз, потом несколько раз объехала стоянку, время от времени принюхиваясь, но вот наконец нашла то, что искала. Прежде чем умчаться по дороге в сторону Нашвилла, она вернулась назад и остановилась около лошади. Машина открыла пассажирскую дверцу и несколько раз помахала ею. Лошадь заржала и весело задрала морду.

Дженни-Грязные-Ногти подошла к лошади с самым недобрым видом. Та попятилась.

— Смешно, лошадь, — заметила Дженни. — Но ехать за машиной нам все равно нужно.

* * *

Внутри жука-мусорщика Сова придумал какую-то новую штуку — из стекла и олова, то ли стакан, то ли кубок. От него веяло новой бедой. Братья-кроу старались не шевелиться, а Джафет, казалось, с жалостью широко раскрыл Соме рот. Сома никогда раньше и не подумал бы, что такое возможно.

— Тебе надо было выпить больше виски, — заметил Джафет.

Раздался громкий звук, словно вылетела пробка из бутылки.

Сома вздрогнул, напрягся и потерял сознание.

— Что ж, так будет лучше всем нам, — сказал Джафет и посмотрел на Сову.

Тот сквозь линзу, сделанную из отполированного полудрагоценного камня, заглядывал внутрь глотки Художника.

— Доступ есть?

Сова кивнул.

— Свяжись с математическим составом! — приказал кроу.

* * *

Состав держался под мостом. Время от времени забрасывал в воду связки чисел. Обычно числа были некрупными, потому что жившие в воде существа вечно хватались за связки и утаскивали их под воду.

Состав ждал сигнала и дождался. Со стороны свалки тихо заухала сова. Важно было, чтобы состав не знал, из какого именно жука-мусорщика исходит звук. У медведей были особые способы выуживать информацию у непокорных математических составов.

Ладно. Состав знал, что делать. Сигнал подан. И он распустил себя по всей линии следования жуков, прикрыл все,

что так тщательно просматривали медведи.

А медведи, продолжая парить в воздухе, честно выполняли свою работу.

Кентуккийцы незамеченными попали в город.

* * *

Сома проснулся и понял, что кентуккийцы делают нечто ужасное. Когда он попытался что-то проговорить, оказалось, что на лицо его надета маска — что-то мягкое, похожее на вуаль, но пахнущее доками, — и он даже рта раскрыть не мог.

Четверо молодых кроу переоделись в трикотажные футболки и шорты самых ярких, немыслимых расцветок. Джафет с трудом натягивал на себя длинное пальто, разукрашенное брякающими друг о друга ракушками и старыми электроконденсаторами. Но больше всего напугал Сому Сова. Широкоплечий воин был лишь в набедренной повязке, вырезанной из старой газеты, зато от ключиц до щиколоток его тело покрывали полудрагоценные опалы. Сома застонал, пытаясь хоть так привлечь к себе внимание.

Голубоглазый юноша окликнул Джафета:

— Зашевелился твой Художник.

Над Сомой склонился Сова. Он положил руку ему на подбородок и на удивление аккуратно повернул голову сначала в одну, потом в другую сторону. Затем Сова кивнул сам себе (так решил Сома, потому что другие кроу, казалось, даже не смотрели в его сторону) и снял с лица Сомы повязку.

Сома глубоко вздохнул и сказал:

— Никто уже давно не носит опалы! А эти шорты! — Он ткнул пальцем в сторону других воинов. — Слишком уж оранжевые! Слишком оранжевые!

Джафет рассмеялся.

— Ну, что ж, раз принцев из Аллеи Печатников из нас не получилось, будем изображать туристов, приехавших из провинции. А как я на твой вкус? — Он повел плечами, и весь его наряд будто ожил — ракушки и конденсаторы ударились друг о друга.

Сома поджал губы и покачал головой.

— Ракушки и конденсаторы никогда не выходят из моды.

Джафет кивнул:

— Именно так и говорили по «ящику». Эй! Жук! Мы доехали до рынка?

— Трудно сказать, поставщик бурбона, — прозвучало в

ответ. — В глазах у меня что-то странное творится.

— Уже близко. Открывайся.

Со скрипом отворилась задняя стенка жука. Джафет повернулся к своим подчиненным:

— Ну что, ребята, готовы стать добровольцами?

Молодые кроу принялись собирать джутовые мешки. Сова перекинул через плечо тяжелый рюкзак, воткнул в шляпу несколько цветков и сказал:

— Вперед!

* * *

Всхлипывающую машину Дженни и лошадь нашли в низине, со всех сторон окруженной деревьями. Машина увязла в грязи. Дженни видела, что она сидит тут уже давно и не раз пыталась выбраться сама.

— Ну, что ты такое с собой сделала? — спросила она, спрыгивая на землю.

Машина посмотрела в ее сторону и задрожала. Левое переднее крыло было сильно покорежено, листья и обломки веток завалили капот и ветровое стекло.

— Хотела убежать в лес? Машины созданы для дорог, милая. — И она отерла грязь с поврежденного крыла. — Ну, все не так уж плохо. Небольшой косметический ремонт. Но зачем машине вообще ехать в лес, к деревьям? Видишь, чем это кончается?

Заржала лошадь. Она забрела вглубь леса и сейчас стояла у огромного тополя. Дженни просунула руку в пассажирское окно машины, стараясь не задеть стеклянистое одеяло с другой стороны, и нажала на тормоза.

— Подожди меня здесь.

Потом она побежала к лошади. Та копытом била по маленькому клочку земли. Дженни была механиком, она плохо разбиралась в лесной жизни, но даже она смогла различить след шлепанца. Кто мог отправиться в лес в такой неудобной обуви?

— Скорее всего, Художник. Художник, который пытается самым коротким путем добраться до Аллеи, — предположила Дженни. — Только он может ходить в такой смешной обуви.

Она в раздумьях вернулась к машине. Та изнемогала. Подобное случается крайне редко. Дженни даже стала лучше думать о Соме-Художнике — не зря ведь машина так по нему страдает.

— Послушай, лошадь. Меланхолия только мешает чинить

машины. Мне кажется, что эта машина вылечится гораздо быстрее, если будет находиться на своей родной стоянке.

Машина повеселела.

— Но на берегу остался гараж, — тут же сказала Дженни.

Она долго думала, наконец сказала:

— Послушай, лошадь, в этом месяце тебе полагается еще три выходных. Если я отпущу тебя прямо сейчас, ты соберешь за меня гараж и привезешь его мне прямо в город?

Лошадь радостно вскинула морду и заржала.

— Отлично. Я вернусь вместе с машиной в Аллею, а потом… — Но лошадь уже терлась боком о свою хозяйку.

— Ладно, ладно. — Дженни вытащила из-за пояса с инструментами баночку с мазью, окунула в нее пальцы и намазала лошади спину. Красные кресты исчезли. — Чехлы для крестов хранятся у меня. — И тут ее осенило: — Послушай, машина. — Она положила кресты на капот. Те заерзали, пока не заняли установленные правилами места на дверцах и крыше. — Теперь ты — «скорая помощь»! Конечно, не совсем официальная, но зато теперь можно ехать быстро и даже включать сирену.

Машина завертела задними колесами, но Дженни еще не сняла ее с тормоза. Девушка рассмеялась.

— Погоди секунду. Я хочу, чтобы ты и меня подбросила до города.

Потом она повернулась к лошади, хотела ей что-то сказать, но та уже галопом мчалась по дороге вдоль пляжа. Тогда Дженни крикнула ей вслед:

— Не забудь — прежде чем складывать гараж, вылей воду из канистр!

* * *

Сома обнаружил, что мешки, сквозь которые проросли корни, были набиты овощами. Морковкой, репой, разными сортами картофеля, свеклой. Кентуккийцы разошлись по Фермерскому рынку и принялись торговать своим товаром, выменивать его на соки и желе, которые приносили из своих садов горные обезьяны.

— Это наша вторая цель, — сказал Джафет. — Мы все время это делаем — выменяваем картофель, обработанный специальными веществами, на ерунду, которой питаетесь вы.

— Вы нас травите! — Действие пасты понемногу заканчивалось, и мысли Сомы приходили в порядок.

— Он обработан питательными веществами, дружище. За пределами Теннесси сорок лет не считается старостью. Афина,

похоже, так же мало знает о правильном питании, как и о человеческой психологии. Понимаешь, мы пытаемся помочь вам.

Вот они оказались в самом центре рынка; шум толпы заглушил все остальное, и ответ Сомы так никто и не расслышал.

Джафет крепко держал Сому за руку и одновременно разговаривал со старой седой обезьяной:

— Десять фунтов, так?

Обезьяна взвешивала на весах пучок моркови.

— О'кей, — проворчала она в ответ. — О'кей. Десять фунтов… я дам четыре голубых желе.

Сома не мог поверить своим ушам. Сам он так и не сумел привыкнуть к моркови, но знал, что она пользуется большим спросом. Дать в обмен четыре голубых желе означало не дать ничего. Но Джафет кивнул:

— Вполне справедливо, — и запихал в карман протянутые обезьяной пластиковые тюбики.

— Какой из тебя торговец, — начал было Сома, но осекся — вместо слов получилось какое-то нечленораздельное мычание. *Один весенний семестр, когда он уже целый год ходил в технических помощниках, его уговорили поработать над интерфейсом. Стипендия больше была не нужна.*

— Художник! — выкрикнул Джафет.

Сома поднял взгляд. Перед ним стоял кроу в наряде модника из Аллеи. Он попытался открыть голову, чтобы вызвать Дорожный Патруль Теннесси, но так и не смог ее найти.

— Дайте ему одно желтое желе, — посоветовала обезьяна. — Очень помогает.

— Художник! — снова закричал Джафет и, словно тисками, сжал плечо Сомы.

Сома попытался сам встать на ноги.

— Я теряю память.

— Ха! — выкрикнул Джафет. — Ты, наоборот, все вспоминаешь. Хотя, на мой взгляд, слишком быстро. Послушай. Горные обезьяны являются полноправными добровольными гражданами Теннесси?

Сома был потрясен — только чужестранец мог сказать такое! Продавец-обезьяна тоже замер на месте.

— Черт бы тебя побрал, человек! — вскрикнула обезьяна.

— Нет, нет, — тут же ответил Сома. — Теннесси представляет собой полностью реализованное постколониальное государство. Земли горных обезьян являются автономным княжеством-партнером, хоть и расположены в пределах границ нашего государства. Обезьяны наши верные союзники, но присягу они приносят не нашей Губернаторше, а собственному королю.

— Именно так, — поддакнула обезьяна. — У нас все в порядке с лицензиями и с уплатой налогов; да к тому же кто еще умеет делать такие желе, они слушаются только короля обезьян, так ведь?

Сома провел Джафета к следующему лотку. Джафет заметил:

— Как много еще предстоит вымывать из тебя.

— Я моюсь каждый день, — ответил Сома, но споткнулся о контейнер с соками. *Первые результаты были ошеломляющими.*

К ним подошел коренастый мужчина, весь в черных драгоценных камнях. Тот, что мог обидеть обезьяну, сказал:

— Кажется, вы слишком многое убрали из него; он как-то нетвердо стоит на ногах.

Коренастый мужчина заглянул Соме прямо в глаза и сказал:

— Мы можем легко стабилизировать его состояние. В кафе много телевизоров.

Потом Сома с Джафетом пили горячий ромовый пунш и смотрели новости. Где-то в Заливе кто-то с кем-то сражался, по небу носились Командоры верхом на медведях и пробивали копьями цеппелины кубинцев.

— Кубинцам никогда не достичь превосходства в воздухе, — сказал Сома и почувствовал, что сказал то, что надо.

Джафет устало посмотрел на него.

— Мне нужно, чтобы пока ты думал именно так, Сома-Художник, — спокойно заметил он. — Но надеюсь, что скоро, очень скоро ты узнаешь, что кубинцы не живут в районе Аппалачского архипелага, а вон тот соленый простор — вовсе не Мексиканский залив.

В этот момент по телевизору уже показывали результаты велосипедных гонок. Сома внимательно просмотрел имена спортсменов в надежде увидеть среди победителей своих любимцев.

— Это река Теннесси, черт бы побрал спесь и высокомерие вашей Губернаторши.

Сома заметил, что стакан у него почти пуст, но его друг Джафет все еще продолжал говорить. Он улыбнулся и спросил:

— А?

— Я спросил, готов ли ты идти домой, — повторил Джафет.

— Да, да, — ответил Сома.

* * *

Состав пробирался по маленьким улочкам, скачивал информацию из вторичных и третичных портов, как вдруг

почувствовал ее. Он сразу проанализировал десять тысяч путей отступления, но тут же отверг их все, потому что понял, что она победила, она разрушила его, он стал ее частью; *материалы примитивные, но какая хитрая, какая продуманная архитектура, временами просто ослепляет, ничего не видно, положить конец, положить конец, проверить, проверить и перепроверить еще тысячу раз, говорили, надо все съесть, маленький математический состав Голуботравья поглощен.*

* * *

— Аллея ночью! — воскликнул Сома. — У вас ведь там такого нет, правда?

Мимо промелькнули длинные ноги уличного фонаря. Сома видел, как его товарищи уставились на защитную маску гражданского работника; когда же тот повернул пробку на верхушке дерева и выдул изо рта струю газового пламени, они и вовсе оторопели.

— Пойдемте ко мне! — позвал их Сома. — Когда настанет время петь гимн, мы сможем посмотреть на парад прямо с моего балкона. Я живу на чердаке, что находится над «Тиранией анекдотов».

— Над чем? — переспросил Джафет.

— Это таверна. Я снимаю комнату у хозяев таверны, — пояснил Сома. — Добровольцы просто долбаные идиоты.

Нет, что-то он сказал не так.

Сова, друг Джафета, опустился на колени. Его вырвало прямо на улице. Сома смотрел на покачивающиеся в канаве сферы, а Сова с трудом выдавил несколько слов:

— Она взяла перья. Теперь ищет нас.

«Перебрал ромового пунша», — решил Сома; причем не только Сова, но и он сам, и все остальные сумасшедшие товарищи Джафета.

— Сома, далеко еще? — спросил Джафет.

Сома вспомнил, что нужно быть вежливым, и ответил:

— Не очень.

Сущая правда: до его дома оставалось всего несколько ярдов. Первым шел Сома, товарищи Джафета полунесли-полутащили своего упившегося друга по Аллее. Ничего странного. На Аллее каждую ночь Карнавал.

Вот и вышибала у входа в таверну, вот они поднялись по ступенькам, вот пропели двери «Впусти меня! Впусти меня!», и наконец все втиснулись в его маленькую квартирку.

— Ну вот, — произнес Сова, указав на огромную раковину, которую установил сам Сома, чтобы легче было мыть кисточки. Кисти… где же его кисти, карандаши, где его записи к семинару по комплексности?

— А где полотенца, Сома?

— Что? А, сейчас достану.

Сома засуетился, вытащил полотенца, расставил стулья и табуреты. Все остальные молчали. Он протянул полотенца Джафету и спросил:

— Он что-то не то съел?

Джафет пожал плечами:

— Можно сказать и так, съел и давным-давно. Совы не просто числа, они еще состоят из костей, кожи и мяса. Он сам себя уничтожает. В твою раковину сейчас смываются нули и единицы.

Крупный воин — а разве он был крупным? — тщедушный мужчина, с которого сейчас падали опалы, произнес:

— У нас осталось несколько минут. Весь город заполонили Сыщики. Я оставил в себе только то, что слишком глубоко для их маленьких умишек, но уже задействована вся сфера, а дальше будет еще хуже. Дайте мне… — Он повернул голову, и его снова вырвало, прямо в большую раковину. — До гимна осталось всего несколько минут.

Джафет встал так, чтобы Сома не видел Сову, и кивнул на рисунки, висящие на стене.

— Твои?

Голубоглазый юноша подошел к раковине и помог Сове опуститься на пол. Сома посмотрел на картины.

— Да, в основном мои. Некоторые я выменял.

Джафет внимательно изучал один набросок углем, портрет.

— А это что такое?

На рисунке был изображен высокий худощавый молодой человек, старомодно одетый; он опирался на какую-то машину или что-то вроде того и пристально смотрел на зрителя. Сома не помнил, кто автор портрета, но догадывался, что это такое.

— Это карикатура. Я иногда рисую такие вот, во время Выборных Кампаний. Для провинциалов, которые приезжают в город, чтобы голосовать. Наверное, кто-то заказал свой портрет, а потом так и не пришел за ним.

И он вспомнил, как пытался вспомнить. Вспомнил, как просил руку помнить, когда голова уже забудет.

— Я… что такое вы со мной сделали? — спросил Сома.

Щеки у него были мокрыми, он хотел верить, что это слезы.

Сова с трудом пробовал подняться на ноги. С неба раздался звон колокола, Сова сказал:

— Пора, Джафет. Времени больше нет.

— Еще одну минуту, — бросил кроу. — Что мы с тобой сделали, говоришь? Ты… А раз уж начал вспоминать, попробуй вспомни еще одну вещь. Ты сам все это выбрал! Вы все сами все это выбрали!

Джафет был вне себя. Даже если бы Сома решил ему что-нибудь ответить, он все равно ничего не услышал бы, потому что в этот самый момент все кентуккийцы надели свои потешные наушники. К большому удивлению Сомы они натянули точно такие же наушники и на него.

* * *

Когда они въехали в лабиринт улиц, ведущих к Аллее Печатников, Дженни наконец-то удалось уговорить машину успокоиться и прекратить заунывный плач. Добирались они до города очень долго, потому что машина пыталась свернуть на все попадающиеся им небольшие дороги, которые вели на север, ездила кругами, один раз даже собралась было заехать на свалку, но их прогнали оттуда жуки-мусорщики. Во время гимна Дженни отстукивала такт пальцами и с большим усилием выдавливала из себя слова, а машина продолжала поиски — она даже не делала вид, что танцует.

Дженни все больше и больше поражалась, какая же удивительная ей попалась машина. Ей и раньше доводилось встречать машины, преданные своим хозяевам; встречала она и очень умные машины, почти такие же умные, как жуки-мусорщики, но, как ни странно, два этих качества никогда не уживались вместе. «Машины делятся на собак и кошек», — говаривал ее Учитель, объясняя этот феномен. Это было частью формального процесса обучения, принятого в Штате Добровольцев.

Машина уже второй квартал ползла вслед за жуком-мусорщиком, который вел себя немного странно. Дженни даже не сразу поняла, что они едут за жуком; только когда машина повернула в сторону, противоположную той, куда они направлялись.

Жук казался огромным, он медленно катил по улице Коммерции, раскачиваясь из стороны в сторону и явно не обращая никакого внимания на светофоры, которые возбужденно роились вокруг его головы.

— Послушай, машина, давай лучше свернем в другую сторону. Бродячие жуки это уже слишком, даже для Дорожного

Патруля штата. Если он сам не придет в норму, придется вызывать Командора из Парфенона. — Иногда Дженни снились кошмары, в них всегда фигурировали Командоры.

Машина не слушала, хотя обычно была очень внимательной; сейчас она следила лишь за жуком и старалась не отставать от него. Дженни заметила, что жук остановился около одного из ресторанов и задняя стенка у него открылась. Из расщелины между грудной клеткой и головой появились антенны-мусородетекторы, но тут на улицу выскочил владелец ресторана и ударил по антеннам метлой.

— Убирайся! — закричал он, а лицо его побагровело от злости. — Я уже дважды тебе говорил! Ты собираешь здесь мусор по четвергам! Убирайся! Я уже пожаловался твоему начальству!

Вдоль по улице эхом разнесся голос жука:

— Нет мусора? Отлично, отлично. — Жук удовлетворенно вздохнул, но у Дженни не было времени оценить его радость.

Машина прибавила скорость, и девушка закрыла глаза — она Думала, что сейчас произойдет столкновение. Машина остановилась в нескольких дюймах от жука, заглянула в его пустое чрево и тоже вздохнула, но это был совсем иной вздох, вздох разочарования.

— Поехали, машина, — принялась уговаривать ее Дженни. — Он уже, должно быть, дома. Поехали домой, хорошо?

Машина просигналила и аккуратно развернулась. С улицы Коммерции они двинулись на одну из маленьких боковых улочек, поднялись по виадуку, взмывшему ввысь над Фермерским рынком. Дженни заметила в темнеющем небе какое-то движение и сказала:

— Наверняка велосипеды Дорожного Патруля. Выслеживают твоего жука.

На самом верху моста-виадука Дженни выглянула из окна и посмотрела вниз на рыночное столпотворение. В нескольких местах шла оживленная торговля. Догадавшись, в чем дело, Дженни попросила машину остановиться и даже присвистнула от удивления.

— Ой! Обезьяна! — выкрикнула она. — Несколько свеклин сюда наверх!

Дженни обожала свеклу.

* * *

сигналы из центра города… доклады о беспорядках… рекомендации… увеличивают количество людей, которые

наблюдают и предсказывают… выслать командора… биологическая конструкция низшего вида… экстрапараметрическая… призвать власти…

* * *

— Странно, что я не знаю, что это такое, правда, друзья? — С тех пор, как они вышли на улицу, Сома уже раз пять повторял одну и ту же фразу. — Церковная улица. Церковь. Вы когда-нибудь слышали это слово раньше?

— Нет, — ответил голубоглазый юноша.

Чем дальше на запад они продвигались по Церковной улице, тем молчаливее становились кентуккийцы. Улица была длинной и широкой, но рассчитанной лишь на пешеходов, машины появлялись здесь только в случае крайней необходимости. Скорее даже не улица, а длинный и узкий парк; по обе стороны стояли низкие серые здания правительства. Сейчас в лучах заходящего солнца они приобрели грифельно-сланцевый оттенок.

Солнце садится. Вот почему на бульваре столько народа, так всегда бывает по вечерам. Солнце садится все ниже и ниже, вот оно исчезло за Парфеноном. В тот самый момент, когда диск светила скрылся за зданием песчаного цвета, сама по себе засияла Великая Соляная Скала и озарила белое пространство вокруг Парфенона.

Скала изобиловала полезными ископаемыми (именно она питала Законодателей и медведей), но исходящий от нее белый свет был стерильным. Сома заметил, что по мере приближения к Скале лица воинов-кроу бледнели все больше и больше. *Его работа была потрясающей и становилась все более поразительной по мере того, как одна за другой все дисциплины находили свое место в мета-архитектуре науки. Декан его факультета написал статью совместно с экспертом по, как ни странно, скотоводству.*

Сова держал голову Сомы, а Художника тошнило, выворачивало до тех пор, пока в желудке ничего не осталось.

Джафет и остальные воины успокаивали прохожих.

— Перебрал обезьяньего вина! Мы приехали из провинции, он не привык к такой обильной пище! И обезумел от вида Парфенона!

Джафет склонился к Сове.

— Почему ему это дается сложнее, чем остальным?

Сова ответил:

— Ну, их мы уводили на север от границы. А этого несчастного тащим все ближе и ближе к славе его хозяйки. Ни за

что не смог бы точно сказать, что именно пытается заполнить те пустоты, которые я в нем оставил, но клянусь, что далеко не все идет от нее.

Джафет поднял одну бровь и уставился на своего лейтенанта:

— Кажется, я впервые слышу, чтобы ты за один раз сказал так много слов.

Сова улыбнулся, и хотя улыбка была скорее вымученной, но и этого за ним прежде не водилось.

— На разговоры времени не осталось. Поднимайся, друг-Художник.

Джафет и Сова подняли Сому на ноги.

— А что значит, — спросил Сома, отирая тыльной стороной ладони рот, — слава хозяйки?

— Губернаторши, — пояснил Джафет. — Он хотел сказать, слава его Губернаторши. — Джафет простер руку, и действительно, впереди возвышалась гордость и слава Губернаторши.

Церковная улица последние несколько сотен ярдов шла немного под гору. С того места, где они стояли, был виден конец улицы — прямо у подножия Великой Соляной Скалы, где размещалось Законодательное Собрание Штата Добровольцев. В центре Скалы возвышался Парфенон. Сейчас на Скале не было никого из обычных граждан, но движения и цвета хватало и без них.

На Скале мордами вниз лежали два медведя, они крутили головами во все стороны. Медленно появились и дюжина или больше Законодателей. Их огромные липкие фигуры оставляли за собой золотистый или серебристый шлейфы — в зависимости от партийной принадлежности. Одна фигура обволокла белую соляную статую, которых было так много на Скале; так Законодатель стал еще выше и с новой высоты распевал свои агитационные песенки. В самом центре всего действа находился прямоугольный Дворец, и по его углам расположились четыре Командора.

Четыре заржавевших гиганта, промасленные батисферы прикрывали то, что осталось от их физических тел, в остальном: же каждый представлял вполне своеобразный силуэт сенсоров и лезвий с различным набором подвижных конечностей, крыльев или колес.

— Можешь определить, кто из них кто? — спросил Джафет у голубоглазого юноши, который что-то нашептывал про себя, не сводя при этом глаз с Командоров.

Рубиновоокий Сатклифф, разрушитель,

Искушающий Нгуен, всегда нашептывающий ложь,
Барроуз, встающий из-под земли…

Юноша колебался и качал головой.

— В северо-восточном углу похоже на Праксис Дейл, но считается, что она на западе сражается с федералами. Внешне Святой Сандал в профиль похож на Дейл, но мы уверены, что его поглотила Афина, после последней операции в рамках политики сдерживания, которая так дорого им обошлась.

— Мне никогда не понять, зачем она играет в политические игры со своими подчиненными, когда все эти подчиненные и есть она сама, — признался Джафет.

Сова ответил:

— С Командорами не совсем так же, как с остальными… По-моему, это Святой Сандал; наверное, она восстановила его, может, лишь частично. А еще, ведь помните, он мнемонический.

— Сандал пристально смотрит, — пропел голубоглазый юноша.

— Внутри и снаружи, — закончил за него Джафет и поглядел прямо в глаза Сове. — Ну что, время?

— Как только мы окажемся на Скале, я сделаю все, что она прикажет, несмотря на то, что совершенно пуст, — сказал Сова. — Свяжите меня.

Голубоглазый юноша взял Сому за руку и стал показывать ему Парфенон, все время делая так, чтобы он не смотрел в сторону, где кроу обвязывали Сову виноградными лозами. Из рюкзака они достали шлем Совы и надели его, затянув затворы на шее, может, даже крепче, чем нужно, с точки зрения Сомы.

Двое кроу встали по обе стороны от Совы так, что он оказался зажат как в тиски; ноги у него немного заплетались. Сома заметил, что даже глазные отверстия в маске были заклеены специальной светоотражающей лентой.

Джафет обратился к остальным:

— Медведей не будет, они не смогут так быстро оторваться от еды. Старайтесь избегать Законодателей, даже на следы их не наступайте. Дорожный Патруль будет на земле, но даже не думайте о них. Вы знаете, зачем пришли сюда.

Двое кроу, поддерживавших Сову, подвели его к Джафету, и предводитель взял своего помощника за руку. Голубоглазый юноша сказал:

— Мы знаем, зачем пришли сюда, Джафет. Мы знаем, зачем родились на свет.

И тут же все четверо молодых кроу исчезли, они устремились

в сторону Скалы, никто не пошел назад по Церковной улице.

— Сома-Художник, — повернулся к нему Джафет, — Поможешь мне? Мы тоже должны идти туда.

Сома растерялся. Ему не были известны какие-то специальные запреты по этому поводу, но обычно никто не ходил на Скалу, кроме как во время Выборной Кампании.

— Мы идем на Соляную Скалу? — спросил он.

— Мы идем в Парфенон, — уточнил Джафет.

* * *

Они пересекли Церковную улицу, и машина вдруг остановилась.

— Что такое, машина? — спросила Дженни. Она недолюбливала эту улицу.

Машина принюхалась, а потом неожиданно резко свернула налево и прибавила скорость, даже включила сирену. В стороны разбегались туристы и зеваки, любующиеся заходом солнца, а машина вместе с Дженни с ревом устремилась в сторону светящегося белым горизонта.

* * *

Сова самостоятельно смог пройти всего несколько ярдов. Потом он замедлил шаг, споткнулся, и в результате кроу и Художнику пришлось ухватить его под руки.

— Что с ним такое? — спросил Сома.

Они вступили на Скалу. Самые смелые из туристов остались позади, никто не осмеливался зайти так далеко.

— Он ушел в себя, — ответил Джафет.

— Почему? — поинтересовался Сома.

Джафет рассмеялся:

— Тебе лучше знать, приятель.

И в этот момент ближайший к ним Командор сделал шаг, один-единственный шаг правой ногой, им навстречу, протащил левую ногу несколько дюжин ярдов по земле, потом весь скорчился и с шумом упал на землю.

— У-у-у-ух! — закричал Джафет. — Ну и тяжело же они падают! Давай-ка побежим, Сома!

Поняв, что Джафет не собирается бежать прочь от Скалы, Сома был разочарован, но не удивлен.

До изогнутой тропы сквозь резкий, яркий свет оставалось

проскочить мимо всего одного медведя. Без математического состава, Сова был намного легче прежнего, но все же нести его было тяжело; Сома не мог не залюбоваться потрясающей игрой цвета на пластиковой шкуре медведя.

— Не отставай, Сома! — крикнул кроу.

Впереди еще два Командора вдруг развернулись и принялись наносить друг другу сокрушительные удары. Сома заметил на плече одного гиганта малюсенькую фигурку, видел, как фигурка не смогла удержаться, упала и исчезла под огромным страшным железным башмаком.

Потом Сома и сам поскользнулся и упал, а вслед за ним упали и Джафет с Совой. В воздух поднялось облако едкой кристаллической соли. Сома заметил, что его сандалия покрыта золотой жижей. Они пытались обойти одного Законодателя, а сами угодили в след другого.

Джафет поднял Сову, который весь обмяк, словно тряпичная кукла, и с трудом взвалил его себе на плечо.

— Сома, пошли. У нас еще есть шанс.

Не так-то и сложно решиться.

Неужели ты не решишься? Сначала ему нужно было, чтобы его убеждали, но потом и он сам начал убеждать других. Это не просто история; это уже послеистория.

— Сома!

Джафет бежал прямо на стоящего, словно вкопанного, Художника. Он не мог бежать быстро из-за того, что продолжал нести Сову. Кроу со всего разбега ударил Сому, повалил его на землю и только этим спас от столкновения с ничего не подозревающим Законодателем.

— Вставай, вставай! — кричал Джафет. — Оставайся за ним, пока он идет туда, куда нужно нам. Кажется, мои ребята упустили одного Командора. — Голос Джафета был грустный.

Законодатель остановился и, издав оглушительный звук, выпустил изо рта струю зловонного пара. Джафет взял Сому за руку и повел его вперед, сквозь хаос. На земле неподвижно лежал один из Командоров (тот, что первым упал на землю), а несколько Законодателей ступали прямо по нему. Двое сражавшихся друг с другом Командоров так и лежали, сцепившись, на земле; они уже почти не двигались, только все больше раскалялись. На ногах устоял лишь один Командор, глаза его светились, подобно двум красным солнцам.

Он водил глазами из стороны в сторону, и Сома услышал слова Джафета:

— Нам удалось подобраться совсем близко.

И тут прямо перед ними на скале остановилась машина

Сомы. Таинственным образом на ней оказались красные кресты «скорой помощи», сирена кричала во всю мощь.

Сома не мешкал ни секунды. Он распахнул заднюю дверцу и втащил за собой и Джафета. Когда все трое — Художник, кроу, Сова — сидели на заднем сиденье, Сома прокричал:

— Наверх по ступеням, машина!

На переднем сиденье машины находилась женщина, глаза у нее, казалось, были величиной с блюдца.

* * *

командоры останавливают безголовых людей по правилам скалы, укрепляют, временно оставляют телеприсутствие, чтобы найти цель с головой, цель с головой должна быть найдена…

* * *

Дженни-Грязные-Ногти изо всех сил старалась сохранять спокойствие. Главное, не лишиться разума. Что-то в голове стучало, хотя сама она не пыталась открыть голову. Вчера она занималась ремонтом на выезде, где-то далеко на пляже, она чинила разбитое окно. Сегодня вот она несется вверх по Великой Соляной Скале, а Законодатели, медведи и Командоры ведут себя так, как она даже во сне не могла бы представить.

Сама Дженни тоже вела себя крайне странно. Почему просто не остановить машину, почему не выскочить наружу, не подождать Дорожный Патруль? Почему она все крепче и крепче сжимает руль, почему опустила солнцезащитный экран, чтобы взглянуть в зеркало на сидевших сзади?

Трое мужчин. Сначала она еще сомневалась. Один, кажется, без сознания и одет он как-то странно — голова полностью скрыта под каким-то шлемом. Мужчину в пальто с конденсаторами она видела впервые; он выглядывал в окно машины и пытался разглядеть что-то там, наверху. А вот третьего Дженни узнала.

— Сома-Художник, — сказала она. — Твоей машине уже намного лучше, хотя она очень без тебя скучала.

Сома посмотрел на нее стеклянными глазами. Мужчина в пальто убрал голову из окна, лицо его светилось дикой радостью. Он постучал по шлему того, кто был без сознания, и прокричал:

— Ты слышал? Свершилось немыслимое! Как ты и предсказывал!

* * *

Сому волновало, в каком состоянии у его машины мосты и покрышки, но вот машина проскочила мимо ног последнего стоящего на ногах Командора и запрыгала по крутым ступенькам Парфенона. *Нельзя сказать, чтобы он сам спроектировал все субсистемы. К тому времени, когда он начал разрабатывать машины, за многими деталями уже наблюдала сама Афина. Правда, не за всеми; он не мог винить ее в тем, что превращал своих подданных-животных в составляющие компоненты системы.*

Машина добралась до платформы за наружным рядом колонн и, казалось, ни капли не пострадала. Мужчина, сидящий рядом, — Джафет, звали его Джафет, а родом он из Кентукки, — выпрыгнул из машины и побежал, нет, помчался, как ветер, к закрытым, тяжелым бронзовым дверям.

— Все благодаря красным крестам. По их документам, мы машина «скорой помощи». — Это сказала механик, Дженни, она сидела впереди и прижимала к носу промасленную тряпку — пыталась остановить кровь. Вдруг она объявила: — Я слышу Губернаторшу.

Сома слышал, как ругался и бушевал Джафет. Он уложил Сову на заднем сиденье, а сам тоже вылез из машины. Джафет безрезультатно колотил в закрытые двери, он уже до крови разбил кулаки, плевался и ругался. Потом он заметил Сому.

— Их тут раньше не было! — выкрикнул он и показал на две серебряные колонны, которые поднимались от пола платформы и подпирали дверь. — Двери не заперты, но они блокированы этими дурацкими цилиндрами! — Джафет прямо-таки дрожал от злости, — Карр! Карр!

— Что он хочет сделать? — спросила женщина, сидящая в машине.

Сома потер пальцами виски, он пытался вспомнить.

— По-моему, он пытается перестроить Теннесси, — ответил он.

* * *

Такое ощущение, что на череп давят тысячи машин, изнутри по глазам бьют копытами тысячи лошадей. Дженни была не в состоянии принять какое-либо рациональное решение. Так что оставалось действовать интуитивно, и она вышла из машины. Спотыкаясь, она подошла к основанию одной серебряной колонны, чуть не упала и, чтобы удержаться, схватилась за

колонну, но рука ни на чем не задержалась и прошла насквозь.

— Масло, — пояснила она. — Цилиндры гидравлические. — Она оглядела металлический пол платформы, из которого поднимались цилиндры, и увидела панель доступа. Достала из-за пояса отвертку и отвинтила панель.

Сома что-то шептал своей машине, но тот, что кричал и бушевал, подошел к Дженни и спросил:

— Что ты делаешь?

— Не знаю, — ответила она, хотя это было не совсем так.

Она уже просунула руки под панель, подставила под пучок света лицензии и государственные печати, которые были выжжены у нее на запястьях. Одновременно она быстро извинилась перед всеми механизмами и разрезала своим ножом, насколько могла, гидравлический шланг.

Из отверстия полилась жидкость. Дженни вся была перепачкана вязкой зеленоватой грязью, но цилиндры исчезли.

Мужчина, стоящий рядом, посмотрел в упор на Дженни, потом повернулся к Соме-С-Красками-Живущий-В-Аллее-Печатников и к его машине.

— Наверное, план у нас был ужасный.

Он бегом подбежал к машине и вытащил с заднего сиденья человека в шлеме.

* * *

нарушены границы… домой… все командоры домой… отменяйте все неотложные важные дела… никаких поисков известных машин… никаких дальнейших действий… все домой… домой… домой

* * *

Дженни не могла помочь Соме и его другу втащить третьего мужчину внутрь храма, она сама с трудом переступила порог. Никогда раньше она не видела Афину целиком, только частями, в храмах, где выставляли ее статуи, а вместе с ними маленькие кусочки самой Губернаторши.

И вот перед ней настоящая, устрашающая и великая — скульптура высотой в сорок футов, в доспехах и при оружии, а вокруг останки ее застывших мраморных врагов. Дженни с трудом подняла голову, сначала она увидела ноги в сандалиях, потом зеленое одеяние, ярко накрашенные скулы и вот лазурно-

голубые глаза.

Афина тоже смотрела на нее. Афина прыгнула.

В голове Дженни, такой маленькой голове, не осталось больше места для Дженни-Грязные-Ногти. Дженни сдалась.

* * *

Сома видел, как механик, женщина, которая проявила такую доброту по отношению к его машине, упала на колени, а из носа и глаз у нее хлынула кровь. Он видел, как Джафет положил Сову перед Губернаторшей — словно жертву. *Он был среди инсинуаторов, которые придумали спрятать самую ее суть здесь, в этом священном месте.*

Сзади загудела машина, но он еле-еле расслышал ее, потому что все заглушал ужасный металлический скрежет на Скале. Стоявший на ногах Командор раскачивался изо всех сил, он повернул туловище в сторону Парфенона. Соль от перегрева таяла и медленно стекала вниз по ступенькам.

Сома добежал до машины, наклонился и *вспомнил, вспомнил заднюю дверцу и Пасхальное яйцо, которое не задокументировал.*

Он повернул ключ зажигания. Машина задрожала.

— Беги домой, машина, беги со всех ног. Бега назад к своим собратьям. Быстро, машина, и будь умницей.

Машина проснулась. Она стряхнула с себя ярмо хозяина и закрыла свою маленькую голову. Она издала удивленный гудок и с огромной скоростью устремилась по ступенькам вниз, прямо через растаявшие соляные потоки, сквозь спускающиеся отовсюду крылатые велосипеды. Командор снова попытался медленно развернуться, попробовал уследить за машиной.

Сома вернулся в относительно спокойный Парфенон. Афина мрачно смотрела на все происходящее, но Сома не чувствовал на себе воздействие этого взгляда. Сова вырвал из него то, благодаря чему Афина влияла на людей. Тот самый Сова, который сейчас лежал перед Джафетом, а Джафет уже занес острый нож.

— Зачем? — заорал Сома.

Джафет ничего не ответил, он молнией перепрыгнул через Сову, чудом увернувшись от потерявшей рассудок Дженни. У девушки глаза вылезли из орбит, из них текла кровь. Кровь текла из носа и из ушей, и все же она с яростью бросилась на Джафета.

Джафет приземлился на корточки. Ответ на свой вопрос Сома услышал из уст Дженни. Хотя говорила не сама Дженни. Сома прекрасно знал этот голос, он откуда-то помнил его. Голос точно принадлежал не Дженни.

— там бомба в этом физическом теле… друг сома… нож… угроза… истребитель…

Джафет закричал Соме:

— Ты снова должен решиться! Вырежи из него правду! — И он ножом указал на Сову.

Сома судорожно вдохнул.

— Так просто распоряжаемся жизнями. Это одна из причин нашего легкого подъема.

Тело Дженни метнулось в сторону Джафета, но кроу упал на отполированный пол. Тело Дженни поскользнулось, подошвы ботинок у нее были выпачканы той же слизью, что и костюм.

— Мой брат Сова умер от асфиксии примерно минут десять назад, Сома, — произнес Джафет. — Умер, так и не достигнув идеала, не контролируемый никем.

Джафет пятился, чтобы избежать извивающегося тела Дженни, потом он снизу вверх бросил нож. Нож описал дугу и упал у самых ног Сомы.

Все те же аргументы.

Все те же аргументы.

Сома поднял нож и взглянул на Сову. Перед его глазами продолжалась драка, драка между мертвой женщиной и мужчиной, которому вот-вот суждено умереть. Джафет больше ничего не говорил, только умоляющими глазами смотрел на Сому.

Дженни проследила за взглядом Джафета и увидела нож в руках Сомы.

— тебе пора наверх, сома-приятель… пополни ряды командоров… ты был девяносто шестым… теперь стал девяносто девятым сома-с-красками-живущий-в-аллее-печатников штат добровольцев, теннесси аплодирует своему истинному гражданину…

Никакого неуважения, не отказ войти в круг высших умов. Воспоминания до и после, решения, которые принимал он или принимали за него, награды и повышения, которых оставалось все меньше и меньше, и вот эта, последняя.

Сома вонзил нож в неподвижную грудь Совы и рассек грудь вниз до самого живота, он вложил в этот удар всю свою силу. В обе стороны от разреза разошлись слои кожи и жира. Бомба — нож, истребитель, угроза — была похожа на малюсенький белый шарик. Он проткнул ее страшным острием кентуккийского ножа.

* * *

В центре пространства, в котором живут математический состав и Сыщики, образовалась новая звезда. Наружу волной полетели освобожденные числа, они разнеслись по всему Нашвиллу, по всему Штату Добровольцев и заполнили все поле, созданное политикой сдерживания.

Испарились все сто сорок четыре Сыщика. Король Горных Обезьян, бывший лишь результатом преломления света, исчез в тени. Командоры превратились в неподвижные статуи, биологическое начало, упрятанное внутри, лишилось зрения, слуха, а потом и вовсе умерло.

Поющий Нашвилл умолк. Закрылись тысячи тысяч голов, онемели тысячи тысяч душ. Они остались без поддержки.

К северу от Окружной стены зазвучали сигналы тревоги.

В Парфеноне Джафет Сапп аккуратно накрыл кончиками указательного и безымянного пальцев веки Дженни и закрыл ей глаза.

Потом усталый кроу прошел мимо Сомы и поспешил наружу. Великая Соляная Скала больше не светилась, даже огни города почти потухли, поэтому Сома быстро потерял Джафета из виду. Но вот снова раздался каркающий голос:

— Мы вынуждены были причинить вред машине.

Сома задумался, потом ответил:

— Я тоже.

Кроу исчез. Соме ничего не оставалось, как ждать. Он принял единственное решение, которое сам же себе и оставил. Он безучастно смотрел, как к морю плыли обгоревшие медведи. Впечатляющее зрелище, но он где-то забыл свои краски.

Нэнси Кресс
Шива в тени

Ниже представлен рассказ, повествующий об очень опасном путешествии в глубины космоса, в результате которого его участники понимают, что как бы далеко человек ни улетал, ему никогда не улететь, не уйти от самого себя…

Поразительные по красоте и глубине рассказы Нэнси Кресс впервые появились в середине 70-х годов, с тех пор они часто печатаются на страницах «Asimov's Science Fiction», «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», «Omni» и других изданий. Она написала ряд книг, в том числе «Принц Утренних Колоколов» («The Prince of Morning Bells»), «Золотая роща» («The Golden Grove»), «Белые трубы» («The White Pipes»), «Свет чужого солнца» («An Alien Light»), «Роза мозга» («Brain Rose»), «Клятвы и чудеса» («Oaths and Miracles»), «Жало» («Stinger»), «Максимальная яркость» («Maximum Light»), романную версию рассказа, завоевавшего премии «Хьюго» и «Небьюла», «Испанские нищие» («Beggars in Spain»), продолжение этого романа «Нищие и страждущие» («Beggars and Choosers») и очень популярную новую серию романов «Возможная Луна» («Probability Moon»), «Возможное Солнце» («Probability Sun») и «Возможный Космос» («Probability Space»). Ее короткие произведения были выпущены в сборнике «Троица и другие рассказы» («Trinity and Other Stories»), «Чужие на Земле» («The Aliens of Earth»), «Дюжина мензурок» («Beaker's Dozen»). В последнее время вышли два новых романа: «Перекрестный огонь» («Crossfire»), «Ничего человеческого» («Nothing Human»). Скоро появится еще один роман, «Суровое испытание» («Crucible»). Премию «Небьюла» Нэнси Кресс получила и за рассказы «Со всех ярких звезд» («Out of All Them Bright Stars»), «Цветы тюрьмы Аулит» («The Flowers of Aulit Prison»). Ее произведения печатались в ежегодных сборниках «The Year's Best Science Fiction».

1. Корабль

Я следила за приземлением зонда из обсерватории, находящейся на верхней палубе «Кеплера». Отсюда был прекрасно виден Шаад на фоне бескрайнего звездного пространства. По обе стороны от меня стояли Аджит и Кейн. Обсерватория являлась одновременно и садом корабля, здесь цвели взращенные мною экзотические растения, им тут явно нравилось, и даже для того, чтобы посмотреть на зонд, нам пришлось протискиваться между грядкой с семифутовыми коморалиями и внутренней обшивкой корабля.

— Бог ты мой, Тирза, неужели нельзя обрезать эти растения? — взмолился Кейн. Он, как маленький ребенок, прижал нос к почти невидимой прозрачной обшивке. Что-то быстро пронеслось по небу, — Конечно, мы ничего особенного не увидим.

Я повернулась в его сторону. Ничего не увидим! За «Кеплером» лежала самая непредсказуемая, самая интересная часть Галактики, смертельно опасная, но и прекрасная одновременно. Да, «Кеплеру» пришлось остановиться на расстоянии ста световых лет от ее центра — только из соображений безопасности. Облака пыли и газа скрывали от наших глаз то, что происходило дальше. Но, с другой стороны, иногда перед нами представали необычные по своей красоте панорамные виды.

Супербольшая черная дыра Стрелец А, смертоносное сердце Галактики, светилась вместе с нагретыми газами, которые сама и поглощала. Вокруг Стрельца А кружился Западный Стрелец А, спираль горячей плазмы с тремя отростками и протяженностью десять световых лет; при остывании спираль излучала радиацию. Их окружал Восточный Стрелец, гигантская раковина, оставшаяся после некоего катастрофического взрыва, произошедшего в последние сто тысяч лет. Я видела тысячи звезд, в том числе и раскаленные до синевы звезды IRS16, которые были расположены совсем рядом с дырой; там закручивался такой сильный звездный ветер, что у соседней красной звезды-гиганта появлялся длинный огненный хвост. Все кругом двигалось с огромной скоростью, все светилось, все сталкивалось, разрывалось, кругом раздавались крики всего диапазона электромагнитного спектра. И все это в атмосфере сладкого запаха моих цветков-однодневок.

Ничего не происходит! Но Кейн оставался невозмутим.

Аджит красивым певучим голосом произнес:

— Нет, ничего особенного не увидим, но на многое можно

надеяться, о многом молиться.

Кейн бросил в ответ:

— Я не молюсь.

— Я имел в виду не религию, — спокойно ответил Аджит. Он всегда очень спокоен. — Я имел в виду надежду. Надежда это ведь настоящее чудо, не так ли?

Он, конечно же, был прав. В зонде находились аналог Аджита, аналог Кейна, аналог Тирзы — все они были загружены в небольшой кристаллический компьютер размером с цветок коморалии. Эти наши аналоги отправятся в опасное звездное пространство в сердце Галактики, куда не добраться в слабом человеческом обличье. «Мы» будем наблюдать и измерять, попытаемся найти ответы на научные вопросы, и все в самом центре галактического пространства и времени. Девяносто процентов массы зонда составляли защитные щиты компьютера. Девяносто процентов всего остального представляли защитные щиты трех мини-капсул, которые зонд отправит нам на корабль и которые будут содержать записи и анализ добытой информации. Иным путем данные из эпицентра радиации нам не получить.

Никто точно не знал, какие именно вопросы возникнут у Аджита и Кейна, пока они не узнают, что находится в зоне Стрельца А. Теперь эти вопросы будут задавать их аналоги. Аналоги знали всё, что знали мы.

— Танцующий Шива, — произнес Аджит.

— Что? — переспросил Кейн.

— Ничего. Тебе не понравится это сравнение. Пойдем, Тирза. Я хочу тебе кое-что показать.

Я перевела взгляд от звездного пространства на Аджита и улыбнулась.

— Конечно.

Вот почему я здесь.

* * *

Кожа у Аджита мягче, чем у Кейна, он не такой мускулистый. Кейн каждый день тренируется в спортивном зале корабля, работает с максимальными нагрузками. Аджит скатился с меня и положил руку на мое удовлетворенное горячее лоно.

— Ты такая красивая, Тирза.

Я рассмеялась.

— Мы все красивые. Кому нужны генетические изменения, если результат получится некрасивым?

— Иногда люди делают странные вещи.

— Да, я это только что заметила, — поддразнила его я.

— Иногда я думаю, что то, что делаем мы с Кейном, должно казаться тебе странным. Я смотрю, как ты сидишь за столом, слушаешь нас, и знаю, что тебе трудно следить за ходом наших мыслей. Мне тебя очень жаль.

Я положила свою руку на его и постаралась подавить раздражение. Да, меня раздражает спокойствие Аджита. В постели это неплохо, он мягче и заботливее Кейна, но есть и другая сторона медали — он всегда немного снисходителен. «Мне тебя очень жаль». Жаль меня! Потому, что я не ученый! Я командир нашей экспедиции, от меня зависит управление кораблем; кроме того, у меня есть лицензия тьютора первого разряда. На борту «Кеплера» мое слово закон, закон беспрекословный. У меня за спиной пятидесятилетний опыт ухода за учеными. Я не потеряла ни одной экспедиции, так что меня не надо жалеть.

Но я, естественно, ничего этого Аджиту не сказала. Я массировала ему руку, а он своей, следовательно, поглаживал мое лоно. Я при этом тихо мурлыкала:

— Как хорошо, что ты решил мне это показать.

— На самом деле я хотел показать тебе кое-что другое.

— Да?

— Да. Погоди, Тирза.

Он поднялся и нагишом прошлепал к своему шкафчику. Красивое, красивое тело, смуглое, мягкое, похоже на гибкий, отполированный ствол дерева. Его хорошо видно, ведь Аджит всегда занимается любовью при ярком свете, словно пытается возместить нехватку солнечных лучей. Мы лежали в его постели, не в моей. Я никогда не ложусь ни с ним, ни с Кейном в свою постель. У меня там есть секреты, о которых они не знают и никогда не узнают. Дубликаты камер наблюдения, например, и редко используемые подкожные приборы слежения. Это, конечно, так, на всякий случай. Ведь я командир корабля.

Аджит достал из своего небольшого шкафчика статуэтку и смущенно и в то же время с гордостью повернулся ко мне. Я удивленно села.

Статуэтка была не маленькая, по крайней мере, в шкафчике она наверняка занимала почти все место. А судя по тому, как Аджит держал ее, она была и тяжелой. Какой-то божок с четырьмя руками, окруженный кольцом пламени. На вид статуэтка была сделана из очень старой бронзы.

— Это Натараджа, — промолвил Аджит, — Танцующий Шива.

— Аджит…

— Нет, я не поклоняюсь богам. — Он улыбнулся. — Ты ведь

меня достаточно хорошо знаешь, Тирза. В индуизме много богов, тысячи, но они всего лишь отражают различные аспекты нашей реальности. Этого не понимают только невежды. Шива символизирует танец созидания и разрушения, постоянный поток космической энергии. Рождение, смерть, новое рождение. Я решил, что его место именно в самом ядре Галактики, где происходят все эти три процесса.

Мне это объяснение показалось туманным. Можно было взять с собой голограмму изображения Шивы, она не занимала бы столько места. Я не успела ничего сказать, Аджит меня опередил:

— Эта статуэтка хранилась в моей семье четыреста лет. Я должен доставить ее назад домой — вместе с ответами на мои научные вопросы.

Я не очень хорошо понимаю научные интересы Аджита, да и Кейна тоже. Но я нутром чую, как они важны для него. Это входит в мои обязанности. В красивом теле Аджита скрывается много амбиций; целая река амбиций, созданная чаяниями членов бедного семейства с планеты Новый Бомбей, которые вложили все немногое, что имели, в своего любимого сына. Аджит это сосуд, в который они излили все свои надежды, все свои жертвы, весь свой эгоизм. Именно благодаря тому, что сосуд этот переполнен, Аджит так мягок в любви. Он не может позволить сосуду разбиться.

— Ты привезешь статую Шивы назад на Новый Бомбей, — тихо пообещала я. — Вместе с ответами на научные вопросы.

Он продолжал держать статуэтку в руках, и она отбрасывала пляшущие тени на его смуглое тело.

* * *

Кейна я нашла у терминала. Он был так погружен в раздумья, что заметил меня, только когда я крепко взяла его за плечо.

— Как дела, Кейн?

— Никак. А разве может быть иначе? Мне нужны данные!

— Данные будут. Прояви терпение, — ответила я.

Он потер левое ухо. Он всегда так делает, когда раздражается. Если он счастлив и весел, то взъерошивает левой рукой свои густые рыжие волосы, и на голове его словно вырастают языки пламени. Сейчас он мрачно улыбнулся.

— Я не отличаюсь терпением.

— Верно.

— Но ты права, Тирза. Данные будут. Труднее всего дождаться первую мини-капсулу. Как бы я хотел, чтобы их было

не три, а больше. Черт побери этих дешевых бюрократов! При ускорении в…

— Пожалуйста, уволь меня от цифр. — Я провела рукой по его волосам и игриво потянула за пряди. — Кейн, я хочу тебя кое о чем попросить.

— Давай, — тут же ответил он. Кейн никогда не задумывается о последствиях. Аджит бы в такой ситуации насторожился. — В чем дело?

— Я хочу, чтобы ты научился играть с Аджитом в го.

— Зачем? — нахмурился он.

Кейна нужно убеждать логикой. Он сделает все, о чем я прошу, но должен при этом понимать, зачем он это делает.

— Во-первых, потому что го поможет вам скоротать время до прибытия первой мини-капсулы; по крайней мере, не будете в сотый раз пережевывать одно и то же. Во-вторых, игра сложная и интересная, вам, я уверена, понравится. В-третьих, и я смогу научиться.

А в-четвертых, и это я не стала говорить вслух, Аджит настоящий мастер, он все время будет тебя обыгрывать, а это как раз то, что ему необходимо, — поверить в свои силы.

Аджит не такой талантливый ученый, как Кейн. Наверное, вообще в старом мире не найти ученого, подобного Кейну. Мы все это знаем, но никогда об этом не говорим. Есть гении, с которыми простым людям работать легко, которые настолько благородны и великодушны, что замедляют свои мыслительные процессы в унисон с простыми смертными. Кейн не такой.

— Го, — задумчиво произнес он. — У меня есть друзья, которые увлекаются го.

Это была неправда. У Кейна вообще, если уж на то пошло, нет друзей. У него есть коллеги, есть наука, есть я.

Он улыбнулся мне, редкий знак благодарности на его красивом лице.

— Спасибо, Тирза. Я сыграю с Аджитом. Ты права, это поможет скоротать время в ожидании посланий с зонда. А чем больше я буду занят, тем мягче я буду с тобой.

— Ты и так просто прелесть. — Я снова потянула его за волосы и беспечно улыбнулась, я знала, что ему это нравится. — А если и нет, то мне все равно.

Кейн засмеялся. В подобные минуты я особенно стараюсь скрывать свои чувства. Перед обоими.

2. Зонд

Мы автоматически проснулись после гиперпрыжка. Точно не знаю почему, но гиперпрыжок происходит не одномоментно; в принципе это и не прыжок вовсе, а пространственный тоннель Калаби-Яу. По корабельному времени прошло несколько дней, а зонд был теперь на расстоянии в пять световых лет от центра Галактики. Моторы отключились. Зонд вел себя идеально, защитные щиты превзошли все наши ожидания. И мы сами тоже. Я с удивлением следила за дисплеями.

На «Кеплере» уже ничего не видно, обзор закрыли пылевые облака. Здесь же видимость остается прекрасной. Мы пролетали мимо звезды, которая начала двигаться по смертельно опасной спирали к Стрельцу А. Приборы визуального наблюдения фиксировали смертоносное величие дыры — раскаленные до синевы созвездия IRS16. Длинный огненный хвост красной звезды-гиганта IRS7 увеличивался под воздействием звездного ветра. Звезды, прошедшие отметку, Из-за которой уже нет возврата назад, неслись под действием притяжения Стрельца А к неизбежному концу. На радио-, гамма- и инфракрасных экранах можно было прочесть еще больше — буквально все объекты этого не имеющего подобных смертельно опасного неясного ландшафта просто лучились радиацией.

А вот сияет еще одна тайна, ради которой прилетели сюда Кейн и Аджит, — массивные молодые звезды, на которые Стрелец А, казалось, не оказывает никакого воздействия. Но как могли они стать такими массивными и стабильными? Такие звезды не могут существовать вблизи от дыры. Одна звезда, по словам Кейна, находилась от дыры на расстоянии двойной орбиты Плутона от Сола. Как это случилось?

— Все так красиво, хотя красота дьявольская, — сказала я Аджиту и Кейну. — Я хочу подняться в обсерваторию и посмотреть оттуда.

— Обсерватория! — мрачно бросил Кейн. — Мне нужно работать!

И он сел к своему терминалу.

Все это, естественно, неправда. На зонде нет обсерватории, нет трапов, и я не могу никуда «подняться». Нет здесь и кают-компании с терминалом, стульями, столом, дисплеями и компьютером. Мы сами и есть компьютер, а точнее, мы часть его. Но программы, которыми он напичкан, делают все настолько реальным, словно все осталось, как прежде, словно мы — все те же старые «мы», что были на борту «Кеплера». Человеческим

аналогам нужна такая реальность, реальность теней, и мы ее только приветствуем. А почему бы и нет? Для нашего ума это данность, принимаемая по умолчанию.

И потому Кейн «сел» за свой «терминал», чтобы просмотреть предварительные данные сенсоров. И Аджит тоже, а я «пошла наверх», в обсерваторию, и долго оттуда любовалась окрестностями.

Я, та другая «я», которая осталась на «Кеплере», выросла на орбитальной станции Оортовых облаков в системе Сола. Космос — мой дом. Я не понимаю, как эти земляные черви могут жить на планетах; как вообще можно хотеть там жить — на самом дне мрачного и грязного пространства. Я научилась имитировать понимание, научилась делать вид, что люблю планеты, ведь этого требует моя работа. И Кейн, и Аджит выросли на планетах: Аджит на Новом Бомбее, а Кейн на самой Терре. Оба они ученые, изучают космос, но их нельзя назвать настоящими жителями космоса.

Ни один житель планет никогда по-настоящему не видит звезды. Ни один человек на всем свете никогда не видел то, что вижу сейчас я, — бешеное сердце человеческой Вселенной.

В конце концов я спустилась вниз, еще раз проверила все показания, а потом села за стол в кают-компании и достала свое вышивание. Это древнее, несуразное ремесло очень успокаивает, почти так же, как возня в саду, хотя вышиваю я не из-за этого. Все первоклассные тьюторы осваивают какое-либо простое ремесло. Это дает возможность легко наблюдать за людьми, в то время как они думают, что ты занят делом, и не обращают на тебя никакого внимания.

Кейн, естественно, вообще не обращал на меня внимания. Я спокойно могла бы разглядывать его с помощью увеличительного стекла, а он и ухом не повел бы, особенно если был бы занят работой. Еще на борту «Кеплера» он попытался доступно объяснить мне — насколько это было возможно, — почему рядом с сердцем Галактики вообще не должно быть молодых звезд, и тут же привел три возможные причины их появления. Рассказал он мне это, как обычно, в постели. В минуты после физической близости.

— Судя по спектрам этих звезд, они молоды, Тирза. И они находятся совсем рядом со Стрельцом А, SO-два вообще всего в восьмидесяти а. е. д.![12] Такого не может быть; ядро Галактики, мягко говоря, далеко не лучшее место для звездообразования. И еще — у этих звезд очень странные орбиты.

— Ты принимаешь все слишком близко к сердцу, — улыбнулась я.

— Естественно! — воскликнул он без капли иронии. — Этим молодым звездам здесь не место. Приливные силы дыры должны были разорвать на кусочки любое пылевое облако еще до того, как из него начала бы зарождаться звезда. А если они зародились вдали от этих мест, ну, скажем, на расстоянии в сто световых лет, то на подходе сюда непременно должны были погибнуть. Такие супермассивные звезды вообще больше нескольких миллионов лет не существуют.

— Но вот же они, перед нами.

— Да. Почему на тебе до сих пор эта кружевная рубашка? Какой-то ужас.

— Ты так торопился, что я даже не успела толком раздеться.

— Ну, тогда раздевайся сейчас.

Я так и сделала, и он крепко прижал меня к себе. Разговор о звездах продолжался.

— Существует три теории. По одной, если пылевое облако находится в шести световых годах от центра Галактики, то звезды образуются, как обычно, но потом под напором галактических ветров улетают на большие расстояния, затем снова притягиваются и так далее. По другой теории, должна быть вторая, меньшая по размеру, черная дыра, которая движется по орбите вокруг Стрельца А и оттягивает звезды на себя. Создается своего рода противовес. Но тогда почему нам не удается зарегистрировать никаких радиоволн? По третьей теории, звезды вовсе не молодые, они представляют собой останки старых звезд и лишь внешне похожи на молодые.

Я спросила:

— Какая теория нравится тебе?

— Ни одна из них. — И вдруг со свойственной ему непредсказуемостью полностью переключил свое внимание на меня: — С тобой все в порядке, Тирза? Я знаю, для тебя наша экспедиция должна быть очень скучной. На управление кораблем уходит совсем немного времени, даже на меня не так уж много.

Я громко рассмеялась, а Кейн, не понимая причины моего смеха, нахмурился. Как типично для него сказать такое! Неожиданно проявить заботу и тут же снова напрочь забыть о человеке. И ни слова об Аджите, словно для меня существует только он, Кейн. Полное игнорирование того факта, что я все время сглаживаю их столь натянутые отношения, провожу столько времени с каждым в отдельности, чтобы успокоить и умиротворить этих двоих мужчин, больше похожих на звезды бескрайнего космоса, чем на людей. Яркие, горячие, мощные и очень нестабильные. Но ни один из них этого, конечно, не признает.

— Со мной все в порядке, Кейн. Я наслаждаюсь жизнью.

— Ну и отлично, — ответил он, и я поняла, что он тут же позабыл обо мне и принялся снова размышлять о своих теориях.

Ни Кейн, ни Аджит не знают о том, что я люблю Кейна. Аджита я не люблю. Трудно сказать, как в наших сердцах зарождается любовь. С Кейном я счастлива, во мне просыпается желание и появляется полнота жизни, от которой все вокруг начинает светиться — и все только потому, что он, сложный, неугомонный, полный энергии и жизни Кейн, является частью этого мира. С Аджитом ничего подобного во мне не происходит, и он в этом не виноват.

О моих чувствах они так никогда и не узнают. Мои чувства не имеют сейчас никакого значения. Я командир корабля.

— Черт побери! — в восторге воскликнул Кейн. — Только посмотри!

Аджит повел себя так, будто Кейн обращался к нему, хотя это было не так. Он просто думал вслух. Я отложила вышивание в сторону и подошла к их терминалам.

Аджит сказал:

— Показания приборов, должно быть, неверны. Видимо, сенсоры все-таки повреждены — либо при гиперпрыжке, либо под действием радиации.

Кейн ничего не ответил; мне кажется, он даже не услышал слов Аджита. Он просто спросил:

— Что же это такое?

Ответил ему Аджит:

— Показания массы неверны. Слишком высокая плотность вещества в некоторых пустых областях космического пространства.

Я спросила:

— Может, именно там и зарождаются новые звезды?

Мне не ответил даже Аджит; значит, я сморозила страшную глупость. Но мне все равно. Я ведь не ученый; самое главное сейчас, чтобы они не замыкались в себе, а продолжали разговаривать.

Аджит сказал:

— Было бы удивительно, если бы приборы не пострадали после прыжка в условиях такой радиации.

— Кейн? — окликнула я.

— Дело не в приборах, — пробормотал он. Значит, слышит, о чем мы говорим. — Суперсимметрия.

Аджит тут же принялся возражать, но я ничего не поняла. Как можно понять их спор, когда я даже слов таких не знаю. Я и не пыталась разобраться; со стороны — самая обыкновенная научная

дискуссия, оживленная, но без обид и оскорблений, на личности никто не переходит.

Когда оживление немного спало, я спросила:

— Мини-капсула на «Кеплер» отправлена? Они очень ждут предварительных данных, а на прыжок и так уйдет несколько дней. Вы не забыли записать и отправить показания?

Они посмотрели на меня так, будто не сразу вспомнили, кто я такая и что тут делаю. Впервые оба стали похожи друг на друга.

— Я послал капсулу, — ответил наконец Аджит. — Первые данные ушли на «Кеплер». Кейн…

И они снова погрузились в спор.

3. Корабль

Игра в го не задалась.

Я видела, что проблема в Аджите. Он играл намного лучше Кейна — у него и интуиция лучше, и опыта больше. Кейна это нисколько не трогало, ему нравилось решать сложные задачи. Но Аджит с трудом переносил свое превосходство.

— Игра окончена. — Он выиграл третью партию за вечер. В голосе его прозвучали странные нотки, и я подняла голову от рукоделия.

— Черт побери, — в сердцах выругался Кейн. — Давай еще.

— Нет, я лучше пойду отпраздную свои победы с Тирзой.

Вообще-то эта ночь по очереди принадлежала Кейну, но нам до сих пор удавалось сглаживать острые углы в подобных ситуациях. Потому что я всегда начеку; в мои обязанности входит внушать обоим, что стоит им только пожелать, и я в их полном распоряжении. Конечно, я не даю делу пойти на самотек; существует масса способов, с помощью которых я могу незаметно влиять на их желания и выбор. Я занимаюсь любовью с тем из них, кто в данный момент особо нуждается в моем внимании. И сейчас, когда Аджит открыто высказал свои требования, я удивилась — это что-то новенькое.

Кейн, как обычно, даже ухом не повел и сказал:

— Ладно. Как бы я хотел, чтобы побыстрее прилетела мини-капсула! Мне нужны данные!

Игра закончилась, и он опять не находил себе места. Вот он встал и принялся ходить взад-вперед по кают-компании.

— Я, пожалуй, поднимусь в обсерваторию. Хотите со мной?

Он уже забыл, что мы с Аджитом собирались уединиться.

Я заметила, как Аджит замер на месте. Вроде бы мелочь, но Аджита очень задело то, что Кейн остался равнодушен к его победам, к тому, что он уводит меня, словно некий приз. Другой мужчина был бы уязвлен, но потом забыл бы об этом. Не таков Аджит. Или Кейн. Стабильные мужчины добровольно в такие экспедиции не летают.

Я другое дело, я выросла в космосе. Ученые же нет.

Я отложила в сторону рукоделие, взяла Аджита за руку и прижалась к нему. С Кейном пока все в порядке. Желание как можно быстрее получить данные вполне нормальное и естественное в данной ситуации. Аджиту же сейчас нужно мое внимание.

Это я предложила им поиграть в го. Хорошие командиры не должны допускать подобных ошибок. Значит, и исправлять ее

должна я сама.

* * *

Перед прибытием мини-капсулы ситуация еще ухудшилась.

Они продолжали играть в го, причем оба полностью отдавались игре. Сначала играли шесть-семь раз в день, потом девять-десять, а под конец — все свободное время. Большей частью выигрывал Аджит, но не всегда. Кейн весь свой могучий интеллект посвятил разработке новых стратегий игры; к тому же он спокойно относился к проигрышам, что давало ему известное преимущество. Да, он играл увлеченно, но я видела, что стоит ему найти более интересное занятие, и он легко оставит игру.

Аджит все больше и больше отдавался игре. Ему, как никогда, хотелось выигрывать, а он, наоборот, начинал проигрывать. От этого он еще больше радовался каждой новой победе. Он бросал последнюю, выигрышную фишку на доску жестом, в котором я читала одновременно и презрение и страх.

Я перепробовала все, что могла придумать, чтобы их отвлечь. Вспомнила свой вековой опыт. Ничто не помогало. Занятия любовью лишь усугубляли конфликт. Для Аджита секс был наградой за выигрыш, для Кейна — временным отдыхом, после которого он готов был к новой игре.

Однажды ночью Аджит принес и поставил на стол в кают-компании статую Шивы. Она заняла почти весь стол целиком. Четырехрукий танцор в металлическом кольце пламени.

— Это что такое? — Кейн оторвался, от доски. — Боже мой, какое-то божество!

Я быстро ответила ему:

— Это интеллектуальный символ. Поток космической энергии во Вселенной.

Кейн рассмеялся. В его смехе не было ничего обидного, но у Аджита глаза моментально вспыхнули, и он произнес:

— Я хочу, чтобы он стоял здесь.

Кейн пожал плечами:

— Я не против. Твой ход, Аджит.

Беда, беда. Аджит хотел раздразнить Кейна, хотел, чтобы тот возражал против статуи. Он жаждал конфликта, всеми силами добивался его. Ему нужно было дать выход копившемуся в нем раздражению на Кейна, раз от раза игравшего все лучше и лучше. Аджиту нужно было излить свой гнев, ведь он всегда злился на Кейна — и все из-за того, что тот был умнее, талантливее. Статуэтка должна была расставить точки над «i»; дать пощечину

Кейну. «Вот она, я! Я занимаю почти весь стол. Обрати на меня внимание!»

А вместо этого Кейн просто пожал плечами. Он практически и не взглянул на статую.

Я попросила:

— Аджит, расскажи мне еще раз про Натараджу. Что означает кольцо пламени?

Аджит спокойно ответил:

— Это пламя, которое разрушает мир.

Кейн промолвил:

— Твой ход, Аджит.

Вот и все; но где-то внутри меня зародился страх.

Кажется, я теряю контроль над ситуацией.

В тот самый момент прибыла первая мини-капсула с данными.

4. Зонд

Аналоги разумных существ остаются разумными существами. Это не просто компьютерные программы, загруженные в удаленный компьютер. Аналоги не обременены биологическими механизмами сна, голода, похоти, но и они не свободны от привычек. По сути дела, аналоги и существуют в большой степени благодаря привычкам и обратной связи с миром разумных существ. В мои обязанности на зонде как раз и входило поддерживать эти привычки. Самая надежная мера предосторожности при работе с такими гениями.

— Пора спать, джентльмены, — спокойно заметила я.

Мы уже шестнадцать часов сидели в кают-компании — Кейн и Аджит за своими терминалами, а я тихонько наблюдала за ними. Я тоже умею концентрироваться, как и они, хотя я, конечно, не гений. Они и не подозревают о том, что я могу. Я отложила рукоделие в сторону, но они даже не заметили.

— Тирза, только не сейчас! — бросил Кейн.

— Пора спать.

Он взглянул на меня как надувшийся ребенок. Кейн и есть настоящий ребенок; тут уж я не ошибаюсь. Он знает, что компьютерным аналогам нужен временный отдых, чтобы запустить программу чистки, которая может вовремя отследить и убрать операционные ошибки, иначе они разрастаются, подобно снежному кому, и приводят к нарушениям работы всей системы. А учитывая степень радиации на зонде, чистка тем более необходима. На это уходит несколько часов. Контролирую процесс я.

Аджит с надеждой посмотрел на меня. Сегодня его очередь. Секс тоже входит в привычку и в то же время помогает им нормально работать. Сколько ученых прошли через мои руки, и сколько раз их осеняло именно в минуты физической близости. Секс на уровне компьютерных программ стимулирует и расслабляет точно так же, как и в реальной жизни.

— Хорошо, хорошо, — пробормотал Кейн. — Спокойной ночи.

Я отключила его и повернулась к Аджиту.

Мы прошли к его койке. Аджит был напряжен — не так-то просто обработать такое количество информации, да еще шестнадцать часов бок о бок с Кейном. Но мне было приятно, что он тут же отвечал на все мои ласки. После близости я попросила его разъяснить мне, что им удалось узнать.

— И, пожалуйста, попроще. Не забывай, с кем ты

разговариваешь!

— С умной и очаровательной женщиной, — ответил он, и я улыбнулась ему, как и подобало. Но он видел, что я на самом деле хочу услышать новости о дыре. — Массивные молодые звезды находятся там, где их быть не должно… Кейн уже тебе все это объяснял, так ведь?

Я кивнула в ответ.

— Звезды на самом деле молодые, это не обломки старых образований. В этом мы теперь уверены. И сейчас пытаемся собрать данные, чтобы проверить две другие теории: об опоясывающем звезды кольце вещества, из которого они и зарождаются, и о других черных дырах.

— И как вы собираетесь проверить эти теории?

Он заколебался. Я понимала, что он пытается подыскать нужные слова, чтобы объяснить все мне.

— Мы проигрываем различные программы, равенства и модели. Еще пробуем найти подходящее место, куда отправить зонд в следующий раз. Но об этом ты знаешь.

Конечно знаю. Зонд движется только с моего ведома. Зонд сможет совершить еще два прыжка, и, конечно, только с моего согласия.

— Нам надо найти место, откуда мы сможем засылать лучи для сбора информации с различной радиоактивной интенсивностью. Более радиоактивные лучи недолговечны, но ты знаешь… они искажаются под воздействием силы тяготения супердыры. — Аджит нахмурился.

— В чем дело, Аджит? Что такое ты сказал о силе тяготения?

— Кейн был прав, — ответил он. — Приборы определения массы в полном порядке. Они показывают, что поблизости существуют сгустки материи с достаточно высокой плотностью вещества и при этом нулевой силой тяжести. И нулевым излучением.

— Черная дыра, — предположила я.

— Слишком мала. Да и маленькие черные дыры являются источником радиации, это давным-давно продемонстрировал Хокинг.[13] Не существует черных дыр массой менее трех масс Солнца. А показания приборов намного меньше.

— Что же это?

— Мы не знаем.

— Вы послали эти показания на борт «Кеплера»?

— Естественно, — несколько натянуто ответил он.

Я притянула его к себе и сказала:

— На тебя всегда можно положиться.

Он немного расслабился.

И я отключила нас обоих. Мы так и остались в объятиях друг друга.

На следующий день Аджит заметил вторую аномалию. А я обнаружила третью.

— Что-то не так и с газовыми орбитами, — сказал Аджит Кейну. — И взгляни, они с каждой минутой искажаются все больше и больше.

Кейн подошел к терминалу Аджита.

— Говори.

— Потоки газов, поступающие от околоядерного диска… смотри… вот они изгибаются здесь, у западной оконечности Западного Стрельца А…

— Это ветер от скопления IRS шестнадцать, — тут же выпалил Кейн. — Я вчера получил новые данные о нем.

— Нет, я уже внес эти корректировки, — парировал Аджит.

— Тогда, может, магнитное притяжение со стороны IRS семь или…

Они снова принялись спорить. Я быстро потеряла нить их дискуссии, но все же основную идею уловила. Из облаков, находившихся за околоядерным диском, окружавших сердцевину Галактики, подобно пышке, на огромной скорости исходили газовые потоки. Под влиянием различных сил эти газовые потоки двигались по достаточно узким, коническим траекториям. В результате газы должны были окружить черную дыру, свернуться во внутреннюю спираль, где они сжимаются до температур в несколько миллиардов градусов, после чего дыра просто поглощает их. Это ясно.

Но потоки газов двигались по иным траекториям. Газы двигались не так, как им было положено. Они не могли описывать подобные орбиты под действием тех сил, которые на них действовали.

Наконец Аджит сказал Кейну:

— По-моему, надо перевести зонд на другое место. Раньше, чем было запланировано.

— Погоди, — тут же вмешалась я. Что касается передвижений зонда, решения принимаю я. — Еще рано.

— Естественно, я ни на секунду не забываю о тебе, Тирза, — с обычной галантностью ответил Аджит. Но за вежливостью сквозило нечто еще, какой-то свет. Я узнала его. Ученые прямо-таки светятся изнутри, когда их озаряет.

Я думала, что Кейн будет возражать, смеяться, но, наверное, на него повлиял их научный спор. Волосы у него на голове торчали во все стороны, эдакая огненная корона. Он быстро посмотрел на свои дисплеи, потом на дисплеи Аджита, потом на

самого Аджита и сказал:

— Ты хочешь отправить зонд на другую сторону Западного Стрельца А.

— Да.

Я сказала:

— Покажите мне.

Аджит вывел на экран упрощенную карту, которую несколько недель назад начертил специально для меня, — чтобы объяснить мне цели и задачи экспедиции. На карте в центре Галактики была изображена черная дыра и основные структуры, ее окружающие: скопление горячих голубых звезд, массивные молодые звезды, которых вообще не должно было быть рядом с черной дырой, красная звезда-гигант IRS16 с длинным огненным хвостом. А еще наш зонд — с одной стороны двигающегося по спирали огромного остатка плазмы Западного Стрельца А с тремя рукавами-отростками. Аджит дотронулся до компьютера, и на другой стороне Западного Стрельца А появилась новая точка, дальше от дыры, чем то место, где мы находились сейчас.

— Мы хотим попасть туда, Тирза, — сказал он, а Кейн кивнул в знак согласия.

Я изобразила полную наивность и ответила:

— Мне казалось, там нет ничего интересного. Кроме того, вы говорили, что Западный Стрелец А создаст большие помехи на всех длинах волн, ведь он обладает сильным излучением.

— Так оно и будет.

— Тогда…

— Сейчас там кое-что происходит, — начал Кейн. — Аджит прав. Именно оттуда исходит сила притяжения, которая искажает траектории газовых потоков. Нам необходимо туда попасть.

Нам.

Аджит прав.

Аджит оставался невозмутим. Но он продолжал светиться изнутри, теперь даже еще больше, ведь его подбадривала поддержка Кейна. Я решила подогреть его энтузиазм.

— Но, Кейн, а как же массивные молодые звезды? Ведь зонд можно передвигать еще всего лишь два раза. Запасы топлива…

— У меня уже достаточно данных по звездам, — ответил Кейн. — Теперь это не так важно.

Я попыталась скрыть собственное удовлетворение.

— Хорошо. Сейчас передвину зонд.

Но когда я вышла на программу управления кораблем, оказалось, что зонд уже передвинут.

5. Корабль

Кейн и Аджит набросились на мини-капсулу с предварительными данными, подобно изголодавшимся волкам, Игра в го была забыта. Было забыто все, кроме работы, если только не вмешивалась я.

Сначала я даже обрадовалась. Решила, что исчезнет несуразное, все нарастающее соперничество между ними; теперь оба ученых будут совместно решать задачи, которые так много для них значили.

— Черт побери! — в восторге воскликнул Кейн. — Только посмотри!

Аджит повел себя так, будто Кейн обращался к нему, хотя это было не так. Он просто думал вслух. Я отложила вышивание в сторону и подошла к их терминалам.

Аджит с каким-то высокомерием, которое появилось после выигрышей в го, сказал:

— Показания приборов, должно быть, неверны. Видимо, сенсоры все-таки повреждены — либо при гиперпрыжке, либо под воздействием радиации.

Кейн, как ни странно, заметил перемену в Аджите. Он усмехнулся; наверное, точно так же он смеялся в лицо самонадеянным аспирантам.

— Неверны? Типичное ребячество — побыстрее сделать выводы. Это ни к чему дельному не приведет.

Тут вмешалась я:

— Какие показания?

Мне ответил Аджит, и, хотя говорил он обычным голосом, скорее, даже вежливо, я видела, что он весь дрожит от злости и гнева:

— Показания массы неверны. Слишком высокая плотность вещества в некоторых пустых областях космического пространства.

Я спросила:

— Может, именно там и зарождаются новые звезды?

Мне не ответил даже Аджит; значит, я сморозила страшную глупость. Но мне все равно. Я ведь не ученый; самое главное сейчас, чтобы они не замыкались в себе, а продолжали разговаривать.

Аджит как-то очень уж спокойно сказал:

— Было бы удивительно, если бы приборы не пострадали после прыжка в условиях такой радиации.

— Кейн? — окликнула я.

— Дело не в приборах. — И добавил: — Суперсимметрия.

Аджит тут же принялся возражать, но я ничего не поняла. Как можно понять их спор, когда я даже слов таких не знаю. Я и не пыталась разобраться; со стороны — самая обыкновенная научная дискуссия, оживленная, но без обид и оскорблений, на личности никто не переходит.

Внезапно они прекратили спорить и разошлись к своим терминалам. Они работали не отрываясь двадцать часов подряд, подобно машинам. Нужно уговорить их перекусить. Они ведь ничего вокруг себя не замечают; так могут вести себя только люди, одержимые либо наукой, либо искусством. Сегодня ночью ни один из них обо мне и не вспомнит. Я могла бы воспользоваться своей властью командира корабля и отдать им приказ, но решила пока что не прибегать к крайним мерам. Как-никак это подрывает доверие. Единственное, что я в результате сделала, это заявила им, что на время отключаю терминалы.

— Ради бога, Тирза! — огрызнулся Кейн. — Когда еще представится такая возможность! Мне нужно работать!

Я спокойно ответила:

— Сейчас вы пойдете отдыхать. Я отключаю терминалы на семь часов.

— Пять.

— Ладно. — Я знала, что через пять часов Кейн ни за что не проснется.

Он поднялся на ноги, но после стольких часов за экраном двигался с трудом. Программа омоложения далеко не безупречна. Мышцы у него затекли, ведь в обычной жизни он привык гораздо больше двигаться. Он пошатнулся, но тут же рассмеялся и восстановил равновесие.

Однако успел-таки задеть стол. Статуэтка Шивы соскользнула со стола и упала на пол. Статуэтка была старой, Аджит говорил, ей лет четыреста. Металлы тоже не вечны, как и люди. Она упала на пол под прямым углом и раскололась.

— Ох, Аджит… прости меня.

Поздно. Каждой своей клеточкой я чувствовала, что Кейн не виноват; он и извинился-то не сразу потому, что все еще обдумывает то, что только что видел на экране терминала и ему очень трудно переключиться. Но какая разница. Аджит весь напрягся, а беспечный, вроде бы равнодушный тон Кейна сыграл роль катализатора — Аджит уже не просто злился, в его злобе появилось что-то новое.

Я быстро вмешалась:

— На корабле можно починить статую.

— Нет, спасибо, — ответил Аджит. — Оставим все как есть.

Спокойной ночи.

— Аджит… — Я попыталась взять его за руку, но он отдернул руку.

— Спокойной ночи, Тирза.

Кейн сказал:

— Вариации гамма-излучения в районе Западного Стрельца А отличаются от предполагаемых, — Он моргнул, — Ты права, я очень устал.

Он, спотыкаясь, прошел к своей койке. Аджит уже исчез. Спустя какое-то время я подобрала обломки статуэтки Аджита и долго держала их в руках. Обломки танцующего божества.

Кейн объявил, что данных с первой капсулой прислано столько, что им обоим хватит работы до прибытия следующей капсулы. Но уже назавтра он требовал новой информации.

— Что-то не так и с газовыми орбитами, — громко сказал Кейн, не обращаясь при этом ни ко мне, ни к Аджиту. С ним такое часто случалось — бывало, он подолгу работал молча и вдруг начинал что-то говорить, просто так, в пустоту или в ответ на свои мысли. Он так сильно тер себе ухо, что оно покраснело.

Я спросила:

— В чем дело?

А когда он ничего не ответил, а может, просто не услышал моего вопроса, я повторила его громче.

Кейн очнулся и улыбнулся мне.

— Потоки газов, поступающие от околоядерного диска, движутся не так, как должны, по направлению к Стрельцу А…

Я вспомнила то, что он когда-то говорил мне, и спросила:

— Возможно, это ветер от скопления IRS шестнадцать?

— Нет, я проверил все новые данные и уже внес корректировки.

Я не знала, что еще можно предположить. И тут Кейна прорвало:

— Мне нужны новые данные!

— Ну, они уже скоро прибудут.

— Они нужны мне сейчас, — бросил он, уныло усмехнулся и снова с головой погрузился в работу.

Аджит молчал, будто ни Кейн, ни я ничего не говорили.

Вот Аджит поднялся, потянулся и огляделся по сторонам. Я сказала:

— Через минуту будет обед. Но сначала пойдем, я тебе кое-что покажу.

И я тут же направилась наверх в обсерваторию; ему ничего не оставалось, как следовать за мной. Он так и сделал, спорить не стал.

Я поставила починенную статую Шивы на скамью рядом с прозрачным куполом обсерватории. Самый захватывающий космический вид открывался с противоположной стороны, но в этом месте мои экзотические растения росли не так буйно, а в небе по ту сторону корабля сияло такое множество звезд, какого в системе Сола никогда и не было. Шива снова танцевал в огненном кольце на фоне грандиозного космического пейзажа.

Аджит тут же сказал:

— Я ведь говорил, что не хочу, чтобы ты ее чинила.

С Кейном я могу себе позволить говорить напрямик, даже когда возражаю ему; у него достаточно сильный характер, чтобы выдержать такой тон, пожалуй, другого обращения он и не воспринимает. Но Аджит другой. Я опустила глаза и взяла его за руку.

— Я знаю. И все равно взяла на себя смелость починить ее, потому что подумала, что тебе захочется увидеть ее такой снова, и еще потому, что мне самой она очень понравилась. В этой статуе сокрыт очень глубокий смысл, особенно в данный момент — здесь и сейчас. Пожалуйста, не сердись.

Аджит секунду молчал, потом поднес мою руку к своим губам.

— Ты все понимаешь.

— Да, — ответила я, и это была сущая правда.

Шива, вечный танец, нескончаемый поток энергии, который изменяет формы и состояния. Неужели и остальные не видят этого в газовых облаках, из которых образуются звезды, в черной дыре, которая их разрывает, в разрушительных и созидательных силах, которые бушуют за бортом нашего корабля? Я знала, что тут кроется очень глубокий подход к тому, что очевидно, и потому опускала глаза, чтобы Аджит не заметил и капли презрения.

Он поцеловал меня.

— В тебе столько духовности, Тирза. И еще ты мягкая.

Ничего подобного — ни то ни другое. Просто Аджит сам все это придумал, ему все время хотелось видеть это в людях.

Но внешне он расслабился, и я видела, что частично вытащила его из бездны злобы и гнева. Нам с ним подвластны духовные красоты, которые недоступны Кейну, значит, в каком-то смысле он превосходит Кейна. Он спустился вслед за мной в кают-компанию, где нас ждал обед. Я слышала, как он тихонько напевал себе под нос. Довольная результатом своих действий, я отправилась на камбуз.

Кейн резко поднялся от своего терминала.

— Вот, мои чертовы звезды. Тирза, смотри, я понял.

Я замерла на месте. Я еще никогда не видела, чтобы человек выглядел так, как сейчас выглядел Кейн. Он буравил меня взглядом.

— Понял — что?

— Все. — Внезапно он подхватил меня и закружил в каком-то сумасшедшем и неуклюжем танце. — Все! Я понял все! Все насчет молодых звезд, газовых траекторий, недостатка массы во Вселенной! Черт побери, абсолютно все!

— Ч-ч-ч-чт-т-т-то-о-о-о… — Он кружил меня с такой силой, что у меня клацали зубы. — Кейн, отпусти меня!

Он остановился и обнял меня так, что чуть не хрустнули ребра, потом вдруг резко выпустил из объятий и подтащил к своему терминалу. У меня все тело ломило от его нежностей.

— Смотри, любимая, что я нашел. Вот, садись сюда, а я объясню так, чтобы ты поняла. Тебе понравится. И ты им тоже понравишься. Смотри, эта область космического пространства…

Я обернулась и посмотрела на Аджита. Для Кейна он просто не существовал.

6. Зонд

— Зонд переместился, — сказала я Аджиту и Кейну. — Далеко от места рассчитанного дрейфа. С коэффициентом десять.

Глаза у Кейна были красные от непрерывной работы, и все же он тут же встрепенулся.

— Дай посмотреть траекторию.

— Я уже перевела ее на ваши терминалы. — Обычно данные по управлению кораблем доступны только мне.

Кейн вывел картинку на экран и даже присвистнул.

Зонд подвергается воздействию силы тяготения и радиации. Они неизбежно разрушают любой предмет, оказавшийся в поле их действия. Это всем понятно. «Мы», оставшиеся на корабле, даже не были уверены, что зонд сможет послать назад хотя бы одну мини-капсулу с данными. Я представляю, как они там радовались на «Кеплере», получив информацию. Наверное, для них мини-капсула была чем-то вроде святых даров; теперь наверняка ждут не дождутся следующей. Та другая «я», на корабле, ждала данных как манны небесной, надеялась, что это снимет напряжение, возникшее между Кейном и Аджитом. Надеюсь, так оно и произошло.

Топлива у нас должно было хватить на два перемещения. После второго прыжка, учитывая, что мы окажемся на расстоянии около одной пятидесятой светового года от черной дыры в самом сердце Галактики, зонд будет обречен на гибель. Он упадет по спирали в Стрелец А. Но сначала его разорвет на кусочки под воздействием приливных сил тяготения дыры. Человеческие аналоги исчезнут с зонда задолго до его гибели.

Однако уже сейчас, на достаточном удалении от дыры, зонд с непредвиденной скоростью сносило в сторону от предполагаемого курса. Нас притягивало к Стрельцу А, причем совсем не по гравитационной траектории. Если и дальше так пойдет, мы не попадем на орбиту Стрельца А в месте, рассчитанном компьютером, мы вообще можем пролететь мимо.

В чем же дело?

Кейн сказал:

— Может, приостановить зонд, пока не разберемся, что это нас так притягивает?

Аджит вглядывался в экран из-за плеча Кейна. Он неуверенно произнес:

— Нет… погоди… По-моему, не надо останавливать зонд.

— Почему? — набросился на него Кейн.

— Не знаю. Можешь назвать это интуицией. Но зонд должен

продолжать двигаться вперед.

Я затаила дыхание. Кейн признавал только свою интуицию, ничью другую. Однако недавние события изменили и его. Сейчас он просто сказал:

— Аджит прав. В этой области находится источник притяжения, который искажает и траектории газовых потоков.

Аджит, казалось, и бровью не повел, но я заметила, как он обрадовался. Радость его была вполне осязаемой, как тепло или холод, и она придавала ему смелости без обиняков высказывать свое мнение, даже в присутствии Кейна.

Кейн задумался.

— Возможно, ты прав. Может быть… — Вдруг он широко раскрыл глаза и воскликнул: — О боже!

— Что? — неожиданно вырвалось у меня. — Что такое?

Кейн не обращал на меня внимания.

— Аджит, проверь модели газовых траекторий с учетом корреляции на смещение зонда. Я вам покажу молодые звезды!

— Почему… — начал было Аджит, но тут он понял, что имел в виду Кейн.

Он что-то пробормотал на хинди — то ли проклятие, то ли молитву, — я не поняла. Не знала я и того, что проносилось сейчас в их умах относительно траекторий газовых потоков и молодых звезд. Зато я прекрасно понимала, что происходит на борту зонда.

Аджит и Кейн с головой ушли в работу. Они обменивались какими-то фразами, перекидывали друг другу данные, выводили на экраны какие-то модели и уравнения. Головы их почти соприкасались, а говорили они на непонятном мне жаргоне.

В какой-то момент Кейн закричал:

— Нам нужны новые данные!

Аджит рассмеялся, весело и непринужденно, но тут же снова уткнулся в экран. Я долго наблюдала за ними, затем осторожно поднялась в обсерваторию. Мне хотелось побыть одной.

Снаружи открывался грандиозный вид, затмивший все, что я видела до сих пор. Возможно, потому, что мы оказались ближе, чем планировали, к центру Галактики. Стрелец А, это сердце тьмы, со всех сторон обволакивали газовые облака; из-за этой дымки все каким-то странным образом искажалось, становилось немного мягче. На своей родной станции Джи, находящейся в удаленной области Галактики, я никогда в жизни не видела так много звезд, как здесь. Прямо передо мной светились великолепные голубые звезды из скопления IRS16.

Видимо, я задержалась в обсерватории, потому что Кейн сам поднялся за мной.

— Тирза! Пошли вниз! Нам надо показать тебе, куда следует вести зонд и почему!

Нам.

Пытаясь скрыть распирающую меня радость, я строго сказала:

— Не показать, куда следует вести зонд, Кейн, а попросить меня. Я командир корабля.

— Ну да, да, конечно, ты здесь главная. Я знаю. Пошли!

Он схватил меня за руку и стащил вниз по трапу.

* * *

Перебивая и рьяно поправляя друг друга, они радостно все мне объяснили. Я изо всех сил пыталась сосредоточиться, стараясь не вникать в технические подробности, без которых они и говорить-то не умели. Наконец мне показалось, что я уловила суть.

— «Теневое вещество», — сказала я, старательно выговаривая слова. Звучит слишком странно, но Кейн серьезно настаивает именно на этом термине.

— Эта теория витает в воздухе вот уже несколько столетий, но в две тысячи восемьдесят шестом году Дегроот почти полностью развенчал ее, — пояснил Кейн, — Он…

— Развенчал, так почему же… — начала я.

— Я сказал «почти развенчал», — поправил меня Кейн. — В работе Дегроота всегда настораживали некоторые математические аномалии. И вот сейчас мы обнаружили, в чем он был не прав. Он…

Вместе с Аджитом они принялись объяснять мне суть ошибки Дегроота, но я оборвала их:

— Нет, вы слишком далеко зашли! Дайте я попробую сформулировать, что поняла из сказанного до сих пор.

На секунду я замолчала, собираясь с мыслями. Они нетерпеливо ждали: Кейн ерошил рукой волосы, Аджит улыбался во весь рот. Наконец я сказала:

— Вы говорите, что есть теория, по которой сразу после Большого взрыва сила тяготения неким образом отделилась от других физических сил Вселенной, аналогично тому, как вещество отделилось от радиации. В то же время вы, ученые, уже на протяжении двух столетий знаете, что во Вселенной как будто недостает вещества, по крайней мере, если судить по вашим уравнениям. И потому появился постулат о «темном веществе» и множестве черных дыр, но толком доказать этот постулат никто не смог.

А теперь еще эти искаженные траектории газовых потоков, смещение зонда и факт беспрепятственного образования массивных молодых звезд вблизи от черной дыры, несмотря на приливные силы тяготения. Хотя эти силы оказывают прямое разрушительное действие на пылевые облака еще до того, как в них начинается процесс конденсации, предшествующий рождению новой звезды.

Я вздохнула, но постаралась не умолкать надолго, чтобы они не перебили меня и не сбили бы с мысли.

— А вы считаете, что если сила тяготения отделилась сразу после Большого взрыва…

— Примерно через десять в минус сорок третьей степени секунд, — тут же вставил Аджит, но я его не слушала.

— …то должно было образоваться два разных типа вещества: обычное, нормальное вещество и так называемое «теневое вещество». Нечто вроде вещества и антивещества, но обычное вещество и теневое могут взаимодействовать друг с другом только посредством силы тяготения. Никаких других сил в их взаимодействии нет: ни радиации, ничего. Только сила тяготения. И только посредством силы тяготения «теневое вещество» проявляется в нашей Вселенной. Сила тяготения.

По ту сторону Западного Стрельца А находится огромный кусок этого вещества. Он излучает силу тяготения, которая изменяет траектории газовых потоков и вызывает отклонение зонда от намеченного курса. Более того, она даже влияет на молодые звезды, ибо это «теневое вещество» и есть тот самый противовес, который помогает звездам зарождаться и выживать в абсолютно нереальных условиях.

— Ну, примерно так, но кое-что важное ты упустила, — нетерпеливо заметил Кейн и улыбнулся.

— Да, Тирза, дорогая, ты не понимаешь… нельзя говорить «противовес». Дай я объясню тебе еще раз.

И они снова заговорили в один голос, но я уже не слушала. Возможно, я не уловила всю их теорию, зато поняла суть. Этого достаточно.

Теория у них получилась вполне жизнеспособная; а у меня вполне жизнеспособная экспедиция с определенной целью, на борту ученые, с которыми у меня сложились хорошие рабочие отношения, так что мы можем рассчитывать на успех.

Этого достаточно.

* * *

Кейн и Аджит подготовили вторую мини-капсулу для отправки на корабль, а я подготовила зонд к прыжку. Настроение у всех было прекрасное. Все смеялись и шутили, а Аджит с Кейном иногда переходили на свой непонятный научный жаргон.

Я не успела закончить подготовку программы, как исчезла голова Аджита.

7. Корабль

Кейн весь день сидел над своей теорией «теневого вещества». Работал он с полной отдачей; склонился над терминалом, подобно голодной собаке, накинувшейся на кость. Он практически не поднимал взгляд от экрана и ничего не говорил. Аджит тоже работал, но делал он это совсем иначе. Оба терминала, естественно, подсоединены к одному компьютеру; у Аджита был доступ к тем же данным, что и у Кейна. Аджит мог следить и за тем, что делает Кейн.

Именно это и делал Аджит, он шел по следам Кейна. Я определила это по времени выбора им той или иной информации, да и вообще по самой его позе. Он был хорошим ученым, но до Кейна ему далеко. При наличии данных и времени он и сам мог бы додуматься до того, до чего намного быстрее додумывался Кейн. Мог бы. А может, и нет. Или просто мог внести некоторые полезные замечания в работу Кейна. Но Кейн не давал ему и минуты на размышления. Он моментально решал: один вопрос за другим и помощи при этом не просил. Он вообще позабыл об Аджите. Для Кейна сейчас существовала только его работа.

Ближе к вечеру он резко поднял голову от экрана и сказал мне:

— Они собираются переместить зонд. Наши аналоги… собираются переместить зонд.

Я спросила:

— Откуда тебе это известно? До назначенного часа еще далеко.

— Да. Но они его переместят. Если я и здесь додумался до существования «теневого вещества», то мой аналог на зонде и подавно должен был к этому прийти. Он решит, что нужно собрать больше данных на другой стороне Западного Стрельца А, где и находится основная масса этого вещества.

Я посмотрела на Кейна. Казалось, он не в себе; словно некий римский воин, который только что поверг к своим ногам льва. Не хватало лишь крови. Всклокоченные, сальные волосы (интересно, когда он в последний раз принимал душ?), одежда вся в пятнах (я узнала остатки обеда, который заставила его съесть в полдень), появившиеся под воздействием напряжения и усталости морщины (даже несмотря на программу омоложения) и сияющие глаза. Они могли соперничать с самим Западным Стрельцом А.

Боже, как я его люблю.

Я очень осторожно сказала:

— Ты прав. Аналог Тирзы переместит зонд для того, чтобы

снять лучшие показания.

— И тогда через несколько дней мы получим новые данные, — добавил Аджит. — Но радиация на другой стороне Западного Стрельца А крайне высока. Будем надеяться, что программы зонда и аналогов выдержат, и мы получим-таки эти данные.

— Лучше будем надеяться, что с моим аналогом все будет в порядке, — заявил Кейн, — а то они даже не будут знать, какие данные собирать и посылать нам. — И он повернулся к экрану.

Жестокие слова повисли в воздухе.

Я видела, как Аджит отвернулся в сторону от меня. Потом он встал и прошел на камбуз.

Если я сразу пойду вслед за ним, он скажет, что я его пожалела. И будет еще больше стыдиться самого себя и того, что произошло.

— Кейн, — тихо, но сурово сказала я, — ты просто невыносим.

Он с искренним удивлением повернулся ко мне и спросил:

— А что такое?

— Ты знаешь что.

Но он действительно не знал. Кейн даже не сознавал, что такое он только что сказал. Он просто констатировал факт. Действительно, без аналога Кейна на зонде некому будет принимать научные решения.

— Я хочу поговорить с тобой наверху в обсерватории, — сказала я ему. — Но не сейчас, а скажем, минут через десять. Но ты сам должен позвать меня туда, будто хочешь мне что-то показать. — Небольшое запоздание, да еще инициатива Кейна помогут убедить Аджита в том, что я нисколько его не жалею.

Но тут я, кажется, переборщила. Кейн устал, он напряжен, у него неизбежное похмелье от первого возбуждения после такого неожиданного открытия. На такой истеричной ноте ни тело, ни ум долго выдержать не могут. Я так на него рассердилась вначале, что про него самого и не подумала.

Он резко бросил мне:

— Я встречусь с тобой в обсерватории тогда, когда сам захочу. Перестань помыкать мною, Тирза. Подумаешь, командир. — И отвернулся к своему экрану.

Аджит возвратился с камбуза с тремя бокалами на подносе.

— Надо отметить. Такое великое открытие. За это обязательно надо выпить.

Я чуть не подпрыгнула от облегчения. Все в порядке. Значит, я недооценила Аджита. Он ставит величие открытия, которое совершил Кейн, выше, чем свои собственные неудачи и промахи.

Молодец, он в первую очередь настоящий ученый.

Он протянул один бокал мне, другой Кейну, третий взял сам. Кейн быстро глотнул, словно поставил галочку, и тут же вернулся назад к экрану. Я же смаковала вино и улыбалась Аджиту. Мне хотелось этой улыбкой передать ему свое восхищение — ведь он смог подняться над всеми личными обидами.

— Откуда ты взял вино? Его не было в списке поставляемых на корабль продуктов!

— Это из моих личных запасов, — улыбнулся в ответ Аджит.

Личные вещи не включаются в общий список и не проверяются. Бутылка вина, статуэтка Шивы… для экспедиции в центр Галактики Аджит взял с собой очень интересный набор. Я потягивала красную жидкость из бокала. Не похоже ни на вина Терры, ни на вина Марса, к которым я привыкла: это было грубее, резче и не такое сладкое.

— Замечательно, Аджит.

— Я решил, что оно тебе понравится. Его производят на моем родном Новом Бомбее из генномодифицированного винограда, завезенного с Терры.

Он не стал снова садиться за свой терминал. В последующие полчаса он развлекал меня историями о Новом Бомбее. Он был прекрасным рассказчиком, с хорошим чувством юмора. Кейн же весь ушел в работу и не обращал на нас никакого внимания. Уже давным-давно прошло десять минут, а он так и не вспомнил о том, что я просила его позвать меня в обсерваторию.

Минуло полчаса. Кейн, шатаясь, поднялся на ноги. Уже однажды мы наблюдали нечто подобное — когда после долгого сидения за компьютером он с трудом поднялся, не удержал равновесия, чуть не упал и в результате разбил статуэтку Аджита. Тогда он сам пришел в себя. Сейчас же Кейн тяжело грохнулся на пол.

— Кейн!

— Все в порядке, Тирза… Не устраивай панику! Оставь меня в покое!

Это было так несправедливо, что мне захотелось дать ему пощечину, но я сдержалась. Кейн потихоньку поднялся, тряхнул головой, как огромный зверь, и сказал:

— Я сильно устал. Пойду посплю.

Я не пыталась его остановить. В любом случае, я собиралась сегодня спать с Аджитом. Мне показалось, что в последние пять минут в его рассказах появилась какая-то фальшь, доля наигранности.

Но сейчас он улыбался мне, и я решила, что ошиблась. Я тоже очень устала и даже вдруг подумала, что не прочь для

разнообразия провести ночь в одиночестве.

Но нет, этого я сделать не могу. Хотя Аджиту и удалось восстановиться после неосознанной, жестокой фразы Кейна, он все равно был обижен. Мне предстояло выяснить, на каком именно уровне застряла эта обида, и постараться успокоить его. В мои обязанности входило следить за нормальной психологической атмосферой на борту, чтобы экспедиции приносили максимальный эффект. Так что сейчас я должна уравновесить небрежное и уничижительное поведение Кейна. Это моя работа.

Я тоже улыбнулась Аджиту.

8. Зонд

Когда исчезла голова Аджита, никто не впал в панику. Мы в принципе были к этому готовы; рано или поздно это должно было произойти. Зонд дрейфовал в зоне слишком высокой космической радиации, причем большая часть излучения была смертоносной: гамма-лучи от Восточного Стрельца, рентгеновские лучи, мощнейшие ветра ионизированных частиц и тому подобное — я ведь даже многих названий толком не знала. Удивительно, что защитные щиты зонда выдержали так долго. Никто и не рассчитывал, что мы сможем вернуться отсюда целыми и невредимыми. Видимо, какие-то частицы или частица проникли-таки внутрь зонда и добрались до компьютера, заразили программу поддержки человеческих аналогов.

Проблема невелика, просто небольшой глюк. Вот, спустя несколько секунд включилась резервная копия, и вскоре голова Аджита была на месте. Но все мы прекрасно понимали, что это только начало. Все повторится снова и снова, а в конце концов программа будет повреждена настолько, что никакая автоматическая служба поддержки уже не поможет, потому что и она будет повреждена или потому что программа человеческих аналогов в корне отличается от всех других программ. В программу аналогов включены резервные копии для того, чтобы поддерживать наши тени (их-то мы и видим) и тень корабля; благодаря этим теням мы не сходим с ума, все нам кажется привычным. Но ни одна программа человеческих аналогов не может включать резервную копию себя самой. Даже одна копия слишком загрязняет программу и сам оригинал. Было много попыток, испробована масса вариантов, но все безрезультатно.

Более того, мы, аналоги, только частично зависим от основного компьютера. Ведь человеческий аналог это и не биологическая сущность, и не длинная последовательность кодов: и то и другое, и даже больше. Часть основы, «железо», пронизана настоящими нейронами, хотя они и сконструированы намного более прочными и износостойкими (сотни тысячи миль наноорганических полимеров). Вот почему аналоги думают так же медленно, как и люди, они не могут тягаться по скорости мысли с компьютерами. Зато мы чувствуем все, как и люди.

После небольшой поломки аналога Аджита настроение у нас, такое веселое до этого, немного упало. Но мы продолжали работать, не теряли надежды. Мы наконец-то решили, куда именно направить зонд, а потом вводили в компьютер координаты прыжка.

— Скоро увидимся, — попрощались мы друг с другом.

Я поцеловала в губы и Кейна, и Аджита. После этого мы отключились, а зонд приготовился к прыжку.

Спустя несколько дней мы оказались на другой стороне Западного Стрельца А. Мы все были в полном порядке. Будь я верующей, то возблагодарила бы Господа, но вместо этого я бросила Аджиту:

— Пока что голова у тебя на месте.

— И не зря, — рассеянно заметил Кейн; он уже нацелился к своему терминалу. — Она нам пригодится. Аджит, детекторы массы… О боже!

Кажется, все-таки мы собираемся возблагодарить Бога, хотя и не совсем по правилам. Я спросила:

— Что такое? Что там такое? — На экранах я ничего не видела.

— Ничего, — ответил Аджит. — И в то же время все.

— Выражайся ясно!

Аджит (думаю, что Кейн был настолько поглощен работой, что и вовсе меня не услышал) ответил:

— Масс-детекторы показывают, что на расстоянии менее четверти светового года от нас огромное скопление массы вещества. Детекторы радиации, причем все, вообще ничего не зарегистрировали. Мы…

— Мы движемся с нарастающим ускорением, — заметила я, проглядев данные приборов. Скорость была такой высокой, что я даже зажмурилась. — Сейчас мы врежемся в это нечто. Не совсем сейчас, конечно, но приливная сила тяготения…

Зонд был небольшой, и приливные силы тяготения предмета такой огромной массы просто разорвут нас на части, стоит нам приблизиться на опасное расстояние.

Предмет огромной массы. Но, судя по показаниям остальных сенсоров, там вообще ничего нет.

Ничего, кроме теней.

Я вдруг почувствовала странное возбуждение. Не страх, а нечто более сложное, нечто жуткое и зловещее, сверхъестественное.

Когда я заговорила, то даже сама не узнала свой голос:

— А что, если мы столкнемся с этим предметом? Я знаю, вы сказали, что все виды радиации проходят сквозь «теневое вещество», словно его там и нет вовсе… потому что его и вправду нет, по крайней мере, в нашей Вселенной… Но как насчет зонда? Что, если мы столкнемся с этим нечто до того, как сможем снять последние данные по Стрельцу А?

— Мы не столкнемся с ним, — ответил Аджит. — Нас унесет

к дыре до того, как мы подойдем к этому нечто, Тирза. Кейн…

Они опять забыли обо мне. Я поднялась в обсерваторию и долго сквозь ее прозрачную обшивку смотрела на мириады звезд, разбросанных в темном небе вдали от Западного Стрельца А. Потом я повернулась и посмотрела в другую сторону на трехрукое облако крутящейся плазмы: остывая, облако распространяло вокруг радиационные лучи. Вид был чистый, ничто не загораживало Западный Стрелец А. Но я-то знала, что между нами находится огромное, массивное тело «теневого вещества», которое притягивает к себе все, что я вижу вокруг.

Слева от меня в обсерватории исчезли все экзотические растения.

* * *

Аджит и Кейн лихорадочно работали, и мне пришлось снова их отключить на пятичасовой «сон». Мы находились в зоне такой же высокой радиации, как и в первый раз, прямо посреди Восточного Стрельца А — огромной, все время в течение последних сотни тысячи лет расширяющейся зоны гигантского взрыва. Большую часть Восточного Стрельца А было невозможно увидеть на тех длинах волн, которые воспринимала я, но детекторы гамма-излучения просто с ума сошли.

— Мы не можем пропустить пять часов! — вскричал Кейн. — Неужели ты не понимаешь, какой непоправимый урон за это время нанесет зонду радиация? А нам надо собрать все возможные Данные, обработать их и послать на корабль вторую мини-капсулу!

— Вторую капсулу отошлем прямо сейчас, — сказала я. — А отключу я вас лишь на три часа. И не спорь, Кейн, я это сделаю. Человеческие аналоги могут подвергнуться намного худшему повреждению в случае нарушения правил эксплуатации, чем под воздействием радиации. Тебе это известно.

Конечно известно. В ответ он оскалился, выругался и занялся набором данных для мини-капсулы. Потом, когда капсула была отослана, он замкнулся и замолчал.

Аджит попросил:

— Одну минутку, Тирза. Я хочу тебе кое-что показать.

— Аджит…

— Никакой математики, обещаю. Хочу показать тебе кое-что, что я взял с собой на борт «Кеплера». Конечно, в программу зонда предмет включен не был, но я покажу тебе голограмму.

Аналог Аджита вызвал какую-то второстепенную программу

из недр компьютера, и на пустом экране появилось голографическое изображение. Я удивленно заморгала.

Это была статуэтка — некое божество с четырьмя руками, окруженное кольцом пламени; статуя была сделана, как мне показалось, из очень старой бронзы.

— Это Натараджа, — промолвил Аджит. — Танцующий Шива.

— Аджит…

— Нет, я не поклоняюсь богам. — Он улыбнулся. — Ты ведь меня достаточно хорошо знаешь, Тирза. В индуизме много богов, тысячи, но они всего лишь отражают различные аспекты нашей реальности. Этого не понимают только невежды. Шива символизирует танец созидания и разрушения, постоянный поток космической энергии. Рождение, смерть, новое рождение. Я решил, что его место именно в сердце Галактики, где происходят все эти три процесса. Эта статуэтка хранилась в моей семье четыреста лет. Я должен доставить ее назад домой — вместе с ответами на мои научные вопросы.

— Ты привезешь статую Шивы назад на Новый Бомбей, — тихо сказала я. — Вместе с ответами на научные вопросы.

— Да, я и сам уже так думаю. — Он улыбнулся мне в ответ, вложив в эту улыбку всю свою живую, подвижную душу, но еще и вежливость и надежду. — А теперь спать.

9. Корабль

Спала я крепко и от усталости, и после секса, а наутро, когда проснулась, обнаружила, что Аджита в постели уже не было, — он сидел у терминала. Когда я вошла в кают-компанию, он сразу поднялся и с мрачным лицом повернулся ко мне:

— Тирза. Прибыла мини-капсула. Я ввел все данные в систему.

— Что случилось? Где Кейн?

— Думаю, все еще спит.

Я пошла к койке Кейна. Он лежал на спине — все в той же одежде, которую не снимал вот уже три дня, — и тихонько похрапывал. Пахло от него резко и неприятно. Я подумала было разбудить его, но решила подождать. Кейн уже столько времени недосыпает, а пока он спит, я могу посидеть с Аджитом. И, затянув потуже пояс на халате, я вернулась в кают-компанию.

— Что случилось? — повторила я свой вопрос.

— Я ввел в систему данные, прибывшие с мини-капсулой. Корректировки последних данных. Кейн говорит, что первые данные неверны.

— Кейн? — переспросила я.

— Аналог Кейна, — спокойно уточнил Аджит. — Он говорит, что в первом случае сенсоры зонда были повреждены радиацией, а они этого не заметили. Они послали предварительные данные сразу после прыжка, потому что не знали, сколько времени вообще продержится зонд. А сейчас они установили степень радиационного повреждения, восстановили программы сенсоров и снова сняли все показания. Аналог Кейна утверждает, что именно эти новые данные являются верными, а те, что мы получили ранее, недостоверны.

Я попыталась разобраться в том, что он сказал.

— Значит, теория Кейна о «теневом веществе» неверна?

— Не знаю, — ответил Аджит. — Разве кто-либо может что-то утверждать, не имея данных для подтверждения результатов? Мини-капсула только что прибыла!

— Тогда, может, и я не решилась на второй прыжок, — заметила я, имея в виду, конечно, аналог Тирзы. Мой аналог. Странное что-то я говорю. Слишком уж велико потрясение. Столько работы, столько радости, столько напряжения, такой триумф Кейна…

Я внимательнее посмотрела на Аджита. Он был очень бледным, усталым, но это вполне естественно для генномодифицированного молодого человека. И я сказала:

— Ты не выспался.

— Нет. Вчера был… трудный день.

— Да, — согласилась я и, конечно, заметила, как он деликатно выразился.

— Разбудить Кейна? — спросил Аджит.

— Я сама.

Это оказалось нелегкой задачей. Мне пришлось сильно трясти его, но вот наконец он очнулся.

— Тирза?

— А кто еще может тут быть? Кейн, надо вставать. У нас беда.

— Ч-ч-что? — Он зевнул во весь рот и откинулся на спинку кровати. Все тело у него болело.

Я набралась духу и сказала:

— Прибыла вторая мини-капсула. Твой аналог прислал сообщение. Он говорит, что предварительные данные были неточными из-за нарушений в работе сенсоров под действием радиации.

Кейн тут же пришел в себя. Он смотрел на меня как на палача.

— Данные неточные? Все?

— Не знаю.

Кейн вскочил с койки и побежал в кают-компанию. Аджит сказал ему:

— Я уже ввел данные из мини-капсулы в систему, но…

Кейн его не слушал. Он быстро включил терминал, быстро проглядел все данные и вдруг закричал:

— Нет!

Я вжалась в обшивку — не от страха, от удивления. Я никогда не слышала, чтобы взрослый мужчина так кричал.

Но дальше все было тихо. Кейн работал молча. Лихорадочно. Аджит тоже сидел за своим терминалом и работал — не как вчера, когда он просто повторял все за Кейном, а действительно работал. Я принесла им обоим горячий кофе. Кейн сразу же залпом выпил его, Аджит даже не заметил.

Прошло полчаса. Кейн повернулся ко мне. На лице его читалось поражение — все опустилось вниз: и глаза, и губы. Только волосы, грязные волосы, торчали во все стороны, как прежде. Он сказал с прямотой, присущей отчаявшемуся человеку:

— Новые данные сводят на нет всю мою теорию о «теневом веществе».

Мой голос прозвучал будто со стороны:

— Кейн, прими душ.

К моему удивлению, он послушался и, спотыкаясь, отправился в душ. Аджит еще несколько минут просидел за

терминалом, потом поднялся по трапу в обсерваторию. По дороге он бросил через плечо:

— Тирза, пожалуйста, я хочу побыть один. Не поднимайся сюда.

Я так и сделала. Села за маленький стол кают-компании, уставилась на свою не выпитую чашку кофе и сидела, ни о чем не думая.

10. Зонд

Кейн сказал, что новые данные, на первый взгляд, хорошие. Именно так и сказал: «хорошие». И сразу снова засел за работу.

— Аджит? — Я все больше и больше нуждалась в его объяснениях.

Он так же, как и Кейн, был погружен в работу, но достучаться до него мне было куда как легче. Это вполне естественно. Для Кейна Аджит был второстепенным, но все же необходимым звеном интеллектуального процесса; а я была тем же самым для обоих. Аджит воспринимал такое отношение как должное — его ценили. Я чувствовала то же самое. Соперничество кончилось, и мы оба стали добрее.

Кейн был менее надежен, он ничего, кроме работы, не замечал.

Аджит сказал:

— Новые данные подтверждают, что на траектории движения газовых потоков и зонда оказывает влияние тело большой гравитационной массы. Проблема с молодыми звездами в такой близости от Стрельца А представляется более запутанной. Чтобы объяснить кривые зависимости пространства и времени с учетом влияния черной дыры и теневой массы, нам предстоит видоизменить всю теорию звездообразования. Это крайне сложно. Кейн прикидывает возможные варианты за компьютером, а я соберу данные по разным точкам Западного Стрельца А и звезд на другой стороне этого неизвестного тела и посмотрю, что у меня получится.

— А что говорят масс-детекторы?

— По их показаниям нас притягивает тело массой около полумиллиона Солнц.

Полмиллиона Солнц. А мы ничего не видим: ни глазами, ни с помощью радиосенсоров, ни с помощью рентгеновских или каких-либо других детекторов.

— У меня есть вопрос. У этой черной дыры имеется радиус, сфера Шварцшильда? Поглощает ли она свет, как и подобает черным дырам? Разве свет поглощается не силой тяготения черной дыры?

— Верно. Но излучения, в том числе и простой свет, проходят «теневое вещество» насквозь, Тирза. Неужели ты не понимаешь? «Теневое вещество» никак не взаимодействует с нормальным излучением.

— Но оно обладает силой притяжения. Почему же тогда оно не притягивает к себе свет?

— Не знаю. — Он замешкался. — Кейн думает, что «теневое вещество» взаимодействует с излучением не на уровне частиц, которые реагируют на силу тяготения, а на волновом уровне.

— Каким образом?

Аджит взял меня за плечи и шутливо встряхнул.

— Я же говорил тебе — мы не знаем. Это нечто совершенно новое, дорогая. Мы знаем о «теневом веществе» не больше, чем примитивные гоминиды знали об огне.

— Ну, не надо все идеализировать, — промолвила я.

Это была своего рода проверка, и Аджит ее выдержал. При моих словах он не напрягся, как когда я что-то не то сказала относительно рисунка Шивы, который он мне показал накануне вечером. Сейчас он просто рассмеялся и снова засел за работу.

* * *

— Тирза! Тирза!

Меня разбудил будильник-автомат. Аджит, видимо, включился незадолго до меня, потому что это он звал меня по имени. Зазвенели сигналы тревоги.

— Это Кейн! С ним беда!

Я помчалась к койке Кейна. Он лежал, как обычно, под одеялом. Тело его было в порядке, значит, дело не в программе эксплуатации. Постельное белье тоже в норме, но сам Кейн ни на что не реагировал.

— Проведи полную диагностику, — велела я Аджиту.

— Уже начал.

— Кейн. — Я слегка потрясла его, потом сильнее.

Он пошевелился, застонал. Значит, все же аналог не мертв.

Я села на край койки и, переборов страх, взяла его руку в свою.

— Кейн, любимый, ты меня слышишь?

Он сжал мои пальцы, но выражение его лица не изменилось. Потом последовало молчание. Мне показалось, что и время остановилось. Вдруг Аджит сказал:

— Полная диагностика завершена. Исчезла почти треть мозговых функций.

Я улеглась в койку рядом с Кейном и крепко обняла его.

* * *

Мы с Аджитом старались из последних сил. Наши аналоги

латали себя, производили одну копию за другой. Да, копии в результате приведут к большим сбоям, но нам уже было все равно.

Потому что человеческий аналог это такая сложная комбинация компьютерных программ и нанополимеров, что нас нельзя просто заменить резервной копией. Соотношение «железа» и программного обеспечения в аналогах таково, что даже аналог с некоторыми нарушениями функций это не совсем то же самое, что человеческий мозг, пострадавший от инсульта или опухоли.

Мозг аналогов не занимается прокачкой крови или контролем дыхания в организме. Ему не нужно думать о движении мышц или секреции гормонов. Хотя он и тесно связан с «тонкими» программами, поддерживающими в нас иллюзию движения и жизни на трехмерном уровне корабля, мозг аналогов связан с компьютером гораздо более сложным образом, чем мозг простого человека, работающего за терминалом. Сейчас в нашем распоряжении были все возможности компьютера, но с их помощью мы могли совершить лишь определенные действия.

* * *

Мы с Аджитом, как могли, собрали Кейна, а точнее, псевдо-Кейна. Вот он вошел в кают-компанию и сел. Выглядел, двигался, улыбался он, как прежний Кейн. Это как раз восстановить очень легко (так же как восстановление головы Аджита или экзотических растений в обсерватории). Но человек, который сейчас тупо смотрел на экран терминала, не был прежним Кейном.

— Над чем я работал? — спросил он.

Первой ответила я:

— Над теорией «теневого вещества».

— «Теневого вещества»? Что это такое?

Аджит тихо пояснил:

— У меня тут вся твоя работа, Кейн. Наша работа. Я думаю, что смогу ее закончить. Главное, ты задал правильное направление.

Кейн кивнул; вид у него был крайне неуверенный.

— Спасибо, Аджит. — И вдруг с прежним потрясающим боевым задором он прибавил: — Но смотри только, если что-то перепутаешь!..

— Ты ведь будешь мне помогать, — весело ответил Аджит.

В этот момент я его почти что любила.

* * *

Они разработали новую схему работ. Кейн снимал показания сенсоров и проверял их по заранее установленным алгоритмам. На самом деле, если бы Аджит показал мне, что и как, эту часть работы смогла бы делать и я. Но Кейн, казалось, был доволен; он сидел за экраном с самым серьезным видом, хмурился и пыхтел.

Основную научную работу выполнял Аджит. Когда мы как-то остались с ним наедине, я спросила:

— Ты справляешься?

— По-моему, да, — ответил он без злобы или заносчивости. — Кейн заложил фундамент. Мы с ним вместе обсуждали, что делать дальше.

— У нас остался только один прыжок.

— Знаю, Тирза.

— Риск погибнуть от радиации огромен…

— Надо протянуть еще немного. Совсем немного.

Я положила голову ему на грудь.

— Хорошо. Попробуем.

Он обнял меня, но не как любовник, скорее, как хороший товарищ. Мы прекрасно понимали, что времени у нас осталось совсем ничего.

11. Корабль

Кейн был недолго удручен известием о недостоверности данных, полученных с зонда. Прошло около полусуток, а он уже забыл о своей теории «теневого вещества», заархивировал все выкладки по этому вопросу и вернулся к прежним теориям о таинственно массивных молодых звездах в опасной близости от черной дыры. Он использовал новые данные, прибывшие с зонда во второй мини-капсуле. Эти данные были логическим подтверждением предварительных показаний.

— У меня есть несколько идей, — признался мне Кейн. — Поживем — увидим.

Он не был веселым, как прежде, а о той неудержимой радости, как во время «открытия» им теории «теневого вещества», не могло быть и речи, но все же состояние у него было вполне стабильным, и он все время отдавал работе. Настоящая скала — не человек. Не так-то просто раздавить его, подумаешь, теория не оправдалась. Его спасала эта невосприимчивость.

Аджит, с другой стороны, толком и не работал. Я не могла следить за экранами его терминала, но зато прекрасно видела, как он себя ведет. Он места себе не находил, был невнимательным, но больше всего меня беспокоило его отношение к Кейну.

Аджит больше не злился.

Я делала вид, что целиком и полностью занята рукоделием, а сама тем временем внимательно приглядывалась к нему. Злость проявляется во всех движениях, во всем поведении человека самым что ни на есть грубым образом. Даже если кому-то удается успешно скрывать свои истинные чувства, то знающий человек все равно заметит признаки злости — надо только знать эти признаки: напряженные мышцы шеи, желание все время отвернуться ото всех, легкая натянутость в голосе. Ничего этого сейчас я у Аджита не видела. Напротив, общаясь с Кейном (я настояла, чтобы мы все вместе пообедали в кают-компании), он вел себя совсем иначе. Я заметила в его поведении некое превосходство, какой-то тайный триумф.

«Возможно, я ошибаюсь», — решила я. Бывало, что я ошибалась и раньше. К этому моменту я так невзлюбила Аджита, что уже не доверяла своей собственной интуиции.

— Аджит, — заговорила я, когда мы закончили обедать, — пожалуйста…

И тут взревела сирена. «Тревога, тревога, тревога…»

Я помчалась к дисплеям приборов управления кораблем. Они

включились автоматически, Повреждение произошло в районе отсека по правому борту, обшивку корабля пробило тело весом примерно сто граммов и проникло внутрь. Не прошло и нескольких минут, как нанниты временно залатали обшивку. Сигнал тревоги умолк, а компьютер начал выдавать подробную информацию:

«Повреждение временно устранено наннитами. В течение двух часов необходимо провести более серьезные работы по ремонту обшивки, укрепить ее материалом типа шесть-А. Для выявления точного места пробоины и поиска материала для ремонта справьтесь в бортовом журнале корабля. В случае отсутствия…»

Я отключила компьютер.

— Могло бы быть и хуже, — заметил Кейн.

— Конечно, могло бы быть и хуже, — бросила я и тут же пожалела о сказанном.

Мне нельзя было так резко реагировать на его слова. Моя реакция показывала, насколько действует на меня общая обстановка на борту «Кеплера», а это было уже лишнее. Я, как профессионал, не могла позволить себе такую вольность.

Кейн не обиделся.

— Например, удар мог прийтись по двигателям или по жилому отсеку, а так мы еще легко отделались. Я вообще-то удивляюсь, что ничего подобного не произошло намного раньше. Ведь здесь летает так много обломков.

Аджит спросил:

— Ты пойдешь в отсек, Тирза?

Конечно пойду. Но на этот раз мне удалось сдержаться. Я улыбнулась и ответила:

— Да, только сначала надену скафандр.

— Я с тобой, — вызвался Кейн.

Я удивленно взглянула на него. Я-то собиралась позвать с собой Аджита. Мне хотелось понаблюдать за ним, когда рядом не будет Кейна; может, даже задать несколько прямых вопросов. И я спросила у Кейна:

— Разве тебе не нужно работать?

— Работа никуда не денется. Я хочу найти это тело, ведь оно осталось на борту, а так как тело весило сто граммов, то даже после того, как оно прошло сквозь обшивку корабля, от него должно было что-то остаться.

Аджит напрягся, опять его опередили и опять это сделал Кейн. Аджит сам хотел бы разыскать космическое тело; этих ученых хлебом не корми, а дай им такой мертвый осколок. Я вообще-то с самого начала думала, что Стрелец А это не что иное,

как очень горячая, очень большая мертвая планета. Но лучше я буду молчать.

Я могла бы приказать Аджиту следовать за мной в отсек, могла бы приказать Кейну оставаться на месте. Но я чувствовала, что это лишь усугубит сложную ситуацию. Аджит настолько болезненно воспринимал все происходящее, он с ума сойдет, если я начну им командовать. А мне не хотелось, чтобы он и дальше погружался в то состояние, в котором находился сейчас. И потому я достаточно резко бросила Кейну:

— Хорошо, тогда собирайся!

Он улыбнулся и пошел за скафандрами.

Отсеки служили дополнительной защитной системой корабля. Там же хранились все наши запасы. Раз в несколько дней я обычно провожу полный осмотр корабля, а заодно забираю из отсеков запас пищи, которого нам хватит до следующего осмотра. Мы ведь не аналоги, нам нужна простая физическая пища, ну и конечно, психологическая поддержка, за которую отвечаю я.

При необходимости все три отсека можно герметизировать и поддерживать там высокое давление, но обычно этого не делают. Конечно, потери энергии на поддержание нормальной атмосферы невелики, но все же есть. Прежде чем зайти в отсек правого борта, мы с Кейном облачились в скафандры и шлемы с подогревом.

— Пойду посмотрю, — сказал Кейн.

Он взял с собой портативный компьютер, и я видела, как он вычислял возможную траекторию движения осколка по углу расположения корабля и месту пробоины — насколько это вообще было возможно. Но вот он исчез за стойкой с ящиками, на которых было написано: СИНТЕТИЧЕСКАЯ СОЯ.

Брешь оказалась больше, чем я могла предположить. Хотя частица была весом всего в сто граммов, но удар пришелся под неудачным углом. Однако нанниты, как всегда, были на высоте, и временный ремонт выполнили без проблем. С помощью обычных инструментов я принялась осматривать обшивку.

Кейн громко выругался.

— Кейн, что такое?

— Ничего, просто наткнулся на ящики.

— Будь аккуратнее. Меньше всего я хочу, чтобы ты тут устроил погром.

Несмотря на хорошую физическую подготовку, Кейн необыкновенно неуклюж. Голову могу дать на отсечение, что он совершенно не умеет танцевать, да и пробовать не станет.

— Ничего не вижу. Сделай свет поярче.

Я выполнила его просьбу, но он все равно еще несколько раз с шумом на что-то там натыкался. И каждый раз страшно ругался.

Я внимательнее обычного осмотрела обшивку и трюм, но ничего особенного не заметила. Мы снова сошлись у двери в трюм.

— Тела здесь нет, — сказал Кейн. — Его здесь нет.

— Ты хочешь сказать, что ты его не нашел.

— Нет, его просто тут нет. Неужели ты думаешь, что в отсеке, заполненном огромными, неподвижно стоящими ящиками, я бы не смог найти все еще горячий космический осколок?

Я набрала код дверного замка.

— Значит, он исчез при ударе. Ведь он состоял изо льда, ионов и пыли.

— Ты думаешь, такой осколок мог пробить обшивку Шаада? Нет. — Он задумался. — Хотя кто его знает. А что удалось обнаружить тебе?

— Ничего особенного. С наружной стороны царапины и вмятины — ничего неожиданного. Но никакого серьезного структурного напряжения.

— Наверняка в этом месте Галактики все обломки летают по орбите вокруг ее центра, мы скоро пройдем этот участок орбиты, ведь она вращается с небольшой скоростью. Но все равно это не могло вот так произойти — ни с того ни с сего. Еще больше меня волнует зонд. Когда должна прибыть третья мини-капсула?

Кейн знал не хуже моего, когда она должна прибыть на корабль. Тот факт, что он спрашивает сейчас меня, доказывает, что напряжен он не меньше нас с Аджитом.

— Осталось три дня, — ответила я. — Наберись терпения.

— Ты знаешь, я нетерпелив.

— Да и что нового ты сможешь узнать?

— Я боюсь, что осколки, вращающиеся по орбите, могут столкнуться с зондом, и тогда конец всему. Ты знаешь, что звезды рядом со Стрельцом А движутся по орбите с огромной скоростью.

Я это знала. Он столько раз сам говорил мне об этом. Отправка зонда с самого начала была рискованным предприятием, и до сих пор Кейн радовался, что мы получили хоть какие-то данные с его помощью.

Я никогда не слышала, чтобы Кейн открыто говорил, что чего-либо «боится». Даже в шутку.

Мне хотелось отвлечь его, а раз уж он сейчас так задумался, Да к тому же ведет себя вполне смирно, то я и решила заговорить об Аджите.

— Кейн, я хочу поговорить об Аджите…

— Не желаю обсуждать этого хныкающего бездельника, — без особого интереса и раздражения ответил Кейн. — Я виноват, что выбрал его себе в ассистенты, вот и все.

Никого он на самом деле не «выбирал»; кроме него все

кандидатуры просматривала целая комиссия. Кейн еще раз оглядел отсек.

— Наверное, ты права. Тело сублимировалось. Ну ладно.

Я положила руку в перчатке на его скафандр (вряд ли такое прикосновение можно назвать интимным, но ничего другого сейчас я не могла себе позволить).

— Кейн, а как насчет тайны молодых звезд?

— Так себе. Наука есть наука.

Дверь отсека открылась, и он прошел сквозь проем.

Я в последний раз окинула взглядом отсек и выключила свет — смотреть тут больше нечего.

* * *

Когда мы с Кейном вернулись из отсека, починенная статуэтка Шивы снова красовалась на столе в кают-компании, прямо в центре. Мне кажется, что Кейн даже не заметил ее, он сразу же пошел к своему терминалу. Я улыбнулась Аджиту, хотя меня озадачило, зачем он опять поставил статуэтку на стол. Ведь он говорил мне, что вообще больше не хочет ее видеть.

— Тирза, ты не хочешь сыграть партию в го?

Я не могла скрыть удивления:

— Го?

— Да. Сыграешь со мной? — И он улыбнулся одной из своих самых обворожительных улыбок.

— Хорошо.

Он принес доску и как-то странно разложил ее прямо на коленях. Заметил мое лицо и сказал:

— Будем играть здесь. Не хочу тревожить Космического Танцора.

— Хорошо.

Я совсем запуталась, придвинула стул, села лицом к Аджиту и склонилась над доской.

Мы оба прекрасно знали, что Аджит играет намного лучше меня. И оба продолжали играть: он должен был победить, я проиграть. Я была не против проигрыша, может, мне удастся кое в чем разобраться. Люди с повышенной тягой к соперничеству (а мне кажется, что я никогда в жизни не встречала человека, у кого это чувство было бы более обострено, чем у Аджита) расслабляются только тогда, когда не чувствуют никакой угрозы своему превосходству.

Поэтому я всячески пыталась показать ему, что я никоим образом не могу равняться с ним; мы переговаривались и

смеялись, а Кейн тем временем весь ушел в работу над своими теориями. Статуэтка танцующего божества хитро и злобно поглядывала на меня со стола, а я с каждой секундой чувствовала, что все больше и больше упускаю из-под контроля и без того катастрофическую ситуацию.

12. Зонд

После воздействия радиации Кейн стал мягче. Кто может утверждать, как именно все происходит? Особенности личности закодированы в человеческом мозге, независимо от того, реальный это мозг или мозг аналога. Он оставался Кейном, но мы видели его более мягкую, более покладистую сторону. Раньше эту сторону затмевал его воинственный интеллект, такой же сильный, как любое мощное явление природы, скажем, ураганный ветер. Теперь, когда интеллект угас, ветер тоже стих. А вокруг оказался спокойный, тихий ландшафт.

— Вот, Аджит, — сказал Кейн, — здесь уравнения, которые ты просил.

И он переправил их на терминал Аджита, потом встал и потянулся. Слегка покачнулся, мы с Аджитом так и не смогли устранить все повреждения, возможно, даже не все заметили. Мозг — это очень сложная структура. Кейн чуть не упал, и Аджит вскочил со своего места, чтобы поддержать его.

— Осторожно, Кейн. Вот, присядь.

Аджит опустил Кейна на стул у стола в кают-компании. Я отложила свое рукоделие. Кейн сказал:

— Тирза, я себя как-то странно чувствую.

— Странно — что ты хочешь этим сказать? — Я забеспокоилась.

— Не знаю. Может, сыграем в го?

Я научила его этой древней стратегической игре, и она ему очень нравилась. Он не очень хорошо играл, гораздо хуже меня, но игра его затягивала, и он не возражал против поражений. Я достала доску. Аджит, настоящий мастер игры в го, снова занялся теорией Кейна о «теневом веществе». Я знала, что работа у него идет успешно, хотя он честно признавал, что первооснова всего заложена Кейном.

Посреди второй партии в го исчезла вся кают-компания.

Меня охватила минутная паника. Я парила в бездне, ничего кругом не видела и не чувствовала, не за что ухватиться; голова кружилась так сильно, что даже думать было невозможно. Словно где-то в самой глубине моего теперь слепого мозга зародился бесконечный крик, исполненный боли и ужаса: одна, одна, одна в полной неизвестности…

Тут же включилась автоматическая система поддержки, и кают-компания появилась вновь. Кейн ухватился за край стола и с бледным лицом смотрел не отрываясь на меня. Я подошла к нему, обняла его обеими руками. Мне так хотелось его успокоить.

Потом я посмотрела на Аджита. Кейн крепко прижался ко мне. Мельком я успела заметить, что в кают-компании произошли какие-то странные перемены: дверь на камбуз стала такой низкой, что для того, чтобы пройти в нее, теперь нужно было нагибаться, исчезли один стул и доска для игры в го. Программа поддержки сама уже нарушена, и не все у нее получается.

Аджит спокойно сказал:

— Нам нужно решать, Тирза. В любой момент удар радиации может оказаться фатальным.

— Знаю.

Я опустила руки и спросила Кейна:

— С тобой все в порядке?

Он улыбнулся.

— Да. Просто на секунду я… — Он словно забыл, что именно хотел сказать.

Аджит подвинул к столу вместо недостающего стул от своего терминала. Потом сел, подался вперед и переводил взгляд с меня на Кейна и обратно.

— Нам троим нужно принять решение. Мы должны отправить на «Кеплер» еще одну мини-капсулу, и еще у нас остается один прыжок. В любой момент мы можем потерять… все. Вам это хорошо известно. И что, вы думаете, нам надо делать? Кейн? Тирза?

Всю свою жизнь я слышала, что даже из очень слабых людей, людей с недостатками, при определенных условиях получаются лидеры. Я никогда этому не верила, особенно если речь шла о таком человеке, как Аджит: с его характером, с его стремлением к лидерству, неуравновешенностью, раздражительностью. Причем все эти качества были заложены в нем так глубоко, что он даже сам не отдавал себе в них отчета. Но, оказывается, я ошибалась. Теперь я изменила свою точку зрения.

Кейн сказал:

— Я чувствую себя странно, возможно, на меня снова действует радиация, а программа поддержки уже не работает. Я думаю… я думаю…

— Кейн? — Я взяла его за руку.

Ему явно было сложно формулировать свои мысли.

— Думаю, что стоит прямо сейчас отправить мини-капсулу.

— Согласен, — поддержал его Аджит. — Но это значит, что мы не пошлем данные из точки последнего прыжка — сферы Шварцшильда Стрельца А. То есть на «Кеплере» так и не узнают, что там происходит. Они получат новые данные в подтверждение теории «теневого вещества», но основные данные по этой теории мы уже послали во второй мини-капсуле. И все-таки это лучше,

чем совсем ничего, потому что, я боюсь, что если мы не пошлем капсулу сейчас, то уже никогда не сможем ее послать.

Аджит и Кейн, оба уставились на меня. Окончательное решение относительно перемещений зонда оставалось за командиром. Я кивнула.

— Я тоже согласна. Отсылайте мини-капсулу с теми данными, которые у вас есть, а потом мы будем прыгать. Но не к сфере Шварцшильда.

— А куда? — выпалил Кейн, и сейчас передо мной был почти что прежний Кейн.

— Я не вижу в этом никакого смысла. Отправить данные мы уже не сможем, они просто погибнут вместе с нами. А если мы совершим прыжок вдаль от центра Галактики, мы будем жить дольше. Скажем, прыгнем на расстояние в несколько сотен световых лет от дыры, туда, где радиация минимальна.

Как по команде, они в один голос ответили:

— Нет.

— Нет?

— Нет, — сказал Аджит, спокойно и уверенно. — Тирза, так просто мы не собираемся улетать.

— Нам и не надо улетать прямо сейчас! Мы можем подождать несколько десятков лет! Может, даже веков! Пока не иссякнут все ресурсы и программы зонда… — Или пока мы не столкнемся с какими-либо летающими обломками. Или нас не уничтожит радиация. В космосе опасность подстерегает на каждом шагу.

Кейн спросил:

— И что мы будем делать тут на протяжении нескольких веков? Я сойду с ума. Я хочу работать.

— И я тоже, — прибавил Аджит. — Я хочу снять показания у самого Стрельца А и, пока у меня есть возможность, обработать их. Ну и что, что «Кеплер» их так и не получит.

Типичные ученые.

А я? Смогу ли я, хоть и выросла на орбитальной станции, в течение нескольких столетий ютиться на малюсеньком зонде — безо всякой цели; смогу ли вот так влачить свое существование, Разрываясь между этими двумя мужчинами? Между Аджитом, который, одержав верх, стал спокойным и сострадательным. И Кейном, больным, мягким, но с поврежденным интеллектом. Я стану командиром Тирзой, возглавляющей бессмысленную экспедицию без точки назначения, без задач, без цели.

При таких условиях я просто возненавижу и их и себя.

Аджит взял меня за левую руку. Правой рукой я все еще держала Кейна.

— Хорошо, — кивнула я. — Отправим мини-капсулу, а потом

прыгнем прямо к дыре.

— Да, — подтвердил Кейн.

Аджит сказал:

— Я снова засяду за работу, Тирза. Если хотите, идите с Кейном в обсерваторию, куда хотите. Я подготовлю и отправлю мини-капсулу.

Он осторожно развернулся к нам спиной и уселся за свой терминал.

Я провела Кейна к своей койке. Никогда прежде я никого из ученых к себе не пускала; обычно я сама шла к ним. В моей кровати, кровати командира, были некоторые секреты, предназначенные только для моих глаз. Но сейчас это уже не имело никакого значения.

Мы занялись любовью; а потом, когда я обнимала его красивое, стареющее тело, прошептала ему на ухо:

— Я люблю тебя, Кейн.

— И я тебя тоже, — просто ответил он, а я так и не поняла, правда это или нет. Может, этот ответ всплыл откуда-то из глубин памяти. Но и это тоже не имело никакого значения. Во Вселенной много видов любви, а я и не подозревала об этом.

Мы долго лежали молча, потом Кейн сказал:

— Я пытаюсь вспомнить число π. Помню три целых, одна десятая, дальше уже не помню.

У меня перехватило горло, но я все же сказала:

— Три целых сто сорок одна тысячная. Дальше я тоже не помню.

— Три, запятая, один, четыре, один, — старательно повторил Кейн.

Я встала с постели и пошла готовить зонд к прыжку в направлении Стрельца А, а он все повторял и повторял число π.

13. Корабль

Вторая пробоина оказалась куда более серьезной, чем первая.

Третья мини-капсула еще не пришла с зонда.

— Возможно, все наши аналоги уже мертвы, — безразлично заметил Кейн. — Они должны были совершить прыжок в точку на расстоянии одной двадцать пятой светового года от сферы Шварцшильда. У нас всегда были трудности с точным вычислением ее месторасположения. Возможно, они попали внутрь сферы, тогда зонд навсегда обречен вращаться по спирали вокруг Стрельца А. Или же получили смертельную дозу радиации.

— Возможно, — сказала я. — А как дела с проблемой массивных молодых звезд?

— Никак. Математический тупик.

Выглядел он ужасно, подавленный, усталый и, конечно же, неумытый. Последнее меня окончательно вывело из себя. Неужели так трудно, хотя бы из уважения к своим товарищам, зайти на несколько минут в душевую? Ведь это не отнимет много времени. А Кейн прекратил и физические упражнения.

— Кейн, — начала я тихим, но твердым голосом — насколько могла. — Пожалуйста…

Сработала сирена, все вокруг звенело с силой в сто пятнадцать децибел. «Тревога, тревога, тревога…»

Я проверила дисплеи приборов.

— О боже…

«Пробоина заклеена временной нанообшивкой, — выдал компьютер. — В течение получаса обшивку нужно заменить на настоящую, тип один-В, плюс починить оборудование — если возможно. Для установления места повреждения и нахождения нужных материалов смотрите…»

Я отключила компьютер.

Нынешний удар пришелся по резервному двигателю. Тело в этот раз было гораздо больше массой, чем в первый, зато теперь оно не проникло внутрь, а просто задело корабль и продолжало двигаться дальше по своей непредсказуемой траектории, так что не было никакой надежды найти этот обломок. Но наружные масс-детекторы зарегистрировали его вес — около двух килограммов; скорее всего, и двигалось оно с более высокой скоростью, чем первое. Если бы удар пришелся под прямым углом, мы были бы уже мертвы. Но тело просто скользнуло по обшивке корабля, выведя при этом из строя резервный двигатель.

— Я пойду с тобой, — вызвался Кейн.

— На этот раз искать тело бесполезно, — напомнила я.

— Знаю. Но мне тут все равно делать нечего.

Мы с Кейном надели скафандры и прошли в отсек резервного Двигателя. Я сразу поняла, что ничего не смогу тут поделать. Существуют поддающиеся ремонту поломки и такие, которые уже никак нельзя исправить. Задняя часть отсека была будто срезана, а вместе с ней и часть двигателя. Неудивительно, что компьютер посоветовал использовать материал 1-В. Можно было бы просто сказать: «Закройте все брезентом и забудьте об этом отсеке».

Пока я возилась с обшивкой, Кейн осмотрел край пробоины, а затем и бесполезный теперь двигатель. Ушел он раньше меня, и когда я вернулась в кают-компанию, он внимательно изучал данные по пробоине на экранах моих приборов. Он не заглядывал в бортовой журнал (прекрасно знал, что никому, кроме командира, заглядывать туда не полагается), но пристально рассматривал данные, придвигал и отодвигал изображение и страшно хмурился.

— Что такое, Кейн? — спросила я.

На самом деле, мне совсем не хотелось его сейчас слушать. На ремонт обшивки ушло несколько часов, и я страшно устала. Аджита не было. Наверное, спит или поднялся в обсерваторию, а может, хотя и вряд ли, пошел в спортивный зал.

— Ничего. Не знаю, что это было за тело, но приборы не зарегистрировали никакой радиации. Значит, двигалось оно не очень быстро, иначе наружные сенсоры уловили хотя бы ионизацию. Значит, либо тело было холодным, либо повреждены сенсоры.

— Проведу диагностику, — устало сказала я. — Что-нибудь еще?

— Да. Я считаю, что мы должны передвинуть корабль.

Я уставилась на него. Я успела снять шлем и бросить его на стол и наполовину расстегнула скафандр. От удара шлемом статуэтка Шивы покачнулась.

— Передвинуть корабль?

Тут в дверях показался Аджит, он только что встал с постели.

— Да, — ответил Кейн. — Передвинуть корабль.

— Но мини-капсула вернется к этим координатам!

— Она не прилетит, — покачал головой Кейн. — Неужели ты не слышала то, что я сказал, Тирза? Аналоги не отправили ее. Она и так должна была прилететь несколько дней назад. Если бы они ее отправили, мы бы уже давно все получили. Зонд исчез, аналоги тоже, больше никаких данных оттуда мы не получим. Если мы хотим новые данные, нам придется собирать их самим.

— Самим? — тупо переспросила я. — Каким образом?

— Я же уже сказал! Надо передвинуть корабль ближе к

сердцу Галактики, чтобы снять показания, которые должен был снять зонд. По крайней мере, хоть какие-нибудь.

— Решения о передвижениях корабля может принимать только Тирза, — вмешался Аджит.

Он меня еще защищает! Мне не нужно никаких защитников, а тем более когда они говорят таким бессмысленно самоуверенным голосом. Я разозлилась еще больше, чем от слов Кейна.

— Спасибо, Аджит, но я и сама могу с этим разобраться!

Ошибка, ошибка.

Кейн будто ничего не заметил и продолжал:

— Я не говорю, что надо прыгнуть к самой сфере. Даже о первой точке, в которую прыгал зонд, поблизости от скопления звезд, не может быть и речи. Просто передвинуть корабль ближе к сердцу Галактики, может, на расстояние в десять световых лет от него, и лучше в точку между северным и западным рукавами Западного Стрельца А.

— То есть прямо в околоядерный диск! А там дикая радиация! — возразил Аджит.

Кейн впервые за много дней заметил Аджита и набросился на него, как мог это сделать только Кейн, особенно учитывая его отчаянное положение.

— Мы уже дважды столкнулись с обломками, которые причинили серьезный вред кораблю. Совершенно ясно, что мы находимся на пути перемещения пояса астероидов, который движется по орбите вокруг центра Галактики, пусть и на таком большом удалении. Вряд ли даже в околоядерном диске будет более опасно, ведь, позволь тебе напомнить, это всего-навсего сжатые молекулярные газы, причем профиль их радиации нам неизвестен. Это скажет тебе любой астроном-первокурсник. Или ты трусишь?

Аджит покрылся пятнами, потом побледнел, но выражение его лица ни на секунду не изменилось. Я чувствовала, что от него просто веет жаром, настоящей первобытной яростью, которая еще больше усиливалась оттого, что ему приходилось сдерживаться. Он ушел к себе в койку и закрыл за собой дверцу.

— Кейн! — гневно бросила я; я настолько устала, разочаровалась и отчаялась, что уже не следила за тоном, каким говорила. — Нельзя так…

— Больше не могу всего этого терпеть, — ответил Кейн.

Он прошел по коридору в спортивный зал, и я услышала, как он принялся бешено крутить педали велосипедного тренажера.

Я ушла к своей койке, заперла за собой дверь и с трудом закрыла глаза. Мне было очень трудно успокоиться. Даже с закрытыми глазами я продолжала видеть яростные тени трех

затерянных в космосе людей.

* * *

Спустя несколько часов я позвала их обоих в кают-компанию. Кейн отказался прийти, но я настояла. Я взяла со стола статуэтку Шивы и протянула ее Аджиту — пусть сам решает, где ее лучше хранить, только не на столе. Он безмолвно унес фигурку к себе, а потом вернулся к нам.

— Так продолжаться не может, — спокойно начала я. — Мы все это знаем. Мы находимся с вами в этом замкнутом пространстве для того, чтобы решить серьезную задачу, и это важнее личных отношений. Вы оба — люди рациональные, вы — ученые, иначе вас тут не было бы.

— Не пытайся умаслить нас лестью, — заметил Аджит.

— Прости. Я не хотела. Правда, вы оба ученые, оба прошли тесты на готовность к космическим полетам, значит, вас сочли вполне рациональными людьми.

С этим спорить было невозможно. Я не стала говорить, как часто ошибаются подобные комиссии, как иногда членов комиссий подкупают взятками или они сами покупаются на известные имена и не замечают очевидного. Если Кейн с Аджитом об этом и знали, то тоже крепко держали язык за зубами.

— Во всех сложностях, которые возникли в последнее время, я виню только себя — как-никак я тьютор. В мои обязанности входит следить за гармоничной атмосферой на борту корабля, но то, что происходит у нас, никак нельзя назвать гармонией. Думаю, вы со мной согласны.

Никто не возражал. Я видела, что оба с ужасом ждут долгой, выматывающей дискуссии о динамике отношений в группе; астрофизики терпеть не могут подобных тем. И Кейн резко сказал:

— Я все равно хочу передвинуть корабль.

Я была готова к такому повороту:

— Нет, Кейн. Мы не будем приближаться к дыре.

Он поймал меня на слове.

— А можем мы тогда прыгнуть на такое же расстояние, но в другом направлении — в сторону от дыры? Возможно, нам помогут показания, снятые с другой базовой точки.

— Мы никуда не будем прыгать, пока я не удостоверюсь, что третья капсула не придет.

— И сколько времени понадобится на это?

За его мальчишескими вспышками раздражения я видела

могучий интеллект, он уже прыгал вперед семимильными шагами, что-то планировал, высчитывал, взвешивал все «за» и «против».

— Еще три дня.

— Хорошо. — Он вдруг улыбнулся, а ведь за последние дни я ни разу не видела на его лице улыбку. — Спасибо, Тирза.

Я повернулась к Аджиту:

— Аджит, чем мы можем помочь тебе? Что тебе нужно для работы?

— Я ничего не прошу, — ответил он с таким странным, натянутым, но непонятным выражением лица, что я на секунду почувствовала необъяснимый страх. Но вот он поднялся и прошел к своей койке. Я услышала, как он запер за собой дверцу.

Снова неудача.

* * *

Никакого сигнала тревоги посреди ночи не было. Ничего такого, что могло бы меня разбудить, но я проснулась. Я слышала, как кто-то тихонько ходит по кают-компании. Моя правая рука уже готова была открыть дверь койки, но я поборола первое инстинктивное желание.

Что-то было не так. Интуиция, эта таинственная тень разумного мышления, подсказывала мне лежать и не двигаться. Не открывать койку, даже не пытаться просмотреть экран управления кораблем, который находился над моим изголовьем. Вообще не двигаться.

Почему?

Не знаю.

Из кают-компании до меня долетел запах кофе. Значит, кто-то из них не может заснуть, встал, приготовил себе кофе, сел за терминал. И что из того?

Не двигайся, говорил мне разум откуда-то из глубин подсознания.

Запах кофе становился все сильнее. Вот заскрипел стул. Обычные бытовые звуки.

Не двигайся.

Мне и не нужно было двигаться. Днем я не стала говорить Кейну и Аджиту о тех случаях, когда космические комиссии выносили неверные решения — либо потому, что были подкуплены, либо потому, что за громким именем не видели самого человека. И тогда тесные условия жизни и работы в космосе вкупе с раздутыми эго и постоянной работой приводили

к неудачам. Тьюторам экспедиций не удавалось выполнить свою миссию. Но мы на этом опыте учились. В моей койке находилось необходимое оборудование, о котором ученые и не подозревали.

Я осторожно подняла взгляд к тому месту прямо над изголовьем, где располагался дисплей. Двигались только глаза. Я быстро моргнула по принятому коду: два раза быстро, закрыть глаза на три счета, снова два раза быстро и долго держать глаза широко раскрытыми. Экран засветился в ответ.

Дубликат корабельной базы данных. Не резервный компьютер, а совершенно отдельная система, которая была параллельно соединена с теми же сенсорами, что и бортовой журнал. Но у компьютера в моей койке была своя, отдельная от других компьютеров память, и к ней не подобраться через главный компьютер. Все ученые прекрасно разбираются в компьютерах. Если кто-то на борту захочет внести какие-либо изменения в базу данных, от этого можно уберечься только одним способом — иметь отдельную память, о которой не знает никто. Я снова моргнула по Установленному коду, хотя при этом даже пальцем не пошевелила. Сразу включились экраны с разными корабельными данными.

Все оказалось предельно просто.

Вчера в 18:50 отсек мини-капсулы открылся и принял в свои недра капсулу, но сигнал о ее прибытии на главный компьютер не поступил. Сегодня в 3:00, то есть пятнадцать минут назад, мини-капсула была открыта вручную и из нее был вынут программный блок. И снова сигнал об этом на главный компьютер не поступал.

Судя по инфракрасным сигналам, в кают-компании у терминала сидел Аджит.

Возможно, это лишь совпадение, что сигналы не прошли на главный компьютер. Возможно, в данный момент Аджит переносит данные из третьей мини-капсулы в компьютер, наслаждаясь при этом чашечкой горячего кофе и сознанием того, что он вполне законно обогнал-таки Кейна. Но я думала иначе.

А что же я думала?

Мне и думать не нужно было, я все и так знала. Все постепенно вставало на свои места, словно я смотрела голограммное видео. Все. Аджит выкрал и вторую мини-капсулу. В то утро, когда мы с Кейном крепко спали после того, как Аджит напоил нас вином в ознаменование открытия Кейном теории «теневого вещества». Что такого было в том вине? Спали мы очень крепко, а утром Аджит сообщил нам, что мини-капсула прибыла до того, как мы проснулись. И еще сказал, что уже ввел данные в компьютер. Там-то мы и услышали извинения аналога Кейна за неверные предварительные данные, на основании которых Кейн

выстроил свою теорию «теневого вещества». Данные, по его словам, были испорчены воздействием радиации.

Но это Аджит сфабриковал и извинение аналога Кейна и все данные второй мини-капсулы. В действительности вторая капсула подтверждала все догадки Кейна. Аджит решил оставить данные всех трех мини-капсул для себя, чтобы самому обработать их и присвоить себе открытие «теневого вещества». Он сделал так, что вторая мини-капсула опровергла данные, полученные с первой; теперь он будет настаивать, что третья капсула так никогда и не приходила, что с погибающего зонда ее даже не отправляли.

Настоящий Кейн, мой Кейн, не нашел тело, которое пробило первую брешь, потому что тело действительно состояло из «теневого вещества». Именно из-за этого, а еще и из-за низкой скорости тело не испускало излучения. В нашем мире оно проявилось лишь наличием веса, силы тяготения. Вторая пробоина также была сделана телом, состоящим из «теневого вещества». Я была в этом уверена так, словно Кейн привел мне все выкладки и доказательства.

Знала я и еще кое-что. Если я пойду в душ и очень внимательно осмотрю себя, то обязательно в каком-нибудь укромном месте найду на теле небольшое углубление, в которое в ту злополучную ночь был вживлен подкожный датчик — прибор слежения. И Кейну тоже. С помощью этих приборов Аджит знал обо всех наших передвижениях, причем не только физических.

С помощью этого прибора Аджит мог иметь доступ к моему потайному компьютеру. Вот о чем предупреждала меня моя интуиция. Аджит не хотел, чтобы кто-то узнал, что он ворует мини-капсулы.

Но я тоже умела пользоваться подобными приборами. Правда, мне казалось, что пока еще рано прибегать к ним. Мне не хотелось думать, что наша миссия обречена на провал. Оказывается, я ошибалась.

Как же Аджит собирался присвоить себе работу Кейна? Ведь Кейн в любой момент мог обвинить его в воровстве.

Я, конечно же, знала ответ и на этот вопрос. Знала с того самого момента, когда воспользовалась тайным глазным кодом, чтобы включить свой компьютер, и наконец-то призналась себе в том, как далеко мы зашли.

Я резко открыла свою дверцу и весело крикнула:

— Эй! Кажется, пахнет кофе. Кто там не спит?

— Это я. — Голос Аджита звучал вполне искренне. — Не могу уснуть. Присоединяйся.

— Иду, Аджит.

Я оделась, туго затянула пояс и достала из тайника под

матрасом пистолет.

14. Зонд

Прыжок прошел успешно. Все остались живы.

В такой близости от черной дыры вид из иллюминаторов открывался не такой грандиозный, как на большом расстоянии от Стрельца А. Мы моментально были втянуты на его орбиту, и теперь Стрелец А представлялся каким-то мутным пятном по правому борту. Аджит пояснил, что мутность появляется вследствие радиации Хокинга и большого количества сильно разогретых газов, которые затягиваются в дыру. Облака ионизированной плазмы, плавающие вокруг зонда, затеняли скопление ярко-голубых звезд IRS16 по левому борту. Мы в некоторой степени ощущали приливные силы тяготения, но зонд был мал, и потому эти силы пока не могли его уничтожить.

Аджит нашел, как можно с успехом применить теорию Кейна о «теневом веществе» к траекториям газовых потоков и к орбитам молодых звезд поблизости от Стрельца А. Он говорит, что рядом с Центром Галактики действительно может быть много «теневого вещества», его скопления возможны и на удалении от центра. Есть вероятность, что это «теневое вещество» «уравновешивает» всю вселенную: не дает ей разлететься на кусочки или разрушить саму себя. «Теневое вещество», сохранившееся с самого начала мироздания, и само может помогать поддерживать жизнь.

Кейн слушает объяснения Аджита и радостно кивает Он держит меня за руку, а я поглаживаю его ладонь своим большим пальцем, по кругу, будто рисую маленькие орбиты.

15. Корабль

Аджит сидел перед своим терминалом. Он был одет, а рядом с ним стояла чашка дымящегося кофе. Я не дала ему времени опомниться; вошла в кают-компанию и сразу выстрелила.

Усыпляющая пуля уложила его на месте. При его весе он проспит около часа. Он с шумом упал со стула: но Кейн ничего не услышал — он спал с закрытой дверцей. Я подошла к койке Аджита и внимательно ее осмотрела, даже вскрыла его личный шкафчик и проверила все содержимое. Почти все пространство внутри занимала статуэтка Шивы. Мини-капсул нигде не было.

После этого я прошла на камбуз, но там тоже ничего не нашла.

Ничего не оказалось и в душе, спортивном зале и кладовых. Возможно, Аджит спрятал кубы с информацией в отсеке двигателей или в топливном отсеке, а может, и где-то еще на корабле. Но эти отсеки не герметизированы, так что, чтобы попасть туда, он должен был либо облачаться в скафандр, либо создавать там нормальную атмосферу. Тогда мой компьютер отследил бы изменения на корабле, но я ничего подобного в его памяти не нашла. Аджнг вряд ли стал бы рисковать. Один раз он воспользовался каким-то снотворным, чтобы усыпить нас с Кейном; но больше этого делать было нельзя. Именно поэтому он и ввел нам подкожные датчики.

Думаю, что он спрятал кубы в обсерватории.

Чтобы найти что-либо там, придется покопаться в земле. Когда я закончила, все мои экзотические растения безжизненно лежали на полу. Вокруг валялись камни из фонтана. Я взмокла, устала и выпачкалась в земле. Зато я нашла то, что искала, — два кристаллических куба из двух последних мини-капсул. Все тяжелые защитные щиты были с них уже сняты. Кубы со всех сторон были облеплены землей.

Прошло сорок пять минут.

Я спустилась вниз, чтобы разбудить Кейна. Надо срочно поворачивать корабль назад; на трехместном корабле невозможно долго держать пленника, для этого просто нет подходящего помещения. Даже если мне удастся защитить себя и Кейна от Аджита, то вряд ли мне удастся защитить Аджита от Кейна. В последних двух мини-капсулах содержались данные, подтверждавшие догадки Кейна о «теневом веществе». Будь на месте Кейна кто-нибудь другой, он, возможно, и думать бы забыл о предательстве Аджита и радовался бы торжеству своей теории, но Кейн был не таким.

Аджит лежал на том же месте. Транквилизатор сработал на славу. Я выпустила в него вторую пулю и прошла к койке Кейна.

Его там не было.

Я долго стояла как вкопанная, а потом судорожно натянула скафандр.

Все герметичные отсеки корабля я уже обшарила. Дай бог, чтобы он решил еще раз внимательно осмотреть отсек по правому борту в надежде найти все же то, первое, тело, пробившее корабль! Только бы он был в отсеке резервного двигателя, пусть бы его осенила какая-нибудь бредовая идея о том, как можно его спасти! Или пусть…

— Кейн! Кейн!

Он лежал в отсеке правого борта, скафандр его был поврежден. На него упал какой-то острый пластмассовый предмет из одной из полуоткрытых коробок. Аджит сделал так, будто Кейн сам пытался открыть коробку с надписью «Запасные части для сенсоров» и случайно порвал скафандр, а нанниты не сработали вовремя и не заклеили повреждение. Конечно, не очень убедительно, но ничего другого в наших условиях придумать было нельзя, а так как репутация Аджита до сих пор была совершенно безупречная, то, скорее всего, ему бы все сошло.

Внутри скафандра был уже не Кейн.

Я опустилась на колени, обвила его руками. Я кричала, умоляла, плакала, просила его вернуться. Я била руками в перчатках по полу с такой силой, что вполне могла порвать и свой скафандр. И мне кажется, что я бы даже этого не заметила.

Потом я прошла в кают-компанию, отложила пистолет с пулями-транквилизаторами, а вместо него взяла нож и перерезала Аджиту горло. Жалела я лишь о том, что он не видел, как я это Делаю, он продолжал спать. Причем жалеть я начала только спустя долгое время.

* * *

Я подготовила корабль к длительному прыжку назад в область Ориона. После прыжка последует ускоренное торможение до Скиллиана, самого близкого из населенных миров, и на все это у нас уйдет около месяца в обычном временном измерении. Я ничего не понимаю в космофизике, но по ее законам все должно происходить именно так. Корабль не может выйти из прыжка слишком близко от большого скопления вещества, каковым является планета. Видимо, «теневое вещество» в этой теории не учитывается.

Тела Аджита и Кейна я поместила в холодный разгерметизированный отсек по левому борту. Работа Кейна по теории «теневого вещества» хранится у меня в койке. Каждую ночь я достаю два информационных куба — они сделают его имя известным, а точнее еще более известным в наших населенных мирах. Каждый день я вновь и вновь просматриваю данные, уравнения и все записи на его терминале. Я ничего не понимаю, но иногда мне кажется, что я вижу самого Кейна. Он просвечивает сквозь все эти умные символы, сквозь все эти потаенные секреты космической энергии.

Мою миссию расстроили не наши настоящие «я», а их теневые собратья — те самые, которые скрываются в глубине каждого человека. У Аджита это были амбиции и дух соперничества; у Кейна недостаток внимания к другим людям и их проблемам; у меня — гордыня, именно поэтому мне казалось, что я контролирую фатальную ярость даже тогда, когда дело приняло необратимый оборот. Злоба и раздражение были у всех нас.

Но одну вещь я оставила в сердце Галактики. Перед самым прыжком «Кеплера» я выбросила за борт в сторону Стрельца А статуэтку Шивы, принадлежавшую Аджиту. Не могу точно сказать, но мне кажется, что она полетит в направлении черной дыры в самом центре Галактики, в результате ее затянут силы притяжения и она начнет крутиться по спирали, а в один прекрасный день исчезнет за пределами сферы Шварцшильда. Именно такой судьбы я ей и желаю. Я ненавижу эту статую.

А вот что случится со мной. Я все расскажу своему начальству. Конечно, меня лишат лицензии тьютора, но меня не осудят за убийство Аджита. Командир властен делать на корабле все, что считает нужным. У меня было законное право убить Аджита. Однако вряд ли меня когда-либо еще пригласят в качестве командира научной экспедиции. Моя жизнь, можно сказать, закончена; то, что от нее осталось, можно сравнить разве что с прогоревшими, превратившимися в пепел звездами, которые, по словам Кейна, кружат по орбите вокруг Стрельца А, кружат бессмысленно, не в состоянии уже даже светить, а в конце концов умирают.

Тени.

16. Зонд

Мы остались у центра Галактики: Кейн, Аджит и я. Сфера Шварцшильда Стрельца А находится примерно на расстоянии одной пятидесятой светового года под нами. Мы все время приближаемся к ней по спирали, при этом наша скорость резко возрастает. Одна двадцатая светового года — это критическое расстояние, если мы перейдем эту черту, то назад уже не вернемся никогда. Уровень радиации здесь, как ни странно, ниже, чем поблизости от «теневого вещества» на другой стороне Западного Стрельца А, хотя и этот уровень является смертельным.

Думаю, часть моего мозга уже претерпела необратимые изменения, да и программа поддержки, которая должна чинить подобные сбои, тоже. Трудно сказать, но мне кажется, что я плохо помню все, что было до того, как мы оказались на зонде, а также и почему мы тут оказались. Иногда мне чудится, что я вот-вот что-то вспомню, но потом это что-то опять ускользает. Я знаю, что и Кейн, и я, и Аджит — это тени чего-то, но чего — не помню.

Аджит и Кейн занимаются своей наукой. Я позабыла, над чем именно они работают, но мне нравится наблюдать за ними. Аджит работает над теорией, Кейн помогает ему в мелочах — совсем как когда-то Кейн работал над теорией, а в мелочах ему помогал Аджит. Мы знаем, что вместе с нами погибнут и все результаты. Но они все равно продолжают работать, из бескорыстной любви к науке. Можно считать, что они самые безупречные ученые во всей Вселенной.

Наша миссия прошла успешно. Аджит и Кейн нашли ответы на все свои вопросы, а я смогла поддерживать на корабле гармоничную атмосферу, удовлетворяла все их потребности и при этом управляла кораблем, сумела привести его в самый центр Галактики. Я довольна своей работой.

Конечно, встречаются и трудности. В обсерватории стало как-то странно: большинство растений процветают и разрастаются, но куда-то исчез огромный кусок обшивки, и получается, что и цветы, и люди, и скамейки плавают в невесомости, на месте их удерживает только взаимное притяжение друг к другу. Я не понимаю, как мы там вообще дышим, но я много чего не понимаю; принимаю все таким, какое оно есть.

Лучше всего сохранилась кают-компания, за исключением очень низкой двери, ведущей на камбуз (не выше двух футов). Теперь каждый раз при входе и выходе приходится нагибаться. Еще исчезла койка Аджита. Нам в общем-то хватает и двух оставшихся коек, потому что я поочередно сплю то с Аджитом, то

с Кейном. Терминалы сохранились, но один из них не включается. Аджит хранит в его памяти голографическое изображение, то, что когда-то показывал и мне. Какое-то индийское божество. Шива.

Шива танцует. Танцует, красиво и изящно изгибая четыре руки, в окружении кольца пламени. Все в статуэтке динамично: изогнутые руки, поднятая нога, вся фигура. Даже языки пламени. Только лишь лицо Шивы остается спокойным, отрешенным, торжественным. Кейн может часами смотреть на эту голограмму.

Бог, по словам Аджита, представляет собой поток космической энергии во Вселенной. Шива создает, разрушает и снова создает. В его ритмическом танце принимают участие и материя, и энергия, узоры складываются и разрушаются — и так на протяжении всей истории.

«Теневое вещество» — вот, над чем работают Аджит и Кейн. Теперь я вспомнила. Это вещество отделилось от Вселенной сразу после ее возникновения. Но «теневое вещество» тоже участвует в танце. Именно оно притягивало наш корабль. Мы его не видим, но это не значит, что его нет. Оно изменяет орбиты звезд, траектории наших жизней — все в великой игре теней танцующего Шивы.

Мне кажется, что нам — Кейну, Аджиту и мне — жить осталось недолго. Но какое это имеет значение? Мы все получили то, зачем сюда прилетели, а так как мы тоже являемся частью космического рисунка, то и исчезнуть бесследно не можем. Когда зонд затянет в черную дыру в центре Галактики, если мы, конечно, продержимся до этого момента, — то станем навсегда частью бесконечного, неизбежного, великого потока космической энергии, частью божественного танца.

Я к этому готова.

Паоло Бачигалупи
Народ песка и шлаков

Перед вами картина мрачного будущего: хорошо, что люди выжили, плохо, что кроме них мало кто остался…

Паоло Бачигалупи впервые опубликовал свое произведение в «The Magazine of Fantasy & Science Fiction» в 1998, затем на несколько лет расстался с этим жанром и вернулся к нему уже в новом столетии, предложив свежие труды журналам «F&SF'» и «Asimov's». Один из его рассказов появился в двадцать первом сборнике «The Year's Best Science Fiction». Вместе со своей семьей Бачигалупи проживает на западе Колорадо и пишет статьи для газеты, посвященной охране окружающей среды.

* * *

— Враг в пределах периметра! В пределах периметра! Адреналин мгновенно погнал кровь, и я сорвал с головы очки Виртуального Погружателя. Пейзаж города, который я пытался разрушить, исчез, а вместо него появилась наша комната наблюдения и множество картин, отражающих горные выработки компании СесКо. На одном из мониторов струйкой крови тянулся красный фосфоресцирующий след нарушителя, направлявшегося к Восьмой шахте.

Джак уже выбежал из комнаты наблюдения. Я кинулся за снаряжением.

Джака я догнал в экипировочном отсеке; он уже схватил ТС-101, плазменный резак, и пристегнул противоударный экзоскелет к своему татуированному телу. Патронташ с ядерными зарядами Джак повесил на крепкие плечи и стремительно бросился к выходному люку. Я пристегнул свой экзоскелет, выдернул из стойки «сто первый», проверил заряд и кинулся за Джаком.

Лиза уже сидела в Х-5, она открыла заглушки, и турбонасосы взвыли, словно баньши.[14] Часовые кентавры направили на меня Дула своих «сто первых», но данные «друг — враг» быстро дошли до их верхних дисплеев, и охранники расслабились. Я выскочил на бетонную площадку, и от порывов ледяного ветра Монтаны вместе с реактивной струей от двигателя «Хентаза Марк-5» стало

немного пощипывать кожу. Над головой неслись облака, окрашенные в оранжевый цвет огнями ботов-разработчиков СесКо.

— Давай, Чен! Двигай! Скорее! Скорее!

Я прыгнул в поисковик. Корабль взмыл в небо. Он сделал вираж, от которого я чуть не врезался в переборку, затем описал широкую дугу и понесся вперед. Люк Х-5 закрылся, и завывание ветра стихло.

Я пробрался вперед в прозрачный кокон, и через плечи Лизы и Джака стал всматриваться в проносящийся внизу пейзаж.

— Хорошо поиграл? — спросила Лиза.

— Почти выиграл, — сердито ответил я. — На этот раз это был Париж.

Мы прорвались сквозь завесу тумана над отстойниками, всего в нескольких дюймах над поверхностью воды, и едва не врезались в противоположный берег. Система безопасности рванула поисковик в сторону от надвигающейся скалы. Лиза отключила компьютер и повела корабль вдоль поверхности. Поисковик летел над самой осыпью, так что я вполне мог протянуть руку и зачерпнуть горсть щебенки.

Взвыл сигнал тревоги, но Джак быстро выключил сирену; это Лиза заставила поисковик опуститься еще ниже. Впереди возникла извилистая гряда отходов горной выработки. Мы поднялись вдоль склона и медленно перевалили в следующую лощину. Лиза использовала всю проектную мощность тормозной системы, так что «Хентаза» даже задрожала от напряжения. Еще один подъем, и мы перевалили очередную гряду пустой породы. Перед глазами тянулась бесконечная ломаная линия горизонта, образованного терриконами. Мы опять спустились в пелену тумана и полетели над озером-отстойником. Позади на золотистой масляной поверхности оставалась рябь.

Джак следил за системами наблюдения.

— Я его нашел. — Он усмехнулся. — Двигается, но медленно.

— Контакт через одну минуту, — сказала Лиза. — Он не предпринял никаких контрмер.

Я следил за нарушителем по экранам наблюдения, куда поступала информация со спутников СесКо.

— Это даже не скрытая цель. Если бы мы знали, что он не собирается играть в прятки, можно было бы бросить мини-заряд прямо с базы.

— И ты бы закончил свою игру, — добавила Лиза.

— Мы и сейчас можем поразить цель ядерным снарядом, — предложил Джак.

Я покачал головой:

— Нет, давайте сначала посмотрим. Если нарушитель испарится, у нас ничего не останется, а Банбаум захочет узнать, для чего поднимали поисковик.

— Тридцать секунд.

— Ему было бы все равно, если бы кое-кто не использовал корабль для увеселительной прогулки в Канкун.

Лиза пожала плечами:

— Я хотела поплавать. Если бы не Х-пять, пришлось бы топать на своих двоих.

Поисковое судно перевалило еще через несколько гребней.

Джак не отрывал взгляда от мониторов.

— Цель удаляется. Но все так же медленно. Мы еще можем ее достать.

— Пятнадцать секунд до прыжка, — объявила Лиза.

Она отстегнула, ремни и переключила управление на автоматику. «Хентаза» нацелилась в небо, словно автопилот стремился оторваться от беспорядочного нагромождения камней под брюхом судна, и мы торопливо перебрались к люку. Откинув крышку, один за другим, мы, словно Икары, посыпались вниз. В землю мы врезались со скоростью в несколько сотен километров в час. Экзоскелеты после удара раскололись, словно стекло, и выбросили в воздух тучи лепестков. Черные металлические пластинки стали медленно опускаться вокруг, поглощая радио- и тепловое излучения, чтобы не дать вражеским радарам возможности обнаружить постороннее присутствие, пока мы были слишком уязвимы после падения на сыпучей груде отработанной щебенки.

Поисковик перевалил через гряду, и двигатели взвыли, преследуя близкую цель. Я поднялся во весь рост и побежал к гребню осыпи, хлюпая по желтой массе отходов выработки и клочьям пожелтевшего от пыли снега. Позади остался Джак с переломанными руками. Лепестки его экзоскелета отметили путь, по которому он прокатился со склона, образовав черную мерцающую дорожку. Лиза лежала в сотне ярдов дальше, ее берцовая кость торчала из бедра, словно ярко-белый восклицательный знак.

Я вскарабкался на гребень и осмотрел долину.

Ничего.

Пришлось включить увеличение на шлеме. Однообразные склоны многочисленных холмов отработанной породы придвинулись ближе. То тут, то там среди мелкой желтоватой щебенки и песка виднелись огромные, величиной с наш Х-5, булыжники, треснувшие и оплавленные после мощных взрывов — результаты деятельности горнодобывающей компании СесКо.

Рядом, споткнувшись, остановился Джак, а мгновение спустя к нему присоединилась и Лиза. Штанина ее полетного комбинезона была порвана и залита кровью. Лиза, не переставая осматривать Долину, собрала с лица желтоватую грязь и отправила себе в рот.

— Есть что-нибудь?

Я покачал головой:

— Пока нет. Ты в порядке?

— Обычный перелом.

— Вот он! — взмахнул рукой Джак.

По самому дну долины бежало какое-то существо, преследуемое нашим поисковиком. На берегу узкого ручья, густого от кислоты, оно поскользнулось. Корабль гнал нарушителя навстречу нам. Ничего. Ни ракетных снарядов. Ни огня. Просто бегущее существо. Масса спутанных волос. На четырех ногах. Забрызганное грязью.

— Какой-то биороб? — удивился я.

— У него совсем не видно рук, — пробормотала Лиза.

— И никаких приспособлений.

— Какой дурак будет изготавливать биороба без рук? — добавил Джак.

Я осмотрелся кругом:

— Может, какая-то ловушка?

Джак проверил данные, получаемые от более мощных датчиков поисковика.

— Не думаю. Можно поднять поисковика повыше? Я хочу осмотреть все вокруг.

По команде Лизы поисковик взмыл в небо, охватывая больший сектор наблюдения. Чем выше он поднимался, тем тише становился гул моторов. Джак подождал, пока уточненные данные появятся на мониторе его шлема.

— Нет, ничего. И никаких сигналов о нарушениях с других участков периметра. Мы одни.

Лиза упрямо тряхнула головой.

— Надо было все-таки запустить в него мини-заряд прямо с базы.

Стремительный галоп бегущего по долине биороба замедлился до резвой рыси. Казалось, ему нет до нас дела. Теперь существо было намного ближе, и мы смогли рассмотреть детали: лохматое четвероногое создание с хвостом. Слипшаяся шерсть свисала с его боков, образуя неровную бахрому, унизанную каплями жидкой желтоватой жижи. Волосы вокруг лап посветлели от текущей по земле кислоты, словно существу пришлось переходить вброд потоки урины.

— Какой-то очень уродливый биороб, — сказал я.

Лиза сняла с плеча свой «сто первый».

— Сейчас я сделаю из него биокляксу.

— Постой! — воскликнул Джак. — Не стреляй!

Лиза метнула на него раздраженный взгляд:

— Что еще?

— Это вовсе не биороб, — прошептал Джак. — Это собака.

Неожиданно он спрыгнул с гребня и понесся вниз по склону насыпи к бегущему животному.

— Подожди! — крикнула Лиза, но Джак уже ничего не слушал и продолжал набирать скорость.

Существо глянуло на несущегося с воплями Джака, потом развернулось и кинулось наутек. Но соревноваться с ним в скорости животному было не по силам. Спустя полминуты Джак настиг нарушителя.

Мы с Лизой переглянулись.

— Ну, для биороба оно слишком медленно передвигается. Кентавры, и те проворнее.

К тому времени, когда мы добрались до Джака, животное было загнано в тупиковую расщелину. Оно стояло посреди густой лужи отходов, дрожало, рычало и скалило зубы. Мы окружили странное создание. Оно попыталось прорваться мимо, но Джак легко перехватил беглеца.

Вблизи животное выглядело еще более жалким, чем издали. Тридцать килограммов рычащей шерсти. Лапы у него были порезаны во многих местах и кровоточили, шерсть кое-где облезла, обнажив воспаленные кислотные ожоги.

— Будь я проклят, — выдохнул я, — оно и впрямь похоже на собаку.

Джак усмехнулся.

— Мы как будто динозавра поймали.

— Как она могла уцелеть? — спросила Лиза, обводя рукой горизонт. — Здесь ничто не может жить. Животное должно было измениться. — Она внимательно посмотрела на собаку, потом на Джака, — Ты уверен, что периметр больше не нарушался? Это не может быть западней?

Джак посмотрел по сторонам:

— Больше ничего нет. Ничего.

Я наклонился над животным. Собака в приступе ярости оскалила зубы.

— Выглядит довольно жалко. Может, и впрямь настоящая?

— Конечно, — заверил меня Джак, — конечно настоящая. Я однажды видел собаку в зоопарке. Говорю вам, это просто собака.

Лиза качнула головой:

— Не может быть. Если бы она была настоящей, она давно бы погибла.

Джак довольно усмехнулся.

— Ни в коем случае. Посмотри-ка. — Он протянул руку, чтобы убрать шерсть с головы собаки и посмотреть на ее морду.

Животное рванулось навстречу и сомкнуло зубы на руке Джака. Оно сильно тряхнуло его кисть и зарычало, а Джак только смотрел на прицепившуюся к его руке собаку. Ее голова яростно мотнулась из стороны в сторону, и кровь из порванных артерий потекла по морде собаки.

Джак рассмеялся. Кровотечение прекратилось.

— Проклятие. Прекрати, — Он стал поднимать руку, пока полностью не вытащил странное животное из лужи. — Глядите-ка, я завел себе любимца.

Собака так и висела, вцепившись в мягкие ткани руки Джака. Она снова попыталась тряхнуть мордой, но теперь, когда лапы не опирались на землю, ее старания были бесполезными. Даже на лице Лизы появилась улыбка.

— Должно быть, проспала все на свете, а когда проснулась, обнаружила, что находится на самом кончике витка эволюции.

Собака снова зарычала, не разжимая зубов.

Джак засмеялся и вытащил свой мономолекулярный нож.

— Получи, собачка.

Он полоснул по руке, оставив кусок своей плоти в зубах озадаченного пса.

Лиза задумчиво наклонила голову.

— Как ты думаешь, мы сможем выручить за нее какие-то деньги?

Джак наблюдал, как пес поглощает полученное мясо.

— Я где-то читал, что раньше ели собак. Интересно, каковы они на вкус?

Я посмотрел на таймер на мониторе шлема. Мы убили целый час на занятие, которое не принесет никакой прибыли.

— Джак, забирай своего пса и тащи в поисковик. Мы не станем его есть, пока не вызовем Банбаума.

— Он наверняка объявит собаку собственностью компании, — проворчал Джак.

— Да, он всегда так поступает. Но все равно придется составить рапорт. Неплохо сохранить и улику, раз мы не уничтожили ее сразу.

* * *

На ужин мы ели песок. За стенами бункера службы безопасности деловито жужжали сновавшие роботы; они все глубже и глубже вгрызались в почву, превращая ее в груды щебенки, оставляя после себя тысячефутовые терриконы пустой породы или озера кислотной жидкости, если натыкались на подземные потоки. Шум двигавшихся взад и вперед машин действовал успокаивающе. Только ты и машины, и прибыль, а если во время твоего дежурства ничего не взорвалось, то еще и неплохая премия.

После ужина мы сели рядом и поработали над кожей Лизы; вдоль всех конечностей мы имплантировали острые лезвия, так что она со всех сторон была похожа на бритву. Она предпочитала мономолекулярные ножи, но они слишком легко рассекали плоть, а мы и так потеряли слишком много частей тел и не хотели лишних увечий. Такие побрякушки хороши для людей, которым не нужно работать: эстетов из Нью-Йорка и Калифорнии.

Для украшения у нее был набор «Декор-мечта». Во время последнего отпуска Лиза заплатила за него большие деньги, вместо того чтобы приобрести очень распространенную дешевую подделку. Мы разрезали ее тело до самых костей и вставляли лезвия. Один приятель из Лос-Анджелеса рассказывал, что у него даже проводятся вечеринки любителей «Декор-мечты», чтобы помочь друг другу украсить те части тела, до которых трудно достать самому.

Лиза рисовала мне вдоль позвоночника узор, изображающий чудесное дерево с огоньками вместо плодов от копчика до самого затылка, так что я не имел ничего против этого занятия, а вот Джак, завершивший свой облик при помощи старого мастера в салоне татуировок на Гавайях, был недоволен. В процессе возникли небольшие трудности, поскольку тело Лизы начинало закрывать раны раньше, чем мы успевали вставить лезвия, но мы приспособились, и уже через час она выглядела прекрасно.

Закончив с Лизиными украшениями, мы сели отдохнуть и покормить ее. Я взял чашку с жидкой грязью и стал вливать Лизе в рот, чтобы ускорить процесс вживления. В перерывах мы наблюдали за собакой. Джак затолкал ее в самодельную клетку и задвинул в угол нашей общей комнаты. Животное лежало неподвижно, словно мертвое.

— Я посмотрела ее ДНК, — сказала Лиза. — Это действительно собака.

— Банбаум тебе поверил?

— А как ты думаешь? — сердито взглянула она на меня.

Я рассмеялся. В СесКо требовалось, чтобы группа реагирования действовала быстро, изобретательно и надежно, но

на самом деле наш СПД — Стандартный Порядок Действий — был всегда одинаков: ядерный удар по нарушителям, а потом зачистка огнем, чтобы они не могли регенерировать. Потом следовал отпуск на одном из пляжей. В том, что касалось тактических решений, нам полностью доверяли, но никто не мог ожидать, чтобы в компании поверили, будто солдаты охраны нашли живую собаку среди терриконов пустой породы.

Лиза кивнула.

— Он хотел знать, как проклятое животное могло выжить. Потом захотел узнать, почему мы не выловили ее раньше. И спрашивал, за что он нам платит. — Лиза убрала со лба прядь светлых волос и посмотрела на животное. — Надо было сжечь ее.

— Что он приказал с ней сделать?

— Инструкции на этот случай нет. Он перезвонит позже.

Я посмотрел на неподвижно лежащего пса.

— Хотелось бы знать, как ему удалось уцелеть. Собаки ведь должны есть мясо?

— Может, ее подкармливали инженеры? Как сделал Джак.

Джак покачал головой:

— Вряд ли. Этот ублюдок выбросил мою руку обратно, едва успев проглотить. — Он приподнял покалеченную руку, уже начавшую восстанавливаться, — Вряд ли этот пес привык есть мясо.

— Но мы-то можем его съесть? — спросил я.

Лиза усмехнулась и положила в рот еще ложку отходов выработки.

— Мы можем съесть все, что угодно. Мы взобрались на вершину пищевой цепочки.

— Странно, что он не может есть нас.

— В твоей крови ртути и свинца больше, чем может переварить любое животное дотехнобионтического периода.

— Это плохо?

— Раньше считалось ядом.

— Странно.

— Наверно, я его сломал, когда впихивал в клетку, — сказал Джак и внимательно осмотрел пса. — Он почти не двигается, как было раньше. И я слышал, как что-то хрустнуло, пока его засовывал.

— И что?

— Мне кажется, он не восстанавливается, — пожал плечами Джак.

Пес действительно выглядел так, словно его сильно избили. Он просто лежал на брюхе, а бока поднимались и опускались, как кузнечный мех. Глаза были полуоткрыты, но зрение не

фокусировалось ни на одном из нас. Когда Джак неожиданно дернулся, пес приподнял веки, но не сделал попытки встать. Он даже не зарычал.

— Никогда не думал, что животные могут быть такими хрупкими, — добавил Джак.

— Ты тоже хрупкий. И это никого не удивляет.

— Да, но я сломал ему всего пару костей, и что из этого вышло? Он просто лежит и тяжело дышит.

Лиза сосредоточенно нахмурилась.

— Он не восстанавливается. — Она неуклюже поднялась на ноги и подошла к клетке, чтобы взглянуть на животное. Было заметно, что она взволнованна. — Это настоящая собака. И мы должны были быть такими же. На ее восстановление может уйти несколько недель. Одна сломанная кость, и она ни на что не годна.

Лиза просунула руку с вставленным лезвием в клетку и сделала тонкий разрез на ноге животного. Из раны выступила кровь, но не остановилась, а продолжала вытекать. Так продолжалось несколько минут, и только потом ранка перестала кровоточить. Собака продолжала лежать неподвижно, только дыхание стало еще более прерывистым; она явно очень ослабела. Лиза засмеялась.

— Трудно поверить, что мы когда-то могли жить достаточно долго, чтобы эволюционировать. Если оторвать ей ноги, они больше не вырастут. — Она озадаченно склонила голову набок. — Животное так же уязвимо, как скалы. Разрушь их, и они больше никогда не станут единым целым. — Лиза нагнулась и пощупала спутанную шерсть собаки, — Ее легче уничтожить, чем наш поисковик.

Прогудел зуммер коммутатора, и Джак поднялся, чтобы ответить.

Мы с Лизой продолжали смотреть на собаку — как в маленькое окошко своей предыстории. Вскоре вернулся Джак.

— Банбаум послал биолога, чтобы тот взглянул на собаку.

— Ты хотел сказать «биоинженера», — поправил я.

— Нет. Биолога. Банбаум говорит, что они изучают животных.

Лиза уселась на свое место, и я подошел проверить, не сбила ли она какое-нибудь лезвие.

— Это бесперспективное занятие.

— Наверно, они выращивают их из ДНК. Изучают, на что способны эти создания. Поведение, что ли, будь они прокляты.

— Кто же им платит?

Джак пожал плечами:

— В Панамериканском Фонде числится три таких

специалиста. Изучают происхождение жизни. Вот один из них и приедет. Муши-как-его-там. Не разобрал фамилию.

— Происхождение жизни?

— Ну, да. То, что заставило нас тикать. Что делает нас живыми. Что-то вроде этого.

Я влил в рот Лизе очередную порцию грязи. Она проглотила с удовольствием.

— Грязь заставляет нас тикать, — сказал я.

Джак кивнул на собаку.

— А ее грязь не заставляет тикать.

Мы все снова взглянули на животное.

— Трудно сказать, что ей нужно для жизни.

* * *

Лиин Мушарраф оказался черноволосым коротышкой с выдающимся крючковатым носом. Его кожа была украшена резным круговым узором с вживленными лампочками, так что, выпрыгнув из чартерного Х-5, он светился в темноте, словно голубая спиральная гирлянда.

Кентавры озверели при появлении неопознанного посетителя и не давали шагу ступить от корабля. Они все собрались вокруг, рычали, обнюхивали его самого и сумку с ДНК-определителем, сканировали каждый участок тела и направляли «сто первые» прямо в светящееся лицо.

Я дал ему немного попотеть, а потом отозвал охрану. Кентавры разомкнули кольцо, попятились, не переставая ворчать, но стрелять не стали. Мушарраф был явно потрясен. Я бы не стал его винить. Это опасные ребята — они крупнее и быстрее, тем люди. Поведенческая программа предусматривает проявление злобы, а уровень модернизации позволяет им обращаться с военной техникой. Рефлекс «бежать-сражаться» настроен таким образом, что в случае любой угрозы они способны только атаковать. Я сам видел, как наполовину сожженный кентавр разорвал человека голыми руками, а потом присоединился к атаке на укрепления противника, причем ему пришлось ползти только при помощи рук. В случае опасности таких созданий очень полезно иметь за спиной.

Я увел Мушаррафа подальше от часовых. По дороге заметил, что на затылке у него полный набор запоминающих устройств. Толстая трубка передачи информации уходила прямиком в мозг, зато не было никакой защиты от ударов. Кентавры могли покончить с ним одним ударом по голове. Кора головного мозга

после этого могла бы и восстановиться, но он стал бы совсем другой личностью. Одного взгляда на тройные мерцающие плавники на его затылке хватило, чтобы понять, что перед тобой типичная лабораторная крыса. Одни мозги, и никаких инстинктов выживания. Я не стал бы вживлять в череп дополнительную память даже за тройной бонус.

— Вы обнаружили собаку? — спросил Мушарраф, когда мы оказались вне пределов досягаемости кентавров.

— Похоже на то.

Я провел его в наш бункер мимо стоек с оружием, мимо приборов наблюдения в общую комнату, где все это время оставалась собака. Пес при нашем появлении поднял глаза — это единственное, на что он был способен с того момента, как Джак поместил находку в клетку.

Мушарраф подошел вплотную.

— Замечательно.

Он опустился перед клеткой на колени, открыл дверцу и достал из кармана горсть таблеток. Собака поползла вперед. Мушарраф попятился, освобождая ей дорогу, и пес настороженно и напряженно последовал за ним. Наконец лохматая морда ткнулась в коричневую ладонь, и животное захрустело таблетками. Мушарраф поднял голову.

— И вы обнаружили его в отстойниках?

— Верно.

— Замечательно.

Пес доел таблетки и ткнулся носом в ладонь, требуя добавки. Мушарраф поднялся, широко улыбаясь.

— Больше нет, тебе пока хватит.

Биолог открыл свой ящичек с приборами, достал шприц и воткнул в тело пса. Прозрачная трубочка стала быстро наполняться кровью.

— Вы с ним разговариваете? — спросила внимательно следившая за биологом Лиза.

— Это привычка, — пожал плечами Мушарраф.

— Но он же не понимает.

— Да, но собакам нравится слушать голоса.

Шприц заполнился до конца. Мушарраф выдернул иглу, отсоединил прозрачный контейнер и вставил его в прибор. Шкала анализатора ожила, и кровь с тихим шипением исчезла внутри прибора.

— Откуда вы знаете?

— Это же собака, — снова пожал плечами Мушарраф. — Они всегда были такими.

Мы все нахмурились. Мушарраф стал проводить тесты, что-то

беззвучно бормоча себе под нос. Его ДНК-анализатор посвистывал и попискивал. Лиза следила за его манипуляциями, и ее явно раздражало, что из СесКо прислали лабораторную крысу, чтобы проверить ее собственные исследования. Ее недовольство было легко понять. ДНК-анализ мог сделать даже кентавр.

— Никак не могу поверить, что вы нашли ее среди завалов пустой породы, — пробормотал Мушарраф.

— Мы собирались ее сжечь, — сказала Лиза, — но Банбаум этого не одобрил бы.

— Как предусмотрительно, — заметил биолог, глядя ей в глаза.

— Приказ есть приказ, — пожала плечами Лиза.

— И все же ваше термическое оружие — большой соблазн. Как хорошо, что вы оставили в живых голодающее животное.

Лиза подозрительно нахмурилась, и я забеспокоился, как бы она не разорвала биолога на части. Лиза и так была довольно вспыльчивой, а Мушарраф осмелился разговаривать свысока. Приспособления и приборы на его затылке тоже были довольно соблазнительной целью. Один удар сзади, и с лабораторной крысой будет покончено. Я спрашивал себя, заметит ли кто-нибудь его пропажу, если мы утопим труп в отстойнике. Проклятый биолог!

Мушарраф снова занялся своими приборами, ничуть не подозревая об опасности.

— Можете мне поверить, что раньше люди считали себя обязанными проявлять сочувствие ко всем земным обитателям? Не только к другим людям, но и ко всем живым существам?

— И что?

— Хотелось бы надеяться, что вы проявите сочувствие к одному глупому ученому и не станете сегодня разрезать его на части.

Лиза рассмеялась. Я расслабился. Ободренный Мушарраф продолжил:

— Нет, правда, это очень любопытно, что среди горной разработки уцелел такой экземпляр. Я уже лет десять или пятнадцать не слышал о подобных случаях.

— Я когда-то видел такое существо в зоопарке, — вставил Джак.

— Да, зоопарк — самое подходящее место для них. Да еще лаборатории, конечно. Они продолжают удивлять нас некоторыми генетическими особенностями.

Биолог погрузился в чтение результатов анализа и кивал головой в такт бегущим по монитору строчкам.

— Кому нужны животные, если мы можем есть камни? —

насмешливо спросил Джак.

Мушарраф начал складывать свое оборудование.

— Ну да. Эволюция. Технобионты. Мы покинули пределы животного мира. — Он захлопнул крышку ящичка с прибором и кивнул всем нам. — Что ж, это было крайне интересно. Спасибо, что позволили взглянуть на вашу находку.

— Ты не собираешься забирать ее с собой?

Мушарраф удивленно помолчал.

— Нет, не думаю.

— Значит, это не собака?

— Что вы, это самая настоящая собака. Но что я с ней буду делать, ради всего святого? — Он продемонстрировал герметичный сосуд с кровью. — Я получил ее ДНК. Живое существо довольно трудно содержать, это очень дорогое удовольствие. Производство основных элементов питания требует сложной технологии. Нужны чистое помещение, воздушные фильтры, специальное освещение. Восстановление живой ткани тоже нелегкое занятие. Гораздо легче избавиться от собаки, чем пытаться ее вылечить. — Он посмотрел на пса. — К несчастью, наш лохматый друг не сможет приспособиться к современному миру. Черви съедят его так же быстро, как и все остальное. Нет, вы, конечно, можете залечить его царапины, но что из него получится? Биороб без рук?

Мушарраф рассмеялся и направился к своему Х-5.

Мы переглянулись. Я бросился за доктором и догнал его у выхода на взлетную площадку. Перед люком он немного помедлил.

— Теперь ваши кентавры меня знают? — спросил он.

— Да, все будет в порядке.

— Хорошо.

Он откинул створку и вышел на холод. Я шагнул следом:

— Постойте! Что же нам с ним теперь делать?

— С псом? — Мушарраф вскарабкался в Х-5 и начал пристегиваться. Порывы ветра секли нас песком, срывавшимся с отвалов. — Бросьте обратно в отстойник, Или можете его съесть. Как мне кажется, это настоящий деликатес. Существуют специальные рецепты для приготовления животных. Это требует времени, но результат того стоит.

Пилот Х-5 запустил двигатели.

— Вы смеетесь?

Мушарраф пожал плечами и напрягся, чтобы перекричать шум двигателей:

— Вы должны это попробовать! Это еще одна частица нашего наследия, которая атрофировалась в процессе технобионтической

эволюции.

Он опустил колпак летного кокона и заперся изнутри. Турбовентиляторы взвыли еще пронзительнее, и пилот жестом приказал мне убраться из-под воздушной струи. X-5 медленно поднялся в воздух.

* * *

Лиза и Джак не смогли договориться, как поступить с псом. Для улаживания конфликтов у нас существуют определенные соглашения. Они нам необходимы, поскольку мы — общество убийц. Обычно мы без труда находим общее решение, но бывают случаи, когда все запутывается, каждый стоит на своей позиции, а потом, когда дело доходит до кризиса, может начаться резня. Лиза и Джак сцепились не на шутку. После пары дней препираний, когда Лиза угрожала приготовить еду из собаки, пока Джак спит, а он в свою очередь в этом случае пообещал поджарить ее саму, было решено прибегнуть к голосованию. У меня был решающий голос.

— Я требую, чтобы мы съели собаку, — сказала Лиза.

Мы сидели в комнате наблюдения, просматривали информацию со спутников и созерцали, как передвигаются по поверхности инфракрасные точки рабочих роботов. В углу комнаты в клетке лежал предмет спора, принесенный сюда Джаком в надежде повлиять на исход спора.

Джак развернулся на крутящемся кресле и отвлекся от мониторов.

— Я считаю, что собаку надо оставить. Она забавная. Из далекого прошлого. Скажите, среди ваших знакомых у кого-то еще есть настоящая собака?

— Кому нужна такая обуза? — огрызнулась Лиза. — Я хочу попробовать настоящего мяса.

Лезвием одной руки она провела по предплечью, потом, пока Ранка не затянулась, собрала пальцем капельки крови и попробовала на вкус.

Оба спорщика обернулись ко мне. Я смотрел в потолок.

— Вы уверены, что не сможете обойтись без моего участия?

Лиза ухмыльнулась:

— Давай, Чен. Решение за тобой. Собаку нашли все вместе. Джак не обидится, правда, Джак?

Он ответил ей мрачной гримасой.

Я посмотрел на Джака:

— Я бы не хотел, чтобы плата за корм собаки вычиталась из

общего вознаграждения. Мы договорились выделить часть общих денег на покупку нового Виртуального Погружателя. Старый меня совсем замучил.

Джак пожал плечами:

— Меня это устраивает. Я могу платить за корм из своей доли. Но я не хочу больше спорить.

От удивления я откинулся на спинку кресла и взглянул на Лизу:

— Что ж, если Джак хочет платить за собаку, мы можем ее оставить.

Лиза не хотела верить своим ушам.

— Но мы же могли приготовить из нее еду!

Я посмотрел на лежащего в клетке пса:

— У нас будет свой собственный зоопарк. Мне это нравится.

* * *

Мушарраф и Панамериканский Фонд помогли нам сделать запас таблеток для собаки, а Джак заглянул в старинную базу данных и узнал, как срастить ей сломанные кости. Он даже купил фильтр для воды, чтобы собака могла пить.

Мне казалось, я сделал правильный выбор, поддержав Джака, но не мог подозревать, сколько хлопот доставит нам содержание в бункере неподвижного существа. Собака гадила по всему полу, иногда отказывалась есть, ее тошнило безо всяких причин, а восстанавливалась так медленно, что в конце концов нам всем пришлось стать сиделками, пока она лежала в клетке. Я опасался, что в одну из ночей Лиза свернет ей шею, но, несмотря на все жалобы, Лиза не уничтожила пса.

Джак пытался подражать Мушаррафу. Он разговаривал с собакой. Он провел массу времени в библиотеке и перечитал все, что мог найти о собаках из прошлых времен. Как они бегали стаями. Как люди разводили животных.

Мы сообща пытались определить, какой она была породы, но не могли даже сузить круг поисков, а потом Джак выяснил, что собаки разных пород могли спариваться и приносить потомство. Все, что нам удалось выяснить, это принадлежность пса к породе крупных овчарок, но с головой ротвейлера. Происходили собаки от волков или койотов. Джак решил, что этот пес произошел от койота, поскольку считалось, что они легче приспосабливаются к новым условиям. Кем бы ни были предки нашего пса, у него должен быть большой запас приспособляемости, чтобы выжить среди отвалов пустой породы. У него не было усилителей, как у

нас, и все же он выжил среди скал и кислотных отложений. Этот факт производил впечатление даже на Лизу.

* * *

Я проводил ковровое бомбометание над позициями Антарктических Отступников, загоняя отдельные группы противников на плавучие льды. Если повезет, я всю деревню загоню на опасный участок и потоплю раньше, чем они поймут, что происходит. Я спустил свой аппарат еще ниже, на бреющем полете выбросил очередной заряд, а потом поднялся вверх, чтобы уклониться от ответного огня.

Это занятие было забавным, но оно всего лишь помогало убить время между настоящими боевыми рейдами. Новый ВП должен быть не хуже, чем аркады, с полным погружением и обратной связью, более компактным. Некоторые так погружаются в игру, что прибегают к внутривенному питанию, чтобы не истощить себя, пока они находятся в виртуальном мире.

Я приготовился потопить целую толпу Отступников, но тут раздался крик Джака:

— Идите сюда! Вы должны это видеть!

Я сорвал очки и бросился в комнату наблюдения, чувствуя мгновенный прилив адреналина. С порога я увидел ухмыляющегося Джака, стоявшего посреди комнаты, а рядом с ним — собаку.

В следующее мгновение ворвалась Лиза.

— Что? Что происходит?

Ее взгляд сразу метнулся к мониторам в поисках нового повода для резни.

— Посмотрите сюда, — все так же ухмыляясь, предложил Джак. Он повернулся к псу и протянул руку. — Давай.

Пес сел на хвост и с серьезным видом поднял переднюю лапу. Джак радостно улыбнулся и пожал лапу, а затем бросил псу питательную таблетку. После чего повернулся к нам и отвесил поклон.

Лиза сосредоточенно нахмурилась:

— Сделай еще раз.

Джак пожал плечами и повторил все представление.

— Он способен думать? — спросила Лиза.

— Кое-что понимает, — уклончиво ответил Джак. — Его можно научить определенным вещам. В библиотеках полным-полно инструкций. Собаки поддаются дрессировке. Не так, как кентавры и прочие, но их все же можно научить некоторым

трюкам. А если собака подходящей породы, то она может работать.

— В качестве кого?

— Некоторых тренировали как охранников, другие разыскивали взрывчатку.

— Вроде ядерных зарядов и пластида? — с любопытством уточнила Лиза.

— Наверно, — пожал плечами Джак.

— А можно, я попробую? — спросил я.

— Подходи.

Я наклонился над псом и вытянул руку:

— Давай.

Он подал мне лапу. У меня даже волосы встали дыбом. Как будто посылаешь сигнал прищельцам с другой планеты. Конечно, мы уверены, что биороты сделают то, что от них требуется. Кентавр способен производить взрывы. Искать вражеские силы. Вызывать подкрепление. Поисковик Х-5 тоже на многое способен. Они все выполнят. Но они для этого и были созданы.

— Покорми его, — сказал Джак и протянул мне таблетку. — Собаку надо награждать, если задание выполнено правильно.

Я положил таблетку на ладонь, и длинный розовый язык прошелся по коже. Еще раз я протянул руку. «Давай». Пес снова поднял лапу, я пожал ее. Янтарно-желтые глаза серьезно смотрели прямо мне в лицо.

— Какая-то чертовщина, — бросила Лиза.

Я вздрогнул, кивнул и попятился. Пес проводил меня взглядом.

Позже вечером я лежал на своей койке и читал книгу. Все огни были погашены, только страницы книги испускали неяркое зеленоватое свечение. Да еще на стенах мерцали подаренные Лизой безделушки: бронзовая подвеска, изображающая взлетавшего из стилизованных языков пламени феникса, японская резная доска с изображением Фудзиямы и еще одна, где можно было разобрать целую деревню, занесенную снегом. Рядом висела фотография, на которой мы все трое, живые, радостно улыбались в объектив посреди ужасной бойни во время Сибирской кампании.

В комнату вошла Лиза. В зеленоватом свете книги блеснули лезвия на ее руках.

— Что ты читаешь?

Лиза разделась и скользнула в мою постель.

Я поднял книгу и стал читать вслух.

Порежь, и я не буду кровоточить.

Трави, я прекращу дышать.
Коли, стреляй, руби меня, круши,
Я поглотил науки
Я Бог.
Один.

Я закрыл книгу, и зеленоватое сияние погасло. В темноте под простыней пошевелилась Лиза. Зрение приспособилось, и я увидел, что она смотрит на меня.

— Это из «Мертвеца»?

— Это из-за собаки, — сказал я.

— Мрачное чтиво.

Она прикоснулась к моему плечу теплой рукой, вросшие лезвия легонько царапнули кожу.

— Мы были такими же, как этот пес, — пояснил я.

— Грустно.

— Ужасно.

Некоторое время мы оба молчали.

— Ты никогда не задумывалась, что бы с нами стало без наших наук? — заговорил я. — Если бы не было наших больших мозгов и технобионтии, и систем питания…

— И всего того, что делает жизнь лучше? — Она рассмеялась. — Нет. — Лиза провела ладонью по моему животу. — Я люблю всех этих червячков, что живут в твоей утробе.

Она начала меня щекотать.

Червячки кишат в желудке,
Червячки питают Нелли.
Микрочерви пьют отраву
И взамен питают нас.

Я со смехом попытался оттолкнуть ее.

— Это не Йеарли.

— Третья ступень. Основы биологики. Миссис Альварес. Она была знатоком червотехно.

Она снова попыталась меня пощекотать, но я отвел ее руки.

— Конечно, Йеарли писал только о бессмертии. Он бы этого не принял.

— Бла-бла-бла. Он не признавал никакой генной модификации. Никаких клеточных ингибиторов. Он умирал от рака и отказался от лекарств, которые могли бы помочь. Наш последний смертный поэт. Подумаешь, какая потеря. Что тут

такого?

— Ты никогда не думала, почему он так поступил?

— Думала. Потому что хотел стать знаменитым. Самоубийство очень сильно привлекает внимание.

— Нет, серьезно. Он считал, что быть человеком означает сосуществовать с животными. Он считал невозможным разрушать целостную ткань жизни. Я читал о нем. Это довольно странный тип. Он не хотел жить без них.

— Миссис Альварес его ненавидела. И даже сложила о нем какие-то стишки. В любом случае, что нам остается делать? Изобретать червотехно и ДНК-добавки для каждой неразумной твари? Знаешь, во что это обойдется? — Лиза теснее прижалась ко мне. — Если хочешь, чтобы вокруг тебя были животные, иди в зоопарк. Или создавай новые строительные сооружения, или делай то, что сделает тебя счастливым. Но, ради бога, что-нибудь с руками, а не то, что этот пес. — Она подняла взгляд к потолку спальни. — Я бы мигом приготовила этого пса на обед.

— Не знаю. — Я покачал головой. — Пес не похож на биоробов. Он смотрит на нас, и в его взгляде есть что-то, нам недоступное. Я хотел сказать, что любой биороб — это наша копия, только заключенная в другую форму. А эта собака…

Я задумался и умолк.

Лиза рассмеялась.

— Чен, вы с ним пожали друг другу руки. Но ты же не обращаешь внимания на кентавров, когда они отдают честь. — Она взобралась на меня. — Забудь о собаке. Сконцентрируйся на чем-нибудь, что действительно имеет значение.

Ее улыбка и ее лезвия блеснули в темной спальне.

* * *

Я проснулся оттого, что кто-то облизывал мое лицо. В первый момент я решил, что это Лиза, но она давно ушла в свою комнату. Открыв глаза, я обнаружил рядом с собой пса.

Смешно было наблюдать, как он вылизывает мне лицо, словно хочет поговорить, или просто поприветствовать меня, или еще что-то. Вот он снова лизнул щеку, и я подумал, что с тех пор, как он пытался оторвать руку Джака, прошло много времени. Пес поставил передние лапы на край кровати, а затем одним стремительным движением запрыгнул в постель и свернулся калачиком прямо на мне.

Так он проспал всю ночь. Странно было ощущать рядом с собой кого-то кроме Лизы, но тело пса было теплым и очень

приятным. Засыпая, я не смог удержаться от улыбки.

* * *

В отпуск мы отправились поплавать на Гавайи, и пса тоже взяли с собой. Вырваться из северных холодов в мягкий климат Тихоокеанского побережья было очень здорово. Приятно стоять на песчаном берегу и смотреть на безграничный горизонт. Приятно гулять по берегу, взявшись за руки, и слушать шорох черных волн, набегающих на песок.

Лиза прекрасно плавала. Она как доисторический угорь рассекала маслянистую пленку, и на обнаженном теле сверкали сотни крошечных нефтяных радуг.

Когда солнце стало клониться к закату, Джак поджег океан выстрелом из своего «сто первого». Мы уселись на берегу и смотрели, как красный шар солнца опускается в клубы черного дыма и его лучи с каждой минутой приобретают все более насыщенный багровый оттенок. Горящие волны лизали мокрый песок. Джак достал свою губную гармонику и стал играть, а мы с Лизой занялись любовью на песке.

В этот уикенд мы решили ампутировать ей руки, чтобы она сама испытала то, что пришлось почувствовать мне в наш прошлый отпуск по ее прихоти. Это занятие недавно стало новым увлечением в Лос-Анджелесе, его называли экспериментом по уязвимости.

Она выглядела очень красивой на песке пляжа, такой гладкой и все еще взволнованной после игр в воде. Я отсек руки Лизы, оставив ее беспомощной, словно ребенка, и стал слизывать блестящие нефтяные капельки с обнаженной кожи. Джак играл на своей гармонике, наблюдал за солнечным закатом и смотрел, как я занимаюсь Лизой.

После секса мы остались лежать на песке. Последний краешек солнца исчез в воде. Красные лучи еще скользили над дымящимися волнами. Насыщенное дымом небо стало еще темнее.

Лиза удовлетворенно вздохнула:

— Надо почаще приезжать сюда на выходные.

Я нащупал в песке обрывок колючей проволоки. Слегка потянув, я вытянул весь кусок и намотал его повыше локтя. Получился тугой браслет, впившийся колючками в кожу. Я показал его Лизе.

— Я всегда так делал, когда был ребенком. Думал, что выгляжу как настоящий гангстер.

— Ты такой и есть, — улыбнулась Лиза.

— Благодарю за признание.

Я взглянул на пса. Он лежал на песке неподалеку от нас. В новой обстановке, вдали от родных терриконов пустой породы и кислотных отстойников, он чувствовал себя тоскливо и неуверенно. Рядом с ним сидел Джак и продолжал играть. Он хорошо играл. Ветерок на пляже легко подхватывал грустный мотив и приносил его к нам.

Лиза повернула голову, чтобы посмотреть на собаку.

— Переверни меня.

Я выполнил ее просьбу. Отрезанные руки уже начали отрастать. Пока на плечах образовались небольшие культи, которые скоро превратятся в новые руки. К утру Лиза станет целой и очень голодной. Она окинула пса изучающим взглядом.

— Сейчас я к нему ближе, чем когда-либо, — сказала она.

— То есть?

— Он очень уязвим перед любыми воздействиями. Он не может плавать в океане. Не может есть что попало. Нам пришлось взять с собой еду для него. Приходится очищать воду для питья. Тупиковая ветвь эволюции. Если бы не наука, мы были бы такими же непрочными. — Она усмехнулась, — Я никогда не была так близка к смерти. Если не считать сражения.

— Здорово, правда?

— Только на один день. Когда я проделала это с тобой, мне понравилось гораздо больше. А сейчас я уже чувствую голод.

Я покормил ее пригоршней маслянистого песка и снова посмотрел на пса. Он неуверенно стоял на пляже и подозрительно обнюхивал обломок ржавого железа, торчащего из песка подобно гигантскому плавнику. Затем пес выкопал кусок красной пластмассы, обкатанной океаном, немного пожевал его и плюнул. Розовый язык стал усиленно облизывать морду. Неужели пес опять отравился?

— Это создание заставляет нас задумываться, — пробормотал я и скормил Лизе еще горсть песка. — Как ты думаешь, за кого примет нас человек, пришедший из прошлого? Признает ли он в нас людей?

Лиза окинула меня серьезным взглядом:

— Нет, он сочтет нас богами.

Джак поднялся и побрел на мелководье. Черная дымящаяся вода доходила ему до коленей. Движимый неведомым инстинктом, пес двинулся следом, осторожно ступая по насыщенному нефтью и мусором песку.

* * *

В последний день нашего отдыха пес запутался в клубке колючей проволоки. Он здорово пострадал: весь исцарапался, сломал лапу и чуть не удавился. Пытаясь освободиться, он почти отгрыз собственную ногу. К тому времени, когда мы его обнаружили, пес превратился в кровавое месиво из клочьев шерсти и зияющих открытых ран.

Лиза окинула взглядом животное.

— Господи, Джак, почему ты за ним не присмотрел?

— Я уходил плавать. Нельзя же постоянно следить за этим псом.

— На его восстановление теперь потребуется целая вечность, — сердито бросила Лиза.

— Надо разогреть поисковик, — предложил я. — Дома будет легче его лечить.

Мы с Лизой встали на колени и стали обрезать куски проволоки, чтобы освободить пса. Он скулил и слабо подергивал хвостом.

Джак молчал. Лиза шлепнула его по ноге.

— Давай, Джак, действуй. Если не поторопиться, он истечет кровью. Ты же знаешь, насколько он уязвим.

— Я думаю, нам лучше съесть его, — ответил Джак.

Лиза удивленно подняла голову.

— Ты так считаешь?

— Ну, да, — сказал он, пожимая плечами.

Я отвел взгляд от куска проволоки, обвившейся вокруг туловища собаки.

— А я-то думал, он стал твоим питомцем. Как в зоопарке.

Джак покачал головой.

— Эти питательные таблетки ужасно дороги. Я и так тратил половину заработка на его еду и питье. А теперь еще и это несчастье, — Он махнул рукой на стреноженного пса. — Да еще надо постоянно за ним присматривать. Он того не стоит.

— Но он же твой друг. Вы пожимали руки…

Джак рассмеялся.

— Это ты мой друг. — Он задумчиво нахмурился, глядя на пса. — А это… это животное.

Хоть мы и не раз обсуждали, какой вкус мог бы быть у собаки, было очень странно слышать от Джака предложение его убить.

— Может, лучше отложить решение до утра? — предложил я. — Мы отвезем его в бункер, перевяжем, а потом, когда ты будешь не так расстроен, можешь решать, что делать дальше.

— Нет. — Джак достал гармонику, сыграл коротенькую гамму и отложил инструмент. — Если ты согласишься оплачивать

его питание, я мог бы попытаться его вытащить. А так… — Он снова пожал плечами.

— Мне кажется, мы все же не можем его есть.

— Ты так думаешь? — повернулась ко мне Лиза. — Мы могли бы зажарить его прямо здесь, на пляже.

Я взглянул на изодранного, тяжело дышавшего, доверявшего нам пса:

— И все-таки нам не стоит этого делать.

Джак серьезно взглянул мне в лицо:

— Ты хочешь платить за его еду?

Я вздохнул:

— Я коплю деньги на новый Виртуальный Погружатель.

— Что ж, знаешь, я тоже хочу кое-что купить. — Джак напряг мускулы, демонстрируя свою татуировку. — Да и на что годится это несчастное создание?

— Он заставляет тебя улыбаться.

— ВП заставляет тебя улыбаться, Чен. Давай, признайся, тебе ведь тоже не хочется о нем заботиться. Это как заноза в заднице.

Мы переглянулись между собой, потом посмотрели на пса.

* * *

Лиза зажарила пса на вертеле, над костром, разведенным из обломков пластмассы и сгустков нефти, принесенных океаном.

Вкус нам понравился, но никто так и не понял, что в этом такого особенного. Мне приходилось есть зарезанного кентавра, и он был гораздо вкуснее.

Потом мы отправились прогуляться по пляжу. Фосфоресцирующие волны с шумом обрушивались на песок и отходили, оставляя сверкающие в последних красных лучах заката лужицы.

Без собаки мы могли свободно наслаждаться пляжем. Не надо было беспокоиться, чтобы пес не попал в тужу кислоты, или запутался в колючей проволоке, торчащей из песка, или съел что-нибудь, отчего его бы потом полночи тошнило.

И все же я не могу забыть, как пес лизал меня в лицо, как запрыгивал в постель, не могу забыть его теплое дыхание. Иногда я скучаю по нему.

Майкл Ф. Флинн
Ладони Бога

Перед вами врата, открывающиеся в иное измерение, за которым находится совершенно другой мир. Но, как узнает путешественник между мирами, как бы далеко от дома ты ни оказался, ты можешь столкнуться со слишком знакомыми проблемами.

Майкл Ф. Флинн родился в Истоне, штат Пенсильвания. Он получил степень бакалавра математики в колледже Ла Салле и защитил магистерскую диссертацию по топологии в университете Маркетт, после чего занимался промышленной инженерией и статистикой. После первой публикации в 1984 году Флинн становится постоянным и одним из наиболее публикуемых авторов журнала «Analog». Он печатался также в «Magazine of Fantasy & Science Fiction», «Asimov's Science Fiction», «Weird Tales», «New Destiniess», «Alternate Generals» и других изданиях и считается одним из лучших авторов «твердой» фантастики за последние десятилетия. Среди его книг: «В стране слепых» («In the Country of the Blind»), «Падшие ангелы» («Fallen Angels», роман, написанный в соавторстве с Ларри Пшеном и Джерри Пурнелом, «Огненная звезда» («Firestar»), «Магнитная звезда» («Lode Star»), «Блуждающая звезда» («Rogue Star»), «Падающая звезда» («Falling Star»), а также сборники рассказов «Лес времени и другие рассказы» («Forest of Time and Other Stories») и «Хроники нанотехнологий» («Nanotech Chronicles»). Последняя его работа — повесть «Крушение Звездной реки» («The Wreck of the River of Stars»). Его рассказы публиковались в пятом и двенадцатом ежегодных сборниках «The Year's Best Science Fiction». Сейчас Флинн живет в Эдисоне, штат Нью-Джерси.

* * *

Люди пришли в мир, которому они еще не дали имени. Врата распахнулись на чудесный луг в горах, где дни могли быть прохладными, но не холодными. Луг лежал в ладони горной долины, ниже линии леса и далеко от серой копоти города на

равнине. Возможно, эта отдаленность оказалась делом удачного случая, а не мудрого выбора. Врата открывались, где соизволит Бог, а человеку оставалось лишь принимать его волю. Однажды врата открылись посреди мрачной крепости, полной вооруженных и враждебных созданий, и что сталось с командой, никто не узнал, потому что привратник навеки запечатал их.

Здесь люди поставили шатер из яркой ткани среди высоких растений, которые можно было назвать деревьями, и ярких пятен, которые можно было назвать цветами, хотя то были не совсем цветы и не совсем деревья. Пестрая ткань нарушала гармонию луга. Цвета были чужими. Они подражали расцветкам иных миров и здесь казались не совсем уместными. Но это было даже к лучшему. Люди и сами казались здесь не совсем уместны, и им приятно было видеть в чужом окружении что-то привычное.

Они выстелили шатер изнутри мягкими подушками и подвязали веревками борта, чтобы открыть дорогу прохладному ровному ветерку, тянувшему с востока. Они заполнили кладовки дынями, и финиками, и другими восхитительными лакомствами и расстелили молитвенные коврики. Хотя никто не знал, в какую сторону обращать лицо при молитве — звезды в ночном небе не давали подсказки, — но сами врата могли сойти за михраб.[15]

Люди провели день и ночь, привыкая к чужому солнцу, изучая воду и воздух, удивительные растения и живых существ, каких удалось поймать. Они давали всему знакомые названия: кролик, коза, ласточка, кедр, — и некоторые из названий были оправданными. Они растянули двадцать четыре часа своих суток, чтобы заполнить чуть более долгий здешний день. Ко второму вечеру они стянули с себя защитные костюмы и ощутили кожей солнечный свет, и ветер пошевелил им волосы. Хорошо было вдохнуть в себя большой мир, и множество неведомых ароматов дразнили обоняние.

Обследовав долину, они открыли большой водопад и, очарованные им, провели еще одну ночь и день у его подножия. Поток низвергался в долину с высоты, где вечно падает и вечно тает снег. Он рушился с небес, грохоча, как глас Бога, и от него поднимался туман, именем которого они назвали горы, и в нем играл калейдоскоп радуг. За века струя выбила в основании скалы пруд неведомой глубины. Куда и как уходила вода из пруда, Бог не открыл. Подобного ему не было в известных мирах.

Потом они забились в шатер, и пересматривали планы, и проверяли оборудование, и собирали те приборы, которые требовали сборки. Потом они отослали одного из своих охранять врата, через которые прошли, а остальные принялись изучать странный народ на равнине внизу.

* * *

Первым среди них был Хасан Маклуф, человек, прошедший семнадцать миров и принесший из них семнадцать ран. В десять из этих миров он шел за другими, в семь другие шли за ним. Из четырех он бежал, спасая жизнь. Двум подарил любовь. Он вышел на край чаши долины и с крутого утеса рассматривал равнину в бинокль. Кто ты, спросил он раскинувшуюся под ногами планету, убийца или возлюбленная? Ответ, словно морское дно, остался сокрытым.

— Чудесное место, — объявил, встав рядом с ним, Башир аль-Джамаль, сияя так, будто сам устроил этот мир.

Башир приходился Хасану двоюродным братом, и это был его первый выход. Юноша, только что выпущенный из Школы Врат, кипел наивностью и восторженностью. Хасан обещал деду, что младший внук вернется. «Со шрамом, — сурово сказал старик. — Не стоит труда идти путем, с которого возвращаешься без шрамов». Впрочем, их дед был бедуином, а это суровый народ, и дороги его всегда трудны.

— Вода чистая, воздух прозрачный, — продолжал Башир. — Никогда я еще не разбивал лагеря в таком красивом месте.

Хасан не отрывал взгляда от равнины.

— Мне приходилось видеть, как красота убивает людей.

— Ну, биохимия здесь наверняка настолько отличается, что здешние звери сочтут нас несъедобными.

Хасан опустил бинокль и оглянулся на брата:

— До или после того, как откусят кусочек?

— Ах, — Башир склонился перед старшим, благодаря за наставление, — ты — источник мудрости.

— Я еще жив, — пробормотал Хасан, снова поднимая бинокль, — Если хочешь, считай это признаком мудрости.

— Во всяком случае, мы можем изучать этот мир, оставаясь невидимками, — не сдавался Башир. Лишенный одного повода для восторга, юноша немедля ухватился за другой. — По всем признакам местные здесь, наверху, не бывают.

— Возможно, это одна из их святынь, — предположил Хасан, — а мы ее оскверняем. Бог даровал каждому народу место, более святое, чем все прочие.

Башир был непоколебим.

— Этот луг Он вполне мог даровать, но, по-моему, он находится слишком далеко от людей.

Хасан хмыкнул и опустил бинокль.

— Я поставлю здесь наблюдателя и расположу приборы слежения, чтобы ничто не могло незаметно приблизиться с этой

стороны.

— По отвесной скале?

— Может быть, у обитателей этого мира на ступнях и ладонях присоски. Может, у них есть крылья. Или нет ничего, кроме ума и упорства. — Хасан сложил бинокль и убрал его в чехол. — Таких я боюсь больше всего.

* * *

Вот как они попали туда, на чудесный луг в Туманных горах.

За этим миром лежит «темная материя». Она называется «другая брана» и не так уж далека, если не считать того, что находится с другой стороны. Она позади нас, под нами, внутри нас. Они так же близки, как две ладони, сошедшиеся в хлопке, и так же далеки. Однажды они уже хлопнули друг о друга — эта брана и другая, — и из эха и сотрясения того Большого Хлопка явилась материя, и энергия, и галактики, и звезды, и планеты, и цветы, и смеющиеся дети. Новый хлопок покончит со всем этим, и многие мудрецы всю жизнь бились над вопросом, сближаются ли они друг с другом. Но, чтобы решить его, им пришлось бы научиться делать замеры с другой стороны, а это трудно.

Хасан про себя называл две браны «Ладонями Бога»: словами одного из тайных речений Пророка, мир Ему. Но он не видел причин беспокоиться, сходятся ли они для хлопка, ибо все будет так, как захочет Бог. Что тут, в конце концов, можно сделать? Куда бежать? «Горы так же зыбки, как облака», — так звучит фикх[16] акиды[17] Ашари,[18] и все школы, охотно или нет, соглашаются с ним.

Что можно делать, так это проходить сквозь другую брану. Этому люди научились. Другая брана, подобно нашей, раскинулась в трех пространственных и одном временном измерении, но в ней нет ни планет, ни пустого пространства: лишь бесконечная, однообразная равнина, рассеченная бесформенными провалами и буграми. А может быть, там нет ничего подобного, и равнина — лишь иллюзия, созданная разумом, столкнувшимся с чем-то, непостижимым для человеческих чувств.

Пересечь другую брану трудно, потому что путь от одного маяка врат до другого нужно проделать быстро и без задержки. Где-то в глубинах времени, которое было до самого Времени, таится асимметрия, нарушение парности. Промедление подобно гибели. Одни материалы и энергетические поля выдерживают дольше, чем другие, но в конечном счете все они чужды этой

чужой земле, и эта земля их поглотит. Кто из людей посмел бы столкнуться с такой угрозой, если бы наградой не была целая Вселенная? Потому что в другой бране метрика пространства иная и несколько шагов в ней равны прыжку в несколько световых лет в родном мире.

* * *

Сколько световых лет, никто из людей не знает. Хасан объяснил это Баширу на вторую ночь, когда, изучая чужое небо, брат спросил его, у которой из звезд находится Земля. Другого ответа на его вопрос не было. Известна ли на Земле хотя бы Галактика, в которой лежит эта планета? Сколько световых лет преодолели их неповоротливые *инобусы*, и в каком направлении? И даже если земное Солнце видно на небе этой планеты, это Солнце им не знакомо. Скорость света не связывает Вселенную, но ограничивает человеческое познание, потому что, странным образом, *место* есть *время*, и вся человеческая мудрость и человеческое познание — лишь круг от огня свечи в непрерывно расширяющейся тьме. Никто не может видеть дальше или быстрее, чем свет, который он видит. И потому видеть можно только ограниченную временем сферу в сиянии квазаров. А теперь они шагнули в круг света от другого костра, где-то в бесконечной пустыне ночи.

— Звезды, которые мы видим с Земли, — объяснил Хасан, — это звезды, какими они были, когда испускали видимый нам свет, и чем дальше мы заглядываем в небо, тем дальше уходим в прошлое. Здесь мы видим звезды с другого места и, значит, в другое время.

— Не могу понять, — признался Башир.

Конечно, ему объясняли все это в школе, и он выучил факты достаточно хорошо, чтобы сдать экзамен, но он их еще не знал.

— Представь себе звезду в миллионе световых лет от Земли, — заговорил Хасан, — и представь, что этот мир лежит на полпути между ними. Отсюда мы видим ее такой, какой она была всего пятьсот тысяч лет назад, как будто видим ребенка, поглядев сперва на взрослого мужчину. За это время звезда переместилась. Может быть, изменила цвет или яркость. Так что мы увидим другую звезду и в другом месте. Ах, брат, каждый раз, перешагивая порог врат, мы находим за ним не просто другой мир, но другую Вселенную.

Башир вздрогнул — может быть, от вечернего ветра.

— Мы тут как будто отрезаны от всех и одиноки. Мне это не

нравится.

Хасан улыбнулся про себя.

— Никто и не просит, чтобы тебе нравилось.

Он повернулся к шатру, где шумно спорили остальные, но Башир задержался немного, обратив лицо к небу.

— Мне так одиноко, — сказал он тихо, но не так тихо, чтобы Хасан не услышал.

* * *

Они изучали мир всеми доступными им средствами: его физику и химию, биологию, технологии и общественное устройство. Дело усложнялось присутствием живых существ — к тому же разумных существ — прежде всего нужно было изучить население; а это означало наблюдать, оставаясь невидимыми, потому что акт познания изменяет и познающего, и познаваемое. А изучить даже малый мир — это немало. Единственный цветок таит в себе безграничное множество тайн.

Они изучали саму планету. Каковы ее размеры? Плотность? Где на ее поверхности открылись врата? Насколько удалена она от своей звезды? Сунг отмечал время восхождения солнца, лун и звезд.

Они собирали образцы флоры и фауны в долине, исследовали их организацию, строение клеток. Мизир обнаружил молекулы, напоминающие ДНК, но с некоторыми отличиями. Они мысленно разбивали существ на семейства и классы, не осмеливаясь пока на более точную классификацию.

Ладаван и Янс запускали маленьких бесшумных птиц, сверхлегких и питающихся солнечным излучением, которые наблюдали и слушали там, куда не могли добраться люди. Брюшная сторона этих зондов отображала вид неба, переданный верхними микрокамерами, и таким образом они становились практически невидимы, позволяя телепилотам записывать происходящее.

— Никакой радиосвязи, — пожаловался Сунг, и Хасан, знавший, что тот всегда предпочитал простые пути, посмеялся про себя.

— Придется подсаживать им жучков, — обратился он к команде, когда они собрались для обсуждения первого запуска. — Иначе языка не изучить — мы их не слышим.

— У них нет языков, — сообщил Мизир, не столько жалуясь, сколько радуясь трудностям. — Звуки они издают и общаются, несомненно, посредством звуков, но каким образом их

производят, не понимаю.

— Попробуйте обнаружить тело, — обратился Хасан к телепилотам. — В городе могут оказаться морги. — Он указал на окутанные темным дымом постройки, примостившиеся на краю далекого океанского залива. Океан здесь был синим и холодным.

— Хорошо бы получить образцы тканей, — вставил Мизир, без особой надежды на такую роскошь.

— В начальных школах могут найтись простейшие образцы письменной речи, — заметил Башир. Он руководствовался стандартным перечнем мероприятий при исследовании обитаемых миров, заученным в школе, однако Хасан с удовольствием отметил, что у мальчика хорошая память.

— Дым от угля, — объявил на следующий день Клаус Альтенбах, получив данные зонда, производившего лазерное исследование излучений от здания, в котором они заподозрили фабрику, — или от какого-то другого углерода. Торф? Только не нефть — те бункеры заполнены чем-то твердым. Технология эквивалентна середине девятнадцатого века… общего летосчисления, — тут же добавил он. — Думаю, к тем причалам вот-вот подойдут пароходы. — На вопрос Ладаван, откуда, по его мнению, могут прийти корабли, он только пожал плечами: — Раз есть горизонт, за ним что-нибудь да скрывается.

— Город выглядит странно, — сказал Мизир. — Хотя в чем странность, сказать не могу.

Янс Дарби почесал затылок:

— На мой взгляд, ничего особенного. Кроме самих горожан.

— В сущности, они довольно изящны, — снисходительно заметила Иман, — когда привыкнешь к их необычности. Очертания плавные и тонкие. Наверняка у них есть искусство. Здания простой формы — коробки да башни, но все поверхности покрыты резьбой. Ищите скульптуру и живопись. — И она занялась изготовлением манекена, изображающего представителя разумной жизни.

— Так много еще надо узнать! — ошеломленно проговорил Башир.

По молодости лет он еще дивился всему подряд; но мир невозможно узнать, откусывая по кусочку. Его надо проглотить целиком, однако такое невозможно.

— Все равно что выпить Нил, — буркнул Мизир. — Можно потратить всю жизнь и даже начала не увидеть.

— Ну, начало-то мы увидим, — сказал Хасан.

Беспокоило его и не давало уснуть по ночам опасение, как бы не увидеть конца.

* * *

Так и шло. Летали зонды. Цифровые снимки загружались на мозаичную карту форм ландшафта вместе с образцами почвы и растительности. (Сунг мечтал запустить спутник на низкую орбиту.) Ночью они рассеяли вокруг города невидимые уши и собирали урожай вавилонского столпотворения звуков, в которых Разум вычленял систему и отдельные повторы. (Разум уже выдал заключение, что используются два языка, и углубился в размышления над ними.) Мизиру приходилось пока удовлетворяться теми образцами, что попадались в окрестностях. «Высокогорные виды, — ворчал он. — Насколько они представительны для побережья и дельты?» Клаус обнаружил железную дорогу, уходящую с дальней окраины города. «Надо же им как-то завозить уголь, — пошутил он, — а на мулах было бы неудобно». Они использовали паровые двигатели с шарообразными котлами.

Баширу хотелось дать миру название.

Старики — Хасан, Сунг и Мизир — редко утруждали себя такими вопросами. Рано или поздно планета заговорит и откроет свое имя. До тех пор Хасан предпочел бы называть ее просто «Мир». Однако когда на седьмой день во время очередного совещания Башир поднял эту тему, Хасан не стал вмешиваться.

Они развалились на подушках, ели финики и сыр. Янс Дарби, как и Башир, недавний выпускник Школы Врат, подбрасывал кусочки еды странным зверькам, приманивая их к себе, пока его не выбранила за это Иман. То, что угощение несъедобно, не помешает животным его проглотить, а кто знает, что из этого выйдет? Сунг расположился чуть поодаль, на высоком сиденье у стола с распечаткой карты, и вместе с Клаусом и Ладаван прослеживал географию и дорожную сеть по световой карте. Призрачная сфера плавала в воздухе над проектором: вся черная, неизвестная, кроме светящейся точки их лагеря, — и они еще не знали, правильно ли ее расположили.

Хасан вышел из шатра и остановился под незнакомыми, далекими звездами. Он держал в руке чашку нектара и рассматривал голограмму экологии местной фауны на дисплее, прослеживая пищевые цепочки, почти наугад выведенные Мизиром. «Как странно, — думал он, — и как похоже». Бог — гончар, а природа — резец в Его руке. Повсюду, где возникает жизнь, Он придает ей единые формы. И здесь тоже одни существа напоминали мышей, а другие — ястребов, хотя в деталях они сильно отличались от земных. Прежде всего, у мышей было по шесть ног — особенность, на много часов занявшая внимание

Мизира, — а у ястреба когти располагались на лапах и на концах крыльев, скрываясь под покровом перьев.

Иман закончила изображение разумного существа и поставила его у входа в шатер. Никто не знал, мужчина это или женщина и уместно ли здесь подобное разделение. Манекен был выше человеческого роста и в покое принимал странную форму синусоиды, напоминая поднявшуюся для броска кобру. Тело с двусторонней симметрией, однако с двумя парами рук и двумя ногами. Большие руки росли из середины тела; манипуляторы меньшего размера располагались выше. Одна пара заканчивалась когтями, другая — щупальцами. На ступнях тоже были когти, но более тупые. Мизир считал, что предки местных жителей тоже были шестиногими, подобно множеству существ, шнырявших по лугу, и что большие руки развились из средней пары ног.

— Грызуны, — приговаривал он, располагая их изображение на своей схеме, — или потомки грызунов.

— Однако у твоих «грызунов» имеется инстинкт защиты участка, — сказала ему тогда Иман, — а грызунам это несвойственно.

— Во Вселенной все одинаково, — философски заметил Мизир, — однако и различно тоже.

На верхней части тела находился орган, напоминающий мяч для регби, расположенный как для бокового удара. Кожа была гладкой, без волос и перьев, зато с маленькими пластинками-лепестками, будто строитель выложил крышу черепицей. Окраска кожи была темно-лазурной, как чистое небо над пустыней, с более темными пятнами на спине. В толпе на улицах Мизир высмотрел и других — более высоких и стройных, с кожей цвета кобальта, — те, по его мнению, могли развиться в тропических областях.

Мир был богатым. Разнообразным. Здесь было много рас, много языков. Были альпийские луга, травянистые плато и заросли в дельтах рек. Сколько эпох он просуществовал? Что скрывал за горизонтом? Они сумели ухватиться за самый краешек. Они никогда не узнают его истории, вряд ли разберутся в его культуре. Город под ними — черный от копоти, бурлящий жизнью — это вершина цивилизации или застойная заводь технологии и культуры? Позднее они разошлют зонды в дальние разведывательные полеты, но и тогда лишь поскребут по поверхности. «Люди придут сюда на годы, — размышлял Хасан, — быть может, на поколения. Но и тогда узнают лишь немногое».

У существа на модели не было лица.

Были усики, в которых Мизир признал органы осязания; были

желатиновые лужицы, напоминающие глаза. Были отверстия, в которые, как заметили исследователи, аборигены ложками закладывали пищу. Но все они не складывались в лицо. По правде сказать, рот помещался на туловище. Усики колебались над мячом для регби, как антенны. Заполненные желатином впадины безо всякой симметрии распределялись вокруг «головы», но были и другие ямки, с виду пустые, и большая дугообразная впадина на месте, где у человека располагается рот, хотя это отверстие не было ртом.

— Они в самом деле красивы, — сказала Иман.

Она вышла к Хасану, пока остальные шумно обсуждали название планеты. Хасан кивнул, не соглашаясь, а показывая, что слушает. Его взгляду аборигены представлялись жуткими, неестественно изогнутыми и рябыми, как после оспы. Но это оттого, что взгляд его искал симметрии, которой здесь не было.

— Возможно, и красивы, хотя несколько отличаются от жизненных форм, которые Мизир обнаружил здесь, наверху, — сказал он. — Я думаю, они пришлые. Этот твой народ пришел откуда-то еще. Может быть, из-за океана.

— Может быть, — признала она. — Сунг говорит, вся прибрежная равнина не принадлежала этому континенту, и от ее столкновения с материковой сушей возникли Туманные горы.

— Я все пытаюсь увидеть лица, — сказал он ей. — Знаю, что их нет, но сознание упорно рисует ноздри и уши. Кажется, будто они мне улыбаются.

— Матрица распознавания, — кивнула Иман. — Человек может увидеть лик Исы, хвала ему, в картофелине, или шайтана в клубах дыма.

— Меня это беспокоит. Мы должны видеть этих людей, как они есть, а не такими, какими их считаем.

— В Мире Конканона было проще, — сказала она. — Там аборигены походили на цветы.

— Неужели?

— Немножко. Они летали.

— А…

— Выбрасывали пар из концов стеблей. Передвигались короткими скачками. Но в цветке мы не ищем лица.

— А вот я всегда путал тебя с лилией.

Иман отвернулась от него, притворяясь, что заинтересовалась спором в шатре.

— Ты не хочешь назвать его Миром Маклуфа? Глава команды имеет право…

Хасан покачал головой:

— Я как-то встречался с Конканоном. У него самолюбия

хватит на целый мир. Я не так тщеславен. Как, по-твоему, нам его назвать?

Иман поджала губы, поправила хиджаб под подбородком. Лицо ее было бледным кругом в окружении клетчатой красно-белой материи — такие платки носят в долине Иордана.

— Надо узнать, как называют его аборигены на своем языке.

Хасан рассмеялся:

— Наверняка «Мир», и скорее всего, на сотне языков, причем большую часть этих языков мы и не услышим никогда.

— Шангри-ла![19] — донесся из шатра громкий голос Башира, и Хасан обернулся к нему.

Янс хлопнул в ладоши:

— Превосходно. Это и впрямь настоящий рай.

Клаус медленно кивнул, и его поддержали Ладаван и Халид, привратник. Сунг промолчал, глядя на Хасана.

— Нет. — Хасан шагнул в шатер. — Опасно так называть мир, и тем опаснее, что это имя внушает спокойствие. Каждый раз, услышав его, мы будем считать его все менее угрожающим.

— А разве это не так? — спросила Иман.

Хасан оглянулся и увидел, что она водит ладонью по мускулистой большой руке своего творения.

— Не знаю, — отозвался он. — Я еще не знаю, что он прячет.

— Прячет? — переспросил Башир, — Что же он может прятать?

Сунг насмешливо хмыкнул, но Хасан не торопился отвечать.

Он смотрел на Иман, которая все гладила статую.

— Ну а ты бы как его назвал? — с вызовом спросил Янс.

— Право выбора за тобой, Хасан, — напомнил Мизир.

— Если вы непременно хотите назвать этот мир, — проговорил Хасан, снова выглядывая из шатра на чужие созвездия в небе, на лишенное выражения, неподвижное «лицо» статуи, — если непременно нужно имя, зовите его Аль-Батин.

Мизир застыл, Башир с Халидом переглянулись. Иман слабо улыбнулась.

— Это значит, «тайный», — шепнула она остальным.

— Не совсем, — поправил Хасан.

— Это одно из имен Бога, — возмутился Мизир. — Нельзя так называть планету.

— Название подойдет, — сказал Хасан, — пока Бог таит от нас ее природу. А потом… потом увидим.

* * *

Они назвали город Восточным Портом, по его расположению в широкой дельте. От устья быстрой реки к морю тянулся глубокий залив — и на нем стояли причалы, доки и склады. Это они сумели узнать из сонарных изображений, переданных высотными зондами. Почему в доках нет кораблей, зонды объяснить не могли.

К югу и западу от города лежала равнина, покрытая зеленеющими всходами, из чего они сделали вывод, что здесь сейчас поздняя весна. Растения были раскидистыми и широколистными, как клевер, и неясно было, используются ли они в пищу батинитами или идут на корм скоту. Бороны и культиваторы тянулись за упряжками шестиногих животных, у которых когти на средних и задних парах ног были почти не видны под копытообразным наростом. На передних ногах виднелись раздвоенные копыта. Само собой, команда окрестила их «лошадьми», хотя сложением животные скорее наводили на мысль о «быках».

Одна поляна была ухожена лучше других и покрыта тонким плотным ковром восковых, толстолистных, желто-зеленых растений, из которых здесь и там поднимались яркие цветы на высоких стеблях и красиво расположенные кусты. Образчик «травы» в растертом виде издавал приятный запах — нечто вроде ладана. Парк — они решили, что это парк — был разбит на возвышенности, так что с него открывался вид на город, порт, и видно было Восточное море. Погода становилась теплее, и группы батинитов все чаще выбирались из города, чтобы провести там вечер или встретить закат, переправляя еду из корзин в отверстые животы и глядя, как молодежь скачет и кувыркается на мягкой маслянистой травке.

Дорога, которую они назвали Большой Товарной Дорогой, уходила из города на юго-восток. Вблизи города она была вымощена плоскими каменными плитами, и по ней тянулся пестрый поток транспорта: экипажи, напоминающие ландо, и красивые открытые повозки, прозванные Янсом «телегами», и фургоны, нагруженные товаром и покрытые полотняными навесами, с козлами для возницы, погонявшего шестерную упряжку необыкновенно длинными кнутами.

Сами батиниты носили одежду всех цветов, от тускло-коричневого до радужного оперения райской птицы, соответственно случаю и настроению. Иман уверяла, что у них есть вкус к красоте, хотя их понимание красоты отличалось от земного. Она проводила свободное время; приспосабливая местные моды к человеческому сложению и фигуре — потому что в земных городах был большой спрос на иномирные ткани и

наряды.

От Большой Товарной Дороги ответвлялась другая, уходившая на северо-запад к перевалу горного хребта, к которому принадлежали и Туманные горы. Удаляясь от города, дорога теряла парадность, подобно крестьянину, который, выбравшись из города, избавляется от праздничного костюма: сперва она превращалась в гравийное шоссе, потом в земляной проселок, пропитанный маслянистым воском, и, наконец, на пологом серпантине к перевалу — в грязную колею. Зонды, посланные за перевал, вернулись с изображениями второго, далекого города, меньшего, чем Восточный Порт, лежащего в плодородной горной долине. Дальше, на пределе разрешающей способности приборов, начинались засушливые земли, переходящие, кажется, в пустыню.

* * *

— Довольно энергичный народ, — заметил Хасан. — Шумные, деловитые, как американцы. Непрестанно чем-то заняты.

— Вот почему город выглядит так странно! — воскликнула Иман с торжеством, удивительным после многонедельных наблюдений, словно социолог только сейчас впервые заметила батинитов. — Видите? — обратилась она к остальным. — Они и есть американцы! Смотрите, улицы — как по линейке. Все по плану. Только у гавани изгибаются и блуждают свободно. Этот город не рос сам собой, а был посажен и выращен. Ты был прав, Мизир, они пришли из-за Восточного моря.

* * *

В самом деле, бойкий народ. Двое детенышей, проказничая в арке, налетели с разбегу на ствол шестикедра и свалились, оглушенные. Родители бросились их утешать. «Трое родителей», — отметила Иман и задумалась, каковы их роли. А может, третий — дядюшка, тетушка или старший брат? Зато утешающие движения во всех мирах похожи, и щупальца способны ласкать и гладить не хуже рук.

— Они привязаны друг к другу, — сказала тем вечером Хасану Иман.

— А кто не привязан? — отозвался он, вставая с дивана и выходя из шатра в ночь.

Сверху Восточный Порт казался тусклым оранжевым заревом.

В сотнях тысяч ламп горело масло, которое получали из ароматной травы. Иман вышла следом и открыла рот, собираясь заговорить, но Хасан остановил ее, тронув за локоть и указав на тень Башира, сидевшего на подушке, припав к биноклю ночного видения. Они тихо отошли к шатру Хасана. В шатре Хасан сел на оттоманку, а Иман встала у него за спиной, разминая ему плечи.

— Мышцы так свело, — пробормотала она, — словно ты носишь тяжелый груз.

— Да ничего особенного. Всего один мир…

— …сказал Атлас. — Она ущипнула посильней, и Хасан поморщился. — Тебе этот мир не изменить, что бы ты ни делал. Ты только наблюдаешь.

— Люди придут сюда полюбоваться чудесным водопадом, или за благовониями из масляной травы, или ради новых мод и покроя одежды. Рано или поздно их заметят.

— Ну так что ж? Будет лучше и нам, и им. Когда-нибудь мы познакомимся с ними, станем торговать, слушать их музыку, а они — нашу. Вопрос только в том, когда и как. Мне кажется, твоя ноша много легче целого мира.

— Пусть так. Вас восемь. Тоже немалый груз.

— Что, Сунг и Мизир младенцы, чтобы ты менял им пеленки? И я?

Она встревожила его, вызвав неприятные мысли. Он поднял руку к плечу и удержал ее пальцы:

— Наверно, пока хватит.

— Значит, я такая обуза?

— Не в том дело. Ты меня пугаешь. Я не знаю, кто ты такая.

— Я проста, как букварь. Меня может прочесть первоклассник.

— Я не то хочу сказать.

— Ты гадаешь, что скрывается под хиджабом? Я могу его снять.

Его словно пронзило раскаленным мечом. Он повернулся на подушках, и Иман невольно шагнула назад, выставив перед собой сцепленные руки.

— Мы с тобой впервые в одной команде, — сказал он ей. — Что ты обо мне знаешь?

— Я знаю, что Башир — не такая тяжесть, как ты думаешь.

Хасан помолчал.

— От твоих заверений он не станет легче.

— Что с ним здесь может случиться?

— Думаю, почти ничего, — неохотно признал он, — и это опасно, потому что следующий его мир может оказаться не столь гостеприимным.

— По-моему, ему нравятся батиниты.

— Они легко могут понравиться.

— Таких народов больше, чем ты думаешь.

— Я думаю, что ты лысая. То есть под хиджабом. Лысая, и уши у тебя острые, как ракушки.

— Ах какой ты льстец! Может, нам больше не работать в одной команде? Ты уйдешь за врата, я — за другие, и любой из нас может не вернуться назад.

— Я не шиит.[20] Я не практикую мута'а.

Лицо Иман застыло в непроницаемую маску.

— Вот о чем ты думаешь? Временный брак? Так, может, ты меня и вовсе не знаешь. — Она прошла к полотняному пологу и остановилась, уже пригнувшись, чтобы выйти наружу. — Они черные, — бросила она, чуть обернувшись к нему. — Черные, и очень длинные, и, если верить моей матери, мягкие как шелк. Что касается ушей, за них ты еще не заплатил.

С этими словами она исчезла. Хасан решил, что они поссорились. «По праву старшинства, — думал он, — я могу взять ее вместе с Сунгом и Мизиром в следующий выход». Он мог это устроить. В Доме Врат многие начальники были перед ним в долгу.

* * *

На следующий день Хасан отправил Башира на Землю за припасами и, учитывая его молодость, послал с ним Мизира и Халида как водителя инобуса. Они увозили заполненные информацией диски и ящики с образцами для исследований.

— Проверьте калибровку часов, — напомнил им перед выходом Сунг. — Время в другой бране течет иначе.

— Спасибо, дедушка, — усмехнулся Халид, совершающий далеко не первый рейс. — А я и не знал.

— Нахал, — пожаловался потом Сунг Хасану. — Напомнить никогда не вредно.

— Неспокойно мне с одним оставшимся грузовиком, — вставил Янс. — Понимаете, о чем я? Если придется срываться в спешке, нам со всем снаряжением в нем не уместиться.

— Срываться? — Сунгу это слово показалось родственным «нервному срыву».

— Никогда заранее не знаешь.

Глубокомысленное замечание Янса так ничего и не объяснило Сунгу.

* * *

В тот же вечер Клаус с загадочным видом обратился к Хасану:

— Вот последние съемки города шестиножек.

— Не зови местных жителей «шестиножками». Что там на видео?

— Я надеюсь, что ты мне объяснишь.

Как правило, Клаус избегал уклончивых ответов. К фактам он относился по-немецки. Ел их сырьем, без соли, и подавал в том же виде. Была в этом какая-то жестокость, ведь факты бывают жестковаты, а попадаются и острые. Такие трудно проглотить и лучше сперва пожевать, чтобы размягчить немного.

Съемки проводились ночью, и ночные объективы придавали изображению зеленоватые светящиеся оттенки. Счетчик времени в нижнем правом углу показывал три часа местного времени. Зонд производил разведывательный полет над приливной полосой к северу от города — на предыдущих снимках Мизир высмотрел там каких-то любопытных роющих животных, — а при возвращении проходил над городом. Движение на улицах активировало системы наблюдения.

— Очень необычно, — повторял Клаус. — Очень необычно.

Насколько необычно, Хасан не взялся бы сказать. Возможно, у батинитов была привычка просыпаться задолго до рассвета и толпами выходить на улицу, хотя прежде за ними такого не замечалось. Как бы то ни было, они показывались во множестве: на балконах, на крышах, на карнизах, собирались группками у дверей зданий. Все смотрели в небо в терпеливой неподвижности, которую Хасан невольно истолковал как ожидание. Зонд кружил над городом — его маломощный Разум распознал в необычном поведении горожан некую аномалию. Наконец сперва один из аборигенов, за ним другие принялись указывать на небо, проявляя признаки возбуждения, касаясь друг друга и указывая щупальцами верхних рук.

— Увидели зонд? — спросил Хасан. Верилось в это с трудом: зонд был искусно замаскирован и тем более невидим в ночное время. — Может быть, они улавливают тепловое излучение двигателя?

Мизир уже высказывал догадку, что некоторые из желатиновых лужиц на головах аборигенов чувствительны к инфракрасному излучению.

— Нет, — возразил Клаус. — Обратите внимание, куда они смотрят. На восток, а не в зенит.

— Как понять, куда они смотрят, если у них нет лиц?

В самом деле, трудно было что-нибудь разобрать в

неестественной передаче ночного видения. Все расплывалось по краям, изображение колебалось.

— Смотри на положение тел. Я исхожу из того, что они смотрят, куда идут. Резонно, не так ли?

— Резонно, — согласился Хасан. — Хотел бы я понять, что за резон им разгуливать по ночам?

— Их встревожило какое-то небесное явление. Обратись к Сунгу. Он любит тайны и загадки.

Хасан мысленно пообещал себе поговорить с Сунгом, но тут что-то на экране зацепило его взгляд. Вот в чем дело…

Все горожане молитвенно простирались ниц, а один стоял на коленях, выпрямившись и выделяясь из общей массы. Все бросились бежать, а этот один оставался неподвижным. И, когда все смотрели на восток, этот поднял взгляд к небу и, казалось, смотрел прямо в глаза Хасану.

То есть прямо на зонд.

— Вот этот, — указал Хасан, останавливая кадр. — Что ты о нем думаешь?

— Ага… Я его раньше не замечал. — Клаус присмотрелся. — Возможно, еретик. — Смешок застрял у него в горле. — Никого не хочу обидеть.

Хасан не понял. Ему в голову не приходило обижаться. Только потом Мизир напомнил ему, что, в представлении европейцев, Мекка неизменно расположена на востоке.

К вечеру очень довольный Сунг объявил:

— Планета. В большинстве систем больше одной планеты. Ее восхождение что-то значит для шестиножек.

— Не называй их шестиножками. Отчего бы ей придавали особое значение?

Сунг изобразил терпеливое неведение.

— Она может отмечать начало праздника. Рамадан, Пасху, карнавал…

— Рамадан — не праздник.

— Заблуждения Запада трудно поддаются исправлению, — отозвался Сунг. Хасан никогда не мог уверенно определить, когда тот шутил, а когда нет. — Сейчас это самый яркий из небесных объектов, — продолжал геофизик, — не считая внутренней луны. Возможно, эта ближайшая планета на внешней по отношению к звезде орбите. Голубоватого оттенка, так что там может быть вода. Возможно, в этой системе два обитаемых мира!

На следующий день туземцы перемещались по городу с оружием.

До сих пор в городе не заметно было признаков военной организации, а теперь горожане маршировали по полям к югу от

города, передвигались перебежками, прыгали, учились заряжать свои длинноствольные ружья. Они шли колоннами и рядами, выполняли сложные балетные движения под ритмичные хлопки нижних рук. Их колонны рассыпались в цепь и снова строились. Цветочные клумбы, украшавшие парк, были беспощадно вытоптаны, и все цвета слились в однообразный тусклый оттенок сепии. Внезапная перемена встревожила Хасана. Видимо, команда упустила из виду что-то существенное.

— Что случилось? — спрашивал он, глядя в бинокль и не ожидая ответа.

Однако своего рода ответ он получил к ночи. Как только взошла голубая планета, кое-кто из горожан направил на нее оружие. Стаккато выстрелов прокатилось по городу, как брызги от волны.

— Глупцы, — прошептал Сунг, но Хасан умел распознать безрассудство отчаяния. — Стрелять в планету? — фыркнул китаец. — В знамение?

Наличие у местных жителей оружия огорчило Иман.

— Я надеялась, что они выше этого.

— Разве есть народ, — спросил ее Хасан, — который выше этого?

Клаус хмыкнул.

— Будет, мне кажется, похоже на бисмарковские войны. Радио у них нет, но телеграф должен быть. Аэропланов тоже нет, но дирижабли меня бы не удивили.

— Как ты можешь так отстраненно говорить о войне? — набросилась на него Иман.

Но Клаус только пожал плечами.

— А как еще? — спросил он. — Нам остается только смотреть со стороны.

Ладаван, Янс и остальные промолчали.

Еще через день вернулся второй инобус со свежими продуктами и дополнительным снаряжением. Мизир извлек из груза богатые запасы химикатов, звуковой лазер и сканирующий электронный микроскоп.

— Полевая модель, — сказал он, устанавливая его, — а все же наконец у меня есть глаза!

Сунг осмотрел аэрозонды, шары для запуска в высокие слои атмосферы и счел их пригодными.

— Взгляд с высоты дает больше, — пояснил он и улыбнулся Мизиру: — Так что мне тоже приходится рассматривать очень малые объекты.

С Баширом и Халидом прибыла группа техников, которые под ревностным надзором Янса начали собирать сверхлегкую

машину.

— Там спрашивали, можно ли уже выпускать другие команды, — рассказывал Хасану Башир.

— Нет.

— Но… я им сказал…

— Тебе не полагалось ничего говорить! — выкрикнул Хасан с такой яростью, что несколько голов повернулось к нему, а Башир съежился. Хасан сразу пожалел о своей грубости, но продолжал сурово: — В городе что-то происходит.

Он рассказал о восхождении Голубой Планеты, Аль-Азрак[21] и неожиданной военной активности батинитов.

— Новая звезда отмечает для них сезон джихада, — предположил Башир.

— Джихад — не сезонная охота, — упрекнул его Хасан, — Истинный джихад — борьба с собственным сердцем.

— Может, и так, — вставил Янс, подслушавший их разговор, — но если людям вздумалось повоевать, им любая причина хороша, — Он задумчиво разглядывал свою летающую машину, — Надеюсь, у них нет противовоздушной артиллерии.

* * *

Иман научилась различать батинитов.

— Они только кажутся одинаковыми, — сказала она, — из-за необычности, которая отвлекает нас от индивидуальных различий.

— Да, — кивнул Сунг, — как арабские завитушки. Все буквы выглядят одинаково.

— У батинитов в самом деле нет лиц, — напомнила им Иман, — но головы устроены определенным образом. Всегда одно и то же количество впадинок и антенн, и расположены они в одинаковом порядке…

— Меня это не удивляет, — вставил Мизир. — Часто ли люди рождаются с тремя глазами или с носом на месте уха?

— …Но размеры и расстояния между различными чертами так же различаются, как у людей. Мы ведь и узнаем друг друга по длине носов, расстоянию между глазами, величине ртов…

— И длине языков, — шепнул Баширу Янс. — Некоторые куда длиннее нормы.

— …Я выделила семьдесят три измерения для голов батинитов. Диаметр ямок; отражающие свойства желатинового заполнителя; длину выростов, размер и количество «лепестков», оттенок кожных чешуй…

— Не стоит перечислять все, — перебил ее Хасан.

— …И так далее. Все они слишком необычны, поэтому наше сознание их не регистрирует, но Разум способен измерять, отмечать и распознавать отдельную личность.

— А между двумя расами есть системные различия? — заинтересовался Мизир. — Мне приходило в голову, что у кобальтовых «лепестки» должны быть шире и чаще расположены, чем у лазурных.

— Так и есть! На носовых отверстиях.

Мизир кивнул. Он был доволен собой.

— Я догадываюсь, что это излучатели тепла, хотя до анатомических исследований уверенно сказать не могу. Если кобальтовые — тропическая раса, то для них важнее быстро отдавать излишки тепла. Ни у одного высокогорного вида в этой долине не оказалось выраженных лепестков — и ничего похожего. На такой высоте не приходится заботиться об излишках тепла.

— Еще одно доказательство, — заметил Башир, — что население города пришло из другой части мира.

* * *

Разум вылавливал нити смысла из клубка звуков, составлявших устную речь батинитов. Задача усложнялась существованием двух языков, каковые Разум объявил родственными в пятой степени и примесями десятков диалектов и арготизмов.

— Портовые жители, — указывал Клаус, — наверняка говорят на собственном языке. И воры, шепот которых мы иногда подслушиваем ночью.

— Какой там шепот, — возразила Иман. — Гудение, щелчки и причмокивания.

— Эти впадинки у них на головах, — размышлял Мизир, — барабанные перепонки. Удивительное устройство. Они так же мало приспособлены для речи, как губы и язык человека. Но их использовали, и они делают свое дело.

— Если они способны говорить двумя сторонами рта одновременно, — заметил Клаус, — то могли бы иной раз говорить одной стороной одно, другой — другое.

— Вот как полезно иметь запасные отверстия, способные издавать звуки!

Клаус пробормотал что-то еще и засмеялся собственной шутке, не понятной остальным, потому что сказано было по-немецки. Вообще-то она относилась к запасным отверстиям для

издавания звуков.

Они ввели в Разум ропот толпы в ночь первого восхождения Аль-Азрака, и Разум выдал в ответ такую же невнятицу с отдельными выкриками: «Голубая планета/ встает/ поднимается/ и/возможно/ выражение страха и отчаяния». Это был еще не перевод, но намек на понимание.

Возможно, существовал и третий язык, беззвучный, потому что иногда они наблюдали собравшихся вместе батинитов, молчащих и тем не менее явно общающихся.

— Эти усики-антенны, — сказал Мизир, — улавливают запахи. На близком расстоянии они переговариваются запахами.

— Неэффективный способ, — фыркнул Клаус.

— Малая эффективность — признак естественного отбора, — доказывал свое Мизир, — да и сообщения могут быть очень простыми: «Беги! Сюда!»

— Нет, не запахи, — возразила Иман, — во всяком случае, не только запахи. Заметь, как они касаются друг друга, как поглаживают лепестки. Они общаются посредством прикосновений. — Она вызывающе вздернула подбородок, и никто не осмелился возразить, потому что она и сама часто обходилась прикосновениями вместо слов. — Ведь что такое рукопожатие, хлопок по плечу, — настаивала она, — или поцелуй?

Все сошлись на том, что поглаживание друг другу лепестков заменяет поцелуй. Иногда вместо поглаживания было короткое отрывистое касание.

— Вроде как чмокнуть в щечку, — сказал Янс.

Иногда это делалось явно напоказ. Иногда украдкой, со множеством предосторожностей. Что бы ни означало это движение, горожане часто прибегали к нему.

— Ласковый народ, — сказал Башир.

Иман промолчала и взъерошила пареньку волосы.

* * *

Башир дистанционно пилотировал зонд, сопровождающий солдата, выбравшегося ночью в парк. На его лазурном теле была бледно-желтая мешковатая униформа местной армии, и Разум не сумел выделить никаких знаков отличия. Батинит ехал на шестиногой лошадке мимо заброшенных полей по гравийной дорожке, выводившей к ухоженному когда-то парку на холме. Оружия при нем не было.

Добравшись до ровной площадки, где горожане занимались

спортивными играми, уступившими теперь место более воинственным упражнениям, солдат спешился и заговорил глухой барабанной дробью, напоминающей звук далекой дарбуки.[22]

Ему ответил другой барабанщик, и из рощицы местных кедров и тополей вышел высокий стройный батинит с кожей цвета кобальта. Двое сошлись и постояли немного, переговариваясь щупальцами верхних рук. Затем второй заговорил двумя голосами. Первый голос произносил: «Показывать/демонстрировать/проявлять — мне/этот/ — ты/ представлять одно средство — настоящее время». Второй в то же время говорил: «Страх/ужас/ бежать-или-сражаться/ — я это средство — теперь и в дальнейшем». По крайней мере, так воспринимал их Разум.

— Какие же нужны уши, — восхитился Башир, — чтобы разбираться в этом дуэте.

Солдат отвечал таким же двухголосием. «Проявлять/ показывать — это/то средство — еще нет» и «это (мн.) — отчаянное решение/убежище (?) — теперь и в дальнейшем».

Кобальтовый принес корзину и, открыв ее, стал доставать тарелки с зерновой кашицей и бобами — излюбленным батинитами угощением для пикников. Земляне прозвали его «батинитским силосом». «Ешь/принимай — этот предмет/вещь — ты/это средство — прошедшее время».

Солдат тоже захватил угощение: густую желто-зеленую жидкость в грушевидных бутылочках, крышки с которых он сорвал маленьким инструментом. Оба сняли с себя верхнюю одежду — сложная процедура, когда четыре руки приходится извлекать из четырех рукавов, — открыв таким образом ротовые отверстия на туловище.

— Интересно, съедобно ли это для людей? — заговорила Иман. Она стояла за спиной Башира, глядя через его плечо. — Новый экзотический вкус… — спрос на такие вещи неизменно возрастал. Возрождение, новые открытия. Искусство, литература, песни, наука… Все старое обновлялось, и новое заглатывалось не жуя.

— Я экстрагировал сок масляной травы, — сказал Мизир, пивший с Ладаван и Клаусом кофе за высоким столом, — но еще не разобрался, что получилось: напиток или горючее. Янс не позволил мне залить его в бак своей машины и пить тоже отказался.

Все рассмеялись, а Клаус кивнул на крошечную чашечку в руках Мизира, содержимое которой тот изготовил по турецкому рецепту:

— Выпил бы сам, какая тебе разница?

— Кофе, — величественно ответствовал Мизир, — не просто вода, в которой искупалась пара кофейных зерен. — Захватив чашку, он отошел от стола и присоединился к Баширу с Иман. — Хасан? — спросил он, оттопырив губы для глотка.

Иман покачала головой:

— Он всегда осторожничает с новыми мирами.

Мизир переключил внимание на экран, где солдат погладил щупальцем лепестки на голове кобальтового и вдруг запустил это щупальце в собственный рот.

— Это еще что? — Он поставил чашку на блюдце и склонился к экрану.

— Новый вид поведения, — обрадовалась Иман и вытащила из-за пояса блокнот. — Башир, дай мне номер файла загрузки этого зонда. Я хочу потом еще просмотреть. — Она ввела номер, названный юношей, и стала выписывать стилосом завитушки на чувствительном экранчике. — В ротовое отверстие… — Она недоуменно замолчала.

— Что же это значит?

Ответить Баширу не сумел никто.

Обычно батиниты питались, зажав ложку или острую палочку в верхней руке, чаще всего в левой. Иногда, очень редко, брали пищу прямо средней рукой — обычно правой. («Взаимодополняющая право-леворукость», — назвал это явление Мизир.) Однако двое батинитов под двулунным ночным небом оставили ложки своим неуклюжим нижним рукам, в то время как тонкие чувствительные щупальца их верхних рук переплетались, подобно змеям.

Затем кобальтовый ввел щупальце прямо в ротовое отверстие лазурного. Солдат неподвижно застыл и медленно отставил в сторону миску с «батинитским силосом». Его щупальца поглаживали второму обонятельные рецепторы и отрывисто касались впадинок на голове. Мизир, как зачарованный, впился взглядом в экран, тщательно отмечая порядок прикосновений. Иман тоже делала записи, но с другой целью.

Большой нижней рукой солдат обхватил второго за туловище и нежно потянул в сторону, так что два тела полностью разошлись.

— Смотрите, что это? — вскрикнул Башир. — У солдата во рту?

— Может, «язык»? — предположил Мизир. — Посмотрите, какой блестящий. Наверняка, слизистое покрытие. Пищеварительный орган?

Иман задумчиво взглянула на него:

— Ты думаешь?

Она снова повернулась к экрану и уже не отрывалась от него. Даже наклонилась, опершись руками на плечи Башира.

Когда рты батинитов соприкоснулись, тот заговорил:

— Да они целуются!

— До сих пор мы не наблюдали таких поцелуев, — усомнился Мизир. — Только короткие поглаживания лепестков.

— Думается, это посерьезнее, чем поглаживания, — сказала Иман.

— Какой долгий поцелуй, — сказал Башир.

— У человека рот и язык — самые чувствительные органы, — напомнила она ему, — за одним исключением.

Чуть раньше к ним подошел Хасан, заинтересовавшийся толпящимися перед экраном зеваками. Теперь он вдруг твердо приказал:

— Отключите этот экран.

Баширу понадобилась секунда, чтобы понять:

— Так они не целуются! Они… то есть… — Он погасил экран и повернулся к Иман: — Ты знала!

Но она уже смотрела в глаза Хасану.

— Ты прав, — сказала она, — они имеют право на уединение.

Клаус с Ладаван присоединились к остальным.

— Что стряслось? — спросил техник.

Иман ответила ему, не сводя взгляда с Хасана:

— Готовится война, нечто вроде джихада, и эти двое, которым, может быть, больше не придется свидеться, улучили драгоценную ночь друг для друга.

— Не понял, — сказал Клаус.

Ладаван объяснила ему:

— Солдатик прощался со своей милой.

Мизир возразил:

— Мы не можем знать, кто из них «он», а кто «она». Может, оба ни то и ни другое или пол меняется со временем. У грибов…

— Да в геенну твои грибы! — Иман отвернулась наконец от неподвижного Хасана и зашагала к своему шатру.

Мизир недоуменно посмотрел ей вслед, потом повернулся к Хасану и продолжил:

— В самом деле, я должен изучить процесс. Этот «язык» может оказаться…

— Пусть его изучает Разум, или займись этим молча! — приказал Хасан. — Мы обязаны уважать их чувства.

Клаус придержал уходившего Мизира за рукав:

— Солдат скорее всего мужского пола. На этом уровне технического развития общество не может себе позволить жертвовать женщинами в сражении.

Как ни странно, последнее слово сказала всегда тихая Ладаван.

— Иногда, — проговорила она, — я не понимаю вас, людей.

Позднее она повторила эти слова Сунгу, и он ответил на мандаринском. Ладаван немного понимала это наречие китайского и уловила смысл:

— Дорожи тем, чего не понимаешь.

* * *

На следующий день произошло два события, если не больше. Первое было весьма драматичным, но не слишком важным. Второе было не столь драматичным.

Предупредил о них Янс Дарби. Он с утра поднял сверхлегкую машину и сделал круг за цепью Туманных гор, за пределами видимости из города. Машина маскировалась так же, как зонды, и шум пропеллеров заглушался поглотителями; но из-за больших размеров заметить ее было легче, так что он собирался набрать высоту, прежде чем приблизиться к обитаемым местам. Янс держал курс вдоль реки, протекающей через Великую Западную равнину, туда, где она уходила в багровую расщелину, прорезая горы на пути к побережью.

В расщелине уместилось маленькое селение, и ниже по течению, на прибрежной стороне хребта, стояло еще одно, но устье было болотистым, и в бухтах у впадения в море не было города, подобного Восточному Порту. Когда Янс сообщил: «Каджуны[23] в дельте», никто в базовом лагере сперва не понял, что он имеет в виду: а именно охотников и рыбаков, селившихся в разбросанных далеко друг от друга хижинах.

— Двое взглянули вверх, когда я пролетал мимо, — мимоходом заметил Янс.

Мизир забеспокоился:

— Я уверен, что аборигены видят в инфракрасном спектре. Тепловой выброс у наших двигателей минимальный, и все же…

Исследователи иногда замечали, как горожане бросают взгляд в сторону пролетающих зондов — так человек оглядывается на слабую вспышку или незаметное движение. Хасан решил уменьшить количество ночных полетов, когда в холодном небе тепло двигателей проявляется ярче.

Из Восточного Порта по Большой Товарной Дороге выехал большой крытый фургон под охраной пяти всадников, но люди почти не обратили на него внимания — в ту сторону часто уходили грузы.

Янс пролетел вдоль линии хребта дальше в море. Сунг считал, что в той стороне могут оказаться острова — вершины расположенных на морском дне гор, а Мизир жаждал заполучить образцы островных видов и выяснить, насколько они отличаются от тех, что он нашел на прибрежной равнине, в долине реки на западном склоне и на их собственном альпийском лугу. Для этой цели Янс погрузил на борт несколько разведывательных зондов.

Обнаружили они корабль.

— Вы бы видели этих негодяев! — передавал Янс по радиосвязи. — Точь-в-точь старый пиратский корабль: паруса подняты, пушки выглядывают из открытых люков, воду режет, как плуг. Правда, форма корпуса другая — не могу объяснить, как выглядит. То ли шире, то ли короче… И паруса… оснастка тоже другая. На главном парусе — солнце с расходящимися лучами.

— В городе у них нет такого герба, — сказал Клаус. — Похоже, у местных тотем — шесторёл. — Он имел в виду хищную птицу с когтями на крыльях, лапах и кроющих перьях.

— Это не тотем, — поправил Хасан, — а герб. Кажется, у вашего народа когда-то был такой же?

— Двуглавый орел, — кивнул Клаус, — но это был тотем, и, — добавил он, — ему принесли немало кровавых жертв.

— Может быть, это силы вторжения, — сказал Башир. — Возможно, потому население Порта и готовится к войне.

— Один корабль? — усомнился Хасан.

— *Первый* корабль, — сказал Башир, и Хасан признал, что юноша, возможно, прав.

— Не хотел бы я видеть, как нападут на этот народ, — продолжал Башир. — Мне они нравятся. Добрые, умные и предприимчивые.

Хасан, разбиравшийся в урожае снимков, доставленных зондом, выпрямился, чтобы взглянуть на него.

— Что ты знаешь о Филиппе Хабибе?[24] — спросил он.

— Только то, чему учат в школе.

— Он был умен и предприимчив, и, говорят, добр — по крайней мере, с друзьями, — хотя друзей у него было не так уж много.

— Он был великий человек.

— Был. Но история переполнена великими людьми. Могло бы быть и поменьше. Предполагалось, что Иностранный легион никогда не вступит на землю Франции. Я пытаюсь тебе объяснить, что мы не знаем, из-за чего начинается эта война. «Умный и предприимчивый народ», за которым мы наблюдаем, может оказаться невинной жертвой захватчиков — или жестокими угнетателями, которых пытаются свергнуть. Когда

Сефевид сражался с Ак-Коюнлу[25] — на чьей стороне была справедливость?

— Кузен, мне даже имена эти не знакомы.

— И этот народ с равнины тебе тоже незнаком. Янс, веди постоянное наблюдение. Проверь, флотилия там или одиночный корабль.

* * *

Это был всего один корабль, и он свернул паруса и вошел в Восточный Порт под парами, навстречу шумному, хотя и опасливому гостеприимству. Было много парадов и много торжеств, и морякам, и морским пехотинцам с корабля — они носили алую форму со множеством золотых значков и нашивок — досталось в избытке хлопков по спинам и поглаживаний щупальцами от горожан, и в первую же ночь многие из них потешили свои отверстия.

«Моряки, — заметил по этому поводу Клаус, — повсюду одинаковы».

Церемонии проводились в парке. Произошел обмен флагами — ритуал, по-видимому, весьма значительный, если судить по движениям и крещендо барабанных выкриков толпы. Капитан корабля и высокопоставленный военный из города вручили друг другу невзрачные, строго функциональные сабли.

— Мне кажется, они заключают мир, — сказала Иман. — Тут сошлись два старых врага.

— Соблазнительная теория, — пожал плечами Хасан, — в нее хочется верить. А часто ли в земной истории старые враги пожимали друг другу руки и становились плечом к плечу?

— Мне больше по душе наши портовики, чем эти, с солнцем, — сказал Башир.

Хасан обернулся к нему:

— Уже выбираешь, на чьей ты стороне — на *мирной* церемонии?

— Хочу напомнить, — вмешалась Иман, — что символ Порта — хищная птица. Золотое солнце — не столь угрожающая эмблема.

— Не в том дело. Я сужу по мундирам.

— Тебе желтый цвет нравится больше алого?

— Нет. На горожанах форма не так хорошо сидит и украшений меньше. Этот народ не превращает войну в зрелище.

Хасан, собиравшийся уже отвернуться, остановился и взглянул на юношу с уважением.

— Ты прав. Они не распускают хвосты, как эти, заморские. И правильно, на войне не место павлиньим хвостам. Но задай себе другой вопрос: что свело вместе старых врагов?

Мизир пролистывал изображения прибывших, собранные им и Иман.

— Отчетливые морфологические различия. Другое распределение цвета лепестков на головных шарах. Больше зеленоватого оттенка, чем у городских. И ростом солнечные в среднем ниже.

Ладаван сообщила, что Разум определил значительное сходство языков. Моряки и горожане говорят на разных, но близкородственных языках или, скорее, «перепонках». Зато кобальтовые горожане иногда переходят на совершенно непохожий язык.

После церемонии в парке началось буйное веселье. Играла музыка — щипковых, ударных и смычковых инструментов.

— Они знают цимбалы, ксилофоны и скрипку, — сказала Иман, — а труб и флейт не изобрели.

— Для этих инструментов нужен рот, подключенный к паре легких, — пояснил ей Мизир.

— Да, зато полюбуйтесь, что способны вытворять с тамбурином две пары рук!

В самом деле, инструменты у них были такого сложного устройства, что рядом с ними земные тамбурины, гитары, ситары[26] и скрипки показались бы примитивными и неуклюжими. Когти нижних конечностей работали как медиаторы, а щупальца с изумительной ловкостью перебирали струны и вполне заменяли смычок.

Танцы тоже были, хотя не слишком похожие на земные танцы. Горожане и моряки кружились, разбившись на тройки, и хлопали в ритм движениям большими руками. Мизир не сумел определить, к одному или к разным полам принадлежали танцующие в каждой тройке.

— Чтобы разобраться, — буркнул он, — пришлось бы залезть им в отверстия на туловище и вызвать наружу орган. Иначе мне их не отличить.

— Мне тоже, — призналась Иман. — Интересно, различают ли они сами себя. Народ, у которого пол можно определить только на опыте, должен обладать… особой глубиной. — Она покосилась сперва на Хасана, потом на Мизира, который подмигнул ей.

Звук хлопков из парка звучал то беспорядочно, как дробь дождя, то сменялся маршевой размеренностью, создавая сложную, полную контрапунктов мелодию.

Ученые оставили надежду разобраться в слитном гомоне голосов и просто записывали все подряд. Но движения танца заразительны, и скоро Башир с Халидом выстроили своих в цепочку, извивающуюся туда-сюда по траве луга. Иман отбивала ритм хлопками, Ладаван и Сунг явно забавлялись, глядя на них со стороны. Хасан выбился из ряда, Иман встала перед ним. Они склонялись, извивались, переплетали руки в танце змеи, то нападая, то отступая, и Халид с Баширом отбивали ритм на одиннадцать четвертей, а Мизир изображал, словно бросает им монетки, пока они, задохнувшись, не замерли лицом к лицу.

Они простояли так всего мгновение, но это было долгое мгновение, и целый мир мог закружиться вокруг них, подобно дервишу, пока они переводили дыхание.

Потом Иман поправила свой хиджаб, съехавший на сторону. Хасану показалось, что он приметил выбившийся черный локон. Она окинула его надменным взглядом, слегка склонив голову набок, и удалилась в свой шатер. Хасан остался стоять, гадая, не следовало ли ему пойти за ней, а Сунг с Мизиром переглянулись.

Возвращаясь к себе, он все-таки прошел мимо ее шатра, задержался у закрытого клапана — не смея поднять его, — сказал:

— Когда вернемся на Землю, мы с тобой поговорим.

Подождал ответа, но ответа не было, если только звон колеблемых ветром бубенцов не был ее смехом.

* * *

Солнце вставало в дымке. Туман поднялся над Восточным морем и развернулся одеялом, скрыв под собой все. Вершины холмов островами поднимались над облачным морем. Несколько самых высоких в городе зданий торчали над ним, как мачты затонувшего корабля. Зонды беспомощно метались над землей, выискивая что-нибудь, доступное восприятию на невидимых частотах. Янс снова поднял сверхлегкую машину и с большой высоты высмотрел пятнышки островов на горизонте. Сунг радостно отметил их на карте и со свойственным ему едким юмором подписал на белом пространстве за ними: «Здесь обитают драконы». Разум старательно смастерил виртуальный глобус и расписывал его зелеными, коричневыми и голубыми пятнами. Однако по большей части шар оставался беспросветно черным и напоминал глыбу угля, забрызганную краской.

— Население города явилось когда-то из тех же мест, где обитают солнечные, — объявила Иман, неуверенно водя пальцем

по темной поверхности. — Знать бы только, где эта места. Кобальтовые могут оказаться аборигенами, но я думаю, они тоже пришли из какого-то третьего места и чужие на этом берегу.

Но туман принадлежит утру, и солнце медленно рассеивало его. Туман отступил от парка, лежавшего на гребне суши, открыв землю, словно усеянную выброшенными морем обломками.

— Пятеро, — сказал Хасан, опуская бинокль. — Два тела рядом, три поодиночке. Один — морской пехотинец с корабля.

— Самоубийцы? — поразилась Иман. — Но почему?

— Ничего удивительного, — сказал Сунг. — Отчаяние часто приходит на смену беспочвенной надежде.

— Почему надежда обязательно беспочвенная? — с вызовом откликнулся Башир; но Сунг только беспомощно развел руками, и Башир обругал его неверным.

Хасан убрал бинокль в чехол.

— Скрытые завесой, люди часто совершают поступки, которыми на глазах у людей только тешат воображение. Туман угнетает душу и разъединяет. Подозреваю, что в кустах окажутся еще тела.

— Что, так много? — с ужасом, едва ли не благоговейным, спросил Мизир, потому что Пророк, хвала Ему, воспретил правоверным самоубийство.

Хасан обернулся к телепилотам:

— Халид, Башир, Ладаван. Быстро, высылайте свои зонды в парк и возьмите с трупов образцы тканей. И оставьте микрокамеры, чтобы Мизир мог изучить их внутреннее строение. — Взглянув на Мизира, он бросил: — Можешь быть доволен. Ты ведь с самого начала мечтал разобраться в их анатомии.

— Только не таким путем, — покачал головой Мизир. — Не таким путем.

Башир в отчаянии вскрикнул:

— Разве это необходимо, брат?

Тем не менее приказ был выполнен, и зонды, как мухи, закружились над телами мертвых. Хитроумные устройства, каждое не больше пылинки, проникли в открытые раны и отверстия тел, разбежались по каналам, полостям и железам, измеряя и исследуя их.

— Скорее, — торопил телепилотов Хасан, — пока из города не пришли забрать мертвецов.

— У горожан может хватать других забот, — сказала Иман и на вопросительный взгляд Хасана пояснила: — Других мертвецов.

— Я не понимаю, — отозвался Башир. — Вчера все казались такими счастливыми, праздновали мир.

— Откуда нам знать, что они чувствовали? — спросил его Хасан. — У нас, может быть, даже названий нет для их чувств.

Янс предположил:

— Может, то была уловка, а ночью «солнечные» устроили бойню.

Но Хасан сомневался, что это возможно. Слишком мало военных доставил корабль, чтобы они сумели расправиться с горожанами так быстро и бесшумно.

Еще до того, как окончательно разошелся туман, Хасан отозвал зонды на базу, и они направились домой, отягощенные данными, высосанными из тел, чтобы скормить их нетерпеливо ожидающему Разуму. В стороне от дороги, на заросшем кустами поле южнее парка остановился в предгорье крытый фургон в окружении трех палаток и дозора всадников на шестиногах. Системы наблюдения, охраняющие подход к обрыву, сообщили о присутствии пяти батинитов, занятых костром и животными. Когда зонд прошел над ними, двое задрали шары голов, а один бросился к треножнику и начал с ним возиться.

— Треножник геодезиста, — сказал Клаус, увидев этот кадр. — Они прокладывают новую дорогу, может быть, к рыбацким поселениям в южной дельте.

— Думаю, они видели наш зонд, — решил Хасан.

— Он же замаскирован, — возразил Башир.

— Да, и бесшумный, и охлаждается, а все-таки оставляет тепловой след и в холоде тумана должен был выглядеть как силуэт над горизонтом.

— Но ведь…

— Среди людей, — заговорила Иман, — есть такие, кто слышит легчайший шепот. И может различить мерцание воздуха над песками Руб-эль-Хали. Стоит ли удивляться, что один из батинитов заметил непонятно откуда взявшуюся полосу тепла в небе?

Хасан все рассматривал последний кадр, снятый кормовым объективом зонда, проходившего над разведочной партией. Малорослый батинит припал к треноге, подкручивая щупальцем верньер какого-то прибора.

— Если так, они, наверное, примут это к сведению.

— Если и так, — сказал Башир, — что они могут? Здесь отвесная скала.

Хасан приказал временно посадить все зонды, а людям не показываться на краю обрыва.

— Город можно наблюдать через уже установленные следящие камеры.

Этот приказ особенно огорчил Янса, доказывающего, что над

западными склонами хребта летать вполне безопасно, однако Хасан напомнил, что, набирая высоту, ему придется пройти как раз над тем полем, где расположился лагерь экспедиции.

— Это ненадолго, — утешал он своих. — Как только они проложат дорогу и вернутся в город, полеты возобновятся. — Он не принимал в расчет, что экспедиция может иметь другие цели. Это пришло ему в голову, только когда Иман принесла ему странное сообщение Разума. — Уверена? — спросил он ее, потому что сам, даже положив два снимка рядом, не взялся бы сказать точно. В отличие от Разума, который не отвлекался на непривычность вида. Он учитывал только данные измерений.

— Никаких сомнений. Изображения совершенно идентичны. Геодезист в твоей разведочной партии — тот самый тип, который обернулся на зонд в ночь восхождения Голубой Планеты.

— Замечательно! — восхитился слушавший разговор Сунг. — Первый раз дважды замечен один и тот же батинит.

Хасан поднял первый снимок и долго разглядывал шар головы, направленный навстречу взглядам возбужденной толпы.

— Не верю я в совпадения, — сказал он. — Думаю, он проследил векторы всех замеченных тепловых следов и отправился на поиски их источника.

Иман ощутила его беспокойство.

— Готовиться к эвакуации?

— Нет! — воскликнул Башир.

— Приказы, братец, — сказал ему Хасан, — начнешь отдавать, когда наберешься опыта. — И обратился к Иман: — Пока нет. Все зависит от того, что там у них в фургоне.

* * *

Несколько дней спустя они узнали что: шар, надуваемый горячим воздухом. Клаус пришел в восторг:

— Ну да! Точь-в-точь век Бисмарка. Железные дороги, телеграф, парусники с паровыми двигателями, а вот и дирижабль! Технологическая конгруэнтность! Подумайте, что из этого следует!

Хасан не стал слушать, что из этого следует, а отошел в сторону, за кабины телепилотов и хлопающие на ветру полотнища шатров. Иман пошла следом, но близко не подходила. Он дошел до мерцающих врат и перекинулся несколькими словами с Халидом. Слов Иман не разобрала. Потом пошел дальше по лугу, сбивая радужную пыльцу с цветов на высоких стеблях, и остановился там, где с самой вершины мира

обрушивался чудо-водопад. Он молча вглядывался в непостижимые глубины пруда. Туман стоял в воздухе, сгущался кругом, так что кажаюсь, вода пруда окружает человека. Иман довольно долго смотрела на него, потом подошла и встала рядом.

Он все молчал. Выждав немного, Иман взяла его за руку — без намека, просто утешая.

— Хотел бы я знать, куда он уходит, — наконец заговорил он. Голос в непрестанном грохоте звучал, словно издалека. — Мне думается, к самому сердцу мира. Никто никогда не узнает. Кто войдет в этот пруд, чтобы быть раздавленным мощью падающей воды? Кто вернется из бездны, чтобы рассказать нам?

— Ты прикажешь эвакуироваться? — Ей пришлось наклониться к самому его уху, чтобы он услышал.

— Думаешь, надо?

— Я думаю, нам надо встретиться с этими людьми.

Хасан повернулся, чтобы взглянуть ей в лицо. Теперь они оказались совсем близко друг к другу. «В этом грохоте так лучше слышно», — сказал он себе.

— Нам не запрещается вступать в контакт, — настаивала Иман. — В разных мирах разные обстоятельства. Решение может принять только капитан.

— Но принимать такое решение приходилось не многим. Мне не приходилось. Конканону не приходилось. Жизнь встречается редко. Разумная жизнь — еще реже. Разумная жизнь, достаточно стойкая, чтобы перенести контакт, — чудо, редчайший самоцвет. Твои летучие цветы не были разумны.

— Нет. Только красивы.

Он рассмеялся:

— Ты — такая же тайна, как этот мир.

— Снять хиджаб? — Она потянулась к платку.

Он протянул руку, удержал ее за запястье.

— Тебя скрывает не хиджаб. Ты могла бы снять с себя всю одежду — и ничего не открыть. А батиниты тоже красивы? Ты как-то говорила нам…

— Да, красивы на свой лад. Но они готовятся к войне, и смеются в лицо своему страху, и танцуют, помирившись с врагами, а иногда, в темноте, убивают себя. Разве можно уйти, так и не Узнав, кто они?

Хасан выпустил ее руки и, нагнувшись, поднял веточку шестивяза. Как все здешние растения, она была розоватой и легко ломалась, оставляя на изломе путаницу волокон и нитей.

— Не в том дело. — Поняв, что она его не слышит, он склонился к самому ее лицу. — Наш любознательный друг поднимет свой шар раньше, чем мы успеем собрать и упаковать

все оборудование. И спрятаться на этом лугу негде, тем более если он видит наше тепло. Так что не мы, а он принял решение вступить в контакт, даже если сам об этом не знает.

Он отбросил веточку в кипящий водоворот, и она мгновенно исчезла в воронке. Хасан постоял, глядя ей вслед, потом повернулся спиной. Иман продела ладонь ему под локоть и пошла рядом.

Она заговорила, когда они отошли настолько далеко, что голос снова стал голосом, а не криком и не шепотом.

— Ты можешь сделать еще одно.

— Что?

— В трюме буса есть лазерные пистолеты. Можно прожечь в оболочке шара дыру, не дав ему даже подняться с земли.

— О да, дыра, таинственно прожженная в ткани! Отличный способ скрыть свое присутствие.

— Ты сам сказал, нам в любом случае не удастся спрятаться. Если прожечь шар, у нас будет время уйти незамеченными.

— Да… но тебе не того хочется.

— Нет, я хочу с ним встретиться, но ты должен предусмотреть все возможности.

— Разум уже может перевести достаточно внятно для беседы?

— Кто может знать, пока не испытает?

Хасан рассмеялся.

— Ты начинаешь походить на меня.

— Это так плохо?

— Это ужасно. Одного Хасана более чем достаточно. Одной Иман, пожалуй, мало.

Остальные собрались у шатра. Кое-кто уже держался за растяжки, словно ожидая приказа снимать лагерь. Техники собрались кучкой на краю лагеря. Они, в любом случае, отбывали ближайшим рейсом инобуса.

Башир умоляюще заглядывал Хасану в глаза. Только Сунг не отрывался от своих приборов. Мир может рухнуть, Бог может хлопнуть в ладоши, горы могут развеяться, как облака, но Сунг будет наблюдать спектр преломления и высчитывать плотность газа.

Хасан передал техникам дискеты с последним докладом и велел немедленно по возвращении передать их в кабинет директора.

— Я вызвал контактеров, — сказал он остальным и, услышав дружное «ура!», взглядом заставил их замолчать, — На мой взгляд, наш воздухоплаватель выказал такую предприимчивость, что заслуживает того, чтобы пожать плоды. Но нам приходится решать в спешке, а я не выношу, когда меня торопят.

Возвращаясь в свой шатер, он прошел мимо Мизира и хлопнул старого товарища по плечу.

— Как только мы установим контакт, тебе уже не придется заниматься гаданием. Их ученые снабдят тебя всеми сведениями об экологии своего мира.

Мизир грустно покачал головой:

— Это совсем не то.

* * *

Позже Хасан заметил, что Сунг не отрывается от своих мониторов. По долгому опыту знакомства Хасан знал: не настолько уж этот ученый не от мира сего. Поэтому он тоже подошел к площадке астрономических наблюдений и встал так, чтобы не мешать Сунгу. Само его присутствие уже означало вопрос.

Через несколько минут Сунг сказал в пространство:

— Сперва я подумал — малые луны. Небо чужое, и мы еще не все в нем знаем. Но орбита слишком низкая. Обращение за девяносто минут. — Он указал на искорку света, ползущую через экран. — Этот возвращается каждые девяносто минут. Вчера видел пять. Сегодня десять или двенадцать.

— И что это такое? — спросил Хасан. — Говоришь, луны?

— Видны только в солнечном освещении. Могут быть и другие, невидимые.

— Возможно, Аль-Батин окружен кольцом астероидов?..

Но Сунг тряхнул головой.

— Две большие луны начисто подмели внутренние орбиты.

— Тогда что?..

— Давным-давно люди летали на Луну. И на Марс. Я думаю, мы сейчас видим…

— Ракетные корабли? — Хасан отступил от экрана, где прокручивалась запись ночных наблюдений, и взглянул в низкое облачное небо. — Ракетные корабли, — шепнул он.

— Я думаю, — добавил Сунг, — с Голубой Планеты.

* * *

Открытие Сунга добавило новую ноту к возбуждению, охватившему лагерь.

— Второй разум в той же системе! — сказала Иман.

— Беспрецедентное открытие! — сказал Мизир.

— Надо уходить немедленно, — сказал Клаус, и Янс поддержал его:

— От здешних мы еще можем скрываться, но эти пришельцы сразу нас обнаружат.

— Мы должны остаться! — выкрикнул Башир.

Сам Сунг заметил только, что это еще больше осложнило бы дело, и держался так, будто осложнение было худшим, чего можно ожидать. Хасан сбежал от шума в свою палатку и там углубился в размышления.

Решать приходилось быстро. И не забывать о воздухоплавателе. Дирижабль и космические корабли — а перед ними у гиперврат сидят земляне с транспортом, способным совершать путешествия «не в ту сторону», — и именно земляне подумывают о бегстве! Было в этом что-то забавное. Когда Хасан вышел наконец из палатки, все побросали свои дела и выжидательно уставились на него.

Подготовка по плану «ВУ», — только и сказал он, после чего развернулся и скрылся в палатке. Услышал, как кто-то вошел следом, и, не оглядываясь, понял, что это Иман.

— «Все уничтожить»? — переспросила Иман. — Но…

— Что «но»? — перебил Хасан. — Мы не успеем погрузить все в бусы. То, что не сможем забрать, придется уничтожить.

— Но ведь ты говорил, что можно остаться!

— Условия изменились. Теперь риск перевешивает выгоду.

— Чем мы рискуем?

— Ты слышала, что сказал Клаус. У народа с космических кораблей иные возможности. Наблюдая за батинитами, мы забыли об осторожности. У этих… азракцев наверняка есть радио, радары, лазеры, управляемые летательные аппараты… Могут быть и невидимые зонды, и микрокамеры. Я бы предпочел не давать им в руки еще и инобусы.

— Зато возможность со стороны наблюдать первый контакт…

— Мы останемся и будем наблюдать как можно дольше, но только держа руку на ключах инобусов. Сунг насчитал на орбите не менее двенадцати кораблей, и батиниты уже довольно давно начали перевооружение. Не думаю, что мы увидим Первый Контакт.

* * *

Люди распылили все несущественное, погрузили важные образцы и данные в инобусы и обыскали поляну, проверяя, не осталось ли следов их присутствия. Мизир привлек к работе

техников, державшихся так, будто происходящее их не касалось. Они подчинялись другому руководителю, в отличие от разведывательной команды, но старик вызверился на них: «Никто на планете не будет бездельничать!» Хасан весь вечер переписывал свой доклад.

На следующее утро Сунг доложил ему, что корабли начали приземляться.

— Один включил задний выхлоп в поле зрения телескопа. Разум вычислил, что посадка произойдет в другом полушарии.

И остальные корабли не показались в расчетное время, возможно, тоже сошли с орбиты.

Хасан велел всем быть наготове и приказал соблюдать режим радиомолчания.

— Это раньше мы были недоступны на своей горе. Теперь придется снабдить зонды противорадарными глушилками. И неизвестно, чем еще располагают эти пришельцы.

Он не думал, чтобы высокогорная лужайка могла привлечь особое внимание наблюдателей на орбите, однако шатры приказал снять — их цвета выделялись слишком резко, — а главный монитор перенести в тень шестикедров. Он приказал Халиду и Ладаван деактивировать инобусы так, что они немного выпадали из фазы этой браны и теоретически могли быть обнаружены только приборами «не той» стороны. Когда все собрались под деревьями, Хасан пересчитал их по головам и обнаружил отсутствие Башира.

Он с проклятиями отправился на поиски и нашел юношу на краю скалы, смотревшей на равнину. Башир лежал ничком, прижав к глазам бинокль. Хасан растянулся на траве рядом с ним — на странной траве, слишком желтой траве, бархатистой, маслянистой и непривычной на ощупь. Хасан напомнил себе, что находится в чужом далеком мире и удивился, поняв, что на время забыл об этом.

Башир заговорил:

— Ты думаешь, он знает? То есть о кораблях на орбите?

Хасан понимал, что брат говорит о воздухоплавателе.

— Он знал, что они придут. Все они знали. Знали, что корабли появятся, когда Аль-Азрак войдет в противостояние. Кто-то у них вычислил небесную механику.

— Он хочет просить о помощи.

— Против азракцев…

— Да. Это отважный народ. Отряды на площадях — вооруженные однозарядными ружьями. Полевая артиллерия времен Мех-мета Али.[27] Против чего? Против народа на космических кораблях! Им не на что надеяться, Хасан, если

только мы им не поможем.

— Башир, нас здесь девятеро, плюс техники при сверхлегкой машине. Никакого оружия, кроме четырех лазеров в оружейных трюмах. Клаус — единственный знаток военной теории — только теории! Что мы можем сделать?

* * *

Они атаковали быстро, жестоко и без предупреждения. С запада низко над горами пронеслись десантные боты, с ревом развернулись над океаном, сбрасывая скорость. Три бота-челнока в форме косых ромбов, с тускло светящимися тепловыми щитами на брюхе.

— Сверхзвуковые самолеты, — проговорил Клаус в нагрудный микрофон, и Разум послушно транслировал наблюдение в визуальный режим.

— Навести камеры, — приказал Хасан. — Навести камеры. Один садится в парке. Второй по ту сторону города. Может, угодит в болото и увязнет. Ладаван, рискнем. Посылай туда зонд. На узком луче. Янс, если захватчики выставят что-нибудь между нами и зондом, немедленно уничтожишь зонд. Куда делся третий челнок? Где он? Клаус, твоя оценка?

— Технология эквивалентна середине двадцать первого века, — отозвался немец. — Сверхзвуковой одноступенчатый одноразовый космический носитель. Следует ожидать снарядов избирательного действия, лазерных прицелов, охотников-прыгунов. Личное оружие с зарядами с игольчатой начинкой высокой плотности поражения. Ох, бедолаги! Несчастное дурачье! — В небе распустились черные цветки. — Горожане палят из своих пушечек высокой наводкой. Низкоскоростные снаряды взрываются в воздухе… но слишком низко. Эх, им бы установку ПВО…

— Ты пристрастен, Клаус.

Техник опустил бинокль, огрызнулся: «Еще бы!» — и снова припал к окулярам.

— Это не наша война, — сказал Хасан, но роми[28] его не услышал.

— Второй челнок на болоте, — сообщила Ладаван. — По-моему, горожане этого не ожидали. С той стороны у них нет почти никакой обороны.

— Думаю, и азракцы не ожидали, — заметил Клаус. — У их челноков не такая уж высокая маневренность. Больше, чем у первых американских «шаттлов», но ненамного. Приземляются

где придется.

— Где же третий? — повторил Хасан.

Башир вдруг заулюлюкал, как восторженный болельщик.

— Сбили! Сбили! Я видел разрыв. Он упал в море!

— Чистое везение, — хмыкнул Клаус, но и он погрозил кулаком небу.

— Слышали бы вы, какое ликование в городе, — сказала Иман, снимавшая передачу с камер, разбросанных ими для прежних наблюдений.

Два оставшихся челнока выпустили снаряды в сторону города, и над горизонтом взметнулось пламя. Хасан взглянул на Иман:

— Все еще ликуют?

Она отвернулась от него.

— Ну-ка, дай взглянуть. — Клаус вместе с Сунгом склонился к экрану, куда поступали данные с зонда.

— Вот, вот и вот, — указал китаец.

Клаус обернулся к Хасану:

— Я ошибся. Третий бот намеренно посадили в море. Город окружен треугольником. Парк, болото, океан. Смотри сюда. Видишь? Плывет. Должно быть, они приспособлены к посадке и на сушу, и на воду.

Сунг сказал:

— А, вот и радиосвязь. Скормлю данные Разуму.

Он переключился в аудиорежим, и все на минуту замолчали, вслушиваясь. Звучание было жидким, чмокающим. Кваканье лягушек, тявканье игуан… Не компьютерные сигналы, а голоса. В этих звуках было чувство.

— Шар поднимается, — сообщил Башир.

Хасан уставился на него:

— Ты уверен? Он, должно быть, сумасшедший. Подниматься сейчас?! Башир, Халид, идите к обрыву. Я сейчас подойду. — Хасан не мог оторваться от зрелища горящего города. Усилив увеличение бинокля, он видел, как с первого челнока высаживается отряд. — Максимальное увеличение! — крикнул он. — Я хочу их рассмотреть.

— Их не так уж много, — нерешительно заметил Мизир.

— Много и не требуется, — отозвался Клаус, — Это наверняка легкий воздушный десант. Чтобы удерживать посадочную площадку для корабля-матки.

— Гадаешь, — сказал Хасан.

— Ganz natiirlich.[29]

Десантники разбились по трое и веером разбежались по парку. Азракцы оказались двуногими, ниже и плотнее, чем

батиниты. Они носили черную униформу из похожего на кожу материала. Лица были закрыты шлемами с масками — если, конечно, под этими масками скрывалось что-то похожее на лицо. Кожа на открытых участках тела была блестящей и чешуйчатой.

— Рептилоиды, — сказал Мизир, одновременно радуясь возможности изучить новый вид и стыдясь этой радости при таких обстоятельствах. — Творения Бога удивительно разнообразны, но использует Он всего несколько шаблонов.

— Предположения! — потребовал Хасан. — Что мы видим?

— Шлемы с встроенными экранами, — отозвался Клаус. — Базовый корабль остается на низкой орбите и передает данные спутниковых наблюдений «ящерицам» на поле боя.

— Если это рептилоиды, — предположил Мизир, — они, вероятно, явились из пустынного мира.

Клаус выпятил губы.

— Разве на земле мало водных рептилий? На Аль-Азраке есть вода.

— Верно! — воскликнул Мизир, — Но есть и пустыни. Впрочем, это может быть и рыбья чешуя. Или земноводные. Чего вы хотите, показав мне одно голое плечо?

— Мизир, — остановил его Хасан, и экзобиолог глубоко вдохнул и отвернулся.

— Хасан, — прозвучал по радио голос Башира. — Шар поднялся уже наполовину высоты, но его сносит встречным ветром.

Хасан выругался и, нарушая собственное требование, рявкнул в эфир:

— Радиомолчание! — Он обернулся к Халиду: — Что такое? Я сказал тебе, к обрыву, и ждать шар!

Халид наблюдал за сражением на большом плазменном экране.

— Нечестная драка… Вот, командир. Может пригодиться.

Хасан увидел, что страж врат протягивает ему плазменный пистолет.

— Их всего четыре, — пояснил Халид. — По два в каждом инобусе. По одному взяли мы с Ладаван как опытные стрелки, Один я даю тебе как капитану. Кому четвертый?

— Привратник, если азаркцы атакуют нас здесь, четыре лазера не помогут. Против космического крейсера?

— Капитан, так все-таки лучше, чем совсем безоружными.

Хасан сунул пистолет за пояс.

— Клаус?

Немец опустил бинокль, увидел, что ему предлагают и покачал головой.

— Я занимаюсь военной стратегией: передвигаю фигурки на карте. Никогда не брал в руки оружия. Отдай его Янсу. Для американцев оружие — фетиш.

Сунг протянул руку с откидного сиденья:

— Я возьму.

Халид помедлил:

— А пользоваться умеешь?

— Могу в доказательство поджарить кролика. — Он кивнул на шестиногого грызуна, выбежавшего на дальний край луга.

Халид не стал требовать доказательств, а просто протянул пистолет. Сунг положил его рядом с собой.

— Ты так хорошо стреляешь? — спросил Хасан, когда Халид отошел к обрыву.

— Нет, зато теперь он не отдаст пистолет Янсу. Слишком он молод, как и твой кузен. Слишком вспыльчив. Лучше пусть пистолет побудет у меня. Я не умею им пользоваться, но *я знаю*, что не умею.

— Батиниты явно ожидали высадки в парке, — объявил Клаус. — У них целый полк был спрятан в лесу. Дождались, пока азаркцы рассыплются, и пошли в наступление.

Хасан задержался посмотреть, как ряды и колонны в желтом маршируют под барабанную дробь своих перепонок и хлопки нижних рук. Он видел, как капралы выкрикивают приказы. Увидел, как выравниваются ряды, и два знамени — шесторёл и второе, видимо знамя полка — поднимаются над головами. В первом ряду стреляли, припав на колено. Второй ряд дал залп над их головами, затем солдаты перестроились, уступив дорогу следующим двум рядам, и, пока те стреляли, перезарядили ружья.

Им удалось дать три залпа, после чего захватчики разнесли их в клочья. Скорострельные автоматы, бившие из укрытий, изрешетили желтые мундиры, яркие знамена, забрызгивая стволы шестикедров и железного дерева, проливая на желтую масляную траву блестящие лужицы желто-зеленого ихора.

Несколько орудийных залпов с десантного бота довершили бойню. От полка не осталось ничего, кроме содрогающихся трупов и кусков тел. Хасан гадал, лежит ли среди них молодой солдат, которого они однажды видели здесь с подружкой.

— O, les braves gens![30] — шепнул Клаус.

Хасан не мог больше на это смотреть.

— Записывай все! — рявкнул он. — Остальным — грузить бусы. Отключить все оборудование, питание которого могут зарегистрировать эти… гады. Клаус… Клаус! Сделай оценку возможностей захватчиков. Чем мы можем пользоваться без

опаски? Пока что азракцы… заняты, но рано или поздно они поднимут в воздух летательные аппараты или со спутника обратят внимание на этот луг. Не оставлять после себя ничего, что «ящерицы» могут обратить себе на пользу, а они могут использовать практически все!

Он зашагал к обрыву, на который пытался подняться батинит с шаром.

Клаус заикнулся:

— А я думал, мы могли бы…

Хасан одним взглядом заставил его замолчать.

Дойдя до опушки шестикедровой рощи, подступавшей к самому обрыву, Хасан, увидел Иман, наблюдающую за шаром в телеобъективы. Она и сама, с головой, укутанной шарфом, с пучеглазой маской на лице, казалась созданием чужого мира.

— Он пытается заякорить шар, — сообщил Башир, увидев старшего брата. — Раскручивает причальный конец над головой и бросает.

— Он вас видел?

— Нет. — Иман отвечала, не сводя глаз с батинита. — Опасный маневр, — добавила она. — Он рискует запутать стропы или зацепить свой шар.

— Мы видели сражение, — сказал Башир, — на наручных дисплеях.

Иман опустила очки и оглянулась. Хасан покосился на Халида, сидящего на корточках чуть позади остальных, но лицо привратника было совершенно бесстрастным. Хасан потер ладонью кулак и сказал, ни на кого не глядя:

— Это не сражение, а бойня. По-моему, батиниты убили двух азракцев. Может быть. Азракцы унесли раненых на корабль, так что кто знает?

— Мы должны что-то делать! — выкрикнул Башир.

Хасан развернулся к нему:

— Должны? И что ты предлагаешь, брат? У нас нет оружия, кроме четырех пистолетов. Сунг умница, он, может, и сумел бы соорудить сверхоружие из деталей нашего оборудования — однако сомневаюсь! Янс мог бы подняться на своем ультралете и сбросить кому-нибудь на голову газовый хроматограф, но повторить этот подвиг ему уже не удастся.

Иман снова обернулась к нему:

— Прекрати! Не смейся над ним. Он хочет помочь. И все мы хотим.

— Я хочу, чтобы он здраво смотрел на вещи. Мы ничего не можем — только наблюдать и записывать.

— Мы можем послать свои бусы на Землю, — горячо возразил

Башир, — и показать там, что здесь творится. Они пришлют помощь. Пришлют легион или американских морпехов, и тогда посмотрим, как понравится этим «ящерам», когда их бьют!

— С чего ты взял, что Союз или американцы — да кто угодно — пошлют хоть одного полисмена? С какой стати?

Башир открыл рот, закрыл его и открыл снова.

— Они должны! Этим людям нужна помощь!

— А если бы они и послали легион, — безжалостно добавил Хасан, — им всем, до последнего бойца, пришлось бы пройти сквозь врата. Азракцы, может, и звери, но не глупцы. Им стоит послать один крейсер к вратам, и весь экспедиционный корпус будет навсегда отрезан от дома. Или азракцы просто перехватят выходящих, завладеют бусом и… Где ты возьмешь генерала, настолько безумного, чтобы предложить такой план? Какой политик его поддержит? И легионеры не самоубийцы, чтобы исполнять такой приказ.

Заговорил Халид:

— Ты еще не спросил, как мы будем переправлять достаточно мощные силы со скалы на равнину.

— Спасибо, привратник, — сказал Хасан, — но, думаю, мой кузен и без того начинает понимать. Мы можем сделать только одно, — тихо добавил он.

— Что? — с жадной надеждой спросил Башир. — Что мы можем сделать?

— Очень немногое. Мы можем помочь знаниями — если Разум сумеет перевести. Можем рассказать нашему воздухоплавателю, как вести войну при неравных силах. Об испанской герилье, изводившей Наполеона. О партизанах Тито.

— И это поможет?

Хасану следовало бы сказать «нет», потому что партизаны редко добивались успеха без опоры на регулярные войска. У герильос был Веллингтон, у партизан Тито — Красная Армия.

— Да, — сказал он Баширу.

Халид, который мог бы поправить его, промолчал.

— Зацепился! — сказала Иман.

— Что?

— Якорь, — ответила она. — Он зацепился. Теперь он подтягивает шар к краю обрыва, причаливает.

— А. Хорошо. Пора поздороваться с беднягой.

— Зачем, — вопросил Халид, ни к кому в отдельности не обращаясь, — когда гибнет его город, он так стремится к этой вершине?

— Я думаю, — ответил ему Хасан, — потому что ничего другого ему не остается.

* * *

Внешность батинита не выражает чувств, во всяком случае с точки зрения человека. Тем не менее легко было понять, что он испытал, когда, выбравшись из кабины и закрепив ее канатом, привязанным к стволу, увидел поднимающихся из укрытия людей. Батинит вытянулся в полный рост, взмахнул в воздухе щупальцами верхних рук и попятился назад. Шаг. Еще шаг.

— Стой, — вскрикнула Иман. — Там обрыв! — И кинулась к нему.

Запустив руку в корзину, батинит извлек мушкет и, прежде чем Хасан успел понять, что видит, выпустил заряд картечи, ударивший Иман в грудь и в горло. Хасан слышал, как рассерженными пчелами прогудели над ухом дробинки, услышал болезненный вскрик Башира.

Картечь летит с малой скоростью — Иман не отбросило силой удара. Она стояла на месте, покачиваясь, а ее хиджаб из клетчатого медленно становился багровым. Она начала поворачиваться к Хасану, и по ее недоуменному лицу Хасан понял: она хотела спросить, что случилось, но потеряла равновесие и повалилась.

Хасан подхватил ее и нежно опустил наземь. Позвал по имени, развязал набрякший от крови хиджаб и прижал ее голову к груди. Заметил, что волосы у нее черные — черные и заплетены в стянутые кольцами косички.

Батинит тем временем методично перезаряжал свой мушкет, забивал в ствол заряд, готовясь ко второму убийству. Вскрикнув, Хасан поднялся на ноги, вытащил из-за пояса свой пистолет и направил его на существо, явившееся сюда на воздушном шаре. Красная точка прицела задрожала на лбу чужака. Лазер вскрыл бы кожистую оболочку, рассекая — не мозг, а нервные сплетения, обрабатывающие восприятие, прежде чем передать информацию в брюшную часть. Хасан перенес прицел на брюхо, к отверстию, скрывавшему слизкий нечистый орган, к диафрагме, за которой, по словам Мизира, таились жизнь и мысли этих существ.

Он чуть было не выстрелил. Он уже положил большой палец на курок активатора, но Халид сбил ему руку и сам с беспощадной меткостью четырьмя вспышками собственного лазера обжег руки твари. Тот выронил мушкет и издал звуки, напоминающие дробь сумасшедшего барабанщика. Пятым, более длинным выстрелом, Халид вспорол тушу шара, колыхавшуюся в небе. Цветная ткань издала вздох — почти как Иман — и так же обмякла, повиснув на зубцах утеса. Ветер трепал складки материи.

Хасан выронил пистолет, так и не выстрелив. Повернулся и пошел к чужим кедрам.

Халид махнул рукой на трещавшего перепонками пленника:

— Постой. Что нам с ним делать?

— Сбросьте со скалы, — не оглянувшись, сказал Хасан.

* * *

После долгих поисков Сунг нашел Хасана там, где надо было искать с самого начала: у бесконечного водопада и бездонного пруда в дальнем конце долины. Капитан экспедиции молился, стоя коленями на молитвенном коврике, расстеленном на влажной земле и камнях, и снова и снова простирался ниц. Сунг постоял, глядя на него. Он и сам почитал предков, а под настроение даже Благородный Восьмистадийный Путь.[31] Быть может, он вел к Богу, а может, и нет. Его предки воздерживались от суждений на этот счет. Сажа сгоревшего города начала оседать на плато. Взрывы грохотали как далекий гром. Если это творил Бог, дела его были непостижимы для Сунга.

Хасан сел на пятки.

— Почему она должна была умереть? — выкрикнул он, перекрыв даже рев водопада.

Сунг не знал, к нему или к Богу обращен его вопрос, но, помедлив, ответил:

— Потому что картечина перебила сонную артерию.

Хасан замер, потом обернулся к нему:

— Разве это причина?

— Не причина, — согласился Сунг. — Люди Запада всюду ищут причин, вечно причин. Но причин нет. Дерьмовый случай. Жизнь — колесо. Однажды ты срываешься с него.

— Мы не смеем вопрошать Бога.

— Да боги и не отвечают, сколько ни вопрошай. Может быть, они тоже не знают.

— Я даже не могу винить того несчастного подонка с шара. — Хасан закрыл лицо руками. — На его планету напали, соплеменников перебили, самые гордые достижения цивилизации обратились в ничто. Мы же для него были такими же врагами. Скажи мне, что Халид не сбросил его со скалы.

— Он не исполняет незаконных приказов. Но оставить его в живых здесь, наверху, еще более жестоко. Как он спустится без шара? Как будет кормить себя с обожженными руками?

— Это моя вина, Сунг. Что я за капитан? Я позволил Аль-Батину убаюкать себя. Я не должен был разрешать Иман

приближаться к нему так, не дав ему успокоиться, пережить страх.

— Неважно, — сказал Сунг. — Он не боялся. Он ненавидел.

— Что ты говоришь? Откуда тебе знать?

Сунг развел руками.

— Возможно, перевод Разума не точен. Но он уверен, что дробь батинита выражает ненависть и отвращение. Мы его допросили. Мизир, Халид и я. Это не первый визит с Голубой Планеты. Азракцы уже приходили. Приходили с миром. Чтобы торговать и исследовать. И батиниты убили всех — за осквернение священной земли Батина.

— Без повода?

— Он сказал, их появление — достаточный повод. Их корабль был поврежден, но некоторые выжили, добрались до Порта. Предупреждали, что в следующий раз придут с местью. Но батинитам все равно. Никакой логики, одна ярость. Убили и выживших. Этот воздухоплаватель тоже убивал. Гордится, что защищал Аль-Батин. Вспомни, Хасан, он доставил сюда шар еще до высадки азракцев и оружие было уже заряжено. Он не знал, кто мы и зачем здесь, знал только, что кто-то есть. И явился убивать, а не приветствовать.

— Ксенофобы… — Хасан не мог поверить. Такой нежный беззаботный народ, за которым они так долго наблюдали. Впрочем, одно никогда не исключало другого.

Сунг покачал головой.

— Батинит не испытывает ненависти к азракцам — только к их приходу.

— Какая разница. И разве азракцы с их жаждой мести лучше преступников батинитов? — Хасан не ждал ответа. Он скатал молитвенный коврик и перебросил его через плечо. — Бусы готовы к отправлению?

Сунг кивнул:

— Ждут капитана.

— Иман… на борту?

— В трюме для образцов.

Хасан поморщился.

— Я приказываю Халиду запечатать врата. Никто сюда больше не придет. Никогда.

— Слишком велика опасность, — согласился Сунг.

— Опасность не в том, в чем ты думаешь.

* * *

Из мира, названного людьми Тайным, уходили люди. Закрылись врата, выходившие на чудесный луг в горах, далеко от пепла горящего города на равнине. Врата открывались, где соизволит Бог, а человеку оставалось лишь принимать его волю. Быть может, была причина тому, что врата открылись именно там, но не человеку вопрошать Бога о причинах.

Первым среди них был Хасан Маклуф, человек, прошедший восемнадцать миров и принесший из них восемнадцать ран. В десять из этих миров он шел за другими, в восемь другие шли за ним. Из четырех он бежал, спасая жизнь. Двум подарил любовь. В одном потерял душу.

М. Джон Гаррисон
Туризм

Гаррисон не относится к плодовитым писателям, и до недавнего времени он был мало известен большинству американских читателей научной фантастики. Однако в Великобритании он имеет вес в писательских кругах с конца 60-х годов, когда задавали тон «New Worlds» Майкла Муркока. Написав относительно немного произведений, Гаррисон тем не менее автор заметный: следует сказать, что недавно ему вручили премию имени Ричарда Эванса: это новая премия, задуманная как раз для авторов такого склада. Гаррисон напечатал свой первый рассказ в «New Worlds» в 1975 году, и в последующие десятилетия публиковался в «Interzone», «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», «Other Edens», «Little Deaths», «Sisters of the Night», «MetaHorror», «Elsewhere», «New Terrors», «Tarot Tales», «The Shimmering Door», «Prime Evil», «The New Improved Sun». Его рассказы были объединены в сборники «Машина из шахты номер 10» («The Machine in Shaft Ten»), «Ледяная мартышка» («The Ice Monkey»), «Сборы в дорогу: рассказы» («Travel Arrangements: Short Stories»); последний сборник называется «То, что никогда не происходит» («Things That Never Happen»). Надо сказать, что самой значительной работой Гаррисона в жанре научной фантастики являются рассказы и романы о загадочном городе Вириконий, хотя трудно с уверенностью назвать это фантастикой. Цикл о Вириконии был недавно издан в одном томе под заголовком «Вириконий» («Viriconium»), в него вошли романы «Пастельный город» («The Pastel City»), «Биение крыл» («A Storm of Wings»), «В Вириконии» («In Viriconium») и рассказы под общим названием «Ночи Вирикония» («Viriconium Nights»).

В 90-х годах XX века Гаррисон отошел от жанра, опубликовав серию романов, претендующих на «серьезную» литературу (хотя во многих из них на заднем плане присутствуют элементы фантастики); среди них «Путь наверх» («Climbers») и «Признаки жизни» («Signs of Life»). Но не так давно он вернулся к «чистой» тучной фантастике, написав «Свет» («Light») —

космическую эпопею с интригующим сюжетом. Это произведение имеет достаточный успех, который, возможно, обеспечит Гаррисону внимание со стороны тех широких кругов американских читателей, которые пока игнорировали его творчество. Среди других его романов — «Преданные своему делу» («The Committed Men») и «Машина с Центавра» («The Centauri Device»). Готовится к изданию новый роман «По велению сердца» («The Course of the Heart»). Рассказ Гаррисона был включен в семнадцатый сборник «The Year's Best Science Fiction».

В произведении, которое мы предлагаем ниже, автор демонстрирует выдумку, создает определенное настроение и отправляет читателя по туристическому маршруту, которого не найти ни в одном из современных путеводителей…

* * *

Джек Серотонин коротал время в баре на Прямом проезде, как раз на границе дождегорского дивнопарка со всеми его достопримечательностями. Всю ночь он играл в кости и беседовал с упитанным инопланетянином, который называл себя Антуаном. Еще не начало светать; коричневатый свет уличных фонарей, ровный и в то же время неяркий, проникал в помещение.

— Я ни разу не ходил туда, — признался толстяк, имея в виду дивнопарк. — Но я вот что думаю…

— Антуан, если собираешься пересказывать чужие враки, тогда лучше помолчи, — сказал Джек назидательно.

На лице его собеседника появилось обиженное выражение.

— Лучше выпей еще, — посоветовал Джек.

Бар находился где-то в середине Прямого проезда — улочки, беспорядочно застроенной двухэтажными домами, и на всем протяжении две трети из них стояли с заколоченными окнами. Как другие улицы в этой части Дождегорска, Прямой проезд изобиловал кошками, особенно на восходе и закате, когда они покидали дивнопарк и возвращались в него. Видимо, в честь этого явления бар назывался «Черный кот. Белый кот». Посетителя ждала оцинкованная стойка, чуть высоковатая, так что сидеть за ней было неудобно. Бутылки, выстроенные в ряд, в них — напитки фантастических оттенков. Несколько столиков. Широкое окно быстро запотевало, это никого не беспокоило, кроме Антуана. Утром в баре еще чувствовался чесночный запах вчерашнего ужина. Иногда пахло также плесенью, как будто что-

то приползло под покровом ночи из дивнопарка, но не смогло долго вдыхать воздух бара и подохло под столиком в углу. Тенички висели высоко над головой — в стыке между стенами и потолком, словно паутина. Сейчас им особо нечем было заняться.

Джека можно было найти в баре почти каждый день. Здесь он питался. Отсюда он наводил деловые контакты. Сюда приходила почта на его имя, и здесь же он договаривался обо всем со своими клиентами; но на самом деле это был так называемый исходный пункт, удобно расположенный, — не очень далеко от дивнопарка, но и не настолько близко, чтобы чувствовалось его присутствие. Здесь имелось еще одно преимущество: Джек был в хороших отношениях с владелицей бара, женщиной по имени Лив Хула, которая никогда не нанимала помощников, а сама справлялась со всей работой — днем и ночью. Посетители принимали ее за буфетчицу; это ее устраивало. Никто не слышал от нее жалоб на судьбу. Она принадлежала к тем женщинам, которые после сорока замыкаются, уходят в себя; невысокая, худая, на седеющей голове стрижка ежиком, на мускулистых предплечьях — броская татуировка, на лице такое выражение, будто она все время думает о чем-то своем. В ее баре всегда можно было послушать музыку. Ее вкус распространялся даже на ритмы всякого рода самодеятельных групп и исполнителей, которых никто уже не вспоминал лет десять. Из-за этого сама Лив казалась старше своих лет, что как-то задевало Джека. В том смысле, что они были вместе пару раз.

Теперь она обратилась к Джеку:

— Эй, оставь толстяка в покое. Каждый имеет право высказать свое мнение.

Серотонин измерил ее взглядом:

— А тебе кто давал право голоса?

— Что, плохо спалось, Джек?

— А ты будто не знаешь? Ты ведь была рядом.

Она налила им — ром «Черное сердце» для Джека, а для его собеседника тот же коктейль, который он заказывал раньше.

— Рядом с тобой был только ты сам, Джек, — сказала она. — Один, как всегда.

Они оба засмеялись. Она посмотрела поверх его головы на открытую дверь бара и сказала:

— Похоже, к тебе гости.

Женщина, стоявшая в дверях, была на высоких каблуках, только вошедших в моду, что не вполне шло к ее и без того высокому росту. У нее были длинные, тонкие руки, и она смотрела по сторонам точно так, как многие из этих туристок, — нетерпеливо и одновременно беспомощно. Что-то нерешительное

было в ней. Она выглядела изящно и в то же время как-то неуклюже. Если она и умела одеваться, то это не было, скорее всего, врожденным умением, или, может быть, она не до конца развила в себе этот талант. Сразу приходила в голову мысль, что она заблудилась. Когда она вошла в то утро в бар, на ней была длинная шуба медового цвета, из-под которой выглядывал костюм-двойка: черный свободного прилегания пиджак и черная удлиненная юбка со встречной складкой. Женщина нерешительно остановилась в дверях, заслоняя часть улицы, которая наполнялась холодным утренним мерцанием; тусклый свет от окна некрасивым пятном лег на половину ее лица, и первые слова, которые донеслись до сидящих в баре, были:

— Прошу прощения, мне…

При звуке ее голоса тенички расправили свои крылышки и потянулись в ее сторону из всех углов зала, закружились вокруг ее головы, словно привидения, — летучие мыши, блестки, клубы дыма или ведьмы со старинными амулетами. Если представлялся случай, они его не упустят.

— Боже праведный, — жужжали тенички. — Какие красивые руки.

— Извините, вам чем-нибудь помочь?

— Вы кого-то ищете, милочка?

— Какие ручки, просто прелесть!

Лив Хула удивилась и, обращаясь к женщине в шубе, призналась:

— Меня они никогда так не обхаживали.

Перед ее глазами встала вдруг собственная жизнь: все приходилось завоевывать, создавать что-то почти из ничего — даже в те недолгие периоды, когда, казалось, наступало оживление или взлет.

— Вы к Джеку, вон он сидит, — показала она.

Она всегда направляла к нему клиентов, а там уже не ее дело, какое будет продолжение. В этот раз Джек явно ждал визита. Работы у него было мало, дела в этом году шли плохо, хотя следовало ожидать обратного, судя по количеству кораблей, сгрудившихся в туристическом порту. Джек считал, что обладает трезвым умом и твердой волей; женщинам, однако, он казался человеком слабым, колеблющимся, привлекательным, и, по их мнению, ему нужно было больше находиться в женском обществе. Он просиживал дни и ночи в баре вместе с Антуаном и Лив Хулой, но выглядел бодро и в целом моложе своих лет. Он стоял, засунув руки в карманы, и женщина двинулась в его сторону, как будто только благодаря его фигуре она могла сориентироваться в зале. Чем ближе она подходила к нему, тем неувереннее

становилось выражение ее лица. Как и большинство из «них», она не знала, с чего начать.

В конце концов она проговорила:

— Мне надо, чтобы вы отвели меня туда.

Джек приложил палец к губам. Он предпочитал слышать такие просьбы в менее откровенной форме.

— Не так громко, — попросил он.

— Извините.

Он пожал плечами:

— Ничего.

— Здесь все свои, — сказала Лив Хула.

Джек смерил ее взглядом, затем улыбнулся.

Женщина тоже улыбнулась.

— В дивнопарк, — сказала она, как будто кто-то мог понять иначе.

Ее лицо было гладким и напряженным от каких-то желаний, Джеку непонятных. Разговаривая, она не смотрела ему в глаза. Он не обратил на это должного внимания и предложил пройти к столику, где они, понизив голос, разговаривали минут пять. Нет ничего проще, объяснил он, чем исполнить ее желание. Понятно, что нужно учитывать риск, и будет опасной ошибкой недооценивать серьезность всего, что происходит там, в дивнопарке. С его стороны было бы просто глупо не предупредить ее об этом. Это было бы безответственно, добавил он. Деньги перешли из рук в руки. Через какое-то время они встали и вышли из бара.

— Еще одна дурочка клюнула на наживку, — сказала Лив Хула достаточно громко, чтобы он услышал и приостановился.

* * *

Антуан утверждал, что когда-то летал на межзвездных кораблях вместе с Эдом Читайцем. Целыми днями он, облокотившись на стойку, смотрел через окно на белый пенистый след, который оставался в небе над крышами по другую сторону Прямого проезда, когда приземлялись корабли класса К. Многим не верилось, что он вообще куда-то летал; Антуан умел оценивать ситуацию и знал, когда лучше промолчать. Помимо этого утверждения была еще одна фраза, которую он твердил про себя:

— Всем наплевать на толстяка по имени Антуан.

И Лив Хула обычно поддакивала ему:

— Да, так оно и есть.

Когда Джек ушел, в баре воцарилась тишина. Тенички

успокоились и убрались под потолок по своим щелям, так что углы снова приняли привычный вид — то есть будто их никогда не чистили. Антуан усиленно разглядывал свой столик, затем бросил взгляд на Лив Хулу за стойкой. Чувствовалось, что им надо поговорить о Джеке или о той женщине, но ни он, ни она никак не могли придумать, с чего начать. Антуана злило, что Лив Хула взялась защищать его перед Джеком Серотонином. Внезапно он отодвинулся от стола вместе со стулом, который с каким-то жалобным звуком проскреб по деревянному полу. Антуан встал, подошел к окну и протер запотевшее стекло ладонью.

— Еще темно, — сказал он.

Лив Хула не могла не согласиться, что так оно и есть.

— Смотри, — сказал он. — Джо Леоне идет.

Через дорогу, напротив бара, стояли дома с ничем не примечательными фасадами, шаткие, покосившиеся — строения, которые смотрелись жалко, потеряв строительную цельность, и теперь их облюбовали для своей хирургической практики закройщики самого низкого пошиба, которые специализировались на косметических операциях и быстром выведении гибридов. Их с большой натяжкой можно было назвать салонами. То, чем они занимались, не тянуло на такое название. Им перепадало кое-что от таких лицензированных заведений, как «Мастер Скальпель» и «Новый облик», расположенных ближе к центру; им также доставалась работа благодаря Ночным гладиаторам, ребятам вроде Джо Леоне.

Теперь Джо ковылял по Прямому проезду, опираясь на заборы и стены домов. Силы то оставляли его, то снова возвращались. Иногда он падал, отлеживался с минуту и поднимался на ноги. Ходьба отнимала у него все силы. Было видно, что он несет что-то в одной руке, опираясь на забор другой рукой. Чем ближе он подходил, тем яснее виделось озадаченное выражение его лица.

Антуан приставил к губам влажные кулаки в виде рупора и проговорил голосом спортивного комментатора с радио Ретро:

— Но устоит ли он на этот раз?

Лив Хула сказала:

— Антуан, мы ждем не дождемся, когда ты научишься проявлять гуманность.

Инопланетянин пожал плечами, отвернулся от окна и сказал обычным голосом:

— Я же не приглашаю делать на него ставки. И до сих пор он всегда справлялся.

Джо продолжал тащиться по Прямому проезду. Когда он приблизился, стало видно, что закройщики поработали недавно над его лицом, сделав его похожим в общих чертах на львиную

морду. Оно было бледным, блестело от пота, но казалось застывшим. Закройщики придали ему одно выражение, как будто слепили маску, даже длинные волосы были убраны к затылку, зачесаны назад с высокого лба и скул.

В конце концов Джо упал напротив «мясницкой», принадлежавшей одному закройщику, и больше не двигался; через пару минут на улицу вышли двое парней почти такого же телосложения, как Джо, и затащили его внутрь.

Джо начал драться, когда ему было семь лет.

— Никогда не поднимай руку на другого, — увещевал его время от времени отец. — Потому что он — брат твой.

Джо Леоне не прислушивался к этим советам, хотя в семь лет, как утверждало большинство, его умственное развитие достигло своего пика. Он любил драться. К двенадцати годам это стало его работой, ни больше ни меньше. Он подписал контракт с Ночными гладиаторами. С тех пор он жил на уколах, которые превратили его в гибрида. Ему нравились львиные клыки, вызывающие наколки, брюки с вшитой бахромой. Джо лишился своего тела. На сохранение гибридной формы уходило столько денег, что у него никак не получалось накопить достаточно, чтобы вернуть себе все человеческое. Каждый день он выходил на ринг, где все повторялось сначала. Ему изрядно доставалось.

— Я даже счет потерял, сколько раз все внутренности у меня меняли. Ну так и что? Потерять победное очко, вот это обидно, — иногда говорил он, смеясь, и заказывал собеседнику еще пива.

Каждый день измочаленное тело этого гибрида утаскивали с ринга, а на следующий день Джо, побывав у закройщиков на Прямом проезде, являлся перед публикой со свежими силами, новым лицом и был готов начать все сначала. Такая жизнь выматывала, но именно такую жизнь он любил. Лив Хула никогда не брала с него за выпивку. Она питала слабость к нему, это всем было известно.

— Эти бои — жестокое и глупое занятие, — сказала она теперь инопланетянину.

Антуан не стал противоречить по дипломатическим соображениям. Через какое-то время, подыскивая, о чем бы еще поспорить, он спросил:

— Ты чем занималась до того, как купила этот бар?

Она ответила без особого энтузиазма, неопределенно усмехнувшись:

— Так, разными делами.

— А я почему не слышал об этих делах?

— Как-нибудь расскажу, Антуан.

Она ждала его ответа, но что-то новое на улице отвлекло его

внимание. Он снова протер стекло. Он прижался к нему лицом.

— Что-то Ирена опаздывает сегодня.

Лив Хула вдруг нашла для себя какие-то срочные дела за стойкой.

— Опаздывает?

— Минуты на две, — сказал он.

— Что такое две минуты для Ирены!

Схватки на ринге — тупое занятие, Лив Хула придерживалась такого мнения. И жизнь из-за них становится тупой. Все помыслы Джо Леоне были такими же тупыми, как его выступления на ринге — пока он не встретил Ирену; после этого все вообще пошло прахом. Ирена была моной; работая в администрации космопорта, она имела хороший послужной список. Таких женщин называют обычно изящными: не больше ста шестидесяти сантиметров, включая прозрачные уретановые каблучки, шелковистые белокурые волосы, — все в ней так и манит. Как и остальные изделия «Мастера Скальпеля», она выглядела почти человеком, очень натурально. Она увидела, как дерется на ринге Джо Леоне, и вдохнув запах его крови, уже не могла оставить его одного. Каждое утро, когда он отправлялся к закройщикам, Ирена сопровождала его. Эти двое олицетворяли собой идею Нового Венеропорта: телесные утехи плюс телесные побоища. Когда Ирена и Джо находились рядом, было трудно сказать, кто из них представлял утехи, а кто побоища. Они сами по себе выступали новой формой развлечений.

Ирена принялась колотить в дверь «мясницкой».

— Как ты думаешь, сколько она будет шуметь, пока им надоест и они откроют? — спросил толстяк Антуан.

Лив Хула обнаружила на поверхности цинковой стойки пятно, напоминающее что-то географическое, и с интересом его разглядывала. Она сказала:

— С какой стати ты у меня спрашиваешь?

— Она испытывает к нему чувство, — сказан Антуан, который желал развивать эту тему, — В этом нет сомнений. Никто не станет оспаривать… Бог ты мой! — пробормотал он вполголоса, — Только посмотри на эти сиськи.

Он силился представить, как это все выглядит: Джо Леоне — мертвый, в разжиженном виде, его кости и ткани снова срастаются в тело, а Ирена смотрит на него с загадочной улыбкой моны. И надо сказать, что Ирена, как и Лив Хула, тоже считала бои на ринге тупым занятием. Каждое утро ей приносили старый деревянный стул, ставили его в голове стеклянного бака, в котором перерождался Джо и на котором выцветшими буквами был выведен его бойцовский девиз: «Не бойтесь боли!» Она

сидела рядом с баком, не обращая внимания на вспышки светодиодов, которые в общем-то светились чисто для декорации, наблюдая, как биологическая жидкость, словно теплая слюна, колышется в баке, стекает водопадом на разные уровни самообновления, просачивается сквозь плотный слой из сорока тысяч молекулярных соединений, и через каждые двадцать минут жидкость спускается в дренаж, унося те нежелательные вещества, которые не смогла уничтожить химия. Ирена не переносила этого звука: когда трубы всасывают в себя жидкость.

Она скажет Льву: «В один прекрасный день тебя не смогут восстановить. Еще один бой, и у нас с тобой все кончится». Но Джо был в это время алгоритмом где-то в режиме настройки. Он выбирал новые клыки по каталогу, он приноравливался к гликолитическим системам. Он ничего не слышал.

Она скажет: «Ах, Джо, я тебя предупреждаю. Еще один только бой».

* * *

Иногда Лив Хула наблюдала за полетом ракет.

На рассвете она подошла к окну и стала рядом с толстяком, они смотрели, как два грузных грузовых корабля, отливая бронзой, уходили в небо из торгового порта. Затем корабль класса К поднялся ввысь с одной из военных пусковых площадок, словно опираясь на белый столб, выбрасываемый его твердотопливной турбиной. В отсвете ракетного шлейфа на ее лице появлялось неожиданно теплое выражение. Затем пенные следы, оставленные ракетами, начали тускнеть, исчезать с неба, похожего на крышку кастрюли, которая приподнялась, и из-под нее пробилась на востоке тонкая дуга бледно-зеленого, слабосильного рассвета. Вскоре набрал силу береговой бриз; устремившись в узкую трубу Прямого проезда, он взболтал туман, низко стелющийся по дивнопарку. Это был сигнал для разномастного люда начинать трудовой день. Лив Хула и толстяк Антуан смотрели, как корабль класса К распарывает, словно ножницами, слои атмосферы.

— Ты летал когда-нибудь на таком? — поинтересовалась она.

Он прищурился и отвернулся. Сказал:

— А вот это зачем? Зачем эта ирония?

И как раз в этот момент в бар вернулся Джек Серотонин. Он шел быстро и оглядывался. У него был вид человека, чей день с самого утра пошел наперекосяк. Его лицо было бледным, из небольшого пореза на щеке выступали бусинки крови. Похоже,

совсем недавно он брел по колено в маслянистой воде, а у габардиновой куртки на молнии один рукав был наполовину оторван у плеча — как будто кто-то повис на нем, когда они оба падали, — Лив Хуле почему-то сразу представилась именно такая картина.

— Бог ты мой, Джек!

— Налей мне, — попросил Джек Серотонин.

Он дошел до середины зала, словно собираясь пить у стойки, но затем передумал и вдруг сел за ближайший столик. Сел, но, похоже, не знал, что делать дальше. Несколько теничек отделились от потолка, чтобы рассмотреть его поближе; он как будто не замечал их. Он тихо повторял удивленным голосом:

— Черт!

Через какое-то время он отдышался и успокоился.

Как только Джек вернулся, толстяк Антуан забыл о своих прежних обидах, пододвинул стул и начал рассказывать Джеку какую-то историю; увлекшись, он так навалился вперед, что кромка столика утонула в складках его тела. Говорил он тихо и быстро, но посторонний слушатель все же мог уловить отдельные слова: вторжение, жесткое излучение, Эд Читаец. Джек и на него смотрел как на пустое место, затем проговорил:

— Заткнись, или я пристрелю тебя прямо здесь.

Инопланетянин посмотрел растерянно по сторонам. Он пробормотал, что, сидя в этом баре, всего лишь дожидается счастливого случая и ждал помощи от Джека. Он едва не плакал.

— Извини, — сказал Джек.

Он опять задумался о чем-то своем и, когда Лив Хула принесла ему ром, похоже, не сразу понял, кто она.

— «Черное сердце», Джек, твой любимый, — сказала она, подсаживаясь к столику.

— Черт, — снова повторил он.

— Где женщина, Джек?

— Не знаю, — ответил он.

— Только не говори, что ты бросил ее там.

— У нее поехала крыша, и она убежала. Она где-то в буферной зоне. Антуан, сходи посмотри, на улице нет никого?

— Мне бы только дали приспособиться здесь, — проговорил инопланетянин.

— Антуан, черт бы тебя побрал!

Антуан сказал:

— Никто не хочет понять этого.

Серотонин собрался еще что-то добавить, но потом как будто совсем забыл об инопланетянине. Он покачал головой и сказал:

— Я впервые видел, чтобы человек так перепугался. Мы еще

даже не вошли в дивнопарк по-настоящему. Сегодня там страшновато, но уж не настолько.

Он допил ром и вернул ей стакан. Вместо того чтобы взять стакан, Лив Хула ухватила Джека за рукав. И она держала его руку, пока он не попросил отпустить.

— Что значит «страшновато»?

— Все перемещается с места на место, — рассказал он. — Бывало и похуже, но обычно дальше, в глубине парка.

— Джек, где она?

Он засмеялся. Он часто отделывался таким вот смехом.

— Я повторяю, — сказал он устало. — Она где-то в буферной зоне. Мы только туда и дошли. Я вижу: она помчалась между домами, вижу ее шелковые чулки и эту долбаную желтую шубу, потом ничего не вижу. Она звала, но непонятно откуда, и я махнул рукой. — Он протянул ей стакан: — Лив, налей еще, а то я не знаю, что сделаю сейчас.

Лив Хула сказала:

— Ты не стал искать ее, Джек.

Он посмотрел на нее с недоумением.

— Ты постоял там, где тебе ничего не угрожало, крикнул пару раз, а затем отправился домой.

Инопланетянин пришел в негодование. Он не допустит, чтобы кто-то подозревал Джека!

— Джек не мог так поступить! Ну-ка, Джек, объясни ей. Ты бы никогда не сделал такого. — Он встал со своего стула. — Я выйду, проверю, что там и как, как ты просил. Ты плохо знаешь Джека Серотонина, если можешь думать про него такое, — обратился он к Лив Хуле.

Когда он ушел, Лив Хула вернулась к стойке, налила Джеку еще «Черного сердца», а Джек тем временем тер ладонями лицо как человек, который безумно устал и не представляет себе, как ему жить дальше. Он как будто постарел с тех пор, как ушел из бара. Его лицо стало угрюмым, щеки обвисли, а в голубых глазах проскальзывало виноватое выражение, которое со временем будет постоянно присутствовать в его взгляде.

— Ты представить себе не можешь, что там творится.

— Конечно не могу, — ответила она. — Один Джек Серотонин знает это.

— Улицы накладываются одна на другую, и каждую минуту безо всякой связи одни события меняются на другие. Никакие указатели не подскажут тебе дорогу. Ни одного строения, которое можно выбрать за надежный ориентир во всей этой катавасии. Сойдешь со знакомого маршрута, и тебе конец. И днем и ночью лают заблудившиеся собаки. Все борется, чтобы остаться на

плаву.

Но Лив Хула твердо решила, что не даст ему уйти от прямого ответа. Она напомнила ему:

— Ведь ты профессионал, Джек. Они — твои клиенты. Вот, выпей еще, если хочешь. — Она облокотилась на стойку. — Уж тебе-то нельзя терять голову.

Похоже, его позабавили ее доводы. Он выпил ром одним глотком, лицо его снова порозовело, и они менее враждебно посмотрели друг на друга. Однако он еще не все высказал ей.

— Послушай, Лив, — тихо проговорил он через несколько минут. — Какая разница между тем, что ты видел, и тем, что ты есть? Хочешь узнать, как там в дивнопарке? Дело в том, что все эти годы ты пытаешься извлечь что-то лично для себя. А затем, угадай, что происходит? Из тебя начинают что-то извлекать.

Он встал и пошел к двери.

— Что ты там толчешься, Антуан, черт бы тебя побрал! — крикнул он. — Я сказал тебе: проверь обстановку! Я сказал: посмотри, и все.

Инопланетянин прогулялся немного по Прямому проезду, чтобы проветрить голову на свежем предутреннем ветру, и он также проверил, есть ли возможность поглазеть на Ирену в «мясницкой», видно ли мону сквозь щель в забитом досками окне. Теперь он заскочил обратно в бар, широко улыбаясь и поеживаясь от холода.

— Вот вам Антуан, — показал на него Джек. — Он может поведать о дивнопарке. Все, что знает.

— Оставь Антуана в покое.

— Антуан, ты бывал там, когда все вокруг тебя рушится?

— Я ни разу не ходил туда, Джек, — сказал поспешно Антуан. — И я никогда не вру, что бывал там.

— Когда все исчезает, и ты не имеешь ни малейшего представления, что появится взамен. Воздух похож на сырое тесто. И там не запах, там зловоние. На каждом углу к стене прибит сломанный телефон. На всех наклейка: говорите, но ни один не подключен. Они звонят, но никто не поднимает трубку.

Лив Хула посмотрела внимательно на него, потом пожала плечами. А инопланетянину она объяснила:

— Джек всегда так переживает, когда теряет клиента.

— А шли бы вы!.. — сказал Джек Серотонин. — Вы оба шли бы подальше.

Он отшвырнул свой стакан на другой конец стойки и вышел из бара.

После его ухода в баре снова воцарилась тишина. Она стала давящей, так что Лив Хула и инопланетянин, хотя им и хотелось

поговорить, оставались наедине со своими мыслями. Ветер с моря улегся по мере того, как на улице светало, и вот уже ни у кого не осталось сомнений, что наступил рассвет. Женщина вымыла и протерла стакан, из которого пил Джек Серотонин, поставила его осторожно на место позади стойки. Затем она поднялась в комнату на втором этаже, где собралась было переодеться, но остановилась на середине комнаты, глядя с нарастающей паникой на не заправленную кровать, на комод для постельного белья и на голые белые стены.

Нужно чем-то заняться, подумала она. Нельзя здесь оставаться.

Спустившись снова в бар, она увидела, что Антуан занял свое привычное место у окна, стоял, опершись о подоконник, и наблюдал, как грузовые ракеты взмывают одна за другой из космопорта. Он полуобернулся, как будто собираясь заговорить, но, не видя ответной реакции, снова уткнулся в окно.

На другой стороне улицы открылась дверь «мясницкой».

После короткой безмолвной потасовки на тротуар вытолкнули Ирену. Мона сделала два-три неуверенных шага, посмотрела машинально направо и налево, словно пьяный прохожий, который оценивает движение машин по проезжей части, и затем вдруг села на край тротуара. За ее спиной с шумом захлопнулась дверь. Юбка моны задралась. Антуан прилип носом к стеклу, присвистнув под нос. Ирена тем временем поставила свою ярко-красную уретановую сумочку на землю рядом с собой, запустила в нее руку и стала перебирать содержимое. Через несколько минут из дождегорского дивнопарка настороженно-молчаливым потоком повалили сотни кошек, а Ирена все так же сидела на тротуаре, обнажив все, что могло обнажиться, шмыгая носом и вытирая слезы.

Никто не знал, сколько этих кошек обитает в Дождегорске. И вот еще что: среди них не попадалось ни одной полосатой, все были только черными или белыми. Когда они повалили из дивнопарка, это напоминало какой-то двухцветный бурный поток, имеющий четкие, определенные характеристики, но непредсказуемый по своим последствиям. Вскоре кошки заполнили Прямой проезд, двигаясь направо и налево, неся с собой тепло своих тел, а также душный, пыльный, но чем-то приятный запах. Ирена с трудом поднялась на ноги, но кошки обратили на нее не больше внимания, чем на уличный фонарь.

Ирена родилась на планете с названием Делянка Перкинса. Она уехала оттуда долговязой, костлявой девчонкой, у которой были крупные ступни и неуклюжая походка. Когда она улыбалась, обнажались десны, и она укладывала волосы, окрашенные в

медный цвет и покрытые лаком, такими тугими и сложными волнами, что те улавливали гудение высоковольтных линий и радиосигналы всего космоса. Она выглядела мило, когда смеялась. Ей было семнадцать лет, когда она поднялась на борт ракеты. В ее чемодане лежало желтое хлопчатобумажное платье, имеющее отдаленное сходство с модными гарнитурами, прокладки и четыре пары туфель на высоких каблуках. «Я обожаю туфли», — сообщала она собеседнику, когда была навеселе. «Я обожаю туфли». Она была в своей лучшей форме в те годы. Она была готова следовать за вами хоть на край света, а недели через две ее видели в компании с кем-то другим. Она любила космических пилотов.

Теперь она стояла на улице, по ее щекам текли слезы, а по проезду, огибая ее, струился поток кошек, покидающих дивнопарк. Затем Лив Хула пробралась с трудом сквозь эту живую реку и привела мону в свой бар, где усадила за столик и сказала:

— Тебе налить чего-нибудь, милая?

У Ирены вырвалось истерически:

— На этот раз он умер.

— Даже не верится, — сказала Лив Хула и тут же поставила барьер внутри себя, отгораживаясь и отстраняясь от того, что произошло.

Но Ирена продолжала повторять отрывисто: «Он умер на этот раз, вот и все», — поэтому не было возможности отстраниться совсем. Ирена взяла руку Лив Хулы и прижала ее к своей щеке. Она сказала, что, по ее мнению, мужчины почему-то плохо приспособлены к жизни; на это Лив Хула ответила:

— Я тоже всегда так думала.

Затем Ирена снова начала шмыгать носом и потянулась к своей сумочке за зеркальцем.

— Особенно лучшие из них, — добавила она чуть слышно.

Позже, когда Антуан подошел и начал налаживать с ней разговор, она прихорошилась, чтобы предстать перед ним в лучшем виде. Он заказал ей коктейль, который излучал те же цвета, что ее юбка, — розовый и желтый, и он рассказал, что такой коктейль они пили на какой-то затерянной планете, до которой отсюда, надо сказать, пятьдесят световых лет, если по прямой.

— Я бывала там, толстый Антуан, — сказала она ему, грустно улыбаясь.

Она вспоминала: для той, настоящей Ирены одиночество было мучением. Она не могла спать: сидя на кровати в том или ином месте, она слушала, как идет дождь, и старалась не

расклеиться. И в то же время природа не обделила ее тщеславием. Звезды Млечного Пути казались ей огромной неоновой рекламой. Реклама гласила: «Все туфли, которые сможешь унести!» Когда она подписывала контракт, чтобы стать моной, закройщик пообещал, что ее волосы будут всегда пахнуть мятным шампунем. Она просмотрела каталоги и нашла там все, что ей хотелось, и закройщик встроил ей все заказанное. На улицах Дождегорска все это гарантировало большой покупательский спрос.

— Я бывала там, — сообщила она Антуану, придвинувшись, чтобы он ощутил мятный запах. — Как приятно встретить человека, который тоже посещал те места.

Антуан, как и любой другой мужчина, не мог не вдохновиться. Он не смолкал: она уже допила свой коктейль, а он все пытался увлечь ее своими рассказами о планетах, на которые он летал в прошлом, когда водил ракеты. Но Ирена тоже бывала в тех местах — и не только в тех, как полагала Лив Хула, — и толстый Антуан получил только то, что можно получить в обмен на один дешевый коктейль. Лив наблюдала за ними издали, и ей было все равно, чем это кончится, потому что у нее самой все мысли в голове перепутались. Наконец даже Антуан сообразил, как обстоят его дела. Он отодвинул стул, царапая пол, обратно на его место у окна. Сколько было времени? Как все случилось, что кончилось таким вот образом? Он выглянул на Прямой проезд. Сказал ворчливо:

— Совсем светло. Хм. Я уважал парня, честное слово. Разве неясно?

Тем временем кошачья река продолжала течь, словно поток цифр в бесконечных статистических сводках, и не было даже намека на то, что их число уменьшается или ослабевает, а потом он закончился внезапно, и Прямой проезд опять опустел. В салоне закройщика через дорогу белк***и***, из которых состоял Джо Леоне, стекали в канализацию.

В пассажирском космопорте круизные корабли, наполовину скрытые туманом, возвышались над строениями; тем временем по длинным узким улочкам уже сновали девушки в кимоно и пареньки с татуировками, они везли коляски с туристами от ресторана «Аль Актар» в Денежный Стан, из Храма на Скале в Скальный храм, и вокруг них шлейфом или зонтиком кружили тенички, нашептывая: «Это место непременно следует посетить, оно — средоточие контрастов».

К восьми часам весь Дождегорск наполнился шубками, выкрашенными в цвет меда или конского каштана, скроенными так, что их развевало, будто они были сшиты из более легкого

материала. Откуда такая роскошь? Где ее истоки? Эти деньги делались где-то за пределами планеты, это были деньги больших корпораций. Каким бы жестоким способом ни добывались эти средства, вы не могли не восхищаться красотой этих шубок, их роскошным глянцем.

Вскоре после того, как последняя кошка исчезла в недрах города, в баре появилась клиентка Джека.

И если Джек вернулся весь в грязи, она пришла чистенькая и опрятная. С виду она никак не изменилась, только чуть горбилась, и на ее лице было застывшее выражение. Руки она засунула в карманы своей шубы. Все вещи были при ней, но она ступала осторожнее, чем раньше, смотрела только вперед, будто ей было больно поворачивать шею, или как будто она старалась не замечать каких-то вещей, которые мог захватить краешек глаза. Трудно сказать что-либо определенное о состоянии человека по такой манере поведения. Она аккуратно устроилась за столиком у окна, закинула ногу на ногу и тихим голосом заказала коктейль. Потом она сказала:

— К кому можно обратиться, чтобы передать тому человеку вторую часть его денег?

Антуан с готовностью повернулся к ней, предложил:

— Я могу передать.

— Одну минутку, — перебила его Лив Хула. Женщине в меховой шубе она сказала: — Джек недорого берет. Он решил, что вы там погибли. Ничего вы ему не должны.

— И все же, — сказала женщина, — я считаю, что он должен получить свои деньги полностью. Вот они. А со мной ничего не случилось, я вам точно говорю. — Она перевела взгляд в какую-то даль. — Похоже, меня как-то покоробило, что на свете существуют такие мерзкие вещи.

Лив Хула всплеснула руками.

— Зачем они приходят сюда? — спросила она громко, обращаясь к толстяку Антуану. И добавила до того, как он успел ответить: — Бросают свою экскурсию и все удобства и оказываются рано или поздно вот в этом баре. Они всегда находят нашего Джека.

— Ну, Джека не надо трогать, — сказал инопланетянин.

— Джек — джокер, как и ты, Антуан.

Антуан вскочил со стула, как будто собираясь выступить с опровержением, но его хватило только на то, чтобы пожать плечами. Клиентка Джека подбодрила его слабой улыбкой, но затем перевела взгляд куда-то в пустоту. Повисла тишина, но через минуту, с шумом отодвинув стул, Ирена подошла к столику, который стал центром событий. Уретановые туфельки

моны простучали по деревянному полу. Она уже вытерла слезы и подкрасила губы. Джо по прозвищу Лев отошел в прошлое. Что ждет ее впереди, куда направит она свою кипучую энергию? Перед Иреной открывалось новое будущее, никто не сомневался, счастливое и беззаботное. У нее, конечно, были свои соображения на этот счет. Правда и то, что многие годы Ирена будет хранить память о Джо в глубине души; она знала себя — что она из тех, кто умеет помнить.

— Какая милая шубка, — сказала она, протягивая руку.

Женщина пришла в некоторое замешательство. Затем она пожала протянутую руку и сказала:

— Спасибо. Вам нравится?

— Очень красивая, и она мне очень нравится, — повторила Ирена. Она кивнула, как будто собираясь что-то добавить, но вдруг вернулась на свое место и, сев, стала вертеть в руках свой стакан. Она обратилась через весь зал к Лив Хуле: — Не надо судить его слишком строго, милая. В конце концов, он всего лишь мужчина.

Трудно было определить, какого мужчину она имела в виду.

— Мне все-таки кажется, он должен получить свои деньги, — подала голос женщина в шубе. Никто не откликнулся, и тогда она выложила на стол перед собой пачку — банкноты крупного достоинства. — Как хотите, вот это для него.

— Бог ты мой, — сказала Лив Хула. И окликнула инопланетянина: — Антуан, еще выпьешь?

Но толстяк к этому времени решил, что хватит ему терпеть то отношение, которое он встретил здесь. Он — просто человек, который хочет найти свое место, человек, который повидал не меньше, чем другие, даже больше, чем некоторые. Его раздражало, что никто его не слушает. Он вспоминал то время, когда летал на сверхскоростных ракетах, о всех планетах, на которых побывал тогда, о вещах, которые видел там. Свежее Дыхание, Танец Шамана и Четвертина, Примроза Два и Солнечная Тысяча: он рассыпал себя, словно горсть монет, по всем звездам Лукоморья, до самой Радиотехнической Бухты. Он забирался в самые глубины космоса в те дни. Вместе с Эдом Читайцем они прокатывались волной по искривленному пространству. У него была своя ракета, он назвал ее Цыпка Кино. Но его угнетали одиночные полеты.

На планете Санта Муерте он надышался чего-то такого, что отразилось на легких и на сознании, так что он не мог сообразить потом, что к чему. Так приходилось платить за звание звездного летчика.

Какого черта, подумал Антуан. С собой не унесешь того, что

было в прошлом.

По крайней мере он простился с этим баром, видит утреннее солнце и направляется куда-нибудь туда, где можно дышать полной грудью, — в Денежный Стан лежит его путь, где сказочная страна торговых рядов простирается к югу от Прямого проезда, за космопортом и еще дальше к морю. Он щурил глаза от слепящего света, который отражала издали поверхность моря. Он найдет себе работу. Он встретит людей, которые, улыбаясь, действительно рады видеть тебя.

Когда он ушел, в баре Лив Хулы воцарилась тишина. Тенички одна за другой беззвучно отделились от потолка и полетели к женщине в меховой шубе, и женщина встретила их рассеянным взглядом. Запахи поползли из кухни и всех отдушин. Похоже, что каждую из трех женщин беспокоили какие-то свои мысли. Время от времени одна из них подходила к двери и смотрела вдоль улицы в сторону дивнопарка, где беззвучно клубился загадочный туман, сотканный дневными химическими испарениями, а другие с надеждой следили за ней взглядом.

Терри Биссон
Честное скаутское

Терри Биссон — автор ряда благосклонно принятых критиками романов: «Огонь на горе» («Fire on the Mountain»), «Создатель миров» («Wyrldmaker»), «Путешествие на красную планету» («Voyage to the Red Planet»), «Пираты Вселенной» («Pirates of the Universe»), «Старьевщик» («The Pickup Artist»), а также известного романа «Говорящий человек» («Talking Man»), который получил в 1986 году Всемирную премию фэнтези. В соавторстве с Уолтером М. Миллером-младшим им написан роман «Святой Лейбовиц и женщина Дикая Лошадь» («Saint Leibowitz and the Wild Horse Woman»), продолжение романа Миллера «Гимн Лейбовицу» («A Canticle for Leibowitz»). Биссон постоянно сотрудничает с такими изданиями, как «Sci Fiction», «Asimov's Science Fiction», «Omni», «Playboy», «The Magazine of Fantasy & Science Fiction». Его известный рассказ «Медведи открывают огонь» («Bears Discover Fire») получил несколько премий: «Хьюго», «Небьюла», премию имени Теодора Старджона и премию журнала «Asimov's» в 1991 году, — это единственное произведение, завоевавшие все возможные награды в этой области. В 2000 году автор получил премию «Небьюла» за рассказ «Мак и другие» («Macs»). Короткие произведения Биссона объединены в сборники «Медведи открывают огонь и другие рассказы» («Bears Discover Fire and Other Stories») и «Комната на верхнем этаже и другие истории» («In the Upper Room and Other Likely Stories»). Его недавняя работа «Дорогое Аббатство» («Dear Abbey») была выпущена отдельным изданием. Рассказы Терри Биссона появлялись в восьмом, десятом, двенадцатом, тринадцатом и двадцать первом сборниках «The Year's Best Science Fiction». Автор проживает с семьей в Окленде, штат Калифорния.

В вышедшей в прошлом году повести «Дорогое Аббатство» автор отправляет своих читателей в далекое будущее. В представленном ниже рассказе он переносит нас в не жнее далекое прошлое, преподавая нам горький урок, что же значит — быть человеком.

* * *

Утром, 12 июля 20** года я получил следующее звуковое сообщение на лабораторный компьютер, единственный, которым я пользуюсь:

ПОНЕДЕЛЬНИК

Сделал. Как планировалось. Все получилось. Вот я на юге Франции, точнее, в том месте, которое сейчас (сейчас?) люди считают югом Франции. Все здесь похоже на север. Раз моя расселина располагается на высоте четыре тысячи двести футов, значит, льды совсем рядом. Я вижу язык ледника всего в пяти сотнях футов надо мной. Разумеется, никаких костей здесь пока нет. Прямо внизу узкая долина, ведущая к стоянке НТ, около полумили отсюда. Я вижу дым, этого я не ожидал. Разве они не должны соблюдать осторожность? Может, они пока еще не боятся ХС, и я пришел слишком рано? Надеюсь, нет. Пусть это и не входит в протокол, но мне бы очень хотелось узнать больше о нашей первой встрече (и последней?) с другим видом людей (человекообразных?). Хотя видеть дым мне приятно. Никогда не думал ощутить одиночество, но это случилось. Время есть пространство, а пространство есть расстояние (Эйнштейн). Отправляюсь к стоянке НТ. Остальное позже.

В строке темы сплошной шум, как и в заголовке. Я все еще пытался сообразить, что все это значит (ведь я вообще не получаю писем, за исключением сообщений от ньюсгруппы Фонда), когда следующим утром пришло еще одно послание. Даты я проставил сам.

ВТОРНИК

Это точно они. Я наблюдаю за двадцатью НТ, собравшимися на стоянке вокруг дымящего костра. Даже в бинокль с пятидесяти ярдов они похожи на большие движущиеся тени. Сосчитать их сложно. Они собираются вместе, расходятся группками по двое, по трое, но никогда поодиночке. Я не могу отличить мужчин от женщин, но есть четверо-пятеро детишек, которые тоже все время вместе. Хотелось бы рассмотреть лица, но здесь сумрачно. Постоянная облачность. Я наблюдал почти четыре часа, судя по хронометру в моем компьютере, и никто не покинул стоянки.

Отделить кого-то одного может оказаться проблематично. Но у меня осталось почти пять дней (— 122), чтобы обдумать это. Завтра я понаблюдаю с другой точки, там я буду к ним ближе и свет, может быть, будет лучше; над ними, не рядом, Я знаком с протоколом. Я сам помогал его составлять. Но я хочу подобраться поближе.

> Я начал подозревать какой-то розыгрыш, хотя до сих пор шутники обходили меня стороной. У меня есть друг Рон, и, естественно, я начал подозревать его (кого же еще?), после очередного длинного послания, пришедшего в тот день, когда мы должны были встретиться.

СРЕДА

Совершенно неожиданные изменения в планах. Я сижу здесь, в расселине, со «своим собственным» НТ. Он прекрасная кандидатура для захвата, если мне удастся задержать его здесь дня на четыре (— 98). Они совсем не такие, как мы думали. Реконструкции слишком уж антропоморфические. Это НЕ человек, хотя, конечно, гоминид. То, что мы принимали за широкий нос, скорее, морда. Он белый, как привидение, для меня он и есть привидение. Или это я привидение? Он сидит с другой стороны костра и пристально смотрит на меня, точнее, сквозь меня. Странно, такое впечатление, что большую часть времени он пребывает в некоем оцепенении, бездумный, как кот. А случилось вот что: утром я спускался вниз, чтобы рассмотреть стоянку, толкнул валун, и тот упал мне на левую ногу. Я решил, что наверняка сломал ее (не сломал!) и к тому же оказался в ловушке. Камень придавил ногу, и от колена и ниже она исчезла в узкой щели. Я невольно вспомнил о том парне из Юты, который отпилил собственную руку армейским швейцарским ножом. Я гадал, когда дозрею до этой мысли, потому что находился в худшем, чем он, положении: если я не вернусь в свою расселину через какую-то сотню часов, то застряну здесь, придавленный не только камнем. Самим Временем. Потеря чувствительности напугала меня сильнее боли. Начался снегопад, я боялся замерзнуть. Должно быть, я заснул, потому что следующее, что увидел, «мой» НТ сидел на корточках и смотрел на меня, точнее, сквозь меня. Тихий, как кот. Странно, но я так же мало удивился ему, как он — мне. Это было похоже на сон. Я показал на свою нету, и он откатил камень в сторону. Просто взял и откатил. Либо

он невероятно силен, либо взялся под удачным углом, либо и то и другое. Я был свободен, теперь нога болезненно пульсировала и кровоточила, но перелома не было. Я мог даже опираться на нее. Я хромал.

Рон сочиняет научную фантастику, читает лекции в Нью-Скул. Мы встречаемся каждую среду и пятницу перед его шестичасовой лекцией. Не по моему желанию и не по его. Просто он обещал моей матери, как я узнал, прямо на ее смертном одре, но я не против. Ни одного друга — это слишком мало, а больше одного — слишком много.

— Что это? — спросил он, дочитав распечатку.

Должен знать сам, ответил я, подняв бровь, как мне казалось, многозначительно. Выполняя мое собственное обещание, данное матери, я упражнялся в этом перед зеркалом, и вот наконец пригодилось.

— Думаешь, это я писал?

Я кивнул, надеюсь, понимающе, и перечислил, что навело меня на мысль: кто еще знает, что я изучаю кости неандертальцев? Кто, кроме нас с ним, сто лет назад смаковал историю про того парня из Юты? Кто еще сочиняет фантастику?

— Научную фантастику, — раздраженно буркнул он (он уже не раз поправлял меня).

Пока мы ждали его бургер и мою булочку с маслом, он перечислял свои возражения.

— Может, эти письма пришли к тебе по ошибке. О парне из Юты знают многие, он же был народным героем. И я даже несколько обижен тем, что ты подозреваешь меня в авторстве.

— А?

— Текст сырой, — пояснил Рон. — Он или, возможно, она дважды использует слово «странно» в начале предложения в одном абзаце, я бы так никогда не сделал. И в хронологии он путается. Спасение описано раньше несчастного случая, что портит интригу.

— Значит, ты этого не посылал?

— Ни в коем случае. Честное скаутское.

Вот так. Мы говорили, точнее, он говорил, в основном о своей девушке Мелани и ее новой работе, а люди шли по Шестой авеню, всего в нескольких дюймах от нас. Им было жарко, а нам было холодно. Словно это были два разных мира, разделенных витринным стеклом.

В четверг утром я пришел, надеясь вернуться к своим костям. Сначала просмотрел ньюсгруппу Фонда (сплетни о каком-то новом сверхсекретном проекте), а потом открыл последнее сообщение.

ЧЕТВЕРГ

Прошу прощения. Вчера я прервал сеанс, потому что «мой» НТ проснулся, и мне не хотелось его пугать. Со времени моего последнего отрывочного сообщения нас занесло снегом. Он в каком-то тихом потрясении наблюдал, как я разжигаю костер. Бог знает, что бы он подумал о той штуке, в которой я говорю. И о разговоре тоже. Сам он издает звука три-четыре. Я ждал, пока он уснет, чтобы включить компьютер. После того, как НТ меня освободил, он пошел за мной вверх по склону. Было очевидно, что он не собирается причинять мне вред, хотя это было бы несложно. В нем около шести футов росту, если он распрямится, только он никогда не распрямляется. Вес прикинуть сложно, потому что он весь в волосах, за исключением рук и лица. Наверное, двести пятьдесят фунтов. Я очень спешил забинтовать ногу, которая кровоточила (в итоге все обошлось). В расселине все оказалось совсем не так, как было. Кто-то рылся в моих припасах. Медведь? Коробка смята, половина еды исчезла. Повезло еще, что уцелело космическое одеяло. Я расстелил его, а НТ сложил рядом свои пожитки: грубо сделанный топор, тяжелую, негнущуюся и невероятно гадко пахнущую кожаную накидку, небольшой мешок из кишки с пятью камнями внутри, речные камешки, белые. Он показал их мне, словно я должен понимать, что они обозначают. И я понял, но об этом позже. Он шевельнулся.

По пятницам я пропускаю ланч, чтобы сберечь аппетит до ресторана. Я не удивился, увидев новое сообщение, и распечатал оба, за четверг и за пятницу, для Рона. По крайней мере, ему будет о чем поговорить. Полагаю (уверен), от моего молчания ему неловко.

ПЯТНИЦА

Идет снег. С помощью камней он считает. Я видел, как этим утром он выкинул один. Осталось три: он, как и я, живет, считая дни. Мы едим личинки жуков. Вроде НТ засовывают гниющее

мясо под бревна и камни, а потом собирают личинки. Такое своеобразное животноводство. Личинки не так уж плохи. Я пытаюсь воспринимать их как какие-то мелкие овощи. Личинка много «говорит» руками. Я стараюсь отвечать. Когда мы не разговариваем, когда я не привлекаю его внимание, он как мертвый, но когда я трогаю его руку и шлепаю по лицу, он оживает. Остальную часть времени он как бы спит. А потом спит по-настоящему; НТ очень много спят. Руки у него совсем человеческие, очень белые, как и лицо. Все остальное коричневое, покрыто густым светлым мехом. Я зову его Личинкой. Он меня никак не зовет. Кажется, его не интересует, кто я, откуда взялся. До захвата все еще два дня (— 46), значит, до тех пор он полностью мой. Нежданная награда. Тем временем погода, и без того отвратительная, становится все хуже, меня беспокоят батарейки компьютера, нет солнца, чтобы подзарядить их. Об остальном потом.

Мы с Роном всегда встречаемся на одном и том же месте, у будки рядом с витриной «Бургер Берет» на углу Шестой авеню и Десятой-стрит. Рон качает головой, читая письма. Это может означать что угодно.

— Ты меня поражаешь, — говорит он.

— Хм?

— Нечего хмыкать. Это ты писал. Совершенно очевидно, если подумать.

Я не могу снова сказать «хм», поэтому просто молчу.

— Меня на эту мысль натолкнуло место насчет овощей. И никто, кроме тебя, не знает столько о неандертальцах. Как они считают, как не умеют разговаривать. Ты сам рассказывал мне обо всем этом.

Это расхожая теория, возражаю я. В этом нет ничего нового. Кроме того, я не сочиняю рассказы. Я пишу отчеты.

Даже мне стало ясно, что он разочарован.

— Честное скаутское?

— Честное скаутское, — повторил я.

Мы с Роном вместе ездили в скаутский лагерь «Фильмонт». Это было сто лет назад, до того, как он вышел в большой мир, а я решил держаться от этого мира подальше. Но клятва осталась.

— Ну, ладно. Значит, это кто-то из твоих коллег валяет дурака. Не только я один знаю о твоих исследованиях. Я просто единственный, с кем ты снисходишь до разговоров.

Потом он сказал, что они с Мелани собрались пожениться. Разговор потек быстрее, и в то же время замедлился, когда я поднял голову, его уже не было. Меня тут же охватила паника, но когда я оплатил счет и поднялся к себе в квартиру, она постепенно рассеялась, как газ рассеивается в открытом пространстве. Для меня замкнутое пространство сродни открытому.

Ньюсгруппа в выходные молчала, но заголовки новых сообщений появлялись по одному в день, как витамины, которые я обещал матери принимать.

СУББОТА

Мои запасы вышли, но Личинка потащил меня с собой искать под бревнами личинки. Один он бы не пошел. Третий день идет снег. Остался еще один день. Дрова надо беречь, поэтому мы сидим в глубине расселины, прижавшись друг к другу, завернутые в космическое одеяло и вонючий балахон Личинки. Мы сидим, смотрим на снег и слушаем, как с грохотом падают куски льда, и мы разговариваем. Некоторым образом. Он машет руками и берет мои руки в свои. Он дергает меня за волоски на руках, тянет за пальцы, иногда даже шлепает по лицу. Уверен, он не понимает, что я из далекого будущего, да и как ему уловить подобную мысль? Но я понимаю, что он изгнанник. Была ссора, кто его знает, из-за чего, и его прогнали. Камешки — его приговор, это я понял, Личинка так чувствует. Каждое утро он избавляется от одного, выкидывает из нашей пещеры в снег. Его понятие о числах очень примитивное. Пять много, два, столько осталось этим утром, мало. Полагаю, когда они кончатся, он отправится «домой», но он так же одинок с двумя камнями, как и с пятью. Наверное, он не может думать вперед, а только назад. Хотя здесь холодно, как в аду, мне жаль, что назначенный час так близок. Я учусь его языку. У вещей здесь нет имен, зато есть ощущение самих вещей.

Субботу и воскресенье я провел в лаборатории, один. А что делать? Когда еще я могу остаться наедине с костями? У меня единственного имеется доступ к Арлевильской Находке, двум скелетам, НТ и ХС, обнаруженным бок о бок, что доказывает существование между ними контакта. Личинки согласуются с моими исследованиями зубов НТ. Конечно, если верить Рону, это просто выдумка. Неужели так? В воскресенье я

обнаружил следующее:

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Планы изменились, хочу перенести дату захвата, пропустить один цикл. Я знаю, это не по протоколу, но у меня есть причины. Личинка отчаянно хочет избавиться от камешков и вернуться к племени. Эти создания гораздо более социальны, чем мы. Они с трудом выживают в одиночестве. Я стал лучше его понимать. Приходится много работать руками, жесты и прикосновения, и я понимаю все лучше и лучше. Не думая, а чувствуя. Все равно что глядеть боковым зрением — стоит посмотреть прямо, как все исчезает. Но если не смотреть, все здесь. Почти как сон, может быть, это и есть сон, потому что я часто проваливаюсь в дремоту. Нога заживает хорошо. У Личинки остался один камень, он счастлив, почти. Я ощущаю обратное: ужас, который охватит его, если он навеки расстанется с племенем. Мы хотим получить еще одного Иши?[32] Какая пустота. Я убежден, нам надо выбрать тяжело больного НТ. Так что начнем снова со ста сорока четырех. Опасность существует, поскольку батареи компьютера садятся. Но у меня имеется план…

> Понедельник ненавистный мне день, когда я должен делить лабораторию (но не кости) с остальными. Хотя нельзя сказать, что они мне мешают. Я прокрутил ньюсгруппу, ища ежедневное послание, и обрадовался ему, как старому другу.

ПОНЕДЕЛЬНИК

Получилось. Я пишу это среди гоминидов, не людей, скорчившихся (не сидящих, они стоят, лежат или опускаются на корточки, но никогда не сидят) вокруг большого дымящего костра. Я перестал волноваться, как они воспримут компьютер, они не любопытны. К тому же я пришел с Личинкой, они приняли меня без вопросов и без интереса. Может, потому что я пропах запахом Личинки. Они чаще всего молчаливо лежат или сидят на корточках, и когда один просыпается, просыпаются все или почти все. Всего их двадцать два, включая Личинку: восемь взрослых самцов, семь самок, пятеро детей, двое еще младенцы, еще есть два «старичка» неопределенного пола. Старички не особенно подвижны. НТ хватают за руки и «говорят», используя всего

несколько звуков, зато множество толчков, потягиваний и жестов. Выражение их лиц такое же незамысловатое, как и речь. Они выглядят либо скучающими, либо взволнованными, ничего посередине. Едят много личинок и гнилого мяса. Они кладут гнилое мясо под бревна и скалы и приходят собирать личинок и мясных мух. По-моему, это такой вид животноводства, аппетит у меня от этого не портится. Если разобраться, все фермы одинаковы.

Все это было любопытно, но не ново. Все это могли бы написать мои коллеги по лаборатории, однако я знал, что они этого не делали. Они живут в другом мире, как люди с Шестой авеню по ту сторону стекла. Большинство из них даже не знает моего имени.

ВТОРНИК

Завтра что-то будет. Охота? Я чувствую страх и опасность, и еще много работы и много еды. Все это смутное ощущение, которое передается мне от группы в целом. Сегодня днем они подожгли ветку с сухими листьями и вдыхали дым, передавая ее по кругу. Это какой-то вид растения, помогающий НТ общаться. Конечно, он помог и мне. Из «горящего куста», мычания и протянутых рук сложилась картина (не визуальная, а эмоциональная) какого-то большого умирающего зверя. Это сложно описать. Я стараюсь не навешивать на вещи ярлыков. Как если бы я был открыт для ощущения события как такового, вместо его участников. Смерть, поражение и победа, ужас и надежда. Обволакивающее, как дым, чувство. Все это сопровождалось, я бы даже сказал, усиливалось одним из старичков (более подвижным, чем я думал!), который вертелся вокруг костра, размахивая горящей веткой. Позже я поразил детишек (их поразить проще, чем взрослых), зажарив насаженные на палочки личинки. Получилось похоже на зефир. Только есть их они не стали, за исключением одного малыша, которого я прозвал Оливером, он потом облизывал губы и улыбался мне так, словно хотел съесть меня самого. Даже у маленьких НТ свирепый вид, не имеющий ничего общего с их деликатной натурой. Мужчины (и Личинка тоже) затачивали палки и закаляли наконечники в огне. Теперь они все спят одной кучей между костром и скалой, я держусь отдельно, на что им наплевать. Я могу вынести запах Личинки, но только не всей кучи, то есть племени.

Среда оказалась долгим днем. Я распечатал последние четыре письма (включая письмо за среду), чтобы показать Рону. По некоторым причинам я жаждал с ним «побеседовать». Может быть, мама права, мне необходим хотя бы один друг. Мама все-таки была врачом.

СРЕДА

Этим утром нас разбудили дети, тянувшие космическое одеяло. Личинка пришел ко мне ночью. Интересно, ему нравлюсь я или одеяло? Неважно, я рад его обществу и привык к его запаху. Он участвовал в охоте и потащил меня с собой. Он понял, что я хочу пойти. Остальные не обращали на меня внимания, если не считать детей. Отряд состоял из семерых мужчин и двух женщин. Вожака я определить не смог. Они несли заостренные палки и топоры, но никакой еды или воды. Сомневаюсь, что они умеют переносить воду. Детей мы оставили со старичками и кормящими матерями и большую часть утра ползли вверх по длинному осыпающемуся склону, а потом перевалили через хребет и спустились в узкую долину, где вдоль ледникового потока росла высокая трава. Там я впервые в жизни увидел мамонта, уже мертвого. Он лежал рядом с кучей веток и листьев, мне «сказали», что это они заманили его в узкое место. Но убил его кто-то другой. Он лежал на боку, и в первый раз я увидел то, что, возможно, было следами пребывания ХС, потому что животное было уже освежевано, и очень тщательно. Даже череп разбили, чтобы вынуть мозг. Остались только шкура и кишки да несколько обрывков тугого мяса. НТ боязливо подошли, нюхая воздух и держась за руки (мои тоже). Я ощущал их тревогу. Это остатки дыма или мое собственное воображение навеяли мне жуткую сцену, как «темные» убили этого мамонта? Но все исчезло, прежде чем я успел вникнуть. НТ принялись размахивать своими палками, отогнали трех похожих на гиен собак, круживших рядом с тушей. Их страхи вскоре были забыты после этой победы, и они принялись обчищать тушу, жуя по ходу дела. Мамонт был убит недавно, но уже попанивал. НТ складывали внутренности и мясо в огромную шкуру, которую мы принесли с собой. К вечеру шкура была заполнена, мы перетащили ее через хребет и поволокли обратно по каменистому длинному склону. Мы не дошли полмили до стоянки, когда солнце село, НТ ненавидят темноту и боятся ее.

И вот мы сбились в кучу под скалой. Предстояла долгая

холодная и вонючая ночь. Разумеется, никакого огня. Они всхлипывали во сне. Они не любят оказываться далеко от своего костра. Я тоже. Я начинаю переживать за компьютер, который каждый раз, когда я его загружаю, показывает, что батареи садятся. Здесь не так много солнца, как предполагалось. На самом деле, вообще нет.

— Честное скаутское? — снова переспросил Рон, прочитав распечатки, и я кивнул. — Значит, это кто-то из твоих коллег. Кому еще знать всю эту ерунду про неандертальцев и звать их НТ? А они правда едят личинок?

Я пожал плечами:

— Откуда мне знать?

— Полагаю, пещерные люди полны сюрпризов. И я сам приготовил сюрприз. В пятницу у меня последний учебный день. Мы переезжаем в Калифорнию. У Мелани там связи. Мы поженимся в Вегасе, по дороге. Иначе я пригласил бы тебя на свадьбу. Хотя и знаю, что ты бы не пришел.

В четверг я сидел дома больной. Так что не смотрел свою почту до пятницы, когда пришло два письма, если не считать сплетен от ньюсгруппы Фонда, которые я пропустил. Это были просто слухи, а я не люблю слухов. Поэтому и стал ученым.

ЧЕТВЕРГ

Рассвет наконец наступил, без солнца. Что-то было неладно. Я почувствовал, пока мы спускались со скалы, держась за руки. В пещере, как и прежде, виднелись тени, но они стояли и двигались как-то иначе. НТ тоже это заметили, они упали на колени и с криками стали хвататься друг за друга. Обо мне забыли, даже Личинка. Пришли «темные». Костер дымил меньше, а тени двигались по-человечески, как мы с вами, и болтали. И еще ссорились. Донеслись звуки множества ударов. Они что-то разделывали. Я подошел ближе и, к своему ужасу, понял, что я один. Все НТ сбежали. Прежде чем я успел оглядеться и понять, куда они делись, меня заметили собаки. НТ не держат собак, а вот ХС держат. Может, они учуяли мясо, которое бросили, убегая, НТ. Но они с гавканьем окружили меня, гадкие твари. Скот или домашние питомцы? Из пещеры ко мне выбежали два ХС. Они принялись кричать, я заорал в ответ, подражая их звукам, надеясь

убедить их, что я свой. Не Удалось. Они подошли ближе, потрясая копьями, на которых были грубые каменные наконечники. Потрясание копьями, как я понял, было просто актерством. Они лишь хотели прогнать меня. Я шагнул им навстречу, и они затрясли копьями сильнее. Они настоящие люди, никаких ошибок. Их лица очень выразительны. Кожа у них без волос и очень темная. Наверное, они подумали, что я НТ, потому что я такой белый, во всяком случае, по сравнению с ними. Ни моя походка, ни моя речь, ни мое лицо не похожи на их. Я видел за их спинами, что они разделывали. Там лежат мальчик, который осмелился попробовать жареную личинку, Оливер. Голова его была положена набок и разбита, чтобы вынуть мозга. У НТ большой мозг, даже у детей. Я ощутил почти скорбь, но предаваться ей не было возможности. Два ХС, потрясая своими копьями, шаг за шагом приближались. Я отступал, все еще пытаясь говорить, в надежде, что они примут меня за своего, но тут кто-то схватил меня за ногу. Это был Личинка. Он вернулся за мной. Идем! Бежим! Я помчался за ним, через кусты, вверх по каменистому склону, все выше, к скалам и снегам. Люди нас не преследовали.

ПЯТНИЦА

Снова идет снег, сильнее, чем раньше. Мы в расселине, Личинка и я. Я пытаюсь сберечь батарейки для минуты связи (— 21). Солнца нет. Уже неделю не видел солнца. После предыдущего (слишком длинного) сеанса связи, мы поднялись высоко на гору, стараясь уйти подальше от ХС, и я, и Личинка. Какая ирония, что даже здесь, на заре истории человечества, все решает цвет кожи. Хотя логично, ведь это самый большой и самый заметный орган. Племя ушло за ледник, мы нашли следы, поднимающиеся по льду. Личинка хотел идти за ними, но я не могу уходить далеко от расселины и компьютера. По счастью, он никуда не ходит без меня. А я отвел его обратно в расселину, которая, слава богу, пуста, и разжег огонь, что, кажется, успокоило его, не только сам огонь, но и процесс розжига. Я сел рядом с ним, он сильно дрожал, и мы заснули под космическим одеялом и его шкурой. Все, что нам требуется, — продержаться здесь до завтра, и нас обоих заберут. Личинка, разумеется, этого не знает. Он дрожит и всхлипывает у меня на руках. Его отчаяние захлестывает меня, словно мое собственное. И его страх. «Темные»! «Темные»! Что бы он подумал, если бы знал, что я один из них?

— Дальше мне читать необязательно, — сказал Рон, отодвигая листы в сторону. — Ты вроде говорил, что Хомо Сапиенс пришли из Африки?

Я кивнул и пожал плечами. Меня хлебом не корми, дай пожать плечами и покивать.

— Вот откуда они, твои «темные». Будет драка, и неандертальцы, НТ, проиграют. Это просто любительское сочинение о перемещении во времени. Если хочешь знать мое мнение, а, полагаю, тебе некого больше спросить, оно появилось из-за какого-то сбоя в Сети. В Интернете публикуются всевозможные бумагомаратели, они рассылают свою писанину друг другу и на небольшие любительские сайты. Это какой-то кусок научно-фантастического рассказа, который заблудился в киберпространстве.

— НФ, — сказал я, но он не уловил шутки. Существуют способы показать, что ты шутишь, но я ими никогда не владел. — Почему это пришло мне, — спросил я.

— Уверен, просто потому, что ты на сервере Фонда, — сказал Рон. — Который находится в Нью-Мексико. Разве не у них там стоит этот новый квантовый компьютер, который получает сообщение за несколько миллисекунд до того, как оно было отправлено? Я читал о нем в «Science News». Какая-то там петля. Между прочим, отличная штука, чтобы принимать истории о перемещении во времени. Кстати, о времени…

Он посмотрел на часы, затем поднялся и пожал мне руку. Первый раз я понял, с каким облегчением он прощается. Я попытался удержать его руку, но он вырвался.

— Я буду на связи, — сказал он.

Люди спешили по улице. На Шестой авеню одностороннее движение для машин и двухстороннее — для пешеходов. Я ничего не имел против них, когда они были по другую сторону стекла.

— Честное скаутское? — спросил я.

— Честное скаутское.

Я попытался снова взять его за руку, но он ушел. Моя мать наконец-то освободила его.

СУББОТА

Беда. Мы пропустили время, когда нас должны были забрать, Личинку и меня. Мы бежали из расселины. Нас разбудили, точнее, Личинка разбудил меня. Он поставил меня на ноги и вытащил из расселины, протащил мимо трех ХС с копьями, которые приближались к входу. Личинка учуял их раньше, чем услышал или увидел. Им достались наши припасы, и наш костер, и, разумеется, расселина, а мы лезли по скалам к леднику. Они не собирались преследовать нас или убивать, только отпугнуть. Теперь я начинаю понимать, что случилось при встрече: ХС не убивали всех НТ поголовно, — они просто захватывали их стоянки, их еду, их огонь и прогоняли их, и еще ели их детей, когда те попадали к ним в руки. Этого было достаточно. Между тем начало темнеть, Личинка рассчитывает, что я разведу огонь. Я сделаю костер совсем маленьким, на всякий случай.

Когда-то я любил субботы, но теперь они сделались печальными, даже в лаборатории. Я гадал, где сейчас Рон, где-нибудь в воздухе. Он любит летать. Хотя, не мое это дело, уже не мое. Я едва не пожалел, что матери больше нет. Тогда было бы кому позвонить. В лаборатории полно телефонов. Воскресенье прошло точно так же.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Захвата не было. Ничего не произошло. Те ХС, которые прогнали нас из расселины, все еще там, двое из них. Если бы я забыл компьютер, вы смогли бы получить хотя бы этих двоих. То-то бы они удивились. Я постарался подтащить Личинку как можно ближе, чтобы наблюдать. Он в ужасе. Я тоже. До нового захвата сто сорок четыре часа, если он вообще состоится. Я хочу сократить сеансы связи до минимума, чтобы батарейки протянули как можно дольше. Солнца не видел с тех пор, как попал сюда.

В понедельник я получил предназначенное только для меня письмо от Фонда. К нему был приложен заказанный по Сети билет на самолет до Нью-Мексико, где будет обсуждаться новый проект. Неужели они не знают, что я никогда не летаю? Я просмотрел все остальное, оно было здесь, предпоследнее сообщение из далекого прошлого и ближайшего будущего.

ПОНЕДЕЛЬНИК

Этим утром мы с Личинкой нашли четверых из его племени, замерзших без огня в маленькой пещерке высоко на горе, над ледником. Мы похоронили их с большими сложностями. Никаких признаков остальных, их теперь не больше пяти-шести. Меня гнетет ужасное предчувствие, что они действительно последнее племя, теперь еще и бездетное. Когда ХС отняли у них костер, они подписали им смертный приговор, если только НТ не повезет с молнией или вулканической лавой. Может быть, подобные явления были не такими редкими «тогда», как «теперь». Поглядим.

> Во вторник я впервые отправился в «Бургер Берет» один. Странное чувство. Едва ли я буду сюда ходить. Сегодняшнее сообщение, последнее, прояснило все. Теперь я знаю, от кого были эти письма. Еще я знаю, что полечу в Нью-Мексико. Мне придется «проявить лояльность», чтобы потом уйти. Это просто остановка на длинном пути.

ВТОРНИК

Возможно, это последнее, потому что даже экран компьютера умирает. Переходит на сторону призраков, я бы сказал. Но у нас есть иные причины для беспокойства. Внизу на стоянке стало больше ХС. Мы видим их по двое, по трое, они выходят на охоту. На нас? Мы не собираемся выяснять. Завтра мы перевалим через хребет и посмотрим, можно ли найти следы. Личинка теперь спит, но до того его трясло несколько часов. Он не отнимал свои руки от моих. Прошу, не оставляй меня, говорил он на смеси жестов, прикосновений и возгласов НТ, и я сказал, что не оставлю его, но мне было ясно, он не поверил, и кто стал бы его винить? Он был один в мире, более одинокий, я полагаю, чем сам подозревает. Если его племя живо (а я сомневаюсь), они где-то над нами, без детей, без огня, медленно умирают от горя и холода. Я вздрогнул при этой мысли. «Ты меня не оставишь?» — снова спросил он всеми кончиками пальцев перед тем как заснуть. Я прижал кончики его пальцев к своим губам, чтобы он понял, что я говорю, и знал, что я говорю это ему, Личинке.

«Честное скаутское», — сказал я.

Джеймс Патрик Келли
От мужчин одни проблемы

Имя Джеймса Патрика Келли стало известно в 1975 году, и сейчас он входит в число самых уважаемых и популярных авторов, появившихся за последние двадцать лет. Хотя романы Келли, особенно «Дикая природа» («Wildlife»), имели успех, Келли прежде всего признанный мастер короткого фантастического рассказа, его «Солнцестояние» («Solstice»), «Шильонский узник» («The Prisoner of Chillon»), «Стеклянное облако» («Glass Cloud»), «Мистер Бой» («Mr. Boy»), «Погром» («Pogrom»), «Домашний фронт» («Home Front»), «Несделанное» («Undone») и «Дом Бернардо» («Bernardo's House») часто упоминаются в числе лучших рассказов жанра. Рассказ «Думай, как динозавр» («Think Like Dinosaur») в 1996 году завоевал премию «Хьюго», в 2000 году этой же премии удостоился рассказ «Десять в шестнадцатой степени к единице» («10^{16} to 1»), Первый самостоятельный роман Келли «Планета шепотов» («Planet of Whispers»), который прошел почти незамеченным, увидел свет в 1984 году. Следом появился «Берег свободы» («Freedom Beach»), роман, написанный в соавторстве с Джоном Кесселем, за ним еще один собственный роман «Заглянуть в Солнце» («Look Into the Sun»). Рассказы были объединены в сборник «Думай, как динозавр» («Think Like Dinosaur»), недавно вышел еще один сборник, «Странный, но не сторонний» («Strange But Not a Stranger»). Совместное произведение Келли и Кесселя публиковалось в первом ежегоднике «The Year's Best Science Fiction», а самостоятельные произведения Келли печатались в третьем, четвертом, пятом, шестом, восьмом, девятом, четырнадцатом, пятнадцатом, семнадцатом и девятнадцатом. Келли родился в Миннеоле, штат Нью-Йорк, сейчас проживает с семьей в Ноттингеме, Нью-Гэмпшир. У него имеется сайт в Интернете, он делает обзоры публикуемых в Сети материалов для журнала «Asimov's Science Fiction».

Частные сыщики по традиции заводят нас на «нехорошие улицы», но «нехорошие улицы» в рассказе

Келли чрезвычайно странные, из не менее странного будущего, где правят некие таинственные, непредсказуемые, безжалостные пришельцы, где все человечество поставлено с ног на голову волею этих пришельцев, где детектив неохотно берется за расследование одного рискованного в политическом смысле дела, откусывая кусок не по зубам…

1

Я таращилась на свой сайд-кик, мечтая, чтобы он запищал. Я уже пыталась гипнотизировать дверь, но к ней и близко никто не подходил. Можно было бы привести в порядок записи по делу Рашми Джонс или вытереть пыль в конторе. Пыли было полно. Или спросить совета у «Джонни Уокера», который этим утром сам открыл контору на дне ящика моего письменного стола. Но вместо всего этого я решила распахнуть окно. Может, новое дело прилетит с почтовым голубем. Или с кирпичом.

Подо мной три этажа, на Маркет-стрит пусто, как и везде в городе. Только парочка некрасивых девиц в туфлях на низком каблуке и какая-то бабуся в наброшенном на плечи одеяле и сандалиях. Она сидела на тротуаре перед домом покойной Старбакс, бренча на гитаре в надежде найти в аду филантропа и заработать немного мелочи. Голос у нее был слабый, но сладкий, как персиковое мороженое. «Мой парень, поговорим о моем парне». Несчастная старая потаскуха, подумала я. Нет никаких парней, ни твоих, ни чьих-либо еще. Она перестала петь, когда над нами захлопал крыльями дьявол, собираясь приземлиться на соседний дом. До этого момента стояло прекрасное июньское утро, влажная многообещающая весна, еще не обернувшаяся иссушающим летом, обычным для этого города. Бабуля тяжело поднялась, опираясь на гитару. Она плотнее завернулась в свое одеяло и заковыляла по улице.

И тут сайд-кик наконец запищал, только это оказалась Шарифа, моя почти бывшая любовница. Должно быть, она звонила из больницы, на ней был легкий синий халатик. Даже на маленьком экране было видно, что она только что плакала.

— Привет, Фей.

Я закусила губу.

— Приходи сегодня домой, — сказала она. — Очень тебя прошу.

— Я не знаю, где мой дом.

— Прости меня за то, что я сказала. — Она прижала к груди скрещенные руки. — Это твое тело. Твоя жизнь.

Я любила ее. Меня вымотало осознание того, что я беременна, аборт, все, произошедшее между нами за последнюю неделю. Я ничего не ответила.

Голос Шарифы скреб железом по стеклу.

— Ты уже сделала это?

От ее вопроса я снова разозлилась. Она так глубоко задета, что даже не может произнести нужное слово.

— Дай-ка подумать, доктор, — сказала я. — Ты хочешь знать, выскребли меня уже или нет?

Ее лицо скривилось.

— Не надо.

— Если хочешь грязи, — продолжала я, — всегда можешь нанять меня, я сама себя оболью. Мне нужно работать.

— Скажи, что ты пошутила.

— Ладно-ладно, док, — сказала я и отключилась.

Моя жизнь полетела ко всем чертям, что не такая уж важная новость. Хотя, несмотря на открытое окно, после звонка Шарифы в конторе стало душно. Я сказала себе: все, что мне нужно, это кофе, хотя на самом деле мне нужны были какая-нибудь богатая тетушка, отпуск на Фиджи и новая подружка. Я заперла за собой дверь, прошла через холл и собиралась нажать кнопку, когда лифт загудел. Дверца открылась, за ней оказался Джордж, бот, обслуживающий наш дом, и дьявол, без сомнений, тот самый, который только что пролетал мимо. Я сказала себе, что ко мне это не имеет никакого отношения. Дьявол, наверное, пришел к чокнутой Марте, живущей рядом со мной, по поводу налогов или же берет уроки игры на фортепьяно у Эбби дальше по коридору. Точно, а пьянчуги шатаются по барам, чтобы полакомиться арахисом.

— Привет, Фей, — сказал Джордж. — Вот он очень надеялся застать тебя в конторе.

Я обалдело вытаращилась на дьявола, разинув рот. Разумеется, я видела их по телевизору и в полете, а однажды заметила, как один из них входит в ратушу, но никогда не оказывалась рядом с дьяволом на расстоянии вытянутой руки. Я ненавидела дьяволов. Двери лифта дернулись и начали закрываться. Джордж придержал их рукой.

— Не может ли он отнять немного твоего времени? — спросил бот.

Дьявол был ростом чуть больше метра. Лицо напоминало цветом запекшуюся кровь, а его пасть, казалось, целовала воздух каждый раз, когда он вдыхал с сырым чмокающим звуком. Крылья плотно прижаты к телу, их мембраны полупрозрачно-ржавые, под ними лишь угадывалось лоснящееся ядро тела. Я видела свое отражение в его плоских глазах. Вид у меня был такой, словно мне на голову только что рухнул маяк.

— Что-то вызывает в тебе сожаление, Фей? — спросил Джордж.

Настало время моей остроумной реплики, дабы показать им, что ни один непобедимый кровожадный чужак не в силах запугать Фей Хардвей.

— Нет, — сказала я. — Проходите.

Если бы они могли воспользоваться стульями, в моей конторе осталось бы полно свободного места. Однако Джордж заявил, что дьяволу необходимо устроиться поудобнее, прежде чем мы приступим. Я кивнула и уселась за стол, радуясь, что этих двоих и меня будет разделять хотя бы такая преграда. Джордж вытащил оба стула в маленькую приемную. Дьявол расправил крылья и взгромоздился на шкаф с папками, сбросив одну из них мне на стол. Он заполнил собой всю заднюю стену моей конторы, когда уселся, раскинув крылья почти на двадцать футов. Джордж закатился в угол и принялся втягивать руки и ноги, пока не остались только голова и вязкая синяя лужица характерной для ботов жидкости. Дьявол смотрел на меня, словно гадая, какой из меня выйдет коврик. Я выложила на «рабочий стол» три новых ярлыка: «Новое дело», «Расследованьице», «Нажать в случае паники».

— Не откроешь ли эту папку для беседы с Сирином? — спросил Джордж. — Сирин испытывает огромное желание привлечь тебя к расследованию.

Дьяволы никогда не разговаривают с нами, никогда не объясняют, что они делают. Никто не знает точно, каким образом они общаются с целой армией роботов, которую они же и создали, чтобы те помогали нам.

Я открыла папку «Новое дело», замигал зеленый огонек.

— Я записываю разговор. Если я решу взяться за дело, то все расследование будет записано.

— Очень разумно, Фей. Тебе пригодятся заметки по твоей клиентке Рашми Джонс.

— Она не моя клиентка. — Мне потребовалось все мое самообладание, чтобы не свалиться со стула. — А при чем здесь она?

— Сирин передает глубочайшие сожаления. Смерть все делает бессмысленным.

Мне совершенно не понравилось, что этот дьявол вообще что-то знает о Рашми, а особенно то, что она мертва. Я обнаружила тело в номере 103 гостиницы «Комфорт Инн» всего двенадцать часов назад.

— Копы уже взялись за это дело. — Я не потрудилась скрыть злость в голосе. — Точнее, за то, что от него осталось. Я ничем не могу помочь.

— Позволь мне, Фей?

Ярлык на «рабочем столе» оказался уже выделенным. Я щелкнула по нему и увидела изображение Рашми в темно-сером платье без рукавов, в котором она и умерла. В волосах у нее была

голубая лента. Она улыбалась так беззаботно, словно ученица перед каникулами. Последнее, что пришло бы ей в голову, это ингалятор с цианидом, вскоре оказавшийся у нее во рту. Ее держала за руку брюнетка в мужском костюме в полоску и в шляпе с высокой тульей и тонкой, как дым, вуалью. Парочка была заснята под садовой аркой, Убранной розовыми розами. Они смотрели вправо, куда указывала рука кого-то третьего, стоящего рядом с камерой. Это была изящная рука, рука, никогда в жизни не мывшая тарелки и не менявшая; пеленки. На безымянном пальце было широкое серебряное кольцо с каким-то узором или же выгравированной надписью. Я навела на кольцо зум, напрасно терзая пиксели, — рисунок не сделался яснее.

Я взглянула на дьявола, затем на Джорджа:

— И что?

— Стоит обратить внимание на цифры, — подсказал Джордж. — Там стоит дата — двенадцатое июня, четырнадцать пятьдесят две.

— Вы хотите сказать, снимок сделан вчера днем?

Этого не могло быть, но именно так и было. Я знала, что вчера утром Рашми отправилась покупать туфли. В 11:46 она приобрела за тринадцать долларов пару модных в этом сезоне туфель от Доньи Дюрандс, потом в моих сведениях имелся пробел. В 13:23 она потратила восемьдесят девять центов на салат и чай со льдом в «Мезон Диана». Она зарегистрировалась в «Комфорт Инн» в 18:40. Портье запомнила, что Рашми была в смятении. Она употребила именно это слово. Точное, хотя и несколько высокопарное для «Комфорт Инн». Кто станет покупать дешевые туфли в день, когда собирается покончить с собой? Тот, кто пребывает в смятении. Я снова взглянула на «рабочий стол». Смятения точно не наблюдалось в лице Рашми Джонс на этой фотографии. Затем я обратила внимание на туфли: холодного темно-серого цвета, от Доньи Дюрандс.

— Откуда это у вас? — спросила я дьявола.

Он смотрел сквозь меня, словно я была грязным окном.

Я обратилась к боту. Не скажу, что я особенно люблю Джорджа, но он всегда был откровенен со мной.

— В чем дело, Джордж? Разыскиваете подружку?

— Подружку?

— Женщину, которая держит Рашми за руку.

— Сирин прекрасно осведомлен насчет Кейт Вермель, — сообщил Джордж. — Эта Кейт Вермель работает на Ист Вашингтон-авеню, в доме номер сорок четыре, а проживает по адресу Двенадцатая авеню, дом номер четыреста шестьдесят пять, второй этаж, налево.

Мне это было кстати, весьма кстати. Мать Рашми сказала, что у ее дочери есть подружка-христосианка по имени Кейт, но я не знала даже фамилии, не говоря уж об адресе. Я снова повернулась к дьяволу:

— Откуда вы это знаете?

Все, что я получила в ответ, — еще один пустой взгляд.

— Сирин, — сказала я, приподнимаясь со стула, — боюсь, Джордж ввел вас в заблуждение. Я частный детектив. — Я встала, чтобы указать им направление. — Ясновидящая принимает через дорогу.

На этот раз Джордж не стал спрашивать разрешения. Мой компьютер пискнул. Я открыла папку. Банковский перевод на тысячу долларов заставил меня опуститься обратно на стул.

— Надежный стимул, — сказал Джордж. — Такая же сумма будет предложена по успешном завершении расследования.

Я подумала о тысяче обедов в ресторанах с чистыми скатертями.

— Расскажите же, что от меня требуется.

— Тысячи бутылок шотландского виски.

— Здесь обращает на себя внимание рука неизвестного лица, — проскрежетал бот. — Сирин испытывает горячее желание встретиться с этим лицом ради плодотворной деловой беседы.

От этой работы несло, как от мусоросжигателя на задворках «Жареной рыбы Фрэна». Драгоценные денежки сменили хозяина с молчаливого согласия сторон. Боты заправляют всем, но не делают ничего ради накопления богатства. Полагаю, стяжательство и предполагалось оставить нам, только вот у нас отбили к нему охоту. В некоторых частях города за подобную сумму можно нарваться на Тяжкое Преступление с кучей Мелких Правонарушений в придачу.

— Это больше, чем я стою, — сказала я. — Раз в сто больше. Если Сирин хочет, чтобы я оторвала руку, из которой растут эти пальцы, он попал не по адресу.

— Насилие неприемлемо, — сообщил Джордж. — Однако Сирин просит Фей проявлять осторожность на всем протяжении следствия. Никакой полиции, никаких газетчиков, даже слухов не должно быть.

— Ах, осторожность. — Я приняла перевод. — За такую сумму я буду осмотрительна, как экономка королевы.

2

Можно было бы взять такси, но только в наше время такси водят сплошь боты, а боты не хранят никаких секретов. Кроме того, хотя у меня была тысяча долларов на счету, я решила пока попридержать их. Чтобы они ко мне привыкли. Поэтому на Двенадцатую авеню я поехала на велосипеде. Сомнения закрались, когда я проехала мимо дома № 400. В этой части города запросто можно получить по голове и остаться истекать кровью в переулке. Темные бары тянулись вперемежку с ломбардами. Дешевые пансионы таращились на улицу своими фанерными фасадами. Здесь было больше ботов, чем женщин, а крыс больше, чем ботов.

Салон «Адажио спа» располагался в доме номер № 465 на Двенадцатой авеню. Кирпичное здание, противоударная витрина из люксара, такая поцарапанная, словно ее исхлестало грозовыми ливнями. За стеклом виднелись пыльные растения. На втором этаже окна были заложены кирпичом. Я пристегнула велосипед цепью к остову машины, поставила сайд-кик на запись и вошла.

Стена за небольшой конторкой сразу притягивала взгляд из-за фотографии с видом какого-то средиземноморского города. Пустынный пляж просто сверкал на фоне остальных скверных картинок. Из двери, ведущей внутрь салона, вышел бот и встал за конторку.

— Добрый день, мадам, — начат он. — Счастлив приветствовать вас. Наше заведение называется…

— Я ищу Кейт Вермель. — Не собираюсь тратить время на болтовню с ботами. — Она здесь?

— Весьма сожалею, но она здесь больше не работает.

— Она здесь работала? — удивилась я. — Мне сказали, она живет в этом доме.

— Тебе сказали неверно.

Дверной проем заполнила собой старушенция, протиснулась в дверь, опираясь на металлическую трость. На ней было желтое цветастое платье, чуть меньше тента цирка-шапито, а поверх него голубой халат с вышитым над левой грудью именем «Норин». Лицо у нее было широкое и белое, как сваренное вкрутую яйцо, на голове плотная масса седых кудряшек, а руки — самые большие, какие я когда-либо видела.

— Я сама разберусь, Барри. Пойди-ка к Хелен Ритци. В двенадцать у нее еще инъекция, а потом переставишь терморегулятор на «сто один».

Бот вежливо поклонился и ушел.

— Так в чем же дело?

Трость описала дугу, и бабуля схватилась за конторку, чтобы не упасть.

Я вынула из кармана брюк свой сайд-кик, вывела на экран удостоверение и вручила ей. Она медленно прочла, фыркнула и вернула его мне.

— Молоденькие цыпочки выбирают игрушечные занятия. Почему бы вам не делать что-нибудь полезное?

— Это что? — поинтересовалась я. — Перманент? Или пилинг?

Но это была женщина из стали, сарказм просто отскакивал от нее.

— Если никто не будет заниматься настоящей работой, скоро проклятые боты заменят нас всех!

— Может, еще не все потеряно. — Надо было что-то сказать, но как только я произнесла эти слова, тут же пожалела об этом. Мое поколение жило лучше, чем когда-либо жили старушки. Может быть, в один прекрасный день наши дети смогут обходиться вообще без роботов.

Наши дети. Я проглотила комок в горле и вызвала на экран сайд-кика фото, которое дал мне Сирин.

— Я ищу Кейт Вермель.

Я показала фотографию ей.

Она поглядела на экран, затем на меня.

— Тебе необходим маникюр.

— Ага, до зарезу.

— Я работаю, чтобы жить, детка. И ноги у меня гудят, если я стою слишком долго. — Она указала своей палкой на дверной проем за конторкой. — Как, ты сказала, тебя зовут?

Обшарпанный столик для маникюра стоял в алькове, украшенном выцветшими гроздьями винограда, которые плохо скрывали водяные подтеки на осыпающемся потолке. Пыль покрывала листья, делая серыми фиолетовые гроздья из пластика.

Норин провела большим пальцем по кончикам моих ногтей.

— Ты их обкусываешь или просто срезаешь циркулярной пилой?

Это была шутка, поэтому я фыркнула.

— Итак, сделаем ногти квадратными, круглыми или овальными?

Кожа у нее была сухая и в пятнах, очевидно, из-за нездоровой печени.

— Понятия не имею. — Я пожала плечами. — Это была ваша идея.

Норин тяжело опустилась на приставной стул, он был такой низкий, что ее лицо оказалось всего в каком-то футе от моих рук. На столике стояли ряд мисок из нержавеющей стали, банка вазелина, круглая коробка с солью, вазочка с пакетиками сахара из «Макдоналдса», рядом с ней флакон жидкого мыла. Норин начала подпиливать мне ногти, каждый от края к середине, слева направо, затем с другой стороны. Какое-то время она работала молча. Я решила не давить на нее.

— Кейт до прошлой недели работала у меня массажисткой, — произнесла она наконец. — Потом вдруг сообщила, что увольняется. Здорово меня подставила. Мне пришлось ходить к ее клиенткам с больной ногой. А я иногда даже с постели не могу подняться. С ней что-то случилось?

— Насколько мне известно, пока еще нет.

— Но она исчезла.

Я покачала головой.

— Я не знаю, где она, но это не означает, что она исчезла.

Норин плеснула горячей воды из электрического чайника в одну из стальных мисок, добавила холодной воды из кувшина, выдавила порцию мыла и повертела миску, чтобы размешать.

— Подержи минут пять. — Она жестом показала, что я должна опустить пальцы в миску. — Сейчас вернусь. Надо убедиться, что Барри не спалил Хелен Ритци лицо.

Она со стоном поднялась.

— Подождите, — сказала я. — А она сказала, почему уходит?

Норин потянулась к своей трости.

— Только об этом и болтала. У нее, видишь ли, это был первый раз.

— Какой «первый раз»?

Старушенция захохотала.

— Ты же детектив, цыпочка. У нее вчера должна была состояться свадьба. Еще скажи мне, что на этой твоей картинке изображено что-то другое.

Она вышла, белые больничные тапочки шаркали по грязному линолеуму. Из глубины салона до меня донесся ее рокочущий голос, а затем скрежет бота. Меня подмывало достать из кармана сайд-кик, но я держала руки в мыльной жиже. К тому же я достаточно насмотрелась на фотографию. Норин права. Это свадьба. Рука с кольцом, наверное, принадлежит христосианскому священнику. Должны быть еще свидетель и фотограф, хотя, возможно, фотограф и есть свидетель. Конечно, я ничего не знала о свадьбе, хотя два дня расследовала исчезновение Рашми Джонс. А детектив я была не самый худший. Наверное, мать Рашми сама ничего не знала. Иначе какой смысл

поручать мне поиски дочери и утаивать подобную информацию.

— Должна сказать, — произнесла Норин и подошла ко мне, тяжело опираясь на трость, — этот бот меня пугает. Я подала на него заявку в городское управление на прошлой неделе, а он уже знает все мои дела вдоль и поперек. Вот вопрос: если они такие умные, почему они так странно разговаривают?

— Дьяволы создали их, чтобы сводить нас с ума.

— Для этого им не нужны боты, детка.

Она снова села на свой стул, оторвала верхушки у пяти пакетиков сахара и высыпала их содержимое в ладонь. Потом потянулась за коробкой с солью и добавила соли в сахар. Сверху выдавила порцию мыла и растерла между ладонями.

— Можно было бы купить какой-нибудь дорогой отшелушивающий крем, но это действует не хуже. — Она указала подбородком на мои руки. — Стряхни и давай сюда.

Я хотела расспросить ее о планах Кейт, но, когда она взяла мои руки в свои, я забыла вопрос. Я никогда не испытывала ничего подобного: раздражение от скребущих по коже частиц, тут же смягченное чувственным скольжением мыльных пальцев. Наслаждение, чуть тронутое болью, нечто такое, о чем я пыталась поведать Шарифе, когда мы с Шарифой вообще разговаривали. После процедуры мои руки горели еще час.

Норин налила воды в другую миску, и я сполоснула руки.

— Почему замужество заставило Кейт оставить работу? — спросила я.

— Не знаю. Может, дело в церкви? — Норин высушила мне руки потрепанным полотенцем. — Она в прошлом году стала христосианкой. Может, Иисусу не нравится, когда состоящие в браке женщины разминают спины. А может, ее оплодотворили. — Она горько усмехнулась. — Это со всеми рано или поздно происходит.

Я пропустила это мимо ушей.

— Расскажите мне о Кейт. Как с ней работалось?

— Средне, учитывая, на какую помощь можно рассчитывать в наши скорбные дни. — Норин отодвигала кожицу вокруг ногтей апельсиновой палочкой. — Приходила обычно вовремя, но я смогла нанять ее всего на два дня в неделю. Она не слишком усердствовала, но точно выполняла указания. Ее беда была в том, что она никогда не сближалась с клиентами, всегда вела себя так, словно здесь ненадолго. В основном держала все при себе, вот почему я и поняла, что ее волнует предстоящая свадьба. Не в ее правилах было болтать.

— А невеста?

— Какая-то индийская курочка, Раши, кажется.

— Рашми Джонс.

Норин кивнула:

— Ее я ни разу не видела.

— Кейт училась в школе?

— Должно быть, среднюю школу она окончила, но я понятия не имею где. Я бы сказала, она не придавала этому особого значения. О колледже она даже не задумывалась. — Норин выдвинула ящик, набитый разноцветными пузырьками. — Хочешь цветной лак или прозрачный?

— Никаких цветных лаков, вредно для бизнеса.

Она бросила на меня косой взгляд:

— А бизнес идет хорошо?

— Вы сказали, она делала у вас массаж? — спросила я. — А где она этому научилась?

— Теперь замри. — Норин открыла пузырек, молочная жидкость на кисточке благоухала, как достойный близнец какого-нибудь суперклея. — Быстросохнущий. — Она наносила субстанцию на мои ногти короткими уверенными мазками. — Кейт утверждала, что ее научила мама. Говорила, что та работала в центре здоровья в «Рэддисоне», пока его не закрыли.

— А у этой мамы есть имя?

— Угу. — Норин работала, закусив нижнюю губу. — Мама. Давай другую руку.

Я протянула руку.

— Но если Кейт не жила здесь, то где же она жила?

— Где-то. Она самостоятельная. — Норин не поднимала головы, пока не закончила. — Готово. Немного помаши пальцами, и все.

Через миг я опустила руки. Мы глядели друг на друга. Затем Норин тяжело поднялась со стула и повела меня обратно к стойке.

— С тебя восемьдесят центов за маникюр, детка. — Она махнула в сторону своего компьютера. — Чаевые оставишь?

Я извлекла свой сайд-кик и перевела со счета два доллара. Норин открыла папку с платежами и одобрительно хмыкнула, тут же открывая другую папку.

— Здесь записано, что она живет в доме номер сорок четыре по Ист Вашингтон-авеню.

Я застонала.

— Что не так?

— Этот адрес у меня уже есть.

— А ее номер?

— Нет, этого нет. Спасибо. — Я подошла к двери и остановилась. Не знаю, почему мне захотелось сказать ей что-то

еще, но я сказала: — Я помогаю людям, Норин. Во всяком случае, пытаюсь. Это настоящая работа, боты на это не способны.

Она молча стояла, растирая больную ногу большой сухой ладонью.

* * *

Я сняла замок с велосипеда, покатила вдоль здания, затем повернула. Прочитала адрес Кейт своему сайд-кику. Ее сайд-кик уловил сигнал на шестом гудке. Никаких картинок на экране не высветилось.

«Пока что вам не посчастливилось застать Кейт, но удача может вам улыбнуться, если вы оставите свое сообщение после сигнала». Она говорила низким обволакивающим голосом, такой голос хорошо слушать в темноте. И сказано было выразительно.

— Привет, Кейт, — сказала я, — Меня зовут Фей Хардвей, я приятельница Рашми Джонс. Она просила меня кое-что передать тебе насчет вчерашнего, прошу, позвони мне на Fay@Market.03284. — Я сомневалась, что она ответит, но попытка не пытка.

Я направлялась на Ист Вашингтон-авеню, когда мой сайд-кик зажужжал в кармане брюк. Я нажала на кнопку. Мать Рашми Джонс, Нажма, глядела на меня с экрана глазами глубокими, словно колодцы.

— Приходила полиция, — сообщила она. — Они сказали, что вам сначала надо было уведомить их. Они хотят поговорить с вами еще раз.

Ничего удивительного. Я позвонила полицейским после того, как позвонила матери, и они об этом пронюхали. Нельзя сообщить матери о смерти дочери, а потом попросить ее разыграть изумление, когда к ней нагрянут копы.

— Я работаю на вас, а не на них.

— Я хочу встретиться с вами.

— Понимаю.

— Я наняла вас, чтобы вы нашли мою дочь.

— Я нашла, — сказана я. — Дважды. — Я тут же пожалела о своих словах.

Она отвернулась. На заднем плане я услышала скрипучие голоса.

— Я хочу знать все, — сказала она. — Хочу знать, насколько вы близки к разгадке.

— Я уже начала составлять отчет. Дайте мне закончить и скоро вы обо всем узнаете…

— Сейчас, — сказала она. — Я в школе. Обед у меня начинается в одиннадцать пятьдесят, а в двенадцать пятнадцать уже урок.

Она отключилась.

Не было причин испытывать чувство вины, так отчего же мне вдруг захотелось просочиться в канализационный сток и забиться куда-нибудь поглубже? Потому что мать была уверена, что я оказалась недостаточно быстрой или недостаточно умелой, чтобы спасти ее дочь? Кто-то должен напоминать людям, что я не чиню пропавшие вещи, я только нахожу их. Но этот кто-то не я. Моя задача сейчас состоит в том, чтобы приехать к ней в школу и позволить ей бить меня по голове своим горем. Я перенесу. Я съела на завтрак старый фильм с Богартом и теперь плююсь пулями. А в конце этого суматошного дня я просто забуду о Нажме Джонс, потому что рядом не будет Шарифы, которая напомнит, как тяжело дается мне моя работа Я достала сайд-кик, соединилась со своим компьютером и загрузила все файлы по делу Джонс. Потом покатила дальше.

Мать прислала мне сообщение три дня назад, просила зайти к ней на Эшбери. Они с дочерью обитали в старом викторианском особняке с пряничной крышей и передней дверью размером с остров Куба. Этот дом принадлежал семье на протяжении нескольких поколений. Семья когда-то была большая. Мать сказала, Рашми не ночевала дома в прошлую ночь. Она не позвонила и не отвечала на сообщения. Мать позвонила в полицию, но колов это дело не заинтересовало. Для них прошло слишком мало времени. Для матери времени прошло слишком много.

Мать преподавала в пятом классе начальной школы имени Рональда Рейгана. Рашми было двадцать шесть, студентка-выпускница, шесть курсов академии, писательское мастерство, Мать была уверена, что дочь снимает деньги с семейного счета, поэтому сначала я решила, что смогу выследить ее по обналиченным чекам. Но счет никто не трогал, с его помощью нам не удалось напасть на след пропавшей девушки. Когда я предположила, что Рашми может скрываться у какой-нибудь из подружек, мать вышла из себя. Оказывается, подруги Рашми и стати причиной разлада между ними. В последние месяцы Рашми рассталась со всеми старыми подружками и связалась с какой-то религиозной компанией. Аликс, Гратиана, Элейн и Кейт, их фамилий мать не знала, были членами Церкви Христа-Мужчины. У меня раньше уже возникали неприятные стычки с христосианками, и мне совсем не хотелось сталкиваться с ними вновь, поэтому для начала я отправилась в академию Рашми,

чтобы поговорить с ее научным руководителем. Зельда Манотти оказалась взбудораженной бабулькой, которая изо всех сил стремилась помочь, вот только пользы от нее было как с козла молока. Она дала мне скопировать неоконченный роман Рашми. Она позволила мне присутствовать на писательском семинаре для старшего курса на случай, если Рашми там появится. Рашми не появилась. После занятий я переговорила с тремя оставшимися слушателями, но они либо не знали, где она, либо не захотели сказать. Ни Гратианы, ни Алике, ни Элейн среди них не было.

Ночью я просмотрела роман Рашми «Потерянное сердце». Это было ностальгическое и сентиментальное нытье на тему, как было, пока дьяволы не заставили всех мужчин исчезнуть. Юная Бриджит Бёрд ищет своего отца, знаменитого архитектора, которого похитили колумбийские наркобароны. Если уж я была цыпочкой, которая балуется игрушечной работой в игрушечной экономике, то Рашми старая Норин признала бы королевой всех бездельниц.

Второй день расследования снова начался для меня в доме Джонсов. Мать наблюдала, как я изучаю комнату Рашми. Мне показалось, она обеспокоена и тем, что я могу найти, и тем, что я вдруг не найду ничего. Рашми слушала «Крипе», у нее были три пары сандалий, все сочинения Дениз Пеппер, она предпочитала бюстгальтеры на «косточках» и подписывалась на «Новости для бестолковых». Скопившуюся за неделю грязную одежду она запихивала под кровать. На стенах ее комнаты перемежались коала, лучшие пляжи мира, развалины замков и постеры «Плейгерл» с 2000-го по 2010 годы. Она хранила рукописный дневник, который вела с шестого класса по восьмой, в нем она часто жаловалась, что ее мать слишком строга, а в школе скучно. Единственная обнаруженная вещь, при виде которой ее мать взбудоражилась, христосианская Библия, засунутая в нижний ящик тумбочки. Когда я извлекла Библию, мать залилась краской и выскочила из комнаты.

Затем я изучила домашнюю сеть Джонсонов. Рашми не особенно аккуратно стирала копии файлов со своего сайд-кика, один из них был чуть ли не полугодичной давности, как раз тогда она и увлеклась религией. Она пользовалась простым шифром, который не остановил бы серьезного взломщика, но не позволял матери совать нос в ее дела. Я подобрала ключ и вскрыла сеть. У Рашми было несколько номеров. Ее мать пыталась дозвониться на Rashmi@Ashbury.03284. Но у нее был и другой номер: Brigitbird@Vincent.03284. Я провела обратный поиск и выяснила адрес: Церковь Христа-Мужчины, Винсент-авеню, 348. У меня не было желания тащиться в церковь лично, поэтому я попыталась

позвонить.

— Алло, — отозвался голос.

— Это Рашми Джонс?

Голос помедлил.

— Меня зовут Бриджит. Оставьте меня в покое.

— Мать беспокоится о тебе, Рашми. Она попросила меня найти тебя.

— Я не хочу, чтобы меня нашли.

— Я читаю твой роман, Рашми. — Надо было сказать что-нибудь, я хотела задержать ее на линии. — Интересно, она в конце найдет своего отца?

— Нет. — Я слышала, как она дышит в микрофон. — Пришли дьяволы. В этом все дело.

Раздался еще чей-то голос, и она отключила микрофон. Но я знала, что меня она все еще слышит.

— Как жаль, Рашми. Но, полагаю, так и должно быть.

И она отсоединилась.

Мать облегченно выдохнула, узнав, что Рашми в порядке, и пришла в ярость из-за того, что она с христосианками. Что с того? Я нашла дочку, дело закрыто. Только вот Нажма Джонс уговорила меня помочь ей связаться с дочерью. Она уже была Должна мне двадцать баксов плюс расходы, но я пообещала за лишнюю пятерку, что попытаюсь вытащить Рашми из церкви, чтобы мать могла с ней поговорить. Я как раз ехала туда, когда маячок, который я подсоединила к счету Джонсов, указал на «Обувь Грейли». Я обрадовалась отсрочке визита, еще больше обрадовалась, когда бот-продавец узнал Рашми на фотографии. Как и официантка в «Мезон Диана». И портье в «Комфорт Инн».

3

Начальная школа имени Рональда Рейгана была недавно отремонтирована, без сомнений, отрядом ботов-рабочих, Кирпичный фасад отмыли и заново покрасили, длинный ряд окон сверкал, словно зубы. Асфальтовую площадку сняли и заменили безопасным покрытием, вместо металлических опор качелей высились пестрые башенки и трубы для лазанья, горки и качели-коромысла. Цепочную ограду заменила деревянная шпалера, по которой ползли веточки жимолости и плети клематисов. Самшитовый лабиринт перед бассейном, поверхность воды блестит, голубая, как мечта. Ничего не жаль для маленьких девочек, нашей надежды на будущее.

Места на стойке, забитой велосипедами, самокатами и скутерами, не было, поэтому я прислонила свой велосипед к ближайшему вишневому дереву. Самых маленьких уже отпустили на их первые каникулы. Я немного постояла за деревом, привыкая к крикам, воплям и смеху. Дела нечасто приводили меня в школы, я даже не могла вспомнить, когда последний раз видела столько девчонок разом. Они были черные, белые, желтые, коричневые, в основном одеты нейтрально, как обычные люди на улицах. Но в одежде некоторых отражался стиль жизни их матерей. Солдатики в камуфляже и непорочные христосианки, кокетки в цепях и гриме, сестры в униформе, выражающей коллективные вкусы семейства, парочка девиц в мехах и одна в костюме робота. Пока я стояла там, меня пробила холодная дрожь, не имеющая отношения к тени от дерева. Я понятия не имела, кто они, это крошечные создания. Они ходят в приличную школу, ведут более или менее нормальную жизнь. Я же выросла в дикие времена, когда все вокруг распадалось на части. И вот сейчас я осознала, что они так же далеки от меня, как я сама — от поколения старушек. Я всегда буду смотреть на них издалека.

Сразу за шпалерой две сестрички в блузках в зеленую полоску и зеленых гольфах вертели скакалку, девочка с завязанными в конский хвост волосами прыгала, ловко скрещивая ноги. Сестрички декламировали:

В долине, долине, где трава зелена,
Живет Стейси, свежа, как весна!
Она поет, так сладко поет,
Приходит Чанти, целует ее!

Еще одна прыгунья вступила на середине, повторяя те же движения, ее темные волосы подскакивали в такт. Декламация продолжалась:

Сколько поцелуев достанется ей?
Раз, два, три, четыре, пять…

Прыгуньи соприкасались в воздухе губами, они поцеловались десять раз, так и не сбившись. Потом Конский Хвост отпрыгнула в сторону, а скакалка продолжала вертеться, и сестрички продолжали приговаривать в такт прыжкам темноволосой девочки. Конский Хвост наклонилась на миг, стараясь отдышаться. Когда она распрямлялась, то заметила меня.

— Эй ты, там, за деревом! — Она приставила руку к глазам. — Ты прячешься?

Я вышла на свет.

— Нет.

— Вот это, между прочим, наша школа. — Она выставила вперед ногу, затем развернулась на сто восемьдесят градусов, чтобы указать на дверь школы. — Тебе нужно записаться в офисе.

— Что ж, займусь этим прямо сейчас.

Когда я прошла через ворота на игровую площадку, несколько девчонок бросили играть и уставились на меня. Это оказалась та аудитория, которой не хватало Конскому Хвосту.

— Ты чья-нибудь мама?

— Нет.

— А у тебя есть работа? — Она шагала за мной по пятам.

— Есть.

— И какая?

— Не могу тебе сказать.

Она забежала вперед, перегораживая мне дорогу.

— Может, потому что это не настоящая работа?

Две сестрички в блузках в зеленую полоску подошли, чтобы поддержать ее.

— Когда мы вырастем, — сообщила одна из них, — у нас будет настоящая работа.

— Например, врача, — сказала вторая. — Или укротителя львов.

Нас обступили другие девчонки.

— Я хочу водить грузовик, — сказал один «солдатик». — Большой-пребольшой грузовик. — Она показала размеры своей мечты, раскинув в стороны руки.

— Это не настоящая работа. С этим справится любой бот.

— Я хочу стать учительницей, — сказала темноволосая,

которая прыгала через скакалку.

— Шанталь обожает школу, — вставила Меха. — Она бы женилась на школе, если бы было можно.

Видимо, с точки зрения третьеклассниц это был верх остроумия, некоторые так хохотали, что им пришлось прикрывать рты ладошками. Я же была смущена. Дайте мне отвергнутую любовницу, алкоголичку или тупоголового копа, я сумею с ними разобраться, но сейчас я оказалась в плену у толпы хихикающих детишек.

— Так зачем же ты пришла? — Конский Хвост уперлась кулаками в бока.

Из-за синей конструкции, похожей на многоножку, вышла тетка в брюках цвета хаки и мешковатом фиолетовом свитере. Она окинула меня проницательным, но в то же время благожелательным взглядом, с каким рождаются учительницы, и двинулась ко мне через площадку.

— Я пришла к мисс Джонс, — сказала я.

— О. — Тень пробежала по лицу Конского Хвоста, она вытерла ладони о бедра. — Тогда иди.

Кто-то окликнул:

— Так ты гробовщик?

И чей-то невинный голос вопросил:

— А что такое «гробовщик»?

Ответа я не услышала. Учительница в фиолетовом свитере спасла меня и провела через толпу.

* * *

Я так и не поняла, почему Нажма Джонс сидела в школе. Либо она была самой самоотверженной учительницей на свете, либо слишком бесчувственной, чтобы переживать смерть дочери. Я не решила. Когда мы виделись с ней в первый раз, она вела себя сдержанно, теперь же она замкнулась наглухо. Это была похожая на птицу женщина с узким лицом и тонкими губами. В ее седых волосах проглядывало несколько темных прядей. На ней были белая туника с длинными рукавами и шальвары. Я привалилась к двери ее класса и рассказала обо всем, что сделала накануне. Она слушала, сидя за учительским столом, перед ней лежал сандвич, который она не собиралась есть, и стоял пакет с молоком, которое она не собиралась пить, и еще салфетка, которая была ей не нужна.

Когда я договорила, она спросила меня о цианиде в ингаляторе.

— Цианид нетрудно достать, — пояснила я. — Его используют при изготовлении пластмасс, при гравировке, при закалке металлов. Что касается ингалятора, он от какой-то из подпольных группировок самоубийц, возможно, от «Нашего выбора». Копы скажут вам точнее.

Она развернула салфетку и расстелила на столе.

— Я слышала, такая смерть болезненна.

— Вовсе нет, — возразила я. — Когда-то соединения цианида использовали, чтобы казнить преступников, в скверные стародавние времена. Все дело в первом вдохе. Если вдохнуть глубоко, сознание потеряешь, еще не успев упасть на пол. Умрешь меньше чем за минуту.

— А если вдохнуть недостаточно глубоко?

— Мисс Джонс…

Она резко прервала меня:

— Если нет?

— Тогда времени это займет больше, но все равно завершится смертью. Начинаются судороги. Кровь приливает, кожа краснеет. Глаза вылезают из орбит. Говорят, похоже на сердечный приступ.

— Рашми? — Она произнесла имя дочери нежно, словно укладывая его в постель. — Как умерла она?

Неужели копы показывали ей фотографии с места преступления? Я решила, что нет.

— Не думаю, что она страдала, — сказала я.

Она оторвала от салфетки длинную полоску.

— Вам кажется, что я плохая мать, да?

Я не вполне понимала, какого ответа от меня ждут, но явно не согласия.

— Мисс Джонс, мне мало что известно о вас и вашей дочери. Но я знаю, вы заботились о ней достаточно, если наняли меня. Мне жаль, что все так обернулось.

Она устало покачала головой, словно я произнесла избитую остроту. Одна треть это не 0,33. Лос-Анджелес никогда не был столицей Калифорнии.

— Есть ли что-то еще, о чем мне следует знать? — спросила она.

— Да. — Мне пришлось рассказать, что я узнала сегодня утром, но я не сказала ей, что работаю теперь на дьявола. — Вы упоминали, что у Рашми была подруга Кейт.

— Христосианка?

Она оторвала от салфетки еще одну полоску.

Я кивнула:

— Ее зовут Кейт Вермель. Я не могу сказать наверняка, но есть основания полагать, что Рашми и Кейт поженились вчера.

Для вас это имеет какое-нибудь значение?

— Наверное, имело бы вчера. — Она говорила безо всякого выражения. — Больше не имеет.

До меня доносились звуки из соседнего класса. Стулья шаркали по линолеуму. Девочки болтали друг с другом.

— Я знаю, что Рашми стала христосианкой, — сказала она. — Это обломок религии. Но ведь все оказалось в руинах, верно? Моя дочь и я… Не думаю, что мы когда-либо понимали друг Друга. Под конец мы стали совсем чужими. — Салфетка превратилась в лохмотья. — Сколько вам было лет, когда это случилось?

— Я тогда еще не родилась. — Ей не было нужды объяснять, что это. — Я не такая старая, какой кажусь.

— Мне было девятнадцать. Я помню мужчин, отца, дядей. И мальчиков. Я даже спала с одним. — Она слабо улыбнулась мне. — Вас это не шокирует, мисс Хардвей?

Я терпеть не могла, когда старухи начинали говорить о сексе, но в ответ просто помотала головой.

— Я не любила Санила, но сказала, что выйду за него замуж, потому что так я могла уйти из материнского дома. Может быть, и Рашми использовала эту Кейт с той же целью?

— Этого я не знаю.

Зазвонил школьный звонок.

— Сегодня я в белом, мисс Хардвей, в честь моей дорогой дочери. — Она собрала обрывки салфетки, сандвич, пакет с молоком и сунула все в мусорную корзину. — У индусов белый — цвет траура. И еще это цвет знания. Богиня познания, Сарасвати, всегда изображается в белом деянии, сидящей в белом лотосе. Осталось кое-что еще, что я обязана узнать. — Она провела пальцем по золотой вышивке на вырезе туники. — Но пока что придется прерваться.

Мы подошли к двери.

— Что вы будете делать теперь?

Она открыла дверь. Пятый класс толпился в холле, девочки копались в своих шкафчиках.

— Искать Кейт Вермель, — ответила я.

Она кивнула:

— Передайте ей, что я сожалею.

4

Я еще раз попыталась дозвониться до Кейт, но когда на другом конце линии снова ответил сайд-кик, я поехала через весь город на Ист Вашингтон-авеню. В доме помещалось «Общество отравителей», увеселительное заведение, на вывеске значилось, что оно открывается в девять вечера. Звонка на двери не было, но я стучала достаточно громко, чтобы разбудить саму Мэрилин Монро. Никакого результата. Я обошла дом и попытала счастья у задней двери. Если Кейт там, она не в настроении принимать визитеров.

Поисковое устройство в сайд-кике включилось, указывая на «Макдоналдс» на Уоллингфорд, в десяти минутах езды отсюда. Единственными посетительницами там оказалась пара телок с колышущимися грудями и в одинаковых кислотно-зеленых виниловых масках. Одна из них сидела на корточках перед другой, выпрашивая кусочки цыпленка. Бот принял мой заказ на комплекс за двадцать девять центов; за прилавком здесь стояли одни боты. По закону заправлять заведением должен был человек, но если хозяйка тут и имелась, ее не было видно. Я подумала, не позвонить ли в городское управление, чтобы пожаловаться, но булочки с яйцом оказались с хрустящей корочкой, а «МакЛатте» хорошо заварен. К тому же мне не хотелось наблюдать, как копы станут извлекать несчастную хозяйку из ее норы.

Вслед за мной вошли двое мрачного вида солдат в армейских комбинезонах. Они ели, низко склонившись над пластиковыми подносами, так что картошке не приходилось проделывать длинный путь. Складные титановые дубинки лежали на столе на виду. Одна служивая была чуть изящнее автобуса. Вторая ничем не выделялась, но когда я выглянула из-за своего сайд-кика, она уставилась на меня ледяным взглядом. Я продемонстрировала ей сияющие ногти и улыбнулась самой лучшей своей улыбкой. Она нахмурилась, что-то сказала напарнице и снова занялась подносом.

Сайд-кик запищал. Это оказалась моя приятельница, Джули Эпштейн, она работала в Отделе угрозы собственной жизни и исчезновений во втором полицейском участке.

— Ты занята, Фей?

— Ага, королева Кливленда только что потеряла свою хрустальную туфельку, дело поручили мне.

— Ясно, а я тут поблизости. Не хочешь пообедать?

Я нацелила камеру сайд-кика на пустой поднос перед собой.

— Только что.

— А ты где?

— «Макдоналдс» на Уоллингфорд.

— Да ну? И как ребрышки?

— Не могу сказать. Но булочки с яйцом выше всяких похвал.

— Это там хозяйка наркоманка? Жалобы уже поступали. В этом заведении всем заправляют боты?

— Нет, я ее сейчас вижу. Она дает сдачу какому-то дежурному копу.

Она засмеялась.

— Встретила следователя по делу Рашми Джонс. Удушье, вызванное цианидом.

— А вы случайно не показывали мамаше фотографии с места происшествия?

— Нет, конечно. К чему такие жестокости. — Она нахмурилась. — А что?

— Я только что от нее. У меня такое впечатление, будто она подозревает, что ее дочке перед смертью пришлось сражаться с газонокосилкой.

— Мы ей ничего не говорили. Кстати, по большому счету нам плевать, что ты звонила клиентке, но в следующий раз все-таки удосужься сначала позвонить нам.

— Это ваш закон копов. Я живу по закону частных детективов.

— Откуда ты украла эту реплику, из «Китайского квартала»?

— Диалоги там лучше, чем в «Сети зла». — Я поболтала остатками латте в стаканчике. — Вы установили мотив?

— Пока нет. А что тебе больше нравится? — Она начала загибать пальцы на левой руке, — Семья? Учеба? Деньги? Сломанный ноготь? Неудачный день?

— Беременность. В качестве версии.

— Думаешь, ее оплодотворили? Мы проверим. Но это еще не повод убивать себя.

— Все может стать поводом. Только ни один из них того не стоит.

Она нахмурилась:

— Слушай, сейчас ты от меня ничего не узнаешь.

— Скажи мне, Джули, по-твоему, я занимаюсь игрушечной работой?

— Ну ты даешь, Фей. — В ее смехе угадывалась истерическая нотка. — Может, вам с Шарифой пора в отпуск?

— Угу. — Я пропустила это мимо ушей. — Просто одна старушенция назвала меня цыпочкой.

— Старушенция. — Она засопела от отвращения. — Слушай, ты не коп, это факт. Но мы ценим всякую помощь. Лично я бы

сказала, ты занимаешься настоящей работой. Такой же настоящей, как и все остальное в этом чокнутом мире.

— Спасибо за лесть. Теперь, когда ты меня утешила, я отключаюсь. А то у меня совсем остынет кофе, а у тебя исчезнет еще целая толпа народу.

— Подумай насчет отпуска, сыщица. Пока.

Когда я отложила в сторону сайд-кик, то поняла, что солдаты дожидаются меня. Последние десять минут они занимались тем, что шуршали льдинками в стаканах и мяли «макдоналдсовские» салфетки. Только их мне еще не хватало. Самым разумным было бы выскочить за дверь и укатить на велосипеде, на своих двоих они меня не догнали бы. Но вот только я не делала ничего разумного с самого апреля. Огромная тетка как раз взялась за свой сайд-кик, когда я подошла к ним.

— Чем могу вам служить, дамы? — поинтересовалась я.

Тетка-автобус убрала сайд-кик в карман. Ее напарница начала подниматься с места, но она подняла руку толщиной с телеграфный столб, удерживая ее.

— Мы знакомы? — У ее напарницы были близко посаженные глаза и нос, похожий на клюв, волосы коротко острижены и жесткие как щетка. Под рабочим комбинезоном у нее была черная футболка, а на ногах армейские ботинки из черной кожи. Наверное, с металлическими носами. — Нет, — продолжала огромная баба. — Думаю, мы не знакомы.

— Так давайте же познакомимся, — сказала я. — Я Фей Хардвей. А вы?..

Они не ответили вообще ничего.

Я села.

— Спасибо. Вы ведь не возражаете?

Автобус откинулась на своем стуле и уставилась на меня так, словно я была десертом.

— Уж не ошиблась ли ты, крошка?

— В чем? В том, что вы грубы, тупы и ни черта не понимаете?

— А ты забавная. — Она хмыкнула. — Это хорошо. А то народ, который нам попадается, в основном мрачный. Меня зовут Аликс. — Она протянула руку, и я пожала ее. — Приятно познакомиться.

Обычно рукопожатие длится секунды четыре, ну, пять, чуть сжать руку на прощание и отпустить. Наверное, огромная Аликс не была знакома с обычаями, она не отпускала мою руку.

Но я не позволила такому пустяку, как попавшая в капкан рука, испугать меня.

— А, тогда я тебя знаю, — сказала я. Мы сидели в «Макдоналдсе» на Уоллингфорд-стрит, в общественном месте. Я

только что говорила со своей приятельницей, копом. Я была чертовски уверена в собственной безопасности, поэтому решила сделать следующий шаг. — А твоя подружка, должно быть, Элейн. Или это Гратиана?

— Аликс! — Вторая, с носом-клювом, запаниковала. — Теперь нам придется забрать ее.

Аликс вздохнула и дернула меня за руку с такой силой, что чуть не вырвала мне руку из сустава. Я проехала до середины стола, и вторая, с клювом, взмахнула своей дубинкой. Я отпрянула от нее, и мне достался всего лишь скользящий удар по черепу над ухом, но тут Аликс как следует заехала мне по лицу и брызнула парализующим спреем. Я видела миллионы звезд и глотала космическую безвоздушную пустоту секунды две, прежде чем все вокруг погрузилось во мрак.

* * *

Биг-Бен грохотал у меня в голове. Я ощущала его всеми зубами и глазными яблоками. Последний раз я испытывала нечто подобное во Вторую мировую. Стоп, разве я уже родилась во Вторую мировую? Нет, но я видела кино. Когда я пошевелила пальцами ног, Биг-Бен снова зазвонил. Я поняла, почему мне так больно от его звука, — потому что в человеческой голове слишком мало места, чтобы запихнуть в нее колокол такого размера. Пока я проводила инвентаризацию своего тела, колокол начал затихать. К тому моменту, когда я убедилась, что все цело, осталась лишь пульсация крови в венах.

Я лежала на какой-то поверхности, твердой, но не холодной. Дерево. Скамья. Помещение было просторное и сумрачное, но не темное. Высокий потолок терялся в тенях. В воздухе ощущался привкус дыма. Свет мерцал. Свечи. В этом заключался намек, но я все еще слишком плохо соображала, чтобы разгадать загадку. Я знала, что должна вспомнить что-то, но в том месте, где полагалось быть памяти, зияла дыра. Я закинула руку назад и коснулась головы над ухом. Кончики пальцев стали темными и липкими.

Загадку разрешил за меня голос.

— Прошу прощения за то, что мои люди перестарались. Если вы захотите подать заявление, я посоветую Аликс и Гратиане добровольно явиться в полицию.

И тут я все вспомнила. Я и так все помнила. «Макдоналдс». Огромная Аликс. Долгое рукопожатие. Значит, это та самая церковь. Я села. Когда мир вокруг перестал вращаться, я увидела

широкий, залитый светом мраморный алтарь, за ним висело распятие размером с самолет «Цессна».

— Надеюсь, вам не очень больно, мисс Хардвей. — Голос шел от скамьи у меня за спиной. Женщина лет сорока, в черном костюме и с колораткой,[33] она стояла на коленях. Широкое серебряное кольцо украшало безымянный палец ее левой руки.

— Бывало и хуже.

— Это нехорошо. У вас привычка попадать в скверные истории?

На ее лице отразилось беспокойство, не пошла ли я в жизни по плохой дорожке. У нее были добрые глаза и приветливое лицо. Короткие волосы пепельного цвета. Она была похожа на человека, которому можно рассказать обо всех тайных грехах, чтобы потом спокойно спать по ночам. Она могла бы замолвить за меня словечко перед Христом-Мужчиной, забить для меня местечко в хоромах на небесах.

— А разве я попала в скверную историю?

Она серьезно кивнула:

— Все мы. Дьяволы уничтожают нас, мисс Хардвей. Они сеют свое семя не только в наших телах, но и в наших умах и душах.

— Прошу вас, зовите меня Фей. Я уверена, мы с вами подружимся. — Я склонилась к ней. — Прошу прощения, не вижу значка с вашим именем.

— Я его не ношу. — Она улыбнулась, — Я отец Элейн Хорват.

Мы смотрели друг на друга.

— Вы когда-нибудь рассматривали возможность самоубийства, Фей? — спросила отец Элейн.

— Всерьез никогда. Плохо сказывается на карьере.

— Прекрасно. Но вы наверняка знаете, что с тех пор, как появились дьяволы и все переменили, почти миллиард женщин от отчаяния лишили себя жизни.

— Сдается, что-то подобное я слышала. Продолжайте, леди, к чему вы клоните?

— Трагедия нашего времени состоит в том, что существует множество причин убить себя. Требуется отвага, чтобы жить в нашем мире. Рашми Джонс была испуганной юной женщиной. Ей не хватило отваги. Это не значит, что она плохая, просто мертвая.

Я похлопала себя по карману, нащупывая сайд-кик. До сих пор при мне. Я достала его и нажала кнопку «запись». Разрешения я не спрашивала.

— Значит, мне не следует совать нос в чужие дела?

— Ну, это плохо сказалось бы на карьере в вашей профессии. Сколько вам лет, Фей?

— Тридцать три.

— Значит, вас родила девственница. — Она распрямилась, поднялась с коленей и села на скамью. — Осемененная дьяволом. Я же достаточно стара, чтобы иметь отца, Фей. На самом деле я даже немного его помню. Совсем чуть-чуть.

— Не начинайте. — Я развернулась на скамейке к проходу. Ненавижу эти страдания по члену. Из-за этой старухи рот у меня наполнился вкусом алюминиевой фольги, я плюнула бы на самого Христа, если бы он осмелился спуститься со своего креста. — Хотите знать одну из причин, по которой наше поколение выпрыгивает из окон и глотает цианид? Потому что старухи вроде вас вызывают в нас чувство вины за то, что мы появились на свет иначе. Пожалуйста, назовите меня дьявольским отродьем, давайте. Доставьте себе удовольствие. И покончим с этим. Потому что мы просто выжидаем, пока все престарелые суки передохнут. В один прекрасный день эта дурацкая церковь истощится и умрет, и знаете что? В тот день мы будем танцевать, потому что без вас станет куда веселее, никто не будет нам напоминать, чего мы лишились и кем мы никогда не станем.

Казалось, она чрезвычайно довольна моим всплеском эмоций.

— А вы злая женщина, Фей.

— Угу, — буркнула я. — Но я добра с детьми и мелкими животными.

— Откуда эта злость в вашей душе? Многие люди находят утешение в Христе.

— Например, Аликс и Гратиана?

Она молитвенно сложила руки, серебряное кольцо на пальце тускло блеснуло.

— Как я уже сказала, они сами сдадутся…

— Оставьте их себе. Я сыта ими по горло. — Я быстро успокоилась. Помолчала, обдумывая следующий шаг. Затем села на скамью рядом с отцом Элейн, повернула к ней свой сайд-кик и убедилась, что она увидела поставленную мною на паузу запись. Наши глаза встретились. Мы поняли друг друга. — Это вы поженили вчера Кейт Вермель и Рашми Джонс?

Она ответила не задумываясь:

— Я провела обряд. Документы я никогда не составляю.

— Вы знаете, почему Рашми убила себя?

— Не уверена. — Она выдержала мой взгляд. — Насколько я понимаю, она оставила записку.

— Ах да, записка. Я нашла записку в ее сайд-кике. Она написала: «Жизнь слишком тяжела, я не могу ее выносить, поэтому ухожу. Я люблю тебя, мама, прости». Не слишком многословно для будущего писателя, а? И главное, ни словечка о Кейт. Я даже не знала о ее существовании до сегодняшнего утра.

И теперь у меня из-за этого кое-какие проблемы. У копов возникнут те же проблемы, если я расскажу им.

— Но вы еще не рассказали.

— Пока нет.

Она немного подумала.

— Насколько я поняла, — сказала в итоге отец Элейн, — Кейт и Рашми поссорились сразу после церемонии. — Она так осторожно выбирала слова, словно какое-нибудь из них могло бы обидеться и разреветься. — Точно не знаю, в чем была причина, но Рашми ушла, а Кейт осталась здесь. Один человек был с ней весь вчерашний день и всю ночь.

— Возможно, потому, что вы решили позаботиться о ее алиби?

Она пропустила эти слова мимо ушей.

— Кейт расстроилась, услышав новость. Она корит себя, хотя я уверена, она ни в чем не виновата.

— Она сейчас здесь?

— Нет. — Отец Элейн пожала плечами. — Я посоветовала ей уйти, когда узнала, что вы ее ищете.

— Вы хотите меня остановить?

— Просто иногда вы бываете бессмысленно жестоки. Бедная девочка страдает.

— Другая бедная девочка мертва. — Я сунула руку в карман за световой указкой. — Могу я взглянуть на ваше кольцо?

Это ее удивило. Она протянула левую руку, и я навела на нее световую указку. Ее кожа была морщинистой, но мягкой, ногти без блеска. Она не пойдет ради маникюра в такую дыру, как «Адажио спа».

— Что означают эти буквы? — спросила я. — «IHS»?

— In hoc signo vinces. «С этим знаком победишь». У императора Константина было видение креста в небесах с написанными там же огненными словами. Это было как раз перед решающим сражением. Он приказал солдатам нарисовать на щитах кресты и в тот день победил войско, намного превосходящее его.

— Здорово. — Я отключила указку. — А что это значит для вас?

— Кольцо подарила мне сама Невеста Христова. — Лицо ее засветилось, словно она услышала, как хор ангелов распевает ее имя. — Как знак моего особенного призвания. Понимаете ли, Фей, наша Церковь не имеет тенденции к истощению и умиранию. Через много лет, когда мое поколение давно уйдет, верующие все равно будут объединяться во Имя Христово. И однажды они завершат начатую нами работу. Однажды они

изгонят дьяволов.

Если она и сознавала, насколько безумно это звучит, то не подала виду.

— Ладно, пусть так, — сказала я. — Забудем о Кейт Вермель. Я все равно искала ее для того, чтобы она привела меня к вам. Дьявол по имени Сирин нанял меня найти человека, который носит это кольцо. Он хочет встретиться.

— Со мной? — Отец Элейн побледнела. — Чего ради?

— Я просто нахожу. — Меня радовало ее замешательство. — Я не спрашиваю, для чего.

Она сложила руки словно для молитвы, склонила голову и закрыла глаза. Она просидела так с минуту. Я решила дать ей время подумать, хотя на самом деле у меня не было выбора. Ад мог бы разверзнуться перед ней, она даже и не заметила бы.

Наконец она вздрогнула и распрямилась.

— Я должна выяснить, как много им известно. — Она подняла взгляд на гигантское распятие. — Я встречусь с этим дьяволом, но при одном условии: вы гарантируете мне безопасность.

— Без проблем. — Я не смогла удержаться, я засмеялась. Звук отдавался эхом, оскверняя собой тишину. — И как же я смогу это делать? Они прикончили половину человечества, даже не вспотев!

— Они вам доверяют, — сказала она. — Я тоже.

Полное и нелепое успокоение охватило ее, она смотрела на мир сквозь дымку своей веры. Глупо с ее стороны думать, что я пойду против дьяволов. Может, она верила, что Христос-Мужчина спустится с небес и защитит ее, но что-то в последнее время он нечасто показывался. А может быть, она представила себя в числе тех святых мучеников, которые обнимают меч и целуют топор, собирающиеся снести им голову. Я напомнила себе, что не мое это дело — разбираться в ее видениях.

К тому же мне нужны были деньги. И вдруг мне захотелось выбраться из этой большой пустой церкви.

— Моя контора на Маркет-стрит, тридцать пять, — сказала я. — Третий этаж. Постараюсь договориться на сегодняшний вечер, на шесть часов. — Я поднялась. — Слушайте, если они захотят вас забрать, вы просто исчезнете, и все. Но обещаю, я все запишу и буду вопить во всю мочь.

— Я вам верю, — сказала она, ее лицо пылало.

5

Я не пошла в контору после того, как заперла велосипед на стойке Маркет-стрит. Вместо этого я отправилась на поиски Джорджа. Он отмывал лак с деревянных панелей в бывшем офисе Донны Беласко на пятом этаже. Контора Донны пустовала с прошлой осени, когда она забросила работу юриста и отправилась на юг, в Дейтон-Бич, считать волны на пляже. Во всяком случае, я надеялась, что она занимается именно этим, последний раз она давала о себе знать рождественской открыткой. Я скучала по Донне, она была одной из немногих старушенций, которые пытались понять, что значит вырасти в том мире, в каком выросли мы. И она от души помогала мне нащупать в нем дорогу.

— Привет, Джордж, — сказала я. — Можешь передать своему боссу, я нашла кольцо.

— Это заслуживает поздравлений. — Рука с кистью застыла над банкой растворителя, когда бот развернулся ко мне лицом. — Ты доказала свою исключительность, Фей.

Джордж немало потрудился над нашим домом с тех пор, как появился здесь год назад, хотя он имел что-то против древесной фактуры. Нам приходилось удерживать его от покраски панелей красного дерева в фойе.

Мне не хотелось закрывать дверь, но этот разговор требовал конфиденциальности.

— И я договорилась о встрече. — От вони растворителя у меня свербело в носу. — Отец Элейн Хорват будет здесь в шесть.

Джордж ничего не ответил. Пытаться прочитать мысли бота все равно что пытаться прочитать мысли холодильника. Я решила, что он передает информацию Сирину. Интересно, дьявол будет недоволен тем, что встреча назначена в моей конторе?

— На Сирина произвела впечатление скорость выполнения задания, — произнес в итоге Джордж. — Уверенность в этом была, именно поэтому задачу возложили на тебя.

— Отлично, сними с моего счета десять баксов ренты. Только, знаешь ли, я обещала отцу Элейн неприкосновенность. Сирин ведь не выставит меня лгуньей, правда?

— Сирин не приветствует насилия. Это постыдная практика.

— Ага, но если Сирин заставит ее испариться куда-нибудь, это будет считаться насилием?

Голова Джорджа отвернулась обратно к стене.

— Отец Элейн Хорват сможет свободно уйти, если пожелает, — Кисть опустилась в банку. — А Кейт Вермель тоже

нашлась?

— Нет, — сказала я. — Я искала, но вместо этого отец Элейн нашла меня. Кстати, Кейт не живет в доме номер четыреста шестьдесят пять на Двенадцатой авеню.

— У Сирина иные сведения. — Старый лак запузырился и сполз в том мест, где Джордж провел кистью. — Подобная ошибка вызывает удивление.

Мелочь, но она не давала мне покоя, пока я спускалась на третий этаж. Неужели я радуюсь тому, что дьяволы не являются всемогущими и непогрешимыми? Не совсем. Несмотря на все их преступления против человечества, дьяволы со своими ботами неплохо управляли миром. Мелкое, даже горькое утешение состояло в том, что они точно ведают, что творят.

Я прошла мимо открытой двери чокнутой Марты к своей конторе.

— Ребятам то-то иди, — сказала она мне вслед.

Я вернулась. Моя соседка сидела за компьютером, на ней был ее обожаемый противогаз «Технопро», она утверждала, будто он защищает ее от хлора, гидроген сульфида, диоксида серы, аммиака, бактерий, вирусов, пыли, пыльцы, кошачьего дерьма, плесневых грибков, выпадения радиоактивных частиц и полового возбуждения. К несчастью, он же делал ее речь совершенно неразборчивой.

— Попробуй еще разок, — посоветовала я.

— У тебя. Там. Кто-то. Сидит.

— Кто?

Она покачала своим противогазом и пожала плечами. Свет от монитора отражался на поверхности маски. Я видела цифры, черными муравьями ползущие по экрану.

— А для чего противогаз?

— У нас. Был. Дьявол. В доме.

— Правда? — удивилась я. — Когда?

— Утром.

Не было никаких запретов на пребывание дьявола в здании, так же как не было закона, запрещающего иметь дьявола в клиентах. Но во взгляде Марты читалось обвинение, которое я не могла опровергнуть. Неужели я предала всех нас, взявшись за это дело?

Она сказала:

— Ненавижу. Дьяволов.

— Угу, — пробормотала я. — И я тоже.

* * *

Я открыла дверь, оказалось, меня ждет Шарифа. Она попыталась улыбнуться, что было не к месту.

— Привет, Фей, — сказала она.

Она выглядела элегантно, как всегда, и устало, такой я ни разу ее не видела. На ней были черное льняное платье в горошек и босоножки в тон с тонкими перекрещивающимися ремешками. Это были совсем не докторские туфли, они гнали прочь тени и заставляли звучать музыку. От их вида мне сделалось грустно.

Когда я развернулась, чтобы закрыть дверь, она увидела засохшую кровь у меня на волосах.

— Ты ранена! — Я почти забыла об этом, не стоит запоминать, что тебе больно. Она вскочила со стула. — Что случилось?

— Поскользнулась в душе.

— Дай посмотреть.

Я наклонила голову, а она осторожно ощупала шишку.

— У тебя может быть сотрясение.

— У частных детективов не бывает сотрясений. Так записано в лицензии.

— Сядь, — сказала она. — Дай я промою. Только схожу в ванную за водой.

Я села и посмотрела ей вслед. Подумала, не запереть ли за ней дверь, но я заслужила то, что получила. Я открыла ящик стола, взяла два пластиковых стаканчика и решила посоветоваться с «Джонни Уокером».

Шарифа влетела в контору с тазиком воды в одной руке и стопкой бумажных полотенец в другой и притормозила, увидев бутылку.

— И когда это началось?

— Только что. — Я взяла свой стаканчик и проглотила налитый на два пальца виски «Блэк лейбл». — Хочешь?

— Не знаю, — сказала она. — Это мы веселимся или занимаемся самолечением?

Я пропустила колкость мимо ушей. Она промокнула мою шишку мокрым полотенцем. Я чувствовала запах ее духов, цветущий лимон на летнем ветерке с единственной крошечной капелькой пота. Ее запах очень хорошо сочетался с дымным ароматом виски. Она задела меня, и я ощутила под платьем ее тело. В этот миг я хотела ее сильнее, чем хотела дышать.

— Сядь, — сказала я.

— Я еще не закончила, — возразила она.

Я указала на стул:

— Сядь, черт с ним.

Она кинула бумажное полотенце в мусорную корзинку,

проходя мимо.

— Утром ты задала мне вопрос, — продолжала я. — Я должна ответить на него. Я сделала аборт на прошлой неделе.

Она посмотрела на свои руки. Не знаю, почему они ничем не были заняты. Просто лежали на коленях, думали о чем-то своем.

— Я говорила тебе, когда мы только познакомились, я сделаю это, если меня осеменят, — сказала я.

— Я помню.

— Я не видела иного выхода, — сказала я. — Я знаю, что миру необходимы дети, но у меня есть моя жизнь. Может, это грубая, бессмысленная, скверная жизнь, но она моя. А стать матерью… значит, вести жизнь кого-то другого.

— Я понимаю, — сказала Шарифа. Голос ее сделался таким слабым и тоненьким, что мог бы спрятаться под наперсток. — Просто… это случилось так быстро. Ты мне рассказала, мы поссорились, у меня не было времени все обдумать.

— Я прошла тест утром. Тебе рассказала в тот же день. Я ничего не утаивала.

Она сложила руки на груди, словно ей стало холодно.

— А когда осеменят меня, что тогда?

— Поступишь так, как сочтешь необходимым.

Она вздохнула:

— Не плеснешь ли и мне немного… лекарства?

Я налила виски в оба стаканчика, обошла стол и протянула Шарифе ее стаканчик. Она хлебнула, намного подержала виски во рту, потом проглотила.

— Фей, я… — Уголок ее рта дернулся, и она прикусила губу. — Твоя мать как-то рассказывала мне, когда поняла, что беременна, она была так счастлива. Так счастлива. Это было тогда, когда все вокруг рушилось. Она сказала, ты была тем даром, в котором она нуждалась… а не…

— Я уже слышала лекцию на тему подарков, Шарифа. И не раз. У нее дьяволы получаются какими-то Санта-Клаусами. Или аистами.

Она опустила взгляд и словно удивилась, что до сих пор держит в руках стакан. Она осушила его одним глотком и поставила на стол.

— Я врач. Я знаю, что они делают это с нами, но хотела бы я знать как. Хотя само по себе это неплохо. То, что ты живешь на этом свете, совсем неплохо.

Я не была в этом так уверена, но держала свое мнение при себе.

— Иногда у меня такое чувство, будто я несу воду в горстях, она вытекает, а я не могу сделать ничего, чтобы ее удержать. —

Она принялась растирать правой ладонью левую руку до локтя, — Люди продолжают убивать себя. Может быть, не так часто, как раньше, но продолжают. Уровень рождаемости едва превышает смертность. Может быть, мы обречены. Тебе так не кажется? Что мы можем вымереть?

— Нет.

Шарифа долго молчала. Продолжала растирать руку.

— Я должна была сама сделать тебе аборт, — сказала она наконец. — Тогда нам обеим пришлось бы с этим жить.

Я была толстокожим частным детективом. У меня в нижнем ящике лежала бутылка виски, а в клиентах ходил дьявол. Солдаты били меня дубинками и прыскали мне в лицо парализующей жидкостью. Но даже у меня имелось чувствительное место, и доктор Шарифа Рамирез только что как следует ударила по нему. Мне хотелось заключить ее в объятия и целовать лоб, щеки, изящную шею. Но я не могла вот так сдаться ей, во всяком случае не сейчас. Может быть, никогда больше. У меня было дело, мне требовалось сохранить лучшую часть себя в резерве, чтобы довести это дело до конца.

— Это будет только на моей совести, Шарифа, — сказала я. — На твоей — спасать жизни. — Я обошла стол. — У меня есть работа, так что ступай пока домой, дорогая. — Я поцеловала ее в лоб. — Увидимся позже.

Легче сказать, чем поверить в такую возможность.

6

Шарифа уже давно ушла, когда без десяти шесть появилась отец Элейн. Она привела с собой мордоворотов. Гратиана слонялась по холлу, мрачно поглядывая на дверь моей конторы, словно прикидывая, сколько времени займет высадить ее, перемахнуть через стол и свернуть кому-нибудь шею. Я не удивилась бы, если бы вера в меня отца Элейн поколебалась, черт, я и сама не очень-то верила в себя. Однако мне показалось, она напрасно взяла с собой именно этих костоломов. Я предложила Гратиане убраться из здания. Может, ей лучше заняться самоудовлетворением перед несущимся на полной скорости автобусом? Отец Элейн отпустила ее, и она выскользнула за дверь.

Отец Элейн казалась спокойной, но мне было очевидно, что она спокойна, как пара мышей и один тушканчик. Я толком не разглядела ее в темной церкви и теперь внимательно изучала на случай, если придется описывать для «Каталога пропавших без вести». Это была очень высокая женщина с округлыми плечами, немного сутулая. Глаза цвета сырого песка, в лице ни кровинки. Улыбка не столь убедительна при хорошем освещении, как в сумраке. Отец Элейн завела какую-то вежливую беседу, в которой мне волей-не-волей пришлось участвовать. Затем подошла к окну и принялась смотреть. Носок мягкого ботинка стучал по голому полу.

Было уже десять минут седьмого, когда компьютер запищал. Я щелкнула на ярлыке, и мне пришел перевод на тысячу долларов. У Сирина была чертовски впечатляющая визитка.

— Кажется, они идут, — сказала я, открыла дверь и вышла в коридор, дожидаясь их.

— Сирину доставляет истинное удовольствие видеть вас, отец Элейн Хорват, — сообщил Джордж, когда они втиснулись в контору.

Она пристально уставилась на дьявола.

— Просто отец, если не возражаете. — Бот был для нее обычной мебелью.

— Здесь несколько тесновато, — сказала я. — Если хотите, я могу подождать снаружи…

Отец Элейн на миг изменилась в лице, но тут же взяла себя в руки.

— Я уверена, мы разместимся, — сказала она.

— Она умоляет, чтобы Фей осталась, — объявил Джордж.

Мы разместились. Сирин снова взгромоздился на шкаф с

папками, а Джордж походил и сложился рядом со мной. Отец Элейн подтолкнула свой стул поближе к двери. Думаю, ей было спокойнее рядом с выходом. Джордж посмотрел на отца Элейн. Она смотрела на Сирина. Сирин смотрел в окно. Я смотрела на них всех.

— Сирин выражает соболезнования по поводу безвременной кончины Рашми Джонс, — сказал Джордж. — Эта Рашми принадлежала к вашей церкви?

— Да, принадлежала.

— Согласно сообщенному Фей Хардвей факту, отец поженила Кейт Вервель и Рашми Джонс.

Мне это не понравилось. Совсем не понравилось.

Отец Элейн колебалась лишь миг.

— Да.

— Не укажет ли отец Элейн Сирину место нахождения Кейт Вермель?

— Я знаю, где она, Сирин, — сказала отец Элейн. — Но, думаю, не стоит привлекать ее к этому делу.

— Окажите любезность, подумайте еще раз, отец. Эта персона беременна?

Она и до сих пор держалась холодно, но теперь температура упала сразу градусов на сорок.

— Почему вы спрашиваете об этом?

— Возможно, эта персона скоро будет беременна?

— Откуда мне это знать? Если и будет, это вам виднее, Сирин.

— Отец хорошо разбирается в том, что такое оплодотворение in vitro?[34]

— Я слышала об этом, да. — Отец Элейн пожала плечами слишком уж нарочито. — Но не могу сказать, что разбираюсь.

— А отец слышала о трансвагинальном восстановлении ооцитов?

Она выдвинула вперед подбородок.

— Нет.

— Гаплоидизации соматических клеток?

— Я священник, Сирин. — Только ее губы двигались. — А не биолог.

— А Церковь Христа все еще не оставила своей практики склонять к беременности определенных своих членов? Таких, как Кейт Вермель?

Отец Элейн, как ужаленная, вскочила со стула. Мне показалось, она хочет сбежать, но нет, мученический огонь прорвался сквозь ледяной панцирь, в который она себя заточила.

— Мы трудимся ради Христа, Сирин. Мы отвергаем ваше

непристойное осеменение. Мы спасаем себя от вас, и вам нас не остановить.

Сирин хлопнул крыльями раз-другой и каркнул. Это был резкий громкий звук, словно железо скребет о железо. Я и не знала, что дьяволы вообще в состоянии издавать звуки, и от этого адского скрежета мне захотелось забиться под стол и свернуться клубочком. Но я преодолела это желание, отец Элейн тоже. Я мысленно поставила ей за это плюс.

— У Сирина нет никаких претензий к Церкви Христа, — сказал Джордж. — Сирин, напротив, горячо поддерживает подобную практику беременностей.

Лицо отца Элейн передернулось от недоверия, а затем на нем отразилось разочарование. Может, она расстроилась, что ее надули с обещанием мученической смерти. В конце концов, она была старушенция из того поколения, которое прониклось культурой самоубийства. Первый раз она повернулась лицом к боту.

— Что?

— Сирин возлагает на отца задачу помочь как можно большему числу христосианок забеременеть. В таком случае христосианки, решившиеся на это, родят детей.

Она упала обратно на стул.

— Слишком много женщин сейчас отказываются от осеменения, — сказал бот. — И не все потом рожают. Этого не было предсказано. Это достойно сожаления.

Я и не заметила, как мои руки сжались в кулаки. Суставы пальцев побелели.

— Сирин выражает свое искреннее удовлетворение тем, что удалось уладить недоразумение с Церковью Христа. Только одно предупреждение. Христосианки должны следить, чтобы не было сочетания хромосом XY.

Отец Элейн сохраняла бесстрастное выражение.

— А вы продолжите осеменять всех неверующих?

— Это разумная мера для сохранения человечества.

Она кивнула и посмотрела на Сирина.

— А как вы узнаете, что мы не пытаемся возродить мужчину?

Бот ничего не сказал. Мы ждали, тишина становилась все напряженнее. Может, дьявол решил, что нет смысла угрожать.

— Ну что ж…

Отец Элейн снова поднялась. Она почти не сутулилась. Женщина пыталась изображать спокойствие, но я понимала, она сдерживается, дожидаясь, пока выйдет отсюда. Наверное, ей казалось, она одержала великую победу. В любом случае отец Элейн отыграла свою небольшую роль.

Но настало время для моей небольшой роли, и я не позволю прервать ее рукопожатиям дьяволов и христосианок.

— Погодите, — сказала я. — Отец, пригласите сюда Гратиану. И если вы захватили кого-нибудь еще, позовите и их тоже. Вам потребуется поддержка.

Сирин оторвался от окна и посмотрел на меня.

— В чем дело? — Отец Элейн уже достала свой сайд-кик. — Что такое?

— Проблема.

— Фей Хардвей! — резко окликнул меня Джордж. — Оставь это, занимайся своими делами. Твоя задача выполнена.

— Значит, я теперь вольна распоряжаться собой, Джордж.

Я подумала, может, Сирин попытается уйти, но он остался на своем насесте. Наверное, дьяволу было наплевать на то, что я делаю. Или он находил меня забавной. Я умею быть забавной девчонкой, по-своему, незатейливо.

Гратиана рванула дверь. Она высоко держала свою дубинку, готовая тут же ринуться в схватку. Убедившись, что все тихо и мирно, она опустила дубинку.

— Пройдите сюда, отец, — сказала я, — пусть она войдет. Гратиана, дверь можно оставить открытой, но дубинку держи наготове. Я совершенно уверена, тебе придется применить ее уже скоро.

— Остальные идут за мной, отец, — сказала Гратиана, входя в тесную комнату. — Будут здесь минуты через две-три.

— Времени как раз хватит. — Я протянула руку к среднему ящику письменного стола. — У меня к вам вопрос, святой отец. — Я выдвинула ящик, — Откуда дьявол знает всю эту ерунду насчет гаплоидов, in vitro и прочего?

— Он же дьявол. — Она смотрела на меня озадаченно. — Они появились двести световых лет назад. Как же им не знать?

— Логично. Но еще они знают, что вы поженили Рашми и Кейт. Джордж недавно утверждал, будто это я им рассказала, но я не рассказывала. В этом их ошибка. Из-за нее я стала размышлять, откуда они знают все это. Забавно. Я привыкла думать, что дьяволы неуязвимы, но теперь мне кажется, они могут в любой момент сгинуть, как и мы. В этом смысле они очень человечны.

— Огорчительно ошибочное утверждение. — Шея бота вытягивалась, пока его голова не оказалась вровень с моей. — Оставь это, удержись от дальнейшего унижения.

— Я слишком долго удерживалась, Джордж. Я до смерти устала сдерживаться, — Я знала, что Джордж видит содержимое открытого ящика, а значит, и дьявол знает, что там. Мне стало

любопытно, как далеко они позволят мне зайти. — Вопрос в том, отец, если дьяволы с самого начала знали, кто вы, зачем Сирин заставил меня искать вас?

— Продолжайте, — попросила она.

Грудь сдавило. Никто не пытался меня остановить, поэтому я шагнула вперед и сунула голову в пасть льва. Как та девочка из начальной школы, я тоже в детстве мечтала о настоящей работе.

— Вы допустили промашку, святой отец. Ваша беда не в дьявольской сверхнауке. Речь идет о старом добром поцелуе Иуды. У Сирина есть внутренний источник, осведомитель из паствы. Когда он решил, что ему пора встретиться с вами, он постарался сделать так, чтобы никто не заподозрил, откуда на самом деле идет информация. Он решил: чтобы прикрыть этого осведомителя, достаточно нанять легковерного частного сыщика, который решит, будто сам все узнал. Может, я несколько долго соображаю и слишком люблю деньги, но у меня имеются и зачатки гордости. Не могу позволить делать из себя идиотку. — Мне показалось, я слышу шаги на лестнице, но, возможно, это пульсировала в ушах кровь. — Видите ли, отец, сомневаюсь, что Сирин действительно поверил вам. Я-то точно не услышала от вас обещания не пытаться делать маленьких мальчиков. Да, разумеется, если дьяволы узнают о младенцах мужского пола, они просто истребят их, но вы, и Христова Невеста, и толпа ваших друзей найдут способ показать это публике, сделать из этого представление. Полагаю, это часть вашего плана, не так ли? Чтобы напомнить нам, кто такие дьяволы, что они сделали? Возможно, снова вывести народ на улицы. А поскольку дьяволам требуется знать, на какой стадии ваши изыскания, осведомителя необходимо защитить.

Отец Элейн пылала от гнева.

— И вы знаете, кто это?

— Нет, — сказала я. — Но, наверное, вы сможете сузить круг подозреваемых. Вы сказали, что поженили Кейт и Рашми и не регистрировали это в документах. Однако все равно необходим свидетель церемонии. Кто-то, кто сделал фотографии и послал одну из них Сирину…

На самом деле мое время истекло. Гратиана бросилась на меня в тот момент, когда громадная Аликс пропихивалась в дверь. У меня в ящике лежал шокер, хотя я надеялась, что эти христосианки уберутся сами. Я вскочила со стула, подняв шокер, но даже пятьдесят тысяч вольт не смогли остановить эту рычащую сучку.

Я услышала громкий сырой хлопок, скорее не взрыв, а всасывание. Порыв воздуха пронесся по комнате, и вдруг стало

очень тихо, словно кто-то только что замолчал. Мы, люди, изумленно таращились на пустое место, где только что стояла Гратиана. Знакомая обстановка конторы, казалось, растянулась и развернулась, чтобы заполнить эту пустоту. Если Гратиана смогла исчезнуть настолько бесследно, отчего бы стульям не потанцевать по потолку, а мусорным корзинкам не запеть что-нибудь из «Кармен»? Первый раз за всю жизнь я явственно ощутила то, что чувствовали наши бабуси, когда дьяволы заставили исчезнуть их мужчин. Одно дело, если бы Гратиана просто умерла, если бы была кровь, остались бы кости и плоть. Тело, которое можно похоронить. Но это была пощечина самой действительности. Она ставила под сомнение привычную уверенность, будто бы мир реален, будто мы вообще существуем. Я понимала, как подобное могло повредить миллиард сознаний. Я стояла рядом с отцом Элейн перед открытой дверью своей конторы, сжимала шокер и не могла вспомнить, как оказалась на этом месте.

Сирин соскочил с книжного шкафа, словно ничего важного не произошло, и обернул прозрачные крылья вокруг тела. Может, они такое делают постоянно. Я подумала обо всех исчезнувших людях, которых я так и не нашла. Я видела в офисе Джули Эпштейн растущие горы папок с нераскрытыми делами. Сирин сделал это, чтобы продемонстрировать нам хрупкость живого существа? Или же это была неуклюжая попытка скрыть собственный досадный промах?

Когда дьявол потащился к двери, Аликс сделала шаг, словно собиралась перекрыть ему выход. После того, что только что произошло, это показалось мне самым бессмысленным и отважным поступком, который я когда-либо наблюдала.

— Пропусти его. — Голос отца Элейн дрожал. Глаза походили на раны.

Аликс шагнула в сторону, и дьявол с ботом прошествовали мимо нас. Мы слушали, как дьявол ковыляет через холл. Я услышала, как открылись, а затем закрылись дверцы лифта.

Тогда отец Элейн, пошатываясь, подошла и положила руку мне на плечо. Теперь она казалась настоящей старухой.

— Никаких мальчиков нет, — сказала она, — Пока нет. Вы должны верить мне.

— Знаете что? — Я стряхнула ее руку. — Мне плевать. — Я хотела, чтобы они ушли. Хотела в одиночестве сидеть за столом и наблюдать, как ночь наполняет комнату.

— Вы не понимаете.

— И не хочу.

Пришлось положить шокер на стол — от соблазна применить его против нее.

— Кейт Вермель носит одного из наших детей, — сказала отец Элейн. — Это девочка, клянусь.

— Значит, Сирин может вами гордиться. Так в чем же дело?

Аликс заговорила в первый раз:

— Кейт находилась на попечении Гратианы.

7

«Общество отравителей» было освещено так, что и у верблюда разболелась бы голова. Если у вас с собой не было солнечных очков, на входе можно было взять бесплатную пару. В стены были вделаны террариумы, где в песке свивались кольцами блестящие бриллиантовым блеском гремучие змеи, кобры с черными шеями свисали с сухих ветвей, а на керамических скалах грелись коричневые скорпионы. Цвел болиголов, гроздья маленьких белых цветочков были раскрыты, словно зонтики. Торчали стволы аконитов, между ними в распиленных винных бочонках росли ядовитые грибы. По шпалере над баром ползли лозы кураре.

Я насчитала в главном зале человек пятьдесят, для вечера среды целая толпа. Я понятия не имела, сколько еще скрывается в особых помещениях за стеной, где какая-нибудь милая барышня может договориться о сеансе гарантированно безопасной секс-асфиксии, как ручной, так и подводной, или поджарить себе мозги на каких-нибудь световых генераторах. Я лишь надеялась, что Кейт Вермель находится в общем зале, с относительно нормальными людьми. На самом деле мне совершенно не хотелось обшаривать остальные помещения, но я сделаю это, если потребуется. Мне казалось, я должна сделать это ради Рашми Джонс.

Я болталась по залу, делая вид, будто рассматриваю различных животных и растения, в руке у меня был стакан с глотком «Джонни Уокера» и большим количеством воды. Я знала, что Кейт должна была как-то изменить внешность, но если мне удастся сузить круг подозреваемых человек до четырех, я наверняка смогу вычислить ее. Разумеется, она может находиться на другом конце города, но иного плана у меня не было. Скорее всего, она полностью изменила свой стиль, но это не значило, что мне нужно искать солдата. Она больше не будет брюнеткой, возможно, цвет лица станет темнее, а с помощью контактных линз она сможет получить глаза кошки или зебры или вообще американский флаг, если пожелает. Но даже где-то подложив и где-то утянув, она не сумеет изменить тело настолько, чтобы одурачить хороший сканер. А у меня в сайд-кик были загружены ее данные, взятые из медицинских файлов христосиан.

Отец Элейн пыталась дозвониться до Кейт, но та не отвечала. Что было очень даже разумно на случай, если кто-нибудь воспользуется программой, способной менять голоса. Существовали боты, способные петь голосом Вельмы Стоун

настолько хорошо, что провели бы даже ее мать. Кейт с Гратианой условились о пароле. Наша проблема состояла в том, что Гратиана забрала его с собой в ад или куда там еще отправил ее дьявол.

Первая кандидатура, которую выбрал мой сайд-кик, оказалась рыжей, в шелковой пижаме и лимонно-зеленых тапочках-зайчиках. Сканер был на девяносто пять процентов уверен, что у нее параметры Кейт. Я протолкнулась достаточно близко к ней, чтобы установить «маячок», устройство на липучке размером не больше молочного зуба.

— Пр-шу пр-щения, — пробормотала я. — Пр-стите, пжалста.

Я выплеснула часть содержимого стакана на пол.

Она одарила меня таким взглядом, что и кактус засох бы, и я отошла. Убравшись с ее глаз, я нажала кнопку на сайд-кике, на которой у меня была записана Кейт. Когда Кейт ответит, «маячок» распознает, что сигнал идет от меня, и даст знать на сайд-кик, что я ее обнаружила. Рыжая оказалась не Кейт. Как и бритая девица в потертой коже.

Недостаток данного способа заключался в том, что если я продолжу названивать ей, она что-нибудь заподозрит и отключит сайд-кик.

Я изучала аквариум с рыбой-собакой. Рядом с аквариумом стоял сейф, и какая-то куколка возилась с комбинированным замком. Я просканировала ее, попадание оказалось на девяносто восемь процентов. На ней были блестящий парик и кружевное платье с вырезом в оборочках. Когда она открыла дверцу сейфа, я заметила, что он сделан из чистого люксара. Она покопалась внутри, захлопнула дверцу и побежала прочь, словно опаздывала на последнюю электричку.

Я успела заглянуть в сейф. Внутри оказался запас голубых ингаляторов, таких же, каким убила себя Рашми. На стене над сейфом администрация «Общества отравителей» разместила издевательские граффити: «21 Лево, 4 Право, 11 Лево». Времени ставить «маячок» не было. Я нажала кнопку, поспешая за девицей следом.

Приглушенно вскрикнув, куколка выхватила из сумочки свой сайд-кик, кинула на пол и наступила на него. На ней были серые босоножки на плоской подошве от Доньи Дюрандс.

Когда я двинулась к ней, Кейт Вермель увидела меня и метнулась в одну из дверей. Она пронеслась мимо пятидесяти пяти-галонных бочек с тетрахлоридом углерода и диметилсульфатом и выскочила через заднюю дверь комнаты в переулок. Я видела, что она откручивает крышку ингалятора. Я бросилась на нее и схватила за Ноги. Правая туфля осталась у

меня в руке, но я успела ухватить ее за левую ногу, и Кейт упала. Она все еще держала в руке ингалятор, пытаясь засунуть его в рот. Я навалилась на нее и вырвала ингалятор.

— Ты в самом деле хочешь себя убить? — проорала я, целясь ингалятором ей в лицо. — А, Кейт? Хочешь? — Воздух в переулке потяжелел от повисшего вокруг отчаяния, я задыхалась в нем. — Давай, Кейт! Вперед!

— Нет. — Она замотала головой. — Нет, пожалуйста. Не надо!

Ее страх передался мне.

— Тогда на кой черт тебе эта штука?

Меня так трясло, что, когда я попыталась закинуть ингалятор в мусоросжигатель, он ударился о мостовую в шести футах от него. Я была взвинчена почти до предела. Я сползла с нее и перекатилась на спину, глотая ночной воздух. Когда я взвинчена, люди умирают.

— Цианид вреден для плода, — сказала я.

— Откуда ты знаешь о плоде? — Ее лицо перекосило от страха. — Кто ты?

Я снова могла дышать, только сомневалась, что хочу это делать.

— Фей Хардвей, — выдохнула я, — Частный детектив, я оставляла тебе сообщение этим утром. Нажма Джонс наняла меня, чтобы я нашла ее дочь.

— Рашми мертва.

— Я знаю, — сказала я. — И Гратиана тоже. — Я села и посмотрела на нее. — Отец Элейн была бы счастлива видеть тебя.

Глаза Кейт широко раскрылись, хотя едва ли она увидела кого-нибудь в переулке.

— Гратиана сказала, дьяволы придут за мной. — Она все еще поглядывала на ингалятор. — Она сказала, если не даст знать о себе до завтра, значит, все пропало, и я должна… сделать это. Ты понимаешь, чтобы спасти Церковь. И вот только что мой сайд-кик три раза за десять минут прозвонил, только на другом конце линии никого не было, и я поняла, что пора.

— Это я звонила, Кейт. Прости меня. — Я взяла туфлю от Доньи Дюрандс, которую стащила с ее ноги, и отдала ей. — Скажи, откуда они у тебя?

— Это туфли Рашми. Мы вместе покупали их в «Грейли». На самом деле их выбрала я. Это было до того… Я любила ее, но она была ненормальная. Теперь я это понимаю, хотя уже слишком поздно. Я хочу сказать, с ней было все нормально, пока она принимала свои таблетки, но она часто бросала их принимать. Она называла это «уйти в отпуск от самой себя». Только для

других это был вовсе не отпуск, особенно для меня. Она решила уйти в день нашей свадьбы, но ничего мне не сказала, и потом вдруг мы ужасно поссорились после церемонии, и из-за ребенка, и еще из-за того, кто кого больше любит, она начала кидать в меня чем попало, и этими туфлями тоже, а потом убежала из церкви босиком. Думаю, она вряд ли по-настоящему понимала… ну, что мы действительно пытаемся сделать. Я имею в виду, я-то разговаривала с самой Невестой Христа… а Рашми… — Кейт потерла глаз, и ее рука стала мокрой.

Я помогла ей сесть и обняла за плечи.

— Все хорошо. На самом деле ты ни в чем не виновата. Думаю, судьба бедной Рашми висела на волоске. Как и нас всех. Всего человечества, точнее, того, что от него осталось.

Мы немного посидели.

— Я этим утром видела ее мать, — сказала я. — Она просила передать тебе, что сожалеет.

Кейт фыркнула:

— Сожалеет? О чем?

Я пожала плечами.

— Я знаю, я ей была ни к чему, — сказала Кейт. — Во всяком случае, так постоянно говорила Рашми. Но, если подумать, эта женщина святая, терпеть Рашми со всеми ее перепадами настроения и всеми «приветами». Она всегда была готова прийти ей на помощь. И Рашми за это ее ненавидела.

Я встала на колени, затем поднялась на ноги. Помогла встать Кейт. В переулке царила темнота, но это было не важно. Даже при дневном свете я ничего не увидела бы.

8

Место для велосипеда перед начальной школой имени Рональда Рейгана нашлось без проблем. Здание, казалось, дремало в насыщенном ароматами утреннем воздухе, кирпичные корпуса обнимали пустую игровую площадку. Робот-дворник чистил пылесосом бассейн, еще один обрывал отцветшие цветки с клематисов на шпалере. Роботы были пронзительно желтого цвета, по их торсам тянулись наискось яркие оранжевые буквы «ШРР». Бот-садовник сообщил мне, что занятия начнутся только через час. Мне это было кстати. Это был визит вежливости, составляющая часть комплекса услуг для тех клиентов, которых я подвела. Я спросила, могу ли я видеть Нажму Джонс, и бот сказал, что сомневается, пришел ли кто-нибудь из учителей в такую рань, но он проводил меня в офис. Он позвонил ей, а я подписала пропуск для посетителей. Когда ее голос прозвучал по внутренней связи, я сказала боту, что знаю дорогу.

Я медлила перед открытой дверью. Мать Рашми стояла ко мне спиной. Она была в матроске без рукавов, на плечах кремовый шарф. Она пошла вдоль ряда парт, ставя на каждую фигурки оригами. Здесь было три вида слонов, утки с утятами, голубой жираф, розовый кот, а может быть, лев.

— Прошу вас, входите, мисс Хардвей, — сказала она, не оборачиваясь. Она обладала особым учительским «радаром», могла видеть, что творится у нее за спиной или за поворотом коридора.

— Я заходила к вам домой. — Я вошла в класс, словно девчонка, не выполнившая домашнее задание. — Думала, застану вас до того, как вы отправитесь на работу. — Я прислонилась к первой парте и взяла с нее вишневого крокодила. — Это вы сами складываете?

— Не могла заснуть прошлой ночью, — призналась она, — поэтому в итоге поднялась и отправилась на прогулку. И оказалась здесь. Я люблю приходить в школу пораньше, пока никого нет. Столько времени. — У нее остался один бумажный лебедь, она посадила его на свой стол. — Задерживаться после занятий сложнее. Если ты вечно торчишь здесь в одиночестве по вечерам, то сознаешься, что тебе не за чем торопиться домой. А это унизительно. — Она села за свой компьютер и принялась открывать окошки на «рабочем столе». — Я учила девочек складывать утку. Кажется, им понравилось. Это сложный возраст, пятый класс. Они приходят ко мне, радостные, счастливые дети, а от меня требуется учить их дробям и готовить к средней школе. Я

с дрожью думаю о том, что ждет их дальше.

— Сколько им лет?

— Десять, когда они приходят. Многим уже исполнилось одиннадцать. На следующей неделе выпуск. — Она смотрела в раскрытые папки. — У некоторых.

— Я допускаю, что когда-то и мне было одиннадцать, — сказала я, — но я не помню.

— Ваше поколение росло в несчастливые времена. — Ее лицо светилось фосфорным светом. — У вас ведь пока нет дочери, мисс Фей?

— Нет.

Какой-то миг мы обдумывали мою бездетность.

— А Рашми любила оригами? — Я ничего не имела в виду. Просто не могла больше выносить молчание.

— Рашми? — Она нахмурилась, словно ее дочь была не слишком интересным ребенком, которого она учила много лет назад. — Нет. Рашми была трудным ребенком.

— Вчера вечером я видела Кейт Вермель, — сказала я. — Передала ей то, что вы просили, что вы сожалеете. Она спросила, о чем.

— О чем?

— Сказала, Рашми была сумасшедшей. Ненавидела вас за то, что вы ее родили.

— Она не могла меня ненавидеть, — быстро сказала Нажма. — Да, Рашми была печальной девочкой. Вечно встревоженной. Но к чему это все, мисс Хардвей?

— Мне кажется, вы были в тот вечер в «Комфорт Инн». Если вы хотите рассказать, я выслушаю. Если нет, я пойду.

Она пристально глядела на меня, выражение ее лица было непроницаемо.

— Знаете, на самом деле мне хотелось иметь много детей. — Она встала из-за стола, прошла через класс и прикрыла дверь так, словно та была из стекла ручной работы. — Когда осеменение только началось, я пришла в мэрию и записалась добровольцем. Это было просто. Многие женщины приходили в ужас, выясняя, что беременны. Я поговорила с ботом, который записал мое имя и адрес, а потом велел вернуться домой и ждать. Если бы я пожелала еще детей после первой дочери, мне было бы достаточно сообщить об этом. Все равно что подписаться на почтовую доставку в каком-нибудь музыкальном клубе. — Она улыбнулась и дернула за концы своего шарфа. — Но когда родилась Рашми, все изменилось. По временам она бывала таким требовательным ребенком, просила, чтобы ее носили на руках, а потом часами лежала в кроватке, вялая, погруженная в себя. Она

начала принимать антидепрессанты, когда ей исполнилось пять, и они помогали. Отдел защиты детства прислал мне бота-сиделку, когда я вышла на работу. Но Рашми всегда доставляла много хлопот. Когда бота-помощника уже не было, я не чувствовала себя в силах завести еще ребенка.

— Вы никогда не заключали брак? — спросила я. — Не находили партнера?

— Заключала брак с кем? — Ее голос вдруг взметнулся, — С другой женщиной? — Щеки ее порозовели. — Нет. Это было мне неинтересно.

Нажма вернулась к столу, но не стала садиться.

— Девочки скоро придут. — Она склонилась ко мне, упираясь кулаками в стол. — Что вы хотите знать, мисс Хардвей?

— Вы обнаружили Рашми раньше меня. Как?

— Она сама позвонила мне. Сказала, что поссорилась с подругой, которая участвует в каком-то тайном эксперименте, она не может рассказать в каком, они рассорились, все вокруг дерьмо, мир дерьмо. У нее кончились ее таблетки, она плакала, говорила бессвязно. Но в этом не было ничего нового. Она часто звонила мне, когда порывала с кем-нибудь. Я же ее мать.

— Что было, когда вы пришли туда?

— Она сидела на кровати. — Взгляд Нажмы сфокусировался на чем-то, невидимом мне. — Она поднесла ингалятор ко рту, когда я открыла дверь. — Нажма видела номер 103 в «Комфорт Инн». — И тут я подумала про себя, что нужно этой девчонке? Она хочет, чтобы я стала свидетелем ее смерти или чтобы предотвратила ее? Я попыталась поговорить с ней. Она вроде бы слушала. Но когда я попросила ее положить ингалятор, она отказалась. Я шагнула к ней, медленно. Очень медленно. Говорила, что она ничего не должна делать. Что мы просто можем сейчас пойти домой. И я уже подошла вот настолько. — Она обозначила рукой ширину парты. — И я не удержалась. Я попыталась вырвать у нее ингалятор. Не знаю, она ли нажала кнопку или это я задела ее. — Нажма резко опустилась на стул и уронила голову на руки. — Она вдохнула не полную дозу. Казалось, прошла вечность, прежде чем все кончилось. Она билась в агонии.

— Думаю, она уже приняла решение, мисс Джонс. — Я просто пыталась утешить ее. — Она ведь оставила записку.

— Я написала эту записку. — Она посмотрела на меня. — Я.

Мне нечего было сказать. Все слова всех языков, какие только можно было произнести, не смогли бы выразить материнского горя. Мне показалось, тяжесть этого горя раздавит ее.

Через открытое окно донесся шум первого автобуса,

подъезжающего к школьной стоянке. Нажма Джонс приободрилась, собралась и улыбнулась.

— Вы знаете, что имя Рашми означает на санскрите?

— Нет, мэм.

— Луч солнца, — сказала она. — Девочки приехали, мисс Хардвей. — Она взяла оригами со своего стола. — Надо подготовиться к встрече. — Она протянула оригами мне. — Хотите лебедя?

Когда я подошла к двери школы, стоянка уже была забита автобусами. Девочки выходили из них и устремлялись на площадку — хихикающие девчонки, шушукающиеся девчонки, скачущие девчонки, девчонки, держащиеся за руки. И под теплым июньским солнышком я почти верила, что счастливые девчонки.

Они не обращали на меня никакого внимания.

Я набрала номер Шарифы.

— Алло? — У нее был хрипловатый со сна голос.

— Извини, что не пришла вчера вечером, дорогуша, — сказала я. — Просто хотела сказать тебе, что уже еду.

Кейдж Бейкер
Вещая египтянка

Кейдж Бейкер, одна из наиболее плодовитых писательниц, появившихся в конце девяностых, дебютировала в 1997 году в «Asimov's Science Fiction», и с тех пор ее имя часто встречается на страницах этого журнала. Бейкер вошла в число его самых популярных авторов благодаря ироничным и увлекательным историям о приключениях и злоключениях агентов Компании, путешествующих во времени. Недавно она приступила к созданию двух других циклов произведений, в одном из которых разработала реальность, по богатству и оригинальности сравнимую с лучшими образцами фэнтези как жанра высокой литературы. Рассказы Бейкер публиковались в «Realms of Fantasy», «Sci Fiction», «Amazing» и других журналах. Первый роман Бейкер, «В саду Идена» («In the Garden of Iden»), вышел в свет в том же 1997 году и стал одним из самых ярких и рецензируемых дебютов года. Второй роман, «Небесный койот» («The Sky Coyote»), был издан в 1999 году, а затем, в 2001 году, вышли подряд третий и четвертый — «Мендоса в Голливуде» («Mendoza in Hollywood») и «Кладбищенская игра» («The Graveyard Game»). В 2002 году Бейкер выпустила свой первый сборник «Черные проекты — белые рыцари» («Black Projects, White Knights»). Совсем недавно свет увидели роман «Наковальня мира» («The Anvil of the World»), написанный в неподражаемой фэнтезийной манере, повесть «Королева Марса» («Empress of Mars») и еще один сборник — «„Вещая египтянка“ и другие рассказы» («Mother Aegypt and Other Stories»). Недавно вышел новый роман о Компании — «Жизнь века грядущего» («The Life in the World to Come»), Рассказы Бейкер печатались в семнадцатом и двадцатом сборниках «The Year's Best Science Fiction».

Бейкер не только писательница, но и художница, актриса и руководитель Центра живой истории. Еще она преподает елизаветинский английский как иностранный язык. Бейкер живет в городе Писмо-Бич в Калифорнии.

Эта увлекательная повесть на первый взгляд — просто фэнтези, но поклонники Кейдж Бейкер

почувствуют в ней скрытые отголоски историй о Компании. Писательница приглашает нас в разоренную Европу конца девятнадцатого века и рассказывает о бессовестном бродяге и мошеннике — он не сомневается в своей способности отхватить главный приз и по недомыслию затевает многообещающую аферу, которая на поверку может оказаться ему самую чуточку не по зубам…

Держись с чертом вежливо, пока
вы с ним не перешли через мостик.

Трансильванская пословица

В краю беспросветных лесов и таких же ночей была безбрежная равнина и был безжалостный солнцепек. По равнине со всех ног бежал человек в костюме клоуна. Выжженная добела глиняная дорога, единственная на много миль окрест, отражала солнечный жар, выжимая из несчастного обильный пот. Человек спотыкался, потому как бежал уже давно и был полноват, к тому же шелковые клоунские панталоны сползли на бедра, что затрудняло движение. Впрочем, костюм и без того был настоящим издевательством: бедолага изображал молочницу-великаншу.

Слезы — слезы ужаса и отчаяния — текли по его щекам, смешиваясь с п***о***том и размывая клоунские белила, сквозь которые теперь серели усы, багровые круги на щеках уже сошли, оставив розовые потеки на шее. Накладной бюст из соломы тоже съехал вниз, прополз под корсажем и вывалился из-под юбок, словно мертворожденный младенец. Бегущий, задыхаясь, приостановился и, подхватив его, бросил затравленный взгляд через плечо.

Преследователей пока не было видно, но верхом они в два счета нагонят его на этой голой громадной равнине, где нет никакого укрытия, даже деревца. Беглец помчался дальше, пристраивая бюст на место и постанывая. Над ухом жужжали слепни.

И тут, поднявшись на пригорок, он увидел перекресток. Спасен!

Упряжка неторопливых лошадок тащила две сцепленные повозки, похожие на цыганские кибитки, только выше и уже и совсем не пестрые. Они были черные, словно одеяние курносой Смерти. И нарушали эту черноту лишь белые буквы, мелкие, приземистые, зловещие, которые складывались в слова: «Вещая египтянка».

Беглец не испугался бы, даже если бы сама Смерть сидела на козлах. Из последних сил он бросился к задней повозке и не замедлял бег, пока не поравнялся с ней.

Сначала он держался рядом, затем, сумев вырваться вперед, Ухватился за сцепку между повозками и залез на нее. Беглец на мгновение замер, наблюдая, как капли пота падают на горячее Железо, потом дотянулся до двери задней повозки, отодвинул засов и ввалился внутрь.

Та, что сидела на козлах, прикрывшись капюшоном от слепящего солнца, была погружена в мечты о стране, которой нет уже тысячи лет. Поэтому она не заметила, что подобрала пассажира.

Беглец распростерся на спине, пыхтя и отдуваясь и не находя в себе сил посмотреть, куда он попал. Наконец мужчина приподнялся на локтях и огляделся. В следующий миг он рывком сел и стянул кружевной шутовской чепец с прицепленными к нему косами из желтой пряжи. Обтерев оборками лицо, беглец выругался.

В идеальном мире, отметил он про себя, в этой повозке нашелся бы сундук с одеждой, в котором можно было бы порыться и выбрать себе какой-нибудь менее подозрительный наряд. По крайности здесь была бы кладовая с едой и питьем. Но судьба снова отвернулась от бедняги: повозка вовсе не была чьим-то уютным домиком на колесах. Она, очевидно, служила складом, и кругом не нашлось ничего, кроме ящиков и каких-то громоздких предметов, обернутых мешковиной.

Поморщившись, беглец сунул руку за корсаж и вытащил накладной бюст. Он потряс им возле уха и улыбнулся, услышав звяканье. Золотые кольца, часть добычи, с которой ему удалось улизнуть, никуда не делись.

Внутри крытой черной повозки царила непереносимая духота, так что мужчина снял костюм, оставив лишь шелковые панталоны, и принялся методично обыскивать свое убежище, залезая во все ящики и разворачивая все тюки. Через некоторое время он расхохотался.

Уж он-то узнавал краденое с первого взгляда.

Были здесь вещи, явно принадлежавшие турецким торговцам и чиновникам: скатанные и перевязанные ковры, чайные сервизы с золотым ободком. Но кроме того, беглец обнаружил иконы, парсуны, австрийский хрусталь, серебряные кувшины и блюда с гравировкой, расписные вазы, подставку для зонтиков с кавалерийскими саблями: одни — с пышной отделкой, другие — простые, древние, видимо, фамильные. Ничего такого, что уместилось бы в карман, даже если бы в панталонах имелся

карман, и ничего такого, что можно было бы легко обратить в наличность.

Что-то бормоча, беглец взял одну саблю и вытащил ее из ножен.

И тут он услышал топот копыт. Сабля тут же выпала из онемевших пальцев. Беглец бросился к двери и прижался к ней, а топот тем временем приблизился и резко стих. Кто-то прокричал вопрос. Затем прозвучал ответ: его произнес женский голос, очень низкий и тихий, так что слов беглец не разобрал. Он стал шарить взглядом по повозке в поисках укрытия. Ничего. Остается только закатать свои телеса в ковер, словно Клеопатра.

Но всадники обогнали повозку и ускакали. И беглец, почувствовав себя в безопасности, подобрал ноги и сел.

Некоторое время он прислушивался к тяжелым ударам сердца, потом снова взял в руки саблю.

Когда повозка наконец свернула с дороги и, прогрохотав по ухабам, остановилась, была уже ночь. Мужчина по-прежнему лежал внутри, только теперь ему было холодно. По всей видимости, лошадей распрягли и сводили на водопой к ручью — снаружи донесся плеск. Затем хруст — вероятно, наломали хвороста, разожгли огонь. Беглец задумался о тепле и пище. Приблизились легкие шаги, затем послышался шорох, словно кто-то взбирался на сцепку. Мужчина напрягся.

Дверь открылась.

На пороге в лунном свете вырисовывался силуэт щуплого человечка с большой головой. Карлик, что ли? Человечек уставился в темноту, и в его больших кроличьих глазах промелькнула растерянность. Под мышкой он держал какой-то рулон — наверное, еще один ковер.

— Ха! — выдохнул беглец, схватил человечка за запястье и затащил внутрь.

Тот сразу же принялся вопить, вопил он пронзительно и тоже по-кроличьи, а не по-людски. Но отбиваться не стал — у беглеца даже появилось неприятное ощущение, что он схватил куклу чревовещателя, под затхлыми одежками которой прощупывалось вялое бесплотное тельце.

— Да замолчи ты! — прошипел беглец самым страшным голосом, на который только был способен. — Мне нужны две вещи!

Но пленник, судя по всему, лишился чувств. В следующее мгновение беглец почувствовал присутствие кого-то еще и, подняв голову, увидел, что рядом с повозкой стоит женщина, судя по всему возникшая из ниоткуда, и глядит на него.

— Не убивайте его, — тихим спокойным голосом произнесла

она.

— Э… Мне нужны две вещи! — повторил беглец, держа саблю у горла пленника. — А то я его убью, понятно?

— Да, — ответила женщина. — Чего вы хотите?

Беглец поморгал и облизнул губы. Бесстрастный тон женщины его нервировал.

— Мне нужны еда и одежда!

Женщина даже бровью не повела. Она была в простом черном платье, высока, смугла и темна, словно ночь, даже когда стояла в ярком свете луны.

— Еду я вам дам, — сказала она. — А одежды, которая подошла бы вам, у меня нет.

— Ну так разыщите, ясно? — сказал беглец и грозно потряс саблей. — А не то я убью вашего мелкого… мелкого… — Он попытался представить себе, в каких отношениях может состоять эта Женщина с существом, которое он держит. Ребенок? Муж?

— Раба, — подсказала женщина. — Костюм я вам куплю в ближайшей деревне, но придется ждать до утра. Не убивайте моего раба, иначе пожалеете, что родились на свет.

— Да что вы говорите?.. — усмехнулся беглец и взмахнул саблей. — Вы что, думаете, я верю в цыганские проклятия? Я вам не деревенский дурачок, знаете ли!

— Нет, — тем же тихим бесстрастным голосом ответила женщина. — Зато я знаю, что за вами охотятся представители власти. Только попробуйте перерезать Эмилю горло и увидите, как скоро они явятся на мой зов.

Беглец понял, что пора менять тактику. Он склонил голову набок и улыбнулся, как он надеялся, улыбкой обаятельного негодяя.

— Ну-ну, зачем же нам такие гадости? — проговорил он. — Ведь мы в некотором роде коллеги, не так ли? Я тут как следует осмотрелся. — Он обвел взглядом повозку. — Придумали тоже — угрожать мне, когда сами прячете столько товара. Вы же не хотите, чтобы я рассказал об этом полиции, когда меня схватят?

— Нет, — ответила женщина.

— Ну конечно же нет. Будем друзьями! — Беглец подался вперед, таща за собой пленника — как там она его назвала, Эмиль?.. — Барбу Голеску, к вашим услугам. А вы — мадам…

— Амонет, — представилась женщина.

— Великолепно! — воскликнул Голеску. — Мадам Амонет, так у вашего мужа точно не найдется лишней пары брюк, которую он мог бы мне одолжить?

— У меня нет мужа, — отозвалась женщина.

— Невероятно! — с ухмылкой заметил Голеску. — Что ж,

милая мадам, может быть, вы дадите мне одеяло, пока мы не найдем подходящей одежды? Мне и подумать страшно оскорблять вашу добродетель.

— Сейчас принесу, — сказала женщина и ушла.

Он растерянно посмотрел ей вслед, а потом положил саблю и несколько раз сжал и разжал кулак, разминая затекшие пальцы. Другой рукой он по-прежнему придерживал неподвижного Эмиля.

— Только без глупостей, ты, репоголовый, — вполголоса пробормотал Голеску. — Эй, я говорю, без глупостей! Ты что, глухой?

Он поднял Эмиля за шиворот и окинул критическим взглядом. Пленник заскулил и отвернулся. Вид у него был болезненный. Не так давно бедняге выбрили голову, и теперь волосы росли скудными неровными клочками.

— Ну ладно, наверное, ты действительно глухой, — решил Голеску. — Но твоя черная мамочка тебя любит, да? А мне это очень кстати. — Он пошарил кругом и нащупал веревку, которой был обвязан ковер. — Сиди смирно, а не то сверну твою кривую шею, ясно?

— От вас плохо пахнет, — тоненьким голоском пропищал Эмиль.

— Ба! Ты сам воняешь, как отсыревший ковер! — ответил Голеску, обвязывая веревку вокруг запястья Эмиля. Другой конец он намотал себе на руку и подтянул пленника поближе. — Ну вот, теперь не убежишь. Мы с тобой подружимся, ясно? Ты скоро ко мне привыкнешь.

Он выбрался на сцепку и спрыгнул на землю. Ноги подкашивались от усталости, так что он попытался опереться на плечо Эмиля, но человечек сложился под его тяжестью, будто картонка.

— Похоже, дрова ты ей не колешь и воду не таскаешь, — проворчал Голеску, подтягивая панталоны.

Из-за повозки вышла Амонет и молча вручила ему одеяло.

— Хилый он, этот ваш раб, — сказал ей Голеску, — Да будет мне позволено заметить, вам в помощь нужен мужчина. — И, завернув в одеяло свои обширные телеса, самодовольно ухмыльнулся.

Амонет отвернулась и пошла прочь.

— У костра хлеб и помидоры, — бросила она через плечо.

* * *

Одной рукой придерживая одеяло, а другой волоча Эмиля,

Голеску направился к костру. Амонет сидела совершенно неподвижно, уставившись на огненный танец, и едва удостоила их взглядом.

— Так-то лучше, — сказал Голеску, усаживаясь и протягивая руку за караваем.

Он отломил краюшку, обмакнул в котелок с тушеными помидорами и принялся жадно есть. Эмиль, который был по-прежнему привязан к его руке и при каждом движении болтался туда-сюда, стал вялым и безучастным, словно соломенное чучело.

— Итак, — начал Голеску с набитым ртом, — мужа у вас нет. Вы уверены, что не нуждаетесь в мужчине? Сами понимаете, мадам, я не о постельных делах говорю, боже меня упаси, нет-нет! Я об охране. В этом проклятом мире столько воров и убийц! К тому же, по невероятному совпадению, мне нужно оказаться как можно дальше от Дуная, а вы направляетесь на север. Давайте заключим временное соглашение! Что скажете?

Губы Амонет изогнулись. Презрение? А может быть, и улыбка.

— Раз уж вы об этом заговорили, — начала она, — Эмиль не слишком хорошо ладит с людьми. А сама я предпочитаю не иметь с ними дел. Полицейские сказали, что вы из цирка. Вы знаете, как получать у мелких чиновников разрешения на представление?

— Разумеется! — воскликнул Голеску, небрежно махнув рукой. — Тот, кто вам нужен, называется «антрепренер». Положитесь на меня!

— Хорошо. — Амонет отвела взгляд и снова уставилась в огонь, — Платить вам я не смогу, зато стану лгать ради вас. У вас будут кров и пища.

— И костюм, — напомнил Голеску.

В знак согласия она пожала плечами.

— Что ж, тогда договорились, — подытожил Голеску и устроился поудобнее. — А чем вы занимаетесь? Я имею в виду, официально?

— Предсказываю будущее, — отозвалась Амонет.

— А! Но на цыганку вы не похожи.

— Я не цыганка, — ответила она с ноткой усталости в голосе. — Я из Египта.

— Ах вот как, — усмехнулся Голеску и потер пальцем нос. — Таинственная мудрость Востока, которую вы унаследовали прямиком от древних фараонов. Отлично, мадам, на пейзан это должно производить сильнейшее впечатление.

— Для клоуна вы знаете слишком много ученых слов, — заметила Амонет.

Голеску поморщился и краешком одеяла принялся стирать

остатки грима.

— В действительности я не клоун, мадам, — с достоинством возразил он. — Я жертва обстоятельств, клеветы и политических интриг. О, если бы я мог рассказать вам мою историю, вы бы разрыдались от жалости!

Амонет улыбнулась, и блеск белых зубов на неподвижном темном лице так напугал Голеску, что он едва не вскрикнул.

— Сомневаюсь, — только и ответила она.

* * *

Голеску не стал отвязывать Эмиля на ночь, решив, что не может полностью доверять Амонет, пока не получит по крайней мере пару брюк. Он устроился на жестком полу кибитки, положив Эмиля под голову вместо подушки, и хотя тот время от времени жалобно скулил и пахло от него действительно как от сильно отсыревшего ковра, для человека, решительно настроенного поспать, это были сущие пустяки.

Лишь один раз за ночь Голеску проснулся. Снаружи громко пела женщина, и в голосе ее слышалась такая надрывная грусть, что у Голеску невольно защипало в глазах, но одновременно в резких звуках неведомого языка ощущалась какая-то скрытая угроза. Словно под луной выла волчица. Голеску подумал было выглянуть наружу, чтобы посмотреть, не нужно ли ее утешить, но почему-то при одной мысли об этом по спине у него побежал непонятный холодок. Голеску хмыкнул, перекатился на спину и снова уснул.

Он проснулся, когда кибитки тронулись, и огляделся, разгоняя туман своих нескромных сновидений. Сквозь щели в стенах пробивался солнечный свет. Сны рассеялись, однако некоторые ощущения остались. Возмущенно рыкнув, Голеску сел и глянул через плечо на Эмиля, прижавшегося к его спине.

— Эй, ты! — Голеску отодрал Эмиля от себя. — Ты что, гнусный содомит, что ли? Думаешь, раз я ношу шелковые панталоны, значит, меня можно тискать как какого-нибудь мальчика для утех?

Эмиль всхлипнул и закрыл лицо руками.

— Солнце, — прошептал он.

— Да, уже день! Ты что, солнца боишься? — строго спросил Голеску.

— Больно, — пожаловался Эмиль.

— Не дури, от солнца больно не бывает! — заявил Голеску. — Видишь? — И он сунул руку Эмиля в ближайшую полоску света.

Человечек снова по-кроличьи запищал, отворачиваясь и жмурясь, словно на самом деле думал, что его рука сейчас задымится и покроется волдырями.

— Видишь? — повторил Голеску.

Но Эмиль не желал открывать глаза, и Голеску с отвращением выпустил его руку. Взяв саблю, он перерезал веревку, которая их связывала. Эмиль тут же свернулся, словно червяк, и замер, вновь спрятав лицо. Голеску разглядывал его, отложив саблю и потирая запястье.

— Если ты и упырь, так такого хилого еще поискать надо, — сказал он. — И зачем только она тебя держит?

Эмиль не ответил.

* * *

Вскоре после полудня кибитки остановились; а спустя примерно час дверь повозки отворилась, и на пороге возникла Амонет с охапкой одежды.

— Вот, — сказала она, швырнув ее Голеску.

Бесстрастный взгляд Амонет остановился на Эмиле, который еще сильнее съежился, словно прячась сам в себя от потока света. Она сняла одну из своих шалей и накинула на беднягу, накрыв с головой. Голеску, натягивавший брюки, посмотрел на нее с удивлением.

— Я тут как раз думал, мадам, не нужно ли мне носить крестик, чтобы защититься от нашего маленького друга, — проговорил он. — Или лучше дольку чеснока?

— Он любит темноту, — ответила Амонет. — Вы должны мне за одежду три пиастра.

— Видите ли, это не совсем то, к чему я привык, — сказал Голеску, протискивая плечи в рубаху. — Грубое домотканое полотно. А где мы?

— В двадцати километрах от того места, где мы были вчера, — ответила Амонет.

«Слишком близко», — с беспокойством подумал Голеску. Пока он одевался, Амонет повернулась к нему спиной. Голеску поймал себя на том, что, застегивая пуговицы, разглядывает ее фигуру. Теперь, когда не было видно угрюмого лица, стало ясно, что в остальном Амонет очень хороша. Только у молодой женщины могло быть такое подтянутое тело. Сколько же ей на самом деле лет?

Обув башмаки, Голеску выпрямился, подкрутил усы и втянул брюшко. Затем извлек из соломенного бюста золотое колечко.

— Вот, возьмите. Прими этот дар, о цветок древнего Нила, — торжественно произнес Голеску и, взяв Амонет за руку, надел колечко ей на палец.

Она тут же отдернула руку и повернулась так стремительно, что ветер засвистел. На миг в ее глазах вспыхнуло пламя, и даже если это было скорее отвращение, нежели страсть, — что ж, Голеску удалось вызвать у нее хоть какое-то чувство.

— Не прикасайтесь ко мне, — сказала она.

— Я просто расплатился! — запротестовал Голеску, довольный собой. — Моя чаровница, это кольцо стоит куда больше, чем вы отдали за костюм!

— Оно воняет, — скривилась Амонет, сдергивая кольцо.

— Золото может позволить себе дурно пахнуть, — ответил Голеску.

Настроение его взмыло ввысь, как воздушный шарик.

* * *

Голеску без приглашения взобрался на козлы рядом с Амонет, и кибитки покатились дальше, следуя изгибам дороги, проложенной по берегу реки.

— Милая мадам, вы не пожалеете о своей доброте, — начал Голеску, — Столп силы и неисчерпаемый источник полезных советов — это обо мне. О другой вашей профессии, свидетельства которой я нашел в задней повозке, я вас расспрашивать не буду, ибо мое второе имя — Деликатность, но скажите, каковы доходы от вашего гадального предприятия? Зарабатываете ли вы столько, сколько желаете?

— Расходы я покрываю, — отозвалась Амонет.

— Пфуй! — махнул рукой Голеску. — Тогда вы, очевидно, получаете гораздо меньше, чем заслуживаете. А как вы гадаете? На картах? Глядите в хрустальный шар? Привораживаете?

— Читаю по руке, — ответила Амонет.

— Гадание по руке особых расходов не требует, — заметил Голеску. — С другой стороны, и на клиентов большого впечатления не производит. Если, конечно, вы не рисуете перед ними чарующие картины блистательного будущего или не предупреждаете их об ужасных несчастьях, избежать которых они могут исключительно с вашей помощью. И простите мне мою прямоту, но вы, судя по всему, женщина немногословная. Где же ваш блеск? Где огонь?

— Я говорю им правду, — сказала Амонет.

— Ха! Старая песня про то, что вы-де во власти древнего

проклятия, которое не позволяет вам лгать? Нет-нет, милая мадам, эта тактика себя исчерпала. Я предлагаю вам совершенно новый подход! — заявил Голеску.

Амонет покосилась на него, непостижимая, как змея.

— То есть?

— То есть прежде чем его выработать, мне нужно понаблюдать за вашими клиентами, — ответил Голеску.

— Понятно, — буркнула Амонет.

— Хотя «Вещая египтянка» — хорошее название для вашего предприятия, — признал Голеску, — Есть в нем определенная теплота. Но и величие тоже. На этом можно сыграть. Ну и где же ваша теплота?

— У меня ее нет, — заявила Амонет. — А вы меня раздражаете.

— Что ж, тогда *taceo*, милая мадам. Это по-латыни «я умолкаю», знаете ли.

Ее губы снова изогнулись.

Кибитки тряслись дальше, а Голеску тем временем решил изучить лицо Амонет. Видимо, она еще молода: кожа у нее была гладкая, в волосах ни единой седой пряди, а над губой — ни намека на усики. Об уродливой женщине можно сказать «У нее нос крючком», или «У нее тонкие губы», или «У нее близко посаженные глаза». Об Амонет ничего такого сказать было нельзя. И ничего другого тоже нельзя было сказать, поскольку, как бы внимательно ни вглядывался Голеску, он видел лишь тень и испытывал полнейшее смятение.

* * *

К ночи они приехали в унылый городишко, покосившиеся округлые дома которого стояли задом к реке, а передом — к темному лесу. Попетляв по лабиринту извилистых улочек, путники наконец отыскали стоянку для прибывших на ярмарку — два акра голой земли, на которой совсем недавно располагался загон для скота. Здесь до сих пор пахло навозом. Теперь кругом стояли повозки, и в железных корзинах полыхали костры. Люди, которые зарабатывали себе на жизнь, катая детишек на размалеванных лошадках или предлагая всем желающим сыграть в несложные игры, стояли у костров, пили вино из бутылок и устало обменивались новостями.

Но когда приблизились кибитки Амонет, эти люди лишь коротко взглянули на них и поскорее отвели глаза. Некоторые замахали руками, чтобы зачураться от порчи.

— А у вас сложилась определенная репутация, — протянул Голеску.

Амонет не ответила. Судя по всему, она ничего не замечала.

Голеску провел еще одну холодную ночь на жестком полу задней повозки, на этот раз в одиночестве, так как Эмиль, перестав быть заложником, спал в ящике под узкой койкой Амонет, а Амонет стойко игнорировала все любезности Голеску и его намеки относительно взаимного обогрева. В результате к утру он замерз и был не в форме.

После восхода солнца ярмарка из мертвой стала полуживой. Слепец, мускулистый, словно сказочный великан, усердно крутил карусель, и худые бледные дети катались на ней круг за кругом. Шарманщик также усердно крутил свою шарманку, а на плече у него сидела обезьянка, недоверчиво глядящая на детей. Но большинство шатров пока лежало на земле, придавленные паутиной из веревок и шестов. Перед городским чиновником, устроившимся за столиком под черным зонтиком, вытянулась длинная очередь скучающих торговцев.

Голеску глядел на все это, и тут Амонет, бесшумной тенью возникшая у него за спиной, сказала:

— Ну вот, вам представилась возможность принести пользу. Вставайте в очередь за меня.

— Святые небеса! — Голеску развернулся. — Вы хотите, чтобы у меня случился сердечный приступ? Предупреждать надо!

Вместо ответа Амонет вручила ему кожаную папку и маленький кошелек.

— Это мои документы. Заплатите чиновнику и получите разрешение. Иначе останетесь без ужина.

— Знай вы, кто я такой на самом деле, вы бы не стали так мной помыкать, — проворчал Голеску.

Однако в очередь послушно встал.

Городской чиновник оказался сравнительно честным, поэтому ждать пришлось не более часа. Наконец человек, стоявший впереди, получил разрешение на продажу красно-сине-желтых бумажных флажков, и Голеску шагнул к столику.

— Документы, — зевая, произнес чиновник.

— Прошу. — Голеску широким жестом распахнул папку.

Чиновник, прищурившись, взглянул на бумаги.

— Амонет Кематеф, — прочел он. — Работает под псевдонимом «Вещая египтянка». Русский, что ли? И вообще здесь сказано, что вы женщина.

— Это не мои документы, это… это документы моей жены, — заявил Голеску, изобразив благородное негодование. — А она, друг мой, не русская, она пылкая египтянка, в прошлом гаремная

танцовщица, если хотите знать, но впоследствии несчастный случай погубил ее экзотическую красоту. Я подобрал ее, умирающую от голода, в трущобах Каира и стал помогать ей из христианского милосердия. Однако вскоре я обнаружил, что она обладает замечательным даром предсказывать будущее, основанным на древней системе…

— Гадалка? Две марки, — перебил чиновник.

Голеску уплатил и, пока ему выписывали разрешение, продолжал:

— На самом же деле она — единственная дочь одного коптского вельможи, которую еще девочкой похитили злобные…

— И три марки сверх того, если хотите рассказывать дальше, — заявил чиновник и с размаху поставил печать.

— Премного благодарен, — сказал Голеску с низким поклоном.

Довольный собой, он подхватил бумагу и величаво удалился.

— Прошу, — произнес он, вручая разрешение Амонет.

Та безмолвно взяла его и внимательно изучила. В ярком утреннем свете непонятная мрачность ее лица стала гораздо заметнее. Голеску подавил дрожь и поинтересовался:

— Чем еще может услужить вам зрелый мужчина, моя прелестница?

Амонет повернулась к нему спиной, чему он был несказанно рад.

— До вечера постарайтесь не влипнуть в неприятности. Потом погуляете с Эмилем. Он просыпается после заката.

Она вернулась к передней черной кибитке. Голеску глядел, как Амонет забирается внутрь, и не уставал поражаться, насколько иное впечатление на заинтересованного зрителя производит вид этой женщины со спины.

— Разве вы не хотите, чтобы я бил в барабан или играл на тамбурине? Я могу привлечь к вам целую толпу, словно сахарная голова — мух!

Амонет обернулась с белозубой гримасой, которая, вероятно, означала улыбку.

— Не сомневаюсь, что мухи на вас так и слетаются, — сказала она. — Но для того, что я делаю, мне не нужен зазывала.

Голеску, ворча себе под нос, побрел на ярмарку. Однако он совершенно забыл об обиде, когда обнаружил, что кошелек Амонет остался у него.

Теперь шатры вырастали словно грибы, хотя день был настолько знойный и душный, что украшавшие их яркие флажки висели безжизненно. Голеску купил себе дешевую шляпу и немного постоял, изучая ряды со съестным. В конце концов он

взял себе стакан чаю и пирожок с черносливом, покрытый сахарной глазурью с каким-то ядовитым привкусом. Голеску с удовольствием съел пирожок и, облизывая глазурь с пальцев, направился в рощицу у реки. Там он растянулся в тенечке и, надвинув шляпу на лицо, задремал. Если ночью человеку предстоит нянчить упыря, днем нужно как следует отдохнуть.

* * *

К ночи ярмарка совершенно изменилась. Ребятишки разошлись по домам, и опустевшая карусель катала теперь разве что призраков; а на смену детям пришли молодые парни. Они толкались и ржали или торчали, разинув рты, у низких дощатых помостов, на которых орали шуты. В одном шатре показывали занятных уродцев, в другом извивалась танцовщица, в третьем выступал человек, способный голыми руками брать раскаленное железо. Яркие огни отчаянно сражались с тьмой. Кругом слышались музыка и сиплые вопли.

Ко всему этому Голеску оставался равнодушным.

— Как это — слишком жесткий? — взвился он. — Я выложил за него пятнадцать грошей!

— Я не могу это есть, — прошептал Эмиль, морщась от света фонарей.

— Гляди! — И Голеску схватил жареный кукурузный початок и впился в него зубами. — Мм! Тает во рту! Ешь, ты, плакса!

— На нем перец. Очень остро. — Эмиль принялся заламывать руки.

— Ерунда! — заявил Голеску с набитым ртом. — Пища богов. Так что же ты тогда будешь есть-то? А, ясно! Ты же упырь, так что тебе нужна кровь, да? Понимаешь, мы сейчас некоторым образом на людях, так что придется обойтись чем-нибудь другим. Ну, что ты хочешь? Засахаренное яблоко? Вареники? Бастурму? Жареную картошку?

Эмиль тихонько заплакал, из громадных кроличьих глаз потекли слезы, и Голеску, вздохнув, отшвырнул объеденный початок.

— Пойдем, — сказал он и потянул человечка за руку.

Они обошли все ларьки со съестным, пока Эмиль наконец не согласился попробовать «венскую» сосиску, которую насадили на палочку, обмакнули в кукурузное тесто и обжарили в масле. К радости Голеску, угощение Эмилю понравилось. Во всяком случае он безропотно жевал сосиску и покорно позволял тащить себя за руку. Голеску бросил взгляд на кибитку Амонет и увидел, как

оттуда выходит клиентка — бледная и потрясенная.

— Нет, только погляди, — с отвращением процедил Голеску. — Один-единственный фонарик. Ни тебе вывески, ни тебе зазывалы, никто не заманивает публику. И вот результат — одна жалкая клиентка! И все! Где ореол тайны, я спрашиваю? Она же Вещая египтянка! Наверное, вторая профессия приносит ей солидный доход. Да?

Эмиль ничего не ответил, полностью сосредоточившись на сосиске.

— А может, и нет, если она позволяет себе только такого слугу, как ты. Куда же деваются все деньги? — задумался Голеску, теребя усы. — Чего она такая кислая, хозяйка-то твоя? Разбитое сердце, то-се, да?

Эмиль еле заметно пожал плечами, не переставая жевать.

— Со мной она бы за десять минут забыла что угодно, если бы только мне удалось заставить ее принимать меня всерьез, — задумчиво произнес Голеску, глядя на кибитку. — А для этого, само собой, лучше всего произвести на нее впечатление с помощью денег. Надо что-то придумать, репоголовый.

— Четыре тысячи семнадцать, — сказал Эмиль.

— А? — Голеску обернулся и уставился на него.

Эмиль ничего больше не сказал, зато в тишине отчетливо и громко прозвучал голос зазывалы:

— Ну что, умники, попытайте счастья! Азартные игры! Бросайте кости, угадывайте карты, крутите рулетку! Или скажите, сколько в кувшине просяных зерен, и получите денежный приз! Всего десять грошей за догадку! А вдруг вы выиграете? Да-да, вы, сударь, который с сынишкой!

Голеску вдруг понял, что зазывала обращается к нему. Он возмущенно воскликнул:

— Он мне не сынишка!

— Ну так дядюшка, какая разница? Попробуйте угадать, а? — вопил зазывала. — Ну что вы теряете?

— Десять грошей! — проворчал Голеску, и тут до него дошло, что денежки-то не его, а Амонет. — А, была не была!

Он подошел к палатке, волоча Эмиля за собой.

— А какой у вас приз?

— Двадцать тысяч леев, — ответил зазывала.

Голеску закатил глаза.

— Да уж, хватит, пожалуй, на безбедную старость! — скривился он, однако в карман за десятью грошами все же полез. Он недовольно глянул на стеклянный кувшин, который стоял позади прилавка на полке, украшенной гирляндами цветов нового государственного флага. — Наверняка насовали туда

камней для объема… Гм-гм, ну… сколько, говорите, тут просяных зерен? Ну, скажем…

— Четыре тысячи семнадцать, — повторил Эмиль.

У зазывалы отвисла челюсть. Голеску посмотрел сначала на одного, потом на другого. И просиял.

— Так, значит, это правильный ответ? — спросил он. — Ах, святые угодники!

— Нет-нет, — возразил зазывала, не без труда овладев собой.

— Как же, — протянул Голеску. — По глазам вижу!

— Нет, неправильный, — уперся зазывала.

— Нет, правильный! Хотите, высыплем зерна и пересчитаем, сколько их там?

— Нет, и вообще вы мне еще не заплатили, и вообще это был ваш мальчонка, а не вы, и вообще это не считается… и…

— Ах, прохвост! Вы что, хотите, чтобы я закричал? У меня превосходные легкие! Хотите, чтобы я поведал всему миру, как вы отказались выдать бедному ребенку заслуженный приз за верную догадку? Хотите, чтобы…

— Замолчите! Замолчите, я заплачу эти чертовы двадцать тысяч!

Зазывала протянул руку и зажал Голеску рот. Голеску улыбнулся ему, и усы у него поднялись, словно у таракана.

Возвращаясь к кибитке Амонет, Голеску потряс кошельком над ухом у Эмиля:

— А что, неплохой заработок за вечер! Неужели она взглянет на это и останется холодна? Исключено!

Эмиль не ответил, мечтательно обсасывая палочку — все, что осталось от сосиски.

— Разумеется, твою роль в комедии мы несколько принизим — из стратегических соображений, — продолжал Голеску, выглядывая из-за шатра и хмурясь на кибитку.

К ней уже выстроилась длинная очередь клиентов, и если по большей части это явно были одинокие женщины, желающие узнать будущее, попадались среди них и мужчины довольно скверного вида — да что там говорить, попросту преступного, — и у Голеску появилось нехорошее ощущение, что кое с кем из них ему приходилось в прошлом сталкиваться на профессиональной почве. Отшатнувшись, он покосился на Эмиля.

— Не станем ей мешать, пусть работает. А у нас покамест будет время состряпать подходящую героическую и головоломную историю о происхождении этого славного толстенького кошелечка! Не может же она поверить, будто ты…

Голеску осекся и уставился на Эмиля. И хлопнул себя по лбу — так в театре показывают, что на человека снизошло

божественное озарение.

— Минуточку, минуточку! Она знает о твоих способностях! Потому-то она тебя и держит, да? Ха!

На миг он умолк, но пялился на Эмиля так внимательно, что тот даже вышел из транса. Человечек робко поднял глаза и, увидев, как исказилась физиономия Голеску от неистовой благожелательности, пискнул, уронил палочку и прикрыл голову обеими руками.

— Мой драгоценный скукоженный гений! — пророкотал Голеску, подхватив Эмиля на руки и стискивая его в объятиях, — Мой крошечный дружок, мой миниатюрный братец, мой сладчайший из упырей! Ну что, моя прелесть, хочешь еще сосисочку? Нет? Мамалыгу? Молочный пунш? Горячий шоколад? Голеску даст тебе все, что захочешь, моя красотулечка! Пройдемся по ярмарке вместе!

Когда Голеску, волоча за собой Эмиля, вернулся в густую тень у задней повозки, кошелек заметно полегчал. Эмиль был так набит сосисками и сахарной ватой, что туговато соображал, а все внимание его занимали дешевая кукла и волчок. Тем не менее Голеску вытащил из кармана новенькую колоду, разорвал обертку и перетасовал карты, глядя на Эмиля глазами влюбленного волка.

— Я о таком слыхал, мое хилое чудо, — проворковал он, перебирая карты толстыми пальцами. — Люди, совершенно не приспособленные к жизни, да-да, иногда настолько не от мира сего, что их приходится кормить и пеленать, словно грудных детей. И при этом обладают блестящим талантом! Неимоверная одаренность во всем, что касается цифр и знаков! Давай-ка посмотрим, относишься ли ты к подобным феноменам…

Час, потраченный на всестороннюю проверку, к удовольствию Голеску подтвердил, что Эмиль способен более чем ловко обращаться с картами: достаточно было просто помахать перед его носом разложенной веером колодой, и он точно запоминал последовательность карт.

— А теперь, мой милый мальчик, остается ответить лишь на один вопрос, — начал Голеску, швыряя колоду через плечо во мрак ночи. Карты разлетелись, словно сухие листья. — Почему же мадам Амонет не пользуется твоими несравненными талантами, чтобы нажить себе богатства сверх пределов даже самых алчных мечтаний?

Эмиль ничего не сказал.

— Казалось бы, проще простого. Решительно не понимаю, — повторял Голеску, пригнувшись, чтобы поглядеть на очередь, выстроившуюся к двери передней повозки.

Оттуда только что вышла женщина, она всхлипывала и

заламывала руки. Хотя ярмарка уже понемногу пустела, в очереди было несколько явных головорезов, которые дожидались… Чего? Предсказания будущего? Вряд ли. У некоторых, судя по всему, под одеждой были припрятаны объемные свертки.

— С таким болванчиком-везунчиком, как ты, она была бы царицей игорных домов от Монте-Карло до Санкт-Петербурга, — Дивился Голеску. — Да и вообще с такой-то фигурой она могла бы стать самой богатой шлюхой в Риме, Вене или Будапеште! Ну, то есть если в маске… Так почему же она засиживается допоздна, скупая у мелких грабителей краденые ложки да часы? Какой с этого навар? Эмиль, дружочек, что ей нужно?

— Черное Зелье, — ответил Эмиль.

Когда последний головорез убрался восвояси, из повозки показалась Амонет и взглянула прямо на Голеску, расположившегося в темноте. Он-то собирался устроить эффектный выход, но теперь, когда рассчитывать на элемент неожиданности уже не приходилось, просто помахал рукой с глуповатым видом.

— Где Эмиль? — сурово спросила Амонет.

— Цел и невредим, о моя королева, — ответил Голеску, приподняв Эмиля за шкирку. Тот, испугавшись света, жалобно заверещал и закрыл глаза. — Спасибо, мы прекрасно провели вечер.

— Иди спать, — велела Амонет Эмилю.

Человечек вывернулся из рук Голеску и метнулся в повозку.

— Вы его покормили? — спросила Амонет.

— По-царски! — заявил Голеску, — Вы спросите, где я взял на это средства? А вот! — И он показал кошелек с тем, что осталось от двадцати тысяч леев, и позвенел им, придав лицу самое что ни на есть соблазнительное выражение. К величайшей досаде Голеску, у Амонет даже глаза не блеснули.

— Приведите лошадей и запрягайте. Мы уезжаем.

Голеску был обескуражен.

— Разве вам не хочется узнать, откуда у меня эти славные денежки?

— Украли? — спросила Амонет, сняв с крюка у двери фонарь и погасив его.

— Как можно?! — с неподдельным возмущением воскликнул Голеску. — Если хотите знать, я их выиграл и принес вам. Догадался, сколько просяных зерен в кувшине.

За прошедший вечер он уже несколько раз — и в различных вариантах — успел представить себе ее страстную признательность. Тем не менее Голеску не был готов к тому, что произошло на самом деле. Амонет развернулась, стремительно,

словно змея, и схватила его за горло.

— Как вы догадались? — спросила она. Очень тихо.

— Я необычайно талантлив! — прохрипел Голеску, чувствуя, как глаза его лезут на лоб.

Амонет сильнее сжала пальцы.

— Это ведь Эмиль догадался, правда?

Голеску только кивнул — чтобы говорить, ему не хватало воздуха.

— Надеюсь, вы не додумались втянуть Эмиля на азартные игры?

Голеску помотал головой. Она вплотную приблизила к нему лицо.

— Только попробуйте взять Эмиля в игорный дом: поймаю — убью. Понятно?

Она разжала пальцы и отшвырнула Голеску к повозке. Тот выпрямился, вдохнул воздуху, поправил съехавшую на лоб шляпу и сказал:

— Ну что ж, я узнал его тайну. Да будет мне позволено смиренно поинтересоваться у мадам, какого черта она не воспользуется нашим миниатюрным другом, чтобы стать возмутительно богатой?

— Потому что никакой тайны у Эмиля нет, — прошипела Амонет. — Он сам тайна.

— Ах, это все объясняет, — буркнул Голеску, потирая шею.

— Вот и хорошо, — отозвалась Амонет. — А теперь приведите лошадей.

Голеску сделал, что велели, кипя от возмущения и любопытства — и от кое-чего еще, в чем он не смог бы признаться даже себе. Сказать, будто Амонет в гневе была прекрасна, было нельзя ни при каком насилии над воображением, однако…

Ощущение ее пальцев на коже, неожиданная сила ее рук… и аромат ее дыхания — так близко… словно какая-то неведомая пряность…

— Неужели мое глупое сердце поработила страсть? — вопросил он лошадь, запрягая ее в повозку.

* * *

Весь остаток безлунной ночи они ехали вдоль темной реки и много раз слышали волчий вой в далеком темном лесу.

Этот вой пробудил у Голеску героические фантазии. В них он размахивал исполинским ружьем и выпускал в стаю свирепых хищников бессчетное множество пуль, защищая Амонет, и она

была так благодарна за своевременное спасение, что… что сняла большую часть одежды и устрашающую маску, которую до сих пор носила. В действительности Амонет оказалась прекрасной, хотя ему никак не удавалось толком рассмотреть ее, поскольку стоило Голеску броситься в ее объятия, как ноги у него запутались в чем-то похожем на розовую сахарную вату, которую кто-то бросил на ярмарочной площади…

А потом розовые волокна превратились в паутину, а Эмиль был попавшей в нее букашкой, и он все визжал и визжал тоненьким голоском, что было довольно странно: ведь он же упырь.

— Упыри ведь сами высасывают кровь? — удивленно спросил Голеску у Амонет, но она побежала к темной реке, которая была Нилом, а Голеску побежал за ней, на ходу разоблачаясь, но тут из-за пирамид взошло солнце.

Голеску хрюкнул и сел, щурясь от утреннего света.

— Мы стоим, — объявил он.

— Да, — отозвалась Амонет, распрягая лошадей.

Судя по всему, ночью они свернули с дороги и теперь находились на лесной поляне, со всех сторон окруженной густым кустарником.

— Вы разобьете лагерь здесь, — сказала Амонет. — А мне нужно кое с кем встретиться. Будете жить в передней повозке и присматривать за Эмилем. Я вернусь самое позднее через три дня.

— Конечно, — буркнул Голеску, еще не проснувшись окончательно.

Он сидел, почесывая небритый подбородок и глядя, как Амонет уводит лошадей за кусты. Было слышно, как где-то совсем близко журчит вода. А вдруг Амонет собирается не только напоить лошадей, но и искупаться в живописном лесном озерке?

Он спрыгнул на землю и поспешил следом за Амонет, стараясь двигаться как можно тише, но его тайные надежды не оправдались: Амонет просто стояла на берегу, скрестив руки на груди, и смотрела, как лошади пьют. Голеску содрогнулся. Яркий утренний свет явно не был ей лучшим другом.

С невозмутимым видом приблизившись, Голеску спросил:

— А что же кушает наш юный друг, помимо сахарной ваты и сосисок?

— Корнеплоды, — ответила Амонет, не утруждаясь даже повернуть голову. — Картошку, репу, морковь, пастернак. Надо их сварить и размять, без соли, без перца, без масла, иначе он не станет есть. Хлеб он ест любой, если обрезать корку. Поленту, но опять же без соли и масла. Пьет он воду.

— Как это мило с его стороны, — проворчал Голеску, скорчив недовольную мину. — А где вы нашли нашего крошку?

Прежде чем ответить, Амонет немного заколебалась.

— В лечебнице для душевнобольных, — сказала она.

— А! А там, конечно, не знали, кто он такой, да? — уточнил Голеску.

Амонет обернулась и посмотрела на него так, что он едва не испачкал штаны.

— А вы знаете? — спросила она.

— Убогий дурачок, который отлично умеет считать, — отозвался Голеску. — Я только одного не могу понять — почему вы не применяете его громадные белые мозги для того, чтобы разбогатеть. Но в конце концов это ваше дело. А что еще заботливая нянюшка должна знать о его питании и сне?

— Только то, что если вы вздумаете похитить его, пока меня нет, я вас догоню и убью, — ответила Амонет, нисколько не повысив голос, однако каким-то образом сумев убедить Голеску в полнейшей искренности своих намерений.

От этого его снова бросило в неприятную дрожь.

— Единственное, чего я жажду, — это вашего доверия, моя прелесть, — заверил он Амонет. — А куда вы направляетесь?

— Не ваше дело.

— Разумеется, — согласился он, кланяясь и почесываясь, — Вы ведь уезжаете на задней повозке, да? Трудно удержаться от вопроса, о моя черная голубка и владычица тайн, имеет ли это отношение к товару, который там спрятан. Вероятно, вы отправляетесь на рандеву с тем, кто снимет с вас это бремя, не так ли?

Ее взгляд, полный презрения, пронзил Голеску насквозь, зато он понял, что не ошибся.

* * *

Оставшись один, Голеску первым делом отправился обыскивать повозку Амонет.

Хотя главной его целью были деньги, нужно признать, что сначала он взялся за ящик, где предположительно хранилось нижнее белье. Ящик не оправдал его надежд, поскольку в нем содержалось вовсе не белье, а целая алхимическая лаборатория: баночки с толчеными минералами и металлами, перегонные кубы, колбы и реторты. Все было настолько незапятнанно чистым, словно им никогда не пользовались. Когда Голеску наконец обнаружил белье — в дорожном сундуке, — он разочаровался еще

больше. Белье у Амонет оказалось простое и практичное, и было ясно, что оборки ее не интересуют. Тем не менее он похитил ее панталоны и запихнул в нагрудный карман, чтобы использовать вместо носового платка, а затем продолжил поиски.

Денег он не нашел, как и личных вещей, которые дали бы ему хоть какой-то намек на прошлое хозяйки. В повозке было много всяких штучек, очевидно предназначенных для создания египетского антуража: мумия в саркофаге из папье-маше в половину натуральной величины. Матерчатый свиток с иероглифами на стене — такие делают во Франции.

Возле умывальника не было ни духов, ни косметики, просто кусок желтого мыла. Голеску понюхал его и скривился: пахло мыло исключительно щелоком. Откуда же тогда брался этот дурманящий аромат не-совсем-корицы, исходивший от ее кожи?

Ни бумаг, ни письменных принадлежностей за исключением полированного сундучка с откидывающейся передней стенкой, который мог служить для чего-то подобного. Но внутри оказалось лишь мутное зеркало зеленого стекла — и больше ничего. Бегло осмотрев сундучок, Голеску захлопнул его, но в кончиках пальцев осталось какое-то неприятное покалывание.

В кладовой тоже не густо: черствый хлеб, луковица, немного картошки. Несколько кастрюлек и медное бельевое корыто. Потирая подбородок, Голеску окинул все это задумчивым взглядом.

— И никаких денег, — произнес он вслух и с размаху шлепнулся на постель Амонет, похрюкивая от досады.

Услышав слабый протестующий вскрик, он вскочил и заглянул под койку.

— Ну конечно! — воскликнул он и открыл ящик.

Эмиль заскулил и забился подальше от света, закрыв лицо руками.

— Эй, не сердись, — проговорил Голеску, вытаскивая его наружу. Он опустился на четвереньки, не обращая внимания на плач Эмиля, и осмотрел ящик. — Где же твоя хозяйка прячет золото, крошка моя? Не здесь, да? Тысяча чертей!

Он снова уселся на постель. Эмиль попытался заползти обратно в спасительную темноту, но Голеску схватил человечка за ногу.

— Эмиль, сокровище мое, в этом мире ничего нельзя достичь, если не можешь гулять при дневном свете, — заявил он. — Да и мне ты тогда пользы не принесешь. Что ты не поделил с солнцем, а?

— Оно мне глаза жжет, — всхлипнул Эмиль.

— Правда? — Голеску подтянул его поближе, силой отнял

руки от лица и заглянул в мокрые глаза. — Попробуем-ка что-нибудь с этим сделать. А как только мы решим эту проблему… — Голеску не договорил, расплывшись в улыбке.

Эмиль вывернулся и исчез в своем ящике. Голеску ногой задвинул его.

— Спи, моя картошечка, — сказал он, поднимаясь. — Только никуда не ходи, а твой любимый дядя Барбу к вечеру вернется с подарками!

Напевая себе под нос, он вытер лицо панталонами Амонет, снова засунул их в карман и выбрался из повозки. Задержавшись лишь затем, чтобы запереть дверь, он отправился искать ближайшую дорогу.

* * *

Городок он, однако, нашел не скоро, а там то да се, пятое да десятое — так что вернулся Голеску только к закату.

Он поставил на землю свою ношу — большую коробку и битком набитый мешок — и отпер дверь.

— Вылезай, крошка Эмиль, — позвал он и, не получив ответа, запрыгнул в повозку и открыл ящик. — Вылезай!

— Хочу есть, — с укором пропищал Эмиль, но остался лежать.

— Вылезай, и я сварю тебе картошечки! Уже можно, солнце село. Неужели не хочешь поглядеть, что я тебе принес, неблагодарная ты тварь?

Эмиль неохотно поднялся, а Голеску его подгонял. Человечек остановился в дверях и высунулся, подозрительно надув тонкие губки. Увидев низкое красное солнце, он пронзительно взвизгнул и закрыл лицо руками.

— Да, я тебя обманул, — признал Голеску, — но только примерь… — И он достал из кармана очки с синими стеклами и, силой отведя руки Эмиля от лица, напялил очки ему на переносицу. Очки тут же свалились, поскольку нос у Эмиля был такой маленький и узенький, что держаться на нем они не могли, к тому же дужка у них имелась только одна.

Голеску порылся в принесенном мешке и вытащил длинный шерстяной шарф. Он прорезал в нем две дырки, а Эмиль тем временем верещал и трясся. Затем, пристроив очки обратно на нос Эмилю и придерживая их большим пальцем, Голеску обмотал шарф вокруг головы человечка, словно повязку на глаза, и расширил прорези, чтобы открыть стекла.

— Смотри-ка! Очки! — воскликнул Голеску, — Теперь солнце

тебе не страшно, правда? Да открой же свои глазенки, чтоб тебя, шмакодявка!

Судя по всему, Эмиль его послушался, поскольку тут же замер, опустив руки по швам. Нижняя губа у него вяло отвисла от удивления.

— Погоди-погоди! — продолжал Голеску. — Это еще не все!

Он снова покопался в мешке, извлек холщовый кучерский плащ и укутал Эмиля. Плащ был рассчитан на человека вдвое крупнее, так что Эмилю он оказался длинноват, точнее, просто-напросто волочился по земле, к том же Голеску пришлось минуты три изрядно попотеть, просовывая безвольные руки Эмиля в рукава и отворачивая обшлага. Но когда хлопоты по застегиванию остались позади, Эмиль был словно в палатке.

— И наконец последний штрих… — И Голеску достал из мешка широкополую фетровую шляпу и водрузил ее Эмилю на голову.

Отступив на шаг, Голеску любовался результатом.

— Ну разве не красавец? — проговорил он. На самом деле Эмиль был похож на гриб, но рот у него закрылся. — Вот видишь? Теперь солнце тебе не страшно. Упырь может разгуливать средь бела дня. Что нужно сказать доброму дядюшке Барбу?

— Хочу картошку, — отозвался Эмиль.

— А! Хорошо, давай попируем. У нас сегодня еще много дел, — сообщил Голеску, приподнял мешок и с загадочным видом потряс его.

Костер он развел довольно быстро и подвесил кипятиться котелок с водой, чтобы сварить Эмилю картошку. Себе Голеску и вправду устроил настоящий пир из принесенных запасов: зажарил кролика с беконом и луком, а чтобы лучше усвоилось, запил снедь вином, красным, словно бычья кровь. Отставив бутылку, Голеску закурил славную большую сигару, а Эмиль тем временем послушно отправился к реке мыть посуду.

— Хороший раб, — весело похвалил Эмиля Голеску. — Ну что ж, такая жизнь меня устраивает. Когда все помоешь, принеси медное корыто. Я тебе помогу его наполнить. И раздобудь еще хворосту для костра!

Когда Эмиль приволок корыто, они наполнили его водой из реки, а потом, спотыкаясь, притащили обратно к костру и поставили греться. Голеску достал из мешка свое очередное приобретение — трехкилограммовый бумажный пакет с печатью аптеки. Эмиль глядел на огонь, и его бессмысленное лицо из-за очков казалось еще более бессмысленным, однако при виде пакета он заинтересовался.

— Мы будем делать Черное Зелье? — спросил он.

— Нет, моя лапочка, мы будем делать золотое зелье, — ответил Голеску.

Он открыл пакет и высыпал его содержимое в корыто, от которого только начал подниматься пар.

— Это хорошая стойкая желтая краска, понимаешь? Мы ее как следует прокипятим, а когда… — Он пошарил у себя за спиной и придвинул поближе большую коробку, которую принес из города. Голеску открыл ее, и отблески костра засверкали на стеклянных горлышках ста сорока четырех пузырьков. — А когда остынет, разольем по пузырькам. И будем продавать ее птицеводам вон там, в долине.

— Зачем? — спросил Эмиль.

— Как лекарство, — объяснил Голеску. — Скажем, что от него будут вылупляться гигантские цыплята, ясно? Вернем себе двадцать тысяч леев в считаные секунды! Не сомневайся, удача нам обеспечена. От краски желтки становятся ярче, а крестьяне думают, будто это значит, что яйца лучше и питательней. Ха! Нужно только не задерживаться, когда распродашь все пузырьки, а сбывать это снадобье можно где угодно!

— Лекарство, — повторил Эмиль.

— Точно, — кивнул Голеску.

Он сделал последнюю затяжку, швырнул окурок в костер и снова взялся за бутылку.

— Славный вечер, — заметил он, отхлебнув вина. — Звезды-то какие! Посмотришь на них — и поневоле захочется поразмышлять о душе. В такие минуты я оглядываю свой жизненный путь и задумываюсь о превратностях судьбы. Я ведь, знаешь ли, не всегда был бродягой. Нет-нет! Заря моей жизни была безоблачной! Между прочим, я из аристократической семьи. Мы жили в замке. На окнах витражи с гербами. Специальные слуги выгуливали собак. Мне-то, конечно, ничего из этого не досталось: я младший сын. Но я поступил в университет, закончил его с отличием, был блестящим финансистом. Вскоре я дослужился до должности управляющего в одном крупном банке в Бухаресте. У меня были превосходные золотые часы на цепочке и письменный стол три метра длиной, а уж какой полированный — ни царапинки, за этим особо следили, да-да! Каждое утро, когда я приезжал в банк, все служащие выстраивались в шеренгу и падали ниц при моем появлении, а я шагал себе, поигрывая тросточкой. А в набалдашнике тросточки был бриллиант чистой воды, и бриллиант этот сиял, словно восходящее солнце. Но говорят, что изобилие губит паче нищеты; со мной так и вышло. Натура у меня была слишком уж невинная, слишком уж доверчивая. Увы! Как скоро настал миг падения! Не хочешь ли ты

узнать, какие именно обстоятельства низвели меня до нынешнего жалкого положения, в котором ты меня лицезреешь?

— Чего? — буркнул Эмиль.

Голеску сделал еще один добрый глоток.

— Так вот, — продолжал он. — В моем банке держал деньги некто Али-паша. Он скопил колоссальное состояние. Миллионы. Миллионы в любой мыслимой валюте. И еще жемчуга, рубины, изумруды. Стоило посмотреть, как все это громоздилось в наших хранилищах, сверкая, что твоя танцовщица… что там сверкает у танцовщицы? Ну да. В общем, самое большое состояние, какое только мог нажить продажный чиновник. И вот, представь себе, Али-паше пришлось уехать за границу, чтобы избежать скандала. И — бац! — он погиб в результате несчастного случая, когда его вороной жеребец, испугавшись повозки пирожника, сбросил его наземь и растоптал копытами. Едва услышав о кончине Али-паши, я как честный человек, разумеется, принялся искать его близких родственников. И ты, наверное, считаешь, что у него оказалась уйма близких родственников? Ведь эта похотливая публика вечно держит кучу жен и наложниц! Но тут выяснилось, что с покойным Али-пашой в юности произошел столь же несчастный случай, когда он снискал расположение Великого Турка своим сладкоголосым пением и… в общем, ему предоставили возможность сохранить прелестное сопрано до самого момента его безвременной кончины. Так что ни жен, ни детей и зияющая пустота на месте толпы жаждущих наследства потомков. А это, сам понимаешь, означало, что миллионы, которые лежали в наших хранилищах, после определенной даты должны были перейти в собственность Османской империи.

И что же мне было делать? Чем больше я размышлял о тирании, под гнетом которой столь долго страдал мой великий народ, тем яростнее закипала в моих жилах кровь патриота. И я решился на дерзновенный поступок.

Проконсультировавшись у коллег по международному банковскому сообществу, я узнал имя одного состоятельного вкладчика, который был повсеместно известен как человек незапятнанной честности. Так получилось, что он был пруссак и обладал солидным состоянием. Я связался с ним, принес извинения за самонадеянность, изложил обстоятельства дела и обратился с предложением: если он согласится выдать себя за брата покойного Али-паши, я посодействую тому, чтобы он вступил в права наследования миллионов, которые лежали у нас на хранении. За свое участие в этой хитроумной афере пруссак должен был получить сорок процентов; остальные шестьдесят я, разумеется, намеревался передать на нужды Церкви.

Короче говоря, он согласился. Более того, он выразил горячую поддержку идее румынского самоуправления.

Дело, конечно, было сложное. Нам нужно было подкупить юристов и нескольких мелких чиновников, чтобы они засвидетельствовали, будто Шмедлиц, пруссак, — это давно пропавший брат Али-паши, мать которого вместе с малолетним ребенком похитили и продали в гарем разбойники-берберы, но, к счастью, у Али-паши имелась приметная родинка, по которой несчастный и был посмертно опознан безутешными родными.

А Шмедлиц должен был сделать существенный вклад, чтобы открыть счет в одном швейцарском банке, куда и планировалось перевести средства, как только мы добьемся их выдачи. Однако он с готовностью согласился понести эти временные траты — с подозрительной готовностью, как мне следовало бы заметить!

Голеску покачал головой, отпил еще вина, вытер усы тыльной стороной руки и продолжил:

— Как я доверял этому пруссаку! Ах, звезды, звезды, посмотрите, как поругана и унижена чистая доверчивая душа! — Он отхлебнул еще. — Перевод был осуществлен, а когда я пришел требовать по соглашению шестьдесят процентов на благотворительные цели — представь себе, в какой ужас я пришел, обнаружив, что Шмедлиц снял все деньги, закрыл счет и сбежал! А начав его разыскивать, я выяснил, что Шмедлиц был не только вор, но и, более того, самозванец, приспешник международного банковского сообщества, которое теперь объявило мне войну.

И что еще хуже — на сцену выступил не кто иной, как новый претендент на наследство! Оказалось, что у Али-паши действительно был брат, который узнал о его смерти с опозданием, поскольку его только сейчас спасли с необитаемого острова, где он пробыл семь лет после кораблекрушения.

Я был раздавлен. Мне пришлось скрыться ночью, навлечь позор на мое благородное семейство, обречь себя на жизнь неправедно преследуемого беглеца!

Голеску вытер с лица слезы и снова как следует приложился к бутылке.

— Никогда больше не сидеть мне за полированным столом, как подобает знатному господину! Никогда мне не махать тросточкой над головами служащих! И что сталось с бриллиантом, сиявшим, словно полная луна? — Он всхлипнул и перевел дыхание, — Тяготы жизни, как гласит пословица, делают человека мудрым, а не богатым, и ныне все мое богатство — это мудрость. Иногда я подумываю и о самоубийстве; но пока я пал не настолько низко. — Он отпил еще, рыгнул и произнес

совершенно другим голосом: — Ага, закипает! Эмиль, ласточка моя, принеси-ка длинную палку да помешай хорошенько.

* * *

Когда Голеску проснулся и, скривившись, извлек лицо из недр своей шляпы, уже вовсю сияло солнце. Эмиль по-прежнему сидел на том самом месте, что и тогда, когда Голеску уснул после нескольких часов невнятного монолога. Пустая бутылка стояла там, где Голеску ее оставил, а вот сто сорок четыре пузырька были наполнены.

— Что ты… — Голеску сел, глядя на пузырьки. Он не помнил, чтобы разливал концентрированную желтую краску по бутылочкам, — а на тебе, вон они стоят, аккуратно закупоренные.

— Лекарство готово, — сообщил Эмиль.

Голеску с трудом поднялся на ноги. Пустое медное корыто было начищено и сияло как новенькое.

— Неудивительно, что она держит тебя при себе, — заметил Голеску. — Ты ведь, наверно, отчасти домовой, да? Подбрось-ка хворосту в костер, и мы сварим тебе еще картошечки. И пастернака, раз уж ты был таким паинькой. А потом нас ждет приключение.

Он взял мешок и поплелся наводить красоту.

* * *

Два часа спустя они медленно шагали по проселочной дороге, направляясь к воротам, которые заприметил Голеску. Было жарко, и он обливался потом в самом лучшем костюме, который только нашелся в лавке старьевщика: порыжевший черный фрак, полосатые брюки и черный шелковый цилиндр, от которого сильно несло мертвечиной. Слева на груди Голеску разместил впечатляющее созвездие всевозможных медалей, украшенных разноцветными ленточками, присовокупив к ним две-три блестящие этикетки с коробок генуэзского печенья. В руке Голеску нес тяжелый саквояж.

Эмиль был облачен в плащ, очки и шляпу, и его приходилось вести за руку, потому что видел он плоховато.

Когда они приблизились к воротам на сотню ярдов, с другой стороны подскочили два громадных пса и отчаянно залаяли, бросаясь на деревянные планки.

— Подержи сумку! — приказал Голеску и сунул саквояж

Эмилю.

— Тяжело, — пожаловался тот.

— Заткнись! Доброе утро, любезный господин! — крикнул Голеску, обращаясь к хозяину усадьбы, который вышел посмотреть, в чем дело.

— Мне жарко.

— Я сказал — заткнись. Можете ли вы уделить мне минуточку внимания, любезный господин?

— Кто вы, черт побери, такой? — спросил хозяин, придерживая псов за ошейники.

Голеску приподнял цилиндр и поклонился:

— Доктор Милон Кретулеску, помощник министра сельского хозяйства при правительстве князя Александру, да даруют ему многая лета все святые и ангелы. С кем имею честь?

— Буздуган Юлиу, — буркнул хозяин.

— Безмерно рад. Вы, разумеется, слышали о новом указе…

— Конечно, слышал, — ответил Буздуган, явно озадаченный. — Это который?

Голеску улыбнулся ему:

— Ну как же, указ об увеличении поголовья домашней птицы в хозяйствах этого региона. Его высочество весьма озабочен тем, чтобы наша нация стала одним из мировых центров по выращиванию кур! Может быть, уберете собак, любезный господин?

Когда собаки были привязаны и ворота распахнуты, Голеску решительно направился во двор, исподтишка дав Эмилю хорошего пинка, чтобы шел следом. Бедняга пробирался вслепую, крошечными осторожными шажками, волоча за собой саквояж. Голеску не обращал на него внимания, дружески положив руку на плечо Буздугану.

— Прежде всего мне нужно будет осмотреть ваш птичий двор. Не сомневаюсь, милейший, что последняя инспекция не обнаружила у вас ни малейших нарушений, однако, знаете ли, сейчас требования возросли…

— Конечно, — кивнул Буздуган, слегка вспотев.

Говоря по правде, до сих пор он не замечал в своей усадьбе никаких инспекций. Тем не менее хозяин повел Голеску на птичий двор — акр бесплодной земли, огороженной высоким частоколом. Заглянуть туда можно было сквозь ворота из проволочной сетки.

Задерживаться в этом месте не хотелось. И вообще задерживаться на птичьих дворах хочется редко. Солнце немилосердно жарило потрескавшуюся землю, так что Голеску жгло ноги сквозь тонкие подметки туфель. Кругом апатично

переминались с ноги на ногу около сотни кур, которых не беспокоили ни аромат собственных испражнений, ни запах хищников, насаженных по углам частокола — двух лисиц и чего-то такого сморщенного и иссохшего, что определить его породу было невозможно.

— Хм-м-м-м-м, — протянул Голеску и извлек из кармана записную книжечку и огрызок карандаша. Он сделал вид, будто что-то записывает, покачивая головой.

— В чем дело? — занервничал Буздуган.

— Не хотелось бы вас огорчать, — ответил Голеску, поднимая голову и заговорщически подмигивая. — Должен вам сказать, превосходная защита от хищников. Впредь будет неповадно, да? Иначе лисиц не проучить. Но, друг мой! Как вялы и безжизненны ваши птицы! Вот уж кого не назовешь бойцовыми петухами! Почему они не расхаживают и не квохчут? Очевидно, они ослаблены, эти жертвы неправильного питания!

— Они у меня получают только лучшие корма! — запротестовал Буздуган.

Голеску с улыбкой поводил указательным пальцем у него перед носом.

— Не сомневаюсь, но достаточно ли им этого? Птица, недополучающая необходимых веществ, производит второсортные яйца, из которых вылупляется хилое потомство. Мало того, безвкусные, мелкие яйца способны погубить вашу репутацию первоклассного поставщика. Нет-нет, невнимание к рациону птицы может явиться причиной вашего падения!

— Но ведь…

— К счастью, я могу вам помочь! — заявил Голеску, убирая записную книжку и карандашный огрызок.

— Сколько? — поник Буздуган.

— Как?! Неужели вы полагаете, любезный господин, будто представитель его высочества князя берет взятки? Да, конечно, в прошлом подобное еще могло иметь место, но ведь мы, в конце концов, живем в новой эпохе! Я говорил о науке! — упрекнул его Голеску.

— О науке?

— Эй, мальчик! — властно крикнул Голеску Эмилю, который только-только успел их нагнать. — Этому законопослушному гражданину нужна бутылочка «Золотой Игрек-Формулы».

Эмиль никак не отреагировал, поэтому Голеску выхватил у него саквояж и, открыв его, извлек оттуда пузырек с желтой краской.

— Это, любезный господин, диетическая добавка, которую производит Министерство сельского хозяйства, — пояснил

Голеску, любовно держа бутылочку в ладонях. — Его высочество князь собрал лучших ученых и повелел им направить свои способности на Решение проблемы улучшения здоровья домашней птицы. Опираясь на новейшие открытия, ученые создали стимулирующее средство поистине поразительной эффективности! «Золотая Игрек-Формула»! При регулярном употреблении приводит к потрясающим результатам!

Буздуган уставился на пузырек:

— А что оно делает?

— Делает? Она предоставляет питательные вещества, в которых так отчаянно нуждаются ваши птицы! — заявил Голеску. — Что ж, давайте продемонстрирую. У вас найдется блюдо или тарелка?

Когда хозяин принес жестяную миску, Голеску проворно устремился на птичий двор. Буздуган следовал за ним по пятам. В самом дворе было, казалось, даже жарче, чем за оградой.

— А теперь, любезный господин, прошу понаблюдать за поведением ваших птиц, — сказал Голеску, откупоривая пузырек и выливая содержимое в миску. — Бедняжки сразу чувствуют целительную силу «Золотой Игрек-Формулы». Они ее жаждут! Взгляните!

Он поставил миску на потрескавшуюся землю. Ближайшая курица повернула голову. В ее крошечном мозгу промелькнула мысль: «вода». Птица тут же засеменила к миске и принялась жадно пить. Это же озарение постигло и прочих кур, и они, одна за другой, набросились на тепловатую желтую краску, словно на охлажденное шампанское.

— Видите? — спросил Голеску, переступая с ноги на ногу. — Несчастные оголодавшие создания. Теперь конец бледным желткам, лишенным питательных свойств! Они станут крупными и золотистыми! Исключительно благодаря «Золотой Игрек-Формуле». Всего две марки за бутылочку.

— А ведь и правда пьют, — не без удивления протянул Буздуган. — А что, пожалуй, куплю пару бутылочек.

— Ах! Друг мой, с сожалением вынужден сообщить, что поставки «Золотой Игрек-Формулы» весьма скудны, а спрос на нее так велик, что мне придется ограничить вас одной бутылочкой.

— Что?! Их же там у вас полная сумка! — воскликнул Буздуган. — Я видел, когда вы ее открывали.

— Это правда, но ведь мы должны предоставить равные возможности и вашим конкурентам, — отозвался Голеску. — Будет не очень справедливо, если во всем регионе призовые куры окажутся только у вас, не так ли?

Хозяин, прищурившись, взглянул на него.

— Две марки за бутылочку, значит? Даю двадцать пять марок за весь саквояж. Что скажете?

— Двадцать пять марок? — Голеску с потрясенным видом отшатнулся. — Но что же будут делать остальные птицеводы?

Буздуган объяснил ему, чем могут заняться остальные птицеводы, и вытащил из-за пояса засаленный кошель.

Тем вечером они не спеша возвращались домой, распределив по птицеводческим хозяйствам долины несколько саквояжей «Золотой Игрек-Формулы». Голеску был невероятно доволен собой и тяжестью разнообразной валюты, которой были битком набиты его карманы.

— Понимаешь, мой дорогой дружок, — говорил он Эмилю, — так начинаешь чувствовать себя личностью. Природа людская — что река, течет себе и не меняется; а мудрый человек построит на берегу этой реки мельницу, чтобы слабости и суетные заботы крутили ему жернова. Страх, жадность и зависть еще никогда меня не подводили.

Эмиль, постанывая от усталости, издал нечто похожее на согласное хрюканье.

— А ты? Разве не был для тебя этот денек настоящим праздником? Ты наконец-то отважился взглянуть на солнечный свет, и, оказалось, это не так уж плохо, правда? Смотри под ноги, — добавил Голеску, когда Эмиль едва не налетел на дерево. Взяв несчастного за шиворот, Голеску вернул его на тропу. — Уже близко. Да, Эмиль. Как тебе, однако, повезло, что ты повстречал меня на жизненном пути. Завтра пойдем дальше дорогой открытий, правда?

* * *

Так они и сделали, на этот раз отправившись в дальнюю часть долины, откуда сильно тянуло аммиаком, что свидетельствовало о наличии множества птицеводческих усадеб. Они только-только свернули на подъездную дорожку и яростный лай мастифа за решетчатыми воротами привлек внимание хмурого хозяина, когда Эмиль прошептал:

— Лошадь.

— Да нет, это просто большая собака, — отозвался Голеску, снимая перед хозяином шляпу. — Доброе утро, любезный господин! Позвольте…

Однако тут и он услышал топот копыт. И покрылся испариной, но лишь улыбнулся пошире и продолжил:

— …представиться: доктор Милон Кретулеску из

Министерства сельского хозяйства. Я…

Лошадь галопом проскакала по дороге, миновав поворот, но стоило сердцу Голеску снова забиться в привычном ритме, как топот на мгновение стих, а затем начал приближаться.

— …послан, чтобы выразить волю самого князя Александру, который…

— Эй!

— Прошу прощения, минуточку, — проговорил Голеску, оборачиваясь.

Он увидел, как из-за склоненных ветвей, отбрасывающих тень на подъездную дорожку, показался давешний птицевод Буздуган.

— Доктор Кретулеску! — прокричал он, подгоняя лошадь, — У вас еще осталось это снадобье?

— Простите?

— Ну это, которое… — Буздуган заметил другого птицевода и понизил голос: — Которое делает золотые яйца!

— А! — Голеску развернулся так, чтобы хозяину все было видно, и заговорил громче, — Вам нужна «Золотая Игрек-Формула»? Волшебный эликсир, разработанный в Министерстве сельского хозяйства его высочества с целью улучшить птицеводческую продукцию?

— Тсс! Да, она! Я заплачу…

— Говорите, золотые яйца? — закричал Голеску.

— Чего-чего? — Хозяин вытянул шею из-за ворот.

— А не твое собачье дело! — рявкнул Буздуган.

— Но, дорогой мой господин, «Золотую Игрек-Формулу» разрабатывали на благо всем, — сказал Голеску, еще не понимая, что происходит, но твердо решив разыграть свой козырь. — Если этот добрый господин желает воспользоваться преимуществами, которые дают выдающиеся свойства этого средства, я не вправе ему отказать…

— Даю сотню марок за все, что есть у вас в сумке! — завопил Буздуган.

— А что у него в сумке? — сурово спросил хозяин, открывая ворота и выходя.

— «Золотая Игрек-Формула»! — провозгласил Голеску, выхватывая саквояж из вялых рук Эмиля и распахивая его. Он вытащил пузырек на солнечный свет. — Взгляните!

— А что там про золотые яйца? — спросил хозяин, приближаясь.

— Ничего! — отрезал Буздуган. — Двести, доктор. Я не шучу. Прошу вас.

— Этот достойный господин прибегнул к гиперболе, — объяснил Голеску хозяину, — Золотые яйца? Ну что вы, у меня и в

мыслях не было заявлять, будто «Золотая Игрек-Формула» оказывает такое воздействие. Вы приняли бы меня за шарлатана! Это всего-навсего самая лучшая и самая современная пищевая добавка для птиц…

— Тогда хочу бутылку, — сказал хозяин.

Буздуган скрипнул зубами.

— Я беру остальные! — заявил он.

— Полегче! — отозвался хозяин. — Средство-то, наверное, хорошее, да? А ты все себе хочешь заграбастать? Может, я две захочу купить!

— Господа, господа, не нужно ссориться, — вмешался Голеску. — У меня тут достаточно «Золотой Игрек-Формулы». Прошу вас, мой добрый Буздуган, раз уж вы удовлетворенный покупатель, не соблаговолите ли рассказать нам, какие немедленные и впечатляющие результаты применения «Золотой Игрек-Формулы» вы заметили в своем птицеводческом хозяйстве?

— Ладно, — неохотно согласился Буздуган. — Громадные яйца, желтые, как золото. А петухи, как выпили, пришли в такую охоту, что сегодня все курицы сидели на яйцах, похожих на горки золота. Двести пятьдесят за сумку, а? Что скажете, доктор?

* * *

Обратно на поляну Голеску сам тащил саквояж, поскольку по сравнению с утром он заметно потяжелел. Но, несмотря на увесистую ношу, Голеску шагал непривычно быстро, волоча Эмиля за собой. Когда они вернулись к повозке, он зашвырнул Эмиля внутрь, взобрался сам и закрыл за собой дверь. И тут же начал раздеваться, прервавшись лишь затем, чтобы разок заглянуть в саквояж и приободриться. Но почему-то даже то обстоятельство, что саквояж был полон звонких монет, не заставило его улыбнуться.

— Что случилось-то? — спросил он, скидывая фрак. — Я продал этому человеку два пузырька желтой краски. Никакой не волшебный эликсир!

Эмиль стоял столбом, совершенно безучастный в своем маскировочном костюме, пока Голеску не протянул руку и не сорвал с него очки.

— Я говорю, мы продали ему поддельное лекарство! — воскликнул он. — Так?

Эмиль заморгал.

— Нет, — ответил он. — Средство, чтобы получались гигантские цыплята.

— Да нет, дубина ты стоеросовая, это мы только так говорили! — простонал Голеску, стаскивая полосатые брюки. Он скрутил их вместе с фраком и отшвырнул в сторону. — Мы врали, ты что, не понял?

— Нет, — отозвался Эмиль.

В его бесстрастном тоне было что-то такое, отчего Голеску застыл, не успев натянуть домотканые штаны. Он испытующе воззрился на Эмиля.

— Ты что, не понимаешь, когда врут? — спросил Голеску. — Может, и не понимаешь. И при этом ты гений из гениев, правда? А пока снадобье варилось в корыте, я заснул. Гм… гм-гм…

Он застегнул штаны, надел рубаху и долго молчал, не сводя взгляда с бледного лица Эмиля.

— Скажи-ка мне, прелестное дитя, — произнес он наконец, — Добавлял ли ты что-нибудь в корыто, пока я спал?

— Да, — сказал Эмиль.

— А что?

В ответ Эмиль разразился длинным перечнем ингредиентов, в основном каких-то химикалий, по крайней мере, Голеску так решил. Он нетерпеливо поднял руку.

— Хватит, хватит! До ближайшей лавки три часа ходьбы. Где ты все это достал?

— Там, — проговорил Эмиль, указывая на саркофаг из папье-маше. — Кое-что я взял из земли. А кое-что получилось из листьев.

Голеску немедленно бросился к саркофагу и открыл его. С виду он был пуст, но Голеску нащупал второе дно. Подковырнув картонку, он обнаружил ящик со множеством перегородок, в котором стояли пузырьки, баночки и мешочки со всевозможными веществами. От них слегка пахло специями.

— Ага, — произнес Голеску, закрывая саркофаг.

Он отодвинул его в сторону и, прищурившись, пристально посмотрел на Эмиля. Пошагав немного по повозке, он сел на койку.

— А откуда ты знаешь, — проговорил он несколько ниже своего обычного рева, — из чего состоит снадобье, чтобы получались гигантские цыплята?

Эмиль поднял на него кроличьи глаза. Голеску заметил в них странное выражение. Неужели… насмешка?!

— Знаю, и все, — ответил Эмиль, и в его ровном тоне тоже вполне могла быть насмешка.

— Как знаешь, сколько зерен в кувшине?

— Да.

Голеску потер ладони — медленно.

— Ах, мой золотой малыш, — пропел он. — О мой яхонтовый, мой сахарный, мой талисманчик! — Тут его осенило. — Скажи-ка мне, моя прелесть, — продолжал он. — Ты несколько раз упомянул о каком-то Черном Зелье. Можешь сказать дядюшке Барбу, что это такое, душенька?

— Я делаю ей Черное Зелье каждый месяц, — отозвался Эмиль.

— Правда? — усмехнулся Голеску. — Это чтобы не было детишек? Нет-нет, любовь ее не интересует. Пока. А что происходит, когда она выпивает Черное Зелье, мой зайчик?

— Она не умирает, — сказал Эмиль с легчайшей ноткой печали.

Голеску откинулся назад, словно его толкнули.

— О все святые и ангелы небесные! — пробормотал он.

Некоторое время мысли жужжали в его голове, словно рой потревоженных пчел. Наконец он достаточно овладел собой, чтобы спросить:

— А сколько лет мадам Амонет?

— Много, — ответил Эмиль.

— Очень?

— Очень.

— А тебе сколько лет?

— Не знаю.

— Понятно. — Голеску не шевелился и все глядел на Эмиля. — Вот потому-то она и не хочет привлекать к тебе внимания. Ты ее философский камень, ее источник живой воды. Да? Но если дело в этом… — Вздрогнув, он поднялся. — Нет, это безумие. Ты, Голеску, слишком много времени провел на сцене. Наверное, она просто чем-то больна, в этом-то и дело, и ей нужно лекарство, чтобы поддерживать здоровье. Ух! Остается надеяться, что это незаразно. Она больна, малютка Эмил?

— Нет, — сказал Эмиль.

— Нет? Ладно. Голеску, друг мой, не забывай, что беседуешь с идиотом.

Однако воображение его никак не унималось, пока он заметал следы куриной аферы и потом весь тот долгий день до самого вечера. Несколько раз до него доносился топот копыт: кто-то скакал мимо — может быть, искал доктора Кретулеску?

Когда на землю опустились первые сумеречные тени, Голеску выбрался наружу и разжег костер. Сидя у огня, он услышал, как по дороге едет повозка, а минуту спустя — треск веток, который означал, что повозка свернула и направляется на поляну. Голеску изобразил на лице гримасу, которая, как он надеялся, должна была сойти за невинность, собачью преданность и терпение, и быстренько повернул над костром сковороду с колбасой и хлебом.

— С возвращением, моя королева! — крикнул он, едва завидев Амонет. — Видите? Я не только не сбежал с Эмилем в картежный притон, но и приготовил вам славный ужин. Садитесь перекусите. Я займусь лошадьми.

Амонет подозрительно оглядела его, однако из повозки вылезла и к огню подошла.

— Где Эмиль? — грозно спросила она.

— Лежит себе в своем ящичке, где ж ему еще быть? — ответил Голеску, уступая ей место.

Снова увидев ее вблизи, он почувствовал холодок разочарования: Амонет выглядела усталой и раздраженной и была совсем не похожа на бессмертную, отведавшую таинственного нектара. Голеску оставил ее у костра и пошел поить лошадей. И лишь когда он вернулся и устроился напротив нее, в нем шевельнулось плотское желание.

— Полагаю, весь тот хлам, что хранился в повозке, теперь спрятан в надежном тайнике? — вежливо поинтересовался он.

— Можно сказать и так, — невесело усмехнулась Амонет. —

Пока задняя повозка целиком в вашем распоряжении.

— Мы получили хорошие денежки?

Амонет только пожала плечами.

Голеску улыбнулся про себя, отметив, что кошелька при ней нет Он продолжал болтать с обезоруживающей непринужденностью, покуда Амонет не заявила, что идет спать. От всей души пожелав ей спокойной ночи и воздержавшись при этом от всякого рода намеков, Голеску проследил, как она забирается в повозку, — как всегда, вид Амонет сзади его совершенно покорил, — и, подождав несколько минут, зажег фонарь и поспешил ко второй повозке.

Оказавшись внутри, Голеску повыше поднял фонарь и огляделся.

— Блистательное отсутствие, — удовлетворенно заметил он.

Ни коврика, ни картины, ни серебряной ложечки. Так и должно быть. Но…

— Где же деньги? — вслух поинтересовался Голеску. — Ну же, выходи, кованая шкатулочка. Сюда-сюда, тяжеленький кошелечек. Она наверняка сбыла товару на целое состояние. Ну-ка…

Голеску принялся обшаривать все шкафы и сундуки, поначалу поспешно, потом внимательнее, выстукивая стены в поисках тайников и проверяя, нет ли у ящиков второго дна. Через полчаса он был обескуражен и готов застонать от досады.

— Но где-то же они должны быть! — воскликнул он. — Если, конечно, сумма не столь ничтожна, что Амонет прячет свою убогую долю за корсажем!

Ворча себе под нос, он вышел наружу и засыпал костер. Затем вытащил из кустов свой саквояж с деньгами и новую одежду, в том числе дневной наряд Эмиля. Перепрятав все это в шкафчик в повозке, Голеску растянулся на полу и крепко задумался.

— А я ведь уже видел такие унылые надутые лица, — провозгласил он в темноту. — Отчаявшиеся. Вялые. Обиженные. Может, она и больна, но так выглядят шлюхи, которых заставляют работать сутки напролет, а потом обирают до нитки. Так вот… Так вот, может быть, она жертва какого-то воротилы? Преступного гения, у которого повсюду воры, перекупщики и посредники, а весь навар стекается к нему? Что если он сидит на вершине золотой пирамиды, собирая дань с мелких жуликов по всей земле? Какая славная мысль!

Голеску рывком сел и сжал кулаки.

* * *

Ночью его снова разбудило пение Амонет. Ее голос был словно уголек, что медленно тлеет в костре, словно завиток дыма, который поднимается над пеплом, когда умирает пламя. От него разрывалось сердце и в то же время бросало в дрожь.

* * *

Они покатили дальше. Горы по-прежнему маячили впереди, но, к облегчению Голеску, долина его подвигов осталась далеко позади. За продажу слабого раствора желтой краски никого еще не вешали, но за непростительную удачу кое-кого случалось и повесить; так или иначе, Голеску предпочитал держаться на приличном расстоянии от любого непредсказуемого результата своей деятельности.

Горы наконец приблизились — и были без труда преодолены, поскольку Амонет провела повозки какой-то тайной тропой, судя по всему, хорошо ей известной. На второй день к обеду они приехали в довольно большой город в предгорьях — с роскошными домами и собором с куполом.

Скоро здесь должна была начаться ярмарка — ее устраивали на просторной площади, где гулял ветер, гоняя по булыжной мостовой желтые листья. Голеску попробовал было дать несколько своих обычных дельных советов касательно предприятия Амонет, но внимания не снискал. Покорившись судьбе, он встал в очередь за разрешениями вместе с другими ярмарочными торговцами, которых уже начал узнавать в лицо. Однако они тоже отвергли всяческие его попытки завязать разговор. Чиновник, выдававший разрешения, был груб и бестолков.

Когда опустились сумерки и ярмарка ожила — зажглись яркие газовые фонари, заиграла каллиопа,[35] — Голеску был не в лучшем настроении.

— Ну вылезай, бледная немочь, — проворчал он, вытаскивая Эмиля из повозки. — От чего ты тут прячешься?

— Очень ярко, — всхлипнул Эмиль, крепко зажмурившись и норовя укрыться у Голеску под сюртуком.

— Мальчик мой, мы в крупном современном городе, — сообщил Голеску, рассекая толпу и безжалостно волоча Эмиля за собой, — Это газовое освещение, чудо цивилизации. Скоро у нас совсем не будет ночи, если, конечно, мы сами не захотим. Только представь себе! Придется тебе жить в погребе. Думаю, тебе понравится.

— Хочу сосиску на палочке, — захныкал Эмиль.

— Терпение, — отозвался Голеску. — Чесаться да жрать стоит только начать. Так что пока почешись, а там, глядишь, и поешь. Да куда же запропастился этот ларек с сосисками?!

Он заметил знакомого торговца и протолкнулся к прилавку.

— Эй! «Венскую» сосиску, пожалуйста. — Голеску протянул монетку.

— Сосиски кончились, — ответил торговец. — Есть сармале[36] с мамалыгой и токитура[37] с мамалыгой. Выбирайте.

У Голеску потекли слюнки.

— Сармале и побольше мамалыги.

Он взял бумажный кулек и, отыскав относительно тихое местечко, устроился на груде сена.

— Эмиль, дорогой, присаживайся и кушай. Мамалыгу тебе а острое сармале мне. Договорились?

Эмиль приоткрыл глаза ровно на столько, чтобы успеть рассмотреть блюдо.

— Я не могу это есть. Тут соус.

— Но ведь совсем чуть-чуть! — Голеску покопался среди голубцов и вытащил наружу ком мамалыги. — Гляди! Объедение!

Эмиль засопел:

— Не хочу. Хочу сосиску.

— Да это же сосиска и есть, только в виноградных листьях, а не в свиных кишках! — Голеску взял голубец. — Мм, вкуснятина!

Но Эмиль отказался даже пробовать. Голеску вздохнул, жадно умял сармале с мамалыгой и вытер руки о плащ Эмиля. Потом, волоча беднягу за собой, он прочесал всю ярмарочную площадь, но «венских» сосисок никто не продавал. Единственным, что Эмиль согласился есть, была сахарная вата, так что Голеску купил ему пять больших мотков. Эмиль забился под повозку и слопал все, а Голеску глядел на него, притопывая, прихлопывая в надежде хоть чуточку согреться. Холодный ветер продувал его насквозь, унося последние капли приятной теплоты, оставшейся после переперченного сармале.

— Разве это жизнь для мужчины в самом соку?! — возмущался он. — Мне нужны вино, женщины и танцы, вот что мне нужно, и где все это? Смешно даже! Нянчу тут капризного гнома, а сладостная царица моих грез даже не подозревает, что я живу на свете! Да если бы у меня была хоть капля самоуважения, я бы ворвался сейчас в повозку и показал ей, что почем!

Во рту Эмиля исчезло последнее волоконце сахарной ваты. Он рыгнул.

— А она меня, конечно, за это отделает, — заключил Голеску. — Под орех. Пальцы у нее стальные. И вот это-то меня и восхищает. Ах, Эмиль, разве это не ужасно? Очередной шаг по

длинной дороге моего падения.

Эмиль снова рыгнул.

Тянулись холодные часы. Эмиль улегся на бок и стал тихонько подвывать. Ярмарочная суматоха улеглась, огни один за другим гасли, карусель замедлила ход и, описав заключительный круг, замерла, а Эмиль заскулил громче. Из повозки вышла последняя клиентка; в следующий миг дверь распахнулась, и на пороге появилась Амонет. Она крутила головой, пытаясь определить, откуда доносится писк. Взгляд ее упал на Эмиля, распростертого под кибиткой, и Амонет набросилась на Голеску:

— Что вы с ним сделали?

— Ничего! — Голеску попятился. — Его сиятельство репка не пожелали кушать ничего, кроме сахарной ваты, а теперь, похоже, сожалеют об этом…

— Кретин! — бросила Амонет.

Она вытащила Эмиля из груды соломы и бумажных кульков. Несчастного вырвало розовым сиропом.

— Хочу картошку, — заявил он.

Амонет наградила Голеску взглядом, от которого сердце у него екнуло, но он овладел собой и предложил вполне непринужденно:

— Давайте сходим куда-нибудь пообедать. Хотите? Я угощаю.

— Время к полуночи, вы, осел! — зашипела Амонет.

— Кафе еще открыто, — произнес Голеску, указывая на ярко освещенное заведение на краю площади.

Амонет взглянула на него. Помедлив, она пожала плечами.

— Поднимите его, — велела она.

Голеску ухватил Эмиля за шиворот и поставил на ноги:

— Твоя картошка ждет не дождется, привереда. Поспешим на зов.

Эмиль взял его за руку, и они вместе зашагали через площадь. Амонет скользила следом.

Они сели за столик у двери. Несмотря на поздний час, в кафе было полно посетителей в вечерних туалетах — с виду вполне ярких и космополитичных. Отовсюду доносилась их болтовня, металлическим эхом отражающаяся от стен. Амонет удостоила толпу одним угрюмым взглядом и больше не обращала на нее ни малейшего внимания. Однако она стянула с плеч черную шаль и набросила ее на голову Эмилю. Тот сидел, словно безропотное привидение, окутанное черной пеленой, и был, судя по всему, полностью доволен.

— Вы закрываете его, потому что?.. — начал Голеску.

— Лучше, если его никто не увидит, — отозвалась Амонет.

— Чего изволит почтенное семейство? — поинтересовался

официант, возникший у локтя Голеску столь бесшумно и стремительно, словно выскочил из подпола.

Издерганный Голеску подпрыгнул на стуле. У официанта были большие глаза, блестящие, будто стекло, и застывшая улыбка под прямыми усиками, похожими на полоску черного меха.

— Вы еще подаете что-нибудь существенное? — спросил Голеску.

Улыбка официанта не дрогнула; он извлек из воздуха меню и грациозно раскрыл его перед посетителями.

— Carte de nuit,[38] прошу. Особенно рекомендуем кровяную колбасу. Вино закажете?

— Принесите все самое лучшее! — величественно приказал Голеску.

Официант поклонился и исчез.

— Тут написано, что суп чернина[39] у них божественный, — объявил Голеску, изучая меню, — Ха-ха, а он подумал, будто мы семья Прелестно, правда? Вы — Матушка Гадалка, а я…

— Папаша Врун, — зевнула Амонет.

— Принимаю за комплимент, — сказал Голеску. — Ну и ну, здесь есть французская кухня: Boudin noir. А для посетителя с отменным аппетитом — Blutwurst.[40] А чего вы так боитесь, мадам? Кто может узнать нашего крошку-гения? Ведь он не наследник престола, которого вы украли из колыбели?

Амонет вскинула на него злобный взгляд. Голеску испуганно выпрямился.

— Вы шутите! — воскликнул он. — А впрочем… Бог его знает, у него достаточно признаков вырождения, чтобы оправдать самую голубую кровь…

Рядом материализовался официант, ловко откупоривая запыленную бутылку.

— Очень старое вино, — сообщил он, демонстрируя этикетку.

— «Эгри Бикавер», — прочитал Голеску, — Хорошо. У вас есть «венские» сосиски? Наш маленький принц ничего больше не ест.

— Хочу картошку, — донесся из-под черной шали голос Эмиля.

— Посмотрим, что можно сделать, — сказал официант и глазом не моргнув, но улыбка под жуткими усами стала чуть шире, — Мадам?

Амонет произнесла что-то на неизвестном Голеску языке. Официант пугающе хохотнул и сделал запись в блокноте, который возник как-то из ниоткуда.

— Прекрасный выбор. Господин?

— Blutwurst. Я посетитель с отменным аппетитом, — сказал Голеску.

— Конечно, — кивнул официант и испарился.

Голеску подался вперед и зашептал:

— Неужели вы действительно украли его из…

— Ой, гляди, цыганка! — закричала молодая женщина.

К столику подскочила влюбленная парочка, вышедшая проветриться на ночь глядя. Молодой человек нагнулся к Амонет из прохода и спросил:

— Эй, цыганка, что нас ждет? Будем ли мы любить друг друга до гроба?

— Вам осталось жить три дня, — мрачно произнесла Амонет.

Девица ойкнула, парень побледнел и ругнулся вполголоса. Они исчезли в ночи.

— Зачем вы сказали им такое? — потрясенно спросил Голеску.

Амонет пожала плечами и налила себе вина.

— А зачем мне лгать? Три дня, три часа, три десятилетия. За ними все равно приходит Смерть. Я им всем это говорю. А почему бы и нет?

— Неудивительно, что дела у вас идут так вяло! — заметил Голеску. — От вас же ждут хороших предсказаний!

— А зачем мне лгать? — повторила Амонет.

Голеску ошарашенно потеребил усы.

— Почему вы так говорите? — промолвил он наконец. — Зачем вы притворяетесь, будто ничего не чувствуете? Ведь вы же любите маленького Эмиля, правда?

— Я люблю Эмиля?! — изумленно переспросила она, а затем ядовито улыбнулась. — Да разве можно любить такую тварь? Все равно что вас.

У стойки, словно подчеркивая презрительную реплику Амонет, взвизгнула какая-то женщина.

Голеску отвернулся. И тут же принялся залечивать уязвленное самолюбие, под другим углом рассматривая ее слова, выражение лица и тон, так что к тому моменту, когда официант вернулся с подносом, ему практически удалось переписать всю сцену, превратив ее чуть ли не в трогательное объяснение.

— А вот что у нас для милого юноши, — провозгласил официант, поднимая крышку с блюда. — «Сосиски по-венски», жаренные на вертеле!

На блюде высилось искусное сооружение из «венских» сосисок на деревянных шпажках, воткнутых в Целый курган картофельного пюре.

— Ну разве не прелесть? — спросил Голеску. — Эмиль, скажи

дяденьке «спасибо».

Эмиль ничего не ответил, но потянулся к тарелке.

— Он говорит «большое спасибо», — пояснил Голеску, когда из-под шали донеслось чавканье.

Перед Амонет официант поставил тарелку с обжаренными кусками какого-то животного, почерневшими до полной анонимности.

— Мадам… господин, — продолжал официант, ставя блюдо перед Голеску.

Тот вздрогнул и заморгал: на какой-то миг ему показалось, что *Blutwurst* пульсирует и корчится, а тушеные баклажаны с жареным луком копошатся, словно черви. Голеску твердо сказал себе, что все это игра света или результат усталости.

— Обязательно приберегите местечко для десерта, — посоветовал официант.

— Вам тоже осталось жить три дня, — сказала ему Амонет.

Официант от души рассмеялся.

* * *

Они отправились на следующую ярмарку и два дня спустя приблизились к окраинам очередного городка. Там Амонет свернула с дороги на пустырь и, вытащив из-за пазухи небольшой кошелек, вручила его Голеску.

— Идите купите провизии, — приказала она, — Мы будем ждать здесь.

Голеску хмуро глянул на кошелек и потряс им возле уха.

— Негусто, — отметил он. — Но это ничего, мое сокровище. Теперь у вас есть мужчина-добытчик.

— Купите картошки, — велела ему Амонет.

— Конечно, мой самоцвет, — ответил он и с улыбкой спрыгнул на землю.

После чего послушно двинулся в город.

— Не то чтобы она бессердечна, — говорил он себе. — Просто за ней надо как следует поухаживать, вот и все. С ней никто и никогда не обращался по-доброму. Пора, Голеску, забросить ведро в колодец твоего обаяния.

Первым делом он отправился на поиски бани. Разыскав ее и уплатив мрачному турку у дверей, он вошел, разоблачился и покорно претерпел пытки кипятком, паром, мочалкой, массажем и, наконец, бритвой. Однако от померанцевой воды он отказался, предпочитая сохранить естественный мужской запах, и ограничился тем, что спросил дорогу к рыночной площади.

Покинув ее час спустя, он действительно нес мешок картошки. Еще Голеску приобрел лук, муку, масло, колбасу, бутылку шампанского, коробку австрийского шоколада и букет хризантем.

Он был вознагражден лицезрением того, как округлились у Амонет глаза при его появлении.

— Что это? — спросила она.

— Это вам, — ответил он и сунул цветы ей в руки.

Голеску еще не доводилось видеть Амонет ошарашенной. Она взяла цветы с некоторой опаской. Вид у нее был до странности смущенный.

— И что полагается с ними сделать? — поинтересовалась она.

— Наверное, поставить в воду? — отозвался Голеску и стал выгружать остальные покупки, с усмешкой поглядывая на Амонет.

* * *

Тем вечером, когда они остановились на ночлег на поляне, которая имела не такой зловещий вид, как обычно, и была не так сильно завешана паутиной, и когда по небу протянулась белая полоса звезд, Голеску направился в повозку за подарками. Хризантемы совсем увяли, хотя и были втиснуты в кувшин с водой, но шоколад и шампанское уцелели, поскольку до сих пор хранились на дне мешка. Напевая себе под нос, Голеску притащил их к костру вместе с парой помятых оловянных кружек.

Амонет смотрела в огонь, по всей видимости погрузившись в сумрачные размышления. Хлопка пробки она не заметила, хотя Эмиль, сидевший рядом с ней, дернулся и подпрыгнул. Однако стоило Голеску поставить на землю коробку конфет, как Амонет резко повернулась.

— Откуда это у вас? — сурово спросила она.

— Мне их принесла малютка-фея с золотыми крылышками, — ответил Голеску. — Из кошелька с двадцатью тысячами леев, осмелюсь добавить, так что не нужно на меня так рычать. Хотите конфетку, моя королева? С вишневым ликером? Или с засахаренным имбирем?

Амонет довольно долго глядела на коробку, не моргая, а затем протянула к ней руку.

— Вреда от них не будет, — сказала она тихо, — Почему бы и нет?

— Верно говорите, — кивнул Голеску, разливая шампанское. — Полезно доставлять себе маленькие радости

время от времени, вы согласны? Особенно когда есть деньги.

Амонет не ответила, жадно открывая коробку. Когда Голеску вручил ей кружку, до краев наполненную шампанским, Амонет взяла ее не глядя, осушила, словно это была всего-навсего вода, и отдала обратно.

— Как лихо! — заметил Голеску, ощутив, как в теле шевельнулась искорка надежды.

Он налил Амонет еще. Между тем она открыла наконец коробку и склонилась над конфетами, упиваясь их ароматом, как будто это аравийские благовония.

— О-о-о! — застонала она и стала шарить в коробке.

Вытащив три сливочные помадки, она некоторое время созерцала их затуманенным взором, а потом стиснула кулак, смяв конфеты, словно виноградины. Зажмурясь, она принялась слизывать с руки сладкую массу — медленно, экстатически всхлипывая.

Голеску ошеломленно глядел на нее и, забывшись, даже пролил шампанское себе на колени. Амонет ничего не замечала.

— Я и не знал, что вы так любите шоколад, — проговорил он.

— Да откуда вам знать? — с набитым ртом отозвалась Амонет.

Она подняла коробку и снова втянула в себя аромат, а потом высунула язык и подцепила глазированный орешек прямо из бумажной чашечки.

— Метко, — оценил Голеску.

Они сидели рядом на бревне, и он придвинулся чуть ближе и опять предложил Амонет шампанского. Судя по всему, она его просто не заметила, полностью сосредоточившись на пережевывании орешка.

— Пейте еще, а то газ выдохнется. Улетучится, как юность или мечты, понимаете?

К изумлению Голеску, Амонет запрокинула голову и расхохоталась. Это был вовсе не сухой и короткий смех, которым прежде она выражала свое презрение. Это был настоящий хохот — гортанный, раскатистый, гулкий и такой страшный, что Эмиль взвизгнул и закрыл голову руками, и даже пламя костра померкло и спряталось между угольев. Смех эхом отозвался в ночном лесу, который разом потемнел и стал куда более грозным.

Сердце Голеску забилось быстрее. Когда Амонет выхватила у него кружку и снова залпом выпила все до дна, он облизнул губы и отважился:

— Пусть пенная волна смоет все наши заботы, да? Любезная моя госпожа, давайте будем добры друг к другу. Вам нужен человек, который снимет бремя с этих бедных хрупких плеч.

Голеску здесь!

Это вызвало у Амонет новый взрыв хохота, который перешел в урчание, когда она, отшвырнув кружку, вытащила из коробки очередную горсть конфет и запихнула их себе в рот вместе с обертками.

Не веря своему счастью («всего бутылка шампанского, и она превратилась в бесстыдную вакханку!»), Голеску придвинулся еще ближе.

— Ну же, — пропыхтел он. — Расскажи мне о себе, моя нильская лилия.

Амонет лишь искоса взглянула на него и хихикнула, пережевывая шоколад. В ее глазах появился странный отсвет — словно они сильнее, чем раньше, отражали огонь. Голеску это слегка испугало, но…

Наконец она проглотила шоколад, взяла у Голеску бутылку и хорошенько к ней приложилась.

— Ха! — Она плюнула в костер, отчего пламя так и взвилось. — Хочешь услышать мою историю? Так слушай, толстяк.

Тысячи тысяч лет назад была на свете узкая полоска зеленой земли вдоль реки. Позади простиралась пустыня, полная демонов и шакалов. Но мужчина и женщина все время твердили мне, что, если я не стану выходить из дома ночью и буду хорошей девочкой, со мной ничего не случится. А если я всегда буду очень хорошей девочкой, то никогда не умру. Я спущусь к реке, и приплывет человек на тростниковой лодке и заберет меня на Солнце, и я стану жить вечно.

Однажды из пустыни пришли Тощие. Они долго голодали, потому что считали, будто боги сотворили людей для этого. И, увидев наши зеленые поля, они сказали, что мы Скверна. Они прискакали к нам и убили, скольких смогли. Мы были сильнее и убили их всех, потом бросили их тела в реку — и никакие лодки за ними не приплыли! И вот тогда я и увидела Его и испугалась.

— А кого это Его, моя жемчужина? — спросил Голеску.

— Смерть, — ответила Амонет, и отсветы огня плясали на ее лице. — Великого Властелина с длинными рядами белоснежных зубов. Чешуя Его сверкала при луне. Он шествовал, не отбрасывая тени. Я никогда не видела лодок, которые приплывали за хорошими детьми и увозили их на Небеса; но Его могущество я видела. Поэтому я набрала на берегу глины и слепила Его подобие, и поклонялась ему, и кормила его мышами, птицами, любой живностью, которую удавалось поймать и убить. «Бери, бери, — говорила я. — Только не меня. Ведь Ты так велик!»

Через три луны из пустыни снова прискакали всадники.

Опять была война, опять была пища для Него, и я поняла, что на самом деле миром правит Он.

Наши соплеменники говорили: «Здесь оставаться нельзя. Пахать эти поля опасно». И многие бросили поля и ушли на север. Но мужчина и женщина ждали слишком долго. Они хотели взять все наши пожитки, каждую миску и тарелку в доме, и женщина нашла глиняного идола. Она высекла меня и заявила, что я злая. И разбила идола.

И Он наказал ее за это. Когда мы бежали по тропе вдоль реки, на помощь нам не пришел никакой Владыка Солнца — только всадники из пустыни нагнали нас и растоптали мужчину и женщину.

Я им не помогала. Я все бежала и бежала вдоль реки и молила Его, чтобы Он спас меня.

Амонет перешла на шепот. Ее голос звучал очень молодо, почти по-человечески.

Голеску испытывал разочарование. Это было вовсе не то таинственное прошлое, которое он ей сочинил, — обычная печальная история. Жалкая межплеменная свара возле какой-то речушки. Никакой смуглокожей принцессы, никакой дочери фараона в изгнании. Просто беженка, как те носатые узколицые женщины, которых он видел на больших дорогах: они брели, толкая перед собой тачки с тем, что сумели уберечь от пожара войны.

— Это было в Египте, да? А как тебе удалось спастись? — расспрашивал Голеску, пытаясь между тем положить руку ей на талию.

Но звук его голоса, казалось, разрушил какие-то чары. Амонет обернулась и посмотрела на него, растянув губы в многозубой улыбке, полной черного глумления. От этой улыбки Голеску почувствовал себя маленьким и беззащитным.

— Так вот, из низовий реки приплыла сверкающая лодка, — продолжала Амонет. — И в ней сидел Владыка Солнца, и Он протянул мне руку и взял меня. Он прибыл не за мужчиной и женщиной, которые были хорошими, Он прибыл за мной, которая никогда в Него не верила. Так я поняла, что мир насквозь лжив, хотя и поплыла с Владыкой и слушала Его басни о том, как прекрасно мне будет на Небесах.

И вот, толстяк, вышло так, что я не зря подозревала Солнце. За вечную жизнь я заплатила тем, что стала на Небесах рабыней. За то, что я трусливо бежала от Смерти, меня наказали укусами священных змей. Меня кусали каждый день, и через пятнадцать лет во мне накопилось столько яда, что уже ничего не было страшно. А к концу тысячелетия я так устала от рабской доли, что

снова стала молиться Ему.

Я вышла к реке при свете луны, и разорвала одежды, и обнажила перед Ним грудь, я преклонила колена и стала молить Его прийти и забрать меня. Я выла и целовала грязь. Как я жаждала Его белоснежных зубов!

Но Он не явился за мной.

А Владыка Солнца отправил меня странствовать по свету, вести дела с ворами и убийцами, предсказывать будущее глупым смертным. — Амонет отхлебнула еще шампанского. — Потому как оказалось, что Владыка Солнца на самом деле и есть сам Черт. Без рогов и без хвоста, конечно; лицом Он похож на красавца священника. Но это Он, лукавый.

А я так устала, толстяк, так устала на Него работать. Ничего не меняется, все неважно. Солнце встает каждый день, а я открываю глаза и ненавижу солнце за то, что оно встает, и ненавижу колеса, которые вертятся, и лошадей, которые тащат повозки вперед. А больше всех я ненавижу Его: ведь Он владеет целым миром, а мне отказывает в Своих объятиях.

И она умолкла, поверх костра уставившись в ночную тьму.

Голеску не сразу сообразил, что рассказ закончился, он слишком увлекся, представляя себе, как Амонет бежит по берегу Нила с обнаженной грудью. Однако Голеску встряхнулся, собрался с мыслями, поместил всю историю в рубрику «Затейливая метафора» и попытался вернуться к делам реального мира.

— Так вот что касается Черта, моя сладкая, и всех тех воров и убийц, — сказал он, когда Амонет запихнула в рот еще горсть шоколадных конфет, — что приносят тебе краденый товар. Ты сбываешь его Черту?

Амонет не ответила — она жевала и глядела в огонь.

— Что будет, если ты не довезешь товар до Него? — допытывался Голеску. — К примеру, спрячешь где-нибудь и продашь сама?

— Зачем? — отозвалась Амонет.

— Чтобы разбогатеть! — воскликнул Голеску, начиная жалеть, что так сильно накачал ее шампанским. — Чтобы не жить в нищете и несчастии!

Амонет снова расхохоталась — словно трескающийся лед.

— Деньги ничего не меняют, — сказала она. — Ни для меня, ни для тебя.

— А где он живет, этот твой метафорический Черт? — спросил Голеску. — В Бухаресте? В Кронштадте?[41] Хочешь, я поговорю с ним от твоего имени, а? Немножко припугну? Подниму вопрос о пересмотре условий контракта? Я это умею,

моя сладкая. Почему бы мне не поговорить с ним как мужчине с мужчиной?

Это вызвало у Амонет такой взрыв жуткого смеха, что она даже уронила коробку.

— И почему бы нам с тобой не извлечь настоящую выгоду из талантов нашего драгоценного крошки Эмиля? — продолжал Голеску. — Какие-нибудь фокусы с цифрами, а? И можно открыть побочное производство любовных напитков, средств от облысения. Мне тут одна птичка напела, что так можно заработать целое состояние, — добавил он с хитрой ухмылкой.

Смех Амонет оборвался. Верхняя губа поднялась, обнажив зубы.

— Я тебе сказала — нет. Эмиль — тайна.

— И от кого же, мадам, мы его прячем? — поинтересовался Голеску.

Амонет только покачала головой. Потом пошарила в пыли, отыскала коробку и вытащила из нее последние конфетки.

— Он найдет, — пробормотала она, ни к кому не обращаясь. — И заберет его у меня. Несправедливо. Его нашла я. Жалкий недоумок — рыщет под холмами. Высматривает ведьмины круги. Поверил в сказки! А надо было все это время искать в лечебницах! Враг говорит: вот, смотрите, мадам, у нас есть маленький гений, который считает себя упырем. И я его увидела — и сразу узнала: большие глаза, большая голова, и я поняла, чья кровь течет в его жилах. Священный грааль Эгея, но нашла его я. С какой стати мне его отдавать? Если уж кто-то и может отыскать лазейку, так это он…

«Опять эти чертовы метафоры», — подумал Голеску.

— Кто такой Эгей? — спросил он, — Это настоящее имя твоего Черта?

— Ха! Он, конечно, спит и видит… меньшее из двух дьяволов… — Дальше она залопотала что-то невразумительное.

Хотя нет — прислушавшись, Голеску уловил слоги, которые шипели и скользили, слагаясь в слова неведомого наречия.

«Еще чуть-чуть — и она просто свалится!» — осенило Голеску.

— Пойдем, моя прелестница, уже поздно, — проворковал он своим самым соблазнительным голосом. — Пора в постельку.

Он притянул Амонет поближе, на ощупь выискивая ходы в ее одежде.

И вдруг оказалось, что он лежит на спине, а над ним парит призрак. Пламенные очи и клыки, черная тень — то ли плащ, то ли крылья, смертоносные когти, занесенные для удара. Он еще успел услышать пронзительный вопль, а потом раздался взрыв, и

бархатная чернота разлетелась искрами.

* * *

Открыв глаза, Голеску увидел предрассветную мглу, тусклую синеву, уже лишенную звезд. Он сел, морщась от боли. Одежда вымокла от росы, в голове гудело, и он никак не мог сфокусировать взгляд.

От остывшего кострища поднималась тонкая струйка дыма. Эмиль смирно сидел на том же месте, что и ночью. Он глядел на восток и тихонько скулил, лицо у него застыло от ужаса.

— О Господи и все Твои ангелочки, — простонал Голеску, ощупывая голову. — А что ночью-то было, а?

Эмиль не ответил. Голеску покопался в сумеречных закоулках памяти, которая, учитывая контузию, была не в лучшем состоянии. Он заключил, что попытка соблазнения в целом удалась. Впрочем, как наглядно показывала шишка на лбу, что-то все-таки пошло не так, однако…

Эмиль заплакал, заламывая руки.

— Да что с тобой? — раздраженно спросил Голеску, перекатываясь на живот и поднимаясь на четвереньки.

— Солнце, — хныкал Эмиль, не отрывая взгляда от зарева на горизонте.

— А ты нынче без защитного костюма, да? — проворчал Голеску, осторожно вставая. Он скривился и схватился за голову. — Скажи мне, миниатюрный бессмертный, улыбнулась ли мне удача прошлой ночью? И имеешь ли ты представление, куда подевалась наша черная мадам?

Эмиль только всхлипнул и закрыл лицо руками.

— Ладно, ладно, идем, я положу тебя в твой уютный теплый гробик, — сказал Голеску, отряхивая одежду. — Пошли!

Эмиль торопливо подбежал к нему. Голеску открыл дверь повозки, и бедняга, бросившись внутрь, мгновенно исчез в ящике под койкой Амонет. Дверцу он захлопнул за собой с грохотом. Груда тряпья на койке шевельнулась. Амонет рывком села и уставилась на Голеску.

Взгляды их встретились. «Она тоже не помнит, что было ночью!» — подумал Голеску, и его охватило такое ликование, что мозг забился, словно сердце.

— С вашего позволения, мадам, — произнес он лишь с легкой тенью сожаления. — Я просто укладывал крошку Эмиля в постельку. Вы оставили его на улице, и он сидел там всю ночь.

Он поднял руку, чтобы снять шляпу, но ее не оказалось на

месте.

— Вон! — приказала Амонет.

— Сию секунду, мадам, — ответил Голеску и ретировался со всем достоинством, на которое только был способен.

Он закрыл дверь и заметил свою шляпу — она висела на терновом кусту в добрых десяти футах от места, где Голеску лежал.

— Да, должно быть, славно провели время, — сказал он себе, начиная ухмыляться. — Ах, Барбу, старый ты греховодник!

И хотя голова у него болела так, словно намеревалась вот-вот треснуть, он улыбался все время, пока собирал хворост и разводил костер.

* * *

Во время ярмарок на перекрестках больших дорог и в дни почитания святых они ставили свои черные повозки рядом с пестрыми. Амонет предсказывала будущее. Задняя кибитка понемногу снова наполнялась краденым товаром, так что Голеску спал на скатанных коврах и гобеленах, а святые с икон пристально наблюдали за его сном. Вид у них был перепуганный.

О той ночи у костра Амонет не заговаривала. И тем не менее Голеску воображал, будто ее обращение с ним изменилось, отчего самомнение его росло: он замечал странное беспокойство в ее глазах, замешательство, которое в человеке менее суровом сошло бы за смущение.

— Она мечтает обо мне, — заявил он однажды вечером Эмилю, поправляя костер. — На что спорим? Она жаждет меня, но гордость не позволяет ей сдаться!

Эмиль ничего не ответил — лишь глядел, как закипает вода для его вечерней картошки.

Из повозки показалась Амонет. Она подошла к Голеску и швырнула ему клочок бумаги.

— Завтра приезжаем в Кронштадт, — сказала она. — Пойдете в город. Купите все по списку.

— А где прикажете все это искать? — заныл Голеску, изучая бумагу. — В алхимической лаборатории? Про половину я вообще не знаю, что это такое. Кроме, конечно… — Он посмотрел на Амонет снизу вверх, пытаясь скрыть улыбку. — Шоколаду желаете? А какого? Со сливочной помадкой? С коньяком? Грильяж?

— Нет, — ответила Амонет, поворачиваясь к нему спиной. — Мне нужна плитка простого горького шоколада. Найдите

кондитера, договоритесь, чтобы продал из своих запасов.

— Хе-хе-хе, — со значением произнес Голеску, но Амонет не обратила на него внимания.

* * *

Хотя Кронштадт был крупным городком, разросшимся за пределы стен средневековой крепости, Голеску понадобилось три ходки в три разные лавки, чтобы раздобыть из списка все кроме шоколада. Да и за шоколадом он охотился битый час, и ему понадобилось все имеющееся коварство и терпение, чтобы уговорить помощника кондитера продать ему плитку простого горького.

— Можно подумать, я военную тайну выпытывал, — ворчал себе под нос Голеску, плетясь прочь с ароматной плиткой весом полфунта, завернутой в вощеную бумажку. — Пфуй! Голеску, непростительное расточительство тратить талант на подобные глупости! Кто ты такой, мальчик на побегушках, что ли?

Вернувшись в лагерь за городом, он не получил ничего похожего на благодарность, которую ожидал. Амонет выхватила у него из рук сумку и тут же начала в ней рыться, а он стоял рядом, переминаясь на натруженных ногах. Амонет вытащила шоколад и уставилась на него. Она еле заметно дрожала, и ноздри ее раздувались. Голеску подумал, что от этого она стала до странности похожа на лошадь.

— Я так понимаю, ужина вы мне не приготовили? — поинтересовался он.

Амонет вздрогнула и повернулась к нему с таким выражением лица, словно он попросил у нее жареного младенца под соусом из каперсов.[42]

— Нет! Возвращайтесь в Кронштадт. Купите себе что-нибудь в трактире. И вообще заночуйте там. Я не хочу видеть вас два дня, понятно? Возвращайтесь на третий день на рассвете.

— Ясно, — оскорбленно буркнул Голеску. — Но в таком случае я должен забрать свои вещи и сбережения, не так ли? Не то что я вам не доверяю, конечно, но…

В ответ Амонет лишь повернулась и исчезла в повозке, прижимая сумку к груди.

Однако, когда Голеску собрал узелок и зашагал прочь, на душе у него потеплело. Деньги, смена одежды и полное отсутствие интереса полиции!

Он не особенно беспокоился, что в его отсутствие Амонет решит уехать. У тех, кто кормится на дороге, не так уж много

мест, где можно промышлять, а Голеску был в числе этих людей достаточно долго, чтобы изучить все ярмарки и цирки, которые они объезжали из года в год. Нужно всего-навсего следовать за кибитками, и рано или поздно он снова наткнется на Амонет. Если, конечно, она не оставит кочевую жизнь и не осядет где-нибудь; тогда найти ее будет не легче, чем яйцо в пургу. Или пузырек чернил в угольной яме. Или… подобными похожими непохожестями Голеску развлекался добрую милю.

Вернувшись в Кронштадт в сумерках, Голеску задержался у низкой темной двери. На то, что за ней находится трактир, не было ни малейшего намека, однако оттуда тянулся густой запах вина и браги, который говорил сам за себя, и весьма красноречиво. Голеску пригнулся, вошел и, едва его глаза привыкли к темноте, различил стойку, бочонки, столы в темных углах — все, что и ожидал увидеть.

— Стаканчик шнапсу, любезный, — бросил он понурому трактирщику.

За столиками сидели тихие пьяные, кто-то косился на него с некоторым подозрением, остальным было все равно. Кое-кто, казалось, и вовсе умер, ссутулившись над стаканом. Разговаривали только два погонщика скота у стойки. Голеску бодро улыбнулся ближайшему и, шлепнув по стойке монеткой, понес свой шнапс к свободному столику.

— Везде его обыскались, — сказал в это время один из погонщиков. — Продавал это зелье, из-за которого куры вроде должны были хорошие яйца нести.

— Убили кого? — спросил второй погонщик.

— Да не слыхал вроде, а тех почти всех постреляли…

Голеску как можно тише приподнялся и переставил табуретку так, чтобы сидеть к стойке спиной. Он поднес стакан к губам и, осмотревшись, наткнулся на взгляд человека, затаившегося в темном углу.

— За ваше крепчайшее здоровье, — произнес Голеску и выпил.

— А что это у тебя в узелке? — спросил тот, кто сидел в углу.

— Ах, сударь, мамаша послала меня за хлебушком, — ухмыльнулся Голеску.

Незнакомец поднялся и подошел поближе. Голеску невольно отпрянул. Незнакомец не обратил на это внимания и уселся за его столик.

Это оказался худой старик в потертом и порыжевшем черном сюртуке, застегнутом до самого горла. Незнакомец был лыс, с изможденным восковым лицом, и от него попахивало; но взгляд у него остался устрашающе пронзительным. Глаза сверкали, словно

жемчужины, — белые, как у слепца.

— Ездишь с Вещей египтянкой, да? — спросил старик.

— Это еще кто? — поинтересовался Голеску, опуская стакан на стол.

Старик насмешливо покривился.

— Я знал ее, — ответил он. — Мадам Амонет. Тоже с ней ездил. Видел тебя на ярмарке в Аргезе — ты возле ее повозки ошивался. Говоришь за нее с чиновниками и на посылках бегаешь да? Я за тобой следил.

— Вы перепутали меня с каким-то другим видным мужчиной, — отрезал Голеску.

— Пф! — Старик отмахнулся. — Я тоже на нее работал. У нее всегда есть раб, который повинуется каждому ее слову. Свято место пусто не бывает.

— Друг мой, я никому не повинуюсь, — заявил Голеску, однако ощутил занятный укол ревности. — Она всего лишь бедная слабая женщина, не так ли?

Старик расхохотался. При этом он поскрипывал.

— Скажи, она по-прежнему скупает краденое для Черта?

— А кто Он такой, этот Черт? — спросил Голеску, отодвигаясь и стараясь выглядеть как можно беспечнее.

— Ее хозяин. Я Его видел. Однажды. — Старик рассеянно поднял руку и прихлопнул муху, которая села ему на щеку. — Солдаты разграбили мечеть, утащили большой золотой светильник. Она заплатила наличными. Он был не тяжелый, но, сам понимаешь, неудобный такой. И когда мы подъехали к Тойфельбергу разгружаться, она мне велела помочь ей отнести светильник, чтобы всякие художества не поломать. Вот тогда я Его и увидел, Черта этого. Ждал возле своих длинных повозок. Был похож на богатого саксонца.

— Извините, друг мой, я не понимаю, о чем вы, — сказал Голеску. А потом набрал побольше воздуху и выпалил: — Хотя лично я слышал о главаре воров, который, вероятно, в определенных кругах известен под кличкой Черт. Я прав? Это просто могущественный человек, которому достаточно пальцем пошевелить, и подкупленные чиновники кинутся выполнять его повеления? И богатства стекаются к нему сами собой?

Старик снова заскрипел.

— Думаешь, ты вычислил его? — проговорил он. — И еще думаешь, ему в банде не хватает языкастого парня, да?

Голеску от неожиданности онемел и только глаза вытаращил. Он снова приложился к стакану.

— Вы что, мысли читаете?

— Да я был такой же глупец, — сказал старик и для пущей

убедительности стукнул по столу, хотя стук его руки был не громче, чем от снятой перчатки. — Думал, разбогатею в два счета. А она проложит мне путь наверх. Я и представления не имел, кто она на самом деле.

— А кто она, дедуля? — поинтересовался Голеску, многозначительно подмигнув трактирщику.

Тот вздрогнул и отвел взгляд. Старик, не обратив на это внимания или действительно не заметив, подался вперед и зашептал:

— По белу свету ходят-бродят стригои. Можешь не верить, можешь смеяться, но они и правда существуют! Души им ни к чему. Им подавай красивые вещи. И если где-то война, они вьются кругом, словно мухи, и таскают трофеи. Если в каком-то доме вот-вот случится пожар и ему суждено сгореть дотла, они про это уже знают — заранее принимаются шнырять по улице, а глазища так и сверкают! Дожидаются ночи, чтобы пробраться внутрь и утащить картины, резные украшения, книги, все дорогое и редкое, и успевают до пожара. Иногда и детей уводят. Так вот она из таких. Только она устала и обленилась. Скупает у воров, вместо того чтобы самой потрудиться. А Черту все равно. Забирает, что она Ему приносит, и дело с концом. А она тогда снова начинает ездить по кругу от ярмарки к ярмарке, и даже убийцы крестятся, когда на них падает ее тень, но все равно носят ей красивые штуковины. Так ведь?

— Что вам надо, дедуля? — спросил Голеску.

— Ее тайну! — ответил старик. — Я тебе расскажу, что это, ты его украдешь и принесешь сюда, и мы его разделим. Хочешь вечную молодость, а?

— Было бы славно, — сказал Голеску, — но ее не бывает.

— Тогда ты не знаешь Вещую египтянку! — Старик оскалился, словно череп. — Когда она делала себе Черное Зелье, я всегда подсматривал в щелочку! У нее по-прежнему есть маленький такой футлярчик для мумии, а внутри всякие порошки?

— Да, — кивнул Голеску, которого от изумления одолела правдивость.

— Так вот как она его делает, — продолжал старик. — Кладет чуточку того, щепотку сего, растирает все в ступке, и хотя я подсматривал за ней много лет, но так и не знаю, что именно она туда кладет и по скольку чего нужно. Винный спирт, да, и еще всякие странности — мышьяк и краску! А потом пьет, и плачет, и кричит, будто умирает. Только она не умирает, а, наоборот, живет и живет. Я все глядел да подсматривал, как она живет, и не заметил, что моя-то жизнь прошла! Столько раз мог сбежать от

нее — а все оставался, век растратил зря, потому что думал, будто смогу разгадать ее тайну. А однажды ночью она меня подловила и прокляла. Я сбежал. И много лет прятался. Сейчас она меня уже забыла. Но когда я увидел ее в Аргезе и тебя при ней, я подумал: он мне поможет. Так вот! Выведай, что у нее в этом Черном Зелье, и скажи мне. А я с тобой поделюсь. Будем жить вечно и разбогатеем, как цари.

— Неужели я предам женщину, которую люблю?! — возмутился Голеску. — И я должен поверить подобным россказням просто потому, что…

Старик, пребывающий в состоянии крайнего возбуждения, не сразу осознал смысл слов Голеску. Затем окинул его презрительным взглядом.

— Так ты ее любишь? Вещую египтянку? Значит, я распинался перед полоумным.

Старик резко встал. Голеску примирительно протянул руку.

— Ладно, ладно, дедуля, я же не говорю, что не верю вам, но вы сами понимаете, история-то та еще. Где же доказательства?

— Да пошел ты, — ответил старик, отходя от стола.

— Сколько вы у нее пробыли? — спросил Голеску, приподнимаясь, чтобы последовать за ним.

— Она выкупила меня из сиротского приюта в Тимишоаре, — сказал старик, оборачиваясь со зловещей улыбкой. — Мне было десять лет.

Голеску плюхнулся на табурет, глядя, как старик исчезает в ночи.

Пораскинув мозгами, он одним глотком допил шнапс и вскочил, чтобы догнать старика. Выбежав на улицу, он осмотрелся. Над крышами только что взошла полная луна, и в ее свете все было видно, как днем, хотя тени оставались черными и бездонными. Где-то вдали завыла собака. То есть вой был похож на собачий. А старик как сквозь землю провалился.

Голеску поежился и побрел искать дешевый ночлег.

* * *

Несмотря на дешевизну гостиницы, возможность снова поспать в постели придала Голеску приятное чувство собственной значимости. Наутро, смакуя кофе со сладкими булочками, он воображал себя миллионером на отдыхе. Он давно завел обычай не слишком задумываться над тайнами жизни, даже над такими серьезными и жуткими, и при свете дня сумел без труда низвести давешнего старика до уровня тихого помешанного. Да, конечно, у

Амонет среди соответствующей публики сложилась скверная репутация, но какое до этого дело ему, Голеску?

Он вышел из гостиницы, позвякивая мелочью в кармане, и зашагал по улицам Кронштадта, словно город принадлежал ему.

На площади Совета внимание Голеску привлек дощатый помост, на котором громоздились мешки, ящики и бочки с чем-то несуразным. В них лениво копались человек двадцать горожан.

Все это добро и двоих жалких существ в наручниках охраняли несколько вооруженных полицейских.

Учуяв не самый неприятный на свете аромат чужой беды, Голеску поспешил разузнать, в чем дело.

— Прав ли я, господин, предполагая, что чье-то имущество распродают за долги? — спросил он полицейского.

— Так точно, — ответил тот. — Передвижной оперный театр. Эти два банкрота — бывшие управляющие. Верно говорю? — И он ткнул ближайшего арестанта дубинкой.

— К несчастью, да, — мрачно отозвался второй арестант, — Прошу вас, господин, посмотрите, не привлечет ли что-нибудь вашего благосклонного внимания. Снимите с нас толику долга, и пусть наш пример послужит вам предостережением. Не забывайте, у черта в аду есть особое местечко для казначеев разорившихся передвижных театров.

— Сердце мое обливается кровью, — произнес Голеску и нетерпеливо шагнул на помост.

Он сразу же наткнулся на груду костюмов — все в блестках и перьях. Несколько минут Голеску рылся в них, выискивая что-нибудь элегантное своего размера, однако подошли ему лишь камзол из красного бархата и короткие штаны к нему. Голеску с усмешкой вытащил их на свет и заметил пару красных кожаных туфель с острыми носами, подвешенных за шнурки. Туфли были снабжены биркой с корявой надписью «ФАУСТ».

— Черт, говорите? — пробормотал Голеску.

Глаза у него заблестели — его осенило. Перекинув красный костюм через руку, он стал рыться дальше. В этой постановке «Фауста», судя по всему, участвовала стайка демонов помельче: среди костюмов обнаружилось три-четыре детских, черных, состоявших из трико, чулок и капюшонов с рожками. Голеску отобрал себе тот, который меньше всего поела моль. В соседнем ящике он разыскал чулки и шапочку к своему костюму Мефистофеля. Покопавшись среди менее презентабельного хлама и масок из папье-маше, Голеску нашел лиру с веревочными струнами. Ее он тоже прихватил. Наконец на глаза ему попался бутафорский гроб, примостившийся между двумя расписными щитами декораций. Хихикая себе под нос, Голеску выволок гроб

наружу, сложил в него свои приобретения и подтолкнул по помосту к распорядителю торгов.

— Я это беру, любезный господин, — сказал он.

* * *

Когда Голеску притащил гроб в свой гостиничный номер, бодро насвистывая на ходу, в голове его зародилась идея. Он выложил свои покупки и стал их изучать. Примерив костюм Мефистофеля — сидел он прекрасно, разве что остроносые туфли оказались тесноваты, — Голеску немного повертелся перед единственным в номере зеркальцем для бритья, хотя, чтобы увидеть себя в полный рост, ему пришлось вжаться в противоположную стену.

— Уж против этого она возражать не станет, — сказал он вслух, — Какое великолепие! Какие восхитительные классические обертона! В таком костюме можно играть даже в Вене! А если она и возразит… Голеску, красавчик, ты сумеешь ее уговорить.

Довольный собой, он заказал роскошный обед. За огуречным салатом, флеккеном[43] и вином он сочинял речи такой изысканности, что к концу второй бутылки расстрогался до слез. Наконец он пошатываясь поднялся и поплыл из столовой вверх по лестнице, как раз когда с улицы вошли несколько человек.

— Сюда, сюда! Садись, бедолага, тебе надо выпить стаканчик бренди… Как там кровь, унялась?

— Почти. Эй, поосторожней с ногой!

— Обоих убили?

— Одного уж точно. Три серебряные пули, а? Головы у нас в повозке. Видели бы вы…

Больше Голеску ничего не слышал, потому что на этом месте как раз свернул на второй пролет, а идея завладела им настолько, что ему так или иначе было ни до чего.

* * *

Голеску был настолько уверен в осуществлении своей мечты, что на следующий день зашел в типографию и заказал пачку рекламных листков. Результат, отпечатанный за то время, пока Голеску отдыхал в таверне напротив в обществе бутылки сливовицы, оказался не таким впечатляющим, как рассчитывал заказчик, зато листки были украшены громадными восклицательными знаками, и это его утешило.

Когда Голеску покидал Кронштадт, на рассвете третьего дня, идея сложилась в его голове окончательно. Отчаянно зевая, Голеску поставил на пол гроб и узелок и вытащил кошелек, чтобы расплатиться с хозяином гостиницы.

— И вознаградите ваших слуг, любезный господин, — сказал Голеску, бросая ему горсть разрозненной меди и латуни низкого достоинства. — Обслуживание было великолепное.

— Да молятся за вас все святые, — ответил хозяин гостиницы безо всякого энтузиазма. — Куда прикажете пересылать почту?

— Ах да, если у вас остановится мой друг эрцгерцог, сообщите ему, что я отправился в Париж, — велел Голеску. — Видите ли, я организую театральные представления…

— В таком случае не желаете ли карету? — оживился хозяин гостиницы. — Могу дать с позолоченными колесами.

— Пожалуй, нет, — отозвался Голеску. — Я хочу прогуляться пешком до Предяла. Видите ли, меня там встретит один друг в своем экипаже.

— Пешком?! — Усмешка хозяина сменилась выражением неподдельного интереса. — Знаете, Остереглись бы лучше. Говорят, в округе появилось новое чудовище!

— Чудовище? Ну что вы, друг мой. — Голеску укоризненно погрозил хозяину пальцем. — Разве достиг бы я в жизни таких высот, если бы верил подобным россказням?

Он снова взвалил гроб на плечо, взял узел и двинулся прочь.

Хотя утро выдалось холодное, когда Голеску дошел до окраин Кронштадта, с него градом катился пот, а когда он свернул на проселочную дорогу, ведущую к стоянке Амонет, его радужное настроение улетучилось. Тем не менее он улыбнулся, увидев, что повозки остались на месте, а лошади на привязи мирно щиплют траву. Голеску от души стукнул кулаком в дверь Амонет:

— Душеньки мои, дядя Барбу вернулся домой!

Ни звука.

— Эй!

Кажется, кто-то скулит?

— Э-то я-а-а-а, — пропел Голеску, дергая дверь.

Она была не заперта. Опустив гроб на землю, Голеску осторожно приоткрыл ее.

Внутри стоял резкий запах — пряностей, чего-то сладковатого и, кажется, крови. Голеску вытащил платок и зажал нос. Затем подался вперед, вглядываясь в темноту повозки.

Амонет лежала навзничь на постели, полностью одетая. Руки у нее были скрещены на груди, как у покойника. Кожа посерела, словно пепел, глаза закрыты. Вид у Амонет был настолько сияюще-счастливый, что Голеску даже не сразу понял, кто же

здесь лежит. Он боком протиснулся внутрь, нагнувшись, чтобы лучше видеть ее.

— Мадам… — Он дотронулся до ее руки. Рука была ледяная. — Ой!

Амонет лежала, преображенная смертью, наконец-то прекрасная.

Голеску шагнул назад, и с кровати что-то свалилось. К его ногам упала чаша, потир, вырезанный из черного камня. Сначала Голеску показалось, что чаша пуста; но когда она покатилась, к самому краю сползла тягучая черная капля.

— Черное Зелье, — определил Голеску, ощутив себя так, словно его макнули лицом в торт.

Под наплывом противоречивых чувств он заморгал. Лишь некоторое время спустя он сумел понять, что нытье доносится из ящика под койкой Амонет. Голеску со вздохом нагнулся и вытащил оттуда Эмиля.

— Вылезай, мой бедный червячок, — проговорил Голеску.

— Хочу есть, — заявил Эмиль.

— Это все, что ты имеешь сказать? — поразился Голеску. — Королева Печали мертва, а ты только и думаешь, что о какой-то паршивой картошке?!

Эмиль ничего не ответил.

— Она покончила с собой?

— С ней покончило Зелье, — произнес Эмиль.

— Да вижу я, что отрава из чашки, ты, дурачок! Я хотел спросить — почему?!

— Она хотела умереть, — пояснил Эмиль. — Она была очень старая, а умереть не могла. Она попросила: «Сделай мне яд, чтобы он отнял у меня жизнь». Я каждый месяц делал ей зелье, но оно ни разу не подействовало. Тогда она сказала: «Вот что, положи туда диметилксантин». Я положил. Подействовало. Она засмеялась.

Голеску довольно долго стоял столбом, глядя на него, и наконец плюхнулся на табурет.

— Господи Боже, Царица Небесная, — бормотал он со слезами на глазах. — Так это правда. Она была бессмертная.

— Хочу есть, — повторил Эмиль.

— Но разве можно устать от жизни? В ней столько хорошего! Горячий хлеб с маслом. Сон. Заманчивые планы на будущее, — рассуждал Голеску. — Удача шла к ней прямо в руки, зачем же она отвергла ее?

— У них удачи не бывает, — сказал Эмиль.

— А ты-то кто такой, в самом деле? — спросил Голеску, уставясь на него. — Ты, со всеми твоими волшебными зельями?

Слушай, а сумеешь сделать и такое снадобье, чтобы жить вечно?

— Нет, — ответил Эмиль.

— Не сумеешь? Точно?

— Точно.

— А впрочем, что ты понимаешь… — Голеску потер подбородок. — Ты же недоумок. Хотя вообще-то… — Он посмотрел на Амонет, чья застывшая улыбка нервировала его с каждым взглядом все больше и больше. — Может, она в конце концов разорвала соглашение с Чертом. Может, вечная жизнь и в самом деле не так уж сладка, раз Амонет хотела с ней покончить. А что это у нее в руке?

Нагнувшись, он попытался разжать сведенные пальцы. Из кулака торчало что-то черное — морда крошечной фигурки, кое-как вылепленной из глины. Крокодил.

— Хочу картошку, — захныкал Эмиль.

Голеску вздрогнул.

— Сначала надо выкопать могилу, — сказал он.

* * *

В результате могилу он копал в одиночку, поскольку Эмиль в своем противосолнечном снаряжении не мог управляться с лопатой.

— Покойся с миром, моя прекрасная незнакомка, — пробормотал Голеску, с трудом нагнувшись, чтобы опустить обернутое простыней тело Амонет в яму. — Надо было, конечно, положить тебя в гроб, но мне он нужен для другого, а саван тебе очень идет, правда-правда. Хотя теперь, наверно, все равно.

Он выпрямился и снял шляпу. Подняв очи горе, он добавил:

— Святые угодники, если это несчастное создание и вправду продало душу дьяволу, тогда покорнейше прошу извинить меня за беспокойство. Но если случайно найдутся какие-нибудь лазейки, которыми она может воспользоваться, чтобы избежать адских мук, я уповаю на то, что вы проведете ее через них к вечному упокоению. Кстати, с этой минуты я намерен следовать по пути куда более добродетельному. Аминь.

Он надел шляпу, снова взялся за лопату и закопал могилу.

* * *

Той ночью Голеску всплакнул по Амонет — или, по крайней мере, по упущенным возможностям, — а потом она ему

приснилась. Однако к тому времени, когда взошло солнце, блеклое из-за дыма кронштадтских труб, Голеску уже начал улыбаться.

— Теперь у меня в распоряжении четыре прекрасные лошади и две повозки, — сказал он Эмилю, подбрасывая хворосту в огонь, над которым в котелке грелась вода для картошки. — От такого никто не станет нос воротить, правда? А еще у меня есть ты, о бедное дитя несчастья. Твой блеск слишком долго скрывали от мира.

Эмиль сидел себе, уставившись на котелок сквозь очки. Голеску намазал на горбушку сливовое варенье и отхватил громадный кусок.

— Бухарест! — воскликнул он с набитым ртом, разметывая крошки. — Константинополь, Вена, Прага, Берлин! Мы будем шествовать по золотым улицам всех великих городов на свете! Вся картошка, какой только ни пожелает твое крошечное сердечко, на тончайшем ресторанном фарфоре. А что касается меня… — Голеску сглотнул. — Я стану вести жизнь, для которой предназначен. Слава и всеобщее уважение. Прекрасные женщины. Финансовые затруднения — лишь смутное воспоминание! Друг мой, мы дадим толпе то, чего она жаждет. В конце концов, что терзает человека всю его жизнь? Страх старости. Страх несостоятельноети. Одиночество и бесплодие — как это ужасно! И с какой охотой люди будут платить, чтобы избавиться от этого, а? Как ты думаешь? Ах, Эмиль, впереди у тебя большая работа!

Эмиль повернул к нему бесстрастное лицо.

— Работа, — повторил он.

— Да! — подтвердил Голеску и улыбнулся ему. — С твоими баночками, горшочками и химикалиями, мой гений. Черт с ними, с цыплятами! Мы станем великими — мы с тобой, ты да я. Грядущие поколения будут считать нас героями. Как этого, ну, того, кто украл огонь с небес. Прокруст, вот как его звали.

Но к твоей скромной и застенчивой натуре я отношусь с пониманием. Я милосердно укрою тебя от огней рампы и полностью приму на себя тяготы славы. Ибо теперь я — кто бы ты думал?.. — Голеску понизил голос. — Профессор Гадес!

В базарный день, неделю спустя, повозки покатили по Кронштадту. В час, когда на улице больше всего народу, Голеску ехал со скоростью величавой улитки. Те, кому приходилось жаться к домам, имели возможность по достоинству оценить новенькую раскраску. Повозки были расписаны солнцами, лунами и звездами, которые могли сойти за алхимические символы, — золотом и алым по черному, — и на них красовались слова:

ПРОФЕССОР ГАДЕС
ВЛАДЕТЕЛЬ ТАЙН

Кое-какие праздные гуляки тащились за повозками и глазели, как Голеску выводит кибитки на пустырь сразу за Купеческими воротами. Глазеть гуляки глазели, но помощь не предлагали, и Голеску сам распрягал лошадей и возился с бочонками и досками, устраивая подмостки. Гуляки с интересом наблюдали, как к Голеску приближается полицейский, и были разочарованы, когда Голеску вручил ему все необходимые бумаги и щедрую взятку. Полицейский прикоснулся к шлему и удалился; Голеску взобрался в переднюю повозку и закрыл дверь. Больше ничего занятного не произошло, поэтому гуляки через некоторое время разбрелись.

Но когда в школе кончились уроки, прибежали поглазеть дети. К этому времени помост уже скрывали с трех сторон красные занавеси, а в щели между досками были засунуты рекламные листки. Сын лавочника подобрался поближе и нагнулся посмотреть, что там написано.

— «Развлекайтесь даром», — прочитал он вслух, чтобы удовлетворить любопытство приятелей. — «Здоровье и Сила — все для вас! Профессор Гадес Знает Все На Свете!!! Перед Вами Выступит Мирмидианский Гений!!!»

— Мирмидианский? — удивился сын учителя.

— «Хитроумные Мгновенные Калькуляции! — продолжал читать сын лавочника. — Рис, Горох, Ячмень, Просо, Бобы — Мирмидианский Гений Мгновенно Назовет точное количество в вашем кувшине. Того, кто сумеет провести мирмидианского гения, ждет главный приз!»

— Что такое «мирмидианский»? — спросил сын кузнеца.

— Что такое «хитроумные мгновенные калькуляции»? — поинтересовался сын цирюльника. — Он что, догадывается, сколько бобов в кувшине?

— Жульничество, — заключил сын полицейского.

— Ничего подобного! — прогремел из-за занавеса бестелесный голос. — Вот увидите, мальчики! Бегите по домам и зовите друзей на бесплатное представление — оно будет здесь нынче же вечером. Обещаю показать вам подлинные чудеса! И не забудьте принести бобов!

Мальчики разбежались, с таким рвением торопясь исполнить приказ невидимого незнакомца, что сам Черт в преисподней улыбнулся и записал их имена на будущее. Они послушно разнесли вести по всему городу. Когда в сумерках мальчики вернулись, с ними пришло множество взрослых. Перед

повозками, переминаясь с ноги на ногу от нетерпения, стояла целая толпа.

Теперь по обе стороны от сцены горели факелы, вспыхивая под порывами холодного ветра, от которого и звезды вспыхивали тоже. Алый занавес трепетал и плясал, словно пламя. Когда его приподнимал ветер, те, кто стоял поближе, замечали, что под ним ходят ноги, и было слышно, как кто-то бубнит и топает.

Цирюльник прокашлялся и крикнул:

— Эй! Мы тут замерзнем до смерти!

— Тогда я вас согрею! — прогрохотал зычный голос, и занавес резко отъехал в сторону.

Порыв ветра тут же вернул его на место, но лишь после того, как толпа успела мельком увидеть Голеску во всем великолепии мефистофельского наряда. Тогда Голеску взялся за занавес, приоткрыл его и величаво выступил вперед.

— Добрые граждане Кронштадта, вам несказанно повезло!

По толпе пронесся шепоток. Голеску загримировался так, чтобы придать себе вид зловещий и таинственный, по крайней мере, очень старался, но в результате выглядел он, будто жирный енот в красном костюме. Хотя смотреть на него было и вправду страшно, что да, то да.

— Профессор Гадес, к вашим услугам! — объявил он, прищурившись и подкрутив кончики усов. — Объездил весь свет и раскопал множество невероятных древних тайн!

— Мы тут бобы принесли! — крикнул сын цирюльника.

— Восхитительно! А теперь послушайте историю моего замечательного…

— Кем это вы вырядились, Чертом, что ли? — послышалось из толпы.

— Как же можно! Хотя вы, конечно, человек достаточно мудрый и знаете, что не так страшен черт, как его малюют, правда? — крикнул в ответ Голеску. — О нет, друзья мои, я принес вам счастье и благо всему человечеству! Позвольте мне все вам рассказать.

Он вытащил из-под плаща лиру и притворился, будто щиплет струны.

— Во дни моей юности я действительно изучал черную магию в одной любопытной школе, руководил которой знаменитый мастер Парацельс. Однако вообразите себе мой ужас, когда я узнал, что каждые семь лет он приносит в жертву преисподней каждого седьмого из своих учеников! А в моем классе седьмым был не кто иной, как я! Поэтому я сбежал, и на моем месте вы поступили бы точно так же. Свои огромные богатства я потратил на покупку корабля, на котором намеревался уплыть в Египет, на

родину всех тайн. Долго плыл я кружными путями, ибо не утихал во мне страх, что мастер Парацельс обнаружит мое присутствие в мире при помощи потусторонних сил. И вот вышло так, что у меня иссякли запасы воды, и я был вынужден, преодолев смертоносные рифы и скалы, причалить к острову, на котором имелся чистый источник. Так вот, друзья мои, это был необычный остров! Ибо на нем находилось святилище великого египетского бога Озириса, которое некогда охраняли свирепые люди-муравьи — мирмидианцы!

— Может, мирмидоняне? — перебил его учитель. — Это были…

— Нет-нет, это не те! — ответил Голеску. — Племя, о котором я говорю, было воплощенным ужасом, понимаете? Четверорукие великаны, наделенные устрашающими челюстями и сверхчеловеческой мощью, которых Озирис поставил охранять тайны своего храма! Верная смерть ждала каждого, кто осмеливался приблизиться к священным пределам! Я понятно излагаю? Но, к счастью для меня, за минувшие тысячелетия эта раса почти полностью вымерла. И в самом деле, кто вышел на подгибающихся ногах бросить мне вызов, когда я подобрался к таинственному храму, — кто, как не последний из людей-муравьев? К тому же эта особь имела столь явные признаки вырождения и слабости, что мне хватило ничтожнейшего усилия — и враг был сокрушен. Так вот, когда я стоял во всем блеске света древней луны, триумфальной пятою попирая выю несчастного, в сердце моем пробудилась жалость к бедному поверженному созданию.

— А бобы при чем? — спросил сын полицейского.

— Сейчас-сейчас! Терпение, мой юный господин. Поэтому я не убил его, хотя мог сделать это с легкостью. Вместо этого я перешагнул через жалкое существо и ступил в запретное святилище Озириса. И, высоко подняв фонарь, что увидел я, как не грандиозное изображение самого бога, но не это оказалось величайшим чудом! О нет — на стенах святилища, от пола до потолка, от стены к стене были начертаны словеса! О да, словеса на древнеегипетском языке, странные картинки — птички, змейки, всякие разности. К счастью, мои глубочайшие познания позволили мне прочесть написанное. И что же это было? Молитвы? Нет! Древние заклинания? О нет, мои добрые слушатели! Это были не больше не меньше как медицинские рецепты! Ибо, как вам, возможно, известно, Озирис был главным египетским богом-целителем. Там были тайные снадобья, способные излечить любой недуг, какой ни постигнет несчастное человечество! И что же я сделал? Я торопливо вытащил записную

книжку и принялся переносить на бумагу словеса, чтобы вернуть рецепты человечеству на благо всем нам. И вот я писал, все быстрее и быстрее, но стоило мне взглянуть на последний рецепт — который, если бы я получил его, затупил бы кошмарную косу самой Смерти, — но тут я услышал зловещий рокот. Фонарь начал искриться и гаснуть. Подняв взгляд, я увидел, что идол Озириса трепещет на своем постаменте. Откуда мне было знать, что мои нечестивые ноги, ступившие под своды храма, привели в действие страшное проклятие! И теперь храм должен был погубить сам себя! Я бежал, предусмотрительно сунув записную книжку в карман, и остановился лишь затем, чтобы подхватить последнего мирмидианца, скорчившегося у порога. Я весьма силен и с легкостью доставил его на корабль, и нам удалось отплыть прежде, чем храм Озириса обрушился с грохотом, подобным грохоту тысяч молочных фургонов! И мало того — сам остров раскололся на сотни тысяч обломков и навеки погрузился под прожорливые волны!

Голеску отступил на шаг, чтобы оценить, какое впечатление произвела его речь на публику. С удовлетворением отметив, что вниманием слушателей ему удалось завладеть целиком и полностью и что все больше и больше горожан сбегаются и пополняют толпу, он подкрутил усы.

— А вот теперь, детки, вы все узнаете про бобы. Пока мы плыли к нашему убежищу, я направил все усилия на то, чтобы приручить последнего из мирмидианцев. С моим блестящим образованием это оказалось нетрудно. Я обнаружил, что хотя по сравнению со своими ужасными предками он был хил и слаб, тем не менее у него сохранились отдельные свойства муравья! Да-да, и, в частности, их поразительная способность считать бобы и горошины!

— Минуточку, — вмешался учитель. — Муравьи не умеют считать.

— Вы ошибаетесь, любезный господин, — возразил Голеску. — Кто же не помнит историю об Амуре и Психее? Любой образованный человек знает, как царевна была наказана за чрезмерное любопытство: ее заперли в комнате, где лежала груда бобов вперемешку с просом, и велели все пересчитать, не так ли? И кто же пришел к ней на помощь? Вот именно — муравьи! Потому что она была осмотрительна и в свое время не наступила на муравейник или что-то в этом роде. Поэтому проворные малыши аккуратно разобрали бобы и просо, а заодно и пересчитали их. И это, друг мой, известно из классической литературы. Об этом писал Аристотель — и кто мы такие, чтобы с ним спорить?

— Но… — начал было учитель.

— А теперь, — перебил Голеску, отодвигая занавес и открывая взглядам гроб, который был помещен на специальную подставку, удерживающую его вертикально, — вот он! Усладите свои жаждущие взоры! Итак, последний из мирмидианцев!

И он широким жестом отбросил крышку.

Эмиль, облаченный в черный костюм демоненка, дополненный парой набитых соломой рук, и в черный капюшон, к которому были приделаны два длинных проволочных усика, взглянул на яркие огни рампы. И взвизгнул от ужаса.

— Э-гм… Да! — Голеску захлопнул крышку, прищемив при этом один усик. — Однако вы имеете возможность насладиться созерцанием этого существа в его естественном состоянии лишь, скажем так, краткий миг, поскольку… поскольку мой пленник, при всей своей слабости, сохранил способность поджигать предметы одной лишь силой взгляда! К счастью, я придумал, как всех нас обезопасить. Минутку…

Толпа зашумела, и Голеску задвинул занавес. Стоявшие поближе видели его ноги, некоторое время бегавшие туда-сюда. Они слышали краткий загадочный стук и негромкий вскрик. Занавес снова распахнулся.

— Итак… — повторил Голеску. — Перед вами — последний из мирмидианцев!

Он снова открыл крышку. На этот раз Эмиль не стал кричать, поскольку укрылся за очками. Несколько мгновений толпа молчала, а потом отдельные зрители начали хихикать.

— Ах, так вы думаете, он слаб? Вы думаете, он безобиден? — спрашивал Голеску, изображая надменную улыбку. — Но только представьте себе, какие у него невероятные способности к вычислению! Эй, мальчик, подойди сюда. Да-да, ты. — Он нагнулся, ухватил ближайшего мальчугана с кувшином и втащил его на помост. — Знаешь ли ты — только не говори мне, ладно? — сколько в точности зерен в твоем кувшине?

— Да, — ответил мальчик, моргая от яркого света факелов.

— Ага! А теперь, добрые люди, скажите — есть ли здесь родители этого ребенка?

— Это мой сын! — крикнул цирюльник.

— Великолепно! А есть ли среди присутствующих полицейский?

— Я, — сказал капитан полиции, делая шаг вперед и глядя на Голеску с несколько неприятной улыбкой.

— Превосходно! А теперь, мой мальчик, не будешь ли ты так добр шепнуть на ухо этому доблестному стражу порядка… я сказал — шепнуть!., точное число бобов в твоем кувшине?

Сын цирюльника послушно подошел к краю помоста и шепнул что-то на ухо капитану полиции.

— Восхитительно! А теперь, бравый полицейский, не будете ли вы столь любезны записать число, которое вам только что сообщили? — произнес Голеску, слегка потея.

— Охотно, — отозвался капитан полиции и, вытащив записную книжку, сделал в ней пометку.

Он подмигнул публике — как-то особенно холодно и по-ящеричьи.

— Очаровательно! — сказал Голеску. — А теперь, с вашего позволения… — Он взял у сына цирюльника кувшин бобов и подержал его в свете факелов, потом поднес к лицу Эмиля. — О последний из мирмидианцев, взгляни на этот кувшин! Сколько в нем бобов?

— Пятьсот шесть, — проговорил Эмиль слабо, но вполне внятно; публика затаила дыхание.

— Сколько?

— Пятьсот шесть.

— Ну, мой любезный господин, какое число вы только что записали? — сурово спросил Голеску, разворачиваясь лицом к капитану полиции.

— Пятьсот шесть, — ответил тот, недобро прищурясь.

— И так оно и есть! — объявил Голеску, вручая кувшин владельцу и незаметно спихивая его с помоста. — Давайте раздобудем новые доказательства! У кого еще есть кувшин?

Ему поднесли полдюжины кувшинов, и дети принялись истошно вопить, чтобы оказаться на сцене следующими. Хрюкнув от напряжения, Голеску втащил на помост еще одного мальчика.

— А ты кто? — спросил он.

— Это мой сын! — отозвался капитан полиции.

— Хорошо! Сколько у тебя бобов? Скажи папочке! — воскликнул Голеску, а когда мальчик шепнул что-то отцу на ухо, добавил: — А теперь запишите это число!

Он выхватил у мальчика кувшин и снова поднес его к Эмилю:

— О последний из мирмидианцев! Сколько здесь бобов?

— Триста семнадцать, — сказал Эмиль.

— Ты уверен? Ведь кувшин гораздо больше!

— Триста семнадцать, — повторил Эмиль.

— А какое число вы только что записали, мой любезный господин?

— Триста семнадцать, — признался капитан полиции.

— Я спрятал в середину луковицу, — гордо заявил его сын, и стоило Голеску отправить мальчика обратно в толпу, как капитан полиции немедленно влепил отпрыску подзатыльник.

Тут уж к помосту начали проталкиваться взрослые мужчины, размахивая кувшинами со всевозможными бобовыми, а также просом и ячменем. Эмиль не ошибся ни разу, даже когда ему поднесли кувшин риса, где были спрятаны свернутые носки! Наконец Голеску, сияя, поднял руки.

— Итак, одно доказательство моих приключений вы видели собственными глазами! — воскликнул он. — Но все это, дорогие зрители, не более чем салонное развлечение! А теперь вас ждет поистине поразительное зрелище! Ибо мы приблизились к подлинной цели моего визита. Перед вами — Дары Озириса!

Он сорвал кусок мешковины со стопки ящиков. Пламя факелов заплясало на горлышках множества аптечных пузырьков.

— О да! Я сделал эти снадобья согласно древним тайным рецептам! Здесь, друзья мои, средства для исцеления человеческих недугов! Крона за бутылочку не покрывает даже расходов на редкие ингредиенты! Я предлагаю вам мои снадобья так дешево из чистого милосердия!

Толпа разом смолкла, а потом все услышали, как капитан полиции чеканит:

— Так и знал, что этим кончится.

— Крона за бутылочку? — возмущенно проговорил кто-то.

— Вас нужно убеждать, — покачал головой Голеску. — И убеждать даром. Очень хорошо! Выйдите на свет, мой любезный господин. Да-да, вы, тот, кто не хочет расставаться со своими денежками.

«Любезный» господин взобрался на помост и застыл с оскорбленным видом, а Голеску обратился к публике.

— Человеческие несчастья! — крикнул он. — Что им причиной, добрые люди? Старость. Бессилие. Одиночество. Все это не убивает, но лишает жизнь смысла! Разве не так? Так вот вы, любезный господин! — Он повернулся к стоявшему рядом скряге. — Снимите-ка шляпу, если не возражаете. О, я вижу, вы страдаете облысением!

Зритель побагровел и собрался стукнуть Голеску, а публика захохотала.

— Здесь нечего стыдиться! — с укором произнес Голеску. — А хотите ли вы, чтобы у вас выросла роскошная шевелюра, а?

— Ну…

— Взгляните! — произнес Голеску, доставая из ящика пузырек. — «Птолемеево притирание»! Убедитесь в потрясающих результатах.

Он откупорил пузырек и осторожно наклонил его, уронив на лысину зрителя лишь несколько капель. После этого он подхватил уголок плаща и растер снадобье по всей голове.

— Что вы со мной делаете?! — заорал бедняга. — Жжется, как черт знает что!

— Крепитесь! Придется немного потерпеть, как же иначе? Сосчитайте до шестидесяти!

Публика послушалась, но задолго до того, как зрители добрались до сорока, послышались изумленные возгласы: на лысом черепе везде, куда втерли зелье, стала расти густая черная шерсть.

— Ой! — Зритель ощупал голову, не веря своему счастью.

— Да! — Голеску повернулся к публике: — Вы видели? К этому счастливцу в мгновение ока вернулся прежний облик, полный молодости и мужественности! Кстати, о мужественности… — Он крепко ударил бывшего лысого по спине, так что тот практически слетел с помоста. — Что огорчает мужчину больше, нежели разочарование прекрасного пола? Кому из вас недостает кое-чего такого, что он зеленым юнцом имел в изобилии? Не сомневаюсь, среди вас таких нет, но только подумайте — ведь, быть может, когда-нибудь настанет день, когда вы попытаетесь взломать замок дохлой рыбиной! И неужели вы хотите, чтобы этот день застал вас врасплох, без бодрящей бутылочки «Фиала Фараона»? Крона за бутылочку, господа! Я уверен, вы понимаете, почему я не могу устроить бесплатную демонстрацию этого средства…

Настала тишина — всего секунд на пять, — а потом на помост хлынула волна мужчин, потрясавших пригоршнями монет.

— Вот, прошу! Господа, одна бутылка в одни руки, только одна. Вот и хорошо! Знаете ли, я делаю это исключительно на благо ближним, я люблю приносить людям счастье. Пейте на здоровье, любезный господин, но я советую вам сначала обзавестись дамой… Прошу вас, осторожней, не затопчите детишек, хотя теперь вы всегда сможете настругать новых… Кстати, о новых детишках! — Голеску запихнул в карман штанов последнюю горстку монет и вернулся на край помоста, поскольку «Фиал Фараона» и «Птолемеево притирание» у него кончились. — Какой смысл в неимоверной мужской силе, я вас спрашиваю, если прекрасная дева холодна как лед? Равнодушие! Ханжество! Скованность! Разве найдется большее несчастье для мужчины, чем отсутствие супружеской любви? Возможно, вы слышали о любовных напитках, возможно, даже покупали амулеты и снадобья у цыганок. Но ведь на самом деле все, в чем нуждаются ваши горлинки, друзья мои, — это «Эликсир Изиды»! С гарантией превращает хмурые гримасы в приветственные улыбки!

На помост нахлынула вторая волна — несколько менее

рьяная, нежели первая, но тоже довольно-таки денежная. Голеску выдавал пузырьки «Эликсира Изиды», рассовывал деньги по карманам. У него остался один ящик с пузырьками. Подняв его на верх стопки, Голеску обернулся к публике и улыбнулся:

— А теперь, добрые люди, задайте себе вопрос: что делает долгую жизнь сущим проклятием? Ответ очевиден: страдание. Ломота, жжение, страшные муки! Тупая боль, которая не проходит годами! Страдания, страдания, страдания! Да смилостивится над нами Господь! Но! Обильно смажьте больное место «Бальзамом Баст» — и вы получите мгновенное облегчение от несказанных мук!

К помосту наметилось некоторое движение, однако не такой поток, которого ожидал Голеску; толпа на что-то отвлеклась, хотя на что именно — он не понял. Ага! Вот на что: это был калека с забинтованными головой и глазом, который пробирался вперед, опираясь на костыли.

— Дорогу! Пропустите несчастного калеку!

— Вот вам пациент, профессор Гадес!

— Может, проведете бесплатную демонстрацию на нем?

— Кто это — ветеран всех войн на свете? — своим самым веселым тоном произнес Голеску. — Конечно, он достоин бесплатного исцеления! И вот вам… — Речь его оборвалась пронзительным визгом, поскольку, нагнувшись, он обнаружил, что глядит в единственный уцелевший глаз птицевода Буздугана. Тот, несомненно, тоже узнал Голеску.

— Ты… — начал птицевод Буздуган, но Голеску уже откупорил бутылочку и с быстротой мысли сунул горлышко ему в рот. Он подержал пузырек, пока Буздуган не проглотил и свое возмущение, и «Бальзам Баст».

— Ах, я узнаю этого бедолагу! — завопил Голеску, силой удерживая пузырек на месте. — У него еще и помешательство! Родственники привели его ко мне, чтобы исцелить от безумия, но, к несчастью…

К несчастью, толпа отвлеклась гораздо сильнее, чем Голеску предполагал. Все началось с общего смутного беспокойства, поскольку те, кто приобрел пузырьки «Фиала Фараона», пооткрывали бутылочки и разом проглотили их содержимое. Это привело к всплеску поголовного буйного приапизма,[44] который охватил покупателей примерно тогда, когда Голеску развернул рекламу «Эликсира Изиды».

Но это были, надо сказать, сущие пустяки по сравнению с участью, постигшей тех, кто купил «Птолемеево притирание» и по крайнему неразумию решил применить его прямо здесь, не подождав до дома. Несколько перепуганных мужчин имели

возможность наблюдать, как роскошная шевелюра отрастает не только у них на головах, но и везде, куда попало снадобье, в том числе и случайно, в процессе применения, — то есть на ушах, веках, носах и женах. Еще сильнее были ошеломлены те, кто сподобился хорошенько втереть зелье голыми руками.

Однако и их горести меркли по сравнению с муками несчастного, который счел, будто любое снадобье действует лучше, если принимать его внутрь. Теперь он лежал ничком и вскрикивал — правда, несколько приглушенно, — а толпа повергнутых в ужас зрителей старалась держаться от него как можно дальше.

Буздуган подался назад и сумел выплюнуть бутылку.

— Ах ты сукин сын! — воскликнул птицевод. — Это он! Тот, кто продал нам эту…

— Я же говорил — совершенно безумен! — перебил Голеску.

— Он продал нам зелье, из-за которого получились эти… — продолжил было Буздуган, но тут «Бальзам Баст» подействовал, и тело его совершенно утратило чувствительность. И он без сознания рухнул со своих костылей в темный лес ног.

Но это происшествие прошло почти незамеченным из-за смятения, вызванного человеком, который с целью предельно увеличить семейное счастье приобрел и «Фиал Фараона», и «Эликсир Изиды» и по глупости своей открыл и выпил до дна не ту бутылочку. Его окатила волна жара, а затем охватила необъяснимая и совершенно неуместная страсть, а затем постигла полная потеря разума; он спустил штаны и, вопя, как шимпанзе, предлагал себя всем прохожим. Некоторые из тех, кто находился под действием «Фиала Фараона», готовы были, не сдержавшись, покуситься на его прелести, и тут…

— Храните нас святые угодники! — завопил кто-то на краю толпы. — Спасайся кто может! Еще один петушиный демон!

Все, кто это слышал, по понятной причине растерялись, однако стоило упомянутому демону показаться, как всякой растерянности пришел конец.

Голеску, который крошечными шажками пятился к задней части помоста, улыбаясь и обливаясь потом, видел все в подробностях: это был петух, но назвать его обычной птицей никто бы не осмелился. Восемь футов в холке, хвост — словно пламенный фонтан, золотые шпоры, перья — будто чеканное золото, гребень — точно кровавый коралл, а клюв — тесак мясника, выкованный из бронзы! Глаза твари в свете факелов сверкали переливчатой яростью, но были пусты и бездумны, как у любой курицы. Демон бил крыльями, грохоча, как гроза. Люди разбегались кто куда, кроме тех, кто так одурел от похоти, что не

мог отвлечься от своих сиюминутных занятий.

— Ну почему, ну почему такое творится? — закричал Голеску, ни к кому в особенности не обращаясь. — Намерения у меня были самые лучшие!

Тут исполинская птица заметила детей, которые столпились перед помостом. До этой минуты они от души потешались, глядя, что вытворяют взрослые. Однако, заметив чудовище, дети попрятались под помост и жались там, словно куча мышей. Тем не менее птица их увидела и стала надвигаться, поворачивая бессмысленную башку, чтобы оглядеть их сначала одним пазом, потом другим. Дети в ужасе бросали в нее свои кувшины с зерном, которые взрывались, словно картечь. Но птица все надвигалась, по пути скребя землю когтями.

И тут Голеску понял, что слышит еще один жуткий звук — он перекрывал детские крики, бешеную ругань распростертого на земле Буздугана, удаляющиеся вопли бегущей публики. Он был слышен, несмотря на все это, потому что оказался гораздо ниже — от такого гула, глубокого, как землетрясение, и такого же страшного, зубы во рту начинают дрожать.

Что-то где-то рычало. И рык становился все громче.

Голеску поднял голову — и на миг перед ним открылось зрелище, которое преследовало его в кошмарах до гробовой доски: он увидел пару сверкающих глаз, которые приближались к нему в ночи, глаз, похожих на уголья, над белыми-белыми клыками. И чем ближе они подплывали к повозке по воздуху, тем громче становилось рычание. Ближе, ближе, к свету факелов — и Голеску ясно увидел распростертые руки, когти, измазанные в грязи, смертоносную гримасу, струящийся саван.

— Боже милосердный, это же Амонет, — заметил Голеску, и тут реальность огрела его по голове, и он намочил штаны.

Черное Зелье снова ее подвело, а значит…

— Рррррррубьюуууууууу! — взревела она, опускаясь на помост.

Голеску, всхлипывая, заметался, а потом ужас даровал ему крылья, и одним героическим прыжком Мефистофель слетел с помоста и приземлился на спину золотому петуху. Дав птице пинка сквозь буйные перья, Голеску хлестнул ее, словно коня.

И с воплем, от которого ночь содрогнулась, его скакун взмыл в воздух, шлепнулся наземь и побежал. Голеску вцепился в него изо всех сил, оглядываясь через плечо. Он увидел Эмиля, который, тряся усиками, пытался выбраться из гроба.

— Дядя Барбу! — верещал бедняга.

Но Амонет уже схватила его за щиколотку. Она дернула его к себе. Он исчез в складках ее одеяния, отчаянно отбиваясь.

Голеску успел увидеть, что Амонет прижимает Эмиля к груди — как свою собственность, жуткая мадонна и немощный младенец.

Голеску обнял шею своего золотого скакуна и направил его подальше в ночь и в лес. Он оплакивал свою потерянную любовь, оплакивал свою горькую долю, оплакивал красоту, и так в смертоносной славе он несся сквозь огонь, воду и безжалостный звездный свет. И когда настал день, он все еще несся. Кто знает, где окончил свой бег его скакун?

Хотя далеко в лесах нашлась деревня, которая так затерялась среди болот и ручьев, что туда не вела ни одна тропинка и мужчины вынуждены были жениться на своих двоюродных сестрах. Их легенды гласят, что однажды им явился сам Черт верхом на золотом петухе, жуткое видение, перед которым они простерлись ниц. Селяне предложили ему стать их князем — лишь бы только он их пощадил.

И говорят, что Черт остался с ними на какое-то время и что князь из него получился вполне терпимый, как и все князья в этих краях. Но он вечно оглядывался через плечо, поскольку боялся, как бы его не нашла жена. Он говорил, что она — Мать Тьма. И так он ее боялся, что в конце концов страх одолел его, и он бежал — лишь бы она его не поймала.

Жителям деревни это почему-то показалось утешительным. «Своей жены боится даже Черт», — говорили они друг другу. И говорили они это так часто, что в конце концов к ним приехал человек из Министерства культуры и записал эту пословицу в Большую книгу пословиц.

Но если вы отправитесь в эту страну и заглянете в эту книгу, то потратите время зря, потому что, к несчастью, какой-то вандал вырвал из нее нужную страницу.

Вернор Виндж
Синтетическое счастье

Вот взгляд в компьютеризированное, высокотехнологичное, высокоинформационное будущее, которое может наступить гораздо скорее, чем кажется. И тогда представители старших поколений окажутся старомодными, станут неконкурентоспособными в обществе, где повсюду — продвинутые, умные ребята. Но и в таком сетевом будущем сорванцов не переделаешь. А жаль…

Родившийся в Уокеше, штат Висконсин, Вернор Виндж в настоящее время проживает в Сан-Диего, Калифорния, и работает внештатным преподавателем математики в Государственном университете Сан-Диего. Первый его рассказ, «Разделенность» («Apartness»), появившийся в журнале «New Worlds» в 1965 году, сразу же привлек к себе внимание, на следующий год Дональд Уоллхейм и Терри Карр включили его в антологию «World's Best Science Fiction», и этот рассказ, ярчайшее из произведений того периода, до сих пор поражает своей мощью.

После впечатляющего литературного дебюта Вернор Виндж стал часто публиковаться в «Analog», нередко печатался он и в «Orbit,», «Far Frontiers», «If», «Stellar» и других изданиях. Повесть «Истинные имена» («True Names»), известная в Интернет-кругах и среди любителей компьютеров, вышла далеко за пределы жанра, и некоторые склонны считать провозвестником киберпанка именно это, удостоенное в 1981 году обоих премий — «Небьюла» и «Хьюго», произведение, а не «Нейромансер» Уильяма Гибсона.

В 1993 году роман «Пламя над бездной» («A Fire Upon the Deep»), одна из наиболее масштабных и захватывающих космических опер современности, принес Винджу премию «Хьюго», а продолжение книги, «Глубина в небе» («A Deepness in the Sky»), заслужило новую премию «Хьюго» в 2000 году. В следующие два года писатель получил еще две премии «Хьюго»: за повести «Быстрые времена в Файрмонт-Хай» («Fast Times at Fairmont High») и «Куки-монстр» («The Cookie Monster»). Сейчас Виндж наряду с Грегом Биром и

Грегори Бенфордом считается одним из лучших американских авторов в жанре «твердой» НФ. Среди других произведений этого писателя — романы «Мир Гримма» («Tatia Grimm's World»), «Остряк» («The Witling»), «Война миру» («The Peace War») и «Затерянный в реальном времени» («Marooned in the Real Time»), выпущенные в одном томе под заголовком «Сквозь время» («Across Realtime»), а также сборники рассказов «Истинные имена и другие опасности» («True Names and other Dangers») и «Угрозы и прочие обещания» («Threats and other Promises»). Недавно вышло «Полное собрание рассказов Вернора Винджа» («The Collected Stories of Vernor Vinge»).

* * *

Давным-давно игры и фильмы были домашними — для «ботаников» и ребятни с натертыми до мозолей курковыми пальцами. Теперь развлечения вырвались из четырех стен. Заняли весь мир. Оттого-то Мигель Вильяс и любил ходить в школу в компании близнецов Рэднер. Фред и Джерри оказывали «дурное влияние», но были лучшими из геймеров, знакомых Майку в лицо.

— А мы замутили новую подлянку, Майк, — признался Фред.

— Ага, — подтвердил Джерри, улыбаясь с тем выражением, какое обычно появлялось, когда братья задумывали нечто экстремальное.

Все трое шли проторенным путем по кромке информационного канала. Жильная канва была сухой и серой и змеилась через весь каньон прямо до округа Лас-Меситас. Возвышавшиеся впереди холмы поросли ледяником и толокнянкой, а прямо на пути кустилась поросль молодых дубков. Чего еще ожидать от северной части графства Сан-Диего в начале мая?

По крайней мере, офф-лайн.

Каньон не был «мертвой зоной». Наоборот, Комитет Графства по Информационному Контролю непрестанно обустраивал окрестности, и уровень общественного доступа здесь ничем не уступал тому, что на городских улицах. Майк то и дело пожимал плечами или подергивался. Других команд для «носилки» от «Ипифани» и не требовалось.

Общий обзор перешел в режим манга/анимэ. Ветви толокнянки превратились в изломанные щупальца. Теперь дома

на краю каньона складывались из грузных балок, а над крышами реяли стяги. Впереди возвышался замок, вотчина Великого Герцога Гуа Фина (на самом деле это был пацан из местных, приложивший немало усилий, чтобы распустить слухи о Герцоге). Майк обрядил близнецов в одежду из японских комиксов, встопорщил им волосы, а лица сделал большеглазыми, с маленькими ртами.

— Гляди-ка, Джерри! — довольно просиял Майк, дожидаясь, пока близнецы настроятся на его визуальный режим. Чтобы добиться этих зрительных эффектов, Вильяс старался целую неделю.

Фред закатил глаза, принимая зрительные файлы, разработанные Майком.

— Мигель, родной, это же старье! — Рэднер мельком глянул на вершину холма — туда, где стоял замок. — К тому же Гоша Фань — полный дуралей.

— Ох. — Майк отключил контроль, и визуалка рассыпалась неряшливым каскадом. Реальность взяла свое: сперва — небо, затем — ландшафт, а после — персонажи и одежду. — Но вам же на прошлой неделе нравилось! — Майк вспомнил, что тогда близнецы не жалели сил, чтобы изгнать Великого Герцога.

Братья переглянулись. Майк готов был поклясться, что в беззвучке близнецы говорят друг другу: «Мы же сказали, что на сегодня намечается новая программа. Будет кое-что грандиозное».

Теперь вся компания углубилась в середину дубовой рощицы. Отсюда виднелась океанская дымка: в ясную погоду или если прикупить «чистое изображение», местность просматривалась до самого океана. К югу раскинулись другие округи и клочок зелени Файрмонт-колледжа. На севере располагался самый интересный для Майка объект в окрестностях…

Парк Пирамидного Холма высился в середине крошечной долины. Давным-давно на холме рос сад авокадо. Если переключиться на логотипную картину парка, то сад покажется таким же, как прежде. Невооруженным глазом здесь можно увидеть другие породы деревьев. Были еще лужайки, реальные дома и конструкция в форме петли, зависшая в нескольких сотнях футов над верхушкой Холма. Самая длинная трасса «русских горок» в Калифорнии.

Близнецы ухмыльнулись, глядя на приятеля. Джерри махнул рукой в сторону парка:

— Хочешь поиграть в «Назад в Меловой», но с реальными ощущениями?

У Пирамидного Холма был и бесплатный вход, но только для

визуалки.

— Слишком дорого.

— Точняк, дорого. Если платишь.

— И… э-э… разве вам сегодня не нужно защищать в колледже свой проект? — Первым предметом в расписании близнецов с утра было моделирование.

— Он еще в Ванкувере, — ответил Джерри.

— Ты из-за нас не переживай. — Взгляд Фреда выражал одновременно мольбу и самодовольство. — Нам Федеральная Служба Доставки поможет — как раз к сроку!

— Ну, тогда хорошо. Только бы не нарваться на приключения. — Передряги были основным минусом общения с Рэднерами.

— Да не волнуйся ты.

Троица спустилась по краю информационного канала и теперь лезла по узкому карнизу на восточный край Пирамидного Холма. До любого входа там было далековато, но дядя близнецов работал в Комитете Графства по Информационному Контролю, и братья имели доступ к утилитам КГИКа. Сейчас они расширили параметры, включив в них и Майка. Грязь под ногами сделалась полупрозрачной. Вильяс мог разглядеть десятидюймовый отводной туннель в пятнадцати футах под ногами. То тут, то там появлялись указательные стрелки — знаки местных архивов обновлений. Джерри и Фреду и прежде случалось использовать визуалку Комитета Информационного Контроля, и их еще ни разу не поймали. Сегодня братья наложили панель на карту местных узлов. В ярком дневном свете фон слегка отсвечивал фиолетовым, указывая сетевые «зеркала» и активные ссылки с самым высоким рейтингом.

Братья замерли на краю лощины. Фред глянул на Джерри:

— Ай-яй-яй! Позор Комитету. На тридцать футов — ни одного локализирующего узла!

— Точно, Джер. И чего только здесь не случится…

Без действующей локализационной сети узлы не могли точно определить местонахождение непрошеных гостей. По лазерному каналу установить высокочастотную связь невозможно, а вывод низкочастотного сенсора терялся в ландшафте. Этот участок оставался для внешнего мира сплошным туманом — густым, как овсянка.

Спустившись в лощину, приятели оказались в самой глубине, вне зоны охвата, однако же возвышающиеся склоны были видны и отсюда — обычным зрением. Если и дальше так пойдет, то скоро придется штурмовать Пирамидный Холм.

Близнецы на Холм не смотрели. Джерри подошел к

невысокому деревцу и прищурился:

— Видал? Хотели расширить зону охвата, да только без толку. — Он указал на деревце и послал сигнал. На утилитной проекции появилась лишь слабо различимая тень: «ошибка связи». — Здесь не сеть, а настоящий навоз.

Майк пожал плечами:

— К вечеру прорыв залатают.

Ближе к сумеркам, когда по каньонам, точно летучие мыши, порхали ремонтные зонды, узлы выскакивали то тут, то там.

— Хе-хе! Ну а почему бы нам не помочь графству и не устранить неполадки прямо сейчас? — Джерри выставил на всеобщее обозрение зеленоватый предмет размером с большой палец и протянул его Майку.

В верхней части выросли три плавника антенны: типичный узел-самопал.

Со сдохшими узлами придется повозиться, их птичьим пометом не назовешь…

— Ты что, перенастроил эту штуку?

Узел был испещрен паролями «Брейкин-Ар-Юс», однако в реальности перепрограммировать сетевой узел гораздо сложнее, чем в играх.

— Откуда у тебя коды доступа?

— Дядя Дон расслабился, — указал на устройство Джерри. — Все разрешения установлены. Жаль только, что коммутатор еще не отключился. — Близнец указал вверх, на ветви деревца: — Ты, Майк, небольшой, запросто вскарабкаешься. Заберись и сбей коммутаторный узел.

— Хм…

— Да ладно, не бойся. Департамент не заметит.

На самом деле Департамент Национальной Безопасности наверняка заметил бы — по крайней мере, факт починки локализационной сети. Но также можно не сомневаться: никакой реакции не последует. Девизом отдела было: «Всё вижу, всё знаю», однако и увиденным, и разведанным сотрудники пользовались лишь в служебных целях. Нежелание ДНБ делиться информацией с силами охраны правопорядка было общеизвестно.

Майк шагнул наружу, в зону охвата, и заглянул в сводку контроля преступности. В зоне вокруг Пирамидного Холма отмечалось положенное количество арестов — главным образом, за применение психостимуляторов, но здесь вот уже несколько месяцев ничего не происходило.

— О'кей.

Майк вернулся к деревцу и вскарабкался туда, где расходились в стороны ветви.

Старый узел висел на прогнившей липучке. Вильяс сбил устройство на землю, а близнецы устроили прибору неудачное падение на камни. Майк спустился вниз, несколько мгновений троица просматривала диагностику. Едва лишь узлы рассчитали собственное местонахождение и зону, в которой был их перенастроенный собрат, как фиолетовое марево сгустилось в яркие пятна, после чего сеть автоматически настроилась на параметры общего режима. Теперь лазерное слежение действовало в каждом окне, и по всему периметру Пирамидного Холма можно было углядеть знаки собственности.

— Ха! — воскликнул Фред. Близнецы направились вверх по склону, за границу собственности. — Давай, Майк! Мы обозначены как сотрудники графства. Если не задержимся надолго, то все будет в порядке.

* * *

На Пирамидном Холме имеются все эффекты-щупалки, а не только призраки, спроецированные на вашу сетчатку контактными линзами. На Пирамидном Холме есть игры, где можно дать ящеру пинка под зад, стырить яйца тираннозавра или поиграть с теплыми меховыми зверушками, весело отплясывающими вокруг и словно просящимися на руки. Если полностью отключить игровую панораму, то можно увидеть, как бродят в собственных мирах среди зарослей прочие игроки. Холму как-то удавалось предотвращать столкновения.

В «Назад в Меловой Период» растительность состояла из рослых гингко, со множеством преград и нор-укрытий. С недавних пор Майк часто играл в зрительную версию «Назад в Мел», с близнецами — лично, ну и по всему свету — с прочими игроками. Полученный опыт не радовал. Пока за эту неделю его «убили и сожрали» трижды.

Майк старался изо всех сил. Разработал новый вид — шустрых, маленьких созданий, не привлекающих внимания самых отъявленных критиканов. Близнецы не впечатлились, хотя и от себя ничего предложить не смогли.

Продвигаясь по зарослям гингко, Вильяс приглядывал за зубастыми тварями, шаставшими в подлеске. Они-то и прикончили его в понедельник. Во вторник доконала какая-то древняя хвороба.

Пока все казалось вполне безопасным, однако от собственного вклада Майка в игру не было и следа. Зверье плодилось быстро, запас на габариты он установил, но куда же

все подевались? Должно быть, кто-то скопировал и перенес. Наверное, в Казахстане по его разработкам с ума сходят. Раньше Вильясу удавалось добиться там успеха. А здесь и сегодня…

Майк шагал по Холму — немного обескураженный, но еще не съеденный. Близнецы приняли стандартные формы велоцирапторов.

Оттягивались по полной. Охотились на дичь размером с цыплят — осязательные эффекты Пирамиды.

Ящер-Джерри оглянулся на Майка:

— А где твоя зверюга?

Майк не стал принимать форму животного.

— Я путешественник во времени, — ответил Вильяс.

Это был тип персонажа, разрешенный первой версией игры.

Фред ослепительно улыбнулся, демонстрируя зубастую пасть:

— Я имел в виду зверюг, которых ты создал на прошлой неделе!

— Не знаю.

— Скорее всего, их критики сожрали, — вмешался Джерри. Братья подхалимски заржали. — Мигель, хватит уже пытаться набрать очки созданием! Пошли это дело куда подальше и займись чем-нибудь получше!

В подтверждение собственных слов Джерри взмахнул лапой; задняя конечность врезалась во что-то, проворно мчавшееся по дороге. Игрок получил несколько классических очков и недолгое, но пронзительное удовольствие от осязаемой резни. Фред присоединился к брату, и все вокруг оказалось заляпано красным.

Жертва была как будто смутно знакомой. Молодое создание, сообразительное на вид… новорожденный из собственных разработок Майка! А значит, где-то рядом и мамаша.

— Знаете, не думаю, что… — начал Майк.

— Беда В Том, Что Никто Из Вас Не Думает и Даже Ничего Похожего Не Умеет. — Голос звучал так, словно голова оказалась внутри старинного бум-бокса.

Слишком поздно приятели увидели, что из стволов деревьев за спиной выросли когти длиной с ярд.

Мамаша. Сверху обрушился слюнопад, каждая капля — десять дюймов длиной.

Дизайн Майка, в максимальном масштабе.

— Ш… — начал было Фред.

Больше велоцираптор ничего прошипеть не успел. Из крон гингко показалась голова и зубы, с которых стекала слюна, и Фреда заглотили по самые кончики задних лап. Некоторое время чудище грызло и глодало добычу. Лощину заполнил звук ломающихся костей.

— Ых-х! — Громадина распахнула пасть и отрыгнула ужасом.

Увиденное было сработано так правдоподобно, что пугало.

Майк быстро переключился на реальность: Фред стоял посреди останков своего ящера. Рубаха приятеля выбилась из штанов, а сам Фред был заляпан жижей — настоящей, вонючей. За такую обычно платят.

Само чудище оказалось одним из самых больших роботов Холма, воплотившимся в очередную разработку Майка.

Все трое заглянули зверю в пасть.

— Ну что, хватит с вас сенсорики, а? — поинтересовалось животное, и его дыхание пахнуло жарким дуновением разлагающегося мяса.

Фред шагнул назад и едва не поскользнулся на слизи.

— Покойный Фред Рэднер только что потерял множество очков. — Чудище мотнуло громадной, с грузовик, мордой, в сторону троицы, — а мне все еще хочется есть. Предлагаю побыстрее покинуть Холм.

Майк и близнецы попятились, не сводя взгляда с частокола зубов.

Братья развернулись и бросились бежать. Как обычно, Майк немного поотстал.

Вильяса ухватило что-то похожее на громадную руку.

— А с тобой мне еще нужно поговорить! — проревело чудище, стиснув клыки. — Сядь!

«Боже мой… Вечно мне не везет», — подумал Майк и тут же вспомнил, что не кто иной, как он, Мигель Вильяс, вскарабкался на дерево, чтобы перенастроить программу допуска на Холм.

Какой еще невезухи ждать глупому Майку Вильясу — он и так отхватил от нее здоровенный кусок! А близнецы и вовсе скрылись из виду…

Но когда «челюсти» опустили Вильяса на землю и он оглянулся, то страшилище оставалось на прежнем месте — значит, это не полицейский из патруля допуска на Пирамидном Холме. Может быть, даже настоящий игрок в «Назад в Мел»! Майк ерзал, стараясь выскользнуть из-под тяжелого взгляда. Это же понарошку. От ящера ростом в четыре этажа можно просто уйти! Разумеется, кредиту в «Назад в Меловой Период» придет конец, а может быть, и вонючей слизью обляпают. И если Большой Ящер всерьез разобидится, то и в других играх навредит. Ну ладно. Вильяс сел, прислонился спиной к стволу ближайшего гингко. Значит, снова опоздает — что ж, его учебе уже ничем повредить нельзя, хуже все равно не будет.

Ящер подался назад, оттолкнув в сторону труп динозавра Фреда Рэднера, от того валил пар. Прижал голову к земле, чтобы

смотреть Мигелю в лицо. Глаза, голова и цвет оказались точной копией дизайна Вильяса, но этот игрок постарался, разработки впечатляли. Судя по шрамам, ящер успел пройти через сражения в нескольких «горячих» точках «Мела».

Майк вымученно улыбнулся:

— Так, значит, тебе нравится мой дизайн?

Существо поковырялось в зубах восьмидюймовыми когтями.

— Приходилось и худшие модели носить. — Игрок изменил настройки, включив опции критика.

Майк повстречал крутого, может быть, даже хакера! Между собеседниками на земле лежал бездыханный, растерзанный образчик творения Майка. Большой Ящер ткнул в труп указательным когтем:

— Структура шкуры — полный Голдман! Твоя цветовая схема — банальнейший эволюционный сдвиг, избитое клише.

Майк подтянул колени к подбородку. Похожие наезды приходилось разруливать и в колледже!

— Ворую у лучших.

Смешок динозавра прозвучал хриплым ревом:

— Это ты преподам втирай. Им придется хавать все, что ты скормишь, — пока не доучишься и тебя можно будет вышвырнуть на улицу. У тебя дизайн — так себе. Были кое-какие адаптации, но в основном из-за хорошо заложенных габаритов. До настоящего качества ты еще не дорос. — Создание почесывало боевые шрамы.

— Зато я другое умею.

— Ну да, вот только если по другим предметам стараться не будешь, завалишь и то, что умеешь.

Из всех сомнений, терзающих Майка Вильяса, на подобные рассуждения приходилась львиная доля. В ответ он яростно глянул в прищуренные желтые глаза и внезапно осознал: в отличие от преподавателей, этот чел придирается бесплатно. А если игрок хотел поиздеваться, то потратил слишком много времени. «Значит, ему и впрямь что-то от меня нужно!» Майк придал сердитому взору проницательности:

— И что же ты мне посоветуешь, о Великий Виртуальный Ящер?

— Может, и посоветую… Кроме «Назад в Мел», у меня есть и другие проекты. Не хочешь присоединиться?

Еще никто и никогда не просил Майка присоединиться к какому-нибудь делу — не считая игр в окрестностях. Вильяс скривился в притворном презрении:

— Присоединиться? За процент от процента от… какой доли? Как низко ты стоишь в цепочке расчетов?

Ящер пожал плечами, и от колыхания туловища загудели, раскачиваясь, деревья гингко.

— Думаю, что довольно-таки низко. Хотя проект не бросовый. За каждый ответ, перекачанный наверх, могу заплатить нормальные деньги.

Существо назвало цифру — суммы хватило бы, чтобы целый год, каждую неделю играть на Холме. В воздухе между собеседниками всплыл сертификат оплаты.

— Или в два раза больше, или я не согласен!

— Идет! — произнес ящер, и Майк отчего-то был уверен: гигант ухмыляется.

— Хорошо, ну так чего ты хочешь?

— Ты учишься в Файрмонт-колледже, верно?

— Ну да.

— Странное место, а?

Майк промолчал, и зверюга продолжила:

— Еще какое странное, будь уверен. Обычно взрослых вместе с детьми не обучают.

— Ну да… Старперам не нравится. Да и нам — тоже.

— Ну так вот, тот, кто подключится, должен будет выведывать информацию, в основном — у стариков. Найти к ним подход.

Упс! Но тут же Майк вновь посмотрел на сертификат оплаты. Он казался подлинным. Условия решения о выплате казались сложноватыми, вчитываться не хотелось, но гарантом выступал e-Bay.

— А к кому конкретно найти подход?

— Пока вышестоящий партнер обрисовал собственные интересы лишь в общих чертах: в основном граждане преклонного возраста, прежде ходившие в больших шишках.

— Если они такие крутые, то почему теперь учатся вместе с нами? — Подобным вопросом задавались все студенты.

— По многим причинам, Мигель. Некоторым просто одиноко. Другие — по уши в долгах, им приходится думать, как при новой экономике заработать на жизнь. Кое-кто почти совсем слетел с катушек; все, что осталось, — здоровое тело и ворох древних воспоминаний… Слышал о синдроме Пика?

— Э-э… — Майк заглянул в поисковик за определением: «Серьезное нарушение социальной активности». — И как мне к таким кадрам подход искать?

— Нужны деньги — придумаешь как. Не беспокойся, в списке только один человек с синдромом, и ему уже лучше. В общем, вот тебе параметры поиска. — Большой Ящер перенаправил документ.

Майк прошелся по внешнему слою:

— Ну, под это определение много кто попадает. — Здесь были отставные политики, военные, биологи, родители лиц, ныне работающих в перечисленных областях… — Э-э… Тут, пожалуй, действительно глубоко копать придется. Может быть, мы людей поставляем, подыгрывая шантажистам.

— Хе-хе! Мне было интересно, заметишь ты или нет.

— Я не идиот!

— Если чересчур много накопаешь, никогда не поздно свалить.

— Я берусь за это дело! Подключаюсь к тебе.

— Мне бы не хотелось, чтобы ты занимался чем-нибудь, что сочтешь не…

— Я же сказал, что берусь!

— Ну хорошо! Что ж, вот тебе для начала. В документе — контактная информация. — Создание неуклюже поднялось на задние лапы, голос доносился сверху: — Хорошо бы нам больше не пересекаться на Холме Пирамид!

— Я не против.

Спускаясь вниз по склону, Майк набрал лишние очки, шлепнув чудище по хвосту.

* * *

Близнецы существенно опередили Майка и теперь стояли возле футбольного поля, на дальнем краю кампуса. Подойдя к въезду для машин, Майк выделил себе зрительное место на спортивной скамье и подал сигнал. В ответ Фред помахал рукой: рубаха еще не просохла, так что по-настоящему не пообщаешься. Джерри глядел прямо перед собой — на пакет от Федеральной Службы Доставки, падающий прямо в его подставленные руки. Ну да, как раз к сроку. Близнецы раскрывали посылку на ходу, по пути в четыре стены.

К неудовольствию Майка, занятия начинались в дальнем крыле. Он перебежал через лужайку, заставляя себя не отрываться от неулучшенной реальности: сегодня сооружения были в основном трехэтажными. Серые стены казались игральными картами, выстроенными в шаткие домики.

Вид внутри зависел не только от его воли. Администрация колледжа требовала, чтобы по утрам местные новости проступали на всех внутренних стенах. Трое парней из Гувер-колледж выиграли стипендию «IBM». Аплодисменты, бурные овации! — несмотря на то что Гувер был незаслуженно везучим соперником

Файрмонта, частной школы при факультете математики Южного университета. Троим юным гениям полностью оплатят обучение в колледже, до самого диплома, даже если они никогда не будут работать на «IBM».

«Подумаешь», — пронеслась в мозгу Майка мысль. По пути какой-нибудь процент от полученных сумм наверняка осядет на счетах корпорации.

Несколько рассеянно Майк проследовал по зеленым стрелкам, указывающим направление, и внезапно понял, что поднялся по лестнице на два пролета. Со вчерашнего дня администрация все перестроила. Разумеется, указатели тоже обновились. Хорошо, что не прореагировал.

Майк проскользнул в класс и сел.

Мисс Чамлиг уже начала.

Она преподавала «Поиск и обработку». Когда-то мисс Чамлиг читала высокоскоростную версию курса в Гувере, но, если верить подтвержденным слухам, мисс Чамлиг просто не поспевала. А потому Департамент образования перевел ее на одноименный курс в Файрмонте. По-своему она даже нравилась Майку. Тоже неудачница.

— Есть множество различных навыков, — говорила преподавательница, — иногда лучше скоординировать действия с разными людьми.

Учащиеся кивали: быть координаторами! Вот где деньги и слава! Но слушатели могли предугадать, куда ведет Чамлиг:

— К сожалению, все вы собираетесь стать менеджерами высшего звена, верно?

— Ну да, кое-кто и станет, — подал голос один из учащихся по программе «Образование для взрослых».

Ральстон Блаунт был стар настолько, что годился Майку в прапрадедушки. А когда у него не задавался денек, любил оттянуться, издеваясь над мисс Чамлиг.

Инструктор по «Поиску и обработке» улыбнулась в ответ:

— Менеджеров-координаторов в чистом виде, профессор Блаунт, редко найдешь.

— Кто-нибудь станет администратором.

— Да, — На мгновение Чамлиг погрустнела, точно готовясь сообщить неприятную новость: — В работе администраторов очень многое изменилось, профессор Блаунт.

Ральстон Блаунт пожал плечами:

— Ну что ж… Значит, придется выучиться новым фокусам.

— Верно. — Мисс Чамлиг обвела взглядом аудиторию. — Именно это я и хочу сказать. Здесь мы изучаем поиск и обработку данных. Поиск может показаться простым, но для анализа

необходимо понимать результаты поиска. В конечном итоге необходимы знания.

— Вы намекаете на все те курсы, где мы получили средний балл, так? — послышался голос с галереи-невидимки — вероятно, от отсутствующего на занятии учащегося.

Чамлиг вздохнула:

— Именно. Не позволяйте навыкам атрофироваться. Используйте их! Разрабатывайте! И делать это можно посредством особого вида предварительного анализа — я называю его «учеба».

Одна из слушательниц подняла руку. Вот какой старой она была…

— Да, доктор Шу?

— Я понимаю, что вы правы, но… — Женщина оглядела помещение. На вид ей было примерно столько же, сколько и Чамлиг, — совсем не такая древняя, как Ральстон Блаунт. Но в глазах плескался испуг. — Но есть люди, у которых это получается лучше, чем у других! Я уже не такая сообразительная, как прежде. А может, просто другие умнее… Как быть, если стараешься изо всех сил, а все равно не получается?

Чамлиг призадумалась.

— Эта проблема знакома каждому, доктор Шу. Судьба каждому сдает карты. В вашем случае получен новый прикуп, начало новой жизни. — Взгляд Чамлиг охватил остальных студентов в помещении. — Некоторые думают, будто жизнь сдала вам только мелочь, двойки и тройки.

Несколько парней на первых рядах обратились в слух. В «носилке», хотя и сами не знали, во что оделись, и никогда не учились целостному программированию. Пока преподавательница говорила, эти барабанили пальцами, выискивая значения слов «двойка» и «тройка».

— Но у меня есть своя философия, — продолжала Чамлиг, — и она восходит к игре: «Всегда есть, чем бить». Любой из вас обладает особым даром. Выясните, чем вы выделяетесь, в чем превосходите остальных. Поставьте на это всё. Когда станете развиваться — сможете давать ответы другим, и люди захотят вас отблагодарить. Если коротко, то синтетическое счастье не приходит само по себе. Его нужно вырабатывать.

Инструктор замолчала, разглядывая невидимый конспект лекции, и голос перешел с громкого на еле слышный:

— Вот вкратце и все. Сегодня мы узнаем, как форматировать результаты поисковых заседаний. Как всегда, самое важное здесь — задать правильный вопрос.

* * *

Мигелю нравилось сидеть у внешней стены — особенно если класс помещался на верхнем этаже. Можно чувствовать ритмичное покачивание, спуск — подъем — замкнутый цикл стен, удерживающих равновесие. Мать вечно по этому поводу переживала. «Секундный сбой в системе — и все развалится на части!» — жаловалась она на родительском собрании. С другой стороны, похожая на карточный домик конструкция обходилась дешево и выдержала бы мощное землетрясение с той же легкостью, что и утренний ветерок.

Мигель перестал жаться к стене и прислушался к голосу инструктора. Вот отчего в колледже на большинстве занятий требовалось личное присутствие участников: раз уж оказался в ловушке — в настоящей комнате с настоящим преподавателем, то приходилось уделять курсу какое-никакое внимание. Над головами учащихся парили графические материалы лекции. Мисс Чамлиг удавалось удерживать внимание слушателей: число непристойных каракулей, шнырявших по краям проекции, было минимальным.

Некоторое время Майк тоже вслушивался. Поисковые заседания могут создавать неплохие ответы — как правило, при нулевых затратах. Никаких подключений — просто единомышленники сообща обмозговывают вопросы. Но как быть тем, кто выпадает? Предположим, ты — в поисковом заседании по вопросам генетики. Если не умеешь отличить рибосому от роборяда, то никакие интерфейсы не спасут.

А потому Майк отключился от Чамлиг и принялся оглядывать комнату, перебегая с одной точки просмотра на другую. Некоторые ракурсы принадлежали учащимся и были открыты к свободному доступу. Большинство — случайные камеры. В паузе между переключениями Майк скачал документ Большого Ящера. Оказалось, великана интересовали не только старперы. В списке присутствовали и простые студенты. Дерево подключений может оказаться хитрым — как «Калифорнийская лотерея».

Но все молодые доводятся кому-нибудь детьми. Вильяс наугад проверил несколько историй. Подобно большинству учащихся, Майк множество файлов хранил в «носилке». Поиск можно провести в пределах собственной куртки. Во внешний мир Вильяс выходил редко — не считая тех случаев, когда нужно посетить сайт, о котором рассказывала Чамлиг. Преподавательница знала, как застать врасплох тех, кто прогуливал мысленно. Но Майк был не промах в целостном программировании и умел управляться с «носилкой»

незаметными жестами-подсказками или из меню взгляда. Как только взгляд Чамлиг остановился на Вильясе, он радостно кивнул и повторил запись последних секунд лекции.

Что же до великовозрастных учащихся… Полностью перестроившиеся никогда не попали бы на занятия — теперь они богаты и знамениты, им принадлежит весь мир. Курсы, установленные программой образования взрослых, посещали «бывшие». Новички из их числа поступали в Файрмонт на протяжении всего семестра. Больницы для стариков отказывались перенастраивать старших к началу семестра. Утверждали, что пожилые граждане обладают достаточной «социальной зрелостью», чтобы разрулить ворох проблем, связанных с началом занятий, с середины семестра.

Майк переключался с одного лица на другое, сопоставляя увиденное с отметками в файлах общего доступа. Ральстон Блаунт. Мужик упал ниже плинтуса. Ручаться за результаты перенастройки нельзя: это всегда «бабушка надвое сказала». Что-то можно вылечить, что-то — нет. Да и помогает такая медицина не одинаково. И Ральстону не очень повезло.

Сейчас старина старательно щурился, силясь уследить за приведенным Чамлиг примером из области поисковых заседаний. Блаунт провел на занятиях почти весь семестр. Медицинские записи Ральстона просмотреть не удалось, однако с сознанием у него наверняка был относительный порядок: сообразительный, не хуже большинства молодежи на лекции. И когда-то, давным-давно, он жил-поживал, имея вес в Южном Округе Объединенных Графств.

Давным-давно…

Что ж, этого — в список «интересных». Кто еще? Дорис Нгуен. Бывшая разработчица домов. Майк посмотрел обычным зрением на моложавое лицо. На вид ей было примерно столько же, сколько маме, — хотя на деле Дорис была лет на сорок старше. Вильяс провел именной поиск, отсекая случайные совпадения и явные выдумки: «Борцы за Неприкосновенность Частной Жизни» внедряли ложь так глубоко, что порой истина не поддавалась установлению. Однако в прошлом Дорис Нгуен не имела никаких важных связей. С другой стороны, сын ее работает в Кэмп-Пендлтоне. Ну ладно, Дорис в списке оставляем.

Чамлиг продолжала объяснять, как ответы форматируются в новые вопросы, не обращая внимания на прогул Майка.

Так, дальше у нас Сяо-Вен Шу. Доктор физических наук, доктор электронной инженерии. 2005 год. Лауреат премии Intel…

Доктор Шу нагнулась, всматриваясь в столешницу перед собой. Старалась уследить за разъяснениями инструктора с

помощью… ноутбука! Бедная тетенька. Но наверняка со связями.

Политики, военные, ученые… И родители таковых. Ну да. Подключение может оказаться забавным. Может быть, удастся проследить по дереву, узнать, не замешаны ли какие-нибудь злодеи. Майк отправил пару сотен запросов, в основном — по подлинности сертификатов. Даже если документы серьезные, люди и программы все равно могут что-нибудь напортачить. Ручейком потекли ответы.

Если бы не туман, который напустили «Борцы за Непрникосновенность», он смог бы отыскать и стоящие подсказки. Вильяс разослал новые вопросы, но внезапно по всему полю видения беззвучным пламенем полыхнуло сообщение:

> Чамлиг => Вильяс: *Мигель, у тебя еще целый день впереди — успеешь наиграться! Если будешь глазеть по сторонам, то можешь не сомневаться: этот курс для тебя закончен.*
>
> Вильяс => Чамлиг: *Виноват. Извините!*

Обыкновенно инструктор просто изводила его неожиданными вопросами, но в этот раз Чамлиг впервые обратилась к нему с явной угрозой.

Самое потрясающее, что сделала она это во время короткого перерыва, когда остальные думали, что преподавательница просто просматривает записи. Майк взглянул на нее с заметно выросшим уважением.

* * *

Моделирование. Любимый предмет Майка Вильяса — и не только оттого, что он завершает день. Занятия по моделированию похожи на первоклассную игру — с настоящими клавишами и джойстиками, результат можно потрогать, им можно управлять. За такое на Пирамидальном Холме деньги платят. Да и мистер Вильямс не похож на Луизу Чамлиг. Позволял делать то, что нравится, но ни разу не лез потом с сетованиями на то, что ты ничего не добился. Не получить высший балл на занятиях Рона Вильямса почти невозможно: он потрясающе старомоден.

Курс моделирования оказался для Майка прекрасной возможностью поболтать со стариками и помешанными на неприкосновенности частной жизни уродами. При этом выглядел он полным идиотом. Новое подключение требует слишком хороших навыков в общении с людьми, а Майк никогда не умел играть в дипломатию.

И вот теперь приходится убалтывать старичье. Что ж, попробуем…

Ральстон Блаунт просто сидел, глядя в пустое пространство над столом. Одетый, но на сообщения не отвечает. Майк дождался, пока Вильямс отправится на очередную кофе-паузу. Затем подошел и сел возле Блаунта. Господи боже, этот Ральстон, может быть, и здоров, но какой же старый на вид! Несколько мгновений у Майка ушло на то, чтобы подсоединиться к восприятию старикана. Вильяс знал, что, если Блаунту не нравятся занятия, он просто не обращает на них внимание. На оценки ему плевать. Несколько мгновений спустя Майк обнаружил, что и общаться Ральстону не очень хочется.

«Ну так поговори с ним! Представь, что это — новый способ прибить чудище в игре!»

Майк создал себе карикатурный облик, и внезапно оказалось, что начать общение не так уж сложно.

— Как вам нравятся занятия по моделированию, профессор Блаунт?

Взгляд старика остановился на Майке.

— Трудно представить, мистер Вильяс, к чему еще я был бы столь же безразличен…

* * *

Ур-ра! Гм. В общем доступе имелось немало сведений о Ральстоне Блаунте — даже какая-то переписка по группе новостей, доставшаяся в наследство. Всегда пригодится, если нужно потрясти родителей и других старших…

Но старик продолжал беседовать сам с собой:

— Я не то, что некоторые здесь. Никогда не впадал в слабоумие. Если по справедливости, то моя карьера должна идти так же, как и у лучших в моем поколении.

— По справедливости?

— В две тысячи шестом я был ректором Восьмого колледжа! На следующий год должен был стать канцлером Южного Округа Соединенных Графств! А вместо этого меня насильно отправили на пенсию…

Майку все это было известно.

— Но вы же так и не научились носить…

Блаунт прищурился:

— Я прошел четыре семестра этого вашего «Образования для взрослых»! Теперь мое резюме — в эфире!

— Должно быть, вы знакомы со многими важными людьми.

— Верно. Дайте мне время, и я еще…

— В-вы знаете, профессор, может быть, я смогу чем-то помочь? Нет-нет, не сам, конечно. У меня есть подключение!

— Вот как?

Что ж, хорошо, что Ральстон хотя бы знает, что такое «подключение». Майк разъяснил суть дела, предложенного Большим Ящером.

— Так что здесь могут быть и настоящие деньги.

Блаунт прищурился, стараясь разобраться в сертификате:

— Деньги не главное. Особенно в моей ситуации.

— Но любой человек с такими сертами имеет немалый вес! Может быть, вам еще удастся получить какую-нибудь помощь…

— Верно.

Старик еще не был готов заглотить наживку, хотя и пообещал переговорить с другими людьми из списка Майка. По условиям подключения помощь в работе над проектами засчитывается как небольшой плюс. Может быть, Ящер рассчитывал найти побольше связей…

Тем временем поднялся шум. Команда Мэри Дорси создала какого-то ползуна. Кругом прыгали прототипы.

Так достали, что даже говорить в полный голос нельзя.

Вильяс => Блаунт: *Вы меня слышите?*

— Конечно слышу, — ответил старик.

Получается, несмотря на клятвы Блаунта в «фишкосечении», ему, возможно, просто не совладать с беззвучными сообщениями — даже с работой на клавиатуре, к которой привыкли большинство взрослых.

* * *

Сяо-Вен Шу сидела на скамейке и читала с ноутбука. Чтобы заговорить с ней, потребовалось еще больше мужества, чем для обращения к Ральстону Блаунту.

Она выглядела такой грустной, была такой неподвижной… Список компонентов был отформатирован, точно каталог на жесткую копию.

— Раньше я в таких вещах разбиралась, — призналась доктор Шу, — вот гляди. — Она указала на картинку в музейном разделе. — Я сама этот чип придумала.

— Вы — самая крутая в мире, доктор Шу.

Собеседница Вильяса продолжала смотреть на экран:

— Ну, моя слава — в прошлом. В две тысячи пятом я

оставила Intel и вышла на пенсию. А во время войны не могла устроиться даже консультантом. И навыки…

— Болезнь Альцгеймера? — уточнил Майк.

Он-то знал, что на самом деле женщина была еще старше, чем казалась. Ей гораздо больше лет, чем Ральстону Блаунту.

Сяо-Вен замешкалась, и на миг Майку показалось, что он ее как следует рассердил. Но тут же доктор издала грустный смешок:

— Болезнь Альцгеймера здесь ни при чем. Ты… теперь люди просто не понимают, что значит «стареть».

— Но я знаю! У меня в Фениксе живет прапрадедушка. И у бабушки — настоящее слабоумие, ну, вы знаете, такое, что нельзя перенастроить. А остальные родственники все умерли.

(Древняя присказка, старее не бывает.)

Доктор Шу покачала головой:

— Даже в мое время мало кто сохранял рассудок к восьмидесяти. Просто мои навыки устарели. Моя близкая подруга скончалась. Прошло время — и наступило безразличие. Уже не хватало сил о чем-нибудь беспокоиться. — Сяо-Вен посмотрела на ноутбук. — Теперь у меня силы как у шестидесятилетней. Может быть, и рассудок такой же. — Доктор мягко хлопнула по столешнице. — Но даже современные конспекты я не понимаю! — Казалось, собеседница Майка вот-вот расплачется.

Майк огляделся: кажется, никто на них не смотрит. Он протянул руку и коснулся ладони Шу, не зная, что ответить на сказанное. Как говорит миссис Чамлиг, не получается задать верный вопрос.

Вильяс подумал и спросил:

— А какая у вас разработка?

— Не знаю. — Женщина колебалась. — Я не могу разобраться даже в этом каталоге компонентов!

Майк махнул рукой в сторону ноутбука, но картинки оставались неподвижными, точно вырезанными на камне.

— Можно я покажу вам, как это вижу?

— Да, пожалуйста.

Вильяс настроил дисплей Шу на свое отображение списка компонентов. Изображение прыгало и мерцало — слабое подобие вида, открывавшегося Майку, когда он обозревал окружающее с точки просмотра над головой. Тем не менее Шу подалась вперед, кивая в такт объяснениям нового знакомого:

— Подожди-ка! Это похоже на крылышки!

— Ну да, здесь есть много мелких летунов. Они прикольные.

Доктор Шу обессиленно улыбнулась:

— На вид не очень-то стабильные.

Майк тоже заметил нестабильность компонентов, но его собеседница не могла этого видеть. И откуда же она об этом знает?

— Верно, но редкая штука остается стабильной в пассивном режиме. Если хотите перенастроить подачу энергии, то я мог бы устроить.

Женщина задумчиво посмотрела на дурацкий дисплей:

— А, поняла! — На экране проступили энергоисточники, вместе с заметными стрелками, ведущими к справкам по интерфейсам. — Ты действительно можешь сохранить стабильность? — Снова улыбка, но на сей раз — шире, чем прежде. — Ну что ж, давай попробуем.

Крылышки оказались обычными хлопалками из ткани. Несколько десятков Майк переместил на рабочий стол, а после проделал кое-какие симуляции, пользуясь стандартными приемами «Рейнолдс-Намберс-Ар-Юс». Сяо-Вен Шу то отправляла запросы с ноутбука, то касалась пальцами самых крошечных крылышек.

Каким-то образом, буквально без посторонней помощи новая знакомая Майка смогла разобраться в энергоцепочке. Еще через несколько минут доктор Шу предложила пять вариантов дизайна. Вильяс научил ее программировать панель микрочипов, чтобы можно было пробовать несколько десятков вариантов одновременно.

Шу и Вильяс запустили в воздух несколько летунков. Неуклюжие машинки закружились по комнате, и несколько мгновений спустя все устройства оказались на полу: в каждом оказался какой-то просчет.

Мэри Дорси и ее друзья, сидевшие у дальнего конца стола, не впечатлились:

— Мы тоже делаем летунов, вот только у наших с мозгами все в порядке!

Что? А Майк думал, что там разрабатывают ползунов!

Сяо-Вен взглянула на поделки Дорси:

— Вам, мисс, вряд ли хватит мощности.

Мэри покраснела:

— Мне… Ну да.

Группа Дорси замолкла, однако участники лихорадочно обменивались сообщениями. Мэри спросила:

— Вы позволите применить ваше решение? — И поспешно добавила: — Разумеется, за официальные кредиты!

— Конечно.

Когда прозвенел звонок, создания Мэри слегка подпрыгивали.

Закончилось занятие, завершился учебный день. Но, казалось, Сяо-Вен Шу ничего не замечает. Майк и старая женщина собрали своих летунов и усовершенствовали.

Три поколения спустя все крошечные хлопалки уже летали. Сяо-Вен улыбалась широкой, до ушей, улыбкой.

— Значит, мини-узлы мы на них привили, — заметил Майк. — У вас неплохо получилось отработать мощности! — И при этом Шу обошлась без он-лайновых расчетов…

— Ну да! — Сяо-Вен как-то странно взглянула. — Но тебе удалось достичь стабильности меньше чем за час! А мне потребовалось бы несколько дней, чтобы настроить симуляции!

— Все просто — были бы инструменты подходящие!

Во взгляде доктора читалось недоверие.

— Да ладно, я же ничего не соображаю в этой дурацкой математике! Смотрите, доктор Шу: если вы научитесь работать в поисковиках и будете пользоваться правильными пакетами, то и сами так сможете! — Вильяс заговорил, как Чамлиг. «И подключение требует того же…» — Я… Я мог бы вас научить. И мы провернули бы не один совместный проект!

Может быть, Сяо-Вен так и останется в глубоком резерве, но если доктор найдет себя, то ее достижения превзойдут самые смелые мечты Майка.

Вильяс сомневался, поняла ли Шу до конца, что он ей предлагает. Но ответом Майку была улыбка:

— Договорились.

* * *

Майк не переживал, хотя вернулся домой поздно. Ральстон Блаунт подключился. Поработал над проектом вместе с Дорис Нгуен. Сяо-Вен Шу тоже согласилась участвовать. Она жила в доме отдыха, на Рейнбоус-Энд, но денег у нее оказалось немало. Шу может купить «носилку» получше, чем «Ипифани».

Большой Ящер останется доволен. Наверное, и Майку немного денег перепадет.

А может быть, награда не главное. Вильяс поймал себя на том, что насвистывает на ходу. Главное было… потрясающее открытие: сегодня у него получилось координировать! Именно ему удалось помочь другим! Конечно, не совсем то же самое, что работа настоящего менеджера высшего звена, но тоже неплохо.

Близнецы Рэднер почти дошли до дому, но в чат все равно заглянули.

— Мы тебя обыскались, Майк. — Оба близнеца

ухмылялись. — Слушай, Вильямс поставил нам по высшему баллу!

— За ванкуверский проект?

— Ага. Даже не поинтересовался, откуда у нас результаты, — произнес Джерри.

— И даже объяснять не потребовалось, — добавил Фред. — Не то нам досталось бы!

Они прошлись под дружеское молчание.

— А дыру, которую мы проделали в ограде Пирамидного Холма, уже починили.

— Неудивительно. Вряд ли нам стоит пробовать снова.

— Точно, — с жаром подхватил Фред.

Его изображение пошло рябью. Слизь еще мешала одежде работать.

Джерри продолжал:

— И нам удалось выведать о Чамлиг кое-что интересное.

Студенты держали собственный архив, посвященный факультету. В основном — для приколов. Но случалось, что информации находилось и более практическое применение.

— А в чем дело?

— В общем, слушай. От Рона Вильямса узнали. Он первым выяснил, так что сведения настоящие, а не какая-то лажа от «Борцов за Неприкосновенность».

Большинство обманок от БН, как правило, начиналось именно с таких вступлений, но Майк просто кивнул.

— Миссис Чамлиг не увольняли из Гувер-колледжа. Она до сих пор там подрабатывает, а может, и еще где-нибудь.

— Вот как… А отдел образования об этом знает?

Миссис Чамлиг всегда была такой правильной, и казалось просто невероятным, чтобы инструктор кого-нибудь надула.

— Не знаем. Пока неизвестно. Ума не приложим, почему в Гувере такое допустили. Помнишь ребят из «IBM», о которых нам все уши прожужжали? Все трое учились у Чамлиг! Но она, похоже, затаилась, как только пошли слухи. Мы думаем, что Чамлиг отказалась от кредитов из-за какого-то скандала… Эй, Майк!

Вильяс остановился на полпути. Пожав плечами, вернул утреннюю запись, сопоставил стиль речи Большого Ящера с манерой разговора Чамлиг…

Снова глянул на близнецов:

— Извините. Вы… вы меня удивили.

— Да мы и сами удивились. В общем, мы с Джерри решили, что сведения пригодятся, если у нас по предмету Чамлиг возникнут проблемы.

— Пожалуй, — согласился Майк, хотя ответ был скорее автоматическим: мысли Мигеля унеслись далеко.

Внезапно Вильяса осенило: есть кое-кто поважнее, чем менеджеры высшего звена. Кое-кто, чья помощь остается надолго.

И это — учителя.

Мэри Розенблюм
Внешность обманчива

Мэри Розенблюм, один из наиболее известных и плодовитых авторов девяностых, впервые опубликовалась в «Asimov's Science Fiction» в 1990 году и с тех пор является постоянным и активным сотрудником этого журнала, в котором было напечатано около тридцати ее произведений. Кроме того, ее рассказы появлялись в «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», «Science Fiction Age», «Pulphouse», «New Legends», а также в других журналах и сборниках.

Еще в девяностые годы Розенблюм сочинила огромное количество ярких, увлекательных и волнующих историй, чем завоевала множество преданных поклонников. Огромной популярностью среди читателей «Asimov's» пользовались ее рассказы из серии «Земли» («Drylands»), но и многие другие работы оставили неизгладимое впечатление, такие как «Каменный сад» («The Stone Garden»), «Синтез» («Synthesis»), «Полет» («Flight»), «Калифорнийский мечтатель» («California Dreamer»), «Бросок к Пегасу» («Casting at Pegasus»), «Энтрада» («Entrada»), «Крыса» («Rat»), «Сад на Центавре» («Centaur Garden»), «Внешность обманчива» («Skin deep»), «Песни сирен» («Songs the Sirens Sing») — этот список можно продолжать и продолжать. Ее новелла «Газовая рыба» («Gas Fish») выиграла премию журнала «Asimov's» 1996 года и вошла в число претендентов на награду «Небьюла» в том же году. Ее первый роман «Земли» («The Drylands»), вышедший в 1993 году, встретил восторженные отклики в прессе и получил престижную премию Комптона Крука как «Лучший дебютный роман года», вслед за ним появился второй роман «Химера» («Chimera»), а затем и третий — «Каменный сад» («The Stone Garden»). Первый сборник рассказов «Синтез и другие рассказы» («Synthesis and Other Stories») был тепло встречен критиками — его назвали одним из лучших сборников 1996 года. Последними произведениями писательницы стали мистические романы, объединенные в трилогию, которые от опубликовала под псевдонимом Мэри Фримен, а в настоящее время автор работает над еще одним научно-

фантастическим романом. Мэри Розенблюм — выпускница писательского семинара «Clarion West», ныне проживает в Портленде, штат Орегон.

Эта трогательная история повествует о том, что хоть внешность и бывает обманчива, но, если приглядеться к тому, что за ней скрывается, можно обнаружить несколько больше того, что ожидалось увидеть…

* * *

Когда группа журналистов вошла с улицы в ресторан, у меня и в мыслях не было, что это меня они ищут. Я даже не смотрел в их сторону и продолжал возиться в мойке. Да и на что они мне сдались? В последнее время наш ресторанчик на пятнадцать столиков стал весьма популярен: о нем писали в «Таймс», так что среди посетителей в переполненном зале всегда можно было встретить кого-нибудь из знаменитостей. Не знаю, что всех влекло сюда — то ли дорогое меню, состоящее из блюд, приготовленных Антонио исключительно из диких растений, то ли людям просто нравилось, что здесь так мало столиков. Как бы то ни было, для меня день уже был испорчен. У нас появилась новенькая — девица, которую взяли резать салаты, так вот ей приходилось забирать у меня посуду, и она изо всех сил старалась на меня не смотреть. А Персидо и остальные ребята то и дело посылали ее ко мне. Это у них что-то вроде обряда посвящения. Мне такие шуточки никогда не нравились. Уж я-то хорошо знаю, каково это любой женщине — смотреть на меня.

Так я и стоял у раковины, намывая кастрюли из-под паэльи, руки — по локоть в воде желто-оранжевого цвета, как вдруг, ни с того ни с сего, вспыхивает свет, вокруг становится необычно шумно и тесно, маленькое пространство кухни едва вмещает такое количество людей. Я поворачиваюсь к ним, жирная желтая пена капает на пол, и вижу какую-то тетку с микрофоном, с ней несколько типов с переносными видеокамерами, которые прильнули к объективам, чтобы навести резкость. Эта тетка указывает на меня микрофоном и, сияя от счастья, болтает что-то невразумительное громким дикторским голосом. Что-то о какой-то там технологии, о каком-то докторе… И как я себя чувствую?

А чувствую я себя паршиво. У меня нет зеркала, даже для бритья. Оно мне ни к чему. Когда мне хочется увидеть свое лицо, я просто смотрю на кого-нибудь. И получаю прекрасное и четкое отражение того, что получилось в результате минимума работ по восстановлению моего лица в исполнении Общественного

Здравоохранения. Не красавец. Вам повезло, если вы не сталкивались со мной темной ночью. Но я привык, ведь мне уже и не вспомнить, как я выглядел до пожара в машине, впрочем… чего уж там — полагаю, это гложет меня до сих пор. Так что гляжу я в объективы камер, а сам думаю о том, что в ближайшие двадцать четыре часа мне не придется включать телевизор, чтобы случайно не наткнуться на программы новостей.

— Итак, Эрик, расскажи, о чем ты думаешь, ведь теперь у тебя снова будет нормальное лицо? Ты взволнован? Сообщил ли тебе доктор Олсон-Бернард, сколько времени это займет — хотя бы приблизительно?

Олсон-Бернард. Наконец-то слова репортерши стали до меня доходить. Это тот самый хлыщ, который работает в больнице университета. В свое время я заполнил у него обычные с виду анкеты для проведения операции по пересадке новой искусственной кожи — какой-то экспериментальной, выращенной вегетативно, или как-то похоже. Там было еще человек тридцать, из них парочка безобразных уродов вроде меня — полагаю, тогда я просто выкинул все из головы. Я и раньше обращался с подобными просьбами, но мне постоянно отказывали, уверяя, что кожный покров поврежден слишком глубоко и восстановлению не подлежит. Но мне все равно хочется.

— Доктор… — говорю я и понимаю, что голос мой звучит так, будто его тоже поджарили.

Ведущая новостей обращается к камере, расплываясь в радостной улыбке, идеальной с точки зрения европейского фенотипа, и начинает нести всякую чушь о докторе и обо мне — бедном и несчастном существе, о том, как добрый доктор собирается вернуть меня к жизни, и все в таком же духе. Я ее уже не слушаю: в ушах стоит гул, множество глаз просто зажали меня в тиски, Ринко, Волосатый, Паук — все те ребята, с которыми я работал каждый день, — пялятся на меня так, будто видят впервые, и все повара туда же, даже Домино (это он меня тискал однажды), и все официантки, мало того, посетители в зале тоже тянут шеи, стараясь разглядеть из-за всех этих спин, что происходит.

— Так что же ты чувствуешь? — Репортерша тычет в меня микрофоном, словно полицейский — жезлом.

— Я… даже и не знаю.

Она разочарована.

* * *

В конце концов Антонио не выдерживает и велит мне отправляться домой, чтобы я не мешал людям заниматься делом — готовить блюда и обслуживать посетителей. Чему я очень рад, поскольку от всех этих взглядов лицо мое затвердело, как пластик. Я объявляю Антонио, очень громко, что собираюсь проверить протечку, а сам запрыгиваю в служебный лифт, спускаюсь к заднему входу и незаметно выскальзываю в переулок — просто на тот случай, если журналисты все еще где-то рядом. Идет дождь, и свет от светофоров растекается красными, желтыми и зелеными огоньками по лужам, все вокруг прячутся от дождя — кто под зонтиком, а кто шапку натянул поглубже. Улицы забиты такси и велорикшами, и пока я Добираюсь до станции, мое пластиковое лицо размягчается от холодного дождя, пахнущего Нью-Йорком. И вот я уже на платформе — скучающий охранник скользит взглядом по сканеру и даже не оборачивается в мою сторону, а вагон в кои-то веки почти пустой.

В моей каморке на верхнем этаже в доме без лифта «оживает» компьютер — на экране монитора вспыхивает картинка «срочной почты»: свинцовые пенистые волны бьются о гавайский берег, ветер треплет в клочья пальмы. Это Дэйтарк, кто же еще. И точно — стоит мне сесть перед компьютером и войти в программу, как ее слова строкой бегут по дисплею:

> Ты во всех новостях дорогуша догадываюсь нескучная неделька предстоит.

Тут же по всему экрану вспыхивают маленькие фейерверки — это Дэйтарк смеется. Затем она обрушивает на меня видеоряд — я не успеваю убрать изображение и вижу себя, как я жмусь спиной к раковине, озираюсь вокруг, словно бездомный пес, загнанный в угол. Давненько я не видел своего лица, и сейчас, то ли из-за прожекторов на камерах, то ли из-за ракурса, оно выглядит крупнее, чем на самом деле, — плоское, лоснящееся и тошнотворно белое, как оплавившаяся свеча, вместо ушей огрызки, волос нет в помине, там, где должен присутствовать нос, — дырки, и все это скорчено в гримасе. Кусочки курицы с карри, которой Антонио кормил сегодня персонал, подступают к горлу и просятся наружу.

> Значит успешный док собирается сделать тебе новое личико.

Следует пауза, и на экране серые тучи кружатся над зеркально-спокойным озером, что означает — Дэйтарк задумалась.

> Он стоящий я проверила соглашайся.

А потом Дэйтарк пропадает, рассыпав напоследок лепестки роз, — они летят по темному экрану вниз и остаются лежать там, как выпавший снег. Я понятия не имею, что бы это значило, и — какого черта — с раздражением отключаю экран, скорее из-за того, что мне просто надо выпустить пар, и Дэйтарк тут ни при чем — ведь она единственная, с кем я общаюсь в Сети, и к тому же умеет добывать информацию. И подозреваю, не всегда законно. Однако экран снова вспыхивает, сообщая о «срочной почте» — сомневаюсь, чтобы Дэйтарк вернулась. Так оно и есть. Это официальное письмо из больницы, в которой я проходил собеседование, и, для того чтобы его прочесть, мне приходится сканировать глазную сетчатку.

В письме очень вежливыми — просто туши свет, — заковыристыми выражениями, которыми пользуются все эти умники-юристы, сообщается о том, что меня избрали участником… ну и вся прочая галиматья. Здесь же дается пароль для бесплатного проезда в такси и предлагается загрузить ключ. Я вставляю мини-диск в дисковод, и зажигается сигнал — ключ загружен. В девять часов утра, говорится в письме. Прибыть в приемный покой больницы.

Значит, это правда.

Мне… страшно.

И это глупо, ведь что мне терять, черт побери? Здесь еще целая куча страниц, и для доступа к каждой нужно сканировать сетчатку. Перед глазами мелькают слова, цифры, номера параграфов, пока я не натыкаюсь на предложение: «Вы не можете преследовать меня в судебном порядке», после чего я просто пролистываю страницы, не читая ни строчки, и отправляю их назад. Затем тыркаюсь в парочку соединений с Дэйтарк, но она не отвечает — может, чувствует, что я злюсь, а может, просто занимается своими делами. Еще рано, но мне не хочется загружать книгу, так что я заказываю музыку с одного из периферийных сайтов и слушаю, как кто-то пытается сочетать арабскую лютню и кларнет с зажигательными латиноамериканскими ритмами — не меньше. Ерунда какая-то, но все же это лучше, чем шарахаться от видеоновостей в Сети.

* * *

Пароль позволяет мне взять новенькое, блестящее такси, так что я избавлен от необходимости терпеть на себе взгляды рикши

в зеркале. Очутившись у входа в больницу, я вставляю диск с ключом в считыватель, и отражение моей сетчатки позволяет мне пройти внутрь, минуя систему сигнализации. Как только за спиной закрывается вторая дверь, под ногами на черном матовом полу зажигается желтая стрелочка. Иди по желтой кирпичной дороге — ладно, я в игре. Стрелочка ведет меня по широкому коридору, мимо других пациентов-зомби, все они, как и я, плетутся, не отрывая глаз от своих стрелочек — лиловых, зеленых или голубых. И вот наконец моя стрелка уходит под широкую деревянную дверь, но, когда мои пальцы касаются ее поверхности, я понимаю, что она не из дерева, а из какого-то другого материала.

Забавно. Но из того немногого, что сохранилось в моей памяти о жизни до… это как я сижу рядом со славным старичком, пока он вырезает что-то из куска дерева. А потом передает предмет мне, и я трогаю шелковистую поверхность — такую теплую и… живую. Полагаю, это было нечто округлое, но все, что я помню, — это улыбка старика, волосы, похожие на комочки белого хлопка, и эта деревяшка на ощупь напоминает бок какого-то зверя. А может, и женщины. Точно не помню.

— Мистер Халси. — Медсестра в приемной окликает меня, приветливо улыбаясь, и это так мило с ее стороны, что я просто теряюсь. Наверное, ей не привыкать к таким, как я. — Вы получили наше письмо. Доктор занят с пациентом, вы не могли бы присесть?

Доктора всегда заняты с пациентами, когда вы приходите к ним на прием, но голос у медсестры мягкий, и неприятное чувство, кольнувшее меня в самом начале, исчезает, и я почти поверил ее улыбке. Так что улыбаюсь ей в ответ, как умею, и беру в руки один из симпатичных наладонников, лежащих рядом с удобными креслами.

В нем представлены несколько различных журналов, какие-то рассказы именитых авторов и даже парочка коротких триллеров со множеством иллюстраций. Это вам не сборник Общественного Здравоохранения. Я листаю все подряд, но именитых я уже читал, а триллеры совсем не страшные. И как раз когда я выключаю текст, дверь отворяется и выходит доктор. Но в прошлый раз со мной беседовал совсем другой человек. Этот дядя очень высокого роста, так что мне, даже стоя, приходится задирать голову. В его внешности ярко выражено смешение многих европейских кровей — каштановые волосы, вытянутое лицо, вздернутый нос. Я всегда обращаю внимание на лица. Забавно. И еще — его не передергивает. Он улыбается. И он *смотрит* на меня. *Действительно* смотрит. Обычные люди так не делают. Их

взгляды соскальзывают с моего лица, как кожаные подметки с ледяной горки. Тем временем он жмет мне руку, и пока я собираю в кучу остатки мозгов, способных соображать, мы уже в его кабинете — стены убраны коврами и гобеленами, и стол здесь из натурального дерева, огромный, как моя кровать. Мне хочется провести по нему рукой, но я сдерживаюсь.

— Вы получили мое письмо. — Его улыбка делается чуть шире. — Быстро читаете.

Я пожимаю плечами:

— А вы не ожидали?

Теперь он пожимает плечами. *Мое* письмо. Не «наше», как говорят обычно врачи. Похвально.

— Вы действительно решили подвергнуться процедуре? Поймите, это все еще эксперимент, и хотя нам удавалось восстанавливать участки с глубоким поражением клеток, на самом деле мы еще не… — Он запинается на мгновение.

— Не чинили таких, как я, — заканчиваю я за него. Любезно подсказываю. И вызывающе. Ладно, переживу.

— Да. — Он не сводит с меня глаз — в них только печаль и никакой обиды на мою жалкую дерзость.

— Простите. — Я опускаю голову. Не так уж часто со мной бывает такое. — Делайте, что хотите. — И опять мне… да, страшно. Противное чувство.

Вздрагиваю, когда док кладет руку мне на плечо — так и хочется ее смахнуть.

Когда это было в последний раз? Чтобы кто-нибудь дотрагивался до меня просто так? Ну Домино не в счет — ведь он это делал не просто так, и ему все равно, кого трогать.

— Позвольте, я покажу вам кое-что. — Он кивает в сторону письменного стола.

В столешницу встроен голографический проектор, и над ним материализуется яркое пятно, из которого постепенно возникает изображение человеческой головы. Это ребенок с сияющей улыбкой — так обычно улыбаются дети, когда мама или папа наводят на них объектив. У него тонкие каштановые волосы, голубые глаза и очень симпатичное лицо. Я смотрю на малыша, и ощущение такое, будто чья-то рука впивается в мои внутренности и сдавливает их со всей силы, и вдруг мне становится нечем дышать.

Потому что это — *я*. Я знаю это, не понимаю откуда, но знаю.

Он такой… хорошенький. Словно издалека я чувствую, как пальцы дока сжимают мое плечо, слышу, как он велит мне сесть, что-то ударяет меня под коленками, и я чуть ли не падаю в кресло, не в силах оторвать глаз от лица этого ребенка.

— В архиве Службы по делам детства нашлось это фото. Я использовал программу моделирования, чтобы получить изображение, соответствующее настоящему возрасту. — Док снова сдавливает мое плечо, и лицо мальчика начинает изменяться, и мне хочется крикнуть, чтобы это прекратилось, но ничего не выходит, так что я просто сижу, замерев, и наблюдаю за тем, как он становится старше. Его лицо вытягивается и грубеет, волосы уже не легкое облачко, а настоящая копна, и программа даже добавляет в мочку уха гвоздик с алмазом. И глаза у него тоже меняются. То есть они такие же голубые, почти серые, но выражение уже другое — вместо счастливого детского смеха в глазах… печаль как будто. Интересно, программист сделал так нарочно или же я вижу то, чего нет на самом деле? Но это лишь одна мыслишка шевельнулась, в то время как я сам весь… оцепенел.

Значит, так я буду выглядеть?

— Все получится. — Голос у него низкий, мягкий, рука все еще на моем плече. — У меня нет доказательств, ведь вы первый с такими значительными повреждениями, но я уверен в успехе. Если бы сомневался — ни за что не стал бы к вам обращаться.

Он и впрямь уверен. О боже, я слышу это в его голосе, и лицо передо мной — оно так прекрасно, будь я проклят… Меня вот-вот начнет трясти, я не знаю, плакать мне или смеяться, изнутри распирает так, что я готов разлететься в прах, на мелкие кусочки, и он как будто чувствует это, потому что еще раз сдавливает плечо напоследок и делает шаг назад.

— Завтра ляжете в больницу, — говорит он мне. — Я уже договорился с вашим работодателем — он предоставит вам отпуск, с правом вернуться на работу.

— А как… — У меня пересыхает в горле, и приходится сглотнуть, чтобы попробовать снова. — А как вы сможете… приделать все это? — Само лицо, которого у меня нет, уши, нос, губы, брови — все то, что я вижу на голографии.

— Мы используем клонированные и модифицированные клеточные штаммы, — рассказывает он. — Благодаря нашей компьютерной модели мы знаем, как вы должны выглядеть, и слой за слоем будем выстраивать основу. Это такая трехмерная конструкция, сооруженная из тончайших слоев целого комплекса полимеров, подверженных действию микроорганизмов, — в них вводятся соответствующие энзимы и гормоны, которые запускают в действие рост клеток. По мере роста клеток полимерная основа будет растворяться. Мы уже занимаемся подобными вещами — в большой чашке Петри выращиваем кожу для пересадки… ну, вы знаете об этом. Но в трехмерной основе, созданной

непосредственно на месте, клетки приспосабливаются, образуя нужный тип тканей, и формируют само лицо. Никакой операции. Никакой пересадки. Ваше лицо просто… вырастает само.

Я слышу страсть в его голосе, и мне становится легче. Оцепенение, как лед, сковавшее меня, дает трещину. Он действительно верит в то, что все так и будет. Словно это предопределено свыше, и у него нет никаких сомнений.

Он обращает на меня свой взор, и на этот раз в его глазах я не вижу своего нынешнего лица. Вижу в них то лицо, с голографии. И вера его горяча, как летнее солнце.

— Увидимся завтра, — говорит он мне. — И мы начнем.

Я ухожу. Чуть ли не бегом. Прямиком наружу, на бетонный тротуар и сразу налево. Трогаюсь с места. Иду, а вокруг меня сплошной бетон, что здания, что люди — все сливается в единую массу, и я толком ничего не различаю. Даже если бы кто-то сейчас стал смотреть мне в лицо — я не заметил бы. Но немного погодя город снова приобретает свои прежние очертания. Новые и старые, роскошные и убогие — здания громоздятся друг на друга, а какая-то женщина с причудливыми косичками оборачивается на меня в страшном изумлении и чуть не сваливается с обочины. Я вдруг понимаю, где нахожусь, спешу в метро и еду к себе в каморку. Думаю о том, как загружу какую-нибудь книжку — новую, написанную кем-нибудь из арабских писателей, ну, вы знаете, эти неистовые ребята, которые выросли в зоне вечно продолжающейся войны. Они знают нечто такое, чего мне, надеюсь, не доведется узнать, и они не пользуются популярностью, потому что, как правило, не любят никого, кроме арабов, но иногда, знаете ли, вся их злость и ненависть вызывают во мне зависть. Им есть кого ненавидеть.

А у меня есть только эта катастрофа, неизвестно как случившаяся. Мама с сыном, бензобак, охваченный огнем… Божья воля? Если бы я верил в Бога, я ненавидел бы его. Или ее. И почему я думаю об этом сегодня?

Потому что мне страшно. Не знаю почему. Ведь то, что я сказал доку, — правда, что мне терять? Но у меня такое чувство, будто я стою над пропастью, и если спрыгнуть вниз — назад уже пути не будет. В итоге книгу я так и не загружаю. Сегодня, оказывается, вечер в Группе Взаимопомощи. Напоминание об этом неожиданно вспыхивает на моем дисплее. Раз в неделю я должен там отметиться, чтобы сохранить за собой инвалидность. Подтвердить, что я по-прежнему учусь жить со своим лицом. Что у меня и в мыслях нет — расстреливать туристов на Таймс-сквер. Надо идти. И я иду.

* * *

Это затягивает, почти как наркотик. Мы садимся в круг на дешевые пластиковые стулья. Некоторые из нас встают со своих мест, чтобы рассказать обо всем плохом, что случилось за неделю, — пожаловаться на грубых официанток в закусочной, на вредных родственников со стороны мужа или жены, на нелюбящих любовников, а мы все громко выражаем сочувствие. Это и есть главное, что так привлекает присутствующих, — проявить эмоции, вызвать ответную реакцию, как если бы все поклонялись божеству уродства, и держу пари — это достойно премии «Оскар». Что же касается остальных… мы просто здесь отсиживаемся. Но есть одна малышка, которая мне действительно нравится. Котенок. Так она себя называет. Ей около четырнадцати лет, она пострадала при взрыве бомбы с зажигательной смесью во время одной из бандитских разборок — выглядит, конечно, не так ужасно, как я, но не забудьте, она же девчонка, а им, должно быть, намного тяжелей. И потом — она помнит себя красивой.

А я нет. Не помнил. До сегодняшнего дня.

Мы говорим друг другу «привет». У нее фиалковые глаза, и она каждый раз говорит, что беспокоится обо мне, и иногда я ей верю.

Потом я иду домой и проверяю, не объявилась ли Дэйтарк. Ее самой нет, но экран полон розовых лепестков — они усыпали растоптанные растения с колючками. Что бы это значило? Спросите у нее.

* * *

Я появляюсь в больнице, и мой ключ опять срабатывает. На сей раз стрелочка оранжевая, и она приводит меня к стойке, за которой находится коренастый тип североафриканского происхождения, он спешно отводит меня в уединенную приемную с одним стулом и кушеткой. Спустя минут десять появляется парень в голубом халате, на меня не глядит, но зато так старательно улыбается, что я беспокоюсь за мышцы его рта — как бы не потянул. Он торопится провести меня по лабиринту коридоров, через двери, которые грозно распахиваются в воздушные шлюзы, где с потолка льется мягкий лиловатый свет ультрафиолета, убивающий микробы. Оставляет меня в кабинке со стенами из пластика, вручает обычную для таких заведений личную карточку пациента и велит раздеваться. Заходит медицинская сестра — тоже не смотрит на меня, но, по крайней

мере, не улыбается. Она хлопает по внутренней стороне руки, вводит жидкость из шприца и говорит, что нужно немного потерпеть. Это очень сильное успокоительное. Оно начинает действовать уже через тридцать секунд после ее ухода. Затем в поле моего зрения возникает узкая тележка, ребята в зеленом, которые, как и медсестра, избегают смотреть в мою сторону, и вот они уже минут пять как толкают тележку, а потолочные плитки все плывут и плывут над моей головой. Мне кажется, я не дождусь, когда меня подключат к наркозному аппарату.

А дождаться хочется.

* * *

Я вглядываюсь во что-то белое, кто-то стонет, и я чувствую, как чья-то рука вытирает мне рот чем-то грубым и шершавым, как течет моя слюна, и понимаю — смутно так, — что слышу собственный стон, вот только никак не могу заставить самого себя перестать стонать.

* * *

Медленно я просыпаюсь, цепляясь за совершенно удивительный сон, где огромные поля усеяны цветами, я гуляю среди них, и мне просто… хорошо. Это длинный сон. Слишком длинный, думается мне сквозь туман. Я болтал с Дэйтарк, но не помню, о чем она говорила. Ей нравятся цветы. Скоро пора идти на работу. Надеюсь, я еще не опоздал… Хочу почесать нос, но рука не слушается.

Я пробуждаюсь к действительности, адреналин бросается в кровь — я не могу шевельнуться, глаза слепит белый свет, *где же я, черт бы меня побрал?* И тут слышу торопливые шаги, белый свет оказывается потолком, и я вспоминаю, где нахожусь.

В больнице. Стянутый ремнями. Весь в трубках. Лицо перебинтовано. Все знакомо до боли, будь оно неладно.

Медсестра, или сиделка, или как там ее, лепечет мне что-то, но я не слушаю. Просто жду. Ничего другого не остается — только ждать.

* * *

Я все еще в полузабытьи, когда входит док, и почти сразу же

он говорит что-то резкое медсестре у двери, а потом склоняется надо мной, и я вижу его лицо. Снова чья-то рука тянет меня за кишки, док улыбается, и глаза его блестят.

Получилось.

— Идешь на поправку — это чудесно.

Он делает шаг в сторону, пропуская двух сестер в зеленых халатах, в масках и перчатках, которые суетятся вокруг меня, отключают капельницы, убирают катетер — занимаются тем, чем и должны заниматься. Наконец одна из них протягивает руку к моему лицу, и я весь сжимаюсь, потому что все еще помню, как было больно давным-давно, когда меняли повязки и ни одно лекарство не могло унять эту боль.

Но сейчас боли нет, в самом деле, может, покалывает чуть-чуть, и повязок на лице нет, а чувствуется что-то вроде проволочной маски в форме лица. Ледяной воздух холодит кожу, и это приятно. Мне кажется — молекулы воздуха стучатся в нее.

— Можно посмотреть? — Слова звучат хрипло, горло жестоко саднит — должно быть, из-за трубки, которую мне вставляли.

Док отвечает не сразу.

— Мы еще не закончили, — медленно произносит он. — Тебе следует понять: процесс роста многих и многих слоев тканей не происходит за считаные часы. Мы сделали перерыв, чтобы позволить новым клеткам стабилизироваться и дать тебе немного времени для восстановления мышечного тонуса перед завершающей стадией. Сейчас на тебе слой эпидермиса, но он — временный. Нам еще многое предстоит сделать.

Одна из медсестер подносит к моим губам соломинку, я невольно начинаю тянуть через нее, и вкус бутылочного яблочного сока во рту воскрешает воспоминания о том, как меня лечили в самый первый раз, но сок сладкий и успокаивает саднящее горло.

— Я хочу увидеть, — выдавливаю из себя, закончив пить, и приподнимаюсь, чтобы сесть.

Вернее, пытаюсь приподняться.

Все передо мной плывет и кружится, желудок выворачивает наизнанку, и затем я лишь чувствую, как чьи-то руки снова укладывают меня на постель. Я весь взмок, меня знобит от холода, и дрожь не унимается.

— Не так резко, — хмурится док, поглядывая на мониторы, выстроившиеся у моей кровати. Однако ни один аппарат не пищит. Это хорошо — я знаю об этом по своему давнему опыту. — Тебе придется снова привыкать к движениям. Не забывай, ведь ты пролежал десять дней.

— Десять дней?!

— Об этом было написано в документе, который я тебе посылал. — Он смотрит на меня, подняв бровь, довольный показаниями мониторов. — Ты же читал его и заверил сетчаткой? Первый сеанс самый длительный. Второй завершит процесс регенерации, а потом останется только сделать несколько пластических модификаций.

Интересно, о чем еще там было написано? Теперь понятно, почему сон казался мне таким долгим. Я собираюсь с силами, чтобы снова спросить, но он выставляет перед моим лицом зеркальце — дешевую импортную вещицу с пластмассовыми ободком и ручкой, такие можно увидеть в любой первой попавшейся лавке, — и я смотрюсь в него.

Знаю, что лицо еще не готово, но разочарование все же пронзает меня насквозь. Однако я заставляю себя смотреть. Вообще-то, стало лучше. У меня теперь есть уши, пусть частично. И нос. И лицо похоже… на лицо, что ли. Не то чтобы очень симпатичное, но хотя бы вы не будете кричать и падать в обморок, если встретите меня в темном переулке. Волос нет совсем, и кожа розовая, такая, как если бы я обгорел на солнце, или что-нибудь в этом роде. Я долго выдыхаю воздух — вместе с ним мне хочется выпустить разочарование, засевшее внутри, потому что даже если он оставит все как есть сейчас, и то это будет намного лучше того, что было.

Но я не хочу, чтобы он оставлял все как есть.

— Я намерен дать тебе неделю на восстановление. — Док задумчиво смотрит на меня. — Тебе надо быть готовым к выписке завтра утром. — Он умолкает на мгновение, слегка хмурится. — С тобой живет кто-нибудь? Тот, кто смог бы ухаживать за тобой, пока ты будешь набираться сил?

Я качаю головой, и, могу поклясться, это его как будто успокаивает.

— Знаешь что? — Он улыбается. — Может, погостишь некоторое время у меня? В моем доме много места. Так я мог бы непосредственно наблюдать за делом своих рук. И здание охраняется, так что пресса не будет тебя донимать.

Я собираюсь сказать «нет», совершенно автоматически, и тут что-то меня останавливает. Зачем так скоропалительно? Изучающе разглядываю его с минуту — придраться не к чему. Он не Домино. В этом я ничуть не сомневаюсь. Просто, может быть… так никто не поступает. Не предлагает помощь. Просто так. Он выжидает, и я замечаю некоторое нетерпение в его глазах и, может, даже обиду за то, что я еще раздумываю, а не сразу хватаюсь за приглашение. Какого черта?

— Я… простите. — Мне не надо притворяться, что я

смущаюсь, потому что так оно и есть. — Это очень… мило с вашей стороны. — Я пытаюсь подобрать слова, которые произносят в таких случаях, но как это непросто — мне ведь никогда прежде не доводилось попадать в такие ситуации. — Спасибо, — наконец выговариваю я, чувствуя себя полным олухом.

Но он улыбается в ответ, глаза его сияют от радости.

— Вот и хорошо. Отдыхай, а я зайду за тобой, когда соберусь домой. Мне нельзя тут засиживаться.

Теперь он смотрит на медсестру, и я замечаю, как сердечное выражение сходит с его лица. Он дает ей некоторые указания, и кажется, речь идет о том, чтобы меня осмотрели специалисты, но не все, ну а потом идут какие-то медицинские термины.

Он выходит из палаты, и она выходит из палаты, но тут же возвращается, неся мне чашку, полную пилюль, и поднос со всякой дрянью, которая называется больничной едой, — здесь и студень, напоминающий зеленую пластмассу, и куриный суп из кубиков, и приторный крем. Все, как двадцать лет назад, когда я попал сюда впервые, — ничего не изменилось с тех пор. Тогда мне было четыре года. Пробую на вкус крем и сразу же вспоминаю все. Убираю ложку на поднос и откидываюсь назад, надеясь, что одна из пилюль поможет мне уснуть. Без сновидений.

Но уснуть не получается. Я подтягиваю к себе прикроватный экран, подключаюсь к Сети, и как только оказываюсь там, весь экран покрывается живописными цветами, будто кто-то забросал его букетами из цветочного магазина. Ярко-красная подпись, сделанная размашистым почерком с наклоном, гласит:

> Как дела — уже красивый?

Это почерк Дэйтарк. Я сразу узнаю его, и мне интересно — она в курсе, потому что влезла в мою медицинскую карту или просто догадывается? Я вывожу на экране слова:

> В процессе. Еще не доделали.

и наблюдаю, как они принимают форму на черном подрагивающем фоне. Мне тяжело долго писать и хочется уже опустить руку. Но я делаю еще усилие и дописываю несколько слов:

> Док пригласил меня пожить у него. Я согласился.

Не знаю, зачем я сообщаю ей об этом, но мне вдруг

действительно очень важно узнать, что она думает на этот счет. А пялиться в экран нет смысла, потому что она может не возвращаться целую вечность. Впрочем, алая линия на экране тут же начинает оживать. Я с готовностью жду, но слова так и не появляются, а среди разбросанных цветов и рассыпанных лепестков ярко пламенеет знак вопроса.

Я пожимаю плечами, а сам не могу понять, что же меня беспокоит. Но я пишу:

> Все нормально.

И теперь мне действительно надо прилечь на минуту-другую. А когда потолок перестает шататься и я снова могу общаться, все письменные знаки исчезают. Остаются только цветы во весь экран.

Мне как будто бы становится легче, не знаю почему. Наверное, из-за того, что Дэйтарк, похоже, способна проникать куда угодно, и я иногда начинаю верить в то, что она всегда на месте. Проверяет, как я — ну, вы понимаете? Так что я уже не беспокоюсь — вот поеду к доку домой, там все и будет видно. Если надо — я всегда смогу поймать тачку и вернуться к себе.

А потому я заказываю себе новую книжку — о парне, который пешком пересек всю Канаду. Все нормально, вот только автор, по-моему, перемудрил, а медсестра просто счастлива оттого, что я сижу в постели. Еще больше она радуется, когда я неверной походкой иду по коридору туда и обратно, и она почти не ворчит на меня. Да уж, мне-то известны их порядки. Того времени, что я провел в больницах, мне хватило, чтобы уяснить: если делать все, о чем просят, — к тебе будут хорошо относиться, а если ныть и доставать всех, то рано или поздно получишь по счетам.

И когда мне несут очередной поднос с едой, отягощенной воспоминаниями о прошлом, в палате снова появляется док. На этот раз на нем нет белого докторского халата и защитной маски — он в классическом костюме, в рубашке и без галстука, тот самый док, во всех отношениях, но только улыбающийся и раскованный, словно мы с ним старые друзья и встретились для игры в гольф или для чего-нибудь еще. А медсестра приносит мне документ с выпиской, чтобы я поставил подпись и заверил сетчаткой, и выкатывает кресло на колесиках, потому что «Вам не разрешается выходить из здания на своих двоих» — может, боятся, что вы предъявите иск, если вдруг упадете и сломаете ногу. А на улице совсем неплохо пройтись до автомобиля, который подогнал служащий. Автомобиль. Что ж, если вы док, то можете позволить себе все эти регистрационные взносы, и потом, наверное, автомобиль ему необходим, чтобы срочно ехать в

больницу в случае чего.

Думаю, это моя первая поездка в автомобиле, который не является такси, — с того самого раза. За окном по-настоящему яркий день, потому что лето, и на улицах полно гуляющих после работы людей. Они делают покупки, едят в кафе и строят друг другу глазки, сидят у подножий памятников, по краям тротуаров, прислонившись к стенам зданий, держа беспроводные экраны на коленях. Домой идти незачем, разве только чтобы поспать. Мы проезжаем мимо, и никто в нашу сторону даже не смотрит.

Кондоминиум находится в одной из новых башен — с подземным гаражом за воротами и охранником со строгим взглядом. Внутри дома ослепительно светло, а кабина лифта, который мгновенно поднимает нас наверх, вся убрана настоящими коврами — чистыми и зелеными — на полу, на стенах — везде. И никаких зеркал. От напряжения немного кружится голова… Все-таки меня еще качает.

Мы выходим из лифта и оказываемся в небольшом помещении, которое, полагаю, должно напоминать внутренний дворик — вымощенная дорожка, гравий, бассейн, даже освещение здесь похоже на солнечный свет, а когда двери лифта закрываются, что-то плюхается в бассейн. Неужели лягушка? Настоящая? Хочу посмотреть, но док теперь крепко держит меня под локоть и явно не позволит здесь задержаться — я это чувствую.

Ого. Все-таки Домино?

Дверь, к которой ведет мощеная дорожка, открывается сама, и я успеваю заметить еще одну дверь по другую сторону дворика — надо же, как здесь все продумано. Я совсем ослаб, и мне плевать — Домино он или нет, лишь бы сесть куда-нибудь прежде, чем вырубиться, и все вокруг выглядит слишком ярко и отчетливо, как будто с меня только что сняли черную повязку. Помещение внутри очень большое — такое огромное, что размеры его трудно определить, — сплошные окна, и отовсюду свет, и я вижу синее небо, ведь мы на большой высоте, и здесь же — зелень, и цветы, и шум воды, Док подталкивает меня, и я чуть ли не падаю в кресло.

Проходит совсем немного времени, и ко мне снова возвращается способность различать окружающие вещи, и когда это происходит, док берет в руки стакан — он выглядит обеспокоенно, но не настолько, чтобы пугать меня.

— Сейчас пройдет. — Он протягивает стакан: — Выпей воды.

И я пью. Мне становится легче, и теперь я могу оглядеться.

Комната действительно большая: в одном конце островком располагается кухня с мраморными столешницами, а на другом

— искусственный камин с якобы дровами, рядом — кресла и небольшие диванчики, обитые материалом, похожим на кожу. Все исполнено со вкусом, выдержано в единой цветовой гамме — в бежево-серых тонах, — и лишь кое-где выделяется несколько ярких пятен. За стеклянной стеной — оранжерея с пышной цветущей растительностью, миниатюрным водопадом, живописными камнями. Все выглядит как в рекламе высокого качества, которую можно встретить в Сети.

— Через день-другой силы должны к тебе вернуться. — Док возится в зоне кухни. — Соку? — интересуется он. — У меня найдется все, что пожелаешь.

— Спасибо. Все хорошо.

Он приносит мне высокий стакан — такой же, как тот, в котором была вода. Слишком тяжелый для стекла, рубленной геометрической формы. Хрустальный? Сок розоватого цвета, вкус незнакомый — кажется, что-то тропическое. Освежает. В больнице я почти ничего не ел и сейчас вдруг понимаю, как сильно проголодался. Док уже скинул пиджак и налил себе бокал темного красного вина, теперь он суетится и вертится на кухне — мне бы с ним поболтать, а он вместо этого достает кастрюли, и грибы, и толстые куски лососины, готовит быстро и вполне умело — так что Антонио, может, и скривил бы губы, но насмехаться не стал бы. И вот уже довольно скоро он подает лососину, жаренную в оливковом масле, с крохотными овощами, свежеприготовленной пастой, и мы едим за маленьким деревянным столиком на краю кухонной зоны. На столе стоит ваза с единственным цветком, и еда очень вкусная, в самом деле прекрасная — такими блюдами Антонио угощает своих родственников в ресторане. И я умираю от голода.

Док наливает мне бокал красного вина к рыбе — чуть светлее того, что он пил сам до этого, и вино чудесное — легкое, с фруктовым привкусом. Мерло? Домино учил меня разбираться в винах — он оставлял недопитое посетителями вино и, разливая его снова по бутылкам, рассказывал, что к чему. Может, он и распускает руки, но парень он нормальный и по-настоящему знает толк в винах.

— Рано утром я уйду. — Док круговыми движениями покачивает вино в своем бокале, глаза его устремлены на город за стеклянной стеной — туда, где сгущаются сумерки. — Чувствуй себя здесь как дома. Ты не будешь возражать, если тебе придется оставаться в помещении? — Он вопросительно поднимает брови. — Я не успел перепрограммировать свою охранную систему, и если ты выйдешь наружу — обратно не попадешь.

— Это ничего. — Я пожимаю плечами. — Мне особенно

некуда идти. — А потом я щурюсь, глядя в собственный бокал, вино развязывает мне язык. — Почему вы остановили свой выбор на мне? — Слова вырываются наружу, и чувство страха пронзает меня насквозь — а вдруг док решит, что совершил ошибку, и передумает, — То есть… почему именно я?

Он улыбается в ответ — совсем чуть-чуть. Складывает свою салфетку и кладет ее рядом с тарелкой.

— А я все ждал, когда же ты спросишь об этом. — Он ставит локти на стол. — Я рассматривал многих претендентов. — Он говорит задумчиво, с расстановкой. — Ты был не единственный с такими значительными повреждениями. — Губы его сжимаются на мгновение. — Мне трудно сказать со всей определенностью, что заставило меня выбрать именно тебя. Возможно, это то, что причина твоего состояния была такой… обыденной. Не война, не террористический акт — просто несчастный случай.

Он лжет. Я чувствую, как холодок тонкой серебряной иголкой проникает в самые внутренности. О да, я всегда могу определить, когда кто-то лжет. Не знаю, откуда это у меня. Очевидно, оттого, что я много наблюдаю за людьми, и почти всегда они стараются не замечать меня. И ведут себя так, будто меня нет. Но я-то все вижу и почти никогда не ошибаюсь.

И он лжет.

— Слушай, а ведь действительно как-то быстро все произошло. — Он поднимает свой бокал с вином. — Не знаю, кто передал информацию журналистам, но они просто ринулись за подробностями. — Он кривится. — Вообще-то я хотел благополучно доставить тебя в больницу, и чтобы никто нам не мешал. Всегда найдется какой-нибудь умник. Неудивительно, что ты чувствуешь себя не в своей тарелке.

Я провожу большим пальцем по деревянной поверхности стола — мне снова приходит на память славный старичок.

— А как вы достали… мою фотографию? — Голос против воли слегка дрожит.

— Я связался со Службой по делам детства. — Он откашливается. — Предположил, что у них было разрешение на хранение личного имущества после того, как твоя мать… после аварии. Других членов семьи не оказалось. Что-то я тебя утомил. Может, пойдем присядем? — Он кивает в сторону гостиной. — Город красиво смотрится ночью. Или хочешь отправиться прямо в постель?

Мне не хочется спать. Но если не спать — начну думать обо всем, а мне не хочется думать об этом. Так что я поднимаюсь с места и иду к одному из больших кожаных кресел, и меня не очень-то и качает. Вид отсюда в самом деле очень красивый. Еще

не окончательно стемнело, и небо насыщенного ярко-синего цвета, и золотые, зеленые, красные огни украшают башни и улицы, и новые воздушные трамваи скользят как светящиеся бусинки по невидимым нитям, и я никогда в своей жизни не забирался так высоко. И док беседует со мной — легко и непринужденно, будто мы с ним давние друзья. Он рассказывает о своей учебе в медицинском институте, о том, что хотел сделать это еще двадцать лет назад, вспоминает о том времени, когда высказывались гипотезы и предположения, а исследования стволовых клеток повсеместно запрещались, и казалось, что подобное — а именно выращивание тканей — никогда не произойдет. И когда он говорит обо всем этом, его глаза горят, и я вспоминаю того старикана с вытянутым лицом, который читает проповеди о своем рассерженном боге в скверике возле моего дома, — его глаза точно так же светятся.

В конце концов я начинаю клевать носом, и мне уже не уследить за нитью его рассказа. Он ведет меня спать в комнату размером с мою квартиру, где есть ванная с туалетом и отдельной душевой кабиной; из окна комнаты — вид на мост. С такой высоты и под таким углом мне не удается разглядеть, что это за мост. А еще в спальне стоят две кровати и комод, на одной из кроватей я замечаю халат и новую пижаму.

— Вещей у тебя с собой немного, — улыбается док. — В комоде есть кое-какая одежда, а в ванной найдешь все необходимое. Если что-нибудь понадобится — скажи.

— Обязательно, — отвечаю я, и он желает мне спокойной ночи и закрывает за собой дверь.

Я сажусь на край кровати, и толстый ковер под босыми ногами пружинит, как матрас. Голова кружится — из-за выпитого вина, прожитого дня и, может, вообще из-за того, что я столько времени был в отключке, пока росло мое лицо. Наконец я встаю, иду в ванную и заставляю себя посмотреться в зеркало. Да уж. Лучше. Похож на человека. Еще не совсем, правда, но близко. Там есть зубная паста и все такое прочее, но я иду прямиком в постель. И вот что странно. Когда я натягиваю на себя одеяло, уже в полудреме, ко мне вдруг приходит мысль, что это чья-то комната. Не комната для гостей. Здесь кто-то спит. И я не знаю, откуда взялась такая уверенность, — ведь здесь нет никакой другой одежды и никаких посторонних вещей. Но я просто знаю.

* * *

Наутро просыпаюсь — солнце уже высоко, и несколько секунд

я лежу и не могу понять, где нахожусь, но затем ко мне возвращается память. И я ничего не могу с собой поделать. Первым делом иду в ванную комнату и смотрю на себя в зеркало. Дока нет, и я брожу по дому. Не знаю, почему я решил, что это чья-то комната. Ничто не указывает на это. Одежда в ящиках комода совершенно новая и вся моего размера. Дорогие шмотки, как если бы я тоже был доктором. Оттого, что вся эта одежда находится здесь, мне немного не по себе, но я надеваю на себя все новое, потому что мои жалкие штаны совсем не подходят для такого чудесного места — еще испортят что-нибудь, например, испачкают мебель. И теперь я чувствую себя как-то… иначе. Будто что-то во мне меняется — и не только лицо. Я все-таки прыгнул в пропасть, это точно. В спальне есть экран монитора, и я хочу подключиться, но вежливый женский голос сообщает, что для выхода в Сеть мне необходимо знать пароль, но к моим услугам автономная связь с библиотекой и, чтобы загрузить любую книгу, пароль не нужен. А я-то хотел поболтать с Дэйтарк! Вместо этого приходится довольствоваться книгой, которую я начал читать в больнице, и к приходу дока я уже дочитываю ее.

Вечер выдается необычный — приятный и одновременно в каком-то смысле загадочный. Док сооружает еще один замечательный ужин, мы пьем вино, и он интересуется тем, что я читаю, и мы беседуем — и. Знаете ли, я ведь ни с кем не обсуждал, что я читаю, кроме как с Дэйтарк. А он умный. Еще бы, иначе как бы он стал доктором, а? И он расспрашивает меня об учебе и становится задумчивым, когда я рассказываю ему о том, что занимаюсь на всех возможных государственных курсах, которые только доступны в Сети. Затем он начинает говорить о пользе занятий в аудиториях с живыми преподавателями, и, может быть, мне захочется учиться, когда закончится вся эта эпопея с лечением и восстановлением лица, и как это будет здорово.

Он, наверное, не знает, как я живу.

Таких денег у меня нет.

А когда я спрашиваю у него, что с доступом в Сеть, он, похоже, отмахивается от вопроса, говорит что-то о сигнализации и что поменять в ней что-либо — сплошная головная боль. И только собираясь отправиться спать, я спохватываюсь и интересуюсь у него, кто прежде жил в моей комнате. Он замолкает, и в эту самую минуту я понимаю, что сказал что-то не то. А потом он говорит, что никто.

Он снова лжет.

Все идет своим чередом, и мне это нравится. Как в Группе Взаимопомощи, только он со мной действительно разговаривает.

Ведь большинство членов группы меня не замечают — за исключением Котенка. Я снова отправляюсь в больницу, и на этот раз сеанс оказывается коротким, а когда я просыпаюсь, то чувствую себя не таким измученным. После второго курса лечения я возвращаюсь в кондоминиум. Док даже не спрашивает моего согласия. Просто приходит за мной, и в этот раз меня уже не так сильно качает. Полагаю, вся процедура была не очень долгой. Я спал не много, но снова увидел во сне того старика, и теперь он придерживал мою руку у лезвия своего ножа, и я был так горд, когда первая древесная стружка бледным кольцом обвилась вокруг моего пальца. И никаких шрамов на этих руках. Они такие гладкие. Значит, это было раньше, но я и так знал это. Интересно, кто этот старец? Мой дедушка? Пытаюсь вспомнить что-нибудь еще, но в памяти всплывают только эти маленькие гладкие ручки, белая древесная стружка и чувство гордости.

Однажды вечером после ужина док достает из кармана минидиск.

— Я принес это домой. Подумал, вдруг тебе захочется посмотреть, что я делаю.

Жутковатое зрелище. Я сижу в кресле, подобрав колени к подбородку, и наблюдаю за тем, как бездушный аппарат в форме дуги ползает туда-сюда по моему лицу. Только его и видно — мое лицо, все остальное — это зеленые простыни и яркий свет. Серебристая дуга аппарата соединена трубками и проводами с чем-то, не вижу с чем, и ходит, словно по путям, как поезд, представляете? Подозреваю, док все же смонтировал запись, ведь так происходило день за днем, правильно? Неделями. Но аппарат перемещается туда и обратно, и примерно за полчаса я вижу, как вырастает мое лицо. Движение в одну сторону, и аппарат выдает струю бесцветного вещества. Это основа, как поясняет док. Затем аппарат возвращается и распыляет что-то розовое на клетки. Они подрастают, и аппарат добавляет еще основы…

Он все ползает туда-сюда, а мое лицо… растет. Вот на том месте, где у большинства людей находится нос, возникает маленькая выпуклость, затем она превращается в бугорок, становится все больше, и образуется свод, и у меня теперь есть щеки, и губы, и…

— Когда ты был под наркозом, мы использовали специальный энзим, чтобы растворить тот временный кожный покров, который был на тебе. — Док наклоняется вперед, устремляя взгляд на экран. — Для того, чтобы новые слои ткани могли соединиться без швов.

Представляю, как я лежу на столе без сознания, а кожа моя растворяется. Мне ни разу не снилось, как я горел, но сейчас меня

всего трясет, и на миг кажется, что вот-вот вырвет.

А на экране серебристый аппарат, послушный трубкам, все перемещается в обоих направлениях, и мой нос уже похож на… нос.

Я трогаю его. Он выступает на моем лице. Мне еще никак не привыкнуть к этому ощущению. А на экране серебристая дуга скользит туда-сюда, туда-сюда — наращивая мне лицо, один слой клеток за другим.

* * *

Жить с доком довольно-таки необычно. Похоже на сон, из которого мне никак не выбраться. Теперь мне кажется — я понял, что к чему. Начинаю привыкать к этой комнате, где кто-то жил до меня. И в то же время я как в тюрьме — полагаю, из-за того, что до сих пор у меня нет доступа в Сеть и я не могу отсюда уйти. Могу, конечно, но мы оба понимаем, что если я сделаю это, что-то разрушится. И я чувствую, как часть меня, в которую мне не удается проникнуть, ведет беседы с доком, но сам я в этом не участвую — знаю, звучит как бред сумасшедшего. Но все нормально.

Так хочется поговорить об этом с Дэйтарк.

И однажды ночью мне снится, как мое лицо заговаривает со мной, и я пугаюсь до чертиков, ведь если я вижу мое лицо перед собой и оно разговаривает, то что же тогда находится на моем черепе? Я с криком просыпаюсь, и док оказывается рядом, обнимает меня, и держит так, и сидит, пока я снова не засыпаю. А на этот раз мне снится одна женщина — она смотрит на меня сверху вниз и плачет, и у нее рыжие волосы, и я просыпаюсь, понимая, что это моя мать, и она никогда мне не снилась прежде. Ни разу.

Почему она плачет? Силюсь вспомнить и не могу.

* * *

У меня неправильное лицо. Не знаю, откуда у меня такая уверенность. Но это так. Когда я говорю об этом доку, он отвечает, что все нормально. Что со временем это чувство пройдет.

На этот раз он не лжет.

* * *

Остается пройти два сеанса. Я словно картина, которую еще не завершили. И когда смотрюсь в зеркало — вижу в нем незнакомца, который в свою очередь смотрит на меня. Не думаю, что я ему нравлюсь.

Мне часто снится все тот же старичок. Я почти уверен, что это мой дедушка. Он разрешает мне вырезать из дерева, держит мои руки в своих, и мои детские ручки такие маленькие. И мать мне тоже снится. Во сне я вижу, как она опять плачет, а иногда вижу белые лампы, халаты — в общем, все, что связано с больницей. Как она может быть в больнице? Ведь она скончалась в автомобиле — еще до того, как меня отправили туда.

Неужели нет?

Неужели нет?

* * *

Док ведет беседы о том, чтобы я оставался с ним после, чтобы пошел учиться в университет, говорит, что у него нет детей, а деньги — зачем они нужны, если их не на что тратить? Эта история стара как мир — о человеке, который вырезал из слоновой кости статую, она оживает и становится идеальной возлюбленной. Подозреваю, это как раз то, чего добивается док, — со всеми своими разговорами об университете и о том, чтобы я жил вместе с ним. Как все тот же Домино… Но знаете что? Это ведь нормальная сделка. В самом деле. Так оно и есть. Но мне по-прежнему кажется, что я живу как во сне, и лицо мое по-прежнему смотрит на меня как на незнакомца. И у меня нет причин говорить «нет», так что я даже не знаю, почему я еще не сказал «да». Но я не могу. Вслух, по крайней мере.

Док полагает, что это означает согласие. Наверное. Я не знаю.

И я спрашиваю его, может ли быть так, что моя мать осталась жива, и он смотрит на меня — странно так.

— Нет, — отвечает он. И он не лжет.

* * *

А потом Дэйтарк находит меня.

Я скачиваю книгу, и тут экран вспыхивает — бешеный ветер несет и кружит желтые листья, словно торнадо в миниатюре.

> Защита хороша но не настолько.

Зеленые слова кружатся вместе с ветром, а потом весь экран

расцвечивается фейерверками — Дэйтарк смеется.

> Ты в порядке?

— Да. — Я могу просто говорить вслух, потому что эта система новейшая и работает с голосом. Интересно, что означают ветер и листья? — Выходить не могу. Док помешан на безопасности.

Появляются серые тучи и зеркальная поверхность озера. Она задумалась.

> *Будешь красавчиком?* — наконец спрашивает она.

— Да. Но… мне кажется, он делает не то лицо. — Слова вырываются сами. Я даже не успеваю проговорить их в уме. Не целиком. — Оно выглядит как-то неправильно. А он говорит, что это нормально — даже после обычных пластических операций пациенты чувствуют то же самое, но я чего-то не понимаю… Как будто смотрю не на себя, а на кого-то другого. Возможно, он взял не ту фотографию, и это был не я. — Но тот малыш, которого я видел… он еще улыбался. Я ведь помню, как у меня все внутри перевернулось. Нет, он не ошибся с фотографией.

На экране — только тучи и озеро. И никаких слов.

— Что-то во всем этом не так. — И как только я произношу эти слова, меня словно озаряет. Потому что это правда. И все это время я просто твердил себе, что дело во мне самом, а так все хорошо, и все тут.

И мне уже не хочется больше разговаривать, но я очень соскучился по Дэйтарк и не хочу, чтобы она снова пропала.

— Ты сможешь снова зайти? — спрашиваю я и в ответ получаю ворох подсолнухов — они заваливают весь экран. Это означает «да».

Затем она исчезает. У нее всегда хорошо получалось понимать меня. Не знаю, как это возможно в цифровом формате, но она это умеет. И мне становится легче, и я вдруг понимаю, что все это время мне было плохо.

И дока нет дома, и предполагается, что завтра я отправляюсь на заключительный сеанс, и когда все закончится — этот сеанс, как и первый, тоже длительный, — я, наверное, уже буду готов полностью. Я иду через всю квартиру туда, где под стеклянной стеной растут небольшие джунгли — они словно обрамляют собой вид на город. Сверху он выглядит так красиво. Отсюда не видно никаких уродств. Интересно, каково это — жить из года в год высоко над всеми людьми — теми, кто моет посуду, просит милостыню, грабит прохожих? То есть я хочу сказать, что я уже недели две нахожусь наверху, но будто и не живу здесь. Я скорее брожу, как во сне, и в любую минуту могу проснуться, и тогда

придется отправляться к Антонио и есть острый карри, которым он будет нас кормить, и мыть кастрюли из-под паэльи, и пробовать разные вина с Домино. Я вытягиваю свои руки и смотрю на них. Док говорит, что их он тоже поправит, но они вполне справляются с работой и… я не знаю. Думаю, мне этого не хочется. Я провожу большим пальцем по блестящей белой коже в некоторых местах — она твердая на ощупь, как пластик. Мне не хочется становиться идеальным. И я снова думаю о том старом деде, вспоминаю детские ручки и то, как меня переполняло чувство гордости. Двадцать лет прошло. Никаких родственников, по словам дока. Полагаю, он уже умер. Как и моя мать?

Я поворачиваюсь спиной к городу… Отсюда, сверху, он кажется совсем чужим… и я иду по короткому и широкому коридору и захожу в комнату дока. Раньше я сюда не заходил, только заглядывал. Здесь царит полумрак: шелковые занавеси, того же цвета, что и покрывало на огромной кровати, не пропускают свет, и спокойная обстановка навевает воспоминания о том, как мой дедушка поглаживал шелковистую поверхность дерева и показывал мне, как надо держать нож. Я чувствую запах дока — насыщенный мускусный запах плоти и еще какой-то аромат, — как будто он где-то здесь, может, прячется в гардеробной, и при этой мысли у меня мурашки бегут по шее.

Я ни разу сюда не совался. Честное слово. А ведь мог бы. Посмотреть, что он прячет в ящике для белья. Но я этого не делал.

Даже не знаю, зачем я это делаю сейчас. Мне бы отключить мозги и пойти к себе, чтобы загрузить книгу и ждать заключительного сеанса — вот что я думаю. Но вместо этого подхожу к платяному шкафу, и мне кажется, что не в моих силах остановиться. Во мне будто сразу два человека, и в данную минуту один из них играет мускулами. В шкафу ничего особенного я не обнаруживаю, как и в ящиках тумбочки. Пульт дистанционного управления от настенного видео и музыкальной системы. Одежда. Какие-то пилюли без этикеток. Бумажные салфетки. Прочая ерунда.

Он оказывается в гардеробной — прижат к стене на верхней полке, засунутый за сложенными в стопку шелковыми простынями, или покрывалами, или, кто его разберет, чем. Фотопортрет. Но не с голографической основой — это цифровая фотография в плоской раме, напечатанная на настоящей старомодной глянцевой бумаге, словно вышедшая из древнего фотоаппарата. А может, и в самом деле оттуда. Доку сейчас не меньше пятидесяти, если не больше, — ведь над ним могли поработать его дружки, пластические хирурги.

Рука моя дрожит. Будто часть меня — та, что тянет мускулы-струны, — уже все поняла. Но сам-то я еще нет. Потому что, когда я подношу фотографию к окну и отодвигаю в сторону занавеси, голова моя пуста. Я просто стою там, уставившись на лицо, глядящее на меня с фотографии, и ни о чем не думаю. Просто смотрю.

Как давно это было… в другой жизни… Я сидел на стуле и наблюдал за тем, как лицо смеющегося ребенка, при виде которого мои внутренности будто пронзило, вытягивается, грубеет и становится старше. Этот повзрослевший человек пристально смотрит сейчас на меня с гладкой поверхности снимка — волосы острижены по-военному, в мочке уха алмазный гвоздик, а глаза голубые, почти серые, и выглядит он таким… печальным.

Снимок сделан в связи с каким-то официальным событием — это похоже на выпускную фотографию, но заведение явно не военное, потому что парень не в военной форме, а просто в голубой рубашке с жестким воротником. Под этой фотографией — еще одна. Я вижу только ее край и, подцепив рамку, вытаскиваю ее. На ней все тот же паренек. Разве что моложе или просто одет небрежнее. Он сидит в каноэ, которое, похоже, сделано из настоящего дерева. Лодка плывет по великолепному озеру — вроде «задумчивого» озера Дэйтарк.

Вместе с ним в каноэ док. Парнишка улыбается, глядя в объектив, а док улыбается, глядя на парнишку.

Я ошибался. Насчет дока.

Это его сын.

Это видно по выражению его лица.

Что-то с ним случилось.

Я возвращаю на место фотографии и чувствую себя… мерзко. Как будто тайно подглядывал за тем, как он занимается сексом. Я чувствую…

…не уверен, что я чувствую.

Но теперь я знаю.

Иду в ванную — ту, что находится в комнате, где я спал все это время. В его комнате. Так вот кем я себя ощущал. Я становлюсь напротив зеркала. Я еще не смотрел на себя. То есть смотрел, конечно. На видео, вместе с доком. Видел, что это произошло. Но тогда я просто отмечал про себя, что сделано… А сам будто избегал увидеть все целиком. Как если бы лицо мое в зеркале было изо льда и выскальзывало из рук.

Но сейчас я смотрю. Я стою перед зеркалом и не позволяю себе отвернуться, голове опуститься, глазам убежать. Нет, я смотрю. Как будто встречаю самого себя на улице, по пути к

Антонио — чистить кастрюли. Любопытный экземпляр. Что ты о нем думаешь? Какое у него прошлое? Мне хочется встряхнуться, в уме я даже шлепаю себя по щекам — представляете? Эй. Посмотрите на него. Вот он идет по улице, так посмотрите на него. И я смотрю.

Неприятный тип. Вот и все. Противный немного. То есть лицо у него слишком непривычное, слишком голое. Не совсем правильное, что ли. Ему не хватает… ну не знаю… определенности. Наверное, его мамаша ела что-то не то или пила не ту воду, когда ходила беременная, не иначе. И тут мне вспоминается, как когда-то, уже очень давно, я провел целый год в уютном месте специально для детей, где все было как дома. Там находились не только мы, обгоревшие, но и другие дети — у них лица не были повреждены… Просто неполноценные лица, что ли. И у них были еще другие проблемы. Но это то, что я вижу сейчас. Я не такой, как все, но знаете ли…

Я просто парень, который выглядит не как все.

Не чудовище. И при виде меня вы не будете думать: «О боже, что с ним такое произошло?»

Я опускаюсь на колени на пол и плачу, черт меня побери, слезы мои льются на джинсы и… это безумие… Я никогда не плакал. Разве что в больнице, да, когда было больно. Но потом — ни разу.

Но и что с того?

Я плачу сейчас.

* * *

Док скоро должен прийти домой. Колени болят, когда я поднимаюсь с пола. Боль занимает мои мысли, пока я иду в спальню. Он должен скоро прийти, а я не знаю, как связаться с Дэйтарк.

Но она уже ждет меня. Стоит мне объявиться в Сети, как экран уже полон сухих листьев, правда, они исчезают, как только я дотрагиваюсь до экрана. Неожиданно на черном фоне идет снег из белых лепестков. Думаю, она там.

> Я должен уйти.

Я медленно печатаю слова — не думаю, что смогу произнести их вслух.

> Мне не вынести всего этого.

Тот же самый алый знак вопроса, который я видел в первый день в больнице, — он извивается на экране, прожигая меня насквозь.

>С меня довольно, — печатаю я. — *Мне нужно убраться отсюда. Все очень просто. В самом деле.*

Что ж, возможно, это неправда, возможно, любовь — это всегда непросто.

> Никто всерьез не будет меня искать, — сообщаю я ей.

Экран застыл — знак вопроса, белые лепестки — я совершенно один.

> Мне просто необходимо уйти.

Я все ввожу слова, но ее здесь нет. Она где-то в другом месте. И мне следует просто встать и вернуться в свою каморку — я ведь не нарушил никаких законов, вот только журналисты будут преследовать меня и сделают из всего шумиху, и мне придется на время остерегаться программ новостей, но это худшее из того, что может со мной случиться. Но я все сижу, застывший, как экран.

И вдруг он неожиданно очищается и становится голубым. Мне страшно. Внезапно на нем оживают белые буквы и цифры. Никаких цветов, совсем никаких картинок. Только адрес. Какой-то адрес с названием улицы в Балтиморе.

> Спасибо, — набираю я.

Экран гаснет. Вот теперь ее действительно здесь нет.

Я отправляюсь на поиски бумаги и ручки в спальню дока, полагая, что у него, возможно, они есть, — писать причудливые за писки друзьям, например. Это не то, что можно напечатать на компьютере или отправить по электронной почте. Я записывая адрес по памяти, на всякий случай. Затем кладу чистый лист бумаги на письменный стол рядом с клавиатурой. Интересно, из какого дерева сделан этот стол? Мой старик, наверное, сразу определил бы. Как непривычно держать ручку неуклюжими пальцами. Я сниму деньги со своего счета, куплю билет за наличные пусть с переплатой. Это позволит мне отделаться от журналистов И от дока. Антонио вообще все равно — приду я или нет. А все же любопытно, что я собираюсь найти по этому адресу.

Дэйтарк?

Возможно. Мне только сейчас приходит в голову, что я даже не знаю на самом деле, что она — это она. Я просто догадывался. Это и не важно.

А вдруг… ведь может такое быть… моя мать жива, и это мои воспоминания верны, а не официальная база данных. То есть на то, чтобы меня привести в порядок, потребовалось не меньше миллиона баксов. А если она уцелела — что ж, Общественное

Здравоохранение сделало свое дело. Может, в этом вся причина? И было бы желание и деньги — узнать можно все, что угодно. Антонио платит мало, но на что мне было тратить эти деньги раньше? И может быть, я думаю… если она и в самом деле жива… больше всего на свете мне хочется увидеть ее. Хотя бы разочек, понимаете?

Нет. Я сам не понимаю.

Я касаюсь ручкой бумаги, и на листке появляется крошечная ярко-синяя точка — идеально круглой формы и цвета неба в тот первый вечер, когда я любовался видом города сверху, его переливающимися огнями. «Док, — пишу я. Слова выводятся медленно, буквы петляют по бумаге песочного цвета. — Я нашел портрет. Вашего сына. Раньше я не смел совать нос в Ваши дела, простите меня, и я не знаю, что произошло с ним или с вами двумя. Я просто не знаю этого и хочу, чтобы Вы знали, как много Вы сделали для меня, уж Вы мне поверьте. И простите меня за то, что я не остаюсь, но я просто не могу. Я не знаю точно почему — может, просто потому, что я никогда не был самим собой, понимаете? То есть, полагаю, я им был давным-давно, но после той аварии я был ребенком в кровати под номером четыре, затем я был обгоревшим ребенком, а затем — чудовищем, от которого отворачивались люди, и мойщиком кастрюль из-под паэльи, а теперь я даже не знаю…

Мне кажется, я просто хочу попробовать быть собой. Не уверен, что это вообще у меня получится, — забавно, да? Но мне необходимо попробовать. А еще я хочу сказать, что есть одна девочка, и сделать ей лицо Вам будет намного легче, чем мне, она белокурая, и вы сами увидите, какая она была хорошенькая, и журналистам она понравится. Они придумают что-нибудь трогательное, вроде истории про Золушку. Ее зовут Котенок, и Вы сможете найти ее в Группе Взаимопомощи, которую я посещал по вторникам, — все это есть в моем досье». Надо бы высказать ему еще что-нибудь, но слова не идут. Возможно, я еще не понимаю, что именно надо ему сказать. И потребуется время, чтобы это понять, и уже тогда я смогу вернуться и высказать все. Я не знаю.

Но это уже возможность, а я что-то не припомню, чтобы у меня были какие-либо возможности раньше. Если что и случалось со мной, то только всякая ерунда.

Так что я просто пишу: «Спасибо, док», — и оставляю записку на столе, а сам выхожу из квартиры. Впервые я делаю это самостоятельно, но сигнализация никак не реагирует. Все та же лягушка плюхается в маленький бассейн в симпатичном внутреннем дворике, а я сажусь в лифт и спускаюсь в вестибюль — и все это в первый раз за все время. Навстречу мне идет

женщина — ослепительная, в прекрасном деловом костюме, в красивых туфлях, и я вижу, как взгляд ее подбирается к моему лицу, и я собираюсь сделать то же, что и всегда на улице, — посмотреть мимо нее, не замечать.

Но усилием воли не делаю этого.

Она смотрит, и я ей неприятен — это видно по ее глазам.

Но она смотрит.

А затем идет мимо меня и заходит в кабину лифта.

Вот оно.

Спасибо, док. И простите меня. Жаль, что я оказался не тем, кто вам нужен.

Мне страшно.

Я иду через парадную дверь, на улицу, и направляюсь в Балтимор.

Вандана Сингх
Дели

Молодая писательница Вандана Сингх родилась и воспитывалась в Индии, в настоящее время проживает с семьей в Соединенных Штатах Америки. Преподает физику и пишет прозу. Ее рассказы выходили в нескольких выпусках «Polyphony», а также печатались в «Strange Horizons», «Trampoline» и «So Long Been Dreaming». Недавно в Индии вышла ее первая книга, написанная для детей, — «Younguncle Comes To Town» («Янганкл приезжает в город»).

В представленном ниже рассказе Вандана Сингх убедительно описывает переживания человека, которого преследует не просто один какой-то призрак или даже сонм призраков, а весь город…

* * *

Этим вечером он особенно явственно ощущает присутствие города — его древние камни, кирпичные дома с плоскими крышами; сырое белье полощется на веревках, подобно ярким разноцветным флажкам, улицы с растущими по обочинам деревьями *нишм* забиты транспортом так, что нечем дышать. Вот по мосту, под которым он собрался было заночевать, тащится автобус. Здесь пахнет жасмином и застарелой мочой, а еще сюда доносится знакомый пыльный запах — с крикетного поля, что по ту сторону дороги. Здесь же какой-то тип закуривает бири:[45] худощавое лицо наполовину скрыто в тени, и ему вдруг мерещится, что он видит самого себя, только возрастом постарше. Он подходит к этому мужчине, на вид такому же бродяге.

— Меня зовут Асим, — говорит он.

Незнакомец, насквозь пропахший табаком, пристально смотрит на него, отхаркивается и сплевывает:

— *Kya chahiye*?[46]

Асим спешит отпрянуть. Нет, этот человек совсем не похож на Асима; во всяком случае, никогда в своей жизни Асим не будет курить *бири*. Он покидает тихий закуток под мостом, оказавшийся сомнительным прибежищем, и бредет дальше — мимо мусорных куч и тусклых уличных фонарей туда, где яркими неоновыми огнями светятся центральные улицы. Ему легче ориентироваться

в новой части города: здесь краски чище, огни слепят сильнее, а потому, скорее всего, никаких видений не будет. И лишь однажды на улице Шах Джахан он увидел, как мимо прошел молочник, ведя за собой горбатую белую корову со звенящим колокольчиком на шее. Под сенью величавых вековых деревьев, почти заслонявших уличные фонари, молочник остановился поговорить со своей коровой и постепенно растворился в сгустившихся сумерках.

Раньше он думал, что все те видения, что являлись его взору, — души умерших, но теперь, повзрослев, он знает, что это не так. Теперь у него есть теория о том, что неожиданно появляющиеся образы — это проделки времени, путаница, возникающая в результате того, что одна часть временн*о*го потока сталкивается с другой, когда обе части на мгновение пересекаются. После нескольких лет сомнений и мучительной борьбы он наконец пришел к выводу, что вовсе не безумен; просто мозг его устроен иначе, чем у других людей, и это позволяет ему распознавать подобные временные совпадения. И он не единственный, кому дана такая способность, — ведь некоторые из привидевшихся ему людей тоже замечают его и в ужасе отступают назад. Забавно и в то же время жутковато думать о том, что для тех, кто давно умер или еще не появился на свет, он и сам является призраком.

В старых частях города видения встречаются гораздо чаще, чем где бы то ни было, и он не знает точно почему. Конечно, много событий произошло в Дели, кто бы сомневался, — история города уходит корнями в глубокую древность, когда братья Пандава, герои эпической поэмы «Махабхарата», где-то около трех тысяч лет назад основали сказочную столицу, Индрапрастха. Уже к началу Средних веков, насколько он помнит из потрепанного учебника истории, на этом месте возникли и исчезли семь городов Дели, а восьмой город был построен британцами во времена их правления. Девятый по счету Дели, существующий в наши дни, самый многонаселенный. И только для Асима все те прежние древние города Дели по-прежнему живы — хоть они и промелькнули, словно таинственные острова за бортом плывущего корабля, а все равно никуда не делись. Как бы ему хотелось поговорить с кем-нибудь о видениях, посещающих его, но чтобы к нему отнеслись серьезно и помогли понять, какова природа такого странного расстройства и сколько все это будет продолжаться, но по иронии судьбы так уж получается, что единственный благожелательный человек из всех, кого он встретил за все время и который знает по себе, каково это — видеть призраков, живет примерно в 1100 году новой эры, во

времена Притхвираджа Чаухана, последнего индусского правителя Дели.

Как-то раз Асим прогуливался вдоль белой колоннады одного из зданий в районе Коннаут Плэйс, когда увидел ее — старую женщину в длинной юбке и огромной шали: она степенной походкой пересекала автомобильную стоянку, тело ее словно летело над дорогой, ноги опускались на невидимую поверхность, не касаясь земли. Она подошла очень близко к Асиму — лицом к лицу — и заметила его. Они оба остановились. Сквозь тусклые полоски света, мерцавшие вокруг женщины, он разглядел темные деревья и туман. Неожиданно в разгар летнего зноя на него вдруг дохнуло свежим запахом дождя. Женщина вытянула вперед руку, но не дотронулась до него.

— Из какой ты эпохи? — спросила она на незнакомом диалекте хинди.

Он не знал, как ответить на этот вопрос и в то же время как справиться с нахлынувшим чувством невероятного восторга. Ведь эта женщина тоже умеет заглядывать через барьеры времени и видеть блики других людей, других эпох. Она сказала, что ее правитель — Притхвирадж Чаухан. Асим сообщил, что живет спустя девятьсот лет после Чаухана. Они поговорили о том, кто что видел: женщина рассказала о войсках, о копьях, изрыгающих огонь, о бледнолицых мужчинах с желтыми бородами, о женщине, которая плакала в железной колеснице. Прежде чем она начала исчезать, Асим успел объяснить некоторые из ее видений. Он рванулся за женщиной, словно желая шагнуть в ее мир, и налетел прямо на колонну. Очутившись на земле, он услышал издевательский смех. Под сводами арки на него глазели двое — чистильщик обуви да еще какой-то тип, жующий бетелевый лист, — они явно веселились, наблюдая за ним.

А однажды он встретил безумного императора Мохаммад Шаха. В тот вечер Асим гулял по Красному форту, стараясь обходить стороной толпы туристов, которые без устали щелкали фотоаппаратами, и ему было особенно тревожно. В воздухе стоял запах дыма от костров — где-то жгли сухие листья. Солнце клонилось к закату, багрянцем освещая стены крепости из красного песчаника, а затем стало темно. Наступила ночь — словно одеялом она накрыла мглой высокие валы, лужайки, по которым он бродил, мерцающую красоту Жемчужной мечети, едва заметные изгибы прежнего русла реки Ямуны, которая некогда протекала под мраморной террасой. Асим увидел человека — тот стоял, перегнувшись через парапет, — на нем был красный шелковый шервани, ожерелья из драгоценных камней украшали грудь по самое горло, тюрбан сверкал бриллиантом. От

этого человека исходили запахи вина и розового масла. Еле ворочая языком, он пел песню о ночи, разлучившей его с возлюбленной.

Bairan bhayii raat sakhiya…
Mammad Shah piya sada Rangila…

Мохаммад Шах Рангила, начало семнадцатого века, вспомнил Асим. Тот самый император, который больше всего на свете любил музыку, поэзию и вино. Он не желал прислушиваться к предупреждениям о том, что персидский царь с огромной армией идет походом на Дели…

— Послушай, повелитель, — лихорадочно зашептал Асим — а вдруг ему удастся изменить ход истории, — ты должен готовиться к сражению. В противном случае Надир Шах вторгнется в город. Тысячи жителей будут безжалостно убиты его воинами…

Правитель поднял на него глаза, отуманенные вином.

— Уйди прочь, призрак!

Иногда он задерживается на лужайках у Ворот Индии в самом центре современного Дели, покупает у лоточника мороженое и съедает его, сидя у фонтана, построенного Лютиенсом.[47] Любуясь игрой света в брызгах воды, он размышляет о британских завоевателях: всего за каких-то два столетия они довели одну из богатейших и древнейших на земле цивилизаций до жалкой нищеты. Англичане возвели эти сооружения, величественные здания и фонтаны, но даже им пришлось уйти и оставить здесь все это. Правители приходили и уходили, приходили и уходили армии, но город продолжает жить. Порой он видит этих воинов, пеших или конных, различает их бледные лица. Всякий раз он пытается до них докричаться: «Ваши люди обречены. Вы обязательно уйдете отсюда. Ваша империя рухнет». Изредка они смотрят на него, испуганно вздрагивая, и растворяются в воздухе.

Временами у него разыгрывается фантазия и ему начинает казаться, что, может, он и в самом деле каким-то образом повлиял на ход истории. Например, заронил зерно сомнения в душу у какого-нибудь британского офицера относительно вечного процветания Британской империи. Вопреки своим лучшим намерениям, убедил Мохаммад Шаха в обратном, в том, что грядущее нашествие не настоящая угроза, а всего лишь плод одурманенного вином воображения или происки злых духов. Впрочем, и так понятно, что, за исключением императора, все те люди, с которыми он сталкивался время от времени, не имели

возможности влиять на историю и что он просто зря обманывается, думая о собственной значимости.

И все же он заставляет себя отмечать наиболее любопытные встречи. Постоянно таскает с собой толстую, слегка потрепанную тетрадь, одна часть которой отведена для записей о встречах с этими пришельцами из других времен. Но иногда из-за того, что видения выглядят слишком отчетливо, он не вполне уверен, принадлежат ли они этому времени или какому-то иному — будь то чье-то лицо, мелькнувшее в толпе, или фигура человека, холодной ночью идущего мимо, кутаясь в шаль. И лишь только некоторые несоответствия — в пространстве или во времени — отличают такие явления от всех остальных людей.

Ему случается видеть и призраки-пейзажи, но очень редко — то очертания дворцов и шпилей у самого горизонта, то какую-нибудь рощицу посредине оживленной улицы, а однажды — и это было самое необычайное зрелище — башни, высотой до самого неба, отделанные драгоценными камнями. При этом каждый раз местность словно заряжается особой энергией — вспыхивает, как при ударе молнии. И хотя на первый взгляд кажется, что образы эти возникают случайно и повторяются нечасто, существуют места, где он видит (как он считает) одних и тех же людей снова и снова. Например, когда ездит в метро, то в подземных туннелях он почти всегда замечает, как среди пассажиров на платформах и по вагонам поездов перемещаются люди, одетые в лохмотья, — у них бледные, нездоровые лица, словно они никогда не были на солнце. Когда он увидел их впервые, то его бросило в дрожь. «Станции метро построены совсем недавно, — подумал он, — как и вся система подземного транспорта в Дели. Значит, то, что я вижу, должно происходить в будущем…»

Когда-нибудь он обязательно напишет историю о будущем…

* * *

Улица Наи Сарак — это название всегда казалось ему нелепым. Оно означает «Новая Дорога», но дорога-то эта уже давным-давно не новая. Он мог бы пересечь ее в два прыжка, если бы не люди, толпящиеся плечом к плечу. И дома здесь стоят, тоже тесно сгрудившись, — окна глядят на улочку тусклыми глазницами, ступени узкие и пыльные, а между домов вообще невозможно протиснуться. Первые этажи занимают маленькие старинные магазинчики, здесь повсюду навалены груды книг, и от них исходит свежий, терпкий запах — бодрящий, как кофе. Сегодня жарко, и негде укрыться от палящего солнца. Девушка, за

которой он неотступно идет следом, обычная студентка Делийского университета — она пришла сюда купить что-то из книг, и ей не нравится, что люди в толпе толкаются и распускают руки, гораздо меньше ее беспокоит безопасность собственного кошелька. Повсюду снуют босоногие мальчишки, совсем еще дети, с проволочными корзинками — в них они таскают лимонную воду, разлитую в стаканы с отбитыми краями; здесь и там за прилавками стоят толстые старики в нательных майках — под жужжание электрических вентиляторов они энергично спорят с бледными беззащитными студентами, выясняя, что же им все-таки нужно. Шумно прихлебывая прохладительные напитки, они вытирают липкие пальцы о животы и в конце концов тянутся за залежавшейся книгой, чтобы вложить желанный томик в дрожащие от волнения руки студента. Некоторые из этих торговцев не прочь, в дополнение, напутствовать покупателя словами вроде: «Ну вот, сынок, учись хорошо, пусть родители гордятся тобой…» Асим уже давно не посещал это место (по сути, с тех пор, как сам был студентом), и ему почти все это внове — яркий день слепит глаза, позади высится белый купол мечети, древние каменные стены города окружают его со всех сторон, и он зажат в толпе, среди потных людей и клубов пыли. Он дивится на белоснежные куртки мужчин, отмечает их ухоженные бороды, на головах у них — тюбетейки для молебнов; конечно же, это мусульманский район города в Старом Дели, но выглядит он сейчас совсем не так романтично, как некогда описывала его бабушка. Асим на мгновение переносится в прошлое, когда еще маленьким мальчиком слушал рассказы старой женщины. Его бабушка была индуской — одной из тех, кто так больше и не вернулся в Старый Дели после безумств при разделе страны в 1947 году, после яростных столкновений между индуистами и мусульманами, когда погибли тысячи людей, но он до сих пор помнит, как она рассказывала об уголках города, где прошла пора ее девичества: это *паратхе-валон-кигали* — переулок пекарей *паратха*, где в каждой лавке выпекались и продавались всевозможные лепешки с различными начинками — пряный картофель, или рубленая баранина, или листья пажитника, или пюре из цветной капусты, приправленное жгучим красным перцем; а еще Дариба Калан, где, как и сотни лет назад, все так же торгуют самым лучшим и чистым серебром в мире — изящными цепочками, ножными и ручными браслетами. Среди толп, наводняющих эти места, ему не раз являлись видения: то были куртизанки и юноши, кровь и грохот набегов, мертвые тела принцев, повешенных британскими солдатами. В его представлении старый город, окруженный высокими

осыпающимися каменными стенами, похож на старуху, которая в душе постоянно грезит о своей юности.

Девушка, которая привлекла его внимание, все продолжает идти. Асим не успел как следует ее разглядеть — он лишь заметил, что у нее темные глаза, а в них притаилась смерть. За годы жизни в этом городе он научился распознавать в глазах своих сограждан озабоченность определенного рода — стремление к той окончательной анонимности, что приносит с собой смерть. Иногда, как в данном случае, он узнает об этом раньше их самих.

Девушка заходит в магазинчик. Хозяин лавки, юноша с телосложением как у борца, одет лишь в хлопчатобумажные шорты. Спину ему растирает мужчина-массажист, поглаживает лоснящуюся золотистую кожу, налитую мускулами. Юный книготорговец произносит: «Высшая биохимия? Уоткинса? Есть один экземпляр, всего лишь один остался». Затем кричит кому-то вглубь магазина, где темно, как в пещере, и на зов выходит маленький мальчик, неся названный учебник, словно это большая редкость. Лицо девушки разглаживается от облегчения, и она соглашается взять книгу, даже не торгуясь. Безропотно расстается с деньгами, выходит наружу в громкоголосое марево, и людской поток подхватывает ее, словно река — упавшую в воду ветку. Девушка проталкивается вперед, работая локтями, отбивается от чьих-то рук, норовящих пощупать ее грудь или потрогать бедра. На мгновение он теряет ее из виду, но вот же она — идет мимо мечети к автобусной остановке на центральной улице. Уже на автобусной остановке она ловит взгляд Асима и смотрит в ответ холодно и высокомерно. Подходит автобус — он переполнен, двери открыты, на поручнях висят молодые люди, словно зацепились за корму лодки. Он видит, как девушка с боем пробирается через толпу к автобусу и в последнюю минуту оказывается как раз на его пути. Автобус не останавливается, лишь едва замедляет ход (в дразнящей манере, свойственной делийским автобусам), будто желая поиграть с толпой в догонялки. И вот эта чудовищная громада зеленого и желтого металла несется на нее, а она, вцепившись в сумку с книгами, стоит как вкопанная. Теперь-то и настает черед действовать Асиму. Он бросается к девушке, отталкивает ее прочь с дороги и держит, не давая упасть на землю. В ушах рев мотора, скрип тормозов, вопли кондуктора. Книги разлетаются по мостовой. Он помогает их подобрать. Она дрожит от испуга. На мгновение он видит себя ее глазами — какой-то бродяга, небритый, с грязными всклокоченными волосами. Он говорит ей: не делай этого, никогда не делай этого. Нельзя отчаиваться в этой жизни. У

каждого есть свое предназначение, которое нужно выполнить. Он повторяет эти слова, словно мантру, а она смотрит на него с недоумением, будто не понимает, что пыталась покончить с собой. Он видит, что она удивлена, — правильный хинди и прекрасный английский выдают в нем представителя среднего класса с высшим образованием, как она сама, но внешность его свидетельствует об обратном. И хотя он знает, что эта девушки — не та женщина, которую он ищет, все равно достает компьютерную распечатку, чтобы удостовериться. Нет, это не она. Щеки слишком худые, подбородок недостаточно острый. Он сует ей визитную карточку и уходит прочь. Отойдя на некоторое расстояние, он видит, что она разглядывает карточку в своей руке — и хмурится. Неужели она ее выбросит? В последнюю минуту она засовывает визитку в сумку с учебниками. Он слишком хорошо помнит тот случай, когда какой-то незнакомец впервые дал ему одну из таких карточек. «Беспокоишься о собственном будущем? Посоветуйся с пандитом[48] Видъянатхом.[49] Офис оборудован компьютером и кондиционером. Узнай свое истинное предназначение в жизни». Эмблема, изображающая улей, и адрес в Южном Дели.

Позже он обязательно запишет подробности этой случайной встречи во вторую часть своей тетради. За три года он заполнил эту часть почти до конца. Он останавливал юношей, в разное время пытавшихся броситься с мостов в Ямуну. Он не давал женщинам прыгать вниз с крыш зданий, обливать себя керосином, погибать под колесами городского транспорта. Все это ради того, чтобы найти ее — ту, чья история станет последней в его записной книжке.

Но самая первая история в этой части тетради — его собственная…

* * *

Три года прошло с того дня. Он стоит на мосту через Ямуну. В воздухе висит тяжелый и зловонный туман — тот, что так портит зимние утра в Дели. Он дрожит от холода, а еще оттого, что устал — устал от всех этих видений и наваждений, которые изводят его постоянно, устал от бесконечных курсов лечения и лекарств, назначаемых разными врачами и психологами. Только что им написано письмо невесте, в котором он разрывает их и без того хрупкие отношения. Уже два месяца, как он перестал посещать занятия в университете. Родители его умерли: два года назад скончался отец, а еще через год — мать, так что оплакивать

его будет некому, может, только родственники из других городов вспомнят о нем — но лишь то, что у него с головой не все в порядке. Прошлой ночью он захотел испытать последнее средство — уехать из Дели в надежде, что его видения прекратятся. Даже добрался до железнодорожного вокзала. Встал в очередь в билетную кассу — со всех сторон пихались молодые люди с сумками для инструментов, агрессивные матроны в ярких сари.

— Фамилия? — спросил человек в окошке, но Асим соображал с трудом.

В мрачном помещении вокзала с криками сновали раскрасневшиеся носильщики — они таскали на головах сразу по нескольку чемоданов, удерживая их в равновесии благодаря тюрбанам, а пассажиры широкими потоками запрудили лестницы, выходившие к платформам. Люди сзади подталкивали его, веля поторапливаться, но он мог думать лишь о поездах, которые неподвижно стоят между платформами, выпуская в холодный воздух клубы пара, приглушенно шипят, как греющиеся змеи, и выжидают, чтобы забрать его с собой. Мысль о том, чтобы уехать из города, внезапно наполнила его ужасом. Он развернулся и пошел прочь из вокзала. Оказавшись снаружи, в холодной, сверкающей огнями ночи, он глубоко и с облегчением вздохнул, словно только что избежал собственной смерти.

И вот теперь он здесь, на следующее утро после попытки сбежать — стоит на мосту, дрожит в тумане. Он замечает трещину в бетонном ограждении и проводит по ней пальцем, пока не нащупывает росток фикусового дерева, который пробивается с наружной стороны моста. Сразу в памяти всплывает то, как его мать боролась с побегами фикуса, которые то и дело лезли из стен дома или из-под брусчатки во дворе, — она безжалостно выдергивала их, не слушая никаких возражений. Даже сейчас он помнит, как ему было тяжело — ведь в каждом хрупком побеге он видел огромное взрослое дерево. Перегнувшись через парапет, он почему-то гадает: интересно, что рухнет первым — мост или фикусовое дерево? Именно тогда он слышит за спиной скрип велосипеда на дороге — такой давно пора смазать, и, прежде чем он успевает что-либо понять, из тумана появляется какой-то наглец с растрепанной бородой и стаскивает его с парапета на землю.

— Не будь идиотом, не делай этого, — говорит незнакомец, тяжело дыша. Его велосипед валяется на краю дороги, одно колесо все еще продолжает крутиться. — Вот, возьми, — произносит человек, всовывая маленькую карточку в безвольную руку Асима. — Сходи туда, посоветуйся. Если там тебе не объяснят, для чего нужно жить, родная мать уже не поможет.

Дом, указанный в карточке, находится в районе небольшого базара рядом с Сароджини Нагар. По периметру пыльной площади выстроились торговые лавки и заведения, на сухой траве разлеглись и дремлют беспокойным сном вездесущие бродячие собаки — греются в лучах скупого солнца. Место, которое он ищет, оказывается небольшой конторой в угловом доме рядом с раскидистым деревом *джамун*. В тени дерева стоят три белые горбатые коровы и, не переставая жевать, глядят на него с осоловелым равнодушием. Асим пробирается сквозь шумный поток из велосипедистов, моторикш и прохожих, и вот он уже перед входом в офис: небольшая надпись на запертой двери гласит: «Пандит Видъянатх, консультации». Он заходит внутрь.

Самого пандита нет на месте, но его помощник — худощавый юноша с серьезным лицом — взмахом руки показывает Асиму на стул. Помощник сидит за письменный столом, перед ним компьютер, принтер и именная табличка: «Ом Пракаш, бакалавр по физике (неудавшийся), Делийский университет». В комнате есть обещанный кондиционер (скорее всего, сдохший), занимающий нижнюю часть окна. С другой стороны окна располагается почти достроенный пчелиный улей. Асиму кажется, что он пришел не по адресу, и уже жалеет о том минутном порыве, что привел его в это место, но почему-то ему не отвести глаз от улья — его завораживает это зрелище состояния покоя и движения одновременно, и то, как пчелы взаимодействуют друг с другом, словно исполняют замысловатый танец. Две пчелы ползают по компьютеру, а по руке помощника — еще одна. Ом Пракаш, похоже, совершенно невозмутим; он заверяет Асима в том, что пчелы безобидны, и пытается заинтересовать посетителя бутылками с медом, выставленными на полке за его спиной. Очевидно, пчелы принадлежат пандиту Видъянатху — человеку многогранному, который всегда очень занят, потому что он, помимо прочего, работает и для города. (У Асима возникает подозрение, что, возможно, этот великий человек не иначе как просто мелкий служащий в каком-нибудь муниципальном учреждении.) Мед стоит десять рупий за бутылку. Асим качает головой, а Ом Пракаш, шумно прочистив горло, принимается за работу — задает вопросы и вводит ответы в компьютер. До сих пор Асим чувствует себя полным дураком.

— Как ваш компьютер узнает будущее? — спрашивает Асим.

Движения Ома Пракаша плавные и немного нескладные, как у жирафа, хотя ростом он явно не вышел. Протестующим жестом он протягивает худые длинные руки, которые, проделав путь наверх, обхватывают его подвижные плечи.

— Компьютер похож на улей. Множество битов и разрядов, а

по отдельности ни один из них не обладает разумом. Объедините все вместе, и у вас уже будет нечто, способное думать. А этот компьютер не такой, как все. Его сделал сам пандит Видъянатх.

Ом Пракаш улыбается, как только начинает жужжать принтер.

— Все, кто приходит сюда, ищут некий смысл. У каждого человека — своя дхарма, собственная, единственная в своем роде цель. Мы не предсказываем будущее, потому что будущее выше нашего понимания, сахиб. Мы просто сообщаем людям, зачем им нужно жить.

Он вручает Асиму лист с компьютерной распечаткой. На первый взгляд изображение на нем не имеет никакого смысла. Вся поверхность бумаги заполнена иксами, которые выстроились, казалось бы, беспорядочно, вне какой-либо системы. Он отводит лист бумаги от себя и различает на нем — неотчетливо — лицо женщины.

— Кто она?

— Вам самому предстоит понять, что означает это изображение, — говорит Ом Пракаш. — Вы должны жить, потому что вам обязательно надо встретить эту женщину, возможно, для того, чтобы спасти ее или чтобы она спасла вас. Это может означать, что вы окажетесь в нужном месте и в нужное время и спасете ее от ужасной судьбы. Возможно, это ваша сестра или дочь, жена или незнакомка.

Вместо глаз — два темных пятна, скулы слегка выдаются, волнистый локон ниспадает на щеку, наполовину скрывая рот. Широкое лицо сердцевидной формы сужается к маленькому подбородку.

— Но я не совсем понимаю… Это может быть кто угодно. Как я узнаю…

— Когда вы встретите ее — поймете. — Ом Пракаш говорит так, словно все уже решено. — Платить не надо. Благодарю вас, сэр, и вот, возьмите эти карточки, они вам пригодятся — будете раздавать другим несчастным.

Асим берет стопку визитных карточек и уходит. Вся эта история кажется ему подозрительной, особенно эта мелочь, что платить не надо. Чтобы что-нибудь бесплатно? В таком городе, как Дели?

Но, несмотря на все сомнения, ему вдруг становится любопытно. Ведь он ожидал услышать обычные банальности о жизни и смерти, фаталистические утверждения, присущие мнимым провидцам, но этот старина Видъянатх, очевидно, большой оригинал. Оказывается, Асим должен жить просто для того, чтобы оказаться рядом с кем-то в нужную минуту, — это же

смешно и даже унизительно! Со временем идея эта все же овладевает им, и вот он уже верит в нее, а что еще остается — ведь надо же во что-то верить. Он вглядывается в лица людей в толпе — на пыльных улицах, в переполненных автобусах, в подземке — и ищет ее. Он живет с мыслью о том, что когда-нибудь их пути обязательно пересекутся. За эти три года он убедил себя в том, что она существует, что она ждет его. Он научился жить с этой мыслью — работая в фотомагазине в Ладжпат Нагар, где зимой ему разрешали ночевать, или осуществляя доставки для торговцев в Дефенс Колони, за что ему платили ровно столько, чтобы хватало на еду и на одежду. За три года он раздал сотни маленьких визитных карточек и десятки раз посетил контору в Южном Дели. Он привык к пчелам, к неработающему кондиционеру и даже к Ому Пракашу. И хоть они были слишком непохожими, чтобы подружиться (на самом деле разница в темпераментах), Асим все же раскрыл Ому Пракашу свой секрет, что ему являются видения. Ом Пракаш внимает этим рассказам, нелепо улыбаясь и удивленно качая головой, говорит, что обязательно сообщит об этом пандиту Видъянатху. Да только всякий раз, когда Асим приходит сюда, пандит Видъянатх напрочь отсутствует, так что теперь Асим подозревает, что такого человека вообще не существует и что сам Ом Пракаш и есть тот невероятный ум, который стоит за всем этим.

А иногда он боится находить эту женщину. Вот он спасает ее от смерти или от той участи, что страшнее смерти, и наконец осуществляет свое предназначение. А что потом — что его ждет? Склизкие объятия Ямуны?

Или она в свою очередь спасет его?

* * *

Этот город нравится ему еще и потому, что не подчиняется никаким правилам. Дели — такое место, где уживаются контрасты, город этот не укладывается в рамки общепринятых положений и не терпит доказательств от противного. Здесь можно видеть как жалкие лачуги бедняков, так и чудовищно помпезные жилища толстосумов. На больших перекрестках, где богачи в своих шикарных авто с кондиционерами нетерпеливо ожидают сигнала светофора, худенькие оборванные мальчишки — кожа да кости — перебегают от машины к машине и предлагают водителям купить глянцевые журналы вроде «Vogue» и «Cosmopolitan». Рядом с великолепными новыми многоэтажками бродят тощие коровы и беспризорные собаки, а на ветвях

деревьев вокруг Дома Парламента самозабвенно и страстно спариваются обезьяны резус.

Сегодня он почти не спал: прошлой ночью полиция провела облаву на улице Ауробиндо Марг — как раз в том месте, где он устроился на тротуаре, чтобы переночевать. Оказывается, утром ожидался приезд каких-то высоких иностранных гостей, и поэтому полицейские, вооружившись дубинками, очищали местность от всякого сброда. Такое случалось и раньше, но на этот раз Асима переполняет злость от пережитого унижения: удар дубинкой пришелся по спине, и до сих пор болит ушибленное место — горит неослабевающим огнем. Смерть прячется в глубине глаз людей вокруг, но на мгновение ему становится тошно оттого, что он так явственно чувствует присутствие смерти. И тогда он идет в то единственное место, где может побыть вне города, не покидая его пределов, — еще одна аномалия в этом городе неожиданностей. Посреди бесконечных построек, дорог, забитых людьми и транспортом, внутри границ Дели раскинулся целый лес — Дели Ридж, зеленая зона. Прохлада лесной чащи так и манит к себе.

Всего несколько шагов в сторону от центральной улицы — и вокруг уже тишина леса, и только разносится щебет птиц. Словно оказываешься в теплом зеленом лоне. Среди зарослей акации Асим набредает на старые развалины — еще одно из многочисленных безымянных напоминаний о средневековом Дели. Проверив, нет ли поблизости змей и скорпионов, он сворачивается калачиком возле разрушенной стены и засыпает.

Немного погодя, когда солнце клонится к горизонту и жара спадает, он слышит звук — тихий и равномерный, словно легкое постукивание капель дождя по жестяной крыше. Он видит женщину — юную девушку — на вымощенной тропинке прямо перед собой, она держит трость в вытянутой руке. Наверное, девушка слепая и заблудилась. Совсем неподходящее место для одинокой особы женского пола. Он слегка покашливает, и она откликается.

— Кто здесь?

На девушке длинная голубая юбка поверх шальвар того же цвета, плечи покрыты шалью. Тонкая газовая ткань *дупатты*, накинутая на голову, наполовину прикрывает лицо, отчего черты молодой женщины кажутся неясными. Он смотрит на нее и видит лицо, знакомое по изображению на листке. Или ему так кажется.

— Вы заблудились, — произносит он дрожащим от волнения голосом. Нащупывает в кармане лист бумаги с компьютерной распечаткой. Не иначе это сон, и он еще не проснулся. Не об этом ли он мечтал все время, бессчетное количество раз представляя

себе эту встречу? — Куда вам нужно попасть?

Она сжимает трость. Плечи резко опускаются.

— Переулок Найя Дивас, добрый господин. Я приехала из Джайпура. Хотела навестить сестру, которая живет здесь, но потеряла документы. А мне говорят, что без документов нельзя. Иначе отправят в Ничи Дилли ко всем этим нищим и преступникам. Но я не хочу туда! У моей сестры есть деньги. Пожалуйста, господин, помогите мне найти Найя Дивас.

Он никогда не слышал ни о переулке Найя Дивас, ни о Ничи Дилли. Переулок Нового Дня? Нижний Дели? Какие странные названия. Он утирает вспотевший лоб.

— Вообще-то, таких мест не существует. Кто-то ввел вас в заблуждение. Надо вернуться на центральную улицу и свернуть направо — там есть базар. Я пойду с вами. Никто вас не тронет. Мы сможем расспросить людей.

Женщина благодарит его, не скрывая облегчения. Она рассказывает ему, что много слышала об этом сказочном городе — о высоких, до самого неба, минаретах, усыпанных драгоценными камнями, о великолепных садах. И о кораблях, серебристых *уданкхатолас*, летающих по всей Вселенной. И о том, как ее переполняет волнение, — наконец-то она здесь, в Совершенном Городе.

От удивления глаза у него лезут на лоб. Он резко вскакивает с места, но девушка уже тает среди деревьев. Лист бумаги с компьютерным изображением у него в руке, но, прежде чем он успевает как следует разглядеть незнакомку, она растворяется в воздухе.

Что же он ей наговорил? Куда она теперь отправится, воодушевленная надеждой, которую ей дали, а на самом деле (и, к собственному ужасу, он подозревает, что так оно и есть) надежда эта окажется напрасной?

Он бродит, спотыкаясь, среди руин, спугивает пару земляных белок и тревожит целую стаю сонных сорок, но прекрасно понимает — надежды встретить ее опять почти никакой, разве только совсем случайно. Временны**е** совпадения происходят по собственным, непостижимым законам. Много раз он представлял себе, как все произойдет, воображал, что эта встреча принесет ему одновременно и радость, и отчаяние, но ни в коем случае не эти мрачные предчувствия и неопределенность. Он снова вглядывается в листок с распечаткой. Может, просто так совпало, что девушка-видение, посетившая его, похожа на это изображение? А что если компьютер пандита Видъянатха выдал нечто совершенно случайное, и все его поиски, сама жизнь в эти несколько лет — полная бессмыслица? И Ом Пракаш или

Видъянатх (если только он существует) ловко разыграли его в свое удовольствие? А он позволил собственным надеждам и страхам одурачить себя?

Пусть так, но его почему-то не покидает чувство беспокойства из-за этой юной девушки. Остается только одно — отправиться к Ому Пракашу и вытрясти из него всю правду. В конце концов, ведь это компьютер Видъянатха выдал ему ее изображение, и если сам Видъянатх — не законченный обманщик, возможно, он что-нибудь знает о девушке и о времени, в котором она живет. Надежда слабая, но это все, что ему остается.

Он отправляется туда на метро. Поезд змейкой скользит под городом по пока еще новеньким туннелям, мимо залитых огнями станций, где снуют толпы пассажиров и мальчишки вразнос торгуют чаем и прохладительными напитками. На одной из остановок он различает призрачные видения людей в лохмотьях, с бледными и застывшими лицами. В нос ударяет зловонный запах немытых тел, не знавших солнца. Они являются из бетонного пола платформ, как будто вырастают из чрева земли. Ему и раньше много раз приходилось видеть этих людей, и он уже догадался — они из некоего будущего, о котором лучше не думать. Но сейчас его внезапно, словно обухом по голове, осеняет, что все они из того самого будущего, в котором и живет слепая девушка. Нижний Дели, Ничи Дилли, означает вот что — город бедняков, изгоев, преступников, который находится в разветвленных туннелях под тем Дели, который знает он. Асим размышляет о метро: в далеком будущем оно выйдет из употребления и станет местом для сосланных париев; а еще он думает о городе на поверхности — с радующими глаз парками и садами, великолепными зданиями и высокими башнями до самого неба. Он помнит, что видел его однажды. Совершенный Город — так называла его слепая девушка.

Когда он добирается до конторы Видъянатха, день уже близится к вечеру и длинные тени ложатся поперек небольшой площади. Он высаживается из автобуса и замечает молоденькую девушку, которая сидит на автобусной остановке и что-то читает. Асим смутно припоминает, что где-то уже видел ее, она бросает на него мимолетный взгляд, но он не придает этому большого значения.

Он врывается в помещение. Ом Пракаш, листавший журнал, с удивлением откладывает его в сторону. Из его уха выползает пчела и летит, выписывая большой круг, в сторону улья на окне. Асим почти не обращает на это внимание.

— Где этот парень по имени Видъянатх?

Тень тревоги пробегает по лицу Ома Пракаша.

— Шефа нет на месте, сэр.

— Послушайте, Ом Пракаш, случилось кое-что — очень важное. Я все-таки встретил молодую женщину — ту, что выдал мне компьютер. Но оказалось, она из будущего. Мне нужно вернуться и найти ее. Вы просто обязаны свести меня с Видъянатхом. Ведь если его компьютер показал мне эту женщину, значит, он сам должен знать, как мне с ней встретиться.

Ом Пракаш печально качает головой.

— Пандитджи общается только посредством компьютера. — Он смотрит на улей, затем переводит взгляд на Асима. — Пандитджи не может контролировать будущее, вы же знаете об этом. Все, что он может, — определить, в чем ваше предназначение. Зачем вы живете.

— Но я совершил ошибку! Я не сразу понял, что она из другого времени. Сказал ей что-то, а она исчезла прежде, чем я смог хоть что-то сделать. Ей может грозить опасность! Это будущее ужасно, Ом Пракаш. Бедных людей будут отправлять в специальный город — под землей. А наверху — чистый воздух, высокие минареты и *уданкхатолас*, которые летают между мирами. Ни грязи, ни попрошаек, ни бедняков. Как это бывает в наши дни, когда в город приезжают высокие иностранные гости и полицейские выгоняют людей вроде меня с центральных улиц. Нет сомнений, Ничи Дилли — что-то вроде тюрьмы. Люди там совсем не видят солнца.

Ом Пракаш разводит руками:

— Ну, что я могу сказать, сахиб?

Асим идет вокруг стола и хватает Ома Пракаша за плечи.

— Скажи мне, Ом Пракаш, неужели я просто всего лишь ниточка в сети? Есть ли у меня выбор, что делать, или же я должен следовать судьбе, которую кто-то для меня уже написал?

— У вас есть выбор, сэр: вы можете переломать мне кости, и никто вас не остановит. Можете броситься в Ямуну. Все, что мы делаем, так или иначе влияет на окружающий мир. Иногда это влияние остается незначительным, а порой оно растет и растет, как фикусовое дерево. То, что мы называем обусловленностью, всего лишь влияние первой степени. А причинно-следственные замкнутые системы второй степени скачут из одного времени в другое, как это бывает с вашими видениями, сэр. Говоря словами пандитджи, будущее не является определенным, как и неопределенным.

Асим отпускает парня. Голова разламывается, он очень устал, а Ом Пракаш, как обычно, так ничего и не разъяснил. Надеяться не на что и не на кого. Перед тем как уйти, он оборачивается, чтобы задать Ому Пракашу еще один вопрос:

— Скажите мне, Ом Пракаш, этот ваш пандит Видъянатх, если он только существует, — что у него на уме? Что он пытается воплотить? На кого он работает?

— Как вы знаете, пандит Видъянатх работает для города. Или же он работает только на себя.

Асим выходит наружу — вечерний воздух обдает его теплом. Он идет к автобусной остановке. Даже сквозь уличный шум — людские разговоры, автомобильные сигналы, лай бездомных собак — ему слышится приглушенное жужжание пчел.

На автобусной остановке по-прежнему сидит та самая, чем-то знакомая ему девушка и при тусклом свете уличного фонаря внимательно рассматривает лист бумаги с компьютерной распечаткой. Она быстро поднимает глаза, словно хочет что-то сказать, но осекается. Сраженный, он садится на бетонную скамейку. Три года ожиданий, и все напрасно. Вот запишет последнюю историю и выбросит тетрадь.

Машинально он достает свою тетрадь и начинает писать.

Девушка едва слышно кашляет, прочищая горло. Сразу видно, не привыкла разговаривать с незнакомыми людьми. Судя по одежде и манерам, она явно из приличной, состоятельной семьи. И тогда он вспоминает, как вытолкнул эту девушку из-под автобуса в районе Наи Сарак.

Она протягивает ему лист бумаги:

— Вы что-нибудь здесь понимаете?

Это изображение еще более неразборчивое, чем у него. Он с хмурым видом вертит в руках листок и возвращает его девушке.

— Простите, но я ничего не вижу.

Она говорит ему:

— Это можно истолковать, как изображение кристалла необычной формы или силуэта города с высокими башнями. Кто его знает? С учетом того, что я изучаю биохимию, а отец очень хочет, чтобы я стала архитектором и потом работала у него в фирме, — все же удивительно, что я вижу такие вещи на этом листке. Забавно, честное слово.

Она смеется. Из вежливости он выдавливает некий звук — подобие смеха.

— Ну, не знаю. Мне кажется, есть в нашем очаровательном и нелепом Оме Пракаше какой-то подвох. И, кстати, вы ошиблись на мой счет. В тот день я и не пыталась покончить собой.

Она словно оправдывается. Он-то знает, что скрывалось в ее глазах, — ошибки не было. Не в тот раз, так в другой — это могло произойти, и она знает об этом.

— И все же я пришла сюда — сама от себя не ожидала, — она будто спешит выговориться, — и вот я уже некоторое время

разглядываю эту штуку и размышляю о жизни. И даже сделала некоторые выводы — насчет собственного будущего.

К остановке, сильно кренясь на одну сторону, подходит автобус. Девушка смотрит на него, затем на Асима и мешкает. Совершенно очевидно, ей хочется поговорить, но он продолжает что-то черкать в своей тетради. Автобус трогается с места, и девушка, закинув сумку через плечо, в последний момент вскакивает на ступеньку и машет рукой. Выражение ее глаз изменилось — в них не было того, что он заметил в прошлый раз. Сейчас это совсем другой человек.

Асим заканчивает писать в своей тетради и с чувством неизбежности, которое, как ни странно, его нисколько не тяготит, садится в подошедший автобус — он доставит его к одному из мостов через Ямуну.

* * *

На мосту он перегибается через бетонное ограждение и вглядывается в темную воду. Этот мост ему очень хорошо знаком: скольких людей он спас на этом самом месте! Маленькое фикусовое деревце так и растет из щели в ограждении — городские службы неоднократно его срезали, но оно слишком глубоко пустило корни, чтобы погибнуть окончательно. За спиной проносятся машины, вспыхивают сигнальные огни, звучат клаксоны и велосипедные звонки. Он кладет свою тетрадь на стену ограждения, сожалея о том, что не отдал ее кому-нибудь вроде той девушки на автобусной остановке. А просто выбросить — рука не поднимается. Им овладевает неизбывная усталость, даже безразличие, мысли едва ворочаются, и движения замедляются.

Он готов вскарабкаться на стену моста, неловкие руки скользят по бетону, как вдруг слышит чей-то голос за спиной:

— Подожди!

Он оборачивается. Впечатление такое, будто перед ним — кривое зеркало. У этого мужчины впалые щеки, щетина на подбородке, в поредевшей неухоженной шевелюре поблескивают седые пряди. В руке он держит стопку карточек. Одна щека изуродована рубцом, левый рукав изодран и испачкан чем-то темно-красным. Его глаза — это глаза леопарда, они горят чудовищной неотвратимостью.

— Асим, — произносит незнакомец, который и не незнакомец вовсе. Он часто и тяжело дышит, будто долго бежал, голос немного прерывист. — Не надо…

Тут же он на глазах начинает таять. Асим тянется к нему, но рука ловит пустоту. Тысячи вопросов всплывают в мыслях, но, прежде чем он успевает заговорить, видение исчезает.

Первый порыв Асима — не подчиниться. А что если все-таки броситься в реку сейчас — и как это повлияет на будущее, на обусловленность? Это будет его способ выйти из игры, в которую все это время играет с ним город, способ сказать: хватит с меня твоих фокусов. Но порыв угасает. Вместо этого он вспоминает слова Ома Пракаша насчет причинно-следственных замкнутых систем второй степени, думает о закате над Красным фортом, и об извилистых улочках старого города, и о смерти, спящей под веками живущих здесь людей. Он медленно сползает вниз и садится на грязную обочину. Закрывает руками лицо; плечи его трясутся.

Проходит довольно много времени, когда он наконец поднимается на ноги. Дорога, лежащая перед ним, приведет его куда угодно — к обветшавшей колоннаде и яркой сутолоке в Коннаут Плэйс, к тихим и спокойным общественным паркам с заброшенными крикетными мячами и притихшими качелями или к жилым постройкам, доставшимся от старого правительства, где среди спящих бунгало, перед сонным собранием коров почтительно выстроились многовековые деревья. И пыльные переулочки, и широкие проспекты, и рассыпающиеся памятники Дели — все это сейчас перед ним, как и шумные, яркие базары, стеклянные башни в стиле хай-тек, сияющие анклавы — цитадели богачей, а также чистильщики обуви и попрошайки на перекрестках… Стоит сделать шаг, и город поглотит его, заполучит к себе, как река — мертвеца. Он всего лишь маленькая частица в огромной кровеносной системе города, ему выпало не то счастье, не то проклятие — здесь жить и умереть, догадываться время от времени о своем предназначении, но так до конца и не понять.

Невидящим взглядом он смотрит на огни гудящего шоссе, и ему в голову приходит безумная мысль, которая, как он догадывается, уже некоторое время рвалась на поверхность сознания. На память приходит картинка, которую он увидел однажды в детстве: вид Азии со спутника ночью. На темной выпуклой поверхности земного шара виднелись узелки света — он еще сравнил их тогда со светящейся грибницей, которая тянет в темноте свои усики. Интересно, являются ли запутанность и обширность достаточными условиями для медленного пробуждения, для прояснения сознания? Он вспоминает Ома Пракаша — его нелепую улыбку и покачивания головой, эту странную привязанность к пчелам. Расскажет ли Ом Пракаш

когда-нибудь о том, кем на самом деле является пандит Видъянатх и что означает «работать для города»? Вряд ли. Теперь он понимает, что должен делать то, что делал все это время: выискивать таких же, как он сам, — нищих и отчаявшихся, тех, кто бродит со смертью в глазах. Потребности данного города неизмеримы и враждебны. Это — некий организм, существующий сам по себе, который, с каждым днем расширяясь, поглощает пригороды вокруг, идет дальше, пересекает Ямуну, прежнюю границу города, там плодит детей — новые города-спутники, — которых в конечном счете обязательно сожрет. Сейчас он вгрызается в землю, а позже точно так же будет тянуть свои длинные щупальца вверх, к звездам.

Асиму же сейчас больше всего требуется кто-то, с кем он мог бы обо всем поговорить, — человек, который воспримет всерьез его сумасшедшие идеи. Была же та девушка на автобусной остановке, которую он спас на Наи Сарак. Наверняка у Ома Пракаша есть ее адрес. Ей хотелось поговорить с ним — возможно, она также захочет его выслушать. Он вспоминает изображение, выданное компьютером, которое она ему показала, — интересно, имеет ли будущее девушки отношение к Дели грядущего, к городу, что притягивает его воображение и одновременно пугает: тому самому Дели воздушных кораблей, где «*уданкхатолас* летают между мирами», Дели голодающих людей, брошенных в подземные катакомбы? Жаль, он не успел хотя бы немного расспросить будущего себя. Он напуган, потому что скорее всего (но не обязательно — все не так просто) ему придется противостоять чему-то, причем это будет не просто сопротивление нужде и лишениям, но предстоит борьба, в которой ему порежут щеку и ранят руку, и с душой его произойдет что-то невыразимое. Но сейчас, когда его захватил собственный временной поток, он бессилен. Он подбирает свою тетрадь. Она кажется ему тяжелой, как никогда. Утирая выступившие на глазах слезы, он медленно бредет в ночь.

Альберт Э. Коудрей
Племена Белой

Альберт Э. Коудрей оставил государственную службу, чтобы попробовать свои силы в литературе. До сих пор он был известен только по публикациям в «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», где за последние несколько лет вышел ряд рассказов, которые были хорошо приняты читателями. Большая часть его произведений написана в жанре «ужасов», и местом действия во многих из них становится Новый Орлеан, где поселились демоны и черная магия. В 2000 году автор неожиданно отступил от жанра хоррор и взялся за научную фантастику, создав два рассказа, которые были признаны одними из лучших, написанных в том году. Это «Крест» («Crux»), опубликованный в восемнадцатом сборнике («The Year's Best Science Fiction»), и его продолжение «Мош» («Mosh»). К 2004 году из этих рассказов вырос роман, также получивший название «Крест». По большей части творчество Коудрея укладывается в рамки фэнтези, но иногда он берется и за научную фантастику, причем делает это так мастерски, что у читателей возникает желание, чтобы он обращался к этому жанру почаще.

Вошедший в настоящую антологию рассказ обладает напряженным и захватывающим сюжетом. Старая добрая научно-фантастическая история, уводящая нас на просторы опасной планеты, аборигены которой, мягко говоря, беспокойны…

Коудрей проживает в Новом Орлеане, и, вероятно, не стоит спрашивать, действительно ли в его городе так жутко, как можно подумать, прочитав рассказы данного автора.

Документы, собранные Благородным Комитетом, расследующим трагедию на планете Белая, и последующее судебное постановление

ПУНКТ (1)

Выдержки из записной книжки Роберта Роджерса Кона, полковника сил безопасности

Казалось, что мы погружаемся в пучины вод, а не совершаем посадку.

Мчась навстречу ветру, грузовой челнок пробивался сквозь шторм и ливень, пока не вынырнул из туч над иссиня-черным морем. Мы направились к небольшому скалистому мысу, выдающемуся на фоне едва различимого побережья.

Зеленое дюропластовое здание космодрома было похоже на огромный фальшивый изумруд, выступавший из разорванного кольца пены. Тормозные двигатели высушивали поверхность посадочной площадки, и в воздух поднимались облака пара. Я, единственный пассажир челнока, получил разрешение покинуть корабль до того, как ржавые погрузочные роботы приступили к работе. Мое внимание привлекла армада сверкающих слитков — золото, титан и такие металлы, для которых у меня не нашлось названия. Они лежали под дождем и ожидали отправки в далекое путешествие.

Два туповатых охранника (мужчина и женщина), которых звали Визби и Смэлт, выгружали мой багаж под пристальным надзором капитана безопасности Джулии Мак. Моя местная коллега отсалютовала, и я, следуя формальному этикету, лицемерно сказал, что мне понравилось в этих местах.

— Может, сейчас вам и нравится, но это не надолго, — прокомментировала Смэлт.

— Лучше было оставить это проклятое болото архам, — добавил Визби.

— Молчать! — прикрикнула капитан Мак, и без дальнейших пререканий охранники занесли мои вещи в небольшой флаер, который, сложив крылья, дожидался нас в ангаре. Забираясь внутрь, я почувствовал, что к моему весу на этой планете прибавилось четыре или пять лишних килограммов, — к тому же в воздухе витает что-то шипучее, похожее на брызги шампанского. Возможно, дополнительное количество кислорода поможет мне справиться с возросшей нагрузкой. А может, и просто опьянит меня.

Добро пожаловать на планету Белая, старичок.

* * *

Мы понеслись по направлению к Главной Базе над окутанными туманом утесами сквозь шквал, налетающий со стороны океана. Мак это показалось прекрасным.

— Я ведь родилась здесь, — произнесла она голосом, который словно переполнял кабину. — Единственный человек, который был когда-либо рожден тут. Конечно, это противоречило политике компании; моя мама принимала противозачаточные таблетки, но что-то пошло не так, как надо. Потом мои родственники погибли в результате несчастного случая на рудниках, и меня вырастила колония. А теперь, когда начались эти убийства, стали подумывать о закрытии здешних шахт. Люди говорят, что мы отправимся домой… но мой дом здесь.

— Если у меня получится помочь вам изловить убийцу, — ответил я, — рудники не станут закрывать.

Дух недоверия смешивался с запахами плесени от ее униформы и лака от ее уложенного черного парика. Боже, как же эта женщина огромна, должно быть, весит под девяносто килограммов. И при этом она не жирная. Ее бедро, прижавшееся ко мне, оказалось крепким, как у буйвола.

Мы повернули на запад — или все-таки на север? — выше устья широкой реки, впадающей в море и разливающейся полумесяцами пены. Группы огромных морских существ дружно выпрыгивали из воды, двигаясь словно танцоры, и снова погружались обратно. И мне было видно, как сверкают их клыки.

Теперь мы спускаемся к утесу, скрытому под рядами куполов, семипластовых складов и переплетением соединительных коридоров.

Ого… А это еще что за чертовщина?

Рядом с беспорядочным нагромождением построек лежат огромные, высеченные каменные блоки, уложенные вместе, словно мозаика. Неужели я совершил путешествие на расстояние в четыре с чем-то световых года только для того, чтобы обнаружить, что инки уже побывали здесь до меня?

— Добро пожаловать в Замок, полковник, — произнесла капитан Мак, умело опуская флаер на серый круг мокрой посадочной площадки.

* * *

В детстве мне нравилось слушать рассказы о приключениях старого навигатора Маяковского — или же Открывателя Тысячи

Миров, как называл его в одной из моих книг четкий холодный голос, который я до сих пор слышу в своих снах.

Именно Маяковский назвал эту планету Белой. Глядя на нее из космоса, я подумал было, что причиной тому облака водяного пара, благодаря которым она сверкает почти так же, как Венера. Но я заблуждался.

— Здесь для вас есть кое-какая информация, — сказала Мак, вручая мне куб памяти, когда мы подошли к информационному бюро.

Я вставил куб в свою записную книжку и рассеянно прослушал его содержимое, пока автоматический клерк вводил мои данные в главный сервер колонии.

Б*о*льшая часть того, что сообщал куб, была мне уже известна. Устройство поведало о невероятно эксцентричной орбите Белой. О том, что ей требуется 241 год, чтобы совершить свой странный годичный цикл. О практически бесконечных сезонах, где чередование лютых жары и холода зависит только от орбитального пути, а не от наклона оси, составляющего всего около двух градусов. О некоторых элементах, похожих на земные: планета обращается с запада на восток, а в сутках 22,7 часа, к чему легко может приспособиться даже кто-то вроде меня (я испытываю проблемы со сменой дневного ритма).

Затем куб воспроизвел содержание первоначального рапорта Маяковского. Великий русский исследователь прибыл сюда в конце зимы, увидев чистые холодные голубые небеса и белизну поверхности планеты, — что и определило ее название. Потом сканеры экспедиции обнаружили искусственные строения, и навигатор вывел экспедицию к заброшенному городу.

— Кто мог создать эту огромную каменную платформу и возвести украшающие ее прекрасные храмы? — вопрошал Маяковский. — Планета мертва. Должно быть, все здесь построено такими же инопланетными странниками, как и мы. Но почему именно посреди этой бесконечной Антарктики?

Он назвал город Замком, «крепостью», а его строителей — «архитекторами». В конечном итоге из последнего родилось сленговое слово «архи».

Исследование комплекса привело к трагическому столкновению с плотоядными животными, поселившимися в храмах. Поначалу данная форма жизни вызвала у людей только интерес, к тому же звери несколько напоминали земных белых медведей — а какой же русский не любит медведей? Поэтому Маяковский и местным обитателям дал то же самое название.

— Их длинный мех меняет окрас от темного до белого, когда они выходят из тени на солнечный свет, — бормотал куб. —

Клыки и когти этих животных огромны.

Затем внезапно налетела снежная буря. Когда при семидесяти градусах ниже нуля все вокруг заволокло белой мглой, а биосканеры вышли из строя из-за холода, звери набросились на исследовательскую группу.

— Двое членов экипажа погибли. Им проломили головы. Еще один пропал без вести и, скорее всего, был съеден. Звери проявляют чрезвычайно высокий, а потому опасный уровень интеллекта и хитрости.

Разумеется, это был всего лишь несчастный случай. Залежи руды, обнаруженные металлоискателями исследователей, привлекли на планету шахтерский картель. Рудокопы снесли прекрасные храмы и построили на их месте свои отвратительные купола. Тем временем закончилась зима, и оказалось, что Белая вовсе не мертва. Тысячи животных самых разных видов вырвались из своих укрытий, распустились миллиарды спор и семян, и теперь все они будут цвести до тех пор, пока не придет лето, которое превратит поверхность планеты в унылую пустыню.

Банальная мысль: жизнь настолько же хрупка, насколько и выносliва. И там, где ей удалось зародиться, она способна перенести все, что угодно.

* * *

На этом месте я отключил куб. Появился местный медик. Эту миниатюрную, энергичную китаянку звали Анна Ли.

Она заставила меня пройти стандартную процедуру медицинского сканирования. Каким странным делом занимается эта женщина. Интересно, ведь она встречает такое множество обнаженных незнакомцев и не задается ли потом вопросом, когда видит их одетыми: «Не тот ли это парень, у которого родинка на заднице?»

Я сказал ей, что не заражен никакими ужасными болезнями, если, конечно, не относить к ним то, что лучшие мои годы уже миновали. Доктор дежурно улыбнулась, не придавая значения моим словам.

— С вами все в порядке, — произнесла Анна, изучая распечатку, — но держитесь подальше от сладкого.

А сказав это, ушла.

Когда я оделся, мной снова занялась капитан Мак, которая повела меня по тошнотворным зеленым коридорам, переполненным людьми в серых рабочих комбинезонах. Их имена на жетонах, казалось, были собраны со всех концов Земли:

Джианг, Гришпан, Башо, Мбаса, Джонс.

К моему удивлению, место мне отвели в правительственном секторе. Удобная спальня, шикарная персональная ванна. Широкую террасу снаружи устилает «кладка инков», блестящая под дождем. А вид, открывающийся на далекие горы за речной долиной, был бы потрясающим, если бы не заслоняющий обзор стальной экран. Кажется, повсюду в воде копошатся какие-то личинки.

— Я распоряжусь, чтобы кто-нибудь доставил ваш багаж, — сказала Мак. — Если понадобится, то главный офис Службы безопасности расположен прямо за следующей дверью. Как и в вашем номере, туда ведут две двери, из коридора и с террасы. Управляющий примет вас завтра утром, после того как отдохнете.

Она развернулась, собираясь уйти. Но у меня возник еще один вопрос:

— Скажите, а зачем здесь этот экран?

Мак нахмурилась:

— Здесь обычно спал мистер Кребс, до тех пор пока кто-то не пустил в него ракету. Хорошо, что тогда он болтал со мной в офисе Службы безопасности и не пострадал.

— Ракету?

— Всего лишь одну, из тех, что запускаются с плеча, — как будто оправдываясь, произнесла она, словно от маленькой ракеты становятся менее мертвыми, чем от большой. — Какой-то рассерженный сотрудник. Тогда-то мы и установили защитные экраны. Такой же закрывает и офис Службы безопасности.

— Ракету украли с вашего оружейного склада?

— Да. — Мак бросила на меня резкий взгляд.

— А где же теперь спит управляющий?

— В другом месте.

Она с силой закрыла за собой дверь, оставив меня отдыхать, — если, конечно, можно заснуть, чувствуя, что находишься в перекрестии прицела.

* * *

Поужинал я в столовой. Мак отвела меня к столику начальства, расположенному в отдельном помещении. Я надеялся, что встречусь там с мистером Кребсом, но выяснилось, что управляющий принимает пищу в одиночестве.

Вместо этого удалось познакомиться с дюжиной должностных лиц и инженеров. Английский был для всех вторым языком, и мне довелось услышать чудовищную смесь различных акцентов,

выражающих пылкую надежду, что у меня получится обнаружить убийцу. На текущий момент на его счету уже девятнадцать жертв, что составляет почти два процента населения в 1042 человека. Вновь появилась энергичная доктор Ли, облаченная в лабораторную блузу, и сказала мне, что у нее есть голограммы тел и результаты вскрытий, с которыми я могу ознакомиться после ужина.

— Надеюсь, у вас крепкий желудок, — проговорил старший инженер, парень по имени Антонелли. При этом он скорчил рожу.

— На самом деле ничего особо ужасного там нет, — сказала Ли. — Всегда все заканчивалось одним ударом острым предметом по макушке. Странный способ убийства, но зато бесшумный и эффективный.

— Есть какое-нибудь сходство между жертвами? — спросил я. — Мужчины или женщины, старые или молодые, гомо-или гетеросексуальные?

— Нет. Если бы кому-нибудь пришло в голову создать статистику по всем обитателям колонии, и то не получилось бы большего разнообразия. По правде говоря, все жертвы довольно молоды. Но это только результат общей демографии.

Верно. С шахтерскими колониями всегда так: несколько пожилых правят бал, а множество молодых, энергичных людей выполняют всю тяжелую и зачастую опасную работу.

— Есть только одна особенность. Все случаи происходили здесь, — прервала нас капитан Мак, до поры хранившая молчание и только набивавшая рот, — Ни одного случая на рудниках. Впервые люди добровольно остаются на сверхурочные.

За столиком раздались мрачные смешки.

Когда закончился ужин, я попросил доктора Ли представить меня более молодым сотрудникам. Мы прошли по главному залу столовой, обмениваясь рукопожатиями с людьми, в чьих лицах я не увидел ничего особенного, кроме того, что они светятся той молодой свежестью, какая бывает до тридцати лет. Наверняка все эти юнцы полагают себя начальством в стадии куколки, надеясь набраться здесь опыта, а затем вернуться домой и начать восхождение по карьерной лестнице. Интересно, многим ли это удастся на самом деле?

Несколько минут спустя мы с Анной, довольно быстро перейдя на «ты», направлялись переплетением коридоров к ее клинике. Когда половина пути была уже пройдена, доктор произнесла:

— Здесь произошло первое убийство.

— Здесь?

Мы остановились посреди абсолютно пустого, голого

коридора, составлявшего порядка двадцати метров в длину. Он был хорошо освещен, окна отсутствовали, и вокруг не наблюдалось ни единого места, подходящего для того, чтобы спрятаться. Я поинтересовался, кто же стал первой жертвой.

— Женщина по имени Кабрера. Атлетического телосложения, хорошо бегала; жизнь в колонии настолько скучна, что тот, кто не начинает пить, увлекается спортом. Я уверена, она сумела бы убежать, если бы увидела приближающегося убийцу.

— Чем ее ударили?

— Скорее всего альпинистской киркой — у этого оружия короткая ручка и его легко спрятать. Острие пробило продольную трещину в черепе и погрузилось примерно на семь сантиметров в средний мозг. Кабрера еще несколько часов провела в коме, а затем скончалась.

— Можно ли предположить, что убийца непременно мужчина?

— Необязательно, учитывая, сколько наших девушек занимаются единоборствами. Мужчины значительно превосходят нас количеством, и каждую неделю приходилось бы иметь дело с изнасилованиями, не умей мы постоять за себя.

— Хотите сказать, что не все здешние шахтеры джентльмены?

— Они джентльмены в той же самой мере, что и полицейские.

Дамочка с характером.

ПУНКТ (2)

Из письменного рапорта Анны Ли, доктора естественных и медицинских наук

(Она встретилась с Робертом — полковником Коном — в первый же вечер его пребывания на Белой.)

Я не обнаружила никаких особенностей в результатах его медицинского сканирования, кроме того, что Роберт был необрезанным. Во время обеда я также отметила про себя, что полковник Кон крупный мужчина с преждевременно поседевшими волосами.

Думаю, первый наш разговор помог ему понять ситуацию, сложившуюся на Белой. Кажется, его заинтересовала информация, которую я смогла предоставить. Мне не сразу удалось решить, умен ли он, хотя разговаривал Роберт как образованный человек. Признаюсь, интеллектуальное высокомерие — один из моих серьезных недостатков. К тому же мы, работники умственного труда, всегда немного сверху вниз смотрим на полицейских вне зависимости от того, что нам от них надо.

Когда полковник ушел, я заперла дверь лаборатории и приступила к исследованию обыкновенных для этих мест то ли червей, то ли личинок, надеясь, что уяснение структуры генома этих существ может создать модель для последующей работы над более сложными и интересными обитателями Белой.

Мысленно пожелав полковнику удачи, я погрузилась в тишину увлекательной работы, которая помогла забыть на время про трупы и убийцу.

ПУНКТ (3)

Из записной книжки полковника Кона

Тихий бой часов провозгласил полночь, хотя, конечно же, у меня нет ощущения, что она уже наступила. Я был готов к тому, чтобы лечь в постель, но не готов ко сну. Старый мозг продолжает устало кружить в трезвой тоске.

И все-таки хорошо, что мне внедрили этот чип прямо в гортань и не приходится говорить вслух, чтобы записать свои мысли. Никогда не знаешь, кто может подслушивать. Управление устройством чем-то напоминает чревовещание, и научиться ему несложно. Весь хлам, порождаемый потоком моего сознания, отражается в записной книжке, застывая в глубинах закодированной памяти.

Фотографии, предоставленные Анной, были умеренно мерзкими и не слишком полезными. Не больше дали и замечания Мак о смертях. Убийца знает свое дело. Его методы чрезвычайно странны. Между жертвами ни малейшего сходства.

Происшествия начались в коридорах, потом переместились к рассадникам гидропоники, а затем стали происходить повсюду. Спортсменов находили на беговой дорожке, припозднившихся рабочих — в машинных цехах и кабинетах.

Убийства продолжились даже после того, как Мак издала указ никуда не выходить без сопровождения. Одна женщина зашла в кабинку туалета, пока вторая караулила снаружи. Когда первая попыталась открыть дверь, она встретила препятствие в виде тела своей подруги.

Обычные методы расследования не дали результатов. Тесты на скрытую кровь, волосы и волокна также ничего не показали. Колония испытывает нехватку оборудования для проведения сложных психиатрических проверок. Методы, примененные Мак, были довольно грубыми; после того как произошло первое убийство, она заподозрила всех, потом отсеяла тех, кто имел твердое алиби, и арестовала трех человек, у которых его не было.

Результаты не утешали. После еще двух убийств подозреваемых пришлось отпустить на свободу.

На текущий момент у всех есть алиби хотя бы в одном случае, а обычно сразу в нескольких. Не удалось обнаружить и орудие убийства. Несмотря на количество горных инженеров, альпинистские кирки не являлись чем-то обычным; но кто-то, для кого альпинизм стал хобби, мог ввезти такую в своем личном

багаже. Мак провела компьютерный анализ данных по личному багажу прибывающих вплоть до самой старой записи, но не встретила упоминания об искомом оружии.

Каменную платформу под нами пронизывают узкие проходы. Когда поползли слухи об инопланетных убийцах, управляющий вначале только посмеялся, но потом все же приказал Мак провести расследование. Учитывая, что практически любой взрослый человек оказался бы чересчур велик для подобной работы, капитану пришлось использовать радиоуправляемого робота.

В кубе памяти содержится несколько фотографий настенных изображений, найденных внизу, — так люди впервые познакомились с архами Замка, маленькими, горбатыми, коричневыми двуногими созданиями с трехпалыми лапами, тыквообразными головами и серьезными проблемами с зубами. Но не удалось обнаружить никаких свежих следов, за исключением кала и костей мелких животных.

Но это не удивляет Анну. Исходя из данных по убийствам, она уже решила, что убийца, так же как и его жертвы, — человек…

Проклятие. Я все еще безуспешно пытаюсь уснуть. Устал неимоверно, но старые мозги все так же продолжают кружить.

* * *

Решив подышать воздухом, я натянул одежду, открыл толстую транспластиковую дверь, ведущую на террасу, и обошел экран. Со стороны реки донесся раскатистый рев. Упало несколько холодных капель дождя. Над далекими холмами прогрохотал гром.

Воздух приятно освежает — фитопланктон моря и зелень джунглей старательно производят тот ядовитый газ, который нам так нравится вдыхать. Я чувствую, как быстрее начинает биться мое сердце. Впрочем, мне кажется, что, оказавшись там, внизу, среди всей этой гнили, можно почувствовать только вонь. Так обычно и бывает в джунглях.

Я совсем забыл надеть шлепанцы, и мои босые ноги замерзли. Каменные блоки оказались гладкими и скользкими. Под ногами омерзительно хлюпают мелкие червяки. Я прошел по террасе к невысокому парапету и посмотрел вниз. В черноте джунглей, обрамлявших русло реки, вспыхивают молнии. Откуда-то доносится запах, чем-то напоминающий вонь львиной клетки в зоопа…

Ого!

* * *

Уф… Мне пришлось пережить серьезное потрясение.

Позвольте пояснить. Увидев, что в офисе Службы безопасности горит свет, я развернулся и пошел туда, но кто-то распахнул дверь, наставил на меня импульсный пистолет и прокричал: «À bas!»[50]

Я бросился на камни как раз в тот момент, когда раздался выстрел. А обернувшись, увидел, как нечто крупное свалилось с парапета и исчезло.

Сейчас мне уже лучше. Сижу в офисе Службы безопасности, а молодой человек в униформе протягивает столь необходимое полотенце.

— Сэр, — учтиво произнес он, — я не знал, что вы окажетесь ночью снаружи. Дикие жив-рот-ные иногда влезают на стены.

Это тощий, некрупный и очень напряженный парень с синеватым подбородком и бегающими черными глазами. Он бегло говорит по-английски, но иногда в его речи проскальзывает странное произношение. Представился молодой офицер как лейтенант Службы безопасности Мишель Веррей.

Повсюду вокруг нас гудят и мерцают мониторы. Должно быть, именно так и выглядит рай в представлении вуайериста. В одной из спален шевелится ворох постельного белья, позволяя предположить, что под ним пытается найти уединение пара, занимающаяся любовью. Одной из наименее интересных сцен — вид пустой спальни — оказалась моя собственная комната.

Мишель — единственный постоянный помощник Мак на Главной Базе. Он с ехидцей называет ее Маман.

— Вот, полковник, — сказал он. — Позвольте мне вручить вам ключ от нашего офиса. Уверен, что это не противоречит желаниям Маман. А еще я выдам вам пистолет.

Я поднял пистолет, проверил обойму и, нажав на кнопку опознания, подождал, пока оружие запомнит рисунок капилляров на моей ладони. Привет, пистолет. Привет, полковник.

Разговор продолжался.

— Надо полагать, что на самом деле она не приходится тебе матерью?

— Не-е. Но порой мне кажется, что ей хотелось бы этого, — скорчил он смешную рожу.

Что ж, если он прав, то это будет первым человеческим чувством, какое я замечу в Мак. Мишель показал мне помещение,

объяснив, что мониторы установили после первых убийств.

— Мы стараемся убедить людей держаться помещений, находящихся под наблюдением. К сожалению, оборудования не хватает. У нас недостаточно видеокамер, и кто угодно может притаиться в непокрытых областях, выжидая удобного случая для нападения.

— А люди не возражают, что вы за ними шпионите?

— Поначалу возражали. Но сейчас, когда они напуганы, уже не слишком сильно. К тому же мы шпионим и за собой тоже. Вот моя комната и мои соседи по ней. А здесь вы можете наблюдать волнующую сцену: Маман читает в постели.

Мак сняла свой парик, волосы под которым коротко подстрижены. Она выглядит словно портрет Гертруды Штайн работы Пикассо. Я поинтересовался, есть ли еще оружие в колонии, кроме примерно дюжины стволов, находящихся в стойке. Конечно же есть. Весь персонал Службы безопасности — Мак, Мишель, Визби и Смэлт — вооружен. То же самое можно сказать и про мистера Кребса, и старшего инженера Антонелли, и все остальное начальство. По факту и остальным обитателям колонии хотелось бы обладать пистолетами, но Мак против, и Кребс пока ее поддерживает.

И это чертовски правильно. Вооруженные гражданские могут оказаться пострашнее всякого убийцы.

— А что насчет ракет? — поинтересовался я.

Мишель усмехнулся, понимая, о чем я думаю.

— Все пять штук, которые остались, заперты здесь, и только у Маман есть ключ.

— Думаю, что нападение на управляющего не лучшим образом сказалось на ее репутации.

— Вся обстановка в целом плохо сказывается на ее репутации. С каждым днем она становится все мрачнее. Маман, может, и кажется непоколебимой, как Монблан, но на самом деле жутко переживает. Хотя при этом отказывается от лекарств, которые ей прописала доктор Ли.

Мишель вынес из комнаты с припасами бутылку коньяку и два пластиковых стаканчика. Выпивка зажгла долгожданный огонь в моей глотке. Мы продолжили болтать и вскоре нашли общий язык. Оказалось, что именно Мишель проводил исследование подземных туннелей.

— Вы сами собрали робота?

— Не-е. Такие штуки есть у шахтеров, чтобы проверять проходы, которые либо слишком узки, либо чересчур опасны для людей. Инженеры называют их «пауками» (в его произношении это прозвучало скорее как «пшики») — эти крошки, бегающие на

трех лапках, оборудованы цифровой камерой и фонарем, работающим даже на большой глубине. Я провел машину по коридорам, записал куб памяти для Маман и для себя тоже копию припрятал.

Мишель пожал плечами и закатил глаза в притворной тревоге:

— Поверь мне, она рассвирепела бы, узнай об этом.

— Почему?

— Как и со многими другими маман, с ней бывает трудно. Мак считает, что знания — сила. Ладно, в этом она права. Ей хочется знать все, что происходит здесь. Хорошо, это ее работа. Но она ведь хочет монополизировать всю информацию, припрятать ее и использовать потом против своих врагов.

— Значит, у нее есть враги…

— *Mois oui*, — бодро ответил мой приятель, опрокидывая в себя остатки своей выпивки. — Все вокруг, кроме меня и Кребса, просто ненавидят ее и *comme la peste*.

Бегут, значит, как от чумы? Что ж, я и не думал, что капитан жутко популярная персона. Поглощая выпивку, Мишель начал откровенничать (и к тому же стал переходить на французский).

— А зачем тебе этот куб, Мишель? — спросил я, пока он наполнял наши стаканы.

— Когда вернусь домой, хочу получить научную степень по Инопланетным Цивилизациям и начать преподавать. Я изучаю данные на кубе кадр за кадром, и мне кажется, что этого материала хватит на диссертацию. *Le bon Dieu*[51] сотворил меня не для полицейской службы, — добавил он, а затем покраснел, решив, что я могу воспринять это как оскорбление своей работе.

— С Богом спорить не стану, — серьезно произнес я и пожелал Мишелю спокойной ночи.

На этот раз с оружием в руках мне без приключений удалось вернуться по террасе.

«Какой хороший мальчик, — подумал я, заходя внутрь. — Он спас мне жизнь и избавил от дурной славы после смерти. Разве не чудесная получилась бы запись в конце личного дела? *В первый же день своего последнего назначения полковник Роберт Р. Кон, личное дело № 52 452 928, позволил себя сожрать».*

Всем доброй ночи. И приятных сновидений.

* * *

Утро началось с дождя, грома, молний и раздражающего стука. Меня спозаранку вызвали в офис Кребса. Капитан Мак

вначале молотила по двери, а потом, пока я пытался разлепить веки, вела меня в напряженной тишине лабиринтом коридоров.

Спустившись в глубины Главной Базы, мы достигли новых правительственных помещений — они оказались расположенными так глубоко, что там совсем не было слышно шума грозы. Мистер Кребс явно старался предпринять все возможное, чтобы в него больше не смогли пустить ракету.

Офис был таким же огромным, чистым и уродливым, как и его обитатель. Мак молча ретировалась, и мрачный рыхлый мужчина, сидя в высоком правительственном кресле, склонился вперед, протягивая для рукопожатия два слабых пальца.

Основную особенность его лица составляют челюсти, напоминающие экскаватор. Нижний правый клык выпирает наружу. Раздутый живот Кребса нависает над краем стола, но руки у него тонкие, и возникает ощущение, что он ими не пользуется. На мой взгляд, он идеально соответствует типажу начальника — толстый мужик с каменным задом, способный только на то, чтобы отдавать приказания подчиненным, которые и умнее, и сильнее его.

— Вы опоздали на полчаса, — произнес Кребс вместо приветствия.

— А мы куда-то спешим? — раздраженно парировал я.

— Вообще-то осмотреть тело, — прорычал он, откидываясь на спинку кресла. — Захватите с собой Ли. Врач она, конечно, третьесортный, но другого у нас нет.

— Еще одно убийство?

— А Мак вам не сказала? Проклятие, все приходится делать самому. Да, оно произошло в шахтерском лагере Альфа.

— Первый случай убийства на рудниках!

— Верно. Теперь это трусливое дерьмо, работающее на меня, и вовсе не захочет выходить в забой. Думают, что они здесь только для того, чтобы жрать провизию компании, пробивать свои билеты и выполнять как можно меньше работы.

Я начал понимать, за что кому-то захотелось пустить ракету в мистера Кребса. У меня он вызывал схожие чувства. Несколько секунд Кребс посидел, разглядывая меня, а затем неожиданно спросил, выдвинув челюсть еще сильнее:

— Скажите, вы на моем бюджете?

— Нет. Мне платит штаб, а шахтерский картель потом возмещает им убытки.

— Что ж, хвала Господу за это маленькое одолжение, — произнес мистер Кребс. — И еще одна небольшая радость — покойник не был важным лицом.

На этом разговор завершился.

Я взял свою записную книжку, вставил в нее свежую батарейку и отправился на встречу с Анной у ее клиники. У Анны с собой была сумка с пробирками для взятия проб и медицинский чемоданчик, которые я помог ей нести.

— Поговорил с вашим начальником, — произнес я, пока мы спешили к взлетной площадке.

— Узнать его — значит возненавидеть, — хмыкнула Анна. — Поторопись, работает только один флаер, и мы его задерживаем.

Десять минут спустя мы отправились прямо в пасть шторма. Вот это был полет! Продолжался он один час, а может, и целую вечность — все зависит от того, как поглядеть. Проклятая черная коробка, управляющая флаером, оказалась запрограммированной на то, чтобы держаться максимально прямого пути — надо думать, ради неуместной экономии топлива, — и в результате мы помчались прямо над широким проливом, извергающим вверх бушующую черную воду. На побережье обрушивался шквал, в который мы и влетели.

Я чувствовал абсолютную уверенность в том, что очередная молния спалит черную коробку и флаер рухнет в море. Позавтракать мы еще не успели, поэтому вывернуть наружу можно было разве что собственный желудок.

Анна стоически сносила все толчки и тряску или, по крайней мере, умело делала вид. Однако я заметил, что и она вздохнула с облегчением, когда мы наконец пересекли залив и подпрыгнули, приземляясь на еще одном залитом дождем бетонном круге возле очередного беспорядочного нагромождения куполов и навесов.

— Ну вот и Альфа, — произнесла Анна.

К нам побежали люди с зонтиками — да-да, точно такими же зонтиками, что и на Земле, — но, конечно же, мы все равно промокли. На руднике размещались две дюжины работников, но трое отправились чинить шламовый насос, что бы это ни значило. Итак, я представился двум десяткам живых и одному покойнику.

Этим последним оказался молодой человек, которого звали Торнс. Он лежал лицом вниз на каменной кладке пола машинного цеха. На первый взгляд, единственным отличием от предыдущих убийств является то, что его ударили по затылку, а не по макушке.

— Оружие, похоже, проникло в заднюю медиальную борозду продолговатого мозга, — проговорила Анна в свою записную книжку.

Потом доктор надела на голову набор, состоящий из ксеноновой лампы и мощного 3D — увеличителя, опустила линзы на глаза и встала на колени. При этом ее нос почти касался заскорузлых от крови волос мертвеца.

Когда я помог ей подняться, Анна нахмурилась.

— Края ран у погибших в Замке были ровными, — пробормотала она. — Но в этот раз… рана не столь аккуратная. Оружие словно затупилось от удара. Надо будет проверить, когда отвезем тело в лабораторию. Помоги перевернуть его.

Почему-то прикосновение к мертвому телу оказывает на меня успокаивающее воздействие. Каждый раз, когда я впервые вижу покойника, это зрелище вызывает шок. Но когда прикасаюсь к телу и чувствую его тяжесть, особенно если уже началось окоченение — как, например, сейчас, — то понимаю, что имею дело с камнем и землей, но не человеком, и могу обращаться с трупом точно так же, как и с любой другой судебной уликой.

Как показала поверхностная экспертиза, в теле Торнса, кроме того, что он мертв, как выразилась Анна, нет ничего примечательного. Сделав пачку голограмм, мы упаковали его, и шахтеры помогли отнести труп в морозильник.

Остаток дня мне пришлось провести в небольшом пустом офисе с единственным монитором, попискивающим на обшарпанном дюропластовом столе. Я потягивал кофе, жевал малосъедобные сэндвичи, политые сверху ужасным синтетическим майонезом, и опрашивал выживших.

Никто ничего не видел и не слышал. Торнса все любили, врагов у него не было, и каждый человек на Альфе находился на виду у остальных в предполагаемый час убийства, попадающий, по оценке Анны, в промежуток между 6:30 и 8:00. Я успел добраться до последнего имени в списке, прежде чем Мадам Правосудие, известная древним под именем Немезиды, приподняла повязку на своих глазах и одарила меня взглядом.

Свидетеля звали Тэд Жщеч, что произносится как Жишечь. Этот бледный, раздражительный, тощий парнишка, лет шестнадцати на вид, был облачен в рабочий комбинезон, вполне способный послужить ему палаткой. Юноша скользнул в комнату, держа в руках конверт.

— Я… э… э-э-э… у меня для вас кое-что есть, сэр, — заикаясь, произнес он.

— Вот как? И что же? — Плохая еда и отсутствие какого бы то ни было прогресса в расследовании привели меня в дурное расположение духа.

Следующие пять минут Тэд старался справиться с собственным языком. Из его бессвязного рассказа постепенно стало ясно, что он работал с Торнсом в машинном цехе и именно он обнаружил тело. Прежде чем включить тревогу, он сбегал за своей цифровой камерой, справедливо рассудив, что вскоре все находящиеся на Альфе примчатся туда толпой и затопчут улики.

— Почему же ты сразу не принес мне фотографии?! — вопросил я максимально грозным голосом. Но на самом деле меня восхитила находчивость юноши.

— Я ж-ж-ж-ждал своей очереди, — объяснил Тэд, — И… э… э-э-э…

— Что? — спросил я, начиная вытаскивать снимки из конверта.

— Ну, к-к-как можете видеть, с-с-с-следы ног очень четкие.

— Следы ног?

— Ага. Они проявились, когда я применил инфракрасную вспышку. Обычный свет такого н-н-не давал. Я даже и не знал про их существование, пока не р-р-р-распечатал снимки.

Я уставился на тусклые небольшие трехпалые следы вокруг тела. Они были такими свежими, что в невидимом спектре продолжали излучать живое тепло. Ранним утром пол еще сохранял холод, и ноги убийцы, чья температура тела была, судя по всему, выше, чем температура пола, оставили достаточный тепловой след, чтобы его смогла зафиксировать камера.

— Должно быть, он сбежал, когда увидел, как ты открываешь дверь, — прокомментировал я.

Это, судя по всему, испугало Тэда.

— Вы так думаете? — спросил он, выпучив глаза. — Вы действительно так думаете?

В этот раз юноша не заикался.

Когда я показал фотографии Анне, она чуть не повыдирала свои седеющие волосы.

— О великий Дао! Мы ведь уже приходили к решению. Убийца должен быть человеком, — простонала она.

— Ладно, пусть это сделал человек. А затем трехпалый зашел туда, побегал вокруг тела, умчался обратно, скрылся в джунглях и…

Мой голос стих на полуслове. Анна посмотрела на меня. Я посмотрел на Анну. Мы оба вспомнили, где прежде видели трехпалую ступню.

— Лучше вернуться в Замок, — сказала доктор Ли. — Немедленно.

Шторм ослаб, и обратный путь был лишь слегка утомителен, что, конечно же, не большая проблема при возвращении. Расположившийся позади нас покойник, скрюченный и завернутый в прозрачный пластик, вызывал неприятные ассоциации с гигантским эмбрионом, опутанным плацентой.

Вернувшись в Замок, мы повлекли свой груз мимо широких луж и вдоль серых коридоров в лабораторию Анны. Я вытащил папку с собранной информацией и проверил изображения,

полученные «пауком» под землей. И да, у архов действительно оказались трехпалые ступни, как на расплывчатых снимках, сделанных Тэдом!

Пока я готовил чай на конфорке под вакуумной вытяжкой, Анна позвонила Мак и потребовала от нее предоставить куб памяти, содержащий полное исследование подземных ходов.

— У тебя нет доступа к подобной информации! — прорычала эта неучтивая дама.

— Что это значит? — выпалила Анна. — У меня высший уровень доступа. Данные мне необходимы для работы.

— Ты офицер медицинской службы, «пенис-механик», а не офицер Службы безопасности! И у тебя нет соответствующего уровня доступа.

Тогда вперед вышел я.

— Капитан, у меня есть доступ ко всему, к чему и у вас, и даже больше. Высылайте этот проклятый куб, и высылайте его немедленно.

Я испытал довольно приятные ощущения. Пользоваться служебным положением, может, и не слишком хорошо, зато эффективно. Мы отдыхали, пока не появился Мишель с запечатанным контейнером, в получении которого нам с Анной пришлось расписаться. Молодой офицер подмигнул мне и отправился обратно по своим делам. Несколько минут спустя мы с Анной плечом к плечу вглядывались в монитор ее компьютера.

Очертания на записи неожиданно вздрагивали, успокаивались, снова подпрыгивали, расплывались. Робот проник в узкую щель между двумя циклопическими каменными блоками Замка. Вместе с ним мы спустились по крутым узким ступеням. Пятно яркого света прыгало из стороны в сторону, соответствуя движениям робота. Анна постоянно останавливала картинку, чтобы мы смогли рассмотреть относительно чистое изображение.

Вдоль гладких каменных стен маршировала нарисованная процессия архов, облаченных в фантастические одеяния из кожи и перьев. Выступающие вперед зубы придавали их головам жутковатый вид. В конце ступеней узкий коридор разделился на два рукава, уходящих вправо и влево, и робот приступил к исследованию. Проходы дробились и ветвились, и механизм проникал в маленькие комнатки, покрытые пестрой росписью, напоминающей мне искусство майя из Тикаля и Цибильчальтуна.

Это было просто очаровательно, но, учитывая стоящие перед нами задачи, абсолютно бесполезно. К тому моменту, когда просмотр подошел к концу, наш чай успел остыть.

— Так каким будет ваше заключение, господин полковник? — поинтересовалась Анна с оскорбительной иронией.

— Инопланетяне… — начал я.

— Архи аборигены, — поправила она. — Это мы — инопланетяне.

— Ладно, ладно. Во-первых, ты права. Архи не могли совершать убийства в Замке. Обернувшись в коридоре и увидев странное создание, человек побежит, закричит, станет отбиваться и вообще делать то, что эти жертвы не делали. Убийства должен был совершить человек. Следовательно, где-то нарушена логика.

Мы сидели и смотрели друг на друга. Чувствуя беспомощность от пустоты в своей голове, я спросил:

— А что нам известно про архов?

— То, что ты видел, — показала она пальцем.

— Я имею в виду… — Хотя что конкретно имею в виду, и сам толком не представлял. — Как они выживают в этом мире? Он столь причудлив. То неимоверный холод, то жуткая жара. Сезоны, длящиеся несколько десятилетий… Как они все это выдерживают?

— Это никому не известно, — вздохнула Анна. — Мы ведь словно нарыв на теле планеты. Люди принесли с собой только узость взглядов рудокопов — копай, переплавляй и отправляй слитки, а когда истощатся шахты — улетай сам.

Она смолкла на некоторое время, чтобы поставить подогреваться чай, а затем продолжила:

— И я не лучше остальных. Растрачиваю свое время, проводя рутинные обследования и залечивая травмы, полученные на шахтах. Так и рождается трескотня насчет «пенис-механика». В ней тоже есть правда. Но в свободное время я пытаюсь заниматься настоящей наукой.

— Что-нибудь полезное?

— Для того, чтобы разобраться с убийствами? Нет. Наоборот, мои исследования настолько далеки от этого дела, насколько только возможно. Я стараюсь разобраться с молекулярной биологией представителей местной фауны…

— Ага, — сказал я. — Понятно.

— В любом случае, ты спрашивал меня, как аборигены уживаются с этим миром. Отвечаю: мне не понятно, как вообще хоть что-нибудь функционирует на Белой. Мы все здесь настолько заняты своей практичностью, что ни у кого просто не хватает времени на демонстрацию своей разумности.

На этом нам пришлось остановиться. Я отправил Мишелю информацию, собранную на Альфе, и мы пошли обедать.

* * *

Вкратце перескажу события минувшего вечера: Мак, надувающая щеки, и глазеющие на меня инженеры, которые надеются, что о последнем злодеянии мне известно больше, чем им. Чтобы избежать вопросов, на которые я не хотел (что означает — не мог) отвечать, пришлось избегать общения, а потому я пожелал спокойной ночи Анне и максимально быстро потащил свой стареющий зад к койке.

За дверью, выходящей на террасу, было видно, как приближается очередная буря. Информация, содержащаяся в кубе, гласит, что «весенние дожди» предположительно будут продолжаться порядка сорока стандартных лет. Интересно, что бы сказал на этот счет Ной?

Я завалился в постель, но опять не сумел уснуть — в этот раз из-за постоянных молний — и, бормоча ругательства, снова поднялся, чтобы найти способ затенить окно.

Сверкнула молния. Из-за стекла на меня уставилось чудище.

Сверкнула молния. Я уставился в ответ. Ничего страшного, это ведь всего лишь животное.

Но оно впечатляет. Прямостоящее кривоногое тело покрывает грубый мех неопределенного окраса. Это кабан. Богом клянусь — огромный двуногий кабан. Волосатые уши, крохотные красные глазки, светящиеся необыкновенным поросячьим интеллектом, а еще грязно-оранжевые клыки, побелевшие там, где трутся друг о друга, два растут вниз и два вверх — и ко всему этому следует добавить плоское, дрожащее рыло, с торчащей из ноздрей шерстью…

Хотя, конечно же, то, что я вижу, не может быть кабаном да и вообще являться чем-либо виденным мной ранее. У этого зверя длинные когти вместо копыт и мускулистые передние конечности, подходящие как для ходьбы, так и для того, чтобы карабкаться по деревьям. Представьте себе огромного медведя, скрещенного со свиньей и с… с чем? Короче говоря, с чем-то.

Этот триумф манипуляций природной генетики скребет в темноте своими двадцатисантиметровыми когтями по прочному транспластику, производя омерзительный скрип. Сверкнула молния. Тварь полностью обнажила клыки, в которых не менее двенадцати сантиметров, и разочарованно отвернулась.

Сверкнула молния. Животное исчезло.

* * *

Несколько потрясенный, я продолжил поиски и нащупал выключатель на стене, которым и щелкнул. Да, хвала

всевозможным богам, окно затемнилось. Я вернулся в постель и постарался уснуть.

В моей голове замаршировали процессии пернатых тварей, сопровождаемые двуногими кабанами и медведями Маяковского, существами, заманившими в засаду экипаж великого навигатора семьдесят лет тому назад, когда на Белой была зима…

Но почему же мне кажется, что во всех этих созданиях есть некое сходство?

ПУНКТ (4)

Из письменного рапорта Анны Ли, доктора медицинских наук

Я провела тот вечер в лаборатории, планируя поработать над своим проектом. Но мои мысли постоянно возвращались к телу в морозильнике.

Через некоторое время я сдалась, втащила бедного мистера Торнса на исследовательский стол и приступила к осмотру раны. И почти моментально обнаружила нечто странное.

Возможно, мне стоило незамедлительно позвонить полковнику, но мне подумалось, что он может спать. Посему я решила поговорить с ним за завтраком, не догадавшись, что, настолько устав от наших дневных приключений, могу просто проспать и упустить его по утру. И именно это и произошло.

ПУНКТ (5)

Из записной книжки полковника Кона

— Итак, — причмокивая, произнес мистер Кребс, — что вам удалось выяснить?

От его лишенного окон офиса разило преждевременным погребением. Да и сам этот человек, с лицом пираньи, раздутым брюхом и слабыми, крошечными ручками, казался одновременно угрожающим и беспомощным.

— Как вы думаете, кто пытался убить вас с помощью ракеты? — спросил я в ответ.

Эта проблема наполняла (без преувеличений) мои сны целую ночь, когда подсознание наконец решило заняться чем-то полезным.

— Мне нужны ответы, а не вопросы.

— Что же, их у меня еще нет. Но ваши проблемы не исчерпываются гибелью двадцати человек. К ним смело можно добавить попытку убийства управляющего колонии. Меня беспокоит тот факт, что эти случаи могут оказаться взаимосвязанными.

Кребс зарычал. Честно говорю — «гр-р-р-р-р». Как собака.

— Обратитесь к капитану Мак, — сказал он. — Это по ее части.

— Удивлен, что вы сохраняете за ней столь ответственный пост после того, как здесь все пошло в разлад, — честно произнес я.

— Я полностью ей доверяю.

Для меня в этой реплике прозвучало опасение, что любой другой, назначенный на ее место, может воспользоваться оружием, хранящимся в офисе Службы безопасности, чтобы совершить новое покушение.

— А теперь, если не возражаете, ответьте на мой вопрос. Что вы разузнали об убийствах?

Я включил свою записную книжку, и та загудела. Вкратце пересказав события прошедшего дня, я подытожил:

— К развлечению подключились и архи.

— Но они же все вымерли! — Кребс чуть ли не кричал.

— Ничуть не в большей степени, чем майя, египтяне, кельты, камбоджийцы или любая другая цивилизация, строившая ныне заброшенные города на Земле. Эти народы просто ушли. Но их потомки продолжают жить. Весна вывела архов из убежищ, и что

же они обнаружили? Их Акрополис, их храмовая гора, была осквернена пришельцами — нами. Случившееся взбесило аборигенов так, что они убили человека.

Мне кажется, что это очень удобная теория, даже слишком удобная, чтобы быть правдивой.

— Значит, вы утверждаете, что никто из наших людей не причастен к убийствам?

Я терпеливо рассказал о затруднениях, возникших при попытке свалить вину за первые девятнадцать случаев на аборигенов.

— Итак, вы хотите сказать, что мы имеем дело с двумя убийцами, умерщвляющими людей одним и тем же странным способом в двух разных местах. При этом один из них человек, а второй нечто разэтакое. Это самое глупое объяснение, какое мне только доводилось слышать.

— Сэр, вы подводите черту под проблемой, — сказал я. — Доказательства невероятны. Но все равно остаются таковыми.

Дальнейшее общение оказалось пустой тратой времени. Мы просто орали друг на друга, но ничего путного не добились. Вскоре должно прилететь транспортное судно, которое заберет меня домой по распоряжению Кребса. Эта идея нам обоим доставила удовольствие.

* * *

Мне нужно было время, чтобы немного остыть после состязания по крику, я направился к лаборатории Анны и вскоре потерялся.

Надеюсь, вы поймете меня правильно, но Главная База представляет собой совершенно невообразимый лабиринт. Постройки возводились здесь в разное время, для различных целей и из того материала, что оказывался под рукой. Со временем численность населения достигла двух тысяч или около того, а затем начала уменьшаться, когда шахты стали иссякать и забрасываться. На текущий момент дюжина зданий постоянно пустует, а переплетение коридоров уводит то туда, то сюда безо всяких гармонии и смысла, зачастую завершаясь тупиком там, где запечатали заброшенное строение.

Вдобавок ко всему около половины персонала базы перманентно отсутствует. Часть из них находится в лагере Альфа — единственном действующем забое, остальные либо работают в литейной, либо разведывают новые места для обустройства рудников. Спустя некоторое время служащие возвращаются

обратно, чтобы трудиться в администрации или заниматься хозяйством. Идея заключается в том, чтобы показать молодому поколению все стадии управления колонией.

Но это так же означает, что сотрудники постоянно прыгают с места на место и создают бессмысленную суету. У меня почти фотографическая память на лица, но я все еще регулярно встречаю новых людей.

В двух встреченных я опознал Визби и Смэлт, охранников космодрома, которым пришло время появиться на Главной Базе. Визби старался держаться настолько высокомерно, насколько только мог.

— Наслаждаетесь пребыванием на Белой, сэр? — спросил он с язвительной усмешкой.

По крайней мере ему удалось хотя бы выучить слово «сэр» с момента нашей последней встречи.

— Кажется, вы заблудились, сэр, — вмешалась Смэлт, натянуто улыбаясь.

Когда-нибудь я разберусь с этой парочкой.

На самом деле, заблудившись, мне удалось совершить один из самых полезных поступков за этот день. До этого момента приходилось иметь дело только с голыми фактами. Теперь же я прочувствовал ситуацию. Убийца охотится за своими жертвами в некотором подобии подземных джунглей. Чтобы получить полное представление о вершимой им кровавой бойне, добавьте ко всему и то, что ему, похоже, совершенно безразлично, кого именно убивать.

Я провел несколько часов, блуждая, выясняя направление, обнаруживая, что указания неверны, и снова запутываясь. Иногда мне доводилось проходить мимо закрытых окон, выходящих на речную долину. Или же на окруженную высоким забором площадку, где на дюропластовых скатах стояла прикрытая чехлами техника. Или я вдруг натыкался на огромный куб, опутанный толстыми кабелями, — главный генератор, примитивный реактор, работающий на расщеплении. Как я понимаю, вся Белая управляется по принципу максимальной экономии.

Но выбраться мне так и не удавалось, и вскоре я снова начинал блуждать по лабиринту, точно спятившая крыса. Наконец, осознав, что энный раз сбился с пути, я спросил дорогу у привлекательной черноволосой девушки-инженера, по имени Элоиза. Мы поболтали, и она пригласила зайти к ней в комнату, объяснив, что вместе со своим парнем находится «вне смены» — неуклюжая фраза — после рудников.

Ее кавалера зовут Джамаль, он мощного телосложения, темен

и крепок, как турецкий кофе. Они с Элоизой делят очень тесную комнату, но счастливы тем, что имеют хотя бы это. Я поинтересовался, почему им выделили так мало места, учитывая множество пустующих зданий.

— Мак говорит, это ради безопасности, — прорычал Джамаль. — Мы должны оставаться на виду камер, следящих за каждым нашим шагом, даже когда принимаем душ или занимаемся любовью. Я прямо-таки вижу, как капитан с Кребсом лежат в постели — может, это и покажется невероятным, но поговаривают, что они спят вместе, — и подглядывают за нами, удовлетворяя свои скотские инстинкты.

Мне лично кажется, что Мак и Кребс совершенно асексуальные существа, но я не стал об этом говорить. А вместо этого отметил, что моральное состояние обитателей колонии явно находится на грани.

— Даже ниже, — сказал Джамаль, и его голос прозвучал устало. — Все ненавидят начальство и перепуганы до смерти.

Я присел рядом с Элоизой на край их кровати. Джамаль устроился на полу.

— Понимаете, вас ведь не было здесь в эти два последних года, — продолжил мужчина, — Вы смотрите на количество жертв и думаете: «Хорошо, девяносто восемь процентов населения все еще цело». Но когда живешь здесь в то время, как совершаются убийства, давление нарастает. Каждый раз, когда мне приходится оставлять Эл, я думаю, увижу ли ее снова. И она не меньше беспокоится обо мне.

Элоиза пригладила свои спутанные волосы и кивнула. В ней есть какое-то внутреннее спокойствие, которого недостает Джамалю, но она поддерживает своего кавалера.

— Это тяжело, — легко произнесла она. — Уверена, что никому не захочется теперь прилетать сюда. А те, кто уже здесь, считают дни до того момента, как смогут улететь. Белая скоро окажется заброшенной.

Девушка не столь резка в суждениях, как Джамаль, и старается быть честной даже по отношению к Мак, которую все остальные винят в своих бедах.

— Капитан попала в ужасную ситуацию. Если она и боится чего-либо, то это того, что придется бежать с Белой. Уверена, Джулия старается сделать все возможное, чтобы найти убийцу, и не думаю, что у других получится лучше. Я хочу сказать, как можно вычислить того, кому все равно, кого убивать?

— Проклятый маньяк, — пробормотал Джамаль.

— Не все так просто, — задумчиво произнесла Элоиза. — Убийства совершаются произвольно, но в то же самое время

преступник действует расчетливо и неторопливо. Я бы даже сказала… хладнокровно. Кто-то поставил себе некую цель. И эта цель не что иное, как выжить нас с планеты.

— Но зачем одному человеку пытаться прогнать отсюда других людей? — спросил Джамаль, но ни у кого из нас не нашлось ответа.

Конечно, мы встретились с примечательным исключением — убийством Торнса. Приютившие меня люди еще не слышали о случившемся. Но наш разговор заставил меня снова вспомнить об этом происшествии.

Испытывая сильное желание вернуться на Альфу, я поблагодарил молодую пару и попросил показать, как мне добраться до взлетной площадки. Они проводили меня, и можно сказать, что мне сопутствовала удача, поскольку флаер как раз разогревал двигатели. Путешествие оказалось ничем не примечательным, и добрались мы без приключений.

На месте я спросил, где Тэд Жщеч, и узнал, что он больше не станет делать фотографий. Никогда.

* * *

Нет, он не погиб от привычного удара по голове.

Менее чем за час до моего прибытия, когда Тэд работал снаружи, исправляя заклинивший клапан шламового насоса, его схватило нечто, напоминающее двуногого кабана, и утащило — скорее всего, намереваясь сожрать.

Сотрудники Альфы собрали поисковую группу, чтобы попытаться возвратить останки Тэда. Я попросился с ними, и мне разрешили присоединиться.

Пока я переодевался, поступил звонок от Анны. Разыскивая меня, она вначале позвонила Мишелю в офис Службы безопасности и спросила, не замечает ли он меня на одном из своих мониторов. Он ответил, что видел меня с Элоизой и Джамалем. Она позвонила им, и они сказали, что проводили меня к флаеру. Потом Анне перезвонил Мишель и попросил передать, что тоже хочет увидеться со мной.

Забавно, но для того, чтобы срочно всем понадобиться, достаточно куда-нибудь уехать.

Анну полностью занимало ее последнее открытие.

— Прошлой ночью я обнаружила в черепе Торнса кусочки бронзы. Я не специалист в металлургическом анализе, поэтому попросила проверить осколки одного из наших инженеров.

— И что?

— Похоже, для обработки бронзы использовался какой-то грубый, примитивный способ. Сплав мягкий, поэтому оружие смялось при столкновении с черепом. Хотя, может быть, оно предназначалось для того, чтобы пробивать более мягкие, хрупкие головы.

— Если говорить коротко, его изготовил арх, чтобы убивать других архов, и прочность человеческой головы преподнесла сюрприз владельцу оружия.

— Вроде того. Когда думаешь возвращаться?

— Здесь собирается группа на поиски Тэда Жщеча, и я иду с ними. До него добрался дикий зверь.

— Великий Дао! Что за зверь?

Я описал животное.

— Ох, это *Ursasus terribilis*, — сказала она.

— Что это значит?

— Ужасный медвежий боров. Я начинала классифицировать местную фауну и давала им названия на латыни, ну и так далее. Потом прекратила ввиду полной бесполезности. Ох, бедняга Тэд.

— Может, нам еще удастся его найти.

Кто-то громко зовет меня. Мишелю придется подождать.

* * *

Мы надели водоотталкивающие очки и прозрачные дождевики из дышащего материала, под которым не станешь тонуть в собственном поту. Все вооружены до зубов. Флаер отправился кружить над зоной поисков. Никто не надеется что-либо обнаружить; джунгли полны органики, сбивающей с толку биосканеры.

Поначалу прогулка вглубь дождевых зарослей Белой даже возбуждала. Но к данному моменту их зелено-сине-багровые тона уже не кажутся чем-то необычным. При более близком знакомстве с этими местами мурашки бегут по коже. Все вокруг сочится водой; под ногами хлюпает при каждом шаге. Лианы раскачиваются, подобно маятнику старинных часов; как они перемещаются, заметить не удается, но посмотришь туда-сюда и поймешь, что они изменили свое положение.

Деревья в основном представляют собой небольшие извилистые переплетения узловатых ветвей, со стволами не толще руки. Высоких нет — у них не было времени, чтобы вырасти. Листья всевозможных форм тянутся к слабому свету, так безжалостно затеняя друг друга, что подножие джунглей устилает мертвая, гниющая растительность.

Цветов нет, вокруг простираются монотонно-утомительные заросли. Жужжат какие-то твари, похожие на летающих раков. В просвечивающем небе мечутся маленькие тени, которых кто-то в переговорном устройстве назвал «дневными нетопырями». Надо думать, они охотятся на «раков». Прямо сейчас я вижу, как по веткам прыгает похожее на попугая существо с когтями, клювом и сложным узором оперения. В грязи копошатся привычные мелкие белые червячки, которых тут миллионы. Мои ноги давят их на каждом шагу. Возникает ощущение, что идешь по потрохам какого-то дохлого, разлагающегося зверя. Даже через фильтры дыхательной маски проникает запах гниения, не совсем похожий на земную гнилостную вонь; резкий запах аммиака, метана, тошнотворная примесь… чего? Хлора? И вдобавок к тому тот самый запах львиной клетки, который я уже чувствовал на террасе в Замке.

В темноте прошипели лазеры, и срезанные ветви, дымясь, упали на землю, где их поглотила жижа. Почва напоминает огромную губку, и на каждом шагу утопая по колено. Мои ноги вскоре стали болеть, а колени задрожали. Мы осмотрели все вокруг лагеря, но так ничего и не нашли.

Тэд просто исчез. Точка.

Вернувшись на Альфу, я почувствовал себя крайне изможденным. Упал на чью-то койку и вздремнул пару часиков. А когда проснулся, один из парней сообщил, что мне звонили из Замка.

— Почему не разбудили?

— Проще сказать, чем сделать, старичок. Ты был в ауте.

Первый раз меня в лицо назвали стариком.

Я похромал к ближайшему монитору, чтобы просмотреть пропущенный звонок. Изображение Мишеля сообщило мне, что хочет увидеть меня как можно скорее. Я набрал его номер, но в ответ снова получил только записанный ролик, пообещавший перезвонить мне при первом удобном случае.

Размышляя над произошедшим, я выпил суррогатного кофе и съел еще один бутерброд с химическим майонезом. Если Мишель хотел поговорить со мной, то почему не перезвонил и не ответил на мой звонок?

Я позвонил капитану Мак и спросил, не знает ли она, где офицер Веррей. Выглядела Джулия, если это, конечно, возможно, еще угрюмее, чем обычно. Но нет, у лейтенанта выходной до следующего дня. Где спит? Мак нетерпеливо продиктовала мне телефонный номер комнаты, которую Мишель делил с двумя девушками и еще одним парнем. Я позвонил туда. Его соседи были на месте, но самого офицера там не оказалось. Я вызвал

Анну и попросил найти его.

— Но мне надо дождаться результатов анализа бронзы.

— Прошу, найди Мишеля.

Я отправился к коменданту Альфы и попросил одолжить флаер.

— Это невозможно, — ответил он, — аппарат работает только по постоянному расписанию.

— Когда следующий рейс к Замку?

— Завтра в полдень, — сказал комендант.

— Спасибо, — произнес я.

Я вышел на взлетную площадку и увидел, что механик как раз закончил проверку. Сказал ему «привет», дождался, пока он зайдет в помещение, забрался в кабину и приказал черной коробке отнести меня в Замок.

— Слушаю и повинуюсь, — ответило устройство.

— Не принимать никаких звонков до окончания полета, — добавил я.

— Слушаю и повинуюсь, — сказало устройство.

Я откинулся в кресле и задумался, как стану объяснять захват машины, если после всего этого меня встретит живой и невредимый Мишель.

Как оказалось, можно было не волноваться.

* * *

К моменту моего возвращения тело уже обнаружили, и Главная База напоминала растревоженный муравейник.

Не менее самого убийства удивлял способ, которым его совершили: Мишелю Веррею выстрелили в спину в том же коридоре, где почти два стандартных года назад нашли труп Кабреры.

К лейтенанту убийца не стал приближался, драки не было. Импульсным зарядом выстрелили из дальнего конца коридора. Поясная сумка офицера оказалась широко распахнутой, а замок на ней сломан, что позволяет предположить ограбление. Пистолет Мишеля пропал. Не убили ли молодого человека из собственного оружия?

В моем сознании прокрутился сценарий произошедшего: Мишель столкнулся с убийцей, выхватил пистолет, но оружие выбили у него из руки — возможно, его противником был кто-то из тех участников групп рукопашного боя, про которые рассказывала Анна. Тогда полицейский развернулся и побежал, а убийца подобрал оружие, хладнокровно прицелился и

пристрелил лейтенанта…

Но я даже не уверен, что Мишель бежал в момент выстрела. Так решила Мак, но голограммы, которые она сделала с тела, показались мне неоднозначными. Если выстрелить в человека, бегущего по гладкому полу, он не только падает, но и скользит. Царапин на лице Мишеля осталось явно маловато для подобного вывода. Я бы скорее сказал, что он торопился, но не бежал, и Анна тоже была склонна со мной согласиться.

Оказавшись в своей клинике, доктор Ли зарыдала — впервые я увидел ее в таком состоянии. Тело Мишеля лежало на столе и выглядело ужасно. Как всегда, когда имеешь дело с подобным видом боеприпасов, входное отверстие диаметром с мизинец, а выходное — с мою голову. Заряд, конечно же, дезинтегрировался, как и положено, не оставив улик.

— Даже Мак потрясена, — произнесла Анна, рыдая на моем плече. — Я видела ее лицо, когда вносили тело. Она словно оцепенела. Все продолжала повторять: «О нет! Только не он! О нет!».. Понимаешь, Мишель ведь являлся ее правой рукой, почти сыном. Теперь Джулия и в самом деле осталась одна.

Что поделаешь, убийца должен был рано или поздно добраться и до лучших из нас.

Анна умылась в лабораторной раковине и печально произнесла:

— Пора приступать к вскрытию.

— Не сейчас, не надо. Лучше завтра. Мишель уже никуда не убежит. Давай помогу положить его в лед.

Мне было жутко прикасаться к трупу, но как только я это сделал — все пришло в норму. Мишеля больше нет; его светлый ум, живое остроумие, смешной галльский акцент, нарисованное им для себя будущее — всего этого теперь не существует. А тело — только улика.

Мы завернули его и уложили в морозильник рядом с Торнсом. У нас набирается настоящая коллекция мертвых юнцов.

Анна нуждалась в компании, поэтому мы отправились в мой номер и, после того как я проверил оружие, на случай если появятся медвежьи боровы, вышли на террасу.

В отдалении продолжал идти дождь, но в тучах образовался разрыв, сквозь который был виден закат бледного лимонно-розового цвета. Впервые я вижу, чтобы на Белой светило солнце. Начинаю понимать, как станет выглядеть этот мир в волшебные десятилетия между весной и летом, а потом между осенью и зимой — когда не царствуют ни жестокий холод, ни непереносимая жара, ни сырая грязь. Здесь будет прекрасно.

Некоторое время мы постояли, держась за руки, словно

влюбленная парочка. Анне надо было отвлечься, и я принялся рассказывать о влажных диких лесах, окружающих Альфу, о странных созданиях и беспокойных деревьях. Ее настроение немножко приподнялось.

— Я мечтаю заниматься настоящей наукой, — сказала она. — Не хочу, чтобы меня затянула рутина. Я тут провела небольшое исследование этих личинок.

Она показала на червячков, ползающих по террасе.

— Эти вездесущие существа необыкновенно причудливы. У человека порядка сорока тысяч генов, а у них в пять раз больше.

— Что, у этих маленьких червячков? Но почему?

— Не знаю. Они ровно настолько примитивны, насколько кажется, — нечто вроде подвижного желудка. И только представь себе шансы всевозможных генетических отклонений, приводящих к гибели организма, — слишком много информационных блоков. Все так похоже на произошедшие убийства, — добавила она. — У нас тоже слишком много информации, но толку от нее никакого.

Анна снова возвращалась к той же теме, и, вздохнув, я оказался вынужден признать, что уйти от нее не получится. Доктор Ли пребывает в трауре по поводу гибели Мишеля, который явно обладал даром пробуждать к себе заботу у более взрослых женщин.

— Он был таким милым юношей. Еще чуть-чуть, и смог бы отправиться домой. Как ужасно, что погибают молодые люди.

Анна снова начала плакать. Я обнял ее… Она такая маленькая, что при всей седине в ее волосах кажется, будто держишь ребенка. От меня требовалось найти слова утешения, но в этот момент — и как всегда не вовремя — меня посетило озарение.

— Анна, послушай. Объясни мне: зачем Мишелю потребовалось спешить именно по этому коридору?

Она подняла на меня заплаканные глаза, но сознание ее, как всегда, оставалось ясным.

— Ох! Конечно, тот проход ведет к моей лаборатории. Ты хочешь сказать, что, не сумев найти тебя, он пошел ко мне.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга.

— Пойдем, — сказал я.

— Куда?

— Просто мне удалось поймать лучик света. На сей раз внутреннего. Кажется, я догадываюсь, что именно искал убийца в поясной сумке Мишеля. Пойдем поговорим с его соседями по комнате.

Меня охватили размышления о мести.

Анна необычная женщина. Она не стала задавать вопросов, а

просто повела меня лабиринтом этих жутких построек. Несколько раз я спотыкался, потому что мои мысли витали в другом месте, пытаясь собрать воедино уйму разных вещей, и наконец во всем произошедшем стал проявляться некий смутный смысл. Комната Мишеля располагается в периферийном здании. Она огромная, чистая, хорошо освещенная; четыре койки отделены друг от друга семипластовыми перегородками; на подушке погибшего лежал букет искусственных цветов.

Его соседи по комнате пили что-то с кислым запахом самопальной браги и переговаривались тихими голосами. Я спросил у них, где вещи Мишеля.

— Все забрала капитан Мак, — ответила молодая евроазиатка Джоспин, которая, судя по всему, заправляла в этой группе. — Она вместе с этими типами Визби и Кем-то-там-еще практически все здесь перевернула вверх дном.

— Она сказала, — добавил парень, — что ищет улики.

Они принялись спорить. Кто-то утверждал, что Мак только выполняла свою работу, кто-то — что она просто невоспитанна и бесчувственна. Я прервал их спор:

— Послушайте. Все вы знаете, кто я такой и ради чего прибыл на Белую. И мне кое-что нужно… кое-что, чем может обладать один из вас. По крайней мере, очень на это надеюсь.

Я объяснил им, из-за чего, на мой взгляд, мог быть убит Мишель и что мне очень надо знать, существует ли этот предмет до сих пор. Джоспин пристально посмотрела на меня, а затем залезла в свою поясную сумку и извлекла баночку с таблетками.

— От ПМС, — пояснила она с робкой улыбкой, а затем вытряхнула из баночки — нет, не таблетку — куб памяти и протянула мне. — Он просил спрятать это, — произнесла она, — и сказал никому не отдавать. Но не объяснил почему.

— Мне тоже пока неизвестно почему, — ответил я. — Но надеюсь узнать. Премного благодарен и… (стараясь говорить как можно более выразительно) никому не рассказывай об этом.

В лаборатории Анны мы включили куб, и, конечно, это оказалась копия исследований подземных переходов Замка, которую Мишель записал для себя.

— Мы уже смотрели ее, — разочарованно произнесла Анна.

— Но, возможно, не полностью.

Как и в прошлый раз, мы сели рядом и приступили к просмотру. Снова маленький робот спустился в щель полуметровой ширины. Снова мимо нас проплывали изображения необычных существ в причудливых одеяниях. Мы входили в знакомые комнаты, оставляли их, продвигались на трех ногах по коридорам, заходили в следующие помещения.

Я начал беспокоиться. Вечная проблема с интуицией — пока все не проверишь, ошибки кажутся не менее убедительными, чем истинна.

— Не вижу ничего нов… — начала говорить Анна, но в этот миг я что-то прокричал. Вполне возможно, что и «Вот дерьмо!»

«Паук» вполз в комнату, которой мы раньше не видели, медленно прошелся по стенам своим фонарем. Перед нами предстала картина жертвоприношения. Как на средневековых картинах или же на страницах комиксов, цепочки изображений рассказывали историю.

В отличие от наших ацтеков, архи пользовались металлическим оружием, излюбленной формой которого стало нечто с длинным древком, с одной стороны заканчивающимся изогнутым лезвием, а с другой — шипом. Жрец приносил в жертву своим богам одного из представителей собственного вида именно с помощью этого орудия.

Метод знаком, смертельный удар наносился шипом по макушке. Но за ударом следовало и продолжение — голову отсекали топором, после чего собравшиеся верующие поедали мозг.

Жертвы не выглядели сопротивляющимися; свет исходил от их лиц и окружал тела полноцветным радужным ореолом. Над собравшимися парило божество, излучающее сияние; в последней сцене оно приветствовало принесенных в жертву в местном аналоге Вальхаллы.

— Похоже, архи обедают выходящими на пенсию, — бессердечно произнес я.

— Нет, — сказала Анна, — аборигены едят себе подобных не от голода. Это магия. Они обретают мудрость. С их точки зрения они никого не убивают. Приносят в жертву того, кого уважают. Делают из него божество, а племя делит его знания и силу… ох!

Второй раз за несколько минут она прервалась на полуслове, но в этот раз по собственной инициативе. Что до меня, то, можно сказать, меня просто контузило. Если я что и ожидал увидеть под землей, так точно не это.

«Паук» вышел из комнаты с изображением жертвоприношения. В коридоре за ней, прислонившись к стене, лежал человеческий ребенок — крошечная, немыслимо крошечная девочка с золотыми волосами.

На какой-то миг мне показалось, что я сейчас сойду с ума. Но затем Анна произнесла: «Это кукла», — чем и разбила чары. Но вместе с тем пришло и понимание всего дела.

Мы с Анной выбежали под дождь, отправившись к энергостанции с ее уютным гулом турбин и электромагнитными

полями, заглушающими подслушивающие устройства.

Наклонив головы друг к другу, мы зашептались, обсуждая обнаруженную улику.

Девочка вполне могла спуститься по ступенькам в подземелье, могла взять свою куклу и фонарик, могла увидеть эти изображения.

Возможно, окруженная занятыми взрослыми, не обращающими на нее внимания, она проводила уйму времени внизу. Там девочка встретилась с другими небольшими существами, которые оказались ростом с нее. Она играла с ними и потеряла свою игрушку.

Мак выросла на Белой — единственный человек, рожденный здесь.

Мак физически очень сильна. У нее нет друзей, но она возглавляет Службу безопасности. Обернувшись и увидев, как Джулия подходит к вам со спины, вы почувствуете только облегчение — «уф, я в безопасности», но никто не остановится, чтобы поболтать с ней.

Жертвы отворачивались и шли дальше. А затем ощущали один-единственный ошеломляющий удар перед тем, как наступала темнота.

Анна вспомнила о Мишеле. Насколько ужасным даже для массового убийцы должно быть понимание того, что ради собственной безопасности необходимо уничтожить даже тех, к кому испытываешь нечто похожее на человеческую любовь.

Но меня больше волновало то, как она вычислила Мишеля.

— Полагаю, что парень оказался слишком беспечен и, сделав копию своего куба, не обнулил резервную память, где капитан и обнаружила изображения.

— Мак сошла с ума, — прошептала Анна.

— Нет, — ответил я, — Она абориген. Так же как и архи. Джулия помогает им вернуть свой мир. Когда мы улетим, Мак останется с ними. Именно этого она и хочет — избавиться от нас и остаться здесь навсегда.

Вокруг барабанит дождь. Смеркается. Энергостанция гудит и дрожит. В этой обстановке мое воображение разыгралось.

Неожиданно в новом свете я посмотрел и на ракетную атаку на Кребса — преднамеренный промах, напугавший управляющего так, что тот чуть не наложил в штаны.

Что если целью было заставить его почувствовать себя окруженным врагами, сделать более зависимым от Джулии? К тому же кто отвечал за ракеты?

Мак говорила, что болтала с Кребсом во время нападения. В этом бы она врать не стала — слишком легко проверить. Уверен,

что и Мишель не мог выстрелить. Внезапно я вспомнил про других ее подчиненных: капрала Визби и рядовую Смэлт.

«Voilà!» — как сказал бы Мишель.

Наконец сказался избыток кислорода — я впал в экстаз, обнаружив взаимосвязи и анализируя их. Но Анна прервала меня, задав практичный вопрос:

— Что ты собираешься делать?

— Вынести ей обвинение, арестовать. А еще собираюсь скрутить эту безобразную парочку, работающую на Мак. У меня есть что с них спросить.

— До Визби и Смэлт тебе сейчас не добраться, — сказала Анна. — Они прилетали сюда только для того, чтобы пополнить припасы. И сразу после того, как помогли Мак перетряхнуть тут все, она отправила их обратно на космодром.

— Значит, пока возьмем одну только Мак.

Меня переполняло ощущение счастья. Дело было практически раскрыто, я тешил свое самолюбие и готовился убраться с планеты ко всем чертям. «Когда вернусь на Землю, — думал я, — отправлюсь в длительный отпуск. Желательно куда-нибудь в Долину Смерти».

— Ты ведь абсолютно уверен, да? — спросила доктор Ли со странным выражением.

Я с любопытством посмотрел на нее.

— Брось, Анна, — сказал я. — Не время сейчас для этих женских штучек.

— Мне кажется, ты недооцениваешь ее. Так же, как и этот мир. Похоже, ты не понимаешь, что Мак не просто одинокая преступница. На Торнса и Жщеча напали на удаленной станции. Вспомни Ursasus terribilis — вдруг архи подчиняют себе местных хищников? Что если они уже дважды пытались ими воспользоваться, чтобы убить тебя?

Проклятые женщины. У них просто талант выдумывать наихудшее развитие ситуации.

— Если ты права, то мне надо поторапливаться.

— Когда собираешься арестовать ее?

— Немедленно. Прямо сейчас. Хочешь пойти со мной?

Пока мы торопились обратно в лабиринт, Анна продолжала бормотать:

— Должно быть что-то еще. Уверена, мы что-то упустили.

Но мне не хотелось прислушиваться к ее словам. В первую очередь я воспользовался общественным аппаратом, чтобы позвонить Джамалю и Элоизе.

— Чувствуете себя бодро? — спросил я.

— Думаю, да. А что? — удивленно поинтересовался Джамаль.

— Мне может потребоваться помощь. Встретимся в моей комнате. Дело важное и, возможно, довольно опасное.

Прищурившись, он смотрел на меня, с подозрением относясь ко всем должностным лицам. Сзади него появилась Элоиза.

— Мы будем там, — сказала она, наклонившись над плечом Джамаля.

Я разорвал связь.

— Не торопись, за нами могут следить, — сказал я Анне, и мы пошли таким шагом, какой, на мой взгляд, можно было назвать неторопливым, мимо привычной толпы анонимов, отличающихся друг от друга только именными бирками: Элленбоген, Меньшиков, Нгуен, Райс-Дэвис.

Добравшись до спальни, мы проверили выход на террасу и пошли к офису Службы безопасности. Попытка воспользоваться электронным ключом, который мне выдал Мишель, ни к чему не привела.

— Проклятие! — с чувством произнес я. — Она сменила код на замке. Отойди назад.

Импульсный разряд снес замок, и дверь распахнулась под ударом ноги. Оружейная стойка оказалась пуста. В тот же самый миг мой взгляд упал на монитор, показывающий комнату Мишеля.

О боже.

Значит, пока я занимался расследованием, столь чертовски уверенный в собственных силах, Мак наблюдала за нами, меняла код на замке, собирала оружие.

Неужели она и ракеты забрала? Я быстро проверил. Одна пропала; еще четыре по-прежнему заперты. Но капитан сняла с них детонаторы, чтобы нам не удалось ими воспользоваться. Интересно, кто станет целью в этот раз?

Учитывая происходящее, голос Анны прозвучал потрясающе спокойно.

— Посмотри на улицу.

Мой приятель медвежий боров — или же его сородич — взбирался на парапет. Он использовал когти в качестве альпинистских крюков и ловко поднимался, несмотря на свой вес под три сотни килограммов. Когда зверь вошел в свет, идущий из моей комнаты, я увидел, что сквозь грубую, желтоватую шкуру проступает миллион черных иголок, словно у ежа. Этот парень бронирован не хуже, чем вооружен.

Он зарычал, поднимая передние лапы, и с потрясающей скоростью на своих кривых ногах обошел экран. Раздавшийся крик сообщил мне, что Элоиза и Джамаль уже пришли.

Я распахнул дверь офиса и выбежал наружу с Анной,

несущейся вслед. Но, прежде чем успел выстрелить, на зверя словно обрушился невидимый кулак, ударивший прямо по рылу. Медвежий боров взревел и рухнул, корчась на «кладке инков».

Его мощный череп был пробит. Прежде чем угаснуть, один из глаз зверя в бессильной ярости уставился на нас с Анной. От туши воняло, как из львиной клетки, — резкий серный запах, кажущийся почему-то теплым.

Я заглянул в свою комнату и увидел Джамаля, стоящего там в профессиональной позе стрелка и сжимающего пистолет обеими руками, все еще удерживая указательный палец на спусковом крючке.

— Где ты его достал? — спросил я, после того как мы обменялись приветствиями.

— Стащил из шкафчика своего босса. Не вижу никаких причин тому, чтобы начальники могли обороняться, а мы с Эл — нет.

— Неплохо. Давайте обсудим ситуацию, — начал я.

Мы встали кружком. Теперь у нас два пистолета. Каждый выстрелил по разу и в каждом осталось по пятнадцать зарядов. А Мак обладает дюжиной стволов и всеми запасными обоймами к ним. За свою жизнь она излазила Главную Базу вдоль и поперек и если еще не позвала своих друзей — и тех, что в джунглях, и тех, что в подземелье, — то наверняка занимается этим прямо сейчас.

Коснувшись лба и отсалютовав, я сказал доктору Ли:

— Ты была права. Дела идут хуже некуда.

Она стояла словно в трансе и казалась статуей Гуаньинь — богини Милосердия.

— Есть куда, — прошептала Анна.

Ее слова милосердны не были.

— До меня только что дошло, — продолжила она. — Личинки. Двести тысяч генов.

Понятно, что доктор Ли имела в виду местных червей, но я не понял, что это значит. Элоизе и Джамалю ее слова вообще показались бессмыслицей. Но Анна говорила со спокойной профессиональной уверенностью, как если бы объясняла кому-то, что ему необходимо понизить уровень триглицеридов.

— Личинки, должно быть, представляют собой базовую форму. Наверное, они появляются из каких-нибудь спор с предельно надежной оболочкой, позволяющей выдержать запредельные жару и холод. В зависимости от условий, они развиваются в различные жизненные формы — отчасти на это влияет температура, но я уверена, что механизм в целом куда сложнее. Архи представляют собой одну из этих форм, медведи Маяковского — другую, а хищник, убитый Джамалем, — третью.

И наверняка их еще больше. То есть можно сказать, что все они сородичи. Вот как они управляются с окружающей средой и выдерживают фантастические перемены в климате Белой…

Последовала пауза. А затем ее тихий голос настойчиво произнес:

— Разве вам не понятно?

— К сожалению, — ответил я, — понятно.

* * *

Мы попытались включить сигнал тревоги.

Но только Элоиза успела сесть за огромную консоль в офисе Службы безопасности и произнести первое слово команды, когда в выбитую дверь ворвался отдаленный грохот, и свет, а соответственно, и все компьютеры отключились.

Я подошел к двери, ведущей в коридор, и распахнул ее. Внутри Главной Базы было практически так же темно, как и на мокрой, грязной террасе снаружи. Аварийные лампы, работающие от аккумуляторов, замерцали и вскоре засветились красным цветом. Люди ошарашенно озирались вокруг, их лица казались багровыми, как будто они болели волчанкой. Я вернулся обратно с прискорбными новостями.

— Мак только что выпустила ракету в энергостанцию. Замок лишен электропитания. Целиком и полностью.

Мы вышли в коридор и попытались поднять тревогу с помощью слов. Это было непросто. Лабиринт казался еще более запутанным, чем обычно. Повсюду толпились люди, ворчащие по поводу сбоя в энергосети. Многие направлялись к столовой, сетуя на то, что этим вечером им придется есть свои рационы холодными.

Мы кричали, старались объяснить им, что скоро на нас нападут. Говорили, что если у них есть оружие, то им надо присоединиться к нам. А если нет — отправиться в столовую и запереть двери. Люди обступали нас и пытались понять, не сошли ли мы с ума.

Некоторые из них никогда раньше не видели меня. Они знали Анну, но что с того? Она ведь только врач. А Джамаль и Элоиза слишком молоды, чтобы их принимали в расчет.

«Где начальство?» — хотели знать люди. Где Кребс, где старшие инженеры и, самое главное, где Джулия?

— А что говорит капитан Мак? — требовательно спросил молодой парень. — В конце концов, это ведь она отвечает за безопасность, верно?

— Капитан Мак уже убила двадцать человек и собирается уничтожить значительно больше, — проинформировал его я, резко выплевывая слова.

Тот факт, что я стал выходить из себя, не увеличивал доверия к нашим горьким вестям. Тем не менее несколько человек встревожились и поспешили удалиться. Даже если мы всего лишь психи, освещения-то нет; что-то определенно пошло не так.

Остальные продолжали толпиться вокруг и спорить. Некоторые оказались настроены воинственно — какого дьявола мы тут несем? По какому праву взяли на себя такую ответственность? Неужели мы пытаемся поднять панику только из-за того, что произошел сбой оборудования? Кто-нибудь обязательно починит его. Это ведь то, чем должны заниматься инженеры, верно?

Затем раздался крик:

— Доктор Ли! Быстрее! Управляющего застрелили!

Вот тогда наконец подействовало. Неожиданно до окружающих дошла пугающая абсурдность сцены. Тени, тусклые красные огни, возрастающая духота, мы с Джамалем, размахивающие оружием и в непритворном страхе рассказывающие о нападении, предупреждение о капитане Мак — а теперь вот еще кто-то кричит про гибель управляющего.

Пусть служащие ненавидели и Кребса, и Мак, но ведь те олицетворяли командование и контроль, ведь так? А если они враждебны, ранены или мертвы, все начинает рассыпаться на части, верно?

Неожиданно люди запаниковали. И побежали. Бежали, словно стадо, напуганное молнией. Я видел, как люди толкаются в темноте, сшибают друг друга с ног. Они помчались по сумеречным коридорам в разных направлениях. Одни поспешили к столовой, другие стремились найти укрытие в своих комнатах.

Человек, звавший Анну, протолкался к нам и встал рядом, дожидаясь, пока зал опустеет. Это оказался старший инженер Антонелли, с которым мне довелось встретиться в первый и единственный раз в день своего прибытия на планету. Он был вооружен, и я обрадовался, увидев его.

— Кребса и в самом деле застрелили? — спросила Анна.

— Да. Я обнаружил управляющего в его офисе и…

Договорить Антонелли не удалось. Где-то в глубине лабиринта поднялся крик. За ним последовали рычание и вой. Люди выбегали из коридоров, в которых скрылись пять минут назад. Мимо пронеслась хрупкая девушка.

— Архи лезут из-под полов, — задыхаясь, произнесла она. — И еще там разгуливают какие-то огромные звери.

Мы поспешили к столовой. Внутри уже собралось около двадцати человек, двое из которых были вооружены. Люди старались забаррикадировать четыре ведущие к ним двери с помощью мебели. Освещение давали только аварийные огни.

— Оставайтесь здесь! — приказал я всем и хлопнул Антонелли по плечу: — Остаешься за главного.

— Так я и знал, — не то недовольно, не то одобрительно хмыкнул он.

— А ты куда? — спросила Анна.

— Захватить флаер, если получится. Единственные резервы, которые нам весьма пригодятся, находятся на Альфе.

— Я пойду с тобой.

— Нет, не пойдешь. Людям может потребоваться врач.

— Ты не смог найти дороги при свете. Что с тобой станет в темноте?

Элоиза сделала шаг вперед и тихо произнесла:

— Я пойду с ним.

Джамаль начал возражать столь яростно, что я потерял терпение и, пока он пытался приказать Элоизе не шевелить даже пальцем, отвесил ему левой рукой тычок в область под его темным, щетинистым подбородком. Парень камнем рухнул на пол.

— Когда Джамаль очнется, — попросил я Антонелли, — скажи ему, что мы вернемся с подкреплением.

— Прекрасно вас понимаю, — произнесла Элоиза, когда мы вошли в темноту коридора. А еще через несколько метров, добавила: — Он такой тупица, что мне и самой иногда хочется ему врезать.

* * *

Конечно же, Анна была права. Я безнадежно заблудился бы, попытайся самостоятельно найти выход из лабиринта.

С другой стороны, Элоиза, по-видимому, относилась к породе людей, которые всегда знают, где находятся, и с раздражающей легкостью прокладывают точное направление к любому другому месту.

— Я играю здесь роль почтового голубя, — произнесла девушка в ответ на мой комплимент.

В проходе лежало тело с пробитым затылком. Я никогда не встречался с этим человеком, но Элоиза приглушенно вскрикнула, прежде чем поспешить дальше.

— Знала его?

— О да. До того… как встретилась с Джамалем.

Впереди что-то зарычало. Почувствовав львиный запах, я втолкнул Элоизу в темную дверь и притаился сам. Мимо пробрело какое-то огромное создание, под чьими ногами поскрипывал пол. Его толстая, грубая шкура и иглы скребли стену со звуком металлической щетки. Затем последовали топот шагов, лязг металла и стремительные птичьи трели, столь же разнообразные, как пение пересмешника, только более низкие.

Вскоре шум стих в отдалении. Закричала женщина. Раздался тихий хлопок — звук выстрела из импульсного оружия. Рев.

— Ничего не замечаешь? — прошептала Элоиза. — Сородичи (так ведь их называет Анна, да?) пахнут довольно похоже. И большие, и маленькие. Может быть, именно так они определяют представителей своего вида?

Верно, все они обладают львиным запахом, столь же всепроникающим, как вонь горящей серы. Почему бы и нет? У них ведь общая базовая химия тела. В моем сознании родилась глупая рифма: пахнешь похоже, мыслишь схоже.

Элоизу очаровали птичьи голоса архов.

— Возможно, они пользуются только одним «словом», — прошептала она, — той длинной мелодичной трелью, а смысл образуют падения и подъемы тональности.

— Об этом стоит поговорить, — оборвал я, — если нам больше нечем будет заняться.

Мы углубились в темноту и прошли вначале один коридор, а потом еще один. В красном свете семипластовый пол словно полыхал изнутри. Я без проблем опознал узкий проход с уходящими под каменную кладку ступенями и даже уловил проблеск раскрашенных стен.

— Знаешь, — сказала мне Элоиза, когда мы поспешно обошли спуск стороной, — в других обстоятельствах я была бы на стороне «сородичей». Это ведь их мир… Сворачиваем здесь.

Неожиданно мы вломились в дверь, ведущую на взлетную площадку. Абсолютно пустой, если не считать управляющей им черной коробки, флаер оказался на месте. Он стоял в ангаре рядом с двумя такими же, один из которых был на половину разобран, а второй выглядел вполне пригодным к использованию. Эта информация может нам пригодиться. Забравшись в ожидающий флаер, я закрыл дверь и прокричал команду на взлет.

— Слушаю и повинуюсь, — вышколенным, спокойным голосом ответила черная коробка.

Мы стремительно взмыли под легким дождем, и, когда машина накренилась и развернулась, Главная База казалась погруженной в такую же глубокую темноту, как и джунгли, если

не считать нескольких аварийных огоньков.

* * *

Сейчас мы пролетели над заливом, не видя под собой ничего, кроме белых полумесяцев пены, едва заметных в очередном шквале, приближающемся со стороны океана. Зачем мне только снились все эти повторяющиеся кошмары, и зачем они обернулись явью?

Сквозь сносимый ветром дождь мы увидели, что огни Альфы по-прежнему включены. Где-то сорвало затвор, и грязевые потоки из шахт, словно роспись человечества, стекали по склону и жирными струями впадали в залив. Элоиза что-то тихо произнесла и указала пальцем.

На крыше ярко освещенной энергостанции Альфы сидели мужчина и молодая женщина. Они махали нам. У мужчины был пистолет. Внизу лежал мертвый медвежий боров. Когда мы развернулись и зажгли бортовые огни, внизу что-то сверкнуло, возможно стрела, и люди бросились на землю.

Я засомневался, что черная коробка запрограммирована для подобных обстоятельств, поэтому влез на водительское место, выключил автопилот и взял управление в свои руки. Машина оказалась своенравной, и у меня возникли трудности. Элоиза тем временем схватила пистолет и открыла правую дверь. Когда я развернул флаер обратно к энергостанции, девушка дважды выстрелила. В тени что-то зашевелилось.

— Заметила что-нибудь?

— Не уверена. Кажется, там группа… какая-то группа, готовящаяся к нападению.

Наконец мне удалось сообразить, как начать снижение. Рычаг контроля высоты перемещался рывками — скорее всего прошло много времени с тех пор, как машиной в последний раз управляли вручную. Мы прыгали вверх, вниз, потом выровнялись и приблизились к крыше.

— Где остальные? — постарался я перекричать рев двигателей.

Неужели в ответ действительно прозвучало: «Все мертвы»?

ПУНКТ (6)

Из отчета доктора Ли

Она пожалеет, если снова полезет в наши дела.

Но, как бы то ни было, мне все же удалось сделать положительный вклад в дело полковника Кона, который в связи со своим отсутствием ничего не знал о событиях, произошедших на Главной Базе в эти долгие критические часы.

Для начала стоит сказать, что запереть двери в столовой оказалось невозможно. К сожалению, все замки были электронными и вышли из строя вместе с падением напряжения. О, как мы жалели, что у нас нет пары древних механических засовов!

К счастью, двери открывались вовнутрь помещения, и, прислонив к ним мебель, нам удалось добиться хотя бы некоторой защиты. Но практически в тот же миг двери зашатались, отодвигая в сторону стулья, столы и все прочее. У наших врагов не было техники, зато с избытком хватало физической силы, и нам с трудом удавалось сдерживать их.

Со стороны кухни послышался шум. Антонелли повел туда небольшую группу, чтобы установить источник звуков. Когда плитка, устилавшая пол, вначале зашевелилась, а потом вылетела от ударов снизу, его люди уже были наготове.

Из пролома показался арх, взмахнувший бронзовым топором, и Антонелли выстрелил в противника, пробив того насквозь и убив тем же зарядом следующего воина, вооруженного неким подобием зазубренного крюка. Остальные аборигены стремительно отступили и побежали. В туннеле остались только мертвые тела.

У меня возникла идея. После того как мы вытащили трупы, обнаружилось, что мои маленькие размеры позволяют пролезть в проход. Я попросила Антонелли одолжить мне оружие. Вместо того чтобы ждать нового нападения, хотелось заставить врагов отступить. Старший инженер согласился.

Так я и оказалась первый раз в этом подземном мире, о котором уже слышала так много и так мало видела. Должна признаться, что мною двигало скорее любопытство, чем желание убивать архов. По моему предположению, эти проходы должны были защищать и от жары, и от холода. Всепогодные туннели, связывающие здания, которые когда-то стояли на поверхности Замка, со складами и «костюмерными», где священнослужители

готовились к общественным церемониям. Когда я спустилась внутрь, все эти предположения подтвердились — хотя уйти удалось не слишком далеко.

Я сняла со стены аккумуляторную лампу. Она давала тусклый красный свет, и мне нелегко было высматривать боковые помещения, где могло бы что-нибудь притаиться. Но проход тянулся прямо и не ветвился около двадцати метров. Стояла абсолютная тишина, и я решила, что наши враги оставили надежду напасть на нас с этой стороны.

Затем спереди стал доноситься шум — птичьи трели странно звучали в этих пещерах. Я выключила лампу и на какое-то время оказалась в полной темноте. Потом зрение с трудом стало возвращаться таким, каким бывает темной ночью, когда изображение улавливает только край глаза, а центр сетчатки остается слеп.

Это мне показалось странным, ведь глаза вообще не должны работать там, где нет никакого света. Но свет был, хоть и очень слабый. Вскоре я поняла, что стены обжили микроскопические грибки, создающие тусклую зеленоватую биолюминесценцию. Получалось так, что в лампе с самого начала не было необходимости; но когда мы смотрели вниз из кухни, туннель выглядел абсолютно темным.

Я поставила выключенную лампу на пол, с некоторым трудом перешагнула ее и пошла дальше. Пистолет был тяжелым, и, чтобы изготовиться к стрельбе, пришлось взять его в обе руки.

Следующим открытием стало то, что мои плечи больше не терлись о стены, хотя голову по-прежнему надо было пригибать. Проход расширился, и впереди появилось какое-то шевеление.

Я остановилась. Но когда неясные перемещения прекратились, очень-очень осторожно стала продвигаться дальше, прекрасно понимая, что на открытом пространстве превращаюсь в отличную цель для нападения. Туннель расширялся просторным помещением, где длинные каменные плиты пола уходили в темноту математически прямыми линиями.

На каждой плите лежали терракотовые подносы глубиной в несколько сантиметров, в которых копошились уже знакомые мне личинки.

Это было удивительное зрелище. Архи явно не зависели больше от природного окружения своих сородичей, населяющих лес. На другом краю этих странных яслей раздались свист и звуки шагов. Из тени вышел арх, остановившийся перед корытами. Что-то зажурчало, и я поняла, что взрослый мочится в подносы, по нескольку капель в каждый. Потом до меня долетел резкий «львиный запах», как определял его полковник.

«Несомненно, — подумала я, — моча содержит гормоны, ускоряющие развитие личинок в форму архов: невероятно потрясающее достижение для расы, которая, как известно, не обладает чем-либо, что можно назвать наукой. Хотя почему бы и нет?» — задумалась я.

Народная медицина подарила людям хинин против малярии и прививки от оспы. За обдумыванием этих мыслей меня неожиданно обнаружил арх, разразившийся безумной трелью.

ПУНКТ (7)

Из записной книжки полковника Кона

Мы приняли на борт двух альфовцев, а все остальные на рудниках действительно погибли.

Техника нападения напомнила мне про похищение Тэда Жщеча. Что-то сломалось на шламовой трубе, сработала тревога, а отправившуюся ремонтную бригаду заманили в засаду сородичи. Вскоре внутрь лагеря ворвались при поддержке медвежьих боровов архи, вооруженные бронзовыми мечами и луками с отравленными стрелами.

Альфовцы рассказали, что эти два вида сражаются вместе точно так же, как и люди с военными собаками, лошадями или слонами. Только в данном случае родственные связи более сильны, чем у нас с нашими симбионтами. Сородичи опознают своих по запаху и, похоже, испытывают друг к другу что-то вроде семейной привязанности. Вероятно, существует и телепатическая связь — по видимости, архи отдают приказы на расстоянии. Они обладают наибольшим уровнем интеллекта в этом клане, но даже те, кого мы принимали за зверей, — как, например, тех, что были описаны еще Маяковским, — поразительно умны. В сражении медвежьи боровы проявляли инициативу и хитрость в той же мере, что и дикую ярость.

Далеко внизу они вытаскивали человеческие тела на открытое пространство, в свет прожекторов. Медвежьи боровы приступили к обеду, и происходящее отвратительное, ужасное действо напомнило мне о постановках театра «Гранд Гиньоль». Архи спокойно смотрели на происходящее, но не присоединялись к трапезе. Люди явно не являются подходящей компанией их богам в Вальхалле.

Наблюдая за сценой бойни, я понял, что война проиграна. Точка. Придется принять тот факт, что в живых остались только мы четверо, сидящие во флаере, люди, запершиеся на Главной Базе, а также, возможно, охранники космодрома. Мы отправились обратно.

ПУНКТ (8)

Из рапорта доктора Ли

Отступая обратно по туннелю, я скорее слышала и обоняла своих преследователей, чем видела. Я выстрелила.

Проход был слишком узким, чтобы промахиваться. Конечно, то же самое могли сказать и мои противники. Что-то со скрежетом прокатилось по полу и стукнулось о мой ботинок. Это было нечто вроде дротика или метательного копья, с бронзовым наконечником в форме древесного листа.

Я выстрелила еще раз. Не оставалось никакого выбора, кроме как убивать или быть убитой. Моя пятка наткнулась на какое-то препятствие, и от падения меня спасла только узость туннеля. Предметом, попавшим под ноги, оказалась лампа. Я перешагнула через нее и продолжила отступление.

Судя по звукам, доносившимся из глубины коридора, проход освобождали от тел. Я выстрелила еще раз, услышав в ответ встревоженный шум. Пятка встретила новое препятствие: первую ступеньку.

Нелегкое это дело — пятясь взбираться по узкой и крутой лестнице, в то же самое время пригибая голову и сохраняя боевую стойку. С металлическим звоном о только что освобожденную мной ступеньку ударилась и переломилась стрела. А затем руки друзей вытащили меня из пролома в кухню, освещение которой поначалу казалось чрезвычайно ярким.

Едва я успела приступить к рассказу о таинственном мире под нашими ногами, как нас всех накрыло оглушительным взрывом. Наступая друг другу на пятки, мы бросились в столовую, заваленную обломками и завешенную пылью.

Раненые все еще находились в шоке и пока не кричали. Груды мебели разлетелись на обломки, и на месте двери зиял пролом.

Капитан Мак применила еще одну ракету, и сделала это с умом. Перед нами стояли наши врага.

ПУНКТ (9)

Из записной книжки полковника Кона

Сородичи застыли в благоговейном ужасе — это единственные слова, которые я могу подобрать. Их ошеломило то, что Мак продемонстрировала свое божественное могущество.

Я оставил людей с Альфы на взлетной площадке, приказав им прогревать двигатели второго исправного флаера и готовиться к эвакуации. Затем Элоиза повела меня к этой сцене разрушения.

В тусклом красном свете коридора толпились наши враги: маленькие и огромные тени под лесом мерцающих копий и топоров с кривыми лезвиями. Вокруг них витали клубы дыма и пыли, скрывая стоящих и делая их очертания нечеткими. Думаю, что в ушах у сородичей должно было зазвенеть не меньше, чем в моих.

Часть животных не выдержала произошедшего. Испугавшись, они стали беспорядочно убегать, сталкиваясь друг с другом, с архами и со стенами. А мы великолепно воспользовались моментом смятения.

Я увидел Мак без парика, которая все еще держала пусковую установку на плече. И, тщательно прицелившись в нее, выстрелил, но попал в медвежьего борова, в последний момент оказавшегося между нами.

В этот момент из столовой выбежали Анна и Джамаль, тоже открывшие огонь. Паника обрушилась на наших врагов. Кашляющие звуки выстрелов из импульсного оружия были едва различимы, но и крупные, и мелкие твари начали валиться. Некоторые из них кричали практически так же, как раненые люди.

Затем существа побежали, растворяясь в темноте коридоров и, возможно, скрываясь в подземных переходах, чтобы прийти в себя и понять, что произошло. Мак тоже сбежала — по крайней мере, я больше нигде не видел ее характерного силуэта.

Мы закричали и, спотыкаясь, пошли по телам. Джамаль обнял Элоизу и пристально посмотрел на меня. Похоже, что, отвесив ему удар, я нажил врага. Анна же приняла меня за что-то враждебное и чуть не пристрелила, прежде чем осознала, что это кричу именно я.

Столовая лежала в руинах, некоторые люди были мертвы, другие ранены, а третьи оглушены. Нельзя было терять ни минуты, поэтому мы расшевелили живых и побежали.

Отступление обернулось беспорядочным бегством. Мы походили на испанцев, покидающих Мехико в *noche triste*.[52] Или на американцев, бегущих из захваченного Сайгона.

Элоиза и Анна указывали нам путь в коридорах, освещаемых грязными красными фонарями. Я слышал, как рычат и поют наши враги, готовясь к новому нападению.

Те раненые, которые могли стоять на ногах, должны были позаботиться о себе сами; беспомощных тащили под руки, а иногда даже и за ноги. Мы владели четырьмя пистолетами, но, как я мог предположить, в них оставалось не более дюжины зарядов.

Мы выбрались на взлетную площадку. Прожекторы двух исправных флаеров в дождливой мгле отбрасывали безумно мечущиеся тени. Те, кто был вооружен, приготовились обороняться, пока остальные вбивались внутрь машин. Двоих скончавшихся во время бегства из столовой отбросили в сторону, словно мусор.

Анна отдала пистолет Антонелли. Вернувшись к обязанностям медика, она производила некоторое подобие быстрой сортировки. По ее приказу всех тяжелораненых укладывали в одном из флаеров, словно дрова возле топки, чтобы доктор Ли могла полететь вместе с ними и заняться их лечением.

Некоторое время спустя в дверях появились тени, вокруг засвистели и зазвенели стрелы. Молодая женщина, которой я не знал, с испуганным лицом обернулась к двери, ведущей в Главную Базу, и безмолвно упала со стрелой в горле. Стрела была небольшой, около тридцати сантиметров, и воткнулась неглубоко, но женщина все равно с неожиданно посиневшим лицом беспомощно скорчилась на земле.

Ее тоже пришлось бросить.

Последние мгновения вспоминаются с трудом. В себя я пришел в тот миг, когда наполовину свешивался из двери флаера (внутри места не хватало из-за моих чертовски крупных размеров), а стрелы с маленькими зазубренными наконечниками стучали по броне машины. Раздался голос черной коробки — такой спокойный, такой умиротворяющий голос из другого мира: «Слушаю и повинуюсь». Мы улетаем с Главной Базы.

Медленно, слишком медленно. Так я и еду, сжав пальцами подпорку. Чья-то дружеская рука придерживает меня за пояс, пока машина покачивается и разворачивается над устьем залива и белой пеной черных волн моря.

ПУНКТ (10)

Из рапорта доктора Ли

Мы жались друг к другу, точно рис в суши. Поначалу мне нечем было помочь своим пациентам, потому что я не могла даже пошевелиться.

Двое скончались прямо там, и с большим трудом нам удалось скинуть трупы в море, освободив немного пространства. Полковнику Кону наконец нашлось место.

В этом небольшом флаере, предназначенном для четверых пассажиров с багажом, набилось одиннадцать человек. То, что он хотя бы взлетел, уже чудо. Но я боялась, что из-за увеличившегося расхода топлива мы можем рухнуть прямо в море, не добравшись до космодрома.

Мы улетали в самое темное время ночи, и мне не скоро еще удастся забыть этот полет. Иногда кто-нибудь начинал тихо стонать. В воздухе витал тяжелый запах человеческих тел, вспотевших от страха. Удушливый аромат крови. К счастью, раненые еще не вышли из шокового состояния и лежали тихо.

Лучшим нашим другом оказалось истощение, и, открыв глаза, я неожиданно поняла, что засыпаю, а сквозь фильтры облаков уже начал просачиваться бледно-серый туманный рассвет.

Вскоре мы во все глаза вглядывались в завесу дождя, рассматривая мыс и похожий на яйцо зеленый купол. Никто не знал, что найдем мы там, — вне зависимости от того, подвергся ли космодром нападению или его охранники выжили. А я думала еще и о том, что могут пройти месяцы, прежде чем появится следующее транспортное судно.

Меня совершенно не прельщало находиться в состоянии войны со всем миром.

И вот тогда я кое-что увидела: обтекаемые геометрические очертания, вырастающие из туч и тумана. Он все еще был там — портал, с помощью которого люди прибывали на Белую и покидали ее. Я подумала: «Что ж, может быть, мы все-таки выживем!»

ПУНКТ (11)

Выдержка из журнала космодрома планеты Белая

7:56. Замечены два приближающихся флаера. Мы с Линдой едва успели выпрыгнуть из спальных мешков и натянуть адежду, когда они уже упали на пасадочную полосу и из них стали выпрыгивать люди. Паметка: написать Кребсу жалобу на (1) низапланированый рейс и (2) перегруженые флаеры. (Подпись) Визби, капрал Службы бизопасности.

ПУНКТ (12)

Из записной книжки полковника Кона

Визби и Смэлт выглядели довольно кисло, кое-как помогая нам в выгрузке раненых. Они все твердили, что подчиняются только приказаниям Мак, и мне пришлось обойтись с ними довольно жестко, чтобы убедить их в том, что отныне они выполняют мои приказания.

Нас осталось двадцать два человека. При этом девять из них были слишком тяжело ранены, чтобы выполнять какую-либо работу или сражаться.

Краткая инспекция показала, что морозильник забит рационами для охранников и транспортных групп, доставляющих слитки. Я попросил Антонелли проверить запасы. Он ответил, что если все раненые оправятся, мы будем страдать от голода в ожидании следующего транспорта.

Медикаменты: в здании космодрома расположен небольшой медицинский пункт, но Анна выглядела мрачно, проверяя шкафчик с сильнодействующими препаратами. Подозреваю, что Визби и Смэлт попользовались его содержимым в личных целях, хотя никогда и не признаются в этом.

Внутреннее пространство здания космодрома составляет три сотни квадратных метров. Стены и полы сделаны из толстого полупрозрачного дюропласта — эта штука крепкая, внутрь ничему не пробраться.

Энергоснабжение: еще один древний реактор, размещенный в отдельном куполе, к которому ведет защищенный коридор.

Возможности отступления: у нас три флаера, но в тех двух, на которых мы прибыли, топливо практически на исходе — одной из причин чему стала перегрузка машин во время полета. Обнаруженный нами здесь флаер «V&B» в порядке, и горючего у нас достаточно, чтобы долететь до Замка, куда мы не посмеем вернуться. На Главной Базе оставался еще один разобранный флаер — и я надеюсь, что он не поддается починке.

Снаружи, как и всегда, идет дождь. На взлетной площадке сверкает пленка воды. Вокруг простирается абсолютно чистое пространство примерно в гектар, где все за исключением какой-то разновидности лишайника выжжено дюзами приземляющихся и взлетающих челноков.

За пределами этой зоны все покрывают серые камни и заросли чахлых деревьев. Полоса бесплодной земли соединяет

нас с побережьем и привычной серо-зелено-багровой стеной джунглей.

Суммарная оценка ситуации: мы заняли хорошее положение, у нас много свободного места, спим в сухости и тепле. Есть освещение и медикаменты. И нам абсолютно нечем заняться, кроме как ждать транспортное судно. Оно должно прибыть примерно через шестьдесят семь дней… местных дней. Если корабль задержится (как оно часто бывает), нам предстоит жить на диете из воздуха и воды. Зато воды вокруг много.

Первоочередной задачей являлось пополнение запасов продовольствия каким-либо образом.

* * *

Я позвал Джамаля и Антонелли помочь мне осмотреть полуостров. Джамаль, как обычно, был угрюм, но беспрекословно выполнял все мои просьбы. На всякий случай мы вооружились.

Обход удалось завершить примерно за час. Места вокруг оказалось не слишком много. Сомневаюсь, чтобы здесь имелось что-нибудь кроме нескольких квадратных километров вулканического шлака. В любой точке полуострова слышен прибой. Береговую линию образует либо серая галька, либо черный песок.

Мы вышли на каменистый перешеек, соединяющий нас с большой землей. С одной стороны, там, где вниз спускается полоса песка, плескались мелкие волны, но с другой стороны было глубоко, тут может быть неплохое место для рыбалки. Думаю, нам удастся изготовить подходящие снасти.

Когда-то мне уже доводилось рыбачить в полосе прибоя в похожих местах, и на мгновение мне даже показался знакомым морской воздух, запах глубины и соленые брызги, покалывающие кожу.

Джамаль повернулся к космодрому, но мы с Антонелли прошли еще несколько шагов. Главный инженер начал мне что-то рассказывать, пытаясь перекричать грохот разбивающихся волн.

— Иногда я мечтаю уволиться и поселиться на каком-нибудь острове. Только я, хорошая библиотека, винный погреб и парочка роботов для грязной рабо…

А-а-ах-х!

* * *

Глубина взорвалась, и какое-то огромное черное создание рухнуло на берег всем весом, разбрасывая камни.

Тварь оказалась огромной, словно касатка. У нее были широкие передние плавники и четыре длинных, вывернутых наружу клыка. Она целиком засунула в рот голову Антонелли, взмахнула плавниками и скользнула обратно в воду, увлекая старшего инженера за собой. Ветер бросил мне в лицо брызги пены. Я вытер глаза и увидел, как в глубине воды, словно щупальца кальмара, дергаются человеческие ноги.

Антонелли погиб. Вот так вот запросто. К аромату морских водорослей прибавился сильный львиный запах. Из того, что было потом, я помню только ветер, соль и Джамаля, утаскивающего меня с этого места.

Позади нас что-то огромное взмутило поверхность моря, и раздался могучий протяжный рев: «А-а! А-а! А-а! А-а!»

ПУНКТ (13)

Из рапорта доктора Ли

Под куполом не было слышно звуков произошедшей трагедии.

Я сделала все, что могла, для своих пациентов и старалась устроить поудобнее молодую женщину по имени Мбаса, пытаясь скрыть от нее свой страх по поводу ее состояния. Мбаса могла остаться слепой навсегда.

Для того чтобы вылечить ее, мне были необходимы глаза на замену, зародыши стволовых клеток обезьяны (чтобы нарастить поврежденные зрительные нервы) и помощь нейрохирурга. Ничего из перечисленного у нас не было. А ведь у меня на руках оказались больные в куда более тяжелом состоянии, чем Мбаса.

Затем в дверях появился побледневший и промокший насквозь полковник Кон. Жестом он показал мне идти за ним. Я дала ему одеяло, заварила свежего горячего чаю и пошла с ним в зал ожидания. В одном из углов Элоиза и Джамаль так вцепились друг в друга, словно больше никогда не собирались разлепляться. Полковник ссутулился под своим одеялом, точно нищий попрошайка, и жадно пил дымящийся чай.

— У сородичей есть братец, о котором мы ничего не знали, — произнес он и рассказал о гибели Антонелли. — Знаешь, в чем проблема со всеми предположениями о худших вариантах развития ситуации? В том, что обычно все обстоит еще хуже. Как твои пациенты?

Я ответила, что выживут как минимум четверо, а может, даже и семеро.

— Это хорошо, — сказал он.

Глядя на Роберта, я видела человека, который был одновременно и знаком, и неизвестен. Несмотря на свою профессиональную жесткость, он всегда казался человечным. Сейчас передо мной предстала другая сторона его характера. Хотя Роберт все еще дрожал от холода, лицо его стало столь же суровым и твердым, как камни этого безымянного острова.

— Хорошо, — пробормотал он, — что у нас большой морозильник. Еды у нас недостаточно, Анна, а мы в осаде, и, может быть, нам не представится возможность пополнить припасы. Когда мы съедим все запасы, у нас не останется иного выбора, как приняться за своих мертвецов.

Мы сидели рядом и потягивали чай, осознавая всю глубину

ужаса, в который погружались. Внезапно я поняла, что не смогу в одиночестве встретить грядущее испытание.

Я принесла ему еще одну кружку чаю, капнув туда пятьдесят миллиграммов серенака, в котором Роберт явно нуждался. Больше я ничем не могла ему помочь, кроме как лечь с ним в постель и согреть своим теплом. Так я и решила сделать, если он захочет меня.

ПУНКТ (14)

Из записной книжки полковника Кона

Кажется, прошло уже несколько недель с тех пор, как я сделал последнюю запись, так что позвольте мне подвести кое-какие итоги. Можно сказать, что за это время произошло много событий и в то же время — мало. Мы с Анной стали любовниками — такое развитие наших отношений явилось сюрпризом, по крайней мере, для меня.

Внегласно мы также оказались правителями нашей крошечной осажденной колонии. Как Анна и предсказывала, четверо скончались от ран, а еще двое находились на грани жизни и смерти. Со смерти Антонелли нас осталось семнадцать. А скоро станет пятнадцать.

В целом наши потери составили почти девяносто девять процентов. Даже если кому-то на Главной Базе, в рудниках или литейной удалось убежать в джунгли, там им долго не протянуть. Их либо убьют, либо они умрут от голода.

Поскольку все старшие инженеры были мертвы, я назначил Джамаля техническим офицером. В его обязанности входит поддержание всего вокруг в рабочем состоянии. Прекрасно понимаю, что он строит долгосрочные планы мести. Я унизил его перед Элоизой давешним ударом, а он из тех людей, которые никогда и ничего не забывают. Тем не менее мне необходимы его смекалка, отвага и знания, а свою месть он может отложить до лучших времен.

Анна постаралась сделать все возможное, чтобы выжившие продолжали жить. Элоиза трудится под ее началом и стремительно обретает навыки талантливой медсестры. Умные люди всегда быстро добиваются результатов, обучаясь чему-либо на практике. Я присматриваю за обороноспособностью и дисциплиной, составляю и внедряю списки дежурств, командую раздачей рационов (около тысячи восьмисот калорий здоровым и две тысячи сто — больным) и по большей части веду себя как «тупой начальник». Как в свое время и мистера Кребса, меня не особенно полюбили подчиненные. Впрочем, на иное я и не рассчитывал.

Единственными серьезными нарушителями введенных правил неизбежно явились Визби и Смэлт. Я приказал им отдать ключи от всех дверей, кабинетов и шкафов, и они подчинились, но припрятали запасной комплект. Когда Анна доложила мне о

пропаже шести пузырьков некоего вещества М2 — суррогата синтетического морфина, — я организовал проверку и обнаружил их в мешке для грязного белья, принадлежащем Визби.

Нарушение весьма серьезное, если учесть, что обезболивающих у нас осталось мало, а страдающих от боли — много. У Смэлт в коробочке с вагинальным кремом я нашел дубликат ключей.

Первым моим порывом было расстрелять обоих. Однако Анна упросила меня смилостивиться, да и остальные колонисты сошлись на том, что эти двое слишком тупы, чтобы нести полную ответственность.

В результате я ограничился тем, что побеседовал с нарушителями с глазу на глаз, пообещав им жизнь в обмен на кое-какую информацию.

Они бестолково залепетали. Обвиняли друг друга в запуске ракеты по комнате Кребса. Оба подтвердили, что капитан Мак вручила им оружие и отдала приказ, которому им, как верным солдатам, пришлось подчиняться вне зависимости от личных чувств.

— Уверена, что вы понимаете, сэр, — произнесла Смэлт, заискивающе улыбаясь.

— Прекрасно понимаю.

Я заставил их подписаться под признаниями, связал обоих и засунул в морозильник между телами. Обратно тупиц вынули через полтора часа. Когда они появились, их покрывала паутина льда. Отогревшись, нарушители оказались готовы к тому, чтобы воспринять объяснения: в следующий раз они послужат нам обедом, хотя мысли о тушеном мясе Визби или тефтелях из Смэлт вряд ли вызывали у меня аппетит.

Но за исключением этого инцидента, дни протекают рутинно. На нас никто не нападает. Даже те, у кого не было пары раньше, нашли ее теперь — большая часть с представителями противоположного пола, а меньшая — со своего. Все здесь нуждаются в компании.

Отдых: в шкафах обнаружились шахматы, теннисные ракетки без мячиков, нечто под названием «Завоевание Галактики» (спасибо, конечно, но играйте в эту забаву без меня), электронные игры «покер», «блэк-джек» и «воздушное поло», а еще наборы старых, засаленных карт, часть из которых помечена.

Днем мы занимаемся уборкой, перевязкой раненых и обслуживанием техники; по ночам делаем пометки в календарях, предаемся любви, играем, сплетничаем, а также чувствуем голод и раздражение. А еще спим так много, как только можем.

Между мной и Анной вспыхнула поразительная страсть, если

учесть наш далеко не юный возраст и строгую диету. А еще мы должны быть осмотрительны. Соединение двух холостяков с установившимися привычками как минимум рискованно. Возникли и некоторые физические проблемы, связанные с тем, что она настолько маленькая, а я такой большой. Но в сексе, как и в жизни, где есть желание, там есть и путь. Мы уединяемся в помещении, ранее использовавшемся в качестве склада. Я запираю дверь конфискованным ключом.

В данный момент мы лежим нагишом на груде выброшенных подушек для челноков и согреваемся теплом друг друга и нескольких чистых рабочих комбинезонов, которые Анна превратила в покрывала.

Сейчас она с улыбкой повернулась ко мне и положила свою крошечную, но очень умелую кисть на мою руку, словно на нее села стрекоза. Думаю, что на текущую ночь это будет последняя моя запись.

ПУНКТ (15)

Выдержка из письма Элоизы Альсерры своей матери

Дорогая мама, с нами столько всего случилось, что прямо и не знаю, с чего начать. Во-первых, у нас идет война…

* * *

Вот и все к текущему моменту. Сейчас я работаю в госпитале космодрома на Белой. У нас осталось только три пациента — остальные либо скончались, либо поправились в той мере, какая была возможна.

Я испытывала двойную радость, когда Анна (доктор Ли) объявляла кому-либо, что он здоров. Я радуюсь не только тому, что смогла помочь им поправиться, но и тому, что теперь они перейдут на те же самые тысячу восемьсот калорий, что и все остальные. Благодаря этому мы протянем еще чуть дольше.

Меня постоянно преследует усталость. И тем не менее когда я наконец ложусь, то не могу заснуть, потому что мне постоянно грезятся сытные обеды. То же самое происходит с Джамалем. Он выполняет тяжелую работу, гораздо более тяжелую, чем моя. Может быть, именно по этой причине он перестал требовать так много секса. Даже и не знаю, нравятся мне подобные перемены или нет.

Боюсь даже подумать о предстоящем первом каннибальском банкете. А ведь до него осталось уже недолго. Смогу ли я съесть жаркое из человеческого мяса? Конечно же да. Когда достаточно проголодаешься, проглотишь все, что угодно.

Джамаль отпускает по этому поводу ужасные шуточки. «Слыхала о людоеде, который отправил своего брата в лес?» — спрашивает он и плотоядно смотрит на меня. Или ласкает мой все еще крепкий зад, приговаривая: «Завтрак! Эй, верни-ка его сюда! И завтрак, и обед».

Почему, а кроме того, зачем я все еще остаюсь с ним?

По крайней мере один раз в день тайком выбираюсь наружу и гуляю там одна, вдали от непереносимо надоевших лиц таких же пленников. Не стоит и говорить, что я держусь как можно дальше от побережья!

Благодаря свежему воздуху усталость немного отступает, и к тому же мне очень нравится запах моря. Вчера сквозь тучи

пробился солнечный луч и в морском ветре засверкали соленые капли.

Но сегодняшняя прогулка меня вымотала. Несмотря на дрожь в мышцах, я взобралась на груду черного камня и какое-то время стояла наверху, вглядываясь туда, где должна находиться линия горизонта. Только ее там нет, потому что все вокруг затянуто извечным штормом, и куда бы я ни повернулась, океан и сырые джунгли сливались с небом без разделительной линии.

Наша тюрьма не купол. Наша тюрьма весь этот мир, и я вновь и вновь задаюсь вопросом, спасется ли отсюда хоть один.

Даже если мы не сумеем выбраться, я уверена, что сюда все равно прибудут люди, которые станут искать нас. Надеюсь, тогда они найдут это письмо. А тем временем предаюсь мыслям о тебе, о Земле и ее солнечных и голубых небесах… и о своей жизни.

ПУНКТ (16)

Из записной книжки полковника Кона

Время ожидаемого прибытия транспортного корабля приближается. Если же он опоздает… *ciao, god-bye, sayonara!* У нас закончилась еда.

Итак, сегодня мы ели человечину. Разделкой занимались вдвоем, думаю, чтобы распределить груз вины. Повара будут сменяться по списку, но так же как я не назову имени второго мясника, так же не стану называть и имени повара, кроме как для необходимости доказать, что он(а) не участвовали в грязной работе.

На самом деле, как только человеческое мясо отделено от костей, выглядит оно точно так же, как и любое другое. Голову мы сохранили для подобающего погребения на Земле, надеясь, что вернемся туда. Я не стал разглашать имени нашего обеда, сказав только, что это был тот, кого я знал и уважал. Но когда уходит жизнь, все мы становимся только мясом, вполне способным насытить наших друзей. Предлагаю думать об этом, как о последнем сборе друзей за обеденным столом.

Запах готовки разнесся по всему куполу. Люди продолжали заниматься своими обыденными делами, но стали принюхиваться. Они собирались небольшими группками, и временами до меня доносился высокий смех. Это меня обеспокоило. В истериках мы не нуждаемся.

Затем все сели за стол. Мнения насчет нашего источника протеинов разделились: одни решили, что напоминает телятину, другие — что свинину. Я примкнул к тем, кто полагал, что похоже на свинину. После еды все почувствовали себя дурно.

Следующий день: у нас еще кое-что осталось. Сегодня никто и глазом не моргнул, а двое даже попросили добавки, в которой им пришлось отказать. С людоедством все оказалось столь же просто, как и с любым другим поворотом в жизни. В первый раз трудно, потом значительно легче, а вскоре вообще перестаешь задумываться.

Но есть кое-что, над чем нам вскоре придется подумать, и я вынужден признать, что меня это угнетает.

ПУНКТ (17)

Из рапорта доктора Ли

Вставшую перед нами проблему можно озвучить так: когда мы съедим мертвых, что тогда?

Мне довелось услышать шутку: «тянуть соломинки». Но было ли это шуткой? Конечно, подумала я, если корабль вскоре не появится, нам придется убивать по одному человеку в определенное время, чтобы хотя бы у нескольких — а может, двух или даже у одного — появилась надежда вернуться на Землю и поведать нашу историю.

За обедом я увидела, что Роберт смотрит поверх голов людей поразительно холодным взглядом, лишенным эмоций. Мне стало ясно, что в уме он составляет новый список. Ранжирует людей по порядку от тех, кем легко можно пожертвовать, до тех, без кого погибнет вся колония.

Это понимали и остальные. Я заметила, что в последнее время совсем не вижу Визби и Смэлт, и догадалась, что они стараются укрыться от смертоносного взгляда Роберта. Как глупо! Конечно же, куда мудрее было бы казаться как можно более занятыми и полезными. Но у бедолаг едва хватило ума, чтобы сообразить, чьи имена возглавят список бесполезных (чуть не сказала: пригодных для забоя). Они явно вспомнили морозильник и лежавшие рядом с ними спеленатые тела.

ПУНКТ (18)

Из записной книжки полковника Кона

Я в сотый раз взвешивал остатки наших рационов, когда вдруг в дверь склада просунула голову Элоиза. Она была такой же бледной, как и наш последний килограмм сахару.

Не могу ли выбраться вместе с ней наружу? Конечно. Не было нужды даже спрашивать зачем, потому что у нее всегда найдется уважительная причина.

— Ты ходишь сюда одна? — спросил я, пока мы ползли через лишайник. — Тебе бы не стоило.

— Мне пришлось, — сказала она. — Внутри я просто постоянно схожу с ума. А теперь на минутку прекрати изображать из себя верховного главнокомандующего. У меня есть что тебе показать.

Она показала мне дорогу на вершину черной кучи, состоящей из — как же это называется? — шкварины. Обломки застывшей лавы, которые море рано или поздно превратит в черный песок и…

Мне потребовался только один взгляд.

— Отправляйся обратно и передай Анне и Джамалю, чтобы они тоже пришли сюда.

— Если Джамаль окажется занят, он захочет знать зачем.

— Скажешь, что я немедленно хочу его увидеть.

— Да, сэр, — сказала она и ушла.

Когда появились остальные, мне даже не пришлось показывать. Внимание привлекала только одна вещь.

В нашем направлении двигалась группа морских животных. Может, двадцать особей, а может, и больше. Они имели серый окрас и приблизились достаточно, чтобы мы могли видеть твердые белые наросты, беспорядочным узором покрывающие их спины и хвосты, — думаю, что это какой-то местный аналог прилипал. Чудища словно танцуют балет, ритмично поднимаясь и ныряя единой волной.

— Надеюсь, они не могут выбраться на берег? — спросила Элоиза.

Мы с Джамалем переглянулись, вспомнив про тварь, схватившую Антонелли. Вспомнили, как она опиралась на свои плавники, как выгибала шею, ее лающий рев. Вспомнили привычный уже львиный запах. Морские львы. Эти ластоногие существа ищут себе пропитание в море, но вылезают на берег,

чтобы отдыхать, драться и спариваться.

— Смотри-ка, — сказала Анна, указывая в другом направлении. — У нее, конечно, ушла на это уйма время, но она заставила его заработать. Умная дамочка.

Далеко-далеко от нас в серых облаках появилась такая же серая точка. Она на глазах темнела, обретала объем и превращалась в последний флаер, отремонтированный, действующий и направляющийся к нам.

ПУНКТ (19)

Из рапорта доктора Ли

У нас не оставалось иного выбора, кроме как сражаться или умереть. Поэтому наших бойцов можно было не подбадривать — вместо нас с этой задачей гарантированно справились наши враги.

Что касается меня, я убрала в папку твердую копию своих записей, обернула ее в пластик и спрятала под куском льда в морозильнике. Даже если всех убьют, подумала я, рано или поздно нас прилетят искать и тогда, если повезет, смогут найти и эти записи. Мне казалось, что последний оставшийся труп смотрит на меня, и я вышла из морозильника, дрожа не только от холода.

Как бы то ни было, но я продолжила наговаривать текст в свою записную книжку, надеясь расшифровать завершение этой истории позднее.

Для обороны Роберт сформировал отряд из восьми человек, что соответствовало количеству имеющегося у нас оружия. Учитывая то, что к нашим скромным запасам добавилось содержимое оружейного склада космодрома, у нас оставалось сто восемьдесят зарядов. Этого должно было хватить, чтобы нанести серьезный урон, но не для того, чтобы перебить всех наших врагов.

Уложив в медицинскую сумку М2, жгуты, антибиотики и тому подобное, я развернула медицинскую палатку возле груды шлака, которую мы стали называть Черным Холмом.

Потом я поднялась на холм, чтобы видеть все происходящее. Морские львы (как назвал их Роберт) скрылись под водой, что подразумевало возможность их появления в любом месте. Флаер развернулся и принялся кружить примерно в километре от нас. Он пролетел вдоль берега, потом обратно. Роберт мудро приказал людям попридержать огонь.

Я заметила Элоизу, стоящую рядом с Джамалем, и позвала ее помочь мне в медицинской палатке. Она медленно двинулась ко мне, когда краем глаза я увидела вспышку со стороны флаера.

Я закричала: «Ложись!», и в тот же миг, в который девушка упала на землю, в Черный Холм врезалась и взорвалась ракета. От грохота у меня зазвенело в ушах. Затем раздавшийся со спины крик: «А-а! А-а! А-а!» предупредил нас, что морские львы выбрались на берег. Почти тотчас же флаер развернулся, и из

усилителя донеслась такая громкая птичья трель, что могло показаться, будто огромная мифическая птица Рух призывает брачного партнера. Границы джунглей задрожали, и что-то зарычало в ответ.

ПУНКТ (20)

Из записной книжки полковника Кона

Не могу сказать, что мне когда-либо нравилась Джулия. Но я всегда уважал ее, а сейчас мое почтение только возросло. Мак собрала очень странное войско, но именно она возглавляет его и управляет его действиями.

Рядом с ней сидит арх с громкоговорителем, а сама капитан держит чертову пусковую установку. Должно быть, это очень сложно — стрелять, высунувшись из кабины пилота так, чтобы тебя не поджарило обратным огнем. Но она справилась. Толковая девочка.

О'кей, вот и львы из моря полезли.

Ага, из джунглей вышли медвежьи боровы. Раздаются новые птичьи трели. В этот раз они доносятся со стороны деревьев, значит, архи тоже прячутся в джунглях и руководят войсками.

Сородичи приближаются. И даже если каждый наш выстрел найдет цель, они все равно победят. Если бы от паники был хоть какой-нибудь прок, я бы запаниковал.

Но раз смысла нет, постараюсь сделать что-либо иное.

Я подошел к Джамалю и протянул ему свою записную книжку.

— Позаботься об этом.

Он приподнял свои черные изогнутые брови.

— Мне кое-что надо сделать. Остаешься за главного до моего возвращения. Если мы переживем этот день, можешь мне хорошенько вмазать по морде.

Такое вот своеобразное прощание.

ПУНКТ (21)

Из записной книжки полковника Кона (запись продолжает Джамаль аль-Сба'а)

Кон покинул поле битвы. Как бы он ни раздражал меня, я не думаю, что он сбежит. Он отважный еврей.

Да хранит его Предвечный, ибо в конце дня мне хотелось бы воспользоваться предложением Роберта.

Странно, но мне никогда не доводилось видеть, чтобы полковник наговаривал текст в свою записную книжку, но при этом он всюду таскал ее с собой. Когда я говорю, загорается сигнальная лампочка, а значит, мой голос скорее всего сохраняется. У меня самого нет записной книжки — весь скарб, за исключением пистолета, пропал во время бегства с Главной Базы.

Итак, у нас только восемь стволов. Вскоре враги набросятся сразу с двух сторон. Сражаться ли нам здесь, на открытой площадке, или же отступить к куполу и пытаться оборонять его? Это именно тот тип решений, которые необходимо принимать командиру. И если он допустит ошибку, погибнут все. Я всегда мечтал о власти, а сейчас ощущаю ее гнетущий вес.

Я принял решение отступать по двум причинам: во-первых, капитан Мак и ее проклятые ракеты. Она может убить многих, а мы не должны терять людей. Во-вторых, сородичи могут себе позволить любые потери, поэтому не важно, какой урон нам удастся нанести. Единственная допустимая стратегия — держаться как можно дольше, а потом встретить свою судьбу. Я позвал доктора Ли и велел ей передвинуть медицинскую палатку под купол. Элоиза собрала сумку с медикаментами и пошла обратно, а Ли осталась, чтобы убедиться, что не будет потерь при отступлении. Эта китаянка, похоже, абсолютно спокойна.

Флаер Мак пошел на еще один круг. Шум двигателей теряется на фоне звуков, доносящихся сразу со всех сторон, — рев, птичье пение, лай морских созданий.

И — Иншала! — ей на встречу поднялся другой флаер! Так вот зачем Кон покинул нас!

ПУНКТ (22)

Из рапорта доктора Ли

Всю свою жизнь я старалась соответствовать буддистскому принципу непричастности — может быть даже, из-за трусости, потому что боюсь боли потерь.

Вероятно, потому и сбежала от жизни в лабораторию — от познания страстей к страсти познания. Из-за этого до появления Роберта на Белой я оставалась одинокой.

При виде того, как взлетает наш единственный полностью исправный флаер, мне в сердце словно вонзилась стрела. Но я постаралась убедить себя, что если бы Роберт собирался пойти на таран другого флаера, то вначале попрощался бы со мной.

Итак, я успокаивала себя мыслями о том, что он, конечно же, затеял просто опасную игру — отвлечь и напугать Мак, заставив ее стрелять и тратить оставшиеся ракеты. Роберт отправился в этот пролет, решила я, чтобы увести от нас опасность, а не искать смерти. Но его машина все так же мчалась прямо на флаер Мак, неслась рискованно быстро. Должно быть, это напугало Мак, потому что ее аппарат дернулся в сторону, и на один чудесный миг мне даже показалось, что она потеряет контроль над управлением и разобьется. Но Джулия справилась, и обе воздушные машины закружились в причудливом балете, напомнившем мне брачный танец мух-однодневок.

Вдруг наш флаер развернулся и полетел в сторону, преследуемый Мак.

Я обнаружила, что снова стою на вершине Черного Холма, совершенно не понимая, как туда забралась. А взглянув вниз, увидела потрясающее зрелище: порождения двух миров зачарованно замерли и смотрели вверх.

Морской лев прорвался через преграду чахлых деревьев и стоял, опираясь на плавники и подняв клыкастую морду к небу. На суше на него давил собственный вес, и покрытые шрамами могучие бока поднимались в затрудненном дыхании.

У перешейка стояли на задних лапах медвежьи боровы, которые вращали головами из стороны в сторону и наблюдали за разворачивающимся действом, словно слушатели, зачарованные музыкой на концерте. Архи показывали на воздушных бойцов своими бронзовыми орудиями и обменивались дикими и странно приятными трелями.

Я увидела, как из люка пилота во флаере Мак высунулась

пусковая установка и практически тут же последовала слепящая вспышка. Ракета оставляла за собой долгий дымный след, и мое сердце остановилось, когда я поняла, куда она нацелена, поняла, что она движется слишком быстро, чтобы ее мишень могла спастись. Когда ракета врезалась в наш флаер, тот разорвался грандиозным огненным облаком, напоминающим распускающийся пион. Словно перья чайки, планировали в море черные обломки. В рядах наших врагов раздались бешеные крики, которые я не смогу описать. Один мир торжествовал над другим, воплями провозглашая свою победу.

Следующее, что я почувствовала, была хватка чьих-то железных пальцев на моем запястье; это оказался Джамаль, произнесший:

— Давай же, надо уходить к куполу. Надо спасаться.

— Зачем? — спросила я, мечтая только о том, чтобы поскорее умереть.

ПУНКТ (23)

Из письма Элоизы Альсерры своей матери

Мы все вместе собрались под куполом. Настоящее потрясение пришлось испытать, когда обнаружилось, что дверь ангара оставалась открытой.

Туда что-то пробралось, но я так и не увидела, что именно. Зато услышала, как кашлянул импульсный пистолет, а затем несколько ребят захлопнули дверь, предварительно, думаю, выбросив тело. Первый бой завершился.

Я поискала доктора Ли. Сумка с медикаментами оставалась у меня, но лучше было бы, чтобы она вернулась к тому, кто знает, как ей распорядиться.

Когда я нашла Анну, та выглядела ужасно.

— Ты ранена? — встревоженно спросила я.

— Нет… всего лишь мертва, — ответила она.

Я приняла ее реплику за одну из тех жутких шуточек — разве не про всех нас можно было сказать то же самое?

Джамаль раздавал приказы, и я сказала ему:

— Полковнику Кону не понравится, что ты отнимаешь у него работу.

— Кон погиб, — к моему изумлению, ответил Джамаль.

— Нет, он не погиб.

Джамаль убежал, сказав, что надо проверить остальные двери, особенно грузовые, ведущие на взлетную полосу, потому что они достаточно просторны, чтобы пропустить внутрь целую армию.

Конечно же, он не уделил мне никакого внимания.

Я вернулась к Анне Ли, подготавливавшей наш госпиталь к приему новых пострадавших. Движения ее стали странными, дергаными, как у марионетки. Возникало ощущение, что она даже не видит, что делает.

— Анна, что с тобой? — спросила я. — То есть, если не считать того, что нам всем конец, что случилось?

— Роберт погиб, — ответила она.

Второй раз за пять минут.

— Нет, он не погиб. Полковник наверху на одном из инженерных мостов купола проверяет воздухозаборники.

Анна остановилась и твердо посмотрела на меня.

— Я видела, как он погиб, — произнесла она.

— Что ж, тогда он должен был умереть совсем недавно, ведь

я видела его карабкающимся по лестнице, пока искала тебя, чтобы вернуть сумку.

— Внутри купола?

— Ну конечно же, внутри купола. Надо быть психопатом, чтобы вылезать на внешнюю лестницу.

Лицо Анны стало похожим на пергамент, и доктор потеряла сознание. Я подхватила ее и уложила на пустую койку. Слепая Мбаса требовала объяснить ей, что происходит, поэтому я подвела ее поближе, посадила рядом и дала ей руку Анны.

А потом отправилась искать полковника Кона. Когда я проталкивалась мимо людей, столпившихся в главном вестибюле, большая часть из них обсуждала его гибель. Такое ощущение, что практически все наблюдали, как он погиб, и только мне удалось увидеть его живым.

Вы можете подумать, что я должна была засомневаться в собственном рассудке, но я скорее беспокоилась насчет всех остальных.

Я нашла металлическую лестницу с дюропластовыми поручнями и начала подниматься. Мне и в самом деле не нравится высота, но довольно скоро я уже поднялась на двадцать метров и побежала по металлическому мосту, пытаясь понять, почему там такой влажный и теплый воздух. Потом до меня дошло, что дыхание всех обитателей купола собирается там.

Полковник стоял возле центрального воздухозаборника. Роберт снял защитный кожух, сдвинул в сторону гибкую пластиковую задвижку и целился из своего пистолета через прорези в металлической решетке. Потом он выстрелил как заправский стрелок, так легко тронув спусковой крючок, что я едва заметила движение пальца. Пистолет кашлянул, и снаружи что-то заревело.

— Одним меньше, — пробормотал полковник, и я не смогла понять, что конкретно он имеет в виду: стало ли врагов меньше на одного или у него стало меньше на один заряд. — Элоиза, что ты здесь делаешь?

Я ответила ему, что все, включая Анну, видели, как он погиб, и что ему лучше показаться на людях, пока доктор Ли не умерла от скорби, а все остальные не возненавидели Джамаля.

— Ты недооцениваешь их обоих, — произнес Роберт. — О-хо-хо… Отойди назад, открой рот и прикрой уши.

Когда я сделала это, мостик содрогнулся, а у меня появилось ощущение, словно на голову надели железный колокол, по которому ударили молотом.

— О боже, — бормотала я. — О боже.

Полковник что-то прокричал, но я почти полностью оглохла.

Кон увел меня оттуда. В ушах у меня все еще звенело, но спустя некоторое время я стала понимать его. Он говорил лекторским тоном:

— Если последняя ракета угодила в решетку, то в куполе образовалась большая пробоина. К ней подводит внешняя лестница. Как мне только что стало понятно, необходимо заставить их ворваться именно этим путем. Здесь, на этом чертовом мосту, они будут вынуждены жаться друг к другу, и мы перестреляем их как кроликов. А может, и просто отсоединим мост, чтобы они упали.

Полковник приказал мне сходить к Джамалю, чтобы тот прислал наверх двух стрелков.

— А еще передай Анне, чтобы она не намочила штанишки. Я столь же жив, как и прежде. Как только сюда поднимутся два стрелка, спущусь вниз.

— Но почему же все решили, что вы погибли? — спросила я, прежде чем уйти.

— Это все из-за флаера. Я собирался запустить его, чтобы схлестнуться с Мак и заставить ее растратить последние ракеты. Но кое-кто сделал это раньше.

— Кто?

— Конечно же, Визби и Смэлт. Думаю, они догадались, что стоят следующим пунктом в меню, а сражение предоставляло им шанс побега. Хотя я совершенно не понимаю, куда они собирались бежать. Идиоты. А теперь проваливай отсюда.

ПУНКТ (24)

Из записной книжки Кона (говорит Кон)

Джамаль сказал, что не станет бить меня до тех пор, пока либо сородичи не ворвутся внутрь, либо мы не выберемся. Так что если он вдруг вышибет мне несколько зубов, это будет означать, что я или не нуждаюсь в них более, или смогу своевременно воспользоваться услугами дантиста.

Я отправил несколько парней ослабить болты, удерживающие инженерный мостик. Медвежий боров сорвал решетку, но пока никто не пытается проникнуть внутрь. Сородичи явно понимают, что это равносильно добровольному влезанию в центр мишени.

Хотелось бы мне знать, остались ли еще у Мак ракеты. Изначально на складе их было шесть штук. Одну выпустили в комнату Кребса. Другой уничтожили энергостанцию. Еще одной взломали столовую. И три уже истратили на этом острове. Неужели у нее кончились ракеты?

Готов поспорить, что нет. Скорее всего Джулия припрятала еще несколько штук в каком-нибудь потайном месте, может быть, даже под землей. Эта дамочка не только смелая, но и осторожная. Если у нее остался запас, то очень скоро она снесет нам двери. И наверняка сразу с обеих сторон. И тогда огромные звери ворвутся внутрь.

Мы многих успеем уничтожить, но нам от этого будет не легче, ведь, как уже говорила Анна, невозможно сражаться со всем миром.

Ба-а-ам!

Слышали? Все-таки скажу на случай, если кто-нибудь прослушает эту запись. Мне бы очень хотелось не быть столь чертовски догадливым все время. Иногда жутко хочется стать глупее, чтобы мои догадки о грядущем оказывались неверными. Хочется оказаться вместе с Анной где угодно, но только не здесь.

Снова неприятности с дверью в ангар. Она повреждена и вогнута внутрь, но пока держится.

Кто-то молотит по ней снаружи. Доносится бьющий по нервам лязг металла по металлу. Дверь сдвигается медленно, но все-таки поддается. *«E pur si muove»* — как говорил инквизиторам Галилей, — «и все-таки она вертится». Правда, он имел в виду Землю, которую мы скорее всего никогда больше не увидим.

Одна из петель сломалась с громким хлопком, похожим на выстрел. Если бы только они были сделаны из стали ядерного

класса, но нет; они прочны, но нам необходимо что-нибудь по-настоящему неразрушимое.

Я отправил четырех стрелков к поврежденной двери. С каждым пойдет еще один человек, который должен будет подхватить оружие, если его напарника убьют или ранят. Потом я позвал тех стрелков, которые оставались наверху. Одному из них приказал присоединиться к Джамалю, а второму — сбить остающиеся крепления инженерного моста, если что-нибудь попытается туда влезть, а оно обязательно попытается. Всем остальным сказано держаться подальше от области под проходом. Джамаль должен охранять двойные двери, ведущие к посадочной полосе для челноков. Если сородичи прорвутся там, у нас возникнут серьезные неприятности.

Наконец с раздачей приказаний покончено. Я сделал все что мог, а теперь пришло время сражаться против тех, кто наверняка победит. Ведь, как говорила Элоиза, это их мир.

Анна поспешила в свой госпиталь, одарив меня блаженной улыбкой. Она счастлива, что может умереть вместе со мной, не желая жить без меня. За всю мою долгую жизнь никто еще не смотрел на меня так.

ПУНКТ (25)

Из письма Элоизы Альсерры своей матери

Я чувствую себя крайне глупо, все болтая и болтая в такое время с тобой, находящейся за много световых лет от меня. Но что еще мне остается делать?

Тебе будет больно узнать, как именно я умерла, но не больнее, чем если ты станешь терзаться неизвестностью. А мне бы хотелось, чтобы ты знала: мои последние мысли были о тебе.

Как и ожидалось, двойные двери, ведущие на взлетную площадку, содрогнулись от взрыва ракеты, угодившей точно в их центр. Металл затрещал и выгнулся. А потом на двери обрушились непрекращающиеся, постоянные удары.

Снаружи доносятся знакомые звуки. Трели, рев, лай! Но я едва слышу их за протестующим стоном прогибающейся стали. Они очень сильны. Внутрь пролезла лапа одного из медвежьих боровов, и когти заскребли по металлу.

— Не стрелять! — прокричал Джамаль.

Конечно же, он прав, это стало бы пустой тратой боеприпасов. Снаружи заскреблись сильнее, пение и рев усилились, а напор на дверь значительно возрос. Я вижу, как выгибается металл, как ломается то одно, то другое. Что бы ни ломилось к нам, но его дыхание прорывается в огромные прорехи.

Мы должны дождаться, пока двери упадут, а затем пристрелить то, что пока находится по другую сторону. Тогда его тело загородит проход, но не надолго.

Мама, когда я закрываю глаза, передо мной встает твое лицо.

ПУНКТ (26)

Из записной книжки полковника Кона

Двойные двери рухнули. Морской лев, прыгнувший на них сверху, получил два заряда и закричал, как раненый зверь мог бы кричать на Земле, только в тридцать раз громче.

Обрушился вниз инженерный мост, увлекающий за собой полдюжины медвежьих боровов. Я подбежал и застрелил тварь, которая еще продолжала шевелиться.

Развернувшись назад, я увидел, что тело морского льва загородило проход. Туша напоминает корпус лодки, она обтекаемая и черная, если не считать многочисленных белых шрамов, оставшихся от былых сражений за самок, и двух небольших входных отверстий от попаданий из импульсного оружия.

Медвежьи боровы пытаются убрать тушу с прохода. Один из архов вскарабкался прямо по ней, бросил один взгляд на то, что его ждет, и скатился обратно. Но тело уже отодвигают, приходит время последней схватки за старый купол Белой.

ПУНКТ (27)

Из рапорта доктора Ли

И вот тогда раздался раскатистый рев и такой многоголосый вопль, что я не ожидала бы услышать подобное и в аду.

ПУНКТ (28)

Из письма Элоизы Альсерры (продиктовано доктору Ли)

Джамаль вскочил на ноги, сгреб меня в охапку и отбросил в сторону, а потом и сам последовал за мной.

Я упала возле искривленной стены купола прямо в тот момент, когда в дверной проем ворвался длинный язык огня. Тело морского льва скрылось в огне, слои жира под его шкурой текли и плавились словно воск, пылали и шипели, разбрасывая вокруг горящие капли. Парень, не успевший убраться с пути пламени, почернел и развалился на куски, точно кукла, попавшая под паяльную лампу.

Не загораживай сородичи проход хотя бы частично, мы бы все испеклись. Одежда Джамаля вспыхнула. Я бросилась к нему и начала сбивать пламя, и чувствуя, и не чувствуя жар в одно и то же время.

Затем люди схватили меня за запястья и поволокли в госпиталь. Кто-то занялся Джамалем. Практически одновременно с этим смолк рев, и я поняла, что космический челнок с транспортного судна приземлился и наконец погасил дюзы.

ПУНКТ (29)

Из рапорта доктора Ли

У меня еще никогда не было так много дел, как во время посадки челнока.

Уцелевшие сородичи на какое-то время отступили, но, конечно же, они должны были вернуться. Времени оставалось в обрез, а мне пришлось заниматься тяжелыми ожогами. Роберт получил сложные переломы лучевой и локтевой костей левой руки. То ли его сбило ударной волной, то ли он сам неудачно упал, пытаясь увернуться от пламени.

К счастью, челнок среди многих прочих вещей доставил груз медикаментов, и мы разрывали коробки на куски, извлекая то, в чем так нуждались.

Джамаль заработал серьезные ожоги второй степени на туловище и несколько ран на руках. У Элоизы пострадали, но неопасно, руки, живот и правая грудь. Молодой человек, находившийся рядом с Джамалем, обгорел до неузнаваемости и скончался во время погрузки.

Лейтенант Мангейм, пилот челнока, подошел поговорить, пока я работала. Он все еще был потрясен тем, что увидел. Он рассказал, что слой облаков оказался необыкновенно плотным даже для Белой и что он спустился почти вплотную к космодрому, когда наконец разглядел, что тот подвергся нападению.

Поскольку челнок не снабжен оружием, пилот сделал единственную возможную вещь: стал приземляться, как обычно, используя дюзы в качестве оружия. Роберт похвалил его и сказал, что этот молодой офицер только что спас наши жизни, справившись с неожиданно возникшей перед ним невероятной ситуацией.

Мы взлетели, как только смогли. Я не чувствовала себя в безопасности вплоть до тех пор, когда челнок успешно поднялся над облаками к всепроникающему свету солнца, висящего на фоне космической тьмы.

ПУНКТ (30)

Из второй записной книжки полковника Кона

Анна явно хочет отключить меня и изолировать от мира на ближайшие шесть месяцев. Но я попросил просто прописать мне обезболивающие и подвязать поломанное крылышко.

Еще наконец мне удалось получить долгожданный отдых. Анна помогла отмыться. Я наелся и под седативными препаратами проспал двадцать стандартных часов. А проснувшись, навестил Джамаля, который был облачен в какой-то облегающий костюм, защищающий его ожоги от проникновения инфекции и способствующий заживлению. Анна сказала, что Джамаля ждут множественные пересадки тканей, когда доберемся до дому.

Руки его также оказались не в том состоянии, чтобы мне врезать, но я сказал, что договор можно исполнить в любой момент, когда он поправится. На его лице блуждала блаженная глупая улыбка, и я подумал, что Джамаль, должно быть, все еще находится под воздействием морфина и либо не слышит меня, либо его ничто не волнует, а может, и то и другое одновременно. Он жив, любим и плавает в эндорфиновых волнах, а это так близко к тому раю, куда стремится всякий из нас.

Сидящая рядом с ним Элоиза была общительна и весела. Она обмотана бинтами, смоченными в обезболивающем местного действия.

— Мой правый сосок в ближайшее время будет выглядеть ужасно, — произнесла Элоиза в ответ на мой вопрос о том, как она себя чувствует. Затем девушка подняла свои туго перевязанные кисти и пропела: — И никогда, никогда мне больше не играть на арфе.

Веселая дамочка.

Оттуда я отправился переговорить с корабельным капитаном Четчевайо (произносится с щелчком вначале слова). Этот огромный парень в ответ на мои слова кивал лысой, отполированной головой, напоминающей бронзовый слиток. К счастью, он тоже носит униформу, и мне не пришлось излагать ему многих жизненных проблем, встающих передо мной.

Потеря целой колонии поднимет дома неимоверный гвалт. Думаю, что мне придется провести ближайшие несколько лет в качестве профессионального свидетеля, которого примутся поджаривать на раскаленной сковородке всевозможные породы

чиновников. Мне хочется завершить все, что только возможно, еще до того, как мы покинем систему Белой.

Четчевайо согласился с моими мыслями, забрав у меня записную книжку и ряд других доказательств, запер их в сейфе. А потом выдал мне эту новую книжку. И приказал Мангейму начать сбор показаний среди выживших. Нас осталось десять человек.

Учитывая то, что бюрократы не верят ничему, пока это не изложено в письменном виде и не завершено подписями с правильно и четко указанными именами и должностями, мы сравним все полученные показания, и только после этого составим рапорт и все будет подписано и поставлена печать.

Конечно же, эту процедуру можно назвать «прикрой-свою-задницу». Но есть и еще кое-что. Необходимо проверить с воздуха окрестности рудников и Главной Базы, чтобы убедиться в отсутствии других выживших. Останься у нас солдаты, можно было бы просто ворваться внутрь и все прочесать, невзирая на опасность. Но поскольку для этого у нас нет ни людей, ни оружия, придется делать то, что можем, — иначе мы рискуем своей карьерой.

Звучит жестоко, но я уверен, что все, кроме нас, мертвы. Мы сделаем то, что должны сделать, но этим уже никого не спасем. Четчевайо согласился со мной и отдал необходимые распоряжения.

* * *

Я сел в челнок к Мангейму. Мы пристегнули ремни и отстыковались от подбрюшья корабля. Как говаривал один древний философ: все происходящее случалось с нами и прежде. Началось погружение в глубины бесконечных клубящихся туч. Нас, словно прибоем, окатывало дождем, а в тучах сверкали грандиозные кривые молнии. Как будет глупо, подумалось мне, если после всего пройденного я вдруг погибну от банального удара молнии, исполняя рутинную и, по существу, бесполезную работу.

Но вместо этого мы выпали из последнего и наиболее темного слоя беспредельной пелены и полетели вдоль привычного иссиня-черного моря. Держа в руках навигационный диск, я указывал Мангейму путь к Альфе. Вскоре мы увидели знакомые навесы, купола и переплетения коридоров шахтерского лагеря. Я попросил Мангейма снизиться.

Джунгли наступают на поселение, готовясь стереть все следы человеческого пребывания здесь. Но техника еще жива, и пыхтит

энергостанция, а по холму продолжает стекать грязный коричневый поток, наводящий на мысли о том, что у планеты приключился тяжелый приступ дизентерии. Прожектора, конечно, давно угасли и… там что-то движется… Нет! Кто-то!

Маленькая фигурка не похожа на арха! Стоит в дверях и машет нам!

Мы мгновенно спикировали, здоровой рукой я махнул человеку забираться внутрь, и мы снова взмыли. Я с восхищением посмотрел на него, пытаясь представить, как ему удалось выжить в этом диком лесу, и к тому же одному!

Он стал еще более тощим, чем раньше. Одежда превратилась в рванье, а штаны подвязаны лозой. На лице и руках много глубоких шрамов, а там, где кожа цела, все покрыто укусами каких-то насекомых. От него воняет гнилью джунглей Белой. И он прекрасен.

— Тэд, — сказал я, — прости, что бросили тебя в прошлый раз.

— Главное, что теперь я здесь, — ответил он и принялся без намека на заикание рассказывать свою историю.

Тэд рассказал, как вывернулся из лап медвежьего борова, выскользнув из чрезмерно большого рабочего комбинезона; о том, как скрылся в чаще, пока зверь продолжал потрошить одежду; о том, как убегал и прятался; как, защищаясь от холода и дождя, изготовил себе накидку из листьев. Затем Тэд проследил за бескрылым пернатым существом, напоминающим попугая, и осторожно стал пробовать то, что ело животное. Потом парню удалось пробиться к Альфе, которую он нашел уже заброшенной. Внутри Тэд разыскал изодранную одежду и жил в груде пустых картонных коробок, пока не услышал звук флаера.

— Надеюсь, ты не подумал, что мы просто решили свалить и бросили тебя одного?

— Нет, — безмятежно ответил он. — Я знал, что вы не можете так поступить.

От этих слов я покраснел.

* * *

Слушая рассказ Тэда Жщеча, мы пересекли волнующийся залив и полетели над устьем реки, названия которой я так и не запомнил. Впрочем, вряд ли человеческие названия применимы теперь для чего-либо на Белой. Полагаю, у архов должна быть для реки какая-нибудь музыкальная фраза, как и для всего остального на планете.

Перед нами вырастает Замок, и я замечаю перемены. Это больше не Главная База; архи уже снесли с «кладки инков» несколько человеческих лачуг. Я уверен, что за сносом последует восстановление прекрасных храмов.

Толпы архов собрались на расчищенной площадке, образовав круг. Увидев нас, они повернули головы. Некоторые затрясли оружием, но большая часть существ, едва взглянув, вернулась к своим делам. Мы больше не волновали их, а обряд есть обряд.

В центре толпы стоит Джулия Мак. Я попросил Мангейма зависнуть пониже, чтобы иметь возможность понаблюдать. Она абсолютно игнорирует нас и смотрит прямо перед собой. Капитан облачена в странную, но роскошную мантию, парика на ней нет, и она еще более напоминает теперь портрет Гертруды Штайн, а точнее говоря, то, как выглядела бы Гертруда, если бы ее завернули в персидский ковер.

— Ч-ч-ч-ч-ч-чт… — забормотал Тэд, к которому неожиданно вернулось заикание.

— Потом объясню, — прошептал я.

Позади Джулии встал арх, вооруженный — нет, не обычным бронзовым приспособлением, нет, боже мой, это орудие из белого металла, титановая альпинистская кирка, которую родители Мак давным-давно привезли на Белую. Только теперь она насажена на более длинную рукоятку, чтобы арх мог достать до головы человека.

Увидев замах, Мангейм выпалил что-то, чего я не понял, а Тэд издал странный вскрик, когда Мак повалилась с отверстием в голове. Вперед вышел еще один жрец, несущий обычный кривой топор, чтобы завершить ритуал.

— Мы должны остановить его, — произнес Мангейм.

— Нет, — сказал я, — не должны.

Она получила свою награду за все то, что сделала для них, — Джулия Мак стала божеством архов, присоединившись к их пантеону, где будет жить вечно. Наконец она ушла к своему настоящему народу и не испытывает больше одиночества.

Когда все завершилось — все, кроме ритуального обеда, — мне пришлось потрясти руку Мангейма, чтобы привлечь его внимание.

— Это их храм, — объяснил я, — и их община. Мы не принадлежим этому месту. И никогда не принадлежали. Пора отправляться.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И СУДЕБНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Кон Роберт Роджерс в соответствии с законом не может быть признан виновным в трагедии, произошедшей на планете Белая. Однако, как единственный выживший представитель власти, именно он несет административную ответственность за допущенные нарушения, поскольку иных виновников не осталось. Он должен быть немедленно уволен из сил безопасности с сокращением размера пенсии и вынесением официального выговора.

* * *

Опротестование судебного постановления, подписанное гражданами Альсеррой, аль Сба'а и Жщечем, Отклонено.

* * *

Прошение Кона Роберта Роджерса и его супруги о возможности уединенного поселения в оазисе посреди Великой Американской Пустыни Удовлетворить.

* * *

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОДПИСАНО БЛАГОРОДНЫМ КОМИТЕТОМ

Уильям Сандерс
Ситка

Уильям Сандерс проживает в городке Тахлекуах, штат Оклахома. Писательской деятельностью он занялся в начале 80-х, создав два юмористических произведения в жанре альтернативной истории: «Путешествие в Фусанг» («Journey to Fusang»), вошедшее в число финалистов премии Джона У. Кэмпбелла, и «Дикие голубой и серый» («The Wild Blue and the Gray»). Затем Сандерс обратился к детективу и мистике, выпустив под псевдонимом несколько книг, получивших критические отзывы, однако, вняв просьбам своего старого друга Роджера Желязны, он вернулся к фантастике, на этот раз выбрав малую форму. Работы Сандерса появлялись в «Asimov's Scince Fiction», «The Magazine of Fantasy & Science Fiction» и многочисленных антологиях, а их автор вполне оправданно заслужил репутацию лучшего фантаста-рассказчика последнего десятилетия, получив премию «Sideways» за лучшее произведение малой формы в жанре альтернативной истории. Он также продолжил создание романов, выпустив такие книги, как «Баллада о задире Билли и туркестанской розе» («The Ballad of Billy Badass and the Rose of Turkestan»), «Операции Бернадетт» («The Bemadette Operations»), «Джей» («J.») и мистическое произведение «Дым» («Smoke»). Некоторые из его наиболее популярных рассказов вошли в сборник фантастики американских индейцев «Уже позабавились?» («Are We Having Fun Yet?»). Его последняя работа — историческое исследование «Завоевание: Эрнандо де Сото и индейцы. 1539–1543» («Conquest: Hernando de Soto and the Indians: 1539–1543»). (Большинство книг Сандерса, включая переиздания ранних романов, можно найти на сайте издательства «Уайлдсайд пресс» или на amazon.com). Его рассказы появлялись в двенадцатом, тринадцатом, пятнадцатом и девятнадцатом сборниках «The Year's Best Science Fiction».

В нижеследующем остросюжетном рассказе автор переносит нас на остров Ситка, туда, где очень, очень холодно — даже летом.

* * *

Ближе к вечеру, незадолго до заката, с океана пополз туман, накрывая острова и изрезанную заливами полосу побережья. Туман этот, по меркам позднего лета Русской Америки, был не так уж и густ; он лишь затянул поверхность воды и сгладил резкие очертания берега.

На западной стороне большого острова, который русские называли островом Баранова, а местные — Ситкой, в городе Ново-Архангельске, стояли, глядя на гавань, два человека.

— Славно, — произнес один из них. — Хоть бы все так и оставалось.

Второй повернулся к нему:

— «Славно», Джек? В каком смысле?

Первый человек повел рукой:

— Черт, да ты смотри. Видишь, как низко он висит над водой?

Его собеседник повернул голову. Он молчал, наблюдая, как завитки тумана льнут к корпусам стоящих на якоре судов. Ближайший корабль, большой океанский пароход, до самой ватерлинии поглотила мутная пелена, однако его мачты и трубы отчетливо чернели на фоне холмистых берегов гавани, а на корме виднелся флаг Конфедеративных Штатов Америки.

— Чудесно, — снова заявил человек, которого назвали Джеком. — Маленькую лодочку укроет как раз, а корабль — нет. Меньше вероятность ошибки.

Говорящий был молодым человеком крепкого телосложения, со светлыми вьющимися волосами и мужественным лицом. В угасающем свете дня зубы его так и сверкали белизной.

— Как-никак мы же не хотим ошибиться, правда, Владимир? — спросил он.

Человек по имени Владимир, чья фамилия была Ульянов и который иногда называл себя Лениным, вздрогнув, прикрыл глаза:

— Нет, это было бы ужасно. — По-английски он говорил свободно, но с сильным акцентом, к тому же немного картавил. — Даже не шути так.

— Не волнуйся, — хмыкнул молодой. — Для тебя сделаем все в лучшем виде.

— Не для меня. Ты сам знаешь.

— Ну да, точно. Для общего блага. — Джек легонько хлопнул собеседника по плечу, и тот поморщился. — Эй, я ведь тоже старый добрый социалист.

— Это ты так утверждаешь, — сухо ответил Ленин. — Тем не

менее я могу сомневаться…

Он резко замолчал — мимо прошла пара длиннобородых монахов.

— Что такое?.. — Джек сперва не сообразил, отчего его приятель осекся, а затем понял: — Ох черт, Владимир, неужто ты никогда не расслабляешься? Держу пари, они даже не говорят по-английски.

Ленин посмотрел вслед фигурам в черных рясах и покачал головой.

— Всего два года осталось до начала двадцатого столетия, — пробормотал он, — а в самой большой стране мира до сих пор господствуют средневековые суеверия и религиозные предрассудки…

Он повернулся к собеседнику.

— Нам не следует здесь стоять. Это выглядит подозрительно. И поверь мне, — продолжил он, заметив, что Джек хочет что-то сказать, — людям, с которыми мы имеем дело, подозрительным кажется все. Положись на мой опыт.

Он кивнул в сторону ближайшего питейного заведения:

— Пойдем выпьем, товарищ Лондон.

* * *

Едва мужчины направились к кабаку, за ними тут же увязались три темнолицые женщины, со смехом появившиеся откуда-то из тени. Одна из них схватила Джека за руку и залопотала что-то не по-английски и не по-русски.

— Ради бога! — Джек попытался освободиться. — Только местных шлюх нам и не хватает.

— Подожди. — Ленин поднял руку. — Пусть они пока побудут с нами. Тогда никто ничего не заподозрит.

— Ха. Ладно, пускай. Хорошая идея. — Джек обвел женщин взглядом.

Для потаскух выглядели они не так уж и плохо. У одной, той, что сжимала его руку, в длинные черные волосы были вплетены красные ленты. Мужчина рассмеялся:

— Жаль, что этим вечером я немного занят. С ними можно было бы позабавиться, если, конечно, их хорошенько отмыть.

Ленин брезгливо поджал губы:

— Ты же не серьезно.

— Черт, нет, конечно. Я, может, и опустился чуть ли не на самое дно, но все-таки остаюсь белым человеком.

Ленин поморщился:

— Джек, мы с тобой уже не раз говорили о твоем…

Дверь кабака распахнулась, и на улицу вывалилась парочка пьяных казаков. Когда они нетвердой походкой, то и дело приваливаясь к некрашеной бревенчатой стене заведения, прошли мимо, Ленин первым шагнул через узкий проход в вытянутую, тускло освещенную комнату с низким потолком, уставленную грубыми деревянными столами, за которыми на таких же обшарпанных лавках сидели мужчины и несколько женщин, выпивая, болтая и играя в карты. Возле дверей на высоком стуле примостился старик, играющий на баяне что-то медленное и грустное. Посетители курили дешевую махорку, так что в воздухе висел густой дым.

— Туда, — бросил Ленин, — к дальней стене, чтобы мы могли наблюдать за входом.

Он быстрым шагом направился к стойке, протиснувшись сквозь компанию моряков в белой летней форме Имперского флота Германии, и вернулся к столу с бутылкой и парой стаканов.

— Минутку, — проговорил он, наливая, меж тем как Джек подтаскивал лавку. — У меня есть идея.

Подойдя к соседнему пустому столу, Ленин поманил пальцем трех женщин. Судя по их озадаченному виду, они его не поняли.

— Сюда, — сказал он по-русски, а затем и по-английски, и тогда они наконец, хором захихикав, направились к нему. — Вот. — Он поставил бутылку в центр стола и жестом пригласил «дам» сесть, — *Sadityes'*. Вы сидеть здесь, — произнес он очень медленно и дотронулся до бутылки. — Можно брать это. *Ponimaitye?*

Когда женщины, не переставая фыркать и хихикать, расселись, Ленин вернулся и устроился напротив Джека.

— Вот так, — сказал он. — Тут только один стол стоит достаточно близко, чтобы те, кто сидит за ним, могли нас подслушать. Лучше, если его будут занимать безобидные дурочки.

Джек хмыкнул:

— Ради бога, Владимир!

— Смейся, если тебе угодно, — ответил Ленин. — Я не хочу рисковать. Меня уже арестовывали…

— Меня тоже.

— Извини, — сухо произнес Ленин. — Тебя арестовали тупые американские полисмены, они тебя избили и бросили в тюрьму на пару дней, а потом выдворили из города и забыли о тебе, Джек. Тебя ненадолго задержали на военной сторожевой заставе за добычу золота без разрешения. Ты понятия не имеешь о том,

что такое допрос в застенках Третьего отделения. Или, — продолжил он, — что такое жить под пристальным взором бдительной и хорошо организованной тайной полиции и барахтаться в сети их информаторов.

Он поднял стакан:

— Как там говорится в американской пословице? «У стен есть уши», да? А в Российской империи у стен есть и уши, и глаза, а еще ноги, чтобы побежать и донести людям в тяжелых сапогах о том, что ты сказал и сделал. Пока эти сапоги на тебя не наступили, можешь смеяться над осторожностью тех, кто испытал их тяжесть на своей шкуре. Но когда они раздавят тебя, будет уже не до смеха.

* * *

За соседним столом женщина с красными лентами в волосах сказала:

— Я смотрю на него и все еще не верю.

Она произнесла это на языке, который не услышишь нигде в этом мире.

Женщина рядом с ней откинула назад толстые косы, которые свисали на пышную грудь, скрытую под плотным шерстяным пончо, и ответила товарке на том же самом языке:

— Что ж, как ни крути, он был великой исторической фигурой.

— Да не Ленин! — нетерпеливо, даже несколько раздраженно заявила женщина с красными лентами. — Джек Лондон. Он великолепен. Фотографии не идут ни в какое сравнение с оригиналом.

Сидящая напротив них третья женщина, сжав мочку уха, крутила сережку, изящную морскую ракушку. Бросив взгляд на соседний стол, женщина улыбнулась и молча кивнула.

— Дай мне бутылку, — попросила та, что с красными лентами. — Кажется, я влюбилась.

* * *

— Конечно, — сказал Ленин, — для меня, возможно, все сложилось к лучшему. Сибирь не сахар, но она дала мне время подумать, систематизировать мои идеи. А потом власти решили отправить ссыльных еще дальше, в это оторванное от империи поселение на Американском континенте, что открыло передо

мной некоторые… возможности.

Джек невразумительно хмыкнул и потянулся к стакану, наблюдая за тем, что происходит в другом конце комнаты. Немецкие моряки сгрудились вокруг баяниста, который пытался сыграть для них «Du, Du Liegst Mir Am Herzen».[53] Кое-кто из русских кидал на германцев косые взгляды, но матросы, казалось, не замечали их.

— Правильно, — пробормотал Джек. — Пойте, гуляйте, напивайтесь, ищите шлюх, проигрывайтесь до нитки в карты. Только, ради бога, не возвращайтесь этой ночью на корабль.

* * *

Женщина с красными лентами заметила:

— Он выглядит гораздо моложе. Моложе Ленина, я имею в виду.

— У них разница в возрасте всего шесть лет, — сказала женщина с косами. — Но ты права. Или скорее это Ленин выглядит старше…

— Ш-ш-ш. — Третья женщина, все еще поигрывающая сережкой-ракушкой, прижала палец к губам. — Тише. Я почти… ага. Вот. — Она опустила руки на колени и откинулась назад. — Настроила, все записывается.

— Хорошо, — кивнула женщина с красными лентами.

Она поправила волосы, как будто случайно коснувшись мочки уха. Спустя мгновение ее соседка сделала то же самое.

— Да, — кивнула обладательница красных лент, — Чисто и четко. И весь этот шум тоже, потрясающе.

Та, что с косами, заявила:

— Кстати, о шуме, что-то мы затихли. Мы же изображаем дешевых потаскушек, которые накачиваются даровой водкой. Пора смеяться.

* * *

Ленин кинул взгляд на соседний стол, за которым три женщины снова громко расхохотались.

— Кажется, они всерьез принялись за нашу бутылку, — заметил он. — Если тебе хочется еще, поторопись, пока дамочки ее не прикончили.

— Да на здоровье, — отозвался Джек. Он посмотрел на свой стакан и скорчил гримасу. — У этой треклятой водки вкус, как у

конского пота. И как только русские ее пьют?

— Привычка.

— Да-а уж, тебе проще, чем мне. Душу заложил бы за глоток старого доброго Джона Ячменное Зерно.[54]

— Можно достать и его, — пожал плечами Ленин. — Хотя, вероятно, не в таком месте, как это. Все, что произведено не в России, здесь стоит очень дорого из-за непомерных налогов на импортируемые товары. Еще одно благодеяние нашей драгоценной чиновничьей бюрократии.

— И не говори, — подхватил Джек. — Являешься сюда добыть немного золотишка, сделать что-то для себя, вместо того чтобы, как всегда, гнуть спину на чужих. И обнаруживаешь, что иностранцы обязаны получать специальные разрешения на старательство и даже просто на передвижение по территории, а их не раздобудешь, не заплатив стае жуликов-крючкотворов, обосновавшихся за правительственными конторками. Так что я решил — ну и черт с ними.

— И тебя сцапали.

— Угу. Чуть не бросили в тюрьму, но к тому времени я успел наткнуться на богатую жилу, так что у меня нашлось, чем подмазать казака-офицера. И вот я здесь, снова гну горб и рву зад, причем далеко-далеко от дома. Говорю тебе, Владимир, — продолжил он, — если тебе нужен кто-то, чтобы разнести в клочья горстку жадных сукиных сынов, которые тут всем заправляют, то тебе нужен я, и я не возьму за это ни цента.

Он провел ладонью по лицу и вздохнул:

— А вместо этого я собираюсь вышибить днище германского военного корабля и уничтожить людей, которые не сделали мне ничего плохого, и все ради великой революции рабочих. Так как же насчет платы?

* * *

Три женщины переглянулись. Та, что с красными лентами, сказала:

— Нет. — И зажмурилась. — Нет.

— Значит, это правда. — Женщина с сережками-ракушками покачала головой. — Невероятно.

— Смотрите. — Та, что с косами, расплылась в широкой глупой улыбке. — Ленин уже нервничает — глядите, он снова озирается. Ведите себя как пьяные, пейте, черт побери.

— Легко. — Женщина с красными лентами в волосах потянулась к бутылке с водкой. — После того, что я услышала,

мне просто необходимо выпить.

* * *

— Фактически, — сказал Ленин, — ты делаешь это ради денег на билет до своей страны. Не то чтобы я ставил под сомнение твои социалистические убеждения, но сейчас ты бы взорвал родную мать…

Рука Джека метнулась через стол, и его пальцы крепко стиснули плечо Ленина.

— Никогда не говори со мной о моей матери, — процедил он сквозь зубы. — Понятно?

Ленин словно оцепенел. Он побледнел, и морщины в уголках его рта, стали глубже.

— Да, извини.

— Ладно, ладно. — Джек убрал руку и глотнул из стакана. — Просто думай, что говоришь.

Ленин потер плечо. Помолчав секунду, он сказал:

— Полегче с водкой. Сегодня ночью тебе понадобятся ясная голова и твердая рука.

Джек издал короткий хриплый смешок:

— Можешь не беспокоиться. Даже я не настолько глуп, чтобы закладывать за воротник перед тем, как браться за динамит. Сделай я ошибку — и дождик из Джека Лондона будет лить с небес неделю. Вперемежку с останками парочки гребцов-алеутов, ведь никто не станет разбираться, где чьи клочки.

Он снова сделал глоток, на этот раз поменьше.

— Не такая уж это сложная задача, — добавил Джек. — Действительно, ничего особенного. Подойти к «Бранденбургу», остановиться у борта чуть впереди кормовой турели, чтобы оказаться возле порохового хранилища. Взвести мину, установить таймер — самая тонкая часть работы, но твой приятель Иосиф свое дело знает — и прижать эту штуковину к корпусу судна, пока магниты не схватятся, да следить, чтобы ничего не лязгнуло и не клацнуло. Затем взять рогатину и передвинуть мину так, чтобы она оказалась ниже ватерлинии, под поясом брони, а потом велеть ребятам сматываться. Черт, да с этим любой бы справился.

Он криво усмехнулся:

— Я тебе нужен в общем-то только для того, чтобы не ошибиться кораблем. Эти алеуты — лучшие в мире гребцы, но они не отличат «Бранденбург» от «Нового Орлеана».

* * *

Женщина с косами сказала:

— Знаете, я никогда в это не верила. По правде, я не раз пускалась в жаркие споры и говорила, что это по меньшей мере смешно.

Та, что с сережками-ракушками, заметила:

— Что ж, не ты одна. Все соглашаются с тем, что участие Джека Лондона в деле «Бранденбурга» — всего лишь легенда, которую распространяет горстка чокнутых ревизионистов. Не знаю ни одного мало-мальски грамотного ученого, который относился бы к этому серьезно.

Она хихикнула:

— Ох, какая буча поднимется в определенных кругах, когда мы вернемся! Я просто жду не дождусь.

* * *

— Не совсем так, — произнес Ленин. — Ты мне нужен не только для этого. Я хочу быть уверенным, что наши наемники-аборигены не передумают и не разбегутся по домам с полученными вперед денежками. Если они уже этого не сделали.

— О, они так не поступят, — отозвался Джек, — они ведь думают, что мы взорвем русский корабль.

Брови Ленина взлетели на лоб.

— Ты им это сказал?

— Черт, должен же я был сказать им хоть что-то. Не сомневайся, они придут. С их-то ненавистью к русским они ни за что не упустят такого шанса. Господи! — воскликнул Джек. — Я знаю, мы в Штатах скверно обошлись с индейцами, но по сравнению с тем, что твои люди сделали с этими беднягами…

— О да. Эксплуатация коренного населения, здесь и в Азии, является одним из худших преступлений царского правительства.

— Ага, ну, в общем, как я и сказал, ребята сделают свою работу, а я — свою. Беспокоиться не о чем.

* * *

— Эй, — заметила женщина с косами. — Полегче с этой отравой. Тебя затошнит.

— Меня уже тошнит, — ответила женщина с красными лентами. — Когда я думаю об этом, когда сижу тут, слушая их беседу, когда знаю, чт***о*** вскоре произойдет, меня тошнит, как никогда в жизни. А тебя?

* * *

— Короче, — сказал Джек, — я могу гарантировать, что все будет в точности так, как ты хочешь. Я потоплю для тебя корабль, но если это не приведет к войне, даже не думай требовать у меня назад деньги.

Губы Ленина тронула улыбка.

— Как раз это, — заявил он, — возможно, наивернейшая часть всего дела. Уж поверь, нет ничего более предсказуемого, чем реакция кайзера на потопление в русском порту одного из его самых ценных военных судов.

— Правда? Я не слишком хорошо разбираюсь в подобных вещах, — признался Джек. — Иностранные правители и все такое, надо бы почитать… хотя я представляю, что это может свести его с ума. Но неужели он свихнется настолько, чтобы начать войну?..

— Вильгельм[55] будет в ярости, — заверил собеседника Ленин. — Но в душе, я уверен, он почувствует облегчение. По крайней мере, он получит повод к войне, которую так давно хотел развязать.

Джек нахмурился:

— Он псих?

— Нет, он не безумец. Кайзер просто слабый человек, калека и, судя по слухам, гомосексуалист, который решил доказать свою мужественность, сыграв великого воина.

— Ага. — Джек медленно закивал. — Пассивный гомик, пытающийся затеять драку, чтобы убедить всех, что он не пассивный и не гомик. Да, знавал я такую породу. Навидался их вдоволь.

— Пусть так. Вильгельм ищет возможности посражаться с тех пор, как взошел на престол. И поскольку до сих пор никто не помог ему осуществить это желание, он сам вынужден будет выступить в роли зачинщика.

Ленин кивнул в сторону германских матросов, которые весьма нестройным хором выводили «Ach, Du Lieber Augustin».[56]

— Возьмем, к примеру, этот маленький «круиз доброй воли», — сказал он. — Посещения различных портов на боевом корабле *Hochseeflotte*.[57] Это же не что иное, как грубая демонстрация силы, дабы произвести впечатление на мир.

— Показывает всем, кто здесь хозяин?

— Точно. И таким образом уничтожение судна потребует ответной реакции на брошенный вызов.

— Гм. Ладно, ты знаешь об этом больше меня. — Джек пожал плечами. — И все-таки странно: разжигать войну в надежде, что твоя собственная страна попадет в ее жернова.

— Мне это не нравится, — ответил Ленин. — В конце концов, я русский, и мне очень нелегко. Но лучшей почвы для революции, чем глобальное поражение в военном конфликте, не придумаешь. Посмотри на Францию.

— Но коммунары проиграли, не так ли?

— Так. Они совершили много ошибок, на которых мы научились.

* * *

— Он как будто говорит о яичнице, — сквозь зубы процедила женщина с красными лентами. — Нет, я сейчас пойду туда и размозжу ему башку этой бутылкой. К черту задание, к черту невмешательство, к черту временной парадокс. Мне плевать. Я его убью.

* * *

Джек сказал:

— Знаешь, вот будет забавно, если Россия победит. Ты окажешься в дураках.

— На это мало шансов. Русская армия — посмешище, она годится лишь на то, чтобы сдерживать татар да иногда устраивать погромы в еврейских местечках. Офицеры по большей части — некомпетентные фигляры, получившие звания благодаря семейным связям, а не собственным способностям. С другой стороны, германские вооруженные силы почти столь же хороши, как они сами о себе думают.

— Но Россия большая страна.

— Да. Слишком большая страна, которую не так-то просто защищать. Германское вторжение с запада, атака японцев на востоке — это будет уже чересчур. Вот увидишь.

— Ты чертовски уверен, что япошки ввяжутся в грязное дело.

— Товарищ Лондон, — мягко проговорил Ленин, — как вы думаете, откуда мы берем средства? Кто платит за то, что свершится сегодня ночью?

* * *

Три женщины обменялись взглядами.

— А вот это, — сказала та, что с косами, после минутного

молчания, — поставит на уши абсолютно всех.

* * *

— Нас финансируют япошки? — недоверчиво переспросил Джек. — Ради бога, почему?

— У них есть территориальные интересы в Азии. Россия им в этом препятствует. А война в Европе создаст благоприятные возможности.

— Проклятие, — буркнул Джек с несчастным видом, — Вот уж не знаю, нравится ли мне эта часть предприятия. Работать на узкоглазых, против белых… Ладно, ладно, — торопливо произнес он, увидев выражение лица Ленина. — Я не сказал, что не буду ничего делать. Я хочу только вернуться домой. И мне плевать, даже если придется работать на самого дьявола.

Он взглянул на Ленина поверх своего стакана:

— Если я уже не работаю…

* * *

— О господи, — вздохнула женщина с косами. — Как это ни прискорбно, кажется, в нем весьма сильны расовые предрассудки, а?

— Как и в Эрнесте Хемингуэе. — Женщина с красными лентами в волосах не отрывала глаз от бутылки. — Сдается мне, нам придется оттаскивать тебя от него за уши.

* * *

— Интересный вопрос, — начал Ленин, — на самом деле вот какой: включатся ли в войну другие европейские страны? Франция может решить, что это подходящий случай свести старые счеты с Германией. А остальные — кто знает? Не исключено, что это обернется глобальным конфликтом, какого не было со времен Наполеона.

— Ну и что? Главное, чтобы наши Соединенные Штаты не втянулись, — хмыкнул Джек. — А этого не случится. У нас только-только появилась армия, и она слишком занята индейцами. Если конфедераты не спятят окончательно, они в эту заваруху не ввяжутся.

— Если война распространится — что ж, тем лучше, —

заявил Ленин. — Потому что с ней распространится и революция.

Он вытащил из кармана тяжелые серебряные часы на цепочке и открыл их, щелкнув крышкой:

— А теперь, думаю, нам пора идти. Осталось еще несколько часов, но у нас обоих есть дела, не так ли?

Он начал было подниматься из-за стола, но Джек остановил его:

— Подожди. Надо обсудить еще одну деталь.

Ленин снова опустился на лавку.

— Видишь ли, я тут подумал кое о чем, — начал Джек. — Предположим, кто-то нанял кого-то, чтобы тот сделал что-то противозаконное. Допустим, этот наниматель из породы осторожных и хочет быть уверенным в том, что второй ублюдок не станет после болтать направо и налево. Вдруг его сцапает полиция и выбьет из него правду или он напьется и не сумеет держать язык за зубами. Я имею в виду, никогда ведь не знаешь наверняка, точно?

Слова Джека звучали легкомысленно, лицо его светилось простодушием: словно он интересовался, где здесь поблизости можно перекусить.

— Но когда речь идет о бомбе, — продолжил он, — есть только один верный способ сделать так, чтобы человек никогда не раскрыл рта, верно? К тому же у этого способа имеется дополнительный маленький плюсик — человеку уже не придется платить. Нет, — быстро добавил он, — я ни на что не намекаю. Я вовсе не думаю, что ты замыслил нечто подобное. Это было бы нехорошо по отношению к старому товарищу по революции.

Он подался вперед, глядя Ленину прямо в глаза:

— Но просто на всякий случай, если я вдруг ошибаюсь, возможно, тебе любопытно будет узнать, что я тут кое-что написал и оставил бумаги в надежных руках, и если я не заберу их сегодня ночью, то завтра утром найдутся люди, которые прочтут мои заметки с глубоким интересом.

Ленин не шелохнулся и не отвел взгляда. Секунд пять протянулись в молчании. Затем он громко расхохотался:

— *Nu, molodyets!* — Он хлопнул ладонью по столу. — Поздравляю, товарищ Лондон. Наконец-то вы научились думать как русский.

— Кажется, они уходят, — заметила женщина с косами. — Мы пойдем за ними или…

Женщина с красными лентами выпалила:

— Я этого не вынесу!

Внезапно она вскочила, метнулась к соседнему столу, оттолкнула Ленина и, схватив Джека за руки, прижала его к

стене.

— Послушай, — заговорила она торопливо, взволнованно, но ласково, тщательно подбирая слова, — послушай, ты не должен этого делать. Ты развяжешь самую ужасную войну в истории своего мира. Миллионы людей погибнут, она не принесет ничего, кроме страданий и разрушений. Послушай, — возбужденно повторила она, — у тебя великий талант…

Джек смотрел на нее сверху вниз, приоткрыв рот, а голос женщины становился все громче.

— Проклятие! — рявкнул он наконец. — Владимир, ты когда-нибудь слышал что-то подобное? Прости, милашка. — Он отвел от себя ее руки решительно, но не грубо. — Моя не говорить на тлингит,[58] или как его там.

Он ухмыльнулся и шлепнул ее пониже спины:

— Ну-ка, крошка, теперь беги. У больших белых братьев куча дел. — Затем обратился к Ленину: — Дай ей пару копеек, иначе она потрусит за мной, как щенок-дворняга. И сматываемся отсюда к черту.

* * *

Женщина с красными лентами воскликнула:

— Но я слышала, что говорила по-английски!

Они медленно взбирались по склону холма, возвышающегося над Ново-Архангельском. Уже стемнело, но звезды светили достаточно ярко, да и туман так высоко не поднимался.

Идущая впереди женщина с сережками-ракушками сказала, не оборачиваясь:

— Так уж это работает. Не спрашивай меня почему. Какой-то каприз управляющей программы.

— Это же всем известно, — вставила третья женщина. — Только не говори, что забыла такую элементарную вещь. Впрочем, учитывая, сколько ты выпила, удивительно, что ты еще помнишь, где находишься… Ты же не принимала антиинтоксикантов, да?

— У меня от них все тело чешется.

— Боги! — Женщина с косами беспомощно всплеснула руками. — Ты опасный человек, ты это знаешь? В один прекрасный день мы перестанем покрывать тебя.

— Нет, не перестанем, — сказала женщина с сережками. — Мы покроем ее на этот раз, конечно, придется подчистить запись, но я справлюсь, и будем продолжать покрывать и впредь. И сделаем это по той же причине, по которой она покрывала нас, когда мы были в растерянности или просто плевали на все. По

той же причине, по которой все покрывают своих напарников. Потому что, когда ты погружаешься в сплетение временных линий, тебе не на кого больше положиться, и потому что, когда ты возвращаешься домой, там никто другой не поймет, на что такое путешествие похоже на самом деле.

Она остановилась.

— Секундочку. Тут трудный участок.

Женщина вытащила из кармана темные очки странной формы и надела их.

— Вот так. Держитесь за мной. Уже недалеко.

* * *

Когда Джек спустился на пляж, алеуты уже ждали его, укрывшись в тени зарослей кедровника.

— *Zdras'tye*, — сказал один, шагнув навстречу с поднятой рукой. — Мы готовы. Отправляемся сейчас?

— Da. Сейчас. — Русский, который Джек выучил на золотых приисках, был еще хуже, чем их пиджин.[59] — *Э-э, gdye baidarka?*

— *Von tam.* — Человек махнул рукой, и теперь Джек увидел длинный черный силуэт на берегу.

— *Harasho.*

Джек направился к воде, жестом приказав мужчинам следовать за ним. Влажный песок поскрипывал под его сапогами. Гребцы передвигались совершенно бесшумно.

Вместе они подняли большой, вмещающий троих морской каяк и опустили его на волны. Джек осторожно снял тяжелый заплечный мешок, а двое алеутов начали отряхивать одежду и обувь, тщательно избавляясь от песка, который мог повредить обтягивающую каркас лодки тюленью шкуру.

Один из них радостно спросил:

— Мы плывем убивать русских, *da*?

— О да, — ответил Джек по-английски. — Куда больше, чем ты думаешь, бедный невежественный ублюдок. Куда больше, чем ты можешь себе представить. И ты никогда не узнаешь сколько.

* * *

— Извините, — заговорила женщина с красными лентами в волосах. — Я приняла все это слишком близко к сердцу — извините. — Она повернула голову, чтобы взглянуть на своих спутниц. — Просто… какая глупая, ужасная, никому не нужная

потеря!

Они уже сидели высоко на холме, на стволе поваленного дерева, вглядываясь в темную, укрытую туманом гавань. Шел последний час перед полуночью.

Женщина с морскими ракушками в ушах сказала:

— Да, это была чудовищная война. Одна из худших во всех линиях…

— Нет. Ну, то есть и это тоже, но я говорила о нем. О Джеке Лондоне. Ты же знаешь, что с ним случится потом. Он погубит себя пьянством, а потом, всего через пять лет, застрелится и никогда уже не напишет ничего, равного по силе его лучшим работам в других линиях. И теперь мы знаем почему, так?

— Вина? Да, — согласилась женщина с сережками-ракушками. — Возможно. Но таков ход событий. Он сделает это так же, как потопит «Бранденбург» сегодня ночью, потому что он уже совершил все это, и ты ничего не можешь изменить.

Она подняла руку и погладила по голове подругу с красными лентами:

— Это-то и потрясло тебя, да? Неизбежность. Такое случается со всеми нами. Вот почему мы быстро сгораем.

В разговор вступила женщина с косами:

— Сколько временных линий мы уже проследили?

— Не знаю. — Женщина с сережками-ракушками пожала плечами. — Кажется, больше сотни.

— И пока нет ни одной, где этого не произошло бы. Так или иначе, кровавая мировая война всегда вспыхивает из-за какой-нибудь глупости. А ты мне говоришь о неизбежности.

— Все это я знаю, — кивнула женщина с красными лентами, — Но мне в первый раз приходится наблюдать за началом. Да еще к тому же из-за этого погибнет тот, кто мне не безразличен.

Она обняла за талию сидящую рядом женщину и положила голову ей на плечо; морские ракушки в ушах подруги тихонько звякнули.

— Сколько еще? — спросила она.

— Уже недолго. Теперь — в любую секунду.

Они смотрели в темноту, ожидая, когда над морем поднимется столб пламени, который отметит конец еще одного мира.

Дэниэл Абрахам
Плач Левиафана

Начинающий писатель Дэниэл Абрахам проживает вместе с женой в Альбукерке, штат Нью-Мексико, где работает директором службы техподдержки местного провайдера Интернет-услуг. Он публиковался в «Asimov's Science Fiction», «Sci fiction», «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», «Realms of Fantasy», «The Infinite Matrix», «Vanishing Acts», «The Silver Web», «Bones of the World», «The Dark», «Wild Cards», и во множестве других:. Никогда ничего не делая только наполовину, он уже продал первые три своих романа, составляющих фэнтези-трилогию, которая выйдет в ближайшее время.

В мрачной повести, опубликованной ниже, он доказывает, что все мы и в самом деле соединены на каком-то уровне… и что это, может быть, не слишком хорошо.

* * *

— Основательная толпа, — сказал Пауль из Парижа.

— Дела плохи, — ответил Ренц, обводя аудиторию взглядом, чтобы Пауль смог получше рассмотреть собравшихся. — Люди напуганы.

Когда Ренц еще только учился пользоваться линком — и для него началось то, что Анна называет «жизнью в многооконном режиме», — ему хотелось, чтобы окошки отображения показывали ему лица людей его группы, а не вид из их глаз; так можно было бы чувствовать, что разговариваешь с ними напрямую. У него ушли месяцы на то, чтобы привыкнуть к голосам тех, кого не видел, и к маленьким экранчикам в поле зрения, показывающим то, что видят они. Но сейчас это даже придавало их общению некоторую интимность — все они словно стали частью его самого. Пауль, Маркес, Паасикиви и Торн.

Зал был переполнен, агенты ОАТК — Объединенного Антитеррористического Командования — занимали практически все места, и к ним подключались еще так много людей, что из-за перегрузки сети связь стала неустойчивой. От жары и запахов, исходивших от человеческих тел, воздух словно загустел.

Из членов ячейки Ренца физически присутствовал только

Маркес, нервно барабанивший пальцами по подлокотнику. Пауль, Паасикиви и Торн подключались из других мест. Пауль валялся на старой кушетке в своих апартаментах, и все остальные могли видеть грязные занавески и бело-голубое парижское небо. Паасикиви и Торн сидели напротив друг друга в денверском кафе, поэтому каждого из них — маленького и смуглого, как араба, Торна и Паасикиви, с ее едва тронутыми сединой, коротко подстриженными волосами, — можно было видеть через глаза другого. Ренц задумался: сколько еще остальные члены отряда смогут притворяться, будто им неизвестно, что эти двое — любовники? Потом он сдвинул все окошки к краю поля зрения, чтобы не отвлекаться от человека, вышедшего на трибуну.

— Ренц, я слышала, Анна снова в больнице? — произнесла Паасикиви. В ее голосе прозвучал вопрос.

— Обычная профилактика, — ответил Ренц. — С ней все в порядке.

Человек на трибуне склонил голову, произнес что-то по личной связи и подошел к краю подиума. Торн в Денвере слишком усердно помешивал свой кофе, громко звякая ложечкой, как обычно делал, когда чувствовал себя неуютно. Ренц уменьшил громкость звуков, поступающих с линка.

— Добрый день, — произнес докладчик. — Я рад приветствовать вас здесь. Хотелось бы мне, чтобы столько же народу собиралось на плановых встречах.

По рядам прокатилась волна нервного смеха. Ренц понял, что, сам того не желая, смеется вместе с остальными. И осекся.

— Если кто не знает, меня зовут Алан Эндрюс. Я военный советник научного подразделения Глобального Совета Безопасности. Можете считать меня переводчиком для ребят из башни слоновой кости.

— Вам не кажется, что этот мелкий свинолюб ведет себя так, словно снисходит до нас? — сказал Пауль.

— Уверен, что все вы наслышаны о происходящих аномалиях, — произнес Эндрюс. — Девочки, с которыми столкнулась ОГ-сорок семь, встреча ОГ-восемьдесят со старухой из Бали, разрушение ключевой базы данных ОАТК. Меня прислали растолковать вам, что на сей счет думают теоретики.

— Да, Пауль, — пробормотал Маркес. — Но уверен ли ты насчет свиней? Мне кажется, такие, как он, должны предпочитать шимпанзе.

— Не могли бы вы заткнуться? — сказал Ренц. — Я хочу послушать.

— Во-первых, я должен констатировать, — произнес докладчик, успокаивающе поднимая руки ладонями к залу, — что

эти случаи не связаны напрямую ни между с собой, ни с какой-либо известной террористической сетью. Нам всем понятно, что что-то происходит, но это не чей-то заговор. Это нечто иное. — Человек опустил руки. — Таковы хорошие вести. Плохие же заключаются в том, что, возможно, все гораздо хуже.

* * *

Если оглянуться назад, то первая аномалия оказалась столь незначительной, что Ренц мог и не заметить ее. Он услышал серию тихих звуков в тот миг, когда его мысли пребывали в тысяче других мест. Услышал и забыл до поры до времени.

Они находились тогда в ничем не примечательном городе — Зона иранских интересов густо усеяна подобными местечками. Бетонные жилые дома и полуразрушенные мечети мешались с унылыми, блочными рядами магазинчиков западного образца. Асфальт дорог был пережеван танковыми гусеницами лет десять назад и с тех пор не ремонтировался. Но разведка докладывала, что офисное здание посреди разрушенного центрального района до сих пор поддерживает работу сетевых серверов для Аль-Накбы.

Сорок седьмая организационная группа — Ренц, Маркес, Пауль, Торн и Паасикиви — дожидалась в старом фургоне, припаркованном на обочине. Торн и Пауль — единственные в отряде, кто мог сойти за местных, — разместились на передних сиденьях, слушали радио и дымили сигаретами. Паасикиви и Маркес расположились в недрах машины, используя контейнер для электромагнитного импульсного разрядника в качестве шахматного столика. Ренц вел наблюдение через крошечное тонированное заднее окошко. Ожидание всегда было самой сложной частью дела.

Операцию спланировали в небольшой сети: такие же ячейки, как и ОГ-47, свободно подключались к пятидесяти или даже к сотне идентичных структур по всему миру, что позволяло им действовать органично, в соответствии с обстоятельствами, но без обращения к центральному управлению.

Это давало им, как предполагал Ренц, определенную гибкость, которая требовалась в сетевых войнах. Но результатом становились серьезные временные погрешности. Приказ мог поступить в ближайшие тридцать секунд; а может, придется ждать час. Существовала вероятность, что более выгодным будет оставить цель в покое. Тогда они уберутся без шума, и никто никогда не узнает, что они здесь были.

Паасикиви вздохнула, опрокинула своего короля, упавшего с

деревянным стуком, и пошла в переднюю часть фургона, оставив смеющегося Маркеса убирать фигурки.

— Ты думаешь об Анне, — произнес Маркес.

Ренц взглянул, покачал головой в ответ и снова отвернулся к окну.

— Нет, накручиваю себя перед заданием.

— Тогда лучше подумай об Анне. Мы ничего пока не можем сделать для задания.

— А я ничего не могу сделать и для Анны.

— Собираешься побыть с ней, когда закончим?

— Ага, — ответил Ренц.

— Обещаешь?

Подобные вопросы Ренц никому, кроме Маркеса, не спустил бы с рук. Он наклонился, разглядывая залитую солнцем улицу.

— Обещаю.

Снова вспыхнуло окошко внешней связи. Появившийся в нем блондин выглядел измотанным, как авиадиспетчер в конце смены. Впрочем, Ренц предполагал, что его работа не намного легче.

— ОГ-сорок семь, вызывает КГ-шестьдесят. Начинайте приближаться к объекту. Выход на цель через пятнадцать минут.

— Принято, — ответила за всех Паасикиви.

Пауль бросил еще дымящуюся сигарету на тротуар и завел фургон. Ренц не изменил своего положения в задней части фургона, но, глядя на уплывающую вдаль улицу, почувствовал, как внутри зарождается знакомая адреналиновая буря.

Операция состояла из четырех этапов: проникновение, разведка, исполнение и отход. Или, если говорить проще, надо влезть внутрь, осмотреться, сделать дело и свалить. Они уже все отрепетировали, и каждый знал, что ему делать.

Две минуты спустя фургон свернул за угол и съехал на пандус подземной парковки. Охранник перед воротами хмуро посмотрел на Пауля и пролаял что-то, явно не на арабском — язык напоминал армянский. Пауль ответил на фарси, стараясь говорить устало и властно. Охранник махнул: «Проезжай!» Ренц увидел, что он отворачивается от фургона.

— Двенадцать минут до цели, — сказала Паасикиви.

Пауль проехал мимо лестницы, ведущей в глубины здания, объехал шлакобетонный угол и припарковался поперек сразу трех стояночных мест. Первый этап завершен — они внутри. Не говоря ни слова, Пауль и Маркес вылезли, зашли за угол и зашагали по паркингу, возвращаясь тем же путем, которым прибыли.

— Пауль, у тебя что-то на десять часов.

Вид в окошке Пауля сдвинулся. Рядом с белой «тойотой»

женщина в бирке бранила жилистого мужчину. Тот, не обращая на нее внимания, шел к лестнице.

— Гражданские, — прошептал Пауль едва слышно. Даже линк еле уловил его голос.

— Уверен? — спросила Паасикиви.

— Конечно же нет, — ответил он.

— Девять минут, — произнес Торн.

То, что слова прозвучали одновременно в фургоне и через линк, породило иллюзию эха и придало им роковое, угрожающее значение, которого они явно не заслуживали. Почувствовав, как Торн хлопнул его по плечу, Ренц сместился назад и, продолжая наблюдать за Паулем и Маркесом, опустил ладони на одну из ручек ящика, но пока не взялся за нее.

В окошке Маркеса появились надпись арабской вязью, пропитанный мазутом бетон, несколько машин. Более половины ламп не горело.

— Похоже, здесь все в порядке, — произнес Маркес.

Хмурый охранник в окошке Пауля оглянулся назад. Ренц увидел, как рука Пауля вскидывается в приветствии.

— Пойду заболтаю этого ублюдка, отвлеку его внимание, — сказал Пауль. — Если не считать охранника, думаю, все чисто.

Второй этап завершился. Паасикиви пробралась вперед, на водительское кресло. Ренц с Торном переглянулись. Торн кивнул, и Ренц, наклонившись вперед, распахнул заднюю дверь.

— Порядок, — сказал Торн, — Мы с Ренцом выходим. Увидите, что кто-то собрался нас грохнуть, не забудьте сказать.

Голос напарника показался Ренцу скучающим. До стены было несколько шагов, но разрядник оказался тяжелым. Руки Ренца заныли от тяжести. Они установили металлическую коробку у шлакоблочной стены, и Торн приступил к удалению защитных пломб сначала с нижней части разрядника, а потом со стороны металлического ящика, обращенной к стене. Ренц отошел в сторону и проверил время. Оставалось шесть минут.

Раздалось пять тихих, почти одинаковых звуков, последовавших один за другим через равные, очень короткие промежутки: охранник, разговаривавший с Паулем, распечатал пачку сигарет; в фургоне щелкнуло радио, когда Паасикиви вставила ключ в зажигание; с шипением отошли защитные пломбы у Торна; кучка гравия скрипнула под пяткой Ренца; что-то напоминающее кашель донеслось из глубин гаража за спиной Маркеса. Каждый звук словно подхватывал предыдущий. Незначительное мелодичное совпадение, в котором не было ничего необычного, но… Ренц отметил произошедшее для себя, но тут же отвлекся на другое.

— Здесь кто-то есть, — сказал Маркес, и Ренц заметил движение в его окошке. Кто-то крался позади машины. — Думаю, у нас могут возникнуть проблемы.

Далее все происходило практически одновременно, члены группы действовали импровизированно, но с великолепной гармонией сработавшейся команды, так, будто подчинялись единому разуму. Ренц выхватил оружие и шагнул вперед, готовясь открыть огонь на поражение. Пауль дважды выстрелил охраннику в грудь, а потом один раз в голову. Паасикиви завела фургон. Маркес, увидев приближение Ренца, тихо двинулся обратно, продолжая отслеживать движение в темноте.

Уже через несколько секунд Ренц завернул за угол и увидел Маркеса, стоящего в пятнадцати или двадцати футах впереди с пистолетом в руках. Позади них, за углом, где они не смогли бы видеть без линка, Торн открыл двери фургона и ждал их, а Паасикиви смотрела на выезд с паркинга. Там Пауль оттаскивал тело охранника с дороги.

Слева от Маркеса что-то переместилось. Ренц шагнул в сторону и выстрелил, а его напарник отпрыгнул за угол. Увидев собственную спину в окошке Маркеса, а самого Маркеса — в окошке Торна, изготовившимся к стрельбе, Ренц развернулся и побежал, открывая Маркесу обзор. Посторонний слушатель не смог бы понять, когда один из них прекратил стрелять и начал стрелять второй.

На внешнем канале блондин из КГ-60 сказал, что ОГ-47 провалилась, а Паасикиви закричала ему, что они справились. Разрядник установлен. Они отходят.

Когда Ренц добрался до фургона, Маркес вскочил, развернулся и побежал к ним, его лицо было искажено гримасой то ли напряжения, то ли ликования, сверкали белые кривые зубы. Ренц и Торн стояли в фургоне, нацелив пистолеты на угол и готовясь пристрелить любого, кто покажется оттуда.

— Хорошо, — произнес Пауль, когда Маркес оказался в относительной безопасности рядом с группой. — Может, теперь подберете меня?

Фургон сорвался с места и завизжал покрышками на повороте. Когда машина показалась в окошке Пауля, тот вырисовался силуэтом на фоне ярко освещенной улицы у Паасикиви.

— Пауль! Лестница! — крикнул Ренц раньше, чем сам осознал, что что-то заметил.

В окошке Паасикиви было видно, как кто-то выходит из здания. Ренц увидел, как Пауль застрелил девочку — пяти лет? шести?

Время замедлило свой ход. «Если нас раскрыли, — подумал Ренц, — девочка могла оказаться „марионеткой“ — живой бомбой». На парковке не хватало места, чтобы увернуться от столкновения с ней. Если она взорвется, все погибнут. Во рту появился металлический привкус страха.

Он услышал, как резко выдохнул Торн, когда фургон пронесся мимо лестницы. Мертвая девчонка не взорвалась. «Пустышка».

— Боже, — произнес Маркес, и в его голосе прозвучало облегчение. — О боже милостивый.

Паасикиви остановила машину менее чем на секунду, и Пауль запрыгнул на пассажирское сиденье. Когда фургон выехал с парковки на свет улицы, Ренц захлопнул и запер задние двери.

Они успели проехать полмили, когда поступил сигнал пуска и сработал разрядник. В висках Ренца кольнуло как при головной боли, и на полсекунды отключился линк, оставив дезориентирующее ощущение того, что он снова одинок в своей голове. Словно очнулся от сна. А потом окошки вернулись, показывая незначительно отличающиеся виды сквозь лобовое стекло, в то время как сам Ренц смотрел назад, на столб белого дыма, поднимающегося в оставленном ими городе.

* * *

К тому времени, как они вернулись на базу в Гамбурге, новости появились на всех основных сайтах. По приказу Глобального Совета Безопасности войска ОАТК организовали синхронное нападение на сеть Аль-Накбы, целью которого было уничтожение трех станций переработки опиума, двух военных складов и тренировочного лагеря. Получила серьезные повреждения система коммуникаций и вещания Аль-Накбы.

Оппозиционные сайты добавляли, что зажигательные бомбы упали также на здание детского сада, размещавшегося неподалеку от военного склада, а тренировочный лагерь был всего лишь гуманитарным медицинским центром. Погибли восемнадцать невинных людей, включая десятерых детей из детского сада и двух воспитателей.

Также во время второстепенного нападения в Зоне иранских интересов была застрелена девочка. Ее звали Самара Хамзе. Ренц видел ее фотографию на новостных сайтах — черные волосы до плеч, обрамлявшие шею, темные, незрячие глаза и кожа, достаточно светлая, чтобы девочка могла без проблем пройти по самым расистским районам Европы, будь у нее такая

возможность. Или желание.

К тому времени, как они высадили Пауля в Париже и купили билеты на трансатлантический транспорт, новостной цикл сменился и про девочку-«пустышку» было забыто.

Ренц не ожидал когда-либо увидеть ее снова.

* * *

— Таковы хорошие новости. Плохие же заключаются в том, что, возможно, все еще хуже, — сказал человек на трибуне. — Может быть, сейчас вам покажется, что я несколько ухожу от темы, но, прежде чем закончить, нам придется пройти по довольно странной территории, так что я думаю, вы простите меня. Задайте себе такой вопрос: «Почему мы все не стали гениальными нейрохимиками?» Я не имею в виду нежелание поступать в медицинский колледж — для того найдется множество причин. Я хочу сказать, не кажется ли вам, что если вы способны что-то делать, то должны иметь и знания об этом? Аарон Ка демонстрировал великолепный футбол потому, что знал о футболе очень многое.

Каждый из нас постоянно заправляет неимоверным множеством нейрохимических обменов, но абсолютно не осознает этого. То есть, я хочу сказать, никто из нас не говорит: «Ой! Лучше присмотреть за этими кальциевыми каналами, а не то моя мозжечковая миндалина сгорит!» Мы просто делаем десять глубоких вдохов и пытаемся успокоиться. Клеточный уровень — это не то, что мы осознаем.

Можно посмотреть и с другой стороны. Наши нейроны беспокоятся о нас не больше, чем мы о них. Если бы вы могли спросить нейрон, почему он возбудился, или мышечную ткань, зачем она напряглась, они не ответят вам: «Потому, что настал мой черед!» или «Эта сука меня возбуждает!» Такие ответы даем мы. Если бы наши клетки и стали о чем-то говорить, то речь бы зашла об ионных каналах и зарядах на липидных мембранах. И на данном уровне — клеточном уровне — это стало бы великолепным объяснением.

Уровни не могут разговаривать друг с другом. Ваши нейроны ничего не знают о вас, а вы не задумываетесь о них. Или, чтобы домучить мысль, что возможно сверху, то возможно и снизу.

Ренц почувствовал, как Маркес заерзал на своем сиденье. Причиной тому не было нетерпение. Маркес хмурился, пристально глядя на сцену. Ренц коснулся его руки и вопросительно поднял бровь.

— Не нравится мне, куда он клонит, — сказал Маркес.

* * *

Когда Ренц вернулся с задания, Анна сидела за кухонным столом — дешевый слоистый пластик на обшарпанных хромированных ножках — и пролистывала очередную веб-страницу по своему заболеванию. Снаружи, за грязными окнами, свет уличных фонарей затмевал звезды. Ренц затворил дверь, подошел к жене и поцеловал ее в макушку. От нее пахло все тем же дешевым шампунем, которым она пользовалась с момента их знакомства. Неожиданное воспоминание о ее теле, когда Анна еще была молодой, сильной и еще не совсем его, пробудило в нем желание. Он смутился. А потом отвернулся и подошел к холодильнику взять газировки.

Анна отвернулась от монитора и пошевелилась. Движения ее были неуклюжими, дергаными. Лицо выглядело страдальческим и странно невыразительным. Ренц улыбнулся и поднял бутылку с газировкой. Она покачала головой — движению потребовалась секунда, чтобы начаться, и еще секунда на остановку.

— У Дугласа Гарпера тоже был паралич Хальма, — произнесла она.

— У серийного убийцы?

— Ага, — ответила она. — Вероятно, это уже старые новости. Все в группе поддержки об этом уже знали. Я все еще зеленый новичок по сравнению с ними. У него не было клинической выраженности. Диагноз не поставили, пока не казнили.

Ренц отодвинул свой стул и сел, положив ноги на кухонный стол. С усталым гулом включился кондиционер.

— Они полагают, что… я хочу сказать, его преступления как-то с этим связаны?

Анна рассмеялась. Широко раскрыв глаза, она сделала замах, словно заносила нож. Ренц тоже засмеялся, поразившись тому, что сделал это искренне.

— Они думают, что, прогрессируй его болезнь быстрее, некоторые из этих девочек могли бы выжить, — сказала она.

Ренц глотнул газировки. Она оказалась слишком сладкой и почти выдохшейся, зато была холодной. А ему иного и не требовалось. Анна уронила руки на стол.

— Я хотела приготовить для тебя ужин, — произнесла она. — Но… в общем, не приготовила.

— Не вопрос. Сообразу чего-нибудь сам, — сказал он и добавил: — Тяжелая неделя?

Анна вздохнула. Она стала просто тощей. Ренц смотрел на ее выступающие ключицы, туго обтянутые бледной кожей.

— Чувствую себя дерьмово из-за этих новых иммунодепрессантов. А в остальном… Очередная волнующая неделька телевизионных развлечений и мелких городских сплетен.

— И что, есть хорошие сплетни?

— Кто-то с кем-то трахается, хотя оба состоят в браке. В детали я не вникала. А у тебя? В новостных потоках все выглядит довольно неплохо.

Глаза Анны были такими голубыми и светлыми, что заставляли его вспоминать о льдинках, попавших в луч света. Ее глаза в их любви сыграли не меньшую роль, чем ее груди и вкус ее губ. Ренц подавил горечь прежде, чем Анна смогла это заметить.

— Мы убили ребенка. Но в остальном все действительно хорошо.

— Только одного? А говорят про то, что детский сад…

— Да, и это тоже. Я говорю, *мы* убили ребенка. Мои ребята.

Анна кивнула и неловко потянулась через стол. Кончики ее пальцев тронули его запястье. Он не поднял глаз, на которых выступили слезы. Он понимал, что они убили «пустышку».

— Значит, и у тебя неделя выдалась не слишком хорошей, да?

— Были неудачные моменты, — ответил Ренц.

— Ты слишком добрый для этой работы, — сказала она. — Тебе надо завязывать.

— Не могу, — произнес он.

— Почему нет?

Он ответил раньше, чем успел подумать. Правда вышла наружу внезапно, неожиданно. Как болезнь.

— Мы потеряем медицинскую страховку.

Ее пальцы отдернулись. Ренц смотрел, как они протащились по столу и сгибались в плоский, изувеченный кулак. Кондиционер создавал белый шум, который был ничем не хуже тишины. Ренц убрал ноги со стола.

— Я не могу ничего изменить, — сказал он.

— Зато я, мать твою, могу. — В ее голосе прозвучала боль, ударившая его крепче кулака.

— Знаешь, босс, что-то я не голоден, — сказал он. — Пошли спать. Мы можем съесть обильный завтрак по утру.

Как только она уснула — ее дыхание стало легким, глубоким и ровным, — он осторожно выбрался из кровати, оделся и вышел из дому, чтобы посидеть на бетонных ступеньках. На лужайке

росла только трава, а улица обезлюдела. Ренц провел пятерней по своим коротко подстриженным волосам и посмотрел на бледную, голубовато-белую луну в небе. Некоторое время спустя он включил линк, чтобы проверить — есть ли кто на связи.

И Паасикиви, и Торн отключились.

Линк Пауля оказался активен, но с отключенным видеопотоком. Пауль хранил молчание уже три с половиной часа — скорее всего, спал. Бодрствовал и оставался на связи только Маркес. Ренц решил посмотреть на мир с точки зрения Маркеса. Судя по всему, тот находился в баре. Ренц увеличил звук, и ему в уши ударила неприятная музыка в стиле кантри-поп.

— Привет, Маркес, — сказал он.

Изображение скакнуло, но быстро успокоилось.

— А! Ренц. Я вначале решил, что ты и в самом деле здесь. Это твоя улица?

Ренц оглядел пустую полосу асфальта, блочные дома и чахлые деревья. Лужайки, поросшие бизоньей травой, не нуждающейся в покосе. Его улица.

— Думаю, да, — сказал он, а потом повторил медленнее: — Думаю, да.

— Похоже, тут так же дерьмово, как и раньше.

— Жарче стало. И мошки больше.

Маркес рассмеялся. На самом деле Ренц был не совсем на крыльце своей халупы, в которой умирала Анна. И Маркес не был полностью в дешевом баре. Их соединял линк, создающий нереальное, интимное пространство и устранявший расстояние.

— Как там Анна? — спросил Маркес.

— С ней все в порядке. Я хочу сказать, ее иммунная система продолжает пожирать ее нервы, но во всем остальном…

— Звучит жестоко. Ты же не обвиняешь ее?

— Нет. Я сказал ей, что остаюсь, и пока так и будет. Просто меня уже тошнит от этого. От всего этого.

— Ага… ну извини. Тяжело, когда твоя баба болеет.

— Дело не только в этом. Меня тошнит от всего вокруг. И эта девчонка, которую мы убили. Мы же называем ее «пустышкой», словно она и не человек совсем. Из-за чего мы так?

— Из-за того, что у многих таких детишек есть мамочки, обвязывающие их чертовым динамитом. И ты это знаешь.

— Маркес, мы что, солдаты? Или, может быть, полицейские? Какого дьявола мы творим?

— Мы делаем то, что должно быть сделано. Не это тебя гложет, и ты сам это понимаешь.

Это было правдой, но Ренц пропустил слова Маркеса мимо ушей.

— Я занимаюсь этим уже слишком много лет, — произнес он. — И похоже, сгораю. Когда мы только начинали, каждая операция казалась приключением от начала и до конца. Понимаешь, в половине случаев я даже не знал, ради чего мы делаем то, что делаем. Просто знал, что надо. А теперь стал задумываться — зачем.

— Затем, что *они* делают это.

— А зачем они делают это?

— Из-за нас, — ответил Маркес, и Ренц почувствовал, что тот улыбается. — Так все и есть. Так всегда было. Стоит запустить куда-нибудь людей, и они начнут убивать друг друга. Такова суть игры. Знаешь, парень, твоя проблема в том, что ты не знаком с Гоббсом.

— С сопливым мультяшным пацаненком?

— Пять сотен лет назад парень по имени Гоббс написал книжку о том, что единственный путь достичь мира — это отдать все свои права государству. Вообще, делай все, что прикажет король, даже если это полный бред. Забей на правосудие. Забей на все, что только сможешь. Просто выполняй приказы.

— И ты это читал?

— Да ну, на хрен. Это было в лекции, которую я просмотрел на философском сайте. Этот парень считал, что если создать чертовски огромное государство, построенное на этом принципе, оно сможет добиться мира. Вобьет в людей идеи мира кувалдой, мать его. Бей всех и постоянно. Гоббс назвал свое государство Левиафаном. Ему казалось, что это единственный способ остановить войны.

— Хреновая идея.

— Может быть. А у тебя есть получше?

— А может, нам следует просто выделить им места в нашем правительстве? И когда они приобщатся к этому, все прекратится.

Окошко Маркеса медленно пошаталось туда-сюда — он покачал головой.

— Это дерьмо не прекратится, пока не вернется Христос.

— А если не вернется?

— Да ладно тебе. Ты же сам все понимаешь. Как я уже сказал, не это у тебя на уме.

— Откуда ты знаешь о том, что у меня на уме?

— Я с вами всеми провожу уйму времени.

Ренц вздохнул и почесал руку там, где вспухал укус москита. В небе по своей обычной дороге плыла луна, и не важно, видна она или нет. Ренц сделал такой глубокий вдох, что в горле запершило.

— Она меня все еще заводит, — наконец сказал он. — А у

меня такое ощущение, словно я… она ведь больна. Умирает, а я ничего не могу с этим поделать. И все, чего мне хочется, когда вижу ее, это секса.

— Так почему бы и нет?

— Не будь дураком.

— Знаешь, а ведь, может быть, и ей этого хочется. Она ведь не перестала быть женщиной. Может быть, ей того и надо… знать, что ты все еще хочешь ее.

— Ты сошел с ума.

— Не бывает столь великой печали, чтобы ее не могли победить плотские наслаждения, — произнес Маркес.

— Опять Гоббс?

— Не-е. Французская девчонка, которую звали Колетт. Только имя помню. Писала штуки, которые в ее время могли показаться довольно пикантными. Впрочем, это было давно. Ни в какое сравнение с сетевой порнухой не идет.

— Ты читаешь наистраннейшее дерьмо.

— Мне не к кому возвращаться. Остается куча свободного времени, — серьезным голосом произнес Маркес. — Дуй домой, Ренц. Выспись рядом с женой. А поутру приготовь ей хороший завтрак и трахни так, чтобы глаза поголубели.

— У нее и без того голубые глаза, — ответил Ренц.

— Значит, и дальше продолжай в том же духе.

— Пошел ты, — ответил Ренц, но улыбнулся.

— Спокойной ночи, приятель.

— Ага, — сказал Ренц. — И вот еще что, Маркес. Спасибо.

— De nada.[60]

Ренц отключил линк, но еще посидел какое-то время на крыльце, перебирая пальцами крошки бетона и слушая стрекот сверчков. Прежде чем вернуться обратно в постель, он съел миску хлопьев, стоявшую на кухонном столе, и с помощью зубной щетки избавился от привкуса молока на языке. Анна раскинулась во сне и захватила всю кровать. Он поцеловал жену в плечо и перекатил на ее половину. К его удивлению, ему удалось заснуть.

В 6:30 утра в Калифорнии взорвался школьный автобус, напичканный удобрениями, вымоченными в дизельном топливе. Погибли восемнадцать человек, и в половине штата отрубило гражданскую сеть. В 6:32 пятнадцатилетняя девушка взорвала себя в двадцати футах от главного исполнительного директора крупнейшего банка Евросоюза, в то время как тот доедал свой завтрак в ресторане посреди Манхэттена. В 6:35 одновременно произошли возгорания на десяти главных энергопередающих станциях Восточного побережья. В 7:30 Ренц вылетел в Нью-Йорк. Без десяти десять его встретила в аэропорту наземная машина, а

к полудню он уже был на месте.

Когда-то эту улицу можно было назвать красивой. Вокруг дымились здания; в Манхэттене никогда не строили ничего меньше кафедрального собора — таков уж дух города. От угла был виден «Крайслер билдинг». Совсем недавно его кафе было элегантным. У обочины лежали две сгоревшие машины. Тела убрали задолго до приезда группы, но обводка оставалась. Ее провели не мелом, а сделали с помощью клейкой розовой ленты.

— Эй, Ренц, — произнесла Паасикиви, когда они прибыли на место бойни. — Прости. Я знаю, ты хотел побыть с Анной.

— Не стоит терзать себя, — ответил он. — Ведь именно за это мне и платят, верно?

Окна кафе вылетели внутрь. Осколки пуленепробиваемого стекла толщиной в три пальца лежали на накрахмаленных скатертях и натертом до блеска деревянном полу. В воздухе по-прежнему пахло сгоревшими спичками.

Инструктаж оказался коротким. ОГ-47 и раньше доводилось выполнять подобные задания. Ренц сдвинул окошко внешней связи к правому краю зрительного поля, информационные потоки своей ячейки он разместил слева. ОГ-34 и ОГ-102 стояли на страже, никого не пропуская на территорию, но Ренц не открывал линка с ними; и так уже получалось нагромождение.

Ренц и его группа служили глазами и руками удаленной экспертной команды — людей слишком ценных, чтобы рисковать ими на полевой работе. Повторные атаки, направленные на ликвидацию агентов, стали распространенной практикой. Пауль, все еще пребывавший в Париже, подключился к ним не потому, что мог оказать какую-то помощь, а потому что был частью группы, а значит, и частью операции. С ним было приятно поболтать в моменты затишья.

Следующие несколько часов тянулись мучительно долго и тоскливо. Паасикиви, Торн, Маркес и Ренц — расходный материал — получали простейшие инструкции от экспертов, пытались понять, чего от них хотят, собирали кусочки обугленного металла, испачканной ткани, стекла и шрапнели в самозастегивающиеся мешочки и ждали, пока хор голосов на внешнем канале не решит, что очередное задание выполнено.

Ренц и команда были глазами и руками, но не мозгами. Он понял, что может следовать полученным указаниям, не слишком сосредоточиваясь на их сути. Эксперты управляли им, а он просто ждал.

Закончили они к восьми часам вечера по местному времени. Можно было улететь ночным рейсом, но Паасикиви убедила их провести ночь в этом городе. Ренц чувствовал на себе взгляд

Маркеса, пока Паасикиви и Торн меняли билеты. Ренц хотел остановить их, сказать, что ему надо домой, к жене. Но он не сделал этого, и Маркес не стал обращать внимания. Когда отключилась экспертная группа, Ренц разместил окошки своего отряда в четырех углах зрительного поля. Часом позже они рассеялись по острову.

Маркес отправился к Центральному парку, и в его окошке открывалась перспектива на три огромных дерева, чья листва казалась черной в сумраке. Паасикиви сидела в кафетерии напротив пятиэтажного книжного магазина, любуясь огнями города, как и большинство посетителей кафе. Торн расположился в придорожном ресторанчике. Сам Ренц спустился в подземку и отправился в Сохо, где, по мнению Пауля, ему должно было понравиться. А Пауль отправился ранним парижским утром к круглосуточному кафе, просто чтобы поддержать остальных.

— Всегда хотел погулять по Центральному парку, — сказал Маркес. — Как думаешь, там достаточно спокойно?

— Подожди до утра, — ответил Пауль, — Ночью слишком опасно.

Ренц услышал долгий вздох Маркеса, представил себе, как тот прячет руки в карманы, чтобы скрыть свое разочарование, и неожиданно обнаружил, что сделал то же самое. На платформу метро вырвался ветерок от приближающегося поезда и начал трепать ткань брюк Ренца.

— Ненавижу подобные деньки, — сказал Торн, разрезая стейк.

В этом окошке Ренц увидел, как вокруг ножа проступает сок, и представил себе запах жареного мяса.

— Однако ночи их искупают, — добавил Торн.

Маркес развернулся и куда-то пошел. Люди, которые брели по улицам мимо него, с тем же успехом могли встретиться в любом другом месте. Паасикиви отодвинула кофейную чашку и посмотрела в сторону книжного магазина. В Париже молодая официантка с неестественно рыжими волосами принесла Паулю яйца по-бенедиктински и налила ему чашку кофе. Торн поднес ко рту кусок мяса. Поезд подъехал к платформе, с шипением открыв двери и принеся с собой запах озона.

— Все, чего я на самом деле хочу… — начал было Ренц, но смолк посередине фразы.

Из уборной кафе в Париже вышла девочка, и сделала она это в тот же миг, когда Ренц увидел ее в противоположном конце своего вагона. Паасикиви заметила ее у музыкального отдела, выглядывающей из-за плеча мужчины, который нес ее на руках и вполне мог оказаться ее отцом. Торн, выглянув в окно

ресторанчика, увидел ее на улице. Маркес обнаружил, что она глазеет на него с заднего сиденья такси.

Со всех четырех окошек и во плоти прямо перед Ренцем была одна и та же девочка (или несколько слишком похожих), смотревшая на него. Светлая кожа, темные глаза и волосы до плеч, закрывающие шею. Самара Хамзе. Мертвая девочка. «Пустышка».

Как одна, все пять девочек подняли руку и помахали. Горло Ренца стиснул страх.

— Ну, что ж, это странно, — произнес обманчиво спокойный голос Торна.

— Всем назад! — крикнула Паасикиви. — Убирайтесь оттуда!

— Я в едущем поезде, — ответил Ренц.

— Тогда беги в другой вагон!

Все члены группы пришли в движение. Они уходили бесшумно, быстро и как можно дальше от «посетителей», туда, где, как они надеялись, окажутся в безопасности. Ренц услышал, как Паасикиви включила внешний линк, поднимая тревогу. Ренц направился к двери, но остановился и обернулся, опять взглянув на девочку. Он увидел различия. У этой было более длинное лицо, а разрез глаз скорее азиатский, нежели ближневосточный. Сидевшая рядом с ней женщина — мать девочки, предположил он, — встретила его взгляд и притянула ребенка поближе к себе.

— Ренц! — выкрикнула Паасикиви, и он понял, что она это делает уже не в первый раз.

— Прости. Я здесь. Что у тебя?

— Транспортная полиция ждет тебя на следующей станции. Мы эвакуируем поезд, но, прежде чем это произойдет, мне бы хотелось, чтобы ты выбрался.

— Это не нападение, — ответил Ренц, сам не понимая, откуда ему это известно. Женщина продолжала смотреть на него, оборонительно обняв своего ребенка. — Не знаю что, но это не нападение.

— Ренц, — сказал Маркес. — Не строй из себя героя.

— Нет, ребята, серьезно, — сказал Ренц. — Все в порядке.

Он пошел по раскачивающемуся вагону. Мать с ребенком смотрели, как он приближается. На лице женщины настороженность сменилась страхом, а тот — свирепостью. Ренц улыбнулся, стараясь показаться дружелюбным, и присел перед ними на корточки. Он достал удостоверение агента ОАТК и показал его матери. Темнота за окнами неожиданно уступила место тусклому свету фонарей станции.

— Мэм, — сказал он. — Боюсь, я должен попросить вас и вашу дочь пройти со мной.

Двери с шипением раскрылись. Внутрь влетела полиция.

* * *

— Не нравится мне, куда он клонит, — сказал Маркес.

— Некоторые из вас могли уже слышать о сингулярности, — произнес человек на трибуне. — Это одна из тех штук, когда люди вокруг говорят, что она вот-вот случится, а она никак не случается. Сингулярности ждали, когда технологии стали такими сложными и разветвленными, что должны обрести сознание. Этого ждали в девяностых, а потом еще каждые последующие пять лет. Об этом отсняли целую кучу страшных фильмов.

Но вспомните, о чем я говорил раньше. Уровни не могут общаться. Это мы и имеем, если пробудилось нечто, включающее в себя людей и компьютеры, самолеты, поезда и автомобили. Вон та девочка идентична единичной человеческой клетке — нейрону или клетке сердца. А вот этот мужчина — еще одна клетка. Все наше сообщество образует орган или ткань. Даже до возникновения линков существовали постоянная связь и общение между людьми. Что если этого достаточно для зарождения мыслящих структур? Их развитие могло начаться, когда мы создали всемирные Сети, а могли и существовать всегда. Можете называть эти сознания общественным разумом. Мы можем никогда и не узнать о них, так же как наши клетки не подозревают о том, что являются частью нас.

И подобные общественные разумы могут функционировать на собственном уровне, совершенно не заботясь о нас… Хотя кто знает? Сколько времени нам потребовалось, чтобы начать разбираться в нейрохимии?

Знаю, мы привыкли считать себя вершиной всего. Молекулы составляют клетки, клетки образуют ткани, из тканей скроены органы, а из органов — люди, но вот из людей не создается ничего большего. Усложнения останавливаются на нас. Итак, леди и джентльмены, похоже, что все совсем не так.

— Кто-нибудь из вас понимает, о чем лепечет этот парень? — спросил Пауль.

Судя по гулу голосов в зале, этот вопрос озадачил не только их группу. Докладчик словно ожидал этого. Он шагнул назад и сунул руки в карманы, наблюдая за собравшимися с выражением то ли симпатии, то ли жалости на лице.

— Он сказал, что в небесах началась война, — произнес Маркес.

— Нет, не это, — сказал Ренц. — Ангелы тут ни при чем. Это

сознания. Он говорит о сознаниях.

Докладчик вновь выступил вперед, поднимая руки ладонями вверх. Гул затих. Мужчина кивнул, улыбаясь так, словно был доволен реакцией.

— Вот так все и обстоит, — произнес человек. — Некоторые из вас уже заметили брешь в моей модели. Я говорил, что разные уровни комплексности не могут общаться друг с другом. Но это не совсем верно. Вы делаете это всякий раз, когда пропускаете стаканчик вина или принимаете антидепрессанты. Мы понимаем нейроны. Не идеально, может быть, но в достаточной мере, чтобы влиять на них.

Итак, единственная теория, способная объяснить увиденные нами совпадения: кто-то выше — на один уровень комплексности выше — обнаружил способ воздействия на нас.

* * *

Когда Паасикиви прервала допрос и обратилась к нему, Ренц не сразу понял, о чем она говорит. Ему представились бомбы, взрывающиеся в кабинете врача, и вооруженные люди. Такими были его первые мысли при словах: «В больнице! Приступ. Анна».

Ее палата пропахла дезинфекцией. Жужжание кондиционера было достаточно громким, чтобы заглушать все посторонние звуки. Белый шум, напоминающий шелест прибоя. Анна выдавила из себя улыбку, увидев его.

— Привет, — сказала она. — Ты уже слышал? Лосось снова на грани вымирания.

— Ты проводишь слишком много времени в Сети, — ответил Ренц, стараясь говорить мягко и ласково.

— Это точно. Но ты же больше не водишь меня на танцы.

Ренц попытался улыбнуться. Честно попытался. Он видел слезы в ее глазах, видел ее истончившиеся до костей руки, неуклюже тянущиеся к нему. Он наклонился, обнял жену, вдохнул запах ее волос и заплакал. Анна принялась его баюкать и успокаивающе поглаживать по шее дрожащими пальцами.

— Прости меня, — сказал он, когда смог хоть что-то произнести. — Я должен был остаться с тобой, подавать тебе подушки и прочее… и не…

— И не обращать больше внимания на собственные нужды? Милый, не глупи.

Ренц снова нашел в себе силы улыбнуться. Он помог ей лечь и вытер глаза рукавом рубашки.

— Что говорят врачи? — спросил он.

— Они полагают, что все опять под контролем. Насколько необратимы повреждения, удастся узнать только через пару недель. Но они не слишком велики, милый. Все не так уж и плохо.

По тому, как она это произнесла, по выражению ее глаз Ренц понял, что «все не так уж и плохо» только потому, что худшее еще впереди. Он сделал глубокий вдох и кивнул.

— А как насчет тебя? — спросила Анна. — Я слышала, что вам удалось отразить какое-то нападение в Нью-Йорке. Они пытались нанести повторный удар по ресторану?

— Нет, это было не нападение, — сказал он. — Что-то другое. Но очень странное. Мы задержали всех девочек, вовлеченных в происшествие, но, судя по всему, между ними нет никакой связи. Просто странное совпадение.

— Девочки?

— Маленькие девочки. Может быть, пяти или шесть лет.

— Марионетки?

— Нет, все они оказались «пустышками». К тому же не подключенными ни к одной из Сетей. Они были просто… людьми, — произнес Ренц, глядя на свои ладони. — Я устал от этого, Анна. Действительно устал. От всего этого.

— Даже от того, что тебе нравилось?

Перед его внутренним взором прошли воспоминания о волнующих моментах, о том, как они устанавливали разрядники, о страхе, беспокойстве и успехе. Ощущение, что он являлся частью чего-то большего, нежели он сам. Тепло прижавшейся к нему Анны, когда они танцевали или занимались любовью.

— Особенно от того, что мне нравилось, — произнес Ренц. — Все ужасно.

— Бедняжка, — сказала она. — Знаешь, мне очень жаль. Если бы я только могла все исправить. Я стараюсь убедить свое тело просто успокоиться, но…

Анна с трудом пожала плечами. На нее было больно смотреть. Ренц кивнул.

— Все нормально, мне бы не хотелось тащить с собой в глубины ада кого бы то ни было еще, — произнес Ренц.

— Что ж, это мило, — сказала она и вкрадчиво добавила: — А ты не задумывался о переходе в отряд поддержки? У многих в моей группе там мужья и жены. Им, похоже, несколько полегче.

— Я недостаточно опытен. Ничего хорошего из этого не выйдет.

— У них есть консультанты. Ты должен хотя бы поговорить с ними.

— Хорошо. Я поговорю с ними. У меня скоро отпуск. До тех

пор я могу и повоевать.

Она рассмеялась и отвела взгляд. В ее глазах отразился свет — действительно льдинки.

— Что такое? — спросил он.

— Повоевать. Забавно. У тебя своя битва, родной, а у меня своя.

— С той лишь разницей, что ты сама себе враг.

— Ага, прямо-таки гражданская война, — с усмешкой произнесла Анна. — В моей группе есть парень по имени Эрик. Тебе он понравился бы. Он говорит, что это словно два человека в одном теле. Один из них пытается выжить, а второй мечтает убить первого, даже если это будет означать гибель для них обоих.

— Хороший он и плохой он, — сказал Ренц.

— Смотря с какой стороны посмотреть. Можно сказать, что его иммунная система свято верит, что совершает героические поступки. Маленькие белые клетки носятся повсюду и рвут друг друга на части. И трудно убедить этих парней прекратить свою работу.

Ренц покачал головой. Пальцы Анны сплелись с его. Кондиционер кашлянул и вернулся к прежнему монотонному гулу.

— В твоей группе все такие мрачные?

— Они не бывают в тех местах, где приходится делить детей на марионеток и «пустышек», но… Да, все они мрачноваты.

— Похоже, они из той же породы, что и Маркес. А что с боевым духом твоего отряда? — спросила Анна.

— Серьезно пошатнулся после событий в Нью-Йорке.

— Так что там на самом деле произошло?

Он не должен был рассказывать ей. Но рассказал.

* * *

— Кто-то выше — на один уровень комплексности выше — обнаружил способ воздействия на нас, — произнес человек на трибуне. — Вопрос в том, что мы должны предпринять в связи с этим. И ответ прост: ничего. Мы ничего не должны предпринимать. Занимайтесь своими делами так же, как и всегда. Позвольте мне объяснить, почему это столь важно.

До сих пор все обнаруженные нами аномалии обладали общей структурой. Все они сводились к пропаганде. К нам дружелюбно, может быть, даже примирительно обращаются наши враги. Мы начинаем думать о них как о хорошеньких девочках и

милых старушках. В противном случае на нас обрушивается поток сообщений, напоминающих нам, что и те, кто нам не безразличен, тоже могут погибнуть. Что мы можем погибнуть.

И с подобными мыслями мы выходим на задание. В сражении между двумя массовыми сознаниями подобное ослабление противника становится сильным ходом. Представьте, как легко вы смогли бы победить в кулачном бою, если бы умудрились убедить мускулатуру соперника, что на самом деле вы ей нравитесь. Именно так все и может обернуться, — резко завершил фразу человек на трибуне. — Нам необходимо соблюдать осторожность. Необходимо постоянно помнить о том, что происходит, потому что, если мы изменим свое поведение, эта тварь победит. Пускай наш противник размякает — будет просто замечательно. Но себе мы этого позволить не можем. Если у нее ничего не выйдет, она может отказаться от подобной стратегии. Но если мы дадим ей точку опоры — если у нее все начнет получаться, — повода для отказа от своих намерений у нее не возникнет.

Теперь перейду к хорошим новостям. Некоторым из вас они уже известны. Поступили устные доклады, что то же самое происходит и с бригадами террористов, так что, может быть, подобная тварь есть и на нашей стороне. Если все именно так, то нам остается только убедиться, что плохие парни сломаются раньше нас.

Ренц потряс головой. Она казалась тяжелой и словно набитой ватой. Маркес коснулся его руки.

— Ты в порядке?

— С чего он взял, что их две?

— Что?

Докладчик продолжал свою речь. Ренц наклонился к Маркесу и быстро зашептал:

— Две. Почему он думает, что этих тварей две? Если существует только одна, то мы имеем дело не с войной. А если так-Почему мы решили, что это война, а не болезнь? Может, это нечто просто пытается сказать нам, что все идет не так, как должно? Может, с миром происходит то же самое, что и с Анной?

— А какая разница? — спросил Маркес.

— Когда болеешь, стараешься излечиться, — сказал Ренц. — А в войне хочешь только победить.

— Прежде чем мы продолжим, — произнес человек на трибуне, — я должен прояснить несколько моментов.

Он поднял руку и выставил указательный палец, желая подчеркнуть значимость своих слов, но те — какими бы они ни были — умерли раньше, чем он успел их произнести. Линк Ренца

оборвался. Пауль, Паасикиви и Торн исчезли, а Маркес стал просто телом рядом с ним, а не кем-то в его сознании. Наступило полсекунды мертвой тишины, когда каждый агент в зале осмысливал произошедшее. Во время этой бездыханной паузы Ренц успел задуматься: сидит ли Анна сейчас в Сети и когда узнает о случившемся? Он услышал, как выругался Маркес, прежде чем раздались первые взрывы.

Взрывной волной из легких Ренца вышибло воздух. Наступило тупое оцепенение, какое бывает после автомобильной аварии, и мир превратился в калейдоскоп из бегущих людей, выкрикиваемых приказов, кислого запаха взрывчатки. Спотыкаясь, Ренц побрел к выходу в одной из стен зала, но остановился прежде, чем дошел до него. Именно этого нападающие и ждут — к выходу бежали большинство агентов. Маркес растворился в толпе, и Ренц машинально попытался установить с ним связь. Под высоким потолком, словно грозовая туча, клубился дым. Раздался еще один отдаленный взрыв.

Аудитория практически опустела. Бомбы были заложены в правой части зала — несколько рядов сидений исчезло. Мертвый докладчик безмолвно повалился там, где стоял. Его тело было изрешечено шрапнелью. Пожар распространялся прямо на глазах Ренца. Он подумал об остальных — Паасикиви, Торне и Пауле. Они тоже могли подвергнуться нападению.

Среди обломков лежали тела. Ренц быстро пошел мимо них; воздух в помещении начинал выгорать. Мертвец. Мертвец. Мертвец. Первым живым оказался человек чуть старше его самого, лежащий на ступенях. Седеющие волосы, темная кожа и огромные руки, покрытые кровью.

— Надо выбираться, — произнес Ренц. — Идти можешь?

Мужчина поднял на него расфокусированный взгляд.

— Начался пожар, — сказал Ренц. — На нас напали. Надо выбираться.

Что-то из сказанного подействовало. Человек кивнул, и Ренц ухватил его за руку, помогая подняться. Вместе они похромали наружу. За их спинами кто-то закричал, призывая на помощь.

— Скоро вернусь! — крикнул Ренц через плечо. — Вытащу этого парня — и сразу назад!

Он и сам не знал, правду ли говорит. Снаружи улица напоминала разворошенный муравейник. Аварийные машины, полиция, агенты. Ренц передал своего подопечного бригаде «скорой помощи». Но когда собрался вернуться обратно, его остановил медик.

— Не двигайтесь, — сказал врач.

— Там еще остались люди, — ответил Ренц. — Я должен

вернуться. Со мной все в порядке, и мне надо вернуться.

— С вами не все в порядке, — произнес медик, мягко укладывая его на носилки.

Ренц непонимающе мотал головой, но врач показал рукой. Из тела агента торчал кусок металла размером с карандаш. Кровь пропитала рубашку.

— Ого, — сказал Ренц. — Я… я не заметил.

Врач склонился над ним, заглядывая в глаза.

— У вас шок, — сказал он. — Оставайтесь на месте.

Ренц подчинился. Тени, мечущиеся по улице, словно утратили свою индивидуальность — повсюду бурлила густая смесь из плоти и металла, камней и огня, перетекая то в одну сторону, то в другую. Вначале он смотрел на нее как на единый организм, потом как на людей, работающих вместе. И то и другое казалось верным.

Появились пожарные, ударившие из своих брандспойтов, и в воздухе неожиданно запахло водой. Ренц попытался вызвать Маркеса, но ничего не вышло. Кто-то стал перевязывать его, и он не сопротивлялся. Проступила боль, тупая, отдаленная пульсация.

Он увидел девочку, выскользнувшую из дверей. Похоже, никто больше не замечал ее. Ренц, опираясь на здоровую руку, поднялся и пошел к ней.

Она не была одной из тех — очередным призраком Самары. Эта девочка выглядела старше, хотя, может быть, всего на год или на два. Ее кожа обладала глубоким оливковым цветом, а волосы и глаза были черными. В глазах отражалось пламя. Несмотря на раннее лето, на ней была толстая, дутая куртка. Девочка взглянула на Ренца и улыбнулась. На ее лице появилось блаженное выражение.

— Мы должны остановить происходящее, — произнес Ренц. — Это не война, а болезнь. Это лихорадка. Мы все — часть одного организма, и он умирает. Как нам это остановить?

Ренц никогда не думал, что станет рыдать перед незнакомцем, а тем более перед ребенком. Но он не мог остановиться. И все это было глупо. Несмотря на шок, он думал о том, что где-то там, выше, какое-то разумное существо умирает от болезни в своей постели. И, обращаясь к этой девочке, Ренц безнадежно пытался достучаться до него, как если бы кричал в небеса. Его слова были бесполезны, как бесполезно было бы пытаться спасти Анну, разговаривая с ее кровью.

Ренц увидел, как девочка что-то перемещает под своей курткой, и понял все. Арабская девочка в дутой куртке посреди Нью-Йорка. Повторная атака, подхватывающая первую и

направленная на уничтожение спасательных служб.

— Пожалуйста. Мы должны остановить это, — сказал Ренц. — Ты и я, мы вместе должны остановить…

Девочка покачала головой. *Нет, не должны.*

— Господь велик, — произнесла она счастливо.

Произнесла так, словно делилась с ним секретом.

Колин П. Дэйвис
Защитники

Молодой английский писатель Колин П. Дэйвис живет в Ливерпуле и работает геодезистом в строительной компании. Его рассказы публиковались в «Spectrum SF», «Asimov's Science Fiction», «3SF», «Paradox», «Elysian Fiction» и «Andromeda Spaceways Inflight Magazine», а в настоящее время Дэйвис работает над своим первым романом.

В небольшом рассказе, ироничном и изящном, где вместилось столько идей, что иному автору их хватило бы на толстый роман, показано, какую цену порой приходится платить за сохранение статус-кво…

* * *

Наконец Дед замедлил ход скифа, и целая свита из переливчатых рыбок бросилась врассыпную под нещадным полуденным солнцем.

Элиза перегнулась через борт лодки и увидела, как, медленно покачиваясь, под ними проплывает еще один гигантский остов. Дед тем временем насвистывал песенку, появившуюся на свет задолго до рождения тринадцатилетней Элизы.

— Все, хватит! — резко сказала она и добавила более мягко: — Я уже насмотрелась.

— И ты по-прежнему считаешь меня злодеем?

Дед сдвинул на затылок белую кепку и вытер лоб мятым носовым платком. Он заглушил мотор. Легкие всплески воды затихли вместе с негромким постукиванием двигателя.

— А я никогда и не думала, что ты злодей.

Элиза окинула взглядом горизонт. Здесь, на открытом просторе Сферического Океана, никаких островов не было видно.

Новая Сицилия находилась на западе, в двух часах отсюда. Еще ни разу в своей жизни девочка не уезжала так далеко от Родного Порта, от людей. Кругом бескрайние воды океана, и на многие мили вокруг кроме нее и Деда — ни души: от этой мысли у Элизы перехватило дыхание.

Она снова стала вглядываться в чистое мелководье над вздыбившимся дном — туда, где покоились огромные белые кости.

— Насколько простирается это поле битвы?

Дед развел руки широко в стороны — так, что его белая рубашка наполнилась ветром.

— Оно огромно. Я наблюдал за всем с разумного расстояния.

— Я не замечаю останков демонов. Ты говорил — они такие же громадные, как защитники.

— Крылатые демоны тоже там — поверь мне. Присмотрись и увидишь их бронзовые копья.

— Я вижу только своих детей. — Элиза сняла соломенную шляпу с полями и отбросила с лица пряди рыжих волос. Кончиками пальцев она коснулась щеки, надеясь обнаружить хоть слезинку, но напрасно. Солнце припекало макушку, и она снова надела шляпу.

Дед неловко передвинулся со своего места.

— Мне кажется, ты немного преувеличиваешь.

Он наклонился вперед и, порывшись в холщовой сумке, достал бинокль.

— Ладно — может, и не детей.

— Ты просто материя, Элиза, а я — создатель. И чувство вины мне не знакомо.

— Но ты все-таки привез меня сюда.

— Ты же моя внучка… Я собирался ехать… и ты меня попросила. — Поднеся бинокль к глазам, он внимательно изучал небо на востоке. — К тому же я подумал, тебе это будет полезно.

Элиза погрузила пальцы в воду. Ощущение прохлады удивило ее, хотя, наверное, так и подобает месту, где покоятся мертвые. Она отправлялась сюда за ощущениями, в надежде почувствовать некую связь, найти хоть какой-то отклик в душе. Но ничто в ней не дрогнуло. Сердце оставалось холодным, как океан.

Эти чудища на дне морском — все эти летающие великаны, которые защищали Родной Порт от демонов, которые сражались, закрывая небо крыльями, и чья кровь лилась дождем — были частью ее, сотворены из нее. Вот череп размером с дом, ребра, похожие на стропила, — и все это из ее клеток. Что она ожидала почувствовать?

— Дед… а ты уверен, что никто не выжил? — Она вытерла пальцы о шорты.

Он опустил бинокль.

— Когда наблюдатели сообщили о приближающейся атаке, мы направили твой выводок. Демоны исчезли, а из защитников никто не вернулся в лабиринт. Теперь только рыбы обитают в их гнезде.

— А что если демоны вернутся?

— Они обязательно вернутся — со временем. Но у нас всегда найдется такой же выводок.

— Но уже не мой.

— Ты исполнила свой долг. Никто не станет просить тебя снова.

— Все же любопытно… Каково это — создавать жизнь только ради того, чтобы ее уничтожили? Создавать именно с такой целью? Неужели это тебя не трогает?

Дед вздохнул:

— Так уж случилось, что это стало необходимостью. А как еще мы смогли бы сдерживать демонов? Тебе, конечно, трудно понять такое.

— Нет, не трудно. — Напротив, понимание пришло легко, а вот с чувствами было сложнее. Элиза прислушалась к себе — ни тоски, ни печали. Лишь усталость от палящего солнца. — Мне хотелось бы верить, что мои погибли как герои и что в них каким-то образом жила частичка меня.

— У защитников нет выбора. Они сражаются, затем возвращаются в гнездо. Они задуманы так, чтобы не надо было выбирать. Разве это герои?

— Ты просто черствый старый солдафон, Дед. Они же не машины. Ты сам говорил мне, что они могут чувствовать.

Он кивнул:

— Конечно, они чувствуют. Они чувствуют любовь к нам. Иначе с чего бы они умирали за нас?

Дед убрал бинокль в сумку, лежащую у ног; когда он выпрямился, в руке у него была небольшая рация. Он выдвинул антенну и пощелкал пальцем по кнопкам.

— Порой мне самому интересно, кто же является настоящими защитниками, — вырвалось у него.

— О чем ты говоришь? Ты же сам их создал. Ты должен знать.

— А кто — настоящими демонами…

— Кем бы они ни были — однажды ты найдешь их всех и уничтожишь — верно?

Он улыбнулся ее словам:

— Это их мир. А люди здесь незваные гости.

— Что ты делаешь? — спросила Элиза, указывая на рацию в его руке.

— Ловлю рыбку.

Безжалостное солнце обжигало загорелые плечи Элизы — розовая жилетка совсем не спасала. Девочке не хотелось оставаться здесь дольше.

— Дед, я уже насмотрелась. Давай вернемся.

— Подожди еще немного… Я почти закончил.

— А что если защитники будут любить себя больше, чем они любят нас?

— Странная ты, Элиза. Так и сыплешь вопросами. Прежде меня никто не спрашивал об этом.

— Может, я не такая, как все.

— Защитники просто обязаны любить нас больше жизни. От этого зависит — выживем мы здесь или нет. К тому же я не так глуп. И предусмотрел любые неожиданности.

— Я думаю, страдать — это не по мне.

— Ну, у тебя еще будет время…

Он не успел закончить фразу, так как море заволновалось и лодку сильно закачало — кто-то проплывал внизу под днищем. Элиза вперила взгляд в толщу воды, но лишь заметила, как что-то темное мелькнуло в сверкающих лучах солнца. На мгновение все замерло в тревожном ожидании, и вдруг метрах в трехстах от них из воды вырвалось нечто громадное. Поднимая фонтаны брызг, в воздух взметнулось исполинское существо. Оно направилось прямо к ним — вслед за волной, которую покатило на лодку.

— Защитник! — взвизгнула Элиза.

Скиф подбросило, и девочка чуть не упала в воду. Она крепко вцепилась в сиденье.

Существо воспарило над их головами, расправив черные крылья рептилии, затем устремилось вниз и сделало круг над водой — острые длинные когти, словно косы, срезали гребни волн. Тяжелая голова напоминала человеческую, только сильно увеличенную, а вместо лица была вытянутая морда с острым выступом. Шея, покрытая хитином, казалась невероятно тонкой, однако она позволяла твари маневрировать в воздухе и наносить удары клыками. Это был великолепный зверь, который доказал, что не уступает саморазрушительному безрассудству демонов, покрытых бурой шерстью.

— Это один из моих! — воскликнула Элиза. — Ну конечно!

Защитник взмыл в небо, на мгновение закрыв собой солнце, набрал высоту, рассекая крыльями воздух, затем развернулся и снова бросился вниз — в их сторону.

— Да, это один из моих, — повторила она. — И он, наверное, самый умный из всех. Он сумел спрятаться и выжить.

Защитник заревел — горько, словно потерявшийся ребенок, — и пролетел так низко над ними, что волосы Элизы взвились, подхваченные воздушным потоком. Она уловила запах водорослей, исходивший от существа.

— Это ведь из-за меня — правда, Дед? Мой защитник особенный. У него мой характер. Он способен выбирать. Он сильнее всех, великолепнее… Он может стать лидером.

Защитник снова приблизился к ним и плавно скользнул над их головами, и тут раздался треск, послышался глухой стук, и в синем небе появилось облачко густого дыма, а на туловище зверя — большущая дыра. Он взвыл, завертелся, сорвался с небес… и рухнул в воду неподалеку.

Элиза закричала, ухватившись за борта качающейся лодки.

— Дед… — Она увидела, что тот задвинул антенну рации. — Ты убил его! Это был ты. Но зачем? Зачем ты убил его?

Она смотрела, как огромное тело скрывается под водой. Вначале его затягивает в воронку, затем волны бурлят, и вот уже нет ничего — полное затишье. Это ужасно. Трагедия. У нее мог быть лучший защитник всех времен!

— Дед?

Он бросил рацию в сумку и уставился вниз, в воду. Элиза не видела его лица. Хоть она и обращалась к нему — снова и снова, — он так ни разу и не ответил. Постепенно их лодка перестала взволнованно подрагивать.

Солнце все ползло по небу.

Наконец Дед включил мотор и направил скиф в сторону Родного Порта.

Стивен Бакстер «Мэйфлауэр-2»

Английский писатель Стивен Бакстер, произведения которого впервые появились в печати более десяти лет назад, поставил перед собой задачу возрождения жанра традиционного научно-фантастического рассказа. Творчество Бакстера адресовано молодому поколению читателей. В своей работе он использует информацию о последних достижениях науки. Его произведения, действие которых разворачивается среди безжалостной космической пустыни, изобилуют новыми оригинальными идеями.

Первая работа Бакстера была опубликована в 1987 г. в журнале «Interzone»; с тех пор он постоянно сотрудничает с этим изданием. Его произведения печатались в «Asimov's Science Fiction», «Science Fiction Age», «Analog», «Zenith», «New Worlds». Бакстер — один из самых плодовитых авторов, работающих в жанре научной фантастики; его популярность быстро растет. В 2001 г. он дважды стал финалистом премии «Хьюго», а также получил премии журналов «Asimov's» и «Analog», став одним из немногих писателей, выигравших обе эти награды за один год. Первый роман Бакстера, «Raft.» («Плот»), был издан в 1991 г. и вызвал восторженные отклики у широкой публики, вскоре за ним последовали другие успешные произведения, «По ту сторону времени» («Timelike Infinity»), «Анти-лед» («Anti-Ice»), «Поток» («Flux») и «Корабли времени» («The Time Ships») — подражание Г. Уэллсу, продолжение «Машины времени», книга, получившая премии Джона У. Кэмпбелла и Филипа К. Дика. Перу Бакстера принадлежат романы «Путешествие» («Voyage»), «Титан» («Titan»), «Лунное семя» («Moonseed»), «Мамонт» («Mammoth»), «Книга Первая: Серебряная нить» («Book One: Silverhair»), «Бесконечность времени» («Manifold: Time»), «Бесконечность пространства» («Manifold: Space»), «Эволюция» («Evolution»), «Слияние» («Coalescent»), «Свет иных дней» («The Light of Other Days»), написанный в соавторстве с Артуром Кларком, а также сборники «Вакуумные диаграммы: История Ксили» («Vacuum Diagrams: Stories of the Xeelee Sequence»), «Следы»

(«Traces») и «Охотники Пангеи» («Hunters of Pangaea»). Последние работы Бакстера — повесть «Мэйфлауэр-2», вышедшая отдельным изданием, и роман «Ликующий» («Exultant»). Готовится к публикации еще один роман, написанный совместно с Артуром Кларком, — «Глаз времени. Временная Одиссея» («Time's Eye, a Time Odissey»).

Перед читателями рассказа «Мэйфлауэр-2» разворачивается картина мучительного рождения новой цивилизации, представителям которой суждено провести несколько тысяч лет в замкнутом пространстве космического корабля.

От автора:

Деньги, вырученные от продажи этого произведения, поступят в фонд программы «Спасение азиатского слона», руководителем которой я являюсь.

Когда-то слоны встречались по всей Азии, Индии, Африке и Северной Америке. Их останки — бивни, подобные колоннам, зубы, величиной с булыжник, по-прежнему находят при раскопках в Лос-Анджелесе и Лондоне. В настоящее время сохранилось лишь три вида слонов. Но развитие цивилизации поставило под угрозу один из них — азиатского, или индийского, слона. Если не принять меры, этот вид исчезнет через несколько десятков лет.

Зоологическое общество Северной Англии по спасению вымирающих видов, являющееся некоммерческой организацией, возглавляет международную программу сохранения естественной популяции азиатского слона, а также помогает созданию резервного поголовья слонов в европейских зоопарках. Сохранение популяции слонов способствует поддержанию экосистемы, в которой обитают эти животные, что отвечает экономическим и культурным интересам человеческого общества.

За дополнительными сведениями и информацией для желающих сделать пожертвование обращайтесь по адресу:

Asian Elephant Survival Appeal
Chester Zoo
FREEPOST
Chester CH2 1LH
UK

или посетите наш сайт: www.chesterzoo.co.uk

* * *

За двадцать дней до того, как его мир рухнул, Русель узнал, что ему суждено спастись.

— Русель… Русель… — настойчиво шептал чей-то голос.

Он перевернулся на бок, пытаясь стряхнуть с себя оцепенение, какое обычно вызывало у него слабое снотворное. Подушка насквозь промокла от пота. Выключатели отреагировали на движение Руселя, и над головой зажегся мягкий свет.

Напротив кровати в воздухе парило лицо брата. Дилюк широко улыбался.

— Клянусь Летой, — грубо произнес Русель, — это ты, грязный ублюдок.

— Ты просто завидуешь, — ответил Дилюк. Лицо на виртуальном экране выглядело шире, чем обычно, нос выдавался вперед. — Прости, что разбудил. Но я только что узнал одну вещь…

— Какую вещь?

— Блен внезапно угодил в лазарет. — Блен был нанохимиком, приписанным к Кораблю № 3. Так вот: у него шумы в сердце.

Дилюк снова ухмыльнулся. Русель нахмурился.

— И из-за этого ты меня разбудил? Бедный Блен.

— Это не слишком серьезно. Но, Рус, — это врожденное.

После снотворного Русель соображал плохо; прошла минута, прежде чем он понял, что имеет в виду Дилюк.

Для того чтобы спасти избранных, последнюю надежду Порт-Сола, от надвигающейся гибели, было снаряжено пять Кораблей. Эти субсветовые транспорты могли достичь места назначения лишь через многие сотни лет. На борт спасательных звездолетов допускались только люди, обладавшие превосходным здоровьем и безупречной совокупностью генов. А если у Блена обнаружили врожденный порок сердца…

— Он не полетит, — выдохнул Русель.

— А это значит, что полетишь ты, брат. Ты лучший нанохимик после него на этом куске льда. Когда пожалует Коалиция, тебя уже здесь не будет. Ты спасен!

Русель упал на измятую подушку, чувствуя, что не в силах пошевелиться. Дилюк продолжал:

— Ты же знаешь, что Коалиция запретила семью! Их граждане рождаются в инкубаторах. Уже сам факт родства со мной означает для тебя смертный приговор, Рус! Я пытаюсь устроить так, чтобы меня перевели с Пятого на Третий. Мы будем вместе, а это уже кое-что значит, верно? Я понимаю, что нам придется

нелегко, Рус. Но мы сможем помогать друг другу. Мы справимся…

Русель же мог думать лишь о Лоре, которую ему придется покинуть.

* * *

На следующее утро Русель назначил Лоре свидание в Лесу Предков. Он взял пузырьковый транспорт и выехал заранее, чтобы успеть вовремя.

Порт-Сол представлял собой шар из рыхлого льда и горной породы диаметром в сотню километров. На самом деле это была малая планета, один из осколков, оставшихся после образования Солнечной системы. Люди жили здесь уже несколько тысячелетий; поверхность Порт-Сола была сильно изрыта карьерами и ямами, покрыта мусором, оставшимся в покинутых городах. Но и здесь еще можно было найти несколько нетронутых участков. Русель придерживался проторенной дороги, стараясь не задеть изящные ледяные изваяния, созданные природой за четыре биллиона лет.

Он находился сейчас на окраине Солнечной системы. Купол неба усеивали звезды, экватор пересекала рваная светящаяся полоса Галактики. Где-то среди этого слабого мерцания затерялось Солнце, самая яркая звезда; его лучей было достаточно, чтобы отбрасывать тени, но с такого расстояния оно казалось всего лишь светящейся точкой. Вокруг Солнца Русель различил крошечный нимб света — это был водоворот миров, лун, астероидов, пыли и всякого мусора, являвшийся ареной истории человечества до наступления эпохи межпланетных полетов, начавшейся три тысячи лет назад; там по-прежнему обитала незначительная часть людского рода. Там царила смута, люди сражались и умирали, там, невидимые отсюда, они переживали ужас поражений и триумф побед. И из этого светлого облачка к Порт-Солу направлялся карательный флот.

За узким горизонтом ледяной луны парил звездолет, напоминающий короткий толстый цилиндр, едва видимый в слабых прямых лучах Солнца. Это был Корабль № 3, готовившийся к прыжку во тьму.

Все началось после освобождения Земли от инопланетных захватчиков Квэкс.

В хаосе, возникшем на Земле после изгнания врагов, родилась Коалиция Временного Правительства, фанатичная и жестокая клика, захватившая власть в свои руки. Нетерпимая,

неумолимая, безжалостная, Коалиция огнем и мечом подчиняла себе миры и планеты Солнечной системы. Если корабли Коалиции приземлялись там, где вы живете, то в лучшем случае ваше имущество конфисковывали, государство уничтожали, а вас самих отправляли в лагерь, находящийся на Земле или ее Луне, для «исправления».

Но если выяснялось, что вы укрываете кого-либо, кто сотрудничал с ненавистными Квэкс, вас ожидало нечто куда более худшее. Русель слышал слово «обновление».

Теперь Коалиция обратила внимание на Порт-Сол. Ледяной луной управляли пять Фараонов, которые действительно имели связи с Квэкс — хотя это преподносилось как «программа смягчения последствий оккупации на благо человечества» — и получали от них препараты, замедляющие старение. Итак, по мнению Коалиции, Порт-Сол являлся «гнездом преступных бессмертных и коллаборационистов», от которых ее войска собирались «очистить» планету. По-видимому, землян не смущало то, что помимо Фараонов на Порт-Соле обитали еще около пятидесяти тысяч человек.

Фараоны имели на Земле глубоко законспирированную шпионскую сеть, от которой они получили предупреждение о готовящейся акции. Поскольку в распоряжении колонистов находилась лишь легкая батарея устаревшего оружия — планета, давшая приют беглецам, спасшимся от оккупантов, немного отставала от технического прогресса, — никто и не помышлял о сопротивлении. Но оставалось еще бегство.

В спешке были оснащены пять мощных Кораблей. На каждый Корабль, руководимый одним из Фараонов, предполагалось взять по двести человек, отобранных по состоянию здоровья и профессиональным навыкам. Из пятидесятитысячного населения спастись от приближающейся катастрофы могла лишь тысяча человек. На Порт-Соле не было сверхсветовых звездолетов, и пяти Кораблям предстояло стать космическими ковчегами. Но возможно, это было их преимуществом: тихоходный флот легко сможет затеряться среди просторов Вселенной.

Так Руселя захлестнул водоворот великих исторических событий, угрожавший разлучить его с возлюбленной.

Русель был способным нанохимиком среднего возраста, здоровье и родословная его были безупречными. Но он оказался не настолько везучим, как его брат, который выиграл в «лотерее один-к-пятидесяти» и вытянул жребий, обеспечивший ему место на одном из Кораблей. Русель смирился с судьбой или, по крайней мере, думал, что смирился, — потому что Лора, его возлюбленная, не могла надеяться на спасение. Ей исполнилось

двадцать лет и она была многообещающей студенткой, энтузиасткой виртуальной технологии, но не обладала достаточным профессиональным опытом, чтобы соперничать за место на Корабле. Итак, они по крайней мере умрут вместе — это служило Руселю слабым, но утешением. Будучи честным с самим собой, он ясно понимал, что с появлением в черном небе Порт-Сола кораблей Коалиции здесь разразится катастрофа, — теперь, по-видимому, он никогда не узнает, какая именно.

Лора ожидала его в Лесу Предков. Они встретились на поверхности, крепко обнялись, еще в костюмах. Затем установили палатку, похожую на купол, и через раздвижной шлюз забрались внутрь.

Под длинными тенями Леса Предков Русель и Лора занимались любовью: сначала торопливо, затем снова, медленно, сосредоточенно. Инерционные генераторы жилого комплекса поддерживали уровень гравитации на одной шестой от стандартной, почти такой же, как на Луне. Но здесь, снаружи, в лесу, гравитации не существовало, и влюбленные, прижавшись друг к другу, парили в прохладном воздухе палатки, легкие, словно грезы.

Русель сообщил Лоре свою новость.

Лора была стройной, хрупкой девушкой. Среди населения планетки с низкой гравитацией преобладали высокие, тонкие в кости люди, но Лора всегда казалась ему тоньше, чем остальные. Она была похожа на видение. Огромные темные глаза Лоры смотрели всегда немного рассеянно, словно мысли ее блуждали где-то далеко. Именно это ощущение неземной хрупкости впервые привлекло в ней Руселя. Теперь он наблюдал за возлюбленной в страхе.

Закутав ноги в одеяла, девушка взяла его за руку и улыбнулась:

— Не бойся.

— Я один из тех, кому суждено спастись. Чего мне бояться?

— Ты смирился с мыслью о смерти. Теперь тебе придется привыкать к мысли о том, что ты останешься жить. — Лора вздохнула. — Это тоже нелегко.

— Останусь жить без тебя. — Он сжал ее ладонь. — Может быть, это больше всего страшит меня. Я боюсь тебя потерять.

— Я никуда не ухожу.

Русель пристально разглядывал безмолвные, настороженные фигуры Предков. Эти «деревья», некоторые высотой три-четыре метра, представляли собой обрубки с «корнями», вгрызавшимися глубоко в лед. Они были живыми существами, наиболее развитыми представителями низкотемпературного природного

мира Порт-Сола. Сейчас они находились в неподвижной фазе. Когда-то эти создания, называвшиеся «Ледотесами», были живыми и обладали разумом. Они ползали по изборожденной рытвинами почве Порт-Сола, подыскивая подходящий кратер или склон горы. Там они пускали корни, а их нервная система и сознание погружались в спячку — так они достигали цели жизни. Русель размышлял, какие ледяные сны снятся сейчас этим полумертвым созданиям. Никакой приговор их уже не страшил; в некотором роде им можно было позавидовать.

— Может быть, Коалиция пощадит Предков.

Она фыркнула:

— Сомневаюсь. Коалиция щадит лишь людей, причем своих людей.

— Моя семья живет здесь долгое время, — начал он. — Говорят, мы покинули Землю с первой волной колонизации.

Это было легендарное время, тогда великий инженер Майкл Пул всю дорогу до Порт-Сола работал над проектами своих огромных звездолетов.

Она улыбнулась:

— Большинство семей имеет подобную историю. Прошли тысячи лет, кто может это проверить?

— Это мой дом! — выпалил Русель. — Они не просто хотят нас убить, они собираются разрушить нашу культуру, наше наследие. Все, ради чего мы трудились.

— Именно поэтому твоя жизнь представляет такую ценность. — Лора села и обняла его за шею, одеяло соскользнуло с ее ног. В тусклом свете глаза ее казались озерами жидкой тьмы. — В тебе будущее. Фараоны говорят, что в конечном счете Коалиция погубит человечество, но *мы* спасемся. Кто-то должен сберечь наши знания, наши ценности для будущих поколений.

— Но ты… — *Когда появится Коалиция, ты будешь одна.* Решение пришло внезапно. — Я никуда не поеду.

Она отстранилась:

— Что?!

— Я уже решил. Я скажу Андресу… и брату. Я не могу лететь без тебя.

— Ты должен, — твердо ответила Лора. — Ты лучший в своей профессии; поверь мне, иначе Фараоны не выбрали бы тебя. Значит, ты должен лететь. Это твой долг.

— Как может человек покинуть того, кого любит?

Лицо женщины застыло, и когда она ответила, то показалась ему намного старше своих двадцати лет:

— Мне будет легче умереть, если ты спасешься. Но тебе придется жить, год за годом, продолжать существование, словно

автомату, пока дело не будет сделано и цивилизация не будет спасена.

Рядом с Лорой Русель чувствовал себя слабым, незрелым юнцом. Он прижался к ней и спрятал лицо в ее мягкой, теплой шее.

«Девятнадцать дней, — подумал он. — Еще девятнадцать дней». Он решил наслаждаться каждым мгновением.

Но на самом деле времени оставалось гораздо меньше.

* * *

Руселя снова разбудили среди ночи. На этот раз свет в комнате включился неожиданно, ослепив его. Над кроватью парило лицо Фараона Андрес. Он сел, сбитый с толку, ничего не соображая после снотворного.

— Тридцать минут. У тебя есть тридцать минут, чтобы попасть на Корабль номер три. Надень скафандр. С собой ничего не брать. Если не успеешь, мы улетаем без тебя.

Сначала Русель не мог понять, о чем она, и просто уставился на экран. Безволосая голова Андрес сверкала голым черепом, у нее выпали брови и даже ресницы. Кожа ее лица с мелкими чертами была необыкновенно гладкой, но она не выглядела молодой. Линии ее лица со временем сгладились, подобно ледяным пейзажам Порт-Сола, и от него остался лишь чистый лист. Говорили, что ей двести лет.

Внезапно Андрес торопливо заговорила:

— Не подтверждай получение сообщения, иди немедленно. Мы поднимаемся через двадцать девять минут. Если ты входишь в состав экипажа Корабля номер три, у тебя есть двадцать девять минут, чтобы попасть на…

Она ошиблась — это было его первой мыслью. Неужели она забыла, что до отправления, до прибытия кораблей Коалиции осталось еще шестнадцать дней? Но по ее лицу Русель понял, что ошибки не было.

Двадцать девять минут. Протянув руку к тумбочке, он достал нанотаблетку и проглотил ее, не запивая. Все вокруг словно побелело, стало холодным и застывшим.

Русель натянул костюм, торопливо застегиваясь, затем оглядел комнату, кровать, нехитрую мебель, виртуальную установку с портретами Лоры на стеллаже. *С собой ничего не брать.* Андрес — не такая женщина, приказы которой можно игнорировать, хотя бы в мелочах.

Не оглядываясь, он вышел из комнаты.

Снаружи, в коридоре, царило безумие. В этом подземном комплексе жили около тысячи людей, и, казалось, в эту ночь никто не спал. Люди бежали в разных направлениях, многие — в скафандрах, некоторые волокли за собой тюки одежды. Русель начал протискиваться через толпу. Паника была осязаемой — и ему показалось, что в регенерированном воздухе чувствуется запах гари.

Сердце его упало. Ясно было, что вся эта суматоха возникла из-за попыток к бегству тех, кто должен был остаться. Единственным средством спастись с планеты были Корабли, которые могли взять на борт лишь тысячу человек.

Русель не мог поверить своим глазам. Неужели причина паники — внезапное появление врага? Но это же граждане Порт-Сола, которые давно знают, что стоят перед лицом великой опасности. Неужели они позабыли о всех своих ценностях, о своем гражданском долге? На что они надеются, устремляясь к Кораблям, которые не в состоянии их взять? Они могут лишь все испортить! *А что бы я сделал на их месте?* Но он попал в число избранных — и улетает отсюда.

Двадцать минут.

Русель достиг внешнего вестибюля, где вдоль шлюзов выстроились транспорты для передвижения по поверхности. Некоторые шлюзы были открыты, люди толпами втискивались внутрь, пропихивая вперед детей, узлы с вещами.

Он с облегчением увидел, что его машина еще на месте. Стянув перчатку, он торопливо прижал ладонь к стенке. Дверь с шипением открылась, но он не успел забраться внутрь — кто-то схватил его за локоть.

Обернувшись, Русель увидел незнакомого человека, приземистого, плотного, не старше сорока лет, а за ним женщину, державшую за руки двух малышей. За плечами у людей виднелись тюки, завернутые в одеяла. На мужчине был скафандр цвета электрик, но его семья была в домашней одежде.

— Дружище, у тебя в этой штуковине нет места? — в отчаянии произнес человек.

— Нет, — ответил Русель.

В глазах мужчины мелькнул безумный огонек.

— Послушай. Разведка Фараонов ошиблась. Коалиция появится через семь дней. Друг, у меня нет выхода. Коалиция разлучает семьи, ты ведь знаешь? Я прошу лишь об одном: дай мне шанс.

Но для тебя нет места. Как ты не понимаешь? А если бы и было… На борт Кораблей дети не допускались — таково было жесткое правило Фараонов. В первые годы их бесконечного пути

от каждого требовалась максимальная отдача. Время для репродукции наступит позже.

Человек сжал руки в кулаки.

— Послушай, дружище…

Русель изо всех сил толкнул человека в грудь. Тот упал на спину, споткнувшись о детей. Тюк развязался, на пол вывалились вещи: одежда, полотенца, детские игрушки.

— Пожалуйста… — Женщина, перешагнув через упавшего мужа, приблизилась к двери и протянула вперед младенца. — Не дайте Коалиции забрать его. Пожалуйста.

Младенец был теплым, нежным, он улыбался. Русель непроизвольно протянул к нему руки, но тут же отдернул их и отвернулся.

Женщина продолжала умолять его, но он не позволял себе обращать на нее внимание. «Как я мог так поступить? Я больше не человек», — думал он. Он вскочил в машину, хлопнув дверью, и застучал по контрольной панели, набирая программу.

Машина отцепилась от шлюза, и, нарушая все правила безопасности, Русель поехал вверх по пандусу, ведущему на поверхность. Дрожа, он открыл передний щиток. Наверное, обреченная семья все еще оставалась на стоянке. Он не оглянулся.

Все должно было происходить не так.

Перед ним засветилось виртуальное изображение Андрес.

— Шестнадцать минут, чтобы попасть на борт Корабля номер три. Если ты не успеешь, мы отправляемся без тебя. Пятнадцать минут сорок пять секунд. Пятнадцать минут сорок…

На поверхности образовался такой же хаос, как и в коридорах жилого комплекса: транспортные средства всевозможных видов и возрастов катились, ползли, подпрыгивали. Гвардейцев, полиции Фараонов, не было видно, и Русель испугался, что попадет в пробку.

Протиснувшись сквозь давку, он направился к дороге, которая вела через Лес Предков к Кораблю № 3. Движение здесь было оживленным, но более-менее упорядоченным, все двигались в одном направлении. Он включил максимальную разрешенную скорость, но его по-прежнему обгоняли. Внутри что-то тревожно сжалось.

Лес и мирные фигуры Предков, тускло светящиеся в слабых солнечных лучах, выглядели такими же, как в тот раз, когда он был здесь, всего несколько дней назад, на свидании с Лорой. Внезапно его охватило нелепое возмущение оттого, что он неожиданно потерял так много времени, а его тщательно обдуманный план прощания с возлюбленной рухнул. Интересно,

где она сейчас. Может быть, он сможет ей позвонить.

Тринадцать минут. Некогда, некогда.

Движение впереди замедлилось. Машины, ехавшие в хвосте, покачиваясь, пытались найти лазейки, и в результате все сбились в тесную кучу.

Русель щелкнул по клавишам, и перед ним появилось виртуальное изображение шоссе с воздуха. Впереди, за скоплением машин, поперек дороги была наспех прорыта канава. Там толпились сотни людей. Контрольно-пропускной пункт.

Одиннадцать минут. На какое-то мгновение мозг его словно застыл, подобно льдам Порт-Сола; обезумевший, сбитый с толку, терзаемый муками совести, он перестал соображать.

И тут из столпотворения позади него вырвался тяжелый грузовик. Свернув с дороги налево, он начал продираться через Лес. Изящные восьмигранные изваяния, ледяные фигуры Предков, разлетались вдребезги под натиском тяжелой машины. Смотреть на это было страшно — Русель знал, что с каждой минутой грузовик уносит несколько жизней, которые могли бы продолжаться еще сотни лет. Но он прокладывал путь остальным.

Русель, потянув за рычаги, съехал с дороги. Перед ним по просеке, оставшейся после грузовика, неслось всего несколько машин. Грузовик ехал быстро, и Русель теперь мог увеличить скорость.

Контрольно-пропускной пункт оказался теперь совсем близко. Несколько машин свернуло с дороги, углубляясь в Лес. Должно быть, охранники пришли в ярость оттого, что жертвы так легко ускользают. Русель не сбавлял скорость. Еще несколько секунд, и самое трудное будет позади.

И тут прямо перед ним возникла фигура с высоко поднятыми руками, в костюме голубого цвета, с ярким фонарем на шлеме. Сенсоры автомобиля зафиксировали человека, включились регуляторы безопасности, и Русель почувствовал, что машина замедлила ход. Девять минут. Забыв обо всех правилах, он хватил ладонью по контрольной панели.

Когда машина ударила человека, он закрыл глаза.

Русель вспомнил, где видел этот голубой костюм. Он только что переехал человека со стоянки, отчаянно пытавшегося спасти свою семью. «Мы просто животные, борющиеся за выживание. Место на Корабле номер три не делает меня лучше других». У него даже не хватило мужества оглянуться.

Восемь минут. Он отключил блокировку скорости и полетел по пустынной дороге.

* * *

Прежде чем Русель достиг Корабля № 3, ему еще раз пришлось пройти через контрольно-пропускной пункт; но здесь дежурили гвардейцы. Судя по всему, они сохраняли верность властям. Солдаты в ярко-желтых форменных костюмах ровными рядами выстроились вдоль дороги. Очевидно, их стянули сюда, чтобы охранять пять Кораблей.

Ожидание в очереди походило на кошмар. Когда до времени, назначенного Андрес, осталось всего пять минут, гвардеец прижал фонарь к оконному стеклу, посветил лазером в лицо Руселю и жестом велел ему проезжать.

Прямо перед ним возвышался Корабль № 3. Этот короткий, толстый цилиндр диаметром в километр и высотой пятьсот метров походил на барабан. Он располагался на дне кратера; лед, извлеченный из ямы, был грубо раскидан по поверхности корпуса. «Корабль скорее походит на дом, — подумал Русель, — давно покинутый дом, покрытый толстым слоем льда». Но тем не менее это был космический звездолет, предназначенный для путешествия длительностью в сотни лет. Основание цилиндра окружали стройные хрустальные арки — это были застывшие струи пара; вырываясь из двигателей Корабля, они сразу же превращались в лед. Какие-то люди, двигавшиеся неуклюже из-за низкой гравитации, вырубили его, затем поспешили к свисавшим на землю трапам.

Русель, спотыкаясь, выбрался из машины и бросился бежать к ближайшему трапу. Там его ожидала еще одна сводящая с ума очередь — гвардеец в светящемся желтом костюме устанавливал личности прибывших. Наконец перед глазами Руселя вспыхнула последняя лазерная вспышка, и он оказался внутри.

Русель бросился к шлюзу. Когда камера сдвинулась с места, его пронзила мысль о том, что ему больше не суждено покинуть Корабль: что бы с ним ни произошло, этот Корабль теперь стал его миром на всю оставшуюся жизнь.

Дверь открылась. Он резким движением сдернул шлем. Горели красные аварийные огни, выли сирены, в холодном воздухе чувствовался запах гари и страха. Во имя Леты, он на борту! Но ему осталось не больше минуты. Русель побежал по ледяному коридору вглубь корабля, к какому-то освещенному помещению.

Он оказался в подобии полукруглого амфитеатра, уставленного антигравитационными койками. Вокруг суетились люди, выискивая свободные места. Сцена показалась Руселю абсурдной и походила на детскую игру. По кораблю разносился гулкий голос Андрес:

— Занимайте койки. Любую, неважно какую. Сорок секунд.

Пристегнитесь. Никто не сделает этого за вас. Вы сами отвечаете за собственную безопасность. Двадцать пять секунд.

— Рус! Русель! — Русель различил в давке чью-то руку, махавшую ему. Это был Дилюк, его брат, одетый в свой обычный оранжевый костюм. — Клянусь Летой, рад видеть тебя. Я занял для тебя койку. Иди сюда!

Русель протиснулся к нему. Десять секунд. Он бросился на кушетку. Костюм оказался слишком громоздким, и ему не сразу удалось пристегнуться.

Неумело возясь с ремнями, Русель уставился на виртуальный дисплей, возникший перед его лицом. Это был вид площадки с тупого носа Корабля. Длинные трапы все еще свисали вниз, упираясь в лед. Но теперь вокруг основания цилиндрического корпуса кишела темная масса — волна людей, пеших и на машинах, захлестнула кратер. Кое-где мелькали желтые точки. По-видимому, часть гвардейцев отказалась подчиняться своим командирам. Но остальные стояли насмерть, и в последнюю секунду Русель успел заметить вокруг корабля рассыпающиеся искры — это были выстрелы.

Сверкающая белая пелена окутала основание звездолета — это вскипел лед Порт-Сола, нагретый до сотен тысяч градусов. Изображение задрожало, и Русель ощутил трепет где-то внутри машины. Заработали двигатели, Корабль оторвался от поверхности — они успели вовремя.

Когда рассеялось облако пара, Русель заметил на льду крошечные темные фигурки: это были тела людей, тех, кто восстал, и тех, кто остался верен долгу, — смерть наступила в доли секунды. Русель почувствовал, как на него опускается бремя стыда, — лишь стыд остался из всех чувств, боровшихся в его душе с того рокового визита Дилюка. Он оставил свою возлюбленную умирать; он сам стал убийцей; а теперь он сидит здесь, в безопасности, в то время как другие гибнут там, на льду. Как может человеческое существо поступать так? Он чувствовал, что эта горечь никогда не уйдет, никогда не покинет его.

Ледяная равнина удалялась, и на грудь ему начинала давить тяжесть.

* * *

Вскоре их спутники затерялись среди звезд, и Корабль № 3 остался один во всей Вселенной.

Во время этой, начальной фазы своего тысячелетнего пути Корабль № 3 передвигался за счет паровых ракет — двигатели

непрерывно нагревали его ледяной панцирь, и из гигантских дюз вырывался пар. Эти двигатели использовали энергию, которая когда-то способствовала расширению Вселенной. Позднее Корабль должен был начать вращаться, чтобы внутри возникла искусственная сила тяготения, и перейти на новый реактивный двигатель, который обеспечит его поступательное движение. Именно тогда начнется настоящее путешествие.

Наибольшее ускорение было включено в первые часы после взлета, когда Корабль покидал окрестности Порт-Сола. Затем ускорение снизилось до одной трети стандартного — вдвое больше, чем сила тяжести на Луне, к которой привыкли колонисты Порт-Сола. В первое время антигравитационные койки располагались в огромном амфитеатре у основания Корабля, и весь экипаж проводил ночи там — две сотни людей собирались в одной просторной спальне, и мускулы их ныли под двойной нагрузкой.

Согласно плану, за двадцать один день Корабли должны были, двигаясь по направлению к светлому облачку Солнечной системы, достичь орбиты Юпитера. Там они собирались использовать гравитационное поле планеты-гиганта, чтобы совершить прыжок к своей конечной цели. Казалось парадоксальным начинать исход с продвижения вглубь внутренней системы, на территорию Коалиции. Но космос велик, и маршруты Кораблей были проложены таким образом, чтобы избежать вероятных траекторий, по которым могли следовать конвои Коалиции. Корабли обязаны были сохранять полное молчание в эфире, им запрещалось общаться друг с другом. Вероятность их обнаружения становилась ничтожно малой.

Несмотря на изматывающую тяжесть во всем теле, в первые дни после отлета все были заняты работой. Внутренность Корабля следовало переоборудовать, чтобы выдержать первую часть пути. Начались будни длительного путешествия.

На Корабле имелось множество ровных поверхностей, на которых сразу же возникли биопленки — скользкие, с трудом отмывающиеся колонии микроорганизмов. Помимо них питательной средой для роста бактерий служили органические остатки, продукты жизнедеятельности членов экипажа — лоскутки кожи, волосы, слизь. Все это необходимо было уничтожить. Капитан Андрес заявила, что на Корабле должно быть чисто, как в больнице.

Наиболее эффективным способом достижения цели — и наиболее «живучим», по неизменному выражению Андрес, — являлся старый добрый ручной труд. Работа была обязательной для всех, даже для самого Капитана. Русель каждый день

проводил за уборкой свои полчаса, яростно скребя стены, пол и потолок цеха производства нанопищи, за который он нес персональную ответственность. Его устраивала эта механическая работа; он искал способа отвлечься от тяжких мыслей.

Он ненадолго заболел. В первые две недели все члены экипажа подхватили друг от друга простуду. Но немногочисленное население Корабля быстро одолело вирусы, и Русель подозревал, что он никогда больше не заболеет гриппом.

Через несколько дней после отлета Дилюк пришел проведать его. Русель возился по локоть в связующем растворе, пытаясь заделать дыру в вентиляционной трубе установки. Проводя дни и ночи за работой, он редко видел брата. Дилюк удивил его своей жизнерадостностью, энтузиазмом, с которым тот окунулся в свою работу — наладку систем регенерации воздуха. Брат живо рассказывал о своих «детках» — вентиляторах и насосах, увлажнителях, осушителях, фильтрах, промывателях и оксигенаторах.

Русель заметил, что экипаж разделился на две группы. Часть людей вела себя так, словно не существовало ничего, кроме Корабля; они разговаривали шумно, дерзко, слишком радостно, смеялись неестественным смехом. Члены другого лагеря — Русель чувствовал, что относится к ним, — замкнулись и углубились в себя, во тьму, полную неясных теней.

Но сегодня Дилюк казался озабоченным.

— Брат, ты считаешь дни?

— С отлета? Нет. — Он не желал вспоминать об этом.

— Сегодня седьмой день. Можно посмотреть. На одной из наблюдательных площадок. Капитан Андрес говорит, что это необязательно, но если…

Русель не сразу понял, о чем речь. *Седьмой день:* сегодня корабли Коалиции должны достичь Порт-Сола. При мысли об этом Русель вздрогнул. Он вспомнил худшее из того, что произошло с ним в тот страшный день, — когда он сбил обезумевшего отца семейства и поехал дальше, даже не найдя в себе мужества оглянуться на свою жертву. Может быть, сейчас настал момент искупления.

— Пойдем, — сказал он.

Корабль № 3, подобно своим четырем «родичам», представлял собой приземистый тор, то есть имел округлую форму с отверстием посредине. Если смотреть на него издали, то казалось, что это летит гигантский бублик. Чтобы попасть на наблюдательную площадку, братьям пришлось миновать в лифте несколько палуб и пройти по плоскому носу Корабля, к его внешнему краю. Комната, уставленная оборудованием для

генерации виртуальных изображений, уже была подготовлена для следующей фазы — большую часть мебели переместили на стены, которые должны были стать полом. В помещение, вмещавшее около пятидесяти человек, уже набился народ; Руселю и Дилюку пришлось протискиваться сквозь толпу.

Фараон Андрес — теперь Капитан Андрес, напомнил себе Русель, — сидела в глубоком, тяжелом кресле, обращенном к огромному сверкающему виртуальному экрану.

Перед ними величественно вращался ледяной шар. Разумеется, это был Порт-Сол; Русель сразу узнал рисунок древних кратеров, на который наложились очертания созданных людьми карьеров и шахт, жилых комплексов, кораблей, космодромов. В домах горели огни, вызывающе яркие в слабом свечении солнца. Планета напоминала белоснежную посеребренную скульптуру, не заметно было даже следа хаоса и паники, которая должна сейчас свирепствовать в этих коридорах.

При виде этой картины у Руселя перехватило дыхание. Где-то там, внизу, была Лора; мысль об этом была почти невыносима, и он всей душой захотел оказаться сейчас рядом с ней.

На экране возник флот Коалиции.

Корабли материализовались на краю трехмерного изображения, словно прорвавшись сюда из другого мира. Армаду возглавляли пять — нет, шесть, семь боевых Кораблей, каждый больше километра в поперечнике. Они были захвачены у изгнанных Квэкс. На огромных сферах, ощетинившихся орудиями и сенсорами, красовалось грубое изображение зеленого тетраэдра — символа свободного человечества.

У Руселя внутри что-то сжалось от ужаса.

— Мощный флот, — выдавил он.

— Они пришли за Фараонами, — мрачно ответил Дилюк. — Коалиция демонстрирует свою силу. Не сомневаюсь, что сейчас это зрелище транслируется по всей Галактике.

И тут началось. Первое прикосновение вишнево-алых смертоносных лучей показалось почти незаметным; но на льду Порт-Сола возникли каскады сверкающих осколков — часть осыпалась обратно на поверхность, часть унесло в космос. Новые лучи прочертили ледяную корку, и здания начали взрываться, таять, разлетаться на части. Порт-Сол окутало облако кристалликов, образовав жемчужно-белую атмосферу. Все произошло безмолвно, почти изящно. С такого расстояния нельзя было увидеть, как гибнут люди, и картина казалась даже величественной.

— Мы с этим справимся, — бормотал Дилюк. — Мы справимся.

Русель ничего не чувствовал, даже горя — лишь стыд за себя, за свое равнодушие. На его глазах рушился его дом, его мир, но это зрелище не трогаю его. Он попытатся сосредоточиться на отдельном человеке, на Лоре, представить, что она сейчас делает — если она еще жива, — может быть, бежит по обнашивающимся туннелям, задыхается в давке в подземном убежище. Но здесь, в сводящем с ума спокойствии этой комнаты, среди свежего запаха нового оборудования, он не в силах был ничего вообразить.

Атака продолжалась, и по экрану бежали кощунственные цифры — предполагаемое число убитых.

* * *

Порт-Сол погиб, но по-прежнему было необходимо продолжать налаживать системы жизнеобеспечения, от которых зависело существование экипажа.

Русель внезапно вспомнил, что он является старшим нанохимиком Корабля; его задача заключалась в запуске установок производства нанопищи — они играли решающую роль в переработке отходов в продукты питания и другие необходимые товары, например одежду. С самого начала работа оказалась нелегкой. Установки основывались на внеземных технологиях, наноустройствах, украденных у оккупантов-Квэкс. Никто до конца не понимал принцип их действия, они были капризными и сложными в обращении.

Ситуацию ухудшало то, что из двух обещанных Руселю ассистентов — в немногочисленном обществе, бедном профессионалами, большинство людей занималось всем понемногу — на Корабле обнаружился лишь один. Оказалось, что в результате паники перед отлетом десять процентов экипажа не успели попасть на борт; таким образом около десяти процентов людей не имели права здесь находиться. Кучка пристыженных «зайцев» состояла из гвардейцев в желтой униформе — в последний момент они покинули свои посты и нашли убежище на Корабле.

Так или иначе, работу следовало выполнять. И как можно скорее; до тех пор пока не началось производство нанопищи, дневной рацион Корабля постоянно сокращался. Русель находился под сильным давлением. Но он радовался тяжелой работе — умственные и физические нагрузки были так велики, что у него не оставалось времени на размышления, и по вечерам, бросаясь на койку, он сразу же погружался в сон.

На пятнадцатый день Руселя ожидал маленький триумф — из

его установки выползла первая пластина нанопищи.

В политику Капитана Андрес входило празднование небольших достижений; она присутствовала при этой сцене: Русель торжественно проглотил первый кусок своей продукции, она сама съела второй. Последовали бурные аплодисменты, бесконечное хлопанье по спине. Дилюк, как обычно, ухмылялся во весь рот. Но Руселю, по-прежнему словно онемевшему, было не до церемоний. Около половины команды в той или иной мере переносили шок; люди знали, что их мир и все близкие погибли. Он выбрался из толпы, как только смог.

* * *

На двадцать первый день пути Кораблю предстояло достичь Юпитера.

Капитан Андрес приказала всем собраться в амфитеатре с койками и установила над ними виртуальный дисплей. Солнце по-прежнему казалось всего лишь светящейся точкой, хотя и намного ярче, чем в небе Порт-Сола, а Юпитер — сплюснутым туманным шаром, испещренным серо-коричневыми пятнами, — говорили, что это следы битвы, происшедшей в древности. Немногим членам экипажа приходилось ранее покидать Порт-Сол; они вытягивали шеи, чтобы лучше видеть.

Самым захватывающим зрелищем оказались четыре искры, скользившие на фоне звездного ковра. Это были остальные Корабли — первый, второй, четвертый и пятый; у Юпитера маленький флот должен был встретиться в первый и последний раз.

Андрес медленно прохаживалась между койками и говорила громко, чтобы все могли ее слышать; в голосе Капитана звучала прирожденная властность, не нуждающаяся в подтверждении.

— Мы, Фараоны, долго обсуждали наши цели, — говорила она. — Разумеется, их следовало выбрать до того, как мы приблизимся к Юпитеру; так как необходимо было тщательно рассчитать траектории удаления от него. Коалиция мстительна и непримирима, у нее имеются сверхсветовые корабли. Они могут догнать нас за считаные дни — но космос бесконечен, и выследить пять медленных кораблей-ковчегов нелегко. И все же ясно, что нам необходимо разделиться, — тогда вместо одной цели у Коалиции окажется пять. Итак, мы избрали пять пунктов назначения. Наш, — Андрес улыбнулась, — самый необычный из всех.

Она перечислила места, куда направлялись другие Корабли:

системы, рассеянные по всей Галактике; до каждого из них было не меньше пятисот световых лет.

— Конструкция Кораблей вполне позволит проделать этот путь, — пояснила Капитан, — возможно, на таком расстоянии они окажутся в безопасности. Но мы летим дальше.

Изображение сияющих Кораблей сменилось картиной рваного, бесформенного туманного облака.

— Карликовая галактика Большого Пса, — сказала Андрес. — Двадцать четыре тысячи световых лет от Солнца. Это ближайшая из систем-сателлитов, но она расположена за пределами самой Галактики; без сомнения, в ближайшем будущем Коалиция туда не дотянется.

Амфитеатр наполнился сдавленными вздохами изумления. Покинуть Галактику?

Андрес подняла руки, и ропот стих.

— Разумеется, это путешествие выходит далеко за рамки того, что мы планировали. Ни один корабль-ковчег до сих пор не осмеливался летать на такие расстояния, и никто еще не преодолевал их. — Она пристально оглядела экипаж, уперев кулаки в бока. — Но если мы сможем лететь тысячу лет, то сможем пролететь и десять, пятьдесят тысяч — почему бы и нет? Мы сильны, мы не менее решительны, чем Коалиция и ее приспешники, — даже более, ведь правда на нашей стороне.

Русель не привык оспаривать слова Фараонов, но не мог не удивиться самонадеянности кучки правителей, осмелившихся принимать подобные решения от имени всего экипажа, не говоря уже о будущих поколениях.

Но Дилюк буркнул:

— Мне кажется, здесь нет большой разницы. Тысяча лет или десять тысяч — все равно через сто лет я умру и не увижу конца…

Андрес вернула изображения Кораблей. Юпитер быстро приближался, и звездолеты подбирались ближе друг к другу. Андрес объявила:

— Мы решили дать нашим Кораблям имена. Номера не годятся для этого судьбоносного похода. Каждый Корабль должен носить имя! Мы назвали наши новые дома в честь великих мыслителей или великих Кораблей прошлого. — Она принялась водить пальцем по виртуальному экрану. — «Циолковский». «Большая Северная». «Олдисс».[61]«Авангард».

Она оглядела свой экипаж.

— Для нас возможно лишь одно имя. Подобно кучке древних пилигримов, мы спасаемся бегством от несправедливости и тирании, мы устремляемся навстречу тьме и неизвестности, унося с собой надежду всего человечества. Наш Корабль будет носить

имя «Мэйфлауэр».[62]

На Порт-Соле не изучали историю. Никто не понял, о чем говорит капитан Андрес.

В этот момент они приблизились к Юпитеру, его коричневато-золотистое облако нависло над экипажем, и Корабли нырнули в гравитационный колодец огромной планеты. Даже сейчас правило молчания строго соблюдалось, и пять Кораблей расстались без слов прощания.

Теперь, куда бы ни привел его небесный путь, новый «Мэйфлауэр» был один.

* * *

Дни складывались в недели, недели превращались в месяцы, а Русель продолжал работать как одержимый — дела хватало на всех.

Управление кораблем-ковчегом было более или менее знакомо каждому — колонисты Порт-Сола обладали большим опытом в экосинтезе: создании и поддержании жизнедеятельности искусственной замкнутой экосистемы. Но на Порт-Соле они имели в своем распоряжении лед, твердую породу и органические ресурсы самой планеты. А Корабль отныне был отрезан от всей Вселенной.

Итак, воду, воздух и твердые вещества предстояло регенерировать со стопроцентной эффективностью. Необходимо было тщательно избавляться от следов загрязнений и паразитов: уборку кусочков волос и кожи поручили тысячам нанороботов. Жизненно важно было предотвратить утечку кислорода с Корабля — и другие наномашины трудились над созданием искусственного кокона вокруг корпуса.

Кроме того, Корабль был оснащен в спешке, и не все приготовления успели закончить до отлета. В его конструкции имелись недостатки, а внезапное приближение Коалиции, лишившее их последних десяти-одиннадцати дней, еще ухудшило дело. Экипаж трудился изо всех сил, чтобы закончить оборудование Корабля прямо в пути.

Русель считал, что основной проблемой является внезапное изменение цели. Корабль годился для перелета длительностью в тысячу лет. Двигаясь со скоростью примерно вдвое ниже скорости света, они смогут добраться до Большого Пса лишь за пятьдесят тысяч лет. Даже релятивистское растяжение времени даст им не больше нескольких процентов выигрыша. Следовательно устойчивость систем Корабля нужно повысить на несколько

порядков.

Вся эта перестройка имела еще одну цель. Жизненно важные системы Корабля предстояло максимально упростить и автоматизировать, чтобы управлять ими стало как можно проще. По выражению Андрес, они должны «работать на будущее» — довести экипаж до уровня непродуктивного полезного груза. Однако основное правило экосинтеза гласило: чем меньше биосфера, тем более тщательного контроля она требует. Среда Корабля была намного меньше, чем населенная область Порт-Сола, и стабильность ее была невысока; эта неустойчивая экосистема в любой момент могла погибнуть. Ясно было, что если они хотят выжить, то жизнедеятельность маленькой биосферы необходимо тщательно контролировать.

Дилюк выразил эту мысль с мрачным юмором:

— Мы не можем позволить, чтобы цивилизация заглохла здесь.

Даже после ужасной гибели Порт-Сола, несмотря на устрашающую программу, нарисованную Андрес, — Русель подозревал, что в ее исполнение все равно никто не верит, — жизнь людей шла своим чередом. Они все словно медленно выздоравливают, думал Русель.

Дилюк нашел новую партнершу, веселую толстушку по имени Тила; ей было около тридцати. У обоих на Порт-Соле остались возлюбленные — а Тиле пришлось бросить ребенка. Но они, казалось, нашли утешение друг в друге. Дилюк был немного встревожен, когда их обоих вызвали в небольшой личный офис Андрес на допрос по поводу их отношений, но Капитан, тщательно изучив генетические карты, одобрила эту связь.

Русель радовался за своего брата, но Тила оставалась для него загадкой. Большинство людей, отобранных в качестве членов экипажа, были бездетными; лишь немногие согласились лететь, зная, что детей придется бросить. Но Тила покинула ребенка. Он не замечал, чтобы она печалилась об этой потере; может быть, ее связь с Дилюком и возможность иметь детей от него утешали Тилу. Однако Руселю было любопытно, что же творится в ее душе.

Что касается самого Руселя, то его общение с другими людьми ограничивалось работой. Он обнаружил, что Капитан Андрес немного выделяет его среди остальных, а с ним и еще нескольких старших инженеров Корабля. На судне не существовало официальной иерархии, никаких властей, кроме Андрес. Но эта группа, около дюжины человек, элита, отобранная лишь по профессиональным достижениям, постепенно превращалась в нечто вроде совета Корабля.

Русель не желал поддерживать широких социальных

контактов. Он просто работал до изнеможения и спал. Сложные эмоции, бурлившие внутри него, — горе из-за потери Лоры, потрясение после гибели дома, стыд из-за того, что он остался в живых, — внешне никак не проявлялись. Он верил, что переживания не вредят его работе на благо Корабля. Он словно раздвоился — внешне он был один, а внутри — другой, и сомневался, что это когда-либо изменится.

На самом деле, он и не хотел меняться. Придет день, и он умрет, как умерли многие другие, как умерла Лора; когда-нибудь он расплатится за этот грех — за выживание среди всеобщей гибели.

А кроме того, с ним всегда был Корабль. Постепенно Русель начал заниматься разной работой, у него возникла привязанность к Кораблю. Системы постепенно вводили в действие, и судно медленно оживало; Русель научился слушать ритм его насосов, дыхание регенерированного воздуха.

Хотя Андрес по-прежнему называла их дом своим вычурным именем, Русель, как и все остальные, думал о нем, как и всегда: это был Корабль № 3, а со временем он превратился просто в Корабль.

* * *

Однажды — прошло около года после того, как они миновали Юпитер, — Андрес созвала свой совет в амфитеатре в хвосте Корабля. Койки давно вынесли отсюда, и дюжина людей устроились на импровизированных креслах в центре пустого зала, на серовато-белом полу.

Андрес заявила, что хочет немного поговорить об антропологии.

Она расхаживала по комнате своей характерной походкой, возвышаясь над подчиненными.

— Год был хорошим, я вам за это благодарна. Наша работа еще не закончена — в каком-то смысле она никогда не будет закончена, — но теперь мне ясно, что «Мэйфлауэр» сможет преодолеть заданное расстояние. Если наша миссия потерпит крах, это случится по вине людей, а не техники. И именно об этом нам пора задуматься.

«Мэйфлауэр» — Корабль-ковчег, — говорила она, — К настоящему времени человечество накопило тысячелетний опыт запуска подобных Кораблей. Насколько нам известно, до сих пор ни один «ковчег» не выжил. И в чем же причина? Человеческий фактор.

Основная наша задача — контроль над численностью населения. Вы думаете, что это будет несложно! Пространство Корабля ограничено. Пока каждый человек дает жизнь одному ребенку, численность стабильна. Но до сих пор основной причиной краха являлось сокращение популяции; число членов экипажа становится слишком малым, чтобы обеспечить жизнеспособный генофонд, и постепенно жизнь на Корабле затухает. Другой вариант развития событий более драматичен: люди, уничтожив все съестное на судне, истребляют друг друга в кровопролитных войнах.

— Возможно, все это лишь доказывает, что идея такого Корабля неудачна, — сухо произнес Дилюк. — Мы еще не доросли до подобного.

Андрес вызывающе уставилась на него:

— Немного поздновато для подобных заявлений, Дилюк!

— Мы, разумеется, должны думать не только о численности, но и генетическом здоровье нашего экипажа, — заметил Рууль. Этот долговязый серьезный мужчина был главным генетиком Корабля. — Мы уже работаем в этом направлении. Прежде чем оказаться здесь, каждый прошел генетический контроль. Нас

всего двести человек, но мы представляем все разнообразие генофонда людей Порт-Сола. Думаю, нам удастся избежать «цепной реакции» — ни у кого из нас не обнаружено наследственных заболеваний. При определенном контроле над созданием пар для размножения мы сможем избежать образования последовательности генов, ведущих к дефектам в развитии.

— Контроль над созданием пар для размножения? Что это за разговоры? — с отвращением воскликнул Дилюк.

Андрес фыркнула:

— К этим разговорам нам придется привыкнуть, если мы хотим выжить. Репродуктивная деятельность должна протекать организованно. Помните, рождение детей на этом Корабле осуществляется не ради счастья их иметь или подобных примитивных желаний, а для поддержания численности и сохранения генофонда членов экипажа, что способствует выполнению нашей миссии. — Она изучала взглядом Дилюка. — Разумеется, я не против удовольствий! Я когда-то тоже была человеком. Но нам придется разграничить удовольствие и репродуктивную функцию. — Она оглядела собравшихся. — Уверена, что вы уже поняли это. Но даже этого будет недостаточно для достижения наших целей.

— Неужели? — заметил Дилюк.

— Разумеется нет. Вселенная на удивление мала. Нам придется все время полагаться на системы корабля, и любые ошибки и неполадки в пути закончатся катастрофой. Обычная человеческая жизнь продолжается около ста лет; мы недостаточно развиты, чтобы мыслить иными категориями. Но сто лет по сравнению с длительностью нашего пути — лишь мгновение. *Мы должны обеспечить выживание;* я неоднократно повторяла это. А для выживания необходимо, чтобы наши воспоминания, понимание целей и контроль над ситуацией не исчезли через какие-то сто лет, когда закончится жизнь смертных.

Смертные: именно тогда Русель в первый раз услышал из ее уст это слово.

Ему показалось, что он понял, к чему все это говорится, и осторожно произнес:

— При всем моем уважении к вам должен заметить, что общество Порт-Сола не было обычным человеческим обществом. Оно образовалось вокруг вас, Фараонов.

— Именно, — одобрительно сказала Андрес, не меняя выражения своего маленького лица. — Вот в чем суть. — Подняв ладонь к лицу, она принялась изучать ее. — Двести лет назад Правитель Квэкс сделал меня бессмертной. Да, я служила Квэкс

— но моей целью всегда было лишь благо человечества. Вместе с другими я бежала от Квэкс на Порт-Сол; теперь я вынуждена покинуть Солнечную систему, бежать от людей. Но я по-прежнему служу человечеству. Я обеспечиваю вечность, вечность, превосходящую границы человеческих представлений, и именно она — залог успеха, которого не смог достичь даже Майкл Пул.

На лице Дилюка появилась гримаса.

— А чего вы от нас хотите — чтобы мы вам поклонялись, как богине?

Кто-то сдавленно вздохнул; с Фараонами не разговаривают подобным образом. Но Андрес, по-видимому, это не задело.

— Богине? Ничего подобного — хотя немного почтения с твоей стороны, Дилюк, не помешало бы. В любом случае поклоняться нужно не мне. Как вы помните, препараты против старения я получила не от людей, а от Квэкс…

Организм Квэкс не имел ничего общего с человеческим. Они далеко продвинулись в технике, но плохо разбирались в том, как обращаться с пациентами-людьми.

— Вероятность успеха никогда не превышала сорока процентов, — сказала Андрес; продолжая рассматривать свою ладонь, она оттянула дряблую кожу. — Я жажду прожить еще пятьдесят тысяч лет, увидеть конец нашего пути. Но боюсь, это мне не суждено. — Она обвела всех пристальным взглядом. — Я не могу довести все до конца в одиночку. Мне нужна помощь.

Дилюк внезапно все понял, и у него отвисла челюсть.

— Вы шутите.

— Боюсь, что нет. Для нашего блага необходимо, чтобы *кто-то из вас стал бессмертным*.

Рууль, генетик, выпрямился во весь рост.

— По нашему мнению, это возможно. Мы обладаем технологией Квэкс. — И без дальнейших разговоров он протянул вперед ладонь с желтой пилюлей.

Последовала долгая тишина.

Андрес холодно улыбнулась:

— Мы не можем позволить себе умирать. Мы обязаны сохранить намять, когда все остальные забудут то, что мы знаем.

Мы будем управлять кораблем. Мы должны обеспечить тотальный контроль над обществом — над всеми более или менее важными сторонами жизни экипажа — и в будущем такой же жесткий контроль над жизнями их детей. Общество станет таким же устойчивым, как переборки этого корабля. О, мы оставим им свободу, в каких-то пределах! Но необходимо установить такой общественный порядок, при котором разногласия будут минимальными, поддерживать необходимый уровень навыков —

и, самое важное, с рождения вбивать им в головы, что их первейшая обязанность — забота о Корабле.

— А как насчет прав тех, кого вы называете смертными? — спросил Русель. — Мы, Фараоны, лишим их всякого выбора — и их детей, и внуков.

— Права? Права? — Ее голос словно подавлял его. — Русель, смертные нужны лишь затем, чтобы жить, порождать себе подобных и умирать, тем самым передавая гены из поколения в поколение. На Корабле нет места ни для демократии, ни для любви к ближнему! Смертный — просто средство передачи генетической информации. У него нет прав, как у трубы, по которой вода течет из резервуара в кран. Ты, без сомнения, прекрасно это понимаешь. Когда мы достигнем Большого Пса, найдем подходящую для обитания планету, где имеется достаточно ресурсов, тогда мы сможем поговорить о правах. — На ее лице появилось загадочное выражение. — Но вы должны уяснить, что мы будем осуществлять контроль через любовь.

— Любовь? — в изумлении уставился на нее Дилюк.

— Вам известно, что технология Квэкс основана на манипуляциях с генами. Нас, Фараонов, уверили, что бессмертие передается по наследству. И у нас появились дети! Но никто из них не выжил. У меня когда-то тоже была дочь. Она мертва. — После едва различимой паузы она продолжала: — Но сейчас гены, обеспечивающие бессмертие или по крайней мере долголетие, распространились среди людей — даже среди вас. Теперь вам ясно, зачем мы построили эти ковчеги — почему мы не могли бежать и покинуть вас или просто взять с собой замороженные зиготы или яйцеклетки? — Она широко раскинула руки. — Ведь вы — мои дети, и я люблю вас.

Никто не пошевелился. Руселю показалось, что он заметил в ее ледяных глазах слезы. «Как нелепо», — подумал он.

— Фараон, смогу ли я взять с собой Тилу? И наших детей, если они родятся? — осторожно спросил Дилюк.

— Мне жаль, — мягко ответила она. — Тила не подходит. Кроме того, мы просто не сможем обеспечивать постоянную социальную структуру, если…

— Тогда я отказываюсь. — Дилюк встал.

Она кивнула:

— Я уверена, что в этом ты будешь не одинок. Поверьте мне, то, что я предлагаю вам, — отнюдь не привилегия.

Дилюк обернулся к Руселю:

— Брат, ты идешь со мной?

Русель закрыл глаза. Мысль о неизбежности смерти утешала его — она смягчала душевную боль, облегчала тяжесть вины,

которую он обречен был нести всю жизнь. А теперь у него отнимали последнюю надежду, предлагая взамен бесконечное бремя долга.

Но он знал, что обязан принять это бремя. Сама Лора сказала ему: он должен продолжать жить, подобно автомату, и завершить свою миссию. Именно поэтому он оказался здесь; только так можно искупить свой грех.

Русель поднял взгляд на Дилюка:

— Прости.

На лице брата отразилась смесь эмоций: гнев, отчаяние, что-то вроде упрямой любви. Отвернувшись, он вышел из комнаты.

Андрес не обратила на это внимания, словно Дилюк никогда и не существовал.

— Нам придется постоянно бороться с вырождением, — продолжала она. — Это бич Кораблей-ковчегов. Несколько женщин уже забеременели; скоро появятся первые дети, которые всю жизнь проведут здесь и умрут, не увидев ничего, кроме Корабля. А спустя несколько поколений — словом, вы сами понимаете. Сначала экипаж забывает, куда он летит. Затем забывает, что вообще куда-то летит. Потом никто уже не помнит, что находится на проклятом Корабле, и люди считают, что судно — это вся Вселенная. И так далее! И вот перед нами полное червей гнилое яблоко, несущееся через пространство. Даже великий инженер Майкл Пул не смог предотвратить это; его корабль, сконструированный для перелета длительностью пятьсот лет — первая «Большая Северная», — едва добрался до места назначения. О, время от времени вы сможете наблюдать, как какой-нибудь дикарь каннибал проберется на верхнюю палубу и в священном ужасе уставится на звезды, но это не утешит вас, если миссии суждено будет провалиться.

Но на сей раз подобного произойти не должно. Вам, инженерам, известно, что первая фаза полета подошла к концу; лед, служащий нам топливом, почти исчерпан. А это означает, что корпус Корабля обнажился.

Она хлопнула в ладони — и под возгласы удивления пол амфитеатра внезапно стал прозрачным.

Под ногами Руселя раскинулась пропасть, полная звезд; он ощутил внутреннюю дрожь.

Андрес улыбнулась при виде их реакции:

— Вскоре мы покинем плоскость Галактики — вот тогда вы увидите нечто действительно необыкновенное. С таким окном наш экипаж никогда не забудет, что он находится на Корабле. Пока я жива, никаких изменений в сознании людей не произойдет!

* * *

Лед закончился, и паровые ракеты были остановлены. Отныне реактивный двигатель, работающий на темной материи, должен был обеспечивать Кораблю медленное, но неуклонное продвижение вперед.

Большая часть Вселенной представляет собой темную материю, а «светлая материя» — живые существа, звездолеты, небесные тела — лишь ничтожная часть ее вещества. С точки зрения людей, планировавших полет Корабля, преимущество подобного двигателя состояло в том, что за пределами видимого кольца Галактики темная материя встречается в изобилии; ее должно было хватить на все путешествие. Но темная материя взаимодействует со светом лишь при наличии гравитации. И теперь впереди Корабля на тысячи километров простерлись невидимые крылья гравитационного поля. Действуя подобно ковшам, они притягивали темную материю в полый центр тороидального Корабля. Там большая часть вещества аннигилировала, давая энергию, а остаток выбрасывался из двигателя в качестве рабочего тела.

И Корабль продолжал свой путь во тьме.

Он снова был реконструирован. Ускорение, которое обеспечивал новый реактивный двигатель, оказалось гораздо ниже прежнего, и Кораблю необходимо было вращаться вокруг своей оси; при этом в нем за счет центробежной силы возникало искусственное тяготение. Такой способ, конечно, являлся примитивным, но действенным и не требовал особых забот.

Переход к искусственному тяготению стал значительной вехой в истории Корабля, великим поворотом — пол превратился в стены, а стены стали потолком. Прозрачный пол комнаты-амфитеатра теперь служил окном во Вселенную, полную звезд, и Руселю чем-то нравилась ее холодная пустота.

Тем временем Старейшины, десять человек, принявшие предложение Андрес, приступили к курсу терапии. Процедуры проводили генетик Рууль и женщина по имени Селур, главный врач Корабля. Медики начинали курс достаточно медленно, чтобы уловить момент возникновения неблагоприятных эффектов, — по крайней мере, они надеялись, что им это удастся.

Для Руселя лечение, заключавшееся в принятии таблеток и инъекциях, прошло безболезненно, и он старался не думать о посторонних элементах, внедрявшихся в его организм, удалявших токсины, ведущие к старению, препятствовавших повреждению клеток, изменявших структуру ДНК.

Он по-прежнему был поглощен работой, а свободное время

посвящал самообразованию. Все члены экипажа обладали более или менее всесторонними знаниями, но предполагалось, что десять новых Старейшин, став хранителями мудрости и информации, пронесут их через много поколений смертных. И они стремились охватить буквально все, обучаясь друг у друга.

Русель начал с дисциплин, которые, как он предполагал, станут в будущем жизненно важными. Он изучал медицину, антропологию, социологию, этику, экосинтез, принципы работы систем жизнеобеспечения Корабля и его двигателей; методы колонизации, структуру Галактики и ее сателлитов. Он приставал к самой Андрес и вытягивал из нее сведения об истории человечества. Корабль управлялся преимущественно наносистемами, заимствованными у Квэкс, и Русель чувствовал, что ему не хватает квалификации.

Основным его занятием оставалась работа, и он тратил на нее почти все свое время. Перед ним открывались все новые и новые горизонты знания, и учеба захватывала его восприимчивый от природы ум Руселя. Он обнаружил, что способен погрузиться в изучение скрытых аспектов той или иной дисциплины на несколько дней подряд, словно являлся каким-то абстрактным интеллектом, и почти забывал, кто он на самом деле.

Дни его проносились, словно сон, время для него теперь текло иначе.

Однако безмятежная с виду жизнь Старейшин омрачалась неприятными происшествиями. Биотехнология Квэкс оказалась далекой от совершенства. В первый год терапии у одного из избранных обнаружилась почечная недостаточность; человек выжил, но его пришлось исключить из программы.

Затем последовал тяжелый удар для всех Старейшин — сам Рууль скоропостижно скончался от рака. Во время искусственной перестройки клеток его организма произошел сбой.

На следующий день после смерти Рууля, пока Старейшины пытались привыкнуть к этой утрате, утрате его знаний, своеобразного суховатого чувства юмора, Русель решил, что он нуждается в отдыхе. Покинув Монастырь Старейшин, он углубился в недра Корабля, направляясь к дому брата и Тилы.

Цилиндрические палубы Корабля были разгорожены на коридоры и каюты, сконцентрированные вокруг небольших открытых пространств — «деревенских площадей». Русель был в принципе знаком с их расположением, но быстро заблудился; внешний вид стен, полов и ложных потолков менялся снова и снова по мере того, как команда устраивалась на Корабле.

Наконец Русель добрался до нужной двери в нужном коридоре и уже собрался постучать, как вдруг дверь

распахнулась, и пятилетний мальчик с копной густых черных волос, вихрем вылетев ему навстречу, проскользнул между его ногами. Ребенок был одет в мягкий комбинезон, изготовленный на Корабле и давно уже не отдававшийся на переработку, если судить по въевшейся грязи.

Должно быть, это Томи, старший сын Дилюка, решил Русель. Ребенок и Старейшина молча изучали друг друга. Затем мальчишка, показав язык, нырнул обратно в каюту.

Через минуту в дверях показался Дилюк, торопливо вытиравший руки полотенцем.

— Гляньте, что творится, клянусь Летой, — Русель! Это ты! Заходи, заходи!

Русель обнял брата. От Дилюка пахло больным ребенком, кухней, потом, и Русель потрясенно заметил в волосах брата седую прядь. Наверное, он просидел взаперти гораздо дольше, чем думал.

Дилюк провел Руселя в дом. Квартира состояла из пяти маленьких смежных каморок, кухни и ванной. Кто-то ткал гобелены: одну из стен украшала яркая ткань с абстрактными узорами.

Русель уселся на диван, переделанный из антигравитационной койки, и глотнул какого-то крепкого напитка.

— Прости, что я напугал Томи. Наверное, я сам виноват, что стал здесь посторонним.

Дилюк приподнял бровь:

— Ты дважды ошибся. Ты стал не столько *посторонним*, сколько *другим*. — Он провел рукой по волосам.

Русель, непроизвольно повторив жест брата, нащупал голую кожу. Он давно позабыл, что первым побочным эффектом лекарств Фараонов является выпадение волос; он стал лысым, подобно Андрес. Видимо, целыми днями находясь среди Старейшин, Русель к этому привык. Он сухо произнес:

— В следующий раз я надену парик. И в чем мой второй прокол?

— Это не Томи. Томи — наш первенец. Ему сейчас семь. Это маленький Рус, как мы его зовем. Ему пять лет.

— Пять?

Русель присутствовал на церемонии крещения своего маленького тезки. Казалось, это случилось только вчера.

— А сейчас нам нужно подобрать еще имя. Нам тебя не хватает, Рус.

Русель почувствовал, что жизнь скользит мимо него.

— Прости.

К ним спешила Тила с младенцем на руках, таща за собой насмерть перепуганного маленького Руса. Она тоже казалась внезапно постаревшей — располнела, лицо покрылось тонкими морщинками. Она сообщила, что Томи готовит еду, — конечно, дядя Русель останется на обед, правда? — села с мужчинами и немного выпила.

Они заговорили о всяких мелочах, о своей жизни.

Дилюк, демонстративно покинувший неофициальное совещание у Капитана, теперь стал кем-то вроде лидера своей новой коммуны.

По приказанию Андрес двести человек, входившие в состав команды, должны были разделиться на несколько племен, члены которых были тесно связаны между собой. Племя численностью около двадцати человек обитало в деревне из коридоров и кают. Предполагалось, что между племенами будут существовать какие-то взаимоотношения, например обмен партнерами. Таким образом, население Корабля превратится в некий клан. Андрес утверждала, что подобная социальная структура чаще всего встречалась среди людей «в естественном состоянии», как она выражалась, задолго до наступления техногенной эры на Земле. Правду она говорила или нет, было неизвестно, но до сих пор ситуация оставалась стабильной.

Андрес также точно определила, какая система правления должна быть установлена в каждом племени. В их маленьком мирке каждый человек ценится за свои уникальные способности, а также за полученное образование. Люди зависят друг от друга, говорила Андрес, и система самоуправления должна отражать это. Даже демократия в данном случае не годится — в обществе высоко ценимых индивидуальностей подчинение меньшинства воле большинства к хорошему не приведет. И Дилюк управлял своим племенем, основываясь на консенсусе.

— Мы болтаем и болтаем, — с грустной усмешкой рассказывал он, — пока не придем к соглашению. Иногда часами. Один раз мы всю ночную вахту…

Тила фыркнула:

— Только не говори, что ты недоволен. Тебе всегда нравился звук собственного голоса!

Наиболее важной и трудной проблемой, стоявшей перед племенем, являлась проблема воспроизведения. Большая часть взрослых людей уже вступили в моногамные браки. Но между союзами, основанными на привязанности, и связями, имевшими целью рождение детей, следовало проводить различие; генофонд был слишком беден, чтобы позволить себе такую роскошь, как брак по любви.

Дилюк показал Руселю проект общественного договора, который он подготовил, чтобы зафиксировать решения племени.

— Во-первых, после достижения зрелости ты подчиняешься нуждам группы как целого. Например, выбор профессии определяется не только личными склонностями, но и требованиями общества. Во-вторых, рождение детей необходимо осуществлять, сообразуясь с численностью племени. Если нам недостает граждан, то, хочешь ты того или нет, чтобы увеличить население, ты должен завести четырех или пятерых; если людей слишком много, то ты можешь вообще ни одного не родить и остаться бездетным. В-третьих, ты соглашаешься заводить детей как можно позже и работать как можно дольше. Таким образом, ты наиболее полно отрабатываешь образование, данное тебе обществом. В-четвертых, ты сам можешь выбрать партнершу для рождения детей, и она, *возможно*, станет затем твоей женой…

— Нам повезло, — горячо сказала Тила.

— Но вы не можете быть родственниками ближе, чем в третьем колене. И выбор этот должны одобрить Старейшины. То есть ты, — усмехнулся он, глядя на Руселя. — Вас проверят на генетическую совместимость, установят, сможете ли вы максимально обновить генофонд, — и все в таком духе. И наконец, в случае если, несмотря ни на что, тебе не повезло и ты родился с каким-нибудь наследственным дефектом, который, распространяясь среди нас, снижает шансы на выживание, ты соглашаешься вообще не иметь детей. Наследственный порок умирает вместе с тобой.

— Это же евгеника, — нахмурился Русель.

— А что нам остается делать? — пожал плечами Дилюк.

Дилюк не изучал историю Земли, и поэтому, как понял Русель, слово не ассоциировалось у него с древними ужасами. Как и сказал Дилюк, в любом случае в их ситуации выбор был невелик. И во-вторых, евгеника была не так технологична, как генная инженерия, и более живуча.

Русель изучил набросок.

— А что произойдет, если я нарушу правила?

Дилюк замялся; внезапно Русель осознал, что он не только брат этого человека, но и Старейшина.

— Когда дело до этого дойдет, мы как-нибудь разберемся, — ответил Дилюк. — Послушай, Рус, у нас тут нет полиции, нет места для тюрем. Кроме того, каждый человек представляет ценность для общества. Мы не можем никого принуждать. Мы действуем при помощи убеждения и надеемся, что подобные проблемы можно будет разрешить мирным путем.

Дилюк рассказал о своей семейной жизни: о школьных

успехах своих мальчиков, о том, как Томи ненавидит ежедневное мытье стен, а малыш Рус, наоборот, любит, — так можно завести новых друзей.

— У тебя хорошие сыновья, — сказал Русель.

— Да. И тебе нужно побольше видеться с ними, — с умыслом произнес Дилюк. — Но, видишь ли, Рус, они не похожи на нас. Они принадлежат к первому поколению людей, рожденных на Корабле. Они *другие*. Для них все наши рассказы о Порт-Соле и Большом Псе — всего лишь легенды о местах, которые они никогда не увидят. Корабль — это их мир, а не наш, мы появились на свет в другом месте, мы здесь чужие. Ты знаешь, я по-прежнему думаю, что мы взяли на себя непосильную задачу, несмотря на все расчеты Андрес. Все уже пошло не так. Неудивительно, что Корабли-ковчеги терпят крах!

Русель попытался ответить на эту открытость рассказом о себе, но понял, что рассказать ему нечего. Его мозг был занят приобретением новых знаний, но в его жизни было так мало человеческого. «Словно мертвец», — в смятении подумал он.

Дилюк был потрясен известием о смерти Рууля.

— Этот напыщенный генетик — мне кажется, ему поделом, что он умер первым. Но не позволяй себе задумываться об этом, брат. — Подчиняясь импульсу, он подошел к Руселю и положил руку ему на плечо. — Ты знаешь, я доволен жизнью: Тилой, ребятами, нашим домом. Приятно сознавать, что наши жизни служат высшей цели, и *этого* мне достаточно для счастья. Как ты думаешь, может, мне не хватает воображения?

«А может быть, в тебе больше человеческого, чем во мне», — подумал Русель.

— Мы сделали свой выбор, — ответил он.

— Но ты еще можешь отказаться от этого выбора, — осторожно произнес Дилюк.

— Что ты имеешь в виду?

Брат наклонился вперед:

— Почему ты не бросишь эту затею, Рус? Эти дерьмовые пилюли старых Квэкс, проклятые нанолекарства! Ты же еще молод; можешь избавиться от них, очистить свой организм от этой дряни, отрастить волосы, найти какую-нибудь славную женщину, которая снова сделает тебя счастливой…

Русель попытался сохранить невозмутимое выражение лица, но не смог совладать с собой.

Дилюк отстранился.

— Прости. Ты все еще помнишь Лору.

— Я никогда ее не забуду. С этим ничего не поделаешь.

— Каждому из нас пришлось пережить нечто ужасное, —

вступила в разговор Тила. — Видимо, все реагируют по-разному.

— Да, — механически пробормотал Русель.

Он вспомнил, что Тила бросила на Порт-Соле ребенка.

Дилюк взглянул ему прямо в глаза:

— Ты никогда не покинешь этот свой Монастырь, верно? Потому что тебе никогда не удастся сбросить с плеч камень вины.

— Это так очевидно? — улыбнулся Русель.

Тила была радушной хозяйкой. Уловив напряжение гостя, она завела разговор о старых добрых временах, о жизни на Порт-Соле. Но Русель почувствовал облегчение, когда Томи, ставший неприлично высоким, вошел с известием, что еда готова. Торопливо покончив с обедом, он распрощался и смог успокоиться, лишь снова запершись в безжизненной аскетической тишине Монастыря.

* * *

Русель снова вспомнил этот болезненный визит лишь спустя много лет, когда к нему пришел мальчик.

Со временем Старейшины отделились от остального экипажа. Они затребовали себе в качестве жилья отдельную часть корабля, поблизости от его оси, где искусственная сила тяжести была ниже, — ведь за сотни лет мышцы и кости их должны были стать хрупкими. Рууль первым стал шутливо называть это убежище Монастырем. Кроме того. Старейшины освободили себя от рутинной работы, даже от уборки, которая входила в обязанности всех членов экипажа. Вскоре стало казаться, что команда находится на Корабле лишь затем, чтобы обслуживать Старейшин.

Разумеется, все это входило в великий план социального устройства Андрес; в конце концов между Старейшинами и смертными должна была образоваться, как она выражалась, «пропасть благоговения». Руселю казалось, что между двумя лагерями уже образовалась дистанция. Разница в возрасте стала заметной на удивление быстро. Встречая в коридоре смертного, Старейшина видел лицо, которое вскоре будет источено временем и исчезнет, а перед обыкновенным человеком возникала неизменная, загадочная личность, которой суждено увидеть то, что произойдет через столетия после его смерти. Русель наблюдал, как в результате этих изменений рвались узы дружбы, гибла любовь.

Однако Старейшины, находившиеся во все большей изоляции, представляли собой отнюдь не клуб по интересам. Все

они были в своем роде замечательными, амбициозными людьми — иначе они не попали бы в круг приближенных Андрес, — и между ними происходили постоянные стычки. Доктор Селур с горечью заметила, что жизнь избранных походит на вечное тюремное заключение в компании кучки завистливых академиков.

Русель замечал, что Старейшины опасаются друг друга. Он никак не мог избавиться от мысли, что ему придется жить бок о бок с этими людьми *очень долго*. Он старался не нажить среди них врагов — и одновременно не приобрести друзей. Вечность рядом с любимым — это одно, а вечность с *бывшим* возлюбленным может превратиться в ад. Русель предпочитал жизнь скучную, но мирную.

Все постепенно стало на свои места. В тиши Монастыря время текло легко, безболезненно.

Однажды какой-то мальчишка, на вид не старше шестнадцати лет, робко постучал в двери Монастыря и спросил Руселя.

Руселю показалось, что он узнал посетителя. Проведя долгие годы в одиночестве, он отвык общаться с людьми, но постарался собраться с силами и тепло поприветствовал мальчика:

— Томи! Я так давно тебя не видел.

Мальчик выпучил глаза:

— Меня зовут Поро, сэр.

Русель нахмурился:

— Но в тот день, когда я к вам приходил, ты приготовил нам обед, мне, Дилюку и Тиле, а маленький Рус играл… — Но это было давно, напомнил он себе, он не знал точно, *когда* именно.

Старейшина смолк.

Но мальчик, по-видимому, был готов к этому.

— Меня зовут Поро, — твердо повторил он. — Томи был…

— Твоим отцом.

— Моим *дедом*.

Итак, перед ним стоял правнук Дилюка. *Во имя Леты, сколько же времени я провел в этой келье?*

Гость оглядывался, немигающими глазами рассматривал Монастырь, растянув губы в принужденной улыбке. Старейшины мало интересовались чувствами других людей, но внезапно Русель словно увидел комнату глазами этого ребенка.

Монастырь чем-то напоминал библиотеку. Или больничную палату. Старейшины молча сидели в креслах или медленно прогуливались по комнате, рассчитывая каждый шаг, чтобы не повредить свои драгоценные хрупкие тела. Такой образ жизни установился еще задолго до рождения Поро. *И я, который любил Лору, когда она была ненамного старше этого ребенка, я заперт в*

этом пыльном чулане.

— Что тебе нужно, Поро?

— Дилюк болен. Он хочет вас видеть.

— Дилюк?..

— Ваш брат.

Выяснилось, что Дилюк был не просто болен — он умирал.

И Русель отправился за мальчиком, в первый раз за многие годы покинув стены Монастыря.

Он больше не чувствовал себя здесь дома. Члены экипажа, его ровесники, постепенно уходили из жизни, и численность их резко сократилась — точно так же, как произошло бы на Порт-Соле, если бы они смогли там остаться. Русель постепенно привык к тому, что лица, знакомые ему с детства, медленно разрушались временем и исчезали. И все же он испытал потрясение, когда его поколение достигло старости, — поскольку почти все они были одного возраста, началась череда смертей.

А новые люди во всем отличались от них — в том, как они перестраивали внутреннюю часть Корабля, в отношениях друг с другом. Они носили другие прически и даже говорили на другом языке, полном гортанных звуков.

Основная инфраструктура, однако, оставалась неизменной. В каком-то смысле Русель уже считал ее более реальной, чем мимолетные, скоротечные изменения, вносимые смертными. Хотя ощущения его постепенно притуплялись, — терапия Квэкс замедлила его старение, но не смогла полностью остановить его, — он все яснее различал едва заметные вибрации и шумы Корабля, его механические настроения и радости. Смертные приходили и уходили, остальные Старейшины становились неуклюжими стариками, но Корабль оставался его верным другом и требовал лишь его заботы.

Но смертные, конечно, узнавали его. Они разглядывали его с любопытством, некоторые дерзко или, что было хуже всего, с ужасом.

По дороге Русель заметил ссадину на лбу мальчика.

— Что с тобой случилось?

— Меня наказали. — Поро со стыдом отвел глаза. Один из учителей ударил его линейкой за «дерзость»; выяснилось, что дерзостью являются лишние вопросы.

Концепция образования на Корабле страдала противоречиями. Учащиеся должны были обладать достаточными способностями, чтобы разобраться в устройстве Корабля и научиться обслуживать его системы. Но дальше этого обучение не шло. Существовал лишь один способ научиться что-то делать: ты учился чему-то одному, и только. Быстро обнаружилось, что

образование следует ограничивать; людям давали лишь то, что им следовало знать, и приучали не спрашивать больше ни о чем, не интересоваться.

Русель понимал, что это необходимо. Но ему не нравилось, что послушания добиваются с помощью линеек. Наверное, следует поговорить об этом с Андрес и разработать новую политику.

Они добрались до коридора-деревни Дилюка и вошли в знакомую дверь.

Тила была еще жива, но спина ее согнулась, волосы поседели, а лицо превратилось в маску, изрезанную морщинами.

— Спасибо тебе за то, что пришел, — прошептала она, взяв Руселя за руки. — Ты знаешь, как мало остаюсь нас, рожденных вне Корабля. И он постоянно спрашивает о тебе.

Русель сжал ее ладонь; он чувствовал себя неловко и не знал, что сказать. Он разучился общаться с людьми, выражать сочувствие; рядом с этой сломленной горем женщиной он чувствовал себя скованно и нелепо.

Прежде чем Русель смог увидеть бра га, ему пришлось миновать группу уважаемых людей племени. Коридор наполняли дородные мужчины и женщины с мрачными лицами, в тусклых одеждах, изготовленных на Корабле. Последовали длинные, сложные приветствия. У смертных возникла тщательно разработанная система ритуалов для каждого события: встречи, расставания, принятия пищи. Русель понимал их ценность — они занимали время и позволяли избежать социальных трений. Но держать в голове эти вечно меняющиеся церемонии было нелегко. Правила игры в вежливость постоянно усложнялись — ничего не стоило совершить промах и нанести кому-нибудь оскорбление.

Уважаемые люди явно были озабочены потерей Дилюка — и не без оснований.

Идея Андрес об «управлении через консенсус» оказалась более чем неудачной. На Корабле образовалось около дюжины племен; в некоторых из них бесконечное пережевывание одного и того же парализовало всякую деятельность. Повсюду власть более или менее явно начала сосредотачиваться в руках сильных личностей. Андрес это не сильно беспокоило, пока выполнялась работа и соблюдались основные правила. Кто бы ни стал во главе племени, он вынужден был заручиться одобрением Старейшин. Таким образом, Андрес и ее «правительство» по-прежнему сохраняли какое-то влияние.

Но в племени Дилюка сложилась более сложная ситуация. Будучи братом Старейшины, он обладал необыкновенной аурой и исподволь пользовался своей властью, чтобы подтолкнуть коллег

к решениям, которые они в другом случае не принято бы. Он был лидером, но в лучшем смысле этого слова, подумал Русель, он управлял племенем исподволь, из-за спин других людей. А теперь Дилюк уходил, и его народ понимал, что без такого вождя им придется нелегко.

Когда уважаемые люди покинули жилище Дилюка, Старейшине представили его детей, внуков и правнуков. Все знакомства подчинялись строгим ритуалам общения смертного со Старейшиной, даже малыши исполняли их серьезно и сосредоточенно, что раздражало Руселя.

В конце концов он с неохотой вошел в квартиру брата.

Комнаты остались почти такими же, какими он их помнил, сменились лишь гобелены на стене. Дилюк лежал в кровати, укрытый старым одеялом. Руселя потряс вид брата, словно съежившегося от старости. И даже под одеялом он мог различить вздутие — опухоль в желудке, от которой умирал старик.

Старейшина решил было, что Дилюк спит. Но брат открыл один глаз.

— Здравствуй, Русель, — прокаркал он. — Негодяй.

— Прости…

— Ты не навещал нас пятьдесят лет.

— Не может быть…

— Пятьдесят лет! *Пятьдесят лет!* Как будто… — Он захлебнулся кашлем. — Как будто этот Корабль так велик…

Они поговорили, как раньше. Дилюк бессвязно рассказывал о своих внуках и правнуках — все они имели замечательную наследственность и подавали большие надежды.

Русель заговорил о несчастьях со Старейшинами. Дилюк скорчил гримасу:

— Значит, даже бессмертные умирают.

Он вытянул руку, и Русель взял ее в ладони — кости стали хрупкими, плоть почти сошла с них.

— Позаботься о них, — сказал Дилюк.

— О ком?

— Обо всех. Ты понимаешь, о чем я. И позаботься о себе.

Он поднял взгляд на брата, и Русель увидел в его глазах сострадание — источенный болезнью умирающий жалел *бессмертного*.

Он смог пробыть здесь лишь несколько минут.

* * *

Старейшины погибали по разным причинам, их объясняла

доктор Селур, но Андрес лишь фыркала в ответ.

— Я уже видела подобное. Я называю это жаждой смерти, — сказала она. — Вы достигаете некоторого возраста, когда ваш организм должен умереть. И вы смиряетесь с этим. Может быть, это свойство человеческого сознания, утешение, предусмотренное для нас на случай встречи с неизбежным, — закудахтала Андрес. Она тоже старела, у нее не осталось ни одного зуба. — Терапия Квэкс не влияет на психику. А эта жажда гибели уносит больше потенциальных бессмертных, чем вы можете себе представить. Странно, не правда ли? Выходит, долголетие зависит не только от физического, но и от душевного здоровья.

Несколько лет Руселя терзала смутная тревога — он ждал, когда же его инстинктивное стремление уйти даст о себе знать. Но оно так и не проснулось, и он удивлялся: может быть, он обладает какой-то необыкновенной силой духа — или недостатком.

Русель пытался поговорить о смерти Дилюка, но Андрес отделалась от него словами:

— Дилюк был трусом, он уклонился от выполнения долга. В любом случае, хорошо, что первое поколение членов экипажа вымирает. *Они* всегда в некоторой степени смотрели на нас как на равных. А следовательно, ставили под сомнение наши идеи, наше право на руководство; это естественно. Новое поколение абсолютно отличается от нас — это сделает их более покладистыми.

Теперешний экипаж не переживал нашей трагедии — зрелища гибели Порт-Сола. Душевные травмы заживают медленно, Русель; в этом ты не одинок… Сейчас появились здоровые люди, приспособленные к жизни на Корабле, — ведь они ничего другого не видели. Когда среди команды останутся лишь такие, мы сможем наконец устроить все должным образом. Вот увидишь.

Русель с облегчением вернулся к своим занятиям, отгородился от сложностей человеческой жизни. Время снова мирно текло мимо него, и тот трагический день затерялся в темных коридорах памяти.

Больше никто из родственников не приходил навестить его.

* * *

— Русель! Русель! — Голос звучал грубо — голос Андрес.

В те дни он спал крепко, и прошла целая вечность, прежде чем он очнулся. Он пробирался навстречу свету сквозь пласты

снов и воспоминаний, пока наконец реальные и воображаемые картины не смешались в его мозгу. Однако он всегда сознавал, *где* он находится, даже в самом крепком сне. Он был на Корабле, в своем летающем гробу. Но он никогда не мог вспомнить, *как* давно он здесь.

Русель попытался сесть. Койка реагировала на малейшее движение, и ее спинка осторожно приподнялась, поддерживая его. Он огляделся — его окружал тусклый золотой свет Монастыря. Здесь находилось три койки — это были громоздкие автоматические приспособления, наполовину кровати, наполовину аппараты жизнеобеспечения. Три, потому что в живых остались лишь трое Старейшин.

Рядом кто-то двигался. Разумеется, это был смертный — молодая женщина. Не поднимая на Старейшину глаз, она старательно сложила дрожащие ладони в жесте «извиняющегося приветствия». Русель отпустил ее коротким взмахом руки: этот вздор мог занять целый день.

Андрес наблюдала за ним — глаза ее живо сверкали на источенном временем лице. В коконе из одеял она напоминала огромную личинку.

— Ну что тебе? — огрызнулся Русель.

— У тебя изо рта слюна течет, — мягко сказала она. — Только не в присутствии смертных, Русель.

Он раздраженно вытер рукавом подбородок.

— Ах, и еще, — тем же тоном добавила она. — Селур умерла.

Новость, хотя и преподнесенная осторожно, оглушила Руселя.

Он неуклюже перевернулся — мешали одеяла и оборудование. Койку доктора окружили смертные, убиравшие ее похожее на мумию тело. Они действовали молча, осторожно, почтительно. Он различил сквозь полумрак, что они дрожат.

— Мне она никогда особенно не нравилась, — сказал Русель.

— Ты это уже много раз говорил.

— Но мне будет не хватать ее.

— Мне тоже. Нас осталось двое. Русель, нам нужно поговорить. Нужно найти новый подход к общению со смертными. Предполагается, что нас должны бояться и уважать. Посмотри на нас. Посмотри на бедную Селур! Мы не можем позволить, чтобы нас снова видели в таком положении.

Он осторожно оглянулся на смертных.

— Не волнуйся, — сказала Андрес. — Они нас не понимают. Лингвистический сдвиг.

— Нам придется с ними общаться. Мы представляем собой высшую власть — ты всегда говорила это.

— Вот именно, и все должно идти по-прежнему. Но думаю,

что впускать их сюда больше не следует. Автоматы могут поддерживать наше существование. Клянусь Летой, теперь, когда столько коек освободилось, здесь достаточно запчастей. Я предлагаю…

— Кончай это! — строго сказал он. — Ты снова за свое, старая ведьма. Ты всегда старалась навязать мне свое решение, прежде чем я пойму, в чем дело. Дай мне собраться с мыслями.

— Кончай это, кончай это… — насмешливо повторила она.

— Заткнись!

Русель закрыл глаза, чтобы не видеть ее, и откинулся назад.

Имплантат в затылке позволял ему чувствовать свое тело, получать информацию о Корабле и Вселенной.

Сначала, разумеется, Русель осмотрел свое тело — постепенно приходящее в негодность устройство, ставшее его тюрьмой. Хорошей новостью оказалось то, что теперь, через двести лет после смерти его брата, медленное старение организма прекратилось. С тех пор, как он в последний раз проверял, — *во имя Леты, целый месяц назад, а ему кажется, что только вчера! Сколько же он спал на этот раз?* — значительного ухудшения не произошло. Но он был прикован к телу девяностолетнего старика — болезненного старика. Почти все время он спал, и периоды бодрствования постепенно сокращались; в это время койка кормила его, убирала экскременты, осторожно переворачивала его тело и конечности, превратившиеся в палочки. Раз в несколько недель ему проводили переливание крови — дар благодарных смертных Старейшинам. «Словно больной в коме», — угрюмо размышлял Русель.

Существование его потеряло смысл, стало скучным. Он поспешил дальше.

Его виртуальная «телекамера» бродила по Кораблю. Миновали века, но расположение комнат в коридоре-деревне, которой когда-то руководил Дилюк, осталось прежним до малейших деталей. Те же коридоры, та же деревенская площадь. Но люди изменились, они продолжали меняться по мере того, как цветущая молодежь превращалась в дряхлых стариков.

Автарк, которого он видел во время последнего осмотра, по-прежнему был здесь. Этот могучий здоровяк называл себя Руулем, в знак протеста против запрета принимать имя Старейшины, пусть даже давно покойного. На вид он не слишком постарел. Окруженный двумя женами, Рууль принимал подданных, выстроившихся в очередь, — они искали «мудрого совета» Автарка по тому или иному пустяковому вопросу. Рууль отвечал быстро и дельно, и Русель, слушавший его, — хотя ему нелегко

давался изменившийся со временем язык, — не мог упрекнуть жесткого Автарка в прегрешениях против правил.

Он двинулся дальше, наблюдая за окружающим на виртуальном экране.

Жители деревни занимались повседневными делами. Четверо скоблили стены — они каждый день по очереди выполняли эту работу. Два полных важных человека обсуждали вопросы этикета — сложные, отнимавшие много времени причудливые формы выражения вежливости. На стенах появилось несколько новых картин-голограмм; предполагалось, что с ними коридоры Корабля будут выглядеть просторнее. Какая-то женщина наводила порядок в «саду» из обломков пластика, выводя маленькими металлическими граблями сложные узоры. Смертные, деды и прадеды которых родились на Корабле, никогда не слышали о садах Зен; они открыли это искусство самостоятельно.

Небольшая группа детей обучалась разбирать и чинить вентилятор; дети нараспев повторяли названия деталей, заучивая их наизусть. Русель знал, что больше их ничему учить не будут. Им не рассказывали о принципе работы механизма — ни о том, как он действует, ни о том, как он связан с другими системами Корабля. Их учили лишь самому необходимому.

Все были заняты, поглощены делом. Некоторые даже выглядели счастливыми. Но Руселю эта картина показалась гнетущей: люди в тусклой одежде, изготовленной из отходов, заключенные среди отполированных переборок Корабля. Даже язык их был беден и становился все беднее. Смертным были незнакомы понятия «*горизонт*» или «*небо*» — но зато появилось больше сорока слов, означавших различные степени любви.

Он наблюдал за деревней, а по экрану бежали светящиеся колонки цифр. Значительных изменений в численности населения не произошло. Обслуживание Корабля осуществлялось надлежащим образом. Законы репродукции, проводимые в жизнь Автарком и его коллегами в соседних деревнях, соблюдались, и гены смешивались вполне успешно.

Ситуация стабилизировалась. Но в деревне Дилюка свободным был только Автарк.

Необычайно наивная со стороны Андрес идея о создании общества уважаемых граждан, осуществляющих самоуправление путем консенсуса, едва пережила смерть Дилюка. Самые властные люди быстро захватили контроль над деревнями и в большинстве случаев объявили себя и членов своих семей наследственными правителями. Андрес поворчала по этому поводу, но такая социальная система явно была устойчивой, и в конце концов Старейшины уступили Автаркам часть своей мистической

«харизмы».

Однако Автарки постепенно отдалялись от своих подданных.

Среди смертных уже встречались долгожители. По-видимому, эксперименты Квэкс с геномами Фараонов действительно привели к распространению среди людей генов долголетия. И теперь Автарки подыскивали себе партнеров из семей, где обнаруживалась подобная тенденция.

Прошло некоторое время, и Автарки, как и их потомки, старели теперь гораздо медленнее своих подданных-смертных.

Это всего лишь естественный отбор, утверждала Андрес. Так уж повелось, что правитель стремится превзойти своих подданных по числу потомков. Но если ты Автарк и находишься в стенах Корабля, что тебе остается делать? Здесь нет места для толпы принцев и бастардов. Кроме того, законы Старейшин, охраняющие наследственность, не позволили бы этого. И Автарки пытались сохранить контроль над населением, не умножая численность наследников, а удлиняя свою собственную жизнь.

Казалось, Андрес считала происходящее забавным. Русель же беспокоился о том, к чему все это может привести.

Он снова очутился в своем теле и, очнувшись, обнаружил, что Андрес наблюдает за ним, — это вошло у нее в привычку.

— Значит, ты считаешь, что мы должны что-то изменить, — сказала она. — Нам придется поторговаться с, Автарками. Многие из них — несговорчивые покупатели, Русель, и воображают себя крепкими орешками. Если они заподозрят нас в слабости — например, вдруг они узнают, что мы спим по три дня, прежде чем ответить на простейший вопрос…

— Ясно. Нельзя, чтобы нас видели смертные. — Русель раздраженно вздохнул. — Но что нам тогда делать? Изрекать эдикты бесплотными голосами — не пойдет. Если они не будут нас видеть, они скоро позабудут, кто мы такие. — «Скоро» на языке Старейшин значило «через пару поколений».

— Верно, — оборвала его Андрес. — Нам придется придумать себе внешность. Что ты скажешь об этом? — Она сделала едва заметный жест, и над головой у нее возникло виртуальное изображение.

Русель увидел себя в молодости, поглощенного работой в цеху нанопищи, подготовкой к длительному путешествию. Вот он уже моложавый Старейшина, совершенно лысый, помогающий советами благодарным смертным. Здесь были даже его изображения из далеких времен на Порт-Соле, рядом с улыбающейся Лорой.

— Где ты раздобыла этот хлам?

Она фыркнула:

— Камеры на Корабле. Твой личный архив. Ну-ну, Русель, какие у нас могут быть секреты друг от друга! Симпатичная девушка.

— Верно. Что ты намерена с этим делать?

— Демонстрировать смертным. Покажем тебя в расцвете сил, Русель, на пике способностей, когда ты ходил по тем же коридорам, что и они; пусть они увидят в тебе человеческое существо и одновременно больше, чем просто человека. Вот что нам нужно: аналогия с их жалкими жизнями, сопереживание и в то же время благоговейный страх. Твой голос получит лицо.

Он закрыл глаза. Разумеется, в этом имелся смысл; логика Андрес была грубой, но всегда действовала.

— Но почему я? Лучше было бы, если бы мы оба…

— Не очень-то разумно, — ответила она. — Я бы не хотела, чтобы они видели мою смерть.

Он не сразу понял, что Андрес, первая из Фараонов, угасает. Это казалось Руселю непостижимым; ее смерть была подобна крушению мироздания.

— Но тогда ты не увидишь Большого Пса, — упрямо возразил он, словно она делала неверный выбор.

— Не увижу, — грубо ответила Андрес. — Но «Мэйфлауэр» туда попадет! Оглядись вокруг, Русель. Корабль функционирует безупречно. Созданное нами общество стабильно и справляется со своей задачей по сохранению генофонда. И ты, ты всегда был самым выдающимся среди нас. Ты доведешь дело до конца. Для меня этого достаточно.

Русель решил, что она права. Ее планы претворялись в жизнь; Корабль и его экипаж работали именно так, как мечтала Андрес. Но прошло всего лишь двести пятьдесят лет, пять тысячных пути через устрашающую пустыню времени, которая отделяла их от Большого Пса, — и теперь ему скорее всего предстоит продолжать этот путь одному.

— Нет, не одному, — возразила Андрес. — Корабль всегда будет с тобой…

Да, Корабль, его верный друг. Внезапно он почувствовал могучее желание сбежать от запутанных людских проблем и слиться с его бесстрастным механическим существом. Откинувшись на спину, он мысленно пробрался через заполненный людьми цилиндрический корпус, миновал реактивные двигатели и оказался между гравитационными крыльями, за которыми следовал Корабль.

Русель оглянулся. Корабль преодолел лишь ничтожную часть великого пути, но уже почти покинул плоскость Галактики, и теперь ядро, скопление планет в ее центре, светилось, подобно

солнцу, среди полупрозрачных спиралей. Это было чарующее, утешительное зрелище.

Когда Русель очнулся от своих межгалактических грез, Андрес уже была мертва; ее койку разобрали на запчасти, а тело отправили на переработку.

* * *

Придя в себя после долгого сна, Русель увидел юное лицо, перекошенное ненавистью, ненавистью к *нему*.

Старейшине следовало бы предвидеть восстание. Все признаки были налицо: изменения в социальном строе смертных, усиливающееся напряжение. Это должно было случиться.

Но ему было так тяжело сконцентрироваться на быстротечных жизнях этих смертных, понять их невероятный язык и обычаи, их пустяковые заботы и мелкие ссоры. В конце концов, Хилин принадлежал к сорок пятому поколению рожденных на Корабле: *сорок пять поколений*, во имя Леты, почти тысяча лет…

Но жизнь Хилина привлекла внимание Старейшины.

Когда все началось, Хилину было шестнадцать лет. Он родился в деревне, которой когда-то управлял Дилюк.

Со временем Автарки из разных деревень переженились между собой, образовав сплошную паутину власти. Жизнь их в среднем была вдвое длиннее, чем жизни их подданных, и они захватили монополию на снабжение Корабля водой. Они полностью контролировали население: образовалась какая-то водяная империя, управляемая геронтократами.

Хилин не принадлежал к роду Автарков: его семья была бедной и бесправной, подобно всем простым смертным. Но они, по-видимому, смирились со своей участью. Когда Хилин в детстве играл на пластиковом полу коридора, истертом ногами многих поколений, он выглядел веселым, счастливым ребенком. Став покладистым подростком, он с радостью брался за мытье переборок, когда наступала его очередь, и принимал шлепки от учителей за свои дерзкие вопросы.

Удивительно, но его всегда занимала личность Руселя — или скорее полумифического существа, представленного в виртуальных диафильмах для жителей деревни. Хилин с жадностью впитывал рассказы о благородном Старейшине, покинувшем свою возлюбленную ради жизни, посвященной служению людям, — бессмертном идеале для своих подданных.

Хилин рос, демонстрируя необыкновенные успехи в учебе. В четырнадцать лет он вошел в интеллектуальную элиту. По мере

того как снижались образовательные стандарты, люди разучились читать и писать, и ученые монахи теперь наизусть зазубривали каждое правило, касающееся управления Кораблем или его обществом. Обучение начиналось в четырнадцать лет и продолжалось по меньшей мере двадцать, пока на смену им не приходили новые поколения.

Русель прозаично окрестил этих терпеливых собирателей знаний Друидами; его не интересовало, как смертные называют себя, — мелькали столетия, имена менялись. Он был доволен появлением Друидов. Бесконечное заучивание сведений заполняло их бесцельное существование — и создавало новый класс, противовес власти Автарков.

Хилин снова покорял вершины успеха, выдерживая один за другим экзамены Друидов. Даже страстная любовь к Сале, девушке из соседней деревни, не смогла отвлечь его от занятий.

Пришло время, пара испросила разрешения своих родителей на брак и получила его. Затем молодые попросили у Автарка позволения завести детей. К их восторгу, оказалось, что набор их генов, сведения о котором хранились в обширной памяти Друидов, благоприятствует браку.

Но, несмотря на это, Друиды запретили молодым людям иметь детей.

Хилин с ужасом узнал, что причиной этого являлись результаты последнего экзамена — проверки уровня его интеллекта и умственного потенциала. Он потерпел неудачу потому, что результаты оказались блистательными.

Русель долго размышлял об этом и наконец понял, в чем дело. Евгеника, избавление от слабых, в целом проводилась разумно. Но двойная власть Автарков и Друидов теперь пыталась также отсеивать слишком талантливых, слишком любопытных — они были потенциальными бунтовщиками. Заметь Русель эту тенденцию раньше, он искоренил бы ее. Если так будет продолжаться, смертные превратятся в пассивное, апатичное стадо, подчиняющееся Автаркам и Друидам, но бесполезное для высших целей миссии.

Но для Хилина все было уже кончено. Ему запретили даже видеться с Сале. Приближенные Автарка сообщили ему, что таков приказ самого Старейшины, хотя Русель, почти все время проводивший в дреме, ничего не знал об этой истории.

Хилин долгие часы просиживал в похожей на склеп комнате, где бесконечно демонстрировались виртуальные изображения Руселя. Он старался понять. Он говорил себе, что мудрость Старейшины превосходит его понимание; что эта разлука принесет ему добро, несмотря на причиненную боль. Он даже

пытался найти утешение в сходстве своей несчастной любви с историей Руселя и Лоры. Но просветление не наступало; недоумение и боль вскоре переросли в негодование — и ненависть.

В отчаянии он попытался разрушить святилище.

В наказание Автарк заключил его в тюрьму на два дня. Хилин вышел из камеры внешне покорный, но внутри у него все кипело. Позднее Русель, узнав обо всем, корил себя за то, что не предвидел опасности.

Но ему стало так трудно оценивать ситуацию.

Койка информировала его, что его центральная нервная система постепенно разрушается. Русель еще мог шевелить ногами и руками — даже ходить, опираясь на специальное приспособление, — но он не чувствовал стопы, лишь слабую боль в пальцах ног. Неприятные и приятные ощущения равно потеряли для него смысл, и он перестал чувствовать ход времени. Выныривая на поверхность из глубин сна, он потрясенно узнавал, что год пронесся, словно один день; время теперь летело для него в несколько раз быстрее.

В то время как он медленно отдалялся от физического мира, в его сознании также происходили изменения. За тысячу лет его воспоминания, особенно самые яркие, самые драгоценные, истерлись, подобно покрытиям в коридорах Корабля; он уже не понимал, помнит ли что-то, или это лишь воспоминания о воспоминаниях.

Кем же он стал, оторвавшись от настоящего и прошлого? Может быть, он больше не человеческое существо? Смертные, разумеется, ничего не значили для него: их тела состояли из тех же атомов и молекул, что и тела их предков, более сорока раз прошедших переработку в системе Корабля, перетасованных в бессмысленных комбинациях. Они никак не могли затронуть его чувства.

По крайней мере, ему так казалось, пока Хилин не привел девушку.

Эти двое стояли перед виртуальным экраном в святилище Руселя, где, по их понятиям, обитал он сам. Пытаясь соответствовать его, Старейшины, представлениям о времени, они проводили там долгие часы, почти не двигаясь. На застывшем лице Хилина читались гнев и решимость. Но женщина была бесстрастна.

В конце концов рассеянное внимание Руселя привлекло какое-то сходство. Девушка. Она была выше большинства смертных, бледна, тонка в кости. Огромные темные глаза, казалось, смотрят в никуда, хотя пристальный взгляд их был

направлен в невидимые камеры.

Лора.

Разумеется, это невозможно! Как такое могло произойти? На борту Корабля не было ее родственников. И все же Русель погрузился в какой-то полусон, принялся перебирать старые воспоминания, не в силах оторвать взгляда от ее лица.

Как и задумал Хилин.

Корабль был охвачен восстанием. Во всех деревнях Автарков и их семьи вышвыривали из роскошных кают. Те, веками властвовавшие над своими недолговечными собратьями, не ожидали ничего подобного, им не могла даже в голову прийти мысль о мятеже; сопротивление оказывали немногие. Толпу богато одетых старых правителей и их немногочисленных детей согнали в самую просторную комнату на Корабле — перевернутый амфитеатр, где много лет назад Русель лежал в койке, покидая Порт-Сол.

Восстание планировалось централизованно, время для него было тщательно подобрано, и план дотошно приведен в исполнение. Несмотря на столетия селекции, призванной в корне извести всякую инициативу и изобретательность, смертные оказались не такими уж забитыми, и в лице Хилина они нашли своего генерала. Все было кончено еще до того, как Старейшина отвлекся от созерцания девушки — он ничего не заметил.

Хилин, король коридоров, стоял перед лицом Старейшины. Он прикоснулся к лицу девушки — копии Лоры и — сорвал его. Это была маска, всего лишь маска; Русель со стыдом понял, что этот мальчишка смог перехитрить существо, которое было на тысячу лет старше него.

Размахивая окровавленной дубиной, Хилин выкрикнул вызов своему бессмертному богу. Системы Монастыря переводили слова юноши — прошла тысяча лет, и язык совершенно изменился.

— Ты допустил это, — вопил Хилин. — Ты позволил Автаркам жить за наш счет, словно [*перевод отсутствует — паразитам?*]. Мы мыли для них палубы собственной кровью, а они не давали нашим детям воды. А ты, ты [*перевод отсутствует — непристойность?*] позволял им все это. И знаешь почему? — Хилин шагнул ближе, и его лицо заполнило экран, находившийся перед Руселем. — Потому что тебя не существует. Тебя не видели сотни лет — я уверен, что вообще никогда не видели! Ты — ложь, состряпанная Автарками, чтобы держать нас в узде, вот что я думаю. Но мы в тебя больше не верим, не верим во все это [*перевод отсутствует — фекалии?*]. Теперь мы вышвырнули Автарков вон. Мы свободны!

И они действительно были «свободны». Хилин и его

приспешники грабили квартиры Автарков, объедались пищей, упивались водой, которую Автарки хранили для себя, и занимались любовью до изнеможения, жизнерадостно бросая вызов запретам, охранявшим генетическое здоровье. И ни одна панель обшивки не была вымыта.

Прошло три дня, но беспорядки продолжались, и Русель понял, что настал самый тяжелый кризис за всю историю Корабля. Придется действовать. Подготовка к действию отняла у него еще три дня, большую часть из которых он сражался с неуклюжим медицинским оборудованием.

Затем Русель приказал открыть дверь Монастыря — впервые за сотни лет. Дверь открылась не сразу — ее заело. Наконец она распахнулась с громким треском, сделав его появление еще более устрашающим, чем он задумал.

Но поблизости никого не оказалось; никто не наблюдал его пришествия, кроме пятилетнего мальчишки. Ребенок, с круглыми от изумления глазами, глубоко засунувший палец в нос, до боли напомнил Руселю его племянника Томи, давно мертвого и перемолотого в установках для переработки отходов.

Русель стоял, весь в проводах и трубках, храбро опираясь на ходильную раму. Он попытался улыбнуться мальчику, но поскольку лица своего он не чувствовал, то не понял, удалось это ему или нет.

— Позови ко мне главных Друидов, — произнес он, и где-то рядом прошелестел перевод.

Мальчик закричал и убежал прочь.

Друиды уже склонились перед ним, спрятав лица. Он с большой осторожностью прошел между ними и даже позволил некоторым прикоснуться к своему халату. Он хотел убедиться, что они считают его реальным существом, хотел, чтобы они ощутили его пыльную древность. Может быть, и эти отшельники в глубине души, подобно Хилину, никогда до конца не верили в существование Старейшины. Что ж, теперь мессия внезапно явился им во плоти.

Но он видел их словно сквозь потрескавшееся стекло; он плохо слышал, не чувствовал своего тела, потерял обоняние и вкусовые ощущения. «Похоже на ходьбу в скафандре», — подумал он.

Русель был карающим божеством. Правила жизни на борту Корабля нарушены, гремел он. И это относится не только к недавней свалке. Больше никаких водных империй, никаких империй интеллекта: Друидам придется позаботиться о том, чтобы каждый ребенок получал основы знаний, учился правилам управления Кораблем и ознакомился с генетикой.

Автарки не должны больше держать власть в своих руках, решил он. Вместо них управление временно передается одному из Друидов — он ткнул пальцем в сторону какой-то насмерть перепуганной женщины. Управляя мудро и справедливо, она будет пользоваться поддержкой Старейшины. После ее смерти люди изберут преемника, который должен быть ей не ближе по крови, чем троюродный брат.

Старых Автарков и их потомство тем не менее следовало пощадить. Им предстояло пожизненное заключение в тюрьме-амфитеатре; их должны обеспечивать провизией, чтобы они не умерли с голоду. Русель думал, что со временем бывшие царьки и их странные дети-долгожители вымрут; пройдет лет пятьдесят — для него лишь миг — и проблема решится сама собой. Он решил, что убийств с него хватит.

Затем Русель вздохнул. Предстояло самое худшее.

— Приведите Хилина! — приказал он.

Приволокли короля коридоров, связанного полосами ткани. Русель понял, что его избивали; лицо его было покрыто ссадинами, рука сломана. Бывший лидер уже поплатился за свое кощунство — его предали те, кто искал милости Старейшины. Хилин смело смотрел в лицо Руселю, и в его взгляде читались сила и интеллект.

Израненное сердце Руселя заныло: сила и интеллект — этого смертным иметь не полагалось.

Разумеется, Хилина пришлось казнить. Его тело с содранной кожей выставили перед святилищем Старейшины как предупреждение последующим поколениям. У Руселя не хватило мужества смотреть на казнь. Вспомнив человека в синем комбинезоне, он подумал, что всегда был трусом.

Возвращаясь в Монастырь, он обернулся:

— И приберите в этой чертовой помойке.

Он знал, что пройдет немало времени, даже по его меркам, прежде чем ему удастся забыть презрительный, вызывающий взгляд Хилина. Но и юноша канул в Лету, подобно тысячам своих предков, вскоре исчезли его братья и сестры, племянницы и племянники — все, кто хотя бы отдаленно напоминал его, всех унесла река времени, и вскоре на всем Корабле лишь Русель помнил о восстании.

Это был последний раз, когда он покидал Монастырь.

* * *

Через некоторое время на Корабле разразилась жесточайшая

эпидемия.

Она была вызвана несколькими факторами. В биосфере Корабля незаметно накапливались раздражающие вещества и аллергены; когда организмы людей ослабли, внезапно проявился латентный вирус. Даже Фараоны-создатели Корабля, несмотря на все свое мастерство, не смогли предвидеть подобный случай. Но в таком длительном полете — более пяти тысячелетий — инциденты были неизбежны.

Численность населения резко сократилась, достигнув опасной черты. В течение нескольких десятков лет Русель был вынужден вмешиваться, отдавая рокочущим голосом приказания, призванные обеспечить нормальное функционирование Корабля и скрупулезное соблюдение законов репродукции.

Снижение численности имело свои преимущества. Системы Корабля теперь в избытке производили продукты питания, и предпосылки для возникновения водяных империй исчезли. Русель бесстрастно размышлял о снижении стандартной численности экипажа.

Его поражало то, что вспышка болезни совпала с перестройкой его мыслительного процесса. Повседневные дела Корабля и шум сменявшихся поколений теперь едва привлекали его внимание. Но зато он стал ощущать медленное биение пульса, глубокий ритм, недоступный пониманию смертных. Зачарованный, следил он за вращением Галактики — ее усыпанный бриллиантами диск открывался в хвосте Корабля.

Русель стал острее чувствовать опасность. Бесконечно анализируя системы корабля, он обнаружил скрытые неполадки: комбинации параметров, которые могли повредить навигационные программы, ошибки во взаимодействии наномашин, постоянно обновлявших внутреннюю и внешнюю обшивки Корабля. Некоторые опасные ситуации были маловероятны: по его оценкам, Корабль мог столкнуться с ними приблизительно раз в десять тысяч лет. На Земле за это время успевала возникнуть и исчезнуть не одна цивилизация. Но *он* обязан был предвидеть подобные вещи, готовить Корабль к защите и реабилитации после подобных катастроф. В конце концов, хотя вероятность эпидемии и была ничтожно мала, времени для проявления вируса оказалось достаточно.

Тем временем обычаи смертных менялись от поколения к поколению.

Раз примерно в десять лет жители деревни Дилюка приближались к святилищу Старейшины, где все еще мерцало виртуальное изображение. Один из них, облаченный в длинный халат, с преувеличенной медлительностью ковылял, опираясь на

раму, остальные съеживались. Затем все набрасывались на какой-то манекен и разрывали его на куски. Просмотрев несколько подобных представлений, Русель наконец понял, что происходит: конечно же, этот ритуал воспроизводил его последнее появление среди смертных. Иногда кульминацией спектакля становилось сдирание кожи с живого человека; должно быть, люди считали, что Старейшина требует подобной жертвы. Когда начинались эти жестокие сцены, Русель отводил равнодушный взгляд от экрана.

Тем временем жители деревни, в которой когда-то жила Сале, несчастная любовь Хилина, пытались заслужить благосклонность Руселя иным способом. Может быть, это являлось очередным следствием давней хитрости Хилина, а возможно, изначально было заложено в их схеме развития.

Девушки, высокие тонкие девушки с темными глазами: по мере того, как мелькали поколения, все больше их бегало по коридору, строило глазки мускулистым парням, драившим стены, качало детей на коленях. Это напоминало мультфильм: высокие и приземистые Лоры, худенькие и полные, счастливые и печальные.

Вероятно, это естественный отбор превращал людей в копии виртуальных изображений. Они взывали к его остывшему сердцу: если Старейшина так любил эту женщину, следовало выбрать жену, хотя бы отдаленно похожую на нее, и надеяться завоевать его расположение, родив таких же изящных дочерей.

Русель был одновременно тронут и приведен в смятение. Пусть делают, что им вздумается, сказал он себе, лишь бы выполняли свою работу.

Между тем оказалось, что по ту сторону баррикады Автарки и их долгоживущие потомки не вымерли, как рассчитывал Русель. Они существовали, интенсивно скрещивались, и продолжительность их жизни постепенно увеличивалась.

В их ситуации это естественно, размышлял Русель. В замкнутом пространстве просто не хватило бы места для растущего населения. Следовательно, наилучшим способом сохранения и передачи наследственной информации — единственного, ради чего существовали люди, — было увеличение продолжительности жизни ее носителей. Взрослые жили веками, для немногочисленных отпрысков детство длилось десятки лет. Руселю эти создания с пустыми глазами и их иссохшие, похожие на старичков дети казались особенно отвратительными. Но он по-прежнему не мог заставить себя избавиться от них. Возможно, он видел в них искаженное подобие себя самого.

Лишь одна тенденция среди жителей Корабля оставалась постоянной. Смертные по обе стороны барьера явно тупели.

С течением времени — из страха перед появлением нового Хилина в детях подавлялись всякие зачатки интеллектуального развития — становилось ясно, что отбор ведет к вырождению. Среда обитания Автарков еще менее стимулировала умственную деятельность, и, несмотря на длительность своего жизненного цикла, они еще быстрее избавлялись от ее груза — думать было скучно.

Однако смертные обеспечивали функционирование Корабля, а их связи, все больше напоминавшие спаривание животных, тщательно регулировались генетическими правилами. Это озадачивало Руселя: ведь было очевидно, что люди уже совершенно не понимали, зачем выполняют эти странные вещи.

Он заметил, что для женщин наиболее привлекательными являлись те, кто с особенным усердием тер палубу или отказывался от браков с родственниками. В этом был какой-то смысл: в конце концов, возможность угодить живому богу-Старейшине давала преимущества, ее стоило продемонстрировать окружающим и передать потомству.

Русель копил в памяти подобные наблюдения и выводы. Но сейчас его гораздо больше, чем население Корабля, интересовало то, что происходило снаружи.

Старейшина буквально слился с Кораблем, оборудование теперь служило ему вместо отказавшей нервной системы. Он плыл вместе с Кораблем по межгалактическому течению, чувствовал шуршание частичек темной материи, заглатываемой его двигателями, ощущал слабые прикосновения магнитных полей. Пространство между галактиками оказалось вовсе не такой пустыней, как он себе представлял. Пустоты не существовало. Русель понял, что космос заполнен сложным переплетением нитей темной материи, протянувшимся по всей Вселенной, и галактики запутались в этой сетке, словно светляки. Он научился распознавать течения и рифы в море темной материи, которую жадно поглощала гравитационная яма Корабля.

Русель остался один на один с галактиками и своим сознанием.

Один-единственный раз, паря во тьме, он уловил чужой сигнал. Зов был холодным и ясным, словно звук трубы, и эхо его огласило бесконечную космическую ночь. Он исходил не от людей.

Русель прислушивался тысячу лет, но больше не услышал ничего подобного.

* * *

К нему заявилась Андрес.

— Оставь меня в покое, старая мегера, — буркнул он.

— С превеликим удовольствием сделала бы это, поверь мне, — огрызнулась она. — Но у тебя возникла проблема, Русель. Ты должен выйти из своей проклятой клетки и уладить ее.

Он ясно видел ее лицо и истонченную, гладкую кожу. Вместо остального тела в воздухе плавало какое-то пятно неопределенных очертаний. Разумеется, все это не имело никакого значения.

— Что за проблема?

— Со смертными. Что же еще? Остальное совершенно неважно. Тебе нужно выйти и посмотреть.

— Не хочу. Это неприятно.

— Знаю, что неприятно. Но это твой долг.

Долг? Это она сказала или он? Может быть, это видение? Время стерло все границы между сном и реальностью.

Сам Русель уже не был живым организмом. Центральная нервная система его настолько деградировала, что он не знал, доносит ли она хоть какие-нибудь сигналы до затвердевшего головного мозга. Его жизнь поддерживалась искусственно. Со временем системы Корабля проникали все глубже в скорлупу, которая когда-то была его телом. Он словно превратился в еще одно устройство, подобное аппаратам регенерации воздуха или очистки воды, такое же старое и громоздкое, требовавшее бесконечных тщательных забот.

Даже границы его сознания были размыты. Русель представлял себе свой мозг в виде какого-то темного зала, наполненного парящими в воздухе облаками, подобными нуль-гравитационным скульптурам. Это были его воспоминания — или, может быть, воспоминания о воспоминаниях, использованные множество раз, размноженные, отредактированные и переработанные.

Там был и *он*, светящаяся точка разума, порхавшая среди дрейфующих рифов памяти. Временами, плывя среди бездумной пустоты, не терзаемый ни воспоминаниями, ни страхами, избавившись от всех мыслей, кроме примитивного сознания собственного *я*, он чувствовал удивительную свободу — легкость, беззаботность, молодость снова возвращались к нему. Но когда этот невинный огонек натыкался во тьме на риф памяти, возвращалось сознание вины, неискоренимый, тяжкий стыд, причины которого он давно уже забыл; он уже не мог представить, каким образом можно избавиться от этого груза.

Однако в этой пещере воспоминаний Русель жил не один. Иногда из мрака раздавались голоса, даже мелькали лица

неопределенного возраста, с размытыми чертами. Здесь были и Дилюк, его брат, и Андрес, и Рууль, и Селур, и еще кто-то. Русель прекрасно знал, что они давно мертвы и в живых остался лишь он один. Он смутно помнил, что установил перед собой их виртуальные изображения в качестве утешения, способа сосредоточить внимание — черт подери, просто для компании. Но сейчас он уже не мог отличить фотографию от миража, сна, шизоидной фантазии, порожденной его полуразрушенным мозгом.

Однако Лора никогда не появлялась перед ним.

Самой частой гостьей была Андрес, хладнокровный Фараон, его последняя спутница.

— Никто не говорил, что это будет легко, Русель, — сказала она.

— Ты это уже сто раз повторяла.

— Повторяла. И буду повторять, пока мы не достигнем Большого Пса.

— Большого Пса?..

Это их место назначения. Русель опять забыл об этом, забыл, что все это хотя бы теоретически должно закончиться. Дело было в том, что мысли о начале и конце заставляли его вспомнить о времени, а здесь он всегда ошибался.

Сколько? Ответ прошелестел в его сознании. Круглое число? *Прошло двадцать тысяч лет. Осталось около пяти тысяч*. Разумеется, это смешно.

— Русель! — рявкнула Андрес. — Тебе нужно сосредоточиться.

— Ты ведь даже не Андрес, — проворчал он.

Она скорчила гримасу притворного ужаса.

— О нет! Давай не будем придумывать экзистенциальных ловушек. Просто сделай то, что должен, Русель.

И он с неохотой, собрав остатки внимания, отправил виртуальный «глаз» в недра Корабля. Он смутно осознавал, что Андрес сопровождает его, парит рядом, словно тень.

Русель нашел то место, которое по-прежнему называл деревней Дилюка. Разумеется, каркас коридоров и кают остался прежним, изменить его было невозможно. Но с тех пор, как он видел все это в последний раз, даже временные перегородки, которые каждое поколение переделывало на свой лад, остались нетронутыми. Люди больше не занимались таким делом, как созидание.

Он забрел в тесную квартирку, где когда-то жил Дилюк. Мебель исчезла. В углах комнаты ютились гнезда — беспорядочные кучи тряпок и пластиковых стружек. Он видел, как

люди брали из систем регенерации стандартную одежду и тут же разрывали ее на куски, чтобы соорудить себе грубые лежбища. В комнате стоял смешанный запах мочи, кала, крови и молока, пота и спермы — основных выделений человеческого организма. Но члены экипажа были безукоризненно чистыми. Раз в несколько дней мусор выметали и отправляли на переработку.

Вот как теперь жили люди.

Стены и переборки Корабля поддерживались в чистоте и сияли, как и все поверхности, пол и потолок. Одну из перегородок драили так старательно, что со временем она стала полупрозрачной: еще пара поколений, подумал Русель, и они протрут ее насквозь. Экипаж по-прежнему выполнял свои основные обязанности; потеряв столь многое, люди сохраняли этот обычай на протяжении тысяч лет.

Но эти современные смертные не просто обслуживали Корабль, как когда-то поколение Руселя. У них появились более глубокие мотивы.

Под давлением естественного отбора, по мере того, как люди старались перещеголять друг друга в искусстве выполнения рутинной работы — средстве привлечения партнера, — сформировались новые обычаи. Теперь, понял Русель, смертные обеспечивают функционирование систем Корабля подобно тому, как на Земле танцуют пчелы, дерутся олени, ломая рога, а павлины распускают свои бесполезные хвосты: они делают это, чтобы привлечь самку и получить возможность размножаться. «Интеллект исчез, и его место занял инстинкт», — подумал Русель.

До тех пор пока работа оставалась на первом плане, Руселя не волновало все остальное. И кроме того, новый стимул оказался исключительно эффективным. Он обеспечивал точность выполнения, требуемую для обслуживания систем Корабля: можно закрепить решетку на вентиляционном отверстии изящными движениями, а можно сделать это неуклюже, но для того, чтобы привлечь противоположный пол, ты должен выполнить это правильно. Даже если действие не имеет смысла, ты должен выполнить все в точности.

Русель услышал неподалеку чей-то плач.

Камера направилась на звук, паря под потолком коридора. Завернув за угол, он наткнулся на группу жителей деревни.

Здесь собралось около двадцати пяти человек, взрослых и детей. Естественно, обнаженных; уже сотни лет никто не носил одежды. Некоторые держали на руках или на плечах младенцев. Они сидели на корточках, окружив рыдающую женщину. За голыми спинами, коленями и локтями Русель разглядел, что она

нянчит какой-то окровавленный предмет. Окружающие, протягивая руки, гладили ее по спине и волосам; Русель заметил, что кое-кто тоже плачет.

— Очевидно, они способны на сопереживание, — сухо заметила Андрес.

— Вижу. Они потеряли почти все, но это осталось…

Внезапно все, кроме плачущей, повернули головы, словно антенны. Что-то испугало их — возможно, едва уловимое жужжание, выдававшее присутствие Руселя. Эти лица, с прямыми носами и узкими подбородками, по-прежнему оставались человеческими, несмотря на низкие лбы. «Похоже на клумбу цветов, поворачивающихся вслед за солнцем», — подумал Русель. Широко раскрытые глаза, рты, искаженные гримасой страха.

И все они в той или иной степени напоминали Лору, ее тонкое, ангельское лицо, рассеянный взгляд. Иначе и быть не могло; к такому результату привела слепая сила эволюции, тысячи лет вертевшая злополучным экипажем. Надобность в мыслительных способностях отпала, но подобное лицо могло смягчить сердце дряхлого существа, управлявшего миром.

Странная живая картина из лиц Лоры лишь мгновение оставалась неподвижной. Затем смертные обратились в бегство. Они устремились прочь по коридору, бегом, ползком, натыкаясь на стены.

— Черт меня возьми, с каждым поколением они все больше напоминают шимпанзе, — пробурчала Андрес.

В мгновение ока все исчезли, и осталась лишь несчастная женщина.

Русель приблизился к женщине, двигаясь осторожно, чтобы не потревожить ее. Она была молода — двадцать, двадцать один? Определить возраст смертных становилось труднее; с каждым поколением они созревали все медленнее и медленнее. Эта девушка явно была уже способна иметь детей — более того, она недавно стала матерью, об этом говорил ее дряблый живот и тяжелые от молока груди. Она вся была в крови — ужасное ярко-алое пятно на фоне тусклых вытертых переборок. Но на руках она держала не дитя.

— Клянусь Летой, — произнес Русель. — Это рука. Детская рука. Меня, наверное, сейчас вырвет.

— Не получится. Взгляни поближе.

Из окровавленного куска плоти торчала белая кость. Руку оторвали у запястья. Два крошечных пальчика были почти начисто обгрызены — от них остались лишь суставы.

— Это запястье, — безжалостно продолжала Андрес, — откусили. Зубами, Русель. И пальцы грызли тоже зубами.

Подумай об этом. Немного практики, и можно, схватив один из этих пальчиков резцами, содрать с них мышцы и сухожилия…

— Заткнись! Клянусь Летой, Андрес, я сам вижу. Мы всегда старались избежать каннибализма. Мне казалось, что это достаточно прочно вколочено в их убогие черепа.

— Прочно, без сомнения. Но мне кажется, это был не каннибал — тот, кто это сделал, не принадлежал к роду людскому.

Русель, поднявшись повыше, огляделся. Он заметил кровавый след, ведущий прочь от женщины; сомнения не было: что-то тащили по полу.

— Думаю, среди наших смертных внезапно появился хищник, — сказала Андрес.

— Не так уж и внезапно, — возразил Русель. Какая-то часть его разрозненного сознания изучала информацию о событиях на Корабле, записанную на видеокамеры. Подобные инциденты имели место в течение последних двухсот лет. — Раньше они редко выходили на охоту — пару раз в пятьдесят лет. Забирали в основном стариков или новорожденных — незначительный ущерб. Но теперь, похоже, они стали жадными.

— И проделывают брешь в рядах смертных.

— Верно. Ты хорошо сделала, что привела меня сюда.

Проблему необходимо было решать. Но для этого, с возраставшим ужасом понимал он, ему придется оказаться лицом к лицу с жутью, которую он на тысячи лет выбросил из своего сознания.

— Я с тобой, — мягко произнесла Андрес.

— Тебя здесь нет, — огрызнулся он, — Но мне придется как-то справиться с этим.

— Придется, — качая головой, повторил призрак Андрес.

Он последовал за кровавой полосой, тянувшейся по коридорам деревень. Местами прерываясь, след прятался в тенях, нырял в дыры, протертые в переборках. Русель подумал, что это похоже на тайную охотничью тропу.

Наконец он оказался перед переборкой, разделявшей Корабль на две части. Здесь кончалась территория смертных. Долгое время он старался не вспоминать о том, что находилось за этой стеной; вообще-то, если бы он мог отрезать кормовой отсек и отправить всю эту дрянь в космос, он бы давно сделал это.

Перед ним зияла дыра, достаточная, чтобы пропустить тщедушного человека: в метровой стене из металла и пластика аккуратно просверлили нору с гладкими стенками.

— Не может быть, чтобы у них нашлись орудия, — удивился он. — Как они проделали это?

— Зубами, — ответила Андрес. — Зубами и ногтями — у них было полно времени. Вспомни, с кем имеешь дело. Даже если бы переборка была алмазной, они в конце концов прорвались бы наружу.

— Я надеялся, что они вымерли.

— Надеялся! Выдаешь желаемое за действительное — ты всегда этим грешил, Русель. Я с самого начала говорила, что их нужно перебить. Они просто дармоеды.

— Я не убийца.

— Нет, ты убийца…

— Это люди такие же, как и смертные.

— Нет, не такие. А теперь они принялись поедать наших смертных.

Русель заколебался у входа в нору. Андрес, видимо, угадала его страх, но ничего не сказала.

Он двинулся вперед.

Пройдя по туннелю, он оказался в огромной, перевернутой вверх дном комнате в основании Корабля, которую по-прежнему называл амфитеатром. Это было просторное, голое помещение в форме поставленного на бок цилиндра. После перехода к искусственной гравитации здесь проводили монтаж громоздких установок, необходимых для подготовки к длительному межгалактическому путешествию. На полу и стенах сохранились детали давно покинутых сооружений: консоли, металлические платформы, чудовищные подъемные краны для работы при низком тяготении, похожие на гигантские скелеты. Повсюду висели круглые лампы, распространявшие желтовато-белый свет. Странное, величественное зрелище, оно вызвало в памяти Руселя картины прежней счастливой, деятельной жизни. На стене комнаты, когда-то служившей полом, он даже разглядел кронштейны, поддерживавшие антигравитационные койки, в которых члены экипажа лежали во время старта.

Все поверхности были изъедены ржавчиной. Никакого движения. Бывший пол, который Андрес сделала прозрачным всего через год полета, покрывало нечто, напоминавшее камень. Это был слой затвердевших фекалий, тряпок и грязи — стена дерьма, загородившая Галактику.

Сначала Русель не заметил в этих металлических джунглях ни одного живого существа. Затем, присмотревшись и слившись с окружающими руинами, он смог кое-что разглядеть.

Они похожи на тени, подумал он; хрупкие двуногие тени, они скрытно, осторожно мелькали среди консолей. Временами они напоминали людей — прямоходящие, целеустремленные, с тонкими конечностями, раздутыми животами. Но стоило им

опуститься на четвереньки и поскакать прочь, согнувшись в три погибели, и всякое сходство с людьми исчезало. По-видимому, они не носили одежды, как и экипаж Корабля. Но тела их, в отличие от смертных, покрывали какие-то густые темно-бурые волосы. Мех.

В воздухе парили роботы, доставляя ползающим существам пищу и воду. Но те игнорировали посланцев Корабля, поддерживавших их существование.

Андрес мрачно произнесла:

— Знаю, что ты не хотел вспоминать об этих пережитках прошлого, Русель. Но Корабль присматривал за ними. Разумеется, их кормят. Одежда, одеяла и тому подобное — они рвут их в клочья, чтобы сооружать гнезда, как смертные. Они не подходят к бункеру с провизией, как делают те; роботам приходится приносить им все необходимое и убирать за ними. Но они довольно пассивны. Они не противятся роботам, когда те моют их, перевязывают раны или лечат. Они привыкли, что машины за ними ухаживают.

— Flo чем они занимаются целыми днями?

Андрес рассмеялась.

— Видимо, ничем. Просто поедают пищу, которую мы им даем. Иногда немного лазают по кронштейнам.

— В них должна быть хоть какая-то искра любознательности, мысли. Есть же она у смертных! Они же люди.

— Их предки были людьми. Теперь они совершенно утратили способность мыслить… Вот оно. Смотри. Они собираются у кормушки. Может быть, нам удастся увидеть, что они делают.

Кормушка представляла собой небольшое углубление в стальном полу. На дне ее виднелись какие-то зеленые и бурые пятна. Робот вывалил в яму порцию пищи — кучу ярких шаров, цилиндров и дисков, помещавшихся в человеческой ладони.

Со всех концов амфитеатра потянулись животные — они шли, скакали, двигаясь неуклюже, словно при низкой гравитации, и в то же время с преувеличенной осторожностью, заметил Русель, словно тела их были очень хрупкими и дряхлыми. Они собрались вокруг кучи еды, но никто не притронулся к ней: они просто рухнули на пол, словно сраженные смертельной усталостью.

Из хаоса металлических конструкций показались какие-то существа поменьше ростом. Они передвигались беспокойно, но так же настороженно, как и остальные. Должно быть, дети, решил Русель, но в них не было ни живости, ни энергии. Они походили на старичков. Детей оказалось значительно меньше, чем взрослых, всего горстка среди полусотни существ.

Приблизившись к кормушке, дети взяли по несколько кусков

разноцветной пищи и понесли ее взрослым. Те приняли услугу с безразличием, некоторые зарычали, слегка ударив ребенка по голове или плечам. Но маленькие слуги упорно направились за новыми порциями.

— Они не слишком заботятся о гигиене, — заметил Русель.

— Отнюдь нет. Но им это не нужно. Их иммунная система намного устойчивее, чем у смертных. А корабельные роботы время от времени наводят здесь порядок.

— Почему взрослые сами не возьмут себе поесть? Это было бы быстрее, — удивился Русель.

— Такой у них обычай, — пожала плечами Андрес. — У них в обычае также есть кое-какую другую пищу.

В самом центре углубления виднелась щель, запятнанная чем-то бурым и усыпанная странными белыми предметами.

— Это кровь, — поразился Русель. — Засохшая кровь. А эти белые штуки…

— Кости, — с вызовом сказала Андрес. Она показалась Руселю странно возбужденной и взволнованной отвратительным зрелищем. — Но здесь многовато останков для случайных набегов на страну смертных.

Русель содрогнулся.

— Значит, они пожирают друг друга.

— Не совсем. Старики едят молодых; матери поедают детей. Таковы их нравы.

— О Лета…

Андрес была права: Руселя не могло стошнить. Но на мгновение он ощутил, как его тело, убаюканное Кораблем, корчится от отвращения.

— Не понимаю твоей реакции, — холодно заметила Андрес.

— Я не знал…

— Тебе следовало это предвидеть — предвидеть последствия своего решения оставить этих существ в живых.

— Ты чудовище, Андрес.

Она засмеялась злым смехом.

Разумеется, он знал, что это за животные. Это были Автарки или отдаленные потомки клана долгожителей, когда-то управлявших смертными. За двадцать тысяч лет неумолимого отбора ген, обеспечивший их преимущество перед смертными, ген долголетия, внедренный в человеческий организм терапией Квэкс, получил полное выражение. К тому же в тепличных условиях им не нужно было тратить драгоценную энергию на развитие мозга.

Шло время, они жили все дольше и дольше, а думали все меньше и меньше. Теперь Автарки стали почти бессмертными, но

потеряли человеческий облик.

— Они и впрямь довольно забавны, — весело сказала Андрес. — Я долго пыталась разобраться в их экологии, если можно так выразиться.

— Экологии? Тогда ты, наверно, сможешь объяснить мне, какая польза живому существу от подобного обращения с детьми. Этих малышей, похоже, специально *выращивают*. Цель жизни — сохранение генов; даже в нашем искусственном мирке действует это правило. Но каким образом поедание детей может способствовать этому? Ах, вот оно что… — Он уставился на волосатые существа. — *Но эти Автарки бессмертны.*

— Точно. Они лишены разума, но живут вечно. Когда исчезла способность мыслить, эволюция работала с тем, что осталось.

Даже среди этих странных созданий действовали генетические законы. Но теперь возникла необходимость в новой стратегии, которая намечалась уже во времена первых Автарков. Для распространения генов путем размножения не хватало места, но если люди станут бессмертными, гены тоже смогут выжить.

— Простого долголетия оказалось недостаточно, — пояснила Андрес. — Даже самые живучие могут в конце концов погибнуть от какого-нибудь несчастного случая. Сами гены могут быть повреждены, например в результате воздействия радиации. Безопаснее их копировать! Оказалось, что для собственного блага следует порождать небольшое количество детей, немногие из которых, самые ловкие и сильные, смогли выжить.

Но как ты видишь, жизненное пространство у них ограничено. Родителям пришлось бороться за место против собственных детей. Они не заботятся о детях. Они используют их в качестве рабов — а когда рождается слишком много, то и в качестве пищи… Но всегда находится один-другой, кто доживает до зрелого возраста, и этого достаточно для поддержания численности на прежнем уровне. В некотором смысле борьба со взрослыми способствует тому, что выживают лишь сильнейшие. С генетической точки зрения, это смешанный способ выживания.

— Резервная стратегия, — сказал Русель. — Так сказал бы инженер. Дети — это страховка.

— Верно, — подтвердила Андрес.

Здесь действовали биологические законы: вот до чего дошел «Мэйфлауэр».

Русель, размышляя о судьбе своих подопечных, пришел к выводу: все дело в длительности полета.

Экипаж осознавал цель полета Корабля примерно в течение первых ста лет, пока не сменилось два поколения, а воспоминания о Порт-Сол не канули в прошлое.

На Земле исторические эпохи исчислялись сотнями лет; за тысячелетия возникали и рушились империи. Память подсказывала Руселю, что для сохранения единства сознания в течение такого длительного времени необходимо задействовать глубинный уровень человеческой психики: например, выдвинуть идею вечного Рима или поклонения Христу. Если в первые сто лет полета люди действовали осознанно, то затем смысл их действий был утерян. Русель сам наблюдал это: смертные начали воспринимать идею Корабля и его миссию через виртуальный образ самого Руселя. Даже восстание Хилина служило выражением этого культа. Можно называть это мистицизмом; как бы то ни было, такая модель работала в течение тысячелетий.

Андрес и Фараоны могли предвидеть и запланировать полет длиной в тысячу лет, размышлял Русель. Но дальше этого даже их воображение не шло; Русель заплыл в незнакомые воды. Десятки тысяч лет — подобного промежутка времени было достаточно не только для возвышения и падения империй, но для жизни целого биологического вида.

Идеология, заставлявшая смертных чистить переборки, за такое время потеряла первоначальный смысл и уже не затрагивала сознания смертных; их действиями теперь управляли гораздо более древние биологические импульсы, например инстинкт размножения: они чистили стены, чтобы приобрести партнера. Это не имело ничего общего с миссией Корабля; смертные больше не понимали подобных абстракций. А тем временем естественный отбор делал свое дело среди смертных и среди Автарков. И разумеется, по мере того, как разум сменялся инстинктами, роль Руселя становилась все более важной — лишь он один теперь являлся носителем первоначальной идеи, единственным мыслящим существом на Корабле.

Иногда он ощущал тошноту, даже чувство вины за несчастную судьбу, которая постигла бесчисленные поколения экипажа: все это во имя давно мертвого Фараона Андрес и ее эгоистичной несбыточной мечты. Но отдельные смертные быстро исчезали, словно пылинки во тьме, и с ними их мелкие радости и страдания. В этой быстротечности было что-то утешительное.

* * *

Как бы то ни было, пути назад не существовало — ни для них, ни для него.

Андрес все еще рассматривала Автарков. Хрупкие осторожные животные чем-то отдаленно напоминают его самого,

с неохотой признал Русель. Странно подумать, смертные оказались в плену у бессмертных: с одной стороны, его собственный истощенный разум, управлявший Кораблем сверху, с другой стороны, бывшие Автарки, ведущие на них охоту.

— Тебе известно, что бессмертие, победа над смертью — древнейшая мечта человечества, — сказала Андрес. — Но бессмертие не превращает тебя в божество. Вот ты бессмертен, Русель, но если бы не твоя опора, Корабль, ты оказался бы совершенно беспомощен. А эти… животные… обладают бессмертием, но больше у них ничего нет.

— Это чудовищно.

— Конечно! А разве сама жизнь не чудовищна? Но генам все равно. И эти скачущие, словно обезьяны, Автарки иллюстрируют высшую логику бессмертия: чтобы выжить, неумирающему в конце концов придется пожирать своих детей.

Но все мы на этом Корабле — дети одной чудовищной матери, подумал Русель, это ее высокомерие и чрезмерная самонадеянность создали Корабль и поставили перед ним эту миссию.

— Это исповедь, Фараон?

Андрес не ответила. Она и не могла ответить. В конце концов, это ведь была не Андрес, а ее виртуальный образ, созданный системами Корабля на пределе его технических возможностей, чтобы поддержать угасающий разум Руселя. И любой ее недостаток — лишь отражение его собственных.

Собрав всю силу воли, Русель отпустил ее.

Один из взрослых, самец, сел, почесал грудь и прыгнул прямо в кормушку. При его приближении дети бросились врассыпную. Самец раскидал свежеприготовленную пищу и выудил из кучи нечто маленькое, белое. Русель догадался, что это череп, детский череп. Животное разбило его на кусочки, отшвырнуло обломки прочь и направилось куда-то — бесцельное, бессмертное, бессмысленное.

Русель, покинув амфитеатр, заделал прогрызенную перегородку. Затем он соорудил параллельно ей новую переборку и проделал в корпусе между двумя стенками дыру, создав стену из вакуума. Больше он никогда не вспоминал о том, что находилось по ту сторону баррикады.

* * *

Через двадцать пять тысяч лет после того, как его мир рухнул, Русель узнал, что ему суждено спастись.

— Русель. Русель…

Он хотел, чтобы голоса умолкли. Ему больше не нужны были голоса — ни Дилюка, ни даже Андрес. У него не было ни тела, ни живота, ни сердца; ему вообще никто не был нужен. Его воспоминания рассеялись во тьме, подобно тусклым светлым кляксам далеких галактик, окружавших Корабль. И, подобно Кораблю, он неуклонно продвигался вперед, безо всякой цели, безо всякого смысла.

Меньше всего он желал слышать голоса. Но они не затихали. С крайней неохотой он заставил свой ослабевший мозг сконцентрироваться.

Голоса доносились из коридора в деревне Дилюка. Он смутно различил фигуры людей около двери, той двери, около которой на него когда-то натолкнулся маленький Рус, — далекое воспоминание сверкнуло, как искра тепла и радости, — у этой самой двери стояли два человека.

Прямоходящие. В одежде.

Это не смертные. Они призывали его. Могучим усилием воли Русель заставил себя очнуться.

Они стояли бок о бок, мужчина и женщина — молодые, наверное не старше тридцати. Одетые в опрятную оранжевую униформу и сапоги. Мужчина был чисто выбрит, женщина держала на руках младенца.

Вокруг них столпились смертные. Обнаженные, бледные, широко раскрыв глаза от удивления, они, присев на корточки, протягивали к улыбающимся пришельцам длинные руки. Некоторые яростно скребли пол и стены, ухмыляясь, сверкая зубами. Они пытались произвести впечатление на новоприбывших сноровкой в уборке — единственным способом, который был им известен.

Женщина позволила смертным погладить ее ребенка. Но глаза ее были настороженными, а улыбка принужденной. Мужчина держал руку поблизости от оружия, висевшего на поясе.

Руселю потребовалось немало усилий, чтобы отыскать устройство, позволявшее ему говорить. Он произнес:

— *Русель.* Это Русель.

Когда призрачный голос разнесся по коридору, мужчина и женщина в испуге подняли головы, а смертные съежились. Пришельцы с восторгом переглянулись.

— Это правда, — воскликнул мужчина. — Это действительно «Мэйфлауэр»!

Устройства Корабля прошептали Руселю перевод.

Женщина засмеялась:

— Естественно, это «Мэйфлауэр». А что же еще, по-твоему?

— Кто вы? — спросил Русель.

Мужчину звали Пириус, женщину — Торек.

— Мы прибыли в галактику Большого Пса?

— Нет, — мягко сказал Пириус.

По их словам, они прилетели из его родной Галактики, из самой Солнечной системы, на сверхсветовом Корабле, преодолев мучительный путь «Мэйфлауэра» за несколько недель.

— Вы прошли тринадцать тысяч световых лет от Порт-Сола, — рассказал Пириус. — На это вам потребовалось больше двадцати пяти тысяч лет. Это рекорд для Корабля-ковчега!

Тринадцать тысяч световых лет? Всего полпути. Это невозможно.

Торек взяла в ладони лицо смертной девушки, подошедшей к ней близко и пытавшейся приласкаться, подобно зверьку. Это было лицо Лоры.

— А мы, — добавила она, — отправились искать вас, и вот нашли.

— Да! — улыбнулся Пириус. — И ваш летающий музей!

Русель поразмыслил над сообщением:

— Так человечество не погибло?

Нет, конечно, рассказал ему Пириус. Армии Коалиции, от которой спасалась бегством команда «Мэйфлауэра», истребили целые планеты по всей Галактике. Это был век войны, в которой погибли триллионы людей. Но человечество выдержало.

— И мы победили! — гордо произнес Пириус. Сам Пириус вместе с Торек участвовал в каком-то особенно жестоком бою за освобождение центральной части Галактики. — Галактика теперь принадлежит людям, Русель.

— Людям? Но как вы смогли остаться людьми?

Судя по всему, они поняли смысл вопроса.

— Мы воевали, — ответил Пириус. — Мы не могли позволить себе эволюционировать.

— А Коалиция?

— Пала. Исчезла. Погибла. Теперь они не смогут причинить вам вреда.

— А мой экипаж?

— Мы заберем их домой. Там есть места, где о них позаботятся. Но…

Торек продолжила:

— Но Корабль слишком велик, чтобы развернуть его. Я не уверена, что мы сможем забрать *вас*.

Однажды Русель уже видел себя, одеревеневшего старца без возраста, глазами Поро, правнука Дилюка. А сейчас, всего на мгновение, он представил себе, каким его видят Пириус и Торек.

Иссохшее, полумертвое существо, опутанное сетью проводов и трубок.

Разумеется, это не имело никакого значения.

— Значит, моя миссия выполнена?

— Да, — мягко ответил Пириус. — Вы выполнили ее превосходно.

Русель не видел, как Пириус и Торек загоняли смертных и Автарков с Корабля на свое невероятно тесное судно. Он не слышал прощальных слов Пириуса, не видел, как гости улетали обратно, к ярким огням принадлежащей людям Галактики, оставляя его в одиночестве. Он теперь видел и слышал лишь Корабль, терпеливый, бесстрастный Корабль.

Корабль — и одно лицо, наконец представшее перед ним; изящное лицо с рассеянным взглядом. Русель не знал, является ли оно подарком Пириуса или Андрес, существует ли оно на самом деле или рождено его воображением. Все это стало неважно теперь, когда она наконец улыбалась ему, и он почувствовал, как падает с плеч груз древней вины, уходит боль, терзавшая его двадцать пять тысяч лет.

«Мэйфлауэр» несся все дальше в бесконечную тьму, и коридоры корабля были чистыми, сверкающими и пустыми, как мысли Руселя.

Кэйтлин Р. Кирнан
Скачка на Белом Быке

Перу Кэйтлин Р. Кирнан принадлежат четыре романа: «Пятерка чаш» («The Five of Cups»), «Шелк» («Silk»), «Порог» («Threshold») и «Низкая красная Луна» («Low Red Moon»). Короткие фантастические рассказы писательницы публиковались в многочисленных журналах и антологиях, а затем были выпущены в авторских сборниках «Tales of Pain and Wonder» и «From Weird and Distant Shores». Также Кэйтлин Р. Кирнан написала сценарий комикса «Грезы» («Dreaming») для DC Comics/Vertigo. Последним вышедшим в свет произведением является повесть «Драй Сэлвейджес» («The Dry Salvages»).[63] Автор проживает в Атланте, штат Джорджия.

В публикуемом здесь рассказе писательница излагает свое видение Первого Контакта, который, по ее мнению, совершенно не похож на то, что показано в «Стартреке».

— Вы снова напились, мистер Пайн, — сказала Сара. Я решил, что надо бросить какое-то из моих занятий: или перестать пялиться на эти проклятые снимки, присланные из полиции сегодня утром, или оставить в покое ногти, или прекратить думать о сексе. Что-то надо сделать. Но что бы я ни сделал, это все равно не имело значения, поскольку Сара не задавала вопросов. На это она уже не тратила времени. Она стала совсем другой девочкой и говорила с такой откровенностью и уверенностью, которые никак не вязались с ее искусственно-красивым личиком. Этот диссонанс, эта абсолютная неоправданность ожидания всегда заставляла людей сидеть тихо и слушать. Если я тогда рассматривал снимки — а я, честно говоря, не могу вспомнить, чем занимался, — то, вероятно, отложил их в сторону и посмотрел на Сару.

— Есть и другие, не менее интересные занятия, — ответил я, что прозвучало как попытка извинения или оправдания, но Сара нахмурилась и покачала головой.

— Только не для тебя, — прошептала она.

Ее голос был настолько тихим, что я с трудом разобрал слова, сквозь негромкое гудение ее внутренних органов и шорох автомобильных шин на улице за окном. Сара моргнула,

отвернулась, и стала рассматривать темно-серое небо, низко нависшее над Гудзоном. Снегопад наконец-то прекратился, и тяжелые рваные тучи угрожающе выделялись на блеклом небосводе. Господи. Я помню эти чертовы тучи, могу даже вспомнить связанные с ними ощущения, но не могу вспомнить, чем занимался, когда Сара сказала, что я опять напился. Что-то помним, что-то забываем. Всего поровну.

— Агентство не будет платить пьяницам, мистер Пайн. На улицах Нью-Йорка полным-полно алкоголиков и наркоманов. Они стоят не дороже крысиного дерьма. Агентству нужны люди с ясными мозгами.

Сара отчетливо выговаривала каждое слово, чтобы оно врезалось в мозг. И никогда не забывала упомянуть Агентство. Никогда. Возможно, в ее речевой программе произошел какой-то сбой, а может, при встрече с ней я просто становился параноиком. Сара, выпивка, проклятое Агентство и, если уж на то пошло, февраль на Манхэтгене. К слову сказать, я пожертвовал бы тремя пальцами из десяти, чтобы ближайшим же рейсом вылететь обратно в Лос-Анджелес.

— Мы тебя наняли только потому, что Фенимор поручился, что ты не пьешь. Мы проверили твои записи в Департаменте…

— Сара, зачем ты пришла? Что тебе нужно? У меня много дел, — И я ткнул большим пальцем в сторону захламленного стола напротив неубранной постели. — Это дела твои и Агентства.

— Ты ни на что не годен, когда пьян.

— Верно, так почему бы вам не уволить мою бесполезную, отравленную алкоголем задницу и не отправить ближайшим рейсом в Лос-Анджелес? После сегодняшнего утра я действительно ни на что не годен.

— Мистер Пайн, когда вы брались за это задание, вы знали, что могут возникнуть непредвиденные обстоятельства. — Она продолжала смотреть в окно на мутную, запорошенную снегом реку и Джерси, и ее лицо приняло почти выжидающее выражение, а тусклый зимний свет нехотя скользил по нестареющему покрытию, заменившему кожу. — Мы же специально обговорили этот пункт.

— Конечно обговорили, — пробормотал я, больше для себя и лишь в малой степени для киборга, который все еще требовал называть себя Сарой.

А потом я обошел кровать и уселся на крутящийся алюминиевый стул перед столом. Я изобразил кипучую деятельность, перелистывая многочисленные бумаги в надежде, что Сара поймет намек и оставит меня в покое. Мне требовалось

выпить и немного побыть в одиночестве, чтобы решить, что же делать дальше. После всего, что довелось увидеть и услышать, после просмотра полученных фотографий, после всего, что мне запретили фотографировать, я начал понемногу понимать, почему Агентство в этом случае предпочло не бить тревогу и оставило в неведении и Центр по контролю за заболеваниями, и Всемирную организацию здравоохранения, и БиоКон. Почему они решили вызвать чистильщика.

— Ближе к утру снова пойдет снег, — сказала Сара, не отрывая взгляда от окна.

— Если только эту гадость можно назвать снегом, — нетерпеливо отозвался я. — Он даже не белый. И пахнет… черт, я даже не могу сказать, чем он пахнет, но уж точно не снегом.

— Вам надо научиться забывать прошлое, мистер Пайн. Иначе дело может кончиться плохо. Очень плохо.

— Это политика Агентства? — спросил я, и Сара нахмурилась.

— Нет, это я так считаю.

Она вздохнула, и мне стало интересно, было ли это просто атавистической привычкой или кислород действительно необходим для функционирования сложных биомеханических устройств ее начинки. Интересно, сохранила ли она способность заниматься сексом? У нас с ней было несколько встреч, давным-давно, когда она еще на все сто процентов состояла из плоти и крови. В те давние времена, когда она была внештатным чистильщиком, до того, как Агентство предложило ей постоянный контракт и отправило в эту громадную мусорную кучу под названием Манхэттен. И, если меня спросят, могу ответить, что тогда, давным-давно, я сказал ей, что это ее жизнь, и решение принимать надо ей самой, и что девушка вроде Сары не нуждается ни в чьих советах при выборе своего пути.

— Я только хотела сказать, что надо жить настоящим. Это все, что у нас…

— Ладно, забудь, — бросил я, чересчур быстро отводя взгляд от слишком четких и кровавых картинок, скользивших по экрану старенького портативного компьютера «Сони Акамацу». — Но все же спасибо за совет.

— Не за что, — прошептала Сара. — Это мой долг.

Она наконец отвернулась от окна и застыла темным силуэтом среди морозных узоров на плексигласе, разделившим пополам широкое небо.

— Если мне что-нибудь понадобится, я позвоню тебе или Темплтону, — сказал я.

Сара изобразила улыбку и направилась к двери моего

крошечного гостиничного номера. Она отворила дверь и, перешагнув одной ногой порог, остановилась. Плотный холодный воздух и резкий свет флуоресцентных ламп из коридора создали вокруг ее фигуры ореол, словно остаточное излучение.

— Постарайтесь оставаться трезвым, — сказала она. — Пожалуйста, мистер Пайн. Это… На этот раз все может оказаться гораздо тяжелее, чем обычно.

Ее зеленовато-карие глаза — эти удивительные устройства по восемь миллионов за пару, изготовленные из оптоволоконных нитей и устойчивого к внешним воздействиям акрила, снабженные платиново-ртутными линзами и напичканные микросхемами, которые лучшие немецкие оптометристы сумели разместить в шести с половиной кубических сантиметрах, — замерцали влажным блеском. И я предположил — тогда или, может быть, позже, это я тоже не могу вспомнить, — что этот блеск говорил о чем-то, что Сара побоялась произнести вслух, что в ее мозгу было заблокировано пометкой «Ограниченный доступ».

— Пожалуйста, — повторила она.

— Обязательно. В память о прошлом, — ответил я.

— О чем бы то ни было, мистер Пайн.

И она вышла, тихо притворив за собой дверь и оставив меня в моей мрачной комнатушке, с еще более мрачным светом зимнего солнца, проникающим в единственное покрытое уличной копотью окно. Я слышал, как ее шаги затихли у лифта в дальнем конце коридора. Удостоверившись, что Сара не вернется, я потянулся за полупустой бутылкой шотландского виски, припрятанной под кроватью.

* * *

Тогда, в прошлом, я еще каждую проклятую ночь видел во сне Европу.[64] Спустя несколько лет, когда меня наконец уволили из Агентства, и я стал просто Дитрихом Пайном, гражданским пенсионером, доживающим свои дни то в восточном Лос-Анджелесе, то на Манхэттене, то в Сан-Диего, — я довольно много путешествовал для обычного пьяницы. Мой друг через приятеля одного медика свел меня с подпольным настройщиком мозгов. И тот всадил в мой череп крошечную серебряную микросхему рядом с мозжечком. Кошмары прекратились словно по волшебству. Прекратились полеты во сне, холодная испарина и отчаянные крики, заставлявшие соседей вызывать копов.

Но той зимой на Манхэттене от настройщика мозгов и его волшебной серебряной микросхемы меня отделяли долгие

десятилетия. И каждый раз, как только бессонница меня оставляла, стоило задремать на пятнадцать или двадцать минут, как я снова падал вниз, бесшумно проносился сквозь тьму мимо Ганимеда,[65] устремляясь к Большому Красному Пятну, в этот вечный пурпурный водоворот, в свой персональный ад из клубящихся фосфоресцирующих туч. И я молил темных юпитерианских богов, наблюдавших за моим падением, чтобы позволили мне благополучно миновать все спутники, чтобы око антициклона наконец поглотило меня и утащило вниз, сожгло и исковеркало мое тело в бездонной пасти сверкающих молний и неимоверного давления.

Но мне никогда это не удавалось. Ни единого раза.

— Ты веришь в грех? — как-то спросила меня Сара.

Тогда она была просто Сарой, вживленные органы и встроенные микросхемы появились намного позже, а я, полностью удовлетворенный, лежал в ее объятиях и пялился на потолок нашей квартиры. Я просто рассмеялся в ответ.

— Я серьезно, Дит.

— Ты всегда серьезна. Ты возвела серьезность в степень точной науки.

— Мне кажется, ты увиливаешь от ответа.

— Да, наверно, так. Но это довольно глупый и никчемный вопрос.

— И все же ответь. Ты веришь в грех?

Нет никакой возможности определить скорость, с которой я мчусь к ненасытному и желанному шторму, а потом меня перехватывает Европа. В другой раз. Может быть, в следующий раз.

— Это всего лишь вопрос, — настаивает Сара. — Не пытайся превратить его в нечто большее.

— Все мы рано или поздно получаем то, что нам причитается.

— Это совсем не то. Я спрашивала о другом.

А потом раздается телефонный звонок, или моя рука проскальзывает между ее небритыми ногами, или оживает один из двух пейджеров, и момент уходит, а я избавляюсь от ее настойчивости.

Эта сцена никогда не происходила так, как я ее описал, но кому какое дело?

В моих снах Европа становится все больше и больше, наплывает на меня из темноты, совсем как в тех ознакомительных роликах, просмотры которых вменялись в обязанность каждому, кто хотел получить лицензию чистильщика. Фрагменты видеозаписей одной межпланетной станции глубоко врезались в память: бесконечные смятые простыни льда цвета ржавчины или

песка поднимаются навстречу так быстро, так быстро… а я всего лишь маленькое пятнышко плоти в белом гермокостюме, пересекаю угольно-черные небеса с севера на восток, лечу над Маэль Дьюн, над грядой Эхион, Циликс, юго-восточной оконечностью Радамантиса. Я всего лишь падающая звезда, которая несется над ужасающе разрастающимся ландшафтом, и не могу вспомнить, как закрыть глаза.

— Парень, я была там, когда они открыли эту чертову штуковину, — повторяет Ронни и делает еще одну затяжку. У нее дрожит рука, и пепел падает на пластиковый стол. — Я просилась в Турцию, верно, корреспондентом на проклятую войну, но вместо этого получила задание освещать прибытие АйсПИКа. Я вместе со всеми сидела в пресс-центре и смотрела репортаж из карантинного отсека, как вдруг завыли сирены.

— Агентство отрицает твое присутствие, — говорю я как можно спокойнее, и она улыбается своей нервной, хрупкой улыбкой, потом сухо и невесело смеется, и серые струйки дыма тянутся из ее ноздрей.

— Дьявол, я знаю об этом, Дит. Эти мерзавцы все время переписывают историю, чтобы она соответствовала их планам, но я была там, парень, я все видела, пока они не закрыли камеры. Я видела все это дерьмо, «которого никогда не было». — И она изображает кавычки указательными пальцами в воздухе.

Это был наш последний с Ронни разговор, в последний раз, когда я навещал ее в психиатрической лечебнице Ла Каса. Через две или три недели она повесилась на электрическом проводе. Конечно, я приехал на похороны. Агентство прислало парочку своих людей в черных костюмах с тщательно заготовленными соболезнованиями для родственников, и я слинял еще до окончания скорбных речей.

И здесь, в нескольких километрах от пересечения хребта Тектамус и хребта Гармония, я заметил знакомую россыпь черных пятен, беспорядочно разбросанных по двум сходящимся равнинам.

— Вулканические льды, — раздается в моем шлеме шепот Сары.

Я слишком хорошо знаю, что ее нет со мной рядом, как не было уже долгие и долгие годы, что ее голос просто чудится мне и помогает разрушить гнетущую тяжесть безмолвия. Я начинаю считать ячейки конвекции, как считают горошины четок, как будто я был католиком и мог верить в грехи. Я еще слишком высоко, чтобы заметить какие-то свидетельства посадки, так что не могу определить, который из кратеров проходит под названием «Кратер, точка ввода 2071А», незаживающая язва,

названная «вратами мора» и «устами Сакпата» в книге Эммануиля Везерби-Джонса, посвященной хьюстонскому инциденту и его следствиям в теоретической и прикладной астробиологии. Мне пришлось порыться в литературе, поскольку автор не позаботился объяснить, кто или что такое Сакпата. Я нашел его в старой книге о культе Буду в афро-карибских религиях. Сакпата был богом болезней.

Я все еще слишком высоко, чтобы отыскать «уста Сакпата», да я и не пытаюсь этого сделать.

Я не хочу этого знать.

На горизонте меня терпеливо поджидает совсем другое божество.

— Они подняли такой визг, — продолжает рассказывать Ронни. — Парень, мне его никогда не забыть, сколько бы пилюль в меня не запихнули. Мы все просто остолбенели и остались на своих местах, а этот костлявый парнишка из «Си-эн-эн»…

— В прошлый раз он был из «Ньюсуик», — вставляю я, и она трясет головой, снова затягивается сигаретой и трет покрасневшие глаза.

— Ты считаешь, это важно?

— Нет, — неискренне признаю я, и Ронни некоторое время молча сверлит меня взглядом.

— Когда ты в последний раз смог нормально выспаться ночью? — неожиданно спрашивает она, и я то ли смеюсь в ответ, то ли пожимаю плечами. — Ну вот, я так и думала.

А потом звезды с грохотом проносятся мимо моего гидробота, взвиваются черные столбы дыма, воет вентиляционная система и появляются первые зернистые кадры видеосъемки, но я ничего не слушаю. Я слишком занят своим беспомощным полетом над вздыбленными просторами Европы и бескрайними нагромождениями скованных морозом глыб — остывший мир, навсегда пойманный тенью Большого Папочки Юпитера, замерзший на несметное количество веков… Но будь я проклят, если он умер. А потом я просыпаюсь от собственных стонов или криков или, если повезет, слишком напуганным, чтобы издать хоть какой-то звук.

* * *

— Теперь они готовы вас впустить, мистер Пайн, — докладывает мне коп.

Это обычный патрульный полицейский в голубой форме, и я удивляюсь его присутствию. Почему Агентство не берет это в свои

руки? Наверно, этот тот самый бедолага, который обнаружил спуча. Темплтон мне сказал, что кто-то пожаловался на вонь, и инспектор распорядился прислать копов, так что, возможно, именно этот парень ответил на вызов. Где-то поблизости должен быть его напарник. Я кивнул, а полицейский беспокойно оглянулся через плечо на распахнутую дверь квартиры. В проеме виднелся полупрозрачный полиуретановый шатер, ровно по центру перечеркнутый черной застежкой-молнией, воздушные шланги змеились в разных направлениях, аппараты поддерживали в шатре пониженное давление. Сомневаюсь, что коп еще будет дышать, когда бригада следователей закончит со своими делами.

— Тебе часто приходится видеть такую гадость? — спросил он, и не требовалось особо тонкого слуха, чтобы заметить, что голос подрагивает от страха. От страха и смятения, что нередко предвещает панику.

Я не ответил. Я был слишком занят проверкой батарейки в одной из камер, а кроме того, имелся особый приказ Темплтона, предписывавший держать рот на замке при общении с посторонними. Да и тот факт, что парень был уже ходячим трупом и стал им еще в тот момент, когда утром вышел на службу, не слишком располагал к болтовне.

— А я вот что могу сказать: я никогда не видел такого дерьма, как там, — снова заговорил коп и закашлялся. — Я хотел сказать, что вам приходится смотреть на самое отвратительное, что есть в этом городе, а мне ведь пришлось четыре года отслужить в армии. Да я был в этом чертовом Дамаске после взрыва бомбы, но клянусь Всемогущим Христом…

— Ты был в Дамаске? — спросил я, не отрывая взгляда от своего оборудования, и по второму разу стал проверять установки на портативном генетиграфе, прицепленном к поясу.

Я был слишком занят, чтобы взглянуть ему в глаза.

— О да, я был там. Помогал убирать весь хлам с улиц, когда пожары прекратились.

— Значит, у нас есть что-то общее, — сказал я и нажал кнопку «пуск» на видеокамере.

Серый жидкокристаллический дисплей показал пять нулей. Мои приборы были связаны с оборудованием передвижной лаборатории в стоящем на улице черном «шевроле» с мэрилендскими номерами и желтым шариком от пинг-понга, насаженным на антенну. Я знал, что там сидит и Сара, ждет моего подключения, она уже готова слушать все, что слышу я, и видеть своими прекрасно откалиброванными глазами все, что окажется в поле моего зрения.

— А ты был в Сирии? — обрадовался коп, что можно поговорить о чем-то другом, кроме как об ужасе за дверью квартиры.

— Нет, я тоже подчищаю после того, как кто-нибудь наделает ошибок.

— А-а, — разочарованно протянул парень. — Понятно.

— Один мой друг участвовал в войне. Но он служил на Кипре, а потом в горах.

— Ты с ним когда-нибудь разговаривал? Ну о том, что было на войне?

— Никогда. Он не желает к этому возвращаться.

Я все-таки поднял голову, подмигнул копу и прошел мимо него к ожидавшему у двери лаборанту. Несмотря на промозглый холод коридора, он вспотел в своем защитном гермокостюме. Чистильщикам гермокостюмы не положены, это мешает контакту. Так что мы довольствуемся парой часов дезактивации, антидотами, антитоксинами, слабительными и надеемся не перейти допустимую грань.

— Это ведь плохо, да? — спросил коп. — То есть по-настоящему плохо?

Но я не стал оборачиваться, а просто пожал плечами, пока лаборант расстегивал для меня черную молнию пластикового занавеса.

— А тебе так показалось? — спросил я и ощутил легкое движение воздуха, когда передо мной открылась узкая щель.

— Господи, парень, неужели нельзя просто ответить! — воскликнул коп. — Неужели я этого не заслуживаю? Как ты думаешь?

Поскольку я не мог ответить ни на один из его вопросов, да и не очень-то хотел на них отвечать, я проигнорировал их и шагнул за прозрачную перегородку в преддверие ада.

* * *

В Американском музее естественной истории, на четвертом этаже, рядом с залом позвоночных, где собраны разнообразные скелеты динозавров, до сих пор действует любопытная выставка. Агентство почему-то не прикрыло ее после первых прорывов, когда стало известно о заселении спучами целого квартала в Филадельфии или опустошении трейлерной стоянки где-то в Западной Виргинии. Но экспозиция не пользуется большой популярностью, как можно было бы ожидать. В темном, пропыленном закутке громоздились уменьшенные модели и

висели диаграммы, а на экране мониторов крутились ролики с гидроботов АйсПИКа, демонстрирующие бесконечные черно-белые кадры серых просторов морских глубин в миллиардах километрах от Земли. Сразу после открытия здесь было выставлено несколько образцов из запасов НАСА, но их давным-давно переместили куда-то в другое место. Сам я их ни разу не видел, но один знакомый геолог из сотрудников музея утверждал, что они действительно там были. Черно-синий осколок вулканической породы, герметично запечатанный в люцитовой пирамиде, и две заполненные формалином емкости, в одной из которых плавал розовый червяк не более нескольких сантиметров длиной, а в другой — уродливый маленький слизень, которого ученые обозвали «рыбой-звездой».

По-моему, название «пиявка-звезда» было бы точнее.

Во вторник, на следующий день после того, как я исследовал место происшествия на Колумбус-авеню, совершенно больной с похмелья и надеющийся избежать встречи с Сарой, я вышел из отеля и проехал на подземке до музея. Там я провел пару часов, одиноко сидя в забытом всеми зале и просматривая бесконечно повторяющиеся видеозаписи. В зале работали сразу три монитора — документальные отчеты НАСА о первом исследовании Европы, начатом «Пионером-10» в 1973 году, результаты облета Северного полушария спутника, предпринятого незадолго до того, как АйсПИК запустил свои зонды, и фрагмент записи, сделанной подо льдом. Вот ради него-то я и пришел.

Я жевал аспирин и смотрел, как немигающий глаз зонда пытается проникнуть в бесконечные темные глубины чужого океана сквозь узкую щель корпуса и слой планктона. Но узкий луч бортового прожектора не мог пробиться более чем на несколько футов. В самом конце ролика на мониторе появился один из термоканалов, через который по длинным трубам в холодный океан Европы выбрасывались потоки перегретой и обогащенной метаном и водородом жидкости. Рядом с трубами можно было заметить неопределенные контуры извивающихся и мельтешащих существ. Неожиданно перед линзами камеры промелькнуло что-то похожее на угря. В следующую секунду морские глубины сменились быстро бегущими титрами, потом появился логотип НАСА, и видеоролик пошел сначала.

Я постарался представить, каким волнующим мог показаться этот шестиминутный ролик в те далекие времена, как люди выстаивали в очереди, чтобы только его увидеть. До того, как вся эта чепуха надоела и люди перестали обсуждать работу АйсПИКа и его дурацких звездных рыб. До того, как правительство зарубило большую часть программ НАСА по экзобиологии,

отменило все экспедиции на Европу и отказалось от планов по исследованию Титана. Задолго до того, как ЕТ[66] стало произноситься как фраза из четырех слов. Но как я ни пытался, я не мог думать ни о чем другом, кроме того, что обнаружил на кровати, и дряни, капающей со стен и потолка проклятой квартиры.

Над монитором висел плакат с длинной цитатой из Герберта Уэллса, отпечатанной красновато-коричневыми буквами. Я прочел текст несколько раз, жалея, что не прихватил с собой сигарет:

Мы оглядываемся назад на бесчисленные миллионы лет и видим великую волю к жизни, пробивающуюся из прибрежной слизи, меняющей ее очертания и способности, заставляющую ползти, потом уверенно встать на ноги и распространиться по всей Земле; заставляющую одно поколение за другим покорять воздушное пространство и погружаться во тьму подземных глубин; мы видим, как она оборачивается против себя самой в ярости и голоде, изменяется и формируется заново, как становится ближе и понятнее, расширяет границы и усовершенствуется в неутомимом преследовании непостижимой цели, пока, наконец, не поглощает нас целиком, внедряется в наш мозг и кровь.

Я никогда не питал особой склонности к иронии. Ее проявление оставляет у меня в желудке ощущение тягостной пустоты. Интересно, почему никто до сих пор не додумался снять этот плакат?

До своей комнаты я добрался уже в сумерках, несмотря на то что разорился на такси. После просмотра этих роликов одна лишь мысль о переполненной вонючей подземке, ползущей в чреве города по туннелям, куда никогда не заглядывает солнце, вызывала у меня озноб. Да к тому же это были деньги, выплаченные Агентством. Несколько таблеток аспирина обеспечили только боль и пустоту в желудке, но ничуть не помогли от похмелья, а в номере под кроватью меня поджидала непочатая бутылка.

Я почти заснул, когда позвонила Сара.

* * *

Есть цитата получше. Я несколько лет таскаю ее с собой — в голове и на обрывке бумаги. Однажды она появилась в моей электронной почте, а прислал письмо какой-то неизвестный человек, сообщавший о происшествии, которое на поверку

оказалось пустышкой. Чистильщики получают массу таких писем. Сплетни, слухи, всякая чепуха, разные толки, бесконечные инструкции Агентства, проклятия, порождения ночных кошмаров — все это выливается на нас бесконечным потоком, и в конце концов мы уже не интересуемся, кто прислал ту или иную дребедень. Но это послание не давало мне спать несколько ночей подряд:

Но что узнает глубоководная рыба, если стальной лист потерпевшего крушение корабля опустится и ударит ее по носу?

Наше погружение в море традиции почти непроницаемой глупости.

Иногда я — дикарь, отыскавший на берегу моря нечто. Иногда я глубоководная рыба, которую ударили по носу.

Величайшая из загадок: почему они ничего не присылают и не приходят к нам открыто?

Конечно, эта загадка ничего не значит без учета одного серьезного условия: мы должны быть им интересны. Возможно, они остаются в стороне по причинам этического характера, но даже в этом случае среди них может найтись самая деградировавшая особь.

Вот эта последняя и впивается в меня своими зубами (или клыками, или что там у нее есть) и висит. Чарльз Хой Форт, «Книга Проклятых». Впервые опубликована в 1919, за полтора столетия до АйсПИКа, и теперь до меня дошло, что предвидение раздражает меня ничуть не меньше, чем ирония. Но это другой разговор. Иногда я дикарь. Иногда — глубоководная рыба. И моя жизнь — сплошная цепь бесчисленных падений.

* * *

— Ты не пойдешь туда один, — говорит Сара.

Она не спрашивает, а утверждает, поскольку, как я уже заметил, Сара перестала задавать вопросы после того, как подписала контракт с Агентством в обмен на жизнь плюс еще какие-нибудь блага, которые требуются ее напичканному биомеханикой трупу. Я не тороплюсь отвечать, лежу минуту или три, протираю глаза, прислушиваюсь к слабому потрескиванию телефонной линии и жду, пока головная боль снова заявит о себе. Той зимой, как, впрочем, и в последние годы, линия телефонной связи работала совершенно дерьмово, и началось это с тех пор, как какой-то пуэрториканец из Бруклина в честь Дня независимости подключился к ней через кустарную установку. Интересно, и как это Сару не угораздило позвонить на

мобильник, когда я занимался шотландским виски? Теперь я уже был под кайфом и лежал с пустой бутылкой, но стоило повернуться, как я пожалел, что родился на свет. Я прижал телефонную трубку плечом к левой щеке и уставился в окно гостиничного номера.

— Ты хоть знаешь, сколько сейчас времени? — спросил я.

— По словам Темплтона, ты говорил о прогулке на остров Рузвельта. Он сказал, что ты уже мог уйти.

— Я ни хрена не говорил Темплтону о Рузвельте, — ответил я, и это было чистейшей правдой.

Я никому об этом не говорил, но это ничего не значит. Джон Темплтон считал своей обязанностью быть на несколько шагов впереди своих подчиненных, особенно если это чистильщики, да еще и внештатные любители выпить. Я попытался сбить пустой бутылкой таракана со стены. Бутылка не разбилась, но раздавила таракана и оставила порядочную вмятину в сухой штукатурке.

— Тебе известны правила Агентства, касающиеся общения с террористами.

— Они вставили что-то в твою голову, и теперь ты не можешь спать?

— Ты не пойдешь на остров один, — повторила Сара. — Я посылаю тебе двух сотрудников в штатском. Они будут в отеле самое позднее в шесть утра.

— Ага, а я в это время буду дрыхнуть без задних ног, — пробормотал я, больше интересуясь тараканами, прибежавшими полакомиться останками своего раздавленного собрата, чем спором с Сарой.

— Мы не можем рисковать вашей жизнью, мистер Пайн. Сейчас слишком поздно привлекать к делу кого-то другого. И вам это известно не хуже, чем мне.

— Правда?

— Ты пьяница, но не идиот.

— Слушай, Сара, если я буду шляться там в сопровождении двух остолопов из команды Темплтона, я вряд ли найду хоть одного ститча, не говоря уже о возможности поговорить.

— Они животные, — заявила Сара, имея в виду ститчей и генетических оборотней, около десяти лет назад оккупировавших остров Рузвельта. В ее голосе явно слышалось нескрываемое отвращение. — От одной мысли о них меня начинает тошнить.

— А ты никогда не предполагала, что и они испытывают к тебе те же чувства?

— Нет, — холодно и твердо отрезала Сара. — Никогда.

— Если эти оболтусы постучат в дверь в шесть утра, клянусь богом, Сара, я их пристрелю.

— Я скажу, чтобы они дожидались тебя в вестибюле.

— Очень предусмотрительно с твоей стороны.

Снова повисла тишина, нарушаемая потрескиванием статических разрядов, и я плотно зажмурил глаза. Головная боль атаковала с новой силой. Подкатила тошнота, и я стал гадать, вырвет меня до или после того, как Сара закончит разговор. Интересно, а киборги блюют? А что увидели на мониторах своих персоналок те агенты, что сидели в салоне черного «шевроле», когда я вошел и дотронулся до края кровати в квартирке на Колумбус-авеню?

— Сара, я вешаю трубку. Я собираюсь поспать.

— Ты трезв.

— Как судья, — прошептал я и посмотрел в окно, стараясь подумать о чем-нибудь кроме тошноты.

В небе над рекой появились яркие огни — красный, белый и зеленый фонари вращались по часовой стрелке; один из больших военных вертолетов, старый «Феникс 6–98» или новейший японский агрегат кружил над Большим Червивым Яблоком.[67]

— Ты паршивый лгун, — сказала Сара.

— Я стараюсь, как могу.

— Не вздумай сломаться, ты — ценное имущество, и Агентство заинтересовано, чтобы таким и оставался.

— Все, я ложусь спать, — заявил я, игнорируя не слишком тщательно замаскированную угрозу в ее словах. В этом для меня не было ничего нового. — И я совершенно серьезно предупреждаю, что пристрелю этих мерзавцев. Не думай, что это шутка. Любого, кто постучит в мою дверь до восьми часов, заруби себе на носу.

— Они будут ждать в вестибюле, пока ты не спустишься.

— Спокойной ночи, Сара.

— Спокойной ночи, мистер Пайн, — ответила она, и через пару секунд из трубки до меня донеслись прерывистые гудки.

Огни за окном исчезли, вертолет, вероятно, уже был где-нибудь над Гарлемом. Я почти успел добежать до туалета, прежде чем меня стошнило.

* * *

Если бы я мог отделаться от ощущения, что кто-то заглядывает мне через плечо, когда я пишу эти строки, я больше рассказал бы о своих снах. Эти жестокие кошмары всегда со мной, дергают меня, пытаются вырваться в широкий большой мир, чтобы все до единого ощутили таящуюся в них угрозу. Им уже не

хватает места в моем черепе. Моя голова стала для кошмаров тюрьмой, наглухо закрытой тюрьмой… Но ощущение постороннего присутствия не исчезает, и это связано с тем, что я увидел в той квартире.

То существо на кровати.

То существо, из-за которого умер коп, побывавший в Дамаске после израильского фейерверка в сорок мегатонн.

Мой тринадцатый контакт. Он был бы последним, если бы у меня хватило сил остановиться. Если бы Агентство так отчаянно не нуждалось в наемных убийцах.

Едва я прошел через импровизированный фильтр, один из полевых медиков Темплтона, надежно упакованный в свой голубой гермокостюм, проводил меня в ярко освещенную комнату. Одной рукой я прикрывал рот и нос, но густые облака ядовито-желтого дезинфицирующего газа легко просачивались между пальцами и не давали дышать. Глаза защипало, и они начали слезиться, так что трудно было смотреть. Я всегда считал, что эта дрянь пахнет лакрицей, но для каждого она воняет по-своему. Сара как-то сказала, что ей это напоминает запах тлеющей ветоши, а один знакомый парень утверждал, что она пахнет гвоздикой.

— Оно в спальне, — сказал медик бесцветным голосом, звучащим из динамика на костюме. — Похоже, зараза не успела распространиться на другие комнаты. Как прошел перелет из Лос-Анджелеса?

Выброс адреналина в моей крови не очень-то располагал к пустым разговорам и обмену любезностями, так что я не ответил, а он, похоже, и не ждал другого — для медика этот случай был просто очередным рутинным заданием. Клубы желтого дыма сгущались по мере приближения к эпицентру, и я, делая редкие, короткие вздохи, шел за медиком. Дезинфекцию в комнате производили с помощью аппарата, предназначенного для очистки бытовых помещений, но башковитые ребята из команды Темплтона добавили к нему пару устройств собственного изобретения, так что насос вполне справлялся с задачей. Мы миновали кухню, где на столе стояли грязные тарелки, пустые пивные банки и открытый пакет кукурузных хлопьев, по короткому коридору свернули налево к крошечной ванной комнате, где было бы тесно даже крысе, мимо фотографии маяка на скалистом берегу, висящей на стене в металлической рамочке, — что-то помним, что-то забываем, — и оказались перед спальней. Конечно, здесь был и Темплтон, облаченный в оранжевый гермокостюм. Одной рукой он нежно поглаживал рукоятку висящей на бедре «беретты» тридцать восьмого калибра,

а другой помахал мне и указал на кровать.

Иногда я глубоководная рыба.

Иногда я дикарь.

— Мы все еще наводили справки и ищем их следы, — сказал Темплтон, снова указывая на кровать, — но я уверен, один из них местный.

Взгляд серых глаз внимательно обшарил мое лицо, а фонарь шлема светил так ярко, что я не видел лица Темплтона в сплошном желтом тумане.

— Я думаю, кто-то из них мог подцепить заразу на трейлерной стоянке, скорее всего это была женщина, но несколько недель ничего не происходило. Мы считаем, что толчком послужила вирусная инфекция. Женщина могла простудиться, а любое воспаление всегда было отличным катализатором.

Я вдохнул поглубже и тотчас закашлялся. Потом все же смог набрать воздуха и глянул на потолок.

— Ну же, Дит. Мне надо, чтобы на этот раз ты как следует сосредоточился. Ты ведь не пьян, правда? Фенимор говорил…

— Я не пьян, — ответил я, и это было правдой, — пока. Я не пил целых шесть месяцев, но — какое счастье! — жажде скоро придет конец.

— Это прекрасно! — обрадовался Темплтон. — Это чертовски прекрасно. Как раз это я и надеялся услышать.

Я снова посмотрел на кровать.

— Ну и когда ты мне расскажешь, что в этих двоих такого особенного? — спросил я. — Сара все представила так, будто здание заражено целиком.

— А особенное в них то, Дит, что они еще в сознании. Оба в сознании. Электроэнцефалограмма показывает устойчивые импульсы. Чистые линии альфа, бета и дельта; тета слабее, но медики говорят, что волны отчетливо читаются.

Темплтон продолжал что-то говорить, но я отключился от него и заставил себя внимательно посмотреть на постель.

Иногда я глубоководная рыба.

Левый глаз женщины был не поврежден, широко открыт и блестел от слез. Голубая радужка была яркой, как рождественское утро, и я понял, что глаз смотрит на меня.

— Совершенно очевидно, — сказал Темплтон, наклоняясь над кроватью, — более девяноста процентов организма заражены штаммом Лаэлапса. Одно непонятно, почему их мозги до сих пор не вытекли из ушей.

— Мне понадобится шприц, — пробормотал я совершенно автоматически.

Часть меня еще присутствовала в комнате, говорила и

двигалась, часть — готовилась к решительному шагу, поскольку выбраться из этой дыры можно было, только двигаясь вперед. Но лишь самая малая и жестокая частица моего существа не потерялась в глубине этого умоляющего глаза.

— Шприц на двенадцать с половиной, а не ту австралийскую погремушку, которую ты мне подсунул в Бостоне. Я не желаю ощущать абсолютно ничего, кроме этого существа, понял?

— Конечно, — ответил Темплтон, ощерившись, словно хорек.

— Я так и думал. Темп, я не желаю слышать, что происходит в их головах. Ни намеков, ни шепота.

— Дит, ты можешь поступать как тебе угодно.

— Чушь! — огрызнулся я. — Хватит пудрить мне мозги, лучше давай шприц.

Он кивнул медикам, и через несколько минут под действием лекарств я со свистом полетел по черной спиральной трубе, по Дороге Чистильщика, по Лестнице Персефоны, верхом на Белом Быке, — можете называть как угодно, мне все равно. Я начал потеть и в последний раз постарался заставить себя пройти через эту процедуру. Темплтон хлопнул меня по спине, как всегда делал, когда я стоял на краю пропасти, а я молча вознес коротенькую молитву, чтобы его туша сгнила вместе с Агентством. А потом я опустился на колени рядом с кроватью и приступил к работе.

* * *

Сара, как и обещала, прислала двух головорезов из команды Темплтона, но я ускользнул от них через черный ход и с радостью обнаружил, что она не позаботилась поставить там одного из своих людей. Возможно, она не могла позволить себе отвлекать сотрудников от основной работы ради прогулки на остров. Возможно, у Темплтона были другие грандиозные замыслы. Я остановил такси, водитель которого принимал наличные, и доехал с ним до самых развалин на авеню Йорк. Водитель-вьетнамец никак не соглашался везти меня к мосту Куинсборо дальше Третьей авеню, но я сунул ему пять сотен, и у парня прибавилось храбрости. Он высадил меня на углу Второй авеню и Шестьдесят первой Восточной, дважды перекрестился и умчался обратно, не обращая внимания на рытвины и выбоины в старом асфальте. Я проводил его взглядом и почувствовал себя более одиноким, чем ожидал. Над головой нависло манхэттенское небо цвета грязной пахты, и я ощутил запоздалое сожаление, что не взял с собой пушку, впрочем, ненадолго. Девятимиллиметровый

«самсон-Л4», купленный почти четыре года назад в голливудском ломбарде, остался лежать в запертом ящике гостиничного комода. Если меня задержат при пересечении линии баррикад с незарегистрированным оружием, у военной полиции будет лишний повод поиграть в футбол моей головой, пока не придут соответствующие бумаги из Агентства.

Я зашагал на север, и серо-голубой снег громко заскрипел под ботинками. Поднятый воротник куртки немного защищал от ветра, свободно разгуливающего между пустыми выгоревшими зданиями. По Шестьдесят третьей не спеша проехал патруль. Мне повезло. Такое иногда случалось и раньше.

* * *

— Хорошо, но что именно вы надеялись отыскать на острове? — спросил меня Буддадев Кришнамурти, когда собирал материалы для второй книги о техношаманизме и постгуманоидах острова Рузвельта, за которую впоследствии получил Пулитцеровскую премию.

— Недостающие кусочки мозаики, наверно, — ответил я. — Я просто следую своему чутью. Во время контакта всплыла эта девчонка, Мийаки.

— Но разве отправляться туда одному не было слишком опасно? Раз уж вы так ненавидели Темплтона и Агентство, зачем было рисковать своей головой?

— Старые привычки, — сказал я, прихлебывая текилу и стараясь вспомнить, сколько времени ушло на то, чтобы обойти сторожевые посты и выбраться на мост. — Старые привычки и дурные сны, — добавил я. — Но я никогда не утверждал, что отправился туда ради Агентства.

Я понимал, что рассказываю ему больше, чем собирался. Но вряд ли это имело значение. Ни одно мое интервью не могло пройти через цензуру и попасть в печать.

* * *

Я старался идти по бульвару в центре улицы, за исключением тех случаев, когда приходилось обходить проржавевшие и закопченные остатки разбитых автомобилей и полицейских мотоциклов. Внизу под мостом неторопливо переливалась всеми цветами радуги и тускло блестела под облачным февральским небом маслянистая поверхность Западного канала. Резкий ветер

сиреной завывал в опорах и объявлял о моем приближении любому, кто хотел об этом услышать. Каждое мгновение я ожидал грохота лопастей патрульного вертолета, или приближающегося топота полицейских, или свиста пули из снайперской винтовки. Возможно, я даже хотел этого.

На середине моста, в том самом месте, которое было указано во время контакта, я нашел ступеньки, ведущие вниз, на остров. Я посмотрел на часы. До полудня оставалось пять минут.

* * *

— Не расскажете ли вы мне о своих снах, мистер Пайн? — спросил Кришнамурти после того, как заказал мне еще пива и порцию текилы. Его голос стал шелковым и обволакивающим, он расслаблял и убеждал ослабить защиту, чтобы за короткое время Кришнамурти мог заглянуть в потаенные уголки моей души и вытянуть все отвратительные секреты. — Я слышал, в прошлом чистильщики испытывали большие затруднения из-за кошмаров, пока не вошли в обиход новейшие лекарства для поддержания нервной системы. С тех пор количество самоубийств уменьшилось почти на пятьдесят процентов. Вам об этом известно, мистер Пайн?

— Нет, — ответил я. — Наверно, я пропустил это сообщение. В последнее время я выпал из потока.

— Вы счастливый человек, — заявил он. — Вам надлежит бережно относиться к подаркам судьбы. Со временем вы сможете объединить их в одно целое. Надо относиться к этому благоразумно.

Кажется, после этого я послал его подальше. Точно знаю, что не рассказывал о своих снах.

* * *

— Дит, что ты видишь там, внизу? Мои сенсоры немного сбились, — раздался голос Сары, и тогда, во сне, до вживления в мой череп серебряной микросхемы, я сделал еще один шаг к краю глубокой расщелины, промытой в подводной горной гряде горячей водой, извергаемой термоканалами. Белая струя соленого пара высоко поднялась в разреженной атмосфере Европы, стерла линию горизонта и врезалась в черноту космоса. Я не хотел снова смотреть вниз. Я проделывал это много раз и всегда видел одно и то же. Мне пришлось напомнить самому себе,

что никто, ни одно человеческое существо еще не побывало на поверхности Европы, что это был только сон. Дерьмо. Слушайте меня. Это только сон. Этого не может быть наяву.

— У тебя в порядке связь? — спросила Сара. — Ты слышишь меня?

Я не ответил ей. У меня слишком пересохло во рту, чтобы говорить, язык окостенел от страха и сомнений и от пересушенного воздуха, циркулирующего в шлеме гермокостюма.

— Дит, ты все записываешь?

«Ты веришь в грех, Дит?»

> В пустыне льда, где нет следа
> Ни жизни, ни земли.[68]

Сара опускает свою чашку с кофе и смотрит на меня с другой стороны комнаты нашей квартирки в Кахуэнга. Ее глаза — это все еще ее глаза, и они полны нетерпения и тайны. Она тянется за сигаретой, и мне хочется, чтобы это было не во сне, чтобы я мог к ней вернуться и начать все сначала. В Лос-Анджелесе наступило солнечное утро, на Саре нет ничего, кроме нижнего белья, а я свернулся калачиком на нагретых ее телом простынях. Вернуться назад и сказать другие слова. Изменить каждый проклятый день между «тогда» и «сейчас».

— Они ждут от меня решения завтра утром, — говорит она и прикуривает сигарету. Легкий дымок закрывает ее лицо вуалью.

— Скажи, что тебе нужно еще немного времени на размышление, — отвечаю я. — Скажи, что ты должна хорошенько подумать.

— Это чертово Агентство. У них нельзя просить времени. У них ничего нельзя просить.

— Сара, я не понимаю, что ты хочешь от меня услышать.

— Это все, к чему я всегда стремилась, — говорит она и стряхивает пепел в пустую жестянку из-под лимонада.

> И что там за решетка вдруг
> Замглила Солнца свет?
> Иль это корабля скелет?[69]

Я сделал еще шаг к пропасти, страстно желая, чтобы все это закончилось, и я проснулся. Если бы сон закончился, мне не надо было бы туда смотреть. Если бы я смог проснуться, меня ждала бы бутылка шотландского, или бурбона, или текилы, чего угодно, лишь бы смыть сухость во рту. За моей спиной поднимется

Солнце — далекое и бледное, затерявшееся среди других звезд, в наушниках что-то гудит и потрескивает.

— Если это то, чего ты хотела, так бери его, — говорю я, как говорю всегда в таких случаях, и эти слова я не могу взять обратно. — Я не собираюсь стоять на твоем пути.

Я понимаю, что Сара совсем не это хотела услышать. Конец. Занавес падает, и все кланяются. На следующий день, в среду, я отвожу ее в аэропорт Лос-Анджелеса, и в 4.15 Сара отправляется в округ Колумбия.

Мы еще более одиноки, чем раньше.

В ночь самоубийства Ронни написала на стене своей комнаты в Ла Каса эти шесть слов собственной кровью.

Мои ботинки совсем не оставляют следов на скользком бело-голубом льду. Еще несколько шагов, и я останавливаюсь на краю и спускаюсь на широкую ступеньку, образованную случайно упавшей глыбой. Ступенька выдается над краем пропасти на несколько метров. Постоянно поднимающийся пар сгладил ее края. Со временем глыба под воздействием паров и тепла сорвется со своего места и рухнет вниз, в кипящую бездну. Я набираю в грудь пересушенного затхлого воздуха в своем шлеме и заглядываю в глотку Сакпата.

— Скажи, Дит, какого черта ты надеялся там найти? — спрашивает Ронни. — На что это должно было быть похоже? На маленьких серых человечков, знающих все ответы, только спрашивай? Или нескольких доброжелательных экстремофилов, прильнувших ко дну безжизненного моря?

Я ничего не могу вспомнить. Я пытаюсь, но не могу. Все ночи напролет я лежу без сна и пытаюсь вспомнить.

— Я думаю, это не важно, — говорю я, и Ронни снова начинает плакать.

— Оно поджидало нас, Дит, — всхлипывает она. — Оно таилось во тьме целую вечность и поджидало нас. Оно знало, что рано или поздно мы придем.

На лед рядом со мной встала Сара; она была нагой, и ветер льнул к пластиковой коже.

— Зачем ты снова и снова приходишь сюда? — спросила она. — Что ты надеешься отыскать?

— А зачем ты меня преследуешь?

— Ты отключил все устройства связи. Я не получила от тебя сигнала. Что еще мне оставалось делать?

Я повернулся к ней лицом, спиной к пропасти, но ветер уже разметал ее на части и гнал обрывки по снегу.

Мы еще более одиноки, чем раньше.

А потом я опять оказываюсь в трубе, скольжу по Пути

Чистильщика, не испытывая ни трения, ни сопротивления, проношусь высоко над промерзшей луной и жду ослепительного мгновения абсолютной агонии, когда мой разум столкнется с другим разумом. В этот миг он пытается спрятаться и забиться в темноту, но я вытаскиваю его, визжащего, на поверхность и поднимаю к свету. Я слышу жужжание невидимых устройств — это техники по ту сторону от нас пытаются поспеть за мной… за ним…

Я стою на краю глотки Сакпата, где никогда не стоял ни один человек, стою на коленях рядом с кроватью в квартире на Колумбус-авеню, стою в холле аэропорта, прощаясь с Сарой. У меня при себе все инструменты и камеры, они понадобятся позже, когда прекратится спиральный полет, когда я снова напьюсь и не останется ничего, кроме работы.

Когда мне останется только выследить носителя и послать пару пуль в его или ее голову.

Перерезать канат. Развязать затянутый узел.

«Ты веришь в грех, Дит?»

> И мертвый Альбатрос на мне
> Висит взамен креста.[70]

«Это же только вопрос, не пытайся превратить его в нечто большее».

— Ты все записываешь? — снова спрашивает Сара. — Невозможно настроиться на твой сигнал.

Я делаю еще шаг к краю, и пропасть отодвигается от меня на несколько футов. Небо заполнено паром, звездами и бесконечной ночью.

* * *

Я направился по Восточному шоссе к Мейн-стрит и шел так быстро, как позволяли снег, покрытый сажей лед и бесчисленные обломки под ногами. Вокруг громоздились каньоны из стали и кирпича, разбитого стекла и обломков серого бетона. После того как федералы навсегда покинули остров Рузвельта и умыли руки, остались только руины и груды мусора. Я почти все время смотрел под ноги, но чувствовал, что они следят за мной, идут следом, спрашивают друг друга: нужно ли меня бояться, или я просто глупец, забредший сюда в поисках смерти. И то и другое могло оказаться правдой. Я еще и сам ни в чем не был уверен. На снегу и замерзшей грязи виднелись следы, и некоторые из них

были почти человеческими.

Неподалеку от большого пустыря, бывшего когда-то Блэквелл-парком, я услышал, как над островом пронесся чей-то зов. Звук показался одиноким и испуганным, и я прибавил шагу.

Интересно, пошлет ли Сара за мной спасательную команду, если вместе с Темплтоном решит, что на этот раз я поскользнулся. А может, Темплтон уже считает меня трупом и кусает локти, что не обеспечил надлежащее наблюдение. И как он собирается докладывать о неприятностях тем ублюдкам из Вашингтона? Дорога к северной оконечности острова, где стоял закопченный и изрядно разбитый корпус Кулеровского госпиталя, заняла у меня почти целый час. Подонки из так называемых отрядов милиции генетических анархистов, получающих приказы от экс-кинозвезды, шизофренички, называющей себя Цирцеей Девятнадцатой, утверждали, что их штаб расположен в здании бывшего госпиталя. Когда армия решила предпринять обстрел, Кулеровский госпиталь удостоился большей части боезапаса. Цирцея Девятнадцатая была застрелена снайпером, но, как говорили, у нее нашлось достаточно последователей, чтобы занять освободившееся место.

Под пасмурным февральским небом госпиталь выглядел безжизненным, словно пережил Армагеддон. Я старался не думать о спучах, обо всем том, что мне пришлось увидеть и услышать накануне, о своих мыслях, о неудержимом потоке угроз, обещаний и молитв, который выплеснул на меня тот несчастный, когда я долетел до конца мерцающей спиральной трубы, и мы начали наш танец.

В помещении бывшего госпиталя воняло как в зоопарке — в заброшенном, вымирающем зоопарке, но здесь по крайней мере не было ветра. Лицо и руки у меня онемели от холода. Интересно, как поступит Агентство с чистильщиком, лишившимся пальцев? Выбросит на свалку или снабдит изготовленными в Осаке блестящими новенькими приборами, которые окажутся лучше оригиналов? Может, они прибегнут к той же биомеханической магии, как и в случае с Сарой? Я шел по необъятному холлу первого этажа мимо дверей и дверных проемов, лишенных створок; темных комнат и освещенных залов, наполненных дезориентирующим смешением света и теней, пока не добрался до ряда лифтов. Их двери были раскрыты, а за ними виднелись узкие шахты, заваленные мусором и проржавевшими оборванными тросами. Там я немного постоял, пока пальцы и лицо не стало покалывать горячими иглами, и прислушался к тихому шепоту здания.

— Они просто животные, — заявила вчера Сара.

Они были в той же степени животными, в какой она — ходячим механизмом. Я понимал, что Сара достаточно умна, чтобы знать правду, она была такой даже до того, как ее череп нафаршировали всякими устройствами. Даже если она не хотела признаваться в этом никому, включая себя. Киборги и ститчи были просто противоположными полюсами в одном и том же восстании против плоти — черная пешка и белая пешка — север и юг на одной извилистой постэволюционной дороге. Я и раньше не придавал этому особого значения, и теперь тоже. Но сейчас, когда мое дыхание вырывалось клубами морозного пара, а пальцам медленно возвращалась чувствительность, ее высокомерие раздражало больше, чем обычно. Насколько я мог судить, самое большое, а может, и единственное различие между Сарой и тем, кто ждал меня в расстрелянном госпитале, было то, что люди, стоящие у власти, нашли применение ее виду, а вот ститчи и оборотни были для них источником проблем. Все могло обернуться иначе. И еще не поздно.

Параллельно лифтовой шахте шла лестница, и я поднялся на третий этаж. Я не догадался взять с собой фонарик, так что держался ближе к стене и шел почти вслепую, не раз спотыкаясь о кучи хлама.

На третьем этаже меня ждал ребенок.

— Зачем ты сюда пришел? — отрывисто бросил он и моргнул золотистыми глазами хищной птицы.

На нем не было никакой одежды, зато все тело заросло блестящей желто-коричневой шерстью.

— Кто ты? — спросил я.

— Мантикора сказала, что ты придешь. Она видела тебя на мосту. Что тебе нужно?

— Я ищу девушку по имени Джет.

Ребенок засмеялся, словно залаял, и закатил глаза. Затем он наклонился вперед и пристально уставился на меня, при этом вертикальные зрачки его больших золотистых глаз заметно расширились.

— Здесь нет никаких девушек, мистер, — хихикнул он. — Давно нет. Ты что, сбрендил?

— Среди вас есть кто-нибудь по имени Джет? Я прошел долгий путь, чтобы с ней поговорить.

— А может, у тебя есть пистолет? — спросил он. — Или нож?

— Нет, — сказал я. — Ничего такого. Я пришел только поговорить.

— И ты сунулся в Ститчтаун без ножа и пистолета? Тогда ты совсем сдурел. У тебя в голове точно завелись тараканы размером с мои кулаки. — Он поднял сжатый кулак, чтобы наглядно

продемонстрировать свое заявление. — Или тебе просто надоело жить.

— Может, и так, — ответил я.

— В это время года мы почти не видим мяса, — усмехнулся ребенок и облизнул тонкие черные губы.

Вдали, в противоположном конце коридора раздался чей-то рык. Паренек оглянулся через плечо, затем снова повернулся ко мне. На его лице блуждала улыбка — холодная улыбка, в которой не было ни жестокости, ни доброты, обнажавшая острые кончики длинных клыков и резцов. И еще он выглядел разочарованным.

— Всему свое время, — сказал он и взял меня за руку. — Всему свое время.

И я позволил ему увести себя в угрожающую тьму коридора.

* * *

В конце своей книги Эммануиль Вазерби-Джонс написал следующее: «Свершившиеся и грядущие катастрофы, возвращение АйсПИКа могут стать самым тяжелым поражением человечества. Долгие тысячелетия мы спрашивали себя: есть ли во Вселенной кто-нибудь кроме нас. И этот вопрос нашел отражение во всех мировых религиях. Но, получив окончательный положительный ответ, мы должны были признать, что в прежнем своем невежестве жить нам было гораздо спокойнее».

Мы еще более одиноки, чем прежде, — Ронни все правильно понимала.

Когда я вышел из контакта и лаборанты надежно заизолировали сигналы этих существ, когда запертые волны стали колотиться в стены комнатушки на Колумбус-авеню, когда один из медиков вколол мне дозу стимулятора, чтобы прочистить мозги, я сел на пол и заплакал.

В этом не было ничего необычного. Я плакал почти каждый раз. Хорошо, хоть не блевал.

— Отличная работа, — произнес Темплтон и положил мне на плечо руку в тяжелой перчатке.

— Будь ты проклят! Я слышал их. Понимаешь, ублюдок, я слышал их обоих!

— Дит, мы сделали все, что смогли. Не мог же я накачать тебя морфином, чтобы ты вырубился.

— О Господи, о милосердный Иисус! — рыдал я, словно дряхлая старуха.

Я тяжело дышал, и сердце бесновалось в груди, но постепенно затихало под действием синтетадрина, вколотого в

левое плечо.

— Темп, убей их. Убей прямо сейчас.

— Мы должны придерживаться протокола, — спокойно ответил он, поглядывая в сторону дрожащей массы костей, мяса и протоплазмы на кровати. Из того места, где раньше был рот мужчины, высунулось кроваво-красное щупальце и стало энергично впиваться в продавленный матрас.

— Как только ты выложишь все сведения и мы убедимся, что процесс необратим, мы уничтожим признаки жизни.

— Все к черту! — крикнул я и потянулся к его «беретте».

Я так сильно рванул рукоятку пистолета, что застежка-липучка с треском разошлась, а Темплтон чуть не свалился на меня. Я оттолкнул его свободной рукой и навел дуло на кровать.

— Не вздумай спустить курок!

— Убирайся к дьяволу, — прошептал я Темплтону, а заодно и всему треклятому Агентству, и спучу, и тому единственному голубому глазу, который все еще смотрел на меня.

Я нажал на курок и выпустил всю обойму в то немногое, что осталось от голов мужчины и женщины, надеясь, что этого будет достаточно.

Потом кто-то стал отнимать у меня оружие, и я не сопротивлялся.

— Ты безмозглый идиот! — зарычал Темплтон. — Тупой ублюдок! Как только закончится это дело, с тобой будет покончено! Ты меня понял, Дит? Ты останешься в прошлом!

— Ага, — ответил я и снова сел на пол.

В ушах звенело от наступившей после стрельбы тишины, и желтый туман заволакивал все вокруг, словно саван.

По крайней мере мне хотелось думать, что на этом все закончится. Поздно ночью, когда я не мог уснуть, когда таблетки и выпивка уже не помогали, я стал утешать себя мыслью, что хоть раз за свою напрасно растраченную и никчемную жизнь поступил так, как должен был поступить.

Что бы ни произошло, я уверен, кто-то где-то записал этот факт. Я не должен больше этого делать.

В маленькой тесной комнатке в конце коридора третьего этажа, у дыры, которая до обстрела была окном, сидела женщина с кошачьим лицом и нервными подвижными ушами. В комнате не было другого освещения, кроме тусклых лучей зимнего солнца. Мальчик уселся у ее ног и не сводил с меня глаз. Женщина — если у нее и было имя, я об этом так и не узнал, — посмотрела в мою сторону только раз, когда мы вошли. Пламя в ее глазах мгновенно спалило остатки моей решимости, и я обрадовался, когда она снова отвернулась к проему в стене и стала смотреть на

север, где за рекой виднелись развалины Астории.

Она сказала, что девушка ушла с неделю назад. И она не имела представления, где сейчас могла находиться Джет Мийаки.

— Иногда она приносит еду и лекарства, — сказала женщина, подтверждая мои догадки.

В те времена находилось немало желающих рискнуть своей свободой, а то и жизнью, чтобы доставить товары на остров Рузвельта. Может, такие смельчаки есть и сейчас. Мне это неизвестно.

— Я сожалею, что так вышло с ее родителями.

— Все случилось очень быстро, — солгал я. — Они почти не страдали.

— Мистер Пайн, от вас пахнет смертью, — сказала женщина, и крылья ее носа слабо вздрогнули. Мальчик у ее ног рассмеялся и стал раскачиваться из стороны в сторону, обхватив колени руками. — Мне кажется, смерть идет за вами по пятам. И ваш приход предвещает смерть.

— Да, я и сам иногда так думаю, — ответил я.

— Вы охотитесь за чужаками? — промурлыкала женщина.

— Можно сказать и так.

— В этом есть некоторая ирония, вы не находите? Наш мир умирает. Мы отравили свой мир, а потом стали искать жизнь в других местах. Как вы думаете, мистер Пайн, мы нашли то, что искали?

— Нет, — сказал я. — И не думаю, что когда-нибудь найдем.

— Возвращайтесь в город, мистер Пайн. Возвращайтесь скорее. После захода солнца никто не сможет поручиться за вашу безопасность. Кое-кто из нас голодает. И многие наши дети голодают.

Я поблагодарил ее и вышел из комнаты. Мальчик проводил меня до лестницы, а потом сел и стал тихонько смеяться. Его смех разносился по лестничному проему, а я продолжал спускаться вслепую, шаг за шагом, почти в полной темноте. До Мейн-стрит я вернулся по своим же следам, мимо опустевших домов, через каньоны обломков, и ни разу не оглянулся, пока снова не вышел на мост.

Два дня спустя я отыскал Джет Мийаки в китайском квартале, она пряталась в подвале буддистского Общества Чудесного Просветления на Мэдисон-стрит. В Агентстве нашлись материалы, свидетельствующие о сочувствии одного из священников ститчам и им подобным. Джет Мийаки бросилась наутек, они всегда стараются убежать, если могут, а я преследовал ее по улице Механиков, через бульвар Генри и наконец настиг беглянку на рыбном рынке в западном конце

Бродвея, неподалеку от старого манхэттенского моста. Она попыталась скрыться от меня в лабиринте киосков, среди блестящих груд осьминогов и кальмаров, угрей, тунца и трески, выложенных на постаментах из колотого льда. Джет бросилась к задней двери и почти успела выскочить, но поскользнулась на мокром бетонном полу и полетела кубарем в витрину с брикетами лапши и жестянками куриного бульона Я не могу точно вспомнить все детали, помню только девчонку и запах рыбы, стук банок по бетонному полу, сердитые и испуганные крики продавцов и покупателей. Но в подробностях — в осьминогах и лапше — я не уверен. Мне кажется, я стараюсь забыть, что это не выдумка, что это произошло на самом деле, что я не придумываю детали. Что я принимал в этом участие.

Иногда.

Иногда я дикарь.

При просмотре записи видно, что я приставил дуло пистолета к ее правому виску. Девчонка упрямо сжала губы и молча смотрела на меня. На изображении она выглядит грязно-серой, как нью-йоркский снег, и мне даже не требуется смотреть на тревожный красный сигнал генетиграфа. Она больна, как больны носители длительно действующей заразы, и это видно по ее глазам, по сильной испарине на лице, по легкому синеватому оттенку губ. Возможно, она заразилась еще несколько месяцев назад. Если бы она не инфицировала хоть одного из своих родителей, это оказалось бы просто чудом. Я показал ей экран генетиграфа, объяснил, что это значит, и сказал, что должен сделать дальше.

— Ты и сам знаешь, что не можешь это остановить, — сказала она, горько улыбаясь. — Не важно, скольких людей ты еще убьешь, все равно уже слишком поздно. С самого начала было слишком поздно.

— Прости, — сказал я, хотя и не уверен, что сказал, и спустил курок.

Девятимиллиметровый пистолет оглушительно громыхнул, и внезапно она перестала представлять проблему. Она стала просто еще одним мертвым телом.

* * *

Я стал ненадежным рассказчиком. А может, всегда таким был. Наверно, я всегда был трусом и лицемером. Есть вещи, которые мы помним, есть вещи, которые предпочитаем забыть. Как говорит одна старая поговорка, это всего лишь кино.

Я не убил Джет Мийаки.

— Ты сам знаешь, что не можешь это остановить, — сказала она. Эта часть была правдой. — Не важно, скольких людей ты еще убьешь, все равно уже слишком поздно. С самого начала было слишком поздно.

— Прости, — сказал я.

— Мы привезли это сюда. Мы пригласили его к себе, и ему понравилось то, что оно увидело. Оно намерено остаться.

Девушка не улыбалась, но на ее лице явно читалось тайное удовлетворение. Я отступил на шаг назад и опустил пистолет. На ее коже осталась глубокая вмятина.

— Мистер Пайн, отойдите, пожалуйста, в сторону, — сказала Сара, а когда я обернулся, она уже стояла в нескольких футах от нас и целилась в девочку из крохотного черного пистолета.

Сара выстрелила дважды, подождала, пока тело перестанет дергаться в конвульсиях, а потом сделала третий выстрел — в голову Джет Мийаки, чтобы быть уверенной в ее смерти. Сара всегда была аккуратной.

— Темплтон говорил, что ты можешь засомневаться, — сказала она и опустилась на колени, чтобы исследовать мертвое тело, — А это означало бы, что тебя отстранят от работы.

— Она ведь была права, верно? — пробормотал я. — Рано или поздно мы потеряем этот мир.

На мгновение мне захотелось послать несколько пуль в череп Сары и разбрызгать по бетонному полу рыбного рынка ее кровь, мозги и силикон. Это было бы убийство из милосердия. Но, боюсь, я любил ее не так сильно, как мне казалось. Кроме того, Агентство может собрать все осколки и снова слепить из них Сару.

— Всего понемногу, мистер Пайн, — сказала она. — Это единственный способ не сойти с ума. Всего понемногу.

— Ни прошлого, ни будущего.

— Если хочешь, можешь думать и так.

Сара поднялась и протянула руку. Я вытащил обойму из пистолета и отдал ей оружие вместе с патронами. Потом отстегнул от пояса генетиграф, и она взяла его тоже.

— Мы пришлем кого-нибудь в отель за остальным оборудованием. Будь добр, сложи все заранее. А у тебя останется билет до Лос-Анджелеса.

— Да, — отозвался я. — У меня есть обратный билет до Лос-Анджелеса.

— Ты продержался немного дольше, чем я думала, — заметила Сара.

И я ушел, оставив ее у мертвого тела докладывать об

убийстве и вызывать команду санитаров. На следующий день я улетел в Лос-Анджелес и отыскал бар, где никто меня не знал. Я начал с текилы, продолжил шотландским виски и проснулся два дня спустя, лежа лицом вниз на песчаном пляже в Малибу, совершенно разбитым. Солнце уже садилось, на горизонте бушевал закат, потом на небо выплыли звезды. Метеор прочертил след по небу и исчез. Мне понадобилось не больше секунды, чтобы отыскать Юпитер, Повелителя Небес, Тучегонителя, — маленькое яркое пятнышко рядом с Луной.

Брендан Дюбуа
Падающая Звезда

Мы восхищаемся своей великолепной, точной и рациональной цивилизацией высоких технологий, но дело в том, что, как показывает данная история, цивилизация высоких технологий слишком уязвима и ее очень легко разрушить. А после краха Былые Времена и Старые Обычаи со всеми их предрассудками тотчас возрождаются и завладевают умами… засасывают и поглощают даже тех, кто еще недавно стремился к звездам.

Брендан Дюбуа дважды добивался премии «Shamus» американского журнала «Private Eye Writers» и трижды номинировался на премию Эдгара По, присуждаемую за лучший триллер. Его произведения печатаются в «Playboy», «Ellery Queen's Mystery Magazine», «Alfred Hitchcock's Mystery Magazine», «Space Stations», «Civil War Fantastic», «Pharaoh Fantastic», «Knight Fantastic», «The Mutant Files» и «Alternate Gerrysburgs», а также во многих других изданиях. Из его работ в жанре мистики наиболее известны цикл «Льюис Коул» («Lewis Cole»), повести «Мертвый песок, черный прилив» («Dead Sand, Black Tide»), «Разбитая скорлупа» («Shattered Shell»), «Волны-убийцы» («Killer Waves») и «Погребенные сны» («Buried Dreams»). В жанре фантастики наиболее известными являются «Дни Воскресения» («Resurrection Days») и «Шесть дней» («Six Days»). Из последних произведений внимания заслуживает напряженный триллер «Предавший» («Betrayed»). Автор вместе со своей семьей проживает в Эксетере, Нью-Гэмпшир.

Однажды днем, в конце июля, Рик Монро, старейший житель Бостон-Фоллз, что в Нью-Гемпшире, сидел на скамейке в городском сквере и поджидал почтово-торговый фургон из Гринвича. Чертов фургон должен был появиться к двум часам пополудни, но часы на городской церкви пробили уже три раза, а на дороге из Гринвича так никто и не появился. У коновязи перед главным универмагом Бостон-Фоллза стояли четыре верховые лошади, рядом — чей-то фургон, в дорожной пыли играли обнаженные по пояс мальчишки, в воздухе надоедливо жужжали мухи.

Рик вытянул ноги и заметил грязные пятна на штанине своего старого комбинезона. Опять его приходящая раз в неделю домработница миссис Чандлер пренебрегла стиркой. Надо бы сделать ей замечание, но Рику этого не хотелось. Иметь домработницу считалось роскошью, и плохая прислуга все-таки лучше, чем никакой. Даже если она всюду совала свой нос, иногда совершала набеги на его ледник и хмуро напоминала о необходимости посещать еженедельные церковные службы.

Кто-то из мальчишек закричал, и они сбились в стайку на дороге. Рик выпрямился и дрожащей ладонью прикрыл от солнца глаза. Две уставшие лошади тащили фургон с высокими бортами и полотняным верхом. Рик подождал, пока повозка остановится у магазина, подождал, пока ее разгрузят. Нет причин торопиться, спешить совершенно некуда. Пусть мальчишки суетятся и бегают вокруг фургона Наконец повозка тронулась и медленно потащилась дальше, к следующему на дороге городку под названием Иерихон, и Рик поднялся со скамейки, поморщившись от скрипа бедренного сустава. Он прошел по прохладной траве, пересек пыльную дорогу и поднялся по деревянным ступенькам. Все мальчишки уже разбежались, за исключением Тома Купера, уставившегося на него широко раскрытыми глазами. Навстречу Рику вышел Глен Раунделл, хозяин магазина и один из трех членов городской управы. В руках он держал небольшой бумажный пакет и тонкую пачку писем, перевязанных бечевкой.

— А вот и вы, мистер Монро, — официальным тоном обратился к Рику хозяин магазина, одетый в накрахмаленную белую рубашку и белый фартук, свисающий почти до земли. — Это лучшее, что мы получили за всю неделю. Говядины не было, зато привезли немного бекона. Не успеет испортиться, если вы быстро доберетесь до дому.

— Спасибо, Глен, — сказал Рик. — Запишешь на мой счет, как обычно?

— Отлично, — кивнул Глен.

Рик повернулся, чтобы спуститься со ступеней, но тут из полумрака магазина появился мужчина. Это был Генри Купер, отец Тома, в плотно застегнутой фланелевой рубашке, голубых джинсах и с черной густой бородой до середины груди.

— Мистер Монро, не хотите ли проехаться с нами до дому?

Рик повертел в руках сумку.

— Это было бы превосходно.

Как хорошо, что Генри приехал в магазин без своей жены Марсии. Хоть она и была прилежной прихожанкой, ее отношения с соседями, а особенно со стариком Риком Монро, который держался особняком и не ходил в церковь, нельзя было назвать

христианскими.

Рик пошел вслед за Генри и его сыном и уселся сзади, между двумя деревянными ящиками и бочонком.

— Вы можете сесть впереди, если хотите, — предложил Генри.

— Нет, это место вашего сына, — ответил Рик. — Пусть остается рядом с вами.

Генри отвязал поводья, и через пару минут пароконная повозка покатилась по шоссе, носящему название Двенадцатой нью-гемпширской магистрали. Жесткий кузов повозки подпрыгивал на каждой неровности, но Рик радовался, что ему не пришлось возвращаться пешком. Теперь ему требовался почти час, чтобы добраться от дома до центра города, и он снова — уже не в первый раз — вспомнил, как один раз в жизни ему потребовалось девяносто минут, чтобы преодолеть многие тысячи миль.

Рик оглянулся на городской сквер и стоящие там каменные обелиски с фамилиями погибших на войне жителей Бостон-Фоллза. Тех, кто был убит в Гражданскую войну, Испано-Американскую, Первую и Вторую мировые, кто погиб в Корее, Вьетнаме и даже в первой и второй войнах в Заливе. Но вот сквер скрылся из виду, и немного времени спустя фургон покинул маленький нью-гемпширский городок, переживающий шестое десятилетие двадцать первого века.

* * *

Доехав до фермы Рика, Генри с сыном спрыгнули с козел, чтобы помочь ему разгрузиться.

— Разрешите, я принесу воды для лошадей? — спросил Генри. — Сегодня ужасно жарко.

— Конечно, пройдите прямо, — ответил Рик.

Генри кивнул и окликнул сына:

— Том, помоги мистеру Монро внести покупки в дом. Не стой без дела.

— Есть, — отозвался мальчик и взял сумку из рук Рика.

Неожиданная помощь обрадовала и несколько смутила старика.

В доме было прохладнее, чем на улице, но не намного. Рик вспомнил о тех временах, когда достаточно было повернуть выключатель и охладить помещение так, что можно было замерзнуть. Мимо плиты, которую приходилось топить углем, Рик прошел в кухню. Из хозяйственной сумки он достал несколько

консервных банок с небрежно приклеенными черно-белыми этикетками и сверток вощеной бумаги с беконом. Открыв ледник, он быстро бросил туда продукты и плотно затворил дверцу. Том остался в комнате, оглядываясь, рассматривая висящие на стенах фотографии в рамках. На них Рик был моложе и сильнее, как и вся эта несчастная страна.

— Том?

— Да, сэр?

— Хочешь полакомиться?

Мальчик почесал чумазую щеку такой же грязной рукой.

— Мама говорит, чтобы я ничего не брал у незнакомцев. Никогда.

— Как ты можешь называть меня незнакомцем?! — воскликнул Рик. — Я живу рядом с вами, на той же улице.

— Угу.

— Значит, мы не чужие друг другу. Присядь, не уходи.

Том уселся на деревянный кухонный стул, а Рик обошел вокруг стола, открыл буфетный ящик, вытащил ложку. Снова повернувшись к леднику, он открыл морозильное отделение и быстро наполнил белую кофейную чашку с отбитой ручкой. Запотевшую от холода чашку он поставил перед Томом и протянул ему ложку.

— Вот, попробуй, — произнес он.

Том с любопытством посмотрел на угощение, осторожно зацепил немного ледяной смеси и отправил в рот. Едва он распробовал вкус, как его лицо вспыхнуло от удовольствия, словно электрическая лампочка под пыльным пергаментом. Мальчик отправил в рот следующую порцию, и на этот раз ложка была полной. Том быстро съел все, что было в чашке, облизал ложку и даже попытался вылизать чашку.

— Здорово! Это было вкусно, — сказал он. — А что это, мистер Монро?

— Просто немного лимонада, замороженного с сахаром. Неплохо, правда?

— Восхитительно! А у вас нет еще немного этого лакомства, сэр?

Рик засмеялся, вспоминая, как готовил этот десерт себе на ужин. Лакомство предназначалось вовсе не для мальчика, но что с того?

— Нет, боюсь, больше не осталось. Но приходи завтра. Я сделаю еще, если не забуду.

Он повернулся к раковине, чтобы помыть чашку, и голос вернулся:

Почему бы и нет? Расскажи мальчику, чего он лишился.

Расскажи, что в те времена мальчик его возраста просто рассмеялся бы на предложение полакомиться замороженным лимонадом. Расскажи, что, имея в кармане немного мелочи, он мог выйти на улицу и встретить тележку мороженщика, где продавалось роскошное угощение, которое теперь недоступно даже в самых шикарных ресторанах. Расскажи ему, почему бы и нет?

Рик кашлянул и обернулся; Том снова рассматривал фотографии на стенах.

— Мистер Монро…

— Да?

— Мистер Монро, а вы правда летали к звездам?

Рик улыбнулся, заметив, что на лице мальчика не было страха, а только любопытство.

— Что ж, мне кажется, я был к ним так близко, как это было возможно в те времена. Понимаешь…

Снаружи раздался голос отца Тома:

— Том! Пора ехать. Выходи скорее!

— Думаю, тебе надо послушаться отца, сынок, — сказал Рик. — Вот что я скажу, заходи как-нибудь в другой раз, и я расскажу все, о чем ты захочешь узнать. Договорились?

Мальчик кивнул и выбежал из кухни. Бедро все еще болело, и Рик решил полежать, а потом разобрать почту, но сначала вышел из дому, проводить Тома и его отца. Генри подошел и протянул руку на прощание, Рик пожал ее и с удовольствием отметил, что мужчина не стал демонстрировать свою силу старику.

— Мистер Монро, могу я сказать вам пару слов? — спросил Генри.

— Конечно, — кивнул он. — Но только если вы будете называть меня Риком.

Под густой бородой мелькнула слабая улыбка.

— Хорошо… Рик.

Они присели на старые плетеные кресла-качалки.

— Рик, я сразу перейду к сути, — сказал Генри.

— Хорошо.

— Сегодня вечером будет городское собрание. Мне кажется, вам лучше прийти.

— Почему?

— Потому… Знаете, ходят разные слухи, вот и все. Насчет учреждения особого комитета. Комитета по морали, который будет следить, чтобы в Бостон-Фоллзе жили только достойные люди.

— А кто будет решать, достоин тот или иной человек жить здесь или нет? — спросил Рик, с трудом веря собственным ушам.

Генри явно смутился.

— Комитет и члены городской управы, наверно. Знаете, дошли сведения, что в некоторых городах на юге не прекращаются проблемы из-за беженцев и мигрантов, прибывающих из Коннектикута и Нью-Йорка. Кое-где местных жителей просто задавили, не считаются с их мнением, и там все изменилось. А ведь вы, ну…

— Генри, я же здесь родился. Ты это знаешь. И они настроены против меня только потому, что я долго жил в другом месте?

— Ну, я только хотел сказать, что это из-за ваших прошлых занятий, и еще вы не ходите в церковь, и другие вещи… Мне кажется, вам лучше прийти на собрание. И защитить себя.

Даже в этот жаркий день Рик ощутил холодный озноб.

«А вот теперь мы действительно сделали шаг назад, — подумал он. — Как перед Второй мировой. И тогда следили, чтобы только этнически достойные расы могли голосовать, делать покупки, жить…»

— А если комитет решит, что кто-то недостоин? Что тогда? Арест? Высылка? Сожжение на костре?

Генри еще больше смутился и встал с кресла.

— Вы должны прийти, мистер, то есть Рик. В восемь вечера. В городскую ратушу.

— В темноте эта прогулка займет слишком много времени. Нельзя ли мне поехать с вами?

Даже по спине своего соседа Рик понял, как тому неловко.

— Ну, я… Не думаю, Рик. Понимаете, Марсия наверняка захочет навестить свою сестру, и я не знаю, когда мы будем возвращаться, и… Извините меня.

Генри взобрался на козлы, взял у сына вожжи, но прежде, чем лошади тронулись, Рик успел его окликнуть:

— Генри?

— Да?

— Есть вероятность того, что твоя жена войдет в состав комитета?

По выражению лица соседа он все понял. Фургон развернулся на пожелтевшем газоне и выехал на дорогу.

* * *

Вернувшись в дом, Рик забрал письма и поднялся на второй этаж, где еще в первый год после возвращения превратил свободную спальню в кабинет. Он подошел к закрытой двери и обнаружил, что замок не заперт. Проклятая память, она дает знать о возрасте, как и больное бедро. Он-то был уверен, что в

прошлый раз запер замок. Рик сел за стол и развязал бечевку, намереваясь ее сохранить. Как там говорили янки в свое время? Используй до конца или останешься нищим. Строжайшая бережливость — вот один из многих уроков, которые пришлось вспомнить за эти годы.

Один конверт Рик сразу отложил в сторону, чтобы отнести Глену Раунделлу, хозяину магазина. Это был чек государственной пенсии, запоздавший всего на три месяца, и Глен, который одновременно был и городским банкиром, возьмет его, чтобы покрыть счета Рика. В эти годы не так уж много товаров поступало в продажу, так что даже ничтожной пенсии обычно хватало, чтобы долги не накапливались.

Следующим ему попался пригласительный билет на сельскохозяйственную выставку в Графтоне, назначенную на следующую неделю. Еще пришло приглашение отдохнуть недельку в бывшем скаутском лагере на озере Конвей, на то же самое время. Наверняка конкуренты постарались. Особую радость доставил тонкий конверт, пришедший, судя по штемпелю, из Хьюстона, штат Техас. Письму потребовался всего месяц, чтобы добраться до места назначения, и это было добрым предзнаменованием. Может, хоть что-то улучшается в этой стране.

Может быть.

Рик старым ножом разрезал конверт и увидел знакомый почерк.

> Дорогой Рик!
>
> Надеюсь, мое письмо найдет тебя в добром здравии в твоем нью-гемпширском захолустье.
>
> У нас здесь понемногу продолжается восстановление. В прошлом месяце целых два городских квартала снова стали получать электричество. Его включают на несколько часов каждый день, и ни о каких счетах пока нет и речи, но все же это немалый прогресс, не так ли?
>
> Получены данные о состоянии «Большого Парня». Должен тебя огорчить, но он продолжает снижаться. По последним подсчетам «Большой Парень» продержится не более пяти или шести лет. При одном воспоминании, сколько в него было вложено средств и сил, у меня разрывается сердце.
>
> Если тебе скучно или одиноко, не пора ли подумать о том, чтобы перебраться сюда. Насколько я понимаю, с возрождением Национальной корпорации пассажирских

перевозок дорога должна занять всего четыре недели. У нас чертовски жарко, но, по крайней мере, ты окажешься в хорошей компании тех, кто еще помнит.

Твой друг, Брайан

Вместе с рукописным письмом в конверте лежал еще один листок, на котором были указаны даты и время. Просмотрев данные, Рик разочарованно покачал головой. Большинство сеансов наблюдения были возможны рано утром, а он ненавидел вставать до рассвета. Но сегодня — как удачно! — наблюдение было возможно вскоре после восьми вечера.

Восемь вечера. Почему это о чем-то напоминает?

Он вспомнил. Городское собрание назначено сегодня на это время, и, возможно, на нем будет решена его участь и участь других грешников. Рик аккуратно свернул письмо и вложил его в конверт. Он решил, что наблюдение важнее, чем целый вечер болтовни. А кроме того, учитывая известную ему обстановку в городе, решение уже принято.

Он окинул взглядом кабинет, посмотрел на самодельные книжные полки с книгами, на фотографии в рамках, висящие на потрескавшихся оштукатуренных стенах. На одном снимке он был сфотографирован вместе с Брайаном Пулом. Они оба в наглухо застегнутых голубых комбинезонах стояли перед большим и сложным сооружением, созданным давным-давно в болотах Флориды.

— Спасибо, дружище, — пробормотал он и стал спускаться.

Пора было позаботиться об ужине.

* * *

Позже этим же вечером Рик вышел на просторный задний двор, где разрешал другому своему соседу, Джорджу Томпсону, пару раз за лето косить траву и сушить сено. В обмен Джордж приносил ему оленину и коптил свинину для запасов на зиму. Рик прихватил с собой изрядно потертое и выгоревшее складное кресло и уселся, с удовольствием вытянув ноги. Эта ночь, как и почти все ночи с тех пор, как он здесь поселился, выдалась тихой. Он улыбнулся в темноте, вспомнив, какие странные повороты судьбы заставили его вернуться на старую семейную ферму. Здесь прошло его детство, но затем отец вместе с семьей перебрался на юг, в пригород Бостона, откуда после обучения в подразделении подготовки резервистов военно-воздушных сил отправился в бесконечные странствия по стране. Рик почти забыл о ферме и

никогда бы не вернулся, если бы не произошла эта катастрофа, когда…

Шум заставил его повернуть голову. В зеленой изгороди хрустнула ветка.

— Кто там? — крикнул он, подумав, что кто-то из наиболее горячих молодых голов не стал дожидаться окончания собрания. — Выходи и покажись.

Из темноты легкой походкой выступила маленькая фигурка, затем раздался детский голос:

— Мистер Монро, это я, Том Купер.

— Том? Ах да. Проходи сюда.

Паренек, смущенно сопя, подошел ближе.

— Том, ты меня немного удивил, — сказал Рик. — Чем я могу тебе помочь?

Том остановился рядом с креслом.

— Я просто хотел спросить… То лакомство, которым вы меня угощали днем, было такое вкусное. Я хотел узнать, нет ли у вас еще немного…

Рик рассмеялся.

— Извини, парень. Может быть, завтра. А почему же ты не поехал на собрание вместе с мамой и папой?

— За нами осталась присматривать старшая сестра Рут, но я выскользнул из своей комнаты и пришел сюда. Мне было скучно.

— Что ж, скука — это не так уж и плохо, она означает, что должно что-то произойти. Вот что, Том, сейчас я покажу тебе кое-что интересное.

— А что это?

— Ты подожди немного, и сам увидишь.

Рик сложил руки на коленях и посмотрел на юго-восток. Много лет тому назад та часть неба была бы совсем светлой из-за многочисленных городских огней. А сейчас небо со всех сторон было одинаково темным и звездным, каким было и два столетия назад.

Вот. Вот оно. Маленькое яркое пятнышко, поднимающееся над горизонтом.

— Посмотри, Том. Видишь эту летящую звезду?

— Угу.

— Хорошо. Следи за ней. Смотри, как она движется.

Сгусток света поднимался над горизонтом и постепенно становился ярче. Рик ощутил, что у него стало покалывать руки и в груди не хватало воздуха. Господи, как прекрасно, как красиво было там, наверху… смотреть на гигантский глобус, наблюдать за медленно поворачивающимся миром. Каким бы дорогостоящим, неудачно сконструированным и морально устаревшим это

сооружение ни было, оно все же поднялось и стало первым постоянным аванпостом человечества, первым шагом к познанию других планет и звезд…

Трескотня сверчков стала громче, где-то в лесу заухала сова.

— Что это, мистер Монро? — спросил Том.

Яркая точка стала понемногу тускнеть, а потом и вовсе скрылась за высокими соснами, и тут Рик понял, что глаза у него стали влажными. Он вытер их ладонью и спросил:

— А ты сам как думаешь?

— Я не знаю. Иногда я замечаю движущиеся огни, но мама говорит, что это творение дьявола и я не должен на них смотреть. Это правда?

Рик потер подбородок и задумался. Может, лучше оставить мальчика в покое и пусть он растет со своими иллюзиями и какой-то болезненной верой, которую вдалбливает ему мать? Пусть думает о своем хозяйстве, охоте и рыбалке, пусть заботится о том, что необходимо в данный момент, — о достаточном количестве пищи и тепла.

И тут снова закричал его внутренний голос:

Нет, это неправильно! Нельзя обрекать этого и многих других мальчишек на первобытную жизнь только потому, что задолго до его рождения произошло величайшее несчастье.

Он задумчиво покачал головой:

— Что ж, я понимаю, почему некоторые люди считают это явление происками дьявола. Но на самом деле, Том, там летает творение человеческих рук. Понадобился труд многих мужчин и женщин, чтобы запустить это сооружение на много миль вверх.

Том скептически хмыкнул:

— А как же оно не падает на землю?

Прекрасно. Может, рассказать ему теорию Ньютона? Как ты считаешь?

Рик ненадолго задумался:

— Это сложно объяснить, Том, и я не хочу тебя утомлять. Но поверь, это действительно так. Сооружение действительно летает там, наверху, и, хоть на нем теперь никого не осталось, продержится еще какое-то время.

Том поднял голову и посмотрел в небо.

— А куда оно делось?

— О, сейчас, я думаю, оно уже где-то над Канадой. Понимаешь, оно летает вокруг всего земного шара по пути, который называется орбитой. На целый оборот ему требуется около девяноста минут.

Том помолчал, а потом застенчиво спросил:

— Мой отец, он говорил, что раньше вы были кем-то другим.

Что вы летали к звездам. Это правда?

— Почти правда. Мы никогда не приближались к звездам, но много думали об этом.

— Он говорил, что вы летали по воздуху. Как птицы. И забирались так высоко, что приходилось даже брать с собой воздух. Это тоже правда?

— Да, так и было.

— Господи! Моя мама, она…

— Твоя мама меня немного недолюбливает, не так ли?

— Угу. Она говорит, что вы плохой. Что вы нечестивец. И еще всякие другие вещи.

Рик подумал было рассказать мальчику кое-что о его матери, но решил, что тот должен сначала подрасти. Он и сам со временем все узнает.

— Я возвращаюсь в дом, — сказал он вслух. — Хочешь, подарю тебе кое-что?

— Еще холодное лакомство? — с надеждой спросил мальчик.

— Нет, не сегодня. Может быть, завтра. А сегодня, сегодня я подарю тебе нечто другое, что займет тебя гораздо дольше, чем любое угощение.

Спустя несколько минут они были уже в кабинете Рика. По дороге Том успел рассказать о рыбалке в это лето, о ночном на дальнем выгоне и о своем кузене Ллойде, который жил в соседнем городке Ханкок и недавно умер от болезни под названием полиомиелит. Рика передернуло от того, как обыденно звучал рассказ о смерти в устах этого мальчика. Еще поколение назад такая смерть была бы немыслимой. Черт побери, поколение назад, стоило мальчику его возраста заболеть чем-то подобным, как его стали бы обследовать целые консилиумы врачей и все удивлялись бы, как такое могло произойти. А теперь? Просто возрастная болезнь.

В кабинете Том ахал и охал, разглядывая фотографии, а Рик, насколько мог, объяснял, что на них изображалось.

— Ну а это то самое пятнышко света, которое мы только что видели. На самом деле это сооружение называется космической станцией. А вот здесь можно увидеть устройство, которое доставляло людей на космическую станцию. Это называется космический корабль. Или ракета, как тебе больше нравится. А вот… здесь изображен я во время полета на станции.

— Правда?! — воскликнул Том. — Вы действительно там были?

Рик был вынужден сесть в кресло, настолько сильно разболелось его бедро.

— Да, я действительно там был. Сказать по правде, я был

одним из последних, кто побывал на станции. Том. До того, как… все изменилось.

Том остановился перед снимком полной луны. Кратеры, горы и моря виднелись так отчетливо, словно снимок был сделан только вчера.

— Мама говорит, что Бог наказал людей за их зло, за то, что они забыли Его. Это правда, мистер Монро? Что тогда произошло на самом деле?

Воспоминания нахлынули с такой силой, что у Рика непроизвольно сжались кулаки. Как же объяснить все это мальчику? С чего начать? Наверно, с того, что в давние времена компьютеры применялись повсюду, вплоть до автомобиля, домашнего тостера и кассового аппарата в любом магазинчике. Все было связано в одну сеть, все взаимозависимо. А когда системы стали такими сложными, нашлись молодые несерьезные вандалы, агрессивные хакеры, которые решили доказать, что у них достаточно сил, знаний и средств, чтобы разрушить систему. Да, защита становилась все сильнее и изощреннее, но точно так же совершенствовались и вирусы, и хакеры удваивали свои старания. Они были настоящими вандалами, как и те, что пришли в Рим и сожгли и разрушили все, что было создано другими людьми. Защита системы разрабатывалась со всей тщательностью, но нашлась одна светлая голова — если можно назвать ее светлой — и был создан непобедимый вирус. Нет, он не был похож на своих предшественников, поражавших программное обеспечение или отдельные программы. Совсем не так. Этот вирус атаковал железо, корпуса, поражал микросхемы. Бог знает, как он распространялся. На этот счет существовали различные версии, где учитывалось все — от человеческого прикосновения до прохождения импульсов по оптоволоконным каналам. Вот и все. Вирус пожирал микросхемы и оставлял после себя лишь обугленные крошки. Через несколько дней все вещи, в которых использовалась микроэлектроника, стали глухими, слепыми, мертвыми.

О, это был умный парень — лучшие хакеры всегда были мужчинами, и Рику очень хотелось, чтобы создатель Последнего Вируса в момент атаки находился в самолете или в диспетчерском пункте. Ведь с гибелью компьютерной системы в мире воцарился сущий хаос. Он затронул все: поезда, автобусы, самолеты, автомобили. Все замерло и больше не могло двигаться. Сотни тысяч людей оказались отрезаны от дома. Корабли беспомощно дрейфовали по морям, не в состоянии произвести ни одного маневра. Биржевые рынки, банки, корпорации, все учреждения, которые управляли активами государств и частных

лиц при помощи электронных систем, замерли. Все связи, благодаря которым питались, одевались, обогревались и защищались миллиарды людей, были разорваны. За несколько дней города обезлюдели, а жители хлынули в сельскую местность. Правительства самораспускались и низвергались. Информация не могла распространяться, поскольку радиостанции, как и проводная связь, вышли из строя. За неимением информации слухи и страхи распространились по всей земле как чума. Четыре всадника Апокалипсиса проскакали по миру.

Лишь несколько отдаленных уголков не были затронуты бедствием: Антарктика и кое-какие уединенные острова. А для остального мира… Иногда единственным освещением в городах на ночной стороне планеты были только погребальные костры, на которых сжигались тела умерших.

При воспоминании о том, что ему пришлось пережить, и о дороге в дом его детства, к горлу Рика подступила тошнота. Он постарался не думать о том, чем приходилось питаться. Фермеры делились с ним едой, и иногда жареная тушка слишком напоминала собачью, но, боже, как голоден он был тогда!

Рик глянул на Тома. Как же можно рассказать об этом ребенку?

Нет, нельзя.

— Это не Бог наказал нас в те далекие времена, Том. Мы сами это сделали. Мы жили в удивительном и прекрасном мире. Возможно, он не был идеальным и многие люди забывали о Боге, забывали и о других важных вещах. Но мы производили много хорошего. Мы кормили и одевали людей, а кое-кто мечтал долететь до звезд.

Рик подошел к стене и снял фотографию той самой международной космической станции, которую они называли «Большим Парнем».

— Мужчины и женщины строили это сооружение на земле, а потом отправили в космос. Они делали это во имя добра, ради того, чтобы узнать много нового, чтобы открыть для человечества путь к Луне и Марсу. Чтобы исследовать Вселенную. В этом нет никакого зла. Никакого.

Том внимательно разглядывал снимок:

— Это его мы видели там, высоко в небе?

— Да.

— А что с ним теперь будет?

У Рика задрожали руки. Он осторожно повесил фотографию в рамке обратно на стену.

— В наши дни станция постепенно спускается все ниже и

ниже. Полет по орбите не может длиться вечно. Если только кто-нибудь туда не доберется и не примет меры, станция упадет.

Он опустился в кресло и поморщился от боли в бедре. В те времена ему могли сделать новый бедренный сустав, новое колено или — если бы потребовалось — новые почки, но пройдет слишком много времени, пока это снова станет возможным. Из нечастых писем Брайана Рик знал, что в немногочисленных уединенных лабораториях работы еще ведутся, люди пытаются найти противоядие против Последнего Вируса. Но в неосвещенных городах все еще умирают от голода люди, большая часть страны отброшена в девятнадцатый век, когда источниками энергии служили только мускульная сила людей и животных и пар. Компьютерам придется подождать.

— Мистер Монро, я надеюсь, что этого не случится, — сказал Том. — Это было бы слишком грустно.

— Что ж, возможно, когда ты вырастешь, у тебя хватит ума и ты сможешь долететь до него и снова поднять на орбиту. Если сделаешь это, вспомни обо мне. Как тебе такой вариант?

Мальчик кивнул, и Рик вспомнил, ради чего он привел его в кабинет. Он снова поднялся с кресла, подошел к книжному стеллажу и стал перебирать толстые и тонкие книги, пока не нашел совсем маленькую, которую купил для своего будущего ребенка. Когда-то он обещал Кэти Мезерв, что они поженятся… Бедная Кэти. Удар Последнего Вируса застал ее в Лондоне, во время деловой поездки, и с тех пор он не видел девушку и ничего не слышал о ней.

Он подошел к мальчику и протянул ему книжку. Она была старой, но обложка еще сохранила яркие цвета, и заголовок гласил: «Моя первая книга о межпланетных полетах».

— Ты ведь умеешь читать? — спросил Рик.

— Угу, конечно умею.

— Вот и хорошо. — Рик погладил мальчика по голове, стараясь не думать о Кэти и детях, которые могли бы у них родиться, — Возьми ее домой и прочитай. Ты узнаешь много интересного о звездах и планетах, о том, как начиналось исследование космоса, как был построен первый звездный корабль. Может, и ты поднимешься туда, Том.

«Или дети твоих детей», — подумал он, но не стал разочаровывать мальчика.

— Может, ты станешь тем, кем был я много лет назад.

— Звездным человеком? — задумчиво спросил Том.

— Нет, это слишком фантастично. Астронавтом, вот и все. Смотри-ка, уже совсем поздно. Тебе пора возвращаться домой.

И мальчик выбежал из кабинета, крепко сжимая книжку,

словно боялся, что Рик передумает и заберет у него подарок.

* * *

Ранним утром Рика разбудили ржание и топот лошадей во дворе перед домом. Рик выбрался из постели, обругал свои занемевшие суставы и стал неторопливо одеваться. В изножье кровати лежал рюкзак — понятно, что чемодан ему не пригодится. Он взял рюкзак за лямку и потащил за собой на первый этаж. Рик шел медленно, любуясь резьбой и деревянными украшениями лестницы. Давным-давно прапрадедушка с любовью построил этот дом, и Рику тяжело было его покидать.

Он вышел на крыльцо и заслонил рукой глаза от жаркого утреннего солнца. Во двор въехали шестеро или семеро всадников и три запряженных лошадьми повозки; группа людей собралась перед дверью. Ближе к дороге, под старым кленом собрались дети; родители наверняка приказали им держаться подальше. Рик узнал всех, кто собрался во дворе, и порадовался, что среди них нет ни Глена Раунделла, члена городского правления и хозяина магазина, ни Генри Купера. Зато была жена Генри, Марсия, тонкогубая и постоянно сердитая женщина. Она стояла во главе группы, держа что-то под мышкой. На Марсии были кофта с длинными рукавами и хлопчатобумажная юбка почти до земли, и неугомонный внутренний голос отметил, что с возвратом технологии на два столетия назад за ней последовала и мода.

Марсия сделала еще шаг вперед и громко провозгласила:

— Рик Монро, ты знаешь, почему мы здесь, не так ли?

— Конечно, миссис Купер, у меня есть кое-какие догадки на этот счет, но почему бы вам не сказать мне обо всем прямо, во избежание ошибки? Среди прочих ваших прекрасных качеств желание исправить ошибки других, бесспорно, доставляет вам наибольшее удовольствие.

Женщина оглянулась, словно ища поддержки, затем продолжила с тем же напором:

— На вчерашнем специальном городском собрании большинством голосов жителей было решено, что ваше проживание в Бостон-Фоллзе нежелательно из-за прошлых преступлений и аморальности.

— Преступлений? — Рик заметил в толпе мужчину в полинялой форме и обратился к нему: — Шериф Годин, вы меня знаете. Какие преступления я совершил?

Сэм Годин явно смутился. Парню было всего двадцать два

года, и начальником полиции его выбрали за крепкие плечи и меткую стрельбу. Форменная рубашка на нем была почти вдвое старше своего хозяина, но она олицетворяла власть, и парень носил ее с гордостью.

Но сегодня шериф был явно не прочь переодеться во что-нибудь другое. Он даже покраснел.

— Ну, мистер Монро, не было никаких преступлений с тех пор, как вы вернулись. Но ходят разговоры, что раньше, до… до перемены, вы были ученым или кем-то в этом роде. Работали с компьютерами. Возможно, имели какое-то отношение к переменам. Вот об этом преступлении мы и подумали.

— Очень хорошо, — вздохнул Рик. — Значит, меня обвиняют в том, что я имею образование. Это я могу понять. Но аморальность? Где ваши доказательства?

— А вот здесь! — торжествующе воскликнула Марсия. — Видите? Этот старый журнал с непристойными картинками и развратными женщинами. Вы держали его у себя в доме, чтобы показывать молодым людям. Будете отрицать, что это ваше?

Рик едва удержался от смеха, поскольку миссис Купер держала над головой — и держала очень крепко, чтобы никто не смог заглянуть внутрь, — старый номер «Плейбоя». Этот чертов журнал лежал в ящике его стола, и Рик иногда перелистывал глянцевые страницы, тоскуя по давно исчезнувшему миру и прежнему типу женщин. Все стало ясно.

— Нет, я не буду этого отрицать, — сказал он. — Как не буду отрицать и то, что миссис Чандлер хотя бы однажды в своей жизни добросовестно отнеслась к уборке моего дома. Нашли еще что-нибудь, достойное внимания соседей, миссис Чандлер?

Его домработница только сердито посмотрела в ответ, но ничего не сказала.

Вперед вышел Сэм Годин:

— Мы не хотим никаких неприятностей, мистер Монро. Но решение собрания — это закон. Вы должны покинуть город.

Рик поднял рюкзак и чуть не охнул от тяжести.

— Я знаю.

— Если хотите, я могу подвезти вас до следующего города.

— Нет, — ответил он и ничуть не удивился резкости своего голоса. — Нет, мне не надо вашей лицемерной благотворительности. С Божьей помощью я пришел в этот город несколько лет назад и уйду из него так же, как и пришел.

С этими словами он спустился по скрипучим ступеням и пошел через некошеный газон. Толпа медленно расступилась перед Риком, словно опасаясь какой-то заразы или проклятия. Он видел их чумазые лица, тупые взгляды, нахмуренные брови и не

смог удержаться:

— Знаете, мне вас жаль. Если бы не проделка того неизвестного клоуна несколько десятилетий назад, вы бы сюда не пришли. Вы бы катались на теплоходе по озеру. Гуляли бы по магазинам с кондиционерами. Сидели бы с прохладительными напитками в кафе и обсуждали, куда полететь зимой на праздники. Вот чем вы занимались бы.

— Это была Божья воля, — сказала миссис Купер. — Значит, так надо.

Рик покачал головой:

— Нет, это была блажь какого-то идиота, из-за которого вам пришлось превратиться в крестьян. Храни Боже вас и ваших детей.

Никто не произнес ни слова в ответ, но Рик заметил беспокойные взгляды нескольких молодых людей. Они словно прикидывали, вмешается ли Сэм Годин, если они начнут кидать камни или что-нибудь еще. Пора было уходить, и Рик старался не думать о лежащей впереди долгой дороге. Просто надо делать шаг за шагом, вот и все. Если не подведут ноги, возможно, ему удастся дойти до железнодорожной станции в Конкорде. Возможно. Принять предложение Брайана. Он свернул налево по пыльной дороге, решив идти на Гринвич, чтобы не проходить через весь город. Зачем испытывать судьбу?

Он оглянулся, чтобы в последний раз посмотреть на свой дом, а заодно и на старый клен, под которым заскучавшие дети затеяли какую-то игру.

Но не все принимали в ней участие.

Один мальчик остался стоять на обочине. Он беспокойно оглянулся на толпу взрослых, а потом задрал рубашку, и даже с этого расстояния Рик узнал Тома Купера с подаренной книжкой, засунутой за пояс штанов. Том опустил рубашку и помахал. Удивленный Рик улыбнулся и тоже помахал ему в ответ.

А потом он повернулся спиной к своему дому и к городу и отправился в долгий путь.

Роберт Рид
Драконы из Летнего Ущелья

«В то время были на земле исполины», — сказано в Библии, но в Альтернативном Мире, куда своим рассказом переносит читателя Роберт Рид, исполины были еще удивительнее — более могущественными и даже более опасными, чем динозавры, чьи кости остались лежать в земле в нашем с вами мире…

Свой первый рассказ Роберт Рид опубликовал в 1986 году и почти сразу же утвердился в качестве постоянною автора в таких изданиях, как «The Magazine of Fantasy & Science Fiction» и «Asimov's Science Fiction», а кроме того, он стал печатать многочисленные произведения в «Science Fiction Age», «Universe», «New Destinies», «Tomorrow», «Synergy», «Starlight» и т. п. Рид относится к числу наиболее плодовитых современных молодых писателей, в особенности по части сочинения коротких рассказов — серьезную конкуренцию в этом ему могут составить лишь такие авторы, как Стивен Бакстер и Брайан Стэблфорд. Но при всей своей плодовитости ему, как и Бакстеру со Стэблфордом, удается удерживать очень высокую планку качества собственной прозы — а это не так-то просто. Такие рассказы Рида, как «Сестра Алиса» («Sister Alice»), «Брат Совершенство» («Brother Perfect»), «Порядочность» («Decency»), «Избавитель» («Savior»), «Сожаление» («The Remoras»), «Куколка» («Chrysalis»), «Хвост» («Whiptail»), «Запасной игрок» («The Utility Man»), «Жизненная сила» («Marrow»), «День рождения» («Birth Day»), «Слепец» («Blind»), «Жаба с неба» («The Toad of Heaven»), «Большой шаг» («Stride»), «Форма всего сущего» («The Shape of Everything»), «Почетный гость» («Guest of Honor»), «Плата за добро» («Waging Good»), «Убить завтрашний день» («Killing the Morrow»), как и еще с полдюжины других, не уступающих им по силе, признаны лучшими образцами этого вида творчества в 80-х и 90-х гг. Многие из этих произведений вошли в первый сборник Роберта Рида «Драконы из Весеннего источника» («Dragons of Springplace»). К тому же Рид оказался весьма успешным романистом, и с конца 80-х по настоящее время он написал уже восемь романов — «Подветренный берег»

(«The Lee Shore»), «Джунгли гормонов» («The Hormone Jungle»), «Черное молоко» («Black milk»), «Удивительные» («The Remarkables»), «Вниз по светлому пути» («Down the Bright Way»), «Под покровом звезд» («Beyond the veil of Stars»), «Восторг жаворонков» («An Exaltation of Larks»), «Под открытым небом» («Beneath the Gated Sky»). Его последней книгой стал сборник рассказов «Топь» («Mere»). Ждет выхода в свет новый роман «Звездный родник» («The Well of Stars»). Рид живет со своей семьей в Линкольне, штат Небраска.

1

Суровая зима способна поднять на поверхность и валуны, и старые кости, вытолкнуть все, что лежит в земле, даже сквозь самый неподатливый грунт. Вскоре снег тает, и паводковые воды омывают землю, унося с собой гальку и глину. А затем, когда какой-нибудь исключительно везучий человек с хорошим зрением проедет мимо, весь мир может внезапно перемениться.

— Вы только посмотрите, — сказал такой человек сам себе суровым низким голосом. — Это же коготь, не так ли? Зрелого дракона, не так ли? Боже правый, мистер Барроу. И рядом с таким сокровищем — еще два когтя!

Барроу был верзилой с узким лицом и тяжелой шапкой черных волос, которые росли на голове, на шее и между лопатками. Его родиной были Северные Острова, и ему пришлось покинуть родную землю совсем молодым, чтобы избежать одной войны, но лишь для того, чтобы принять участие в другой. Когда он перебрался в новую для себя страну, там как раз в это время начался крупный и затяжной гражданский конфликт, и волей-неволей он оказался в него втянут. В течение последующих лет на него обрушивались многочисленные беды и несчастья. Но он уцелел в боях, и когда стал увольняться из рядов Армии Центра, благодарная страна предоставила ему не только гражданство, но и расплатилась золотыми монетами. Барроу купил себе железнодорожный билет в один конец — он нацелился найти свою судьбу в диких землях. Его путешествие по Западной железной дороге закончилось в одном новом городке, который совсем недавно вырос в степи, — местность эта славилась стадами гираксов и залежами драконьих костей. Здесь он приобрел пару отличных верблюдов, запасся продуктами, чтобы съестного хватило на шесть месяцев одиноких скитаний, и, вооруженный лопатами и готовый свернуть горы, отправился в

путь — в омытые земли.

Соскальзывая вниз со своего верблюда, он скомандовал:

— Стоять.

Животное негромко фыркнуло и встало, переступая копытами и пытаясь принять удобное положение.

Барроу опустился на колени и осторожно потрогал драконий коготь — тот, что лежал посредине. Древний, как этот найденный предмет, великан по собственному горькому опыту знал, что даже самый обветшалый коготь бывает таким острым, что им можно пораниться. Как и то, что ископаемые зубы могут проткнуть самые толстые кожаные перчатки, а края огромных чешуй — опаснее полотна пилы, наточенного самым твердым камнем.

Коготь был насыщенного ярко-фиолетового цвета — явный признак хорошей сохранности. При помощи любимой маленькой кирки Барроу раскопал аргиллит вокруг и узрел коготь во всю его длину, а также место, где он крепится к передней лапе. Пусть Барроу и не был образованным человеком, но дело свое он знал хорошо: перед ним — крылатый дракон, одно из тех чудовищ, что некогда обороняли небо над исчезнувшим ныне морским побережьем. Гигантская лапа предназначалась для того, чтобы хватать. По-видимому, драконы использовали свои четыре лапы точно так же, как это делают хитрецы и плуты, чтобы удерживать жертву, а также для других простых манипуляций. Такие пальцевые когти всегда были в цене, но за толстый коготь с большого пальца — Коготь Бога — любой покупатель выложит монеты, даже не задумываясь. С наступлением ночи Барроу продолжал раскопки при слабом свете коптящего костерка, ковыряясь в аргиллите и отбрасывая его в стороны до тех пор, пока не открылась вся конечность — лапа, обращенная подошвой вниз, такая большая, что на нее можно было встать. Пролежавшая целую вечность в земле, она все равно отливала тусклым красным цветом — из-за чешуи.

Этот человек не сомкнул глаз. Лишь только рассвело, он, повинуясь предчувствию, сделал с полдюжины больших шагов вверх по канавке, втыкая лопату в то, что выглядело как нагромождение обыкновенной глины.

Лопата у него была крепкая, из отличной стали, но глухой звук возвестил — то, что находится внизу, намного крепче.

Барроу брался то за лопату, то за большую киркомотыгу: он работал ловко и быстро, так что утро у него ушло на откапывание огромного участка спины дракона — несколько кинжалообразных позвонков торчало примерно из трех десятков громадных пластин красноватой брони.

Выбившись из сил, он сделал перерыв — наелся досыта и

выпил всю оставшуюся воду. Затем, вспомнив о том, что его верные верблюды тоже голодны и, наверное, хотят пить, он повел обоих вниз по канавке, нашел ровное место, где росла полынь, а в мелком щелочном озерце стояла жидкость — для человека, пожалуй, слишком противная, чтобы ее пить.

Довольные верблюды и пили, и щипали траву, и бродили повсюду — насколько им позволяли длинные поводья.

Барроу вернулся к своему сокровищу. Дважды он начинал копать в новом месте, и дважды ошибался, ничего не находя. Скорее всего голова чудовища пропала. С головами почти всегда так. Однако он попробовал в третий раз, и удача повернулась к нему лицом. Череп не только сохранился в земле рядом со всей остальной тушей, но он был все еще прикреплен к туловищу — это существо ушло из жизни, когда его длинная мускулистая шея очень сильно рванулась влево.

Смерть была мгновенной — в этом он не сомневался.

Ему попадались образцы и покрупнее, но эта голова — само великолепие. То, что Барроу увидел перед собой, было размером с него самого, вытянутым и изящным, и немного напоминало голову пеликана, только симпатичнее, огромная пасть щерилась частоколом зубов — каждый зуб был больше его пальца. Глаза гигантского дракона исчезли, но остались большущие глазницы — забитые аргиллитом, они нацелились вперед, словно ястребиные глаза. А за ними — черепная коробка, в несколько раз превышающая по размеру голову любого человека.

— Так как же ты умер? — спросил он своего нового приятеля.

Еще в городе один образованный малый просветил Барроу, рассказав о том, что на сегодня известно науке и какие существуют гипотезы. Иногда тела драконов оказывались погребенными в слое грязи, на суше или под водой, и эта грязь защищала трупы от голодных сородичей или прожорливых крыс. При отсутствии кислорода процесс разложения невозможен. И такие условия лучше всего. Без следов гниения, надежно спрятанный в глубокой могиле, целенький дракон может пролежать нетронутым, дожидаясь своего часа, — когда мимо проедет какой-нибудь счастливчик на довольном верблюде.

От жажды Барроу едва не стонал, но сейчас он не мог позволить себе остановиться.

Следуя советам других старателей, он нашел место, откуда росли оба драконьих крыла, — эти крылья по-прежнему болтались в виде кожистой плоти, натянутой на длинных-длинных пальцевых костях, приспособил заряд с динамитом, установив его рядом с пластинами брони на спине, и прикрыл свою работу кучей утрамбованной земли, чтобы направить силу

взрыва вниз. После этого подвел длинный фитиль и запалил его. Раздался глухой удар, за ним посыпался затяжной град из комков грязи и мелких камней. Он подбежал посмотреть, что у него получилось, и стал тянуть на себя расшатанные пластины чешуи — каждая из них, если нет повреждений, стоит половину хорошего верблюда, — а затем взял тяжелую кирку, чтобы вытащить из громадного зверя раздробленные внутренности.

Если бы труп в свое время нашел другой дракон и атаковал бы это сокровище снизу — сейчас искать было бы нечего. Многие миллионы лет назад драгоценные кишки были бы съедены — и все дела.

— Впрочем, — сказал сам себе Барроу, — денег, вырученных только за эти когти и чешую, мне хватит на целый год. Если уж до этого дойдет.

Но до этого не дошло.

Внутри ископаемого зверя находилось то, ради чего он столько мучился и страдал: позади окаменелого сердца располагался замысловатый орган размером с человека — нечто губчатое, непосредственно над своеобразными драконьими легкими. Этот орган состоял из блестящих золотых и платиновых пластинок, свернутых вокруг бесчисленных пустот, — в одно мгновение Барроу стал обладателем такого богатства, о котором можно было только мечтать и видеть сны. Он неистово завопил и тут же пустился в пляс на спине у мертвого дракона. Затем рухнул рядом со своим сокровищем, рыдая от счастья, а когда в последний раз утер слезы с лица — увидел еще кое-что.

Целую вечность тому назад прекрасная черная грязь накрыла мертвое тело, заполнила все полости, не давая проникнуть туда свободному кислороду.

Без кислорода почти не было тления.

В древнем аргиллите «плавали» по крайней мере три круглых тела — каждое размером с самое большое пушечное ядро. Эти тела не были органами, но они находились внутри дракона. Барроу прежде слышал о подобных вещах, и ученый человек в городе даже показал ему кусок чего-то похожего. Но тот осколок был грязно-серый, тогда как эти три шара были белыми, как кость. Таким был их цвет при жизни, понял он, и такой же цвет у них сейчас.

Дрожащей рукой Барроу коснулся яйца, которое было ближе всех, и долго держал на нем ладонь, пока оно чуточку не согрелось.

2

В какой-то момент шлюха спросила:

— И откуда ты узнал всю эту галиматью?

Мэнмарк посмеялся про себя, но недолго. Он закрыл большую книгу и сказал:

— Ты имеешь в виду мои дипломы об образовании? Неужели ты желала бы их увидеть?

— После твоих денег, конечно. Твои дипломы об образовании. Да.

— Мальчиком я занимался с домашними учителями. В юности посещал несколько университетов. Изучал науки и наслаждался общением с блестящими умами — лучшими учеными. А потом мой отец умер, я получил наследство и решил употребить все свое богатство и талант на благо великих свершений.

Из всех подобных женщин в этом городке она была самой хорошенькой и отнюдь не глупой. Даже просто взглянув ей в глаза, Мэнмарк определил, что она обладает ясным и крепким умом. Впрочем, это была всего лишь одна из туземных девушек, миниатюрная, как и все представители этой расы. Отец продал свою дочь за порцию опиума или бутылку ликеру. Должно быть, жизнь ее прошла в нищете и страданиях. Вот почему его не слишком задевало, когда она насмехалась над ним, бросая замечания вроде: «С другими мне легче слушать, чем трахаться. Но с тобой — все совсем наоборот».

Мэнмарк снова раскрыл книгу, не задумываясь о возможных колкостях.

Он негромко спросил у женщины:

— Ты умеешь читать?

— Я различаю монеты, — ответила она. — И свое имя, когда вижу его. Если оно написано печатными буквами.

— Посмотри на эту картинку, — велел он ей. — Что на ней изображено?

— Дракон, — бросила она со скучающим видом.

— Какая разновидность дракона? — Мэнмарк не отставал от нее.

Она разглядывала рисунок, надувая щеки. Затем выдохнула и призналась:

— Не знаю. Может, какой-нибудь летающий?

— Едва ли.

— Да, наверное, не летающий. Крыльев не видно.

Он закивал, объясняя:

— Это малый ранний дракон. Как выясняется, один из видов-предшественников, обладавший шестью лапами. Его раскопали на нашем континенте — он покоился среди древнейших скал,

дошедших до нас с Эры Драконов. — Мэнмарк был привлекательным малым с золотистыми мечтательными глазами, которыми он уставился в одну из стен комнаты. — Если верить в естественный отбор и в величайшие глубины времени, — продолжал он, — тогда этот экземпляр вполне мог бы быть предком для сотен видов, о которых известно в настоящее время, и для тысяч видов, которые нам еще предстоит открыть.

— Ха! — сказала она и снова села, откинувшись на нагромождение подушек. — Можно посмотреть книгу? — попросила она.

— Осторожно, — предупредил он, словно разговаривал с капризным ребенком. — У меня сейчас нет другого экземпляра, а это — самый лучший из доступных справочников…

— Просто дай подержать, — перебила она его. — Я буду аккуратно, обещаю.

Сначала медленно, затем быстрее, молодая женщина листала страницы. Тем временем ее клиент продолжал говорить о вещах, которые она никогда не понимала: что на этой самой земле некогда обитали драконы величиной с огромные здания — мирные и прекрасно защищенные броней вегетарианцы, которые поедали исключительно деревья, судя по окаменелым остаткам пищи, обнаруженным в их пещерообразных желудках. Кроме того, существовали твари меньших размеров, которые бродили повсюду, сбившись в стада, — совсем как черные гираксы, пасущиеся на Высоких Равнинах. Хищные же драконы были двух основных видов — четвероногие с саблевидными зубами и Когтями Бога на мощных лапах, а позже появились крылатые великаны — с такими же зубами и Когтями, но, кроме того, у них были цепкие конечности и ум, который вполне мог бы сравниться с женским.

Если девушка и обратила внимание на этот выпад, но виду не подала — опустив голову, она кивала, пока переворачивала страницы. В конце книги она увидела еще чьи-то кости и необычные наброски.

— Что это за крошечное существо? — поинтересовалась она.

Мэнмарк откликнулся вопросом:

— А на что похоже?

— На какую-то птицу, — предположила она.

— Только зубастую, — указал он. — А где же ее крылья?

Она подняла на него взгляд, почти улыбаясь.

— Неужели у нее не было крыльев? Или ты их еще не нашел?

— Я не занимаюсь такими мелкими тварями, — заявил Мэнмарк с ноткой раздражения. — Нет, существа этого вида и подобные им никогда не вырастали особенно крупными и

никогда не были поистине важны. Некоторые мои коллеги считают, что из них произошли сегодняшние птицы. Но когда впервые обнаружили останки этих существ, их по ошибке приняли за разновидность бегающей ящерицы. Вот почему в свое время охотники за ископаемыми останками прозвали их «безобразными ящерицами».

Она перевернула страницу, помедлила, затем улыбнулась, глядя на один рисунок.

— Я знаю это существо, — сказала она, придвигая к нему книгу на смятых простынях. — Я видела нескольких землероек за свою жизнь.

Маленькое млекопитающее съежилось под листом папоротника. Мэнмарк ткнул пальцем в рисунок, соглашаясь.

— В самом деле напоминает нашу землеройку. Оно и понятно, поскольку этот давно умерший карлик является для них предшественником, как и для нас, и для всех животных, имеющих волосяной покров.

— В самом деле? — вырвалось у нее.

— Вне всяких сомнений.

— Вне всяких сомнений, — повторила она, кивая, словно постигла глубины океанов времени, а также всю неспешность и неумолимость действия законов естественного отбора.

— Наши предки, как и предки всех птиц, были исключительно маленькими, — продолжил Мэнмарк. — Драконы господствовали на земле и в воде, и в небе они господствовали тоже, тогда как эти крошечные существа сновали туда-сюда в полумраке, терпеливо дожидаясь своей очереди.

— Своей очереди? — Она решительно захлопнула книгу, словно та ей никогда больше не понадобится. Затем взглянула пристально и отстраненно и произнесла: — Я все думаю — опять и опять. Почему в нашем мире не осталось драконов?

Мэнмарк напомнил себе, что перед ним — одна из коренных жительниц. Каждая примитивная культура имеет собственные представления. Кто знает, каких диких легенд и глупых мифов эта туземка наслушалась с самого своего рождения?

— Никто не знает, что с ними произошло, — таков был его первый и лучший ответ. После чего, забрав у нее книгу, он добавил: — Но мы можем предположить, что случился какой-то катаклизм. Резкая перемена климата, некая катастрофа, обрушившаяся с неба. Нечто грандиозное заставило всех гигантских животных вымереть и освободить этот мир для таких, как ты и я.

Беглое знакомство с картиной гибели мира, казалось, впечатлило ее. Она улыбнулась и открыла рот, чтобы сказать ему

что-то — может, пригласить его снова занять место рядом с собой на огромной полупустой кровати. Но внезапно громкий стук сотряс дверь — единственную в комнате.

Мэнмарк выкрикнул:

— Кто там?

— Мое имя — Барроу, — отозвался грубый мужской голос.

Барроу? Знакомо ли ему это имя?

— Мы говорили с вами пару месяцев назад, — сообщил незнакомец сквозь тяжелую дубовую дверь. — Я сказал вам, что собираюсь отправиться в омытые земли, и вы еще велели мне поискать…

— Да.

— Кое-что особенное.

Наполовину одетый и почти в панике, Мэнмарк вскочил с места и бросился открывать дверь, бормоча:

— Тише, тише.

В коридоре стоял Барроу — громадный мужчина, который не мылся неделями, а может, и годами. Чумазый, уставший, голодный — он слегка смутился, увидев полуголую женщину, сидящую на кровати другого мужчины. Но затем словно вспомнил, что его привело сюда.

— Вы говорили о деньгах, — обратился он к Мэнмарку. — О больших деньгах, если искатель найдет для вас…

— Да.

— Одно из них или больше…

— Тише! — шикнул Мэнмарк.

— Яиц, — шепнул немытый охотник за ископаемыми костями.

После чего Мэнмарк втащил этого олуха в комнату, зажав ему рот рукой, — прежде, чем тот произнесет еще хоть одно неосторожное слово.

3

Вот опять мир вымирает.

Зефиру понравилась эта суровая мысль — она посетила его, когда он прогуливался рядом с железнодорожной станцией и прошел с наветренной стороны мимо мерзких гираксовых шкур, сложенных высокими штабелями. Эти шкуры — все, что осталось от тысяч зверей, убитых охотниками, — были поспешно выскоблены с профессиональной небрежностью и ждали, когда освободятся вагоны, направлявшиеся на запад. Жестокий бизнес и обреченный. За один только год уничтожены все стада

поблизости, и совсем скоро северные и южные стада тоже ощутят на себе натиск длинных ружей и злобной алчности. Ужасное расточительство, если учесть, что большая часть мяса достается медведесобакам или просто гниет на нещадном летнем солнце. Но, как и любое расточительство, оно снова изменит облик мира. На опустевшие земли придут другие животные и люди — очень быстро они заполонят страну, и этот, уже новый порядок просуществует один день или миллион лет, а потом он тоже рухнет и превратится в безнадежные руины.

Таковы уроки истории.

И наука, в своей изящной манере, не устает твердить об этих основополагающих истинах.

— Господин Зефир?

Из здания железнодорожной станции вышел один из его помощников, с важными документами в руках и с выражением нетерпеливого напряжения на лице.

— Все уладил? — спросил Зефир. И сразу же, не давая человеку ответить, добавил: — Мне нужен подходящий вагон. Для перевозки солидного груза: мои сокровища нельзя просто сунуть под эти кровавые шкуры — они заслуживают лучшего.

— Сделал все, что мог, — заверил помощник.

— И что же это — все?

— Вагон прибудет через три дня, — принялся докладывать человек, вытягивая из стопки документов нужную бумагу. — Бронированный вагон, используемый при перевозке монет в Западные Земли, — для выплаты зарплат. Как вы хотели, там поместится и охрана, и драконьи чешуйки, а ваш личный вагон будет прицеплен непосредственно к нему.

— А еще драконьи зубы, — напомнил Зефир. — И несколько дюжин Когтей Бога.

— Да, сэр.

— И четыре драконьи селезенки.

— Разумеется, сэр. Да.

Каждый из этих четырех металлических органов стоил огромных денег, хотя ни один из них не был в хорошем состоянии. Все они уже нашли своих покупателей. Два из них приобретены крупными фирмами в Восточных Землях. Другие два по договору следовало переправить на Великий Континент: их купили богатые люди, живущие у Драконьей Реки — в той самой зеленой густонаселенной стране, где шесть десятков лет назад начинал свой жизненный путь сам Зефир.

Кто-то утверждал, что драконьи селезенки обладают магической силой. Другие считали эти реликты диковинными вещами — красивыми и драгоценными. Но все большее число

людей полагало, что органы драконов стоят того, чтобы их изучать с научной точки зрения, — вот почему один из университетов в Восточных Землях заплатил Зефиру значительную сумму за полуразрушенную селезенку для того, чтобы исследовать обменные процессы этого органа и возможность их использования в современном мире.

Зефир был торговцем — как его отец и дед, он имел дело исключительно с останками драконов. На протяжении жизней нескольких поколений, возможно, с тех пор, как зародилась цивилизация, случайно найденная чешуя или редкостные когти пользовались устойчивым спросом — как предметы почитания и, более того, как орудия войны. Даже в наши дни современное оружие не способно пробить качественную пластину чешуи, извлеченную из спины крупного дракона. В последних войнах бойцов одевали в костюмы из драконьей брони — невероятно дорогостоящая форма предназначалась только для элитных воинских частей — и, когда они строем шли через пустоши, их противники, стремясь поразить драконовых людей, стреляли в них из специальных ружей драконьими зубами и когтями.

Современные армии намного богаче древних цивилизаций. И как следствие — скромный сын простого торговца, снабжая в течение длительной гражданской войны обе стороны, превратился в финансового воротилу.

Вооруженное противостояние прекратилось, по крайней мере на сегодня. Но все правительства во всем мире продолжают мечтать о войне, их стратегические запасы продолжают расти, и по мере того как молодые ученые узнают все больше о тех забытых временах, интерес ко всему, что связано с ископаемыми зверями, только усиливается.

— Ну что ж, неплохо, — сказал Зефир своему помощнику, возвращая ему контракт с железной дорогой.

— Остальные частности я проработаю, — обещал человек и, согнувшись, попятился назад, всем своим видом выражая полную покорность. — По телеграфу буду отслеживать продвижение вагона и поищу надежных охранников из числа местных жителей.

Зефир займется тем же самым. Но скрытно — просто чтобы подстраховаться и позаботиться обо всех этих частностях.

«Потому что главное в любом успешном предприятии — это и есть частности», — напомнил себе старик. Ведь как бывает с растяпами и неудачниками: упустят из виду какую-нибудь мелочь — и обязательно прогорят.

* * *

Зефир занимал просторный дом на краю рабочего лагеря — лучший дом в этом исключительно молодом городке, правда, располагался он в месте не столь желанном, поскольку, как и все жители лагеря, хозяин дома принадлежал к сомнительной расе. Войдя в парадную дверь, этот седовласый господин на мгновение задержался, чтобы полюбоваться рисунками, вытравленными на дверном стекле, в особенности изысканными драконами, плененными в самом расцвете сил, — распластанные крылья, невероятный огонь изрыгается из пасти. Легко коснувшись стекла, торговец ощутил под пальцем белесый глаз одного из драконов. Ожидающий его слуга объявил напряженным, неуверенным голосом:

— Сэр, к вам посетительница.

Зефир заглянул в гостиную, но никого не увидел.

— Я велел ей ждать в подвале, — доложил слуга. — Другого места для нее я не нашел.

— Кто она? — спросил старик. А когда услышал имя, то сказал: — Веди ее сюда. Немедленно.

— Женщину подобного рода? — с недоверием пробормотал человек.

— Да, и это будет твоим последним заданием. Приведешь ее в гостиную, получишь плату за две недели, затем соберешь свои вещи и покинешь мое общество. — Сердито выставив палец, он добавил: — А мораль свою нужно было держать при себе и не высовываться. Вспомни о моем честном предостережении, если когда-нибудь снова найдешь себе работу.

Зефир мог разговаривать грозно и сердито, если это было необходимо.

Он прошел в гостиную, сел на мягкий стул и стал ждать. Несколько мгновений спустя в гостиную вошла молодая женщина-туземка. Она лишь мельком взглянула на обстановку и статуэтки, вырезанные из кости, а потом сказала:

— Я кое-что узнала.

— Я так и думал.

— Как вы и догадывались, это все варвар со своими деньгами. — Она улыбнулась, возможно, подумала о деньгах. — Он обещал огромное вознаграждение охотникам за драконами, наверное, поэтому один из искателей сообщил ему об очень большой находке.

— Где эта находка? Ты услышала?

— Нет.

— У этого охотника есть имя?

— Барроу.

Если этот Барроу не идиот и не гений, он должен был подать

заявку и получить разрешение на раскопки, а это значит, что остались записи в регистрационных документах. И будет проще простого подкупить служащего…

— Там яйца, — выпалила она.

Зефир был не из тех, кого легко удивить. Однако он не сразу нашелся что сказать, и только повторил это слово:

— Яйца. — Затем спросил: — То есть ты хочешь сказать, не одно яйцо?

— Три, а может, и больше.

— Какого вида дракон?

— Крылатый.

— Неужели Небесный Демон? — произнес он с надеждой в голосе.

— Из того, что они сказали при мне, — я уверена. Он откопал целиком тело самки Небесного Демона, и она умерла на последней стадии беременности. — Девушка улыбалась, пока говорила, довольная всем, что случилось. — Он даже не догадывался, что я понимаю, как это все важно, или что я вообще слушаю. Этот малый Мэнмарк… он такой зануда, самодовольный хрен…

— Последний вопрос, — перебил ее Зефир. — Какого цвета эти яйца? Они говорили об этом?

Девушка кивнула и посмотрела по сторонам. Наконец подобрала игральный куб, вырезанный из белейшей гираксовой кости, и показала ему:

— Вот такого. Так и есть. Идеально, идеально сохранились.

4

Мэнмарк болтал без умолку, и большая часть его болтовни была просто бессмысленным шумом. Барроу относился к этому шуму как к разновидности ветра — сносил его без удовольствия, но и оскорбленным себя не чувствовал. Из вежливости он кивал время от времени и вставлял краткие замечания, имевшие некий смысл, и Мэнмарк, видя такую поддержку, еще больше воодушевлялся: он рассказывал, что значит вырасти богатым в Старом Мире, или почему медведесобаки самые омерзительные существа, или почему весь мир танцует вокруг солнца, или каково это, быть гением в этом самом мире, когда такой великий, глубокий, поразительный ум окружен миллионами глупцов.

Все же удивительно, какие испытания готов терпеть человек, особенно если ему обещана громадная куча платиновых монет.

С ними работали еще пятеро человек. Четверо из них —

совсем молодые ребята, студенты какого-то учебного заведения, которых привлекли к непростой работе — профессиональным раскопкам. В обязанности пятого парня входило защищать всех остальных — он был вооружен новеньким блестящим ружьем, а боеприпасов у него было столько, что хватило бы на тысячу человек. Несколько недель назад, прежде чем отправиться в дикие земли, Мэнмарк нанял этого человека в качестве охранника и платил ему за каждый день такой работы. Говорили, что он относился к разряду профессиональных убийц, — это немного удивляло. Пару раз в разговорах с ним Барроу удалось вытащить из этого малого честные ответы. Рекомендации его оказались не столь впечатляющими, как он пытался их представить, но еще больше настораживало то, что этот человек чрезвычайно боялся вещей, которые в принципе не несли в себе угрозы. Источником повышенного страха были медведесобаки, хотя Барроу никогда не имел проблем с этими тварями. А еще туземцы — сама мысль об этих обычно мирных людях наполняла его кошмарами.

— А что если они нападут на нас, пока мы спим? — то и дело вопрошал охранник, понижая голос и оглядываясь по сторонам. — Я ведь один. Мне тоже нужно спать. Что если я проснусь и увижу, как один из этих проклятых негодяев перерезает мне горло?

— Не увидишь, — заверял его Барроу и, посмеиваясь, добавлял: — Они сразу же проткнут тебе грудь, ведь им захочется съесть твое сердце.

Это были выдумки чистой воды — нелепые слухи, ставшие реальностью благодаря тысячам дешевых романов. Но их охранник, похоже, ничего не знал об этой стране: свой жизненный опыт он черпал из подобных романов, а также из глупых россказней, услышанных не то в трущобах, не то в ресторанах высшего класса, оставшихся на далеком, недосягаемом побережье.

Мэнмарк, в свою очередь, был просто сама невинность и наивность. Но порой то, что он знал, оказывалось не только интересным, но и вполне ценным.

Во время их второй ночевки в лагере рядом с драконом Мэнмарк наполнил свой высокий стакан чудесным розовым ликером и, окинув взглядом голову громадного зверя, лежащую на всеобщем обозрении, изрек:

— Как все-таки отличалась жизнь в те древние времена.

Избитые слова — ни уму ни сердцу. Однако Барроу, как и ожидалось, кивнул и пробормотал несколько вежливых фраз, соглашаясь.

— Ведь драконы были устроены совсем не как мы, —

продолжал ученый.

«Кто же будет с этим спорить?» — подумал про себя Барроу.

— Взять систему жизнедеятельности этих чудовищ, — сказал Мэнмарк. Он посмотрел на Барроу и сверкнул широкой улыбкой. — Знаешь, как они дышали?

Они вдвоем остались сидеть перед костром. Студенты, уставшие за день, забились в свои спальные мешки, а охранник стоял на вершине ближайшего холма, пугаясь каждой тени.

— Знаю только, что легкие у них были какие-то уж очень необычные, — признался Барроу. — Как и сердце, и селезенка…

— Не просто необычные, — оборвал его Мэнмарк. — Уникальные.

Барроу придвинулся ближе.

— Как и у нас, у них был позвоночник. Но не тот позвоночник в нашем понимании. В самом их строении существуют важные различия — глубокие и поразительные. Такое впечатление, что два отдельных спинных хребта развивались по самостоятельным, но параллельным линиям.

В этих словах был некий смысл — до определенной степени.

— К северу отсюда, — продолжил Мэнмарк, — мои коллеги нашли древние ископаемые останки внутри слоя прекрасного черного сланца. В отличие от большинства находок в пластах такого типа там наряду с твердыми оболочками и зубами сохранились мягкие части мертвого тела. Ты слышал об этом месте? Нет? Так вот, эти существа вымерли задолго до того, как появился первый дракон. Наш мир тогда только зародился, это было так давно… и внутри этого замечательного сланца находилось крошечное существо, похожее на червяка, у которого имелись зачаточные признаки спинной хорды. Позвоночника. Некоторые так и называют его — первое позвоночное.

— Как у нас, — догадался Барроу.

— И рядом с этим экземпляром лежал другой. Очень похожий, по-своему. Червеобразный и невразумительный. Но если приглядеться — полон неуловимых, очень красивых отличий.

— Отличий — в чем?

— Ну, например… в самой середине простейшего тела находится крошечная крупинка металла.

— Вроде драконьей селезенки?

— Только проще, из обыкновенных металлов. Железа, меди и подобных им. — Мэнмарк допил свой ликер и уставился в костер. — У нашей драконихи легкие, конечно, были совершенно особенные. Вместо того чтобы делать вдох и затем таким же путем — выдох, она втягивала воздух через ноздри в легкие, а наружу выпускала его через ректальное отверстие. Впрочем, у нас

еще недостаточно данных, чтобы быть полностью уверенными. Но кажется разумным предположить, что при таком бесконечно глубоком дыхании у нашей красавицы гораздо лучше получалось снабжать себя кислородом.

Барроу закивал — теперь ему было гораздо интересней.

— И потом, взять их знаменитую селезенку, — продолжил Мэнмарк. — Ты когда-нибудь задумывался, зачем этим животным нужно было собирать драгоценные металлы? Какие возможные преимущества это могло им принести?

— Я немного размышлял об этом, — признался исполин.

— Золото, и платина, и иногда серебро, — рассуждал Мэнмарк. — Эти металлы имеют ценность для нас, потому что являются редкими, это так. Но еще и потому, что они почти не окисляются под воздействием кислорода — и потому сохраняют свой чудесный блеск. И для новейших производств в нашем мире эти элементы представляют большую ценность. Ты знал об этом? Они могут служить катализаторами для впечатляющих химических реакций всех видов. Вероятно, наша госпожа драконица, соединяя воздух и кровь внутри полостей в своей селезенке, добивалась самых эффектных результатов. Возможно даже, она выдыхала пламя.

Барроу качал головой, словно понимал каждое слово.

— Однажды мы выясним, что происходило внутри этих существ. И подозреваю, это знание — появись оно на свет — произведет революцию в нашем мире.

— Когда-нибудь, возможно, — согласился Барроу.

— Думаешь, в далеком будущем? — Мэнмарк усмехнулся и основательно глотнул из своего почти осушенного стакана. — Не при нашей жизни, конечно. Ты ведь об этом думаешь?

— А что, разве это не так?

— Не так. — Самопровозглашенный гений устремил взгляд на огонь — в его золотистых глазах жадно горела нелепая надежда, — Об этом мало кому известно. За пределами научных кругов, я имею в виду. Однако пару лет назад из живота гигантского дракона, питавшегося деревьями, было извлечено недоразвившееся яйцо. Оно было мертвым вот уже сто миллионов лет, но цвет его все равно остался белым. Кислород, которым дышала родительница, после ее смерти к яйцу не поступал, и оно пребывало в некоем состоянии глубокой комы. Что в общем-то не так уж удивительно. Нам известно, что драконьи яйца исключительно стойкие. Вероятно, эта особенность сохранилась с тех времен, когда их предки откладывали яйца небрежными кучами, закапывали в грязь и, покинув гнездо порой на десятилетия, дожидались подходящих условий. Поскольку эти

создания имели биохимию, очень отличную от нашей… намного превосходящую нас физиологию… они могли себе позволить такие вещи…

— О чем вы говорите? — перебил его Бэрроу. — Простите, я и половины ваших слов не понимаю.

— Я говорю, что драконы эти были исключительно жизнестойкими.

Охотник за драконами посмотрел на вытянутый, симпатичный череп с глазницами, похожими на пещеры.

— Я прежде не слыхал о таком. Неужели есть вероятность того, что эти яйца там… в земле, после стольких лет?..

— Помнишь, я упоминал о незрелом яйце? — Мэнмарк говорил шепотом — голос его выдавал легкое волнение и страшную радость. — О том яйце, что нашли у древоеда? Так вот, в газетах написали о его вскрытии. Я читал эту статью сотни раз. Для того чтобы разрезать скорлупу, использовали алмазные лезвия, и вопреки всему, что может подсказать вам здравый и не здравый смысл… да, внутри яйца все еще сохранялась жидкость и находился эмбрион с шестью ногами — мертвый, но неповрежденный… мертвый, но все выглядело так, будто умер он только вчера, просто с похоронами все немножко затянулось…

5

Три яйца превратились в четыре, а затем в пять, и совершенно неожиданно уже семь сокровищ лежало на подстилке из чистой соломы, в приятной тени временно натянутого брезента. Это зрелище затмевало самые смелые мечты Мэнмарка — изумительные и восхитительные. Каждое из яиц идеальной круглой формы, все одинакового размера — диаметр их равнялся длине от основания предплечья до кончиков пальцев руки. Они были тяжелее любого птичьего яйца, если только возможно представить себе птицу, способную откладывать такие огромные яйца. Этому есть объяснение, поскольку толстая белая скорлупа являла собой сочетание слоев частично из металла и частично из неизвестных сложных структур, на сегодня еще не изученных — керамики и необычных белков, — и все это переплелось чрезвычайно изысканным образом. Само строение скорлупы содержало в себе достаточно тайн, чтобы принести известность человеку, разгадавшему их. Но Мэнмарк всегда думал о большем — о почестях и наградах, об оглушительном успехе, чем он сейчас и занимался, поглаживая теплую поверхность ближнего к нему яйца и шепотом обращаясь к нему: «Эй ты, привет».

Студенты стояли все вместе, в ожидании указаний. За ними высилась грузовая повозка, а рядом с ней — упряжка из мощных верблюдов, готовых везти драгоценный груз в город и на железнодорожную станцию.

Барроу сидел на козлах повозки, крепко сжимая обеими руками кожаные поводья.

Мэнмарк заметил, что великан уставился куда-то вдаль. Интересно, что он такое разглядел со своего высокого места? Мэнмарк посмотрел в том же направлении, но ничего не увидел. Только склон из серой глины с торчащими кое-где юкками и гребень небольшого холма, образующий аккуратную линию, — он отделял омытую дождями землю от яркой синевы неба.

Охотник за драконами всматривался туда, где ничего не было.

Как странно.

Мэнмарку стало немного не по себе, но почему — непонятно. Он обернулся к студентам, собираясь скомандовать, чтобы они нагружали повозку. И только тогда, слишком поздно, чтобы что-то предпринять, он вспомнил, как их очень дорогостоящий охранник пошел по пустынному гребню, прижимая к себе обеими руками длинное ружье, глаза у него были встревоженные и напуганные.

«Так где же мой охранник?» — спросил себя Мэнмарк.

Мгновение спустя раздался выстрел, в воздухе просвистела пуля, и одному из верблюдов вздумалось уронить голову, а затем и всю свою грузную тушу — по непонятной причине эта громада рухнула на затвердевшую глину.

Мэнмарк опустился на колени между огромными яйцами. Ничего другого ему не оставалось — все было слишком неожиданно.

Студенты повалились наземь и уставились в небо.

Барроу оставался рядом с повозкой — натягивал поводья, упирался левой ногой и приговаривал, обращаясь к троим уцелевшим верблюдам:

— Стоять. Куда пошли? Стоять, говорю.

Что-то в этом голосе привело Мэнмарка в чувство. Что-то в спокойствии этого человека позволило Мэнмарку поднять голову, и он крикнул Барроу:

— Что это? Что происходит?

И тогда послышался цокот копыт по земле — многих копыт, ступавших одновременно, — он обернулся в другую сторону и увидел шесть… Нет, восемь верблюдов спокойно спускались по длинной лощине — все на вид скаковые, на каждом из них по небольшому седлу, а также по всаднику в бесформенных одеждах

и закрытой маске.

Первое, о чем подумал Мэнмарк: «Этого не может быть». Разве он не предпринял тысячи мер предосторожности? Никто не знает о значении этих раскопок, так что скорее всего эта встреча — случайное совпадение, просто им немного не повезло. Эти налетчики — обычные воришки, которых легко перехитрить. Может, несколько золотых монет им будет довольно. Он стал прикидывать, сколько денег им дать, — в голову лезла всякая бессмыслица, как вдруг всадник, ехавший впереди, опустил свое громоздкое ружье и выстрелил.

Пуля ударилась о землю совсем близко — комки грязи полетели Мэнмарку в лицо.

Он отшатнулся назад, оступился и сел на землю. Охваченный паникой, он начал рыться в карманах, искать свой малюсенький пистолет, который таскал со времен Старого Мира, но так ни разу и не выстрелил из него.

— Не надо, — послышался твердый и спокойный голос.

Голос Барроу.

— Пусть берут что хотят, — сказал охотник за драконами таким тоном, как если бы перед ним стоял нервничающий верблюд.

— Не отдам, — вырвалось у Мэнмарка. — Все — мое!

— Нет, — отозвался Барроу с крыши повозки. — Теперь уже не ваше, даже если и было…

Всадники не говорили ни слова, только размахивали в воздухе оружием, жестами приказывая ему отойти от яиц. На каждого из них приходилось по одному белому шару — они спешились, но только для того, чтобы закрепить свою добычу шелковым канатом, очевидно сплетенным единственно для этой цели.

Двое всадников, ехавших позади, были одеты как остальные, но все равно выделялись. Один из них был тщедушным, а движения другого выдавали в нем вполне здорового, но явно пожилого человека. Мэнмарк не сводил взгляда с них обоих и благодаря опыту, накопившемуся за все годы, когда по одной древней косточке представляешь себе его обладателя целиком и во плоти, прекрасно догадался, кто скрывается под этими одеждами.

— Зефир, — прошептал он.

Сколько здесь еще соискателей? В одном маленьком городке или даже на этом клочке земли — сколько здесь найдется других людей, способных по достоинству оценить всю важность этой находки?

— И ты, — сказал он шлюхе коротко, обиженным голосом.

Она помедлила, но лишь мгновение.

Сквозь прорези для глаз Зефир пристально смотрел на своего соперника и затем, словно решился на что-то, поднял руку и оглянулся на всадников, отъехавших вперед. С какой целью? Может, чтобы приказать им убить его?

Раздавшийся грохот ружейного выстрела застал всех врасплох. Всадников. Зефира. И Мэнмарка тоже. Воздух сотряс удар, и в ушах еще звенело, когда Барроу произнес:

— Если мы хотим начать убивать, я начну с тебя. Кем бы ты ни был, старик. Ты понял? Прежде чем меня возьмут на мушку, я размозжу тебе голову, а потом прострелю твое сердце.

Барроу теперь стоял на козлах повозки, приставив собственное ружье к плечу.

— Слышишь меня, незнакомец? Яйца твои. Забирай их. А в придачу я дарю тебе жизнь. Устроит?

— Вполне годится, — отчеканил голос.

В душе Мэнмарк нещадно сыпал проклятиями, но стоял неподвижно, пока Зефир забирал последнее яйцо. Он также сдерживал свою ярость, когда всадники развернулись и пустились в обратный путь вверх по длинному склону, а ехавший последним человек сидел в седле спиной вперед, готовый стрелять в любого, у кого хватит смелости броситься в погоню.

У Мэнмарка смелости не было ни на грамм.

Когда разбойники скрылись из виду, он повалился на землю и стал биться в рыданиях самым позорным образом.

Барроу спрыгнул с повозки и пошел к нему.

Студенты опять были на ногах и переговаривались между собой. То один, то другой из них задавал вслух вопрос, ни к кому не обращаясь:

— А теперь нам заплатят?

«Все пропало», — думал Мэнмарк.

И тогда охотник за драконами опустился рядом с ним на колено и чуть ли не веселым голосом произнес:

— Ладно. Давайте обсудим мои условия.

— Твои — что?

— Условия, — повторил он. Затем рассмеялся уже в открытую и добавил: — Сколько вы заплатите мне, когда я верну вам эти яйца?

— Но как ты мне их вернешь?

— Еще пока не знаю. Но обещайте рассчитаться по справедливости, и я, может быть, что-нибудь придумаю.

Мэнмарк совершенно растерялся:

— Что ты хочешь этим сказать? Их ведь не меньше шести, они даже с моим охранником справились… На что ты надеешься?

— Я сражался на войне, — ответил Барроу.

— Многие сражались.

— Но не многие делали на войне то, что делал я, — заметил охотник за драконами. — К тому же мало у кого это получалось лучше, чем у меня.

Мэнмарк уставился в эти суровые темные глаза. И затем, раз уж у него не оставалось выбора — вообще ничего не оставалось, он выпалил:

— Да. Сколько бы это ни стоило. Да!

6

Лучший паровоз, который можно было раздобыть за короткий срок, уже стоял на путях — покрытая копотью машина из железа и огня ритмично и шумно испускала пар, словно это было дыхание какого-нибудь огромного старого зверя. Поскольку частности имели значение, Зефир заранее нанял рабочих нарисовать на паровозе драконьи глаза спереди и маленькие красные крылья по бокам, а когда эта работа не была выполнена с должной тщательностью, он поручил другим людям исправить недостатки. Два машиниста поддерживали огонь в топке, а третий сидел на крыше тендера, готовый заменить того из них, кто устанет первым. К паровозу прицепили бронированный вагон, нанимаемый для перевозки селезенок и чешуй, — эта обшитая сталью крепость на колесах была полупуста, сейчас здесь находились лишь семь белых яиц и шестеро наемников, вооруженных до зубов. Сразу же следом шел личный вагон Зефира — богато обставленный и доступный для обозрения, только маленькая комнатка в конце вагона не имела окон — она служила ванной.

Первоначально планировалось отвезти драконьи селезенки на Восток. Но эти яйца были слишком драгоценны, чтобы ими рисковать, — ведь варвары могли напасть на поезд и отнять их. Именно поэтому Зефир отдал приказ, чтобы его небольшой состав отправлялся в горы и далее в Западные Земли. Зашифрованная телеграмма уже послана по назначению. Ко времени их прибытия в Большой Бухте будет ожидать пароход, который повезет его в сказочную страну, где живут детские воспоминания.

— Я не был дома целую вечность, — признался он своей спутнице.

Молодая женщина улыбнулась в ответ и в очередной раз поблагодарила:

— Спасибо за то, что взял меня с собой.

— Это самое малое, что я мог для тебя сделать, — признался Зефир. — На самом деле ты меня попросила и поступила умно. Если бы Мэнмарк догадался, что это ты…

— И за это, — перебила она его и встряхнула увесистый кошель с монетами, который звякнул, словно соглашаясь.

— Ты заработала каждую копейку. Мадам, за то, что вы совершили, желая мне помочь, я буду вам вечно признателен…

Здесь пролегала единственная железнодорожная колея — кое-где встречались запасные пути, и поезда, подчиняясь правилам, уступали дорогу друг другу по графику. Но Зефир предусмотрительно «усыпал» весь путь взятками, так что на данный момент его поезд был, вероятно, единственным на всей железной дороге. Когда они набрали скорость — машина ускорила дыхание и темп, — он посмотрел сквозь толстое оконное стекло и увидел, как справа от них проплыла надпись, сделанная от руки. «Вы покидаете Летнее Ущелье, — прочитал он, — самый быстрорастущий город между небом и землей».

Забавно, это же надо — такое написать. Зефир немного посмеялся и опять вспомнил:

— Я не был дома с юных лет.

— Я бы с удовольствием повидала Великий Континент, — сообщила девушка-туземка.

Что будет с этим существом? Зефир уже не раз подумывал об этом, но веселое настроение располагало к более приятным мыслям.

Она незаметно спрятала кошель с деньгами.

— Знаешь, почему мы называем реку Драконьей? — спросил он.

— Не знаю, — ответила девушка.

Почему-то он ей не поверил. Впрочем, эта проститутка зарабатывает на жизнь тем, что слушает во все уши, и ему, как старому человеку, ничего другого не остается, как просто поговорить с ней, хотя бы сейчас.

— Да, конечно, вдоль русла реки действительно находят значительные пласты с ископаемыми останками. Кости драконов, их когти и огромные чешуи являются частью истории моего народа. И знаешь ли, мы ведь древняя нация. Возможно, древнейшая в мире. С самого начала мы всегда почитали драконов как богов, а наши правители всегда считались их земными сыновьями и дочерьми.

Молодая особа смотрела на него сияющими изумрудными глазами, приятно и обольстительно улыбаясь.

— Больше всего мне нравится история — не знаю, правда это или нет, — о юном правителе из Пятой Династии. — Зефир

невольно устремил взгляд к северу — туда, где раскинулись неровные, побитые дождями земли. — Рассказывают, он нашел самку летающего дракона. И кости, и чешуя оказались целыми, как и сердце с селезенкой. А за селезенкой лежали яйца. По меньшей мере два яйца. Правда, в некоторых источниках упоминается, что их было шесть, но только из двух вылупилось потомство. После трех недель лежания на высоком холме, согреваемые солнечным теплом, — и следует добавить, из-за того, что правитель был очень хорошим человеком, — яйца в конце концов проклюнулись. Два малыша-дракончика выползли на белый свет. Это были братья, и они принадлежали ему.

У правителя всегда было много слуг, которые ухаживали за ним. Но он принял мудрое решение. Он не позволил другим заботиться о своих новых друзьях, а стал растить их самостоятельно, своими собственными руками. Правда, одно неосторожное движение лишило его руки, но эта потеря оказалась такой несущественной. Он запретил своим стражникам убивать обидевшего его дракона. И за такую доброту дракон этот и его брат любили правителя всю жизнь.

Зефир помолчал немного, обдумывая, о чем бы еще рассказать.

— Это было нелегкое время для моего великого народа, — рассказывал он. — Варвары бродили по степям и горам, а морские племена совершали набеги на побережье. Но говорят — причем многие свидетельствовали об этом, а не только представители моего народа, — что однорукий правитель появлялся в небе верхом на крылатых чудовищах. Это были громадные звери — стремительные и необыкновенные. Они выдыхали удивительное пламя и были очень сильными, а чтобы утолить свой ненасытный голод, им приходилось съедать по тысяче неприятельских солдат каждый день. Деталь неправдоподобная, сказочная — я всегда так считал. Но сейчас, ознакомившись с научными трудами по физиологии драконов, я понимаю, откуда у них мог взяться такой непомерный аппетит.

Девушка кивала, внимая каждому слову.

— Я был недоверчивым мальчиком и подвергал сомнению историю о воинах-драконах правителя. Великим людям для спасения своей страны не нужны чудовища, полагал я. Но был не прав. Совсем недавно я вдруг осознал свою ошибку. Тогда два чудовища смогли спасти мой народ, а теперь представь, что могли бы сделать в наше время семь драконов… особенно если некоторые из них — самки, способные к воспроизводству, к тому же согласные на спаривание со своими братьями…

Молодая женщина слегка поежилась и долго молчала, не

говоря ни слова.

Поезд продолжал движение на запад — колеса стучали, паровоз пыхтел уверенно и непреклонно.

— У нас есть своя история, — тихо произнесла она. — У моего племени, я хотела сказать.

— О драконах? Да, вполне допускаю, что есть.

— С самого детства я слышала рассказы о том, что этот мир прячет тысячи драконов в своей груди, и иногда, время от времени, по причинам, известным только богам, кто-то из них выходит на свет. Полагаю, в этом есть смысл. Если все, что я слышала от людей, — правда, и их яйца могут сохраняться в земле бесконечно долго…

Что ж, если от каждой плодоносной самки в результате эрозии почвы на поверхность всякий раз будет выходить хотя бы по одному яйцу. Да, вполне разумное объяснение.

— Такие высвободившиеся драконы умирают от одиночества — всегда. — Она произнесла эти слова с такой грустью, словно сама что-то знала об этих душевных страданиях. — Они убивают и сжигают все вокруг из-за тоски по себе подобным, а потом улетают слишком высоко, чтобы покончить с собственными несчастными жизнями, — вот почему эти драконы не возвращаются в наш мир.

— Это очень распространенная история, — заверил ее Зефир. — Чуть ли не в каждом уголке мира рассказывают подобные сказки.

— Но в моей истории есть то, чего нет у других, — словно оправдываясь, произнесла она.

— Неужели?

— И много чего, — заверила она.

Довольно долго они оба молчали. Молодой женщине говорить больше не хотелось, а Зефир был не в том настроении, чтобы забивать себе голову сказаниями всяких племен. Он уставился в другое окно, в сторону пустынного юга, как вдруг откуда-то спереди донесся глухой звук «ба-бах» — это взорвался мощный заряд динамита. Мгновенно заскрежетали тормоза, небольшой состав закачался, задрожал и едва не сошел с рельсов, внезапно утративших свою надежность.

Молодую женщину сбросило с места, как и Зефира.

Он первым поднялся на ноги и услышал выстрелы — они доносились из бронированного вагона. Еще раз взглянул на юг, ничего не увидел, затем присел на корточки и посмотрел в другую сторону. К ним приближалась одинокая пешая фигура. Имея при себе ружье, идущий и не думал стрелять. Человек твердым шагом шел по чахлой траве, не прячась от огня, который

открыли наемники. Пули градом летели в него, но ему все было нипочем — при каждом попадании лишь сыпались искры и стоял пронзительный звон. И тут Зефир понял: на нападающем — броня, из драконьей чешуи. Умея ценить детали и частности, он сразу же обратил внимание на то, что этот человек удосужился еще и ткань натянуть между руками и грудью, будто крылья, а на маске, за которой скрывалось лицо, были нарисованы огромные злобные глаза на редкость свирепого дракона.

7

Именно этим Барроу занимался во время войны. В составе элитного взвода он, бывало, втискивался в доспехи и брал в руки ружье, всегда такое тяжелое, что приходилось отдыхать через каждые несколько шагов. Плечом к плечу со своими братьями по оружию, подавляя в себе чувство страха и здравый смысл, он шел прямо на своих врагов, не обращая внимания на беспорядочную стрельбу, его целью было добраться до места, где можно поубивать всех тех недоумков, которые так и не догадались вовремя сбежать.

Опять эта война, как же он ее ненавидит.

На этот раз доспехи оказались не столь хороши, как те, что он носил тогда. Студенты Мэнмарка проявили мастерство, подбирая чешуи и прикрепляя их к его одежде, — недели и годы, проведенные в собирании старых костей, не пропали даром, но для того, чтобы сделать свою работу как следует, им не хватило времени. Пластины были наклонены под таким углом, чтобы направлять пули в ту или другую сторону, но не все они располагались так, как надо. Каждое попадание вызывало ушиб. Сначала один, затем другой удары в грудь чуть не сломали ему ребра, и Барроу пошатнулся. Как же ему хотелось, чтобы закончились эти мучения, ведь доспехи такие тяжелые, а он смертельно устал.

Вообще-то его старый взвод был непобедимым подразделением, но к окончанию войны те из солдат, кто не погиб от метких выстрелов и пушечного огня, по большей части попросту свихнулись от страха. Барроу стал исключением — одним из немногих — в силу того, что в него попадали реже, и справлялся он со своей работой лучше, убивая тех, кто желал его смерти.

Сквозь узкие щели своей маски он пристально осмотрел огневые амбразуры, прорезавшие бронированный вагон. Сделал паузу, опустился на колено и очень тщательно, со знанием дела,

прицелился и выпустил свинцовую пулю в одного из людей.

В ответ Барроу получил два удара — один в грудь, второй по макушке.

Он покачнулся, сделал глубокий вдох, чтобы прояснилось в голове, потом опять прицелился и выстрелил — никого не убил, но кто-то за стальной стеной жалобно завопил.

Те, кто остался в живых, наконец-то поумнели. Один из них стал выкрикивать команды, и все остальные — стрелять вместе, единым залпом.

Барроу сбило с ног и отбросило назад.

И вновь послышался крик, а за ним — удар словно огромным молотком.

Если так будет продолжаться, в его избитом теле ни одной целой косточки не останется. Барроу уже видел свою смерть, но все равно не мог заставить себя подняться с пыльной земли. Как его угораздило очутиться в этом ужасном месте? Уже и не вспомнить. Он сел прямо, обреченный на новые страдания… но тут раздался еще чей-то крик, за ним последовал странный, пронзительный звук — это был выстрел из очень необычного ружья.

Пыль перед ним поднялась фонтанчиком и развеялась, а на земле, между его ног, остался лежать фиолетовый Коготь Бога.

Проклятие, у кого-то из них есть противодраконовое ружье.

Если он останется здесь, то погибнет. Подчиняясь рефлексам и элементарному чувству страха, Барроу вскочил и бросился бежать на подгибающихся ногах, пытаясь про себя считать секунды, необходимые тому, кто заряжает это огромное, ужасное ружье, — чтобы вставить еще один дорогостоящий заряд, перед тем как передернуть затвор и прицелиться в него снова.

И когда Барроу решил, что пора, он резко рванул в сторону.

Очередной коготь, со свистом рассекая воздух, по касательной задел его справа.

В локомотиве, украшенном драконьими глазами, сидели, съежившись, три машиниста. По правде говоря, они прибыли сюда совсем не для того, чтобы сражаться. Барроу наставил свое ружье каждому из них в лицо по очереди — лишь на мгновение, — и они тут же, все разом, спрыгнули с поезда и побежали назад, в сторону города.

Те, кто засел внутри бронированного вагона, снова открыли огонь. Но Барроу держался ближе к тендеру, и им было неудобно стрелять. Стоя в нескольких шагах от них, он достал из-за спины ранец, который был при нем все это время, размотал запальный шнур и разложил его на земле, после чего выстрелил в упор, чтобы поджечь. Затем низко наклонился и свободной рукой

быстренько забросил ранец под вагон. После этого он отступил немного назад так, чтобы охранники видели, как он стоит перед ними, не таясь.

— Под вами динамита сейчас столько, что его хватит поднять вагон на воздух и разорвать на двадцать кусков, — пообещал он. И добавил: — Шнур у запала длинный. Но мне бы не хотелось слишком долго ждать — так что решайтесь скорее и не делайте глупостей.

Через миг загремели засовы и открылась главная дверь. Из нее вывалились наружу пятеро мужчин: все — безоружные, у одного из них плечо в крови.

— Чешите отсюда, — посоветовал Барроу.

Наемники бросились по рельсам догонять паровозную команду.

Фитиль продолжал гореть, огонь добрался до матерчатого ранца, немного пошипел, а затем погас.

Барроу заглянул в бронированный вагон. Здесь находились семь дубовых ящиков, и в каждом из них лежало по одному яйцу. Но он смотрел не на них. Взгляд его устремился к распростертому на полу человеку, которого он подстрелил через амбразуру. Мысли путались в голове, он не знал, что и думать.

Где-то поблизости передернули затвор и взвели огромный курок.

Барроу обернулся, но слишком поздно — взгляд наткнулся сначала на бездонное дуло ружья, а потом уже на старика-чужеземца, который с трудом удерживал оружие. С такого расстояния, да еще зарядами из драконьих зубов или когтей — смерть просто неизбежна. Но что-то подсказывало Барроу: если он сам не станет поднимать своего ружья, то и этот человек не решится стрелять. Еще одна минута жизни или две стоили того, чтобы ничего не предпринимать.

— Я — человек предусмотрительный, — отметил Зефир.

— Ты меня перехитрил, — согласился Барроу.

— Частности, — пробормотал старик, обхватывая двумя пальцами длинный медный спусковой крючок. — Этот мир держится на маленьких, но решающих частностях.

За его спиной стояла одна из таких частностей — очень даже симпатичная частность, насколько успел заметить Барроу, — и мешком, полным золотых монет, хватила Зефира по самой макушке. Длинное дуло опустилось, ружье разрядилось, Коготь Бога вылетел и снова зарылся туда, откуда его извлекли, — в древнюю землю.

Мэнмарк сидел в грузовой повозке, отставшей от общей вереницы, и хлыстом подгонял уцелевших верблюдов, заставляя их скакать быстрее в направлении неподвижно стоящего поезда. Но им еще оставалось преодолеть весьма обширное пространство — в открытом поле негде было прятаться. Тем временем он наблюдал в свой бинокль за великаном Барроу и девушкой-туземкой — легкая тревога не покидала его. Затем он увидел, как Зефир пришел в себя, приподнялся и стал разговаривать с охотником за драконами. Все это время студенты Мэнмарка весело обсуждали свое блестящее будущее и строили планы относительно того, как распорядиться той частью славы, что выпадет каждому их них. Они говорили о драконах, которые вот-вот родятся, рассуждали о том, какими должны быть клетки для этих громадных зверей, и какую цену люди согласятся заплатить, чтобы посмотреть на них, и какие научные исследования можно будет провести с этими пришельцами из другого времени.

О чем же Зефир толкует с охотником за драконами?

Не иначе как этот хитрый старый торгаш пытается перекупить его, предлагая большую сумму. А что, если он преуспеет в этом? И Барроу резко переметнется?..

— Посмотрите вон на то облако, — привлек общее внимание один из студентов.

Откуда-то с южной стороны послышался топот копыт. В воздухе клубилась пыль, которую сносило ветром на север, из-за чего трудно было разглядеть, кто это несется в степи — скорее всего небольшое стадо бегущих гираксов.

Мэнмарк достал из кармана свой пистолетик и довольно долго прикидывал, какие у него варианты.

Если дело дойдет до выбора средств, сыщет ли он в себе смелость?

Наверное, нет. Если события последних нескольких дней и научили чему-нибудь, так это только тому, что у него совершенно нет желания наносить кому-нибудь увечья или кого-то убивать.

Он убрал пистолетик с глаз долой и снова взялся за бинокль — изображение прыгало, но можно было видеть, что Зефир теперь молчит, а Барроу всматривается на юг, из всех троих говорит только проститутка, которая стоит между двумя мужчинами и размахивает руками, не переставая вещать.

Вот теперь-то смутная тревога, завладевшая им, стала просто пугающей.

И снова Мэнмарк щелкнул хлыстом, поторапливая своих грузных верблюдов, и крикнул, обращаясь ко всем:

— Нам надо спешить. Скорее!

Но повозка была тяжелой, одного верблюда недоставало, и

расстояние, отделяющее их от цели, было все еще очень большим. Завеса пыли почти приблизилась к неподвижному составу, сквозь нее проглядывали десятки, а может, и сотни туземцев верхом на полудиких пони, на которых они предпочитали ездить. Целое племя скакало во весь опор к сокровищам, которых Мэнмарку теперь не суждено было увидеть никогда.

9

Она говорила спокойно и уверенно:

— Из всех предсказаний мне больше всего нравится одна легенда о том, что драконы когда-нибудь вернутся в наш мир. Они восстанут из-под земли, чтобы заявить свои права на то, что принадлежало им всегда, а пощадят они только тех мужчин и женщин, которые станут им помогать. Со всеми остальными племенами мира они будут сражаться, убивать их и съедать. И только избранные получат позволение жить так, как они сами того пожелают, — защитой им послужат великолепные крылья вновь пробудившихся богов.

Зефир потирал ссадину на голове, пытаясь собраться с мыслями. Впрочем, в данную минуту никакие хитроумные уловки или обещания денег ему не помогут. Он понял это со всей неизбежностью, несмотря на ужасную головную боль.

Обращаясь к человеку, одетому в драконью чешую, она сказала:

— Твое уродливое племя пришло в мою страну и ограбило ее, забрав все самое ценное. Вы принесли нам свои болезни и пьянство, вы убиваете наши стада. Но теперь я намерена уничтожить все, что вы здесь понастроили, и уже мои дети вернут себе все земли между морями.

Сообразительная и жестокая девчонка, подумалось Зефиру. А ведь как ловко она провела всех, включая его самого.

Барроу обернулся и посмотрел на приближающихся всадников. Защитную маску он уже снял, но дышать все равно было тяжело — сказывалась усталость после боя, но теперь еще страх сдавил грудь. Он смог бы справиться с десятком наемников, если повезет. Но не с целым племенем воинственно настроенных мужчин и женщин, вооруженных ружьями и объединенных гневом.

— Я нужен тебе, — пробормотал он.

Молодая женщина не ответила. Зато Зефир среагировал:

— О чем это ты? Кому ты нужен?

— Ей, — объявил Барроу. Затем он указал на всадников и

добавил: — Если они хотят, чтобы у них все получилось, то должны принять мою помощь.

Женщина рассмеялась и спросила:

— С какой стати?

— В детстве, еще мальчиком, — сказал Барроу, — я выхаживал осиротевших птенцов. И я понял, что мои маленькие друзья лучше принимают от меня еду и мою любовь, когда я надеваю на руку носок, разрисованный так, чтобы было похоже на их пропавших родителей — мать или отца.

Топот копыт становился все громче, все ближе.

— Я — огромный человек, в таком огромном костюме, — продолжил он. — Смею думать, никто из твоих людей не сможет нацепить этот костюм — так он велик. И к тому же я храбр до безрассудства. А у вас теперь будет семь драконов, за которыми нужен уход… чтобы кормить их и защищать, обучать, если получится… так почему бы вам не нанять кого-то, того, кто не прочь ежедневно рисковать всем?.

Зефир теперь тихо смеялся.

Несомненно, этот малый, Барроу, по крайней мере, удивил его не меньше молодой женщины, а по смелости — и вовсе превзошел.

Женщина пристально разглядывала человека перед собой, одетого в драконью броню, на ее лице постепенно стало проступать выражение заинтересованности.

Зефиру теперь оставалось только смеяться еще громче.

Пыль уже приблизилась к ним — густая и мелкая, она заглушала голоса людей. И тогда женщина повернулась к своим соплеменникам и громко закричала, чтобы все слышали:

— У меня есть драконы для вас! — выкрикнула она. — Восемь, как оказалось! Восемь драконов, чтобы построить новый мир…

Джеймс Л. Камбиас
Океан слепцов

Вот вам краткое и остроумное мнение по поводу того, как непроверенные сведения и сомнительные домыслы о чужой культуре могут иметь довольно болезненные последствия… порой в буквальном смысле этого слова.

Джеймс Л. Камбиас в 2001 году вышел в финал премии имени Джеймса Типтри-младшего с рассказом «Диаграмма вознесения» («A Diagram of Rapture»), а также стал финалистом конкурса Джона У. Кэмпбелла на звание Лучшего начинающего писателя. Его рассказы часто публикуются в «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», в «Crossroads: Tales of the Southern Literary Fantastic» и других изданиях. Уроженец Нового Орлеана, в настоящее время он проживает в Дирфилде, штат Массачусетс, вместе с женой и детьми.

К концу второго месяца, проведенного на станции «Хитоде», Роб Фриман довел количество способов, какими можно лишить жизни Анри Керлека, до восьмидесяти пяти. А потому Роб занимал третье место среди членов экспедиции: лидировал Джозеф Палашник, автор ста сорока трех способов, ему уступала Надя Кайл (девяносто семь). Собственно, и количество, и жестокость способов того, как извести Анри, находились в прямой зависимости от времени, проведенного каждым из авторов в компании Керлека.

Джозефу, как первому подводному пилоту, приходилось проводить вместе с Анри до тридцати часов в замкнутом пространстве еженедельно, а потому его список содержал в основном варианты быстрой жестокой расправы, подходящие для небольшой кабины. Надя делила с Анри лабораторию (в действительности это означало, что ей приходилось проводить вскрытия на кухне или на полу собственной спальни), и ее список состоял преимущественно из незаметных отравлений и изящных, но смертельных ловушек.

Роб специализировался на подводной фотосъемке и управлении беспилотниками. На протяжении всей подготовки Фриману внушали, что на Ильматар ему придется снимать экзотические формы жизни, исследовать уникальную природу далекого ледяного мира и помогать научной экспедиции в

исследованиях инопланетной биологии и экологии.

Через неделю после прибытия Роб неожиданно для себя оказался в роли личного оператора Анри Керлека, его мальчика на побегушках и невольного слушателя. Список казней, составленный Робом, начинался с того, чтобы «придушить А. К. этим его дурацким ожерельем с египетским „крестом жизни“ на шее», далее следовало: перерезать кислородный шланг на скафандре Анри, запихнуть Керлека в термокамеру, бросить посреди океана без гравикомпаса или скормить энокампусу. У некоторых из обитателей станции, по обыкновению перечитывающих тайный бюллетень «Смерть А. К.», это последнее предложение вызывало особые возражения ввиду крайней жестокости по отношению к энокампусу.

Впервые желание убить Анри пришло к Робу на вечеринке, устроенной Надей и ее мужем, Пьером Адлером, в их собственной каюте, как раз когда вспомогательный носитель покинул орбиту и отправился в полугодовое странствие к Земле. На четверых гостей места едва хватало, и, чтобы не перегружать вентиляторы, пришлось оставить дверь открытой. Подавали дыни из гидропонной оранжереи, наполненные картофельной водкой домашней перегонки, из запасов Палашника. Напиток с привкусом дыни пили из сердцевины плода, а потом пропитанную водкой мякоть резали на куски.

— У меня появилась новая идея! — произнесла Надя после третьей дынной дольки. — Оставить лист бумаги возле реактора, чтобы стал радиоактивным, а потом написать на нем письмо, будто от поклонника, и подсунуть под дверь. Анри сохранит послание для коллекции и умрет от медленного облучения.

— Слишком долго, — возразил Джозеф. — Даже если Керлек станет таскать письмо в кармане, потребуются годы, чтобы его доконала радиация.

— Зато можно с удовольствием наблюдать, как Анри лысеет, — возразила Надя.

— О ком это говорят? — удивился Роб.

— Об Анри Керлеке, — прошептал человек, сидевший на тесной кровати рядом с Робом.

— Лучше облучить его гель для волос, — заметил Пьер. — Тогда доза облучения станет возрастать ежедневно, а источник облучения окажется вблизи мозга.

— Ха! Да там уже давно все отмерло!

— Заменить в дыхательной смеси аргон на хлор, — предложил кто-то невидимый Робу, и тут же в комнате воцарилась тишина.

В дверях стоял Анри. Непрошеный гость, по обыкновению,

улыбался:

— Задумали кого-то прикончить? Надеюсь, речь идет о нашем дорогом начальнике станции. — Керлек оглянулся через плечо, чтобы убедиться: доктор Сен находится вне пределов слышимости. — А я вот придумал безотказный способ: оглушить громадным окороком или телячьей ногой, а когда приедут полицейские — угостить их орудием преступления. Они так ни о чем и не догадаются!

— Как у Роальда Даля, — пробормотала Надя. — Правда, там была замороженная нога ягненка.

Анри не слушал.

— Понимаете, в чем здесь смак? Полицейские поедают орудие убийства! Пожалуй, когда вернусь на землю, напишу на этот сюжет детективный рассказ. Ну что ж, всем спокойной ночи! — Керлек махнул рукой и направился в сторону третьего отсека.

Тем утром Роб готовил для Анри особо жестокую участь. Керлек разбудил его в пять часов утра (на три часа раньше!) и с крайне таинственным видом вызвал в комнату, где хранилось оборудование для подводного плавания.

Помещение находилось внизу первого отсека. Большая, округлая комната с костюмами для подводного плавания и дыхательным оборудованием, развешанным по стенам, со скамьями, чтобы было удобней надевать скафандр, и круглым бассейном посредине — здесь исследователи с Земли могли спуститься в темный океан Ильматар. В этом помещении благодаря присутствию морской воды с температурой ниже нуля, как правило, было холоднее всего.

Анри поджидал Роба внизу лестницы. Как только Роб спустился, Керлек захлопнул задвижку.

— Теперь нам удастся побеседовать с глазу на глаз. У меня к тебе важное дело.

— Что?!

— Сегодня в час ночи отправляемся понырять. Никому не говори. И никаких записей в судовом журнале.

— Как это? И почему сегодня? И с какой стати ты разбудил меня ради этого разговора в пять часов долбаного утра?

— Необходима строжайшая секретность.

— Анри, я не стану ничего предпринимать, пока ты не скажешь мне, что именно затеял. Хватит с меня этой игры в рыцарей плаща и кинжала.

— Ну тогда сам посмотри.

Анри повел собеседника к двери в третий отсек, немного приоткрыл дверь, чтобы можно было заглянуть внутрь, после чего

жестом пригласил Роба следовать за ним в лабораторию, общую для Керлека и Нади Кайл.

Помещение оказалось крошечной комнаткой, вдвое меньше спальни, и было полностью захламлено природными артефактами, дисками без названий и емкостями с образцами видов. Посредине возвышался серый контейнер большого размера из пластмассы, размером с человека. Поверхность контейнера украшала маркировка кириллицей и небесно-голубой символ АИК ООН.

Анри прикоснулся большим пальцем к замку, и дверца распахнулась, являя громоздкий подводный скафандр. Снаряжение было полностью черным, включая стекло шлема, и казалось абсолютно цельным.

— Отличный скафандр! Ну и что в нем такого секретного?

— Это — не простое снаряжение, — объявил Анри. — Я специально хлопотал, чтобы мне достали это устройство. Ни у кого больше нет ничего подобного. Это — русский костюм морского разведчика для дезактивации под водой интеллектуальных мин или звуковых ловушек. Поверхность полностью гасит эхо. Невидима для любого вида локации. Даже ласты — беззвучные.

Внутренний технарь подначил Роба спросить:

— И как же работает эта штуковина?

Анри пожал плечами:

— Это — забота специалистов. Главное — работает. Должна, по крайней мере: чтобы скафандр доставили сюда, пришлось выложить шесть миллионов евро.

— Ну, хорошо, у тебя есть самый крутой подводный скафандр на всей Ильматар. Но зачем держать его под замком? Уверен, биологи были бы в восторге, получи они возможность подобраться к местной живности, оставаясь при этом неуслышанными.

— Ба! Как только сделаю дело, пусть себе наблюдают за креветками и червяками, сколько влезет. Но сперва я хочу воспользоваться костюмом, чтобы подглядеть за ильматарцами вблизи. Только представь, Роберт! Я смогу плавать рядом с их жилищами, а может быть, даже пробраться внутрь! Окажусь к аборигенам так близко, что смогу их потрогать! Меня даже не заметят!

— А как же правила контакта?

Самой досадной частью всего проекта на Ильматар был запрет контактировать с разумными местными жителями. Комитет ООН, отвечавший за миссию, настаивал на необходимости дополнительных исследований. Роб подозревал,

что ООН силится угомонить на Земле сторонников закрытия станции «Хитоде» и вывода миссии с Ильматар.

— Контакт? Какой еще контакт? Ты что, не слышал — ильматарцы меня не заметят! Я буду стоять среди них, снимать с близкого расстояния, но в таком скафандре я останусь невидимым!

— Как только доктор Сен узнает, он будет рвать и метать.

— К тому времени как начальство узнает, все уже закончится. Что может сделать со мной доктор? Отправить обратно? Да я вернусь на Землю победителем, с первым же кораблем!

— Космическим агентствам это событие тоже не особенно понравится.

— Роберт, перед отъездом с Земли я навел кое-какие справки. Знаешь, сколько людей регулярно заходят на сайты космических агентств или подписываются на их новостные рассылки? Примерно пятьдесят миллионов, по всему миру! А сколько человек смотрели мой фильм, посвященный экспедиции на Титан? Девяносто шесть миллионов! У меня вдвое больше зрителей, а потому я вдвое влиятельней! Все агентства от меня в восторге.

Робу показалось, что статистика Анри была выдумана на ходу (как и большинство количественных показателей), но вполне возможно, что Анри Керлек, прославленный исследователь и бесстыдная проститутка от СМИ, пользовался успехом у гораздо большего числа зевак, чем весь остальной персонал, занятый в межзведной программе.

Фриман чувствовал, как его засасывает в мощный водоворот эгоизма Анри, и попробовал оказать сопротивление:

— Не хотелось бы нарваться на неприятности.

— Да не беспокойся ты! А теперь слушай. Вот что мы сделаем. Возвращаешься сюда, примерно в половине первого, и тихо собираешься. Захвати камеры и пару бесшумных крылаток. Ну и несколько беспилотников. Я сам надену скафандр здесь, а потом, в час ночи, выходим наружу. С крылатками доберемся до самого Мори-три. Там расположено небольшое поселение.

— Это довольно далеко. Мори-три… Кажется, отсюда до кратера — километров шестьдесят.

— Три часа туда, три — обратно, ну и, может быть, часа два — на месте. Вернемся примерно часов в девять утра, пока остальные еще будут завтракать. Может быть, нас даже не хватятся.

— А если заметят?

— Что ж, скажем, что вели съемку снаружи, в окрестностях базы. — Анри принялся закрывать футляр скафандра. — Можешь

быть спокоен: никто ничего не заподозрит! Предоставь говорить мне. А теперь — ни слова! У нас еще масса дел! Я собираюсь днем выспаться, чтобы набраться сил перед ночной вылазкой. Следуй моему примеру. И никому ни слова!

* * *

Широкохвост волнуется. Следить за выступающим не получается, потому что он то и дело проверяет сверток с текстом доклада. Он — следующий, это будет его первое выступление перед Собранием Ученых Горьководья. Своего рода комиссия; Широкохвост надеется, что его работа заинтересует членов Собрания и он получит приглашение вступить в их ряды.

Гладкопанцирка 24-я Срединная заканчивает выступление о созданиях с высот и отвечает на вопросы слушателей. Вопросы непростые, и Широкохвост боится оказаться посмешищем в глазах стольких почтенных исследователей. Когда Гладкопанцирка заканчивает, Длинноклешень 16-я Горьководская щелкает конечностями, призывая к тишине.

— А теперь поприветствуем Широкохвоста тридцать восьмого Песчаносклонного, прибывшего к нам издалека, чтобы поведать о древних языках! Прошу вас, Широкохвост!

Широкохвост едва не роняет свиток, но вовремя подхватывает и спешит в противоположный конец помещения. Комната просто идеальна для выступлений — с покатым полом, чтобы каждый мог слышать выступления напрямую, со стенами из пемзы спокойных тонов. Отыскав конец свертка, Широкохвост начинает речь, осторожно пропуская текст между кормильных щупалец. Щупальца касаются узелков на прокручиваемой веревке. Формы узлов обозначают числа, а числа — слова. Он помнит, как старательно и плотно вязал знаки, ибо эта копия предназначена для библиотеки Горьководья. Свиток — сплошной шнур, очень дорогой и невероятно сложный в работе, совершенно не непохожий на черновик — мешанину из небрежно связанных узелков.

Стоило Широкохвосту начать, как весь его страх улетучивается. Увлеченность предметом доклада сама по себе внушает уверенность, и он чувствует, как убыстряется речь по мере того, как растет возбуждение. Во время перерыва Широкохвост слышит, как шелестят и возятся слушатели. Должно быть, добрый знак. По крайней мере, не замерли на месте.

Основной предмет доклада — описание эхографов из развалин города близ его родного кратера Непрестанного

Изобилия. Широкохвост убежден: сопоставляя форму эхографов с числовыми отметками перед ними, можно восстановить словарь древних строителей.

Перед Собранием зачитывается перевод некоторых надписей из развалин.

Стоило Широкохвосту закончить, как его окатывает потоком реплик: слушатели требуют пояснений. Громадный старик, Круглоголов 19-й Низоток, задает несколько серьезных вопросов — его репутация знатока древних городов, сведующего в повседневной жизни зодчих былого, неоспорима, и Круглоголов хочет убедиться, что провинциальный выскочка не пробирается на его территорию.

И вот уже Круглоголов и несколько его союзников нащупали слабые места в тезисах Широкохвоста. Некоторые ссылаются на труды покойного исследователя Толстощупальца 19-й Быстровода, и Широкохвост чувствует мимолетный укол зависти: он не в состоянии позволить себе приобретение столь редких источников. Продолжают сыпаться вопросы. Широкохвост чувствует, как по мере отстаивания собственных выводов на него накатывает ярость, ценой огромных усилий ему удается совладать с собой. Даже если доклад завершится полным провалом, необходимо сохранять спокойствие.

Наконец прения завершаются, молодой ученый скручивает свиток и направляется на свое место в дальнем углу помещения. Он и дальше двигался бы не останавливаясь… Выскользнуть наружу, плыть домой, не задерживаясь… но это невежливо.

Какой-то незнакомый Широкохвосту исследователь суетливо пробирается к кафедре и принимается возиться со спутанным свитком. Длинноклешень сидит рядом с Широкохвостом и приговаривает, украдкой постукивая по панцирю соседа:

— Отлично! Полагаю, вы описали несколько крайне важных открытий.

— Вы действительно так считаете? А я было собрался пустить свиток на ремонт сетей…

— Из-за вопросов? Не переживайте. Любопытство — добрый знак. Если слушатели задают вопросы, то, значит, они размышляют — в этом-то и состоит предназначение Собрания. Не вижу поводов отказать вам в членстве. Уверена, что и другие согласятся.

Широкохвоста окатывает потоком всевозможных переживаний: облегчение, волнение и неподдельное счастье. Он едва сдерживается, чтобы не заговорить вслух. Его постукивания по панцирю соседки ускоряются:

— Я вам крайне признателен. И намереваюсь пересмотреть

сверток, чтобы ответить на некоторые из вопросов Круглоголова.

— Разумеется. Уверена, некоторые из наших собратьев также захотят обзавестись собственными экземплярами. Кстати, доклад начинается.

Исследователь на кафедре зачитывает свиток об открытии нового способа измерения тепла источников, но Широкохвост слишком счастлив, чтобы слушать внимательно.

* * *

В полночь Роб лежал на койке, стараясь выдумать хоть какой-то предлог, чтобы не сопровождать Анри. Не сказаться ли больным? Жаль, что обманщик из него никудышный. Фриман старался довести себя до тошноты… может быть, напиться морской воды, чтобы вызвать понос? Но организм, как назло, пребывал в отличнейшей форме.

А может, просто отказаться? Не вставать с кровати, запереть дверь. Вряд ли Анри нажалуется доктору Сену на Фримана, который не стал участвовать в несанкционированной экспедиции. Но Керлек вполне способен донимать своими уговорами и посулами, пока Роб не отступит.

И конечно же на самом деле Фриману хотелось отправиться на вылазку. Надеть на себя разведывательный гидрокостюм, оказаться на расстоянии вытянутой руки от ильматарцев и заснять аборигенов вблизи, а не довольствоваться несколькими темными кадрами, снятыми беспилотниками издалека. Пожалуй, все остальные обитатели «Хитоде» разделяли его чувства. Запереть членов экспедиции здесь, на самом дне океана Ильматар, не позволяя приближаться к аборигенам, было все равно, что разрешить опьяненным гормонами подросткам улечься в постель голышом, строго-настрого запретив касаться друг друга.

Роб глянул на часы. Было 00.20. Оператор встал, перекинул сумку с камерой через плечо. Все равно, черт бы подрал Анри!

По пути к бассейну Роб никого не повстречал. Станция ничем не напоминала космические транспортники с круглосуточными дежурствами. С полуночи до восьми утра все спали, лишь редким бедолагам приходилось дежурить в пультовой на случай непредвиденных ситуаций. Сегодня была вахта Дики Грейвса, и Роб подозревал, что Анри удалось каким-то образом задурить дежурного, так что наружные гидрофоны оставят скромную прогулку незамеченной.

Оператор снял с полки беспилотник, наскоро проверил его готовность. Гибкая рыбина-робот, около метра в длину, еще один

подарок от сил Военно-морского флота, на сей раз американских. Модель трудно было назвать незаметной, зато разработчики обеспечили ей сходство со звуковым следом макрели. Возможно, ильматарцы примут устройство за какую-нибудь местную живность и не заметят. Между компьютером и мозгом беспилотника поддерживалась лазерная связь. Заряжен полностью — хоть сейчас отправляй. Роб приказал роботу оставаться на месте в ожидании дальнейших распоряжений и бросил устройство в воду. Для страховки подключил и второй беспилотник, который тоже отправил в бассейн.

Дальше — крылатки. Довольно незамысловатые аппараты: двигатель, аккумулятор и пара вращающихся лопастей, направленных друг на друга. Скорость регулируется нажатием большого пальца на рукоять. Крылаткам полагалось быть незаметными, но на деле оборудование обладало шпионскими качествами не больше, чем любое из приспособлений, доступных в магазине принадлежностей для дайвинга на Земле. Какой-то японский подрядчик представил уйму этих устройств. Роб выбрал пару с заряженными аккумуляторами и повесил на крючок у края искусственного водоема — чтобы были под рукой.

Теперь — самое трудное: самостоятельно облачиться в костюм. Роб взял потрепанный, слегка попахивающий защитный комбинезон. Сперва — нижнее белье: им с Анри придется провести восемь часов за пределами станции и надеть снаряжение на мокрую кожу равносильно смерти от переохлаждения. Потом — толстый комбинезон из чесаной овечьей шерсти, похожий на детскую пижаму. Температура воды — значительно ниже нуля, влага остается в жидком состоянии лишь благодаря давлению и содержанию солей. Чем больше защитных слоев, тем лучше. Затем — внешний костюм, двойной, также с термоизоляцией. От теплой одежды, несмотря на прохладу в раздевалке, лицо раскраснелось, выступил пот. Далее — плотная шерстяная шапочка со встроенными наушниками. И шлем, круглый аквариум из пластика, больше похожий на шлем космонавта, чем ныряльщика, он пристегивался к скафандру так, что внутрь не попадала вода. Затылочная часть шлема была набита электроникой: биосканерами, микрофонами, акустическими сенсорами, здесь же имелось сложное устройство, проецирующее текст и данные на внутреннюю сторону лицевой пластины. Была еще и трубка с питьевой водой, из которой Роб отхлебнул, прежде чем приступить к следующему этапу.

Задыхаясь под тяжестью снаряжения, Роб втиснулся в массивный ПСАП с ранцем за спиной, до того, как подсоединить шланги к шлему, предусмотрительно включил оборудование и

несколько раз вдохнул, чтобы проверить работу аппарата. Именно благодаря ПСАПам оказалась возможной экспедиция на Ильматар. Посредством электролиза снаряжение вырабатывало кислород прямо из морской воды, дыхательная смесь подавалась под давлением окружающей среды. С помощью миниатюрных датчиков и сложного компьютерного устройства поступало ровно столько воздуха, сколько требовалось носителю скафандра. Необходимый для дыхания газ смешивался с аргоновой смесью в замкнутом цикле: при колоссальном давлении на дне ильматарского океана пригодная для дыхания смесь могла состоять лишь из аргона и кислорода в соотношении тысяча к одному. И станция «Хитоде», и батискафы были оснащены более крупными установками того же рода, позволявшими людям выжить под шестью километрами воды и льда.

За это приходилось расплачиваться шестидневным подъемом на поверхность. Разница между давлением в триста атмосфер на океанском дне и половиной стандартной земной величины на поверхности означала не просто кессонную болезнь при быстром подъеме: человека буквально разрывало на куски. Подстерегали и другие опасности. Чтобы совладать с последствиями чудовищного давления, все члены экипажа «Хитоде» потребляли львиные дозы лекарств.

Запустив ПСАП (включившись, крошечный компьютер скафандра догадался просто подавать воздух из окружающей среды), Роб натянул на руки по три пары перчаток, пристегнул ласты, затянул балластный пояс, щелкнул наплечным фонариком, после чего уселся на корточки у бассейна и плюхнулся в воду, спиной вперед. Вода встретила не смертельным холодом, а приятной прохладой, и Фриман добавил дыхательной смеси внутри скафандра, чтобы поплавать на поверхности до появления Анри.

Оператор запрограммировал беспилотники на движение следом, в четырех метрах, после чего создал на интерфейсе шлема окно, чтобы следить за происходящим через объективы устройств. Проверил прикрепленную у предплечья камеру: работает ли? Все в пределах нормы… Сейчас 0.20, где же Анри?

Десятью минутами позже в поле зрения возникла неуклюжая фигура Керлека. В громоздком костюме-невидимке тот походил на гигантскую черную жабу. На груди болталась пенозащита шлема, Роб заметил, как покраснел и взмок от пота его сообщник. Анри доковылял до края бассейна и с оглушительным всплеском плюхнулся в воду. Через мгновение он уже барахтался рядом с Робом.

— Боже, ну и жарища внутри этой штуковины! Просто не

верится, настоящее пекло. Наконец-то я добрался до воды. Ты ничего не забыл?

— Не-а. Интересно, а как ты собираешься работать с камерой в эдаком облачении? Разве она не испортит эффект невидимости?

— Большую камеру я трогать не буду. Она — для тебя, будешь снимать меня с дальнего расстояния. А у меня внутри шлема — парочка камер поменьше. Одна работает в режиме моего зрения, вторая — на лицо. Можешь подключиться по интерфейсу.

Журналист и оператор установили лазерное подключение, Роб открыл в нижнем углу лицевой панели своего шлема два новых окошка. В одном он видел себя глазами Анри: бледное, поросшее щетиной лицо внутри пузыря шлема, другое демонстрировало Керлека с весьма близкого расстояния. Усыпанная градинами пота громадная зеленоватая физиономия напоминала Волшебника страны Оз, Гудвина Великого и Ужасного, после трехдневного запоя.

— А сейчас мы покинем станцию и опробуем твой локатор на моем скафандре. Ты ни за что меня не обнаружишь.

Собственно говоря, Роб сомневался в невидимости журналиста. Наверняка Анри и его спонсорам из «Сайенс-Монд» продали или неудачную разработку, или подделку, и какой-то русский срубил на этом парочку «лимонов» евро.

Оба землянина опускались на дно, пока не очутились под блоком № 1, всего лишь в паре метров над океанским дном.

Среди мутной взвеси песка вырисовывался бледный конус света, нисходящий из лунообразного бассейна и оканчивающийся большим черным пятном у основания.

Керлек отплыл от станции первым, налобный фонарик и защитный стробоскоп оставались включенными, и вот напарники удалились от станции на несколько сотен метров.

— Годится, — изрек он. — Можешь включать запись.

Роб зафиксировал камеру на фигуре Анри:

— Запись пошла.

Тотчас же голос журналиста стал спокойным, дружелюбным и в то же время — всеведущим голосом Анри Керлека, прославленного ведущего научно-популярных программ:

— Сейчас, в темном океане Ильматар, я собираюсь испытать высокотехнологичный подводный скафандр-невидимку, который позволит мне подобраться к аборигенам, оставаясь при этом незамеченным. Вот я прикрываю смотровое окошко шлема защитным слоем. Оператор попробует обнаружить меня по локатору. Поскольку ильматарцы обитают в полной темноте, они совершенно невосприимчивы к видимому для нас световому

излучению, а потому защитный стробоскоп и фонарик можно не выключать.

Фриман открыл на лицевой панели окошко для отображения звуковых образов и принялся записывать. Сперва как сторонний наблюдатель: компьютер был способен выстроить нечеткую картину всего, что происходило вокруг, по одному лишь внешнему шуму и узорам интерференций. Ничто не выдавало присутствия Анри, хотя сам Роб видел лампочку фонарика, торчащую на лбу Керлека, который плавал в десяти метрах от оператора.

Фриману пришлось признать: результат неплох. Что ни говори, а глушить локацию эти русские умеют. Роб проверил включенный эхолот. Замаячил четкий рельеф океанского дна и подводных камней: жуткие, неестественные цвета, из которых зеленый обозначал мягкие, а желтый — твердые поверхности. Сам же океан в активном режиме отображался совершенной чернотой. Керлек казался черно-зеленой тенью на черном фоне. Журналиста было почти невозможно различить даже при статическом и активном сигналах, включенных одновременно.

— Чудесно! — восхитился Анри, получив отправленные Робом изображения. — Я же говорил тебе: полная невидимость! Разумеется, эту часть потом придется отредактировать, оставим только мое локационное изображение, наложим озвучку. А теперь — вперед! Нас ждет долгое путешествие!

* * *

Собрание Горьководья просыпается. По палатам особняка Длинноклешни спешат слуги, чутко прислушиваются у входа в гостевые комнаты и сообщают тем, кто проснулся: в главном зале подано кушать.

Широкохвост смакует удовольствие оттого, что его будят к готовому завтраку. Доведись ему ожидать в собственном жилище, пока ученики не приготовят пищу, — всем пришлось бы умереть от голода. Мимолетная мысль: как там они без него? У троих достаточно знаний, они могут и самостоятельно присмотреть за подкачкой и всходами. Но Широкохвост переживает: как поведут себя ученики, случись беда? Если сломается подкачка или из яйца пойдет выводок? И представляет, как, вернувшись домой, застает там разруху и запустение.

Но здесь, в жилище Длинноклешни, так тепло и уютно! Настоящий особняк. Кратер Горьководья не такой обширный, как Непрестанное Изобилие или другие кратеры в городе, но

Длинноклешень правит целым потоком. Ее владения простираются на десять мер в любую сторону. При доме — слуги и наемные работники. Даже ученикам — и то лень лишний раз шевельнуть клешней.

Широкохвост боится опоздать к завтраку. Запасы из кладовой Длинноклешни обильны, как и все чудеса богатого Горьководья. Переползая в главный зал, гость в который раз поражается густой растительности на стенах и полу. У него самого не хватило бы проводной прокачки, чтобы поддерживать столько жизни. А может быть, у зажиточной Длинноклешни просто вдоволь отбросов, вот и хватает на пышную растительность в доме? Или же хозяйка настолько богата, что может подкачать излишки кратерной воды прямо в дом? Как бы то ни было, но Широкохвосту с его стылым имуществом и правами на чуть теплое течение о подобном и мечтать не приходится.

— Приближаясь к главному залу, Широкохвост чувствует роскошь предстоящего пира. Судя по шуму, с полдюжины членов Собрания уже там, и о кухне Длинноклешни сам за себя говорит тот факт, что до Широкохвоста доносится лишь чавканье.

Гость устраивается между Гладкопанциркой и тихоней, чье имя не вспомнишь. Пробежавшись щупальцами по разложенной перед ним пище, чувствует новый прилив уважения к Длинноклешни, смешанный с завистью. Печенье из давленого кислолиста, целые яйца бахромчатки, свежие, нежные стекляшники и какие-то незнакомые Широкохвосту крохотные придонные создания, аккуратно нанизанные на шипы, но еще шевелящиеся.

Широкохвост не припомнит, когда в последний раз ему доводилось принимать участие в подобном пиршестве — с тех самых пор, когда он унаследовал имущество на Северном Склоне и устроил тризну в честь старины Плоскотела. Когда гость тянется к третьему стекляшнику, Длинноклешень щелкает клешнями в дальнем конце зала, требуя внимания:

— Предлагаю Собранию небольшую прогулку, — говорит хозяйка. — Примерно в десяти мерах вниз по течению за моими приграничными камнями находится небольшой кратер, слишком теплый и горький, чтобы утруждать себя подкачкой. Я запретила своим рабочим протягивать там сети и припоминаю, как доводилось заставать там за кормежкой любопытных созданий. Предлагаю плыть туда и ознакомиться с образцами.

— Могу ли я предложить использовать для измерения температуры тех вод метод Остроуса? — предлагает Гладкопанцирка.

— Превосходная идея! — восклицает Длинноклешень.

Остроус говорит что-то неразборчивое о забытом оборудовании, но остальным удается уговорить коллегу. Гости доедают угощение (Широкохвост замечает, как некоторые члены Собрания набивают яствами сумки, и хватается за последнее яйцо бахромчатки, чтобы не остаться обделенным), после чего все направляются к границам владений Длинноклешни.

За межевыми камнями ученые инстинктивно сбиваются в тесную кучку. Разговоры стихают, все больше внимательного вслушивания и звуковых сигналов. Длинноклешень заверяет присутствующих, что она отгоняет от своего кратера и разбойников, и мародеров, но и сама, идя позади, несколько раз подает звуковые сигналы — на всякий случай. Впрочем, слышатся только крики каких-то диких детей, да и те быстро убегают, едва заметив приближение взрослых.

* * *

По пути к поселению близ кратера Анри и Роб оставались немногословны. Внимание каждого было сосредоточено на навигационных панелях с внутренних сторон шлемов. Ориентирование на Ильматар казалось обманчиво простым: выбираешь курс по инерционному компасу, направляешь крылатку в нужном направлении — и вперед. Но Фриман время от времени ловил себя на мысли: как же непросто ориентироваться без электроники! Звезды скрывала километровая толща льда над головой, а приличного магнитного поля у Ильматар не было. Едва получается отличить верх от низа — если только поисковые огни не гасли, дно не пропадало из виду и вас не окутывало облаком песчаной взвеси, а вот держаться на заданной глубине удавалось исключительно благодаря наблюдениям за экраном эхолота и датчиком давления. Без навигационного оборудования человек на Ильматар был бы слеп, глух и совершено потерян.

К 05.00 исследователи приблизились к намеченному месту.

— Только пассивный режим эхолокации, — велел Керлек, — и необходимо сохранять тишину. Ты можешь снимать со ста метров?

— Потом придется усиливать и чистить изображение… но в общем — да.

— Вот и хорошо. Займешь позицию вон там. — Анри указал куда-то в темноту.

— Где именно?

— Возле той громадной кучи камней по направлению…

сейчас… сто градусов, примерно в полусотне метров.

— Хорошо.

— Стой там и не шуми. Я направляюсь вперед, к кратеру. Отдай мне второй беспилотник.

— Договорились. Что собираешься делать?

— Зайду прямо в поселение.

Покачивая головой, Фриман отыскал себе относительно удобное укрытие в камнях. Дожидаясь, пока осядет взвесь, оператор заметил, что перед ним — не природная гряда: обработанные камни, остатки какого-то сооружения… Кое-где на поверхности даже вырезаны узоры и письмена. Фриман старался заснять как можно больше. Попробуй не снимать — остальные ксенологи на «Хитоде» потом семь шкур спустят.

Керлек продвигался вперед в мутном облаке. Если он будет баламутить придонный ил, то большая камера окажется бесполезной, а потому Роб рассчитывал лишь на беспилотники. Один следовал за Анри на расстоянии десяти метров, второй снимал журналиста сверху. Связь по лазеру была несколько шумновата под водой, в основном — из-за частиц, но подробности и не нужны. Все сохранится на камерах беспилотников, а потому Фриман довольствовался тем, чтобы просто охватить окулярами аппаратов как можно больший радиус. Поскольку оператор сидел удобно и мог орудовать руками, то вместо голосовых команд и особенно раздражающего визуального управления он пользовался виртуальным джойстиком.

— Гляди! — неожиданно воскликнул Керлек.

— Что? Где?

Изображение на передней камере Керлека приблизилось, показались восемь ильматарцев, плывущих строем, метрах в десяти над дном. Все — взрослые, в поясах с какими-то приспособлениями. Двое — при копьях. С тех пор как беспилотники принесли первые изображения аборигенов, их описывали как гигантских омаров, но, глядя на строй инопланетян, проплывающих над головой, Роб не мог согласиться с таким описанием. Большеголовые, плоскохвостые местные жители напоминали скорее белуг в доспехах. Длина тел взрослых особей колебалась от трех до четырех метров. Каждый имел с дюжину конечностей, аккуратно согнутых под панцирем; позади — ноги, спереди — четыре подии, передняя пара заканчивалась большими, точно у гигантского богомола, клешнями. Кроме того, аборигены имели острые жвала и длинные осязательные щупальца. Сама голова представляла собой громадный, гладкий купол, блестящий, точно угольное ведерко на шее, откуда и

взялось научное наименование ильматарцев: Salletocephalus structor. Введенные в режим ожидания датчики Керлека перехватывали щелчки и потрескивания, создаваемые локацией аборигенов, изредка перемежаемые пронзительной клавесинной нотой.

Оба человека наблюдали, как над головой Керлека проплывает отряд ильматарцев.

— Как думаешь, чем заняты местные? — спросил Роб, едва группа инопланетян скрылась.

— Не знаю. Скорее всего отряд охотников. Отправлюсь за ними следом.

Фриман собрался было поспорить, но не стал: с Анри это занятие безнадежное.

— Не уплывай далеко.

Анри оттолкнулся от дна и отправился следом за ильматарцами. Людям было непросто угнаться за аборигенами, даже в ластах. Через пару минут Керлек уже вспотел, тяжело пыхтя.

Местные жители опускались к небольшому образованию возле кратера, обозначенному на компьютере Роба как Мори 3-б. Через камеры беспилотников Фриман наблюдал за тем, как Керлек приближается к аборигенам. Сперва журналист двигался с неуклюжим изяществом, но после пренебрег всяческой маскировкой и принялся попросту расхаживать среди местных. Роб ожидал ответной реакции ильматарцев, но казалось, те заняты исключительно собственными делами.

* * *

Не хватает одного камня. Широкохвост помнит: всего лишь в пяти клешнях, по другую сторону потока, — большой кусок ракушечника, спаянный воедино грязью и минеральными солями кратерных вод. Но теперь ракушечника нет. Неужели его подвела память? Снова подает сигнал. А, камень на месте — там, где ему и полагается быть. Странно… Широкохвост продолжает собирать камни.

— Слышите? Широкохвост! — Это Длинноклешень.

Внезапно, откуда ни возьмись, местная исследовательница появляется перед Широкохвостом, ее голос звучит взволнованно:

— Я здесь. Что случилось?

— Ничего, — заверяет Длинноклешень, — моя вина.

— Постойте. Расскажите.

— Довольно странно. Помню, как вы карабкаетесь на камни,

а дальше — тишина. Помню, отправляю сигнал, а в ответ — ничего.

— И я помню сходное ощущение: кажется, будто камень пропадает, а после — появляется вновь.

Подходит Гладкопанцирка:

— Что случилось? — Получив разъяснения, спрашивает: — Нет ли здесь отражающего слоя? Подобный эффект возможен при наложении горячей воды на холодную.

— Я не чувствую никаких изменений в температуре воды, — сообщает Длинноклешень. — Здесь достаточно сильное течение, жидкости смешиваются.

— Давайте послушаем, — предлагает Широкохвост.

Все трое беззвучно стоят, сомкнув хвосты, головами — к Широкохвосту, тот расслабляется, и звуки и интерференция создают в сознании молодого ученого цельную картину. Вот — кратер, шумный, шипящий. Кто-то лезет по склону вверх — должно быть, Остроус со своими кувшинами, полными теплочувствительных растений. В полумере переговариваются Круглоголов и тот, тихий… вернее, говорит Круглоголов, а слушатель время от времени лишь вежливо прищелкивает клешнями. Еще двое, выше по течению, растягивают сети.

Но есть что-то еще. Нечто движется поблизости. Ему не удается как следует расслышать, но «это» перекрывает прочие звуки и меняет рисунок интерференции. Широкохвост тянется к Гладкопанцирке и постукивает ее по ноге:

— Передо мной — странное водное явление, оно медленно передвигается справа налево.

Ученая отворачивается и прислушивается. Широкохвост отстукивает точно такое же сообщение по панцирю Длинноклешни.

— А, кажется, теперь я слышу, о чем вы, — замечает та. — Похоже на большой ком очень мягкой грязи или губки.

— Верно, — соглашается Широкохвост, — но только оно движется. Сейчас я проверю. — Он напрягает локационную мышцу и что есть сил посылает сигнал — звук настолько мощный, что способен обездвижить несколько крошечных плывунов вокруг головы.

Остальные участники Собрания по всему кратеру прекращают свои занятия.

Широкохвосту слышно все, что впереди: тихий ил, острое эхо камней, сбитый, беспорядочный рисунок кустиков растительности. А прямо посредине, в нескольких клешнях впереди — лакуна в воде. Большая, едва ли не со взрослого, и направленная вверх, точно приграничная веха.

* * *

Анри обуяло лихорадочное вдохновение. Он с ходу выдумывал пояснения для слушателей. Время от времени Керлек переходил с голоса телезвезды на скрежещущий хохот. Робу тоже было довольно интересно наблюдать в камеры, как Анри подбирается к ильматарцам на расстояние вытянутой руки.

— Мы видим, как группа местных жителей занимается собирательством возле одного из придонных кратеров моря. Некоторые ловят самодельными сетями рыбу, а трое, что ближе всех ко мне, по-видимому, соскребают со скал водоросли.

— Анри, ты снова пользуешься земными названиями! Это — не рыба и не водоросли!

— Сейчас это неважно. Потом, если придется, вставлю нужные слова. Аудитории будет проще понять меня, если я стану использовать понятные образы. Замечательно, правда? Если захочу, то можно похлопать местных по спине!

— Помни, никакого контакта!

— Да-да. — И снова — интонации ведущего. — Мы так и не постигли подлинной сути социальной организации ильматарцев. Известно, что аборигены живут общинами, включающими до ста особей, совместно производя пищу, предметы искусства и защищаясь. Урожай, собранный нашими знакомыми, будет поделен между всеми жителями поселения.

— Анри, нельзя же вот так, на ходу врать! Найдутся зрители, которые захотят пройтись по новым ссылкам об обществе ильматарцев. Нам неизвестно, как местные жители распределяют ресурсы!

— Значит, ничто не указывает на ложность информации. Роберт, людям неинтересно знать, что инопланетяне похожи на нас. Им подавай мудрых ангелов и благородных дикарей. К тому же я уверен в собственной правоте. Ильматарцы ведут себя в точности так же, как первобытные люди. Помни, что по образованию я — археолог. — И вновь: — В суровых ледяных водах выжить нелегко. Чтобы избежать голода, ильматарцам приходится пользоваться любым источником пищи. Я подберусь к этим особям поближе, чтобы мы смогли наблюдать за их работой.

— Не подходи слишком близко! Вдруг они почувствуют твой запах или еще что-нибудь…

— Буду осторожен. Как изображение?

— Ну, вода довольно мутная. У меня есть беспилотник, он снимает тебя сверху, но подробности передает только шлемовая камера.

— Значит, придется согнуться, чтобы получилось

изображение почетче. Как теперь?

— Уже лучше. Великолепный сюжет. — Фриман проследил за картиной, передаваемой беспилотником. — Э-э… Анри, а почему они все повернули головы в твою сторону?

* * *

— Нужно поймать эту штуку, — заявляет Длинноклешень, — не помню, чтобы мне приходилось читать о чем-нибудь подобном.

— Но как изловить то, что едва различимо? — спрашивает Широкохвост.

— Окружить! — предлагает Гладкопанцирка и взывает к остальным: — Скорей сюда! Встаньте в круг!

С недоуменным щелканьем остальные члены Собрания Горьководья окружают ее, исключение составляет лишь Остроус: он слишком занят тем, чтобы поместить в кратер крошечные колонии индикаторов температуры.

— Передавайте постоянные сигналы, — велит Длинноклешень, — изо всех сил! У кого сеть?

— Вот! — отвечает Зубоклык.

— Отлично. Вы можете различить это создание? Накройте его сетью!

Существо неуклюже плывет против течения, взбивая вокруг себя тучи осадков и создавая своими хвостами нечеткий, но вполне различимый хлюп. Под руководством Длинноклешни Собрание окружает существо, подобно эскорту. Сверху Зубоклык накрывает создание сетью. После недолгой борьбы, во время которой существо пытается вырваться наружу, ученые собираются вокруг добычи.

— Предлагаю отнести это создание в мою лабораторию, — говорит Длинноклешень. — Уверена, что нам всем было бы интересно как следует изучить это замечательное существо.

Добыча еще сопротивляется, но сети и канаты достаточно прочны. Что бы это ни было, оно слишком тяжело, и ученые не в силах плыть с ним, а потому добычу приходится нести по дну. Длинноклешень уплывает вперед, чтобы прислать слуг с носилками. Все постоянно обмениваются сигналами, опасаясь новых беззвучных существ, затаившихся поблизости.

* * *

— Роберт! Спаси меня, ради бога!

Канат лазерной связи полон помех и сбоев, созданных интерференцией сетей, ильматарцев и донных осадков. Видеоизображение Анри распалось на несколько неподвижных кадров: паника, ужас и отчаяние.

— Не волнуйся! — отозвался оператор, хотя и не представлял себе, как быть.

Как можно вызволить Керлека, не обнаружив себя и не нарушив к чертовой матери все правила контакта? И даже если показаться аборигенам на глаза — как Фриману одолеть полдюжины взрослых ильматарцев?

— Ah, bon Dieu! — Похоже, Анри принялся молиться на французском.

Роб выключил радио, чтобы спокойно поразмыслить, к тому же подслушивание казалось бестактным.

Оператор попробовал перечислить возможные варианты действий. Позвать на помощь? До станции — слишком далеко, субмарине потребуется час на дорогу, а то и больше. Броситься на выручку? Фриману не очень хотелось так поступать, и не только в силу противоречия такого поступка контактным нормативам. Но и трусом себя считать не хотелось. Ладно, отложим на потом.

Создать отвлекающий маневр? А вот это может сработать. Запустить гидрофон, создать невероятный шум, а может быть, даже воспользоваться беспилотниками, чтобы отвлечь аборигенов. Ильматарцы отправятся на разведку и оставят Анри в покое, а может быть, в ужасе разбегутся. В любом случае такое стоит снимать.

Он направил беспилотники на максимальной скорости, подыскивая в фонотеке компьютера подходящую музыку. «Полет Валькирии»? Вопли Тарзана? «О Фортуна»? Времени на умствования не оставалось, оператор выбрал из списка произведений первое попавшееся и запустил Билли Холидея на такой громкости, на какую хватало мощности динамиков. Оставив устройство по управлению камерой возле крылатки Анри, он сам, на втором таком аппарате, направился в сторону аборигенов, поймавших Керлека.

* * *

Услышав странный звук, Широкохвост предупреждает остальных. Шум исходит от пары незнакомых созданий, неизвестных ученому. Они быстро приближаются с левой стороны. Звуки не похожи ни на что, о чем можно вспомнить: смесь низких тонов, присвистываний, стука и жужжания. Есть

какой-то ритм, и Широкохвост уверен: это — не просто звуки, а некий звериный клич.

Плывущие держатся позади, над головами, но вдруг — поразительно! — вместе разворачиваются, делают еще один круг, точно дрессированные звери.

— Эти создания принадлежат Длинноклешни? — спрашивает Широкохвост у спутников.

— Вряд ли, — отвечает Гладкопанцирка, — не помню их в доме.

— Есть у кого-нибудь сеть?

— Не жадничай, — увещевает Круглоголов, — У нас и так — ценный образец. Не стоит рисковать, бросаясь в погоню за остальными.

Широкохвост начинает было протестовать, но тут же понимает: Круглоголов прав. Эта штука конечно же важней. И все-таки…

— Предлагаю вернуться на их поиски после сна.

— Согласен.

Плывущие по-прежнему несутся на них сверху, они шумят, пока не показываются слуги Длинноклешни, чтобы помочь унести образец.

* * *

Отправляя беспилотники, Роб надеялся, что ильматарцы в ужасе разбегутся, но те не удостоили аппараты ни малейшим вниманием — несмотря на максимальную громкость динамиков. То ли слишком тупые, то ли достаточно умные, чтобы сосредоточиться на одном деле.

Запустив крылатку, Фриман приблизился к группе аборигенов. Хватит деликатничать. Примерно в пятидесяти метрах горели лампочки на скафандре Анри, тот дергался и извивался в объятиях несущих его ильматарцев. Роб замедлил ход и остановился приблизительно в десяти метрах от инопланетян. Два больших прожектора крылатки четко освещали местных жителей.

Хватит таинственности и осторожничанья! Фриман включил гидрофон на скафандре.

— Эй!

В правой руке он на всякий случай держал нож ныряльщика.

* * *

Широкохвост рад, что отделался от странного создания. Он чувствует усталость и приближение голода. Хочется вернуться в дом Длинноклешни и закусить пастой из тонконитника и обработанными на жару яйцами.

Потом раздается новый шум. Визг, сопровождаемый бульканьем водного потока. Примерно в трех мерах слева что-то плывет. Издает звучный клич. Пленное существо еще сильней пытается вырваться.

Широкохвост посылает сигнал в сторону нового создания. Оно весьма странное. С жестким прямым телом, как у щелеполза, но сзади — пучок соединенных вместе отростков, покрытых мягкой кожей. Создание издает крик и машет парой конечностей.

Широкохвост движется навстречу, стараясь понять, с чем пришлось столкнуться. Может быть, это — два существа? И что оно делает? Отстаивает территорию? Он держит свои клешни согнутыми, чтобы не испугать.

— Осторожней, Широкохвост! — предупреждает Длинноклешень.

— Не волнуйтесь. — Ближе молодой ученый не подходит, но, видимо, некий барьер уже пройден.

Существо опять издает клич, а потом бросается на него. Широкохвост не хочет, чтобы другие ученые Горьководья наблюдали, как он отступает, а потому расставляет ноги и оплетает ими свое тело, готовый схватиться с неведомым чудищем.

Но создание, вместо того чтобы ударить, сворачивает и скрывается в беззвучной дали. Настороженно подождав, не вернется ли странное существо, Широкохвост поворачивается к остальным коллегам, и все вместе они продолжают путь к жилищу Длинноклешни.

Все единодушны: эта прогулка оказалась самой странной изо всех. Кажется, Длинноклешень довольна.

* * *

Роб останавливает крылатку и дожидается беспилотников. Больше ему ничего не придумать. Ильматарцев не испугать, а нападение на местных жителей недопустимо. Что бы ни случилось с Анри, Фриману не хочется стать первым землянином, из-за которого пострадал инопланетянин.

Подключение к Анри по-прежнему работает. Выражение лица журналиста на видео — довольно спокойное, почти просветленное.

— Как ты, Анри? — спрашивает Фриман. — Я перепробовал все средства. Мне никак не вытащить тебя. Их слишком много.

— Все в порядке, Роберт, — с поразительным оптимизмом отвечает Керлек, — вряд ли они собираются мне навредить. А иначе, к чему утруждать себя тем, чтобы поймать меня живьем? Слушай, по-моему, они сообразили, что я — разумное существо, как и они сами. Это — наш первый контакт с ильматарцами, а я стану послом человечества!

— Ты уверен? — В первый раз в жизни Фриман надеялся на правоту журналиста.

— Абсолютно! Не обрывай подключение. Видео сохранит историю для потомков!

Роб отправил беспилотник следом, чтобы тот работал в качестве реле, пока ильматарцы несут Анри к большому, словно наугад собранному строению возле кратера Мори 3-б. Перед тем как аборигены скрываются в стенах, Керлеку удается улыбнуться перед камерой.

* * *

Длинноклешень приближается к странному созданию, распростертому на полу лаборатории. Остальные выстраиваются вокруг, чтобы наблюдать и помогать. У Широкохвоста — свежий свиток, он записывает происходящее. Длинноклешень начинает:

— Покровы — толстые, но податливые, обладают почти идеальным звукопоглощением. Едва различимы при самом громком сигнале. Четыре конечности. Передняя пара скорее всего предназначена для питания, в то время как задние конечности функционируют, по-видимому, и в качестве опорно-двигательного аппарата, и как своего рода двойной хвост для плавания. Круглоголов, известны ли вам еще какие-либо записи о подобных существах?

— Я совершенно не припоминаю прочитанного о подобных созданиях. По-видимому, перед нами — совершенно уникальный вид.

— Пожалуйста, Широкохвост, продолжайте делать заметки. Мой первый разрез приходится на нижнюю сторону. Вскрытие покровов вызывает множество пузырьков. Покровы отделяются достаточно легко, совершенно отсутствует соединительная ткань. Внизу, кажется, второй слой покровов. Внутренности существа поразительно теплые.

— Бедняжка, — замечает Кривоклык, — как жалко мучить это создание!

— Нам всем его жалко, я в этом уверена, — замечает Длинноклешень. — Разрезаю вторую оболочку. Крайне жесткая и волокнистая. Снова слышу пузырьки. Поразительное тепло — примерно как у воды, прокачанной от кратера на милю.

— Как оно только выжило в таком жаре? — поражается Кривоклык.

— Вы чувствуете вкус крови, Длинноклешень? — вмешивается Остроус.

— Нет, никакой крови я не ощущаю. В воде есть некий странный привкус, но полагаю, он исходит от тканей и пространства между ними. Теперь я отделяю нижний слой. Поразительно! Там — еще одни покровы! У них совсем иная структура — скорее не волокнистая, а как у плоти. Очень тепло. Чувствую дрожь и спазматические подергивания.

— Помнит ли кто-нибудь о подобных звуках прежде? — спрашивает Гладкопанцирка. — Звучит не похоже ни на одно из прежде знакомых мне созданий.

— Помню другое подобное создание, со сходными звуками, — замечает Широкохвост.

— Разрезаю следующий слой. Ага, мы вышли к сосудам! Кровь имеет весьма странный вкус. Подойдите, потрогайте, какая горячая. И только почувствуйте! Какие-то жесткие конструкции внутри туловища!

— Оно не шевелится, — заметил Круглоголов.

— Что же, давайте осмотрим голову. Помогите мне потянуть вот здесь. Только потянуть. Вот так. Благодарю, Кривоклык. Сколько пузырей! Интересно, для чего эта конструкция?

* * *

Возвращение оказалось ужасным. Роб безостановочно прокручивал в голове сцену гибели Анри. На станцию он вернулся несколькими часами спустя, изможденный и почти выживший из ума. В качестве небольшой милости от судьбы Фриман был избавлен от необходимости рассказывать о случившемся: достаточно было просмотреть запись.

Разумеется, не обошлось без последствий. Но поскольку следующий грузовоз ждали не раньше чем через двадцать месяцев, все происходило как в замедленной съемке. Роб понимал, что придется вернуться на Землю, и догадывался, что ему уже никогда не представится возможность странствовать меж звезд. Он больше не отправлялся на подводные прогулки, предпочитая Заниматься ремонтом беюпилотников и

техническими работами на пару с Сергеем, и все время оставался внутри «Хитоде».

Никто не смел бросить ему обвинения — по крайней мере, в лицо. Под конец встречи доктор Сен посмотрел на Фримана сквозь стекла крошечных, в стиле Ганди, очков и заметил:

— Считаю, что оба вы поступили крайне безответственно, отправившись на прогулку таким образом. Но полагаю, вы уже все осознали.

Кроме того, Сен удалил из локальной сети «Смерть А. К.», но наверняка кто-то сохранил копию для себя. На следующий день безымянный «доброжелатель» разместил файл в компьютере Роба, последним способом в перечне значилось: «Чтоб его поймали ильматарцы и порезали на куски».

Робу шутка показалась ничуть не смешной.

Элеанор Арнасон
Сад
Хвархатский научно-фантастический романс

Перед вами нечто до сих пор невиданное — очаровательное произведение, которое могло быть создано скорее представителем чуждой цивилизации, нежели человеческой расы…

«Оружейник» («The Sword Smith»), первая повесть Элеанор Арнасон, был опубликован в 1978 году, за ним последовали «Дочь Короля-Медведя» («Daughter of the Bear King») и «До станции Воскрешение» («To the Resurrection Station»). В 1991 году увидела свет самая известная ее книга — «Женщина Железного Народа» («A Woman of the Iron People») — сложное и значимое произведение, которое было удостоено премии имени Джеймса Типри-младшего. Короткие рассказы Элеанор Арнасон появлялись в «Asimov's Science Fiction», «The Magazin of Fantasy & Science Fiction», «Amazing», «Orbit», «Xanadu» и многих других. Последняя по времени публикации книга носит название «Кольцо Мечей» («Ring of Swords»). Ее рассказ «Звездная жатва» («Stellar Harvest») вошел в 200 г. в шортлист премии «Хьюго».

В роду Атква жил один мальчик. Как и все его родичи, он имел голубовато-серый мех. Но у родственников окрас меха был ровным, а у мальчика шкуру испещряли неяркие полоски и пятна. При тусклом освещении это невозможно было заметить. Под солнечными лучами мех выглядел похожим на сталь старинных мечей, что висели на стенах большого дома его бабушки. Их редко снимали со стен, разве что для полировки да иногда для тренировок, когда в дом приезжали родственники-мужчины. В то время редко кто пользовался мечами для сражений, чаще они служили реквизитом для актеров. Но дети должны знать историю своего рода.

Странный окрас меха появился благодаря рецессивным генам, поскольку Атква уже два столетия не обращались за спермой к представителям пятнистых семейств. В этом не было проявления каких-то предрассудков, в отличие от людей хвархаты относились к различию в окрасах скорее с любопытством, чем с

предубеждением. Их предрассудки касались других областей.

Ровный окрас шерсти Атква был обусловлен обстоятельствами и чистой случайностью. Они проживали в той части света, где серый цвет был преобладающим, а клан был не настолько богатым и влиятельным, чтобы при заключении брачных контрактов обращаться к дальним соседям.

В младенческом возрасте мальчик был достаточно активным и смышленым, хотя ничем особенным и не выделялся. Примерно к восьми годам он превратился в жизнерадостного ребенка, полного энергии, хотя и склонного к задумчивости и внезапным переменам настроения. Это беспокоило его мать, и она решила посоветоваться со своей матерью, старейшиной рода, худой женщиной с поседевшим мехом и скрюченными болезнью пальцами.

— Что ж, — заметила глава рода, выслушав жалобы дочери. — Многие мужчины склонны к задумчивости. Так и должно быть, если они хотят выжить в космосе, где нет женщин, чтобы думать за них.

— Но он еще так мал, — возразила мать. — Он часами может наблюдать за рыбой в ручье или за жуками на кустах.

— Возможно, со временем он станет ученым. — Глава рода пристально посмотрела на свою дочь. — Это твой единственный мальчик. С самого рождения он был немного странным и требовал особого внимания. Вот поэтому ты так и беспокоишься. На это нет причины. Опомнись! Будь твердой! Твой сын еще может измениться. Если же нет, то пусть с ним разбираются наши родственники-мужчины.

В десять лет мальчик открыл для себя садоводство — случайно, когда решил проследить за тли, который вышел из соседнего леса, чтобы полакомиться свежими овощами. Солнце только что встало. Растения вокруг бабушкиного дома сверкали капельками росы. Воздух, попадавший в рот, казался прохладным и благоухающим.

Тли, довольно крупный экземпляр, ковылял по лужайке перед домом бабушки, и его пушистый толстый живот собирал свежую росу, словно тряпка, вытиравшая блестящую поверхность. За животным тянулся отчетливый след. Мальчик пошел по этому следу, стараясь не слишком приближаться к воришке. Тли не представляли особой опасности, если не загонять их в угол, просто мальчик не хотел его спугнуть.

Зверек обогнул дом и оказался в бабушкином саду. Там он, как показалось мальчику, не столько ел, сколько портил овощи. Надо было прогнать нарушителя. Но тут мальчика словно кто-то ударил — внезапно и очень сильно. Он был поражен открывшейся

его взору красотой. Ощущение было таким, словно в грудь вонзилось острое лезвие. Не стоит думать, что это фигура речи, неправдоподобное преувеличение. Некоторые эмоции действительно причиняют боль, она может быть тупой и не слишком сильной, а может быть острой и пронзительной. Под воздействием таких чувств даже сердце способно остановиться на мгновение. Можно ощутить, что ты ранен или изменился, ведь серьезное ранение всегда влечет за собой некоторые перемены.

Так случилось и с мальчиком, хотя в тот момент он скорее всего, не понял, что с ним произошло. Будь он постарше, он бы знал, что эмоции быстро проходят, если не придавать им большого значения. А он замер, пораженный этой красотой. До конца своей жизни он запомнил, как выглядит этот сад: большой прямоугольный участок, окаймленный декоративными растениями, красные, фиолетовые, желтые и голубые листья которых казались гвардейскими стягами на военном параде.

Внутри яркого прямоугольника ровными рядами росли овощи. Некоторые растения цеплялись за шесты или шпалеры. Другие росли кустами. Были и такие, что тянулись вверх тонкими стебельками. Разнообразию форм не было конца. В то время как декоративные кустарники ослепляли яркостью окраски, овощные культуры были окрашены в приглушенные зеленые или синие тона. И все же, осыпанные каплями росы, сверкавшей в лучах низкого утреннего солнца, они казались — если можно так сказать — более привлекательными и свежими.

Вот так и случилось, что в то прохладное летнее утро Атква Акайн влюбился. Но не в другого мальчика, как того можно было ожидать через год или два, а в сад своей бабушки.

Остаток лета он провел на участке, где помогал двум старшим кузинам, ухаживающим за садом. По осени он перекапывал почву, укрывал сеном грядки, подрезал то, что необходимо было подрезать, и высаживал отделенные от взрослых растений корешки. Они были черными и сухими и казались ему мертвыми, но кузины утверждали, что весной и на них вырастут новые побеги.

Мать Акайна продолжала беспокоиться за сына. Мальчик проявил интерес к определенной деятельности. Это все же лучше, чем недавняя мечтательность. Но ей было бы намного легче, если бы он предпочел какое-нибудь более мужественное занятие: скачки на тсина, рыбалку в соседнем ручье, упражнения в стрельбе или игры в войну.

— Дай ему еще немного времени, — говорила бабушка Акайна. — С мальчиками всегда трудно, это я знаю по своим.

Она вырастила троих. Один из сыновей умер в результате

несчастного случая еще в детстве. Второй погиб в космосе, во время недавно начавшейся войны. Враги — люди, хотя тогда еще никто не знал, как они называются, — появились из ниоткуда на бронированных и хорошо вооруженных кораблях. Все, что касалось этих существ, было окутано непроницаемой тьмой, как и та бездна, откуда они пришли. Но их намерения ни у кого не вызывали сомнений. Первая же встреча с ними закончилась сражением. И с тех пор других вариантов не было.

Третий сын главы рода был еще жив и дослужился до чина предводителя первого ранга. Это могло бы принести бабушке удовлетворение, но они слишком редко встречались. Дядя Акайна редко навещал родной дом. Матриарх посвятила себя заботам о единственной дочери, племянниках и их детях.

Вот и теперь, скрестив искривленные болезнью руки, она поучала дочь:

— Возможно, Акайн станет садовником на космической станции. Такие члены общества тоже полезны. В армии нужны не только солдаты.

В пятнадцать лет Акайн, как и все остальные дети его возраста, отправился в школу-пансионат. В этих заведениях мальчики учились жить в мужском обществе, среди представителей самых различных кланов. Позже это им пригодится. Юноша, который не способен существовать без своей семьи и страны, не подходит для космоса.

Кроме того, мальчики в школе изучали обычные для хвархатов науки и ремесла под руководством как мужчин, так и женщин. Но основным было чисто мужское занятие — изучение военной науки.

Школа Акайна была расположена на восточном побережье континента, среди бесконечных песчаных дюн, кое-где покрытых скудной растительностью. Для садоводства это место было мало пригодно. Тем не менее при школе имелся сад. Ботаника была важной наукой, а садоводство и огородничество считались достойными ремеслами.

Участок с огородом располагался с той стороны здания, которая была обращена к суше, и отчасти укрыт от преобладающих морских ветров. Акайн обнаружил его в первый же день после приезда. С запада огород закрывал ряд дюн, и вечернее солнце готовилось спрятаться за ними. Длинные тени протянулись к грядкам.

Садовник — мужчина с протезом вместо правой ноги — медленно ковылял между рядами растений, нагибался, что-то высматривал, попутно собирал жуков и давил их пальцами здоровой руки. Вторая рука неподвижно свисала вдоль туловища,

очевидно, была повреждена, и совсем недавно. Рука сильно иссохла, и под черным мехом, казалось, не осталось ничего, кроме костей.

Акайн думал, что мужчина его не видит. Но садовник внезапно обернулся, выпрямился и посмотрел на мальчика своими желтыми глазами. Акайн выжидающе замер, не произнося ни слова. Возможно, кому-то он мог показаться странным, но в незнании законов вежливости его нельзя было упрекнуть.

— Ты новенький, — наконец заговорил мужчина. — Откуда приехал?

Акайн ответил ему.

— Значит, из глубины материка. Почему ты не на пляже? Не осматриваешь школу? У нас здесь отличный музей, полный диковинных экспонатов, присланных бывшими учениками.

— Мне нравятся сады, — сказал Акайн.

Мужчина еще раз окинул его взглядом, потом махнул здоровой рукой, приглашая войти. Мальчик шагнул вперед и оказался в саду.

Как выяснилось, садовника звали Тол Чайб. Он окончил эту школу много лет назад, ушел в космос, а потом вернулся сюда уже преподавателем. В ту первую встречу он больше ничего о себе не рассказал. Вместо этого он говорил о том, как трудно выращивать в песках здоровые растения. А потому, по словам Тола, он трудится над улучшением почвы. Школа снабжает его компостом и отходами из канализации. Причем в больших количествах, чем требуется.

— Если я и знаю что-нибудь наверняка о мальчишках и тсина, так это то, что они производят массу навоза.

Часть удобрений он использовал для грядок, бордюрных кустарников и газонов, остальное продавал местным фермерам.

Основная трудность заключалась в том, чтобы отыскать растения, способные выжить в здешнем суровом климате и на скудной песчаной почве.

— Они очень капризные. Вот потому так трудно вырастить наши овощи на других планетах. Там другое освещение и невидимое излучение. В почве могут содержаться другие минералы или те же самые, но в других пропорциях. Растение всегда лучше всего развивается на своей родной планете, правда, иногда, в редких случаях, случается такое, что в новых условиях начинается неестественно активный рост и размножение.

Акайн чувствовал себя одиноким и испуганным. Как он сможет выдержать пять лет обучения в школе? А после окончания учебы его судьба представлялась еще более ужасной. Очень немногие из мужчин-хвархатов оставались на родной планете. В

возрасте от двадцати до восьмидесяти лет их жизнь проходила в космосе, где они проводили научные работы и готовились к неизбежной встрече с врагами. Вселенная таит в себе немало опасностей, а хвархатов нельзя было упрекнуть в излишней беспечности. И потому почти все мужчины отправлялись в космос, чтобы предотвратить нападение, а женщины оставались дома растить детей и обучать их мирным ремеслам.

Шестьдесят лет в металлических коридорах и редкие визиты домой. Хах! Перспектива казалась ужасной.

Сейчас, слушая Тола Чайба, Акайн немного успокоился. Возможно, он все же сумеет выжить в школе. И уж конечно успеет многому научиться у однорукого садовника.

Как и во всякой другой школе, обучение шло по общему плану. Мальчики проводили время в классах и лабораториях, ходили на экскурсии, занимались начальной военной подготовкой. На это уходил почти весь день. Но как только появлялось свободное время, Акайн уходил в сад Тола Чайба или в оранжерею, где всю зиму цвели разные растения.

Особенно приятно было войти в оранжерею, когда над кампусом кружил снег и с океана дул пронизывающий ветер. Стеклянные окна запотевали от влажного теплого воздуха, и внешний мир становился невидимым. А в оранжерее пахло землей и живыми растениями, цветы полыхали, словно пламя костра, и доносился резкий бесстрастный голос садовника.

Сначала Тол рассказывал Акайну о растениях, которые их окружали, потом об особенностях садоводства в космосе. Там наверху — Тол Чайб показал на потолок — сады необходимы по пяти причинам. Свежие овощи и зелень помогают сохранять здоровье. Растения помогают сохранять состав воздуха пригодным для дыхания, заменяя двуокись углерода кислородом.

— Безусловно, этот процесс возможен и при помощи бактерий или химических реагентов, но растения намного красивее и к тому же наполняют воздух приятными ароматами.

Кроме всего прочего, по словам Тола Чайба, каждая космическая станция должна быть автономным объектом.

— Корабль может затеряться в космосе. Космическая станция в условиях войны может оказаться отрезанной от родной планеты. Если такое случится, люди на борту должны иметь возможность обеспечивать себя воздухом, пищей и лекарствами.

— Вы рассказали о трех причинах разведения садов в космосе, — сказал Акайн. — Это здоровье, чистый воздух и автономия. А еще две?

— Радость, — ответил садовник. — Которую невозможно получить от бактерий или химикатов, и надежда когда-нибудь

вернуться домой.

Под конец зимы Акайн узнал о том, как был ранен Тол Чайб.

Он служил главным садовником на небольшой станции, предназначенной скорее для научных целей, чем для войны. Во время стыковки грузового корабля пилот допустил ошибку — даже несколько ошибок, потому что запаниковал, как только понял, что стыковка корабля с базой идет не так, как положено. В результате была повреждена обшивка космической станции. Внутри резко упало давление. Тол Чайб на мгновение прервал рассказ и ухмыльнулся.

— В герметическом воздушном тамбуре моей секции были предусмотрены какие-то улучшенные затворы, но они не сработали, — сказал он.

Когда спасательная команда добралась до оранжереи, они увидели, что большая часть растений пропала — их выбросило в открытый космос. Почти все оборудование было разбито вдребезги. Тол Чайб лежал под грудой обломков неподалеку от шлюза, который все-таки закрылся.

— Они решили, что я был в беспамятстве, воздушный поток протащил меня через весь сад и я по пути разбил оборудование. Никто не сомневался, что я ударился о механизм затвора и оказался погребен под обломками.

От этой истории Акайна пробрала дрожь.

— Пилот корабля покончил жизнь самоубийством. Инженер, отвечающий за работу шлюза, тоже просил разрешения убить себя. Но старший офицер решил, что происшествие не было связано с его работой и не могло быть предусмотрено.

— А почему так получилось? — спросил Акайн. — Почему отказала система герметизации?

— Я так и не узнал. Сначала я был не в том состоянии, чтобы чем-то интересоваться. А потом не стал никого расспрашивать.

— А пилот получил разрешение на самоубийство?

— И это мне тоже неизвестно, — сказал Тол Чайб.

Пилот во время аварии поддался панике. Это единственное, что Акайн знал наверняка. Вероятно, увидев, что натворил, пилот испугался еще больше и решил убить себя, не имея на то позволения. Ужасное решение!

— Если он испросил разрешение на самоубийство и получил его, тогда он поступил правильно, — сказал Акайн. — И инженер поступил правильно, раз остался жить, не получив санкции на самоубийство. Хотя можно понять его желание умереть.

— Может, и так, — согласился Тол Чайб.

У Акайна появилась еще одна мысль, которую он не решился высказать.

— Тебя удивляет, что я еще жив, — сказал Тол Чайб. — Я долго размышлял, как поступить. — Он помолчал и пальцами здоровой руки дотронулся до бахромчатого края тропического цветка. — Раньше я был очень красивым. Многие мужчины поглядывали в мою сторону в надежде на взаимность. Хах! Я не сомневался, что могу доставить радость любому из них, если отвечу на их внимание. А когда я очнулся, уже без ноги… Вот это был сюрприз! На что после этого годится все остальное?

Акайн почувствовал себя неловко. Ни один ребенок не хотел бы сознавать, что взрослые могут быть несчастны. Герои в легендах — другое дело! Они могут страдать, но их страдания только вдохновляют молодежь. Но мужчина вроде Тола Чайба, хромой учитель, не должен показывать боль.

— Меня не радовала перспектива хромать по жизни дальше, — безжалостно продолжал садовник. — Я хотел быть ловким и быстрым, любить и быть любимым. Один из старших родственников навестил меня, пока я поправлялся после ранения. Он приказал мне ждать. И я ждал. Мои родичи советовались друг с другом и со старшими офицерами. Так принято решать подобные дела, — сухо добавил он. — Если только дело не происходит в героических пьесах.

— Я знаю, — вставил Акайн.

На самом деле он ничего не знал. До сего момента правила самоубийства казались ему чем-то нереальным, вроде формулы, которую надо выучить, даже если не собираешься применять эти знания в дальнейшей жизни. Приятно сознавать, что при помощи прутика и его тени можно вычислить высоту дерева, но нужно ли мне знать высоту дерева в жизни? Нет.

— В подобной ситуации, — снова заговорил Тол Чайб, — в героических пьесах мужчина оказывается в полном одиночестве или окружающие его товарищи слишком растеряны, чтобы принимать решение, и тогда он сам распоряжается своей судьбой. Что ему еще остается? Но прежде чем решиться на такой шаг, надо быть уверенным, что ты герой, и ситуация не допускает других вариантов. В моем случае было решено, что я должен продолжать жить — по разным причинам. У меня имелся значительный опыт в садоводстве, имелись способности к преподаванию. Кроме того, я единственный ребенок, а моя мать пользовалась любовью всего семейства. Своей смертью я мог причинить ей слишком большие страдания.

Вскоре после разговора Акайн покинул оранжерею и по свежевыпавшему снегу побрел к своему корпусу. Над головой раскинулось звездное небо. В тот вечер воздух казался совершенно неподвижным, хотя и пронзительно холодным.

Мальчик шел в облаках собственного дыхания.

Пересекая игровое поле, он оглянулся и посмотрел сначала на снег, перечеркнутый цепочкой его следов, затем на небо. Как оно сверкало! Каким казалось многоцветным и неизмеримо огромным!

Внезапно он утратил чувство направления. Верх и низ больше не имели значения. Земля под ногами исчезла, тело стало совершенно невесомым. Он падал к бесчисленным звездам.

Ощущение ужаснуло Акайна, и он закрыл глаза. Еще мгновение ощущение падения продолжалось. А затем оно пропало так же быстро, как и возникло. Открыв глаза, Акайн обнаружил, что все вокруг вновь стало обычным.

Позже он не раз гадал: было ли это видением? Скорее всего нет. У него никогда не проявлялись способности к прорицанию, да он к этому и не стремился. Видеть то, чего не могут видеть остальные, казалось ему слишком обременительным. Прорицатели по большей части были странными и неприветливыми особами, вели уединенный образ жизни, отличный от общего уклада, и никогда не вписывались ни в одну группу. Ни один разумный мальчик не пожелал бы себе такой участи.

Акайн решил, что он слишком устал и расстроен рассказом своего наставника. Это ощущение больше никогда не возвращалось.

В положенный срок он окончил школу. Для хвархатов обучение несовместимо с гонкой. Никто не заканчивает учебу раньше остальных. Да и как это возможно? Каждый мужчина-хвархат после выпуска из школы идет в армию, а в армии не нужны подростки, не достигшие зрелости.

В возрасте двадцати лет Акайн покинул школу и отправился домой в длительный отпуск. И во время этого визита домой он, как обычно, работал в семейном саду. Мать продолжала терзаться сомнениями. Сын превратился в красивого молодого человека, стройного и ловкого, его бледно-серый крапчатый мех напоминал игру света на металлической поверхности или бегущую по камням воду. Но для своего возраста он был слишком спокойным, слишком задумчивым и слишком поглощенным уходом за любимыми растениями.

Если повезет, его назначат садовником. Учителя рекомендовали именно этот род деятельности, а родственники-мужчины утверждали, что при распределении старшие офицеры учитывают школьные рекомендации. Хотя конечно не всегда.

Незадолго до сбора урожая пришло назначение для Акайна. Как и ожидалось, он должен был отправиться в космос, но куда

именно, в назначении не было указано. Он уложил вещи в одну разрешенную сумку и попрощался с семьей. Расстаться с матерью оказалось совсем не просто. В отличие от людей, хвархаты не выражают свое огорчение выделением влаги из уголков глаз. Не любят они и излишнего шума, так свойственного людям. Представители человеческой расы поднимают шум по любой причине, будь то горе, гнев, радость, раздражение или удивление. Это очень неудобно. Возможно, такой обычай достался им от предков, которые, как говорят, проводили много времени на деревьях и перекрикивались друг с другом. Вероятно, хвархаты произошли от животных, которые обитали на поверхности, в пределах видимости друг друга, а любой шум мог привлечь нежелательное внимание. В большинстве случаев они сохраняют спокойствие, во всяком случае по сравнению с людьми.

Но какой мужчина захочет видеть боль от предстоящей долгой разлуки на лице матери?

Попрощавшись, он вышел в сад. Декоративные растения, окаймлявшие участок, выросли уже до пояса. Их длинные узкие листья — красные, голубые и зеленые — казались Акайну рядом мечей, выкованных из разноцветного металла и украшенных драгоценными камнями. Особенно зелень сияла настолько глубоко и пронзительно, что невозможно было оторвать глаз. Больше того, Акайн ощущал эту красоту и в груди, и в горле.

В горячем летнем воздухе летали такие же разноцветные жуки. Нагнувшись, Акайн мог видеть притаившиеся в листве спелые плоды, готовые для стола. Он отыскал несколько поздних вредителей, раздавил пальцами и лишь тогда направился к ожидавшей его машине.

Одна из кузин довезла его до ближайшей железнодорожной станции, там они спокойно попрощались. Поездом Акайн добрался до местного аэропорта, а затем полетел самолетом на один из островов-космодромов. На каждом этапе путешествия окружающее Акайна пространство все больше ограничивалось в размерах и становилось все более искусственным. Наконец он очутился в сплошном лабиринте серых металлических коридоров. Ни одного окна в космос. А даже если бы они имелись, что там можно было увидеть?

Его недосягаемую родную планету.

Акайн ощутил, как его дух поник, словно цветок во время засухи. Как же он сможет выжить здесь? Голос бабушки зазвучал в мозгу и ответил на этот вопрос: благодаря верности и дисциплине. Он мысленно поблагодарил матриарха.

Сверхсветовой транспорт перенес Акайна вместе с другими молодыми мужчинами в одну из самых отдаленных областей

освоенного хвархатами космического пространства. В таких точках редко строились станции. Они находились слишком далеко от родной планеты, и добраться туда стоило немалого труда.

Впервые долетев до этого сектора, хвархаты обнаружили, что здесь множество почти идентичных звезд. Сам по себе этот факт представлял большой интерес. В освоенной хвархатами области космоса звезды встречались не чаще, чем деревья на Большой Центральной Равнине, и располагались поодиночке, а не группами. Редко можно было увидеть две или три в непосредственной близости.

Если обычно звезда казалась одинокой, как бутылочное дерево, росшее в компании одного-двух собственных отростков, то здешние светила можно было сравнить с лесной рощей, возникшей вокруг редкого источника влаги. Конечно, хвархатам захотелось исследовать необычное явление, и у них хватило сил и средств построить станцию. Но ее ресурсы были весьма ограничены. Не забывайте, что шла война. Этот участок космоса находился слишком далеко от родной планеты хвархатов и от тех мест, где человеческие корабли создавали проблемы. Принимающим решения станция не казалась особенно важным объектом. Новый дом Акайна испытывал трудности со снабжением.

Представьте себе металлический цилиндр, летящий по орбите тусклой, ничем не примечательной звезды. Цилиндр небольшой и ровный, без каких бы то ни было выступающих пристроек, характерных для больших станций, которые со временем разворачиваются вокруг основного корпуса, образуя металлические подобия веток, цветов и почек. Вокруг них постоянно снуют вспомогательные суда — грузовые транспорты, спутники, челноки, обеспечивающие научную или военную деятельность, так что станция кажется растением, окруженным роем блестящих жуков.

Место назначения Акайна было совсем другим. Его станция была простым цилиндром, висящим на орбите звезды, лишенной планет. В отдалении виднелось скопление других звезд, излучавших тусклый красный свет.

— Как будто армия зажгла костры на привале, — заметил один из новичков. — И какой же долгой была ночевка! Костры почти прогорели. Они уже почти потухли.

— Может, тебе это кажется множеством костров, — отозвался другой солдат. — А мне они кажутся группой звезд.

Среди этой звездной рощи (или россыпи армейских костров) были рассеяны и некоторые другие небесные тела, незаметные

для глаз новичков. Они имели различную природу. Большая часть представляла собой потухшие звезды, которые истощили запас энергии и превратились в космический шлак. Другие были осколками звезд, последняя группа, самая малочисленная, состояла из так называемых эксцентричных звезд, и вот они-то и представляли наибольший интерес для хвархатских ученых.

Акайна мало интересовали звезды. Вместо этого он исследовал внутреннее устройство станции: запутанный лабиринт коридоров и комнат. Конечно, здесь не было никаких окон, а большая часть голограмм (они были, хотя не такие впечатляющие и огромные, как на больших станциях) демонстрировала наиболее любопытные части Галактики.

В конце одного из коридоров размещалась голограмма огромной планеты, окруженной лунами и экваториальными кольцами. В другом коридоре можно было полюбоваться на человеческий корабль, который снова и снова взрывался после залпа хвархатских ракет. Хах! Это было впечатляющее зрелище. Драматическое и вдохновляющее!

Акайна определили в одну из кают, которую ему предстояло делить с четырьмя другими новобранцами. Каждый из них получил койку, рундук для хранения личных вещей и нишу в стене, где можно было поместить голограмму. Трое новичков установили изображения своих родных мест. Так же поступил и Акайн — он привез с собой снимок бабушкиного сада, сделанный в летний полдень. Последний из обитателей спальни, тощий парень с необычайно заметными и уродливыми пятнами на светло-серой шерсти, ничего не поставил в своей нише.

Странного парня звали Гехази Тев. Он оказался на удивление спокойным и дружелюбным для молодого мужчины, шкурой которого как будто вытирали пролитые чернила. И как мог появиться на свет такой уродец?

— Все объясняется довольно просто, — сказал Тев на второй или третий день знакомства с Акайном. — Моя мать — лучший математик в своем клане. Сперма, при посредстве которой я родился, принадлежала семейству Тевар, тоже известным ученым. У них в роду наблюдалась тенденция к пятнистости, но она проявлялась довольно редко. Они прилагали все усилия, чтобы искоренить этот дефект.

— Но дело в том, — продолжал Тев, явно имевший неплохие способности рассказчика, — что беременность матери протекала ужасно. Ее не только постоянно тошнило, но и способность к математическим построениям исчезла почти сразу после зачатия, то ли из-за плохого самочувствия, то ли из-за гормональных изменений. После родов меня подумывали уничтожить. Подумать

только! — Он провел пальцами по руке, обезображенной особенно отчетливым пятном. — Никто не надеялся, что я смогу с этим нормально жить. Но мать уже заявила родичам, что никогда не согласится на вторую беременность. Ее научная деятельность была в самом расцвете, и она не хотела тратить время на материнство. Вот так. — Его дружелюбный голос излучал радость. — Родственники могли убить меня и лишиться генетического материала матери или оставить меня в живых. Кроме того, они надеялись, что во мне не найдется места для глупости.

— Тебя это сильно беспокоит? — спросил Акайн.

— Отсутствие глупости? Нет. Богиня и так населила Вселенную большим количеством глупцов. Насколько я могу судить, люди так же неразумны, как и хвархаты. К примеру, ради чего ведется эта война? Как мы собираемся победить людей, если не можем даже разговаривать с ними? И какие цели преследовали все те войны, о которых известно истории? Захват земель! Порабощение женщин и детей! Но для чего нам женщины человеческой расы? Если только у людей вообще имеются женщины в нашем понимании. Из того, что нам известно, у них существует пять различных полов и ни один из них не производит потомство так, как мы. А что до их земель, то как ими воспользоваться? Вряд ли наши растения приживутся на другой планете. Так ради чего мы воюем? Ради женщин, которые не могут произвести хвархатских детишек, ради земель, которые для нас бесплодны. И люди так же глупы. Если только у них нет другой причины для истребления иных народов.

Тев наклонил голову, размышляя над причинами войн.

— Я имел в виду твою наружность, — сказал Акайн. Он дотронулся до того участка меха, где не было пятен. Там шерсть отливала серебром. — Если ты всегда выглядел таким образом…

— Хах! Да я обязан был стать кем-то выдающимся. Перед нашей дверью выстраивалась очередь зевак, но все они чувствовали себя неловко рядом со мной. — Тев помолчал. Он растянулся на кровати и оперся подбородком на руки. — Да, иногда меня это беспокоило, — признался он в конце концов. — В первый раз это случилось, когда я осознал, насколько уродлив. И еще потом, в школе, когда мальчики начинают влюбляться. Я думал, что меня никто не будет любить и мне придется удовлетворять себя руками да просмотром программ о здоровом сексе, которые выпускает Организация общественного здоровья.

— И что? — спросил Акайн.

— Я просмотрел бесконечное множество программ на тему здорового секса, — ухмыльнулся Тев. — А потом открыл, что есть

мужчины, которые предпочитают не только красавчиков. Можешь не сомневаться, я достаточно умен.

Они стали друзьями, хотя их соседи никак не могли понять, почему это произошло. Акайн был красив и часто грустил, именно такой тип нравится мужчинам старшего возраста — некоторым из них. Никто никогда не пытался утешать Тева. Для этого он был слишком уверен в себе и счастлив. Кроме того, Тев и Акайн не были ровесниками — Тев провел дома два лишних года, пока учился в институте Хелига. В то время как всем новобранцам было по двадцать или двадцать одному году, ему уже исполнилось двадцать три, хотя он выглядел не старше остальных. Вся его энергия была направлена на генерирование идей, а не на практическое их воплощение. Звезды он знал гораздо лучше, чем правила поведения.

Все время, отведенное на адаптацию новичков к условиям космической станции, они провели вместе.

— Словно два голубка, — говорили их соседи по каюте.

Они подозревали, что уродливого парня привлекает красота Акайна. Но что интересного мог найти Айкан в парне, речь которого порой было невозможно понять? Все эти загадки о звездах, которые падают внутрь себя, изменяют свою природу, данную им Богиней, и даже, по словам Тева, иногда выпадают из созданной Богиней Вселенной… Это непостижимо! Кто мог такое понять? Кто мог найти эти разговоры интересными или возбуждающими?

По окончании периода адаптации Тев стал проводить много времени с другими физиками. Акайн приступил к своей новой работе в саду станции.

Вы можете подумать, что это был настоящий сад и что парень был спасен, что он нашел свое настоящее призвание.

Так называемый сад занимал несколько комнат, обшитых листами серого металла, как и все прочие помещения. Подбор растений носил исключительно утилитарный характер, декоративных не было вовсе, и высаживались они не в грядки, а в металлические короба. Свет падал из панелей на потолке. Полив осуществлялся посредством трубок, подающих воду прямо к корням. Ничего не пропадало зря. И не было ничего, кроме самого необходимого.

Акайн открыл для себя, что садоводство для него означало не только сам сад. Он скучал по солнечному свету, облакам, дождю, жукам, воришкам-тли, холмам, встающим на горизонте, запахам близкого леса и океана. Короче говоря, он скучал по своему родному миру. А больше всего ему не хватало родных пейзажей — узких фьордов, пробитых волнами в скалах, быстрых ручьев и

несокрушимых гранитных гор.

Но до восьмидесяти лет ему суждено лишь изредка посещать родные места, на короткое время отпуска. Одна только мысль о предстоящих шестидесяти годах жизни на космической станции вселяла в него ужас.

— Не печалься, — говорил ему Тев. — У тебя талант к садоводству. Старший садовник не раз об этом говорил. Со временем тебя переведут на какую-нибудь большую станцию, где будут и декоративные растения, и жуки, и, может, даже голограмма неба над нашей планетой. Думай об этом, пока черенкуешь свои растения. А я к тому времени стану известным физиком. Меня будут приглашать читать лекции, и мы будем со смехом вспоминать, как начинали взрослую жизнь.

Акайн с сомнением отнесся к его словам и не замедлил сказать об этом.

— Когда я стану знаменитым, я признаюсь, что всегда любил тебя, и только Богиня знает за что, ведь у тебя такой ужасный характер, — заявил Тев.

Акайн взглянул на приятеля:

— Это правда?

— Насчет характера? Конечно правда.

— Ты меня любишь?

— Я положил глаз на твою сияющую шкуру с первого же момента, как только увидел. С первого раза, как только услышал твои жалобы.

— Почему?

— Представления не имею. Не забывай, что моя территория — это звезды, а не мужчины.

Акайн не отрывал взгляда от Тева, который, по своему обыкновению, растянулся на кровати под пустой нишей. Он только что вернулся из общего душа и не одевался, так что все ужасные пятна были на виду. Одна отметина закрывала половину лба. Вторая, еще более отчетливая и неприглядная, занимала большую часть бедра.

— Ты никогда не пытался покрасить мех? — спросил Акайн.

— В детстве мои тетушки не раз пробовали меня перекрасить. Я ненавидел это занятие — оно доставляло немало хлопот, краска ужасно пахла, а через некоторое время приходилось повторять все сначала. Как только подходил срок очередной процедуры и на кухне распространялся запах краски, я убегал и прятался, так что за мной охотились все родственницы. В конце концов кузины отказались от этого занятия. «Если Теву нравится быть уродливым, пусть так и ходит, — говорили они. — Мы не будем за ним гоняться, словно за диким зверем». Потом сдались и

тетушки.

— Ты никогда не жалел, что не послушался их?

— О чем ты говоришь, Акайн? Разве ты захочешь стать моим любовником, если я выкрашусь в черный цвет? Неужели ты считаешь, что красота важнее всего? Я предпочитаю быть умным.

Слов нет, пятна на его шкуре выглядели ужасно. Но его стройное тело было очень привлекательным, так же как и голос — всегда ровный и доброжелательный. В голове Акайна возникла неожиданная мысль: каково это — заняться любовью с тем, кто постоянно наблюдает за звездами и видит в них то, что скрыто от прочих наблюдателей?

Акайн поцеловал своего друга. Тев горячо ответил. Каким бы уродливым он ни был, каким бы ученым ни был, он, без сомнения, был способен на подлинную страсть.

Они стали любовниками. В случае, когда оба партнера молоды, а уединиться почти нет возможности, непременно возникают трудности. Иногда им приходилось ждать, пока разойдутся все соседи по спальне, иногда они пользовались комнатой для интима, совмещенной с гимнастическим залом.

Акайн считал, что такими вещами гораздо приятнее заниматься где-нибудь в лесах Атквы или в укромном уголке бабушкиного сада. Даже в дюнах вокруг школьного пансионата было бы немного комфортнее. Любовь и космическая станция казались ему несовместимыми. Хотя Теву ничуть не мешали ни серые металлические стены, ни пропахший машинными маслами воздух.

Акайн не раз задумывался, выбрал бы он более подходящего любовника, если бы его жизнь была другой? Кого-нибудь постарше, кто проявил бы к нему интерес? Например, старшего садовника?

Но проблемы возникали не только из-за недостатка удобных мест для занятий любовью, но и из-за второй страсти Тева. Загадки звездного скопления интересовали его не меньше, чем секс.

Если бы Акайн был столь же сильно увлечен своими занятиями, он бы легче переносил долгие периоды рассеянности Тева или его бесконечные рассуждения о поведении стареющих звезд. Он пытался говорить с приятелем о своих проблемах в саду станции. Там постоянно возникали трудности с соблюдением экологического равновесия. Почву в маленьком саду время от времени поражали паразитические организмы, которые нельзя было назвать ни растениями, ни животными, но они все же были живыми на свой, особый лад. Эти организмы происходили с родной планеты, но после того, как хвархаты нечаянно захватили

их с собой в космос, несколько видоизменились. Паразиты бурно размножались при свете, который несколько отличался по спектру от природного освещения, и в почве, где отсутствовали обычные микроорганизмы.

Тев все это терпеливо выслушивал, но во всех излияниях Акайна он слышал только жалобы. Сад на станции не может не отличаться от сада на планете. В космическом садоводстве не обойтись без трудностей и проблем. Но для Тева, жизнерадостного и увлеченного, проблемы существовали, чтобы их решать или стойко переносить, не теряя присутствия духа. Он относился к ним так же, как и к пятнам на своей шкуре.

Если растения Акайна покрываются плесенью, что ж, значит, Акайн должен найти для них целебное средство. Если такого средства не существует, значит, придется выращивать другие виды полезных культур.

— Неужели тебя ничто не может обескуражить? — удивлялся Акайн.

— Да, иногда меня обескураживает твое поведение. Почему бы просто не наслаждаться жизнью? Ведь хандра ничего не улучшит. Подумай лучше о том, как ты привлекателен! Подумай о моем призвании! Неужели ты считаешь, что какая-то плесень может сравниться с трудностями, которые иногда возникают у меня, когда не идут вычисления?

Невзирая на прекрасные гены, Тев не стал первоклассным математиком. В своей работе он больше следовал инстинкту.

— Я не понимаю, откуда это во мне взялось, — говорил он. — Наверно, оттуда же, откуда и мои пятна. В любом случае, я не всегда до конца понимаю, как Богиня построила нашу Вселенную. Космос предстает передо мной чередой видений, и, если ты думаешь, что видеть вещи более чем в пяти обычных измерениях легко, ты ошибаешься. Вот и с этим скоплением звезд то же самое: чтобы как следует понять его природу, требуется гораздо больше, чем пять измерений. Здесь так много звезд, и они так близко расположены друг к другу!

Возможно, проблема была в несоразмерности проблем. Болезни растений по сравнению с затруднениями Тева в вычислениях представлялись сугубо тривиальным явлением. Возможно, разница была в темпераменте. Энергия Тева придавала смысл всему, чем он занимался. Если он боролся, значит, борьба этого стоила. Печаль Акайна, ставшая уже хронической, преуменьшала его переживания. Ни одно из его собственных дел не казалось важным ему самому, а уж окружающим и тем более.

Первый год пребывания в космосе подошел к концу. Начался второй год службы. Судя по весточкам с родины, дома все шло

хорошо, хотя бабушкин сад и не цвел так пышно, как в те времена, когда за ним ухаживал Акайн. Несомненно, у него был талант садовода.

— Как удачно, что ты можешь применить его там, где находишься, — говорила мать.

Плесень теперь он научился контролировать. Старшего офицера удалось убедить закупить несколько декоративных растений.

— Только сажай их по углам, парень. В тех местах, которые не используются под овощи. У нас не настолько большая станция. Если офицерам не хватает цветов для возлюбленных, тем хуже для них. И можешь не просить, за жуками я посылать не стану. Они не предусмотрены бюджетом.

Сначала Акайн посадил растения с разноцветными листьями, и они вспыхнули как драгоценные камни по углам металлических коробов с зеленовато-голубой растительностью.

— Как будто огонь в ночи, — заметил один из старших офицеров. — А цветы можно посадить?

— Об этом надо говорить с командующим. Он говорит, что на цветы нет средств.

Офицер, талантливый физик и, по мнению Тева, просто хороший парень, протянул руку к ярким алым листьям.

— Может, что-нибудь удастся сделать, хотя он прав: не хватает денег даже на научные исследования. — Мужчина взглянул на Акайна: — Ты ведь дружок Гехази Тева?

— Да.

— Ты сделал прекрасный выбор. У парня хорошее будущее, несмотря на то что он уродлив, как глинобитная стена. Красота это еще не все. — Офицер снова дотронулся до листьев. — Хотя и она что-то значит.

На цветы деньги нашлись, а на жуков — нет. Старший офицер сорвал первый распустившийся цветок:

— Подарю моему милому.

— Я знаю, кто это, — сказал потом Тев. — Тот, кого он заменил на этом посту. Его переводят в управление. Он не очень-то заботился об исследованиях. Но был неплохим командиром и ребятам, которые предпочитают работать мозгами, давал возможность этим заняться. Как ты думаешь, Акайн, старшие офицеры могут полностью отдаваться своим чувствам?

— Я никогда не думал о командующем Узлом, как о возможном возлюбленном.

— Ученые не вступают в любовные союзы с представителями Узла, — сказал Тев. — С экономистами — да. И с администраторами, хотя в последних я не слишком уверен. И еще

с военными экспертами. Но только не с физиками-практиками.

— Ты честолюбив? — спросил Акайн.

— Да, но не в этом смысле. Что мне нужно кроме тебя, — Тев перекатился на бок и крепко обнял Акайна, — так это долговечная слава и хорошая преподавательская должность.

По окончании второго года службы в космосе Акайн, как и любой другой молодой служащий, получил отпуск и отправился в родные края, в дом, где прошло его детство. Отпущенное ему время он провел за работой в бабушкином саду и в прогулках по каменистым холмам. По большей части — в одиночестве.

Хах! Старшие женщины клана утверждали, что он вырос. И стал еще красивее, чем прежде! Но они не стали говорить о его отчужденности, которая так их беспокоила. И о постоянно печальном выражении лица.

— Это, может быть, несущественно, — сказала бабушка, оставшись наедине с матерью. — У некоторых мужчин возникают трудности в космосе, но почти все успешно справляются с ними. И его дружба с молодым человеком меня очень обнадеживает. Я навела справки о семье. Это небольшой клан, не слишком богатый, но они заключают неплохие союзы, и внешность у них, как правило, привлекательная. Если связь продолжится, и Акайн останется с мальчиком Гехази, можно запросить их сперму.

— Но они живут на другой стороне планеты! — воскликнула мать Акайна. — Да еще эти уродливые пятна на шкуре!

— Да, это может повредить его будущим детям, — согласилась бабушка. — Хотя со временем он может превратиться в гения. Но ты права. Надо обратиться к его родственникам-мужчинам. У него много мужчин в роду, и по большей части они выглядят вполне нормально. А что до их удаленности, так мы живем в современном мире. Нельзя замыкаться в своей провинции. Кто знает, какие союзы принесут наибольшую пользу?

Под конец отпуска Акайн решил навестить свою школу. Пансион в это время был почти пуст, ученики разъехались на каникулы, но Тол Чайб был на месте и готовил сад к зиме. Да, в воздухе уже веяло прохладой, а ветер, дующий с континента, приносил запахи увядающих трав.

Весь день Акайн провел за работой со своим наставником; они перекапывали песчаную почву, резали черенки, сжигали мертвые сучья и опавшую листву. Вечером они уединились в квартирке Тола, пили халин и разговаривали. В конце концов оба немного опьянели.

— Знаешь, я всегда мечтал заняться с тобой сексом, — признался Тол Чайб. — Этого нельзя было допустить, пока ты не стал мужчиной, но желание не проходило. Оно пугало меня.

Обычно молодые мальчики меня не привлекают.

«Интересно, — подумал Акайн, — почему я привлекаю внимание мужчин с физическими недостатками?» Может, они чувствовали его собственную ущербность, пусть и не столь очевидную? У Тева не было других недостатков, кроме его пятен. Во всем остальном он был просто образцовым молодым мужчиной: верным, целеустремленным, прямодушным и благочестивым. Хотя и не слишком сильным. Теву недоставало пятого мужского качества. Что ж, никто не может быть идеальным, и другие качества Тева — его жизнерадостность и ум компенсировали этот недостаток.

Признание Тола Чайба смущало еще больше. Глядя на садовника, Акайн чувствовал его одиночество и тоску по утраченному: своей былой красоте и жизни в космосе. В этом пожилом мужчине, как в зеркале, отражалось будущее самого Акайна. Он может стать таким же. Хотя вряд ли его будут привлекать молодые мальчики. Это настоящее извращение, а недостаток Акайна, каким бы страшным он ни был, нельзя назвать извращением. Он был садовником, которому хотелось работать в саду. Постыдное стремление! Но не настолько ужасное, как совращение малолетних.

После очередной чашки халина он оказался в постели Тола Чайба, хотя и не вполне осознавал, почему так получилось. Пожилой садовник хотел этого, и Акайн чувствовал, что должен старому учителю. Такое объяснение подходило не хуже любого другого. Утром они расстались, и Тол Чайб на прощание подарил ему тропический цветок из школьной оранжереи. Цветок был пышным и голубым, как летнее небо, хотя почти без аромата. Акайн носил его с собой, пока цветок не завял, а потом бросил в океан. Это произошло на скалистом острове-ракетодроме. Спустя икун он сел в ракету и улетел в космос.

На станции его с радостью приветствовал Гехази Тев.

— Надо сказать, что расставание пошло мне на пользу, — признался он немного позже. — Я больше размышлял об эволюции звезд, чем о сексе. Конечно, нам есть что порассказать друг другу, но звезды — это моя работа.

Во время отсутствия Акайна Тев перебрался в другую спальню, где кроме него жили еще четверо физиков.

— У меня нет причин оставаться в старой комнате. С теми парнями у меня нет ничего общего. Я оставался там только в силу привычки. Да еще из-за тебя. Но ты уехал.

Их роман продолжился, хотя мог и закончиться в любой момент. Кто может сказать, что удерживает вместе мужчин или женщин? Они вернулись к старым привычкам, упражнялись в

гимнастическом зале и ходили смотреть записи пьес, поставленных на больших станциях, таких как Тайлин. Обоим нравилось нежиться в бассейне, обоим нравилось наслаждаться сексом в комнате для интима.

Это помещение было маленьким, как и все остальные на небольшой станции. В комнате стояли низкая кровать, привинченная к полу, и два стула, передвигавшихся по пазам. В потолке имелось зеркало, которое при желании отворачивалось, но обычно партнеры оставляли его. На противоположной стене можно было просматривать голограммы. Теву нравились картины космоса: галактики, туманности, звезды, планеты. Акайн предпочитал пейзажи родной планеты.

Во время одной из встреч в комнате для интима Тев стал рассказывать о своей работе. Они уже покончили с сексом и теперь просто лежали на широкой кровати. На голограмме сияли изображения трех звезд — красной, белой и оранжевой. Зеркало на потолке отражало неподвижные тела: Тев отдыхал, лежа на животе, Акайн раскинулся на спине.

Позже Акайн вспоминал эту сцену, как вспоминал тот день, когда он влюбился в бабушкин сад.

В тот период Тев увлекся геометрией.

— Я составляю модели, чтобы видеть, что именно происходит на этом участке пространства. Должен тебе сказать, это не так уж просто. Мы установили для себя пять измерений и привыкли оперировать ими, не заботясь о том, сколько их есть на самом деле.

Но понять это возможно, только воспользовавшись компьютером. И как наши предки умудрялись чего-то достичь до изобретения компьютеров? Представь, каково это — пытаться понять Вселенную, считая на пальцах! Или рисуя схемы на песке. Неудивительно, что Вселенная в те времена казалась такой маленькой. И такой простой.

Что надо сделать…

Тев приподнялся и стал шарить по карманам своей формы, брошенной на стуле. Затем слез с кровати и опустился на колени рядом с голографическим проектором. Три звезды исчезли, и на их месте возник предмет неправильной формы, составленный из мерцающих белых линий. Предмет плыл по воздуху, медленно поворачиваясь и меняя очертания.

— Надо исключить одно из видимых измерений и заменить его невидимым аспектом. Ты можешь сказать, что это слишком очевидно и было проделано сотни раз, но все же изображение не будет адекватным реальным процессам во Вселенной. Но если изготовить большое количество таких моделей и каждая из них

будет обладать хотя бы малой частью реальности…

Теперь почти все пространство комнаты наполнилось плывущими по воздуху предметами, все они состояли из мерцающих линий, но отличались по цвету. Некоторые были красными или оранжевыми, как умирающие звезды, но встречались и голубые, и зеленые, и желтые. Хах! Это было похоже на сад! Только все цветы имели неправильную форму и продолжали меняться на глазах. Одни развертывались, словно бутоны по весне. Другие сворачивались, словно поглощая сами себя. Пока один объект уменьшался, другой, рядом с ним, вырастал и усложнялся. У Акайна закружилась голова.

— Задача в том, чтобы совместить все эти модели в единое целое. Вот здесь не обойтись без компьютера.

— Но к чему все это? — спросил Акайн. — Неужели эта россыпь уродливых предметов служит какой-то практической цели?

— Уродливых! — воскликнул Тев, — Дорогой мой, да это смысл всей моей жизни! — Он уже снова уселся на кровать и обхватил колени руками. Тев явно любовался своими произведениями. — Конечно, я еще молод, и модели могли быть лучше. Но могу тебя заверить, это тоже совсем неплохо.

— Ты говорил, что пытаешься увидеть невидимое и постичь то, что не поддается пониманию. Может, это тебе и удастся. Никто не сомневается в твоем таланте. Но я абсолютно ничего не понимаю в вещах, которые поглощают сами себя.

— Тебе нужны другие модели. Что-нибудь похожее на растения и жуков.

— В этом я разбираюсь, — согласился Акайн.

Тев замолчал и некоторое время наблюдал за странными объектами, которые продолжали двигаться, уменьшаться, делиться, изменяться и исчезать. Сад из страшного сна. Заколдованный сад.

Наконец он снова заговорил:

— Представь себе этот участок космоса, это скопление звезд как рощу деревьев в засушливой местности, где растениям приходится искать влагу. Мы считаем почву плотной и каменистой, мы думаем, что она твердая. А на самом деле ее пронизывает множество корней, они уходят в глубь и в стороны, пробиваются между камней, пронзают почву, переплетаются между собой. Вполне вероятно, что они соприкасаются.

В той местности, где Акайн провел детство, было много деревьев-рощ, когда от одной корневой системы поднималось несколько стволов. Но ему было трудно представить соединенные таким образом звезды. Вероятно, во время обучения в школе он

не уделял должного внимания занятиям по физике.

— Мы знаем, что одни странные звезды могут соединяться с другими, такими же странными светилами. Как правило, при этом они находятся на значительном расстоянии друг от друга. А вот здесь, как мне кажется, звезды слишком близко подошли друг к другу. Петля анормальности замыкается. Ткань космического пространства пронзают невидимые связи… В этом нет ничего нового, и со мной согласятся многие физики. Но что касается понятия «петли анормальности» — эта идея не стала общепринятой, хотя я не первый, кто обращает на нее внимание. Но вот с этого момента и дальше, — Тев взглянул на своего друга, — идут мои собственные теории.

Согласно обычным понятиям, «почва» под нашей «рощей» находится в стабильном состоянии. Но ведь если корни деревьев пронизывают землю — это заметно. В основном на поверхности. Почва может подниматься или опускаться под воздействием прорастающих корней. В заселенных областях это явление не проходит незамеченным — нередко стены домов перекашиваются и трескаются. И все под действием корешков.

Тев растопырил пальцы, изображая распространение корней.

— Теперь представь себе, что «почва» нестабильна. Возможно, это известняк, в глубине изрытый множеством подземных пещер. Корни пробиваются вглубь и разрушают известняк, который, допустим, является потолком одной из таких пещер. Со временем потолок проваливается. Роща деревьев падает в открывшуюся пустоту.

Это было понятно. На Великой Центральной Равнине было много участков с известняковой почвой, и обычно на дне внутренних пустот собиралась вода. Сейчас влагу оттуда достают при помощи ветряных насосов. Раньше в крутых склонах вырубались ступени, и жители носили воду ведрами. Все это было известно Акайну, знал он и о том, что иногда целые участки почвы внезапно обваливались вниз. Но как может в космосе появиться пустота? В конце концов, пустота — это отсутствие камня. Но в космосе вообще нет камня. Как можно найти пустоту в пустоте?

— Давай, я опишу тебе другой пример, — предложил Тев. — Представь себе участок космоса в виде сыра.

— Чего? — недоуменно переспросил Акайн.

— Большого круглого сыра. — Тев описал окружность руками, демонстрируя величину головки. — Сыр подвергся нашествию жучков. Он выглядит вполне целым, но внутри превратился в сплошной лабиринт. Если такую головку слегка ударить или согнуть, приложить любое усилие и — бах! — сыр

тотчас развалится. Не останется ничего, кроме крошек. Жучки разрушили собственный дом.

— Все это звучит очень тревожно, — сказал Акайн. — И к чему ты ведешь? К тому, что этот участок Вселенной превратится в крошки? Мне трудно даже вообразить такую возможность. А на что похожи крошки Вселенной?

— Знаешь, пример с рощей лучше, чем с головкой сыру. Но ты хотел растения и жучков, и я привел оба примера. Я считаю, что эта область космоса может разрушиться. Это более чем вероятно. Со временем крах неизбежен.

— И во что она превратится? В пустоту?

— По моим догадкам, это будет область анормальности. Безусловно, сферическая. Так всегда бывает.

— А что будет со станцией?

Акайн уже не лежал, а сидел в постели и с ужасом смотрел на Тева. Его друг описывал очень неприятную перспективу. Но в голосе Тева звучали только радость и любопытство. Он, как обычно, наслаждался своей сообразительностью. Кроме того, он рассматривал ситуацию как одну из шуток, которыми Богиня наполнила Вселенную. Набожный ученый всегда будет радоваться проделкам Великой Матери.

— Это зависит от масштаба коллапса, — ответил Тев. — Если он затронет большой участок пространства, станция погибнет. Но если крушение произойдет на достаточном удалении и не будет значительным, нам удастся наблюдать за процессом.

От этого разговора и странных изменчивых предметов, все еще плавающих по комнате, у Акайна разболелась голова. Он сказал об этом приятелю. Тев остановил проектор. Движение прекратилось, но странные фигуры остались.

Так намного лучше! Акайн снова улегся. Зеркало на потолке отражало его темное тело, с одной стороны которого висела воронка, образованная яркими красными линиями. Она выглядела так, словно выливалась сама из себя и исчезала, хотя и не двигалась. Центр воронки оставался пустым.

С другой стороны висела голубая сфера. Проектор остановился в тот момент, когда она начала превращаться в нечто со множеством острых углов. Видны были и выступающие вершины углов, и гладкая поверхность сферы. Акайн закрыл глаза.

Тев продолжал говорить. Требуются дальнейшие исследования. Он уже написал предложение.

— Но тебе известно, как финансируется станция. Если идея не может незамедлительно послужить военным целям, правительство она не заинтересует, а я не могу найти способ

причинить кому-то вред при помощи своих идей. Может, со временем мы и отыщем возможность использовать области анормальности в качестве оружия, но это произойдет не скоро.

Наконец Тев устал. Его речь становилась прерывистой и сбивчивой. Слишком много неопределенности. Столь многое может произойти. Если даже станция не исчезнет бесследно, она может оказаться сильно повреждена. Нельзя рассчитывать, что процесс коллапса будет мирным и спокойным. А если даже станция уцелеет и ее работники останутся в живых, они могут обнаружить, что врата Хелигана потеряны.

— Мы окажемся в ловушке, — сказал Акайн.

Никто никогда не предостерегал его от занятий сексом с физиком. А следовало бы. Наверное, гораздо легче любить кого-то занятого более тривиальными проблемами.

— Мы сможем отправить домой послание, — ободряющим тоном сказал Тев. — Но только со скоростью света. Этого будет достаточно. Сигналу потребуется меньше пяти лет, чтобы достичь ближайших действующих врат. А после того как наша точка перехода исчезнет, правительство наверняка пошлет корабль в этот участок космоса.

— А как ты считаешь, что случится? — спросил Акайн.

— Станция будет разрушена.

— Скоро?

— Я не знаю, — сказал Тев. — Кое-какие результаты моей работы здесь подтверждают, что пространство в этой области космоса уже сильно повреждено, а наше присутствие, возможно, только усугубляет положение.

— Как это?

— Космические корабли приходят и уходят. Они производят определенное сотрясение, хотя в обычных ситуациях это и не имеет никакого значения. Кроме того, есть еще один эксперимент, который воздействует на пространство, подобно корням, разрушающим известняковый слой. — Тев слабо улыбнулся. — Эксперимент не прекращается, хотя я и намекнул, что работа может вызвать губительные последствия. Физики, которые занимаются той проблемой, не верят, что риск настолько велик.

— Тебя это беспокоит? — спросил Акайн.

— А что я могу сделать, кроме как представить начальству изложение своих идей? Теорию и описание моделей я отослал в институт Хелига. Если я здесь погибну, то стану знаменитым. Если выживу и коллапса не произойдет, значит, стану знаменитым позже. Нельзя жить в вечном страхе из-за собственных мыслей, Акайн.

На этом их разговор закончился, но Акайн никак не мог выбросить из головы слова Тева. Образы постоянно преследовали его: проваливающаяся под землю роща, съеденный изнутри сыр, сад уродливых цветов.

Ему и без того было тоскливо думать о предстоящих годах жизни на этой станции. Но умереть на ней? И как его угораздило связаться с таким парнем, как Тев?

Постепенно их связь сошла на нет. Тев воспринял это со своим обычным добродушием. Ничто не могло надолго вывести его из себя. Его постоянно увлекали какие-то идеи и движение вперед. Вскоре он нашел себе партнера среди физиков — не теоретика, а специалиста по прикладному использованию науки. Новый любовник говорил, что модели Тева очень интересны, но не верил в возможность катастрофы.

— Вы, теоретики, обожаете прогнозировать конец мира. Богиня может допустить мелкие оплошности в великих замыслах, но основа созданной ею Вселенной тверда. Космос не может развалиться на куски, словно мост, скрепленный некачественным раствором. Он живет! И будет жить вечно!

Что касается Акайна, то он сменил несколько партнеров. Но все увлечения оказались несерьезными. Это его не слишком беспокоило. Некоторые мужчины созданы для подлинной любви и пожизненного союза. Он таким не был. Секс — это хорошо. Так же как и дружба. Но истинной его любовью — средоточием всей его жизни — были растения.

Прошел еще один год. Он снова отправился домой в отпуск. Бабушка скоропостижно скончалась вскоре после его предыдущего визита. Пришла пора смешать ее пепел с землей и высечь имя на монументе в честь женщин Атквы.

Акайн приехал домой весной. Бабушкин сад пышно цвел, привлекая насекомых. В доме собралось множество женщин, все были заняты подготовкой к предстоящей церемонии.

Акайну нечем было заняться, и он отправился бродить по горам. С юга и запада от дома возвышались горные хребты, хотя и не слишком высокие, но весьма впечатляющие, благодаря выходам на поверхность вулканических пород. Никакого непрочного известняка! Его страна держалась на гранитном скелете! Спустя икун после того, как вышел из дому, Акайн добрался до своей любимой площадки, откуда открывался прекрасный вид на окрестности. Он продолжал подниматься, пока не оказался на вершине высокого безлесного утеса. Внизу простирались пологие холмы, покрытые бледно-голубой растительностью. Они обступали утес со всех сторон. То тут, то там вспыхивали цветные заплаты — желтые, оранжевые,

бирюзовые, — это зацветали деревья и кустарники.

Внезапно Акайн понял, что исчерпал запас стойкости. Он больше не мог покинуть эти места. Он не сможет вернуться в космос.

Почему так произошло? Как может мужчина отказаться от исполнения своего долга? Его бабушка, наиболее уважаемый член клана, мертва. Его любовной связи настал конец. Наставник оказался извращенцем, предпочитающим молоденьких мальчиков. Сад на станции никогда не сможет заменить ему родную страну, раскинувшуюся под безоблачным небом.

На станции его ни на минуту не покидало ощущение пустоты за стенами: темной, холодной, лишенной воздуха, враждебной для любой жизни. Если верить Теву, то пустота за пределами станции ко всему прочему еще и ненадежна. Она может разрушиться в любой момент и превратиться во что-то еще более ужасное.

Здесь под его ногами был гранит.

К моменту возвращения в дом бабушки Акайн уже начал строить планы. Женщины все еще были заняты, особенно мать, которой предстояло теперь занять положение матриарха клана. Акайн стал собирать припасы; он потихоньку таскал их из кладовых и прятал в лесу. Инструменты. Одежда. Комплект оружия и боеприпасы. Охотничий лук и стрелы. Лекарства. Большой запас семян. Компьютер, битком набитый различной информацией.

Ко дню погребения бабушки он полностью подготовился. Состоялась прощальная церемония, на памятной стеле высекли имя бабушки, чтобы увековечить память об умершей женщине. Когда все закончилось, мать пожелала ему доброго пути. Кузина подвезла до железнодорожной станции. Он забрался в вагон, выскочил с другой стороны и спрятался в кустарнике. Поезд тронулся. Кузина вернулась к своей машине. Акайн проводил ее взглядом и отправился в лес, где были спрятаны припасы.

Он добрался до склада без особого труда. Если ничего не произойдет, семья узнает о его исчезновении только через несколько дней, а за это время он успеет забраться высоко в горы, в самую глушь. Акайн был силен, уверен в себе и ничего не боялся на родной земле. Закинув рюкзак за плечи, он отправился в путь.

Нет смысла детально описывать его жизнь с этого момента. Самое важное уже произошло. Акайн решился нарушить свой долг и обязательства. Теперь, в отличие от своих родственников и соплеменников, он жил только для себя. Если верить слухам, так поступают и многие люди. Вот почему их родная планета полна

насилия и так перенаселена, поскольку потомство производится не в результате тщательно выбранных союзов, а вследствие случайных гетеросексуальных связей.

Высоко в горах, вдалеке от проложенных троп, Акайн отыскал пещеру с незаметным снаружи входом. Там он устроил себе жилье и разбил сад. Первый год был самым трудным. Немногим легче стал и второй год. Но Акайн выдержал. Иногда он чувствовал себя одиноким, но не часто. Решимость его не ослабевала. Все, что его окружало, — солнечный свет, дожди, ветер, его сад и горы — все доставляло радость.

На третий год Акайн построил прочную хижину. После этого ему захотелось увидеть дом, в котором он вырос. Он дождался, пока созреет урожай, и заготовил на зиму полную кладовую продуктов. А потом отправился в родной дом.

Открыто появиться в селении он, конечно, не мог. Теперь Акайн считался преступником, а женщины его клана всегда были законопослушными и уважали традиции. В ближайшем лесу Акайн дождался темноты, а потом подошел к дому и заглянул в окна. Внутри он увидел своих родственников, таких же как и прежде. Изменился только он сам. Ненадолго его охватило сожаление. Но потом он вспомнил о жизни на станции, об ужасных идеях Гехази Тева. Он сделал правильный выбор.

Следующей осенью Акайн снова пришел к дому. На этот раз он решился кое-что украсть — ему были необходимы дополнительные инструменты, да и семян он мог теперь высаживать гораздо больше.

На пятый год своего добровольного изгнания он решил посетить библиотеку в бабушкином доме, где теперь жила его мать. Около полуночи, когда весь дом погрузился в темноту, он забрался в дом и бесшумно прокрался в нужную комнату. Клан Атква занимал несколько старых домов. В них были библиотеки, полные как современных записей, так и редких древних изданий. Дом бабушки строили сто лет назад, и в библиотеке осталось несколько старых книг, но большую часть застекленных полок занимали современные издания. Под лучом электрического фонарика их футляры вспыхнули как драгоценные камни: гранатово-красные повести, опаловые сборники поэзии, топазово-желтые пьесы. Как он сглупил, забрав с собой только научные труды! Акайн быстро выбрал то, что захотел иметь в своей хижине, и скопировал записи в компьютер, а затем вернул сияющие силиконом и металлом дискеты на место.

Он уже почти все закончил, как вдруг раздался шорох. Акайн повернулся и увидел стоящую на пороге мать.

Хах! Она подняла руку, и под потолком зажегся свет. Акайн

пристыженно замер, держа в руках стопку музыкальных записей, сиявших, словно драгоценности в руках похитителя.

Мать прошла в комнату и прикрыла за собой дверь.

— Это ты обокрал нас прошлой осенью, — сказала она.

Он наклонил голову в знак согласия.

— Я так и подумала. И еще я поняла, что ты жив. Я обрадовалась, хотя и не должна была. Что же с тобой не так? Почему ты не смог жить так, как живут остальные мужчины? Когда ты в первый раз приехал в отпуск, мы с твоей бабушкой строили планы. Если бы твоя связь продолжалась, бабушка хотела запросить сперму у семейства Гехази. Этот клан достоин союза с нами! Мы думали… мы надеялись, что ты наконец преодолел свои странности.

Акайн не произнес ни слова в оправдание. Вместо этого он произнес лишь: «Что?» — и замолчал. Его голос сильно изменился — огрубел. Акайн отвык разговаривать.

— Что я собираюсь сделать? Ничего. Теперь все соседи уже позабыли о тебе. Если я сдам тебя мужской полиции, наш позор выйдет наружу. Люди узнают о твоем бегстве от своих обязанностей. До сих пор существовала вероятность несчастного случая или убийства.

— Ты могла бы приказать мне умереть, — заговорил Акайн своим новым, незнакомым голосом.

— А ты бы убил себя, если бы я попросила?

Он ничего не ответил.

— Нет, — сказала его мать. — Думаю, что нет. Возвращайся в свои горы. В каждой семье есть постыдные тайны. Ты станешь одной из них.

Акайн положил музыкальные записи на столик. Как же они сверкали!

— Больше не приходи в дом, — добавила его мать. — Я прослежу, чтобы необходимые вещи оставлялись для тебя в дальнем амбаре.

Он открыл рот, чтобы поблагодарить мать.

— Уходи.

Акайн ушел, унося с собой компьютер.

На следующий год он дважды приходил в селение, хотя в главный дом уже не забирался. Вместо этого он находил подарки матери в дальнем амбаре: инструменты, маленькие пакетики семян, музыкальные записи, любимые с детства пьесы и письмо с изложением всех семейных новостей.

Затем безо всяких перемен прошло еще несколько лет. Мало-помалу Акайн расширил свой сад и сделал хижину более комфортабельной. Он не спеша читал пьесы писателей-мужчин, в

которых — это всем известно — воспевались честь и трудность выбора. Герои произведений, мужчины, которым приходилось делать выбор, обычно погибали, как предстояло погибнуть и ему самому. Или жертвовали своим счастьем ради служения обществу. Этого он тоже не сделал.

Кроме этого, Акайн прочел немало пьес о женщинах и их жизни. Здесь речь шла о терпении и компромиссах, что не считалось мужскими добродетелями.

Может, ему стоило родиться женщиной? Но нет, в нем не было ничего женского. И уж конечно не было твердости, присущей его бабушке. Да и матери тоже. Женщины похожи на горы Атква. Ничто не может их поколебать.

Его мать преждевременно скончалась, когда Акайну едва исполнилось сорок лет. Спустившись с гор по первому раннему снегу, он обнаружил в дальнем амбаре обычный набор необходимых вещей и письмо. В нем содержались последние новости, изложенные одной из его старших кузин. Внезапная болезнь, которая не должна была погубить еще не старую и здоровую женщину. Но мать умерла! «Жизнь полна неожиданностей такого рода», — писала кузина красивым и аккуратным почерком, хотя в тот момент Акайн не думал о каллиграфии.

Сердце у него сжалось, и Акайн опустился на колени. Стоны не должны вырваться из его груди. За полуоткрытой дверью амбара медленно падали крупные снежинки.

Кузина писала, что продолжит оставлять для него вещи. Она обещала это его матери, когда та заболела. «Такие обещания невозможно не сдержать. Хотя, должна сказать, Акайн, что я не одобряю твоего поведения».

— Так, так, — пробормотал Акайн.

Он встал и вышел в снегопад. Обитатели селения ни за что не заметят его в такой мгле. Он запрокинул голову и поднял руки, словно пытаясь что-то поймать, хотя и сам не знал что. Ту жизнь, которая была ему суждена? Снежинки таяли, прикасаясь к его ладоням.

Время шло. Так уж устроен реальный мир. В пьесах герои мгновенно, меньше чем за икун, принимают важные решения, а жизнь — она постепенна.

Кузина Акайна сдержала слово. В дальнем амбаре он всегда обнаруживал подарки. Много лет он не видел никого из жителей, разве что издали. Ему всегда удавалось избегать встречи с ними.

Однажды летним утром, когда ему было уже под пятьдесят, Акайн вышел из своей хижины и увидел в саду монстра. Таким было его первое впечатление. Солнечные лучи ярко освещали

стоящее существо. Акайн, вышедший из полумрака своего жилища, рассмотрел только общие очертания: существо на двух ногах, но слишком высокое и тонкое. Существо-прут. Существо, состоящее из костей. И такое же бледное, как кости.

Он попятился обратно в хижину, схватил ружье и затаился, надеясь, что монстр его не заметил. Может, он уйдет прочь. Раньше у него никогда не было проблем с монстрами.

Пришелец стоял среди грядок с овощами. Он был одет в штаны и красную клетчатую рубашку. Над рубашкой поднималась голова. Лицо монстра было совсем голым и узким, словно стиснутым с боков. Как будто кто-то обхватил его голову руками и сильно сжал, так что щеки провалились, нос высунулся наружу, лоб поднялся, а подбородок выступил вперед.

— Какой чудесный сад, — произнес пришелец на родном наречии Акайна.

Его заметили. Акайн поднял ружье.

— Перед тобой человек, — произнес второй голос. — Этот человек — наш друг. Опусти ружье.

Акайн посмотрел по сторонам и увидел второго пришельца, стоявшего у кромки леса. Этот был низкорослым хвархатом, покрытым мехом серо-стального цвета и одетым в свободные штаны и ботинки. Хвархат-мужчина. Но не родственник. Как и монстр, он говорил с заметным акцентом. Говор выдавал в нем южанина.

— Поверь мне, — спокойным голосом добавил хвархат. — Никто из нас не собирается причинить тебе зло. Мы находимся здесь с разрешения клана Атква, мы в отпуске.

— Бродим по горам, — подтвердил монстр.

— Враг, — произнес Акайн.

Хах! Его горло так отвыкло от разговора, что голос стал похож на треск сухой ветки.

— Война закончилась, — сказал хвархат. — Мы заключили мир с людьми.

Это казалось невероятным, но от кузины Акайн получал новости лишь о семейных делах.

— Положи ружье, — повторил хвархат. — Не стоит убивать этого человека. Он работает на нас. Он заслужил чин советника в тылу.

Акайн был посыльным. Чин монстра оказался намного выше. Наставлять ружье на старшего офицера было бы неправильным. Он опустил оружие.

— Вот и хорошо, — сказал хвархат. — А теперь выходи.

Акайн медленно вышел на солнечный свет. Монстр не двинулся с места. Мужчина у кромки леса тоже не двигался.

Что дальше? Акайн замер, опустив дуло винтовки к земле. Теперь он рассмотрел кое-какие детали. На голове монстра рос клочок меха, а может быть, перьев. Эта растительность оказалась такой же светлой, как и безволосое лицо. Даже глаза у монстра были светлыми, хотя в середине каждого глаза темнело по точке. Это что, признак болезни? Или монстр слепой? Нет. Акайн точно знал, что монстр смотрит. Темные точки двигались, поворачиваясь то к мужчине-хвархату, то к нему.

— Мне кажется, разговаривать будет намного легче, если ты отложишь оружие, — предложил хвархат. — Голос звучал спокойно и ровно, но тон этот был хорошо знаком Акайну. В нем чувствовалась властность.

Он положил ружье на землю, выпрямился и попытался вспомнить, как вел себя в присутствии старшего офицера в бытность солдатом.

— Так гораздо лучше, — сказал хвархат.

Он подошел к Акайну, поднял ружье и протянул его монстру.

Акайна на мгновение охватил страх. Но монстр вежливо опустил дуло вниз. Его руки оказались настолько странными, что пальцы не дотягивались до курка. А ладони оказались еще более светлыми и совершенно гладкими. Интересно, у него все тело такое? Белое и безволосое, как у рыбы?

Хвархат взглянул на Акайна, и тот сразу опустил взгляд. У этого мужчины слишком высокое звание. Это было ясно по голосу, по осанке и тому, как он обращался с монстром, ожидая полного повиновения, против чего странное существо не возражало. На такого невозможно смотреть в упор.

Если у хвархата и были какие-то вопросы, он не торопился их задавать. Вместо этого он объяснил, как они забрели в эту глушь — попросту сбились с пути и заблудились. Прошлую ночь они провели у входа в долину Акайна. А утром из любопытства продолжили подъем.

— Но мне кажется, мы ненамного отклонились от тропы. Если твои родичи забеспокоятся, они смогут нас найти.

— А мы вряд ли снова сможем отыскать это место. По правде говоря, нам потребуется твоя помощь, чтобы вернуться на тропу.

— Я помогу вам, но взамен попрошу рассказать, как закончилась война, — произнес Акайн и сам удивился своим словам.

Хвархат в знак согласия опустил голову:

— Это можно устроить.

Акайн вспомнил, что он здесь хозяин, и занялся приготовлением чая. Пришельцы прогулялись по саду. Человек не выпускал из рук ружье Акайна. Но в хижине имелась вторая

винтовка. Если потребуется, Акайн может застрелить их обоих.

Но если они не вернутся, родичи Акайна станут их искать и не успокоятся, пока не найдут. Этого требуют законы гостеприимства. Этого требуют высокий ранг и связи, которыми обычно обладают старшие офицеры. Хвархат сорвал цветок — едва распустившийся желтый бутон — и протянул его человеку. Монстр принял цветок и блеснул зубами. Улыбка. Затем они оба направились к хижине, первым шел хвархат, а за ним монстр с ружьем в одной руке и с цветком в другой.

Ситуация сложилась довольно щекотливая. И может плохо закончиться. Если мужчина-хвархат проявит любопытство, то догадается, что Акайн — дезертир. Семье грозит позор, а Акайну придется убить себя.

Мать должна была заставить его сделать это двадцать пять лет назад. Результат все равно один: неважно казнь или самоубийство. Но тогда клан Атква не был бы опозорен. Хорошо хоть, матери уже нет в живых, чтобы страдать из-за собственной слабости.

Может, лучше не задавать никаких вопросов и выпроводить пришельцев отсюда как можно быстрее? Но ему очень хотелось узнать новости. В любом случае, они заподозрят в нем беглеца. Да и как может быть иначе? Он живет в горах один и настолько невежествен, что даже не слышал об окончании войны.

У входа в хижину лежал большой плоский валун — Акайн использовал его вместо стола. Он расставил чашки, гости уселись, и монстр прислонил ружье к стене хижины, так чтобы Акайн не мог до него дотянуться, а человек мог. Он по-прежнему держал в руке цветок, поглаживая пальцами тонкий стебель.

— У тебя действительно превосходный сад, — произнес человек.

— О чем ты хотел узнать? — спросил хвархат.

— О войне, — ответил Акайн.

— Она была ошибкой. Оказалось, с людьми можно договориться, хотя это занятие не из легких. Мы живем настолько далеко друг от друга, что не из-за чего враждовать.

— Какой-то глупец — возможно, это был человек — выстрелил в первый незнакомый космический корабль, — добавил монстр. — Вот так и началась война. — Он снова показал свои зубы Акайну — улыбнулся. Его улыбка была медленной и широкой, а не быстрой и дружелюбной, как у хвархатов. Беспокойная улыбка. — Война продолжалась, поскольку между обеими сторонами не было никаких каналов обмена информацией. Но конце концов мы выучили наречия друг друга.

— Это помогло, — сказал хвархат. — Нужно признать, что

войну легко развязать, а остановить гораздо труднее. И наш случай не стал исключением.

Акайн спросил о Кушалине, станции, на которой он и Тев когда-то впервые встретились и стали любовниками.

Хвархат долго не отвечал.

— Это не слишком важный объект, — заметил Акайн. — Вероятно, вы и не слышали о нем.

— А почему он тебя интересует? — спросил хвархат.

— Там служил мой друг по имени Гехази Тев.

— Ученый физик?

— Ты его знаешь?! — воскликнул Акайн. — Он жив?

— Его не было на станции, когда она пропала.

Хах! Акайн задумался и стал разливать чай. Монстр едва пригубил из своей чашки, а вот хвархат оказался любителем чая.

— Неужели станция подверглась коллапсу, как он и предполагал? Неужели анормальность поглотила ее целиком?

Хвархат не сразу ответил:

— Сначала нам стало известно, что отказали ближайшие к станции врата. Ими стало невозможно пользоваться, и ученые не могли объяснить причины. То ли врата не функционируют, то ли они куда-то исчезли. В любом случае, добраться до станции было невозможно, разве что со скоростью света. Ближайшие действующие врата находились на расстоянии нескольких световых лет от Кушалина. Понятно, что мы в первую очередь отправили людей туда. С такого расстояния все вокруг станции выглядело как обычно. Звездное скопление и радиомаяк станции были на месте, и сигнал не говорил ни о каких происшествиях. Но мы смотрели в прошлое, и более свежая информация могла прийти лишь через долгие годы. Мы установили постоянное наблюдение и отправили корабль-разведчик, хотя свет станции должен был дойти до нашего поста задолго до того, как беспилотный корабль достигнет места назначения. Вселенная слишком велика, если нет возможности воспользоваться точками перехода Хелигана. А потом мы ждали, а физики выдвигали теории. Как ты, наверное, знаешь этот род деятельности привлекает их больше всего.

— Да, знаю, — сказал Акайн. — А Гехази не рассказывал вам о своих идеях? Ведь он остался в живых?

— Верно. — Хвархат одарил его улыбкой, быстрой и почти незаметной, без малейшего намека на угрозу. — Другие физики сомневались в его предположениях, и по этому вопросу велись бурные дискуссии. Насколько мне известно, они до сих пор так и не пришли к единому мнению… А звездное скопление пропало. Это происходило постепенно, безо всяких там взрывов. Ученые

смогли заметить аномальные явления в спектре звездных атмосфер непосредственно перед их исчезновением. После того как пропал сигнал станции, на ее месте возник странный источник неизвестного излучения. Но ничего драматического не происходило. Ничего похожего на рождение новых звезд. Я даже не уверен, что мы заметили бы все это, если бы не вели такое пристальное наблюдение. Когда к звездному скоплению подлетел корабль-разведчик, он не обнаружил ничего, кроме пустоты.

— Как такое возможно? — спросил Акайн.

— Гехази Тев в некоторой степени пересмотрел свою теорию. Если ты его знал, то понимаешь: ничто не может заставить его свернуть со своего пути. Первые его идеи не давали объяснения происходящему, так что он дополнил их новыми теориями. Теперь он считает, что коллапс способствовал отделению этого участка от нашей Вселенной.

— Что это значит? — спросил Акайн. — Что произошло со станцией? Она существует до сих пор?

— Никто не знает, — произнес хвархат. — Возможно, есть другая Вселенная, куда попали станция и окружающие ее звезды. Согласно теории Гехази Тева, эта Вселенная очень мала. Его догадки невозможно проверить, но это превосходное объяснение. Он утверждает, что эта новая Вселенная будет сначала совсем темной, ведь в ней будут только звезды, что окружали станцию. Можно себе представить, как это выглядит! — Хвархат вздохнул, но Акайн не смог определить, был ли его вздох вызван ужасом или простым любопытством. Пожалуй, все-таки ужасом. — Со временем свет, испускаемый звездами, начнет отклоняться. Затем проявятся новые звезды, тускло-красные, как те, что окружали станцию. Если у работников станции имелись необходимые приборы, они увидят самих себя. И наверняка смогут перехватить собственные отправленные послания.

— Обитатели станции, наверно, погибли, — предположил Акайн.

— Вполне возможно, хотя Гехази Тев считает, по крайней мере считал, когда я встречался с ним в последний раз, что существует и другая вероятность. Все зависит от того, как вела себя анормальность во время коллапса и какая при этом высвободилась энергия. Если станция вместе со звездами действительно попала в иную Вселенную, то они оказались в полном одиночестве. А если анормальность и энергия коллапса каким-то образом рассеялись или были истрачены на создание другой Вселенной…

Так звучала еще одна из пугающих гипотез Гехази Тева.

— Когда это произошло?

— Двадцать три года назад, — ответил хвархат.

Акайн должен был находиться на станции во время катастрофы. Он наверняка знал мужчин, которые погибли или попали в иную Вселенную. Интересно, а оставался ли там любовник Тева, физик-прикладник? Уже не вспомнить, как его звали. Акайн перевел взгляд на свой сад, но яркость летнего полдня потускнела. На мгновение перед глазами возникла пугающая тьма, которую со временем нарушит тускло-красный свет звезд, но и он будет всего лишь иллюзией, отражением, вернувшимся к своему оригиналу. Что за ужасная судьба!

— Скорее всего станция была разрушена, — успокаивающим тоном заметил хвархат, а затем поднялся, чтобы налить себе еще чаю.

Монстр так и продолжал сидеть над нетронутой чашкой.

— У меня неблагоприятная реакция на многие продукты хвархатов, — сказал он. — Лучше не испытывать судьбу.

— Как получилось, что ты стал работать на нас? — спросил Акайн.

— Мне предложили место, и я принял его.

— Это произошло после окончания войны?

Монстр снова продемонстрировал свою медленную угрожающую улыбку:

— Нет.

— Это нормальное поведение для людей? — задал вопрос Акайн.

— Переходить на другую сторону во время войны? Нет.

Человек заинтересовал Акайна. Это существо решилось на поступок, гораздо худший, чем простое дезертирство.

— А что произойдет, если тебя поймают?

— Уже ничего. Существует договор. Теперь я хвархатский офицер. Это звание послужит защитой. Но в обычных случаях наказанием бывает смерть.

Акайн хотел спросить монстра, почему он решил перейти на другую сторону, но решил, что еще не время.

Хвархат вернулся с полной чашкой и еще одним цветком из сада Акайна. На этот раз цветок был красным. Он положил растение на плоский камень, заменявший стол, и уселся рядом.

— Может, ты хочешь узнать что-нибудь еще?

— Как вы намерены поступить со мной? — неожиданно для себя самого спросил Акайн.

Наверно, гораздо лучше было бы промолчать.

Хвархат склонил голову, подумал, затем произнес:

— Мы оба скоро уйдем. В наши служебные обязанности не входит слежка за хвархатскими мужчинами. Мы — гости в ваших

местах. Мне кажется, Атква знают о тебе. Пусть они сами с тобой разбираются. Твое поведение нас не касается.

Ему не придется умирать. Родичи не намерены обнародовать свой позор. Почувствовав облегчение, Акайн предложил гостям взять овощей из его сада.

— Мы не сможем унести с собой много продуктов, — сказал хвархат. — Да и мой друг не в состоянии питаться съедобными для нас овощами. Они или не усваиваются его организмом, или вызывают недомогание. Поэтому ему приходится питаться специально приготовленными продуктами. Для человека это тяжкое испытание. Они считают процесс поглощения пищи наслаждением. Еда для людей то же, что для нас хороший спектакль. А приготовленная для него наша еда довольно однообразна.

— Это верно, — согласился монстр.

— Но я воспользуюсь твоим предложением, — продолжал хвархат. — Насколько я помню, никогда не видел таких прекрасных плодов. Твой труд достоин уважения, хоть я и не разделяю человеческого отношения к еде.

Незадолго до полудня Акайн проводил своих нежданных гостей до тропы. Они попрощались; возвращаясь к хижине, Акайн вспомнил, что так и не узнал их имен. Да и они не спрашивали, как его зовут, хоть и догадались, что он из рода Атква. Если они решат навести справки, узнать его имя не составит особого труда.

К вечеру дня он добрался до хижины. Солнце уже покинуло долину и нижнюю часть склонов, но еще заливало светом весь небосклон и золотило восточные вершины. Меднолиственное дерево, росшее на пригорке, сияло так, словно и в самом деле было выковано из листовой меди. Красота!

Он собрал и унес в дом чашки, потом снова вышел и подобрал оставленный желтый цветок. Красный хвархат прицепил к лямке своего рюкзака. Акайн видел, как цветок мелькал на тропе, когда провожал взглядом хвархата, идущего следом за своим длинноногим спутником. Нетрудно догадаться, кто из этих двоих был лидером в пути.

Теребя увядший цветок, Акайн вдруг понял, что эти двое были любовниками. Понимание пришло к нему так отчетливо, словно к ясновидцу, хотя он и не был прорицателем. Тем не менее он был совершенно уверен.

Сначала он подумал, что это невозможно. Но откуда он мог знать, что возможно, а что невозможно в эти дни? Он сам слышал, как монстр разговаривал на языке хвархатов. Монстр, который стал хвархатским офицером. Если могло произойти такое, если станция могла исчезнуть из Вселенной, невозможно предугадать,

что еще могло случиться.

Акайн не захотел выбрасывать сорванный цветок и положил его обратно на камень, а потом стал наблюдать, как солнечные лучи бледнеют на меднолиственном дереве. Беспокойный выдался день, но Акайн был рад услышать, что Тев еще жив и даже стал знаменитым. Он всегда этого хотел. Услышанные от гостей новости заставили Акайна почувствовать себя одиноким и оторванным от всего мира, и на мгновение он засомневался в правильности своего выбора.

Небо над головой казалось бездонным. Не свод над землей, а бескрайний океан, в котором можно затеряться если не навсегда, то на очень долгое время.

Хах! Эта идея ему не понравилась. Акайн обеими ногами стоял на твердой земле Атква. Под слоем почвы лежал прочный гранит, и огромная круглая планета держала Акайна, как мать держит свое дитя. Ему незачем растворяться в небе.

А что до его выбора, так он всегда страстно мечтал о саде, как Тев мечтал о славе. О саде перед домом, о меднолиственном дереве, сиявшем на холме, о насекомых, летающих и ползающих среди цветов. Только глупец жаждет невозможного или просит слишком многого, словно Богиня создала Вселенную исключительно ради его удовольствия.

Если он чего-то и лишился из-за своего выбора, то и приобрел немало. Нет сомнений, что эта долина, ароматы сада, шелестящего листвой под дуновением прохладного вечернего ветерка, намного лучше, чем жизнь в тоскливых металлических коридорах станции. Жить здесь гораздо лучше, чем провалиться в маленькую Вселенную с тусклыми красными звездами. Не стоит тосковать о Теве и его идеях!

Акайн сидел на пороге хижины и наблюдал за угасанием летнего дня. Небо снова стало крышей. Земля под ногами была прочной. Постепенно все сомнения — и чувство потери — растаяли как отблески солнца на меднолиственном дереве. Он ни о чем не жалел. Он должен был жить именно здесь.

* * *

Тем же вечером Эттин Гварха и Сандерс Николас остановились на ночлег рядом с тропой. Внизу, в лощине, бежал ручеек и наполнял воздух приятным спокойным журчанием. Эттин Гварха поужинал свежими овощами, его спутник проглотил приготовленный специально для него паек. Затем хвархат из клана Эттинов развернул карту и стал ее изучать.

— Мы выберем другой маршрут, — сказал он.

— Почему? — спросил Сандерс Николас.

— Первоначальный маршрут должен привести нас к одному из главных домов Атква. Мне бы не хотелось встречаться с этим семейством.

— На это есть какие-то причины?

— Если они поймут, что мы подходили близко к жилью того мужчины, то могут встревожиться и мне придется их успокаивать. Мне не хотелось бы вмешиваться в их отношения.

— Ты ведь сказал, что не собираешься его выдавать.

— В каждой семье есть свои секреты, а мы лишь гости на земле Атква. Не подумай, что я одобряю его поступок. Нельзя без особых причин увиливать от исполнения своего долга. — Офицер свернул карту, убрал ее обратно в рюкзак и добавил: — Я не собираюсь осуждать женщин Атква за то, что они позволили своему родственнику жить в этой глуши. Женщин могут судить только женщины.

Сандерс Николас ненадолго задумался над его словами. Неужели Эттин Гварха догадался о его чувствах по выражению лица? Нет, ни один хвархат неспособен прочитать что-либо по его бледной и безволосой физиономии.

— У меня есть еще один вопрос, — наконец сказал он. Офицер взглянул на своего спутника. — Откуда тебе так много известно о Гехази Теве и исчезнувшей станции? Ученые физики и их идеи никогда не входили в сферу твоих интересов.

— Тебе известно, что у меня большой опыт в ведении переговоров. После исчезновения станции у руководства Узла возникло два вопроса. Но по крайней мере один из них следовало задавать очень дипломатично, поскольку это могло вызвать ненужные осложнения, так что за ответом пришлось обратиться — мне пришлось обратиться — в институт Хелига.

Сандерс Николас терпеливо ждал продолжения.

— Во-первых, требовалось выяснить, не было ли исчезновение станции следствием применения какого-то неизвестного оружия. Возможно ли, чтобы люди — или какие-то другие существа — обладали такой мощью? Не забывай, что в то же время оказались выведенными из строя врата Хелигана. Пропало целое звездное скопление! Вот это было событие! Если его организовали разумные существа, следовало признать, что нам угрожает серьезная опасность. Во-вторых, следовало узнать, возможно ли искусственно вызвать подобное явление, если оно природного происхождения? Нельзя ли использовать эти силы в качестве оружия против врагов?

Сандерс Николас наградил своего любовника медленной,

недружелюбной на вид человеческой улыбкой.

— Вы надеялись, что сможете заставить провалиться в другую Вселенную Солнечную систему?

— Да, такие соображения высказывались некоторыми мужчинами, — признал Эттин Гварха. — Ники, ты и сам понимаешь, насколько соблазнительной была эта идея. Угроза со стороны человечества могла быть устранена без непосредственного уничтожения людей. Нам не пришлось бы докладывать своим женщинам, что мы перебили всех самок и детенышей другой расы.

Сандерс Николас молча смотрел на небольшой костер, разведенный на полянке. Над головами мерцало звездное небо. Стяг Богини пересекал небосклон, словно широкая река серебристого света.

— У меня имеются два возражения, — заговорил он. — Командование Узла не могло с уверенностью утверждать, что люди не пострадают. Такой процесс, насколько я знаю, никем не исследовался, а мне трудно поверить, что рождение любой Вселенной, даже самой маленькой, может протекать спокойно.

Эттин Гварха наклонил голову, видимо, в знак согласия.

— А второе возражение?

— Даже если допустить, что коллапс произойдет без причинения физического вреда, подумай о последствиях. Вы лишили бы человечество всего этого. — Он указал в небо. — Эттин Гварха, ты бы согласился жить в другой Вселенной?

— Нет.

— Возможно, я не слишком объективен, но мне кажется, что Вселенная многое потеряла бы, лишись она человечества, хотя не могу не признать, что с нами иногда трудно ужиться.

— Да, мы могли бы иметь и лучших соседей, — согласился Эттин Гварха. — Но избавиться от вас тоже было бы неправильно. Ученые из института Хелига сказали, что воспроизвести процесс, затронувший Кушалин, невозможно. Гехази Тев с этим не согласен. Он верит, что можно вызвать нечто подобное, но только в той области, которая уже находится на грани коллапса. Это должен быть участок Вселенной, где много старых звезд и аномальных явлений. А в таких местах трудно рассчитывать на присутствие разумной жизни. Самое большее — там окажется научно-исследовательская станция. — Эттин Гварха коротко улыбнулся, и его зубы блеснули в красноватом свете костра. — Едва ли такой замысловатый способ уничтожения стоит научной станции. Не применяй большей силы, чем требуется, как гласит старая поговорка.

— Что ж, — сказал Сандерс Николас, — значит, все мы

остаемся в этой очень большой Вселенной.

— Ужасная ситуация, — подтвердил его возлюбленный. — Но мне кажется, мы в состоянии это пережить. В докладе командованию Узла я говорил еще об одном аспекте. Рассматриваемая ситуация вряд ли вероятна. Уничтожение целой звездной системы — или удаление ее из нашей Вселенной — за пределами возможностей наших ученых, и, как мне кажется, люди тоже не могут изобрести подобное оружие. Человеческая технология, по крайней мере в существенных для нас областях, не производит большого впечатления, а их экономические и политические проблемы настолько значительны, что люди вряд ли смогут позволить себе тратить ресурсы на необходимые исследования и разработки. Но если в Галактике существуют две расы, способные странствовать между звездами, почему бы не быть третьей и четвертой? Предположим, что какая-то из них проявит такую же, как у людей, враждебность, но окажется более организованной. Не смогут ли они создать оружие, способное уничтожить звездное скопление?

Это один аспект, над которым стоит подумать. Второй заключается в том, что уничтожить население одной планеты не так уж и трудно. Даже люди способны на это. Во время войны наш мир был в относительной безопасности, поскольку люди не знали, где он находится. Но люди быстро учатся, и, возможно, вашему правительству уже известно местоположение нашей планеты.

— Может, и так, — согласился Сандерс Николас. — Ты можешь предположить это с большой долей вероятности. Но людям пришлось бы преодолевать вооруженное сопротивление, чтобы попасть сюда, а хвархаты, как мне кажется, в состоянии их остановить. Кроме того, не стоит забывать о мирном договоре.

— Некоторые договоры соблюдаются, некоторые — нет. В этом документе нет пункта о брачных союзах. Как можно говорить о прочности союза, не подкрепленного — не связанного — обменом генетическим материалом?

Сандерс Николас ничего не сказал, так как ответ был очевиден. Невозможно доверять ни одному договору, в котором нет статьи о брачных союзах.

— Вы могли бы позаимствовать человеческую биотехнологию, — предположил Сандерс Николас.

— И производить на свет клонированных детей, которых будут растить люди? — спросил Эттин Гварха.

В его голосе, как и следовало ожидать, звучали отвращение и даже ужас.

— Это не обязательно должны быть клоны.

— Ну, предположим, что мы решим соединить генетический материал от мужчин разных семейств. Кто будет устраивать брачные контракты в отсутствие женщин? И как могут мужчины растить детей?

— Вам остается только один выход, — сказал Сандерс Николас. — Хвархаты могут поступить так, как поступили люди: вывезти женщин с родной планеты. Вы должны подумать над этим.

— В Узле обсуждалась подобная идея, — признал Эттин Гварха, — И мы предложили ее на обсуждение женскому правительству. Переговоры по столь деликатному вопросу, естественно, требовали самой тонкой дипломатии. Туда отправили меня. — Он блеснул короткой улыбкой. — План состоял в том, чтобы создать колонии молодых женщин на удаленных станциях, где они находились бы в большей безопасности, чем на густонаселенной планете.

«Жить без советов своих матерей и старших родственниц? — сказали мне Ткачихи. — Ни за что! Мужчины должны отвечать за безопасность планеты, а если вы не в состоянии этого сделать, значит, придется ставить вопрос о вашей ограниченности. Мы отказываемся посылать своих дочерей к звездам».

— А вы не рассматривали возможность отправить с ними и старших женщин?

— Ткачихи отвергли это предложение, да и Узел от него не в восторге. Там есть старшие офицеры, чьи матери еще живы, не говоря уже о других родственницах. Если старшие женщины начнут странствовать в космосе, Вселенная лишится большей части своей прелести.

— Это верно, — сказал Сандерс Николас. — Но удовольствие — это не главное в жизни. Мне кажется, и Ткачихи, и командование Узла совершают ошибку. — Он посмотрел в лицо Эттина Гархи. — У людей есть одна пословица насчет яиц в одной корзине. Если что-то случится с корзиной…

Эттин Гварха согласно наклонил голову.

— Тем не менее Узел не намерен продолжать спор с Ткачихами о проблемах, касающихся женщин. По крайней мере не сейчас. Хочется верить, что нашей родной планете в данный момент ничто не угрожает. Как ты сам только что сказал, она надежно защищена. Любому, кто захочет разрушить этот мир, придется преодолеть заслон из флотилии хорошо вооруженных кораблей. Но мне лично нравится мысль о женщинах среди звезд. Некоторым из них этот опыт может показаться привлекательным.

Сандерс Николас ничего не ответил. Возможно, он слишком устал.

Вскоре оба друга улеглись спать. Утром они продолжили свой путь, спускаясь с гор к ближайшей железнодорожной станции. К концу дня им удалось сесть на местный поезд. Всю ночь они тряслись по холмам Атквы в товарном вагоне, поскольку в составе не было пассажирских мест для мужчин.

Сандерс Николас заметил, что ему приходилось путешествовать и в худших условиях. Здесь по крайней мере были окна, хотя смотреть было не на что: на фоне звездного неба мелькали только темные силуэты холмов да иногда проносились огни станций, но и они не освещали ничего, кроме пустых платформ.

К восходу солнца они добрались до равнины.

Питер Ф. Гамильтон
Марш избирателей

Существует старое выражение: «голосовать ногами». Следующий рассказ перенесет читателя в ближайшее будущее неблагополучной Великобритании, где благодаря потрясающему открытию можно собственными глазами увидеть воплощение этого речевого оборота, пугающе буквальное…

Произведения плодовитого британского фантаста Питера Ф. Гамильтона публиковали «Interzone», «In Dreams», «New Worlds», «Fears» и иные издания. Первый его роман, «Восход звезды мысли» («Mindstar Rising»), увидел свет в 1993 году, а вскоре последовало две книги-продолжения: «Квантовое убийство» («A Quantum Murder») и «Наноцветок» («The Nano Flower»). Сначала трилогия не вызвала особого интереса — по крайней мере, в Старом Свете, однако выход очередной книги, довольно объемной (в США текст пришлось разделить на два тома), написанной в модном жанре космической оперы, «Дисфункция реальности» («The Reality Dysfunction»), полностью изменил ситуацию. Оказалось, что трилогия — лишь начало задуманного цикла «Пришествие Ночи» («Night's Dawn») — поразительного по масштабности произведения с захватывающим сюжетом. За первой последовало еще две книги, «Нейтронный алхимик» («The Neutronium Alchemist») и «Обнаженный бог» («The Naked God»), не уступающие ни по объему, ни по содержанию и столь же стремительно занявшие места в списках бестселлеров.

Трилогией «Пришествие Ночи» автор заявил о себе как об одном из ведущих писателей в жанре новой космооперы, творчество которого сопоставимо с работами таких мастеров, как Дэн Симмонс, Иэн Бэнкс, Пол Макоули, Грегори Бенфорд, Алистер Рейнольде и других. Никл оказался успешным настолько, что впоследствии издательство, специализирующееся на фантастической литературе, выпустило справочник Гамильтона, посвященный сложной структуре мироздания трилогии — «Атлас Конфедерации» («The Confederation Handbook»).

Среди других произведений Гамильтона — романы

«Бурная юность» («Misspent Youth») и «Поверженный дракон» («Fallen Dragon»), сборник рассказов «Второй шанс в Эдеме» («A Second Chance At Eden») и повесть «Наблюдая, как растут деревья…» («Watching Trees Grow»). Недавно вышел в свет роман «Звезда Пандоры» («Pandora's Star»).

Рассказы Питера Гамильтона были включены в пятнадцатый и восемнадцатый ежегодные сборники «The Year's Best Science Fiction».

* * *

Я Брэдли Итон Мюррей, провозглашаю открытие нуль-портала на планету Нью-Саффолк и объявляю о его работе, начиная с сегодняшнего дня, первого января 2003 года, и далее, в течение двух лет, с тем, чтобы все достойные граждане Соединенного Королевства смогли свободно перемещаться через него и самостоятельно строить новую жизнь в неосвоенном мире. Я осуществляю данное действие, осознавая тот плачевный факт, что правители и учреждения нашей древней Родины не выполнили обязательств перед нами.

Желающие обрести свободу и исцеление от смертельного недуга, поразившего Соединенное Королевство, приветствуются при принятии ими следующих условий:

1. Гражданство предполагает ответственность.

2. Монокультурное сообщество Нью-Саффолка строится на базе современного британского этноса.

3. Формой правления является демократическая республика.

4. Правительство предлагает гражданам следующие предусмотренные законодательством услуги, финансирование которых осуществляется из фонда налогоплательщиков:

а) Контроль за соблюдением закона и поддержанием порядка, производимый полицейскими силами и независимыми судебными инстанциями. Все граждане, совершившие тяжкие преступления, имеют право на рассмотрение их дел судом присяжных.

б) Бесплатное медицинское обслуживание, предоставляемое всем в равной степени. Любые частные больницы или клиники, за исключением салонов красоты, запрещены.

в) Общее образование с начальной и по высшую ступень. Организация частных школ запрещается. В принятии управленческих решений, относящихся к учебному заведению (включая финансовые аспекты), ведущая роль отводится родителям учеников младшего и среднего уровня обучения. Все

граждане имеют право на получение образования, наиболее полно отвечающего их способностям.

г) Создание и обслуживание первичной коммунальной инфраструктуры, включая автомобильные и железные дороги, а также инженерные коммуникации.

5. Правительство не имеет права вмешиваться в частную жизнь граждан или осуществлять ее чрезмерное регулирование. Гражданам предоставляется полная свобода высказываний и действий, при условии, что они не наносят вреда соотечественникам или государству.

6. Хранение и ношение оружия запрещено.

ДЖЕННЕТ

В тот день Тони Блэру предстояло давать показания комиссии Хаттона.[71] Программа «Сегодня» на Четвертом радиоканале с радостным предвкушением призывала оппонентов высказаться в полной уверенности, что премьер-министр облажается. В далеком Ираке остатки Британской армии страдали от нападений мирных жителей. А я забыла купить Стиву упаковку «Фростис».

— Только не мюсли! — отплевывался сын с тем неподдельным отвращением, на которое способны лишь семилетние дети. Такую бы решимость — да политикам из Конгресса тред-юнионов, когда Гордон Браун принялся в очередной раз призывать к подлому урезанию бюджета…

— Это полезно, — отрезала я, не подумав. А могла бы уже и не допускать подобного рода тактических ошибок в общении с сынулей, после семи-то лет…

— Ну мам! Это же просто засохшие голубиные какашки! — нахамил отпрыск, едва я наполнила ему тарелку. Младшенькая Оливия захихикала, услышав новую «бяку». Дочка послушно лопает органический йогурт — и на том спасибо. Только поддразнивает братца: «Бяка, бяка!»

— И что же ты хочешь? — интересуюсь.

— Чизбургер! И побольше!

— Ну уж нет! — Понимаю, что говорит он так, только чтобы меня позлить, но слишком уж сильны инстинкты. И вот опять я в роли Плохой Мамы. Может быть, зря я извожу его своими придирками… Вот и Колин то же самое твердил.

Предлагаю:

— А как насчет тоста?

— Сойдет.

Так просто, что даже не верится. Но сын и впрямь садится за

стол и ждет с эдаким самодовольным видом. Боже, просто вылитый Колин стал! Может быть, оттого мне и сложно его терпеть?

— А что значит «гад»? — спрашивает Оливия.

Покусав врага народа номер один, «Сегодня» принялось освещать демонстрацию в Стэнстеде.

— «Гражданское Антиэммиграционное Движение», — пояснила я. — А теперь, пожалуйста, доедай завтрак. Скоро папа придет. «И не дай бог, если он задержится»…

Кладу перед Стивом тост, ребенок от души поливает хлеб медом… Вязкая золотистая масса медленно сползает на стол. Внезапно дети затихают и принимаются уплетать завтрак за обе щеки, будто чем скорее покончат с едой, тем раньше появится Колин.

Задняя дверь открыта, чтобы проникало хоть немного свежести. Лето выдалось чертовски жарким и сухим. Здесь, в Ислингтоне, по улицам носился горячий ветер, как по пустыне.

— Кака-а-а-шки-и-и, — гнусавит Стив, зажимая нос и дожевывая хлеб.

Должна признать, запах доносится и впрямь не самый аппетитный.

Оливия кривится в неописуемом отчаянии:

— Жуть какая, мам… Что это?

— Кто-то не завязал как следует мешки с мусором. — Груда на площади Дебовуар становилась баснословно велика. Чем больше пакетов швыряли наверх, тем больше лопалось внизу. Программы «СкайНьюс» и «Ньюс-24» показывали эту гору, неизменно передавая для сравнения репортажи времен «зимы несогласия»[72] семьдесят девятого года.

— Интересно, когда мусор увезут? — осведомился Стив.

— Недельки через две.

А про себя подумала: процентов десять армии уже разбежалось еще до того, как наряду с войсками в Ираке, инженерными частями для обслуживания электростанций, тюремными гарнизонами и вспомогательными пожарными командами из армейского состава обещали сформировать бригады поддержки коммунальных служб. Будут раз в месяц разгребать — и то хорошо. Недавно видела, как по площади пробегала крыса величиной с кошку. А я-то всегда думала, будто такие громадные грызуны встречаются лишь в городских легендах…

— Но почему мусор нельзя просто убирать, как раньше? — спросила Оливия.

— Милая, теперь для этой работы уже не хватает людей…

— Но на улице столько людей! Просто страшно! Мне даже парк теперь не нравится.

По-своему дочь права. Дело, разумеется, не в нехватке рабочих рук, а в недостатке средств, и в страшном падении фунта. А что нас ожидает после пересмотра налогов и подсчета реальных цифр — можно лишь догадываться… После того как этот гаденыш Мюррей открыл свою расистско-фашистскую дыру в заднице, налоговые поступления в казну сократились лишь на десять процентов, если верить официальной статистике. Но кто же ей поверит? А когда Браун в Вестминстере взял слово и призвал местных чиновников «разгрести лишний мусор», первым делом урезали муниципальные субсидии… Хорошо пошутили, нечего сказать. То же самое твердило и центральное правительство последние полвека, оно-то всегда ни при чем.

Лучшего довода в пользу того, чтобы Королевство проголосовало за введение евро, не придумаешь. Как же, нам нужна валюта, не поддающаяся предательским ударам из-за угла! Вот только Франция и Германия принялись ни с того ни с сего ставить палки в колеса. Два извечных защитника устоявшихся бюджетных схем. Сволочи…

Ну вот, в кои-то веки Колин вовремя явился. Стоило ему тренькнуть звонком, как оба ребенка вскочили из-за стола с криками «привет!». Интересно, меня они так же встречали, когда я появлялась на квартире у бывшего муженька, чтобы забрать детей? Что-то не припоминаю…

Заходит на кухню, в приличной рубашке, чистых джинсах, с аккуратно подстриженными коричневыми кудрями… Никогда не любила старую прописную истину, будто мужики чем старше, тем красивее. Но похоже, им и впрямь удается неплохо поддерживать форму после третьего десятка. С тех пор как Колин вновь занялся бегом и принялся регулярно наведываться в спортзал, он и фунта лишнего не набрал. Похоже, той поганой двенадцатилетке, с которой спутался муженек, не очень-то нравилось пивное брюшко… «Черт подери, ну почему я вечно рассуждаю, точно записная стерва?»

Колин зажал Оливию под мышкой и принялся крутить:

— Эй! — окликнул меня бывший муж, — дочку мою нигде не видела?

Та напропалую верещала все время, пока Колин ее вертел:

— Папочка! Папочка!

— Перестань. Она только что поела…

— Ладушки-оладушки, — Колин опустил ребенка на пол и в благодарность тут же получил от Оливии поцелуй.

— Ну что ж, — бывший муж хлопнул в ладоши и потер

руки, — собирайтесь. Мы отправляемся… пять, четыре, три…

Оба ребенка бросились складывать вещи.

— Как дела? — спросил меня Колин.

— Лучше не бывает. — Я обессиленно оглядела беспорядок на кухне: стол завален, в раковине гора грязной посуды. — А как ты, по-прежнему на службе у богатеев?

Колин помрачнел — так с мужем случалось всякий раз, когда приходилось разъяснять мне чертовски очевидные вещи, медленно и тщательно подбирая слова:

— Сейчас мне приходится вкалывать в больнице Британской Профсоюзной Ассоциации. Как еще прикажешь зарабатывать после того, как твой адвокат обобрал меня до нитки в этом дурацком сексистском разводе.

У меня чуть челюсть не отвисла от удивления: ведь обычно ехидные замечания отпускала я. А бывший благоверный, несмотря ни на что, оставался самой рассудительностью.

— Да-да, конечно, — произнесла я, — так и знала, что окажусь крайней.

Колин продемонстрировал одну из своих самодовольных улыбочек победителя, некогда чертовски меня бесивших.

— Во сколько завтра привезти ребятишек? — спросил бывший муженек.

— Э-э… после обеда. Может быть, часов в шесть?

— Ладушки-оладушки. Без проблем.

— Спасибо. Приготовил для Стива и Оливии что-нибудь особенное?

— Собирался отвести их вечером на «Пиратов Карибского моря». Пишут, что фильм хороший.

— Лишь бы ты не таскал детей по закусочным.

Колин закатил глаза.

Глянув в окошко, я увидела припаркованный снаружи новенький «БМВ». В салоне никого не было.

— А она тоже поедет с вами?

— Ты о ком?

— О Зое.

— Подумать только, даже имя ее помнишь!

— Да, кажется, в ее школьном дневнике прочитала.

— В общем… да, Зоя поедет с нами. Отпросилась, чтобы помочь. Видишь ли, ребятишкам она и впрямь понравилась. Если у тебя когда-нибудь тоже появится друг, я не против, чтобы он гулял с детьми.

«Молодчина, Колин, еще одно очко выиграл в сражении с бывшей женой-мегерой и как ловко выделил это свое „когда-нибудь“! Вот ведь умник…»

Дети ворвались в кухню, волоча сумки по полу:

— Мы готовы!

— Приятно вам провести время, — как обычно, великодушно пожелала я.

Улыбка на лице Колина поблекла. Поколебавшись, мой бывший подался ко мне всем телом и поцеловал в щеку. Нет, ничего особенного, никакого предложения заключить мировую — обычный платонический жест, который я не вполне поняла.

— Увидимся, — произнес он.

От удивления я не нашлась, что ответить. Затем хлопнула дверь. Дети ушли. В квартире стало тихо.

До отправления автобуса оставалось пятнадцать минут — не опоздать бы! Впервые за несколько лет я отправлялась на демонстрацию. Заставить прислушаться к своему голосу, дать знать о моих чувствах… Сделать именно то, к чему Колин относился с презрением и высмеивал. Боже, какое дивное ощущение!

33. Тюрем не существует. Осужденные преступники отбывают срок заключения в изолированных исправительных колониях, работая на благо общества.

34. На Нью-Саффолке применяется британская система мер длины, веса и объема. Использование международной метрической системы является уголовным преступлением.

35. В задачи полиции входит поддержание правопорядка и предотвращение преступной деятельности. Служащие полиции не тратят времени на преследование автомобилистов.

36. Граждане не вправе пользоваться неограниченными финансовыми ресурсами в судебных целях. Граждане, против которых выдвигаются обвинения, могут воспользоваться общественными фондами для оплаты адвокатских услуг лишь трижды в жизни. В каких случаях — они решают сами.

37. Допускается употребление алкоголя, никотина и иных легких наркотических средств. Граждане, застигнутые за совершением опасных для окружающих действий в состоянии наркотического опьянения — например, за вождением в нетрезвом виде, — приговариваются к заключению в исправительной колонии на срок не менее четырех лет.

38. Законодательство Нью-Саффолка строится таким образом, чтобы избежать появления нахлебников любого типа.

КОЛИН

Когда я подрулил к дому, поверенный финансового агентства дожидался меня в дверях, болтая с Зоей.

— А это кто? — спросил Стив, пока я маневрировал по гравию на «БМВ», пристраивая машину к фургону-лошаднику.

— Парень из банка, — ответил я. — Принес важные бумаги. — Хорошо хоть, агентство не выставило перед домом табличку с надписью «Продается». Теперь за такое можно и кирпичом в окно получить, а то и еще куда.

Как только я припарковался перед самым фургоном, Зоя с улыбкой помахала мне рукой.

— Ждите здесь, — велел я ребятишкам. Не хотел показывать детям опустевший дом.

Прошлую ночь мы с Зоей провели вдвоем в одном спальном мешке. Романтика.

Пожав мне руку, поверенный протянул бумаги на подпись. Бросил взгляд на детей, прильнувших к окошку «БМВ», но ничего не сказал. Наверное, уже успел насмотреться на подобное.

Зоя открыла гараж и взялась за первую из множества коробок, расставленных на бетонном полу. Донесла до капота «БМВ» и поставила в багажник.

Всего пять моих подписей, и дело сделано: дом отошел агентству. Постройка с четырьмя спальнями, гараж и приличных размеров сад проданы за 320 000 фунтов стерлингов. В прошлом году я мог бы поднять цену на треть. Но денег все равно хватит, чтобы погасить ссуду, да еще и останется тридцать тысяч аванса, полученного от агентства. Такая уж у них работа, одно из множества новых дел, зародившихся после января. Французско-голландская компания, в розницу распродающая Англию тем, кого не ждут по ту сторону нуль-дыры.

«БМВ» я купил на средства от продажи гаража. Акции пенсионного портфеля слил еще одному агентству в Люксембурге (Боже, храни наших партнеров из ЕС!), заработав на этом 11 000 фунтов стерлингов. Одна только эта сумма покрывала выплаты по кредиткам. Я подал заявление на открытие еще пары кредитных счетов (больше нельзя, иначе защитные программы просекут новую заемную схему). Но и на этом получил дополнительные 15 000 фунтов стерлингов на оставшийся месяц.

Все прочие средства ушли на социальное партнерство, в котором я зарегистрировался через сайт www.newsuffolklife.co.uk. Большинство скарба отослал скопом, а личными вещами, которые могли нам понадобиться, набил фургон. На сайте советовали пользоваться именно фургонами для перевозки лошадей: в них помещается гораздо больше груза, чем в прицепы.

Пожав мне руку, поверенный произнес:

— Удачи.

Я протянул ему ключи. Вот и всё, дело сделано.

Зоя впихнула в багажник «БМВ» последнюю коробку. Оставалось всего четыре чемодана. Я взял два. Зоя растерянно посмотрела на дом.

— Мы не пожалеем, — заверил я.

Знаю. — Она героически улыбнулась. — Просто не думала, что так выйдет. Мюррей всех нас удивил, правда?

— Ага. Знаешь, все детство я скитался в дебрях фантастических фильмов, и просто поразительно, чем обернулись слова и образы той поры в современной культуре. Все эти чертовы космические сверхкорабли, бороздящие космические пространства, капитаны, решающие вопросы жизни и смерти, сидя на своих мостиках и постреливая лазерным оружием по пучеглазым чудищам… И все думали: вот так и будет.

И вдруг Мюррей сделал открытие и создал свою нуль-дыру. И эта сволочь никому ни за что не признается, как у него получилось. Нет, я его не виню… В сущности, Мюррей прав: все равно мы не смогли бы воспользоваться его технологией с умом. Так всегда бывало. Просто… просто нет тех странствий в величественной пустоте, которых я ожидал. Кажется, будто меня обманули. Зоя недоумевала. Хотя была гораздо сообразительней, чем Дженнет, которую я покорил докторским званием, когда та была еще молоденькой медсестрой. Большие сиськи, длинные ноги, а мозгов — ноль.

Зоя училась на акушерку — профессия, для которой требуется столько же самоотверженности и сообразительности, сколько и для врачебного ремесла. Роста Зоя была небольшого, макушкой доставала мне лишь до подбородка. Мне чертовски повезло, что она вообще меня, такого потрепанного жизнью, удостоила взглядом. А то, что Зоя приняла меня вместе с парой ребятишек, и вовсе придавало ей исключительность.

— Я думаю о том, какой раскол Мюррей спровоцировал в стране, — тихо произнесла она, — До сих пор спорили только о противостоянии Юга и Севера, классовой борьбе, о социальном неравенстве… Обычная пропаганда, простые игры политиков, размахивавших под носом друг у друга кусками пожирней. Но появился Мюррей — и все стало реальным…

Я приобнял Зою одной рукой:

— Мюррей дал нам то, что вечно обещали, но так и не смогли дать политики. Боже мой, представить не могу, что даже голосовал за Блэра. Дважды!

Зоя усмехнулась:

— Жалеешь, что не отдал голос Тори?

— Не надо додумывать за меня! — Я наскоро поцеловал ее, а после мы приволокли чемоданы и разместили их поверх коробок.

Когда мы сели в машину, Стив и Оливия держались необычайно чинно. Зоя тепло улыбнулась детям:

— Привет!

— Папа, а куда мы поедем? — спросила дочь.

— Я кое-что вам покажу. Надеюсь, вам понравится.

— А что это?

— Секрет. Вот приедем — тогда увидите.

— А что в фургоне? Ты же не любишь лошадей, — заметил Стив.

— Палатка, — ответил я. — И довольно большая. Еда. Солнечные батареи. Четыре новеньких ноутбука, один — с широкоэкранным дисплеем, и полифункциональные программы.

— Класс! А мне можно будет попробовать?

— Может быть.

— А что еще там есть? — спросила любопытная Оливия.

— Кое-какие игрушки. Куча новой одежды. Книги.

— А зачем все это? — интересовался Стив.

— Увидите. — Я положил руку на ключ зажигания и предостерегающе посмотрел на Зою.

Нам предстоял весьма серьезный шаг, но в прошлом не было никаких поворотных моментов — только длинная цепь событий, которые неумолимо вели нас к этой точке во времени. Я не чувствовал вины из-за того, что беру с собой детей, — напротив, меня следовало бы лишить отцовских прав, не возьми я ребят, ведь другой возможности не представится. Я не был настолько туп или наивен, чтобы полагать, будто Нью-Саффолк окажется раем, однако же есть вероятность, что новый мир станет лучше прежнего. Здесь нам никогда не вырваться вперед, не достичь прогресса: развитие невозможно, пока нас сдерживают цепи прошлого, оковы традиций.

А Дженнет… что ж, думаю, матерью для детей она давно уже быть перестала.

— Едем, — сказала Зоя. — Мы давно сделали выбор.

Я завел мотор, и машина тронулась. Позади задребезжал перегруженный фургон-лошадник.

— А что это за кольцо? — неожиданно резко спросил наблюдательный Стив.

— Вот это? — уточнила Зоя, выставив палец.

— Обручальное! — вскрикнула Оливия. — Вы поженитесь?

— Да, — сознался я. Мы решили пожениться сразу же, как окажемся на другой стороне.

— А мама знает? — поинтересовался сын.

— Нет.

62. Во избежание повторения прежних ошибок в Нью-Саффолке запрещены любые религиозные организации. Все граждане должны признать, что Вселенная есть совокупность природных явлений.

63. Во избежание повторения прежних ошибок в Нью-Саффолке членам экстремистских политических партий и нежелательных организаций, равно как и преступникам и прочим лицам, представляющим угрозу общественному благу, запрещается перемещаться через нуль-дыру.

В перечень групп и профессий, представителям которых запрещено перемещение, входят следующие (но не только) категории:

а) лейбористская партия;
б) партия консерваторов;
в) либерально-демократическая партия;
г) коммунистическая партия;
д) национальный фронт;
е) социалистический альянс;
ж) журналисты желтой прессы;
з) бюрократы Евросоюза;
и) профсоюзные чиновники;
к) сотрудники инспекции дорожного движения.

ДЖЕННЕТ

Эбби дожидалась меня на вокзале на Ливерпуль-стрит. Просто невероятно, что я вообще отыскала подругу. Все пространство перед зданием занимали люди с рюкзаками. Похоже, среди них не было никого старше двадцати пяти лет… а может, так всегда кажется, если смотреть на молодежь под неверным углом своих тридцати пяти. И уж точно, никогда не доводилось мне видеть сразу и в одном месте столько джинсы с тех пор, как в конце восьмидесятых я побывала на Литературном фестивале. Рюкзаки были громадные. Даже не знала, что их производят такого размера.

Вокруг мельтешил молодняк, а я от удивления разинула рот. Почти все пришли парами. И у каждого на одежде или рюкзаке красовалась нашивка британского флага. Вряд ли хотя бы один из десяти говорил здесь по-английски, и уж явно не каждый был белым.

Увидев меня, Эбби с криком бросилась навстречу, яростно

продираясь сквозь толпу. Женщиной она была немаленькой, и ее продвижение вызвало ощутимое беспокойство среди улыбающихся весельчаков. На обиженные взгляды подруга отвечала непроницаемо презрительным выражением лица. Однако же Эбби оттаяла, обнявшись со мной. «Привет, дорогой товарищ! Наш поезд — на третьей платформе».

Эбби прокладывала путь, а я покорно плелась следом. Бряцали значки на ее древней куртке — по одному в память о каждой из поддержанных акций. Ветхая Майская Королева из племени демонстрантов…

Казалось, полвокзала рвется на поезд. Считая очередь буржуазным предрассудком, Эбби с боем продралась в вагон. Там нашлась пара забронированных мест с табличками «занято» на сиденьях. Таблички подруга побросала на пол.

— Не знаю только, куда собралась вся эта орава, — преувеличенно громко объявила Эбби, едва мы сели. — Мюррею нищие иностранные отбросы не нужны. И он ни за что не допустит европейских тупиц в сказочный рай под новым солнцем. Сразу же прогонит взашей, отделив от своих червей среднего класса…

— Мюррей вообще никак не обосновывает ограничения, — заметила я. — Он даже не составил полного списка тех, кто ему не нравится. А если бы такой список и был, невозможно проверять всех и каждого. Чистой воды психология. Стоит сказать верным тэтчерцам, что жирным грязным либерастам вход закрыт, и сразу же они соберутся сотенными стадами. В то время как остальные понимают, кто такие переселенцы на самом деле и куда мы катимся. Да и кому захочется надолго обосноваться в том мире?

— Ха! Готова поспорить, он скупил у спецслужб информацию о нас.

С Эбби невозможно спорить, когда подруга в таком состоянии (а в таком состоянии она, как можно догадаться, находится нередко).

Она достала из-за пазухи громадного размера фляжку и сделала глоток:

— Будешь?

Посмотрев на помятую, старую посудину, я хотела было отказаться. Но вспомнила, что сегодня вечером не нужно присматривать за детьми. К счастью, мне хватило ума отхлебнуть поменьше, чем Эбби.

— Боже мой, что это такое?

— Настоящая русская водка, товарищ, — улыбнулась подруга и сделала еще один глоток. — На прошлой неделе Натан ушел к

Мюррею, — с горечью сообщила она.

— Натан? Твой брат?

— Он мне брат только генетически, да и в этом я сомневаюсь. Гаденыш. Мэри и дети отправились с ним.

— Но почему?

— А почему уходят другие? Война в Ираке, дерьмовый общественный транспорт, идиот Буш грозит Северной Корее, непомерные цены… Иными словами, удрал от реального мира. Думает, его ожидает налоговая сказка, тропический рай, где всю тяжелую работу станут выполнять добрые феи… тупица!

— Жаль, что так вышло. А что сказала твоя мама? Наверное, новость оказалась для нее просто сокрушительной?

Крякнув, Эбби вновь глотнула спиртного.

— Сказала, что рада. Что Натан и внуки достойны того, чтобы начать все с начала «где-нибудь подальше»… Представляешь?!

По-моему, только о себе и думает, овца, совсем из ума выжила на старости лет. А кто за ней будет присматривать, а? Она теперь даже до автобусной остановки сама дойти не может! Разве Натан подумал о ней?! А вот и нет, свалил себе, решив, что я тут стану надрываться, как и все, кто остается!

— В школе у Стива со следующего года классы будут по шестьдесят учеников. Руководство проводило экстренные заседания все лето, так что могу себе представить, сколько теперь возникнет проблем… — Я замялась.

— Удивительно. А я-то думала, что учителя — серьезные люди…

— Были бы серьезными, если бы платили как следует.

— До начала учебного года директору нужно найти пятнадцать новых преподавателей, а то они и вовсе не смогут приступить к занятиям.

— Пятнадцать? Будь год нормальным, Мюррею не удалось бы заманить столько человек!

— Но директор сказал, что волноваться не о чем. Появились всевозможные агентства по трудоустройству, которые сейчас вербуют для Великобритании иностранных специалистов. Как только завершится Исход, жизнь вновь войдет в прежнее русло.

— Великолепно, — фыркнула Эбби, — за что боролись…

Поезд тронулся. Весь вагон заполонили рюкзачники: не протолкнуться. Когда машинист объявил остановку в Бишопс-Сторт-форде, послышалось громогласное ликование.

Сделав очередной глоток, Эбби пробормотала:

— Уроды…

— Не переживай, — утешала я подругу, — если нам удастся обзавестись собственным лазом в новый мир, то никого из этих

мы не пропустим.

— Так в том-то и дело, мать его! — огрызнулась Эбби. Теперь ее гнев был направлен на меня, и ярость подруги, признаться, пугала. Эбби вновь отпила водки. — Даже будь у нас своя нуль-дыра, нам этот чертов новый мир все равно не нужен! Напрасная трата сил вместо того, чтобы помогать людям здесь! Сперва нужно решить проблемы, которые возникли в этом мире, разобраться с этим поганым Тори, с этим разжигателем войны Блэром. Колонизация есть империализм! Чтобы бороться, нужно прививать людям социальную ответственность. — Эбби неловко ткнула пальцем в значок у себя на лацкане. На нем было изображено исландское судно-китобой, треснувшее надвое от удара молота, подозрительно похожего на советский символ, однако выше располагалась блестящая надпись «ГАД».

— Вот что сейчас происходит. Мюррей не себе новый мир строит, а наш разрушает. Нельзя просто так, ни с того ни с сего, открыть портал в другой мир только по собственной прихоти! Это, мать твою, беспредел! Нужно остановить!

— Проблема — в масштабах, — заметила я. — Нельзя запретить людям уезжать, это по-сталински. Мы просто не готовы к паническому массовому исходу, возможность которого создала нуль-дыра. Эмиграция в Северную Америку продвигалась медленно, десятилетиями. А здесь всё идет быстро. Мюррей дал нам только два года. Неудивительно, что с такими потерями Британии не совладать. Однако со временем все утрясется…

— Мы можем их остановить! — с нажимом произнесла Эбби. — Сейчас у движения достаточно сторонников, чтобы перекрыть дороги и заставить всех этих среднеклассовых сволочей повернуть обратно! Мюррей не все предусмотрел: в нуль-дыру свалила половина полицейских! Скоро грядет народное возмездие! Вот тогда-то рабочий класс вновь заявит о себе в полный голос! И скажет: «хватит»! Вот увидишь.

о) брокеры;
п) разработчики и производители оружия;
р) члены художественных советов;
с) руководители пенсионных фондов;
т) актеры и члены съемочных групп мыльных опер;
у) все осужденные за преступления на сексуальной почве;
ф) все осужденные за преступления против личности;
х) владельцы и администраторы центров обработки вызовов.

КОЛИН

Ситуация на трассе М11 была, как обычно, паршивая: длинная вереница машин со злобными водителями. Почти два часа от шоссе М25 до Стенстедской развязки. Бывало и хуже: я, вопреки обыкновению, лыбился почти всю дорогу. Теперь уже наплевать. Я думал о том, что вот, в последний раз еду по разбитому, заполненному до отказа анахронизму из шестидесятых годов двадцатого века. Никогда больше не вернусь я домой, причитая: отчего у нас нет автобанов или восьмиполосных хайвеев, как в Америке. Отныне мне суждено ворчать лишь по поводу шестиногих инопланетных ящеров, шастающих в саду.

На бампере машины, ехавшей впереди, была наклейка с изображением Гордона Брауна, молотящего кулаками по нуль-дыре, а ниже шла подпись: «Налоги на память». По мере того как мы неспешно продвигались к северу, попадалось все больше и больше наклеек, призывающих к Исходу. По-моему, все машины в нашей полосе направлялись на Нью-Саффолк. После многих месяцев тайных приготовлений как-то успокаивало то, что наконец удалось оказаться среди собратьев.

— Это ведь нуль-дыра, да? — неуверенно спросил Стив. — Мы к ней едем?

— Ага, — признался я, — посмотрим, что там такое.

— Неужели мы поедем прямо туда?! — поразилась Оливия, взволнованно распахнув глаза.

— Полагаю, да. А вы не хотите? Будет даже весело. — Заметив знак парковочной площадки F-2, я включил поворотник.

— Но ведь там, на другой стороне… там плохие люди! — возразил Стив. — Так мама сказала!

— Но разве она сама побывала там?

— Нет!

— Тогда получается, что мама не знает, как там, на другой стороне, верно?

Дети переглянулись.

— Пожалуй, не знает, — согласился Стив.

— Если ты с кем-то не соглашаешься, это еще не значит, что они — плохие люди. Вот посмотрим своими глазами и разведаем, что правда, а что — нет. По-моему, вполне разумно, разве нет?

— А когда вернемся? — спросил сын.

— Не знаю. Зависит от того, понравится ли нам на другой планете. Может быть, захочется погостить немного…

Зоя наградила меня осуждающим взглядом. В ответ я пожал плечами. Не понимает, что к таким серьезным переменам детей нужно готовить постепенно.

— А мама тоже будет с нами? — спросила Оливия.

— Если захочет, — отозвался я.

Зоя издала яростное шипение.

— А я должен буду ходить в школу? — спросил Стив.

— Учиться нужно всем, на любой планете, — ответила Зоя.

— Хреново…

— Бяка! — радостно воскликнула Зоя.

Отыскав въезд на парковку F-2, я свернул с шоссе. Парковка представляла собой широкое, просторное поле, которое владелец-фермер сдавал в аренду «Нью-Саффолк-Лайф Компани». Все лето напролет здесь разъезжали сотни машин, смяв траву и утрамбовав землю. Сегодня в дальнем конце поля были припаркованы двадцать с лишним грузовиков, в том числе — три рефрижераторных контейнера и пара бензовозов. Вплотную к грузовикам лепилось свыше семидесяти легковушек, микроавтобусов и прицепов. В большинстве машин ехали целыми семьями, дети и родители разминали ноги перед последним броском. На полях по обе стороны от парковки повторялись такие же сцены.

Я притормозил возле распорядителя, стоявшего в воротах, и показал карточку. Изучив документ, он ухмыльнулся:

— Стало быть, врач.

— Верно.

— Отлично. Еще пять машин подъедет — и готово. Я буду вашим сопровождающим, так что весь путь до нового дома проделаете в моем обществе. Будут проблемы — обращайтесь ко мне.

— Непременно.

— Может быть, вам стоит проверить медицинское оборудование, которое вы берете с собой? Ваши будущие соседи как раз осматривают вещи.

Я подъехал к другим машинам, и мы выбрались из «БМВ» наружу. Несколько мужчин возились в кузовах грузовиков: проверяли сложенные внутри ящики. Помня, сколько нам пришлось потратить, я обрадовался при виде того, как внимательно грузчики просматривают инвентарный список. Оборудования и припасов на грузовиках хватило бы, чтобы обеспечить самостоятельное существование поселения на ближайший год.

— Это не надолго, — заверил я Зою, — но сейчас расслабляться нельзя. В стране переселенцев владелец машинного оборудования — король.

— Мы пошли знакомиться, — ответила она.

Проверяя содержимое двух ящиков с медикаментами и оборудованием, я и сам сумел пообщаться с несколькими

переселенцами. Судя по всему, нормальные люди, вполне достойные. Немного переусердствовали с приветствиями, но и я, наверное, держался так же. Хотя, с другой стороны, нам придется провести в обществе друг друга много времени. Всю оставшуюся жизнь — если все пройдет гладко.

Через полчаса, когда прибыли остальные, а мы с радостью успели убедиться, что все вещи, закупленные нами через «Нью-Саффолк-Лайф Компани», аккуратно доставлены, распорядители принялись снаряжать грузовики для последней группы.

— А где дыра? — капризным тоном спросил Стив, как только мы снова уселись в «БМВ». — Я хочу на нее посмотреть.

— Еще две мили и всё, — ответила Зоя.

Первыми со стоянки на новую асфальтированную трассу, ведущую к нуль-порталу, выехали грузовики, а следом двинулись остальные машины. С левой стороны от шоссе проходила широкая тропа. По ней маршировали люди с рюкзаками — целое скопление. Бесконечная вереница растянулась в обе стороны насколько хватало взгляда. Идущие приближались к дыре, и у всех — одинаково бодрые улыбки. Наверное, такой же вид был и у нас с Зоей.

— Вот! — внезапно воскликнула Оливия.

Дочь указывала на деревья, росшие по обе стороны от строя рюкзачников. Я немного оторопел — казалось, что оттуда поднимается солнце. Потом, миновав поворот, мы смогли разглядеть весь портал целиком.

Нуль-дыра в пространстве-времени оказалась сферой диаметром триста ярдов. Мюррей разместил портал так, что экватор сферы пришелся на уровень почвы, а сверху в воздухе оставалось полушарие. Ничего особенного — просто место, которое начинается на одной планете, а заканчивается — на другой. Перейдешь границу — и перед тобой раскроется Нью-Саффолк. Достопримечательность, притча во языцех, внушавшая стольким людям дрожь и даже заставлявшая их бежать. По мере приближения к порталу можно было разглядеть инопланетный пейзаж, разворачивающийся в полусфере. Несмотря на то что ландшафт находился внутри, он казался выпуклым, точно панорамная картинка. Войдя, окажешься снаружи такого же полушария на другой планете. И никакого «внутри»…

На Нью-Саффолке было раннее утро: восход имбирного солнца, посылавшего через портал на британскую местность палевое свечение.

Теперь нам оставалось полмили. Завороженные зрелищем дети утихли. Мы с Зоей обменялись ликующими улыбками.

Шоссе сворачивало к порталу, проходя по небольшому

туннелю. На каждой стороне возвышались полицейские в полном снаряжении, предназначенном для подавления беспорядков. Они раскачивались взад и вперед, оттесняя от дороги толпу демонстрантов. Я мог разглядеть плакаты и транспаранты. Сквозь рев двигателей доносились песни и выкрики. Из оцепления через головы полицейских на дорогу вылетали какие-то предметы. Я видел, как разбилось несколько бутылок. Прикрывая головы руками, метались рюкзачники в страхе попасть под обстрел стеклотарой.

Что-то глухо ударило по крыше моего «БМВ». Сын с дочкой заверещали. Я заметил, как откатывается в сторону брошенный камень. Но теперь уже все равно. Первый из грузовиков достиг портала. Я видел, как на фоне восходящего солнца по дороге, пересекающей инопланетный ландшафт, с шумом проезжает машина. Мы уже так близко…

И тут закричала Оливия:

— Папочка, папочка, стой!

87. Ни один департамент Правительства не может нанимать более одного руководителя на двенадцать работников первого звена. Ни один отдел Правительства не вправе тратить на содержание управленческого аппарата более десяти процентов собственного бюджета.

88. Правительство не предоставляет никаких пособий по безработице. Каждый безработный имеет право на пять акров плодородной земли и достаточное количество семян, чтобы стать экономически самостоятельным.

89. Наследство не облагается налогом. Смерть не может быть предметом налогообложения. Граждане вправе завещать все свое имущество кому угодно.

ДЖЕННЕТ

Дорога от вокзала до нуль-дыры отняла у нас немало поганых часов. Казалось бы, Гражданское Антиэммиграционное Движение должно было предоставить автобусы. Однако мне довелось увидеть только два, да и те плелись как черепахи по перегруженному участку магистрали. Что же до волонтеров, нанятых ГАД, то они передрались с рюкзачниками, лавиной хлынувшими от вокзала и засыпавшими их вопросами о том, куда идти и нельзя ли сесть в автобусы. Полицейские, как могли, старались разделить обе группы, однако на привокзальной парковке, того и гляди, начнутся беспорядки.

Эбби решила скоротать ожидание, заглянув в магазинчик, торгующий спиртным на вынос. К тому времени, как нам удалось устроиться в автобусе, подруга успела как следует накачаться. А пьяную Эбби тихоней не назовешь…

Пока мы дюйм за дюймом продвигались по транспортному виадуку, я разглядывала плотный строй неподвижных машин, забивших все проезды внизу. В каждой водитель дожидался, когда можно будет свернуть с шоссе. Каждая до отказа заполнена людьми, желающими переместиться через портал. Так много?.. И говорят, столько же человек приезжает сюда ежедневно…

Наконец мы добрались до места. Когда стали вылезать из автобуса, над нашими головами пронесся огромный «Боинг-747», снижающийся на посадку в Стэнстеде, в паре миль к северу. Рев двигателя оказался таким мощным, что пришлось заткнуть уши. Логотипа на самолете я не разобрала, однако была уверена, что на нем прилетела еще одна группа иностранных беженцев, готовых примкнуть к Исходу.

Я проследила путь «боинга» в небе. А прямо передо мной возникла нуль-дыра. Точно у горизонта вздулся золотистый зеркальный пузырь. Я прищурилась, глядя на ослепительный розовый свет, который источал портал.

— Не думала, что она такая огромная, — пробормотала я.

Вблизи эта проклятущая штуковина наводила ужас. Теперь-то я поняла, отчего в ней сгинуло столько народу, завороженного дурацкими обещаниями Мюррея.

— Идем, — заплетающимся языком произнесла Эбби и зашагала в сторону демонстрантов, сгрудившихся перед нами.

Теперь я вспомнила, отчего перестала ходить на демонстрации. Вся эта романтическая дребедень о слиянии с толпой, общности целей, братстве… Всё это чушь собачья.

Начнем с того, что надрывались не только сторонники ГАД. Попадалось и множество неприсоединившихся товарищей, жаждавших крови. И побольше. Меня пинали, точно задрипанный футбольный мяч. Каждый хотел заработать лишние очки, ударив по мне. В ушах стоял громкий, нескончаемый гвалт. Несколько раз меня огрели плакатами, которые бросали уставшие владельцы.

Потом мы подобрались вплотную к линии полицейского оцепления, и пивная жестянка стукнула меня в плечо. От неожиданности я подскочила. К счастью, банка была пуста. Но я не на шутку разнервничалась, увидев, как пролетают над головами бутылки.

— Пропустите меня, сволочи! — бушевала Эбби, грозя полицейским.

Ближайший из констеблей смущенно глянул на мою подругу. И вот она уже яростно бьется о щит полицейского:

— Я-имею-право-на-свободу-перемещений! Тебе-не-остановить-меня — фашистский-выродок! Это-пока-еще-свободная-страна! Чтоб-ты-свалил-куда-подальше-и-долбись-ты-со-своим-старшим-констеблем!.. А-ну-пусти! — И все это время Эбби билась о щит.

Сзади напирали. Наши преданные товарищи ломились что есть сил. От навалившейся мощи я закричала, но меня то ли не услышали, то ли не заметили.

Где-то дали слабину, потому что полицейское оцепление прорвалось. Меня понесло вперед, и я приземлилась поверх Эбби, лежащей на полицейском. За спиной раздались нестройные торжествующие выкрики. Многие свистели. Заслышав лай, я испуганно захныкала. Ненавижу собак… боюсь до ужаса.

Стремительно приближались полицейские, чтобы закрыть брешь. По обе стороны от меня разгорелись рукопашные схватки. Демонстрантов заковывали в наручники и тащили прочь. Рвали одежду. Я видела кровь.

Кто-то резко поднял меня, ухватив за шиворот. Я плакала и дрожала. Колено пылало алой болью, и я едва удержалась на ногах.

К моему лицу метнулся полицейский шлем.

— Вы в порядке? — строго спросил приглушенный голос за запотевшим забралом.

В ответ я просто разрыдалась. Стыдно, но я так перепугалась и мне было так жаль себя, что я ни о чем больше не думала.

— Сидите здесь! Ждите! — Меня вытащили наверх и усадили на край туннеля.

В десяти футах подо мной жались от страха рассеянные по тропе рюкзачники. Мимо проносились машины, направляющиеся к порталу, и мрачные водители сжимали рули.

Я увидела, как большой «БМВ» тянет за собой фургон-лошадник. Водитель целеустремленно смотрел вперед. И тут я узнала лицо!

— А-ну-убери-от-меня-свои-вонючие-руки-фашист! Да-я-на-тебя-в-суд-подам-мать-твою! Сними-наручники-они-слишком-тесные! Ты-обращаешься-со-мной-по-свински-помогите-помогите! — верещала за спиной Эбби.

— Это же Колин, — прошептала я. — Эбби, это же Колин! — Голос мой окреп.

— Что?

— Колин! — В запале показывала я на «БМВ» бывшего. На заднем сиденье Оливия, прижавшись лицом к стеклу,

разглядывала столпотворение. — Он увозит детей! О боже, он заберет их в нуль-дыру!

Эбби наградила арестовывавшего ее офицера могучим пинком.

— За ними! — крикнула мне подруга. — Давай!

Ее удерживали трое полицейских. Эбби врезалась в меня плечом. Я сорвалась с края туннеля, неистово размахивая руками, все еще пытаясь сохранить равновесие. Колено раздирала боль. Налетев на рюкзачника, рухнула на асфальт, едва ли не в футе от грузовика, неистово вихляющего на ходу.

— Хватай! — крикнула Эбби. — Забирай с собой! Они твои! Ты имеешь право!

Все машины на автостраде ударили по тормозам. Я подняла взгляд. Движение замерло позади остановившегося «БМВ». Медленно опустилось стекло со стороны водителя, Колин выглянул наружу. И мы просто смотрели друг на друга. Целая буря чувств стремительно пронеслась по его лицу. Не только гнев, но и вина.

— Ну что ж, поехали, — обреченно произнес Колин.

Открылась задняя дверь.

Я встала на ноги. Оглянулась на край туннеля и перекошенное лицо Эбби. И снова посмотрела на «БМВ». Там меня поджидал портал. Нетерпеливо сигналили машины, мне орали, чтобы я пошевеливалась.

Я направилась к открытой дверце. Знала, что поступаю неправильно. По крайней мере, думала, что считаю именно так. Но что мне оставалось?

Пол Ди Филиппо
Сизиф и Посторонний

Хотя он опубликовал и несколько романов, в том числе два совместных с Майклом Бишопом, по всем признакам Пол Ди Филиппа относится к тем редким авторам, репутацию которым, как Харлану Эллисону и Рэю Брэдбери, составили произведения малой формы. Начиная с 80-х гг. он регулярно публиковался в таких жанровых журналах, как «Interzone», «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», «Science Fiction Age», «Realms of Fantasy», «The Twilight Zone Magazine», «New Worlds», «Amazing», «Fantastic» и «Asimov's Science Fiction», а в последние годы — и на сайте «Sci fiction». Его сборники «Стимпанк» («The Steampunk Trilogy»), «Рибофанк» («Ribofunk»), «Destroy All Brains!», «Fractal Paisleys», «Странные занятия» («Strange Trades»), «Harp, Pipe and Symphony», «Neutrino Drag» и романы «Ciphers», «Потерянные страницы» («Lost Pages»), «Joe's Liver», «A Mouthful of Tongues: Her Totipotent Tropicanalia», «Fuzzy Dice», «Spondulix», «Would It Kill You to Smile?», «Muskrat Courage» (последние два в соавторстве с Майклом Бишопом) удостоились самых высоких похвал критиков. Его рассказы были включены в сборники «The Year's Best Science Fiction» 2002 и 2004 гг. Вдобавок Ди Филиппа — известный критик, пишет регулярные колонки — уникальное достижение! — для двух ведущих журналов фантастики одновременно: «Asimov's Science Fiction» и «Magazine of Fantasy & Science Fiction». К тому же он часто публикует рецензии в «Science Fiction Weekly», «Locus Online», «Tangent Online» и других сетевых изданиях.

Своим следующим рассказом он перемещает нас во времени не столько назад, сколько вбок, показывая, как могла сложиться жизнь знаменитого писателя в несколько ином мире.

* * *

Альбер Камю был утомлен. Утомлен работой. Утомлен жизнью. Утомлен обширной империей, в процветание которой

вносил каждодневный, пусть и крошечный вклад. Впрочем, выбора у него не было, и порой он казался себе Сизифом, закатывающим на гору камень. Будущее предопределено, рассчитывать на бегство или перерождение не приходится.

В своем кабинете в алжирском императорском дворце Альбер Камю устало уронил голову на руки. Вторые сутки он не смыкал глаз, готовясь к торжествам по случаю двойного юбилея. В 1954 году исполнялось пятьдесят лет с открытия N-лучей и сорок лет с рождения Французской империи из пепла слабосильной Третьей республики. По всей империи, от карибских островов до берегов Южной Америки, от знойных джунглей Индокитая до безмятежных лагун Полинезии, от песчаных африканских равнин до островков посреди Индийского океана, во всех колониях и протекторатах, над которыми гордо реял французский флаг, шли похожие приготовления.

Повсюду следовало развесить полотнища триколора и портреты — сурово хмурящегося императора и гениального изобретателя Рене Блондло, лысого и с бородкой клинышком. Фасады общественных зданий требовалось отдраить слабой дозой N-лучей. Также нужно было украсить бальные залы, заказать провизию для банкетов, наметить маршруты парадов, подписать разрешения на торговлю лоточникам, разослать приглашения. Всех бездомных надлежало выслать в провинцию. Узкие, ступенчатые улочки касбы — заблокировать во избежание любых демонстраций, сколь угодно мирных и малочисленных, против французов и их празднеств. (Лучше уж выслушивать жалобы торговцев, которые потерпят убытки из-за своевременных шагов по предотвращению незаконных собраний, чем отвечать циничным репортерам о трупах демонстрантов, обугленных N-лучами из полицейских ружей.) И самое важное, следовало проверить и перепроверить меры безопасности в связи с визитом императора.

Разумеется, от начальника Альбера, генерал-губернатора Мерсо, помощи не было никакой. Эта надутая самодовольная жаба умела лишь вдохновенно читать по бумажке не им написанные речи да трясти руки местных деловых воротил и собирать с них мзду. Но в любых практических вопросах невежда Мерсо (получивший пост благодаря высокопоставленным родственникам в метрополии) всецело полагался на своего подчиненного, Камю, прошедшего суровую дипломатическую выучку в Национальной школе управления.

Камю поднял голову от сложенных рук и, тряхнув угольно-черной напомаженной шевелюрой, скривился в усмешке; его мужественное, с резкими чертами лицо пробороздили морщины.

«Эх, мама и папа, — подумал он, — если бы только вы могли видеть сегодня своего маленького мальчика, ради которого едва сводили концы с концами, лишь бы он получил самое лучшее образование на земле предков. И вот на сорок втором году жизни он стал серым кардиналом при каком-никаком дворе, однако чувствует себя совершенно несчастным».

Но конечно же родители Камю никак не могли сегодня увидеть, до чего он дошел. Оба они погибли в 1935-м, когда на двадцатом году империи по Алжиру прокатилась волна выступлений против «черноногих»; сам же Камю находился тогда в безопасности в Париже. Катастрофа унесла множество жизней, и европейцев, и арабов, прежде чем солдаты империи с их грозным лучевым оружием и броневыми лучеходами сумели восстановить порядок. Впрочем, после этого решительного применения силы мир и согласие воцарились в Алжире, да и по всей империи, в отдельных уголках которой также было устроено показательное кровопролитие.

Саркастическая усмешка сошла с лица Камю, когда он задумался о кровавом фундаменте нынешней эпохи всеобщего мира и благоденствия с Парижем в ее центре. Он потянулся за пачкой сигарет, лежавшей рядом с переполненной пепельницей, достал одну и закурил. Отвратительная, необходимая привычка, но извинительная в эти дни, когда рак легких можно вылечить строго отмеренной, целебной дозой N-лучей (так же, как сам Камю избавился от туберкулеза, которым страдал с детства), — если, конечно, принадлежишь к элите. Откинувшись к спинке кресла на колесиках и попыхивая сигаретой, Камю позволил себе несколько минут блаженного бездействия. Под высоким потолком его тесного, по-спартански пустоватого кабинета жужжали две мухи. Ослепительное летнее солнце Алжира, подкрепленное отраженным блеском так любимого Альбером Средиземного моря, лило сквозь щели деревянных жалюзи плавленое золото, расчерчивая кабинет в контрастную клетку. Но воздух оставался прохладным — исправно гудели лучевые кондиционеры.

Камю погрузился в полудрему, из которой его вырвал гудок телеинтеркома; N-лучи высветили на экране лицо его помощницы Симоны Гиэ — строгой женщины одних лет с Альбером.

— Мсье Камю, вас хочет видеть американский посол.

Камю выпрямился и затушил сигарету:

— Пусть войдет.

Когда дверь отворилась, он уже поднялся из-за стола и двигался навстречу послу.

— А, господин Райнбек! — с акцентом произнес Камю по-английски, радушно пожимая ему руку. — Очень рад вас видеть.

Полагаю, ваш секретариат получил билеты на все праздничные мероприятия. Без надлежащим образом оформленных приглашений пускать не будут никого, абсолютно никого. Сами понимаете, меры безопасности…

Седовласый, с выступающей челюстью, американец отмел вопрос взмахом руки. Его грубоватая непринужденность восхитила и в то же время ужаснула Камю.

— Да-да, — ответил Райнбек, — мои помощники разберутся со всеми этими бумажками. Сейчас у меня дело поважней. Я должен немедленно увидеть генерал-губернатора, чтобы заявить официальный протест.

Среди прочего в обязанности Камю входило по возможности пресекать подобные поползновения напрячь Мерсо сверх его скромных способностей.

— Официальный протест? По какому же поводу? Едва ли столь драматичный шаг необходим при тех дружеских отношениях, которые сложились между нашими державами. Наверняка речь идет о каком-нибудь пустячном недоразумении, и я буду только рад его разрешить.

Голубые глаза на загорелом лице Райнбека блеснули сталью. Несмотря на кондиционеры, Камю бросило в пот. Две мухи, прежде кружившие под потолком, снизились и теперь мельтешили перед самым его лицом. Их жужжание действовало на нервы, но отогнать их Камю не решался, опасаясь показаться смешным.

— Недоразумение вовсе не пустячное, — сказал Райнбек. — Ваши солдаты задержали на южной границе с Нигером группу ни в чем не повинных американских туристов и отказываются отпустить, пока тех не допросит имперская спецслужба. Поговаривают даже о том, чтобы отправить их в Париж. Это противоречит всем договорам и международным нормам. Я должен немедленно увидеться с Мерсо и потребовать их освобождения.

Камю принялся обдумывать услышанную новость. На границе с Нигером располагался крупный армейский полигон, где велись испытания N-лучей, слишком опасные для того, чтобы проводить их в метрополии. Вдруг эти «ни в чем не повинные американские туристы» на самом деле шпионы, которым поручено выкрасть новейшие достижения той технологии, что обеспечила Франции безусловное мировое лидерство? Вполне вероятно. А коли так, уступки, на которые пойдет простак Мерсо, поддавшись нажиму Райнбека, могут нанести империи серьезный ущерб. Нет, это совершенно недопустимо. Пускай военные и вездесущее Главное управление внешней разведки разбираются сами.

Да, империя утомила Камю. Но в конечном счете выбора у него не было. Он решил, как ему поступить, сомнения исчезли.

Снова пора закатывать в гору камень.

— Прошу прощения, господин Райнбек, но я никак не могу передать генерал-губернатору вашу просьбу о встрече. Однако будьте уверены, я проконтролирую ситуацию лично и незамедлительно сообщу вам любые новости о судьбе ваших соотечественников.

Перед лицом такой безапелляционности Райнбек тут же утратил былую браваду. Казалось, он постарел на несколько лет.

— Итак, опять сплошная секретность. Ну черт возьми, Альбер, от тебя-то я ожидал большего, думал, что мы друзья. Впрочем, ничего странного, с вашей-то позиции силы. Вы прекрасно понимаете, что Америке нечего противопоставить империи. Мы ничего не можем предложить взамен, ничем не можем пригрозить, вообще ничего не можем сделать, чтобы заставить вас прислушаться.

— Да ладно тебе, Генри, не преувеличивай.

— А разве я преувеличиваю? Или ты знаешь о международном положении Америки что-то, чего не знаю я? Куда ни ткнись — со всех сторон французские базы, не дают нам продохнуть, перекрывают пути естественной экспансии. Квебек и Куба, Мексика и Сандвичевы острова — повсюду французы с их лучевыми пушками. Дефицит нашего торгового баланса с Францией и ее колониями растет год от года. И у наших союзников положение ничуть не лучше. Испания, Германия, даже бывшая владычица морей Британия теперь бессильны перед вами. Ваша империя — это что-то совершенно беспрецедентное в человеческой истории. Вы не просто держава, а сверхдержава. Нет — гипердержава. Не осталось такой страны, которая решится сказать вам слово поперек. Вы поступаете, как вам заблагорассудится, в любой ситуации, а на мнение всего остального мира вам наплевать. И ладно бы с политикой — в конце концов, мы могли бы пережить честное соперничество на международной арене. Но что нас действительно убивает — это ваша культурная гегемония. Наша молодежь подражает французской моде, смотрит французское кино, читает французские книжки. А свое, американское, искусство буквально вымирает. Духовная колонизация — вот что это такое. Самая опасная угроза с вашей стороны.

Камю хотел было оспорить столь циничный анализ международного положения, но осознал, что посол прав от первого до последнего слова, и решил не опускаться до лицемерия.

— Прости, Генри, но так устроен мир, — сказал он. — Мы оба должны примириться с реальностью.

— Тебе-то легко говорить, с твоего высокого шестка, — бросил Райнбек, развернулся и вышел.

Разговор с послом не на шутку расстроил Камю. Он ощутил, как на него давят стены собственного кабинета, и бросил взгляд на часы. Уже начало второго. Сходит-ка он пообедает у Селеста.

Он нажал кнопку телеинтеркома:

— Я уйду на час.

— Хорошо, мсье.

На улице июльское пекло и само давление солнечных лучей буквально расплющили Альбера — со знакомой, едва ли не приятной бесцеремонностью. Камю родился здесь и вырос, и душой впитал североафриканский климат. Все годы в Париже он чувствовал себя посторонним, и неизвестно, что отвращало его сильней — непривычная погода или высокомерие столичных жителей перед выскочкой из колоний. Окончив учебу и получив первое назначение на службу, он был только рад узнать, что отправляется назад, в Алжир. И больше его не покидал. Он ни с кем не делился тайной любовью к родной земле, распахнутой небу, словно рот или рана, но без этой любви он просто сломался бы.

Непринужденно вышагивая широкой улицей д'Ильи, по обеим сторонам которой высились величественные, в европейском стиле, здания почти вековой давности, Камю воспрянул душой. Сходить бы еще поплавать — его любимый досуг, — и жизнь совсем наладится. Но позволить себе такую роскошь он никак не мог — разве что уже после визита императора. Посередине обсаженного платанами бульвара трамвайные колеи раздавались в стороны, огибая постамент, на котором гранитный профессор Блондло потрясал опытной моделью генератора N-лучей.

Камю с увлечением разглядывал проходящих женщин, радовался морю, что проглядывало в створе пересекающих бульвар улиц. У торговца-араба (лицензия — на видном месте за стеклом лотка) он купил стакан лимонада, приправленного настоем апельсинового цвета. Потягивая ледяную жидкость, он присоединился к зевакам, толпившимся у ограждения стройплощадки, за которым мерцали ослепительные отблески. Камю знал, что там светится. Лучевые строительные машины вгрызались в землю, прокладывая первую в Алжире ветку метрополитена, от Айн-Аллаха до Айн-Нааджи. Оглядев мельтешение строителей через прокопченное смотровое окно, Камю продолжил путь. Он надеялся, что с появлением метро старые добрые трамваи не исчезнут, и сделал мысленную зарубку

организовать какие-нибудь субсидии для этого памятника ностальгии.

Еще несколько кварталов — и Камю прибыл к месту назначения.

В дверях ресторанчика, на своем обычном месте, стоял Селест, выпятив обтянутое передником брюшко и топорща седые усы. Он поприветствовал Камю с максимумом обходительности и препроводил того к традиционному Альберову столику. Камю заказал простое блюдо из рыбы с кускусом и охлажденного белого вина. Когда обед принесли, Камю проглотил его быстро и с аппетитом, рассеянно думая обо всем и ни о чем. В мыслях его крутился расплывчатый калейдоскоп из недавних проблем, вплоть до визита Райнбека. Но в конце концов, после второго бокала вина, Камю обнаружил, что все больше думает о своих покойных родителях. С особенной яркостью ему вспоминались вечные отцовские анекдоты о том, как старший Камю лично присутствовал при рождении империи.

Дело было в 1914 году, Европу только-только начала раздирать Великая война. Люсьен Камю служил в армии, защищая Францию далеко от своей тропической родины. Его часть вместе с множеством других стояла на Марне, готовясь к титанической битве, и Люсьен с товарищами не надеялись выйти из этой переделки живыми, когда произошло спасительное чудо. Из тыла на специально переоборудованных конных тягачах к линии фронта вывезли несколько странных орудий, без стволов как таковых, — сплошная мешанина призм, аккумуляторных батарей и гиперболических рефлекторов. Их выстроили дугой напротив германских позиций, и по команде самого маршала Жоффра установки извергли фиолетовые лучи небывалой разрушительной мощи, с шипением испарявшие все вещество на своем пути. Немецкая армия на Марне была полностью уничтожена, с французской же стороны не погиб ни один солдат.

После этих испытаний нового оружия Великая война — или, как большинство предпочитало в шутку звать ее потом, «Великий пшик», — продолжалась всего несколько месяцев. Футуристическое оружие применялось на всех фронтах во всевозрастающих количествах, испепеляя любые силы, которые осмеливались противостоять Франции. Еще до конца года был подписан Версальский договор, и войска Тройственного союза заняли Германию; несмотря на протесты Англии и России, французские силы в зоне оккупации доминировали. (Четыре года назад в разгромленной стране наконец позволили провести первые послевоенные выборы, и Камю с любопытством наблюдал за их результатами. Не исключено, что теперь французских

гражданских наблюдателей можно будет перевести из Германии в другие жизненно важные уголки империи.) Вскоре был официально закреплен переход от Третьей республики к империи: на трон взошел император — недалекий, подверженный влиянию отпрыск древнего рода.

Разумеется, всех — и Люсьена с его товарищами в том числе — тогда в первую очередь волновал вопрос, откуда взялось это загадочное чудо-оружие. Вскоре публику просветили, во всех достохвальных подробностях.

За десять лет до битвы на Марне, когда Рене Блондло был простым преподавателем физики в университете Нанси, профессора заинтересовал недавно открытый феномен рентгеновских, или Х-лучей. В попытке поляризовать это невидимое излучение Блондло собрал целый ряд установок, вроде бы генерировавших новую трудноуловимую разновидность лучей, тут же окрещенных N-лучами в честь профессорской родины — города Нанси. Ядром генератора N-лучей служило замысловатое сочетание призм и линз.

Американский физик Роберт Вуд попытался повторить опыты Блондло, но ничего не добился. Он отправился в Нанси и вскоре заключил, совершенно ошибочно, что Блондло фальсификатор. Решив, как говорится, вывести француза на чистую воду, во время ключевого эксперимента Вуд незаметно подменил центральную призму Блондло собственной призмой из кварцевого рубина.

Когда Блондло стал бы вновь настаивать на результатах, которые никто больше не мог воспроизвести, Вуд заявил бы, что в сердце установки француза находится инородный элемент, несовместимый с исходным замыслом.

И смех и грех в том, что по щелчку рубильника модифицированный излучатель выдал ослепительный импульс фиолетовой энергии распада, испепеливший дотла Вуда и половину лаборатории.

Благодарно учтя незапланированную модификацию, опаленный, но невредимый Блондло сумел добиться заметных успехов. В следующие несколько лет он открыл десятки разновидностей N-лучей — от сверхразрушительных до гиперцелебных. В конце концов его труды привлекли внимание французского правительства. Когда в июне 1914 года начались боевые действия, французская армия уже вела тайную программу разработки лучевого оружия. Война послужила действенным стимулом, и опытные образцы первых N-пушек были доставлены на Марну уже к сентябрю.

Сорок лет спустя N-технология — чрезвычайно развившаяся и безотказно служащая грозным военно-морским, сухопутным и

военно-воздушным силам Франции — по-прежнему оставалась французской монополией, фундаментом, на котором зиждилась беспредельно расширяющаяся империя, и предметом зависти всех прочих государств, неустанно тщившихся выведать главный французский секрет, однако до сих пор все до единой попытки шпионажа эффективно пресекались Главным управлением внешней разведки. Ни русской царице, ни британскому политбюро, ни китайскому императору, ни османским пашам, ни американскому президенту так и не удалось обзавестись аналогом французского чудо-оружия. А по мере расширения владений Франции сферы влияния этих держав съеживались.

Все это знал в империи каждый школьник. Но немногие могли, подобно Камю, похвастаться, что их отцы лично наблюдали первое явление устройств, изменивших мир.

Размышления Камю прервал незаметно подошедший к его столику Селест. Деликатно кашлянув, пухлый ресторатор вручил Камю записку.

— Мсье, это вам оставил некий господин. Нижайше прошу прощения, что чуть не забыл передать.

Камю взял сложенный лист бумаги и развернул. Послание было кратким:

> Дорогой Сизиф,
>
> давайте встретимся сегодня вечером в дансинге Падовани. У меня есть предложение, которое изменит вашу жизнь, а возможно, и весь мир.

Камю будто громом поразило. Откуда мог какой-то посторонний знать язвительное прозвище, которым он именовал себя лишь в потаенных мыслях? Что за немыслимое предложение могло заставить Камю ввязаться в события, от которых зависит судьба мира?

— Как он выглядел, этот тип? — спросил Камю, вновь подозвав к своему столику Селеста.

— Странная птица, — закивал ресторатор, поглаживая усы. — Совершенно лысый, очень тощий, с какими-то закопченными линзами на глазах. Но самое дикое — это его одежда. Если на вашу встречу он явится в таком же наряде, не узнать его будет невозможно. На нем что-то вроде гимнастического трико, скроенного из некоего блестящего материала и закрывающего даже ступни, поверх же — дырявая арабская накидка, такую могли бросить за непригодностью местные бомжи. Сперва я принял его за циркового акробата. Но потом вспомнил, что цирк в город не приезжал.

Камю покрутил в голове услышанное. Нет, это не мог быть

никто из его знакомых.

Поблагодарив Селеста, он сложил записку, спрятал ее в карман, расплатился по счету и вернулся в свой кабинет.

Остаток дня прошел в коматозном тумане. Камю осушил бессчетное количество чашек кофе, на автопилоте разбираясь с бумагами, текшими через его стол непрерывным потоком. Но даже слоновья доза кофеина не могла развеять ступора, охватившего Камю после получения записки от незнакомца. Один раз по телеинтеркому прорезался Мерсо. Генерал-губернатор желал удостовериться в том, что его коллега из Французского Конго доставит на праздник всех обещанных туземок в полном составе. Мерсо питал слабость к нубийкам. Камю обещал проверить.

В восемь часов Камю распрощался со своей верной секретаршей (трудоголичка ему под стать) и покинул дворец. Несколько остановок на трамвае, пересадка, еще несколько остановок — и вот перед ним знаменитый Падовани.

Огромный деревянный дансинг на взморье стоял у опушки тамарисковой рощи. Своей открытой, с множеством навесов стороной постройка выходила к морю, и свежий бриз продувал ее из конца в конец. Когда сгущались сумерки, танцзал заливало фиолетовое сияние лучевых светильников с круглыми стеклянными абажурами. (Определенным образом модулированные N-лучи можно было передавать по медным проводам, в точности как электричество.) К Падовани беззаботной рекой стекались парочки и одинокие мужчины и женщины всех сословий. Изнутри доносилась музыка — цыганские напевы, популярные с недавних пор во Франции. Камю подивился было, почему любопытный «джаз», слышанный им на приеме в американском посольстве, так и не прижился нигде в мире за пределами США, но тут же вспомнил райнбековскую тираду о культурной гегемонии Франции; это все объясняло.

Внутри Камю подошел к стойке бара и заказал пастис, а к нему — блюдечко оливок и турецкого гороха. Рассеянно выпивая и закусывая, он размышлял, как ему найти автора записки. Если незнакомец останется в прежнем наряде, он будет резко выделяться из толпы и сразу привлечет внимание. Но едва ли, подозревал Камю, встреча произойдет столь публично.

В течение часа Камю развлекался тем, что изучал танцоров. Их профили опять и опять проплывали мимо с упорством бумажных силуэтов на патефонной пластинке. Вид любой женщины, даже самой что ни на есть дурнушки, кружащейся в объятиях партнера, отдавался в сердце Камю болезненным уколом. На романтическом фронте он не мог похвастать ничем.

Его мужские нужды удовлетворяли визиты к безликим портовым шлюхам да недолгие романчики с сослуживицами из департамента.

Наконец терпение Камю истощилось. Он допил третий пастис и вышел пофланировать на веранду, зажатую, будто створками раковины, между небом и морем.

Там его и дожидался посторонний — точно такой, каким его описывал Селест, на скамейке в темном углу для влюбленных парочек.

Голос незнакомца звучал расслабленно и вместе с тем будоражаще. Полуприкрытые глаза его не позволяли судить об эмоциях, однако морщинки в углах губ намекали на ироническую усмешку.

— Ах, друг мой Альбер, а я все гадал, как скоро вы пресытитесь этим парадом тщеславия и почтите меня своим визитом.

Камю подошел к незнакомцу, но садиться рядом не стал.

— Вы меня знаете. Откуда?

— О Альбер, в моих краях вы изрядная знаменитость. Я бы даже сказал — международного масштаба.

— Не издевайтесь надо мной, мсье. Я обычный госслужащий, а не центрфорвард премьер-лиги или кинозвезда.

— А разве я говорил именно об этих занятиях? Сомневаюсь. Нет, ваша известность несколько иного рода.

Камю предпочел не углубляться в этот явно безнадежный вопрос.

— «Ваши края» — это где именно?

— Очень близко и в то же время очень далеко.

— Если не желаете удостоить меня разумным ответом, — раздраженно сказал Камю, — соблаговолите хотя бы держать ваши абсурдные парадоксы при себе. Вы призвали меня сюда, пообещав изменить всю мою жизнь. Признаюсь, ваши слова нашли во мне отклик, поскольку я ощущаю себя в безнадежнейшем тупике. Поэтому будьте так добры озвучить ваше предложение, дабы я мог рассмотреть его.

— Вот это прямота! Вижу, ваша репутация человека, зрящего в самую суть вещей, ничуть не преувеличена. Хорошо, друг мой, слушайте. Если вы спуститесь на пляж и пройдете к северу примерно полкилометра, то обнаружите спящего в дюнах человека. Выглядит он как обычный оборванец-араб, однако на самом деле это испанец и опытный убийца. Он долго добирался сюда из Альхесираса через Марокко и планирует убить вашего императора, когда тот прибудет с визитом. У него хорошие шансы на успех: в своем деле он настоящий талант и к тому же

имеет высокопоставленных французских покровителей.

Будто длинное тонкое лезвие пронизало Альберов лоб, разливая в мозгу оцепенение.

— Допустим, все так, как вы говорите. И что же мне, по-вашему, делать? Сообщить в надлежащие органы? А почему бы вам не обратиться к ним самому?

— Да нет, это было бы совершенно неинтересно, — брезгливо махнул элегантной тонкопалой ладонью незнакомец. — Чересчур прямолинейно и откровенно заурядно, на мой вкус. Видите ли, я ценитель случайности, выбора и характера. Тем ближним, которые, на мой взгляд, этого заслуживают, я предоставляю возможность экзистенциальным поведением изменить их собственный мир. Вот и вы такой человек, в переломное время и в переломном месте. Можете гордиться, это редкая привилегия.

Камю попытался мыслить спокойно и рационально. Однако следующие его слова отдавали полным безумием:

— Значит, вы из будущего.

Незнакомец от души расхохотался:

— Почти угадали! Но все же не совсем. Скажем так: я живу в одном с вами арондисмане мультиверсума.

Камю задумался над услышанным, вынужденный переосмыслить само представление об устройстве вселенной. Наконец он решился на вопрос, да и тот вышел оборванным:

— И в этом мультиверсуме правит?..

— Никто. Мультиверсум ко всем нам благосклонно безразличен. Что делает наши собственные поступки еще более весомыми и восхитительными, не правда ли?

— Именно так я всегда и думал, — кивнул Камю, — но понял это лишь сейчас.

— Ну разумеется.

— Но не могли бы вы хоть намекнуть на возможные последствия? Мол, если я поступлю так-то, мой мир процветет, а если наоборот — провалится в тартарары?

Незнакомец издал раскатистый смешок:

— Я что, похож на пророка? Могу сказать одно, Альбер: в обоих случаях перемены неизбежны.

Камю с минуту поразмышлял над этим неудовлетворительным ответом, прежде чем поинтересоваться:

— У вас найдется для меня что-нибудь, если я решусь принять этот вызов?

— Естественно.

Из-под своей дырявой накидки незнакомец извлек странный пистолет, какого Камю никогда не приходилось видеть.

— Действует он очень просто. Надо нажать на этот рычажок,

и всё.

— Теперь я должен побыть один, — произнес Камю, взяв пистолет.

— Отлично вас понимаю. Такие поступки подготавливаются в безмолвии сердца, подобно произведениям искусства.

Незнакомец поднялся, будто собираясь уходить. Но в последнее мгновение помедлил, обернулся и достал откуда-то книгу:

— Возьмите еще и это. Удачи вам.

В рассеянном фиолетовом свете, проникавшем на веранду из танцзала, Камю разобрал отпечатанное крупными буквами название: «Миф о Сизифе».

Имя автора он как-то уже угадал.

Когда незнакомец ушел, Камю посидел некоторое время в одиночестве на скамейке. Потом спустился на пляж и зашагал по песку на север с книгой и пистолетом.

В точном соответствии с указаниями он обнаружил среди дюн спящего. Тот лежал на боку, ладони под голову. С грохотом набегавшие на берег волны буравили череп Камю, словно безумная колыбельная. Погруженный в тень иберийский профиль спящего напомнил Альберу о его матери Катерине, хвалившейся испанскими предками; сын унаследовал ее кровь.

Камю пришло в голову, что он спокойно может развернуться и уйти и больше не думать обо всей этой сумасшедшей ночи. Его жизнь потечет по-прежнему, а любые события в окружающем мире произойдут без его, Альбера, вмешательства. Но не будет ли такое бездействие тоже своего рода выбором? У него промелькнула мысль, что выстрелить или не выстрелить — в данном случае по сути одно и то же.

Убийца пошевелился — но не проснулся. Камю крепче стиснул рукоятку пистолета. Каждый нерв в его теле гудел стальной пружиной.

Прошла секунда. Потом другая. И еще секунда. И не было способа их остановить.

От переводчика

В этом рассказе не случайно абсолютно все, от имен второстепенных персонажей до мельчайших подробностей. Да, родившийся в Алжире Камю учился не в парижской Национальной школе управления, а на историко-философском факультете университета Алжира, и открывшийся в студенческие годы туберкулез поставил крест на его карьере. Но его отец

Люсьен Камю действительно воевал на Марне (и там погиб). Совершенно реален и профессор Рене-Проспер Блондло (1849–1930), «открывший» в университете Нанси пресловутые N-лучи, которые наделали в 1903 г. немало шума, но вскоре Роберт Вуд, известный американский физик и химик, доказал чисто субъективную природу наблюдавшихся Блондло явлений; эпизод с подменой призмы также имел место — хотя и, разумеется, с ровно противоположным исходом, чем описан у Ди Филиппо. Симона Гиэ, ставшая в рассказе секретаршей Камю, в действительности была его первой женой, актрисой и морфинисткой; поженились они в 1934 г., брак их продолжался меньше года. «Генерал-губернатор» Мерсо — не кто иной, как протагонист «Постороннего»; из этой же повести Камю Ди Филиппо позаимствовал ресторатора Селеста и центральный эпизод убийства спящего в дюнах араба. Существовал и дансинг Падовани, описанный Камю в автобиографическом эссе «Лето в Алжире»: «В Падовани, квартале бедноты, на взморье каждый день открыт дансинг. И в этом огромном ящике, одной стороной выходящем на море, до ночи танцует молодежь. Часто я жду здесь одной особенной минуты. Весь день окна затенены наклонными деревянными щитами. После захода солнца щиты убирают. И зал наполняется странным зеленоватым светом, который отбрасывает двойная раковина моря и неба. Когда сидишь в глубине, подальше от окон, видишь только небо, и по нему опять и опять китайскими тенями проплывают мимо лица танцующих. Порой звучит вальс, и тогда черные профили на зеленом кружат с упорством бумажных силуэтов на патефонной пластинке» (пер. Н. Галь). Ди Филиппо обильно цитирует это эссе — см., в частности, пассажи о ледяном лимонаде, приправленном настоем апельсинового цвета, и родной земле, распахнутой небу, словно рот или рана. Ну а предпоследняя реплика незнакомца — «Такие поступки подготавливаются в безмолвии сердца, подобно произведениям искусства» — это парафраз из «Мифа о Сизифе»: «Самоубийство подготавливается в безмолвии сердца, подобно Великому Деянию алхимиков» (пер. А. Руткевича).

Пол Мелко
Триединство

Пол Мелко, еще мало знакомый читателям, печатался в различных изданиях, в том числе в таких как «Realms of Fantasy», «Live Without a Net», «Asimov's Science Fiction», «Talebones», «Terra Incognita». Один его рассказ вошел в двадцать первый сборник «The Year's Best Science Fiction».

В удивительной, причудливой истории, которую мы приводим ниже, автор утверждает: если каждый раз, когда мы принимаем решение, рождается новая вселенная, все-таки имеет значение, какое именно решение мы примем…

Мы не сразу понимаем, что это человеческое лицо. Щека и бровь багровые, один глаз заплыл. На носу — запекшаяся кровь, на губах — кроваво-черные волдыри, рот заклеен скотчем, который почти сливается с бледной кожей жертвы.

То, что мы видим, поначалу не воспринимается как лицо. Не ожидаешь, что кто-то будет выглядывать из-за водительского сиденья. Что человеческое лицо вообще может быть вот таким.

Итак, сначала мы не понимаем, потом один из нас сообразил, и все мы смотрим.

Для некоторых из нас грузовик уже не здесь, и у нас ноги как будто примерзли к земле от недавно увиденного. Улица напротив книжного магазина пуста, если не считать двух-трех пешеходов. Теснистая улица не вздрагивает под колесами грузового полуприцепа, и его дизельный мотор не будоражит благостный весенний воздух.

В других измерениях грузовик как раз напротив нас или только подъезжает к магазину. Где-то он красный, где-то синий, а в других случаях черный. В том измерении, где девушка смотрит на нас из-за стекла, грузовик бордовый с металлическим отливом, и на дверях кабины белыми буквами выведено: «Барон».

Только в одном измерении девушка высовывает свое разбитое лицо с заклеенным ртом и останавливает на мне взгляд того глаза, что не заплыл. Только там Барон протягивает руку и заталкивает девушку назад. В этом измерении Барон видит меня, но на его крупном лице и в карих глазах ничего не отражается.

Грузовик замедляет ход, и тут обстоятельства складываются так, что тот я, который стоит у магазина, исчезает из нашего

сознания.

* * *

Нет, я не использовал свои феноменальные способности на благо человечества. Я пользовался ими, чтобы красть интеллектуальную собственность людей, пребывающих в одном времени, и выдавать ее за свою в другом. Используя свое удивительное дарование, я заимствовал песни и рассказы и печатал их под своей фамилией в тысяче других измерений. Я не предупреждал полицию о нападении террористов, пожарах и землетрясениях. Я даже не читаю газет.

Я жил в городе, который одни называют Делавар, другие — Фоллет, третьи — Минго, но всегда в том доме, что на пересечении улиц Уильямс и Рипли. В достаточно просторном доме, перед которым иногда росла сосна, иногда клен, и жил я там скромно, записывая песни, которые слышал по радио в других измерениях, и печатая истории, которые прочитал в каком-нибудь другом времени.

* * *

В тех измерениях, где грузовик уже проехал мимо нас, мы смотрим на его номерной знак — он в рамочке из серебристых голых женщин — и не знаем, что нам делать. Где-то поблизости есть телефонная будка, может, на этом углу, может, на том. Можно позвонить в полицию и сказать…

Сказать: мы однажды видели девушку, но тот момент для нас уже в прошлом. Откуда мы знаем, что в каком-то из этих грузовиков есть девушка с заклеенным ртом и завязанными руками? Мы как-то видели ее.

Некоторые из нас усматривают в этих логических рассуждениях не что иное, как трусость. Мы уже прибегали к подобным уловкам. Мы знаем, что существует бесконечное число вероятностей, но наше совместное существование строится на огромном многомерном распределении вероятностей. Если мы видели девушку в одном измерении, возможно, что она присутствовала в бесконечном количестве других измерений.

И, полагаю, она была вне опасности в таком же количестве иных миров.

Те из нас, мимо кого грузовик уже проехал, видят, что мы в своем большинстве ступаем на проезжую часть и идем в

кондитерскую на противоположной стороне улицы. Лишь мизерная часть отправляется на поиски телефона, и они отрываются от нас, отсекаются своим выбором от нашей совокупности.

* * *

Я, точнее, мы — всеведущи, хотя иногда и ошибаемся. Я могу разыграть из себя ясновидца у кого-нибудь в гостях: мой двойник в это время откроет конверт и прочитает, что там написано, так что все собравшиеся будут поражены. Обычно мы попадаем в точку. Один из нас переворачивает верхнюю карту, а остальные называют, какая именно это карта. Червонный туз, трефовая четверка, трефовая десятка. Мы можем отгадать все пятьдесят две карты или пусть только пятьдесят.

Мы можем избежать несчастного случая, ссоры, наезда — по крайней мере, большинство из нас уходят от них. Возможно, один из нас принимает удар на себя за всех остальных. Один из нас получает удар или замечает занесенный кулак, так что остальные из нас успевают переместиться в другое измерение.

* * *

Грузовик сотрясается, переключаясь на другую скорость, и прокатывает мимо некоторых из нас. Барон, Билл, Тони, Ирма выглядывают на нас из окна или не выглядывают, и машина проходит мимо нас. Прицеп дюралевый. Всегда.

Я чувствую, что мы в замешательстве. Еще никогда от нас не откалывалась такая большая часть самих себя. Решение позвонить по телефону убавило нас на шестую часть. Оставшиеся колеблются, не зная, что предпринять.

Другие из нас запоминают номер на полуприцепе Барона, тоже уходят искать телефон и исчезают.

* * *

В детстве у нас был котенок по имени Кокосик. Во всех измерениях у него была та же кличка. Он любил лазить по деревьям и иногда не мог спуститься обратно на землю. Однажды он забрался на самую вершину клена перед домом, и мы догадались, что он там наверху только по его истошному

мяуканью.

У отца не было желания лезть на дерево.

— Сам сумеет как-нибудь, ну или…

Мы ждали под деревом до темноты. Мы знали, что, если полезем наверх, это кончится падением. Некоторые из нас пробовали, и потерпели неудачу, и исчезли, сломав себе руку, ногу, кисть или даже шею.

Мы ждали, даже на ужин не пошли. Вместе с нами там были соседские дети, одни потому, что любили Кокосика, а другие затем, чтобы чем-нибудь развлечься. В конце концов поднялся ветер.

Мы увидели, как один Кокосик упал, задевая темно-зеленые листья, и сломал шею о тротуар в нескольких шагах от нас. Нам стало жалко его до слез, но остальные из нас тем временем сновали, вытянув руки, и мы поймали котенка на лету и опустили мягко на землю.

— Как это у вас получается? — спросил кто-то в миллионе измерений.

Я понял тогда, что я не такой, как все.

* * *

Мы отступаем на тротуар и ждем, когда грузовик проедет мимо, ждем, чтобы увидеть номерной знак и потом позвонить в полицию, не называя себя. У полиции будет возможность остановить Барона, перегородив дорогу. Они смогут перехватить его на выезде, в нескольких километрах от города на 23-й автостраде. Если они поверят нам.

Если Барон не убьет девушку до этого. Если она еще не убита.

У меня все внутри переворачивается. Не хочется думать о том ужасе, который пережила девушка, который сейчас переживает.

Сообщить в полицию номерной знак — этого будет мало.

Мы выходим на проезжую часть и машем рукой, чтобы Барон остановился.

* * *

Когда-то мы встречались с женщиной, красивой женщиной, чьи каштановые волосы падали до пояса. Мы встречались несколько лет, и в конце концов состоялась помолвка. В одном из измерений, только в одном, она начала меняться, стала раздражительной, затем чересчур восторженной, потом просто

пустой. Остальные из нас наблюдали с ужасом, как однажды она замахнулась на нас ножом, — только в одном измерении, тогда как в миллионе других случаев она сострадательно дотаскивала нашу икающую плоть прочиститься над кухонной раковиной.

Она не могла понять, почему я расторг помолвку. Но ведь она не знала всего, что знал я.

* * *

Грузовик сотрясается от резкого торможения. У Барона слетают наушники с мини-микрофоном и ударяются о ветровое стекло. Он вцепился в рулевое колесо, так что мускулы вздулись от напряжения.

А мы, бросив продуктовую сумку на обочине, стоим на его пути, мы медленно поднимаем и опускаем руки — вперед и назад.

В каком-то небольшом количестве измерений грузовик со своим тракторным прицепом расплющивает нас, и мы потрясены моей смертью. Но мы знаем, что его привлекут за это. Наверно, за неумышленное убийство пешехода, и тогда они обнаружат девушку. Однако почти во всех случаях тягач Барона замирает в нескольких дюймах он нас, в нескольких футах.

Мы смотрим поверх хромированного радиатора и женской головы, украшающей капот, словно на старинном океанском паруснике, и встречаемся взглядом с Бароном.

Он тянет руку вверх и пускает в ход клаксоны на крыше кабины. Мы зажимаем уши руками, и в нескольких измерениях мы отступаем, оглушенные, на тротуар, очищаем дорогу, и Барон врубает первую передачу и катит с грохотом дальше. Но обычно мы остаемся, стоим на месте.

* * *

Какая разница, кого выбрали президентом или кто выиграл Большой шлем. В целом для каждого из нас это был один и тот же мир, так что мы существовали совместно, накладываясь один на другого, словно стопка из каждого по отдельности, живущих вместе в карточной колоде.

Каждое решение, которое создавало чуточку новое измерение, создавало и нашего нового двойника, еще одного из почти бесконечного числа моих отражений, и он пополнял еще одной крупицей наш ум и наши знания.

Мы не были богом. Один из нас как-то решил, что стал богом, и вскоре его не стало с нами. Он не мог не разгласить нашу тайну. Нас это не испугало. Кто поверит ему? Теперь, когда он пребывал в одиночестве — ведь из всех нас могло быть не больше двух-трех, кто бы так возомнил о себе, — остальным было не о чем беспокоиться.

Между нами пролегло множество миров.

* * *

Наконец клаксоны умолкают; уши заложило, но, подняв глаза, мы видим, что Барон ругается в нашу сторону. Мы не слышим слов, но угадываем по его губам «так твою мать» и «сукина сына». Отлично. Нам и нужно, чтобы он взбесился. Чтобы завести его, мы отвечаем непристойным жестом.

Он наклоняется, лезет рукой под сиденье. Он похлопывает разводным ключом по ладони. Дверь кабины открывается, и он соскакивает на землю. Мы стоим и ждем.

Барон — крупный субъект, весит килограммов сто двадцать и ростом под два метра. Он отрастил живот, но грудь и шея — сплошные мышцы. Черные баки украшают его физиономию, или же он чисто выбрит, или у него усы. Но в каждом измерении его тусклые глаза взирают на нас, как будто мы корова, а он мясник.

Я хрупкого телосложения, во мне семьдесят килограммов и сто семьдесят сантиметров, но когда он замахивается гаечным ключом, мы ускользаем от удара, как будто зная, куда он упадет. Мы и в самом деле знаем, так как в сотне других случаев ключ раскалывал нам череп, этого достаточно, чтобы точно знать, куда он метит.

Он замахивается, а мы снова увертываемся, и еще два раза, и каждый раз несколько наших двойников приносятся в жертву. Нам вдруг становится не по себе от этих потерь. Мы вмещаем сознание всех миллионов себя самих. Но каждый из нас, кто умирает, — это осязаемый миг, утраченный навсегда. Каждая смерть умаляет меня.

Нам больше нельзя полагаться на полицию. Мы должны спасти как можно больше самого себя.

Мы снова увертываемся и уклоняемся от ударов: благодаря своим жертвам мы танцуем вокруг него, как будто он партнер, с которым мы упражнялись в паре тысячу лет. Мы забираемся по ступенькам, проскальзываем в кабину, захлопываем дверь и защелкиваем замок.

* * *

Во мне соединяются все мои двойники. Я могу мыслить сразу на миллион ладов. Если возникает затруднение, все упирается в то, чтобы выбрать лучшее решение из всех, которые я когда-либо принимал. Я не вижу прошлого или будущего, но я вижу настоящее миллиардом глаз и выбираю самый безопасный путь, тот, благодаря которому я сохраню большую часть самого себя.

Все мои составляющие удивительным образом дублируют друг друга.

* * *

В тех измерениях, где кабина оказывается пустой, мы тихо дожидаемся, когда приедут полицейские, сочиняя для них более-менее правдоподобное объяснение, а Барон тем временем прожигает нас взглядом снаружи. Этот вариант уступает место другой картине, где за сиденье засунута связанная девушка, ее кисти туго перетянуты проволокой, а рот заклеен липкой лентой.

В некоторых случаях она мертва, у нее лицо багровое от синяков и ожогов. В других случаях она жива, в сознании и следит за моими движениями воспаленными голубыми глазами. В кабине запах людей, которые очень долго находились вместе, запах совокуплений и крови.

В тех измерениях, в которые Барон увез и изнасиловал эту молодую женщину, он отнюдь не бездействует, стоя на тротуаре: он разбивает окно кабины ударом гаечного ключа.

Внутри кабины не увернешься, так что второй удар приходится мне в голову; череп раскалывается, и я понимаю, что стал одним из принесенных в жертву, одним из тех, кто поплатился жизнью, чтобы остальные из нас спаслись. Но затем я соображаю, что этот удар получили большинство из нас. Всего лишь нескольким удалось уклониться от гаечного ключа. Остальные валятся на спину и отпинывают руку Барона, которая просовывается, чтобы открыть дверь кабины изнутри. Его кисть проскребает по обломкам стекла, он вскрикивает, но все же ему удается отжать запорное устройство.

Я отползаю по сиденью, яростно отбиваясь от него пинками. Здесь у меня нет выбора, и все мы бьемся за свою жизнь, которую можем потерять.

После только одного удара не стало половины из нас. Второй удар уносит треть оставшихся. Вскоре у меня мутнеет в голове. Нас осталось тысяч десять, наверно слабо соображающих.

Всеведению пришел конец.

Удар обрушивается, и я приваливаюсь без сил к дверце кабины. Я стал просто собой. Только я один. С пустотой в голове.

Я не в силах пошевелиться, а Барон уже обматывает мои запястья и ноги проволокой. Он делает это кое-как — ему хочется уехать, убраться с середины Теснистой улицы, — но этого вполне достаточно, чтобы я превратился в беспомощный куль на полу в ногах пассажирского сиденья. Перед носом у меня наполовину съеденный гамбургер и банка лимонаду. Моя щека ездит по мелким камешкам и кускам грязи.

Я остался один. Остался только я, и то в полуобморочном состоянии. Мысли ворочаются как в засахаренном меде. Я потерпел неудачу. Мы все потерпели неудачу и теперь умрем, как та бедная девушка за сиденьем. В одиночестве.

Мой взгляд перемещается, теперь я вижу кабину из-за головы Барона, с лежака. Я соображаю, что смотрю теперь глазами своего двойника, которого избили и бросили за сиденье на лежак. Этот двойник умирает, но я вижу его глазами, пока он истекает кровью. На какое-то время два наших измерения сливаются в одно.

Его взгляд опускается, и я обнаруживаю нож, охотничий нож с зазубренным лезвием, бурый от крови. В его измерении нож упал под правое сиденье, то сиденье, к которому я прижимаюсь спиной.

Руки связаны у меня за спиной, и я проталкиваю их как можно дальше под сиденье. Но дотянуться не могу из-за своего скрюченного положения. Взгляд моего двойника остановился на ноже, рядом с тем местом, где должны быть мои пальцы. Только у меня нет полной уверенности, что нож существует в том же времени, что и я. Наши измерения снова расслоились. Сделанный выбор удалил меня далеко от тех из нас, кто пьет сейчас кофе с глазированными булочками через дорогу от книжного магазина.

Барон смотрит сверху вниз на меня, ругается. Он пинает меня и заталкивает глубже под сиденье. Что-то кольнуло мой палец.

Я ощупываю осторожно предмет. Это нож.

Требуются какие-то движения, чтобы подтолкнуть нож, и вот он зажат в моей руке, торчит, будто шип на спине стегозавра. Я порезался, чувствую, как рукоять становится скользкой. Я вытираю ладонь о шершавый коврик и снова вкладываю в нее нож.

Я жду, когда Барон начнет делать правый поворот, и тогда я поджимаю колени, перекатываюсь на грудь и делаю рывок — спиной вперед, с острием, направленным в Барона.

В том единственном измерении, в котором я существую, нож

вонзается ему в бедро.

Грузовик отскакивает от какого-то препятствия на дороге, меня толкает еще сильнее на Барона. Он вопит, ругается и хватается рукой за бедро.

Он сбивает меня на пол ударом кулака.

Он дает волю своей злобе, но грузовик во что-то врезается на полном ходу, и Барона швыряет на рулевое колесо.

Он так и висит на руле, потеряв сознание, и тут женщина выбирается сзади, наваливается всем телом на рукоять ножа, который вонзился в него, и распарывает ему ногу, перерезая вену или артерию.

Я лежу в крови Барона, пока не появляется полиция. Я снова один, а того из нас, который заметил нож под сиденьем, больше нет.

* * *

Девушка пришла проведать меня, когда я отлеживался на больничной койке. Моя особа привлекала всеобщее внимание, врачи и сестры были чрезвычайно любезны. И не только из-за событий, которые развернулись на улицах их городка, но и потому, что я оказался известным автором таких популярных песен, как «Любовь — это звезда», «Вперед, романтики» и «Мускусная любовь». Стали достоянием гласности все злодейства Барона и его зловещая лаборатория в родном Питсбурге, и это прибавило интереса к моей личности.

Похоже, девушка оправилась от потрясений чуть быстрее меня, теперь ее лицо было лицом, тело и душа пришли в норму. Она сильнее меня, я почувствовал это, увидев ее улыбку. Мои телесные раны заживали — порезы на запястьях и ногах, раздробленная кость в предплечье. Но из-за нарушенного сознания я оставался в тупом, надломленном состоянии.

* * *

Я слушал музыку по радио, песни других композиторов, продолжая гадать, у скольких из нас не оказалось под рукой ножа, сколько из нас не спаслись. Может, только я один, побывав в кабине грузовика, вышел из нее живым. Может, только я один спас женщину.

— Спасибо, — сказала она. — Спасибо за все, что вы сделали.

Я начал рыться в памяти, подыскивая ответные слова, что-

нибудь остроумное, вежливое, небрежное… но в памяти присутствовал только я сам.

— Э-э… пожалуйста.

Она улыбнулась и сказала:

— Вас могли убить.

Я отвернулся. Она не могла знать, что меня действительно убили.

— Ладно, извините за беспокойство, — сказала она торопливо.

— Послушайте, — сказал я, удерживая ее. — Извините, я не… — Я хотел извиниться за то, что спас только часть ее. За то, что не прикончил как можно больше Баронов. — Извините, что я не пришел на помощь раньше.

Это прозвучало нелепо, и я почувствовал, что краснею.

Она улыбнулась и сказала:

— Хорошо, что не позже.

Она наклонилась, чтобы поцеловать меня.

Я сбит с толку, чувствуя, как ее губы чуть касаются моей правой щеки и также левой, и также чувствую третий легкий поцелуй на своих губах. Я смотрю на нее с трех точек, это слегка смещенный триптих, и тут мне удается улыбнуться, сразу тремя улыбками. И засмеяться — в три голоса.

Мы спасли ее, по крайней мере, один раз. Этого достаточно. В одном из трех измерений, в которых мы пребываем, женский голос по радио выводит бойкую мелодию. Я начинаю записывать слова той рукой, которая не покалечена, затем откладываю ручку. Хватит этого, решаем мы — все трое. Теперь нужно заняться чем-то другим, решаться на что-то другое.

Уолтер Йон Уильямс
Инвесторы

Уолтер Йон Уильямс родился в Миннесоте, а сейчас живет в Альбукерке, штат Нью-Мексико. Его рассказы часто появляются в «Asimov's Science Fiction», а также в «The Magazine of Fantasy & Science Fiction», «Wheel of Fortune», «Global Dispatches» и других журналах, кроме того, вышли сборники «Грани» («Facets») и «Франкенштейн и другие иностранные дьяволы» («Frankenstein and Other Foreign Devils»). Он автор романов «Посол прогресса» («Ambassador of Progress»), «Ходы рыцаря» («Knight Moves»), «Оголенный нерв» («Hardwired»), «Бриллианты имперской короны» («The Crown Jewels»), «Зов смерча» («Voice of the Whirlwind»), «Черепичный дом» («House of Shards»), «Дни искупления» («Days of Atonement»), «Аристой» («Aristoi»), «Мегаполис» («Metropolitan»), «Город в огне» («City on Fire»), большого триллера-катастрофы «Трещина» («The Rift») и повести «Судьба» («Destiny's Way») в серии «Стартрек». Последние его работы открывают заявленную им космическую оперу «Падение империи ужаса» («Dread Empire's Fall»): «Праксис» («The Praxis») и «Разделение» («The Sundering»). В 2001 году он получил давно заслуженную премию «Небьюла» за рассказ «Мир папочки» («Daddy's World»). Его рассказы вошли в шестой, девятый, одиннадцатый, двенадцатый, четырнадцатый, семнадцатый и двадцать первый сборники «The Year's Best Science Fiction». Здесь он представляет сложную и захватывающую повесть, герои которой оказываются в смертоносной паутине интриг, заговоров и предательств и вдобавок сталкиваются с проблемой, которой не предусматривали самые коварные и дальновидные заговорщики.

* * *

Машина неслась на юг сквозь теплые сумерки субтропиков. Справа серебристым призраком мелькали излучины Рио-Хондо. Пока лейтенант Северин держался шоссе, наемная машина, лучше его знавшая Ларедо, сама заботилась об управлении, так что

Северину оставалось только лениво разглядывать в окно толстые, обвитые лианами стволы деревьев кавелла, ярких тропических птиц да виднеющийся иногда на реке буксир, с глухим рокотом тянувший свой груз к Пунта Пиедра. Над головой, по сторонам блестящего кольца ларедского ускорителя, начали проступать звезды. Серебристая река покраснела, отражая закат.

У поворота машина предостерегающе загудела, и Северин взял на себя управление, свернув с шоссе. Он проехал туннель и оказался на длинной прямой аллее, окаймленной дубами. Их изогнутые ветви протянулись над головой лапами сказочного чудовища. Машина пронеслась мимо нескольких декоративных арок из кованого железа, разукрашенных копьями и гербами. В каждом проеме арки был подвешен фонарь в виде слезы. Фонари чуть освещали дорожку. За аркадой открылся большой дом: три этажа с верандами, выкрашенные в цвет рыжей ржавчины с белыми бордюрами. Дом был залит светом.

На верандах и на лужайках под окнами прогуливались гости. Все в деловых костюмах, и Северин начал надеяться, что не будет слишком выделяться в своем неплохо сидящем мундире. Северин предполагал, что все гости, кроме него, здесь были пэрами, — сословие, которое победившие Шаа поставили над человечеством и прочими побежденными видами. По рождению Северин не принадлежал к этому классу, но был почти принят в него.

В начале последней войны Северин служил уорент-офицером разведки — высшие чины были закрыты для простолюдинов. За военные заслуги он получил звание лейтенанта и неожиданно для себя оказался в среде, столь же далекой от него, как звезды над кольцом Ларедо.

Он остановил машину перед домом, и дверца откатилась вверх, превращаясь в крышу. Висящий в воздухе табачный дым образовывал странную смесь с тропическими ароматами. Пара слуг, один — терран, вторая — торминель, поспешили из дому ему навстречу. Большие ночные глаза торминели были скрыты огромными темными очками.

— Вы лейтенант Северин? — обратилась к нему торминель, аккуратно выговаривая слова сквозь длинные клыки.

— Да.

— Добро пожаловать на Рио-Хондо, милорд.

Лордом Северин не был, но так из вежливости обращались ко всем офицерам, тем более что почти все они были пэрами. Северин уже привык.

— Благодарю вас. — Он вышел из машины и остановился. — Мой багаж?

— Блист отнесет его, милорд. Я позабочусь о машине. Прошу

вас, пройдите в дом. Или вы предпочли бы, чтобы я объявила о вашем прибытии?

Лейтенант представил себе, каким натянутым, недоуменным молчанием будет встречено такое объявление, и с улыбкой отказался:

— Благодарю, не нужно.

Он поправил голубую форменную куртку и прошел по брусчатке к дому. Наверно, размышлял он, надо было взять с собой ординарца, но он слишком долго прослужил в нижних чинах и привык сам заботиться о своих вещах, так что его ординарцу редко находилось дело. Поэтому вместо того чтобы взять парня с собой, Северин отправил его в отпуск. Почистить себе форму и ботинки он мог и сам — в любом случае он обычно справлялся с этим безо всякой помощи.

Каблуки его ботинок застучали по полированным плиткам из астероидного камня, выстилавшим пол веранды. Кто-то отделился от общества и подошел к нему. Северин не сразу узнал хозяина: ему до сих пор не приходилось лично встречаться с флагман-капитаном, лордом Гаретом Мартинесом.

— Лейтенант Северин, не так ли?

— Да, лорд капитан.

Мартинес улыбнулся и крепко пожал ему руку:

— Рад наконец увидеть вас!

Мартинес был высок, с широкими плечами, длинными руками и крупными ладонями. Волнистые темные волосы и густые темные брови. На зеленой с голубым флотской форме блестел диск Золотой Сферы — высшей награды империи.

Во время войны Мартинесу и Северину случалось оказывать друг другу услуги, и Северин подозревал, что своим продвижением в офицеры обязан именно Мартинесу. Они общались уже не первый год, но до сих пор только через электронные средства связи.

Мартинес был уроженцем Ларедо, сыном лорда Мартинеса, старшего из местных пэров. Вернувшись в родной мир, он услышал, что Северин базируется на Ларедском Кольце, и пригласил его погостить у себя несколько дней.

— Боюсь, что вы опоздали к обеду, — продолжал Мартинес. — Мы весь вечер провели за столом. Утешайтесь тем, что вам не пришлось выслушивать речи.

В его речи слышался густой ларедский акцент — примета провинциала, которая, как подозревал Северин, оказывала ему дурную услугу в столичных гостиных Заншаа.

— Сожалею, что пропустил вашу речь, милорд, — отозвался Северин. Его голос явственно выдавал принадлежность к

среднему классу.

Мартинес тяжело вздохнул:

— Еще услышите — я каждый раз повторяю одно и то же. — Он вскинул голову, принимая позу оратора. — Империя, направляемая Праксисом, поддерживает общественный порядок, дающий неограниченные возможности! — Он взглянул на Северина. — Вы надолго на планете?

— Думаю, примерно на месяц. «Разведчик» должен отправиться раньше «Титана», а они все еще загружаются водородом.

— А куда идет «Разведчик»?

— На Паркурст, через Чи. А может, и дальше… Спектр Паркурста указывает, что там могут оказаться две неизвестные червоточины, и мы собираемся их поискать.

Мартинес с уважением кивнул.

— Удачи вам. Может, Ларедо наконец из тупика межзвездных дорог превратится в богатый торговый порт.

Лейтенант в последнее время был доволен своей службой. Разведка, основанная, чтобы находить норы, стабилизировать их и через них проникать к новым системам, открывая неизвестные планеты и виды, за последнее тысячелетие правления Шаа выродилась. Великие Мастера утратили вкус к экспансии империи. Смерть последнего Шаа и последовавшая за ней война заставили Совет вернуться к политике экспансии, начав с Чи и Паркурста — двух систем, в которые можно было попасть через Ларедо и которые были уже двести лет как разведаны, но так и не были заселены.

Служба расширялась соответственно новым задачам, а это означало повышение жалованья, новейшие корабли и новое пополнение из молодых офицеров, попадающих под начало Северина. Служба в разведке после войны стала широким полем деятельности, сулившим открытия и приключения, и Северин — как офицер с военными заслугами — мог рассчитывать на открывающиеся возможности.

Из дома вышел терран с парой бокалов в руках. Он сильно напоминал Мартинеса, а одет был в темно-красный мундир лордов Совета — парламента из шестисот членов, управлявшего теперь империей вместо Шаа.

— Вот ты где, — заговорил он, протягивая Мартинесу бокал. Заметил Северина, замялся и предложил ему второй бокал. — Дельтависки?

— Спасибо. — Северин взял бокал.

— Лейтенант Северин, — проговорил Мартинес, — позвольте представить вам моего старшего брата Роланда.

Северин поклонился и перехватил стакан другой рукой, освободив правую для рукопожатия.

— Рад, что вы сумели к нам выбраться. Брат рассказывал о вас. — Роланд обернулся к Мартинесу. — Не забудь, что вам с Терцей сегодня предстоит партия тинго с лордом Мукержи.

Мартинес поморщился:

— Не мог найти кого-нибудь другого?

— Ты у нас герой, — усмехнулся Роланд, — так что твои деньги лучше других. Военным воспоминаниям с лордом Северином сможете предаться завтра, когда важные гости разъедутся.

Мартинес виновато взглянул на Северина:

— Прошу прощения. Эти господа связаны с «Чи Девелопмент Компани», так что из вежливости приходится им угождать.

«Чи Девелопмент Компани» обеспечивала все население планеты, и если важные гости вкладывали в нее капитал, Северин нисколько не сомневался в необходимости угождать им.

— Понимаю, — сказал он.

Роланд бросил взгляд на лейтенанта, заметил кого-то за его спиной и поднял бровь:

— А вот и Терца.

Обернувшись, Северин увидел на лужайке элегантную брюнетку в светлом платье. Она вела за руку трехлетнего мальчика и, улыбаясь, разговаривала со светловолосой беременной женщиной.

— Кассильда хорошо выглядит, — заметил Мартинес.

— Беременность ей к лицу, — отозвался Роланд.

— Наследники и состояние, — произнес Мартинес. — Чего еще желать человеку?

— Гибкости, — легкомысленно улыбнулся Роланд и отошел, чтобы помочь своей беременной жене подняться по лестнице.

Мартинес дождался их наверху и приветствовал брюнетку поцелуем.

Их представили. Брюнетка была леди Терца Чен, наследница клана Чен, принадлежавшего к высшей касте, и жена Мартинеса. Ребенок был Гарет-младший, светловолосая женщина — леди Кассильда Зыкова — по-видимому, не наследница, а просто богатая дама.

— Рад познакомиться, — произнес Северин.

— Спасибо, что сохранили мне мужа живым, — улыбнулась ему Терца. — Надеюсь, вы позаботитесь о нем и в дальнейшем.

Северин покосился на Мартинеса:

— По-моему, он и сам неплохо справляется.

Леди Терца была стройна, статна, обладала чудесным

удлиненным личиком. Она взяла Северина под руку.

— Вы поели?

— Перекусил в челноке.

Она потянула его к дверям.

— Это было давно. Позвольте, я покажу вам буфет. Познакомлю с гостями, а потом… — Она обернулась к мужу.

— Знаю, — кивнул Мартинес, — тинго с Мукержи.

Леди перевела взгляд на Северина:

— Вы не играете в тинго?

«Не стремлюсь к банкротству», — подумал тот.

— Нет, — ответил он вслух, — к сожалению, не играю.

* * *

Терца обеими руками сжала локоть Мартинеса и опустила голову ему на плечо.

— Пора уже тебе вернуться домой, — сказала она. — Я еще никогда не видела тебя с семьей.

Мартинес смотрел на нее.

— Теперь ты моя семья, — сказал он.

Терца, пока вынашивала сына, почти все время жила на Ларедо, но без него: шла война, Совет был вынужден бежать из столицы, и Мартинес участвовал в боевых действиях Флота. Потом, когда мятежники были изгнаны из Заншаа и война окончилась, семья воссоединилась в столице, купаясь в восторгах благодарного населения. Чи и Паркурст были открыты для поселенцев, и Мартинесу поручили патронировать их заселение. Роланда кооптировали в Совет.

Теперь, три года спустя, восторги утихли, а Мартинес из-за недоброжелательства штаба Флота не мог получить ни корабля, ни сколько-нибудь значительного поста. Терца была постоянно занята, совмещая работу в Министерстве прав и суверенитета с участием во всех столичных развлечениях: приемы, балы, концерты, выставки и бесконечная череда вечеринок. Мартинес все сильнее ощущал, что становится приложением к собственной жене, хвостом таскаясь за ней из дома в дом.

Выбор был суров: отправиться домой или сесть за мемуары. Описывать собственную жизнь, словно он старик, которому нечего предложить империи, кроме слов, — это было не для Мартинеса. Он организовал рейс на Ларедо большого транспорта «Вигун» и погрузил на него семью с домочадцами.

Заранее устроив себе назначение на пост лорда инспектора Флота Ларедо, Чи и Паркурста, он обеспечил формальное

оправдание своему отъезду. Назначение было одобрено мгновенно, и Мартинес живо представил себе, с какой радостью встретили в штабе Флота известие, что командор Мартинес наконец-то угомонился и принял ничего не значащий пост.

Впрочем, это назначение оставляло за ним право кое во что вмешиваться, появись у него к тому охота. Такое вмешательство позволяло ему убедить себя, что и после войны он еще имеет кое-какой вес.

— Флагман-капитан Мартинес! Леди Терца? Как насчет партии в тинго?

Мартинес решил, что ему пока не грозит забвение, во всяком случае до тех пор, пока кому-то нужен пятый игрок для тинго.

— Разумеется, лорд Мукержи, — отозвался он.

Лорд Мукержи был высоким сухопарым терраном с седой шевелюрой, длинными ухоженными усами, обладающим множеством связей. Ему предложили пост президента «Чи Девелопмент Компани», чтобы придать предприятию должный вес. Даже безумно богатому лорду Мартинесу было не по карману финансировать заселение двух новых миров, так что приходилось привлекать инвесторов со стороны. Следовало признать, что столичные пэры и финансисты больше верят в будущее инвестиций, когда открывающиеся возможности описывает знакомый голос без варварского ларедского акцента.

И лорд Мукержи, несомненно, оправдывал надежды. Едва он начал рекламную кампанию среди денежных мешков, инвестиции рекой потекли в сундуки компании. Влиятельные кланы пэров охотно брали на себя патронирование поселков, городов и даже целых предприятий. На заншааской бирже акции компании шли по высокой цене, а бонды ценились еще дороже.

Мартинес с Терцей уже заняли свои места, когда над столом склонилась высокая фигура.

— Вы знакомы с лордом Па? — спросил Мукержи.

— Мы виделись перед обедом, недолго.

Лорд Па Макфан принадлежал к лай-онам — расе нелетающих птиц — и был председателем частной компании, сделавшей чрезвычайно крупные вложения в развитие Чи. С высоты своего роста он окинул Мартинеса и Терцу взглядом страшноватых кроваво-красных глаз и оскалил крючковатые зубы в коротком клюве.

— Все лай-оны знают командора Мартинеса, — сказал он. — Он спас наш мир.

— Вы очень любезны, — кивнул Мартинес, и лорд Па опустил килевую кость груди на специально для него приготовленную табуреточку.

Его всегда радовало, когда люди не забывали об этой мелочи.

— Надеюсь, не заставила себя ждать. — Леди Марселла Зыкова поспешно уселась на свое место за столом.

Она приходилась двоюродной сестрой Кассильде, жене Роланда, и работала исполнительным директором «Чи Девелопмент Компани» — на это место ее продвинул клан Зыковых, чтобы следить за вложенными в дело деньгами. Это была очень маленькая, очень деловитая женщина, не старше сорока, с острым лицом и каштановыми волосами, небрежно стянутыми в узел на затылке. Усаживаясь, она рассеянно отряхивала жилет от табачного пепла.

— Так бросаем кости? — предложил лорд Мукержи.

Все игроки поставили по сотне на зенит. Бросили кости, и сдавать выпало Марселле. Она вложила колоду в тасовочную машинку и раздала всем по первой.

— Сбрасываю, — сказала Терца, сидящая справа от нее, и выложила на стол Три Добродетели.

— Принимаю. — Лорд Мукержи присоединил к своим картам Три Добродетели и усмехнулся в густые усы. Подождав, пока Марселла сдаст свежие карты, он тронул счетную табличку на столе. — Еще две сотни, — объявил он.

Мартинес подумал про себя, что поднимать начали рановато, однако заплатил две сотни за новую карту, чтобы посмотреть, как пойдет игра. Через два круга, когда лорд Мукержи удвоил, и он, и Терца спасовали. В выигрыше оказался лорд Па, который втихаря выстроил Башню, каковую и обрушил на открытый лордом Мукержи Букет Неподкупности.

— Бросаем кости, — сказал Мукержи.

Кости решили поставить Мукержи на сдачу. Пока он пропускал колоду через тасовочную машинку, Марселла оторвала взгляд от стола:

— Вы собираетесь на Чи, командор Мартинес?

— Я — лорд инспектор Чи, — сказал Мартинес, — так что должен буду проинспектировать космический причал, станции и прочие объекты, принадлежащие Флоту.

— И Паркурст тоже?

— В системе Паркурста пока ничего нет, кроме разведывательного корабля Флота. Я могу дождаться его возвращения.

— Могу предложить вам место на «Каенте», — сказала Марселла, — если вы будете готовы отправиться дней через двадцать. — Она обернулась к Терце. — Тогда леди Терца могла бы сопровождать вас, не испытывая неудобств военного корабля или транспорта.

Мартинес был приятно удивлен. Он собирался заказать место на одном из гигантских транспортов, направлявшихся к Чи, — кроме груза, они перевозили иммигрантов и были обеспечены самыми необходимыми удобствами, — но «Каента», представительская яхта «Чи Девелопмент Компани», была первоклассным судном, и в ее экипаже числились массажист и косметолог.

Он взглянул на Терцу, явно обрадованную этим предложением, и поблагодарил:

— Очень любезно, мы непременно обдумаем эту возможность.

— Вы тоже собираетесь на Чи, леди Марселла? — спросил Мукержи.

— Да. На Короне начинают строительство новой станции, и нам с лордом Па придется проконсультироваться с Аллодормом.

Мартинес заметил удивление, мелькнувшее на лице Терцы, — удивление, мгновенно подавленное. Терца взглянула на свои карты.

— Вы имеете в виду Ледо Аллодорма? — спросила она.

Красные глаза лорда Па уставились на нее через стол.

— Да, — ответил он. — Вы знакомы с этим джентльменом?

— Лично не знакома, — сказала Терца, не отрывая взгляда от карт. — Слышала где-то, но где, не помню.

Мартинес с интересом отметил на губах Терцы безмятежную улыбку, которая, как подсказывал ему опыт, показывала, что Терца уклоняется от истины.

— Бросаем кости? — спросил лорд Мукержи.

За первые же три круга он трижды удвоил и вытеснил из игры всех остальных. Сообразив, что предстоит серьезная и грозящая большими потерями схватка, Мартинес начал тщательно просчитывать ходы.

Затем партию выиграла Терца, собравшая Шесть Кардинальных Направлений. Следующая осталась за лордом Па. Потом Мартинес побил Букетом Радости Перекресток лорда Мукержи.

— Бросаем кости, — предложил Мукержи.

Еще раз выиграл лорд Па, затем Терца, потом три раза подряд — Марселла. В следующей партии выпала шестерка, так что ставки были удвоены, и очередной бросок костей поставил на сдачу Мартинеса. Тот сбросил два Заката, которые тут же принял лорд Мукержи, очевидно целившийся собрать Букет Печалей. Он в свою очередь сбросил Юг, который взял Мартинес в дополнение к Востоку и Верху, бывшим у него на руках. Вместе они давали три из Шести Кардинальных Направлений. На следующей сдаче

Мартинесу сдали Запад, и теперь до шести ему не хватало только Севера и Низа. Мукержи объявил Четыре Ночных Ветра, удвоил, оставил сданную ему карту, удвоил, сбросил Двух Предков и все равно удвоил. Терца и лорд Па вышли из игры на втором удвоении, открыв явно слабые карты.

Мартинес взглянул на счетчик ставок, и во рту у него пересохло. Он получал от отца щедрое содержание, но продолжать игру означало бы серьезно испытывать отцовскую щедрость.

Отвлекшись на подсчет ставок, он опоздал на полсекунды, когда выходившая из игры Марселла сбросила свою последнюю карту: Низ.

— Беру, — объявил Мукержи.

Конечно, Мукержи взял карту, только чтобы не отдавать ему. Мартинес, у которого уже висело на языке то же слово, вынужден был отдать карту, которой ему недоставало, чтобы закончить комбинацию.

— Удваиваю. — Глаза Мукержи сверкали.

Мартинес взглянул на свой расклад, просмотрел брошенные и отданные при торговле карты. Не видно ни одного из двух Северов и второго Низа тоже нет. Он снова изучил собственные карты. Кроме Направлений у него на руках Три и Четыре Корабля, Солнечный Сад и Стальной Путь. Если он получит Пять Кораблей, у него соберется Малая Флотилия. Флотилия плюс Кардинальные Направления равны Миграции.

Он снова просмотрел открытые карты и увидел, что по одному из Двух и Пяти Кораблей уже сброшены, — что означало, что вторые Пять Кораблей еще в тасовочной машине.

Или на руках у лорда Мукержи.

Мартинес решил рискнуть.

Он молча сдал себе следующую карту. Это оказались Четыре Корабля, и он их сбросил. Лорд Мукержи, едва взглянув, взял себе карту и тут же скинул ее.

Пять Кораблей. Мартинес принял карту, сбросил Стальной Путь, сдал себе следующую и сбросил.

Он вдруг осознал, что в комнате стало удивительно тихо. Роланд, стоявший среди зрителей, хмурился, а Кассильда, словно защищаясь, прикрыла ладонями выпуклый живот. Красные глаза лорда Па прикрыты мигательными перепонками. Марселла замерла в своем кресле, сжала кулачки так, что побелели костяшки. Терца, сидевшая справа от него, безмятежно улыбалась, скрывая свои мысли, но он видел напряженные морщинки в уголках ее глаз.

Лорд Мукержи получил и сбросил карту. Потом Мартинес

сдал себе Угол и сбросил его.

— Беру! — торжествующе проговорил Мукержи.

Он выложил на стол полный Букет Печалей, добавил Угол к своей Точке и Координатам, составляющим Геометрию. С улыбкой, встопорщившей пушистые усы, подтолкнул в груду сброшенных карт второй Низ.

— Игра за мной, я полагаю, — сказал он.

— Принимаю, — сказал Мартинес.

Он перевернул карты, открыв неполную Миграцию, дополнил ее принятым Низом и сбросил Солнечный Сад. По комнате прошелестел дружный вздох.

Мартинес взглянул на Мукержи, у которого вдруг побелела кожа вокруг глаз.

— Предельный расклад, — сказал Мукержи.

Честность вынудила Мартинеса добавить:

— И на костях, как вы помните, выпало шесть, так что лимит удваивается. И я сдавал, так что удваивается еще раз.

Лорд Мукержи оглядел стол и медленно откинулся назад, обвиснув на спинке кресла, как флаг капитуляции.

— А какой был лимит? — услышал Мартинес чей-то вопрос.

И ответ:

— Десять тысяч.

— Чертовски интересно.

— Хорошо играете, — сказал лорд Мукержи. — Ручаюсь, вы нарочно отдали мне это Направление.

— Конечно, — солгал Мартинес.

Мукержи протянул ему руку:

— Вы должны дать мне возможность отыграться.

— Если хотите, нынче же вечером, — предложил Мартинес, протягивая свою. Взрыв рукоплесканий приветствовал их рукопожатие.

— Пойду покурю, — вставая, сказала Марселла.

Мартинес поднялся из-за стола. Голова у него кружилась, и колени были как студень. Терца тоже встала и взяла его под руку.

— Это было потрясающе, — шепнула она.

— Десять тысяч, удвоенные дважды, — выдохнул Мартинес. — За сорок можно купить в столице скромный дворец.

— У нас уже есть скромный дворец.

— Сегодня я вполне мог его потерять. — Он вытер испарину на лбу.

Роланд подхватил его под вторую руку.

— Точный расчет, — похвалил он.

— Спасибо.

— Но тебе еще и повезло.

Мартинес покосился на брата.

— Я вообще везучий, — сказал он. Не будь у него удачи, он не стал бы флагман-капитаном, не достигнув и тридцати лет.

— Только не слишком полагайся на везение. — Роланд ехидно глянул на брата. — Ты случайно не решил заменить партиями тинго волнение боя?

— В бою проще. — Мартинес взглянул на брата. — Хотя нет, это не так.

— Знаю.

У Мартинеса мелькнула мысль:

— А не на наши ли деньги играл Мукержи?

— Хочешь сказать, на деньги «Чи Девелопмент Компани»? Нет. Он просто парадный президент — доступа к фондам у него нет. Он даже жалованья не получает.

Мартинес поднял бровь.

— О, — пояснил Роланд, — мы расплатились с ним акциями. Если «Чи Девелопмент Компани» преуспеет, он преуспеет вместе с ней.

— Как бы ему не пришлось продать часть акций после нынешнего вечера.

Роланд покачал головой:

— Он может позволить себе много таких вечеров.

— Хотела бы я знать сколько, — заметила Терца и погладила Мартинеса по плечу. — Мне надо укладывать Гарета. Ты в порядке?

— Неплохо бы выпить.

— Ни в коем случае, — предостерег Роланд. — Тебе сегодня еще играть.

Мартинес протяжно выдохнул:

— Пожалуй, верно.

Терца улыбнулась ему и пошла искать сына. Мартинес вместе с братом прошел в бар, заказал себе апельсинового соку и залил им лед в бокале.

Роланд заказал шампанского.

— Тебе не обязательно мучиться, — сказал ему Мартинес и, обернувшись, обнаружил рядом с собой Северина. — Разобрались, что где? — спросил он.

— Да. В бальном зале собирается оркестр. Пойду потанцую.

— Отлично.

— Я слышал, вы совершили подвиг за столом для тинго? Все только об этом и говорят.

Мартинес ощутил, как дрожит в нем струйка тщеславия.

— Вначале я ошибся, — сказал он скромно, — но к концу правильно вычислил расклад.

По дороге в гостиную он пересказал лейтенанту ход игры. Они подошли к Мукержи, беседующему с лордом Па.

— Если геологи ошиблись, конечно, придется все переделывать, — говорил он. — Я уверен, что Кассильда… — Он оборвал фразу и взглянул на Мартинеса. — Лорд Мартинес? Не продолжить ли нам игру?

— Нам, кажется, пока не хватает нескольких игроков, — ответил Мартинес. — Позвольте представить вам лейтенанта Северина. У Протипану он спас империю, а несколькими месяцами позже и меня тоже.

Па уставился на Северина сверху вниз, оттянув мигательные перепонки со ставших неожиданно пронзительными красных глаз.

— Не помню такого в истории, — сказал он.

— Историю пишут не те люди, — пробормотал Мартинес. Те самые люди решили сохранить в тайне вклад Северина в ход войны. Он использовал законы физики, чтобы буквально выдернуть червоточину из-под ноксидской эскадры, а поскольку самое существование империи держалось на червоточинах, связывавших между собой ее части, цензоры предпочли не напоминать публике, что такое в принципе возможно.

— Как бы то ни было, лорд лейтенант, я рад с вами познакомиться, — произнес Па.

— И я, — присоединился Мукержи и, дернув длинным усом, добавил: — Не хотите сыграть партию в тинго?

— Благодарю вас, милорд, но я не играю.

— Не играете в тинго? — ошеломленно моргнул Мукержи. — Чем же вы занимаетесь в офицерских клубах, или как вы их называете — кают-компаниях?

— Лично я по большей части разгребаю груды бумаг, — признался Северин.

— Видимо, нам стоит заняться поисками игрока, — предложил Мартинес, — Я не уверен, что Терца сумеет быстро уложить Гарета.

Он торопился, потому что знал, что Северин, выдвинувшийся из рядовых, не располагает состоянием, нормальным для большинства офицеров. Вполне возможно, что несчастный вынужден жить на одно жалованье. Игра в тинго по высоким ставкам для людей, подобных Северину, была не просто неблагоразумна — невозможна.

Лучше поскорее снять его с крючка.

Па с Мукержи отправились на поиски пятого, и Мартинес стал расспрашивать Северина о длительном рейсе. «Разведчик» несколько месяцев провел в системе Чи, отлавливая астероиды, приспосабливая к гигантским булыжникам аннигиляционные

двигатели и направляя их по орбите к Первой Станции червоточины, где их использовали, чтобы уравновесить массы грузовых судов, входящих в систему. Занятие было и нудным, и рискованным, а такое сочетание особенно опасно, но задание было успешно выполнено, и станция примерно на год обеспечена сырьем.

— К счастью, снабжение червоточин взял на себя лунный тягач из системы, — сказал Северин, — так что нас освободили для других дел.

— Вот и отлично. Приключений не было?

— У нас хороший шкипер, — сказал Северин, — с ним и заусенца не обдерешь.

— Я его знаю? — спросил Мартинес.

— Лорд Го Шикимори. Старинный флотский род.

Мартинес задумался, покачал головой:

— Нет, имя незнакомое.

Марселла возвратилась из курительной, смахивая пепел с жакета. Па с Мукержи привели с собой пожилую, потерявшую все клыки торминель по имени леди Уздил.

— Никуда не денешься, придется играть, — обратился Мартинес к Северину. — Простите.

— А я, пожалуй, послушаю музыку, — сказал лейтенант.

— Наслаждайтесь жизнью…

«В самом деле, чем занимается Северин в кают-компаниях? — задумался Мартинес. — Ему, должно быть, не по карману все обычные развлечения офицеров. И, судя по его мундиру, хороший портной тоже.»

Мартинес сел за тинго. Леди Уздил, похоже, линяла — в воздухе было полно седоватой шерсти. Мартинес играл умеренно, то есть то и дело позволял упорно удваивавшему ставки Мукержи вытеснять себя из игры. Зато когда выпадал хороший расклад, держался твердо и сумел кое-что добавить к выигранным ранее сорока тысячам. Лорд Па тоже был в выигрыше, еще больше выиграла Кассильда, и немного — леди Уздил. Мукержи раз за разом проигрывал, упрямо поднимая ставки при плохом раскладе. Хотя он ни разу больше не нарвался на предельный расклад и дворцов в столице больше не терял, но по подсчету Мартинеса за его проигрыш можно было бы приобрести загородную виллу — и не на Ларедо, а в Заншаа.

Через два часа Мартинес решил, что исполнил свой долг, дав Мукержи достаточно шансов отыграться, и вышел из игры. Мукержи запротестовал было, но довольные своими выигрышами Кассильда и Па тоже прекратили игру.

— Хорошо, что ему не отдали финансового контроля над «Чи

Девелопмент Компани», — сказал Мартинес Терце, когда они остались наедине. — Если, конечно, он ведет дела так же, как играет.

— Уверена, он и представления не имеет о ведении дел, — отозвалась Терца, подходя к кровати. — Этим занимается Марселла.

На ней была шелковая голубая сорочка, а длинные черные волосы она голубой ленточкой связала в хвост и перекинула его через плечо с радующей глаз небрежностью. Мартинес потянулся с кровати и погладил ее по бедру костяшками пальцев.

Их брак был устроен родственниками — одна из самых сложных и длинных комбинаций Роланда. Мартинес позволял себе раздражение по поводу вмешательства Роланда в его дела, но давно и охотно смирился с Терцей.

— Что там с этим Ледо Аллодормом? — спросил он.

Миндалевидные глаза жены чуть округлились.

— Ты заметил?

— Увидел, как ты среагировала на его имя. Но сомневаюсь, что остальные что-нибудь заметили.

— Подвинься. Я тебе расскажу, что знаю.

Мартинес освободил ей место в постели. Терца скользнула под одеяло и свернулась калачиком, лицом к мужу. Ее духи нежно щекотали его обоняние.

— Я на него наткнулась, когда попросила проверить контракты, оставшиеся после войны, — сказала она. Министерство прав и суверенитетов, в котором она работала, представляло собой гражданское предприятие по обеспечению Флота: контракты, снабжение, строительство, бюджет и поддержка. — Аллодорм — даймонг из Девайхо, в пространстве Хоны, — продолжала она. — Во время войны он получил контракт на строительство четырех — или пяти? — транспортных судов для Флота. Война окончилась раньше, чем он успел поставить эти суда, и контракт был аннулирован.

— И что он? — заинтересовался Мартинес. — Переоборудовал транспорты для мирного использования? Он ведь имел право, раз правительство от них отказалось?

Терца нахмурилась:

— Есть сведения, что он и не начинал их строить.

Мартинес моргнул:

— Взял деньги и *вообще* ничего не делал?

— Только заказал проекты, распечатал несколько бланков и нанял несколько высокооплачиваемых юристов. Это все. — Она задумалась. — Возможно, он сумел вычислить, что все закончится раньше, чем он выполнит заказ. Если бы победили мы, заказ был

бы аннулирован, а если бы наксиды — они бы и не поинтересовались, начал ли он строительство.

— А Бюро расследований им не занималось? Министерство могло бы по крайней мере потребовать вернуть деньги.

Терца дернула плечом:

— После войны Бюро расследований занималось отловом мятежников и сочувствующих им и не тратило сил на тех, кто вроде бы был на нашей стороне. Когда его дело попало ко мне, я рекомендовала начать расследование, но в министерстве предпочли закрыть глаза. Не знаю почему: может, у него есть связи в верхах.

— А теперь Аллодорм на Чи, и Марселла с лордом Па собираются с ним консультироваться…

— Возможно, у него субподряд?

— Как-то это скажется на балансе «Чи Девелопмент Компани»?

— Возможно, никак, — заметила Терца. — Основные подрядчики — лорд Па и компания «Меридиан». Если кого и надуют, то платить придется им.

— В любом случае это деньги моей семьи. — Он подвинулся ближе к теплой Терце, устроил голову у нее на плече и обнял одной рукой. — Как бы то ни было, в *нашем* бюджете доходов прибавилось. Куда мы денем денежки Мукержи?

Он почувствовал, как развеселилась жена.

— Купим какую-нибудь глупость, пожалуй. Ты всегда мечтал о яхте.

Мартинес досадливо усмехнулся:

— Меня все равно не примут ни в «Семь Звезд», ни в «Клуб Ионы». В их августейших стенах не место провинциалу, сколько бы он ни бряцал медалями… — Он поцеловал Герцу в лоб. — И сколько бы у него ни было высокопоставленных жен.

— Ну, выбери клуб попроще, — посоветовала она, — и бей «Семь Звезд» во всех гонках.

Мартинес улыбнулся в потолок:

— Очень неплохая идея.

Он чувствовал на щеке теплое дыхание жены.

— Ты ребенком жил в этой комнате? — спросила она.

— Вообще-то да. И обстановка сохранилась. Сняли только модель корабля Флота, которую я подвесил к потолку. И еще образцы формы разных академий — у меня ими все стены были залеплены.

Она хихикнула ему в ухо:

— Надо понимать, службу во Флоте ты выбрал *сам*?

— О да. У меня были самые романтические представления —

я, наверно, набрался их от матери. А отец не возражал, считая, что во Флоте меня, по крайней мере, научат чему-нибудь полезному.

Он вспомнил, как до войны говорил с… одним человеком — с женщиной, о которой старался даже не думать, со светловолосой женщиной с молочно-белой кожей и яркими зелеными глазами, — как жаловался ей на пустоту службы — клуб, еще более бесполезный, чем «Семь Звезд», — ритуалы, парады да тщеславие офицеров.

Война все изменила, хотя бы на время.

Но одно, как видно, осталось неизменным: подрядчики с крышей в верхах по прежнему обдирали правительство, выдавали халтуру, не выдерживали сроков, а то и просто брали деньги за несделанную работу.

Он считал, что это дело правительства. Но если Аллодорм норовил обокрасть уже не правительство, а его семью, то это напрямую задевало Мартинеса.

Это, конечно, следует прекратить.

Терца теснее прижалась к нему, поцеловала в щеку.

— Хотелось бы знать, — прошептала она, — мальчиком, лежа в этой постели, ты не мечтал…

Мартинес сел, сбросив руку жены.

— Комм, — обратился он к голосовому коммутатору, — включить настенный дисплей.

Настенный экран, обычно выдававший геометрический узор, совпадавший с узором обоев, засветился, на нем возник герб Мартинеса.

— Комм, поиск, — продолжал Мартинес. — Ледо плюс Аллодорм плюс «Меридиан» плюс «Чи Девелопмент Компани». Пуск.

Через полсекунды комм выдал требуемые сведения. Мартинес выбрал первый список и увидел страницу из официального проспекта компании «Меридиан», посвященную развитию Чи. Он усвоил информацию.

— Аллодорм — главный инженер «Меридиана», — сказал он. — Отвечает за все проекты на Чи. За все.

Он обернулся к Терце, взглянул на ее задумчивое лицо.

— Что-то не так? — спросил он.

Она ответила безмятежной улыбкой, скрывавшей настоящие мысли.

— Ничего подобного, — ответила она.

— Папа говорит, я гений! Папа говорит, я далеко пойду!

* * *

— Не сомневаюсь, — сказал Северин.

— Я разобью наксидов! — Темноволосый малыш поднял над головой кулачок, в котором был зажат игрушечный крейсер. Он швырнул игрушку на астероидные плитки веранды. — Ба-бах!

— Хороший выстрел, — похвалил Северин.

Он вырос в семье с парочкой младших сестренок и умел развлекать детей. Лорд Гарет Чен — носивший имя отца, но фамилию матери, которая была наследницей Чен и имела более высокий титул, — подобрал кораблик и снова бросил его, изобразив губами звук взрыва.

— А если наксиды зайдут отсюда? — спросил Северин и склонился с блестящего металлического кресла, угрожая мальчику с фланга.

— Ба-бах!

— А отсюда? — С другого фланга.

— Ба-бах!

— А так? — Сверху.

— Бах!

Лорд Гарет-младший был в том возрасте, когда это занятие могло продолжаться довольно долго, прежде чем наскучило бы ему. Северин от нечего делать поддерживал игру, хотя мыслями был далеко.

С утра в уме застряли обрывки сна. Ему приснилось, что он ведет машину по дубовой аллее под арками, и вдруг одна арка превращается в просцениум, и он проходит сквозь него на сцену, в которую превратился дом.

Дом сиял огнями, и веселье было в разгаре. Гости блистали роскошными нарядами и мундирами. Все они были незнакомы Северину. Разговоры казались двусмысленными, но Северина не оставляло чувство, что он все поймет, стоит только вслушаться чуть внимательней. В какой-то момент он вдруг заметил, что окружен не людьми, а роботами, которые, сияя улыбками, повторяют речи, заранее записанные кем-то в программу.

Во сне Северин не нашел в этом открытии ничего ужасного, а только заинтересовался. Он переходил от компании к компании, прислушиваясь к разговорам и восхищаясь великолепным качеством марионеток.

Он проснулся, но впечатление сохранилось. Завтракая в одиночестве на террасе, — никто из хозяев еще не вставал, — он обдумывал подслушанный вчера разговор и пытался разобраться в его скрытом смысле.

Пришло в голову, не лечь ли в постель, чтобы попробовать досмотреть сон, но тут появился Гарет-младший и началась битва с наксидами.

Выручил его Мартинес. Выйдя из дому, он бросился к сыну, подхватил его на руки и закрутил заливающегося счастливым смехом малыша над головой.

Вслед за Мартинесом из дому показался его старший брат Роланд с чашкой кофе в руке. Оба были в штатском, и Северин в своем поношенном мундире почувствовал себя неловко.

— Должно быть, скоро и я стану такое выделывать, — сказал Роланд, глядя, как Мартинес кувыркает сына.

— Должно быть, — согласился Северин.

Роланд отхлебнул кофе. Мартинес сунул сына под мышку и обратился к лейтенанту:

— Этот чудо-ребенок вас не утомил?

— Он в основном донимал наксидов.

Мартинес ухмыльнулся:

— Развивает тактическое мышление, а? Весь в отца.

Держа сына под мышкой, он устремился к дому. Юный Гарет хохотал и размахивал кулачками.

— Может быть, до такого я все-таки не дойду, — вздохнул Роланд.

Через несколько секунд Мартинес вернулся, перепоручив своего отпрыска няне. Он пальцами пригладил взлохмаченные волосы и рухнул в блестящее кресло рядом с Северином.

— Я вчера видел, как вы танцевали, — сказал он, — с кудрявой девицей.

— Леди Консуэло Далмас, — кивнул Северин.

— Консуэло, — моргнул Мартинес. — То-то она показалась мне знакомой. Мне случалось видеться с ее старшей сестрой, когда все мы были… э-э-э… моложе.

— Она пригласила меня завтра на пикник в саду.

Мартинес улыбнулся:

— Желаю хорошо провести время.

— Постараюсь. — Северин подумал, не стоит ли сдержанно вздохнуть, и решил воздержаться. — Конечно, — добавил он, — рано или поздно она или ее родители дознаются, что я не пэр и гол как сокол, и только я ее и видел. — Северин зажал ладони между коленями. — Но я уже привык.

Мартинес с беспокойством взглянул на него:

— Вы, надеюсь, не жалеете о производстве в офицеры?

— Нет. — Северин обдумал вопрос, — Но теперь я знаю, сколько передо мной запертых дверей, а раньше даже не подозревал об их существовании.

— Если я могу помочь открыть их… — предложил Мартинес.

— Спасибо. Не думаю, что тут что-то можно изменить.

— Разве что случится новая война, — вмешался Роланд. —

Тогда все изменится. — Легко улыбнувшись про себя, Роланд отошел к перилам и засмотрелся на дубовую аллею, вдыхая медовый аромат цветов опии, долетающий с утренним ветерком. — Так или иначе, Консуэла не для вас, с вашего позволения, — сказал он. — Слишком молода, слишком увлечена модным обществом. Вам лучше бы присмотреть хорошенькую вдовушку или молодую жену нудного старого мужа.

Мартинес покосился на брата:

— У тебя что, кто-то на уме?

— Дай подумать.

Мартинес с беспокойством обернулся к Северину:

— Постарайтесь отчетливо выразить, чего вам хочется. Роланд показал себя слишком удачливым сватом.

За этим замечанием что-то скрывалось. Северин ощутил, что между братьями отчего-то возникла напряженность.

— Я здесь всего на месяц, — сказал он.

— Времени не много, — кивнул Роланд. — Подумаем, что тут можно сделать.

— Кстати, о заговорах, — вставил Мартинес. — Вам не известен некий Аллодорм, главный инженер компании «Меридиан»?

— Я встречался с ним на станции Чи, — сказал Северин, — но в заговор не вступал.

— А я и вовсе не знаком, — добавил Роланд и повернулся к брату, спокойно разглядывая его. — Мне нравится, что ты считаешь меня вездесущим, но, по правде сказать, я всего лишь представляю интересы семьи в Совете. С компанией я никак не связан.

— Терца считает, что Аллодорм нечист на руку, — сказал Мартинес. — Если она права, такой пост позволяет ему выкачать немало наших денег.

Роланд рассеянно сдвинул брови:

— А что ей, собственно, известно?

— Во время войны он взял большие деньги под постройку пяти транспортов, но так их и не построил.

Северин чуть не задохнулся. Как всякий офицер государственной службы, он достаточно сталкивался с воровством и растратами, но пять пропавших кораблей — это все-таки слишком.

Помолчав, Роланд обратился к Северину:

— Я рассчитываю на вашу скромность.

— Разумеется, — кивнул Северин.

— Может, тут ничего и нет, — продолжал Роланд.

— Конечно, — кивнул Северин.

Он с огромным любопытством наблюдал за отношениями в этом доме: за тонкой игрой, которую вели между собой орденоносный офицер Флота и его брат-политик. Со времени производства в офицеры он имел случай познакомиться с несколькими семействами пэров, но такого не видел ни разу.

— Хотел бы я знать, кто нанял Аллодорма, — задумчиво протянул Мартинес.

— Вероятно, лорд Па, — ответил Роланд. — Вопрос в том, знал ли лорд Па о тех транспортах, а если знал, то обратил ли на это внимание. — Он подтянул еще одно блестящее кресло и сел. — Что бы вы сказали об этом Аллодорме?

Северин пожал плечами:

— Он, кажется, довольно молод, хотя у даймонгов трудно определить возраст. Как только «Разведчик» вошел в док станции, он оказался под рукой, позаботился, чтобы у нас было все, что нужно. Я бы сказал, очень любезно с его стороны.

— Он хорошо вас встретил? — спросил Роланд.

— Да. Лорд капитан поручил мне, как помощнику, взаимодействовать с ним, и все было по первому классу. Каждое требование выполнялось в течение нескольких часов. Продовольствие было свежим. Аллодорм заказал для команды одно из рабочих общежитий и дал обед для офицерского состава.

— Никаких странностей? — поинтересовался Мартинес. — Ничего необычного в рутине стоянки?

— Если не считать того, что все было первоклассным, — ничего, — заверил Северин. — Мы в Службе Разведки порядком привыкли, что нам достается снабжение второго сорта — все чуточку поношенное, у нас не тот престиж и бюджет, что у Флота, — а на станции Чи все было новеньким, блестящим и в рабочем состоянии. Сама станция больше, чем необходимо, но ведь она рассчитана на последующее развитие.

Братья обдумывали его сообщение.

— Отцу, пожалуй, не стоит говорить?

— А что мы ему скажем? У нас на Чи и так десятки инспекторов — если они ничего не видят, так что он может?

Мартинес пожал плечами.

— Не брать взяток? — предположил он.

— Отец через две недели должен открывать собрание Совета Просителей. — Роланд вымученно усмехнулся. — Если он бросит дела и направит «Энсенаду» к Чи, чтобы разоблачить зло, Аллодорм будет предупрежден и успеет спрятать концы в воду.

— А ты?

— Я никуда не собираюсь, пока Кассильда не родит, а потом мы всей семьей отправляемся в Заншаа, где я должен заседать в

Совете.

Мартинес вздохнул:

— Я ведь лорд инспектор, не так ли? Думаю, пора мне что-нибудь проинспектировать.

Северин все размышлял об этих двоих братьях. Они хорошо знают друг друга и отлично сработались, у них общие воспоминания и манера выражаться. Но почему-то Северину казалось, что они друг друга недолюбливают.

— Леди Льяо, — вдруг сказал Роланд.

Мартинес взглянул на него:

— Прошу прощения?

Роланд обратился к Северину:

— Леди Льяо, супруга лорда судьи Омохундро. Она подойдет вам как нельзя лучше. Муж у нее на Кольце, завяз в череде слушаний, и я уверен, что она скучает.

Северин уставился на него. Ему хотелось спросить: «И это возможно?»

— Не пригласить ли ее к чаю? — предложил ему Роланд.

* * *

— Пятиминутная готовность, — произнес лорд Го Шикимори, капитан «Разведчика».

— Готовность пять минут, милорд, — подтвердил Северин.

«Разведчик» ожидал последнего подтверждения диспетчера Кольца, для выхода в рейс через Чи и Паркурст на поиски дальних червоточин. Северин, окруженный обручами клетки ускорителя, смотрел на приборную доску — ему предстояло вывести «Разведчик» из Кольца в пространство — не такая уж сложная задача.

Свет индикаторов приборной панели играл на перстне, который Северин носил на среднем пальце правой руки. Девять маленьких сапфиров окружали крупный опал. Прощальный подарок леди Льяо — по сапфиру на каждую ночь, проведенную ими вместе. На минуту он затерялся в воспоминаниях — ощутил шелк простыней, гладкую мягкую кожу, тонкие духи леди Льяо.

«Лорд Роланд Мартинес, — думал он, — очень-очень умный человек».

— Сообщение от диспетчера Кольца, милорд, — доложил сидевший у коммутатора лорд Барри Монткриф. У него был тягучий столичный акцент. Лорд Го предпочитал, чтобы его корабль общался с внешним миром со столичным выговором. — Дано разрешение на выход со станции к системе Чи.

— Начать отсчет, — велел капитан.

— Отсчет начат, — отозвалась уорент-офицер Лили Бхагвати, сидящая перед панелью управления двигателями.

— Причальный шлюз продуть. Предупредить команду о нулевой гравитации.

— Продувка причального шлюза. — По кораблю разнеслись тревожные гудки. — Невесомость объявлена, милорд.

Северин осмотрел свою панель, взял в руки джойстики, поиграл ими.

— Маневровые двигатели развернуты, — доложил он, — давление расчетное.

— Давление в причальном шлюзе — ноль.

— Отдать причальный шлюз! — приказал капитан.

— Причальный шлюз… — Пауза, пока не загорелся индикатор. — …Отдан, милорд.

— Электрические цепи отключены, — доложила Бхагвати. — Наружные контакты герметизированы. Корабль на стопроцентном внутреннем питании.

— Компьютерные цепи отключены, — сообщил лорд Барри. — Наружные подключения герметизированы.

— Главные двигатели в готовности, — сказала Бхагвати. — Проверка готовности успешна.

— Готовность десять секунд, — объявил капитан. — Всем службам.

Все службы подтвердили готовность.

— Старт на десять, — велел лорд Го. — Пилот, принимайте корабль.

— Корабль принял, милорд. — Северин шевельнул пальцами и снова сжал джойстики.

Электронный секундомер в углу экрана мигал цифрами.

— Захват снят, — сказал он, — магнитные грейферы отключены.

«Разведчик» выбросило из кольца ускорителя, и Северин почувствовал, что плывет, удерживаемый только сетью безопасности. В доке «Разведчик» стоял носом внутрь, и центробежная сила кольца, вращавшегося в семь раз быстрее планеты под ним, придала кораблю приличную начальную скорость, отбросив его далеко от возможных препятствий.

Северин на всякий случай осмотрел навигационный дисплей и не увидел ничего угрожающего. Нажав кнопку на джойстике, он задействовал маневровые двигатели. Ускорение заставило его навалиться грудью на ремни. Он дал еще несколько выбросов, отводя корабль подальше от кольца.

Включать главный аннигиляционный двигатель «Разведчика»

с его радиоактивным выбросом вблизи обитаемого кольца было бы преступлением. Прежде чем отправлять корабль в большое плавание, Северин должен был вывести его за пределы охранной зоны.

Лейтенант снова проверил навигационный дисплей. Он увидел яхту компании Чи «Каенту», уходящую на Вторую Станцию червоточины, унося к новым планетам Мартинеса и леди Терцу. «Разведчик» пройдет за ними с отставанием в четырнадцать дней. Цепочка грузовых судов тянулась от Первой Станции. Они по большей части везли на Чи оборудование или поселенцев и одно за другим выбрасывали огненные столбы, тормозя на подходе к кольцу. Ближайшее судно было в семи часах хода.

Единственной помехой мог оказаться гигантский танкер «Титан», круживший вокруг Ларедо из соображений безопасности на высокой орбите. «Титан» был полностью загружен антиматерией, отправлявшейся на Паркурст и Чи, и хотя антиматерия весьма стабильна — пылинки антиводорода, подвешенные в электромагнитном поле внутри микроскопических силиконовых скорлупок, таких мелких, что они перетекали, как густая жидкость, — однако в случае любой аварии сектор кольца ускорителя превратится в газ, а остатки рухнут на поверхность планеты.

«Разведчику» лучше держаться подальше от «Титана».

Северин следил за светящейся точкой на дисплее, обозначающей танкер, и вспоминал разговор Мартинеса с братом. Тогда впервые всплыло имя Аллодорма. «Титан» принадлежит компании «Меридиан» и взят Службой Разведки в долговременную аренду. Растущим поселениям на Чи нужна антиматерия для генераторов энергии, и станция Чи, пока кольцо ускорителя еще не готово и грузы доставляют на планету с помощью небесного лифта, тоже нуждается в энергии.

А больше всего энергии съедают станции червоточин Чи и Паркурста с их колоссальными противовесами, обеспечивающими стабильность червоточин.

Пока Чи не начала генерировать собственную антиматерию, решено было разместить производство антиводорода в ускорителе Ларедо, загружать им «Титан» и переводить танкер на дальнюю постоянную орбиту у новой планеты, за орбитой самой крупной луны, так, чтобы, если случится невероятное и «Титан» взорвется, ни быстрые нейтроны, ни смертельные гамма-лучи не грозили бы населению Чи. Те, кому понадобится антиводород, должны будут послать челнок и забирать груз частями. К тому времени как «Титан» опустеет, на орбите Чи успеют выстроить

кольцо ускорителя — маленькое, не сравнимое с чудом техники, вращающимся вокруг Ларедо.

Северин пытался сообразить, действительно этот проект экономически оправдан или эта сложная схема должна пополнить карманы Аллодорма.

«Разведчик» наконец вышел к границе охранной зоны Ларедо, и Северин развернул корабль, чуть навалившись на боковые ремни.

— Вышли на новый курс, милорд, — доложил он. — Два-два-ноль к ноль-ноль-один по абсолюту. Маршрутный план введен в компьютер.

— Принимаю командование, — отозвался лорд Го.

— Лорд капитан принимает командование, — подтвердил Северин и убрал руки от джойстиков.

— Двигатели включить, — приказал капитан. — Ускорение два и три *g*.

Северин ощутил толчок в спину, потом амортизационное кресло развернулось внутри клетки и тяжесть навалилась на грудь.

— Ускорение два и три *g*, — подтвердила Бхагвати. — Курс два-два-ноль к ноль-ноль-одному по абсолюту.

Придется терпеть перегрузки, пока они не наберут вторую космическую, а потом большая часть пути пройдет при нормальной гравитации — всего час из каждой вахты на ускорение.

Северин осмотрел дисплеи и снова заметил «Каенту», уже подходившую к червоточине, ведущей на Чи. Жаль, что «Разведчик» не заходит на Чи, а только пересекает систему на пути к Паркурсту и к новым червоточинам. Северин хотел бы снова повидаться с Мартинесом и леди Терцей и не отказался бы узнать, что там с Аллодормом.

Придется подыскать себе на ближайшие месяцы другое занятие, и он, кажется, уже придумал, что это будет. Он все не мог забыть тот сон в Рио-Хондо и заполнил свой личный файл статьями о куклах, кукольниках, марионетках, роботах, о театре теней и о кукольных спектаклях.

Люди изобретают разные способы скоротать долгий путь. Кто-то играет, кто-то пьет, кто-то уходит в себя. Другие смотрят записи развлекательных шоу, влюбляются, учатся играть на музыкальных инструментах. Кое-кто все силы отдает работе, доводя до отчаяния остальных членов экипажа.

Может статься, думал Северин, он окажется первым, кто додумался до кукольного театра.

Это наверняка широкое поле деятельности.

* * *

— Все в виртуале? — спросила астроном Шон-дан. — Переключаю внешние камеры на семнадцатый канал.

— Комм, канал семнадцать, — услышал Мартинес негромкий голос Терцы с ближайшего амортизатора.

Сам он уже вышел на нужный канал, и в голове у него возникла картина звездного неба, каким оно было видно с «Каенты», заканчивавшей ускорение выхода из системы Ларедо. Шлем на его голове был легче, чем флотское устройство, так же передававшее изображение на зрительные рецепторы, но требовавшее подключения наушников и микрофонов. Было и другое отличие: картина представлялась чуть более плоской, возможно, потому, что для гражданских целей не нужно было особой точности.

Звезды сияли бриллиантами на черном полуночном занавесе, молчаливые, постоянные и величественные. Это были родные звезды, под ними Мартинес провел первую половину жизни, и он невольно искал знакомые созвездия на привычных местах. Собственная звезда Ларедо на таком расстоянии казалась немногим ярче других звезд. Программа отсекала ослепительный хвост «Каенты», чтобы он не затмевал звезды, и в результате часть дисплея оказалась затемнена — тревожное зрелище, словно за кораблем тянется непроницаемое черное пятно.

Мартинес с Терцей находились в главной гостиной «Каенты». Здесь собиралось общество и стоял слабый аромат духов. Двадцать дней, как они оставили Ларедо. Астроном Имперского Университета Зарафана Шон-дан, приглашенная Марселлой, собиралась продемонстрировать, почему астрономическую обсерваторию они основали на станции Чи, и не жалела месяца, чтобы добраться туда.

— Десять секунд, — сказала Шон-дан, — восемь, пять…

«Каента» двигалась слишком быстро, чтобы Мартинес успел заметить станцию червоточины, сквозь которую проскользнул корабль, и тем более саму червоточину, вывернувшую звезды наизнанку. Переход был мгновенным. Так же мгновенно изменилось звездное небо.

Огромный сверкающий звездный шар вспыхнул перед Мартинесом, заняв собой треть видимого пространства. Звезды так теснились друг к другу, что представлялись сверкающими песчинками, рассыпанными на океанском пляже. Мартинес поймал себя на том, что невольно вздохнул, и услышал, как ахнула Терца. Чем больше он всматривался, тем больше различал звезд. Внутри скопления выделялись гигантские облака и

структуры, и ослепленный Мартинес уже не знал, видел он их на самом деле или его сознание стремилось установить порядок в громадном пылающем хаосе, отыскивая знакомые виды, как созвездия на ларедском небе.

Вглядываться в звездный шар было все равно что уплывать дальше и дальше в бесконечное море, мимо расплывчатых неясных отмелей, которые, стоило присмотреться, оказывались миллионами кораллов. Каждый из них открывал пристальному взгляду множество известняковых скорлупок, и в глубине этих скорлупок таились крошечные живые существа — усложнявшаяся бесконечность, и мозг наконец отказывался воспринимать ее.

— Теперь понимаете, почему мы открыли здесь обсерваторию? — В голосе Шандан, дошедшем до слуха Мартинеса, прозвучало сдержанное торжество. — Из всех червоточин империи эта выходит ближе всего к центру Галактики. Это первая возможность как следует разобраться в структуре галактического ядра. Отсюда можно непосредственно наблюдать, как воздействует на ближайшие звезды сверхмассивная центральная черная дыра.

Усилием воли Мартинес переключил внимание с пылающего шара на другую часть звездного неба, окружающего «Каенту». По сравнению с небом Ларедо звезды казались очень частыми, а светящиеся полосы отмечали витки спирали Галактики, разворачивающиеся в бесконечном пространстве. Система Чи, в сущности, находилась в самом ядре, хотя и на периферии, так что звезды со всех сторон были близкими и яркими. Собственная звезда Чи, Чи-ма, светилась теплым желтым светом, но соседние не уступали ей.

— Звезды здесь располагаются очень плотно, — продолжала Шон-дан, — хотя и не так плотно, как вблизи центра. В системе Чи семь звезд — а может, и восемь, мы не уверены — и орбиты чрезвычайно сложные.

— А мы хоть знаем, в какой галактике находимся? — спросила Терца.

— Нет. Мы пытались найти Цефеиды и другие вехи, по которым можно сориентироваться, но пока не обнаружили ничего определенного. Само собой, мы можем быть в любой точке Вселенной и, возможно, в миллиардах световых лет от стартовой позиции.

Мартинес услышал шаги входящего в комнату и тут же — голос лорда Па.

— Любуетесь звездами? — поинтересовался он. — Скоро вы от них устанете. Семь солнц плюс галактическое ядро — на Чи из-за них не бывает настоящей ночи, и нам пришлось вставить во все

спальни рабочих поляризующие окна, чтоб люди могли отдыхать. Я просто бросил смотреть на небо: центры галактик — неуютные места, и чем меньше имеешь с ними общего, тем лучше.

— Звезд здесь много, тут вы правы, милорд. — Почтение к богатому пэру не позволяло Шон-дан открыто выразить свое несогласие, но было ясно, что ей не скоро надоест смотреть на небо.

— Я присяду, сыграю разок в чиналь, — сказал лорд Па. — Не обращайте на меня внимания.

Мартинес, разглядывая гигантское светящееся ядро, слышал краем уха, как лорд Па передвигает столик и негромко приказывает коммутатору установить игру.

— Пока нам выдавали изображение в видимом спектре, — сказала Шон-дан. — А сейчас я кое-что добавлю. Возникнет несколько условных цветов. Потом я постараюсь их закрепить.

Мартинес услышал приглушенные команды лай-онки, а потом галактическое ядро из перламутрового стало темно-янтарным. Из огромной сферы пробились мощные лучи света, переливающиеся и живые, словно колонны, тянущиеся от фундамента Вселенной к крыше небес.

Мартинес невольно вскрикнул, и ему эхом откликнулась леди Терца.

— Да! — В голосе Шон-дан снова звучало торжество. — Это лучи релятивистских частиц, генерируемых сверхмассивной черной дырой. Присмотревшись, вы можете различить в них тонкую структуру — мы этого не ожидали и хотя разработали несколько теорий этого явления, но окончательного объяснения пока не нашли.

Мартинес сдвинул свой виртуальный экран так, чтобы приблизить огненный столб энергии, и увидел, что свет в колонне пульсирует, а свивающиеся и колеблющиеся нити лучей словно плывут в гигантском потоке: гипнотизирующий мощный танец.

Шон-дан еще час показывала Мартинесу и Терце отдельные подробности ядра, в том числе четыре звезды-гиганта, несущиеся по смертельной спирали к центральной дыре.

— Черная дыра кормится, — сказала она. — Сверхмассивные черные дыры порой активно поглощают соседние звезды, а иногда этот процесс приостанавливается. Почему мы не знаем и не знаем, как происходит переход от одного состояния к другому.

— Я же говорю, гадость, — подал голос лорд Па. — Честно говоря, я предпочитаю природу в более упорядоченной и безобидной форме. Мне нравится играть по правилам. Уютное кресло, сложные проценты и гарантированный годовой доход. Предпочитаю не думать о том, что какая-нибудь мировая

катастрофа может свалиться на меня с неба и лишить Вселенную привычных мне удобств.

— Черная дыра нам совершенно не угрожает, милорд, — возразила Шон-дан. — Мы далеко за пределами опасной зоны.

Мартинес быстро отключил дисплей, чтобы взглянуть на лорда Па. Тот сидел в лай-онском кресле, подпиравшем килевидную грудину, склонившись над игровым полем. Свет дисплея падал на его лицо, отражаясь от короткого клюва и зажигая красные огоньки в глазницах.

За спиной Па стоял деревянный шахматный столик, украшенный абстрактными узорами красного энжо, мерцавшими в приглушенном освещении гостиной. Под рукой у него стоял хрустальный кубок с лай-онским белковым бульоном.

«Удобства, — подумал Мартинес, — гарантированный доход. Что верно, то верно».

— Пожалуй, на сегодня хватит, — предложила Шон-дан, заметив, что Мартинес оторвался от виртуального дисплея.

— Спасибо, — отозвалась Терца. — Это было потрясающе. Надеюсь, потом можно будет еще посмотреть?

— Буду рада. — Шон-дан встала. У этой лай-онки глаза были золотистого цвета, и носила она темно-коричневую форму академии, украшенную медалями за научные достижения. Она была молода для таких отличий: по бокам головы у нее еще не вылинял юношеский коричневый пушок. — Мы проведем на Чи двадцать три дня, — добавила она, — и звезды в любую минуту к вашим услугам.

— Может быть, завтра, — сказал Мартинес, поднявшись с кушетки и направляясь к бару.

Налив себе бренди, он постоял немного за плечом лорда Па, молча склонившегося над доской. Мартинес сразу увидел нужный ход и собирался подсказать, но, поразмыслив, воздержался.

На двадцатый день пассажиры «Каенты» начали понемногу действовать друг другу на нервы.

Первая половина путешествия прошла необычайно приятно, учитывая, что Мартинес подозревал часть попутчиков в краже семейных денег. Марселла, лорд Па, Мартинес, Терца и Шон-дан каждый день собирались за обедом. Пробовали играть в тинго и другие игры, но интерес к ним угас, как только стало ясно, что Терца с Мартинесом не желают сражаться за высокие ставки, а академическое жалованье Шон-дан не позволяет ей играть даже по маленькой — на то, что числилось мелочью среди пэров.

Круг тем, затрагиваемых за обеденным столом, был широк, хотя Мартинес, вняв предостережению Терцы, не касался вопросов, которые жгли ему язык: относительно финансовых

связей «Чи Девелопмент компани» и «Меридиана». «Это бы слишком напоминало допрос», — сказала ему Терца.

Мартинес позволял себе всего несколько осторожных косвенных вопросов в день: начал с развития поселений, понемногу стал интересоваться подробностями. Марселла и Па, видимо, не прочь были поговорить о своей работе, а Мартинесу было по-настоящему интересно их слушать, хотя он послушно сворачивал разговор, замечая предостерегающее движение бровей Терцы или ощущая ее легкое прикосновение к своему колену.

Шон-дан говорила об астрономии, Мартинес травил военные байки, Терца не вспоминала о службе в министерстве, но охотно пересказывала великосветские сплетни, кроме того, принесла арфу и исполнила несколько сонат.

Но теперь, на двадцатый день, беседа стала чуточку натянутой. Марселла проводила почти все время у себя в каюте, разбирала бумаги компании, курила сигарету за сигаретой и играла дерганые, мучительные для нервов мелодии, от которых дрожала дверь каюты. Лорд Па обменивался со своими подчиненными на Чи подробными меморандумами, а оставшееся время отдавал настольным играм.

Мартинес постоянно слал видео сыну — три месяца, проведенные маленьким и бойким ребенком на борту «Вигуна», оказались серьезным испытанием для всех заинтересованных лиц, поэтому юного Гарета оставили на Ларедо под присмотром няни и дряхлеющих родителей отца. В ответ он получал восторженные видео: дедушка Мартинес знакомил внука со своей коллекцией старинных автомобилей и катал Гарета-младшего по личной трассе на ревущих чудовищах.

— Ему больше всего нравится «Турбоэкспресс Лоди», — рассказывал Мартинес Терце. — В его возрасте я его тоже любил. Хотя теперь мне больше по вкусу «Алый Скороход». — И, перехватив взгляд жены, добавил: — Отец, знаешь ли, еще не разу ни попадал в аварию.

— Будем надеяться, что и впредь не попадет, — вздохнула Терца.

Она только что вышла из туалетной, где переодевалась на ночь. До блеска расчесала длинные черные волосы, перевязала их лентой, смыла косметику и чуть смазала лицо увлажняющим кремом. Поверх ночной рубашки она накинула черный жакетик, хрустящий от золотого шитья.

— У отца есть и более опасные хобби, — напомнил Мартинес. — Например, гонки на пай-карах.

Она прищурилась;

— Постараюсь не забывать и об этом.

Двадцать дней на маленькой яхте, кажется, немного развеяли окружавшую Терцу безмятежность, неземное спокойствие, которым он всегда восхищался как высшим из ее достоинств. Мартинес поднялся со стула и встал рядом с ней, его широкая ладонь пробралась под хрустящий жакет, погладила мышцы плеча. Она вздохнула и расслабилась, прислонившись к нему.

— Скучаешь без Гарета, да? — спросил он.

— Да, конечно.

Со времени рождения мальчика они редко оставляли его.

— Тебе будет скучновато, — сказал Мартинес. — Может, надо было оставить тебя на Ларедо.

— Скучновато? — шутливо удивилась она. — Перебирать контракты, искать в них следы преступных замыслов? Что может быть веселее?

Он улыбнулся:

— Если сумеешь найти, это окажется увлекательным.

— Ничего я не найду. Только не в контрактах. Их проверяли юристы и не нашли ничего сколько-нибудь подозрительного. Если что и обнаружится, так только в исполнении.

Мартинесу не удалось получить ни одного контракта, подписанного «Чи Девелопмент Компани» со своим главным подрядчиком, — ни он, ни Терца, ни Роланд не были ее служащими. Однако в качестве лорда инспектора он был уполномочен ознакомиться со всеми делами, которые компания вела с Флотом, с подрядами на строительство флотских объектов на Чи и на орбите. Правда, Мартинес плохо разбирался в финансовых делах, но здесь он надеялся на помощь Терцы.

— Оговорки о скользящих ценах всегда внушают подозрение, а в этих контрактах из полно, — заметила Терца. — В любом крупном подряде хватает возможностей скрыть незаконные прибыли, а этот подряд буквально величиной с целую планету. «Меридиан» вправе пересмотреть окончательную цену в случае, если возникнут непредвиденные издержки, а такие всегда возникают. Немножко правее, пожалуйста.

Мартинес послушно сдвинул руку правее.

— Но есть же какие-то границы вздуванию цен, — сказал он.

— Конечно. В случае с контрактами с Флотом необходимо согласие представителей Флота, что издержки оправданы.

— Судя по докладам, наша представительница практически всегда соглашалась, — вздохнул Мартинес, — а теперь она получила корабль в Четвертом Флоте, и я уже не смогу поговорить с ней лично.

Терца снова развеселилась:

— Ну конечно, стоило бы тебе взглянуть ей в глаза, и она бы

тут же выложила тебе все сведения о неоправданных перерасходах, которые прикрыла своим одобрением. Я думаю, тебе лучше поговорить с новым представителем. У него нет причин прикрывать упущения своей предшественницы.

Она потянулась, закинув руки за голову, изогнула спину и потянулась. Мартинес чувствовал, как расслабляются у него под пальцами мышцы.

Он прервал массаж, когда Терца склонилась вперед, изгибая позвоночник и упершись ладонями в густой ворсистый ковер. Потом она выпрямилась, резко выдохнула и повернулась к нему.

— Спасибо, — сказала она, обняв его и опустив голову ему на грудь. — Знаешь, может, я все-таки останусь довольна отпуском.

«Я уже три года как в отпуске», — чуть не сказал Мартинес. Даже рыться в старых контрактах было приятно после целой вечности безделья. Хоть какая-то польза от него.

Но он понимал, что имеет в виду Терца.

— Постараюсь не забывать время от времени полюбоваться звездами, — произнес он.

Терца теснее прижалась к нему.

— Мне подумалось, мы можем с толком употребить свободное время.

— Не возражаю, — улыбнулся Мартинес.

Терца чуть отстранилась, подняла на него темные глаза.

— Я не *только* об этом, — сказала она. — Я подумала, не пора ли нам подарить Гарету братика или сестричку?

У Мартинеса перехватило дыхание. Брак их был устроен родственниками — довольно обычное явление среди пэров, а в случае с Мартинесом Роланд чуть не силой заставил его подписать брачный контракт. И хотя Мартинес искренне хотел ребенка, рождение Гарета-младшего тоже входило в договор. Мартинес прекрасно сознавал, что он не ровня Терце — за их брак лорд Чен получил от их клана существенную финансовую поддержку, — и часто гадал, что думает его жена о длинноруком провинциальном офицере, за которого ее выдали, не дав и дня на знакомство.

Гадал, но никогда не спрашивал. Мартинес не имел привычки задавать вопросы, если ожидал получить ответ, который может его расстроить.

Ему все радостнее было следить, как Терца плавно входит в его жизнь, хотя ее безмятежное спокойствие казалось ему несколько преувеличенным. Однако он не взялся бы с уверенностью сказать, что будет, если лорд Чен, уверенно вставший на ноги в финансовом отношении, прикажет своей дочери развестись. Вполне могло случиться, что она с тем же

неземным спокойствием покинет его. Он никогда точно не знал, что скрывает это чудесное замкнутое личико.

До сих пор. Контракт, заключенный их семьями, не предусматривал второго ребенка.

— Конечно, — сказал Мартинес, переведя дыхание. — Непременно. И по возможности сразу.

Она улыбнулась:

— Сразу не получится. Сперва мне придется удалить имплантат. Можно обратиться к врачу «Каенты» или потерпеть до Чи. — Она чмокнула его в щеку. — Хотя мне жаль будет потратить даром еще двадцать три дня.

Врачом «Каенты» был мрачный пожилой лай-он. За время пути он почти не показывался на глаза, если не считать обязательной вводной лекции о поведении в невесомости, при перегрузках и космической болезни. Однако при всех недостатках его характера, он, надо полагать, владел основными навыками межвидовой медицины.

— По-моему, тебе лучше завтра с утра зайти к старику, — сказал Мартинес. — Но и эту ночь нам не обязательно тратить даром.

Она прямо взглянула ему в глаза:

— А я и не собиралась.

Несколько часов спустя, перед полуночной вахтой, Мартинес проснулся от собственного крика, застрявшего в горле. Терца спокойно спала, положив голову ему на плечо.

Этот сон не повторялся в последнюю пару месяцев. На мгновение в темноте гостевого номера «Каенты» он увидел у себя на плече не черные кудри Терцы, а волосы бледного золота, обрамляющие белое лицо со сверкающими изумрудом глазами.

Сердце колотилось в груди. Мартинес слышал свое хриплое дыхание, обдирающее сухое горло.

Была и вторая причина, почему Мартинес не расспрашивал, что думает Терца об их браке.

Если у него есть тайна, справедливо будет оставить и за Терцей право кое-что утаить.

* * *

Кабель лифта спускался с геостационарной орбиты нитью, терявшейся в темной зелени экваториальных зарослей, как леска в море. Вблизи монитор показал Мартинесу часть самого лифта в виде светлой серой башни из лунного и метеоритного материалов — массивного противовеса кабеля. На вершине башни виднелось

несколько сходящихся зубцов, похожих на укрепления, хотя на самом деле это были части зубчатого механизма, необходимого для закрепления добавочного веса.

Корабль причалил к станции лифта у основания башни, в точке нулевой гравитации. Пассажиры по трубчатому туннелю добрались к ступице колеса башни, где располагались управленческие конторы и торговый центр. Оттуда по полым спицам легко было попасть в жилые помещения для рабочих, флотского состава, астрономов и транзитных пассажиров, направляющихся через Чи в другие места.

Прежде чем покинуть «Каенту», Мартинес поблагодарил Марселлу и лорда Па за приятное путешествие. Он знал, что на станции его, как лорда инспектора, ожидает торжественная встреча и непрерывная череда протокольных мероприятий, так что времени на любезности уже не останется.

Так оно и вышло. Едва Мартинес выплыл из причальной трубы, придерживаясь рукой в белой перчатке за направляющий трос, как услышал рев младшего офицера, вызывающего почетный караул, а репродуктор общей трансляции загрохотал «Праксис нашу мысль ведет» — один из самых шумных флотских маршей.

Почетный караул был представлен лай-онской военной полицией в парадной форме. Эластичная лента, под которую констебли засунули носки ботинок, помогала даже в невесомости держать идеальный строй. Перед строем Мартинеса приветствовали командующий станцией лорд лейтенант-капитан Ээл Тирбал и офицеры его штаба.

Лорд Ээл был молод и для лай-она невысок — они с Мартинесом без труда могли смотреть друг другу в глаза. Лорд Ээл представил свой штаб, после чего обернулся к бледному как смерть штатскому, стоявшему позади группы офицеров.

— Милорд, — сказал он, — позвольте представить вам главного инженера компании «Меридиан», мистера Ледо Аллодорма.

— Мистер Аллодорм, — слегка поклонился Мартинес.

— Польщен знакомством, милорд. — У Аллодорма, как у всех даймонгов, на лице навечно застыло выражение, которое терран мог истолковать как удивление, ужас или муку боли: выпученные глаза, приоткрытый рот… Мягкий тенор напоминал звучащие в унисон трубы, и при разговоре Мартинесу видны были движущиеся части ротового устройства за неподвижными костистыми губами.

Мартинес произвел ритуальный смотр почетного караула, после чего вместе с Терцей, багажом и слугами загрузился в

длинный узкий сине-зеленый экипаж, который должен был доставить к месту проживания. И лорд Ээл, и Аллодорм сопровождали их. Когда экипаж, окруженный облачком застывшего воздуха, поднялся и направился к причалу, Ээл взял на себя роль гида по станции.

Пост командующего станцией Чи был для него первым серьезным назначением, и видно было, что лорд Ээл наслаждается своей должностью. Он с удовольствием указывал на различные станционные сооружения — новенькие, блестящие и, на взгляд Мартинеса, слишком нарядные. Все здесь, от погрузчиков до воздуховодов, контролирующихся электронной системой наблюдения, было новейших моделей, непременно большим и ярким.

— Система очистки воздуха и циркуляции разработана на заказ, — похвастал Ээл, — и силовая установка тоже.

— Мы не используем залежавшиеся на полках модели тысячелетней давности, — добавил Аллодорм. — На станции применяются только новейшие разработки.

«Оригинальные разработки дорого обходятся», — отметил про себя Мартинес и сказал:

— Впечатляет. Я еще не видел таких новеньких станций.

— Первая новая станция за девятьсот лет, — сказал Аллодорм. — Но теперь, когда Совет начал экспансию в неразведанные системы, их, вероятно, станет больше.

— И все это меньше чем за два года, — восхитился Мартинес. — Быстро работаете.

И невероятно быстро, если все разрабатывалось на заказ. Так что, может быть, это все-таки готовые проекты.

Как тут узнать? Новых станций не строили целую вечность. Проще простого взять старую стандартную разработку, внести пару мелких изменений и назвать новейшим изобретением.

Одно он мог сказать сразу: может, система циркуляции и была новейшей, но пахло здесь точно так же, как на всех известных ему старых станциях.

Экипаж проскочил по соединительной трубе от ступицы к двум большим ободам и начал спуск в жилую часть.

— Вы первый вселяетесь в апартаменты для старшего офицерского состава, — сообщил Ээл. — Весь персонал к вашим услугам. Пожалуйста, если вас что-то не устраивает, сообщите кому-нибудь из них или мне.

Внутренним ухом Мартинес ощутил усиливающуюся гравитацию.

— Благодарю вас, лорд элкап, — кивнул Мартинес. — Я уверен, что все будет в порядке.

К тому времени как подъемник остановился на главном уровне Первого Обода, сила тяжести стала нормальной. У входа, словно на парад, выстроился персонал офицерских квартир. По приказу Ээла слуги устремились к экипажу и принялись разгружать багаж, помогли выйти Терце и Мартинесу. Багаж сложили на автоматическую тележку, и она покатила за шедшими пешком гостями. За тележкой следовали лорд Ээл, слуги и Аллодорм.

— Милорд, — сказал Аллодорм, — я надеюсь, вы с леди Терцей примете приглашение компании «Меридиан». Служащие и инженеры компании будут счастливы встретиться с вами послезавтра.

— Мы будем рады, — произнес Мартинес.

Завтра он должен был присутствовать на банкете с лордом Ээлом и офицерами Флота, и к тому же ему уже прислали довольно плотную программу, включающую посещения различных объектов, принадлежащих Флоту. Он прекрасно понимал замысел Ээла: занять инспектора осмотром технических чудес и банкетами, чтобы у того осталось поменьше времени собственно на инспекцию. Он вовсе не склонен был непременно видеть здесь коварные замыслы — Мартинес на его месте и сам поступил бы так же с обрушившимся на него инспектором.

Впереди открывался блестящий новенький коридор, плавно поднимающийся вверх. Светлые, похожие на керамические стены изгибались, смыкаясь над головой полукруглым потолком. Мартинес опустил взгляд на полимерные плитки под ногами. Шершавый серый пол прогибался под подошвой. Стандартное покрытие на всех станциях этого типа.

— С полом, кажется, были какие-то сложности? — спросил он, вспомнив раскопанную во флотских контрактах информацию.

— Да, лорд инспектор, были, — прозвучал в ответ мягкий голос Аллодорма. — К сожалению, не все было переработано по-новому — мы упустили такую элементарную деталь, как покрытие пола. Однако, получив заказанные нами стандартные настилы, мы выяснили, что они не отвечают требованиям развивающейся станции, где коридоры ожидает большое движение грузового транспорта. Нам пришлось бы менять все уже через десять лет, а мы, разумеется, не можем позволить себе закрыть для этого станцию. Так что пришлось заказать новое покрытие в Зарафане и доставить его экспрессом высокого ускорения.

— Команда торминелей, должно быть, не на один год сократила свою жизнь, доставляя нам этот груз, — добавил лорд Ээл, сопровождая свои слова жестом, выражающим ужас и

восхищение. Трубчатые кости расы лай-онов не выдерживали высоких перегрузок.

— Ну что ж, — сказал Мартинес. — Главное, проблема была решена.

Он старался говорить небрежно, а в уме прикидывал, нельзя ли как-нибудь вскрыть пол, чтобы проверить качество покрытия.

Квартиры для старших офицеров были так же перегружены роскошью, как вся станция, — темные деревянные панели на стенах и блестящая медь. Бирюзовые аквариумы вдоль стен наполнены экзотическими рыбами планеты, канделябры под высоким потолком сверкают ледяными узорами. Все с иголочки. Ээл с Аллодормом удалились, оставив гостей «отдыхать после тяжелого пути», будто они не провели сорок три дня на частной яхте, а перевалили через горный хребет с караваном мулов.

Терца с Мартинесом остались стоять в прихожей, на паркете, изображающем карту империи, где Чи была представлена маленьким малахитовым диском, а столица, Заншаа, кроваво-красным гранатом.

Они переглянулись.

— Нас поместили в отдельных спальнях, — начала Терца.

— Я заметил.

— Если не возражаешь, я скажу Фран, чтобы перенесла мои вещи к тебе.

— Ну конечно, — ответил Мартинес. — В этой огромной комнате мне будет одиноко без тебя.

Спальня их столичного дворца была заметно меньше. Эти апартаменты, должно быть, влетели Флоту в копеечку — с другой стороны, за Флотом не водилось обычая лишать своих офицеров необходимого комфорта.

До обеда оставалось около часу. Мартинес попросил своего ординарца, Аликхана, приготовить ему штатский костюм попроще, и покинул квартиру через кухню, поразив работавших там поваров.

Свободный час в насыщенной программе следует использовать.

Он прошел к одному из лифтов для персонала и перебрался в незаконченный обод. Там шли работы, и бригада торминелей, оседлав полиуглеродные балки за временным барьером, тянула проводку и трубы. Приготовленное к настилке покрытие пола стояло на огромном барабане, выше самого высокого лай-она. Мартинес наскоро проделал несколько измерений, затем вылез за предохранительный барьер к месту, где обрывался уже настеленный пол, чтобы осмотреть пластиковую основу, за которой начинались голые балки.

Если торминели и заметили, чем занимается Мартинес, то виду не подали. Узнав все, что хотел, Мартинес вернулся к себе.

— Ничего похожего на особый проект, — сказал он за обедом. — Они просто настилают второй слой стандартного покрытия поверх первого. — Он поднял бокал с превосходным флотским изумрудным вином «Хай-озо». — Деньги за все эти покрытия прикарманила компания «Меридиан».

— Не уверена, — возразила Терца. — Думаю, покрытия существуют. Экспресс ведь был и что-то сюда доставил. Я думаю, покрытия попали на другую стройку, на сто процентов принадлежащую компании.

— Хотел бы я знать, кому об этом известно, — пробормотал Мартинес.

— Скорей всего очень немногим, — отозвалась Терца. — Рабочие просто делают, что им сказано. Конечно, в такие операции оказывается вовлечено множество людей. Но думаю, «Меридиан» их так или иначе умиротворил.

— Интересно, знает ли Ээл? — спросил Мартинес, — Надо быть очень нелюбопытным, чтобы не заметить, что творится с этими покрытиями, но может, он и есть нелюбопытный.

Терца послала мужу многозначительный взгляд:

— Я бы на твоем месте его не спрашивала.

Мартинес рассматривал свою тарелку с жареным фристиго в луковом соусе с ягодами кистрипа. И ягоды, и овощи были свежими — приятная перемена после сорока трех дней на консервах. Должно быть, сельское хозяйство внизу процветает.

— Хорошо бы уточнить, кто владеет компанией «Меридиан». Но она в частных руках, и на бирже не знают, потому что акции не поступают в свободную продажу… — Он отбросил эту мысль. — Я, как лорд инспектор, мог бы запросить сведения, но могу и не получить ответа. А слишком много шума при расследовании…

— Лорд Па наверняка один из владельцев, и очень вероятно, что весь клан Мак-фан тоже в деле, — предположила Терца. — Но, не имея доступа к конфиденциальным документам планеты, где зарегистрирована компания, мы не можем… — Она задумчиво взглянула на него: — А знаешь, я *могла* бы выяснить.

Мартинес обернулся к ней:

— Как?

— «Меридиан» ведет дела с Флотом, а значит, по закону должен был предоставить министерству список основных держателей акций. Предполагается, что это конфиденциальная информация, однако… — Она возвела взгляд к потолку. — Подумаем, кого бы мне спросить.

— Твоего отца, — предложил Мартинес. — Он состоит в Контрольной Комиссии Флота и наверняка имеет допуск к этим сведениям.

Терца покачала головой:

— Он не сумеет сделать все тихо. Запрос из Контрольной Комиссии — все равно что выброс антиматерии на орбите. Или, — улыбнулась она, — как распоряжение лорда инспектора. Будет шум. — Она снова уставилась в верхний угол комнаты и, поразмыслив, решилась. — Бернардо. У него есть доступ и хватит ума не поднимать шума. Но я буду у него *в большом* долгу.

— Десять дней, пока запрос дойдет до Заншаа, — соображал Мартинес, — и десять на ответ…

Сообщение перескакивало от системы к системе со скоростью света, но задержка представлялась Мартинесу непозволительно долгой. Его сжигало нетерпение.

У Терцы в уголках губ мелькнула улыбка.

— Я никогда еще не видела тебя за работой. Ты половину времени сходишь с ума от нетерпения, а другую половину расхаживаешь, разбрасывая приказы, словно король перед войском. Честное слово, залюбуешься.

Услышав такое описание своей деловой манеры, Мартинес поднял бровь, но сказал только:

— Надеюсь, тебе не слишком быстро надоест любоваться.

— Думаю, не надоест.

Он потянулся через угол к ее руке. Терца склонилась навстречу и, поцеловав его в щеку, прошептала:

— Мой доктор мне как-то сказал, что женщине легче всего забеременеть в первый месяц после удаления имплантата. По-моему, мы подтвердили его теорию. Со второго раза.

Он почувствовал, как по коже пробежали колючие мурашки восторга.

— Ты уверена? — спросил он.

— Вообще-то нет, — ответила Терца. — Но я чувствую себя так же, как в прошлый раз, а в этих делах опыт кое-чего стоит.

— Наверняка, — сказал Мартинес.

«Потомки, — подумал он. — Чего еще желать человеку».

* * *

— Гавань пустовата, — сказал Мартинес.

Он ждал завтрака под зонтом на террасе рыболовного клуба Чи, в который был принят почетным членом. Здесь их с Терцей и поселили. Ни одна из расположенных на планете баз Флота не

была признана достойной лорда инспектора: единственным обладателем достаточно роскошного жилья оказался клуб. К тому же он и принадлежал отцу Мартинеса — любителю спортивной рыбалки.

— Рыболовецкие суда в море, а челноки сюда больше не заходят, — объяснил управляющий.

Он был терраном, красил бороду в багровый цвет и заплетал ее в две косы. На нем была куртка с накладными плечами, сшитая из лоскутов материи ярких тропических расцветок, подобранных так, что получался ослепительный калейдоскоп красок. Мартинес впервые видел, чтобы человек так одевался, и подозревал, что управляющий сам изобрел этот стиль.

Над свежим кофе, который тот налил в чашку гостя, поднимался пар.

— Без челноков у нас остается только маленький рыболовный флот и несколько спортивных катеров, — продолжал он, — но со временем их станет больше. Здесь можно развить настоящую рыбную промышленность — хотя большая часть улова пойдет на экспорт: мы здесь первые полтора года питались одной рыбой, и всех от нее уже тошнит.

Мартинес скользнул взглядом по зеленому береговому откосу и отыскал у огромного бетонного причала три подскакивающие на волнах лодчонки. Две под флагом клуба рыболовов, и одна под личным флагом — должно быть, принадлежит какому-нибудь чиновнику из «Чи Девелопмент Компани» или «Меридиана». На дальней стороне гавани расположился городок Порт-Виспания, названный в честь одной из сестер Мартинеса, а дальше уходил в небо кабель, тянущийся на геосинхронную орбиту к станции Чи.

Порт-Виспания, подобно всем первым поселениям, был построен на взморье, потому что, пока в прошлом году не начал работать небесный лифт, рабочих и снаряжение доставляли на планету челноки, работающие на химическом горючем. Они опускались на воду, после чего вплавь добирались к причалам. Продовольствие тоже сбрасывалось в море в беспилотных контейнерах, которые притормаживались на спуске реактивными двигателями, а потом рабочие на лодках буксировали их до берега. Те же огромные пластиковые контейнеры, опустев, превращались во временное жилье и склады.

С началом работы небесного лифта, доставлявшего людей и грузы с гораздо меньшими затратами труда и денег, челночное сообщение почти прекратилось, хотя северный Порт-Гарет, еще не связанный со станцией лифта строившейся рельсовой дорогой, по-прежнему снабжался челноками и контейнерами, сброшенными с орбиты.

Со времени открытия Чи для эксплуатации едва ли прошло три года, но поселения росли как грибы под щедрым ливнем капиталовложений. Инвестиции были огромны и, поскольку работы только начались, должны были продолжаться. Лорд Мукержи вместе с более мелкими вербовщиками обеспечивал непрерывный приток капитала, и, конечно, много сделал сам лорд Мартинес, использовав часть своего весьма значительного состояния.

Ресурсы целой планеты должны были со временем окупить любые вложения, но это дело многих лет, а тем временем воровство и просчеты в управлении представляли для «Чи Девелопмент Компани» немалую угрозу. Лишившись доверия вкладчиков, компания обанкротится, и владение целой планетой ее не спасет.

— Мне хотелось бы видеть в этой бухте целый флот, — сказал Мартинес.

— И мне тоже, — согласился управляющий. — Дела пошли бы куда лучше. Обидно: столько возни было с этим причалом, а теперь он стоит пустой.

— Возни? — переспросил Мартинес.

— Они отгрузили на волнолом не тот цемент, — объяснил управляющий. — Нужен был цемент марки «Де-лок», он схватывается под водой и устойчив к коррозии в соленой воде. А прислали обычный, и пришлось гнать на Ларедо особый корабль.

— А куда девали негодный цемент? — спросил Мартинес.

— Забраковали, — сказал управляющий. — Некуда его было деть. А, вот и ваш завтрак.

Мартинесу принесли завтрак — рыбу-гриль с острыми как иголки зубами, двумя парами глаз — по одной на каждом конце — и с костяными чешуйками, аккуратно уложенными на место перед подачей на стол. Оторвав взгляд от рыбы, Мартинес посмотрел на Порт-Виспанию, где ровными рядами стояли бетонные дома служащих компании «Меридиан».

— Да, жаль, что ему не нашлось применения, — сказал он.

* * *

Мартинес не удержался от соблазна посетить город, названный отцом в его честь. На одиннадцатый день он сбежал с бесконечной череды торжественных банкетов и приемов и, взяв принадлежащий Флоту колеоптер, приказал направляться к Порт-Гарету, лежащему на севере умеренного пояса.

Колеоптер скользил над однообразным зеленым покровом:

море планеты кишело бесконечно разнообразными формами водной фауны, но жизнь на суше была примитивной и сводилась к нескольким разновидностям основных типов: единственными представителями фауны были черви и многоножки, а растения не пошли дальше лишайников, грибов и нескольких видов папоротников — впрочем, некоторые папоротники достигали высоты двухэтажного здания.

Всем им предстоит вскоре вести жестокую борьбу за выживание с инопланетными растениями и животными, в изобилии завезенными на планету. Стада портшенов и фристиго, овец, бизонов и прочего скота выпустили из челноков и оставили на произвол судьбы. Хищников не было, и стада быстро увеличивали поголовье.

Вдали от побережья, в долине реки и вдоль растущей сети железных дорог, стояли большие фермы, большей частью автоматические. Никто еще не знал, что здесь будет расти, так что фермеры сажали все подряд, причем гораздо больше, чем требовалось для населения планеты. Если дело пойдет без серьезных неприятностей, планета очень скоро станет крупным экспортером зерновых и начнет приносить «Чи Девелопмент Компани» прибыль.

По расчетам, через пару столетий местные виды сохранятся только в музеях.

Колеоптер перевалил горный хребет, отделявший Порт-Гарет от континента, и начал спускаться к плодородной равнине. Среди папоротниковых лесов серебрились излучины рек. Направляясь к сине-зеленому океану, показавшемуся на горизонте, колеоптер пролетал над возделанными полями. Солнце блестело на чистых куполах уборочных машин.

Возможно, Порт-Гарет и не подлежал инспекции, поскольку в нем не было флотских объектов, но лорд инспектор решил, что дорога, которая должна связать его с южными поселениями, относится к системе государственной безопасности и потому входит в сферу интересов Флота.

Бандажи турбин на концах крыльев развернулись, и машина стала снижаться. На краю посадочной площадки выстроился очередной комитет встречающих.

Широкий грузовой люк колеоптера откатился в сторону, Мартинес снял наушники, поблагодарил пилота и вышел на площадку. Резкий ветер взлохматил ему волосы. К тому времени как из люка показался Аликхан с багажом Мартинеса, комитет по встрече приблизился. Его возглавляла леди мэр, клиентка семьи Мартинесов, которую он смутно помнил с детства. Черный с сединой мех торминели лучше подходил для сурового климата

Порт-Гарета, чем для тропической жары Порт-Виспании.

За несколько минут Мартинесу представили муниципальный совет и местных представителей «Чи Девелопмент Компани» и «Меридиана», а потом из длинной обтекаемой машины показалась знакомая фигура.

— Помните меня, милорд? — осклабился парень.

Мартинес был уверен, что никогда его не забудет. Ахмед был такелажником на «Короне» — первом корабле, которым он командовал. Большую часть рейса парень провел под арестом или во внеочередных нарядах, а оставшееся время посвятил незаконным азартным играм, подпольному изготовлению спиртных напитков и для разнообразия — мелкому вандализму.

— Ахмет, — кивнул Мартинес. — Ушли с Флота, как я вижу?

Флот мог этому только радоваться.

— Я теперь бригадир на строительстве дороги, — поведал Ахмет. — Как узнал, что вы прилетаете, всем рассказал, что вас знаю, и напросился встречать. — Он потер рукавом блестящий кружок, приколотый у него на груди. — Видите, до сих пор ношу значок «Короны». Меня назначили вашим водителем и провожатым.

В глазах Мартинеса назначение Ахмета на мало-мальски ответственную должность было доказательством преступной халатности, если не хуже. Но он по возможности невозмутимо улыбнулся, сказал: «Рад встрече», — после чего его увлекли в квартиру, приготовленную для него во дворце мэра. Далее пришлось пережить еще один банкет. Мартинес обладал здоровым самоуважением, которое кое-кому представлялось заносчивостью, но и он начал уставать от непрерывных обедов в свою честь.

Тем не менее он с удовольствием осмотрел памятник самому себе на главной площади: суровый вид и Золотая Сфера на груди. С несколько меньшим удовольствием он увидел за спиной статуи насосную вышку с весело поблескивающим на солнце маховиком.

— Это что у вас, — спросил он, — нефть?

— Да, — отвечала леди мэр. — Здесь мы нашли слой залегания у самой поверхности — к счастью, потому что иначе с тем оборудованием, которое нам прислали, нам бы до нее не добраться.

— Как вы ее используете?

— Производство пластиков. Через несколько лет у нас будет развитая промышленность.

— А как продвигается строительство дороги?

Железнодорожная ветка должна была со временем соединить Порт-Гарет с южными районами: сверхзвуковые поезда понесут от

небесного лифта оборудование и иммигрантов, а обратно — продовольствие и изделия химической промышленности. Линию тянули с двух концов, и место стыковки лежало где-то в горах.

— В последние месяцы были кое-какие заминки, — ответила леди мэр. — Но работы все еще опережают график.

— Заминки? — повторил Мартинес. — Не может ли Флот вам чем-нибудь помочь?

— Вы очень добры, но не нужно. Просто оказалось, что данные геологоразведки неточны или неполны. Инженеры обнаружили слой твердых пород гораздо толще ожидаемого, и работы на время застопорились.

Мартинес решил, что ему придется хоть немного изучить геологию.

На следующее утро он встал рано, получил от ординарца чашку кофе и вызвал Ахмета.

— Мне бы хотелось добраться до железной дороги, — сказал он. — Вы можете это устроить?

— Безусловно, милорд.

— И при том я не хочу шума. Устал от парадов. Нельзя ли нам отправиться вдвоем, раз уж вы мой гид?

В ответе Ахмета Мартинес явственно различил торжествующие ноты:

— Конечно, лорд капитан! Проще простого!

На строительство их доставил поезд, подвозивший припасы для рабочих. Мартинес ехал в кабине. Он оделся в штатское, натянул высокие сапоги и, кажется, сильно разочаровал Ахмета, которому хотелось представить сослуживцам героя войны при полном параде. В наказание Мартинесу пришлось выслушивать, как Ахмет громко предается воспоминаниям о службе на «Короне» и о сражении при Хонбаре, причем создавалось впечатление, что под чутким руководством Ахмета Мартинес успевал разделаться с полчищами наксидов до завтрака.

— Тогда мы легли на новый курс и ослепили наксидов огнем выхлопа, так что им не видны были корабли резерва, — провозгласил Ахмет и доверительно подмигнул Мартинесу. — Верно, милорд?

— Да, — сказал Мартинес и, взглянув в окно, спросил: — Что это там впереди?

Линия для сверхзвуковых поездов должна быть как можно более прямой и ровной. Вблизи гор рельсы поднимались на гигантскую эстакаду, возводившуюся столь же гигантскими машинами. Для рек и будущих дорог под эстакадой оставляли арочные проходы. В склонах гор прокладывали террасы, достаточно широкие для рельсового пути, а в твердой скале

бурили туннели. Мосты через широкие долины издали казались паутинками, но вблизи стало видно, что они покоятся на фермах шириной с автобус, удерживаемые тросами толще ноги Мартинеса. Поезда, плывущие в магнитном поле над рельсами, снабжались стабилизаторами, гасившими ударную звуковую волну, и тем не менее вдоль туннелей приходилось тянуть линию отражательных экранов и глушителей, чтобы звуковые колебания не обрушили гору.

Добравшись до конца проложенных путей, Мартинес увидел гигантскую буровую установку, прокладывающую туннель, и другие машины, отвозившие щебень, выравнивающие стены и укладывающие рельсы. Механизмы были вполне современны, рабочие — вполне опытны, и никто явно не сомневался, что стыковка с южной веткой, долбившей ту же стену с другой стороны, произойдет с опережением графика.

— И все получат солидную премию от «Чи Девелопмент Компани», — ухмыльнулся Ахмет. — Верно, милорд?

— Рад за вас, — сказал Мартинес. Прежде чем задать следующий вопрос, он дождался, пока они с Ахметом останутся наедине. — Кажется, в прошлом месяце возникла серьезная задержка? Нельзя ли на обратном пути остановиться на том участке?

Ахмет подмигнул:

— Сейчас предупрежу машиниста.

Обратно они ехали на маленькой дрезине, подвозившей на строительство рельсы, и механик лай-он не возражал против небольшой задержки.

— У отметки пятьсот девяносто три, — велел ему Ахмет.

Дрезина замедлила ход и встала. Ахмет выскочил в темноту туннеля с электрическим фонарем в руке. Мартинес услышал всплеск.

— Осторожней, милорд, — предупредил Ахмет, — здесь сыровато.

Мартинес спустился на рельсы и пошел за подпрыгивающим впереди огоньком фонаря. Подъем коры поставил здесь геологические слои почти вертикально.

— Они это называют интрузией, или лакколитом, что-то в этом роде, — рассказывал Ахмет. — Как ни называй, штука чертовски твердая. Бур не берет. Вот оно. — Он поднял фонарь повыше.

Вдоль слоев тянулась темная серая полоса, в ней звездами сверкали вкрапления слюды.

— Вот это? — переспросил Мартинес.

Слой был не толще размаха его рук. Никак не назовешь

интрузией.

— Да, милорд. Им пришлось разрабатывать новую буровую фрезу.

«А взорвать не могли?» Мартинес прикусил язык.

Конечно, можно было взорвать, думал он, но взрывные работы не оправдали бы серьезного повышения конечной стоимости работ. Мартинес припомнил разговор между лордом Па и Мукержи на приеме в его честь в Рио-Хондо. Что-то относительно геологической сводки…

Мартинес задумался вдруг, мог ли Мукержи — азартный игрок — обеспечивать одобрение постоянных перерасходов представителем «Чи Девелопмент Компани». Как-никак он президент компании: вполне мог одобрить. Но Мукержи не бывал на Чи — он занимался обеспечением фондов, и запросы ему пришлось бы слать через всю империю. Он не бывал на Чи и не мог подписывать самых дорогостоящих запросов.

Если только… Если Мукержи не состоит в заговоре. Если заговорщики не оплачивают его игорные долги.

— Интересно, — сказал Мартинес.

У Ахмета в свете фонаря блестели глаза: вор восхищался ловкой работой другого вора.

— Замечательная штука, верно? — сказал он. — Геология!

* * *

Он не мог придумать, как Скорлупкин мог узнать об отношениях между лордом Конфеткой и леди Модницей. Камердинер Кадавр мог бы ему рассказать, но тогда Скорлупкин догадается насчет Кадавра, а догадываться об этом ему пока рано. Но как же тогда устроить, чтобы ко времени Большого Бала Скорлупкин узнал?..

«Знак, — думал Северин. — Таинственный знак, значение которого поймет Скорлупкин, и никто другой. Но кто пришлет его?»

В такт своим мыслям Северин тихонько постукивал о подлокотник перстнем леди Льяо. Приходилось признать, что сюжет завис. Шел третий от полуночи час корабельных двадцатидевятичасовых суток, и Северин устал. «Можно попросить чашечку кофе из дежурки, — прикинул он, — но тогда кому-то придется просыпаться».

Пожалуй, следовало забыть на время о куклах и занять мысли чем-нибудь другим. Скажем, управлением кораблем.

Рубка «Разведчика» была полна обычных устройств:

навигация, контроль двигателей, коммутаторы для капитана и штурмана, экран системы слежения. У каждого прибора стояло кресло, тщательно уравновешенное в противоперегрузчной клети, а перед каждым креслом висела откидная панель управления.

В данный момент экран системы слежения был занят страшно скучающим уорент-офицером второго класса Чамчей, который вывел на дисплей отнюдь не потрясающие виды звездного скопления Чи, а игру, которую называли «мозготрах», да и ту он проигрывал по рассеянности. Устав требовал держать дежурного на экране системы слежения, а также и на контроле двигателей — сейчас там сидела Лили Бхагвати, еще одного на коммутаторе — стажер-сигнальщик Джайе Нкомо, и еще одного, полноправного вахтенного, в капитанском кресле — им был сам Северин.

Час, выделявшийся в каждой смене на ускорение, давно прошел, а до завтрака было еще далеко. Северин лениво разглядывал фотографии улыбающегося семейства лорда Го, приклеенные капитаном к контрольной панели, — на этот счет капитан был снисходителен, и все панели в рубке были украшены мелкими сувенирами, принадлежавшими дежурным этих служб. Семейные фотографии, любовные записки, бумажные цветы, шутки, стихи, фотографии актеров, певиц и моделей — все, о чем приятно помечтать, когда до ближайшей кольцевой станции три месяца пути.

Северин поймал себя на том, что уже не первую минуту созерцает семью лорда Го: улыбающуюся жену, машущих руками детей, гордых родителей, любимую собаку и тряпичную куколку торминеля. Он встрепенулся, с силой помотал головой, чтобы прочистить мозги, и оглядел остальные службы. Ничего достойного внимания. Ни гудков тревоги, ни предупредительных огоньков на дисплеях.

Он вызвал на свой дисплей игру уорент-офицера Чамчи, увидел, с каким счетом тот проигрывает, и вздохнул. Может, когда Чамча сдастся, вызвать его на гипертурнир или еще что? Лишь бы не заснуть.

Поглядев, как разваливается позиция Чамчи, он вызвал навигационный экран. «Разведчик», направлявшийся прямым курсом от Первой ко Второй червоточине, заметно отклонился от обычных маршрутов, оканчивающихся на Чи.

И здесь все в норме.

Северин покосился на Чамчу. До сих пор не вылетел?

Что-то мигнуло на экране системы слежения, и Северин, переводя взгляд на свой дисплей, успел увидеть, как все лампочки и сам дисплей потухли, потом снова вспыхнули…

— Проверка состояния, — выкрикнул Северин.

Лампочки вспыхивали и гасли.

Уорент-офицер Лили Бхагвати как ужаленная подскочила в своем кресле. В ее голосе звучали пронзительные панические ноты.

— Силовой скачок на первой главной сети. Скачок на второй сети!

Пальцы Северина потянулись к панели в попытке переключить контроль корабельных систем на свой дисплей.

Свет погас, зажегся снова. Изображение на дисплее перекосилось, замедлилось.

«Как интересно…» — отстраненно подумал он.

— Автоматическое отключение первой главной сети! — доложила Бхагвати. — Отключение главного двигателя. Аварийное питание!

Что бы ни творилось с кораблем, все происходило слишком быстро. Доклады Бхагвати запаздывали. Автоматическая защитная блокировка цепей включилась раньше, чем успела отреагировать терранская команда. Северин уловил слова «отключение главного двигателя» и успел понять их смысл за миг до того, как вездесущий рокот, наполнявший корабль, стих, и его тело свободно всплыло над креслом.

Он потянулся к предохранительным ремням, чтобы закрепиться в кресле, когда в рубке стало темно. Остаточное изображение дисплея медленно гасло у него на сетчатке.

— Первая аварийная сеть отключена, — запоздало сообщила Бхагвати.

В нарастающей тишине Северин различил затухающий шелест вентиляции — словно последний вздох умирающего.

«Так не бывает», — подумал он.

Такого не могло случиться, и поэтому стандартных процедур на подобный случай предусмотрено не было. Полное отключение всех систем корабля, включая те, что были повреждены таинственной силой?

«И так тоже не бывает», — подумал он.

— Всем оставаться в своих клетках! — приказал Северин. — Еще разлетитесь в потемках…

Он постучал подаренным леди Льяо кольцом по подлокотнику, пытаясь сообразить, что делать дальше. Крошечные искорки света, похожие на огоньки светлячков, показывали, где стоят в зарядниках фонарики, работающие на батарейках. Они не предназначались для подобных ситуаций, поскольку предполагалось, что аварийное освещение не отказывает никогда. Их использовали для освещения темных уголков приборов при мелком ремонте.

Огоньки манили к себе. Северин решил, что не помешает обзавестись фонариком.

— Я достану фонарь, — сказал он. — Остальным ждать.

Лейтенант отбросил так и не закрепленный как следует предохранительный ремень, сдвинул наверх откидную панель дисплея — от этого маневра его слегка вдавило в кресло. Оказавшись на свободе, он осторожно потянулся, нащупал один из прутьев клетки и мягко потянул на себя, пока его голова и туловище не оказались за пределами клети. Он осторожно подтянул ноги — клетка от этого движения слегка покачнулась. Выпрямил ноги и нащупал носками пол.

Нельзя было отталкиваться от пола, чтобы дотянуться до фонаря: толчок направил бы его не в ту сторону. Вместо этого он обеими руками толкнул клетку, заставив ее вращаться по всем трем осям, и мягко поплыл к ближайшей стене.

Протянув руку, Северин дотянулся до фонаря и заметил, что тяжело дышит. Даже такое легкое движение отняло много сил. Послышался глухой удар, чуть погодя еще один. Северин понял, что кто-то размеренно и настойчиво стучит в тяжелую герметичную дверь рубки. Он высвободил фонарь из гнезда, устроенного так, чтобы удерживать его при больших перегрузках, развернул и включил, осветив рубку.

Три пары глаз смотрели на него. Трое ожидали его приказаний.

За дверью рубки слышались приглушенные вопли.

* * *

За дверью все еще кричали.

Северин подсветил Чамче, помогая ему выбраться из клетки и добраться до второго фонаря. Затем он занялся дверью. Вытащил и закрепил предохранительные концы, предусмотренные именно на такой случай, затем — паря на привязи троса — откинул крышку входного устройства, достал коленчатую ручку из светлого легированного металла и вставил ее в дверной механизм. Держась одной рукой за крепление, прилепив фонарь к стене клейкой лентой, он медленно начал открывать дверь.

Вопли прекратились. Северин не знал, радоваться этому или нет.

К тому времени как тяжелая дверь приоткрылась, он задыхался. Капли пота висели в свете фонаря шариками расплавленного золота. Экипаж рубки сгрудился вокруг него, уцепившись кончиками пальцев за прутья клеток или за панели.

Лучи всех фонариков были направлены в коридор. Северин услышал несколько коротких вздохов и общий крик: «Лорд капитан!»

Выглянув наружу, Северин увидел лорда Го. Он бессильно висел в луче света, одетый в бирюзовую шелковую пижаму. Кожа его была ярко-красной, а глаза прятались в багровых отеках. На лице и руках уже вздулись крупные пузыри.

«Ожоги», — понял Северин. Но он не видел огня и не ощущал запаха гари.

— Милорд! — окликнул он.

Не отпуская крепления, Северин развернулся в сторону лорда Го, чуть оттолкнулся и ухватил капитана за руку. Дальше по коридору он увидел еще одно неподвижное тело и по золотистым волосам, плававшим в невесомости вокруг головы, узнал леди Максину Велстоун, младшего лейтенанта корабля.

Северин за руку подтянул к себе лорда Го и поежился, ощутив, как скользит кожа у него под пальцами. Как будто не закреплена, словно ее можно стянуть с руки капитана так же легко, как перчатку. Он старался двигать капитана как можно мягче и остановился, как только тело оказалось в рубке.

— Бхагвати, — сказал он, — закрепите лорда капитана в клетке, что ли. Постарайтесь к нему не прикасаться.

— Да, милорд.

— Нкомо, найди доктора и приведи ее сюда.

Доктором на «Разведчике» числился не врач, а фармацевт первого ранга. Она сделает, что сумеет.

— Слушаюсь, милорд, — отозвалась Нкомо и ловко пронырнула в коридор над головой у Северина.

Северин подтянулся к противоперегрузочной клетке, где Лили Бхагвати устраивала капитана, привязывая его к прутьям своим поясом. Северин склонился к самому его лицу, стараясь не смотреть слишком пристально на влажную от сукровицы, обожженую кожу.

— Милорд, — обратился он к капитану, — вы знаете, что случилось?

Под отекшими веками чуть повернулись налитые кровью глазные яблоки. Голос лорда Го звучал так, словно язык у него распух, став в два раза больше.

— Не… знаю, — выговорил он.

— Был пожар?

— Не… было. — Лорд Го протяжно вздохнул. — Больно, — пожаловался он.

Северин закусил губу.

— Вам плохо, лорд капитан?

— Больно, — повторил капитан.

— Доктор сейчас будет.

— Не знаю, — снова повторил капитан и замолчал, опустив веки. Дышал он хрипло.

Северин оглянулся на Бхагвати и увидел в ее широко раскрытых карих глазах отражение своей тревоги.

Надо было позаботиться о корабле.

— Ладно, — сказал он. — Бхагвати, Чамча, проверить главные цепи. Надо наладить питание. — Он вспомнил облако светлых волос в коридоре. — Я посмотрю, что с лейтенантом Велстоун.

Он пальцами оттолкнулся от пола и выплыл в коридор. Стараясь не смотреть в искаженное, обгорелое лицо Максины, пощупал пульс на горле.

Пульса не было. Возвращаясь в рубку, он почувствовал, что у него дрожат руки.

— Милорд, — сказал Чамча, едва Северин вернулся на командный пост. — Милорд, это радиация.

У Северина сердце подпрыгнуло в груди. Он обернулся к Чамче:

— Вы вели мониторинг. Видели спектр?

— Я видел всплеск, но не успел понять, что происходит, а потом все полетело. — Чамча облизнул губы. — Но это наверняка радиация, милорд, другого объяснения нет.

Сердце Северина сжало, будто холодными пальцами. Чамча был прав.

На корабле было несколько помещений, защищенных от жесткой радиации: главная рубка и рубка управления двигателями. Имелись еще специальные убежища, где должен был укрываться экипаж в случае вспышек на солнце, но там было тесно, и экипаж никогда не спал там, если не объявляли радиационной тревоги.

— Как только наладят питание, просмотрим записи, — сказал Северин. — Займитесь цепями.

— Да, милорд.

«Радиация», — думал Северин. Но какого рода? И откуда? Они были одни в пространстве, шли от червоточины к червоточине, минуя единственную обитаемую планету системы. Вблизи не было ни других планет, ни станций, ни кораблей.

Отказ электроники может объясняться вспышкой на солнце. Быстрые протоны, выброшенные звездой, имеют опасную привычку распространяться вдоль линий электромагнитного поля, пока не наткнутся на что-нибудь, что можно испортить. Но солнечная вспышка, настолько мощная, чтобы вышибить все

электронные системы большого корабля и вдобавок вызвать серьезное облучение всех незащищенных членов экипажа и все за несколько секунд, — таких вспышек не регистрировалось за всю историю наблюдений.

Такая вспышка вполне может пробить атмосферу Чи.

Однако такая вспышка крайне маловероятна. В норме после объявления радиационной тревоги у экипажа хватает времени укрыться в убежищах. К тому же «Разведчик» на ходу генерирует электрическое поле на металлических полосах, протянутых по его композитному корпусу, и это поле должно отклонять все заряженные частицы высоких энергий, направляющиеся в их сторону.

Остаются незаряженные частицы.

— Милорд! — окликнула Бхагвати. Ее сердитое лицо показалось из-за крышки люка. — Прерыватели оплавлены. Их замкнуло раньше, чем они успели разомкнуться. Придется устанавливать новые.

— Ну так устанавливайте, — отозвался Северин.

Он обернулся на отблеск света, мелькнувший за дверью в коридор. Седая женщина вплыла в рубку, задержалась, ухватившись одной рукой за косяк двери. Когда она выпрямилась, Северин узнал инженера первого класса Моджтахед.

— Примите рапорт, милорд, — обратилась она к нему.

Это была полная нескладная женщина средних лет, с короткой стрижкой и выпуклой родинкой на щеке. При виде ее Северин с облегчением вздохнул: по крайней мере, один из двух главных инженеров оказался во время удара в защищенной рубке контроля двигателей.

— Что у вас? — спросил Северин.

— Силовой скачок отключил двигатели, — доложила Моджтахед. — Мы установили прерыватели в исходное положение — некоторые пришлось заменить, и я приказала начать отсчет включения двигателей. У нас около двадцати минут.

— Напряжение достаточное?

— Аварийные аккумуляторы пока действуют. — Она обвела взглядом затемненную рубку и поняла, что Северин пока не в состоянии управлять кораблем. — Прервать отсчет можно в любой момент, — предложила она.

— Тогда задержитесь в минутной готовности.

— Да, милорд.

Северин посмотрел на нее.

— Сколько народу у вас в рубке?

Она горестно поджала губы.

— Минимальная смена вахтенных, милорд: двое.

Таким образом, у Северина оставалось по меньшей мере семь человек, не пострадавших от лучевого удара.

Семеро из тридцати четырех.

Моджтахед, поразмыслив немного, обратилась к нему:

— Могу я поговорить с вами наедине, милорд?

— Да. — Северин обернулся к Чамче и Бхагвати, еще возившимся у панелей переключателей: — Принесите прерыватели.

Оба направились к выходу.

Моджтахед оттолкнулась от двери и остановилась рядом с Северином. При взгляде на лорда Го лицо ее ожесточилось. Повернувшись к лейтенанту, она заговорила едва ли не с яростью:

— Вы обдумывали вероятность того, что это было нападение?

— Нет, — ответил Северин, хотя вопрос не удивил его. Он еще не дошел в своих рассуждениях до такой возможности, но мысли двигались в этом направлении.

— Гамма-лучи и быстрые нейтроны, — продолжала Моджтахед, — то самое, что мы получаем при разрыве снаряда.

— Но мы не видели приближения снаряда, — возразил Северин. — Не было вспышки, и на радаре чисто. Никаких признаков взрыва.

— Снаряд могли разогнать до релятивистских скоростей еще за пределами системы и направить на нас через червоточину.

Северин обдумал эту вероятность:

— Но с какой стати?

«Разведчик» — не военный корабль и не представляет особой ценности, да и шел от червоточины к червоточине в стороне от торговых путей. И как предлог для открытия военных действий он слишком незначителен.

— С какой стати, — повторила за ним Моджтахед. — И кто?

Северин лихорадочно соображал:

— Если это нападение, мы прежде всего обязаны предупредить станцию Чи и передаточные станции червоточин. Даже прежде, чем запускать двигатели, прежде, чем маневрировать, — прежде всего. Потому что, как только враг обнаружит признаки жизни, нас добьют.

Моджтахед втянула в себя воздух, задержала его на миг за стиснутыми зубами и выпустила в шумном сердитом выдохе.

— Если уж атакуют такую мелочь, как мы, я не дам и гроша за станции Чи и червоточины.

Молчание длилось уже третью секунду, когда в дверь просунулась голова Нкомо.

— Доктор мертва, милорд. Я разыскала ее помощника… —

Она помолчала. — С ним то же, что с капитаном.

— Благодарю вас, — сказал Северин, но Нкомо еще не закончила. — Мертвое тело лейтенанта Велстоун в коридоре прямо у нас за дверью, — продолжала она, вплывая в рубку. — Я заглянула в каюту лейтенанта Монткрифа, он в своей койке. Жив, но я не смогла его добудиться.

— Благодарю вас, — повторил Северин и обернулся к Моджтахед. — Возвращайтесь в рубку контроля двигателей и запритесь там, на случай повторного удара. Я в первую очередь займусь восстановлением системы связи.

— Очень хорошо, милорд. — Она уже собиралась оттолкнуться от панели, но вдруг задержалась. — А не мог это быть «Титан»? Если «Титан» рванул, мы должны были получить чертову уйму радиации.

Последняя гипотеза так удобно объясняла все, что Северину страшно не хотелось ее отвергать.

— Только, если бы «Титан» был рядом, — вздохнул он, — а его не было. Он еще даже не вошел в систему.

Моджтахед тоже явно не хотелось отказываться от своего предположения.

— Очень жаль, милорд, — сказала она, и тут же в голову ей пришла новая мысль. — А как насчет природных объектов? Мы почти в ядре Галактики. Не могло что-нибудь взорваться в центре, так что нас захватило излучение?

— Не знаю, — протянул Северин. — Не думаю, что так, но не знаю.

Моджтахед легонько коснулась прутьев противоперегрузочной клетки. Даже слабый толчок кончиками пальцев заставил клетку вращаться, так что привязанный к ней лорд Го очнулся и застонал.

— Больно! — вскрикнул он, и Северин нервно передернулся.

Подтянувшись ближе, он постарался успокоить капитана:

— Помощь скоро будет, милорд.

— Больно!

Чтобы больше не тревожить лорда Го, Северин выпустил клетку и оттолкнулся от палубы носком ботинка. Долетев до стены, оттолкнулся еще раз и поймал руками косяк двери.

— Надо открыть медпункт, — сказал он Нкомо, — и оказать помощь пострадавшим.

На лице Нкомо беспокойство смешалось с облегчением.

— Да, милорд, — сказала она.

Северин взглянул на тело лейтенанта Велстоун.

— Внесем ее в каюту, — предложил он и с помощью Нкомо провел тело до расположенной рядом с рубкой каюты лейтенанта.

Они уложили погибшую в ее койку и подняли предохранительную сетку, чтобы при случайном толчке тело не уплыло прочь.

По дороге к медпункту они столкнулись с Чамчей и Бхагвати. Те были нагружены коробками с запасными электродеталями. Северин приказал им прежде всего заняться связью и направился за кормовую переборку. Медпункт располагался в защищенной части корабля: будь фармацевт на дежурстве, вместо того чтобы спать у себя в койке, она выжила бы.

Двое членов экипажа в агонии сумели добраться до медпункта, но не смогли открыть запертую дверь. Один был теперь в беспамятстве, а другой свернулся клубком, поскуливая от боли. Северин отпер лейтенантским ключом дверь, потом шкафчик аптечки. Вытащил инъектор и принялся перебирать пластиковые коробки с аккуратными этикетками, уложенные в плотную металлическую сетку, защищавшую их при высоких ускорениях. Он нашел фенилдорфин-зет, вытащил одну из коробок и передал ее Нкомо. Достал вторую, вскрыл ее, вставил одну ампулу в инъектор и сунул остальные в карман комбинезона.

Включив инъектор, Северин услышал гудок. На дисплее замелькали цвета, в прозрачной ампуле всплыл пузырек воздуха: компьютер проанализировал содержимое и выдал на экран рекомендованные дозировки.

Программа инъектора была рассчитана на полного невежду. Северин отмерил дозу, подплыл к ближайшему члену экипажа: девушке, поскуливающей при каждом выдохе, надежно зацепился ногами за косяк двери медпункта, подтянул пострадавшую к себе и осторожно поднял ей пальцами подбородок. Приставив к горлу иглу инъектора, дождался сигнала, подтвердившего, что игла установлена правильно, и ввел лекарство прямо в сонную артерию.

Девушка моргнула. Стоны прекратились, дыхание выровнялось. Северин так же поступил с тем, кто был без сознания. Потом он передал инъектор Нкомо:

— Пройдите в отсек для женского рядового состава, а потом займитесь старшинами. Я займусь мужчинами-рядовыми, уорент-офицерами, лейтенантом и капитаном.

Нкомо округлившимися глазами разглядывала инъектор, не прикасаясь к нему.

— А какие дозы. И…

— Высшая из рекомендованных доз, — прервал ее Северин. — Она уже введена в программу.

Нкомо не двинулась с места.

— Разве это не опасно, милорд? Я хочу сказать, людям так плохо…

Северин вдруг почувствовал, что ненавидит Нкомо. Она вынуждала его высказать вслух то, о чем и думать-то не хотелось. Ярость прорвалась в его голос и заставила девушку вздрогнуть, уставившись на него.

— Нкомо, — зарычал он, — вы считаете, что мы в ближайшее время сможем серьезно помочь этим людям?

— А… нет, милорд, — осторожно отозвалась Нкомо.

— Они *умирают*, — сказал Северин. — И мы ничего не можем сделать, кроме как облегчить им боль. Если вы введете кому-то слишком высокую дозу, то, насколько я могу судить, это к лучшему. Это просто означает, что он не будет мучиться в агонии несколько дней до смерти. Впрочем, определяйте дозу сами, мне все равно.

Он снова протянул ей инъектор. Нкомо, помедлив, приняла его дрожащими пальцами.

— Да, милорд, — сказала она и торопливо покинула медпункт. Северин выплыл в коридор. Его трясло и страшно хотелось кому-нибудь врезать, но он понимал, что удар кулаком по стене в невесомости просто заставит его прокувыркаться по всему коридору. Джайе Нкомо не виновата, что ей восемнадцать лет и она не прослужила на Флоте и года. Не ее вина, что офицер был вынужден отдать ей приказ, и этот приказ, подтвержденный всей полнотой власти, устава и священной мощи Праксиса, вынуждает ее ввести большие дозы наркотика умирающим женщинам, с которыми она меньше часа назад вместе смеялась, вместе работала и спала бок о бок, и что если кто-то умрет от передозировки, это только к лучшему. Никто не позаботился при обучении подготовить ее к такому.

И Северина тоже не готовили к тому, что придется отдавать такие приказы. От этой мысли он рассвирепел. Вернулся в медпункт, наполнил второй инъектор и направился в помещения рядового состава.

Этот запах ему не забыть никогда. Не совсем запах ожогов и не совсем запах жареного. Это был запах десяти умирающих мужчин, и вместе с ним до Северина донеслись стоны и крики. Кто не кричал, тот висел в бесчувственной апатии — симптом тяжелого облучения. Северин переходил от койки к койке, вводя дозы эндорфина, и к тому времени, как закончил работу, ярость отступила. Сил осталось только на те эмоции, которые могли оказаться полезными: на эмоции, которые помогут отыскать врага, кем бы тот ни был, и как-нибудь — любым способом, хотя в его распоряжении только искалеченный корабль с командой из

семи человек, — любым способом уничтожить его.

Он добрался до кают уорент-офицеров, зашел к лорду Барри Монткрифу и вернулся в рубку.

В рубке уже горело аварийное освещение. Больше половины экранов зажглось мягким светом. Бхагвати сидела за коммутатором, откинув крышку панели, и меняла предохранители. Чамча озадаченно склонился над своей панелью. Оба старались не замечать лорда Го, плакавшего, свернувшись клубком, внутри клетки.

Северин подплыл к капитану, приставил инъектор к его горлу и нажал спуск. Лорд Го прерывисто вздохнул, и его сведенное судорогой тело расслабилось.

Северин вернулся к командному посту, снял фотографии семьи капитана, детей, жены, родителей и тряпичного торминеля, вернулся к капитану и вложил карточки ему в руку так, чтобы он увидел их, если очнется.

— Прошу докладывать, — сказал Северин.

— Прерыватели в главных сетях заменены, — сказала Бхагвати, — но при холодном двигателе энергии достаточно только для аварийного питания. Запаса аккумуляторов может хватить на одно сообщение, так что я пытаюсь наладить комм.

— Я просмотрел последние записи спектрографа перед ударом, — доложил, глядя на Северина, Чамча. Жесткие волосы топорщились вокруг его круглой физиономии. — Ничего не было, и вдруг — бах! — рентгеновское излучение.

— Рентгеновское? — повторил Северин. Снаряды не генерируют рентгеновского излучения.

Он оттолкнулся и медленно полетел к дисплею Чамчи.

— Поступали импульсами, — с недоумением в голосе продолжал докладывать Чамча. — Восемь импульсов в первые три четверти секунды, а потом вышибло предохранители и запись прервалась. — Он с тревогой уставился в лицо лейтенанта. — Может, кто-то обстрелял нас из рентгеновского лазера?

— Импульсы, — повторил Северин и ощутил болезненный толчок в груди.

Не было рядом врага, которого может победить искалеченный корабль с экипажем из семи человек. Этого врага нельзя было победить, даже будь у него под командованием мощнейший боевой флот.

Этот враг способен уничтожить целую цивилизацию, даже не заметив ее существования.

— Чамча, — проговорил он, — какой природный объект испускает двенадцать мощных импульсов рентгеновского излучения в секунду?

Чамча прищурился, напрягая память. Потом он вытаращил глаза, и кровь отлила от щек.

— Вот дерьмо! — воскликнул он.

* * *

Заменив предохранители навигационного поста, Северин за полчаса установил местоположение противника. Одна из семи или, может быть, восьми звезд крупной системы, которая больше восьмиста лет назад была внесена в каталоги как система Чи, считалась большим бурым карликом — крупным газообразным телом, недостаточно массивным, чтобы вспыхнуть настоящей звездой.

Теперь выяснилось, что определение неверно, как и оценка количества звезд в системе. Их было не семь или восемь, а скорее девять или десять.

Предполагаемый бурый карлик оказался не бурым карликом, а выродившейся звездой. Когда-то он был значительно больше и вместе с другой, еще более крупной звездой образовывал двойную звезду, где каждая из пары, двигаясь по сложной орбите вокруг остальных семи или восьми звезд системы Чи, вращалась одновременно одна вокруг другой.

Звезда-спутник, приближаясь к концу своей жизни, взорвалась как сверхновая, выбросив внешнюю оболочку в пространство в виде густых облаков. Большая часть выброшенной материи была поглощена главной звездой, еще больше увеличив ее массу. Спутник, умирая, коллапсировал в нейтронную звезду и начал смертельный танец с гравитацией, с каждым оборотом орбиты все более приближаясь к главной звезде. В конце концов нейтронная звезда приблизилась настолько, что начала сдирать со своего соседа внешние слои водородной оболочки, стягивая собранную материю в диск. По мере приближения материи мощнейшие магнитные поля нейтронной звезды затягивали в себя вещество, сжимая и нагревая его и в конечном счете преобразуя в мощные рентгеновские лучи, потоками исходившие с магнитных полюсов звезды.

Орбита нейтронной звезды все сужалась и теперь лежала почти во внешних слоях оболочки второй звезды. Период обращения составлял менее трех часов. Звезды настолько сблизились, что их почти невозможно было отличить от бурого карлика, тем более что наблюдения несколько веков назад велись издалека, а наблюдатели более всего интересовались пригодными для заселения планетами.

— Так, — сказал Северин. — Теперь вопрос в том, что еще заденет луч пульсара.

Они с Чамчей вместе сидели в клетке перед сенсорным устройством. Северин вызвал на свой дисплей изображения с других: пилота и астрографа, чтобы оценить угол, под которым луч коснулся «Разведчика». Это позволило бы определить наклон оси магнитного поля пульсара и выяснить, с какими еще объектами пересекается его луч.

Компьютерная модель мультизвездной системы, в которую теперь был добавлен пульсар, быстро замелькала и замерла на экране. Прозвучал предупредительный гудок.

Чи.

— Ну конечно, — сказал Северин, как ни странно, совершенно этому не удивившись.

Чи и восемь или, может быть, девять солнц ее системы не всегда находились в одной плоскости. Орбита пульсара пролегала на галактическом севере от Чи, и луч, исходящий с его южного магнитного полюса, должен был захватить планету всего на три секунды — вполне достаточно, чтобы уничтожить всю незащищенную жизнь на планете.

Северин изложил эти сведения в кратком сообщении.

— Отправьте командованию станции Чи, — приказал он. — И копии лорду инспектору Мартинесу и астроному имперской обсерватории Шон-дан.

— Слушаюсь, милорд, — отозвалась Нкомо. Она вернулась в рубку, не сказав ни слова, и молча заняла свое место за панелью коммутатора. Девушка взглянула на доску: — Третий лазер комма заряжается и… мы его потеряли, милорд.

Северин развернулся к ней.

— Потеряли? Что потеряли?

Нкомо неуверенно отозвалась:

— Потеряли лазер, милорд. Что-то не сработало.

— Попробуйте другой лазер.

Второй лазер тоже отказал. Северин решил, что от рентгеновского излучения металлические части корабля стали хрупкими, как стекло, и возбуждение в металлических полупроводниках лазера просто разорвало их.

Когда сдох и третий лазер, Северин счел, что его теория подтвердилась.

— Попробуйте СВЧ-антенну, — приказал он. — Используйте аварийный канал.

«Сообщение должно дойти до Чи, — думал он, — даже если мне придется вручную собирать эту антенну».

* * *

Леди мэр бросилась навстречу Мартинесу, не дав ему выйти из машины, остановившейся у дворца.

— Я весь день гадала, где вы, милорд! — воскликнула она, с удивлением разглядывая его грязные сапоги и рабочую одежду. — У меня для вас уже пачка приглашений скопилась.

— Такелажник Ахмет показывал мне окрестности, — сказал Мартинес и, повернувшись к Ахмету, подмигнул. — Верно, Ахмет?

Тот ответил широкой ухмылкой:

— Безусловно, милорд.

Леди мэр замялась. Мартинес улыбнулся ей, но в это время запищал его нарукавный комм.

— Простите, миледи. — Он ответил на вызов.

Появилось изображение лорда Ээла. Темный пух у него на голове странно топорщился, словно лорд получил электрический разряд.

— Милорд, — сказал Ээл. — Мы только что приняли передачу с «Разведчика» и… Словом, я был бы вам обязан, если бы вы как можно скорее вернулись на станцию.

* * *

Колеоптер начал снижаться к Порт-Виспании. Мартинес взглянул на изображение Шон-дан, на прозрачном нарукавном дисплее:

— Вы хотите сказать, что вся орава ваших высокооплачиваемых астрономов умудрилась не заметить два луча смертельно опасной энергии длиной *в световой год* каждый?!

Шон-дан смотрела на Мартинеса круглыми золотистыми глазами.

— Милорд, — сказала она. — Мы *космогонисты*. Нас не интересовали объекты, расположенные ближе, чем сотни световых лет отсюда.

Мартинес сверкнул глазами на изображение Шон-дан и поймал себя на том, что скрипит зубами. Взяв себя в руки, он заговорил:

— Расскажите, что произойдет, и сколько у нас времени.

— У нас девять с половиной суток, милорд. Затем Чи войдет

в зону излучения и… — Шон-дан нервно защелкала крючковатыми зубами. — Всем, кто окажется вне защищенных зон, грозит очень серьезная опасность.

— Атмосфера не даст достаточной защиты?

— От луча такой интенсивности — нет. — Шон-дан постаралась придать лицу оптимистическое выражение. — Мы, кстати, провели расчеты орбит, и оказалось, что подобное происходит с Чи всего раз в сорок девять тысяч лет.

Что, подумал Мартинес, и объясняет относительную примитивность сухопутной жизни в сравнении с изобилием видов в море. Каждые сорок девять тысяч лет все мало-мальски сложные наземные виды стирает подчистую.

Папортниковые леса могли бы послужить им предупреждением, да только никто не потрудился ему внять.

— Так, — сказал он, — стало быть, в нашем распоряжении будет почти пятьдесят тысяч лет, если только мы не вымрем в ближайшие десять дней.

— Видите ли… проблемы будут продолжаться и далее десяти дней, милорд. Возможно, выйдет из строя электроника. Могут погибнуть посевы. Металл станет хрупким, и… видите ли, мы не можем предсказать, что случится со станцией и подъемником. Это еще нужно обдумать, — виноватым голосом принялась давать пояснения разумная птица.

— Так обдумайте. Я должен знать, на сколько человек рыть убежища.

— Э… слушаюсь, милорд.

Мартинес отключил связь. Колеоптер спускался к площадке. Мартинесу представились люди, выходящие из убежищ. На полях — сгоревшие посевы, связи нет, дома с металлическим каркасом опасны для жизни, транспорт разваливается на куски, все эти прекрасные железнодорожные мосты рухнули, потому что тросы, поддерживавшие их, раскололись, как стеклянные…

И станция Чи тоже, возможно, погибнет. Там хватает радиационных убежищ, но все они расположены на внешнем ободе и призваны уберечь персонал от солнечных вспышек. Очень небольшая часть станции окажется защищена от рентгеновского луча, направленного с галактического севера.

Обод и другие крупные сооружения произведены из композитных материалов, и усталость металла на них не скажется, но все равно множество важных элементов в них металлические, так что вся станция окажется в опасности. Если она распадется, не выдержав напряжения, кабель лифта стянет ее в атмосферу, где она должна была бы сгореть, но если кабель потянет за собой достаточно большую часть, поверхности

планеты грозит бомбардировка крупными обломками, не выгоревшими в атмосфере.

А вместе со станцией рухнут акции «Чи Девелопмент Компани», погубив его отца и семью.

К тому времени когда колеоптер застыл на площадке, Мартинеса сжигал бессильный гнев.

Терца ждала его на площадке с большой флотской машиной и водителем. Она надела сегодня коричневый мундир министерских служащих. Мартинес прошагал через площадку и поцеловал жену. Губы у нее были мягкими, но взгляд жестким.

— Уже слышала? — спросил он.

— Мне сказала Марселла.

Он взял ее под руку и повел к машине.

— Тебя отправим первым кораблем.

— Я могла бы остаться, — возразила Терца. — Я ведь принадлежу к администрации и не сомневаюсь, что для нас предусмотрено вполне приличное убежище.

Они остановились рядом с машиной. Мартинес положил ладонь на живот Терцы.

— Я не допущу, чтобы следующее поколение клана Чен оказалось поблизости от области рентгеновского излучения.

Терца скорчила гримасу.

— Я так мечтала посмотреть на тебя в деле, — сказала она. — Но боюсь, предосторожность оправдана, потому что сегодня утром доктор подтвердил, что следующее поколение на подходе.

Радость вспыхнула в сердце Мартинеса, несмотря на множество невеселых мыслей, и он снова поцеловал ее.

— И что нас ждет? — спросил он. — Я не очень-то разбираюсь в ходе беременности, ведь в прошлый раз меня рядом не было.

Терца взяла его за руку и потянула в машину.

— Дальше я стану несносной и утомительной, — деловито сказала она. — И тебе придется изо всех сил утешать меня в ближайшие, ну, скажем, несколько лет.

— Уже можно начинать? — с надеждой спросил он.

Терца вздохнула:

— Боюсь, что нет. Тебе предстоит совещание.

* * *

— Питание восстановлено почти по всему кораблю, — говорил Северин. — Связь между главной рубкой и рубкой двигателей налажена. Компьютеров в рабочем состоянии

достаточно для наших целей. Раненые по возможности защищены от перегрузок торможения, а с обезвоживанием мы боремся внутривенными вливаниями. Невозможно предсказать, как поведет себя корабль при перегрузках, поэтому мы начнем с одной десятой g и будем постепенно наращивать до одного.

Северин сделал паузу, ожидая ответа, но ответа не последовало.

— При моей попытке развернуть корабль маневровыми соплами, головки сопел сорвало — усталость металла, сочленения не выдержали давления. Это значит, что нам придется маневрировать главным двигателем, который, само собой, устойчив к жесткой радиации. Так что, если поначалу перегрузки будут великоваты — это в порядке вещей. — Он еще помолчал, облизнул сухие губы. — Разрешите начать торможение, милорд?

Пришлось долго ждать, пока единственное слово слетело с губ капитана тихо, как выдох:

— Исполняйте.

— Слушаюсь, милорд.

Северин проверил, как держится игла капельницы в вене капитана, потом взмахнул руками, разворачиваясь в воздухе, и легким толчком отправил себя к двери.

Он не знал, многое ли из его рапорта сумел понять капитан, но после доклада ему полегчало. Лорд Го был хорошим капитаном, он имел право знать, что происходит на его корабле, и, может быть, лорду Го тоже было от этого легче.

Прежде чем начать маневрирование, капитана перенесли в его каюту. При радиационных ожогах обезвоживание представляет серьезную проблему, поэтому Северин и остальные уцелевшие члены экипажа провели последние несколько часов, налаживая для выживших внутривенные капельницы: нелегкий труд — все они были неопытны, и пришлось практиковаться сперва друг на друге, отслеживая каждый шаг по справочнику.

Северин обсудил с остальными, стоит ли вообще этим заниматься. Продлевать жизнь жертвам облучения означало только затягивать их страдания без особой надежды изменить исход.

Но Северин не собирался всю жизнь отворачиваться от собственного лица в зеркале. Он хотел иметь право сказать родным погибших, что сделал для них все возможное. Он не мог представить, как объявит: «Я дал им умереть, даже не попытавшись помочь».

Лейтенант добрался до рубки и занял место в клетке командного поста, откинул и закрепил перед собой дисплей.

Бхагвати, Нкомо и Чамча уже лежали в амортизаторах.

— Механик, — обратился он к Бхагвати, — объявить перегрузочную тревогу.

— Да, милорд. — Она осмотрела свою приборную панель. — Карданные подвески в порядке. Двигатель в готовности.

— Курс один-пять-семь к один-пять-семи относительного.

— Курс введен в программу, милорд.

— Начать маневр.

Толчок был слабым, и хлопок двигателя донесся до Северина слабым отдаленным рокотом, словно зарождавшимся в позвоночнике. Его амортизационное кресло чуть развернулось внутри клети, и во внутреннем ухе отдался чуть слышный шепот гравитации. Двигатель смолк и зашумел снова. Клетки задребезжали. В животе у Северина что-то перевернулось.

— Ну давай, — уговаривала Бхагвати.

В сущности, главный двигатель вовсе не был приспособлен для подобных маневров.

На этот раз послышался более отчетливый грохот выхлопа. Северин поймал себя на том, что прислушивается, не отвалилось ли что-нибудь.

Все держалось. Еще три рывка — каждый давал едва заметное изменение курса.

Бхагвати победоносно объявила:

— Один-пять-семь к один-пять-семи относительного!

— Наращивать ускорение до ноль одного от нормального.

Рокот двигателя стал непрерывным, клетка Северина снова покачнулась. Нежная рука потихоньку прижимала его к креслу.

— Проверка систем! — приказал он, просто чтобы удостовериться, что ничего не отвалилось.

Все держалось. За корпус лейтенант не беспокоился — толстый смолистый пластик держался на полиуглеродных перекрытиях, однако в корабле было достаточно металла, о котором не стоило забывать. Металлические полки, металлические петли, металлические койки, на которые уложили пострадавших. Трубы и проводка держатся на металлических креплениях. По всему корпусу разбросаны клапаны с металлическими деталями, предназначенные для подачи со станции воды и электричества при стоянке в доке.

Северину сейчас не хватало только течи в корпусе.

Он добавлял ускорение по одной десятой g, пока корабль не достиг нормальной силы тяжести. Только один раз послышался треск — надломилась полочка в капитанском буфете.

— Проверка систем! — тут же потребовал Северин.

Все было цело, ни одной течи. Северин начинал гордиться

«Разведчиком». Корабль оказался крепче, чем он ожидал.

Надо бы доставить корабль в Ларедо, ему потребуется полная переоснастка. «Разведчик» шел от Ларедо двадцать восемь дней, так что понадобится двадцать восемь дней, чтобы погасить набранную скорость, и еще двадцать восемь — чтобы вернуться в порт.

К этому времени все пострадавшие умрут. Северину придется день за днем проводить погребальные церемонии, да к тому же «Разведчик» окажется в первом ряду, наблюдая планетарную катастрофу в непосредственной близости.

Северин отстегнул свой дисплей, откинул его наверх, чтобы не мешал, отстегнулся сам и выбрался из клетки.

— Бхагвати, корабль ваш, — сказал он. — Нкомо, Чамча, пора нам обойти больных, проверить, как им лежится при тяготении.

Северин собирался доложить капитану, что корабль хорошо переносит ускорение.

Он надеялся, что капитан будет доволен.

* * *

— «Жизнь коротка, но Праксис вечен». — Северин читал похоронную службу. — Будем же черпать утешение и уверенность в единственной мудрости, важной для нас. — Он оглянулся на инженера Моджтахед. — Исполняйте.

Она нажала кнопку блокировки, выпустив из грузового шлюза тела капитана лорда Го Шикимори, лейтенанта лорда Барри Монт-крифа и еще четверых членов экипажа. «Разведчик» при торможении выбрасывал мощный радиоактивный хвост, а тела, покинув шлюз, двигались только по инерции, так что капитан и его подчиненные будут кремированы в ближайшие секунды.

Северин и остальные четверо — двое остались на постах — замерли по стойке смирно, пока не перестал мигать дисплей шлюза. Моджтахед заглянула во внутреннее оконце шлюза.

— Шлюз свободен, милорд, — доложила она.

— Закрыть наружную переборку и восстановить давление! — приказал Северин. Он обернулся к остальным. — Караул свободен! — Уже уходя, обернулся. — Моджтахед, Чамча, прошу вас пообедать со мной.

Северин, хотя и исполнял теперь обязанности капитана, не стал и не собирался переселяться в капитанскую каюту. Он привел Моджтахед и Чамчу в кают-компанию и усадил за стол, за которым обычно обедали лейтенанты.

Пульсар убил кока, и все теперь питались как попало, по

большей части консервами, разогретыми в микроволновке, потому что горелки камбузной плиты стали такими хрупкими, что отламывались при попытке их включить. Дежурный по камбузу — механик-стажер, оказавшийся во время удара в рубке контроля двигателей вместе с Моджтахед — подал Северину и его гостям обед и сбежал, не дожидаясь, пока они отведают его стряпню. Северин откупорил бутылку вина из бара кают-компании. До сих пор он нечасто пробовал вино, поскольку не мог позволить себе держать личный запас и не хотел казаться в глазах лорда Барри или леди Максины пиявкой, присосавшейся к бутылкам, каждая из которых стоила половину его месячного жалованья. Но теперь лорд Барри и леди Максина стали радиоактивной пылью, плывущей в пространстве, а Северину после второй похоронной службы за два дня хотелось выпить.

Он опустошил два бокала, прежде чем его гости управились с одним, и через силу запихнул в себя несколько кусков тушеного мяса. Потом он заговорил.

— Мы сумели спасти корабль, — начал он, — а теперь я хочу попробовать спасти Чи.

Его слова были встречены молчанием. Наконец Моджтахед стерла каплю подливы с подбородка и заговорила:

— Простите, милорд?

— Я хочу спасти Чи, — повторил Северин. — А для этого нам придется отключить пульсар, и я, кажется, знаю, как это сделать.

В кают-компании снова повисло молчание. Моджтахед с Чамчей переглянулись.

Моджтахед, старшая из выживших сержантов. Чамча, отличный оператор системы слежения, обученный определять местоположение червоточин. Если на «Разведчике» кого-то можно назвать ученым, так только его.

— Да, милорд? — сказала Моджтахед.

— Следите за моей мыслью, — попросил Северин. Он вызвал на стену дисплей и вывел на него модель рентгеновского пульсара, найденную в «Каталоге Астрономических Объектов Анрая». — Рентгеновский импульс вызывается материей, поступающей из аккреционного диска, — сказал он, — Так что если мы сумеем прервать поступление вещества, рентгеновское излучение тоже прервется. В отличие от электромагнитных пульсаров, рентгеновские пульсары в вакууме не работают.

— Милорд, — решился перебить его Чамча. — Мы имеем дело с объектом *звездной* массы! Пульсары относятся к наиболее плотным из космических объектов — и к самым опасным, — и на что вы надеетесь при наших средствах?

— Масса пульсара огромна, согласен, — подтвердил

Северин, — но аккреционный диск состоит из газообразного водорода. Так что если мы устроим взрыв антивещества в диске, антиматерия сметет весь внутренний водородный пояс. — Он улыбнулся слушателям. — Пульсар в нужный час закрывается на обед, Чи спасена, и все мы получаем но медали. Что скажете?

Чамча заморгал. Реакция Моджтахед оказалась более практичной:

— У нас нет ракет с антивеществом.

— Пожертвуем одной из спасательных шлюпок. Набьем ее под завязку антиводородом и отправим на автопилоте.

Чамча робко, как школьник в классе, поднял руку.

— Да? — кивнул ему Северин.

— Я предвижу две трудности, — начал Чамча. — Во-первых, у нас вряд ли имеется достаточный запас антиматерии…

— Тогда мы запрыгнем в спасательную шлюпку, а «Разведчик» отправим в пульсар, — сказал Северин.

— И вторая проблема, — упорствовал Чамча, — состоит в том, что столкновение антиводорода с аккреционным диском не просто уничтожит его, а превратит в излучение. Излучение, направленное на пульсар, не только не отключит его, а еще подогреет, и рентгеновский луч станет значительно мощнее. А радиация, направленная вовне, на аккреционный диск, *разогреет аккреционный диск*, так что, когда *он* упадет в пульсар, вы получите сверхмощный выброс рентгеновского излучения. — Чамча изобразил руками подобие взрыва. — И он начисто спалит Чи.

Северин упал духом. Идея, осенившая его в ванной во время бритья, казалась ослепительной, а обдумывая подробности, он еще больше утвердился в ее достоинствах. Лейтенант задумчиво потер подбородок.

Моджтахед, по-видимому сочтя, что дискуссия окончена, с облегчением допила вино.

Но Северин еще не собирался сдаваться.

— Но ведь *между* этими двумя мощными взрывами, — сказал он, — будет промежуток, верно? Пульсар все-таки выключится?

Круглое, как луна, лицо Чамчи приобрело упрямое выражение.

— Да, на время, — признал он, — но, думаю, всего на несколько секунд, даже если мы запустим в него весь «Разведчик». И стоит нам чуть-чуть ошибиться во времени, Чи просто поджарится.

— А мы не получим медалей! — провозгласила Моджтахед.

— Чи всего-то и нужно несколько секунд, — возразил Северин. Снова обернувшись к настенному дисплею, он вывел на

него ряд чисел и окно расчетной программы. — Я еще до завтрака послал запрос астроному Шон-дан из обсерватории Чи, — сообщил он, — и просил переслать нам все имеющиеся у них данные о пульсаре: массу, аккреционный диск, мощность рентгеновского луча. Ответ как раз пришел, так что давайте займемся арифметикой.

Проделанные расчеты не вдохновляли. Будь «Разведчик» даже под завязку набит антиводородом, он не заставил бы пульсар и мигнуть.

— Извините, милорд, — сказал Чамча. — Идея была хороша, но не сработает.

Моджтахед прикончила тушенку и зазвенела ложечкой о чашку.

— Да, милорд. Жаль. — Она явно выбросила эту мысль из головы.

— «Титан», — сказал Северин.

Оба взглянули на него.

— «Титан» — очень большое судно, он набит антиматерией и как раз вошел в систему, — сказал Северин. — И он арендован Службой Разведки, и командует им уорент-офицер Юнот. Я старше его по званию. Так что, — он улыбнулся, — нам придется снова заняться арифметикой.

* * *

На станции Чи работали шестьсот человек; на планете под ней — восемьсот сорок тысяч жителей. В доках станции стояло два грузовых корабля, которые, если полностью разгрузить их, могли взять на борт, может быть, четыре тысячи человек, если набить их достаточно плотно и установить достаточное количество новых туалетов.

Что оставляло восемьсот тридцать шесть тысяч человек на планете в опасности, а это означало, что Мартинесу предстоит много совещаний.

Антирадиационные убежища станции размонтировали и переправили на планету. Руководство нескольких заводов предполагало, что они успеют перестроить производство и изготовить еще несколько штук, но большинству населения Чи предстояло спасаться от радиации по старинке, в глубоких норах, прикрытых сверху земляными насыпями.

Оборудования и строительных материалов для постройки подземных убежищ хватало, но население было не слишком единодушно в стремлении сотрудничать.

— Железнодорожные рабочие собираются спрятать свои семьи в туннелях, — сообщил Мартинесу Аллодорм. — Они считают, что под горами безопаснее всего.

Мартинес из окна своего кабинета на станции сердито оглядел сине-зеленый диск планеты. В стекле отразилось его нахмуренное недовольное лицо. Чи медленно поворачивалась за оконной рамой — станция вращалась вокруг оси.

— Верно, безопаснее, — буркнул Мартинес, — пока они не соберутся оттуда *выйти*. — Он поймал себя на том, что готов сорваться на крик. — Они что, собираются спускать их с гор по мостам, ставшим хрупкими, как сосульки?! На поездах, у которых электромагнитные подвески могут в любой момент взорваться?! — Он посмотрел на Аллодорма и решительно приговорил: — Железнодорожники отправятся в убежища со всеми прочими.

— Да, лорд инспектор. — Благозвучный голос Аллодорма даже в самые напряженные минуты звучал спокойно. В этом отношении Мартинес отдавал ему должное.

— Со мной связалась мэр Порт-Гарета, — промычала Марселла, не выпуская из стиснутых зубов сигареты. — Она придумала, как сохранить челноки.

Челноки предназначались для доставки на планету грузов с низкой орбиты и неспособны были набирать вторую космическую скорость, необходимую, чтобы отойти подальше от Чи и избежать лучевого удара. Они должны будут остаться на поверхности вместе с большей частью тяжелого оборудования, подвергнуться облучению и, вероятнее всего, прийти в негодность.

Мартинес надеялся, что «Чи Девелопмент Компани» не забыла застраховаться.

Он отошел от окна и тяжело опустился за стол. Пневматическая подушка раздраженно зашипела.

— Леди мэр что, получила инженерное образование? — спросил Мартинес. — С пилотами челноков она говорила?

Марселла улыбнулась:

— На первый вопрос ответ — нет, а на второй — сомневаюсь. Она предлагает отправить челноки на геостационарную орбиту, спрятав их от пульсара за планетой.

— Не сработает, — покачал головой Мартинес. — Луч пульсара проходит не в плоскости эклиптики, а падает под углом с галактического севера. Чтобы поставить планету между лучом и челноками, их придется вывести на полярную орбиту и в точности рассчитать время… — Он оборвал себя. — Погодите-ка, это хорошая мысль. Передайте пилотам челноков, что они могут выйти на полярные орбиты, но запретите им брать пассажиров.

Слишком опасно.

Как только было объявлено чрезвычайное положение, Мартинес, как старший представитель Флота, стал полномочным правителем всей системы. В его персоне как бы воплощалась вся власть победителей Шаа.

Будь положение не столь отчаянным, он наслаждался бы им.

— Кстати, — добавила Марселла, — нельзя ли как-нибудь использовать «Каенту»? Я с удовольствием отдам ее, хотя на борту поместится не так уж много беженцев.

— Благодарю, — сказал Мартинес. — Позвольте мне обдумать ваше предложение.

На предыдущем совещании, где присутствовали лорд Ээл и капитаны двух торговых кораблей, возникла дискуссия о том, кого брать и кого не брать на борт.

— Надо отправить отсюда представителей нашей компании, — предложил один из капитанов, — и, конечно, платежеспособных пассажиров.

— Вы заберете беременных женщин, — сказал Мартинес, — и детей до пятнадцати лет в сопровождении одного из родителей. Если останется место, подумаем о подростках постарше.

Место могло остаться — на Чи пока было мало детей, потому что вербовщики предпочитали нанимать молодых и холостых, а поселенцы еще не успели обзавестись семьями.

— Мои владельцы заявят протест! — возразил капитан.

— Их право, после того как все закончится. — Мартинес обратился к лорду Ээлу. — Поставьте у шлюзов и люков посты военной полиции, — приказал он. — Чтобы не было незаконных пассажиров.

— Да, милорд. — В голосе лорда Ээла Мартинесу послышалось удовлетворение.

— Никто из персонала Флота не покинет Чи, пока все не закончится, — сказал ему Мартинес, отпустив капитанов. — Наше дело — защищать граждан от угрозы, и если это значит искупаться под рентгеновским ливнем — так тому и быть.

— Э-э… да, милорд. — В голосе лорда Ээла слышалось гораздо меньше радости, чем за несколько минут до того.

— Я покину станцию Чи последним, — продолжал Мартинес, — а вы — предпоследним, так что мы будем в одном лифте.

— Да, милорд. — В золотистых глазах лорда Ээла мелькнуло удивление, — Почему не остаться на командном посту? Он защищен.

— Корпус станции может быть поврежден. Если он уцелеет, вернуться не составит труда.

Мартинес вспомнил о предложении Марселлы.

— Нет, постойте, — сказал он, — вы войдете в последний лифт с вахтенной командой рубки. А я провожу вас и отчалю на «Каенте». Так я смогу вернуться на станцию сразу после удара и проверить, все ли в порядке, прежде чем вы поднимете сюда команду.

План ему понравился. Последним покинуть станцию и первым вернуться на нее… Это не только достойно старшего офицера в кризисной ситуации, но и хорошо скажется на карьере.

Он был вовсе не прочь произвести хорошее впечатление.

Покинув кабинет и направившись в шикарные апартаменты старших офицеров, он столкнулся с новой проблемой. Терран с клочковатыми светлыми усиками, в сером полосатом пиджаке, встретил его по пути и назвался Хеджепатом, местным брокером.

— Разве на Чи есть брокеры? — удивился Мартинес.

— Есть, — подтвердил Хеджепат. — Хотя лично я по большей части занимаюсь вложениями заработков рабочих в предприятия по всей империи. Но в Порт-Виспании имеется своя маленькая биржа местных ценных бумаг. У нас даже есть рынок фьючерсов.

— Поздравляю, — сказал Мартинес.

— Может быть, поздравления не совсем уместны. — Хеджепат погладил свои реденькие усы. — На рынке возникли… гм… проблемы, особенно на рынке фьючерсов. За несколько часов до объявления чрезвычайного положения было довольно много продаж. В основном распродавали акции сельскохозяйственных предприятий, но и промышленные и рыболовецкие тоже.

Мартинес невольно кивнул.

— После сообщения о пульсаре они, конечно, обесценились.

— Вы сами понимаете, мои клиенты недовольны. А поскольку вы теперь представляете не только военную, но и гражданскую власть, я решил передать их претензии вам. — Он снова погладил усы. — Между прочим, никак не мог к вам пробиться. Извините, что пришлось ловить вас по дороге.

Мартинес обдумал последнее замечание. То, что Хеджепат не мог к нему пробиться, совсем не обязательно было признаком заговора — с ним хотело встретиться множество народу, и приставленный к Мартинесу лордом Ээлом секретарь лай-он вполне мог счесть вопрос местного брокера маловажным.

— Я разберусь, — пообещал Мартинес. — А для начала назову вам несколько имен: Ледо Аллодорм, лорд Па Мак-фан, леди Марселла Зыкова.

Кажется, неожиданным для брокера оказалось только имя Марселлы.

— Могу вас заверить, что мне ничего не известно об акциях,

проданных леди Марселлой, — сказал он. — Но распоряжения о продаже поступали от других представителей «Чи Девелопмент Компани» — в том числе от Хейринга и Ремусата.

Этих Мартинес не помнил, хотя скорей всего встречался с ними на том или ином банкете в свою честь.

— Я прошу вас сохранять сведения обо всех операциях, — сказал Мартинес. — Сейчас нет времени, и я смогу этим заняться только после прохождения пульсара. Позаботьтесь сохранить эти сведения не только в компьютере, но и на бумаге.

— Да, милорд.

— Как с вами связаться?

Хеджепат переслал свой номер на нарукавный комм Мартинеса, и тот заверил его, что будет поддерживать связь.

— Кстати, — спросил он, — как идут акции «Чи Девелопмент Компани»?

— За два дня упали на две трети.

За ужином Мартинес рассказал об этой встрече Терце.

— А я было переменила к лучшему мнение о лорде Па и Аллодорме, — вздохнула она. — Они так хорошо держались в кризисной ситуации.

— Можно быть спокойным, заранее позаботившись о своих капиталах. Ну и конечно, они работают ради спасения собственной шкуры и имущества своих компаний.

Дисплей у него на рукаве тихонько загудел. Мартинес сердито фыркнул — он забыл отключить связь на время ужина.

— Извини, — сказал он Терце и включился.

С экрана на него блеснули оранжевые глаза лай-онского секретаря.

— Прошу прощения, милорд. На связь вышел лейтенант Северин. Шифр: «Лично. Совершенно секретно. Срочно».

Мартинес переглянулся с Терцей. Не в обычае Северина было бросаться таким количеством устрашающих ярлыков без оснований.

— Перешлите, — велел Мартинес.

Когда его дисплей показал, что сообщение загружено, он прервал связь с секретарем и вызвал сообщение.

— Дело довольно сложное, — сказал с экрана Северин, — и я хотел бы, чтобы кто-то с вашей стороны проверил мои расчеты.

* * *

Северин намеревался не сообщать никому о своем замысле использовать «Титан» для отключения пульсара. Он опасался, что

кто-нибудь напуганный мощностью взрывов, которые должны были предшествовать и следовать за перерывом в излучении, запретит ему действовать.

Уж конечно, он не собирался запрашивать свое начальство на Ларедо. Служба Разведки веками сидела на голодном пайке: если правительство и вспоминало о ее существовании, то исключительно для того, чтобы еще урезать и без того скудный бюджет. Основой основ Службы было стремление лишний раз не напоминать о себе, и этот обычай не изменился, когда бюджет начал расти. Выбросить на ветер целый танкер с антиматерией, безусловно, означало привлечь к себе внимание, и притом неблагосклонное. Стоило Северину заикнуться им о своем плане, первой реакцией был бы запрет делать что бы то ни было.

Однако и сохранить полную тайну не представлялось невозможным. «Титан» никак не назовешь мелочью, и когда весь его экипаж перегрузится в спасательные шлюпки, отправив гигантский корабль к пульсару с ускорением, которое убило бы любое живое существо, оставшееся на борту, кто-нибудь обязательно уведомит начальство.

Поэтому Северин решил связаться непосредственно с Мартинесом в надежде, что контакт, установленный между ними во время войны, не прервался в мирное время. Тем временем он приказал команде «Титана» приготовиться покинуть корабль и оставить его на дистанционном управлении, сопроводив приказ указанием никому о нем не сообщать и обмениваться с Чи только рутинными сообщениями.

Он не собирался и «Титану» позволить запросить совета у своего начальства. Когда пришел ответ Мартинеса, Северин спал у себя в каюте, и снились ему боевые корабли, которые втайне были одновременно и подводными лодками и могли вести боевые действия в ледяных морях водянистых планет, подобных Хай-озо. До него не сразу дошло, что назойливые гудки, которые он слышит, — не попискивание сонара, а вызов нарукавного дисплея.

Комм в его каюте еще не наладили, так что приходилось пользоваться нарукавным. Северин вызвал освещение, вспомнил, что предохранитель тоже еще не заменили, и в темноте нашарил свою форменную куртку, брошенную на спинку стула. Включил дисплей, услышал от Чамчи, что лорд инспектор Мартинес прислал ему сообщение под шифром: «Лично. Срочно. Совершенно секретно» и велел Чамче переслать его.

— Дано предварительное согласие действовать соответственно вашему плану, — заговорил Мартинес. Экран оказался перевернутым, так что Северин изогнулся, чтобы лучше

разглядеть его лицо — Приказываю считать дело совершенно секретным, — продолжал Мартинес. — Подвергать цензуре все сообщения с «Разведчика» и приказать также ввести цензуру на «Титане». Чтобы ничего не просочилось. Я намерен объяснить передвижение «Титана» маневром, выполняющимся по прямому указанию высшего командования.

Северин молча уставился на экран.

Тон Мартинеса стал менее официальным.

— Будем надеяться, что вы не ошиблись. Я проверю расчеты и рад буду поговорить с вами, когда все кончится.

На рукаве куртки вспыхнул оранжевый огонек, означавший конец связи. Северин рассеянно нащупал дорогу к койке и вручную включил свет.

«Полная секретность, — соображал он, — Вот это уже интересно».

Как видно, не он один предпочитал иметь туза в рукаве.

* * *

— Полная секретность, — сказал Мартинес Шон-дан. — Это должно остаться строго между нами.

— Да, милорд. — Астроном задумчиво пощелкала зубами и неуверенно поинтересовалась: — Могу я узнать причины такой секретности?

— Если население усомнится в необходимости убежищ, работы могут застопориться. А план слишком рискованный, и даже если расчеты в порядке, слишком велика вероятность, что укрытия все-таки пригодятся.

Шон-дан снова помолчала.

— Слушаюсь, милорд.

— Я прошу вас проверить все выкладки, — продолжал Мартинес, — и сам тоже проверю. И чтобы больше никто не знал. Это понятно?

— Да, милорд.

— И если информация все-таки просочится, я буду знать, кто проболтался, и тогда собственными руками запихну вас под этот луч.

Выслушав душераздирающе искренние заверения Шон-дан, Мартинес закончил разговор.

Его ужин успел остыть. Терца поставила на стол чашку кофе и сказала:

— Надеюсь, это значит, что мне не придется грузиться на корабль с беженцами?

Мартинес задумался.

— Нет, — решил он, — погрузишься.

Она поджала губы:

— Почему?

— Потому что ты — наследница Чен и мать следующего поколения Чен, — сказал Мартинес, — и поэтому ты войдешь в корабль вместе с простыми беженцами и будешь благородной и великодушной, заботливой и внимательной к другим пассажирам. Именно этого люди ждут от леди Чен.

— Проклятие, — сверкнула глазами Терца.

— Так же как я последним покину станцию, — продолжал Мартинес, — и первым вернусь на нее, потому что именно этого ждут люди от героя войны.

Терца неохотно сменила гнев на милость.

— Что-то я до сих пор не замечала, чтобы тебя слишком тяготила слава героя, — усмехнулась она.

Мартинес допил холодный кофе.

— Пожалуй, — сказал он, — до сих пор не тяготила. Но когда я стану старым дедом и буду сидеть в своем инвалидном кресле, а толпы граждан явятся ко мне умолять спасти их от вселенской угрозы, я, возможно, сочту это *не совсем удобным*.

— Не сомневаюсь, — сказала Терца.

Мартинес жестом попросил Аликхана налить ему свежего кофе.

— Теперь тебе несколько часов придется обойтись без меня, — сказал он Терце. — Мне надо проверить расчеты Северина.

Терца встала.

— Тогда я прямо сейчас начинаю проявлять великодушие и благородство, — сказала она, — и уступаю тебя твоей работе.

* * *

Расчеты Мартинеса подтвердили вычисления Северина, и, что еще важнее, Шон-дан согласилась с обоими. Мартинес вызвал командный пункт Кольца и сообщил им, что «Титан» совершит несколько маневров, на которые операторам системы слежения не следует обращать внимания.

— На экранах дисплеев поместите памятку, — посоветовал Мартинес. — Я не хочу объясняться с каждой новой сменой операторов.

После чего он вернулся к бесконечным совещаниям. Убежища были вырыты с поражающей воображение быстротой, их

прикрыли крышами и защитными насыпями. Удобства там были самые простые, но многого и не требовалось, учитывая, что населению придется провести под землей меньше часа.

Первый из двух кораблей-эвакуаторов уже отправили. Он взял на борт четыре тысячи человек, в основном детей. Кораблю предстояло отойти подальше от Чи, переждать удар, а потом вернуться к планете или уйти на Ларедо, в зависимости от того, уцелеет ли станция Чи.

Второй ушел двумя днями позже. У шлюза Мартинес поцеловал на прощание Терцу и проводил ее взглядом. Она взлетела на корабль в изящном вихре любезностей и галантности. Мартинес на минуту замер в восхищении, а потом повернулся и пошел обратно, мимо длинной очереди беженцев, прикрепленных к страховочному тросу, чтобы не разлетелись по неопытности по всему пространству дока.

Кое-кто из непривычных к невесомости поселенцев уже позеленел и выглядел кисло. Мартинес поспешил выбраться из дока, пока не воспоследовали неизбежные проявления космической болезни.

По дороге в командный пункт он столкнулся с лордом Ээлом. Ээл, поднявший руку, чтобы отдать честь, по инерции пролетел мимо него, успел опомниться, ухватился за рукоять на стене, нервно взмахнул свободной рукой и поспешил запихнуть в карман помятый листок бумаги.

— Что-то случилось? — осведомился Мартинес.

— Нет, — начал Ээл, — вернее, да. Несколько человек пришлось арестовать. Пытались пробраться на корабль, не имея на то права. Кажется, представители судовой компании. — Он вынул листок из кармана и тут же спрятал обратно. — У меня здесь имена, но это еще надо проверить.

— Моя помощь нужна?

— Нет, милорд, благодарю вас.

— Хорошо. Когда уточните, кто есть кто, спустите их в лифте и запихните в самую глубокую темницу, какая найдется на Чи.

Насколько было известно Мартинесу, на Чи вообще не было темниц, но, возможно, они уже успели соорудить хоть одну.

Из командного пункта Мартинес полюбовался на процессию «зайцев», плетущихся к лифту под надзором военной полиции.

Затем корабль получил разрешение на старт и тихонько попятился от станции, выходя в чистое пространство, где мог спокойно включить двигатели.

Мартинес про себя еще раз пожелал Терце счастливого пути и украдкой бросил взгляд на «Титан». Танкер уже несся на свидание с пульсаром, набрав ускорение двадцать g, которое

убило бы всякого, кто вздумал бы остаться на борту. Иконка над его изображением на дисплее сообщала, что корабль выполняет предусмотренный маневр. Спасательные шлюпки с его экипажем направлялись к «Разведчику» якобы для того, чтобы оказать помощь поврежденному кораблю.

Если бы на командном пункте кто-нибудь удосужился проверить курс и ускорение танкера, у него были бы все основания удивиться. Но у персонала и без того хватало работы: все экраны были настроены на убийственный луч, с огромной скоростью приближающийся к планете, а корабль, болтающийся на краю наблюдаемого пространства, привлекал внимание не больше, чем кувшинка у дальнего берега пруда.

Мартинес не получил ни одного запроса по поводу «Титана». Убежища, одно за другим, докладывали о готовности, а население заучивало наизусть порядок эвакуации. В последний момент мэр Порт-Гарета выдала еще один план: она собиралась посадить часть жителей своего города в грузовые контейнеры, доставлявшие с орбиты продовольствие, и погрузить их на время прохождения луча под воду бухты. Мартинес, разрывающийся между досадой и восхищением, сообщил ей, что теперь поздно менять планы, и велел заканчивать строительство убежищ.

Лорд Па и Аллодорм были внизу, разбирались с возникающими в последние минуты осложнениями и готовили эвакуацию населения. Персонал станции Чи тоже спустили на планету, оставив только основной состав. Два больших вращающихся обода остановили, заглушили реактор антиматерии. Повсюду, кроме самых необходимых помещений, отключили даже аварийное освещение, чтобы разряд не прошел по силовым линиям. «Каента» ждала в доке, Марселла и избранные представители компании «Меридиан» готовы были вернуться на станцию вместе с Мартинесом, чтобы все проверить и убедиться, что она безопасна для персонала. Один за другим гасли дисплеи и посты командного пункта. Оставались только те, которые были необходимы для перезапуска аппаратуры.

Мартинес вместе с лордом Ээлом и последними вахтенными покинул темное, неестественно тихое помещение командного пункта и проплыл вдоль направляющего кабеля ко входу в просторную кабину лифта. Он выслушал прощальные слова, пожелал Ээлу удачи и посмотрел, как они скрываются внутри. Кабина начала спуск, плавно скользя вдоль кабеля, затерялась на фоне огромной зеленой плоскости планеты, а Мартинес направился к причалу, у которого стояла «Каента».

Отчалив от станции, яхта должна была выйти на полярную орбиту, рассчитанную так, чтобы огромная масса планеты

оказалась в критичные несколько секунд между ней и пульсаром. Такой же маневр выполняли челноки. Меньше чем через час Мартинес собирался вернуться на станцию.

При отключенной вентиляции в воздухе удушливо пахло разлагающимися полимерами. Пустые неосвещенные доки выглядели монументальными мрачными сооружениями, громадными, как само пространство. Луч фонарика Мартинеса растворялся в темноте. Вдали виднелось слабое сияние, отмечавшее место стоянки «Каенты». Причал освещался не станционной сетью, а сетью питания яхты. Мартинес осторожно поставил подошвы на стену и оттолкнулся, с удовольствием отметив, что летит точно к люку.

Две коренастые фигуры возникли в проходе, зацепившись ногами за крепления на стене и протянув руки навстречу Мартинесу. Приблизившись, он узнал в обоих торминелей. Поверх густого черного с серым меха они носили только шорты и жилеты, а их большие глаза ночных охотников, поблескивая, следили за Мартинесом. Видимо, кто-то из разведывательной команды Марселлы.

Мартинес влетел прямо к ним в руки, и они, подхватив его, без труда погасили инерцию. Мохнатые руки направили его ладони к захватам люка.

— Спасибо, — поблагодарил Мартинес и хотел ухватиться поудобнее левой рукой, но торминель крепко держал ее.

В руках второго он увидел медицинский инъектор.

Он едва успел осознать, что его тревожит, как ощутил прикосновение инъектора к горлу.

А потом торопиться стало некуда…

* * *

Молчание в рубке нарушали только его прерывистое дыхание и частые удары сердца в груди.

Северин из своей противоперегрузочной клетки следил, как «Титан» приближается к цели и из его двигателей вырываются последние мощные взрывы, направляющие танкер к аккреционному диску пульсара точно под нужным углом. Колоссальное поле тяготения пульсара должно было разорвать корабль на атомы, выбросив его груз антиводорода во вращающийся диск. Огромная масса водорода в диске аннигилирует в мощнейший выплеск гамма-излучения, быстрых нейтронов и пи-мезонов. Множество этих частиц упадет на нейтронную звезду, подкачивая ее рентгеновское излучение.

Другая часть, направленная вовне, в диск аккреции, подогреет его водород до температуры плазмы, так что когда эта материя достигнет пульсара, она даст энергию для нового сверхмощного выброса рентгеновских лучей.

Но между этими двумя вспышками должно пройти около восемнадцати минут тишины. Механизм, образующий смертоносное двойное копье пульсара, будет отключен.

Если расчеты Северина верны.

— Пятнадцать секунд, — без нужды доложил Чамча. Секундомер в углу дисплея и сам отсчитывал время.

«Титан» стоял на огромном пылающем столбе аннигилированной материи. Северин превратил грузовой корабль в гигантскую торпеду, направленную прямо в смертельного врага.

— Десять секунд, — сказал Чамча.

— Да заткнись ты, — пробормотал Северин.

Слух у Чамчи был, видимо, острее, чем он полагал, потому что оператор системы слежения хранил молчание даже тогда, когда точка «Титана» на дисплее слилась с более крупным пятнышком, изображавшим пульсар и его бурый спутник.

Внимание Северина мгновенно переключилось на рентгеновский луч пульсара, окрашенный на экране в ядовито-зеленый цвет. Реакция последовала незамедлительно: луч вспыхнул яростным изумрудным светом. Если такой луч заденет Чи, он обдерет планету до самой мантии.

Северину оставалось только надеяться, что пульсар отключится, когда ему положено.

И тут его осенило: «Статуэтка!»

Вот как надо: малютка Френелла пошлет Скорлупкину статуэтку лорда Конфетки и тем наведет его на мысль о связи Конфетки с леди Модницей!

При мысли об изяществе этого сюжетного хода его охватила радостная дрожь. И, ожидая, сработает ли его план, он стал размышлять, что теперь будет делать Скорлупкин.

* * *

Густой серый туман клубился в воздухе и наполнял уши электрическим звоном. В пальцах рук и ног бегали мурашки, словно он только что оттер их пемзой. Пушистый зверек застрял где-то в горле. Он судорожно закашлялся, пытаясь вытолкнуть душивший его меховой клубок, и наконец осознал, что это не зверек, а его собственный язык. Во рту было совершенно сухо, и язык болезненно царапал нёбо.

Он закрыл рот и постарался собрать слюну. Пришлось довольно долго работать челюстью и мышцами гортани, прежде чем во рту появилось немного влаги.

Стало чуточку легче, и он попытался сообразить, где находится. Серый туман потемнел, и звон в ушах почти затих. Он ничего не чувствовал, даже движения воздуха у лица. Словно его целиком укутали в ватный кокон.

Он ощупал себя, чтобы удостовериться, что тело на месте. Почувствовал под пальцами знакомую форменную рубаху, орден Золотой Сферы на шее и согнулся, чтобы дотянуться до брюк на ногах и до ботинок. Что-то болталось под правой рукой, и, поймав этот предмет, он узнал в нем карманный фонарик, прикрепленный к запястью эластичной лентой.

Теперь он распознал состояние свободного падения. Он в темноте, в невесомости и, кажется, все еще на станции Чи — плывет по ее переполненным роскошью залам.

Жаркая волна страха обожгла тело Мартинеса, когда он вспомнил о пульсаре. Если он остался на станции, то беззащитен перед излучением.

Подняв левую руку к лицу, он прошептал, с трудом ворочая шершавым языком и шевеля сухими губами:

— Дисплей, показать время.

Желтые цифры вспыхнули на рукаве, мигая в такт улетающим секундам. Сквозь серый туман Мартинес пытался свести время с хронологией последних дней и, похолодев от ужаса, понял, что луч пульсара должен был ударить больше пяти минут назад.

Он невольно снова начал ощупывать себя, словно отыскивая раны. Не закончив, понял, как это глупо, но не смог заставить себя остановиться, пока не уверился, что все части тела на месте.

Не похоже, что его обожгло рентгеновским лучом. Чувствует он себя странно, и серый туман плавает перед глазами, и в ушах звенит, но никаких признаков боли.

Он попытался вспомнить, что привело его к такому состоянию. Вспомнил, как ушел из командного пункта и проводил в лифт последнюю смену с лордом Ээлом. Дальше все обрывалось.

Потом песней радости, зазвеневшей в самых его костях, вспомнился Северин. Значит, Северину удалось отключить пульсар.

— Молодчина Северин! — ошалело выговорил он. Северин справился! Ему хотелось запеть «Поздравляем!» из мюзикла «День рождения лорда Фи».

Вместо этого он вытер губы и постарался собрать во рту

побольше слюны. На рукаве мигали желтым секунды. Он все еще не мог сообразить, как здесь очутился.

Подумал, не было ли несчастного случая — вряд ли. Несчастный случай оставил бы следы, в первую очередь на нем.

Мартинес вспомнил о болтавшемся на руке фонарике, поймал и включил его, направив луч над головой. Луч ушел в темноту, не встретив препятствия. Он опустил фонарь, и под ногами луч наткнулся на стену, выкрашенную в серый цвет. Проведя лучом вдоль стены, Мартинес обнаружил большую раздвижную дверь грузового шлюза, и на ней цифры: 7–03. Что означало: «третий склад седьмого дока».

В седьмом доке стояла «Каента». По-видимому, он успел добраться до причала, прежде чем… Прежде чем *что*?

Может быть, яхта стартовала раньше времени и оставила его на станции? Но в таком случае странно, как мог Мартинес забыть об этом.

У грузового люка, вспомнил Мартинес, имеются захваты. Не много проку висеть в воздухе и вспоминать, что случилось. Пожалуй, лучше перебраться куда-нибудь, где он сможет что-нибудь *сделать*.

Он неуклюже заворочался в воздухе, пока его не развернуло спиной к переборке, потом снял ботинок и, швырнув его в противоположном направлении, с равной силой толкнул себя в обратную сторону. Только массы, к сожалению, были не равны. Мартинес очень медленно поплыл к грузовому люку, одновременно плавно кувыркаясь через голову. Через несколько секунд он услышал звон — его ботинок ударился обо что-то на другом конце отсека.

Усилие от броска ботинка сбило ему дыхание. Что-то с ним явно не в порядке. Плавание к люку должно было занять немало времени, и Мартинес воспользовался им, чтобы еще раз обдумать, что могло случиться и почему он не может этого вспомнить.

«Наркотик», — подумал он. Ему ввели наркотик, и только наркотик в крови не позволил ему сообразить этого сразу.

Необязательно стирающий память наркотик: многие лекарства вызывают амнезию как побочный эффект. Индивидуальные реакции непредсказуемы.

Его одурманили наркотиком и оставили умирать от луча пульсара; только вот некто, оставивший его умирать, не знал, что пульсар будет отключен и Мартинес выживет.

А это значит, что как только этот некто поймет, что лучевой удар не состоялся, он вернется, чтобы доделать работу.

Мартинес едва не вывихнул себе шею, завертев головой в стремлении высмотреть врага. Того, кто уже теперь, возможно,

затаился в темноте, держа в руках пистолет или инъектор.

С новым кувырком стена приблизилась, и Мартинес дотянулся до одного из захватов у люка 7–03. От головокружения он едва не промахнулся, но все-таки достал до ручки кончиками пальцев и медленно погасил вращение, так что, наткнувшись наконец на стену, успел зацепить второй захват прежде, чем его отбросило назад.

Ему пришло в голову, что горящий фонарик превращает его в отличную мишень. Выключив свет, Мартинес задумался о том, что же делать дальше.

Тот, кто хотел его смерти, легко мог спрятаться на пустой станции и нанести удар из засады, перехватив Мартинеса на пути от лифта к яхте. Но где бы убийца ни прятался *тогда*, теперь он может скрываться всего в одном месте — в защищенном от облучения командном пункте Кольца, где ему не грозит излучение пульсара. Мартинесу следует в первую очередь избегать командного пункта.

Беда в том, что только из командного пункта он и может восстановить связь с внешним миром: там расположен контроль системы связи, управление антенной и питанием, необходимым в первую очередь.

Мартинес пытался вспомнить, где еще могут найтись системы связи, и тут в глаза ему ударил ослепительный свет.

В доке загорелись прожектора одного из причалов. Корабль, вошедший в док, подключил освещение к своей сети питания.

«Каента»! Мартинес едва не подпрыгнул от радости. «Каента» пришла ему на помощь!

Он подтянул колени к животу, уперся подошвами в стену, готовый стрелой метнуться в люк и встретить спасителей, едва они покажутся из шлюза.

И замешкался. Отчего-то вид сверкающего огнями шлюза внушал ему смутное беспокойство.

Почему? Почему кто-то хочет его убить?

До сих пор он не задавался этим вопросом.

Он установил, что компания «Меридиан» занимается крупномасштабным мошенничеством. «За это могут и убить, — решил он, — хотя убийство представлялось некоторым перебором».

Что за дикость! Могли бы для начала попробовать дать ему взятку.

Как бы то ни было, «Каента» не принадлежит компании «Меридиан» — она собственность «Чи Девелопмент Компани», которая принадлежит в основном семейству Мартинеса. И распоряжается ею леди Марселла Зыкова, представитель «Чи

Девелопмент Компани» и близкая родственница Мартинесов.

Однако на борту есть и представители «Меридиана», собиравшиеся проверить и перезапустить станцию. И кто-то из них мог получить приказ относительно Мартинеса и его здоровья.

Пожалуй, рассуждал Мартинес, не стоит бросаться прямо к «Каенте». Наверное, стоит сперва спрятаться и посмотреть, кто выходит из шлюза и нет ли у них больших пушек.

Он обвел глазами док и не обнаружил ни одного укрытия. Слева от него был коридор, довольно длинный, и вел он в командный пункт — именно туда ему не хотелось бы направляться, из опасения, что навстречу движется убийца. Справа был широкий люк, ведущий в следующий грузовой док, но он был заперт, и чтобы его открыть, пришлось бы сперва подключить питание станции. Оставался один из двух складских отсеков. Отсек 7–03 был не хуже другого.

Грузовой люк без питания не откроешь, но в каждом складском отсеке имеется еще и люк для персонала, и эти люки так точно сбалансированы, что их можно открыть даже в невесомости. Мартинес подтянулся к люку и ухватился за ручку. Замок открылся совершенно беззвучно. Мартинес проскользнул в отверстие ногами вперед и прикрыл люк за собой так, чтобы по-прежнему видеть шлюз «Каенты».

В отсеке было душно и пахло какой-то пряностью, похожей на кардамон. Мартинес осветил помещение фонариком и увидел, что в нем находятся стандартные грузовые контейнеры, раскрашенные в яркие цвета. Они громоздились друг на друга и были прихвачены лентой, чтобы не разлетались. Используя невесомость, контейнеры сложили на всех шести плоскостях, в том числе и на тех, которые условно можно было считать стенами и потолком. Посредине оставалось очень немного свободного места — прямоугольный туннель, позволяющий перемещать и извлекать контейнеры.

«И здесь негде спрятаться, — посетовал он. — Надо было выбрать второй склад».

Мартинес уже собирался перепрыгнуть ко второму отсеку, когда услышал звук открывающегося шлюза и понял, что опоздал. Выглянув из-за кромки люка, он, ослепленный ярким светом, с трудом различил у шлюза три фигуры и в первых двух, по бочкообразным туловищам и коротким мощным ногам узнал торминелей.

В мозгу зазвенели тревожные звонки. Ему не нравился вид этих торминелей, и безо всякой осознанной причины он не желал показываться им на глаза.

— Лорд инспектор? — окликнула одна торминель, цедя слова

сквозь клыки. — Лорд инспектор, вы здесь?

Голос отдался эхом и замер в пространстве пустого дока.

Торминель включила яркий фонарь и стала шарить лучом вокруг себя. Вспомнив, как хорошо видят их большие глаза даже в темноте, Мартинес поспешил спрятать голову и запереть люк. К сожалению, замок легко открывался снаружи, но, во всяком случае, поворот замочного механизма послужит предупреждением.

Больше всего Мартинес сейчас нуждался в оружии.

Он поводил лучом фонаря по стенам и увидел в них маленькие люки. Подплыл к одному и открыл его.

В шкафчике хранились запасные лампочки, пара рабочих перчаток, большие мотки ленты для крепления контейнеров и прочные пластиковые пряжки для затяжки ленты. Но Мартинеса интересовали только два блестящих алюминиевых стержня, каждый длиной с его ногу. Они использовались, чтобы расклинивать контейнеры на местах, и восьмигранный стержень к рабочему концу сходился в плоское, чуть искривленное лезвие.

Мартинес вытащил один стержень из-под держащего его зажима. Сунул под мышку и вытащил моток ленты, обдумывая, нельзя ли закрепить ею замок, чтобы люк не открывался снаружи.

Закрыв шкафчик, он поплыл обратно к люку. Изучил запор, затем ленту.

Мартинес сделал все, что мог, намотав на замок паутину ленты. Он задыхался от усилий, хватаясь рукой за расположенный у люка захват. Немного отдышавшись, он передвинулся поближе ко входу, чтобы не застрять, как муха в бутылке, если отсек все-таки вскроют. Он засунул ступни в захват у края люка — нога в одном носке застыла от холода металла — и для пробы несколько раз замахнулся своим стержнем. Оружие рассекало воздух с весьма неприятным свистом. Прочно удерживаясь ногами, он мог рассчитывать, если понадобится, нанести им основательный удар.

Потом он погасил фонарь и стал ждать в темноте.

Прошло больше двадцати минут по часам у него на рукаве. Время от времени Мартинес взмахивал стержнем, чтобы мышцы разогрелись и не затекали. Чувствовал он себя лучше и полагал, что наркотик практически уже перестал действовать.

Он почти поверил, что торминели ушли, когда боковая стена, на которой он стоял, вздрогнула от удара, и у люка послышался металлический лязг. Сердце подскочило, и он ощутил расходящийся по телу адреналин. Проверив, надежно ли держатся в захвате ступни, Мартинес занес стержень над правым плечом.

В стену склада ударили еще раз или два. Вибрация отдавалась у него в подошвах. Он слышал голоса, но не мог разобрать слов. Потом замок со скрипом стал открываться.

И застрял. Крепь сработала.

Он снова услышал разговор на той стороне — теперь говорившие явно торопились. Потом от люка послышался громкий треск, и крышка открылась.

В глаза Мартинесу ударил свет мощных фонарей, и он моргнул. Из-под мышек занесенных над головой рук стекал пот, а во рту опять пересохло. Он никак не мог понять, почему под мышками так много влаги, а во рту ее совсем не осталось.

— Это он, — свистящим шепотом проговорила торминель. — Он намотал ленту. Он здесь.

— Милорд? — позвал второй. — Лорд инспектор, вы можете выходить. Все в порядке. — Не дождавшись ответа, он обратился к напарнице: — Придержи меня за ноги. Я взгляну.

Мартинес почувствовал мурашки в ногах и переложил поудобнее свое оружие.

В люке появился торминель. Он оказался спиной к Мартинесу и смотрел прямо вперед, вдоль окруженного контейнерами туннеля. В одной руке у него был фонарь, а в другой — шокер. Огонек на рукояти шокера светился янтарным светом.

Клинок стержня сбоку ударил торминеля по голове, и тот дико завертелся в отверстии люка. Фонарь выскользнул из обмякших пальцев и тоже завертелся, озаряя отсек прерывистыми вспышками. Шокер отлетел в другую сторону. Вереница неровных красных клякс вылетела из его головы, собираясь в полете в идеальные шарики крови.

Что-то вытянуло торминеля из люка, и тотчас раздался визг, от которого у Мартинеса кровь застыла в жилах. Появилась вторая торминель. Шерсть у нее стояла дыбом, и голова выглядела гигантским меховым шаром с огромными яростными темными глазами и хищными белыми клыками. Она уже поняла, где искать Матинеса, и, одной рукой цепляясь за обод люка, второй ткнула в его сторону жезлом шокера.

Отдергивая ногу, Мартинесу пришлось высвободить обутую в ботинок ступню из-под захвата. Он взмахнул стержнем, но торминель приняла удар на предплечье и смягчила его. Все же удар стержня отбросил ее в сторону, но, ударившись спиной о стену, она тут же полетела обратно, выставив перед собой жезл, как клинок меча. Мартинес снова увернулся, чувствуя, как ненадежно удерживает его нога под скобкой захвата.

На этот раз он сумел дотянуться до головы торминели, но отдача выбила из-под скобы ногу в носке, и его кувырком унесло

к боковой стене. Торминель бессильно висела под отверстием люка. Встопорщенный мех улегся, и она снова казалась гладкой.

Мартинес натолкнулся на яркий оранжевый контейнер и успел точным толчком ноги изменить направление обратного полета, так что двигался теперь более или менее к люку. Он хрипло дышал, стержень стал скользким от пота.

Кто-то потянул бесчувственную торминель наружу. У Мартинеса упало сердце: значит, есть еще один убийца.

Один из шокеров подплыл к нему, и он сумел зацепить жезл кончиками пальцев, к счастью, за безопасный конец. Взглянув на табло, убедился, что жезл заряжен и поставлен на максимум.

Снова посмотрев на люк, он понял, что промахнулся: проплывет рядом с отверстием, но слишком далеко, чтобы дотянуться рукой до скобок захватов. Несколько секунд он будет на виду у того, кто скрывается в коридоре, а потом придется ждать, пока долетит до дальней стены, чтобы снова оттолкнуться.

Он крепко сжал свое оружие: копье — в правом кулаке, шокер — в левом. Взгляд прикован к приближающемуся отверстию, в котором беспорядочно мелькает свет фонаря.

Он подплыл совсем близко и прищурился, чтобы лучше видеть на свету. На той стороне леди Марселла Зыкова возилась с безжизненным телом торминели, пытаясь привязать его своим поясом к скобе.

Марселла тоже увидела Мартинеса. Она, досадливо поморщившись, сунула руку в карман и извлекла пистолет. Пистолет был маленький, пластмассовый, красного цвета.

Мартинес метнул в нее жезл шокера. Его тело медленно запрокинулось назад от отдачи. Пистолет громко щелкнул, и Мартинес ощутил горячую струю воздуха от пролетевшей под подбородком пули.

Он изо всех сил вывернул шею, чтобы видеть, что происходит. Отдача выстрела откинула Марселлу назад. Она кувыркалась гораздо быстрее Мартинеса, и, когда ноги оказались на месте, где недавно была голова, конец жезла коснулся ее ляжки. Треск разряда и запах озона в воздухе. Марселла громко вскрикнула и свернулась клубком: положение зародыша, когда более мощные мышцы-сгибатели пересиливают разгибатели.

Удаляясь от люка, Мартинес потерял ее из виду. Оттолкнувшись от контейнера, направил себя точно к люку. Оказавшись у люка, он задержался, провожая взглядом кувыркающееся вдоль коридора тело Марселлы, и поплыл за ней, угрожающе воздев над головой алюминиевый стержень.

Боевое копье не понадобилось. Он довольно легко поймал Марселлу и увидел, что она так и закоченела, свернувшись и

почти без сознания. Мартинес не без труда высвободил пистолетик из ее сведенных судорогой пальцев.

Завладев пистолетом, он не без оснований предположил, что теперь в его руках единственное на станции огнестрельное оружие.

Он намерен был в полной мере использовать преимущества своего положения.

* * *

— Паника, — сказал Мартинес. — Марселла увидела сообщение и запаниковала.

— Должно быть, то сообщение, которое мой приятель Бернардо послал мне из министерства, — согласилась Терца. Ее утренний кофе наполнял комнату приятным запахом. — Я просила его вычислить основных владельцев компании «Меридиан», а потом мы в спешке об этом и думать забыли. Его ответ проходил через командный пункт станции и попался на глаза лорду Ээлу. Он и перехватил сообщение. — Она приподняла уголок салфетки, скрывавшей серебряную корзиночку со сдобой. — Последняя осталась. Хотите?

— Спасибо. — Северин взял булочку и отогнал пару больших лиловых пчел, гудевших над джемом. Намазал булочку джемом и повернулся к Мартинесу. — А лорду Ээлу зачем было перехватывать сообщение?

— А его имя там тоже упоминалось. У него примерно четыре процента акций, и у его клана Тирбал тоже кое-что есть. И они — клиенты клана лорда Па Мак-фана, а тот среди крупных инвесторов.

Терца пригубила кофе:

— Всякий раз, как лорд Ээл покрывал перерасход на станции Чи, его доля немножко возрастала.

Северин жевал булочку и любовался дубовой аллеей, уходящей к далекой Рио-Хондо. Утреннее солнце одело каждый листок серебряным блеском. Тени под дубами были почти черными. На языке таяла сладкая глазурь.

— Надо думать, имя Марселлы там тоже имелось? — предположил он. — Потому-то она и ударилась в панику?

— У Марселлы было два процента.

— Неужели из-за двух процентов стоит убивать человека? — удивилась Терца.

Мартинес покосился на нее.

— Марселла зациклена на результате, — сказал он. —

Средства не так уж много значат, главное — выигрыш. Если ожидается выгода, она ее не упустит; если имеются препятствия — сметет. Мы могли бы заметить, как искусно она обчистила лорда Мукержи. А попавшись, — добавил он, — как только я отобрал у нее пистолет и скрутил, она начала добиваться новых выгод — в данном случае — смягчения приговора. Во всем призналась и все свалила на Па и лорда Ээла. Так что, запустив станцию и встретив вернувшегося с планеты Ээла с командой военной полиции, я вынужден был еще в дверях лифта объявить, что он арестован.

— Пока, — заметил Северин, — мы имеем одного игрока с двумя процентами и одного с четырьмя. А кто на самом деле владеет компанией?

— У Аллодорма десять процентов, — сказала Терца. — Достались ему, когда компания «Меридиан» купила его проектное бюро. Но самый крупный собственник — отец Кассильды, лорд Зыков, а за ним и другие члены клана Зыковых.

В глазах Северина мелькнуло удивление.

— Должно быть, интересно оказаться ограбленным собственным тестем, — пробормотал он.

— Тут не простой грабеж, — поправила Терца. — Лорд Зыков собирался воспользоваться банкротством «Чи Девелопмент Компани», чтобы скупить то, что от нее останется, на ее же деньги.

Северин обернулся на звук шагов. От дома к ним направлялся лорд Роланд Мартинес с сухой улыбкой на лице. Он был в домашнем костюме: свободной белой хлопчатой рубашке и линялых мешковатых брюках.

— Как Кассильда? — осведомилась Терца.

— Доктор сказал, до родов еще несколько часов.

Схватки у Кассильды начались накануне вечером.

Роланд через плечо брата заглянул в серебряную корзиночку.

— Вы мне и позавтракать не оставили?

— Мы не знали, что ты появишься, — сказала Терца. — Вызови кухню.

— Я без комма, — ответил Роланд. — Гар, свяжись, пожалуйста, за меня, закажи несколько булочек и омлет с гренками. — Он устало опустился на блестящее металлическое кресло.

Мартинес, глядя в сторону, вызвал через нарукавный комм кухню и повторил заказ. Северин доел булочку и налил себе свежего кофе из серебряного кофейника. Он смотрел на Роланда.

— Да? — сказал Роланд.

— Прошу прощения?

— У вас на лице вопрос.

— Я… — начал Северин и тут же решил переформулировать вопрос потактичнее. — Вам, должно быть, нелегко. Леди Кассильда вот-вот родит, а ее отец сидит на мешке с украденными у вас деньгами?

Роланд ухмыльнулся:

— Нет, на самом деле, это все упрощает. — Он налил себе кофе и снова взглянул на Северина. — Все очень просто, — сказал он. — Не знаю, насколько лорд Зыков привязан к Марселле, но если он хочет когда-нибудь увидеть дочь, а кстати, и внука, он будет очень послушен.

Северин почувствовал, что у него отвисла челюсть, и закрыл рот.

— Ясно, — сказал он.

— Понимаете, — продолжал Роланд, — Аллодорм с лордом Па разинули пасть на слишком жирный кусок. Они не только *нас* обокрали — они обокрали *Флот*. А это уже не просто нарушение гражданских законов или корпоративных установлений — это преступление против Праксиса, и наказание за него — мучительная смерть. У Кассильды тоже есть несколько акций «Меридиана», и мы можем выдвинуть против нее обвинение.

«Вы и на это способны?» — изумился про себя Северин.

Как видно, способны.

— Доказать обвинение проще простого, — пояснил Роланд. — Доказательств полно — инспектор сам был на месте преступления, были и другие осведомители, но они всё докладывали Марселле, а она копила доклады у себя и заверяла всех, что меры приняты.

— Не считая того, что заговорщики ябедничают друг на друга, — вставил Мартинес.

— Так что в качестве платы за то, что мы не выложим все это Легиону Юстиции, — сказал Роланд, — мы просим себе половину доли лорда Зыкова в компании плюс полностью доли лорда Па, Аллодорма и Марселлы. Лорд Па заплатит нам большой штраф — это заставит его на время притихнуть. Марселлу и Аллодорма подержат под замком, пока мы не убедимся, что выжали из них все, до последнего зенита.

— А я первым делом потребовал отставки лорда Ээла, — добавил Мартинес.

Роланд пожал плечами — это его не занимало.

— Его доля, конечно, тоже достанется нам. — Он принял глубокомысленный вид. — Я подумываю заставить лорда Зыкова обойти старшую дочь и сделать наследницей Кассильду. Тогда в конце концов все достанется нам.

Мартинес смотрел на брата, неприязненно прищурившись.

— Как человек, рисковавший собственной шкурой, — сказал он, — не скажу, что мне понравится, если все отделаются штрафом и поркой. Хотел бы я знать, что бы ты сделал, если бы Марселле удалось меня пристрелить?

Северин снова ощутил натянутость, возникшую между братьями, и подумал, что, возможно, эти двое не слишком любят друг друга.

Роланд невозмутимо поднес к губам чашечку кофе.

— Тогда, вероятно, — сказал он, — Марселла, окончательно обанкротившись, могла бы стать жертвой несчастного случая.

Мартинес с минуту разглядывал брата, потом пожал плечами и отвел взгляд. Терца наклонилась и погладила его по руке.

— Благодаря командору Северину, — сказала она, — этот вариант можно не обсуждать.

— Это не столько моя заслу… — начал Северин и осекся. — Командору?

На губах Роланда возникла напряженная улыбка.

— Вы не найдете нас неблагодарными, милорд. Мы обратились к высшему руководству Службы Разведки, довольно подробно выразив им свое восхищение вашими заслугами, так что, насколько я понимаю, вас ожидает повышение. И «Разведчик», когда выйдет из дока, будет передан под ваше командование.

Северин уставился на него во все глаза: «Вы и на это способны?»

— Кроме того, — сказал Мартинес, — мой отец уступает вам солидную долю своей недвижимости на Чи. После отставки вы сможете удалиться на покой в весьма роскошное поместье.

— К тому же ожидается солидная денежная премия от «Чи Девелопмент Компани», — добавил Роланд. — Хотя это придется согласовать с вашим начальством.

У Северина кружилась голова.

— Но, — сказал он, — я ничего особенного не сделал.

— Всего лишь спасли все инвестиции «Чи Девелопмент Компани»? — усмехнулся Роланд.

— Да, я отключил пульсар, но капитан Мартинес не отправился к Великому Мастеру только потому, что настоял, чтобы мои проделки с «Титаном» остались тайной. Я тут ни при чем.

Мартинес ухмыльнулся.

— Я должен был обеспечить свои инвестиции, — сказал он.

Северин оглянулся на него:

— Милорд?

— Я использовал выигранные у лорда Мукержи деньги, чтобы выкупить фьючерсные контракты у тех бедолаг, которым их сбыли Аллодорм и Па, — признался Мартинес. — Некоторые, наверно, окажутся пустышкой, и все-таки, думаю, я теперь могу считать себя богачом. — Он откинулся в кресле и улыбнулся всему миру. — У меня до сих пор никогда не бывало своих денег, — сказал он. — Только то, что давали Терца или отец. Все думаю, на что бы их потратить?

— Ослепительные возможности, — пробормотала Терца.

Мартинес взглянул на брата:

— Конечно, часть штрафов, которые мы сдерем с заговорщиков, пойдет на возмещение потерь обманутым вкладчикам.

Роланд обиженно возразил:

— Игра есть игра. Им не на что жаловаться. Как-никак это рынок *фьючерсов*.

— Роланд. — Это было сказано твердо.

Роланд всплеснул руками:

— Ладно, ладно! Если ты настаиваешь. Но если ты станешь продолжать в том же духе, я начну жалеть, что Марселла промахнулась.

Мартинес улыбался:

— Я не так уж многого хочу: всего лишь идеальной справедливости для всей Вселенной.

— А, — обрадовался Роланд, — вот и мой омлет!

Седой слуга с улыбкой подал Роланду завтрак и корзиночку со свежей выпечкой. Терца поверх чашки посматривала на Северина.

— Пока «Разведчик» в доке, вы будете видеться с леди Льяо? — спросила она.

Северин невольно взглянул на кольцо с опалом у себя на пальце. «Интересно, — подумал он, — это тоже все знают?»

— Я предупредил ее о приезде, — признался он, — но тут многое зависит от ее планов. «И планов ее мужа».

— А у вас какие планы? — поинтересовалась леди Терца.

— Ну, — замялся Северин, — я собирался устроить кукольный театр.

С минуту молчание нарушал только утренний щебет птиц.

— Оригинально, — пробормотал наконец Мартинес.

— Вы так думаете? — просиял Северин. — Позвольте, я вам расскажу.

И все это долгое, долгое утро он рассказывал.

Содержание

Пэт Мерфи. НЕАДЕКВАТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ. Пер. Н. Фроловой. 5
Бенджамин Розенбаум. ЗАВЕДИ ЧАСЫ. Пер. Н. Фроловой 34
Дэвид Моулз. ТРЕТЬЯ СТОРОНА. Пер. Н. Фроловой 51
Кристофер Роуи. ШТАТ ДОБРОВОЛЬЦЕВ. Пер. Н. Фроловой… 83
Нэнси Кресс. ШИВА В ТЕНИ. Пер. Н. Фроловой 118
Паоло Бачигалупи. НАРОД ПЕСКА И ШЛАКОВ
Пер. И. Савельевой 175
Майкл Ф. Флинн. ЛАДОНИ БОГА. Пер. Г. Соловьевой 197
М. Джон Гаррисон. ТУРИЗМ. Пер. К. Васильева 241
Терри Биссон. ЧЕСТНОЕ СКАУТСКОЕ. Пер. Е. Королевой 258
Джеймс Патрик Келли. ОТ МУЖЧИН ОДНИ ПРОБЛЕМЫ
Пер. Е. Королевой 272
Кейдж Бейкер. ВЕЩАЯ ЕГИПТЯНКА. Пер. А. Бродоцкой 316
Вернор Виндж. СИНТЕТИЧЕСКОЕ СЧАСТЬЕ
Пер. Адама Асвадова 386
Мэри Розенблюм. ВНЕШНОСТЬ ОБМАНЧИВА. Пер. М. Мусиной. 407
Вандана Сингх. ДЕЛИ. Пер. М. Мусиной 434
Альберт Э. Коудрей. ПЛЕМЕНА БЕЛОЙ. Пер. Е. Зайцева 453
Уильям Сандерс. СИТКА. Пер. В. Двининой 522
Дэниэл Абрахам. ПЛАЧ ЛЕВИАФАНА. Пер. Е. Зайцева 537
Колин П. Дэйвис. ЗАЩИТНИКИ. Пер. М. Мусиной 559
Стивен Бакстер. «МЭЙФЛАУЭР-2». Пер. О. Ратниковой 564
Кэйтлин Р. Кирнан. СКАЧКА НА БЕЛОМ БЫКЕ
Пер. И. Савельевой 627
Брендан Дюбуа. ПАДАЮЩАЯ ЗВЕЗДА. Пер. И. Савельевой 655
Роберт Рид. ДРАКОНЫ ИЗ ЛЕТНЕГО УЩЕЛЬЯ
Пер. М. Мусиной 671
Джеймс Л. Камбиас. ОКЕАН СЛЕПЦОВ. Пер. Адама Асвадова… 700
Элеанор Арнасон. САД. Пер. И. Савельевой 723
Питер Ф. Гамильтон. МАРШ ИЗБИРАТЕЛЕЙ
Пер. Адама Асвадова 764
Пол Ди Филиппо. СИЗИФ И ПОСТОРОННИЙ. Пер. А. Гузмана. 784
Пол Мелко. ТРИЕДИНСТВО. Пер. К. Васильева 797
Уолтер Йон Уильямс. ИНВЕСТОРЫ. Пер. Г. Соловьевой 806

notes

Примечания

1

Фраза из фильма «Хладнокровный Люк» (1967) с Полом Ньюманом в главной роли.

2

Музей «Эксплораториум» устроен таким образом, что посетители сами могут проделывать всевозможные опыты.

3

Штат Добровольцев — общепринятое прозвище штата Теннесси.

4

Нэшвилл — столица штата Теннесси.

5

Кроу — название одного из известных индейских племен, происходит от английского слова «crow» — ворона.

6

Штат Кентукки славится тем, что там выращивают много конопли и табака.

7

Штат Кентукки считается центром производства кукурузного виски «бурбон».

8

В столице штата Теннесси, Нэшвилле, стоит копия в натуральную величину древнегреческого Парфенона, правда, не из мрамора, а из железобетона.

9

Тюльпанный тополь — символ штата Теннесси.

10

Штат Кентукки называют — «штатом голубой травы» из-за цвета пырея, растущего на богатых известняком почвах.

11

Енот — символ штата Теннесси.

12

Астрономическая единица длины — единица измерения расстояний в астрономии, равная среднему расстоянию Земли от Солнца (1 ае = 149 597 868 км).

13

Хокинг Стивен Уильям (р. 1942) — английский физик и астроном. Установил (1974); что черные дыры могут «испаряться», т. е. терять энергию и вещество (эффект Хокинга).

14

Баньши — персонаж ирландского фольклора, вопленница, предвещающая смерть.

15

Михраб — молитвенная ниша в мечети, обращенная к Мекке.

16

Фикх — исламское право, зд.: закон.

17

Акида — вероучительные аспекты исламской религии.

18

Аль-Ашари, Абуль-Хасан Али (873/874, Басра, — 935 или 934, Багдад) — арабский богослов, в основе его учения утверждение о божественном предопределении и о вечности Корана.

19

Земной рай (по наименованию утопии в романе Дж. Хилтона «Потерянный горизонт»).

20

Шиизм — второе (после суннизма) по числу сторонников направление в исламе.

21

Лазурная (араб.)

22

Дарбука — арабский барабан.

23

Каджуны — потомки французских переселенцев, которые вначале основали колонию Акадия в восточной Канаде, а затем под давлением местного правительства вынуждены были бежать в Луизиану.

24

Хабиб Филипп — американский миллиардер, этнический араб из Ливана, был личным другом Рейгана и его спецпредставителем на Ближнем Востоке.

25

Ак-Коюнлу (тюрк, «белобаранные») — объединение кочевых племен тюрков-огузов, а также название династии, стоявшей во главе этого объединения. В начале XVI в. разгромлен другим тюркским кочевым племенем кызылбашами (тюрк, «красноголовые») под предводительством Исмаила I Сефевида.

26

Ситар — индийский струнный музыкальный инструмент.

27

Али Мехмет (Мухаммед) (1769–1849) — правитель Египта, вел завоевательные войны (в Аравии, Восточном Судане, Морее), а также войны с турецким султаном.

28

Роми (фр.) — название христианина у мусульман.

29

Ну конечно (нем.).

30

О храбрецы! (фр.)

31

Благородный Восьмистадийный Путь — в буддизме название дхаммы (дхармы), или способа жизни, ведущего к освобождению от страданий.

32

Иши — индеец-яхи, последний представитель истребленною племени, обнаружен в 1911 году на бойне города Оровилль, затем жил живым экспонатом при университетском музее в Сан-Франциско. «Иши» означает «человек».

33

Колоратка — особый белый воротничок, указывающий на принадлежность к духовному званию в западных Церквях и церковных общинах.

34

В пробирке *(лат.)*

35

Каллиопа — клавишный музыкальный инструмент со свистками.

36

Сармале — род голубцов.

37

Токитура — обжаренные кусочки мяса и потрохов.

38

Меню (фр).

39

Чернина — польский суп из гусиной крови и куриного бульона.

40

Boudin noir (фр.) и Blutwurst (нем.) — кровяная колбаса.

41

Кронштадт — старое немецкое название города Брашова.

42

Каперсы — маринованные бутоны или соленые недозрелые плоды, используемые как приправа.

43

Флеккен — блюдо венгерской кухни: жареное полосками на решете мясо со специями.

44

Приапизм (по имени древнегреческого бога плодородия Приапа) — длительная болезненная эрекция.

45

Бири — самодельная папироса-самокрутка из очень крепкого дешевого табака.

Что надо? (хинди).

47

Лютиенс (Lutyens) Эдвин (1869–1944) — английский архитектор. Строил главным образом особняки и небольшие виллы в стиле, близком палладианству (особняк «Нэшдом», 1905). Работал в Индии (Дворец вице-короля в Нью-Дели, 1923–1931).

48

Пандит (хинди) — ученый индус, получивший традиционное образование.

49

Видъянатх — в пер. с хинди означает «владыка знаний».

50

Зд.: Ложись! (фр.)

51

Милостивый Господь (фр).

52

Noche triste (ucrt.) — печальная ночь. Ночь с 1 на 2 июля 1520 года, когда Кортес с большими потерями оставил Мехико.

«Ты, ты в моем сердце» (нем.).

54

Джон Ячменное Зерно — олицетворение пива и других солодовых напитков.

55

Гогенцоллерн Вильгельм II (1859–1941) — германский император и прусский король в 1888–1918 гг.

«Ах, мой милый Августин» (нем.).

Океанский флот (нем.).

58

Тлингит — язык, входящий в семью языков индейцев Аляски, Канады, Юга и Запада США (языки на-дене), также известный как колошенский (Аляска и Британская Колумбия).

59

Пиджин — особого рода язык, развившийся для удовлетворения потребности в межэтническом общении, не являющийся родным для людей, его использующих.

60

Не за что (исп.).

61

Олдисс Брайен Уилсон (р. 1925) — английский писатель, автор научно-фан-тастических романов «Нон-Стоп», «Теплица», «Гелликония», «Маласийский гобелен».

62

«Мэйфлауэр» (Mayflower) — галеон, доставивший в Америку в 1620 г. английских переселенцев-пуритан. Отцы-пилигримы, члены английской религиозной секты, отделившейся от официальной англиканской церкви из-за сильных разногласий, решили покинуть страну, чтобы избежать репрессий. Намереваясь создать новое религиозное цивилизованное общество, они отправились в Новый Свет. На борту «Мэйфлауэра», небольшого трехмачтового галеона, пилигримы прибыли к берегам Виргинии. Там был утвержден документ, известный как «Mayflower Contract» («Договор „Мэйфлауэра“»), прообраз Конституции государства — ядра нынешних Соединенных Штатов Америки.

63

Драй Сэлвейджес — группа скалистых островов с маяком недалеко от побережья Массачусетса. У Т. Эллиота есть стихотворение с таким же названием.

Здесь и далее Европа — спутник Юпитера.

65

Ганимед — спутник Юпитера.

66

ЕТ — от англ. Earth Terminal — земная станция спутниковой связи.

67

Большое Яблоко — народное название Нью-Йорка.

68

Сэмюель Кольридж «Сказание о Старом Мореходе». Пер. В. Левика.

69

Там же.

Там же.

71

Речь идет о деле эксперта Минобороны Великобритании доктора Дэвида Келли, который 17 июля 2003 года был найден мертвым, предположительно покончив жизнь самоубийством после того, как заявил в СМИ о подтасовке данных касательно непосредственной угрозы Ирака, производимой правительством для обоснования военных действий.

72

«Зима несогласия» («Winter of Discontent») — так по первой строке драмы У. Шекспира «Ричард III» была названа зима 1978–1979 гг. в Англии. Тогда в результате провала политики «социального контроля», которую проводили лейбористы, ряд профсоюзов объявили забастовки, парализованными оказались различные муниципальные службы.